МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
УФИМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР РАН
ОРДЕНА ЗНАК ПОЧЁТА ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ УФИЦ РАН
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РБ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РОССИИ

Сборник материалов
XIX Международной научной конференции
(г. Уфа, 2–3 июня 2022 г.)

У ф а
ИИЯЛ УФИЦ РАН
2022

УДК 81.28:94:39(063)
ББК 81.2-67:63.3:82.3:63.5
А43

Печатается по решению заседания Ученого совета Ордена Знак Почёта Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Протокол № 5 от 27.06.2022 г.)

Редакционная коллегия:
З. Я. Рахматуллина – д-р филос. наук, профессор – *отв. редактор;*
Л. А. Бускунбаева – канд. филол. наук;
М. Р. Валиева – канд. филол. наук;
Л. К. Ишкильдина – канд. филол. наук;
Г. Р. Каримова – канд. филол. наук;
З. А. Сиразитдинов – канд. филол. наук;
Р. А. Сулейманова – канд. филол. наук;
Г. Н. Ягафарова – д-р филол. наук

Составитель:
Л. А. Бускунбаева – канд. филол. наук

Рецензенты:
С. К. Кулманов – канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник (Институт языкознания им. А. Байтурсынова, г. Алматы);
Г. Р. Абдуллина – д-р филол. наук, профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа)

Актуальные проблемы диалектологии языков народов России:
А43 сборник материалов XIX Международной научной конференции (г. Уфа, 2–3 июня 2022 г.) / отв. ред. З. Я. Рахматуллина. – Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2022. – 400 с.
ISBN 978-5-91608-216-6

В настоящем сборнике публикуются тексты докладов и выступлений участников XIX Международной научной конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России» (2–3 июня 2022 г., г. Уфа). В статьях нашли отражение такие актуальные лингвистические темы, как проблемы диалектологии тюркских, славянских, финно-угорских, кавказских и др. языков, преподавание родных и государственных языков в условиях диалекта (на примере полиэтнических регионов Российской Федерации), общие вопросы языкознания, проблемы компьютерной и корпусной лингвистики, междисциплинарные исследования в области гуманитарных наук и др.

Сборник адресован лингвистам, фольклористам, этнографам, также преподавателям лингвистических дисциплин, аспирантам, студентам-филологам и всем, кто интересуется данной тематикой.

УДК 81.28:94:39(063)
ББК 81.2-67:63.3:82.3:63.5

ISBN 978-5-91608-216-6
https://doi.org/10.31833/216-6.2022.5

© ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2022

УДК *16:316*

Рахматуллина З. Я., Россия, г. Уфа
директор Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН,
д.филос. н., профессор

ЯЗЫК И ЕГО ДИАЛЕКТЫ КАК МЕХАНИЗМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ: ПРОБЛЕМНОЕ БЫТИЕ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Статья посвящена осмыслению проблемы сохранения языков и их диалектов в современном глобализирующемся мире. В силу ряда объективных и субъективных причин многие языки и их диалекты как квинтэссенция этнокультурного сознания их носителей оказались под угрозой исчезновения, ассимиляции, разрушения устоявшихся норм, варваризации, засорения жаргонизмами, обсценной лексикой и др. Особую озабоченность в данном контексте вызывают настоящее и будущее диалектов как колоритных и самобытных вариантов литературных языков, испытывающих на себе негативное воздействие не только активного наступления норм литературного языка в целях укрепления его позиции в сложившихся условиях, но и попыток политизировать данную сферу в целях достижения определенных идеологических целей, негативно влияющих на этноязыковое сознание индивида.

Ключевые слова: *глобализация, этническая самоидентификация, язык, родной язык, диалекты, экология языка.*

Rakhmatullina Z. Ya., Russia, Ufa
Director of the Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS,
Doctor of Philosophy, Professor

LANGUAGE AND ITS DIALECTS AS MECHANISMS OF ETHNIC SELF-IDENTIFICATION: PROBLEMATIC EXISTENCE IN A GLOBALIZING WORLD

The article is devoted to understanding the problem of preserving languages and their dialects in the modern globalizing world. Due to a number of objective and subjective reasons, many languages and their dialects, as the quintessence of the ethno-cultural consciousness of their speakers, were threatened with extinction, assimilation, destruction of established norms, barbarization and littering with jargon, obscene vocabulary, etc. Of particular concern in this context are the present and future of dialects as colorful and distinctive variants of literary languages, which are negatively affected not only by the active offensive of the norms of the literary language in order to strengthen its position in the current conditions, but also by attempts to politicize this area in order to achieve certain ideological goals that negatively affect the ethno-linguistic consciousness of the individual.

Keywords: *globalization, ethnic self-identification, language, native language, dialects, ecology of language.*

В современном глобализирующемся мире многомиллиардное население, представленное различными этнокультурами и религиозными традициями, по разным данным, думает, общается, читает, разговаривает на 7 тысячах языках и и их диалектах. Более того, мозаичная языковая картина мира дополняется многочисленными наречиями и самобытными говорами, создающими уникальную палитру языкового богатства народов планеты.

Тем не менее, несмотря на нынешнее «лингвоизобилие», в ситуации наступающей глобализации и универсализации многих сторон жизни, в том числе и сферы общения, над многими языковыми системами и тем более диалектами нависла реальная угроза исчезновения. По информации специалистов, сегодня сотни родных языков имеют по одному носителю, у многих нет письменности, и их активно вытесняют не только «знаковые языки» современного интернет-пространства и социальных сетей, но и государственные языки, официально принятые в полиэтнических обществах. Лингвисты мира выражают серьезную озабоченность по поводу отчуждения, в силу ряда объективных и субъективных причин, носителей от «языка матери». Нежелание многих родителей приобщать подрастающее поколение к родной культуре и языку и, соответственно, разрыв языковой эстафеты, равнодушие и даже безответственность современного человека по отношению к «ненадежному» настоящему и будущему собственного языка как одного из ключевых механизмов этнической самоидентификации, ослабление государственного внимания к проблеме может привести, как опасаются специалисты, к исчезновению в ближайшие сто лет половины функционирующих сегодня языков и их локальных диалектных форм. Как известно, в контексте нависшей глобальной опасности над языками и всем многообразием их лингвистических модификаций и диалектных вариаций 2019 год был объявлен Организацией Объединенных Наций Международным годом языков коренных народов в целях сбережения языкового многообразия мира, 2022–2032 годы – Международным десятилетием языков коренных народов. Ключевая идея подобных культурно-языковых акций планетарного уровня – важность осознания каждым человеком той истины, что «родной язык, независимо от того, сколько носителей берегут его смыслы и символы, – это ценность, и каждый ответственен за то, чтобы его родной язык жил полнокровной качественной жизнью, развивался и функционировал не только в сфере бытового обихода и разговорной речи, но стал актуальным и востребованным механизмом общения в многомерной жизни, языком не только искусства, но и науки, образования и даже официального общения» [Рахматуллина, 2021, 98].

В то же время в глобализирующемся мире, в свою очередь, постепенно набирает силу уникальный культурный феномен эпохи постмодерна – так называемый «этнический парадокс современности». Открытость культурных миров, расширение интернет-пространства и возможностей социальных сетей для межнационального и межличностного общения, с одной стороны, укрепляют статус

«модных» и востребованных языков (английского, в частности) как универсальных механизмов коммуникаций и др. С другой стороны, наблюдается рост национального самосознания, возвращения к собственным традиционным ценностям, которые активно вытесняют предлагаемые миру в качестве универсальных смыслы западной (фаустовской) и американской культуры, идет активный выбор реальных механизмов этнической самоидентификации, апеллирующих прежде всего к языку как квинтэссенции этнокультуры и национального духа. Более того, многие современные полиэтнические сообщества начинают видеть в целенаправленном и системном приобщении человека к национальным истокам, в равновеликом государственном внимании к этнокультурным и языковым потребностям личности духовную основу мирного сосуществования своих представителей, культивирования диалога (межнационального и межличностного), механизм поступательного развития.

В современной России, по различным данным, функционируют более 250 языков и их диалектов, около 50 родных языков изучаются как предмет в системе отечественного образования, на 30 организовано обучение на разных уровнях. Во взаимосвязанном мире языковые проблемы, безусловно, актуализируются и в многонациональном и многоязычном российском обществе: по информации ЮНЕСКО, более 130 родным языкам народов страны, в том числе и языку башкирского этноса, угрожает опасность. Государство понимает необходимость сохранения и сбережения каждого языка и его локальных вариантов, в частности, в настоящее время утверждена и работает федеральная концепция – Концепция преподавания языков Российской Федерации, предполагающая организацию многочисленных мероприятий (финансовых, информационных, научно-образовательных, культурно-просветительских и др.), направленных на экологию родных языков. При Министерстве просвещения страны функционирует структура по их развитию и поддержке, которая занимается методическим сопровождением процессов по изучению родных языков. Подобные структуры есть в регионах, во многих из них приняты региональные программы, направленные на поддержку родных языков и их диалектов. В частности, в Республике Башкортостан с ее уникальной системой организации национального образования (в школах республики 14 языков наиболее многочисленных этносов изучаются как предмет, а на 6 языках организовано обучение) учреждены гранты Главы Башкортостана, направленные на сохранение и развитие государственных и родных языков Республики Башкортостан, принята и работает Государственная программа по сохранению и развитию государственных языков Республики Башкортостан и родных языков народов Республики Башкортостан (2019–2024), учрежден Фонд по сохранению и развитию языка башкирского этноса как коренного народа республики. Тем не менее, несмотря на системные и целенаправленные государственные и региональные меры по экологии родных языков, в том числе и их многочисленных диалектных вариантов, особенно страдающих в современных условиях, тема их сохранения и качественного развития остается актуальной. Если в данном контексте литературный язык находится в более привилегированном положении, то его диалекты испытывают серьезные трудности в плане самосохранения и востребованности особенно молодыми носителями.

Структура каждого языка как живого организма достаточно подвижна и уязвима: языки, их литературные формы и прежде всего диалекты, как и человек, страдают сегодня от многочисленных «болезней» – и языковых, и социальных (ассимиляции, равнодушия носителей, жаргонизмов, многочисленных заимствований, загрязнения обсценной лексикой, безграмотности и др.). Литературный язык в социокультуре, как правило, поддерживается специальными институтами, считается эталоном (и для письменной, и для устной речи): это язык официальных документов, средств массовой информации, общения, системы образования, периодических изданий и др., который в то же время является общепонятным и единым механизмом коммуникации для носителей всех диалектов данного языка, особенно когда их много и зачастую если один вариант диалекта не всегда понятен носителям других диалектных форм.

Как известно, диалекты – это своеобразные, родственные друг другу варианты одного и того же языка, но если на литературном языке говорит все сообщество, то на диалекте – его определенная часть. Многие языки мира в своей социокультурной биографии в силу ряда объективных исторических фактов «обросли» диалектами, которые могут сосуществовать рядом или даже находиться в разных географических точках земли (например, австралийский диалектный формат английского). Более того, в ходе социогенеза тот или иной диалект даже может стать основой общенационального (литературного) языка. Диалекты имеют разный ареал локализации, свой лексический багаж и отличаются от общепринятого литературного языка и его норм грамматическими, словообразовательными, фонетическими, стилистическими и другими особенностями и правилами.

В современном языкознании нет общепринятых позиций и единых критериев в определении диалекта, нет также четких принципов разграничения языка и диалекта, что свидетельствует о мозаичности научных подходов и смысловых дефиниций. Тем не менее, учитывая сложившуюся исследовательскую ситуацию, языковеды активно используют сегодня понятие «идиом», которое обозначает некий отличный от стандартного (литературного) языка вариант, и ориентируются на следующие позиции: идиом можно характеризовать как диалект, если он не является литературным языком и актуальной формой коммуникации и если его носители считают себя частью сообщества с общепринятым в нем литературным языком. На диалекте, как правило, общаются живущие в одном социокультурном пространстве люди локальных территорий в рамках государственного образования со своей субкультурой, ментальными, возрастными и др. особенностями. Обычно диалекты характеризует «неуниверсальность»: они используются в привычном кругу общения, в неформальной ситуации, семейной обстановке, на бытовом уровне, используются определенной группой, имеют ограниченное ко-

личество общающихся и говорящих на нем. Выделяют два основных вида диалектных форм (социальные и территориальные), которые являются предметом исследования социолингвистики и диалектологии. Социальные диалекты от литературного языка отличает наличие лексики, характерной для отдельных профессиональных групп людей, узкоспециальных терминов, жаргонизмов, лексики, употребляемой отдельными социальными группами, и др. Территориальные диалекты выделяются по территории их локализации и имеют многообразные языковые различия, наличие которых иногда даже не позволяет носителям разных диалектов одного и того же языка понимать друг друга. Данный вид имеет глубокие исторические и социокультурные корни, отражает локальный хозяйственный и культурный образ жизни того или иного сообщества в силу его разобщенности, изоляции либо передвижения на той или иной территории. Конкретный диалект так же, как и другие варианты «материнского языка», с течением времени может модифицироваться, расширять или сужать границы локализации, обогащаться «неологизмами», менять орфоэпию, стилистику и др.

Диалекты – явление в языковом мире, имеющее несомненное социокультурное значение. Изучение диалектов зачастую воссоздает ретроспективную картину становления языка, поскольку все, что веками выкристаллизовывалось в языке и в дальнейшем агрессивно вытеснялось, зачастую целенаправленно, утвержденным литературным языком, концентрировалось в локальной памяти территории и продолжало жить и самосохраняться, оберегая не только языковые смыслы, но и культурные ценности. Более того, диалектизмы несут в себе ценную этнокультурную информацию, скрытые временем архетипы народного сознания, позволяют воссоздать исторические явления и факты в жизни того или иного сообщества или народа.

Безусловно, есть системные причины подрыва позиций диалектов в противоречивом языковом мире: это не только «триумфальное шествие» глобализационных процессов, но и всеобщей грамотности, диктующей индивиду нормы литературного языка в письме и устной речи и активно вытесняющей из сферы коммуникаций диалектные формы. Но диалекты, несмотря на неблагоприятные факторы, на активную урбанизацию жизни и языкового мышления, попытки позиционировать нормы литературного языка как исключительные механизмы его укрепления, качественного развития и сохранения в условиях нависших над многими языковыми системами различных угроз, продолжают жить. Диалекты оберегают для современников прошедшее через века наследие предшествующих поколений – и не только в образном языке искусства, но и в современной жизни, придавая ей особый колорит и удивляя своей красочностью и метафоричностью тех носителей языка, которые привыкли общаться и писать только в рамках канонов литературного языка. Более того, в современном информационном пространстве территориальные диалекты достаточно активно вбирают в себя лексические единицы литературного языка, обогащаются новыми словами и вносят разнообразие в мир «материнского языка».

Как уже отмечалось, ценность диалекта не только в языковом измерении, но и в историческом, и этнокультурном. Благодаря ему индивид сохраняет свою социальную и, безусловно, этническую идентичность – даже если живет в «далекой географической точке» вдали от материнского этноса. Диалект как локальная и уникальная модификация языка позволяет сохранить своему носителю его национальное, историческое, культурное, духовное и языковое родство со своим народом. У диалекта есть свои вековые корни, духовные истоки, исторические факты и историческая память, есть безусловная генетическая близость и созвучность с «материнским языком», уникальной ветвью которого он является. Очевидно то, что даже в условиях длительного близкого сосуществования с другим, возможно, и с родственным по звучанию и лексическому составу, но «чужим» языком, диалект остается и останется легитимным вариантом своего, родного, литературного языка. Тем более, в условиях политизации и идеологизации определенных языковых вопросов, темы исторического бытия того или иного этнического сообщества на конкретной территории, были и остаются четкие критерии, помогающие культурологам, археологам, историкам, лингвистам соотнести тот или иной диалект с конкретным языком: это культурные артефакты, исторические сведения, данные этнографии, исторического языкознания, этнологической географии, историческая память сообщества, этнокультурное самосознание, собственное мнение его носителей. Нет сомнения в том, что кипчакские диалекты узбекского языка – это диалекты этнических узбеков, на вологодском варианте севернорусского диалекта говорят этнические русские, на северо-западном диалекте башкирского литературного языка – этнические башкиры и др. Задача исследователей, подвижников и носителей языка и его многообразных диалектных вариантов сегодня едина: сохранить в этом глобализирующемся мире собственные языковые системы не только как уникальные духовные артефакты, доставшиеся в наследство от предыдущих поколений, но и как символы собственной этноязыковой идентичности, поиски которой в силу объективных и субъективных причин особенно активизировались в современном мире.

Литература

Рахматуллина З.Я. Мир держится на культуре: философское осмысление: монография. Уфа: РИЦ БашГу, 2021. 226 с.

© Рахматуллина З. Я., 2022

УДК *811.512.161*

Садыков Т. С., Кыргызстан, г. Бишкек
Бишкекский государственный университет им. К. Карасаева, д.ф.н., профессор
Сопубекова К., Кыргызстан, г. Бишкек
Бишкекский государственный университет им. К. Карасаева, студент

СЛОЖНЫЕ ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО НЕОПРЕДЕЛЕННОГО ВРЕМЕНИ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Заполняя позицию сказуемого путем вхождения глагольной лексемы в структуру предложения, категория времени связывает действие с моментом речи. Характерно, что в тюркских языках с агглютинативной типологией в рамках категории времени особенно сильно развиты формы прошедшего времени и выражаемые этими формами значения. Статья посвящена описанию сложных форм прошедшего неопределенного времени в турецком языке и выражаемых ими значений.

Ключевые слова: *турецкий язык, части речи, глагол, категория времени, прошедшее неопределенное время, сложные формы, способы выражения, значения.*

Sadykov T., Kyrgyzstan, Bishkek
Bishkek State University named after Karasaeva, Ph.D., Professor
Sopubekova K., Kyrgyzstan, Bishkek
Bishkek State University named after Karasaeva, student

COMPLEX FORMS OF THE PAST INDEFINITE TENSE IN THE TURKISH LANGUAGE

Filling in the predicate position by entering the verbal lexeme into the sentence structure, the time category connects the action with the moment of speech. It is characteristic that for Turkic languages with an agglutinative typology, the forms of the past tense and the meanings expressed by these forms are especially strongly developed within the category of time. The article is devoted to the description of complex forms of the past indefinite tense in the Turkish language and the meanings expressed by them.

Keywords: *Turkish language, parts of speech, verb, tense category, past indefinite tense, complex forms, ways of expression, meanings.*

Түрк тилиндеги белгисиз өткөн чактын татаал формасы негизги этиш туюндурган кыймыл-аракеттин белгисиз өткөн чакта аткарылып, ага сүйлөөчү өзү катышпай, башкалардан укканынын билдирет. Баяндагыч ыңгайдын уламышы (*rivayeti*) өткөн чактын жөнөкөй формасына белгисиз өткөн чактагы *i*-көмөкчү этиш формасынын уланышы аркылуу жасалат. Азыркы түрк тилинин грамматикаларында баяндагыч ыңгайдын уланышы бир нече топко бөлүнөт [Ergin, 2006, 320–321; Banguoglu, 1995, 754–761]: 1) учур чактын уламышы; 2) белгисиз өткөн чактын уламышы; 3) келер чактын уламышы; 4) жалпы чактын уламышы.

1. Учур чактын уламышы. Түрк тилинин грамматикаларында учур чактын уламышын көбүнчө *şimdiki zamanın rivayeti* деп аташса, Тахсин Бангуоглу *şimdiki zamanın söylentişi* деп атайт [Korkmaz, 2007, 385].

Учур чактын уламышы учур чактагы негизги этишке *-mış* мүчөсүнүн уланышы аркылуу уюшулат. Бул татаал форманын схемасы төмөнкүдөй: *этиштик негиз +yor+mış+жак көрсөткүчү.*

Учур чактын уламышымындагы этиштер жак мүчөнүн кыскартылган түрү менен жакталат:

1. okuyormuşum ‘окуп жатыптырмын’, okuyormuşuz ‘окуп жатыптырбыз’; 2. okuyormuşsun ‘окуп жатыптырсың’, okuyormuşsunuz ‘окуп жатыптырсыңар’; 3. okuyormuş ‘окуп жатыптыр’, okuyorlarmış / okuyormuşlar ‘окуп жатышыптыр’.

Учур чактын уламышында терс форма *-ma* мүчөнүн менен уюшулат да, *-ma* мүчөсү биринчи келип, андан соң *-yor* мүчөсү келет:

1. okumuyormuşum ‘окубай жатыптырмын’, okumuyormuşuz ‘окубай жатыптырбыз’; 2. okumuyormuşsun ‘окубай жатыптырсың’, okumuyormuşunuz ‘окубай жатыптырсыңар’; 3. okumuyormuş ‘окубай жатыптыр’, okumuyorlarmış ‘окушпай жатыптыр’

Учур жактын уламышында суроо формасы негизги этишке *-yor* көрсөткүчү уланып, андан кийин суроо *-mı* жана *-mış* мүчөлөрү катар келип уюшулат да, *- mı* менен *-mış* мүчөлөрүнүн ортосуна *-i* жардамчы этиши *y* тыбышына өтүп айтылат: *1. geliyor muyuşum? ‘келе жатыптырмынбы?’, geliyor muyuşuz? ‘келе жатыптырбызбы?; 2. geliyor muyuşsun? ‘келе жатыптырсыңбы?’, geliyor muyuşsunuz? ‘келе атыптыр-сыңарбы?’; 3. geliyor muyuş? ‘келе жытыптырбы?’ geliyorlar muyuş? ‘келе жатышыптырбы?’*

Белгисиз өткөн чактын татаал формасы *-mış* көрсөткүчү аркылуу уюшулганына карабай өткөн чак маанисин туюндурбайт. Мында *-mış* мүчөсү чакты эмес, төмөнкү маанилерди туюнтат:1) кыймыл-аракеттин учур чакта аткарылышынан сүйлөөчүнүн кабары болгонун, кимдир-бирөөдөн укканын билдирет: *Sabahları erken çıkıyormuşsun. ‘Эртең мененкисин эрте чыгып жатыптырсың’*.2) сүйлөөчү өткөн бир мезгилде кыймыл-аракеттин аткарылышынан кабары болбогонун, бирок башкалардан укканын баяндайт: *O sırada yemek yiyorlarmış. ‘Ошол маалда тамак жеп жатышкан экен’*.

2. Белгисиз өткөн чактын уламышы. Түрк тили боюнча жазылган грамматикалык эмгектерде татаал форманын бул түрү ‘*duyulan geçmişin rivayeti, öğrenilen geçmişin riveyeti, belirsiz geçmiş zamanın rivayeti, -mişli geçmiş rivayeti, dolayılı geçmişin söylentisi’* деген аталыштар менен белгилүү. Татаал форма кош кабат *-mış* мүчөсүнөн тургандыктан, кыймыл-аракеттин ишке ашканына баяндоочу шектенгенин билдирет.

Түрк тилинде өткөн чактын бул формасы этишке *-mış* мүчөсүнүн катар келиши аркылуу уюшулат. Мухаррем Эргиндин ою боюнча, *-mış-mış* тизмеги кулакка жагымсыз угулгандыктан жардамчы этишти

негизги этиштен бөлүп колдонуу практикаланат экен: *tutmuş imiş ‘кармаган имиш’*, *yapmış imişiz ‘жасаган имишпиз’* сыяктуу [Ergin, 2006, 324].

Бул татаал форманын жакталышы жак мүчөлөрдүн толук түрү менен ишке ашырылат: *1. yapmışmışım ‘кылган имишмин’, yapmışmışız ‘кылган имишпиз’; 2. yapmışmışsın ‘кылган имишсиң’, yapmışmışsınız ‘кылган имишсиңер’; 3. yapmışmış ‘кылган имиш’, yapmışlarmış ‘кылган имиш’*

Белгисиз өткөн чактын уламышында терс форма этиштин негизине *-ma* мүчөсү жалганып уюшулат: *1. yapmamışmışım ‘кылбаган имишмин’, yapmamışmışız ‘кылбаган имишпиз’; 2. yapmamışmışsın ‘кылбаган имишсиң’, yapmamışmışsınız ‘кылбаган имишсиңер’; 3. yapmamışmış ‘кылбаган имиш’, yapmamışlarmış ‘кылышпаган имиш’*

Белгисиз өткөн чактын уламышында суроо формасы *-mı* мүчөсү аркылуу уюшулуп, *-mı* менен -mış мүчөлөрүнүн ортосуна *y* тыбышы кошулуп айтылат: *1. gelmiş miymişim? ‘келген имишминби?’, gelmiş miymişiz? ‘келген имишпизби?’; 2.gelmiş miymişsin?‘келген имишсиңби?’gelmiş miymişsiniz?‘келген имишсиңерби?’; 3. gelmiş miymiş? ‘келген имишпи?’, gelmişler miymiş? ‘келишкен имишпи?’*

Белгисиз өткөн чактын уламышы сүйлөөчү кыймыл-аракеттин өткөн бир мезгилде аткарылганын билбей, башка бирөөдөн укканын билдирет: *Dün saat onda uğramışmış. ‘Кече саат ондо тийип өткөн имиш’. Ödemeyi vadetmişmişim. ‘Төлөйм деп убада берген имишмин’*.

3. Келер чактын уламышы. Бул татаал форма түрк грамматикаларында *‘gelecek zamanın rivayeti, geleceğin söylentisi’* деген аталыштарда кездешет. Келер чактын уламышы да, окуясы да *‘niyette gelecek’* деп аталып жүрөт. Бул татаал форманы келер чактын *-acak* жана белгисиз өткөн чактын *-mış* мүчөлөрү уюштурат. Этиш сөз үндүү менен бүтсө, ага уланган *-acak* мүчөсүнүналдында ортого *y* тыбышы кошулуп айтылат.

Келер чактын уламышы кыскартылган жак мүчөлөр менен жакталат: *1. geçecekmişim ‘өтөт имиш’, geçecekmişiz ‘өтөт имишпиз’; 2. geçecekmişsin ‘өтөт имишсиң’, geçecekmişsiniz ‘өтөт имишсиңер’; 3. geçecekmiş ‘өтөт имиш’, geçeceklermiş ‘өтүшөт имиш’*

Келер чактын уламышында терс форма *-ma* мүчөсү аркылуу уюшулат да, *-ma* менен -mış мүчөлөрүнүн ортосуна *y* тыбышы кошулуп айтылат::

1. geçmeyecekmişim ‘өтпөйт имишмин’, geçmeyecekmişiz ‘өтпөйт имишпиз’

2. geçmeyecekmişsin‘өтпөйт имишсиң’, geçmeyecekmişsiniz ‘өтпөйт имишсиңер’

3. geçmeyecekmiş ‘өтпөйт имиш’, geçmeyeceklermiş ‘өтүшпөйт имиш’

Келер чактын уламашында суроо формасы *-mı* мүчөсү менен уюшулат да, *-mı* менен *-acak* мүчөлөрүнүн ортосуна *y* тыбышы кошулуп айтылат:

1. geçecek miymişim? ‘өтөт имишминби?’, geçecek miymişiz? ‘өтөт имишпизби?’

2. geçecek miymişsin ?‘өтөт имишсиңби?’, geçecek miymişsiniz?‘өтөт имишсиңерби?’

3. geçecek miymiş ? өтөт имишпи?’, geçecekler miymiş? ‘өтүшөт имишпи?’

Келер чактын уламашы кепке алынган жактын кыймыл-аракетти аткарууга ниеттенип аракет жасаганын, бирок аны сүйлөөчү башка бирөөдөн укканын билдирет: *Mayısta evleneceklermiş. - ‘Май айында үйлөнүшөт имиш’. Arabayı değiştirecekmişsin. - ‘Машинаны алмаштырат имишсиң’.*

4. Жалпы чактын уламышы. Грамматикаларда чактын бул түрү *‘geniş zamanın rivayeti, geniş zamanın söylentisi’* деген аталыштар менен белгилүү.

Түрк тилиндеги жалпы чактын уламышы маани жактан кыргыз тилиндеги *-чу* мүчөлүү этишке *экен* жардамчы этиши тиркешкен байыркы адат өткөн чактын маанисине окшош келет [Азыркы кыргыз адабий тили, 2009, 441]. Себеби экөө тең бир учурда болгон окуянын, кыймыл-аракеттин узак мөөнөткө созулганын сүйлөөчү башка бирөөдөн укканын билдирет.

Түрк тилиндеги жалпы чактын уламышы *-r* жана *-mış* мүчөлөрү аркылуу уюшулат: *1. okurmuşum ‘окучу экенмин’, okurmuşuz ‘окучу экенбиз’; 2. okurmuşsun ‘окучу экенсиң’, okurmuşsunuz ‘окучу экенсиңер’; 3. okurmuş ‘окучу экен’, okurlarmış ‘окушчу экен’*

Жалпы чактын уламышында терс форма *-maz* жана *-mış* мүчөлөрүнүн уланышы аркылуу уюшулат: *1. gelmezmişim ‘келбечү экенмин’, gelmezmişiz ‘келбечү экенбиз’; 2. gelmezmişsin ‘келбечү экенсиң’, gelmezmişsiniz ‘келбечү экенсиңер’; 3. gelmezmiş ‘келбечү экен’, gelmezlermiş ‘келишпечү экен’*

Жалпы чактын уламышында суроо формасы *-mı* мүчөсүнүн жардамы менен уюшулат, бирок бул мүчө чак көрсөткүчүнөн кийин келип, бөлөк жазылат да, ага *-mış* мүчөсү жалганат: *1. gelir miymişim? ‘келчү бекенмин?’, gelir miymişiz? ‘келчү бекенбиз?’; 2. gelir miymişsin? ‘келчү бекенсиң?’, gelir miymişsiniz? ‘келчү бекенсиңер?’; 3. gelir miymiş? ‘келчү бекен?’, gelirler miymiş? ‘келишчү бекен?’*

Жалпы чактын уламышы төмөнкү маанилерде колдонулат:

1) өткөн бир мезгилде кыймыл-аракеттин көп кайталанып, узак убакытка чейин созулганын субъект башка бирөөдөн укканын билдирет: *Siz gençken çok güzel yaparmışsınız. ‘Сиз жаш убагыңызда аябай жакшы тикчу экенсиз’.*

2) кыймыл-аракеттин көп кайталанып көнүмүшкө айланганын субъект башка бирөөдөн укканын билдирет: *O köyde misafir iyi ağırlanırmış. ‘Ал айылда келген мейманды жакшылап коноктошот экен’. Ölür, dönmezlermiş. ‘Өлсө да, кайтышпайт экен’.*

Жыйынтыктап айтканда, биздин изилдөөдөн алынган жыйынтыктар кыргыз жана түрк тилдериндеги этиштин чак формаларынын функционалдык-семантикалык жактан комплекстүү изилдөөгө өбөлгө түзөрү талашсыз.

Адабият

Banguoglu T. Türkçenin Grameri. Ankara, 1995.
Ergin M. Türk Dil Bilgisi. Ankara, 2006.
Korkmaz Z. Türkiye Türkçesi Grameri. Şekil Bilgisi. Ankara, 2007.
Азыркы кыргыз адабий тили. Бишкек, 2009.

© Садыков Т. С., Сопубекова К., 2022

УДК *809.437.5+800.86/87*

Ибрагимов Ю. М., Узбекистан, г. Нукус
Нукусский педагогический государственный институт, д.ф.н., профессор

ИСТОКИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ВАРЬИРОВАНИЯ ЛЕКСИКИ УЗБЕКСКИХ ГОВОРОВ ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ

Прежде чем приступить к рассмотрению конкретных причин лексико-семантических различий, мы вынуждены сделать ряд замечаний общего порядка. Во-первых, для того, чтобы раскрыть исторически обусловленную динамику развития исследуемых изоглосс, необходимо учесть существующие связи между историей их носителей. Во-вторых, для правильной интерпретации современных границ диалектных явлений важно не забывать, какое первоначальное значение имело данное слово, есть ли связь последующих значений или, наоборот, отдалены, наблюдаются ли фонетические изменения, влияют ли последние на изменение значения слова и непроизводных аффиксов? В-третьих, эти границы представляют собой результат всего пройденного пути развития, результат произошедших языковых процессов не только в древнейшие, но и в последующие периоды. В-четвертых, диалектные лексико-семантические различия представляют собой продукт языковых изменений в пространстве и во времени, продукт сложного взаимодействия внеязыковых (в том числе психологических) и внутриязыковых факторов. Следовательно, существующие диалектные различия объясняются комплексом факторов.

Ключевые слова: *интерпретации, диалектные явления, изоглоссы, языковые контакты, взаимодействие, история языка, хорезмийский субстрат.*

Ibragimov Yu.M., Uzbekistan, Nukus
Nukus State Pedagogical Institute, Doctor of Philology, Professor

THE ORIGINS OF THE TERRITORIAL VARIATION OF THE VOCABULARY OF THE UZBEK DIALECTS OF THE SOUTHERN ARAL REGION

Before proceeding to consider the specific causes of lexico-semantic differences, we are forced to make a number of general remarks. First, in order to reveal the historically determined dynamics of the development of the studied isoglosses, it is necessary to take into account the existing links between the history of their carriers. Secondly, for the correct interpretation of the modern boundaries of dialect phenomena, it is important not to forget what the original meaning of the given word was, whether there is a connection between subsequent meanings or, on the contrary, they are distant, whether phonetic changes are observed, whether the latter affect the change in the meaning of the word and non-derivative affixes. Thirdly, that these boundaries are the result of the entire path of development, the result of the linguistic processes that took place not only in the most ancient, but also in subsequent periods [Amanzholov, 1962, 23]. Fourth, dialectal lexico-semantic differences are the product of linguistic changes in space and time, the product of a complex interaction of extralinguistic (including psychological) and intralinguistic factors. Consequently, the existing dialect differences are explained by a complex of factors.

Keywords*: interpretations, dialectal phenomena, isoglosses, language contacts, interaction, language history, Khorezmian substratum.*

В процессе изучения лингвистических особенностей узбекских говоров Южного Приаралья (далее – ЮПА) в качестве объекта исследования нами были выбраны истоки лексической семантики. Лексика – самая «изменчивая» часть языка, которая откликается на окружение, контакты, общественно-экономические условия, развитие общества, считает Н. Х. Максютова. Совершенно справедливы замечания Р. И. Авенесова о том, что «как и все в языке, развитие и состав лексики обусловлены общественно-экономическими условиями развития соответствующего народа, вместе с изменением общественно-экономических условий, организацией производства, уровня техники, культуры меняется и словарь – появляются новые слова или исчезают, или меняют свое значение, приспособляясь к новым общественно-экономическим условиям». Заимствованные слова в любом языке отражают исторические эпохи его развития. Таким образом, среди важнейших причин возникновения диалектных различий следует указать на ослабление связей и относительную изоляцию различных группировок языковой общности, физико-географические барьеры, административное деление территорий, иноязычное окружение и др. Особенно глубокие диалектные различия возникают там, где одновременно имеет место взаимодействие нескольких из названных факторов.

При определении того или иного диалектного явления мы пользовались данными древнетюркских, староузбекских письменных памятников и современных языков по соответствующим словарям. Близость диалектного состава отдельных территориальных говоров с лексикой соседствующих языков и их говоров послужила одним из признаков классификации говоров на группы и подгруппы. Все это способствует определению этимологии слова, установлению языка-источника в случае заимствования.

Методы исследования. Для ареального членения современного языкового массива ЮПА на общем фоне ареальных связей тюркских и нетюркских языков первостепенное значение приобретает реконструкция предшествующего диалектного дробления древнехорезмийского языка. Однако данная проблема, связанная с диахроническим аспектом ареальной лингвистики, имеет известные ограничения в своем разрешении из-за отсутствия необходимого количества письменных источников по отдельным регионам для VIII–XIII вв.

Анализ. При ретроспективном рассмотрении лексики и в связи с изучением диалектных членений мы исходили из следующих положений: 1) древнейшее членение унаследовано позднейшим и совпадает с ним; 2) древнейшее членение перекрыто позднейшим. Но следы прежнего прослеживаются в изолированных ареалах, маргинальных зонах и т.д.; 3) древнейшее членение не сохраняется. При хро-

нологической дифференциации изоглосс необходимо последовательно расчленить пучки изоглосс на архаические и инновационные [Назарова, 1973, 31].

Изучение формирования и развития диалектов и говоров необходимо проводить в тесной связи с изучением истории этнических групп носителей этих диалектов, поскольку без уяснения исторических процессов формирования и интеграции родов и племен, их этноисторических контактов невозможно правильно раскрыть те или иные явления в языке и его диалектах, дать правильное научное освещение процессов развития этих явлений [Дониёров, 1968, 126; Миржанова, 1979, 7].

Процесс формирования этнического состава носителей узбекских говоров ЮПА, как впрочем и узбекского народа в целом, был довольно сложным. В нем участвовали древние узбекские родоплеменные группы, а также этнические группы других тюркских и нетюркских народов. Однако, несмотря на этническую пестроту, у узбеков ЮПА до сих пор более или менее отчетливо сохранилось сознание их былой родо-племенной принадлежности.

Носителями узбекских говоров ЮПА являются узбеки, предки которых составляли следующие крупные узбекские племена: *кунграт, найман, мангит, катаган, кият, тама, таз, кыпчак, канглы, чавдыр* каракалпаков, казахов, башкир, татар, киргизов, ногайцев и туркмен и др. В свою очередь, эти племена состояли из более мелких этнических групп – род, тўп, бөлак, бөләк, аймақ и т.д.

Многие лексические особенности рассматриваемых говоров ЮПА зачастую обусловлены влиянием персидского, арабского, узбекского народных говоров ЮПА, которые свидетельствуют об их близкой связи с каракалпакскими, казахскими и туркменскими языками. Подобная связь обнаруживается не только в наличии иранско-арабских элементов в этих языках, но генетически общих элементов, унаследованных от племенного периода, что указывает на единство этих племен в прошлом.

Для примера возьмем узбекские племена *кунграт, найман, мангит, катаган, кият, тама. таз, кыпчак, канглы, чавдыр* каракалпаков, казахов, бошкир, татар, киргизов, ногайцев и туркмен и др. Среди носителей узбекских говоров ЮПА встречаются представители *каракалпакских, казахских и туркменских* по происхождению племен. Соответственно, к какому бы народу эти племена в настоящее время ни относились, в своем говоре они сохраняют элементы языка племени.

В исследуемых узбекских народных говорах имеются такие лексемы: *айак* ‘нога’, ‘чаша’, *капы ‘*дверь’, *кув ‘*лебедь’, *чорэк* ‘маленькая лепешка’, *атыз ‘*поле’, *адаш* ‘тезки’, *ура* ‘яма для хранения зерна, овощей’; *улаколак* ‘козленок’, *бағдаш: мардаш* ‘сидеть, поджав ноги’, *бычкь//пучкь//пычқы* ‘маленькая пила’.

По старописьменным данным, слова: *айак* ‘нога’, *адаш* ‘тезки’, *чорэк* ‘маленькая лепешка’, *ору* ‘яма’*, оглак* ‘козлёнок’, *вычкь*, *йумурта ‘*яйцо’, *бал* ‘мёд’*, комэч* ‘лепёшка’, *йудрук* ‘кулак’*, кэшур* ‘морковь’, *чанак ‘*чашка’*, чықан* ‘подруга’, *аныз* ‘зерна вроссыпь, оставшиеся на земле после уборки колосовых’.

В образовании современных групп узбекских народных говоров ЮПА определенную роль сыграли языковые контакты носителей узбекских говоров с другими тюркскими и ираноязычными соседями, в основном с соседними каракалпакским, казахским, туркменским и таджикским народами [Абдуллаев, 1966, 121; Абдурахмонов, 1991, 18; Мирзаев, 1961, 162]. Взаимоотношения узбекского и таджикского народов, как известно, имеют древнюю историю. Таджики и узбеки являются древними народами Центральной (Средней) Азии, которые на протяжении многих веков поддерживали между собой тесные отношения экономического, политического и культурного характера. Это одна сторона вопроса. Кроме того, как отмечалось выше, в нижнем течении Амударьи, Хорезмском оазисе, в то время обитали древние хорезмийцы, которые говорили на языке иранской системы. Поэтому, когда речь идет об иранском заимствовании, мы должны учитывать оба момента исторически сложившихся условий расселения узбеков Хорезмского оазиса. С монгольским завоеванием в XIII веке влияние тюрко-монголов в Средней Азии усилилось, в результате исчезли и хорезмийцы как этническая группа. В этом процессе язык хорезмийцев утратил свою независимость и ассимилировался с тюркоязычными языками (преимущественно с языками огузов и кыпчаков). В исследуемых говорах имеются изоглоссы*: балар* ‘балка’, *пэдик-пэтик* ‘балкон’, *тошнав* ‘крытая яма для стока воды’, *бардон: мардон* ‘сосуд для хранения зерна’, *хум: кум* - сосуд из глины для хранения воды*, атыз* ‘посевное поле’, *сархум: саркум* ‘медный ковш’, *соппаш* ‘ночной колпак’, *айа* ‘ладонь’, *йабан: джабан ‘*местность за чертой города’, *чийэ ‘*вишня’, *унашъ ‘*лапша’ и т.д.

Подобные слова отсутствуют или встречаются редко в литературном узбекском языке и его опорных городских говорах. Хотя они имеются, это не дает права говорить о том, что такого рода слова были заимствованы из персидского или же таджикского языков. Например, слово *кэтхуда: кэткуда* в исследуемых говорах употребляется в значении ‘старейшина’. Оно продолжает употребляться в других узбекских говорах: южнохорезм. *кэтхуда* ‘1) старец, уважаемый, достойный человек; 2) зрелый, взрослый; 3) советник’ [Мадрахимов, 1973, 53], чимкент. *кэтхуда* ‘председатель’, а также в соседних тюркских языках, ср. каракалп. *кэткуда* ‘старейшина’ [ККРС, 1958, 133], таджик. *катхуда* ‘женатый, семейный человек’ [ТаджРС, 2008, 175].

Слово *әт* ‘мясо’ в огузской зоне и юго-восточном ареале встречается в значении ‘мясо’. У хорезмийцев тоже употреблялось слово в форме *ә:т* в том же значении. А. А. Фрейман по этому поводу приводит следующий пример: хорезмс. *atti ‘*губа’, согдийск. *yt* ‘тело’, ‘мясо’, ягнобск. *yet, id* то же, действительно можно соотнести с лексической единицей ‘мясо’. Автор отмечает, что звук *(y)* - это артикль. Слово *әт* ‘мясо’ продолжается в различных фонетических вариантах и в других тюркских языках, ср.: каракалп. *ет* ‘мясо’ [ККРС, 1958, 148]; татар. *ит* то же, казах. *ет* то же [КазРС, 2006, 78]. А. К. Боровков об этом пишет следующее: «Интересно, что в южнохорезмском (огузском) наречии

слово *гөш* (тадж. гӯшт) ‘мясо’ сами носители диалекта считают узбекским, т.е. принадлежащим севернохорезмскому узбекскому джекающему наречию, а своим хивинским признают *э:т».* Возникает вопрос: является ли это слово *э:т* ‘мясо’ исконно тюркским в данном случае или рефлексом древнехорезмийского *yatti* (согдийского *jt,* ягнобск. *jat* ’мясо’), что вполне вероятно (туркм. *ет*, якут. *ат*, чуваш. *ут*, т.е. краткими *ө, о, у, э, у*.

Несмотря на то, что хорезмийский язык смешался с тюркскими языками, его элементы в большом количестве могли сохраниться в современном огузском и кыпчакском наречиях узбекского языка. Если те слова современных узбекских народных говоров ЮПА, называемые иногда таджикскими, сравнить с материалами других языков и говоров, то не трудно заметить их иранское происхождение. Например, *бад* ‘ветер’, *эбжош* ‘сушеный виноград’ и т.п.

Заимствованные из иранских языков слова в исследуемых говорах имеют ряд семантических, фонетико-морфологических особенностей, что отличает их от других говоров. Слово *бад/пэт* обозначает ‘размах’, ‘мощь’, в узбекско-русском словаре дается как устаревшее, книжное понятие [УзРС, 1959, 77]. Оно встречается в глухом варианте в современном каракалпакском языке *пат* ‘размах’ [ККРС, 1958,328].

В исследуемых говорах имеются иранские по происхождению слова, подвергшиеся семантическим изменениям, тем не менее они сохраняют смысловую связь со словами языка-источника. В слове *даскар* ‘разновидность воробья’, употребляющемся в исследуемых говорах, наблюдается метатеза, а само слово состоит из двух корней: *даг* ‘пятно’ и *сар* ‘голова’, *дагсар* - воробей, у которого на голове есть пятно. В персидском языке слово *дагсар* означает ‘степной воробей’ [ПРС, 1958, 208]: *дагсар > даскар г>к.* Лексема *худрай* в исследуемых говорах обозначает ‘самовольный’, ‘дикий’, ‘упрямый’. В старо-узбекском языке *худрай* ‘упрямый’, ‘капризный’, ‘самовольный’ [НАЛ, 1983, 665], таджик. *худрай* ‘упрямый’, ‘капризный’ [ТаджРС, 2008, 430].

Слово *хараз* употребляется в значении ‘мельница, приводимая в движение животным’, а ‘ручная мельница’ называется *дигирман/дийирман*. В узбекском литературном языке оба понятия выражаются словом *тегирмон,* ср. староузб. *хараз* [НАЛ, 1983, 650]. Многие элементы иранских языков участвовали в формировании лексического своеобразия каждого из этих языков. Наряду с этим следует отметить, что соседние тюркские языки оказывают значительное влияние на говоры всего узбекскоязычного массива (Хорезмского оазиса и особенно на зону распространения узбекских народных говоров ЮПА), тем самым способствуя дифференциации говоров этого региона от говоров других маргинальных областей, находящихся в контакте с каракалпакским, казахским, туркменским языками.

Существенное различие говоров в выборе средств лексики возникает как следствие изоляции их от праговоров. Примером этого служат все узбекские островные говоры Северо-восточного Таджикистана, Южного Киргизстана, Туркменистана, Каракалпакстана. Поскольку они изолированы от говоров основного узбекского языкового массива, в них происходят существенные самостоятельные языковые изменения. По выражению В.М.Жирмунского, островные говоры являются как бы «экспериментальной лингвистической лабораторией» [Жирмунский, 1976, 617], в которой за сравнительно короткий промежуток времени могут совершаться иногда языковые протяжения целых столетий.

М. А. Бородина отмечает, что «лингвистическая география связана не только с внутренней структурой языка: она приводит исследователя подчас к совершенно неожиданным выводам истории языка, связанной с историей народов страны, торговых путей и отдельных населенных пунктов» [Бородина, 1966, 8]. В связи с этим важно подвергнуть исследованию два обширных аспекта узбекских народных говоров: первый составляют общетюркские и особенно узбекские (позднего образования) диалектные явления, второй обязан своим возникновением влиянию контактирующих с узбекским языком родственных (каракалпакского, казахского, киргизского, туркменского, уйгурского) и неродственных иранских, монгольских языков [Жирмунский, 1976, 617]. При определении того или иного диалектного явления мы пользовались данными древнетюркских, староузбекских письменных памятников и современных языков. Близость диалектного состава отдельных территориальных говоров и диалектного состава соседствующих языков и их говоров послужила одним из признаков классификации говоров на группы и подгруппы.

Например, значение слова *чарва* в различных тюркских языках и их говорах неодинаково: таджикс. *чорва* ‘животные’, ‘домашний скот’ [ТаджРС, 2008, 445], в узбекском языке значение слова *чорва* совпадает с таджикским [УзРС,1989, 537]. В узбекских народных говорах ЮПА слово *чарва* очень часто фиксируется как общее название скота. В кипчакской зоне слово *чарва* и его производное *чарвачылық* ‘скотоводство’ могут употребляться также и в значении ‘крупный рогатый скот’, как общее название ‘стада овец’, ‘коз на степных пастбищах’; пренебрежительное название людей, а также в значении ‘скот’, ‘скотоводство’, ‘хозяйство’, ‘предмет купли-продажи’, ‘дело’, ‘состояние дел’ – в качестве собирательного названия домашних животных (коров, волов, лошадей, овец, коз и др.).

Слово *чорва* имеет параллели в соседних тюркских языках и их говорах, ср. каракалп. *шаруа* ‘скотовод’; *шаруашыл* ‘человек, умеющий держать скот’ [ККРС, 1958, 728]; туркм. *чарва* ‘скотовод’, ‘кочевник’; *чарва* ‘скотовод’, ‘скотоводство’ [ТуркмРС, 1977,738]; киргиз. *чарба* имеет значение ‘хозяйство’, *аул чарбасы* ‘сельское хозяйство’; *мал чарбасы* ‘животноводство’ [КиргРС, 848, 849]. В толковом словаре казахского языка даются четыре значения слова *шаруа,* ни одно из которых не относится к скотоводству: 1) крестьянин; 2) отрасль в народном хозяйстве, дело, состояние дел; 3) зажиточные; 4) человек, умеющий вести хозяйство [КТДС, 1974,476]. Эти значения отошли от первоначального значения (*чарва* четырехногий). Заимствованное из таджикского языка слово *чарва* вошло во все языки народов Средней Азии и Казахстана. Учитывая семантические особенности этого слова и то, что оно не встречается в древнетюркских письменных памятниках, можно предположить, что в тюркские языки оно попало после формирования тюркских народов.

Существование в пределах одного говора лексики, различной по происхождению, способствовало появлению синонимических рядов. Например, для обозначения *стручкового перца* в узбекских говорах Каракалпакии используются лексемы *бурыч, кызыл бурыч*. Естественно, что распространение вышеприведенных слов может быть ограничено территориально: так, в Берунийском районе (Республика Каракалпакстан) имеет место *мурыч,* в Гурленском и Янгибазарском районах Хорезмской области – *кэлəмпир.* Соответствующие лексемы обнаруживаются в других узбекских говорах и продолжаются в соседних тюркских языках, ср. также каракалп. *бурыш*. В узбекском литературном языке *калампир* ‘красный стручковый перец’, тадж. *каламфур*, также персид. *морч* ‘чёрный перец’. На основе собственных языковых средств возникло новое слово *кызылдəри* букв. «красное лекарство». Отмеченные языковые ареалы формируются двумя типами изоглосс: собственно зональными и замкнутыми.

Заключение. Узбекские говоры ЮПА обладают специфическими лексико-семантическими особенностями. Лексико-семантические особенности этих говоров формировались в процессе их длительного развития на базе элементов племенного языка за счет заимствования из таджикско-персидского, иранского языков до формирования тюркских народов и позже – под влияниям каракалпакского, казахского, туркменского, киргизского, уйгурского языков и их говоров, за счет расширения омонимии синонимических рядов. Некоторые лексические особенности рассматриваемых говоров обусловлены законами их внутреннего развития.

Литература

Абдурахмонов Д. Ўзбек шевалари лексикасининг тараққиёт манбалари. Тошкент: Ўзбекистон ССР «Фан» нашриёти, 1991. С.18–22.
Абдуллаев Ф. Хоразм шевалари лексикаси // Ўзбек шевалари лексикаси. Тошкент: Ўзбекистон ССР «Фан» нашриёти, 1966. С. 121–160.
Айдаров Т.А. Ареальная характеристика диалектальной лексики казахских говоров Узбекистана. Автореф. дисс... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1980. 24 с.
Аманжолов М. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата: Ғылым, 1959.
Бородина М.А. Проблемы лингвистической географии. М.Л.: Наука, Институт Языкознания СССР, 1966. 219 с.
Дониёров Х. Ўзбек халқининг шажара ва шевалари. Тошкент: Фан нашриёти, 1968. 126 с.
Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. Избранные труды. Л.: Наука. Ленинград. отд., 1976. 693 с.
История Узбекской ССР. Т.1. кн.1. Ташкент: Изд-во АН УзССР. 1955. 543 с.
Мадрахимов О. Ўзбек тилининг ўғуз лаҳжаси лексикаси. Тошкент: Фан, 1973. 191 б.
Махмуд Кошгарий, Девону луғатит турк (Туркий сўзлар девони). Уч томлик Тошкент: Ўзбекистон ССР Фанлар Академиси нашриёти (Нашрга тайёрловчи Муталибов С.) 1960-1963.
Махмуд Кошгарий, Девону лугатит турк. Индекс Тошкент: Ўзбекистон ССР Фанлар Академиси нашриёти (Нашрга тайёрловчи С.Муталибов), 1978. 635 б.
Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1979.
Мирзаев М. Бухоро ўзбек ва тожик шеваларининг ўзаро муносабати тўғрисида // ЎзДМ. том.11, 1961. Б. 162–177.
Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М.: Наука, 1968. 357 с.
Назарова Т.В. К проблеме реконструкции ареального членения языка // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. М., 1979. С. 30–31.
Общее языкознание: формы существования, функции, история языка (отв.ред.Б.А.Серебренников). М.: Наука, 1970. 453 с.
Омарбеков С. Халықлық тилимиздеги тектес тиллермен ортақ қубылыстар. Алматы: Ғылым, 1978. 155 с.
Шоабдурахманов Ш. Ўзбек адабий тили ва халқ шевалари. Тошкент: ЎзССР Фанлар Академияси нашриёти, 1962. 371 б.

Список сокращений источников

АРС. – Арабско-русский словарь (сост. Баранов Х.К.) М.: Гост изд-во иностр. словарей, 1958. 1186 с.
ДТС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука. Ленинградск. отд., 1969. 676 с.
3.ДЛТ– Махмуд Кошгарий, Девону луғатит турк (Туркий сўзлар девони). Уч томлик Тошкент: Ўзбекистон ССР Фанлар Академиси нашриёти (Нашрга тайёрловчи Муталибов С.) 1960-1963.
ДЛТИ – Махмуд Кошғарий. Девони луғатит турк. Индекс. Тошкент: Фан, 1978. 635 с.
КазРС – Казахско-русский словарь. Бектуров Ш. Бектурова А. Астана: Фолианд, 2006. 316 с.
КазТТС – Қазах тилининг тусиндирме сөздиги. Алматы, 1 том. 1974. 458 с.
ККРС – Каракалпакско-русский словарь / Под ред. Н.А.Баскакова. М.: Гос. Изд-во иностр. Словарей, 1958. 892 с.
КиргРС – Киргизско-русский словарь. Ч.1. / Под ред. А.К.Юдахин. Фрунзе, 1985. 474 с.
МонгРС – Монгольско-русский словарь (Под ред. Лувсэндэндэва). М.: Гос. изд-во иностр. нац. словарей, 1957. 715 с.
НАЛ – Навоий асарлари лексикаси. Тошкент: Ўзбекистон ССР «Фан» нашриёти, 1983. 158 с.
ПРС – Персидско-русский словарь. Миллер В.В. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 668 с.
ТадРС – Таджикско-русский словарь. Калантаров Я. Душанбе: Академ. наук СССР, 2008. 820 с.
ТатРС – Татарско-русский словарь. М.: Казанский институт языка, литературы и истории. АН СССР, 1986. 867 с.
ТуркмРС – Туркменско-русский словарь / Под ред. Пальмбах А.А. М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1968. 832 с.
ЎзДМ – Ўзбек диалектологиясидан материаллар. Тошент: т.1, 1957. 418 с.; т. 11, 1961. 467 с. Ўзбекистон ССР Фанлар Академиясининг нашриёти. Тошкент, 1966. 467 с.
УзРС – Узбекско-русский словарь / Под ред. Боровкова А.К. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. М., 1959. 839 с.
ЎХШЛ – Ўзбек халқ шеваларлуғати. Тошкент: Фан, 1971. 407 с.

© Ибрагимов Ю. М., 2022

УДК *398.22*

Манджиева Б. Б., Россия, г. Элиста
Калмыцкий научный центр РАН, в.н.с., д. филол.н.

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ПОЗДНЕЙ ТРАДИЦИИ ЭПОСА «ДЖАНГАР»

(на материале песен джангарчи Телтя Лиджиева)[1]

В 1960–1980-х гг. учеными КНИИЯЛИ (ныне КалмНЦ РАН) были проведены научные экспедиции по всем районам Калмыкии. Аудиоматериалы этих экспедиций хранятся в Научном архиве Калмыцкого научного центра РАН. В целях сохранения уникального фонда звуковых записей устной традиции калмыцкого народа конца XX в. в КалмНЦ РАН была проведена работа по оцифровке магнитофонных записей и сформирована электронная база архивных аудиозаписей. В настоящее время благодаря этим записям мы имеем возможность исследовать позднюю традицию эпоса «Джангар», бытовавшую во второй половине XX века. Для изучения вопросов бытования, преемственности эпической традиции, сохранности текста во времени нами исследуются аудиозаписи эпоса «Джангар» от известного джангарчи Телтя Лиджиева, осуществленные Н. Ц. Биткеевым летом 1970 года во время фольклорной экспедиции в совхозе «Эрдниевский» Юстинского района Калмыцкой АССР.

Ключевые слова: *эпос «Джангар», джангарчи, запись, текст, песня, традиция, сохранность.*

Mandzhieva B.B., Russia, Elista
Kalmyk Scientific Center of the RAS, Leading Researcher, Doctor of Philology

TO THE QUESTION OF STUDYING THE LATER TRADITION OF THE EPOS "JANGAR" (BY THE MATERIAL OF SONGS DZHANGARCHI TELTY LIDZHIEV)

In the 1960s–1980s. scientists from KNIiyali (now the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences) conducted scientific expeditions to all regions of Kalmykia. The audio materials of these expeditions are stored in the Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. In order to preserve the unique fund of sound recordings of the oral tradition of the Kalmyk people at the end of the 20th century. In KalmSc RAS, work was carried out to digitize tape recordings and an electronic database of archival audio recordings was formed. At present, thanks to these records, we have the opportunity to explore the late tradition of the Dzhangar epic, which existed in the second half of the 20th century. To study the issues of existence, the continuity of the epic tradition, the preservation of the text in time, we study the audio recordings of the epic "Dzhangar" from the famous dzhangarchi Teltya Lidzhiev, carried out by N.Ts. Bitkeev in the summer of 1970 during a folklore expedition to the state farm "Erdnievsky" in the Yustinsky district of the Kalmyk ASSR.

Keywords: *epic "Dzhangar", dzhangarchi, recording, text, song, tradition, preservation.*

Выдающиеся сказители, основатели своеобразных династий *джангарчи*, передавали свое искусство следующему поколению — своим воспитанникам и последователям. Песни «Джангара» были зафиксированы многими собирателями в разное время: два ранних цикла — Малодербетовский и Багацохуровский — зафиксированы в середине XIX в., начиная с XX в. были открыты имена талантливых *джангарчи*: Бадмы Обушинова — 1901 г., Ээлян Овла — в 1908 г., Мукебюна Басангова — 1939 г., Давы Шавалиева — 1939 г.

В годы Великой Отечественной войны и в период насильственной депортации калмыцкого народа в районы Урала, Сибири и Средней Азии в 1943–1957 гг. собирательская и экспедиционная работа калмыковедов была прервана. Возобновилась она только после восстановления автономии Калмыкии и возвращения калмыков на родину. Так, учеными КНИИЯЛИ (ныне КалмНЦ РАН) в 1960–1980-х гг. были проведены научные экспедиции по всем районам Калмыкии. Аудиоматериалы этих экспедиций хранятся в Научном архиве Калмыцкого научного центра РАН. В целях сохранения уникального фонда звуковых записей устной традиции калмыцкого народа конца XX в. в КалмНЦ РАН была проведена работа по оцифровке магнитофонных записей и сформирована электронная база архивных аудиозаписей. В настоящее время благодаря этим записям мы имеем возможность исследовать позднюю традицию эпоса «Джангар», бытовавшую во второй половине XX века.

Для изучения вопросов бытования, преемственности эпической традиции, сохранности текста во времени нами исследуются аудиоматериалы фольклорных экспедиций по Калмыкии 1970-х гг. В частности, аудиозаписи «Джангара» от известного *джангарчи* Телтя Лиджиева, осуществленная Н. Ц. Биткеевым летом 1970 года во время фольклорной экспедиции в совхозе «Эрдниевский» Юстинского района Калмыцкой АССР.

Джангарчи Телтя Лиджиев родился 22 декабря 1906 г. в поселке Енотаевка Юстинского района Калмыцкой АССР в семье бедняка. В раннем детстве оставшийся сиротой Телтя пас скот местного богача. Работал здесь и Окон Бадмаев, знаток песен «Джангара» из репертуара Ээлян Овла. Впервые услышав пение *джангарчи*, Телтя был впечатлен «Джангаром». К сожалению, ему не всегда удавалось слушать исполнение «Джангара», но если такой случай выпадал, он старался запомнить репертуар сказителя. К двенадцати годам благодаря хорошей памяти Телтя Лиджиев усвоил большую часть песен «Джангара» из репертуара Окона Бадмаева [см.: Биткеев, 2001, 98–99], которому в свое

[1] Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).

время мастерством помог овладеть *джангарчи* Окон Шараев — племянник Ээлян Овла. Таким образом, десять песен из эпического репертуара Телтя Лиджиева составляют известные песни «Джангара» великого рапсода Ээлян Овла [Манджиева, 2019, 54].

Кроме эпического репертуара Ээлян Овла, Телтя Лиджиев усвоил от *джангарчи* Бадмин Менкенасуна еще две крупные песни эпоса «Джангар» — «Песнь о поединке льва [-богатыря] Улан Хонгора Прекрасного со Свирепым Шара Гюргю», принадлежавшую к Малодербетовскому циклу (1862 г.), и «Песнь о поединке Джангара со Свирепым Хара Кинесом», относящуюся к Багацохуровскому циклу (1857 г.).

Джангарчи Бадмин Менкенасун родился в 1879 г. в Яндыко-Мочажном улусе (ныне Лаганский район Республики Калмыкия) в семье бедняка. Известно, что в 1939 г. у *джангарчи* Бадмин Менкенасуна калмыцкие писатели Л. О. Инджиев и Б. Б. Дорджиев записали фольклорные материалы, которые, к сожалению, впоследствии были утеряны [Биткеев, 2001, 126]. По воспоминаниям Л. О. Инджиева, «сказитель был человеком одаренным, имел хороший голос, память, ясную дикцию. Его имя было известно далеко за пределами родного хотона» [Биткеев, 2001, 126]. Эпический репертуар Бадмин Менкенасуна состоял из двух песен: «О свирепом Шара Гюргю» и «О Хара Кинясе». По характеру исполнения *джангарчи* относился к консервативной школе, приверженцы которой не допускали вольности в обращении с текстом, не позволяли <...> что-либо добавить к тексту или опустить [Сангаджиева, 1967, 27]. Умер *джангарчи* в 1944 г., сразу после того, как калмыки были депортированы из мест постоянного проживания в Сибирь. «Знание фольклора Бадмин Менкенасуном не угасло с его кончиной. При жизни он был учителем <...> сказителя Телтя Лиджиева» [Биткеев, 2001, 127].

С годами мастерство исполнения Телтя Лиджиева росло, и в 1933 г. он впервые участвовал в конкурсе знатоков эпоса «Джангар». В 1940 г. во время празднования 500-летия калмыцкого эпоса состоялся конкурс *джангарчи*, в котором приняли участие как известные, так и начинающие исполнители: Мукебен Басангов, Менкенасун Бадмаев, Гиля Васькиев, Бадма Мукебенов, Чучя Аршанов, Цаган Дорджиев, Дамба Уртиев, Телтя Лиджиев, Джугулджан Джанахаев, Анджука Козаев, Коку Кекеев, Эренджен Самтонов, Инджир Бадмаев, Сангаджи-Гаря Манджиев, Дава Шавалиев, Кёкя Эрдниев, Араша Каджиев [Манджиева, 2018, 15]. Талант *джангарчи* Телтя Лиджиева был высоко оценен, он по праву занял третье место, уступив лишь двум прославленным рапсодам — Мукебюну Басангову и Дава Шавалиеву.

Цикл песен сказителя Телтя Лиджиева по восприятию и исполнению «Джангара», согласно определению А. М. Астаховой, можно отнести к первой основной категории восприятия и воссоздания сказителями былины — «сказители, перенявшие тексты совершенно или почти точно в таком же виде их передающие» [Астахова, 1966, 82].

П. Д. Ухов, определяя типические формулы в различных сюжетах ряда сказителей, отмечает, что манера эпических певцов не всегда одинакова. «Разница состоит в степени импровизации: у одних сказителей вырабатывается твердый текст былин и даже переходные места повторяются ими более или менее точно; у других — твердого текста былин не вырабатывается и композиционно такие былины более рыхлы и нестройны» [Ухов, 1970, 75].

Как и все известные калмыцкие рапсоды, эпическим языком Телтя Лиджиев овладел в раннем возрасте и «Джангар» перенял уже в сложившемся виде. *Джангарчи* Ээлян Овла и его последователи (Окон Шараев, Окон Бадмаев, Телтя Лиджиев) старались сохранить первозданный текст, потому как эпические певцы считали «Джангар» сакральным памятником, не подлежащим трансформации. Для представителей этой школы одной из главных установок было исполнять эпос так, как усвоили его от предшественников.

Однако заучивание текста наизусть и точное его воспроизведение невозможны в силу того, что существуют некие правила усвоения и исполнения эпической песни. Дословно повторить усвоенный текст нельзя, потому как у каждого исполнителя своя исключительная сила памяти.

Эпические песни Телтя Лиджиева, усвоенные от предшественников школы Ээлян Овла, посвящены воспеванию подвигов славных богатырей Джангара. Так, из десяти эпических песен цикла три песни посвящены описанию подвигов богатыря Алого Хонгора, две песни — Прекраснейшего в мире Мингъяна, одна песня — Санала Грозного, одна песня — героическим действиям трех юных богатырей — Хара Джилгана, Аля Шонхора и Хошун Улана, одна песня — героическому сватовству богатыря Хонгора. В «Песне о Строгом Санале» Телтя Лиджиева так же, как в тексте Ээлян Овла, восстановление сломавшейся пики, а затем и победа над могучим врагом влекут за собой установление мира и гармонии в бумбайской державе [Джангар 1978, т. 1, 393–405; Ф. 16. Оп. 1. Касс. № 107 (98)]. Отличительными особенностями песен Телтя Лиджиева являются стремительное развитие сюжетов, отсутствие «излишней» детализации, что придает песням характер классической стройности.

Текст песни «Шара Гюргю» в исполнении Телтя Лиджиева содержит 827 стихотворных строк. В сравнении с объемом песни о Шара Гюргю [РФВФ СПбГУ 1862] из Малодербетовского цикла в 2675 стихотворных строк, записанной в 1862 г., у Телтя Лиджиева текст сократился втрое. Несмотря на сокращение объема, обусловленного отсутствием таких традиционных типических мест, как *выстойка, получение вести, напоминание конем герою о родной земле, картина разоренной страны, встреча юного богатыря с мальчиком, одаривание мальчика, вызов хана-антагониста на бой, клей-*

мение, возвращение богатырей в Бумбу, пир в честь победы [НА КалмНЦ РАН Ф. 16. Оп. 1. Фонозаписи. Касс. № 99–100], в песне Телтя Лиджиева сохраняется сюжетная последовательность эпических тем и мотивов. В содержательном плане в песне Телтя Лиджиева сохраняются все ключевые эпизоды: опечаленный Джангар покидает бумбайскую страну, по прошествии немалого времени он встречает красавицу-*рагини*; тем временем хан *мангасов* Шара-Гюргю получает весть об оставленной Бумбе и нападает на осиротевшую страну, захватывает в плен Хонгора и угоняет бумбайский народ; родившийся у Джангара сын Шовшур отправляется в страну Шара Гюргю-хана, вступает в битву с войском противника, в поединке с Шара Гюргю-ханом побеждает его и возвращает в страну народ Бумбы [НА КалмНЦ РАН Ф. 16. Оп. 1. Фонозаписи. Кассета № 99–100].

Изучение вопросов бытования песни «Шара Гюргю» во второй половине XX в. показало: как и все известные калмыцкие рапсоды, эпическим языком Телтя Лиджиев овладел в раннем возрасте и «Джангар» перенял уже в сложившемся виде. Песню «Шара Гюргю» *джангарчи* усвоил от сказителя Бадмин Менкенасуна. Текст песни «Шара Гюргю» в исполнении Телтя Лиджиева в плане объема уступает односюжетной песне из Малодербетовского цикла, записанной в 1862 г. Несмотря на сокращение объема, обусловленного отсутствием традиционных типических мест, в песне Телтя Лиджиева сохраняется сюжетная последовательность эпических тем, мотивов и ключевых эпизодов.

Таким образом, исследование эпических песен поздней традиции показало, что, несмотря на трагические события, связанные с депортацией калмыков в районы Урала, Сибири и Средней Азии в 1943–1957 гг., калмыки не утратили свое эпическое наследие, а сохранили «Джангар» для будущих поколений. Вернувшись из ссылки в родные степи, *джангарчи* вновь стали исполнять эпические песни, участвуя в различных конкурсах знатоков калмыцкого фольклора и героического эпоса «Джангар». Запись и сохранение их старшим поколением ученых-фольклористов сегодня дают нам возможность изучения калмыцкого героического эпоса «Джангар» с разных аспектов, в том числе и вопросов бытования, преемственности эпической традиции, сохранности текста во времени, исследования мастерства рапсодов локальных эпических школ и многих других проблем устно-поэтического творчества калмыков.

Источники

Җаңһр. Хальмг баатрлг дуулвр (25 бөлгин текст: 1–2 боть) = Джангар. Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен) / сост. А.Ш. Кичиков; ред. Г.И. Михайлов. – М.: Наука, Глав. ред. восточ. лит., 1978. Т. 1. 441 с.; Т. 2. 417 с. (на калм. яз.).

Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кассета № 99-100. Фонозапись песни «Арслңгин Арг Улан Хоңһр Догшн Шар Гүргүлә бәәр бәрлдсн бөлг» = Песнь о поединке льва[-богатыря] Улан Хонгора Прекрасного со Свирепым Шара Гюргю. Джангарчи Телтя Лиджиева. Запись Н.Ц. Биткеева, место записи: совхоз «Эрдниевский» Юстинского района Калмыцкой АССР. 1970 г. Расшифровка фонозаписи песни Б.Б. Манджиевой.

Рукописный фонд Восточного факультета СПбГУ. Calm. C. 4, inventory No. 1834. Old call number Xyl. Q 544. Golstunsky Collection (1862), No. 3. Джангара (список М[ало]дербетовского улуса). 74 л. Дл. 35,3 см. Шир. 11 см. 1862, 9 августа. Оригинал записи поэмы «Догшн Шар Гүргү…». Рукопись на ойратской письменности «тодо бичиг» («ясное письмо»).

Литература

Астахова А.М. Былины. Итоги и проблемы изучения. М., Л.: Наука, 1966. 290 с.

Биткеев Н.Ц. Джангарчи. Элиста: АПП «Джангар», 2001. 448 с.

Манджиева Б.Б. Хальмг баатрлг дуулвр «Җаңһр»: Шавалин Даван дуһргин шинҗллт болн текстмүд = Калмыцкий героический эпос «Джангар»: исследование и тексты эпического репертуара Давы Шавалиева. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 264 с.

Манджиева Б.Б. Сохранность эпической песни «Джангара» во времени: текст «певца-учителя» и «певца-ученика» // Новый филологический вестник. 2019. № 4 (51). С. 82-97.

Сангаджиева Н.Б. Джангарчи. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1967. 36 с.

Ухов П.Д. Атрибуция русских былин. М., 1970. 152 с.

© Манджиева Б. Б., 2022

УДК *811.512.15:81’34*

Селютина И. Я., Россия, г. Новосибирск
Институт филологии Сибирского отделения РАН, г.н.с.

ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Инструментальные исследования звуковых систем южносибирских тюркских языков позволили построить типологию структурно-таксономической организации вокальных и консонантных фонологических систем. Выявлено общее и уникальное в артикуляционных базах этносов, определены типы этнокультурных, в частности, языковых взаимодействий, приведших к формированию и модернизации систем. Изучение и обобщение данных экспериментальной фонетики как одного из надежных и информативных историко-лингвистических источников особенно важны и продуктивны для языков сибирского региона, находящихся в зоне пересечения ряда культур. Применение новейших аппаратных методик при изучении звуковых систем алтае-саянских языков и диалектов позволит пролить свет на актуальные вопросы генезиса этносов и их языков.

Ключевые слова: *тюркские языки, экспериментальная фонетика, вокализм, консонантизм, языковые контакты.*

Selyutina I. Ya., Russia, Novosibirsk
Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS, chief researcher

LINGUISTIC ASPECTS OF THE HISTORICAL CONTACTS ON THE TERRITORY OF SOUTHERN SIBERIA

An instrumental study of the sound systems of the South Siberian Turkic languages allowed us to work out the typology of structural-taxonomic organization of the vocal and consonantal phonological systems. The common and unique in the articulatory bases of the ethnic groups are revealed, the types of ethno-cultural, in particular, linguistic interactions that led to the formation and modernization of the systems are determined. The study and generalization of the experimental phonetics data as one of the reliable and informative historical and linguistic sources is especially important and productive for the languages of the Siberian region located in the zone of intersection of a number of cultures. The use of the latest hardware techniques in the study of the sound systems of the Altai-Sayan languages and dialects will shed light on topical issues of the genesis of ethnic groups and their languages.

Keywords: *Turkic languages of Southern Siberia, experimental phonetics, vocalism, consonantism, language contacts.*

Междисциплинарные экспериментально-фонетические исследования звуковых систем языков народов Сибири и сопредельных территорий, выполненные по языкам различного генезиса, позволили построить типологическую классификацию фонологических систем, определить общность и уникальность артикуляционных баз этносов, а также выявить характер этнокультурных, в частности, языковых взаимодействий.

Теоретической основой исследований фонетистов Сибири является концепция использования данных экспериментальной фонетики по артикуляционно-акустическим базам (далее – ААБ) как одного из надежных источников для реконструкции истории языков и этнических групп [Наделяев, 1986 а]. Другой базовой теоретической посылкой является гипотеза о существовании в составе древнего алтайского лингвистического союза более молодого (I–XII вв. н.э.) циркумбайкальского языкового союза с выделением в нем байкало-саянского и алтае-саянского подсоюзов [Наделяев, 1986 б].

К истории формирования консонантных систем. Изучение фонетики языков народов Сибири и сопредельных регионов аппаратными методами позволило выявить четыре типа консонантных систем:

1) системы, организованные противопоставлением единиц по степени напряженности, представлены двумя подвидами: а) системы с бинарной оппозицией слабых / сверхслабых согласных (характерны для уральских угро-самодийских языков: энецкого, ненецкого, нганасанского, селькупского, хантыйского); б) системы с тройным противопоставлением сильных / слабых / сверхслабых согласных (функционируют в байкало-саянских языках: тюркских – тувинском, тофском, а также салярском, сарыг-югурском, и в монгольских – халха-монгольском, калмыцком);

2) системы, организованные по квантитативному признаку: выделяются краткие / долгие / долготнонеопределенные консонанты (алтае-саянские тюркские языки: алтайский, кумандинский, чалканский, тубинский, теленгитский, бачатско-телеутский, хакасский);

3) системы, структурируемые по признаку звонкости / глухости (якутский, долганский, калмакский языки);

4) системы, базирующиеся на оппозиции единиц по работе гортани (работа стенок фаринкса и ларинкса выполняет смыслоразличительную функцию в шорском и барабинско-татарском языках) [Селютина, 2009; 2021].

Сопоставление инструментальных данных свидетельствует о типологической общности структурной организации консонантных систем в алтае-саянских тюркских и в угро-самодийских языках: для ААБ этих языков неприемлема сильная напряженность речевого аппарата. Система согласных, организованная оппозицией по краткости / долготе / долготно-неопределенности, впервые выявленная на материале алтайского языка, была позднее зафиксирована в бачатско-телеутском, кумандинском, чалканском, тубинском, теленгитском, сагайско-хакасском языках. Эту систему можно интер-

претировать как результат ассимиляции тюрками предшествующего нетюркского – угро-самодийского населения. Оппозиция согласных по слабости / сверхслабости с противопоставлением слабых по краткости / долготе есть результат наложения на угро-самодийскую субстратную систему с двойным противопоставлением согласных по напряженности тюркской суперстратной системы с тройной оппозицией сильных / слабых / сверхслабых консонантов.

В языках байкало-саянского региона – тувинском и тофском – консонантизм имеет огузскую систему единиц с тройной противопоставленностью по степени напряженности [Наделяев, 1969].

Эта же система свойственна и халха-монгольскому языку [Наделяев, 1957]. Поскольку В.М. Наделяев реконструировал систему такого типа для уйгуро-огузской группы древних тюркских языков, это послужило для него основанием для выдвижения гипотезы, подтверждаемой археологическими данными [Кызласов, 2011, 205–209] о том, что монголы центральных аймаков – тюрки по происхождению. Артикуляционно-акустическая база современных халха-монголов – преобразованная (не ранее XI в.) ААБ древних тюрок с тройным противопоставлением согласных звуков по степени мускульного напряжения речевого аппарата [Наделяев, 1986 а].

Своеобразие же тувинской консонантной системы указывает на нетюркский субстрат: предки современных тувинцев восприняли древний тюркский язык уйгурского типа через призму своей ААБ, для которой не были свойственны сильные согласные, скорее, у них были краткие и долгие консонанты [Наделяев, 1986 в]. Изучение диалектов и говоров тувинского языка на данном синхронном срезе позволяет зафиксировать различные этапы нивелировки противопоставления согласных по напряженности – в некоторых говорах, в большей мере развивающихся под давлением собственных внутренних законов, в отличие от более консервативного нормированного литературного языка количество сильных фонем сократилось, произошла частичная дефонологизация признака сильный / слабый [Кечил-оол, 2006].

Выявленная Н.С. Уртегешевым в шорском языке система согласных, основанная на оппозиции по положению гортани, может быть квалифицирована как наследие кетского субстрата [Уртегешев, 2002] либо как отражение палеосибирского состояния. В барабинско-татарском языке данное противопоставление реализуется в виде фонологической оппозиции по нефарингализованности / фарингализованности [Рыжикова, 2005].

К истории формирования вокальных систем. Объективные аппаратные данные по вокализму языков народов Сибири и смежных территорий также указывают на типологическую общность систем в тюркских и угро-самодийских языках при сохранении определенной специфики [Селютина, Добринина, 2019]. Общим для их ААБ является слабая мускульная напряженность артикулирующих органов при продуцировании вокальных настроек. Сходны инвентари фонем, корреляция в хантыйском четырех центральнозадних “твердых” гласных четырем передним и центральным “мягким” фактически соответствует выделению в тюркских языках четырех твердорядных и четырех мягкорядных гласных [Куркина, 2000].

Тем не менее при всех сходствах хантыйский вокализм субстанционально значительно более четкий, симметричный; тюркские же системы при их функциональной рациональности материально асимметричны – возможно, это является результатом наложения тюркской суперстратной системы со свойственной ей гармонией гласных на угро-самодийскую субстратную: усвоив навязанные функциональные особенности тюркской фонетической системы, этнос сохранил субстратные субстанциональные свойства вокалических единиц. Попытка языка-основы приспособить вокализм к чуждой для него сингармонической системе детерминировала тенденцию к нивелировке релевантных признаков фонем, к так называемому “нарушению” палатальной (прежде всего мягкорядной) гармонии гласных, к появлению третьего сингармонического ряда – нейтрального, к многочисленным “нарушениям” лабиальной гармонии гласных.

Трансформация тувинской консонантной системы, обусловленная влиянием субстрата, привела и к перестройке вокализма – к появлению фарингализованных гласных фонем, а поскольку среди сибирских тюркских языков тувинский – один из языков с наиболее выраженным сингармонизмом, то здесь сформировалась гармония гласных по фарингализации, распространившаяся и на русские заимствования, то есть, фарингализация – это живое, продуктивное, а отнюдь не реликтовое явление в тувинском языке [Дамбыра, 2005]. Более того, фарингализация охватила не только вокальную, но и консонантную ось словоформы, доведя тем самым формирование тувинского сингармонизма по признаку глоттализованности / неглоттализованности до логического завершения. Глоточный сингармонизм – один из детерминантов фонетического облика словоформы – как его вокальной, так и консонантной осей, при ведущей роли вокализма 1-го слога основы. Основная функция тувинского сингармонизма – цельнооформленность слова [Селютина, 2015].

Заключение. Таким образом, если принять гипотезу о существовании в 1-й половине прошлого тысячелетия на территории Сибири циркумбайкальского языкового союза, то структурные и функциональные характеристики гласных и согласных фонем позволяют соотнести современные тюркские языки и диалекты Южной Сибири с разными ветвями союза – алтае-саянской и байкало-саянской.

Языки, входящие в алтае-саянскую ветвь, имеют консонантные системы, структурируемые оппозицией по длительности, трактуемой как наследие угро-самодийского субстрата, а также вокаль-

ные системы, не имеющие фарингализованных гласных фонем. Сюда относятся диалекты алтайского языка, сагайский и качинский диалекты хакасского языка.

Для тюркских языков, входящих в состав байкало-саянской ветви союза (тувинский, тофский), характерны оппозиция гласных по фарингализованности / нефарингализованности и консонантные системы, организованные тройной оппозицией по степени артикуляторной напряженности. Сюда же можно отнести по консонантизму шорский и барабинско-татарский языки.

Дальнейшее использование новейших аппаратных методик при изучении звуковых систем языков народов Сибири позволит пролить свет на актуальные вопросы генезиса этносов и их языков.

Литература

Дамбыра И.Д. Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. Новосибирск: Сова, 2005. 223 с.

Кечил-оол С.В. Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка. Новосибирск, 2006. 362 с.

Куркина Г.Г. Вокализм хантыйского языка (экспериментальное исследование). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 292 с.

Кызласов И.Л. Алтаистика и археология. М.: Ин-т тюркологии, 2011. 256 с.

Наделяев В.М. Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка // Вестник ЛГУ. 1957. № 8. С. 123–131.

Наделяев В.М. Особенности звуковой системы языка тофов // Матер. конфер. “Этногенез народов Северной Азии”. Новосибирск, 1969. С. 235–236.

Наделяев В.М. К типологии артикуляционно-акустических баз // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1986 а. С. 3–15.

Наделяев В.М. Циркумбайкальский языковой союз // Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. Новосибирск, 1986 б. С. 3–4.

Наделяев В.М. У истоков тувинского языка // Исследования по тувинской филологии. Кызыл, 1986 в. С. 53–63.

Рыжикова Т.Р. Консонантизм языка барабинских татар: сопоставительно-типологический аспект. Новосибирск, 2005. 269 с.

Селютина И.Я. Консонантные системы в языках народов Сибири: к проблеме типологии. Новосибирск, 2009. 326 с.

Селютина И.Я. Тайны тувинской фонетики в свете новейших инструментальных данных // Гуманитарные науки в XXI веке: человек, общество, глобальный мир. Кызыл, 2015. С. 194–203.

Селютина И.Я. Преобразования фонологических систем в южносибирских тюркских языках как результат языковых взаимодействий // Иностранные языки в Азербайджане. 2021. 1 (48). С. 17–26.

Селютина И.Я., Добринина А.А. Вокальные системы саяно-алтайских тюркских языков: общность и специфика // Матер. VI Межд. конф. "Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий". Абакан, 2019. С. 166–168.

Уртегешев Н.С. Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск, 2002. 304 с.

© Селютина И. Я., 2022

УДК *811.511.112'28(470.22):004.93'14*

Новак И. П., Россия, г. Петрозаводск
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, н.с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ ДИАЛЕКТОМЕТРИИ В ПРОЦЕССЕ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ КАРЕЛЬСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

В последнее десятилетие в финно-угроведении популярность набирают методы диалектометрии. Результаты первого этапа применения методики кластеризации к материалам «Диалектологического атласа карельского языка» (1997) проявили основные проблемы карельской диалектологии. К ним относятся: несостоятельность традиционной классификации, нечеткое определение статуса и границ отдельных групп говоров и пр. В целях решения этих проблем была разработана диалектная база, содержащая большой объем закодированных языковых данных (более 200 тыс. ед.). Обработка этих материалов с помощью методов кластерного анализа позволяет получить довольно четкую картину распространения границ диалектных явлений карельского языка.

Ключевые слова: *диалектология, лингвистическая география, диалектометрия, кластерный анализ, метод кластеризации, карельский язык.*

Novak I. P., Russia, Petrozavodsk
Institute of Language, Literature and History
of the Karelian Scientific Center of the RAS, Researcher

USE OF DIALECTOMETRY METHODS IN THE PROCESS OF SOLVING THE PROBLEMS OF KARELIAN DIALECTOLOGY

In the last decade, statistical methods of dialectology are increasingly used in Finno-Ugric studies. The results of the first stage of applying the clustering technique to the materials of the Dialectological Atlas of the Karelian Language (1997) revealed the main problems of Karelian dialectology. These include: failure of the traditional classification, unclear definition of the status and boundaries of certain groups of dialects, etc. To solve these problems, a dialect database was developed. It contains a large amount of encoded linguistic data on 130 subdialects of Karelia (more than 200 thousand units). Materials are analyzed by cluster analysis methods. Their application makes it possible to obtain clear boundaries of the dialectal phenomena of the Karelian language.

Keywords: *dialectology, linguistic geography, dialectometry, cluster analysis, clustering method, Karelian language*

Самым современным средством систематизации и хранения языковых материалов являются всевозможные электронные хранилища, такие как языковые корпусы и диалектные базы данных. Высокие технологии предоставляют языковедам различные возможности анализа таких материалов, результаты которого позволяют под новым углом взглянуть на проблемы исторического развития языка и становления его диалектной системы. В последнее десятилетие в финно-угроведении набирает популярность использование методов диалектометрии [Honkola, Santaharju, Syrjänen, Pajusalu, 2019; Архангельский, 2021], с помощью которых удается в сжатые сроки обрабатывать объемные массивы данных и решать конкретные задачи лингвистической географии.

Методика использования кластерного анализа на базе карельского диалектного материала была апробирована в 2018–2021 гг. [Novak, Penttonen, 2021; Новак, 2021]. Результаты этого этапа работы позволили сделать вывод о несостоятельности разработанной в конце XX в. на основе административного принципа (волостное деление начала XX в.) традиционной классификации карельского языка, а также выявить основные проблемы карельской диалектологии. К ним следует отнести:

1) проблему определения статуса отдельных групп говоров карельского языка. В первую очередь, речь идет о людиковских говорах, относительно которых в России и Финляндии существует две отличные традиции: людиковские диалекты относятся к карельскому языку [Зайков, 2000] или представляют самостоятельный прибалтийско-финский язык [Virtaranta, 1972; Pahomov, 2017]. В последние годы отдельными языковедами под сомнение было также поставлено устойчивое в феннистике представление о принадлежности к одному языку собственно карельских и ливвиковских диалектов. Полемичными остаются вопросы о статусе говоров Приграничной Карелии, а также группы переходных говоров собственно карельского наречия;

2) проблему терминологии: количество диалектов в вариантах диалектных классификаций распространенного на относительно небольшой территории карельского языка варьируется от 35 до 45, при этом часто между отдельными из них не удается выявить какие-либо существенные отличия. На традиционной диалектной карте карельского языка, таким образом, представлены наречия и говоры (группы говоров), но не диалекты;

3) проблему выбора основного принципа диалектного членения: далеко не всегда границы диалектных явлений совпадают с границами диалектов (с волостными границами) из традиционной классификации, поэтому административный принцип не может быть использован в качестве доминирующего: на первом месте, очевидно, должны стоять языковые критерии.

В целях переработки диалектной классификации карельского языка и решения перечисленных проблем путем привлечения современных диалектометрических методик в 2020–2021 гг. была разработана диалектная база карельского языка «Murreh» [Murreh]. В нее переносятся расшифрованные и закодированные данные рукописных «Программ по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка», заполненных в период с 1937 по 1973 гг. в населенных пунктах Карелии и

Тверской области (около 300 программ). В каждой программе содержится около 1800 вопросов, ответы на которые отражают фонетическую, морфологическую и лексическую системы карельских говоров. На данный момент завершена работа со 130 программами (более 200 тыс. диалектных ед.). Применять к этим материалам статистические методы анализа позволяет комплекс программ (модуль кластеризации), разработанных ведущим инженером-исследователем лаборатории информационных компьютерных технологий ИПМИ КарНЦ РАН Н.Б. Крижановской. Для демонстрации работы модуля предлагается провести кластеризацию диалектных данных раздела «Гласные конца слова».

Конечная огласовка имен с основой на *a*, *ä* относится к одному из важнейших фонетических маркеров карельской диалектной речи, напр.:

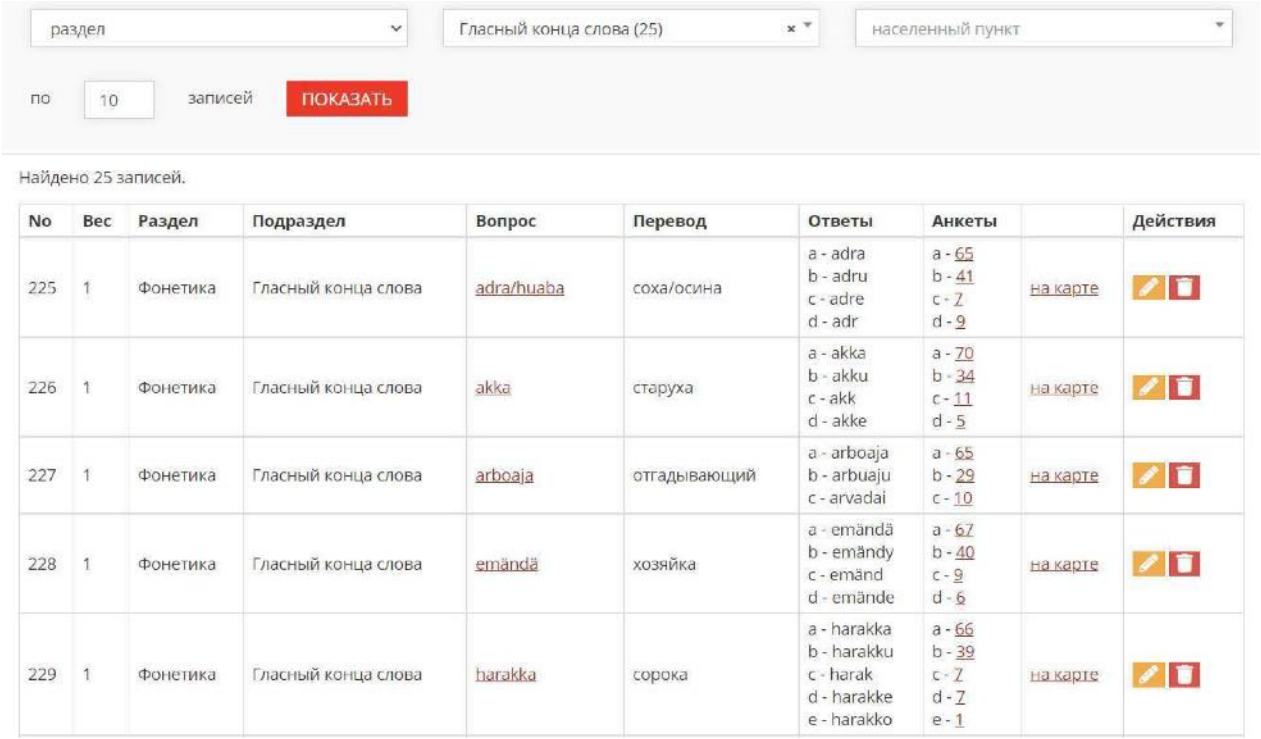
– собственно карельское наречие: *adra* ‘соха’, *päivä* ‘день’, *ikkuna* ‘окно’;

– ливвиковское наречие: *adru*, *päivy*, *ikkun*;

– людиковское наречие: *adr* / *adre*, *päiv* / *päive*, *ikkun* [Бубрих, Беляков, Пунжина, 1997, 27–30; Zaikov, 2017, 15–16].

Приведенные примеры демонстрируют, что для ливвиковских и людиковских диалектов (за исключением двусложных имен с кратким первым слогом) характерно изменение конечных гласных **a*, *ä* соответственно в *u*, *y* или нуль звука / *e* в двусложных именах и их выпадение в многосложных (в ливвиковских говорах в позиции после согласных *d*, *j*, *l*, *m*, *r*, *v* встречаются также гласные *u*, *y*). Представленное изменение затрагивает и конечные гласные *a*, *ä* словоизменительных показателей.

В разделе базы данных, демонстрирующем анализируемое явление, представлено 25 вопросов с ответами (рис. 1.).


раздел

Гласный конца слова (25)

населенный пункт

по 10 записей ПОКАЗАТЬ

Найдено 25 записей.

No	Вес	Раздел	Подраздел	Вопрос	Перевод	Ответы	Анкеты		Действия
225	1	Фонетика	Гласный конца слова	adra/huaba	соха/осина	a - adra b - adru c - adre d - adr	a - 65 b - 41 c - 7 d - 9	на карте	
226	1	Фонетика	Гласный конца слова	akka	старуха	a - akka b - akku c - akk d - akke	a - 70 b - 34 c - 11 d - 5	на карте	
227	1	Фонетика	Гласный конца слова	arboaja	отгадывающий	a - arboaja b - arbuaju c - arvadai	a - 65 b - 29 c - 10	на карте	
228	1	Фонетика	Гласный конца слова	emändä	хозяйка	a - emändä b - emändy c - emänd d - emände	a - 67 b - 40 c - 9 d - 6	на карте	
229	1	Фонетика	Гласный конца слова	harakka	сорока	a - harakka b - harakku c - harak d - harakke e - harakko	a - 66 b - 39 c - 7 d - 7 e - 1	на карте	

Рис. 1. Пример вопросов из БД «Murreh».

Для распределения на основе этих ответов говоров (населенных пунктов, в которых были получены диалектные данные) на группы программа создает таблицы отличий между ними, находит «ближайших соседей» (говоры, обнаруживающие минимальное число отличий) и объединяет их в кластеры. Методы кластеризации, представленные в модуле, отличаются способом определения «расстояния» между кластерами и стратегией выбора кластеров для объединения. Шаг за шагом кластеры объединяются в более крупные. Результаты кластеризации визуализируются в виде дендограммы и карт.

Кластеризация методом полной связи ответов, демонстрирующих поведение конечных гласных имен с основами на *a*, *ä*, позволила наметить основные границы анализируемого явления (рис. 2), а обзор предшествующих шагов кластеризации – определить переходные по тем или иным параметрам говоры. На итоговой карте четко прослеживается четыре зоны:

– собственно карельская (красный кластер), для которой характерно сохранение гласных *a*, *ä* в рассматриваемой позиции;

– ливвиковская (оранжевый кластер), где на месте *a*, *ä* выступают *u*, *y*, а в многосложных словах также нуль звука;

– и две людиковские зоны: центральная (зеленый кластер) с использованием гласного *e* на конце анализируемых форм и периферийная (синий кластер), обнаруживающая выпадение конечного гласного.

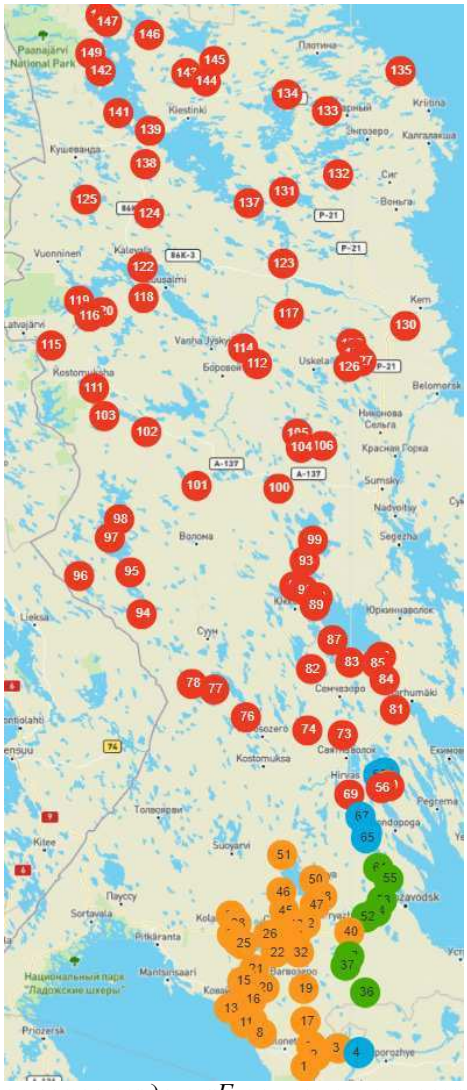


Рис. 2. Кластеризация ответов раздела «Гласные конца слова» методом полной связи

Таким образом, модуль кластеризации базы данных «Murreh» позволяет проследить основные границы распространения того или иного диалектного явления карельского языка. Получаемые интерактивные кластерные карты, в первую очередь, помогают решать конкретные лингвистические задачи, но предоставляемые ими данные, очевидно, могут быть использованы и в ходе исследования истории и этнографии народа.

Литература

Архангельский Т.А. Применение диалектометрического метода к классификации удмуртских диалектов // Урало-алтайские исследования. 2021. № 2. С. 7–20.

Бубрих Д.В., Беляков А.А., Пунжина А.В. Диалектологический атлас карельского языка / Под ред. Л. Сарвас. Helsinki: SUS, 1997. 10 с.

Зайков П.М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск: ПетрГУ, 2000. 294 с.

Новак И.П. Базовая лексика карельского и вепсского языков в лингвогеографическом аспекте // Вестник угроведения. 2021. № 1. С. 90–101.

Honkola T., Santaharju J., Syrjänen K., Pajusalu K. Clustering Lexical Variation of Finnic Languages Based on Atlas Linguarum Fennicarum // Linguistica uralica. 2019. № 3. Pp. 161–184.

Novak I., Penttonen M. Analysis of Karelian Dialect Division Based on Algorithmic Clustering // Linguistica uralica. 2021. № 2. Pp. 81–101.

Murreh – Диалектная база карельского языка «Murreh». URL: http://murreh.krc.karelia.ru/sosd/ concept_category (дата обращения: 27.04.2022).

Pahomov M. Lyydiläiskysymys: Kansa vai heimo, kieli vai murre? Helsinki: Helsingin yliopisto, 2017. 312 p.

Virtaranta P. Die Dialekte des Karelischen // Soviet Finno-Ugric Studies. 1972. № 8. Pp. 1–15.

Zaikov P.M. Karjalan kielen murteet. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. 36 p.

© Новак И. П., 2022

УДК *811.512.141*

Абдрафикова Г. Х., Россия, г. Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, в.н.с.

К СТАТЬЕ ГАББАСА ДАВЛЕТШИНА О БАШКИРСКИХ ГОВОРАХ

Габбас Давлетшин (1892–1937) – один из известных личностей, своей всесторонней деятельностью оставивший неизгладимый след в истории башкирского народа, ученый-филолог. Особенно большой вклад он внес в изучение орфографии и диалектологии башкирского языка, лично участвовал в лингвистико-фольклорных экспедициях. Его статья «Говоры башкирского языка» увидела свет в научном сборнике «Башкорт аймагы» на арабской графике и была доступна лишь ограниченному кругу читателей. Приводим статью Г. Давлетшина, транслитерированную с арабской графики на кириллицу с сохранением текста оригинала. Она станет важным источником, содержащим богатый материал для специалистов, изучающих диалекты и говоры башкирского языка.

Ключевые слова: *Габбас Давлетшин, башкирские говоры, куваканский диалект, юрматинский диалект, Башкирская комплексная экспедиция.*

Abdrafikova G. Kh., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS,
Leading Researcher

TO THE ARTICLE BY GABBAS DAVLETSHIN ABOUT BASHKIR DIALECTS

Gabbas Davletshin (1892–1937) is one of the famous personalities who left an indelible mark in the history of the Bashkir people with his comprehensive activities, a scholar of philology. He made a particularly great contribution to the study of the spelling and dialectology of the Bashkir language, personally participated in linguistic and folklore expeditions. His article "The dialects of the Bashkir language" was published in the scientific collection "Bashkort Aimagi" on Arabic graphics and was available only to a limited circle of readers. Here is an article by G. Davletshin, transliterated from Arabic graphics into Cyrillic while preserving the original text. It will become an important source containing rich material for specialists studying dialects and dialects of the Bashkir language.

Keywords*: Gabbas Davletshin, Bashkir subdialects, Kuvakan dialect, Jurmatian dialect, Bashkir complex expedition.*

Габбас Ягафарович Давлетшин (1892–1937) – башкирский ученый, языковед, деятельность которого приходится на 20–30-е гг. XX века. Родился 24 сентября 1892 г. в деревне Таш-Кустьяново Пугачевского уезда Самарской губернии (ныне – Большеглушицкий район Самарской области), в 1910 г. окончил медресе в родной деревне, с 1913 г. служил в армии, участник Первой мировой войны. В 1917–1918 гг. – председатель Таш-Кустьяновского сельсовета.

Вся дальнейшая жизнь Г. Я. Давлетшина связана с народным образованием. В 1919 г. он окончил 3-месячные педагогические курсы в г. Бугуруслан. В разные годы работал учителем, затем заведующим школ II ступени в деревнях Тугалбуга Самарской губернии, Ахмерово Ток-Чуранского кантона БАССР, учителем школы I ступени деревни Ново-Юлдашево Стерлитамакского (бывш. Ток-Чуранского) кантона. С 1920 г. стал школьным инструктором, а в 1921–1922 гг. – заведующим отделом народного образования Ток-Чуранского кантона. В 1924–1929 гг. преподавал в школе им. В. И. Ленина г. Уфы, Уфимском рабфаке им. Б. Я. Нуриманова и Уфимском педтехникуме. В 1929–1931 гг. являлся членом Башкирского центрального исполнительного комитета, также был слушателем Тюркологического семинара Ленинградского восточного института им. А. С. Енукидзе. С 1931 г. преподавал в Башкирском государственном педагогическом институте им. К. А. Тимирязева, с 1934 г. заведовал кафедрой башкирского языка.

В 1937 г. репрессирован, расстрелян. В 1956 г. реабилитирован [Ергин, Зайнуллин, 2006, 408; Давлетшин, 2022; Маннапов, 2018, 255–256].

Г. Я. Давлетшина по праву можно считать одним из основоположников современного башкирского языкознания. Его научные исследования посвящены вопросам орфографии и диалектологии башкирского языка, изучению его говоров и наречий. Он был составителем «Орфографического словаря башкирского языка» («Башҡорт теленең имлә һүҙлеге», 1930), автором первого учебника по башкирскому языку для студентов вузов («Башҡорт дәүләт пединститутының ситтән тороп уҡыусылары өсөн башҡорт теленән дәреслек», 1935), соавтором первого башкирского букваря на латинице («Йәш быуын. Бөтөн һүҙҙәр менән яҙылған башҡортса әлепбей», 1929). Будучи разносторонним филологом, Г. Я. Давлетшин участвовал в составлении хрестоматий по башкирской литературе, собирал и издавал материалы по башкирскому фольклору. Так, в одной из своих статей он описывает такие свадебные обряды и обычаи Пугачевских башкир, как сватовство, взимание калыма, умыкание или проводы невесты и др. [Дәүләтшин, 1927, 58–69; Абдрафикова, 2011, 284–301]. Статья не теряет актуальности и на сегодняшний день.

Как ученый-лингвист, Г. Я. Давлетшин принял участие и в работах Башкирской комплексной экспедиции. В 1928–1932 гг., как известно, с целью изучения хозяйственной и культурной жизни края, перспектив роста его производительных сил работает Башкирская комплексная экспедиция Академии наук СССР [Каримов, 2005, 348]. Экспедиция состояла из 17 специализированных отрядов, в работе которой приняли участие свыше 100 ученых. Одним из больших среди них был антропологический отряд, который осуществлял свою деятельность до лета 1930 года (рук. С. Руденко). Этот отряд, в свою очередь, делился на несколько подотрядов, в составе которых были

лингвисты, фольклористы, этнографы, археологи, медики и антропологи [Абдрафикова, Булгаков, 2021, 18–26, 27–32].

Г. Я. Давлетшин работал в составе лингвистико-фольклорного подотряда, которым руководил известный ученый Н.К. Дмитриев [2] . По части диалектологии задача состояла в том, чтобы исследовать говоры каждой деревни. Населению раздавались специальные анкеты с вопросами, ответы на которые раскрывали фонетические, морфологические, лексические особенности языка изучаемой местности. Также были записаны легенды, рассказывающие о видах хозяйствования, таких как охота, рыболовство, о горах, о происхождении башкир. Кроме того, было выявлено и зафиксировано множество слов, касающихся других отраслей жизнедеятельности, утвари, растительного и животного мира, окраса лошадей, а также парные слова. Все материалы, в том числе фольклорные и этнографические, записывались с соблюдением фонетических особенностей того или иного говора.

Статья Г. Я. Давлетшина «Говоры башкирского языка» («Башҡорт телендәге ләһжәләр») увидела свет в научном сборнике «Башҡорт аймағы» в мае 1928 года (№ 6), как видно, до начала вышеупомянутой экспедиции. В ней автор сравнивает между собой различные диалекты и говоры, такие как Куваканский, Юрматинский, Катайский и др., показывая все на наглядных примерах, выделяя их фонетические различия [Дәүләтшин, 1928, 76–85]. Надо заметить, что Г. Я. Давлетшин в своей статье и для обозначения языка как такового, и вместо слова *диалект*, и вместо слова *говор* всегда употребляет слово *тел – язык*: *дөйөм төрки теле* – общетюркский язык, *Ҡыуаҡан теле* – куваканский диалект, *Арғаяш теле* – аргаяшский говор и т.д.[3]Так как вопросы диалектологии не теряют своей актуальности и по сей день, ниже приводим статью Габ. Давлетшина полностью в транслитерации с арабской графики и сохранением авторского текста на его диалекте.

(26)[4]Ғәббәс Дәүләтшин

Башҡорт телендәге ләһжәләр[5]

«Хәҙерге көндә бөтә Башҡортостан эсендә йәшәгән башҡорттарҙың һаны 1926-нсы йылғы перепись буйынса барлығы 637,476 йән булып, быларҙан башҡа Башҡортостандың хөдүден [6] түгәрәкләгән саҡта, элек Башҡортостан эсендә булып та киттә тороп ҡалған 37 меңләп ялан башҡорттары; әүүәлдән Башҡортостандан киттә йәшәгән 17–18 меңләп Бығаулыҡ, Бүгәс өйәҙе һәм һандары, телдәренең фонетика ҡануны, яҫалыу формалары беҙгә асыҡ билдәле булмаған Минҙәлә, Бөгөлмә, Боғоролан өйәҙе башҡорттары бар. Мына шул һандары билдәле булған башҡорттарҙың телдәрендә йөрөгән тамыр һүҙҙәр барыһында ла бер булһа ла, өндәр, һүҙҙең аҙағына ялғанған ялғауҙар, фонетика йәһәтенән бер ни ҡәҙәр айырмалар бар. (Бәлкем, лөғәт, лексика яғынан да ҡайһы бер башҡалыҡтар барҙыр; әле ныҡлап тикшерелмәгән). Шул сәбәпле, һуңғы ваҡыттарҙа быларҙың телдәрен иттифаҡи рәүештә ҡайһы берҙәрен «Ҡыуаҡан теле», ҡайһы берҙәрен «Юрматы теле» һәм Ҡыуаҡандар араһында булған ҡайһы берҙәрен «Әйләп, Ҡатай, Һалйыуыт теле», юрматылар араһында булған ҡайһы берҙәрен «Дим буйы, Кәлсер[7] табын башҡорттары» тип йөрөтә башланылар. Асылда, был исемдәр электән килгән урҙалы бер ырыу исемдәре булып килгәнлектәренә ҡарағанда күберәк телдәренең береһенән-бере бер аҙ фонетика яғынан айырылғанлығы, ултырған урындарының исемдәренә ҡарата бирелгән яңы исемдәр. Шуның менән бергә «Ҡыуаҡан, Юрматы, Һалйыуыт, Әйҙе» тигән ырыу исемдәренең дә әһәмиәте юҡ түгел. Бар.

Ысынлап та, быларҙың телдәре араһында ниндәй айырма бар?

Билдәле, был һорауға яуап бирер өсөн беҙгә Ҡыуаҡан теле тип йөрөтөлгән телде нигеҙ итеп алып, шул телдең фонетика ҡанундарына башҡаларын сағыштырып сығарға, быларҙың араһында булған айырымлыҡтарҙы күрһәтергә туры килә.

Хәҙерге көндә Ҡыуаҡан телендә һөйләгән башҡорттар, Башҡортостан йөмһүриәтенең Арғаяш, Салауат (Мәсәғүт), Тамъян-Ҡатай кантондарында һәм Тамъян-Катай кантоны менән сиктәш Йылайыр, Эстәрле Тамаҡ, Өфө кантондарында; шулай уҡ Башҡортостандың һыртында, элек тә «Ялан» кантоны булып иҫәпләнеп йөрөгән урында (77) йәшәйҙәр; барлыҡ һандары ике йөҙ меңдән артығыраҡ булыр. Быларҙың хәҙерге көндә һөйләшә торған телдәрендә үҙҙәренә ҡараған барлығы 29 өн-тауыш бар. Алар: а, ә, ү, у, ө, о, и, и [ҡалыныраҡ[8]], е, ы, б, р, ж, ҙ, ғ, г, ң, л, м, н, һ, п, т, ҫ, ш, с, ҡ, к өндәре булып, шуның өҫтөнә сит телдәр менән з, х, ф, в өндәре йөрөй. Ләкин җ, ч өндәре сит тел һүҙҙәре менән дә һис бер ҡулланылмай.

[2] Лингвистико-фольклорный подотряд, как видно из статьи К. Ахмера о работе Башкирской экспедиции летом 1928 г. [Әхмәр, 1929,1-8 (вторичн. пагинации)], начал свою работу в десятых числах июля. Его руководителем был назначен известный ученый-тюрколог Н. К. Дмитриев. В состав подотряда входили О. Шацкая, члены Научного общества по изучению Башкирии Г. Я. Давлетшин, С. Мирасов, З. Шакиров, Х. Билал и Н. Исанбет. В связи с тем, что начало работ совпало с серединой лета и активным уходом населения на летовки, работающей группе приходилось добираться и до летовок. Тем летом они побывали в Катайской, Усмангалинской, Кубаляк-Телявской, Учалинской, Тунгатаровской волостях Тамьян-Катайского кантона, всего в 37 деревнях (современные Учалинский и Белорецкий районы).

[3]Эти особенности языка затрагивает Р.М. Булгаков в своей публикации в этом же сборнике. См. на стр. 82.

[4]Түңәрәк йәйәләр эсендә төп нөсхәләге биттәрҙең һаны бирелде. – Г.А.

[5]Ләһжә – тел, диалект, һөйләш. – Г.А.

[6]Хөдүд – сик. – Г.А.

[7]Төп нөсхәлә бөтә ерҙә лә *кәнсер табын* тип яҙылған. – Г. А.

[8]Бында *и* хәрефе менән *ы* хәрефе араһындараҡ булған, ғәҙәттәгенән ҡалыныраҡ ишетелгән *и* хәрефе күҙ уңында тотола. – Г.А.

Әгәр ошо өндәрҙе татар телендә йөрөгән өндәр ҡаршыһына килтереп ҡуйһаҡ, былардың булған һ, ҫ, ҙ өндәренең татар телендә һәм татар телендә булған ж, ч, з, х, ф өндәренең былардың – Ҡыуаҡан башҡорттарының телендә булмағанын күрер инек.

Шуның менән бергә бер башҡорт менән бер татарҙың икеһе ҡара ҡаршы килеп үҙ сарыуалары хаҡында һөйләшкәндәрен тыңлап торғанда:

Татар «су, суған, салам, сөт, бармас, алмас» тип һөйләгән һүҙҙәрҙе башҡорт: «һыу, һуған, һалам, һөт, бармаҫ, алмаҫ» тип һөйләгәнен;

Татар «чиләк, пычаҡ, пычҡы, чуртан, чана» тип һөйләгән һүҙҙәрҙе башҡорт: «силәк, бысаҡ, бысҡы, суртан, сана» тип һөйләгәнен;

Татар «җил, җир, җиләк, җыр, Җәмилә, Җәғәфәр» тип һөйләгән һүҙҙәрҙе башҡорт: «ел, ер, еләк, йыр, Йәмилә, Йәғәфәр» тип һөйләгәнен;

Татар «ҡыз, без, сез, күз, сүз, саз, аз, төз, тоз» тип һөйләгән һүҙҙәрҙе башҡорт: «ҡыҙ, беҙ, неҙ, күҙ, һүҙ, наҙ, аҙ, төҙ, тоҙ» тип һөйләгәнен, шулай уҡ,

Татар «бөкөре, солы,йөгерде, шушы» тип һөйләгән һүҙҙәрҙе, башҡорт: «бөкөрө, һоло, йөгөрҙө, ошо» тип һөйләгәнен; һәм

Татар «киль, бирь, синь» тип һөйләгән һүҙҙәрҙе башҡорт: «кил, бир, һин» рәүешендә, бик асыҡ нәҙек тулы һуҙынҡы әйтмәгәнен «и» өнө менән «ы» өнө уртаһындараҡ, ҡыҫҡа ҡалыныраҡ бер өн менән әйткәнен айырыуы, абайлауы ҡыйын булмаҫ ине. Тимәк, татар телендә килгән «с» өнөнә ҡаршы Ҡыуаҡан башҡорттары һәр ваҡыт «һ», «ҫ» өнө; «ч» өнөнә ҡаршы «с» өнө; «ж» өнөнә ҡаршы «й»; «з» өнөнә ҡаршы «ҙ» өнө ҡуйып һөйләй. Һәм татар һүҙ башында (пычаҡ кеүек) «п» өнө әйтә алғанда Ҡыуаҡандар һүҙ башында «п» өнө әйтә алмай. Аның урынына «б» ҡуллана; шулай уҡ бер һүҙҙең эсендә «ө» өнө булып, шул өндән һуң килә торған «ы» урынына «ө» өнө һорала икән.

(78) Әгәр инде Ҡыуаҡан телендә һүҙҙең аҙағына ялғанған ялғауҙарға килһәк, ул телдә ялғауҙар айырым бер тип, система менән ялғана.

Мәҫәлән,аларҙа ялғауҙар «п, т, ҫ, ш, с, ф, ҡ, к, х» өндәренән һуң «т» өнө; «л, м, н, ң, з, ж, ғ» өндәренән һуң «д» өнө; «у, р, ҙ, ы» өндәренән һуң «ҙ» өнө һәм «а, ә, е, ө» өндәренән һуң «л, н» өнө менән башлана.

Әгәр беҙ Ҡыуаҡан ләһжәһе (халыҡ тәғбиренсә Ҡыуаҡан теле) менән Һалйыуыт, Әйҙе, Ҡатай телдәре араһында булған айырымлыҡтарҙы сағыштырып ҡараһаҡ, ул ваҡыт беҙ был телдәрҙең араһында һүҙҙең аҙағына ялғанған ялғауҙарҙа, һүҙҙең яҫалыу формаларында һис бер төрлө айырма тапмайбыҙ. Сөнки был телдәрҙең аҙағына ялғанған ялғауҙар барыһында ла бер төрлө, ялғау үрҙәге күрелгән өндәргә ҡарап, «т, д, ҙ, л» өндәре менән башланып ҡушылалар. Ә инде һүҙҙәр ҡулланылған өндәргә килгәндә бер ни ҡәҙәр айырма бар.

Мәҫәлән, Һалйыуыттарҙа «ҫ» өнө юҡ.

Шуның менән бергә Ҡыуаҡандар татар телендән килгән «з» өнөнә ҡаршы «ҙ» өнө; «с» өнөнә ҡаршы «ҫ» өнө ҡуйып һөйләгәндә, алар һәр ике өнгә ҡаршы фәҡәт «һ» өнөн генә ҡуйып һөйләйҙәр. Шул сәбәпле Ҡыуаҡандар, «ҡыҙыл, беҙ, күрҙем, күрҙең, күрәбеҙ, күрмәйем, күрмәйбеҙ, күрҙең, күрҙегеҙ, күрмәнең, күрмәнегеҙ; күрмәҫ, күрмәҫтәр, алмаҫ, алмаҫтар; баҫ, баҫығыҙ» тип һөйләгән һүҙҙәрҙе

Һалйыуыттар«ҡыһыл, бeһ, күрҙем, күрҙең, күрәбeһ, күрмәйем, күрмәйбeһ, күрҙең, күрҙегeһ, күрмәнең, күрмәнегeһ; күрмәһ, күрмәһтәр, алмаһ, алмаһтар; баһ, баһығыһ» тип һөйләйҙәр.

Әйҙе-Ҡатай телен Ҡыуаҡан теле менән сағыштырһаҡ, былар Ҡыуаҡандар татар телендә килә торған «д» өнөнә ҡаршы «ҙ» өнө ҡуйып һөйләгәндә «д» өнөнә ҡаршы «ҙ» өнө ҡуйып һөйләһәләр ҙә, Ҡыуаҡандар татар телендә килгән «з» өнөнә ҡаршы «ҙ» өнө ҡуйып һөйләгәндә, былар «ҫ» өнө ҡуйып һөйләйҙәр.

Мәҫәлән, татар «ҡыз, күз, боз, төз, тоз, яз килә, азған, көзге, йолдоз, көндөз; күрде, күрделәр, күрдең, күрдегез, күрдем, күрдек, күрәбез, күрмибез, күрәсегез, күрмисегез, күрмәс, күрмәсләр, күрербез, күрмәсбез» кеүек һүҙҙәрҙе

(79) Ҡыуаҡандар «ҡыҙ, күҙ, төҙ, тоҙ, боҙ, яҙ килә, азған, көҙгө, йолдоҙ, көндөҙ; күрҙе, күрҙеләр, күрҙек, күрҙегеҙ, күрҙем, күрҙегеҙ, күрәбеҙ, күрмәйбеҙ, күрәһегеҙ, күрмәйһегеҙ, күрмәҫ, күрмәҫтәр, күрербеҙ, күрмәҫбеҙ» тип һөйләгәндә, Әйҙе һәм Ялан кантонында Ҡатай тип йөрөтөлгән башҡорттар «ҡыҫ, күҫ, боҫ, төҫ, тоҫ, яҫ килә, аҫҡан, көҫкө, йолдоҫ, көндөҫ; күрҙе, күрҙеләр, күрҙең, күрҙегеҫ, күрҙем, күрҙең, күрәбеҫ, күрмәйбеҫ, күрәһегеҫ, күрмәҫ, күрмәҫтәр, күрәбеҫ, күрмәйбеҫ» тип һөйләйҙәр.

Шуның менән бергә быларҙың телдәрендә татар телендә килгән «з» өнөнә ҡаршы ҡайһы бер һүҙҙәрҙә «ҙ» өнө лә килгән урындар бар. Ләкин ул бик аҙ.

Мәҫәлән, татар «ҡызыл, әз, үҙән» тип һөйләгән һүҙҙәрҙе алар: «ҡыҙыл, әҙ, үҙән» тип һөйләйҙәр. Шул сәбәпле быларҙың телдәрендә ҡасандыр һис бер «ҙ» өнө булмаған; һуңғы ваҡыттарҙа халыҡтың ижтимағи, иҡтисади һәм сәйәси тормоштары үҙгәрә башлап, күрше халыҡтар менән аралаша башлағас, аларҙың телдәренә «ҙ» өнө инә; йәки быларҙың телдәре һаҡаулыҡтан сыға башлаған тип уйларға туры килә. Әгәр Һалйыуыттарҙың телендә «ҫ» өнө булып, Ҡыуаҡандар татар телендә килгән «з» өнөнә ҡаршы «ҙ» өнө, «с» өнөнә ҡаршы «ҫ» өнө ҡуйып һөйләгән урында, былар ҙа шулай «з» өнөнә ҡаршы «ҙ» өнө, «с» өнөнә ҡаршы «ҫ» өнө ҡуйып һәм Әйҙе-Ҡатайҙарҙа татар телендә килгән «з» өнөнә ҡаршы «д» өнө ҡуйып һөйләһәләр ине, был Ҡыуаҡан, Һалйыуыт, Әйҙе-Ҡатай телдәрендә һис бер төрлө айырма булмаҫ ине. (Һалйыуыт, Әйҙе башҡорттары Арғаяш кантонында, Ҡатайҙар Ялан кантонында йәшәйҙәр. Быларҙың барлыҡ һандары 20–25 меңләп самаһында булһа кәрәк).

Тимәк, Ҡыуаҡан башҡорттарының телдәрендә булған айырымлыҡтарҙы һәм Ҡыуаҡан башҡорттары телдәренең икенсе варианты булған Һалйыуыт, Әйҙе-Ҡатай телдәрен сағыштырып, быларҙың араһында булған айырымлыҡтарҙы күрҙек. Инде хәҙер беҙгә Ҡыуаҡан башҡорттарының теле менән Юрматы башҡорттарының телен һәм Юрматы башҡорттары теленең икенсе варианты булған Дим буйы, Кәлсер Табын башҡорттарының телдәрен сағыштырып, аларҙың телдәре араһында булған фонетический айырмаларҙы күреп үтәһе ҡалды.

Юрматы телендә һөйләгән башҡорттар Йылайыр кантонының көньяҡ менән көнбайыш яҡ өлөшөндә Эстәрле, Өфө кантондарының көнбайыш, Бәләбәй кантонының (80) көнбайыш өлөшөндә һәм Бүгәс, Быҙаулыҡ өйәҙендә йәшәйҙәр. Быларҙың барлыҡ йән иҫәбе йөҙ илле мең самаһында булыр. Мына быларҙың телдәрендә ҡулланылған өндәр менән Ҡыуаҡан башҡорттарының телдәрендә ҡулланылған өндәр һәм ул өндәрҙән «ҙ, һ, ҫ, с, й» өндәренең татар телендә килгән «з, с, ч, ж» өндәренә ҡаршы ҡуйылып һөйләнеүҙәре араһында һис бер айырма юҡ; был ике телдә өндәр бер тигеҙ ҡулланыла. Ләкин һүҙҙең аҙағына ялғанған ялғауҙарҙың ҡайһы берҙәре иң күп һүҙ яһаусы ялғауҙар, фонетика яғынан бер аҙ айырылалар.

Мәҫәлән, Ҡыуаҡан башҡорттарының телдәрендә (үрҙә һөйләп уҙғанса) айырым бүленгән дүрт төркөм өндәргә ҡарап, ялғауҙар «т, д, ҙ, л, н» өндәре менән килеп ялғаналар ине. Ләкин Юрматы башҡорттарының телдәрендә ялғанған ялғауҙарҙың ҡайһы берҙәре ошо тәртип менән ялғанһалар ҙа, күберәге был тәртипте, системаны боҙоп ялғаналар. Әгәр беҙ ялғауҙарҙың һәр ике телдә лә бер төҫлө һәм икәүһендә ике төрлө өн менән килеп ялғанғандарын йәнле һүҙҙәрҙә күрергә теләһәк, ул былай булыр ине:

Ҡыуаҡан башҡорттарынса: аттың, атты, аттан, эттән, атта һәм эттә йөн була.
Юрматыларса: аттың, атты, аттан, эттән, атта һәм эттә йөн була.
Ҡыуаҡанса: урыҫтың, урыҫты, урыҫтан, өҫтән, урыҫта, өҫтә.
Юрматыларса: урыҫтың, урыҫты, урыҫтан, өҫтән, урыҫта, өҫтә.
Ҡыуаҡанса: талдың, талды, талдан, күлдән, талда һандуғас, күлдә балыҡ була.
Юрматыларса: талдың, талды, талдан, күлдән, талда һандуғас, күлдә балыҡ була.
Ҡыуаҡандарса: тауҙың, тауҙы, тауҙан, күҙҙән, тауҙа таш, күҙҙә нур була.
Юрматыларса: тауҙың, тауҙы, тауҙан, күҙҙән, тауҙа таш, күҙҙә нур була.
Ҡыуаҡанса: баланың, баланы, баланан, тәҙерәнән, балала ғәйеп, тәҙерәлә яҡты.
Юрматыларса: баланың, баланы, баланан, тәҙерәнән, балала ғәйеп, тәҙерәлә яҡты.

Тимәк, тойоҡ[9] (суффикс падежей)[10]ялғауҙары һәр ике телдә үрҙә бүленгән дүрт төркөм өндәргә ҡарап «т, д, ҙ, н, л» өндәре менән килеп ҡушылалар, ялғаналар.

Әгәр инде һәр ике телдә ике төрлө өн менән килеп ялғанған ялғаулы һүҙҙәрҙе алһаҡ, алар:

(81) Ҡыуаҡанса: асты-туҡты йөрөй, ҡомдо һыу, тауҙы ер, айҙы төн, балалы ҡатын.
Юрматыса: аслы-туҡлы йөрөй, ҡомло һыу, таулы ер, айлы төн, балалы ҡатын.
Ҡыуаҡанса: аштыҡ сәстем, эттек уйлап йөрөй, көндөк эш, байҙыҡ, балалыҡ.
Юрматыса: ашлыҡ сәстем, этлек уйлап йөрөй, көнлөк эш, байлыҡ, балалыҡ.
Ҡыуаҡанса: аттар, ағастар, талдар, көндәр, ҡарҙар, ҡыҙҙар килделәр.
Юрматыса: атлар, ағаслар, таллар, көнләр, ҡарлар, ҡыҙлар килделәр.
Ҡыуаҡанса: йоҡта, башта, уйҙа, күҙҙә, ялда, йәлдә, аңда, яғала.
Юрматыса: йоҡла, башла, уйла, күҙлә, ялла, йәллә, аңла, яғала.
Ҡыуаҡанса: йоҡтап, баштап, уйҙап, күҙҙәп, ялдап, йәлдәп, аңдап, яғалап.
Юрматыса: йоҡлап, башлап, уйлап, күҙләп, яллап, йәлләп, аңлап, яғалап.
Ҡыуаҡан: йоҡтаған, баштаған, уйҙаған, күҙҙәгән, ялдаған, йәлдәгән, аңдаған.
Юрматыса: йоҡлаған, башлаған, уйлаған, күҙләгән, яллаған, йәлләгән, аңлаған.
Ҡыуаҡанса: йоҡтаһа, баштаһа, уйҙаһа, күҙҙәһә, ялдаһа, йәлдәһә, аңдаһа.
Юрматыса: йоҡлаһа, башлаһа, уйлаһа, күҙләһә, яллаһа, йәлләһә, аңлаһа.
Ҡыуаҡанса: йоҡтаны, баштаны, уйҙаны, күҙҙәне, ялданы, йәлдәне, аңданы.
Юрматыса: йоҡланы, башланы, уйланы, күҙләне, ялланы, йәлләне, аңланы.
Ҡыуаҡанса: йоҡтағас, баштағас, уйҙағас, күҙҙәгәс, ялдағас, йәлдәгәс, аңдағас.
Юрматыса: йоҡлағас, башлағас, уйлағас, күҙләгәс, яллағас, йәлләгәс, аңлағас.
Ҡыуаҡанса: йоҡтау, баштау, уйҙау, күҙҙәү, ялдау, йәлдәү, аңдау.
Юрматыса: йоҡлау, башлау, уйлау, күҙләү, яллау, йәлләү, аңлау булып килә.

Тимәк, исем, сифат һүҙ яҫаусы ялғауҙар, күплек бойороҡ ҡылым ялғауҙары[11] Ҡыуа(82)ҡан башҡорттарының телдәрендә үҙенең фонетика ҡануны, тәртибе, системаһы, өндәрҙең берен-бере ассимилировать итеү ҡануны буйынса айырым төркөм өндәрҙән һуң ялғауҙарҙың «т, д, ҙ, л, н» өндәре менән килеп ялғаныуҙары һаҡлана; Юрматы башҡорттарының телдәрендә тойуҡ ялғауҙарында был тәртип һаҡланһа ла, исем, сифат һүҙ яһаусы ялғауҙарҙа һәм күплек бойороҡ ҡылым ялғауҙарында был тәртип боҙола; икенсе төрлө әйткәндә татар теленең фонетикаһын бер нисә килә торған тәртип, ҡанун аҫтында ялғаналар.

[9]Тойоҡ – килеш (падеж). – Г.А.
[10]Төп нөсхәлә шулай. Текстан аңлашылыуынса, Ғ.Д. килеш ялғауҙарын күҙ уңында тотҡан. – Г.А.
[11]Исем, сифат, бойороҡ ҡылым һүҙ яһаусы ялғауҙар быларҙан башҡа бик күп төрлө килә ала. Ләкин беҙ был урында ике телдең айырылыша торған ялғауҙарын ғына алдыҡ. Башҡалары һәр ике телдә бер төрлө килә. Бойороҡ ҡылым ялғауы тигән һүҙ ҙә тамам үҙләшеп бөтә алмай. Сөнки аның үҙенә генә хас булған ялғау түгел, тик беҙ төшөнкөлө булһын өсөн генә шулай алдыҡ. – Ғ. Д.

Әгәр Юрматыларҙың телдәрендә Ҡыуаҡандарҙың телдәрендәге кеүек исем, сифат һүҙ яһаусы ялғауҙар, шулай уҡ күплек, бойороҡ ҡылым ялғауҙары дүрт төрлө (ялғауҙар «т, д, ҙ, л» өндәренең һоралыуы буйынса) ялғанһалар ине, Ҡыуаҡан башҡорттары менән Юрматы башҡорттарының телдәрендә һис бер төрлө айырма булмаҫ ине. Сөнки быларҙан башҡа ялғауҙар, мәҫәлән, ҡылым аймаҡтары ялғауҙарынан -ғыла, -ҡыла, -килә, -гелә, -ш, -т һәм татар телендә килә торған «барасым килә, ҡайтасым килә, күрәсем, бөгәсем килә» кеүек һүҙҙәрҙәге «-сем», ялғауы быларҙа «барғым килә, ҡайтҡым килә, күргем килә, бөккөм килә» кеүек -ғым, -ҡым, -гем, -кем булып һәр ике телдә бер төрлө килә һәм быларҙан башҡа ялғауҙарҙа ла һис бер төрлө айырма юҡ.

Инде Юрматы башҡорттары теленең икенсе варианты булған Дим буйы, Кәлсер-Табын башҡорттарының телдәрендә ниндәй айырма бар?

Быларҙың телдәре менән Юрматы башҡорттарының телдәрендә ялғанған ялғауҙар араһында һис бер төрлө айырма юҡ; айырма фәҡәт өндәрҙә генә. Дим буйы башҡорттарының телдәрендә «һ» өнө юҡ. Алар ул өн урынына һәр ваҡыт «ҫ» өнө ҡулланалар.

Мәҫәлән, Юрматылар: «һыу, нуған, һарыҡ, һабан, һаулыҡ, һуң, һуғыш, һуҡа, һул, һүл, һурпа» тип һөйләгән һүҙҙәрҙе, Дим буйы башҡорттары «ҫыу, суған, ҫарыҡ, ҫабан, ҫаулыҡ, ҫуң, ҫуғыш, суҡа, ҫул, ҫүл, ҫурпа» тип һөйләйҙәр. (Быларҙың барлыҡ йән иҫәбе тәхминән алтмыш-етмеш мең самаһында була). Әгәр Дим буйы башҡорттарының телдәрендә «һ» өнө булып, Ҡыуаҡандар татар телендә килгән «с» өнөнә ҡаршы «һ» өнө ҡуйып һөйләгән урында былар ҙа шул рәүешле һөйләһәләр ине. Юрматылар менән Дим буйы башҡорттарының телдәре араһында һис бер төрлө айырма булмаҫ ине.

Шулай уҡ Юрматылар менән Кәлсер Табын башҡорттарының телдәре араһында булған айырмала һүҙҙең аҙағына ялғанған ялғауҙарҙа түгел, фәҡәт өндәрҙә генә. Кәлсер-Табын башҡорт(83)тарының телдәрендә «д» өнө юҡ. Алар Юрматыларҙың ҡулланған «д» өнө урынына һәр ваҡыт «т» өнө ҡулланалар.

Мәҫәлән, Юрматылар «һандуғас талда ултыра, көндөҙ, йондоҙ, күҙен йомдор; көндөң, көндө, көндән, көндә; талдың, талды, талдан; таңдың, таңды, таңдан; Ғилаждың, Ғилажды, Ғилаждан, Ғилажда» тип һөйләгән һүҙҙәрҙе, Кәлсер-Табын башҡорттары «һандуғас талта, көнтөҙ, йонтоҙ, күҙен йомтор; көнтөң, көнтө, көнтән, көнтә; талтың, талты, талтан; таңтың, таңты, таңтан; Ғилажтың, Ғилажты, Ғилажтан, Ғилажта» тип һөйләйҙәр. Әгәр быларҙың телдәрендә «д» өнө ҡулланылһа ине, ул ваҡыт Юрматыларҙың теле менән Кәлсер-Табын башҡорттарының телдәре араһында һис бер айырма булмаған булыр ине.

Шулай уҡ Бөрө кантоны башҡорттарының һәм Бөрө яҡлап Өфө, Бәләбәй кантоны башҡорттарыныңтелдәрен алһаҡ, былар бөтөнләй татарлашып бөткән тиәрлек тел менән һөйләйҙәр. Быларҙың телдәрендә Ҡыуаҡан һәм Юрматы башҡорттарының телдәрендә уртаҡ булған хосусиәттәрҙән[12] фәҡәт (алмай, килмәй, йөрмәй һүҙендәге кеүек) -май, -мәй ялғауы һәм татар телендә юҡлыҡ ҡылымының аҙағында килә торған (бармас, алмас, килмәс кеүек) «с» өнөнә ҡаршы (бармаҫ, алмаҫ, килмәҫ кеүек) «ҫ» өнө генә һаҡланып ҡалып, быларҙан башҡа хосусиәттәр ҡалмаған тип әйтергә ярай.

Шуның өҫтөнә 1922-1923 йылдан бирле дөйөм башҡорт халҡының үҙенә айырым әҙәби тел – хөкүмәт теле булып иҫәпләнеп, яҙыуҙа ҡулланып килгән матбуғат теле бар. Был тел Ҡыуаҡан башҡорттарының теле менән Юрматы башҡорттарының телен берләштереү, йәки һәр ике телдә лә үҙенә айырым булған хосусиәттәреннән файҙаланыу юлы менән төҙөлгән.

Мәҫәлән, хәҙерге беҙҙең әҙәби телгә Ҡыуаҡан башҡорттарының телендә йөрөгән күплек ялғауҙары, Юрматы башҡорттарының телдәрендә йөрөгән исем, сифат һүҙ яһаусы һәм бойороҡ ҡылым ялғауҙары һәм һәр икәүһенә уртаҡ булған өндәр, тойоҡ ялғауҙары алынып, ҡыҫҡаһы, Ҡыуаҡан башҡорттарының телдәрендә булған тәртип, системаны боҙоу, емереү юлы менән төҙөлгән. Әгәр мыны таблицала күрергә кәрәк булһа, ул ошолай булыр ине.

(84)

Ҡыуаҡан телендә ялғауҙарҙың ялғаныу өлгөһө

Өндәр	Күплек ялғауҙары	Тойоҡ ялғауҙары	Исем һүҙ яҫаусы ялғауҙар	Сифат һүҙ яһаусы ялғауҙар	Бойороҡ ҡылым ялғауы
п, т, ҫ, ш, с, ф, ҡ, х, к	тар, тәр	тың, ты, тан, тән, та, тә	тыҡ, тек	ты	та, тә
л, м, н, ң, з, ж	дар, дәр	дың, ды, дан, дән, да, дә	дыҡ, дек	мы	да, дә
у, р, ы, ҙ	ҙар, ҙәр	ҙың, ҙы, ҙан, ҙән, ҙа, ҙә	ҙыҡ, ҙек	ҙы	ҙа, ҙә
а, ә, е, ө	лар, ләр	ның, ны, нан, нән, ла, лә	лыҡ, лек	лы	ла, лә

Юрматы телендә ялғауҙарҙың ялғаныу өлгөһө

Өндәр	Күплек ялғауҙары	Тойоҡ ялғауҙары	Исем һүҙ яҫаусы ялғауҙар	Сифат һүҙ яһаусы ялғауҙар	Бойороҡ ҡылым ялғауы
п, т, ҫ, ш, с, ф, ҡ, х, к	лар, ләр	тың, ты, тан, тән, та, тә	лыҡ, лек	лы	ла, лә
л, м, н, ң, з, ж	лар, ләр	дың, ды, дан, дән,	лыҡ, лек	лы	ла, лә

[12]Хосусиәт – үҙенсәлек, айырмалыҡ. – Г.А.

		да, дә			
у, р, ы, ҙ	лар, ләр	ҙың, ҙы, ҙан, ҙән, ҙа, ҙә	лыҡ, лек	лы	ла, лә
а, ә, е, ө	лар, ләр	ның, ны, нан, нән, ла, лә	лыҡ, лек	лы	ла, лә

Хәҙерге әҙәби телдә ялғауҙарҙың ялғаныу өлгөһө

Өндәр	Күплек ялғауҙары	Тойоҡ ялғауҙары	Исем һүҙ яҫаусы ялғауҙар	Сифат һүҙ яһаусы ялғауҙар	Бойороҡ ҡылым ялғауы
п, т, ҫ, ш, с, ф, ҡ, х, к	тар, тәр	тың, ты, тан, тән, та, тә	лыҡ, лек	лы	ла, лә
л, м, н, ң, з, ж	дар, дәр	дың, ды, дан, дән, да, дә	лыҡ, лек	лы	ла, лә
у, р, ы, ҙ	ҙар, ҙәр	ҙың, ҙы, ҙан, ҙән, ҙа, ҙә	лыҡ, лек	лы	ла, лә
а, ә, е, ө	лар, ләр	ның, ны, нан, нән, ла, лә	лыҡ, лек	ле	ла, лә

(85) Ләкин был рәүешле төҙөлгән әҙәби тел һуңғы ваҡыттарҙа үҙенең өлгөһө, төҙөлөшө менән байтаҡ уңышһыҙ төҙөлгәнен күрһәтте. Мәктәптәрҙә, яҙыусылар араһында тауыш күтәрҙе. Шул сәбәпле аны төҙәтеү йәки ниндәй ҙә булһа бер ләһжәнең бөтә төҙөлөшө, фонетикаһын, ҡанунын һаҡлап, бер әҙәби тел булдырыу мәсьәләһе алға һөрөлдө. Һәм күптән түгел яңы әлифба имләһе был мәсьәләне бик ныҡ тикшереп Ҡыуаҡан телен нигеҙ итеп әҙәби тел булындырыуҙы һөйләп китте. Ихтимал, яҡын киләсәктә башҡорт халҡының әҙәби – хөкүмәт теле Ҡыуаҡан башҡорттарының теле булып ҡалыр.

Ярай, Башҡортостан эсендә йәшәгән башҡорттарҙың хәҙерге йәнле телдәрендә булған өндәр, фонетика ҡанундары, морфология төҙөлөштәренең йөҙөн күрҙек. Ултырған урындары, ижтимағи, иҡтисади сәбәптәргә бинаән[13] быларҙың үҙ-ара телдәрендә ҡайһы бер айырмалар булғанын да белдек. Ләкин мынан бер нисә йөҙ йылдар элек башҡорт халҡының һөйләү теле, ул телдә ҡулланылған өндәү, фонетика ҡануны, морфология төҙөлөшө нисек булды икән тигән бер һорау килә.

Билдәле, был һорауға яуап биреү өсөн беҙгә бик алыҫ үткән бер заманға әйләнеп, башҡорт халҡының ҡайҙан һәм ҡасан мында Уралға күсеп килеүҙәре хаҡында мәғлүмәт, материал, факт табырға кәрәк. Ләкин тарих был хаҡта йомғаҡтың осон сисеп бөтөрә алмай тора. Ысынлап та, башҡорттар Уралға ҡайҙан, ҡасан күсеп килеүҙәре һәм аларҙың хәҙерге тарих белмәгән дәүерҙән элек идара тәртиптәре телдәре нисек булғанын, шулай уҡ башҡорттар Уралға күсеп килгән саҡта Уралда ниндәй ҙә булһа бер халыҡтың йәшәп-йәшәмәүен ныҡлап аныҡлап белеү әһәмиәтле бер мәсьәлә. Шуның менән бергә был мәсьәлә фән һәм тарих алдында хәл ҡылынмай; боронғонан ҡалған (әгәр булһа) ҡул йәки таш яҙмалар табылмай тороп, һис юғында халыҡ әҙәбиәте ғилми бер тәртип менән йыйылып бөтмәй, словарҙар төҙөлмәй тороп, был хаҡта һүҙ асыу, аларҙың телдәренең нисек булыуҙарын күтәреп сығыу мәғәнәһеҙ бер мәсьәлә буласаҡ. Шул сәбәпле был эште хәл ҡылыу һәм был һорауға яуап биреү өсөн үктәберҙең икенсе ун йыллығына туғарып торорға, быға лингвист ғалимдарҙың хеҙмәтен көтәргә туры килә».

Источники и литература

Абдрафикова Г. Х., Булгаков Р. М. Опыт прочтения заметки М. Асфагана о работах Антропологического отряда 1928 г. // Этногенез. История. Культура: IV Юсуповские чтения. Материалы IV Международной науч. конф., посв. памяти Р. М. Юсупова / Отв. ред. А. В. Псянчин. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2021. С. 18–26.

Абдрафикова Г. Х., Булгаков Р. М. О некоторых антропологических исследованиях в Башкортостане // Этногенез. История. Культура: IV Юсуповские чтения. Материалы IV Международной науч. конф., посв. памяти Р. М. Юсупова / Отв. ред. А.В. Псянчин. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2021. С. 27–32 (на башк. яз.).

Абдрафикова Г.Х. Ғәббәс Дәүләтшин Бүгәсәү башҡорттары тураһында (Габбас Давлетшин о Пугачевских башкирах) // Башкирский фольклор: исследования и материалы. Вып. VI. / Сост., отв. ред. и авт. вступ. слова Султангареева Р.А. Уфа: Гилем, 2011. С. 284–301.

Давлетшин Габбас Ягафарович // Электронный ресурс. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Давлетшин,_Габбас_Ягафарович (дата обращения: 29.04.2022).

Дәүләтшин Ғәббәс. Башҡорт телендәге ләһжәләр // Башҡорт аймағы, 1928. Май. № 6. 76–85 б. (араб.алф.)

Дәүләтшин Ғ. Бүгәсәү башҡорттарында ҡоҙа булышыу, туйға һәм кейәүгә барыу, ҡалын алыу һәм ҡыҙ урлау йәки оҙатыу ғөрөф-ғәҙәттәре // Башҡорт аймағы, 1927. Ғинуар. № 3. (араб. алф.).

Ергин Ю. В., Зайнуллин М. В. Давлетшин Габбас Ягафарович // Башкирская энциклопедия. В 7 т. / Гл. ред. М. А. Ильгамов. Т.2: В–Ж. Уфа: Башк. энциклопедия, 2006. 624 с.: ил.: карт.

Каримов К. К. Башкирская комплексная экспедиция // Башкирская энциклопедия. В 7 т. / Гл. ред. М. А. Ильгамов. Т.1: А–Б. Уфа: Башк. энциклопедия, 2005. 624 с.: ил.: карт.

Маннапов М. М. Башкиры Самарской губернии: возвращение на родину предков в первой половине XX века / отв. ред. Псянчин А.В. Уфа, 2018. С. 255–256.

Әхмәр Ҡ. Фәндәр академияһының Башҡортостан экспедицияһы отрядтарының 1928 йылдың йәйендә эшләгән эштәре // Башҡорт аймағы, 1929. № 7. Август (латин. алф.).

© Абдрафикова Г. Х., 2022

[13]Бинаән – нигеҙләнеп, таянып. – Г.А.

УДК *80.1*

Абитиярова А. А., Казахстан, г.Шымкент
Южно-Казахстанский университет им.М.Ауэзова, к.ф.н., доцент
Жунисбекова Ж. А., Казахстан, г. Шымкент
Южно-Казахстанский университет им.М. Ауэзова, к.п.н., доцент

КЛАССИФИКАЦИЯ ОШИБОК, ДОПУСКАЕМЫХ В ОБЪЯВЛЕНИЯХ (на примере интернет источников)

В последнее время разговорные элементы языка активно проникают в литературную речь. Особенно заметны отклонения от литературной нормы в СМИ, среди которых первенство занимают реклама и объявления. Исследование речи в онтогенезе показывает три больших класса ошибок речи: ошибки, свойственные только письменной речи (орфографические, пунктуационные); ошибки, свойственные только устной речи (фонетические, акцентологические); ошибки, не зависящие от формы речи (морфологические, словообразовательные, лексические, синтаксические, фразеологические и стилистические).

Ключевые слова: *язык, устная речь, ошибка, виды ошибок, опечатка.*

Abitiyarova A.A., Kazakhstan, Shymkent
M.Auezov South Kazakhstan University, Ph.D., Associate Professor
Zhunisbekova Zh.A., Kazakhstan, Shymkent
M.Auezov South Kazakhstan University, PhD, Associate Professor

CLASSIFICATION OF ERRORS MADE IN ADS (using the example of Internet sources)

Recently, colloquial elements of the language have penetrated into literary speech. And in the media, one can observe deviations from the literary norm, but advertising, ads take precedence. The study of speech in ontogenesis shows three large classes of speech errors: errors peculiar only to written speech: spelling, punctuation; errors peculiar only to oral speech: phonetic, accentological; errors independent of the form of speech: morphological, word-formation, lexical, syntactic, phraseological and stylistic.

Keywords: *language, oral speech, error, types of errors, typo.*

Язык находится в постоянном и непрерывном движении, и все изменения в обществе так или иначе оказывают своё влияние на него. Наше современное общество ориентировано больше на развитие материальной сферы, чем духовной. Отрицательные последствия этого перекоса наблюдаются и в языковой сфере, в частности, активно проникают в литературную речь элементы разговорной речи.

Данная исследовательская работа позволит читателям по-новому взглянуть на тексты объявлений и пересмотреть своё отношение к ошибкам в них. Практическая ценность работы состоит в предотвращении появления новых ошибок, ознакомлении населения с рекомендациями по их предупреждению.

Целью данного исследования являются выявление разного рода ошибок с комплексным их исследованием, и причин, по которым они совершаются.

Ошибки подразделяются на нормативные ошибки и опечатки. Опечатками называют механические ошибки. В тексте слово может быть написано неверно, что усложняет восприятие информации. Или же вместо одного слова случайно используется другое. Опечатки встречаются и в устной речи. Это оговорки, которые можно слышать от людей каждый день.

И. Ю. Голованова в своей диссертации изучает факторы, которые влияют на появление ошибок. К ним относятся собственно лингвистические, когнитивно-психологические и социокультурные. Исходя из этих факторов, автор классифицирует ошибки: лингвистические (грамматические ошибки), когнитивно-психологические (механизмы письменной речи), социолингвистические (возрастные особенности, влияние речевой среды) [Голованов, 2004].

По мнению П. Г. Черемисина, речевые ошибки можно разделить на пять видов: 1) пунктуационные, 2) орфографические, 3) грамматические, 4) словарные и 5) стилистические ошибки [Черемисин, 1973].

Исследование речи в онтогенезе показывает три больших класса ошибок речи: ошибки, свойственные только письменной речи: орфографические, пунктуационные; ошибки, свойственные только устной речи: фонетические, акцентологические; ошибки, не зависящие от формы речи: морфологические, словообразовательные, лексические, синтаксические, фразеологические и стилистические [Цейтлин, 1982].

Е. М. Епихина, анализируя в своей работе коммуникативные ошибки, классифицирует их следующим образом:

1) системные/стилевые нарушения языковых норм (акцентологические, грамматические, орфографические, лексические, орфоэпические и паравербальные ошибки);

2) адресантные и адресатные нарушения общения (ошибки при речевом оформлении мысли либо при ее интерпретации);

3) релевантные и нерелевантные ошибки (вызывающие либо не вызывающие коммуникативный сбой);

4) культурно-обусловленные/ситуативные нарушения коммуникативных норм (ошибки иностранцев и носителей родного языка, недостаточно внимательных к собеседникам);

5) жанрово-дискурсивные/логические ошибки (недостаточное владение жанровой компетенцией и неумение логически выстроить речь);

6) ошибки, обусловленные либо не обусловленные патологией речемыслительных процессов;

7) реальные и фиктивные ошибки (соответствующие коллективно разделяемым стереотипам общения либо произвольно устанавливаемым интерпретативным ходам [Епихина, 2014].

Материалом для данного исследования послужили публичные объявления, размещенные на интернет-платформах OLX.kz и Ticketon.kz. Объявление относят к разновидностям рекламы, которая встречается в основном в газетах, также присутствует в Интернете, на радио и телевидении.

Объявление – это какая-либо важная информация (о продаже/покупке /находке, различных услугах, о приеме на работу, о проведении или отмене какого-либо предприятия, о переносе события на другое время и т.д.), предоставленная для привлечения внимания читателя. К тексту объявления предъявляются следующие требования: краткость, простота изложения, смысловая насыщенность.

Основываясь на изученной литературе, ошибки мы разделили на две группы. К первой отнесли речевые ошибки, методологической основой которых является классификация П. Г. Черемисина (орфографические, лексические, пунктуационные, синтаксические). Ко второй — все ошибки, допущенные автором случайно. Их мы считаем механическими ошибками (повтор или пропуск букв, неверное чередование букв, отсутствие интервала между словами). Механические ошибки происходят неосознанно, но от них многое зависит. Ошибки в написании цифр создают искажение фактической информации, а неправильное написание слов может полностью изменить смысл сказанного.

В результате анализа мы выявили более 100 разного рода ошибок. В таблице 1 представлены некоторые примеры из этих ошибок.

Таблица 1. Частые ошибки в объявлениях.

№	Содержание	Вид ошибки	Анализ ошибки
1	Вход во Дворец Республики осуществляется строго **а** масках и с помощью приложения Ashyq. (https://ticketon.kz)	механическая ошибка	Ошибка допущена случайно, т.к. буквы «в» и «а» находятся рядом на клавиатуре.
2	«**Продоется** детская кровать»; «**Продоётся** стеллаж, новый» (https://www.olx.kz/)	орфографическая ошибка	Правильное написание слова «продаётся», проверочное слово «продажа».
3	Продаётся **кормящий стул** (https://www.olx.kz/)	лексическая ошибка	Неверно использовано согласование слов «кормить» и «стул». Верная версия «стул для кормления».
4	Продаётся детская зимняя **оьувь** (https://www.olx.kz/)	механическая ошибка	Ошибка допущена случайно, т.к. буквы «б» и «ь» находятся рядом на клавиатуре.
5	Описание «**Краствое** элегантное пальто, практически не носила.» (https://www.olx.kz/)	механическая ошибка	Ошибка допущена случайно, т.к. буквы «и» и «т» находятся рядом на клавиатуре.
6	Продам резины с дисками на зиму.(https://www.olx.kz/)	лексическая ошибка	Неверное использование падежа. Верное написание словосочетания «продам резину», существительное в в.п.
7	Требуются **пекарь кулинар продавец**. (https://www.olx.kz/)	пунктуационная ошибка синтаксическая ошибка	Пропущены знаки препинания при однородных подлежащих пекарь, кулинар, продавец.
8	Обращаться по **указонному** телефону.(https://www.olx.kz/)	орфографическая ошибка	Правильное написание слова «указанному», проверочное слово «указать».
9	**Требуется** работник в донерную. (https://www.olx.kz/)	механическая ошибка	Символ «у» в слове «требуется» использован дважды из-за залипания клавиши.

В ходе анализа текстов объявлений нами было обнаружено, что наиболее часто допустимыми являются лексические, грамматические ошибки (33%), орфографические ошибки (29%), выявлены и механические (24%), пунктуационные (9 %) и синтаксические ошибки (5%).

Нам также были интересны мнения респондентов и по поводу грамотности публикуемого объявления. Был проведен опрос, который помог выявить отношение читателя к неграмотным объявле-

ниям, как ошибки влияют на поиск информации и какие, по их мнению, ошибки чаще всего допускают авторы этих объявлений. Респондентами выступили 81 человек в возрасте от 17 до 65 лет.

Как показали результаты опроса, многие замечают ошибки в объявлениях (84% респондентов), и чаще всего в объявлениях допускаются орфографические и грамматические ошибки (66%). Тем не менее отношение респондентов к ошибкам в объявлениях неоднозначное: 88% опрошенных относятся к ошибкам отрицательно, и только лишь 12% респондента считают, что ошибки имеют место быть, оправдывая их наличие человеческим фактором. Далее, причинами допущения ошибок респонденты называют безграмотность авторов объявлений (53%), безответственность в работе (34%), а также случайность (опечатки, так называемые случайные ошибки) (13%).

Как гласит восточная мудрость*: «Если ошибку можно исправить – значит, ты еще не ошибся»: следует поразмыслить и над устранением ошибок в объявлениях. Любая информация, предложенная в объявлениях, имеет коммуникативную задачу, следовательно, эта цель может быть достигнута при грамотном ее изложении.*

*Как же избежать ошибок в публикации объявлений? В качестве рекомендации мы можем предложить следующее: ес*ли пишете текст самостоятельно, проверяйте термины в словарях, спросите мнение коллег, друзей, знакомых; не принимайте «близко к сердцу» сделанные замечания, но учитесь на ошибках.

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать вывод, что в текстах объявлений чаще всего встречаются лексические, грамматические и орфографические ошибки. Механические ошибки допускаются с меньшей частотностью, но также имеют место. Следует подчеркнуть необходимость серьезной, ответственной работы авторов с подобными текстами, а также бережного отношения к языку, его законам и нормам. На наш взгляд, ошибки в публичных объявлениях во многом вызваны низкой речевой культурой авторов текстов. Перспективным представляется дальнейшее изучение ошибок в объявлениях с целью разработки рекомендаций, способствующих повышению речевой культуры.

Литература

Голованова И. Ю. Проблема анализа речевых ошибок в контексте онтогенеза языковой компетенции: Дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2004. 258 с.
Черемисин П. Г. К вопросу о классификации речевых ошибок в сочинениях учащихся средней школы // РЯШ. 1973. № 2. С. 34–40.
Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1982. 143 с.
Епихина Е. М. Эмблематические коммуникативные ошибки: Дис. …канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 155 с.

© Абитиярова А. А., Жунисбекова Ж. А., 2022

УДК *398:88:81-141*

Абубакирова З. Г., Россия, г. Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, м.н.с.

АРАБСКИЕ И ПЕРСИДСКИЕ СЛОВА В АРАБОГРАФИЧНОЙ РУКОПИСИ ИЗ ЛИЧНОЙ КОЛЛЕКЦИИ АКАДЕМИКА Г.Б. ХУСАИНОВА

Статья посвящена изучению арабографичной рукописи из личной коллекции академика Г. Б. Хусаинова. Тексты этой рукописи вводятся в научный оборот впервые. Документы из его коллекции хранятся в Научном архиве Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

Ключевые слова: *письменный литературный язык тюрки Урало-Поволжья, арабо-персидские заимствования, мунажаты, поэзия.*

Abubakirova Z. G., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS,
Junior Researcher

ARABIC AND PERSIAN WORDS IN ARABOGRAPHIC MANUSCRIPTION FROM THE PERSONAL COLLECTION OF ACADEMICIAN G.B. KHUSAINOV

The article is devoted to the study of one Arabic manuscript from the personal collection of Academician G. B. Khusainov. The texts of this manuscript are introduced into scientific circulation for the first time. Documents from his collection are stored in the Scientific Archive of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: *the written literature language turki of the Urals and Povolzje, Arabic and Persian borrowing, poetry, munajat.*

АКАДЕМИК ҒАЙСА ХӨСӘЙЕНОВТЫҢ ШӘХСИ КОЛЛЕКЦИЯҺЫНДАҒЫ БОРОНҒО ҠУЛЪЯҘМАЛАҒЫ ҒӘРӘП ҺӘМ ФАРСЫ ҺҮҘӘРЕ

Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты Рәсәй Фәндәр Академияһының Ғ. Б. Хөсәйенов исемендәге ҡулъяҙмалар һәм иҫке баҫма китаптар фондында башҡа бик күп боронғо китаптар менән бер рәттән академик Ғайса Батыргәрәй улы Хөсәйеновтың шәхсән үҙе йыйған ғәрәп графикаһындағы байтаҡ ҡулъяҙмалар һаҡлана. Шулар араһынан шиғыр һәм мөнәжәттәр тупланған, ғәрәп графикаһында яҙылған боронғо бер ҡулъяҙма китап иғтибарыбыҙҙы айырыуса ныҡ йәлеп итте.

Был китап ҡалын төпләмәлә төпләнгән. Ҡулъяҙманың беренсе битенән авторы *“ошбу мөнәжәт яҙыусы Шәмсетдин Заһретдин улы”* булыуы күрһәтелгән. Шулай уҡ, автор нисәнсе йыл мәҙрәсәлә уҡығаны, бергә йәшәгән дуҫтары хаҡында мәғлүмәт бирә: *“Әүәл Афзалетдин, йәнә Ғабдулхай, йәнә Ғәйнулла, йәнә Мөхәмәтхафиз, йәнә Вәғир, йәнә Муллағәле, йәнә Ғәйнулла, йәнә Рәхмәтулла, йәнә Мөхәмәтфатих, йәнә Ғиләжетдин, йәнә Хисаметдин, йәнә Хәбибулла, йәнә Мортаза, йәнә Шәмсетдин – ошбу ун дүрт шәкерт бер төбәктә торҙолар. 1897 йылда Имам Ҡарамалы ауылында мулла Мөхәмәтғариф мулла Камалетдин улының мәҙрәсәһендә торҙолар. Яҙыусы Шәмсетдин бин Заһретдин улы”*[Ғайса Хөсәйеновтың шәхси фонды].

Китапта *“Мәржиә йә”, “Ҡара урмандың артында, ҡарағай, шыршы төтөнө…”, “Алтын балдаҡ бирер инем, көмөш йөҙөк биргәнгә”, “Киәмәт көн булғанда”* кеүек дини һәм мөхәббәт тематикаһына ҡараған мөнәжәттәрҙе осратырға мөмкин.

Билдәле булыуынса, XIX быуаттың урталарына тиклем башҡорттар араһында иҫке төрки яҙма-әҙәби теле киң таралған була. Мәҙрәсәләрҙә күп фәндәр ғәрәп һәм фарсы телдәрендә уҡытылған. Шуға күрә, боронғо ҡулъяҙмалағы мөнәжәттәрҙә лә фарсы, ғәрәп һүҙҙәре йыш осрай. Мәҫәлән: *нәғз* – ысын, саф; нәҡ, хәс; (نغز – 1) хороший, прекрасный; чудесный, превосходный) [Рубинчик, 1985, 650]; *моҡтада* – етәксе (مقتدا – 1) руководитель, вождь; наставник; 2) тот, кому подражают, за кем следуют (при исполнении религиозных обрядов) [Рубинчик, 1985, 545]; *этбағ* – рәсүлдәрҙең юлдарын, эштәрен дауам итеүселәр [Ғайса Хөсәйеновтың шәхси фонды]; *иттихад* – берҙәмлек, берләшеү, берлек, килешеү (اتحاد– союз, объединение; 2) единство, единодушие, сплоченность; [Рубинчик, 1985, 42]; 3) соединение, объединение); *мәрхәбә* – “яҡшы!” мәғәнәһендә (مرحبا – браво, прекрасно, молодец!) [Рубинчик, 1985, 491]; *нәрине* – ир затынан, ирҙәрсә (نرينه– мужского пола) [Рубинчик, 1985, 636]; *чеһар йәр* – [пәйғәмбәрҙең] дүрт дуҫы мәғәнәһендә; *әтҡийә* – таҙа намыҫлылар, Алланан ҡурҡыусылар; [Ғайса Хөсәйеновтың шәхси фонды]; *дигәр* – икенсе (ديگر – другой, иной, прочий) [Рубинчик, 1985, 694]; башҡа; *рузе* – мосолмандарҙың ураҙаһы (روزه – пост (мусульманский) [Бейешев, 2009, 96].

Ҡулъяҙмала ғәрәп графикаһында яҙылған ҡайһы бер текстарҙы башҡорт теленә транслитерация эшләп тулы вариантында тәҡдим итәбеҙ. Текстарҙа авторҙың стиле һаҡланды.

Мөнәжәт

Зекерләрҙең былбылы ләиләһәиллалла, Әүлиәләр былбылы чеһар йәр ба сафа,
Әнбиәләр былбылы Мөхәмәт Мостафа, Китаптарҙың былбылы Ҡөрьән шәриф ба сафа,

Хәзистәрҙең былбылы сәмимилер Муса,
Итиҡадларҙың былбылы әһле сөннәт моҡтада,
Халыҡтарҙың былбылы рәсүлдәр ки этбағ,
Ғәләмдәрҙең былбылы ғәләм тәфсир мәржиә,
Дәрестәрҙең былбылы ғилем тәфсире мәржиә,
Имамларҙың былбылы алты имам, мәрхәбә,
Мөьминдәрҙең былбылы Ғиндулла ки әтҡийә,
Ғүмерҙәрҙең былбылы тәүфиҡ илә һәм сафа,
Былбылдарҙың былбылы тәүфиҡ илә Ғайса,
Мәсетләрҙең былбылы ҡәғбә шәриф ба сафа,
Шәһәрләрҙең былбылы Мәҙинә менәүрә, мәрхәбә,
Рузеларҙың былбылы рузе шәриф ба сафа,
Дарыуҙарҙың былбылы дарул ислам, мәрхәбә,
Сәфәрҙәрҙең былбылы хаж, зәм-зәм, мәрхәбә,
Айҙарҙың былбылы шәһре Рамаҙан, мәрхәбә.

(Талип атым Мөхәмәтйәр Сибәғәтулла Ғәйнулла улы).

Ҡиәмәт көн булғанда

Намаҙ ваҡытын ҡуймағыҙ, ғафиларҙан булмағыҙ,
Ҡиәмәт көн булғанда, тамуҡ эсендә ҡалмағыҙ,
Намаҙ һәр дәм ҡыла күр,
Ҡиәмәт көн булғанда, анда юлдаш була күр.
Намаҙ ҡыла күрегеҙ, тоғро юлға керегеҙ,

Ҡиәмәт көн булғанда, хаҡ дин рәхмәт күрегеҙ.
Намаҙ ҡылмай тормағыҙ, дигәр юлға йөрөмәгеҙ,
Намаҙ ҡылған кем булыр, ирҙең ире ир булыр,
Ҡиәмәт көн булғанда, намаҙ кем ҡылмаҫ,
Ожмах йөҙөн ул күрмәҫ.

Мөнәжәт

Ҡәләм алдым ки бисмилла,
Тип яҙҙым мөнәжәтем.
Ҡабул икән, эй, хәжәтем,
Фәҡирҙең, эй, Ғәниулла.
Әлһәм дур бәнәмулла,
Яратҡыусы Нәбиулла,
Гонаһларым ғафү илаб,
Көһөр көл, эй, Ғәниулла.

Пәйғәмбәр һәм Нәбиулла,
Беним дур Хәбибулла,
Йыям дур Шәфиғулла.
Мөхәмәдер рәсүлуллаһ,
Пәйғәмбәрем шәфҡәт нәрин,
Айырма бин сәфиф ҡолны,
Ике йыһан маҡсатым биреп,
Ғата ҡыл, эй, Ғәниулла.

Алтын балдаҡ бирер инем, көмөш йөҙөк биргәнгә

....Бөрсөк-бөрсөк бөрлөгән юл буйына теҙелгән,
Беҙҙе белгән, беҙҙе күргән, беҙҙең өсөн өҙөлгән.

Алтын балдаҡ бирер инем, көмөш йөҙөк биргәнгә,
Йәнем ярып бирер инем, миңә нәғиз тигәнгә,
миңә нәғиз булһа ине, ҡайтыр инем илемә.
(тамам).

Мөнәжәт

Ошоно мин яҙманым, яҙҙы ҡулым,
Ошоноң артынса күп-күп сәләм.
Уҡығандар уҡыһын, ғалим булһын,
Йөрөгәндәр йөрөһөн, залим булһын.
Ошоно яҙҙым тәҙерәнең төбөндә,
Күҙемдең йәшен ағыҙып дүшәмбе көндә.

Ошоно яҙыусы Мөхәмәтйәр атлылыр,
Ауыҙы шәкәр, татлы балдан татлылыр.
Ҡиәмәткә тиклем баҡый ҡалыр был хатым –
Ошоно яҙыусы Мөхәмәтйәр атым.
(яҙыусы Мөхәмәтйәр Сибәғәтулла Сәйфулла).

Шулай итеп, был мөнәжәттәр һәм шиғырҙар үҙ заманының һулышын, мөнәжәт һәм дини шиғырҙар телен сағылдырыуы менән әһәмиәтле, ҡыҙыҡлы. Текстарҙа осраған ғәрәп, фарсы һүҙҙәре хәҙерге башҡорт теленең актив һәм пассив лексик ҡатламына ҡарай. Шулай ҙа, уларҙың күбеһен XX быуат башы әҙәби телендә ҡулланылған иҫкергән һүҙҙәр тәшкил итә. Академик Ғайса Хөсәйеновтың шәхси коллекцияһындағы боронғо ҡулъяҙмаларҙы өйрәнеү дауам ителә.

Әҙәбиәт

Бейешев Ә. Ғ. Башҡорт телендә йөрөгән ғәрәп һәм фарсы һүҙҙәре. Өфө: Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты, 2009. 140 б.
Ғайса Хөсәйеновтың шәхси фонды.
Рубинчик Ю. А. Персидско-русский словарь: в 2-х тт. Стереотип. М.: Рус.яз., 1985. От ا до ژ. 800 слов.
Рубинчик Ю. А. Персидско-русский словарь: в 2-х тт. Стереотип. М.: Рус.яз., 1985. От س до ى. 864 слов.

© Абубакирова З. Г., 2022

УДК 81`25/ 81`24

Абубакирова Л. Ф., Россия, г. Оренбург
Институт языкознания РАН, н.с.

О ПЕРВОИСТОЧНИКЕ И ПЕРЕВОДЧИКЕ ЦЕРКОВНОГО ТЕКСТА XIX В. НА БАШКИРСКИЙ ЯЗЫК*

Вопрос о первоисточнике, с которого был переведен на башкирский язык миссионерский проект конца XIX в "О загробной жизни по учению православной церкви", не относится к числу решённых. Сопоставляя башкирский перевод этой книги с другими имеющимися переводами, можно предположить, что переводчик не был носителем башкирского языка.

Ключевые слова: *перевод на башкирский язык, церковные книги, первоисточник; переводчики.*

Благодарность*. Автор выражает благодарность Ю.В. Норманской (Москва) за находку и предоставление оригинала перевода, Д.В. Сизову (г. Казань), Э.А. Александрову (г. Чебоксары) и В.В. Черневу (Варшава) за ценные советы и помощь в подготовке статьи.*

Abubakirova L. F., Russia, Orenburg
Institute of Linguistics of the RAS, Research Associate

ABOUT THE ORIGINAL SOURCE AND TRANSLATOR OF THE XIX CENTURY CHURCH TEXT INTO THE BASHKIR LANGUAGE*

The issue of the source that a XIX-century missionary book "On the Afterlife according to the Orthodox Church Teachings" originates from has been dwelt upon for a while, however, it has not been resolved yet. The comparison of the Bashkir translation of that book with the other available ones leads us to conclusion that the translator was not a Bashkir native speaker.

Keywords: *Bashkir translation, church books, original source, translators.*

Памятник письменности на башкирском языке «О загробной жизни по учению православной церкви» (далее – ОЗЖ) датируется 1899 годом. Книга издана в Оренбурге тиражом 500 экземпляров, включает в себя 36 страниц печатного текста в кириллической графике. Оригинальное издание хранится в Национальной библиотеке Финляндии.

Изучение нами вопроса о степени зависимости башкирского перевода от других переводов на тюркские языки и сравнение с редакцией кряшенского перевода [О загробной..., 1907]; [Теге дөньядяге тормош турында, 2009] и чувашским переводом [О загробной…, 1912][14] позволяет считать, что переводчики ОЗЖ на башкирский язык руководствовались в своей деятельности определённым принципом. Имея под рукой русскоязычное издание, а также башкирско-русский и русско-башкирский словари, они сверяли свой перевод с более ранними аналогичными текстами на тюркских языках. Последнее подтверждается следующими фактами:

– в письмах В. В. Катаринского Н. И. Ильминскому (датируется 1890 годом) читаем: «*…Встретились затруднения в транскрипции, и при этом приходилось пользоваться алтайскими переводами»* [НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 117. Л. 134];

– в другом письме от 1890 г.: «*Брошюра о Владимире св. с крещенского языка переведена на киргизский. По пересмотру она будет перепровождена Вам для напечатания. Она будет очень полезна для киргиз и русских в степи*» [там же. Л. 145].

– в письме И. Алтынсарина (датируется 1876 г.) читаем: «*Вчера только начал свою книжку для первоначального чтения на киргизском языке, в видах избежания татарских[15] книг, я начал следующими стишками* [НА РТ. Ф. 968. Д. 189. Л. 113].

Подтверждением тому, что существовала практика перевода с одного тюркского языка на другой, являются различного рода отчёты миссионеров, письма В. В. Катаринского Н. И. Ильминскому, а также сведения из Примечания ко второму изданию книги [Бессонов, 1907]:

– «Обе эти книжки – первая после букваря книга для чтения и практические первоначальные уроки русского языка, представляющие собой перевод с татарского языка на башкирский, уже были однажды изданы, при покойном окружении инспектора В.В. Катаринского»;

– «Сделав основой переводов для киргизов преимущественно готовые переводы Н.И. Ильминского, В. В. Катаринский, при участии природных киргизов, перерабатывал их на "чисто-народный киргизский язык» [Бобровников, 1913, 5].

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 18-18-00501 «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России».

* This work was supported by grant no. 18-18-00501 of the Russian Foundation for Basic Research "Creation of the electronic dialectological atlas of Turkic languages of Russia".

[14] Известны более ранние переводы ОЗЖ на чувашский язык 1889, 1890, 1891, 1892, 1896, 1897 гг. – всего 12450 экз.

[15] В описываемый период и в данном контексте под «татарским языком» подразумевается говор кряшен Мамадышского уезда Казанской губернии.

– «Инородческие языки всей Восточной полосы России и Сибири в своем внутреннем устройстве между собою поразительно сходны, так что переводы на все означенные языки могут быть сведены к одной системе; с одного из этих языков можно почти буквально переводить на другие» [Никольский, 1901, 13].

Н.И. Ильминский же понимал, что, несмотря на кажущуюся близость народов и схожесть их наречий, каждый из них обладает своими особенностями. В своём письме [Письма Н.И. Ильминского... 1896:.133] от 30 октября 1880 года Н. Катанову он рекомендовал следовать разработанному им пошаговому алгоритму перевода с одного тюркского наречия на другое:

– «Эти книги посылаю я Вам по следующим соображениям: № 1 заключает некоторые советы относительно переводов, № 2 и 3 Вам пригодятся для переложения на свой родной язык, … перепишите ее на свое родное наречие, только старайтесь сохранить народные слова и всю зависимость и построение речи, как есть в алтайском переводе, а по-своему напишите грамматические формы, произношение и отдельные слова, но так, чтобы Ваше предложение точь-в-точь походило на живую речь Ваших инородцев».

Переводчик на башкирский язык, конечно же, следовал указаниям Н. И. Ильминского, поэтому переводы не являлись полным заимствованием более ранних переводов (напр., кряшенского, чувашского). На это указывают некоторые отступления от нормативного требования эквивалентности в тексте башкирского перевода ОЗЖ. Ниже приводим несколько таких примеров из перевода ОЗЖ на башкирский язык.

Язык	Текст	Дословный обратный перевод
Башкирский [ОЗЖ, 1899,15]	*Бушка карганыб көнаśка кергәнемде, йә йалган кеуаċ булыб барганды, Христоска эшәнмәгәндектән*[16] *таба алманылар.*	Того, что я впала в грех неуместного проклятия или лжесвидетельства, сделанного из-за неверия/недоверия Христу, не смогли найти.
Кряшенский [Теге дөньядяге тормош турында, 2009, 12]	*Жукка карганыб жазыкка кергянемне, жя жалган таныкчы булып жазык кылганымны алдымда Христос булышып торганныктан таба алмадылар.*	То, что я впала в грех неуместного проклятия или согрешила в качестве ложного свидетеля из-за того, что передо мной стоял и помогал/поддерживал Христос, – не нашли (грехов).
Чувашский [О загробной жизни, 1912, 3]. Обратный перевод Э. Александровой, г. Чебоксары)	*Вырӑнсӑр тупа туса çылӑха кӗнине, йе курманнине куртӑм тесе çылӑха кӗнине ман çумра, Христос пулӑшнӑ тӑрӑх, тупаймарӗç.*	За грех, который получился из-за неуместной клятвы, за то, что сказал "видел то, что не видел", из-за того, что Христос помог, рядом со *мной грехов не нашли*[17].

Обратный перевод башкирского текста на русский язык, а также сравнение с аналогичными переводами на сравниваемые тюркские языки показывают, что причиной смысловой ошибки *эшәнмәгәндектән* "из-за неверия" с использованием отрицательного глагольного аффикса *-мә*, аффикса причастия *-гән* и аффикса исходного падежа *-дектән* (лит. *ышанмаган-лыктан*) является смешение падежных моделей, влияющее на смысл текста. Если сравнить с переводами на кряшенский и чувашский языки, то переводчики не вполне точно перевели фразу "не нашли (грехов), по Христовой милости". Возможный правильный перевод на кряшенский мог быть: *«Христос мәрхәмәте белән алар (бернинди гөнаһ) тапмадылар»*. Между тем эта особенность в башкирском переводе также не отразилась. Башкирский переводчик неправильно понял фразу из первоисточника и перевел его через аблатив *эшәнмәгендектән* «из-за неверия» (Христу).

Следующий пример подобного рода указывает на недостаточность знаний башкирского переводчика в области исламской традиции, что стало причиной неправильного использования им активно употребляемого среди мусульман религиозного клише *кабул бул* «осуществляться» [БТАһ, 2013, 66]

Язык	Текст	Дословный обратный перевод
Башкирский [ОЗЖ, 1899, 12])	*Мин донйала торганымда... Хоҙай биргәненә кабул булдым..."*	В миру я... осуществляла тем, что посылал мне Господь
Кряшенский [Теге дөньядяге тормош турында, 2009, 19]	*...Ходай биргянгя тук булдым.*	… Бог что дал, тем и довольствовалась.
Чувашский [О загробной жизни, 1912, 11]	*Турӑ мӗн панипе тутӑ пултӑм.*	… Бог что дал, тем и довольствовалась.

В башкирском переводе нарушена семантическая цельность конструкции, состоящей из имени (в данном случае – арабского масдара *кабул* "осуществление, принятие") и вспомогательного глагола

[16]Интересно то, что в нижне-сакмарском говоре южного наречия башкирского языка фонематический вариант слова *лит. ышаныу* сегодня выступает определяющим признаком иноязычности слова. По словам информантов Х.А. Ахметовой-Муталлаповой, "**э**шәнеү" – это по-башкирски, а **ы**шаныу – по-татарски". По И.Г. Татлыбаеву, "**э**шәнеү" – это разговорная, а **ы**шаныу – лит. форма. (Х.А.Ахметова-Муталапова, 1936 г.р., д. Байгазаково Кувандыкского района. Запись 2019 г.; И.Г. Татлыбаев, 1932 г.р., с. Зиянчурино Кувандыкского р-на. Запись 2019 г.).

[17] Иначе: "Неуместной клятвы, лжесвидетельствования, из-за того, что Христос помог, рядом со мной не нашли таких грехов".

бул- “иметься, наличествовать, становиться”. Здесь переводчику следовало бы употребить другие отыменные сложения подобной структуры: *риза бул-, ҡабул кур-, ҡабул ит-* со значением “быть довольным чем-то”, “выразить согласие”, “принять”: *Хоҙай биргәнеңә риза булдым. Хозай биргәнең кабул кӳрҙем. Хозай биргәнең кабул иттем* [БТАһ, там же]. Вероятно, переводчик башкирского текста стремился придать переводу исламский колорит, но не совсем удачно, а переводчики кряшенского и чувашского текстов, наоборот, старались избежать обращения к языку исламизированных татар и использовали общетюркские лексические элементы, в данном случае – слово *тук* “сытый”[18], выявляя при этом новую смысловую грань слова.

Ещё одна особенность башкирского текста, указывающая на его оригинальность, – упомянутая в ней оценка продолжительности жизни (максимального возраста). В кряшенском и чувашском переводах приведена библейская оценка средней продолжительности жизни, т.е. 70–80 лет[*], а в башкирском – исламская[**]. Этот нюанс указывает на широкие познания составителя ОЗЖ в области религиоведения, на его внимательное отношение к экстралингвистическим факторам, не считая неверного употребления конструкции *кабул бул-*. Сравним:

Язык	**Текст**	**Дословный обратный перевод**
Башкирский ([ОЗЖ 1899:3])	*Бы донйалагы гомөр бик кыскә: күб-күб тигәндә кеше йетә алтмыш-жетмеш йәшкә*	Жизнь в этом мире очень коротка: самое большее – человек достигает шестидесяти-семидесяти лет
Кряшенский ([Теге дӧньядяге тормош турында 2009:3])	*Аның тормошо житмешкя чаклы, кюб торса сиксянгя чаклы…*	Его жизнь до семидесяти, если долго проживет – до восьмидесяти
Чувашский ([О загробной жизни 1912:3])	*Унăн пурăнаҫĕ ҫитмĕл ҫула ҫитиххĕн, нумай пурăнсан сакăрвун ҫула ҫитиххĕн*	Его жизнь до семидесяти, если долго проживет – до восьмидесяти

Проведенный анализ башкирского перевода и его сопоставление с переводами на другие тюркские языки дали нам определенную информацию относительно компилятивного характера башкирского перевода. Иноязычность автора перевода проявляется в том, что в отдельных случаях мы отмечаем недостаточность знаний переводчика об особенностях башкирского языка.

Литература

Башкирско-русский словарь (отв. ред. Ураксин З.Г.). М.: Дигора, Рус. яз., 1996. 884 с.

БТАһ – Башҡорт теленең академик һүҙлеге: 10 томда. Т. V (Ҡ хәрефе) / Ф.Г. Хисамитдинова редакцияһында. Өфө: Китап, 2013. 888 б.

Бобровников Н.А. Русско-туземные училища, мектебы и медресе Средней Азии. Путевые заметки. С.-П.: Сенатская тип., 1913. 90 с.

Бессонов А.Г. Первая после букваря книжка для чтения и первоначальные уроки русского языка для юго-восточных башкир. Казань, 1907. 56 с.

НА РТ Ф. 968. Оп. 1. 1890 г. Д.117. Л.134; 145.

НА РТ. Ф. 968. Д. 189. 1876 г. Л.113.

Никольский А. Переводческая Комиссия Православного Миссионерского Общества при Братстве Св. Гурия в Казани. Очерк из истории православной миссии среди инородцев России во второй половине XIX-го столетия. Москва: Печатня А.И. Снегиревой, 1901. 70 с.

О загробной жизни по учению православной церкви. На башкирском языке. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1899. 36 с.

О загробной жизни по учению православной церкви. На крещено-татарском языке. 2-е издание Православного миссионерского общества. Казань: Типография Н-овъ М.А. Чирковой, 1907. 58 с.

О загробной жизни по учению православной церкви на чувашском языке. Издание пятое православного миссионерского общества. Казань: Центральная типография, 1912. 32.с.

Остроумов Н. П. Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещеных татар Казанской губернии / [Николай Остроумов]. Казань: тип. Ун-та, 1876. 145 с.

Письма Н.И. Ильминского к крещеным татарам. Издание ред. Православного собеседника. Казань: тип. Императ.унив., 1896 г. 210 с.

Теге дӧньядяге тормош турында. К 20-летию кряшенского прихода г. Казани (1989-2009). Казань, 2009. 47 с.

© Абубакирова Л. Ф., 2022

[18] тук I «сытый, наевшийся» [Башкирско-русский словарь, 1996, 640]; *тук* «сытый, насыщенный», *туклык* «довольство» [Остроумов, 1876, 124].

[*]Псалом 89, стих 10: «дние лет наших в нихже седмьдесят лет, аще же в силах, осмьдесят лет».

[**]Согласно хадису: «Продолжение жизни моей уммы насчитывает от шестидесяти до семидесяти лет, и мало кто проживет дольше этого».

УДК *81.373 (2 каз)*

Алиева С.А., Казахстан, Алматы
Академия логистики и транспорта, старший преподаватель

АНТОНИМЫ В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

В статье дан анализ антонимов, встречающихся в пословицах и поговорках казахского языка. Противопоставление помогает образно рассказать о совершенно противоположных явлениях, показать непохожие друг на друга картины окружающего мира, оттенить одно качество предмета на фоне другого, сопоставимого с ним, передать более полно и точно чувства и переживания людей. Благодаря антонимам речь становится выразительной, красивой и точной. Они в пословицах и поговорках выполняют несколько функций: усиливают выразительность высказывания, придавая ему законченный, афористичный характер, реализуют прием антитезы намеренного противопоставления каких-либо явлений. Служат средством оценки выражения речевой экспрессии.

Ключевые слова: *пословицы и поговорки, антонимы, точная интерпретация, эмоциональные чувства, литературный язык.*

Aliyeva S.A. Kazakhstan, Almaty
Academy of Logistics and Transport, Senior Lecturer

ANTONYMS IN ANTHROPOCENTRIC PROVERBS

The article analyzes the antonyms found in proverbs and sayings in all parts of the speech of the Kazakh language. Contrasting helps figuratively tell about completely opposite phenomena, show dissimilar pictures of the world, highlight one quality of the object against the background of another, comparable to it, to convey more fully and accurately the feelings and experiences of people.They perform several functions in proverbs and sayings: they enhance the expressiveness of an utterance, giving it a complete, aphoristic character, implements the antithesis technique-the deliberate opposition of any phenomena. They serve as a means of evaluating of speech expression.

Keyword*s: proverbs and sayings, antonyms, accurate interpretation, emotional feelings, literary speech.*

АНТРОПОЦЕНТРЛІК МАҚАЛ-МӘТЕЛДЕРДЕГІ АНТОНИМДЕР

«Антоним (грек сөзінен шыққан, anti – қарсы, onyma – ат, атау) – тілдің мағына жағынан өзара бір-біріне қарама-қарсы атауыштық бірліктері. Антоним зерттеудің әртүрлі принциптеріне орай бірнеше топтарға бөлінеді: логикалық-грамматикалық, психолингвистикалық және тілдік» [Қазақ тілі, энциклопедия, 1998, 23]. «Антонимия – бір-біріне қарама-қарсы мағыналарға ие лексикалық бірліктердің семантикалық қарым-қатынасы. Антонимияның психологиялық негізі – адамның ой-санасындағы контрастылы байланыстар. Осы арқылы антонимдер сөйлеу барысында бірге, бірлесе қолданылады және солай қабылданады. Антонимия – лексикалық құбылыс» [Қазақ тілі, энциклопедия,1998, 24].

Қазақ тіл білімі ғылымында Қ.Аханов, Ә.Болғанбаев, Ж.Мусин, Ғ.Мұсабаев, І.Кеңесбаев, Ғ.Қалиев т.б. ғалымдардың еңбектерінде антонимдер әр түрлі зерттеу саласында көрініс тапқан.

Тіл көркемдігін арттыруда антонимдердің қызметі зор. Ж.Мусин «Қазақ тілінің антонимдер сөздігі» – атты еңбегінде, антонимдерге әр түрлі бағыттағы анықтама берген:

1. Әдетте мағыналары бір-біріне қарама-қарсы сөздер – антоним деп аталады.

2. Антонимдік мағына сапалық ұғымдарға тән болады деген пікір жиі қолданады.

3. Антоним сөздердің қарама-қарсылықты мәні, олар бір сөйлем ішінде қатар қолданғанда айқын аңғарылады. Мұндайда антоним сөздердің мағыналық қарама-қарсылығы айрықша баса көрсетіліп, ерекше көзге түседі [Қордабаев, 1991, 27]. Зерттеуші-ғалым Ә.Болғанбаев «Қазақ тілінің лексикологиясы» атты еңбегінде антонимге мынадай тұжырым жасайды: Антонимдер дүниедегі заттардың, құбылыстардың сын-сапасын, артық, кем қасиетін, мөлшер-көлемін салыстырып, бір-біріне қарама-қарсы қоюдан шығады [Болғанбаев, 1968, 21]. Антонимдер дүниедегі, әлемдегі құбылыста, сондай-ақ адам бойындағы өмір мен өлім, жақсы мен жаман, күн мен түн, жұмсақ пен қатты, тірі мен өлі, қайғы мен шаттық, әділет пен қиянат түрінде кереғар ұғымдардың жиынтығы.

Антонимдер әр түрлі жұрнақ, жалғаулар қабылдап, солар арқылы жаңа сөз өрбітіп, өріс аумағын кеңейтіп, мағыналық қырларын молайта отырып та тіл шұрайлығына қызмет етеді. Сөз таптарының ішінде әсіресе сын есімді антонимдер мақал-мәтелдерде жиі кездеседі. Сын есімді антонимдердің қолданылуының табысы мынада:

а) заттың сапасын, қасиетін анықтайды; ә) адамның мінез-құлқы, көңіл- күйінің танып білуге көмектеседі; б) заттың сыр-сипаты мен белгілерін анықтайды; в) зат пен құбылыстың түр-түсінің реңін танытады; г) заттың, құбылыстың дәмін, сипатын, құрамын танытуда осы антоним сөздер жиі пайдаланып, тіл көркемдігін, ой көркемдігіне жетелеп, айтылған ойдың эстетикалық сипатын, сымбатын танытуға жәрдемдеседі.

Антонимдердің сын есімдерден жасалуы. Сапалы сөздер-антонимдер семантикалық тұрғыдан бейтараптандырылып, теңестірілетін нормаға сәйкес келеді және симметриялы болады. Бағаланған сапалық мәні бар мұндай антонимдер мағыналары ұқсас емес қарама – қайшылықтарға қарсы тұрады. Қарама - қарсы бағытталған әрекеттердің (белгілері, түсі, қасиеттері, түрі, көлемі, және т.б.) қарама – қарсы қоюмен өлшенетін әр түрлі түбірлі сөздерді қамтиды: көтерілу – төмен түсу, тұру – жату, толық –арықтау, бай-кедей және т. б. бағыттылықты білдірмейтін ұқсас сөздер антонимдерге жатпайды: көтерілу-төмен түсу, тұру-жату (жерден-жерге), бір жағынан, тұру-екінші жағынан жату. Мұнда есептеу нүктесі жиі арнайы белгіге ие емес және сипаттамалық түрде беріледі: толу – (бір салмақта

қалу) – арықтау. «Ауырдың астымен, жеңілдің үстімен»; «Жаман сөз жылатады, жақсы сөз жұбатады»; «Ең тәтті де тіл, ең ащы да тіл»; «Жақсы сөз – жарым ырыс»; «Көп сөз – күміс, аз сөз – алтын»; «Кіші баланың ұятын үлкен бала көтереді»; «Ақымақ ішкен-жегенін айтады, ақылды көрген-білгенін айтады»; «Тозар елдің жанжалы бітпес, озар елдің арманы бітпес».

Антонимдердің жұптары әртүрлі сөйлеу бөліктерімен көрсетілуі мүмкін, кейде мақалдағы жұптар бір емес болуы мүмкін. Төменде берілген мысал жұптарда сын есімдер бар. Біздің есептеуіміз бойынша антонимдер рөлінде қолданылатын зат есімдер мен сын есімдер көп, соның ішінде контекстуалды түрі де кездеседі. «Аш бала, тоқ баламен ойнамайды, тоқ бала, аш болам деп ойламайды»; «Жақсыдан үйрен, жаманнан жирен»; «Баланың жақсысы – қызық, жаманы – күйік»; «Жақсылыққа жақсылық әр кісінің ісі, жамандыққа жақсылық ер кісінің ісі» «Жаман сөз жылатады, жақсы сөз жұбатады».

Дүниедегі заттар мен құбылыстардың сапасын, қасиетін, мөлшерін салыстырып және қарама-қарсы қою, өмір мен өлім, жақсылық пен жамандық, адалдық пен арамдық, ақ пен қара, жақсы мен жаман сияқты кереғар ұғымдарды көрсету арқылы философиялық ой түйінін, өмірге көзқарасын халқымыз мақал-мәтелдерде антонимдерді қолдану арқылы, яғни контраст суреттер беруде жиі пайдаланады. Антонимдердің стильдік қызметі туралы орыс ғалымы В. Виноградов: «Антонимы как стилистическое средство широко используются в языке художественной литературы и публицистики. Антонимы служат для подчеркивания, выделения наиболее важных моментов речи» [Виноградов, 1991, 128] десе, ғалым К.Аханов: Антонимдердің стилистикалық қызметі өте күшті. Қарама-қарсы құбылыстарды салыстыруда, оларды бір-бірімен қатар қойып шендестіруде және осы тәсіл арқылы айтылатын ойды тайға таңба басқандай етіп түсіндіруде антонимдер айрықша қызмет атқарады. Антонимдерді шебер қолданудың нәтижесінде айтылатын ой мейлінше ашық-айқын, мейлінше мәнерлі болып келеді деген [Аханов, 2010, 328].

1. Мақал-мәтелдердегі антонимдерді саралай келе зат есім мен сын есімнен жасалған антоним сөздердің соншама молдығы ұлттық танымдық мағынаны беретін сөздердің өмірмен тығыз байланысты екендігін, сабақтастығын көрсетеді де іргелес сөйлемде қарама-қарсы қойылып шендестіріледі. Мұндағы антоним сөздер ойды қысқартып, ықшамдап беру арқылы астарлы үлкен мәнді білдіреді. Қарама-қарсы түрінде берілген сөздерде халықтың дүниетанымдық ой сүрлеуі жатыр. 2. Антонимдер іргелес сөйлемде қарама-қарсы қойылып шендестіріледі. Мысалы: «Ер бір рет өледі, қорқақ мың рет өледі»; «Аш бала, тоқ баламен ойнамайды, тоқ бала аш болам деп ойламайды»; «Алыс жермен құда болсаң, түйе-түйе ас келер, жақын жермен құда болсаң, түйе-түйе сөз келер». Мақал-мәтелдердегі антонимдер ойды жинақтап айту үшін қолданылады. «Алдау – зұлымдық, алдану – аңғырттық»; «Жаман адам мақтанса, жақсылық аяғын шалдым дер»; «Анығын айту адалдық, ала сөйлеу арамдық»; Мұндағы зұлымдық, аңғырттық, адалдық, арамдық, жаман, жақсылық деген сөздердің әрқайсысының беретін мағынасы бар, бірақ мұнда қарама-қарсы мәні бар сөздер жинақтау мәнде қолданылы. Сонымен бірге мақал-мәтелдердегі сын есім сөздер бірыңғай мүше ретінде келіп, абстракті ұғымды береді. Мысалы, «Үйдің жылы, суығын – қыс түскенде білерсің, кімнің алыс, жақынын – іс түскенде білерсің». Қатар қолданылатын антонимдер сөйлем бойында бірге келіп, үнемі адам іс-әрекетінің айнасы ретінде беріліп, өмір бойы болып жатқан кереғар ұғымдар беріп, мәтінге үлкен мағына үстеп, ой әсерін күшейтіп отырады. Сын есім антонимдердің негізінде танымдық идеясы беріліп, дүниедегі ұғымдарды бірімен-бірін салыстырып, шендестіріп береді. Сын есімдерден берілген антонимдер анық, айқын, оқырманына түсінікті жұмсалады. Қайшылығы мол өмір, сол қайшылықты тудыратын құбылыстың бірі – адамдардың тұрақсыздығы, күншіл, көрсе қызар, жалтақ, жағымпаз іс-әрекеттерінің тайыз, төмендігі, осыған қарама-қарсы ұғымдағы ізгі-ниет қасиеттерді бағалауды мақсат етуді, осындай өмірдің кереғар тіршілік тынысын беруде антонимдер өте ұтымды қолданылып тұр.

Антонимдердің зат есімдерден жасалуы. Антонимдері бар мақал-мәтелдер жақсылық пен жамандық, ақыл мен ақымақтық, махаббат пен дұшпандық, байлық пен кедейшілік, жастық пен кәрілік, еңбек пен жалқаулық, бақыт пен бақытсыздықты қарсы қою арқылы жасалады. Олар адамның оң қасиеттеріне назар аударады. Антонимдердің рөлінде сөздің әртүрлі бөліктері: зат есімдер, етістіктер, сын есімдер болуы мүмкін. Антонимдер өзара алшақ қарама-қарсы ұғымды білдіретіндіктен, бұлардың сөз табына қатысы бірдей емес. Бір сөз табы қаншалықты бай болса, екінші бір сөз табы мүлдем кездеспеуі де мүмкін. Қазақ тілінде антонимдер көбіне сын есімдерден, онан соң етістіктер, зат есімдер, үстеулерден азды-көпті кездеседі [Болғанбаев, 1968, 117]. «Дос жылатып айтады, дұшпан күлдіріп айтады»; «Ақылдан жақын дос жоқ, ашудан жаман қас жоқ»; «Ашу – дұшпан,ақыл – дос»; «Кісі елінде сұлтан болғанша, өз еліңде ұлтан бол»; Жас кезімде бейнет бер, қартайғанда зейнет бер»; «Сырласуға дос жақсы, сыйласуға жат жақсы»; «Ерте шықсаң, алдыңнан күн шығады, кеш шықсаң, алдыңнан түн шығады»; «Көп сөз – күміс, аз сөз – алтын»; «Жалқаулық аздырады, еңбек оздырады».

Антонимдердің етістіктен жасалуы: Мақал – мәтелдердің ешқайсысын көне, пайдаланылуға жарамайды деп айтуға болмайды, мақалдар халықтың тірі дауысы: халық өз жадында тек бүгін қажет және ертеңге қажет екендігін ғана сақтайды. Нақыл сөздерде өткен туралы айтылса, ол қазіргі және болашақ тұрғысынан бағаланады – афоризмде көрсетілген өткеннің қандай шамада халық мұраттарына, үміттеріне сәйкес келетініне байланысты шешіледі немесе мақұлданады. Мақал-мәтелдер халық арасында пайда болады, сондықтан халықтың ұжымдық пікірін білдіреді. Онда өмірді халықтық бағалау, халық ақылын бақылау бар. Жеке ақылмен жасалған сәтті афоризм, егер ол көпшіліктің пікірін білдірмесе, халық мақалы болмайды. Мақал-мәтелдер бойынша тұлғаның оң және теріс қаси-

еттері адамдардың мінез-құлқын жан-жақты жақсартуды көздейтін тәрбие мен қайта тәрбиелеу мақсаты ретінде ұсынылады. Сонымен қатар, барлық халықтар адамдық кемелділікті мойындайды. Бұдан ары етістіктермен көрсетілген контекстуалды антоним жұптарын қолданамыз: «Ерте жатып, кеш тұру, пысықтықтың белгісі»; «Жақсыдан үйрен, жаманнан жирен»; «Пәлен жерде алтын бар, барсаң мыс та жоқ»; «Жалғыз жүріп жол тапқанша, көппен бірге адас»; «Ер жігіт елі үшін туады, елі үшін өледі»; «Бірлігі жоқ ел тозады, бірлігі күшті ел озады»; «Шын ер – жеңсе тасымас, жеңілсе – жасымас»; «Жақсы әйел жаман еркекті түзетеді, Жаман әйел жақсы еркекті жүдетеді».

Тіліміздегі мақал-мәтелдердің қайсыбірін алсақ та, терең толғаныстардың, философиялық ой-жүйелерінің түйіскен жері, тоқсан ауыз сөздің тобықтай түйіні. Өмірдің барлық құбылыстары тепе-теңдікке құрылмайды. Олай болған жағдайда, өмірдің өзі де күрделілігін жоғалтып, ойлануға да орын қалдырмаған болар еді. Ғалым А.Нұрмаханов: Түркі халықтарының мақал-мәтелдеріндегі антонимдердің құрамына назар аударсақ, оларда белгілі бір заңдылықтар бар. Соны ата-бабаларымыз білген, көрген, түсінген, артына өшпес өсиет етіп қалдырған. Өмір – тегіс, тек ащы, немесе бір тегіс тәтті болмайтындығын ескере отырып, адам баласы жақсыны да, қорлық-зорлықпен қатар, жақсы күн, жарқын өмірді де басынан кешіретіндігін мақал-мәтелдер арқылы алдына жайып, салады – деп тұжырым жасайды [Нұрмаханов, 1998, 139]. Мақал мен мәтел – сөз атасы, сөз көркі, «тоқсан ауыз сөздің тобықтай түйіні». Ауызекі тілде болсын, жазу тілінде болсын дәл мақал-мәтелдей мазмұнға бай ешбір шығарма түрі жоқ. Халқымыздың асқан даналық, таң қаларлықтай шешендік қасиеттерін өз бойына мақал-мәтелдей мол және жан-жақты жинап сақтаған шығарма жанры болған емес. Мақал-мәтелдің өн бойында поэзияға тән жинақылық, үнділік, саздылық, ұйқас, ырғақты кездестіреміз. Онда басы артық бір сөз болмайды. Барлығы өз орнында. Мақал-мәтелде бәрі екшелген, сұрыпталған, жымдаса біріккен, ой-өрнек ажыраспас туыстық тапқан [Қордабаев, 1991, 23]. Мақал-мәтелдерде халық сөзді барынша үнемдеп қолданған. Кейде, тіпті, сөз тастап та кетіп те отырады. Бірақ одан мақал-мәтелдің мазмұнына ешқандай нұқсан келмейді.

Антонимияның логикалық негізін анықтауға арналған жұмыстар А. Л. Новиковта да кездеседі. Автор антонимияның логикалық негізін қарама-қарсы көрінетін ұғымдар құрайды деген пікір де кездеседі. Олар родтық ұғымның көлеміне кіреді, ол бірыңғай және сонымен бірге дифференцияланатын, "бөлінбейтін" мәнін көрсетеді: «ақ» – «қара» («түр-түс»), «жеңіл» – «ауыр» («салмақ»), «баяу» – «жылдам» («жылдамдық»), «көтерілу» – «төмен түсу» («тік қозғалыс»), «шындық» – «өтірік» («шындыққа сәйкес келу») және т.б. [Новиков, 1973, 56] мысалы «Бестің басы болғанша, алтының аяғы бол».

Бұл жағдайда авторлар қарама – қайшылықтардың екі түрін ажыратады: қарама – қарсы (латын contrarius-қарама-қарсы) және комплементарлы (латын complementum-қосымшалы). Мысалы. «Дұшпанға тастай қатты бол, досыңа балдай тәтті бол»; «Жаман жолдастан жақсы дұшпан артық»; «Тар жерде табысқан, кең жерде келіседі»; «Білімдінің күні жарық, білімсіздің күні шарық»; «Келген дәулет, кеткен бейнет».

Қарама-қарсы түрлік ұғымдар қарама-қайшылықтардан айырмашылығы қандай да бір рулық ұғыммен анықталатын сапа, қасиет, іс-әрекет көрсету шегін анықтайды. Олар шынайы антонимияның логикалық моделін құрайды.

Қорытынды. Қорыта келе мақал-мәтелдердегі антонимдік қатынаста тұрған сөздердің семантикасы біздің қоршаған ортада, дүниеде болып жатқан қайшылықтарды дәл басып береді. Қарама-қайшылық ұғымы болмаса өмірді сезіну де, түйсіну де, қабылдау да соншалықты түсінікті болмас еді. Біріншіден, зат есім антонимдер сөйлемде қайталанып келіп, адамның жан-дүниесін өмірдегі күй-зелісін, сезіміндегі толғанысын береді. Екіншіден, қарама-қарсы ұғымдағы сын есім антонимдер де жарыстыра қолданылып, адам өміріндегі құбылыстарды салыстыра, шендестіре отырып, оқырманына ой салады.

Үшіншіден, мақал-мәтелдегі антонимдердің стильдік бояуы анық, экспрессивті-эмоционалдық әсері күшті, ой мазмұнын тереңдетіп, өмір құбылыстарынан, ой оралымдарынан хабар беретін мағыналы сөздер. Біз мақал-мәтелдердің әрқайсысын жоғарыда ұсынылған антонимдердің барлық функцияларының бар-жоғына талдау жасай отырып, сондай-ақ ондағы антонимдерді семантикалық және құрылымдық жіктемелерге сәйкес қандай да бір түрге немесе түрге жатқызған жөн екенін дәлелдеуге тырыстық.

Әдебиет

Аханов К. Тіл білімінің негіздері. Алматы: Өлке, 2010. 368 б.
Болғанбаев Ә. Қазақ тілінің лексикологиясы Алматы: Мектеп, 1968. 146 б.
Бочина Т. Г. Ключевые слова фольклорной картины мира в пословице-антитезе. Казань, 2003.
Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1991. 128 с.
Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка. Ростов-на-Дону, 1995.
Иванова В. А. Антонимия в системе языка. Кишинев, 1982.
Қазақ тілі, энциклопедия. Алматы: IDK-TIPO редакциялық-баспа орталығы, 1998.
Қордабаев Т., Қазақ тіл білімінің мәселелері. Алматы: Рауан, 1991.
Малайсарин Ж. Қазақтың мақал-мәтелдері. Алматы: Ана тілі 2004. 184 б.
Нұрмаханов А. Түркі фразеологиясы. Алматы: Ғылым, 1998.
Новиков Л. А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике). М.: Издательство МГУ, 1973. 290 с.
Тұрманжанов Ө. Қазақтың мақалдары мен мәтелдері. Алматы: Білім, 2007. 268 б.

© Алиева С. А., 2022

УДК *81’28:811.512.1*

Алишина Х.Ч., Россия, г. Тюмень
Институт социально-гуманитарных наук
Тюменского государственного университета, д.ф.н., профессор

СЕРИЯ ТОПОНИМОВ КЛАССА “РЫБОЛОВСТВО” В ТОБОЛО-ИРТЫШСКОМ ДИАЛЕКТЕ СИБИРСКИХ ТАТАР*

Сибирь – край озёр и болот. Издревле тюркоязычные племена селились на берегах рек Иртыш, Тобол, Тура, Тавда, Пышма, Тап, Атран и многих других, добывая на пропитание рыбу в различных водоёмах – реках, протоках, старицах, бурьянах. В статье приводятся лексемы семантического типа “Рыболовство”, собранные автором в полевых условиях во время экспедиций в сельские районы компактного проживания татар Тюменской области.

Ключевые слова: *тюркские топонимы, группы промысловой лексики, детерминантная лексика, онимизация.*

Alishina Kh.Ch., Russia, Tyumen
University of Tyumen, Institute of Social Sciences and the Humanities,
PhD in Philology, Professor

A SERIES OF TOPONYMS OF CATEGORY "FISHING" IN TOBOLO-IRTYSH DIALECT OF SIBERIAN TATARS

Siberia is the land of lakes and swamps. Since ancient times, the Turkic-speaking tribes settled on the banks of the rivers Irtysh, Tobol, Tura, Tavda, Pyshma, Tap, Atran, and many others, catching fish for food in various reservoirs - rivers, channels, oxbow lakes, buryans. The article presents lexemes of the semantic type “Fishing”, collected by the author during expeditions to rural areas densely populated by Tatars in the Tyumen region.

Keywords: *Turkic toponyms, trade vocabulary groups, determinative vocabulary, onymization.*

Историко-лингвистическое исследование тюркского ономастикона Тюменской области является частью комплексной темы «Региональная ономастика, диалекты и взаимодействие языков Тюменской области», которая разрабатывается в Тюменском государственном университете в течение длительного времени. Мы работаем над этой важной проблемой, проистекающей из общих задач изучения языков и истории коренных обско-угорских, самодийских, славянских, тюркских народов Западной Сибири – ханты, манси, ненцев, селькупов, русских, татар.

Основная цель предпринятого нами исследования вытекает из необходимости ответить на ряд актуальных вопросов происхождения сибирских татар через познание условий, времени, принципов и закономерностей формирования системы собственных имен – географических, этнических, личных.

На юге Тюменской области тюркские топонимы выявляются во всех 22 районах, в т. ч. Абатском, Армизонском, Аромашевском, Бердюжском, Викуловском, Голышмановском, Заводоуковском, Ишимском, Казанском, Омутинском, Сладковском, Сорокинском, Упоровском, Юргинском, где нет татарских селений, а сконцентрировано старожильческое русское население.

Тюркские по происхождению топонимы обнаруживаются и на северных территориях в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, исторически населенных уграми и самодийцами. Фактор присутствия тюркских топонимов в местах, где тюрки давно не проживают, является дополнительным критерием надежности наших выводов. Наличие таких географических имён играет вспомогательную роль – помогает установлению исторического фонетического облика татарских топонимов, ставших русскими, сопоставлению с аналогами в татарском, способствует более точной хронологизации и периодизации истории Сибири.

Ядро сибирскотатарской «историко-культурной общности» находится там, где в средние века располагались столицы первых и единственных на просторах от Урала до Тихого океана двух татарских государств – Тюменского и Сибирского ханств. Это современная Тюменская область. В 1924-34 гг. Екатеринбургская, Пермская, Челябинская, Тюменская губернии были в составе Уральской области. В 1934-44 гг. территория современной Тюменской области входила в состав Омской области. С 1944 года – отдельная область.

Территория Западно-Сибирской равнины была заселена племенами саргатской археологической культуры еще в IV в. до н.э. Они имели высокоразвитую металлургию, занимались скотоводством, земледелием, рыболовством, собирательством. В социальной структуре общества выделялись богатые вожди, конные наездники, пешие лучники, простые люди. Здесь проходили международные торговые караванные пути. По этой территории прокатывались волны гуннских кочевников, одна культура сменяла другую. Население, проживавшее по берегам Туры, Тобола, Иртыша, с древнейших времен испытывало на себе перекрестное влияние мировых цивилизаций. Каждая новая культура старательно стирала следы предыдущей. У автохтонного населения постепенно менялись религия,

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект».

язык, традиции, этнические имена. Но это коренное население сохранилось до наших дней, донеся из глубин истории географические названия различных объектов родной земли.

В словарном фонде сибирских татар группы промысловой и хозяйственной лексики занимают особое место. В статистическом плане терминология коневодства, скотоводства, земледелия превышает терминологию охоты и рыболовства. Наиболее ранними из видов хозяйственной и промысловой деятельности явились охота, животноводство и собирательство, затем свое развитие приобрело рыболовство. Как показали исследования [Рахимова, 2001, 17], в хозяйственной лексике сибирских татар наблюдается общность с языками уйгурской (северо-восточной) группы, что свидетельствует об их древних контактах с тюркскими народами Саяно-Алтайского региона. Значительную часть общности составляет древнетюркская лексика. В лексике, относящейся к животноводству и подсобному хозяйству, имеются сибирскотатарские и монгольские лексические параллели, которые отражают тесное взаимодействие сибирско-тюркских и монгольских племен в древние времена. Лексика, связанная с земледелием, овощеводством, изобилует русскими заимствованиями. В этой же подгруппе выявляется слой арабской лексики. Многие лексемы, связанные с теми или иными сторонами деятельности предков сибирских татар, онимизировались, легли в основу гидронимов, ойконимов, потамонимов, лимнонимов и др.

В лесостепном Притоболье уже 5000 лет назад существовали племена, в хозяйстве которых важное место занимало рыболовство. На археологических памятниках найдены кости и чешуя рыб, грузила, поплавки от сетей [Матвеева, 1993, 120]. Рыболовство, как и в прежние времена, является составной частью комплексного хозяйства сибирских татар.

Для передвижения по воде использовали лодку-долбленку (*төмпә* – Төм, Тар. – Т.: 215), четырехвесельную лодку (*сорык* – М. Уват, *сорых* – Тевриз. – Т.: 191), большую лодку с парными веслами (*пуйницә* – М. Уват, Тм. – Тм.: 178), а также большую лодку (*кәйүк*), сделанную из досок (Лайт. – Т.: 93). Парные весла назывались *көрөсмән*, рулевое весло – *тәсе*, а человек, сидящий на корме – *сумлаган кеше* (рулевой). На лодке существовал лоток для рыбы (*талбыйа*). Термин *көрөсмән* известен во всех трех диалектах сибирских татар, его фонетические аллофоны употребляются в том же значении в чувашском, марийском, языке астраханских татар. Этимология слова восходит к монгольскому *хүрз* «лопата» + аффикс *–мән* со значением уподобления или уменьшения [Рахимова, 2001, 17].

Сибирские татары придавали особое значение водоемам, в которых происходил нерест рыбы. Их названия сохранились в гидронимике: *Үрчикә* /Тм./ (*үрчеткеч* – пруд, питомник. ТТАС: 3: 736), *Үрәвәй йылга* /рч., Вг./ (*үрләү* – каз.-ар., балт. – метать икру, икриться. ТТАС: 108/, *Үрге тәү күл* /оз., Вг. / (*үргү* – байк. – размножаться. ТТАС: 107).

В прежние времена рыбу ловили сетями (*ау, параткы*), неводом /*күмбә* – Тоб. Р. – плетеный невод, Т.: 108; *путуак* – Тм. – орудие рыбной ловли, применяется на реках, Т.: 179; *сөңгөт* – М. Уват – приспособление для лова рыбы из озера, Т.: 192; *кайбат* – Лайт., Тб., Вг. – Т.: 114 – рыбная снасть с крючками, которую натягивают на колья, *йылтырак* – Тм., Лайт. – рыболовная снасть в виде длинного шнура с крючком на конце. – Т.: 90). Позднее у русского населения был заимствован способ ловли фитилями – *Пител күл* /оз., Вг./.

О том, какими приспособлениями ловили рыбу, свидетельствуют следующие гидронимы: *Үләт базы* /Нтд./ (*үләт палых ошлау* – Лайт. – «загарный» лов рыбы. Т.: 229), *Целән тал* /с., Тм./ (*цал* – Тб., Лайт, Чеб. – дорожка, сплетенная из камыша (применяется для устройства запоров при ловле рыбы. Т.: 223).

Рыли канавы, идущие из озера, длиной до километра и более, в которых устанавливали запоры с входом с одной стороны. В поисках свежей воды рыба шла в канаву, откуда ее черпали сачком (*күрек палык тоту* – садковый лов рыбы). Для садков использовали и естественные водоемы-старицы, и мелкие протоки, полностью перегораживая их. Такие устройства называли «оро» яма: *Оро кыр* /с., Яр./, *Орылы йүгә* /роща, Яр/. В последние годы появились заимствования из русского языка. Сема «сәтүк» рус. заим. *садок*: *Цәтүк партак* /с., Вг./, *Сәтүк* /оз., Яр.).

Наиболее распространенным рыболовным орудием была простейшая ловушка (*йесе /ищук /исе /үцек*. Т.: 80). Русские обычно называют ее *котец*. «Котец, котцы – плетневой перебой через речку для удерживания и ловли зашедшей туда рыбы» (по Далю). Этот снаряд изготавливался из еловой или сосновой дранки, переплетенной вверху, посередине и внизу прутьями тальника или черемуховой саргой. Нижние концы плоско заострялись и втыкались в дно. *Йесе* ставили в воду у берега или перегораживали им реку. В других случаях *йесе* использовали в сочетании с закрытыми плетеными ловушками-мордами – *сүгән*. (Мост Суганпаш /Ис., В. Инг.) Тальниковые каркасы плетеных ловушек оплетали черемуховой саргой. Запах коры привлекал насекомых, являющихся дополнительной приманкой для рыбы. В случае сочетания *йесе* и *сүгән* запорное устройство носило название *туан* (рч. Дуван, Тм.). Плетеная ловушка у тюрков-карагасов (тофа) носила название *сурпа* (рч., д., волость Супра). Для выдалбливания льда применялся *сүймән* ‘пешня’. На удочку татары рыбу никогда не ловили.

В словаре сибирских татар различаются такие виды рыб: *тогы* ‘осетр’, *кытыргак* ‘небольшой осетр’, *акпалык* ‘лещ’, *сүрек* ‘севрюга’, *сүйрү/сүйрек/сирук/сурек/оской, кәреш* ‘стерлядь’, *моксыл, орондо* ‘муксун’, *куңгырала* ‘хариус’.

Окунь – *Алабуга* /оз., Яр./, *Алабыгалы* /оз., Яр./, *Албуга сасы* /б., Тм/.

Чебак (плотва) – *Цабаклы* /рч., Тб./, *Цабаклы сас* /б., Тб/.

Щука (*цорагай*) – *Цорагайлы* /рч., Яр./, *Чуртан пос* /оз., Вг./.

Ерш (*йүршә*) – *Тәскәр печәнлеге* /с., Тб., Байгара/ (*таскәрә* – Омск., Тевриз. – ерш. Т.: 204).

Верхний плавник рыбы называется *канат* /у чулымцев – *кыпык*/, чешуя – *касмак*, икра – *ултык*, жабры – *айголак*, молоки – *саба*, желчный пузырь – *ут*, хрящевая спинка осетровых у чулымцев – *нерта* (ср. рч. Нерда, Яр., Тб.).

Экзотические виды обитающих в воде – *тимсах* ‘крокодил’ (Т.: 211), *кадырга* ‘кит’ (Т.: 113) – также имели «прописку» в сибирскотатарском лексиконе.

Часть топонимов связана с птицами, которые обитают на озерах и реках, питаются рыбой. Цапля (тат. диал. *челән*, сиб. *целән* (ср. *цел* – рябчик) – *Целән тал* /с., Тм./ Чайка (*чарлак* в тат. лит. *чайка*) – *Царлаклы* /б., Яр./, *Кәлмәргән* /яг., Яр./, *Цәүкә күл* /оз., Ис/. Гусь – *Қәле күл* /оз., Вг./ (*кәли* – Омск., Тар., Кыргап – *гусенок*. Т.: 95). Лебедь – *Аккош олы күл* /оз., Вг./, *Казбай күле* /оз., Яр./.

Таким образом, лексико-семантическая группа топонимов, отражающая занятия населения рыбной ловлей, отличается от группы «охота». В ней наряду с местными сибирскотатарскими терминами встречаются лексические единицы из «Диалектологического словаря татарского языка». Географические индексы таких единиц непосредственно указывают исходную точку, откуда происходила миграция татарского населения в Сибирь.

Серия топонимов класса «рыболовство» обнаруживает исторические связи с лексикой тофаларского, чулымско-тюркского языков. Здесь фиксируются топоосновы из собственных архаизмов тобольского, тарского, тевризского говоров тоболо-иртышского диалекта сибирских татар. Татарские говоры Поволжья и Приуралья представлены «заимствованиями» из среднего диалекта (балтасинский говор), мишарского диалекта (байкибашевский говор), из языка астраханских татар. Во-первых, обнаруженные лексемы из названных говоров свидетельствуют о миграции европейских татар в Сибирь. Во-вторых, многие лексемы, отраженные в татарских толковых и диалектологических словарях Казани, в прошлом имели место и в языке татар Сибири. Отмечены гибридные топонимы, препозиция которых состоит из диалектного сибирского слова, а постпозиционный детерминант – из казанско-татарского (например, *Үләт базы*).

Комплексный анализ явлений языка и материальной культуры, проведенный с опорой на надежный фундамент архивных и полевых, исторических и археологических исследований, показал: тюркские языки доминируют в ономастических системах Тюменской области. Исследование промысловой и хозяйственной лексики, безусловно, необходимо продолжать.

Литература

Алишина Х.Ч. Исторический ономастикон сибирских татар. Тюмень: Печатник, 2016. 576 с.
Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск. 1993. 216 с.
Рахимова А.Р. Лексика диалектов сибирских татар. Монография. Казань, 2001. 327 с.
Т – Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань: изд-во КГУ. 1992. 255 с.
ТТАС – Татар теленең диалектологик сүзлеге. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1993.

Список сокращений

байк – байкибашевский говор мишарского диалекта
Вг. – Вагайский район Тюменской области
диал. – диалектный
Лайт. – с. Лайтамак Тобольский район Тюменской области
М. Уват – с. Малый Уват Вагайский район Тюменской области
Нтд. – Нижнетавдинский район Тюменской области
Омск. – Омская область
оз. – озеро
Р. – В.В. Радлов
рч. – речка
с. – сенокос
сиб. – сибирский
Т. – Д. Г. Тумашева. Словарь диалектов сибирских татар.
Тар. – Тарский район Омской области
тат. – татарский
Тб. – Тобольский район Тюменской области
Тевриз. – Тевризский говор тоболо-иртышского диалекта
Тм. – Тюменский район Тюменской области
ТТАС – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге
Чеб. – с. Чебурга Тобольский район Тюменской области
Яр. – Ярковский район Тюменской области

© Алишина Х. Ч., 2022

УДК *81’44*

Амрахова Ф.А., Азербайджан, г. Баку
Азербайджанский университет, аспирант

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗЛОЖЕЛАНИЙ

В статье затрагиваются особенности использования злоželаний в речевой ситуации на примере элементов из азербайджанского фольклорного наследия. Отмечается, что злоželания, используемые в речевых ситуациях, выступают как самостоятельные выражения. Они ярко выражают эмоциональное состояние говорящего. В этом небольшом исследовании, проведенном в рамках статьи, использовался описательный метод языкознания.

Ключевые слова: *злоželания, азербайджанский язык, речевая ситуация, языкознание, фольклорное наследие.*

Amrakhova F. A., Azerbaijan, Baku
Azrbaijan University, Ph.D. student in Philology

COMMUNICATIVE FEATURES OF MALEVOLENCES

The article touches upon the features of the use of malevolence in a speech situation, on the example of elements from the Azerbaijani folklore heritage. It is noted that malevolence used in speech situations act as independent expressions. They very clearly express the emotional state of the speaker. In this small study, conducted as part of the article, the descriptive method of linguistics was used.

Keywords: *malevolence, Azerbaijani language, speech situation, linguistics, folklore heritage.*

QARĞIŞLARIN KOMMUNİKATİV ÖZƏLLİKLƏRİ

Folklor nümunəsi hesab edilən qarğışlar nitqdə bədxahlığın ifadəsi kimi çıxış edir. Bu ifadələr danışanın güclü emosional sarsıntı yaşadığı situasiyalarda daha tez-tez istifadə edilir və lənət səciyyəli olur. Təbii ki, hər bir xalqın etnik və milli düşüncsindən irəli gələn məsələlərlə bağlı qarğış və bəddualarын semantik-struktur xüsusiyyətləri fərqli olur. Bir xalq üçün qarğış hesab edilən ifadə, digər birində alqış kimi də səslənə, qəbul edilə bilər. Bu ifadələrdə yer alan sözlər, əsəasən, neqativ yüklü olduğundan, onların nitqdə istifadəsinə xüsusilə diqqət yetirilir Belə ki, güclü kommunikativ təsirə malik olan bu ifadələrin səsləndirilməsi, hətta, böyük münaqişələrə belə, səbəb ola bilər. Qeyd edilir ki, qarğışların “konseptuallaşdırılması ilə prototip vəziyyət arasında korrelyasiya mövcuddur” [Алиева, 2015, 96].

Qarğışların kommunikativ vahid kimi nəzərdən keçirilməsi Azərbaycan dilində danışanların nitq davranışının xüsusiyyətlərini və Azərbaycan mentalitetində şər kimi qəbul edilən reallıqları vurğulaya bilər. Azərbaycanlıların nitqdə istifadə etdiyi qarğışların əksəriyyətində uca yaradana müraciət müşahidə edilir. Hesab edilir ki, uca yaradan olan “Allah” hər şeyə qadirdir və ədalətin bərpası üçün hətta, zalımları belə cəzalandıra bilər. Bu baxımdan Azərbaycan dilində “Allah bəlanı versin!”, “Allah ahımı yerdə qoymasın!”, “Allah başına daş salsın!”, “Allahın qəzəbinə gələsən!”, “Allah səni pis günə qoysun!” və s.

“Allah” komponentli qarğışların bəziləri ikili funksiyalıdır. Yəni kontekstdən asılı olaraq, onlar bəzən alqış, bəzən isə qarğış kimi çıxış edə bilər. Məsələn, “Allah eləməsin!”, “Allah göstərməsin!” tipli söyləmlər sırf kontekstdən asılı olaraq, bəzən qarğış, bəzən də alqış kimi səslənə bilər.

Qarğış kimi istifadə edildikdə “Allah eləməsin!”, “Allah göstərməsin!” söyləmləri kiminsə hər hansı bir nailiyyətə və ya xoş günə çatmamaması mənasında işləndikdə qarğış funksiyası yerinə yetirir. Alqış kimi isə bu ifadələr haqqında alqış söylənən insandan qəm-kədərin, dərd-bəlanın uzaq olması mənasında işlədilir. Məsələn, “Allah pis gün göstərməsin!” və s.

Azərbaycan dilli qarğışlarda “qara” lekseminin daha çox yer almasının səbəbi bəzi mənbələrdə bu şəkildə izah edilir: “Sözün sehr gücünə inamı əks etdirən “alqış” və “qarğış”ın yaranması əski mifoloji təsəvvürlərlə bağlıdır. Bəllidir ki, ruhlar bir varlıq kimi zənn edilməklə, ibtidai dünyabaxışı sistemində “xeyirxah” və “bədxah” deyə iki qismə ayrılır. Əsatirə görə, bu ruhlar insanların həyatlarında çox mühüm rol oynayırlar. Adamların arzu və istəyini müsbət və mənfi mənada həyata keçirən, onları müəyyən bir işə sövq edən də guya elə bu ruhlardır. Elə “alqış”dakı “al” da, “qarğış”dakı, əslində, “qara” da ruh adlarıdır. Bunlardan birincisi uğurun, ikincisi isə uğursuzluğun rəmzidir” [Ömərov, 2017].

Qağışlarda zaman kateqoriyasının necə təzahür etməsi məsələsinə gəlincə isə, qeyd etməliyik ki, burada gələcək prespektiv, arzulananların gələcəkdə baş vermə istəyi ön planda daynır. Yəni “futural prespektiv modallıqla bir arada çıxış edir” [Кремшокалова, 2014, 280]. Bu baxımdan nitqi situasiyada qarğışların arzu, istək səciyyəli olduğunu söyləmək yerinə düşər.

“Alqış və qarğışlar xeyir və şər təsəvvürləri ilə bağlı meydana gələn paremik vahidlərdir. Alqışlarda xeyir əməllər təqdir edilmiş, qarğışlarda isə insanlara pislik edənlərə uğursuzluq, pislik ifad olunmuşdur” [Nəbiyev, 2002, 39].

Qarğışlarda epitetlərdən, metaforalardan, bənzətmələrdən geniş istifadə edilir. J. M. Yuşa qeyd edir ki, “xalq yaradıcılığında ayinlər, mərasimlər və rituallar ilə bağlı yaranan istənilən şifahi xalq ədəbiyyatı

nümunəsi praqmatik səciyyəlidir. Kompozisiya baxımından qarğışlar əsas ideyanın daşıyıcısı olan bir blokdan — neqativ istək və arzudan ibarətdir" [Юша, 2007, 108]. Folklor nümunələrinin bir hissəsi kimi qəbul edilən qarğışların dilə gətirilməsi də ziyan vurmaq məqsədi ilə həyata keçirilən ritualın bir hissəsidir. V. V. Teliya bununla bağlı öz monoqrafiyasında yazır ki, "bu xüsusiyyətlərə müəyyən bir xalqın və ya etnik qrupun yaşadığı yerin təbii-coğrafi mühiti, habelə ictimai-siyasi quruluş, maddi və mənəvi əsaslar, konkret etnik qrupa xas olan milli və hüquqi normalar hesabına formalaşan sosial-iqtisadi şərait, eləcə də dini və s. amillər əhəmiyyətli dərəcədə təsir edir" [Телия, 1996, 16].

Söylənənləri üumiləşdirdikdə, qarğışların nitqdə istifadə edilməsi ilə bağlı, qeyd edilməlidir ki, onlar daha çox kortəbii şəkildə, konflikt, düşmənçilik kəskinləşdikdə, pik həddə çatdığında güclü emosional oyanma zamanı dilə gətirilir və bir çox hallarda qarşı tərəfə təcavüzə hazırlıq aktı kimi qəbul edilir.

Литература

Алиева П. М. Лингвокультурологические параметры «зложеланий» арабского и аварского литературных языков // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. Т. 30. № 3. С. 92–99.

Валиева М. Р., Нафиков Ш. В. Проявление гнева в языке (на примере башкирских проклятий) // Вестник ОшГУ. 2017. № 4. С. 66–70.

Кремшокалова М. Ч. Темпоральный дейксис в благопожеланиях и проклятиях // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 1. С. 279–281.

Телия В. В. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Юша Ж. М. Магические формулы проклятий у тувинцев // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 4. С. 106–108.

Nəbiyev A. Azərbaycan xalq ədəbiyyatı. Bakı: Turan, I hissə, 2002. 680 s.

Ömərov V. Dualar, alqışlar və qarğışlar // Səs qəzeti. 29 dekabr 2017 11:23 [Elektron resurs]: https://sesqazeti.az/news/mia/655173.html

© Амрахова Ф. А., 2022

УДК *811.511*

Арзамазова О. А., Россия, г. Ижевск
Удмуртский государственный университет, н.с.

НАИМЕНОВАНИЯ КОМОЛОЙ (БЕЗРОГОЙ) КОРОВЫ В УДМУРТСКИХ ДИАЛЕКТАХ

В статье рассматриваются наименования комолой коровы в рамках создания Диалектологического атласа удмуртского языка. Очерчивается диалектное распространение слов, выявляются их этимологии и фиксации в письменных источниках. В диалектах удмуртского языка отмечены три генетически неоднородных лексических варианта. В северном наречии, в большей степени подвергнутому русскому влиянию, часто используется заимствование ***комолой*** *наряду с исконным словом* ***с'уртэм****, являющимся общим для всех наречий и срединных говоров. Заимствованная из булгарского языка лексема* ***мугло*** *характерна для срединных говоров и южного наречия, спорадически встречается и в других наречиях. Понятие «комолая корова» возникает в общепермский период, новые названия появляются в результате контактов с булгарами и русскими в период самостоятельного развития языка.*

Ключевые слова: *удмуртские диалекты, Диалектологический атлас, лексические варианты, понятие «комолая (безрогая) корова», булгарское заимствование, русское заимствование.*

Arzamazova O. A., Russia, Izhevsk
Udmurt State University, Researcher

NAMES FOR A HORNLESS COW IN UDMURT DIALECTS

The article deals with the names of a hornless cow in the framework of the creation of the Dialectological Atlas of the Udmurt language. The dialect distribution of words is described, their etymologies and their fixations in written sources are revealed. Three genetically heterogeneous lexical variants are fixed in the dialects of the Udmurt language. In the northern dialect, which is more influenced by the Russian language, a loan-word ***komoloy*** *and the original Udmurt word* ***s'urtem****, which is common to all dialects, are used. The Bulgarian loan-word* ***muglo*** *is typical for the median dialects and the southern dialect, it occurs sporadically in other dialects. The notion "hornless cow" appeared during the period of the community of the Perm peoples, new names arised as a result of contacts with the Bulgars and Russians during the period of independent development of the language.*

Keywords: *Udmurt dialects, dialectological atlas, lexical variants, expression "hornless cow", Bulgarian loan-word, Russian loan-word.*

Лексика животноводства является малоизученной темой в удмуртском языке. Вместе с тем она представляет часть культуры, отражает историю хозяйственной деятельности и этнических контактов народа. В экспедиционных материалах Диалектологического атласа удмуртского языка (далее – ДАУЯ) зафиксировано значительное количество лексических единиц, отражающих животноводческую тематику. Понятие «комолая», «безрогая корова, с одними лишь роговыми наростами вместо рогов» [БТС, 2003, 445], включено во второй вопросник ДАУЯ. В удмуртских диалектах выявлены три названия для комолой коровы: *комолой*, *с'уртэм*, *мугло.* Рассмотрим диалектное распространение лексических вариантов, их этимологии и фиксации в письменных источниках.

Лексема ***комолой*** и ее варианты распространены в северном наречии (*комолой* 1–3*, 6, 8, 9, 30, 31, 37, 40, 47, 48, *комоло* 19–31, 62, 64, 65, *помоло* 42, *помолой* 44), спорадически встречается в бесермянском наречии (*комулой* 45), в срединных говорах (*комоло* 10, 11, *комулой* 12, 13, *комола* 16, *комолой* 59, 75, 81, 83, 98, 101, 106) и центрально-южном диалекте (*комолка* 111, *комолой* 113, 119, *комоло* 132).

Слово *комолой* заимствовано из русских говоров через устно-разговорную речь. Лексема фонетически и морфологически адаптирована. В одних говорах русское окончание *-ая* перешло в *-ой*, а в других конечный согласный *-й* выпал и образовалась форма *комоло* схожая с удмуртскими прилагательными, оканчивающимся на аффикс *-о* (*куӵо* ‘пёстрый’, *визьмо* ‘умный’ и т.д.). Функционирующая в омгинском говоре (16) форма *комола* характерна и для верхнесысольского, лузско-летского диалектов родственного коми языка [СДКЯ, 2014, 705]. По-видимому, вариант *комола* заимствован в такой форме непосредственно из русских говоров [СРНГ, 1978, 235]. В кезском говоре (42) анлаутный согласный *к* перешел в *п*, вероятно, под влиянием губно-губного согласного *м* – *помолой*, *помоло*. В кульминском говоре (12, 13) в слове *комолой* гласный звук второго слога *о* перешёл в *у* – *комулой*, подобная фонетическая форма бытует в верхнесысольском диалекте коми языка – *комулӧй* [СДКЯ, 2014, 705].

Лексема *комолый* ‘безрогий’ имеет праславянское происхождение **комолъ(йъ)* – производное от **комъ* ‘обрубок, пень спиленного дерева’ [Фасмер, 1967, 304; ЭССРЯ, 2010, 417–418].

Слово *комолой* фиксируется в удмуртских письменных источниках с 1983 года: *комолой* диал. ‘комолый’ [УРС, 1983, 207; УРС, 2008, 314].

* Цифрами обозначены опорные пункты (населенные пункты), в которых собран диалектный материал.

Лексема ***с'уртэм*** фиксируется повсеместно, она функционирует в северном наречии (19, 22, 23–26, 27, 32, 33, 38–43, 50–52, 54, 55, 61), в бесермянском наречии (46, 49), в срединных говорах (10, 11, 18, 53, 56, 57, 68–73, 78–80, 84, 85, 87, 94, 100, 102, 103, 105–108), в южном наречии (15, 17, 109–113, 115–120, 124–131, 133, 135–137, 138, 139, *с'юртэм* 140, *с'уртэм* 145, 146, 149, 152, 156, 159, 162–164, 166, 167, 168, 171, 173, 174).

Слово *с'уртэм* образовано от существительного *с'ур* ‘рог’ с помощью аффикса *-тэм*, обозначающего отсутствие того, что выражено производящей основой (букв. ‘безрогий’). Аналогичная лексическая форма есть в диалектах и литературном коми языке: *сюртöм / сюртэм* ‘безрогий, комолый’ [РКС, 2003, 351; СДКЯ, 2012, 496]. Вероятно, слово *с'уртэм* возникло в общепермский период. Производное *с'ур* является индоевропейским заимствованием периода финно-угорской общности – **śorwa* ‘рог’ [КЭСК, 1999, 274].

Слово *с'уртэм* фиксируется в удмуртских письменных источниках с конца XIX века: *śurtem* S ‘безрогий’ (1880) [Wiedemann, 1880, 528]; *śurtem* MU ‘безрогая (корова)’ (1891–1894) [Wichmann, 1987, 240]; *сюртэм* ‘безрогий, комолый’, *сюртэм скал* ‘комолая корова’ (1932) [Борисов, 1991, 275]; *сюртэм* ‘комолый, безрогий’ [УРС, 1948, 285]; *сюртэм* ‘комолый, безрогий’; ~ *скал* ‘комолая корова’ [УРС, 1983, 407; УРС, 2008, 629].

Название ***мугло*** достаточно широко распространено, имеет множество фонетических вариантов в удмуртских диалектах. Слово и его варианты зафиксированы в срединных говорах (*мугло* 14, 67, 77, 82, 84, 86, 88–92, 95, 104, *муглок* 60, 74, 77, 78, 90, 99, *мугл'о* 93, *могл'о* 96, *мугл'ок* 97) и периферийно-южном диалекте (*мугло* 15, 17, 138, 142–144, 159–161, 163, 164, 169–171, *муголо* 141, 153, *му'ло* 154, 155, *муглок* 158, *моглок* 164, *мугл'о* 174, *мугла* 175, *мюklак* 167, 172), встречается в северном наречии (*мугло* 58, *муглок* 55, 76, *моглок* 34), в бесермянском наречии (*муглой* 45) и в центрально-южном диалекте (*мугло* 124, *мугл'о* 124, *мугл'ок* 126).

Слово *мугло* тюркского происхождения, имеет соответствия в чувашском – *мăкла* ‘комолый’, в татарском и башкирском языках– *тукләк* ‘комолый безрогий’ (в татарских диалектах *мукла / муклак / муқлак*). Слово произошло от общетюркского, монгольского корня *мок* / *мök* ‘тупоконечный’ [Ахметьянов, 2001, 148; Федотов, 1996, 348–349; Егоров, 1964, 130]. В удмуртский язык лексема заимствована посредством булгарского [Тараканов, 1982, 37]. Форма *мюklак*, функционирующая в ташкичинском говоре (167, 172), по-видимому, является вторичным заимствованием из татарского языка.

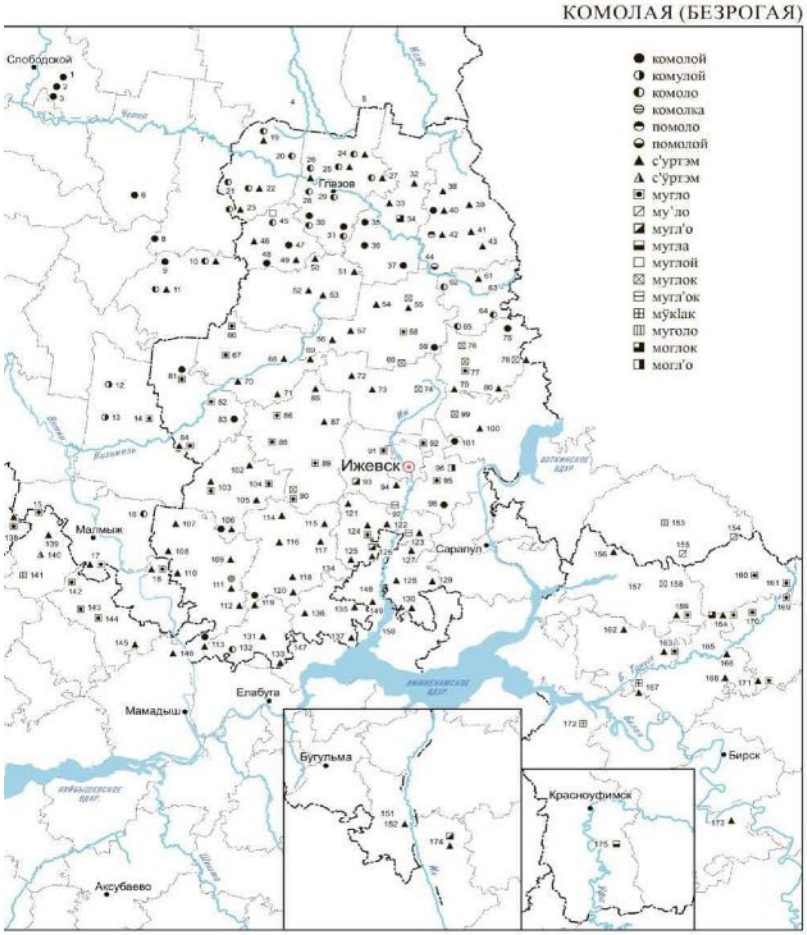
Лексема *мугло* и ее фонетические варианты фиксируются в удмуртских письменных источниках с конца XIX века: *mudQlo* ‘безрогий’ (1880) [Wiedemann, 1880, 503]; *muglo*, *mugyl'o* S M, *mugylo* MU ‘комолый’ (1891–1894) [Wichmann, 1987, 164]; *мугылок* ‘О рогатом скоте: комолый’ (1892, 1920) [Верещагин, 2006, 161]; *mugQläs, mugQl'o* ‘безрогая (корова)’ (Sar.) (1896) [Munkácsi, 1990, 724]; *мугылёк* ср., *мугылон*, *мугылэс* ‘комолая корова’ (1932) [Борисов, 1991, 184]; *мугло* ‘комолый’, *мугло скал (искал)* ‘комолая корова’ [УРС, 1948, 194]; *моклок* ‘1. мосол 2. комолая’; *мугло*, *муглок* ‘комолый’; ~ *скал* ‘комолая корова’ [УРС, 1983, 284, 286]; *моклок* ‘1. мосол 2. комолая’; *мугло*, *муглок* ‘комолый’; ~ *скал* ‘комолая корова’; *мугылэс*, *мугылёк* диал. ‘комолая корова’ [УРС, 2008, 437, 439, 440].

На основе ареального и этимологического анализа лексем, выражающих понятие «комолый», мы пришли к следующим выводам:

1) слово *комолой* заимствовано из русского языка через устно-разговорную речь, основной ареал – северное наречие, частично включает срединные говоры, бесермянское наречие, центрально-южный диалект.

2) лексема *с'уртэм* является наиболее древней, имеет общепермское происхождение, распространена во всех наречиях и срединных говорах. В северных и срединных говорах Кировской области слово заменилось русским заимствованием *комолой*.

3) лексический вариант *мугло* считается заимствованием из булгарского языка. Данное слово чаще фиксируется в периферийно-южном наречии и срединных говорах. Спорадически встречается в собственно южном диалекте, в говорах бесермянского и северного наречия. Фонетическая форма *мюklak*, функционирующая в ташкичинском говоре Башкортостана, заимствована вторично из татарского языка.



М 1:2 000 000
(в 1 см 20 км)

Сокращения

диал. – диалектное; MU – малмыжско-уржумский диалект; S, Sar – сарапульский диалект.

Литература

Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов. Ижевск, УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. 384 с.
БТС = Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2003. 1536 с.
Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / Под. ред. В. М. Ванюшева. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. 288 с.
Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1964. 356 с.
КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 431 с.
РКС – Русско-коми словарь. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2003. 1104 с.
СДКЯ – Словарь диалектов коми языка: в 2-х томах. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2012. Т I.: А-О. 1096 с.
СДКЯ – Словарь диалектов коми языка: в 2-х томах. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2014. Т II.: Ӧ-Я. 888 с.
СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 14. Л.: Наука, 1978. 376 с.
Тараканов И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке (Удмуртско-тюркские языковые контакты). Ижевск: Удмуртия,188 с.
УРС 1948 – Удмуртско-русский словарь. М.: ГИС, 1948. 447 с.
УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь. М.: Русский язык, 1983. 592 с.
УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь. Ижевск: ИИЯЛ УрО РАН, 2008. 925 с.
Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. II. С-Я. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. 509 с.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М.: Прогресс, 1967. 671 с.
ЭССРЯ – Этимологический словарь современного русского языка: Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2010. 584 с.
Әхмәтьянов Р. Г. Татар теленен кыскача тарихи-этимологик сузлеге. Казан: Тат. кит. нэшр., 2001. 272 б.
Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Pécs, 1990. 836 p.
Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. LSFU XXI. Helsinki, 1987. XXIII. 422 p.
Wiedemann F. J. Syrjänisch-Deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen und mit einem deutschen Register. St.-Petersburg, 1880. 692 p.

© Арзамасова О. А., 2022

УДК *811.512.141*

Аплонова Е. С., Франция, г. Париж
LACITO, CNRS, ассистент-исследователь

РАЗРАБОТКА МУЛЬТИМЕДИЙНОГО КОРПУСА ТРАДИЦИОННЫХ БАШКИРСКИХ НАРРАТИВОВ

В статье представлен процесс разработки мультимедийных корпусов разных языков с целью кросслингвистических исследований конструкций репортативной речи. Обсуждаются такие программные обеспечения, как ELAN-CorpA и ELAN Tools, The SpeechReporting Template и Tsakorpus, применение этих технологий к корпусу башкирских традиционных нарративов, собранных автором в Абзелиловском и Архангельском районах.

Ключевые слова: *традиционные нарративы, корпусные исследования, репортативная речь, синтаксис, разработка лингвистических ресурсов.*

Aplonova E. S, France, Paris
LACITO, CNRS, research assistant

DEVELOPMENT OF A MULTIMEDIA CORPUS OF BASHKIR TRADITIONAL NARRATIVES

In the article, the workflow and the tools that have been used to construct the corpora of the different languages comparable and suitable for cross-linguistic research are presented. This includes the following technologies: ELAN-CorpA and ELAN Tools, The SpeechReporting Template, and Tsakorpus. The focus of the linguistic research is reported speech constructions. The development of Bashkir corpus and analysis of its reported speech is a part of this work.

Keywords: *traditional narratives, corpus linguistics, reported speech, syntax, development of linguistic resources.*

1. Introduction

Multimedia corpus of Bashkir traditional narratives is a part of the SpeechReporting database (Nikitina et al. 2021), a collection of traditional folk stories in 10 languages around the world, including Bashkir. It is updated regularly with newly available data from researchers from around the world. All of the texts are transcribed, glossed, and translated, as well as being annotated for a number of discourse phenomena. In this article, I present the workflow and the tools that have been used to construct the corpora of the different languages comparable and suitable for cross-linguistic research. I also discuss in more detail Bashkir data, i.e. its collection, annotation and how reported speech is expressed.

The article is organized as follows. In Section 2, the toolkit for the corpus building and the workflow are discussed. Sections 3 and 4 are dedicated to Bashkir data.

2. Our toolkit

Our toolkit includes the following technologies: ELAN-CorpA [Chanard, 2015; 2019] and ELAN Tools (Chanard et al. under development), The SpeechReporting Template (Nikitina et al. 2019), and Tsakorpus [Arkhangelsky, 2019].

ELAN-CorpA is an extended version of the software ELAN from the *Max Planck Institute for Psycholinguistics* of Nijmegen, Netherlands. It has been developed firstly by Coralie Villes, then Uyên-To Rabier and finally Mourad Aouini under the direction of Christian Chanard from the CNRS research laboratory LLACAN (UMR 8135 of CNRS), initially for the research program ANR *CorpAfroAs* (A Spoken Corpus for Afro-Asiatic Languages), coordinated by Amina Mettouchi. This main advantage in comparison to ELAN is the possibility to gloss the examples directly in the software.

ELAN Tools is a collection of scripts for the preparation of Elan files to the publication on the corpus website. This includes the following functions: alignment of the annotations, annotation counts, export of Flex files to Elan, checking of the control vocabulary etc.

The SpeechReporting Template is an Elan template designed for the cross-linguistic annotation of reported speech. Annotation of reported speech consists of four levels: the construction's syntactic type; the function of the construction's elements; the semantic type of the discourse report; and the encoding of participants inside the discourse report. They correspond to four additional Elan tiers (qt, rp, typ and par respectively). Tables 1 and 2 illustrate distributions of the most common semantic types of quotes and syntactic types of the reported speech constructions in the Bashkir corpus, cf. Section 4 for glossed examples.

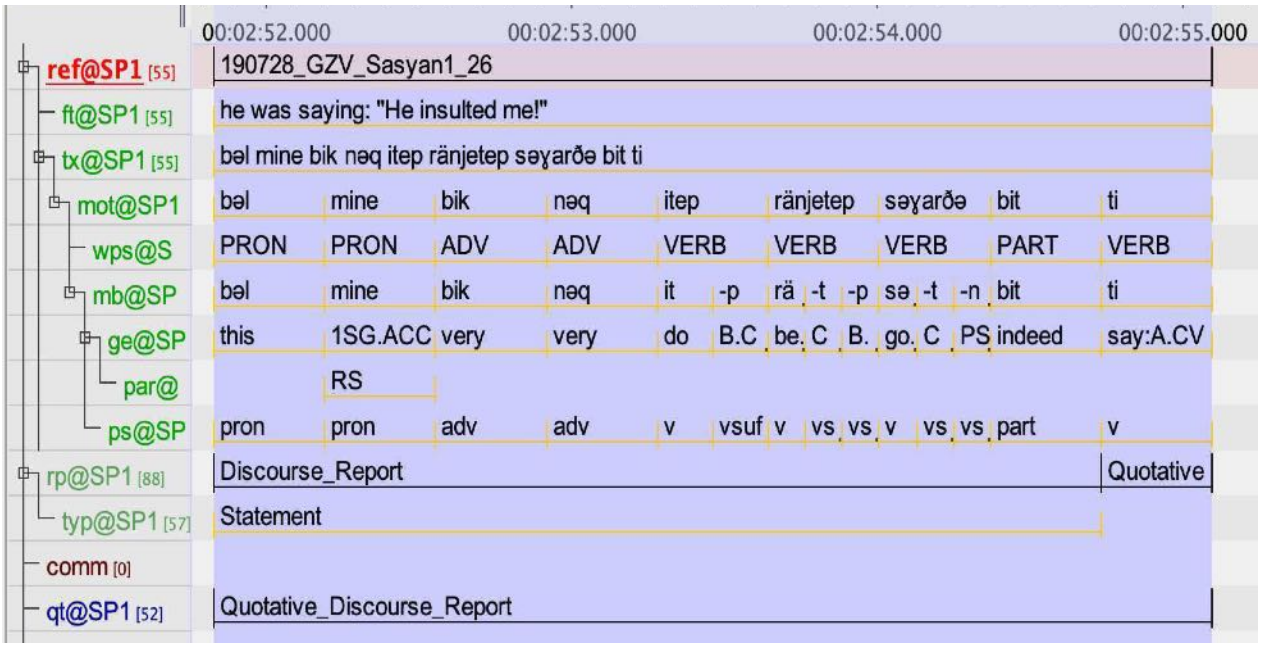
Table 1. Semantic types of quotes in Bashkir corpus

Semantic type of quote	**Count**
Statement	359
Commands	140
Question	114
Feeling or Thought	56

Table 2. Syntactic types of reported speech constructions in Bashkir corpus

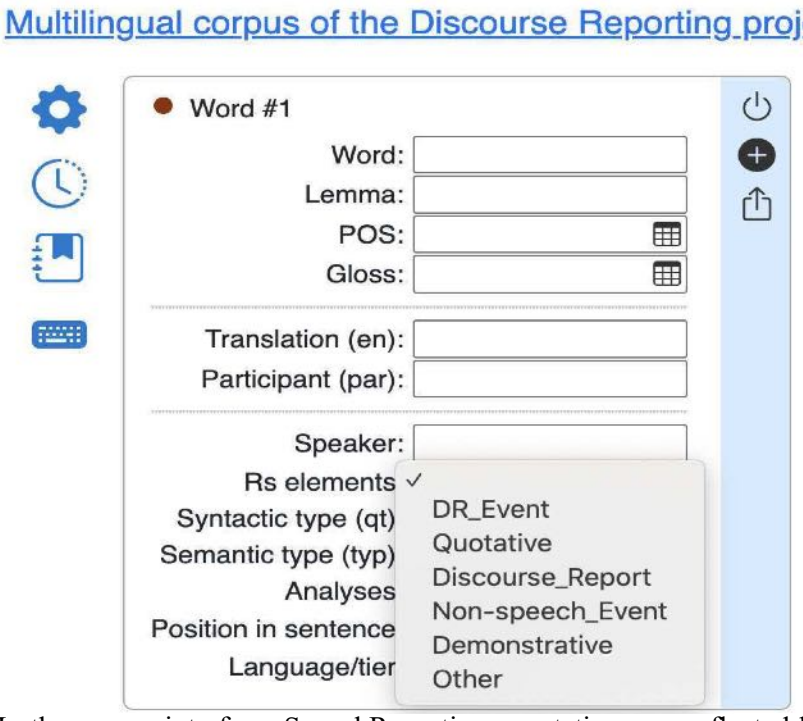
Syntactic type of reported speech construction	Count
Quote and quotative	374
Quote, quotative and matrix verb	142
Quote and matrix verb	94

Figure 1. Example of SpeechReporting annotations in Elan



Tsakorpus is a linguistic corpus search platform which uses elasticsearch for storing and querying data. It consists of a set of source convertors, an indexator and a web interface with a search engine. It is developed by Timofey Arkhangelsky. Tsacorpus allows searching for the timecodes in the multimedia files that correspond to the text annotations.

Figure 2. Tsacorpus search interface



In the corpus interface, SpeechReporting annotations are reflected by background colors, frames and pop-ups.

Figure 3. SpeechReporting annotations in Tsacorpus

The workflow contains the following steps:

1. For segmenting, transcribing, and glossing new data we use ELAN-CorpA (which has an extension for glossing time-aligned transcription). Existing corpora that are already glossed in FLEx or in Toolbox can be imported into ELAN using ELAN Tools.

2. Once the data are time-aligned and glossed, these are annotated using the SpeechReporting Template for instances of reported speech and thought, their semantic and syntactic type, and the use of pronominal elements used to refer to participants.

3. Annotated ELAN files are transformed into JSON files and uploaded to a server. The Tsakorpus interface was configured for additional searches from SpeechReporting template values.

3. Bashkir data collection

I have collected my Bashkir data during my field trips in Bashkortostan, in Abzelilovsky and Arkhangelsky regions.

The current version of the corpus contains about two hours of texts (10.500 words) and corresponding video files. It is available on the Discourse Reporting website. 1 h 20 minutes were collected by me during fieldwork in 2019; the rest comes from the Spoken Corpus of Bashkir (without video). The texts were recorded in the following villages: Abzanovo, Aslayevo, Baimovo, Kyzgy, Mullakaevo, Rakhmetovo, Tuishevo, and Usakly.

1. Brief overview of reported speech in Bashkir

In the Bashkir corpus of traditional narratives, reported speech is not only abundant but also structurally diverse. The most common way to introduce a report is with a semi-grammaticalized verb *ti-ew*, originally a verb 'say' that can have different morphological forms. This is a quotative verb, i.e. in contrast to a generic speech verb *äjt-ew* 'tell'[1] it is used only in the contexts of quotation, it cannot take noun phrases as speech complements. Such quotative verbs are attested in other Turkic languages [Ikizoglu, 2012] as well as in Mongolic (Brosig Forthcoming), Tungusic [Perekhvalskaya, 2020] and different languages across Siberia [Matić & Pakendorf, 2013].

Examples (1–2) illustrate the most common morphological forms of *ti-ew*: a converb *ti-p* (1) and a past participle *ti-gän* (2).

(1)[min			heð-ðeŋolata-əɣəð-ðəŋ	olata-hə-nəŋ
1SG	2SG-GEN		grand.father-P.2PL-GEN	grand.father-P.3-GEN
duθə	ine-m]	**ti-p**	äjt-er-men	
friend	be.PST	say-CV	tell-POT-1SG	

'I will say: "I am a friend of your great-grandfather"'.

(2)	[äjðä	mineŋ		menän] **ti-gän**
	come.on	1SG.GEN	with	say-PC.PST

'"Come on, come with me" – (she) said'.

[1] I gloss this verb as 'tell' in contrast to any [ti] 'say' forms, but some of the free translations will use 'say' for the matrix [äjt] verbs because its function is more like 'say' in English.

As one can see from the examples above, reported speech constructions with a different form of the quotative have a different structure. For instance, *tip*, the converb form, accompanies the matrix verb *äjt-ew* 'tell' (1). Whereas *tigän*, a past participle introduces the report without a separate matrix verb (2). In the corpus, two forms of the quotative verbs are distributed almost equally: *tip* occurs in 104 reported speech constructions, while *tigän* is used 106 times. Besides the presence of a separate matrix verb, another criteria of the choice between these two forms is the presence of other evidentials in the clause. If there are no other evidentials, past participle form is prefered, while in the opposite case the converb is used more often. It might be explained by the fact that past participles display an evidential meaning in opposition with the simple past (Juldashev 1981, 273–274).

2. Conclusion

A corpus of traditional narratives contains exceptional data for two reasons. First of all, it makes visible the diversity of reported speech constructions that are impossible to elicit. Secondly, traditional narratives seem to contain exceptional ways of introducing reports such as the use of several evidential markers that are not observable in other text genres. The further development of linguistic corpora will allow linguists to have a deeper understanding of languages that they work with as well as to create its documentation resources.

Acknowledgements. *I would like to thank my language assistants who told me their stories and Fizaliya Makhanova for her help with transcription, as well as Liliya Buskunbaeva and Ramilya Karimova from Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS for their precious help during data collection and analysis.*

References

Brosig B. Forthcoming. Expressing intent, imminence and ire by attributing speech/thought in Mongolian.

Chanard C. ELAN-CorpA: Lexicon-aided annotation in ELAN. In Amina Mettouchi, Martine Vanhove & Dominique Caubet (eds.), Corpus-based Studies of Lesser-described Languages: The CorpAfroAs corpus of spoken AfroAsiatic languages (Studies in Corpus Linguistics 68), 311–332. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2015. Pp. 311–332. https://doi.org/10.1075/scl.68.10cha. https://benjamins.com/catalog/scl.68.10cha (2 October, 2020).

Ikizoglu D.. Multiple quotatives in Turkish // Proceedings of the 15th International Conference on Turkish Linguistics. Szeged, 2012.

Matić D. & Pakendorf B. Non-canonical SAY in Siberia: Areal and genealogical patterns. Studies in Language 37. 2013. 356–412.

Nikitina T., Aplonova E., Hantgan-Sonko Abbie, Jordanoska I., Perekhvalskaya E. (eds.) The SpeechReporting Corpus: Discourse Reporting in Storytelling. Villejuif-Paris: CNRS-LACITO.

Nikitina T., Hantgan-Sonko A. & Chanard C. 2019. Reported speech annotation template for ELAN (The SpeechReporting Corpus). Villejuif-Paris: LLACAN.

Perekhvalskaya E. Reported Speech in Udihe and beyond (in Russian). Voporsy jazykoznanija. 2020. №1. 84–103.

Arkhangelskiy T. Corpora of social media in minority Uralic languages. In Proceedings of the fifth Workshop on Computational Linguistics for Uralic Languages. Tartu, Estonia, 2019. Pp. 125–140. http://volgakama.web-corpora.net/Social_media_corpora_IWCLUL2019_final.pdf (5 October, 2020).

© Аплонова Е. С., 2022

УДК *008.574. 81-2*

Атабаева Н. Е., Казахстан, г. Алматы
Казахский национальный женский педагогический университет, преподаватель

КОНЦЕПТ «ГОСТЕПРИИМСТВО» В РУССКОЙ И КАЗАХСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье рассматривается русский и казахский этнокультурный концепт «гостеприимство». Данный концепт выступает как один из значимых объектов когнитивного мышления русских и казахов, а также является репрезентацией, имеющей в данном языковом коллективе статус национально-культурного стереотипа определенной ситуации общения.

Ключевые слова: *языковая картина мира, лингвокультура, гостеприимство, концепт, культура.*

THE CONCEPT OF "HOSPITALITY" IN RUSSIAN AND KAZAKH LINGUISTIC CULTURES

Atabayeva N. E., Kazakhstan, Almaty
Kazakh National Women's Teacher Training University, lecturer

The article discusses the Russian and Kazakh ethnocultural concept "Hospital". This concept acts as one of the significant objects of cognitive thinking of Russians and Kazakhs, and is also a representation that has the status of a national-cultural stereotype of a certain communication situation in this language team.

Keywords: *language picture of the world, linguistic culture, hospitality, concept, culture.*

К концу XX века появилось большое количество исследований, посвященных изучению языковой картины мира. Интерес к языковой картине мира обнаруживается в работах С.Г. Воркачева (2001), В.А. Масловой (2005), В.И. Карасика (2005), Жабаевой (2004) и т.д. Известно, что в картине мира определенного этноса отражается представление о реальной действительности и мировоззрении людей. Языковая картина мира – это совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка, которые складываются в некую единую систему взглядов или представлений.

Базовые концепты являются универсальными понятиями, в них сосредоточен весь богатый опыт народа в познании окружающего мира, национально-культурные особенности мировидения. В русской и казахской языковой картине мира объективное содержание концепта «гостеприимство» дополняется культурно-философскими значениями, наиболее ярко выражаемыми в художественных текстах народного творчества. В казахской языковой картине мира концепт «гостеприимство» выражается посредством ключевого культурно значимого слова «қонақжайлық». Концепт «гостеприимство» является фрагментом языковой картины мира и имеет огромное значение для русской и казахской культур. Данный концепт отражает национальное мировидение, менталитет того или иного этноса. В казахской культуре традиция гостеприимства с давних времен считается основополагающей.

Гостеприимство в казахской культуре «диктует поведение хозяина по отношению к гостю: ничего не жалеть для гостей, щедро угостить. Гостеприимство — умение встречать гостей и щедрость» [Астафьева, 2019, 445].

«Традиционная культура казахов предполагает соблюдение обрядов, ритуалов, которые необходимо исполнять, так как высшим смыслом миропонимания для казахов всегда были уважение и сострадание к ближнему, вера в добро, соблюдение традиций, обычаев, ритуалов и обрядов». «В представлении ключевой лексемы, ассоциирующейся с гостеприимством, а именно «гость», обозначилась отличительная особенность в отношении к данному концепту казахского языкового сознания, а именно, выражение терпимости, проявление радушия, актуализированное в понятии (человек, гость от бога). В этом смысле даже малознакомый человек будет назван гостем и радушно принят» [Жабаева, 2004, 14].

Гостеприимство является естественной чертой русского и казахского народов. Оно оценивается по радушию и щедрости хозяев дома. Гостя с давних времен русские кормили и поили досыта. Так как поселения располагались не близко друг от друга, гость-путник воспринимался в некотором роде праздником для хозяев.

У русского гостеприимства есть глубокие корни. На праздники русские готовились к приёму гостей, либо сами гостили. Чаще всего как гости в дом приходили родственники, друзья и знакомые. Хозяева, как положено по правилам гостеприимства, не сидели за столом. Радушно встречали своих гостей, приглашали за стол, угощали хмельными напитками и разнообразными блюдами. На сегодняшний день русское гостеприимство является менее пышным, более гибким и типичным. Самые важные элементы гостеприимства, несомненно, стоят на первом месте в системе традиционно-бытовой культуры народа. Русский народ по отношению к званым гостям приветлив и радушен. Русский народный фольклор воспитывает гостеприимность в традициях подготовки для дорогих гостей изобильного стола, и этим показываются уважение и почет гостям. Они верили, что гость, который пришел в дом во время трапезы, – это добрый знак. Такой гость в почете: в народе о нем говорили как о благом госте.

Русские заранее не готовились на случай прихода гостей; у казахов принято быть готовыми к приходу гостей. У русских хозяин должен оказывать внимание, должен угодить своим гостям: приветливо встретить гостей, накрыть изобильный стол, уметь вести душевную беседу с

пришедшими гостями за столом, умело шутить, чтобы гости не скучали, устраивать застольные игры, петь хоровые пения. Хозяева дома провожают своих гостей, следуя за ними за порог дома, прощаются и приглашают посетить их дом еще (говорили: *приходите еще*). Далее гости благодарили хозяев за гостеприимство и уходили.

Казахское гостеприимство предполагает наличие определенных материальных затрат (обязательное закалывание овцы, одаривание своих гостей). В понимании казахов, это проявление почтения, уважения, гостеприимства. Казахи издавна были готовы принять гостей и относились радушно к любому гостю. Об этом говорит народный фольклор, в котором один посыл: в доме гости, значит, вместе с гостем приходят добро, достаток и изобилие. У казахов может быть и такая ситуация: дорогому гостю хозяин должен показать почет и расположение, в то же время и свой достаток, и возможности. Поэтому казах может отдать гостю свое накопленное, приобретенное, вплоть до последнего. По традиции, у казахов принято ходить в гости с подарками. Подарок – это конфеты, фрукты, платки, ткань (отрез) на платье и так далее. Ценность подарка зависит от главной цели гостя. В культуре казахов обмен подарками – простой способ примирения либо дружбы. Каждый подарок несет определенное значение. Подарок может рассказать о возрасте и половой принадлежности, также о степени родства. Взаимный обмен подарками – обязательный элемент приема гостей. Гостю, пришедшему впервые, хозяин дарит одежду: *қалпақ* (головной убор), *шапан* (верхняя одежда), *платок* (чаще женщинам), у богатых в качестве подарка могут выступать дорогие украшения, лошадь. Эта традиция сохранилась в сельской местности: дарить лошадь пришедшим впервые дорогим родственникам.

«Поскольку гостеприимство может представлять собой динамически развивающийся процесс, то есть смысл рассмотреть сценарий «прием гостей» как одну из основных когнитивных моделей, позволяющую лучше представить концепт «гостеприимство». Наличие определенных действий со стороны участников процесса дает нам возможность представить выбранный языковой материал в виде сценария. Этапы сценария «прием гостей» можно представить следующим образом: 1. встреча и приветствие; 2. угощение; 3. развлечение. Все звенья этой цепи по-разному выражены в исследуемых языках в силу этнических различий в культурах» [Жабаева, 2004, 22].

Таким образом, гостеприимство — это яркий показатель национального характера любого народа. Казахи и русские – очень гостеприимные народы. Казахское гостеприимство сильно отличается от русского тем, что изобилует разными обычаями, ритуалами гостеприимства по настоящий день (рассаживать гостей по возрасту, обязательное закалывание скота для угощения гостям, пожелания и подарки для гостей, *бата* (благословение) старших и другое). Русское гостеприимство характеризуется простотой и открытостью.

Литература

Астафьева Ю.В., Толыбаева К.К. Идиоэтнический характер концепта «гостеприимство» в казахском, английском и французском языках // Молодой ученый. 2019. № 25 (263). С. 445.

Жабаева С.С. Национально-культурная специфика реализации концепта «гостеприимство»: Автореф. дисс. … канд. филол. наук, Челябинск, 2004. С. 10–22.

© Атабаева Н. Е., 2022

УДК *94(470.57)*

Ахмадиева Н. В., Россия, г. Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, с.н.с.

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА (на примере Башкирии)

Статья посвящена проблемам развития языковой ситуации в среде башкирского населения Башкирии во второй половине XX в. Показано, что языковые процессы проходили в русле развития национально-русского двуязычия, а также языковой ассимиляции. Этому способствовали активные процессы русификации образовательной сферы, дефицит регионального компонента (башкирского языка) в системе общего образования, изучение татарского языка в школах северо-западного региона республики.

Ключевые слова: *башкиры, башкирский язык, национальные школы, северо-западный диалект, двуязычие.*

Akhmadieva N.V., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS, Senior Researcher

FUNCTIONING PROBLEMS OF THE BASHKIR LANGUAGE IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY (by the example of Bashkiria)

The article is devoted to the development of the language situation among the Bashkir population of Bashkiria in the second half of the 20th century. It is shown that language processes took place in line with the development of national Russian bilingualism, as well as linguistic assimilation. This was facilitated by the active processes of Russification in the educational sphere, the lack of a regional component (the Bashkir language) in the general education system, and the replacement of the Bashkir language by the Tatar language in a number of schools in the northwestern region.

Keywords: *Bashkirs, Bashkir language, national schools, northwestern dialect, bilingualism.*

Особенно отчетливо проблемы сохранения и функционирования башкирского языка в Башкирии обозначились во второй половине XX века. В целом в развитии языковой ситуации в республике прослеживалось несколько направлений: во-первых, как показывают исследования, приобретение русского языка вело к становлению у части башкир ассимилированного национально-русского двуязычия и русскоязычия – особенно в городах. Во-вторых, башкиры осваивали русский язык при сохранении родного языка (неассимилированное двуязычие). В-третьих, значительная часть башкир, в особенности северо-западного региона, где был распространен северо-западный диалект башкирского языка, считалась татароязычной[1]. Безусловно, сложнейшая языковая ситуация в республике не ограничивалась лишь данными положениями.

Языковая образовательная политика как один из факторов социокультурного развития этноса не могла не отразиться на языковом поведении башкир. В послевоенные годы в Башкирии сокращалось количество башкирских школ, что способствовало вытеснению башкирского языка из образовательной сферы. К началу 1949 г. среди национальных школ функционировали 2305 русских, 1556 татарских школ и 924 башкирские школы. Причем, при увеличении общего количества школ, число башкирских сократилось в 1,3 раза, а татарских – возросло в 1,4 раза [ИБН, 2012, 165]. В 1959/60 учебном году в республике действовало уже 757 школ с обучением на башкирском языке, 2224 – на русском, 1173 – на татарском языке [Ахмадиева, 2012, 140].

[1] На современном этапе изучения языковой ситуации в Башкортостане в научных кругах не сложилось единого мнения по поводу «татароязычных» башкир. В частности, в башкирской диалектологии сложилось устойчивое мнение, что группа северо-западных башкир (Аскинский, Балтачевский, Бураевский. Дюртюлинский, Илишевский. Краснокамский, Татышлинский. Туймазинский и др. районы) владеет не татарским языком, а северо-западным диалектом башкирского языка, подтверждением чему служит ряд серьезных многолетних исследований. Данный диалект сформировался в результате длительного общения и сотрудничества северо-западных башкир с пришлыми народами Среднего Поволжья (татарами, чувашами, марийцами, удмуртами, мордвой), многосторонних ассимилятивных процессов в быту, в культурных традициях и т.д. На основе взаимодействия двух близкородственных народно-разговорных языков (татарского и башкирского) в регионе сформировался северо-западный диалект башкирского языка со своими особенностями. Однако сами северо-западные башкиры, обладая двойственной башкиро-татарской этнической идентичностью, считали себя татароязычными. Вполне вероятно, что при проведении переписей 1959–1989 гг., башкиры, носители северо-западного диалекта башкирского языка, были отнесены к категории тех, кто «считает родным другие языки». Под другими языками в основном подразумевался татарский язык. См. об этом: Северо-западный диалект башкирского языка. Научный отчет диалектологической экспедиции 1954 года. Уфа, 2008. 372 с.; Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка. Уфа, 2006; Бердин А.Т. Еще раз к вопросу о смене этнической идентичности в регионах Урало-Поволжья // Проблемы демографического развития башкирского народа. Уфа, 2010. С. 74–88; Шакуров Р. Диалектная система языка // Ватандаш. 2012. № 8. С. 149–167 и др.
Существует и другие научные оценки этноязыковой и этнодемографической ситуации в северо-западных и западных районах республики. Так, этносоциолог Ф.Г. Сафин, отрицая научный факт существования северо-западного диалекта башкирского языка у башкир данного региона, считает их всех татароязычными (носителями среднего диалекта татарского языка). Кроме того, он ставит под сомнение этническую самоидентификацию башкир данного региона, также относя их к татарам. См. об этом: Ресурсы мобилизованной этничности. М.–Уфа, 1997. С. 191-223; Сафин Ф.Г. Этноязыковые процессы в Башкортостане в XX столетии. М., 2000; Сафин Ф.Г. Языковой аспект суверенизации Башкортостана // Язык и национализм в постсоветских республиках. М., 1994. С. 132 и др.

В 1960-е и особенно в 1970–1980-е гг. процессы расширения сферы русского языка в системе школьного образования становятся наиболее активными, а доля национального компонента в ней значительно снижается. Таким образом, на базе распространения русского языка и русско-советской индустриальной культуры подготавливались условия для полного социального, экономического и национального единства страны. Поэтому следует говорить не о русификации, а скорее о процессе денационализации и унификации общества [Сумачева, 2009, 49-51]. В итоге, если в 1972/73 учебном году на башкирском языке обучалось 97,9 тыс. детей, то в 1988/89 гг. – всего 43,9 тыс. школьников, т.е. произошло сокращение обучающихся более чем в 2 раза. В процентном соотношении это составляло 11,5 и 8,2% от всех учащихся. Особенно плохо обстояло дело с обучением детей в городах республики. В 1976/77 учебном году в общеобразовательных башкирских городских школах обучалось 4009 детей, в 1980/81 учебном году – только 2203 школьника [ИБН, 2012, 278]. Таким образом, к концу 1980-х гг., и так не очень устойчивые позиции башкирского языка в системе школьного образования сильно пошатнулись.

В научной литературе существует мнение, что языковая трансформация общеобразовательной школы в Башкирии в 1970–1980-е гг. в большей степени затронула интересы не башкирского, а татарского и другого нерусского населения. Некоторые исследователи также заявляли о процессах «башкиризации татарских школ», особенно в северо-западных, населенных, как они считали «преимущественно татарами», районах [Сафин, 1997, 191–222]. В то же время, приводя массу фактических подтверждений конфликтогенности языковой ситуации в республике, почему-то старательно умалчивался тот факт, что в течение 1970-х гг. и в более ранний период в школах республики татарский компонент преобладал над башкирским. Таким образом, в сфере общего образования титульная башкирская нация имела меньшие права в реализации родного языка, чем татарское население.

Дело в том, что в начале 1980-х гг. в ряде школ северо-западных районов республики, где обучение велось на татарском языке, начали вводить башкирский язык в качестве предмета и языка обучения. Новая инициатива, по мнению авторитетного этнолога Р.Г. Кузеева, «встретила открытое или скрытое сопротивление населения и была приостановлена» [Кузеев, 1994, 122]. Не совсем ясно, «сопротивление» какой части населения (башкирской или татарской) вызвали эти школьные реформы, однако данные мероприятия уже не могли выровнять имеющийся дисбаланс в системе языковой образовательной политики, что приводило к развитию ассимиляционных процессов в языковой сфере.

К сожалению, вопрос о рассмотрении разговорного языка северо-западных башкир в качестве самостоятельного диалекта в диалектной системе башкирского языка, долгое время не находил окончательного решения. Начатое в школах еще в конце 1930-х – начале 1940-х гг. обучение на татарском языке и изучение татарского языка как родного вместо башкирского привели к постепенной утрате в северо-западных районах диалектных особенностей башкирского языка. Этот процесс происходил прежде всего в области фонетики народной разговорной речи. Несмотря на это, по мнению языковеда-диалектолога Р.З. Шакурова, живой разговорный язык северо-западных башкир оказался устойчивым и на современном этапе сохранил наиболее важные диалектные особенности [Шакуров, 2012, 40–41].

В то же время следует признать, что функционирование национально-русского двуязычия в целом не противоречило интересам башкирского и других нерусских народов, проживающих в Башкирии. Напротив, оно являлось надежным инструментом межнационального общения, выполняя возложенную на него социально-коммуникативную роль. Однако очевидно, что в республике возникали предпосылки для развития языковой ассимиляции башкир как в сторону русскоязычия, так и татароязычия. Так, по данным переписей населения в БАССР в 1959 г. только 57,6%, в 1989 г. – 74,7% башкир считали родным языком язык своей национальности. Аналогичные показатели составили, соответственно, у русских 100,0–99,9%, у татар 97,6–92,9%. Меньшее владение родными языками в республике показывали малочисленные этнические группы (евреи, армяне, латыши, белорусы и украинцы и др.). Таким образом, по сведениям официальной статистики, башкиры выглядели довольно ассимилированной в языковом плане нацией [Ахмадиева, 2012, 144].

Городское башкирское население, оторванное от своих корней, развивалось в менее благоприятной иноэтничной среде. Это было связано с малочисленностью башкир в городах, языковой образовательной политикой, ростом смешанных браков. В итоге, из городских башкир в 1959 г. 72,8% считали родным свой язык, 4,4% – русский, 22,8% – другие языки. В половом разрезе данные показатели варьировались незначительно, однако отмечена чуть большая приверженность женского населения к родному языку. Следует отметить, что у городских башкир доля лиц, назвавших родным языком башкирский, была выше общереспубликанских и сельских показателей. Также выше была доля лиц, признавших родным языком русский язык. В то же время почти в 2 раза меньше была доля лиц, указавших в качестве родного другие языки [Рассчитано по: 2, 30]. Таким образом, языковая ассимиляция в городах протекала менее выраженно, чем в сельской местности, что объясняется в том числе более развитым этническим самосознанием городских башкир, которые посредством родного языка стремились выделить свою этническую принадлежность в многонациональной городской среде.

Для сравнения отметим, что русское население республики совершенно не стремилось осваивать башкирский язык. Так, по данным переписей в Башкирии в расчете на 1000 человек число русских,

свободно владеющих языком другой национальности, составило в 1979 г. 12 и в 1989 г. 14 человек. В то же время данные по башкирам, свободно владеющим русским языком составили 625 и 739 человек [Сумачев, 2009, 240–241]. Башкиры активно применяли русский язык в качестве второго или родного языка, опережая по этим показателям татар, якутов, кумыков, тувинцев, карачаевцев [Юлдашбаев, 1995, 25]. В то же время русские осваивали языки других, более развитых в социально-культурном плане народов бывших союзных республик (Латвия, Эстония, Украина и Белоруссия, Грузия, Армения и Молдова) [Русские, 1992, 296–297]. В Башкирии гармоничного взаимовлияния и взаимообогащения национальных культур посредством языка не происходило. Принципиальное отличие между национально-русским и русско-национальным двуязычием в рассматриваемые годы состояло в отсутствии необходимой мотивации у русского населения БАССР для изучения нерусских языков, в частности башкирского языка.

До начала 1990-х гг. прошлого столетия можно говорить о недостаточно благополучном фоне этноязыкового развития башкирского народа. Общегосударственная политика в языковой сфере была направлена на повышение престижа и статуса русского языка как единого государственного языка, средства межнациональной коммуникации. Поэтому языковые процессы как в целом по стране, так и в Башкирии проходили в русле развития национально-русского двуязычия, а также языковой ассимиляции нерусских народов. Активные процессы унификации образовательной сферы, дефицит регионального компонента (башкирского языка) в системе общего образования, подмена башкирского языка татарским в ряде школ северо-западного региона – вот неполный перечень негативных моментов в развитии языковой образовательной политики в республике, способствовавшей языковой ассимиляции башкир. Однако более негативным последствием языковой политики стало заметное снижение статуса башкирского языка как у самого башкирского этноса, так и у других народов республики.

Имелись и положительные моменты. За рассматриваемый период возросла доля башкир, признающих родным языком язык своей национальности. Доля русскоязычных башкир в общей численности этноса не позволяла говорить о серьезных ассимиляционных процессах. Урбанизационный фактор в целом сыграл положительную роль в развитии общественной функции башкирского литературного языка, ведь интенсивно изучаться, развиваться и функционировать башкирский язык мог именно в городах как средоточии культурно-образовательных и административных центров. Городские башкиры в целом показывали более высокую степень башкироязычия (признание башкирского языка родным) при синхронном развитии у них национально-русского двуязычия.

В последующие годы складывались процессы суверенизации общества, роста национального самосознания, консолидации нации, что положительно повлияло на языковую политику. Во второй половине 1990-х и начале 2000-х годов сформировалась серьезная законодательная база, позволившая проводить полноценную работу по сохранению и развитию национальных культур и языков народов, проживающих в республике. Данные мероприятия способствовали заметному улучшению языковой ситуации среди башкирского населения и давали надежду строить более оптимистичные прогнозы относительно будущего башкирского языка в условиях растущей глобализации.

Литература

Ахмадиева Н.В. Социально-демографические факторы развития языковых процессов в среде башкирского населения в 1959–1989 гг. // Социально-демографическая характеристика башкирского населения (на материалах Башкирской АССР. 1959–1989 гг.) Сб. ст. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 188 с.

Башкортостан и башкиры в зеркале статистики. Уфа: ИИЯЛ, 1995. 183 с.

ИБН – История башкирского народа в 7 т.: Т.6. (1941-1985). Отв. ред. Сулейманова Р.Н. М.: Восточная литература, 2011. 376 с.

Кузеев Р.Г. Историко-этнологический взгляд на современную этнолингвистическую ситуацию в Республике Башкортостан // Язык и национализм в постсоветских республиках. М.: ИЭИА, 1994. 216 с.

Русские. (Этносоциологические очерки). М: Наука, 1992. 464 с.

Сафин Ф.Г. Конфликтогенный потенциал постсоветской национальной политики в Башкортостане в сфере школьного образования // Ресурсы мобилизованной этничности. М.–Уфа: ИЭА РАН; ОНУ и МАЭ УНЦ РАН, 1997. 380 с.

Сумачева М. В. Этнические процессы на Урале во второй половине XX в. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009. 257 с.

Шакуров Р. Диалектная система башкирского языка // Ватандаш. 2012. № 8. С. 40–61.

Юлдашбаев Б.Х. Башкиры и Башкортостан. XX век. Этностатистика. Уфа, 1995. 105 с.

© Ахмадиева Н. В., 2022

УДК *811.512.122*

Ашимбаева Н. М., Казахстан, Алматы
Институт языкознания им. А.Байтурсынова, в.н.с.
Лесхан А. А., Казахстан, Алматы
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, доцент
Кордабай Б. К., Казахстан, Алматы
Институт языкознания им. А.Байтурсынова, м.н.с.

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ АХМЕТА БАЙТУРСЫНОВА

В статье анализируются поэтические, прозаические и публицистические произведения видного общественного деятеля и ученого Ахмета Байтурсынова. Ахмет Байтурсынов, известный среди алашских деятелей как «Учитель нации», посвятил всю свою жизнь национальной идее, поэтому в его произведениях находит широкое отражение этнолингвистика казахского языка. В статье для выявления факторов, повлиявших на обращение в творчестве к этнолингвистическому описанию, анализируются исторические и социальные предпосылки, жизнь и деятельность Ахмета Байтурсынова в начале XX века. Для независимого Казахстана, определяющего свою национальную идеологию, произведения Ахмета Байтурсынова являются актуальными на сегодняшнем историческом этапе.

Ключевые слова: *этнолингвистическое описание, преемственность, национальная идея, идеология, философия независимости, духовное наследие.*

Ashimbayeva N. M., Kazakhstan, Almaty
Institute of Linguistics named after A. Baytursynuly, Leading Researcher
Leskhan A.A., Kazakhstan, Almaty
Al-Farabi Kazakh National University, Associate Professor
Kordabay B. K., Kazakhstan, Almaty
Institute of Linguistics named after A. Baytursynuly, Junior Researcher

ETHNOLINGUISTIC REFLECTION IN THE WORKS OF AHMET BAYTURSYNULY

The article analyzes the poetic, prose and journalistic works of the prominent public figure and scientist Akhmet Baitursynov. Akhmet Baitursynov, known among the Alash figures as the "Teacher of the Nation", devoted his whole life to the national idea, therefore, the ethnolinguistics of the Kazakh language is widely reflected in his works. The article also analyzes the historical and social background, life and work of Akhmet Baitursynov at the beginning of the 20th century in order to identify the factors that influenced the individual's appeal to ethnolinguistic description in creativity. For independent Kazakhstan, which determines its national ideology, the works of Akhmet Baitursynov are relevant at today's historical moment.

Keywords: *ethnolinguistic description, continuity, national idea, ideology, philosophy of independence, spiritual heritage.*

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ ШЫҒАРМАШЫЛЫҒЫНДАҒЫ ЭТНОЛИНГВИСТИКАЛЫҚ СИПАТ

Еліміз егемендікке қол жеткізгеннен кейін, бұрын коммунистік идеология әсерінен тыйым салынған тақырыптар көлемінде белсенді ғылыми-зерттеу жұмыстары жүргізіле бастады. Әсіресе, Сталиндік қуғын-сүргін саясаты нәтижесінде жазықсыз жала жабылып, «халық жауы» деп айыпталған ұлт қайраткерлерінің өмірі мен қоғамдық-саяси қызметі аясындағы зерттеулерге сұраныс артты. Бір ерекшелігі – аталған тақырып көлеміндегі сұраныстар тек қана ғылыми қауымдастық қана емес, қоғам тарапынан да байқалды. Бұл сөзсіз ұлт қайраткерлерінің еңбегі белгілі бір зерттеушілер тобына ғана емес, қоғам үшін де маңыздылығын байқатады. Қазақстан Республикасының Президенті Қасым-Жомарт Кемелұлы Тоқаев Алаш қайраткерлеріне арналған ескерткіштің ашылуында сөйлеген сөзінде ел егемендігі жылдарында Алаш мұрасы түбегейлі түрде қайта қаралғанын айта келе, Алаш қайраткерлерінің тарихи рөлін айқындап, лайықты бағасын беруді қолға алғандығын атап өткен болатын [Тоқаев, 2021, 18]. Ахмет Байтұрсынұлы XX ғасыр басында ерекше тарихи жағдайларда қалыптасқан ұлт қайраткерлеріне жатады. Азамат болып толысып, ұлттың қамын жеген қайраткер болуы патшалық Ресейдің Қазақстан жерінде жүргізіп отырған отарлық саясатымен тұспа-тұс келді. Қазақ халқының өзіне тиесілі жерінен айрылып, мүддесінің аяқ асты болуы Ахмет Байтұрсынұлы тәрізді ұлт қайраткерлерінің белсенді қызметіне түрткі болды. Қазақ халқының өз құқығы мен мүддесін жақсы білу тиіс деп санаған Ахмет Байтұрсынұлы тек бала оқытып, ағартушылықпен ғана емес, мақалалар мен өлеңдер жазып, мерзімді басылым шығару ісін қолына алды. Әртүрлі мысалдар жазу арқылы қарапайым халықты бірлесіп іс жасап, ұлт болып ұйысудың жетекші идеяларын ортаға салды. Міне, осы мол тарихи-рухани мұраны сараптау негізінде Ахмет Байтұрсынұлы еңбектеріндегі ұлттық идеяның тарихи-әлеуметтік астарын ашу ісінің маңыздылығы айқындалды. Өйткені мұндағы өміршең идеялар бүгінгі қазақ қоғамына үшін әлі де болса қажеттілігімен ерекшеленеді.

Ахмет Байтұрсынұлының өмірі мен қоғамдық-саяси қызметі мәселесі бірқатар зерттелген тақырыптардың қатарына жатады. Алайда ғылыми-зерттеу жұмыстары арасында арнайы Ахмет Байтұрсынұлының шығармаларындағы ұлттық идея мәселесін және оның тарихи-әлеуметтік негіздерін сараптаған жұмыстар жоқ. Сондықтан жұмыс барысында қарастырылған мәселе бұл бағытта жүргізілген бірқатар жанама мәліметтердің негізінде, өзіндік сараптама жасау арқылы

ұйымдастырылды. Мұнда мәселенің теориялық негіздерін ашу мақсатында «ұлттық идея» ұғымы және оның құрылымдары сияқты тақырыптарды ашуда орыс ғалымдарының еңбектері сарапталды. Сонымен қатар XX ғасыр басындағы саяси ахуалды қарастыра отырып, Ахмет Байтұрсынұлын қалыптастырған тарихи жайттарға баға беру үшін бірқатар отандық тарих ғылымындағы іргелі еңбектер де пайдаланылды. Нәтижесінде қарастырып отырған мәселеге қатысты зерттеу жұмыстарының шартты түрде үлкен үш тобы анықталды. Олардың біріншісі мәселенің теориялық негіздерін ашатын еңбектер болса, екіншісі тарихи ахуалды сипаттайтын әргелі ғылыми еңбектер және үшіншісі Ахмет Байтұрсынұлының шығармалары және оның еңбектеріне қатысты шыққан жинақтарды атауға болады.

Ұлттық идея түсініктерінің мәні мен мазмұнын дәл ашып, оны қазақ халқының ерекшеліктеріне сай талдау мақсатында В.Ю.Хотинецтің «Этническое самосознание» деп аталатын еңбегі сәтті пайдаланылды [Хотинец, 2000, 111]. Автордың келтірген ұлттық идея түсініктері өзінің кең көлемділігімен ерекшеленеді. Сонымен қатар тарихтағы ұлттық идея мәселесінің көтерілуі мен ұлттық идеяның қалыптасуындағы тұлғалардың алар орнын анықтау мақсатында Б.Тоғысбаевтың «Тарихи тұлғалар» атты еңбегі де жұмысқа арқау болды [Қазақ газеті, 1998, 287]. Аталған еңбектің маңыздылығы белгіленген ғылыми ұстаныммен тығыз байланысты болып отыр.

Әрине, алдымен Ахмет Байтұрсынұлы шығармашылығындағы этнолингвистикалық сипатқа әсер еткен факторларды анықтап алған абзал. Алаш арысының өзіндік ойы мен көзқарастарының қалыптасуына әсер еткен өскен ортасы және бала кезден алған тәрбиесі болып табылады. Қоршаған ортаның адамның тұлғалық қалыптасуына әсері мол. Ахмет Байтұрсынұлының шығармашылығынан үнемі отанға, халқына, ата-анаға деген деген зор сүйіспеншілік байқалады. Мәселен, өзінің «Анама хат» деп аталатын шығармасында «Семейдің түрмесінде отырып, бара алмай әбден өтірікші болдым» дей келе, мал ұрлап, кісі өлтірмесе де, үкіметтің шарасына амал бар ма деп анасына жұбату айтады. Анасына мал ұрламасам да, кісі өлтірмесем де деген жұбату сөзі оның тұлға болып қалыптасу үдерісіндегі тәрбиенің негізгі әрі маңызды бағыты екендігі айқындала түседі. Демек, ата-анасының тәрбиесі адамның ала-жібін аттамау, кісі ақысын жемеу тәрізді қағидаларға құрылған. Сондықтан оның шығармаларындағы көтерілген жетекші ойлардың бірі – кісінің ақысы арқылы емес, өздігімен кәсіп үйреніп, қоғамға пайдаңды келтіру сияқты өміршең идея екендігі нақтыланды [Қазақ газеті, 1998, 356].

Ахмет Байтұрсынұлы шығармашылығындағы этнолингвистикалық сипатқа әсер еткен факторлардың бірі – бала күнгі білім алған мекемелердегі білім мазмұны болып табылады. XIX ғасыр мен XX ғасыр басындағы қазақ қоғамының басты ерекшеліктерінің бірі – қазақ балаларын оқыту мәселесі еді. Бір ауылдың мұқтаждығын өздері көтерген байлардың маңына тек руластары топтасқаны жақсы белгілі. Сол рулас байлардың малын бағып, шаруасын атқарып кедейлер өмір сүрген. Өз кезегінде байлар тек қана кедейлерді жұмысына жегіп қана қоймай, олардың алдында да атқарар міндеті болған. Дәстүрлі қазақ қоғамындағы байлар ауылдарына медресе ашып, бай мен кедейдің балаларын түгелдей алғашқы білім нәрімен сусындатқан. Ақысын байдың өзі төлеп, ауыл балаларын толықтай қамтыған. Ал медреселік білім аяқталған соң, бай балалары Ресей сияқты елдерде оқуға мүмкіндік алса, кедей балалары хат танысымен малдың соңына түскен. Қазақ байларының көрегенділігі сол – мүмкіндігі болса да алдымен ауыл медресесінде білім алдырып, діни ұстанымдары мен қазақи тәрбиенің негізгі өзегін жастайынан бала бойына сіңірген. Сондықтан өркениетті елдердің барлық игіліктерін көріп, таңғалып, олардың өмір сүру салтына сай жүріс-тұрысын реттегенімен, діни сенімдерін адалдық танытып, ұстап қалды. Сондықтан да Ахмет Байтұрсынұлының шығармаларындағы этнолингвистикалық сипат, ой-толғам ретінде ислами құндылықтар және жақсы мен жаманның Жаратқаннан екендігіне деген жоғары сенімді байқауға болады. «Анама хат» атты өлеңінде жүрегінде бітпеген жараның бірі – қазақ халқының ауыр тағдыры екендігін айта келе, оны ұмытсам «жегенімнің бәрі харам күй кешем» дейді. Сонымен қатар «жолдар көп жаннатқа бастайтын тарам-тарам» деген сөздерінің астарында да сенімді байқауға болады. Тіпті ұлтқа қызмет етпесем, міндетімді орындамасам «ұялмай көрге қалай барам?» деп сауал тастауында да үлкен мәселе жатыр.

Сонымен қатар Ахмет Байтұрсынұлы шығармашылығындағы этнолингвистикалық сипат ерекшеліктеріне бағзы заман жыраулар поэзиясы мен аға буын ақындар шығармашылығының да зор ықпал еткендігін айта кету керек. Ахмет Байтұрсынұлының көп құдалау көргендігі, Ресейдің алыс әрі шеткері аймақтарымен қатар, Орынбор тәрізді мәдени ошақтарында да құдалауда болғандығы атап өтілді. Міне, атамекеннен жырақта жүргенде жазған өлеңдеріне мән беретін болсақ, елін сағынуы, қазақ халқының шарасыздыққа тап болған жағдайы мен ауыр отарлық саясатының қазақ қоғамына тигізген кері әсерін сипаттау барысында шыққан өлеңдері өзіне дейінгі Абай Құнанбаев тәрізді қазақ ақындарының шығармаларымен сарындас екендігі аңғарылады. Өзінің «Қазақтың бас ақыны» деген мақаласында Абайдай кемеңгер қазақ та жоқ екендігін айта келе, Абай шығармасындағы ойлардың тереңдігіне таң қалады. Тіпті оны дайындығы жоқ, білімі аз адамдар бір оқығаннан түсіне алмайды деп санаған. Мысалы, Абай Құнанбаевтың «Қалың елім қазағым, қайран жұртым» деген өлеңіндегі қазақ халқының ауыр күйін сипаттау ерекшеліктерін Ахмет Байтұрсынұлының «Жұртыма» деп аталатын өлеңдерінен байқауға болады. Пікірлер сабақтастығы іспеттес маңызды жайттардың болуының өзі Ахмет Байтұрсыновта қазақ ақындарының шығармаларымен терең танысу арқылы

қалыптасқан деп айтуға негіз бар. Алаш арысының «Жиған терген» мен «Жауға түскен жан сөзі» өлеңдеріндегі қазақ халқының жағдайы, оның келешегі үшін қам жеу, ой толғау, тебірену т.б. эмоциялық күй Абай Құнанбаевтың өлеңдерімен қатар, қара сөздерінде де кездеседі [Сүйіншәлиев, 1956, 58]. Ахмет Байтұрсынұлының шығармашылығы стилистикалық және идеялық тұрғыдан Шоқан Уәлиханов, Ыбырай Алтынсарин еңбектерімен сарындас. Алаш қайраткерінің дүниетанымы, философиялық ой-толғамында да ұқсастық көп. Келтірілген қазақтың біртуар үш ойшыл, ақын, ағартушы-ғалымдардың еңбектерінде дәстүрлі қазақ қоғамындағы әсіреділдік, XIX ғасырда қазақтар арасындағы дүмше молдалардың қаптауы, олардың шариғатқа сай келмейтін әңгімелері мен іс-әрекеттері қатал сыналады. Мысалы, Шоқан Уәлиханов еңбектерінде Қазақстан аумағы үш генерал-губернаторлыққа бөлінген соң, бүкіл әкімшілік билік үлкен өзгерістерге ұшырағандығын атап өтеді. Сол ретте үлкен өзгерістер дін саласын реттеуге арналғандығын айта келе, қазақтар арасында діни жоралғыларды орындаудың өзі патша үкіметінің басқармаларына бағынатын тұлғаларға беріледі. Олардың қызметтері қатаң бақыланды және өздері де қазақтар арасындағы діни жоралғыларды қатаң бақылауға алды дейді. Тіпті өлген адамның жаназасын да солар шығаратынын ескерсек, жауапты тұлғалардың келгенін күтіп өлген адамды бірнеше күн үйінде ұстауға мәжбүр болған. Ал ауылдағы молда қызметін атқара алатын адамдар жаназа шығарса, оларды құдалап, соттауға дейін барған. Әрине мұндай жоралғыларды орындау тегін болмады. Олар осылайша байып, қазақты қанау ісімен айналысқан. Тіпті шариғатты бұрмалап, қазақтардың дәстүрлі діни сенімдеріне де өзгерістер енгізіп отырғандығын Шоқан Уәлиханов өз еңбектерінде атап өтті [Валиханов, 1962, 134]. Міне осындай жайттар Ахмет Байтұрсыновтың еңбектерінен де байқалады. Мысалы «Жиған-терген» атты өлеңінде:

Берсең бер, молдаға,
Өзіңді бірақ, алдама.
Ақшаға жұмақ жалдама, – деген өлеңінің өзі осы сарында.

Ахмет Байтұрсынұлының шығармашылығының этнолингвистикалық ой-толғамдарында дәстүрлілікті жақтау мен шындыққа жанаспайтын әрі қазақты күйретуге апаратын білімсіздікті қатаң сынау байқалады. Оған қоса дәстүрлі қоғамның даму ерекшеліктеріндегі кері әсер етуші факторларды сынау, оны қабылдамау сияқты үрдіс аңғарылады. Мысалы:

Бұл неткен жұрт ұйқышыл?
Мейлі кедей, мейлі бай,
Жатыр бейқам, жым жырт жай, – деген өлеңіндегі жайттардың өзі сөзіміздің дәлелі болып табылады. Демек қазақтың дәстүрлі қоғамының даму ерекшелігі қарқындылығымен ерекшеленбеуінің басты себепкері осы жалқаулық екендігін анық көрсетушілік байқалады. Алаш қайраткері қазақтың жалқаулық сынды қасиетімен күресуде барлық мүмкін болатын үгіт-насихат жолдарын пайдаланады. Тіпті Құдайдың да сүймейтін қасиеттерінің бірі екендігін де бірнеше мәрте қайталайды. Жалпы Ахмет Байтұрсынұлы шығармаларының этнолингвистикалық ой-толғамдарында қазақтың дәстүрлі діни сенімдеріне сай келетін ұғымдар мен түсініктерді белсенді пайдаланушылық байқалады. Бұл, әрине, біз жоғарыда атап өткен жас бала кезіндегі медреседегі алған білімі мен өзін қоршаған жандардың діндарлығының нәтижесі болып табылады [Қазақ газеті, 1998, 63].

Ахмет Байтұрсынұлының шығармашылығы қазақ халқының өмір салтының ерекшеліктері, ұлттық болмысы мен әдет-ғұрып, салт-дәстүрі сынды маңызды мәселелерге негізделген. Оның шығармаларындағы этнолингвистикалық ой-толғамдары қазіргі зерттеу жұмыстары үшін де таптырмас тарихи дерек болып табылады. Бүгінде ғылымда ол мейлі философия немесе тарих болсын, сол сияқты өзге де гуманитарлық ғылым саласында қазақтардың күнделікті тарихы мен этникалық сана мәселесін зерттеуге бағытталған ғылыми-зерттеу жұмыстар көп. Осындай зерттеу жұмыстары Ахмет Байтұрсынұлының шығармашылығындағы этнолингвистикалық сипатқа, ой-толғамдарға мән бере отырып, жан-жақты аша білуде көп пайдалы болмақ. Өйткені, біздің пікірімізше, автордың шығармашылығы XIX ғасырдың II жартысы мен XX ғасырдың басындағы дәстүрлі қазақ қоғамын сипаттап, қазақ халқының дүниетанымдық көзқарастарын саралауға мүмкіндіктер береді. Сөзсіз Ахмет Байтұрсынұлы XX ғасыр басындағы қазақ қоғамын жаңғыртып, дамытуға қосқан үлесінен бөлек, кейінгі ұрпақ үшін де мол мәліметтер сақтайтын рухани әрі тарихи мұралар қалдыра алды. Бір ерекшелігі – Ахмет Байтұрсынұлының шығармашылығындағы этнолингвистикалық сипаттың, ой-толғамдарының ерекшелігі – Алаш қайраткерінің өзіне дейінгі ақын-жыраулардың жазғандарын толыққанды түсініп, өз бойынан өткізе алды. Терең түсініп, жүрекпен қабылдай білді. Сондықтан да Абай тұсындағы қазақтардың саяси санасын оятудың жолдарын одан әрі жетілдірушілік байқалады. Егер де Абай Құнанбаев өзінің шығармаларының бірі «Сегізаяқта»:

Қарқылдар қарға
Шиқылдар арба
Бой сүйсінер сазы жоқ.
Мылжыңдап, қыртпа,
Ой ісінер сөзі жоқ, – деген жолдары белгілі [Байтұрсынов, 1989, 78]. Міне, осындай ұстаным Ахмет Байтұрсыновтан аңғарылады. Ахмет Байтұрсынов түрлі метафоралық жаңа сөздерді пайдаланады. Осылайша ойды ой қозғайтындай әңгімелер жарыстыру, ел болу мен мемлекеттілікті

қалпына келтіруге деген ұмтылыс сынды асыл қасиеттерді бағалайтын шығармалары арқылы оның этнолингвистикалық ой-толғамдарына арқау болған мемлекетшілдік түсінігі екендігіне көз жеткізуге болады.

Ахмет Байтұрсынұлы шығармашыларындағы этнолингвистикалық ой-толғамдардың мәні – қазақ қоғамын жайлаған жалқаулық пен етек алған еріншектіктің орнына елдің бірлесіп еңбек етіп, бірлікте болуды насихаттайды. Сөзсіз жалқаулық пен еріншектік сынды керітартпа қазақтың мінезін батыл сынауы, одан адамдарды жиіркендіруді өзінің басты мақсаты деп таниды. Ынтымақ пен ынтаны жоғары бағалайды.

Ахмет Байтұрсынұлының этнолингвистикалық ой-толғамдарына әсер еткен факторлардың бірі – әлемдік ақындардың шығармашылығы десек те болады. Олардың көтерген мәселелерін қазақи дүниетанымға ыңғайлап, қазақ қоғамына қажеттісін бере алды. Бұл ретте И.А.Крыловтың шығармасын ерекше атап өтуге болады. Өйткені сол ақынның шығармаларын аударып, қазақи нәр бере отырып, Петербург қаласынан «Қырық мысал» деп аталатын жинағын шығарған болатын. Осылайша орыс ақынының шығармаларын аудара отырып, қазақтың ерекше төл шығармасына айналдырды. Мысалы И.Крыловтан аударған аққу мен шортан және шаян туралы мысал өлеңін алар болсақ, оған қазақи нәр беріп, ұлттық сипат бергені соншалық, бұл шығарманы Ахмет Байтұрсынұлының төл өлеңі деп қарайтындар да жоқ емес. Әрине Ахмет Байтұрсынұлының бұл мысалды аударуында үлкен мән бар. Өйткені мысалдың айтар ойы Ахмет Байтұрсынұлының пікірімен ұштасып жатыр. Мысалдың мәні – бір істі жан-жаққа тартқан аққу, шортан және шаяндай қазақ қоғамы да бір іске жұмыла алмауымен ерекшеленеді. Мұны Ахмет Байтұрсынұлы өзінің барлық өлеңдерінде ерекше атап өтеді. Көкке тартқан аққудай, кері тартқан шаян мен суға қарай жұлқыған шортанның келбеті Ахмет Байтұрсынұлының «бір іске жұмылуға шорқақ, жұртым» деп келетін өлеңімен астасып жатыр.

Ахмет Байтұрсынұлының шығармаларымен таныса келе, ақынның өлеңдерінде басшылыққа алынған негізгі ойдың мәні – шынайылық пен тазалық екендігіне көз жеткіземіз. Алаш қайраткері ислам дінінің асыл қасиеттерін, шариғат заңдарының озық үлгісін басшылыққа ала отырып, дінді қолдан бұрмалап, оны құбыжық етіп көрсеткен дүмше молдалар мен олардың қиялына негізделген қоғамдық қарым-қатынастарды қатаң сынайды. Алла өзі мен адамзат баласы үшін жақсылық пен игі қасиеттерді қалыптастыратын ислами түсініктерді Ахмет Байтұрсынұлы өз шығармаларының төріне шығарады. Осы ислами құндылықтардан шыға отырып, Ахмет Байтұрсынұлы мұсылманды жек көрінішті ететін жағымсыз қасиеттерден арылуға шақырады. Осы үшін де өзінің өлеңдерінде Жаратқанның сөздерін қосып, Алла Тағала үшін жағымсыз қылықтардың бірі ретінде еріншектік пен жалқаулықты атайды. Ахмет Байтұрсынұлының этнолингвистикалық ой-толғамдарында ерекше орын алатын ойдың бірі – білім және ғылыммен байланысты екендігі анықталды. Шын мәнінде де ислам дінінде білім мен ғылым мәселесінің орны ерекше. Алла елшісінің «Бір адам білім іздену жолына түссе, Жаратушы оның жаннатқа бару жолын жеңілдетеді» деген болатын немесе Зұмар сүресінің тоғызыншы аятында «білетіндер мен білмейтіндер бірдей бола ма?» деген де бар. Міне, осы негізгі ой Ахмет Байтұрсынұлының шығармаларында жетекші ойға айналды. Сол себепті Ахмет Байтұрсынұлы қазақ жастарының білімді болуын және білімге деген құштарлығының жоғары болуын үнемі насихаттады. Тіпті 1916 жылғы ұлт-азаттық көтеріліс барысында ашулы қазақтарды сабырға шақырып, патшаның жазалаушы әскерімен күштің тең емес екендігін алға тартады. Сондықтан патшаның жарлығына бағынып, тыл жұмысына адам беріңдер деп кеңес береді. Алаш арыстарының пікірі өте орынды еді. Алайда Жетісу қазақтары тыңдамастан тыл жұмысына алынғандардың тізімі жазылған қағаздарды поштамен қоса өртеп, үлкен наразылықты бастаған. Патшаның жазалаушы әскерлері қазақтарды әбден қырып, оған қоса тыл жұмысына адамды да алады. Сол тыл жұмысына алынған қазақтар арасында болып келгеннен кейін Ахмет Байтұрсынұлы «Алаш ұлына хат» деп аталатын мақаласын жазады. Аталған мақалада қазақ жастарының білім алып, орыс тілін меңгергендері дұрыс дей келе, сонау Шығыс Еуропада өздерінің ағалары мен әкелері орыс тілін білмегендіктен қатты қиналғанын айтады. Сол қазақ жастары тыл жерлеріне барып тілмаштық қызмет атқарыңдар деп ағалық кеңесін береді. Демек, Ахмет Байтұрсынұлы ұлтқа қызмет етудің негізгі мәні – білім деп санағандығын айта кеткен жөн.

Ахмет Байтұрсынұлының этнолингвистикалық ой-толғамдарына талдау жасап, айқындау үшін Алаш арысының өмір сүрген тарихи кезеңін жақсы білу қажет. Ахмет Байтұрсынұлы өмір сүрген тарихи уақыт қазақ халқының патшалық Ресейге қосылуы толығымен аяқталып, қазақ халқы үшін саяси-әлеуметтік және экономикалық тәуелсіздік туралы пікір білдіруге тыйым салынған уақыт еді. Сонымен қатар қазақ халқы өзіне тиесілі материалдық игіліктерден ішінара айрыла бастаған болатын. Сондықтан Ахмет Байтұрсынұлы халықтың саяси сауатының ашылуы және оның жаппайылық сипат алуы сөзсіз оң әсер етеді деп санады. Халқының мүддесін ойлаған Ахмет Байтұрсынұлы саясат әлеміне белсенді араласып, қайтсек те ұлт мүддесінің тапталуына жол бермеудің жолын қарастырды. Саяси партия құруға мұрындық болып, Алаш-Орда үкіметінің құрылуына себепкер де бола білді. Қазақ халқын толғандырған өзекті мәселелерді патшаға петиция ретінде жолдап, қазақ халқының мүддесін қорғайтын білімділер бар екендігін ұғындырды. Міне, осы ниет Ахмет Байтұрсынұлының шығармашылығының этнолингвистикалық ой-толғамдарына негіз болды. Жалпы Ахмет

Байтұрсынұлының этнолингвистикалық ой-толғамдары ағартушылық пен қазақ халқының дәстүрлі мәдениетінен алшақтамады. Сонымен қатар Ахмет Байтұрсынұлының этнолингвистикалық ой-толғамдары білімді адам мен белсенді қоғамдық қатынастар бірлігі ұғымдарымен тығыз байланысты. Мұндай тұтастық принципінің заңды нәтижесі қазақ мемлекеттілігінің қалпына келуі мен ұлттық мүдде және қызығушылықтың толыққанды қорғалуына алып келуі тиіс саналды. Сонымен қатар Ахмет Байтұрсынұлы адамның қоршаған ортасына этикалық тұрғыдан қарай отырып, оның кісілік әрекеттерін сипаттай келе, адам үшін ғибрат аларлық әрекеттерін насихаттайды. Жақсылық және жамандық, еріншектік пен белсенділік сынды ұғымдардың ара-жігін нақты ашып, «саяси сауатты бол!» этикалық принципін ұстанады. Сондай-ақ адам бойындағы асыл қасиеттердің бірі саналатын адамгершілік, имандылық, адалдық сынды қасиеттерді дәріптейді. Осындай адами қасиеттер жетекші рөлге шыққан жағдайда қоғамдық өмірдің де сапалық өзгерістері орын алатындығына сенімді болады. Ахмет Байтұрсынұлының шығармаларындағы философиялық ой ғана емес, іс-әрекеттері мен қоғамдық-саяси қызметтерін бағамдау арқылы да халқына пайда келтіру, оның керегіне жарау, ұлт үшін, оның мүддесі мен қызығушылықтары үшін құрбан болуға да дайын екендігін ұғынуға болады. Мұндай ұлтжандылық көріністері Алаш қайраткерінің шығармашылығына да арқау болып, оның барлық өлеңдері мен мақалаларындағы жетекші ойға айналады. Ахмет Байтұрсынұлы үнемі туған ұлтының болмысы мен бірегейлігін сипаттайтын философиялық даналықты басты бағдары етіп таңдайды. Тағы да мән беретін мәселе – Ахмет Байтұрсынұлы шығармашылығында өзге тілді көп араластырмау, яғни этнолингвистикалық мүмкіндіктер толыққанды пайдаланылады. Демек, қайраткер өз ұлтының төл тілінің мүмкіндіктерін барынша пайдаланып, оны ғылым тілі ретінде қалыптастыруға тырысады.

Сонымен қорытындылай келе, Ахмет Байтұрсынұлының этнолингвистикалық ой-толғамдары төл мәдениет пен ұлттық бірегейлікті сақтай отырып, заманауи үдерістерден қалыспау тәрізді бастамашыл идеяларға негізделген деген қорытынды жасауға болады. Ахмет Байтұрсынұлының еңбектері мен рухани мұраларында ұлттық идея көтерілген негізгі тақырыптардың бірі екендігіне көз жеткізуге болады. ХХ ғасыр басындағы қазақ халқының ауыр тағдырын түзетуге бағытталған әрекеттерінің нәтижесінде дүниеге келген шығармалары, жазылған өлеңдерінің барлығы дерлік ұлттық идея аясындағы ойлар екендігі даусыз. Ұлттық идея ұғымының теориялық негіздері айқындалып, Ахмет Байтұрсынұлының ойлары жүйеге сай сәйкестендірілді. Жұмыс барысында Ахмет Байтұрсынұлының негізгі шығармалары қарастырылып, оның бай рухани мұрасына талдау жұмыстары жүргізілді. Ахмет Байтұрсынұлының азамат болып қалыптасуына түрткі болған тарихи жағдайлар сараланып, нақты қорытындылар жасалды. Ахмет Байтұрсынұлы қазақ халқының басына түскен ауыр жағдайды ең алдымен саяси сауаттың қалыптаспауымен байланыстырды. Сондықтан білім мәселесіне ерекше көңіл бөлді. Саналы ғұмырының бірнеше жылын бала тәрбиесіне арнаған Ахмет Байтұрсынұлы балаларды ана тілінде оқытудың маңыздылығын ерекше атап өтті. Ең бастысы балаларды оқыту ісі тегін негізде жүруі қажет деп санады. Өзінің бұл ойын кейінгі жылдары Алаш партиясы бағдарламасы мен Алаш-Орда үкіметінің құрылу барысында жүзеге асыруға талпынады. Жоғарыда жекелеген зерттеушілер ұлттық идея діни аспектілер негізінде қалыптасуы тиіс деп санайтындығын атап өттік. Алайда Ахмет Байтұрсынұлы дәстүрлі діни наным-сенім жүйесінен бас тартпағанымен, дінді мемлекеттік биліктен тыс қарастырады. Демек, зайырлы мемлекет болуды дұрыс деп табады. Міне, осы орын алған жайт Ахмет Байтұрсынұлының еңбектеріне арқау болды. Ахмет Байтұрсынұлының рухани мұрасындағы басты қозғаушы ой мемлекетшілдік түсінігімен тығыз байланысты. Ахмет Байтұрсынұлының мол мұрасы бүгінгі күннің шындығымен тарихи сабақтасып жатыр. Мақалада Ахмет Байтұрсынұлы дұрыс деп тапқан мәселелердің бүгінгі тәуелсіз Қазақстан жағдайындағы ахуалын сипаттап, қанша жыл өтсе де қазақ тілі, дін, салт-дәстүр мен әдет-ғұрып тәрізді бағыттардың өзекті екендігі жөнінде және әлі де болса осы істерде шешімін таппаған өткір мәселелер бар деген тұжырым жасалды.

Әдебиет

Байтұрсынов А. Шығармалары. Алматы: Жалын, 1989. 320 б.
Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Алма-Ата, 1962. 357 с.
Қазақ газеті // Құрастырушылар Ү.Субханбердина, С.Дәуітов, Қ.Сахов. Алматы: Қазақ энциклопедиясы баспасы, 1998. 560 б.
Сүйіншәлиев Х. Абайдың қара сөздері. Алматы, 1956. 152 б.
Тоқаев Қ.К. Біз Алаш арыстарының есімін жаңғыртып, тарихи рөліне баға беруді қолға алдық // Егемен Қазақстан газеті. 2021 жыл 5 шілде. 18 б.
Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 240 с.

© Ашимбаева Н. М., Лесхан А. А., Кордабай Б. К., 2022

УДК *(811.512.36+811.512.31)'373*

Бальжинимаева Б.Д., Россия, г. Улан-Удэ
Бурятский государственный университет, к.ф.н., доцент
Ганчимэг Л., Монголия, г. Улан-Батор
Монгольский государственный университет, Ph.D.

НАЗВАНИЯ УЗЛОВ И ПЛЕТЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ МОНГОЛЬСКОМ И БУРЯТСКОМ ЯЗЫКАХ*

В настоящее время в связи с быстрым ростом научно-технического прогресса, увеличением городов и машин, развитием промышленности люди все больше тяготеют к своим корням, возрастает интерес к своей истории, родному языку, традициям и обычаям. Исследование названий узлов и плетений, представленных у монгольских народов, является важным. Фиксация, классификация и лингвистический анализ с подробными пояснениями необходимы, поскольку данные термины постепенно начинают забываться и переходят в пассивный запас лексики.

***Ключевые слова**: монгольские языки, лексика, термины, узлы, плетения.*

B.D. Balzhinimaeva, Russia, Ulan-Ude
Buryat State University, Ph.D., Assistant Professor
L. Ganchimeg, Mongolia, Ulan-Bator
Mongolian State University, Ph.D.

NAMES OF KNOTS AND WEAVES IN MODERN MONGOLIAN AND BURYAT LANGUAGES

At present, due to the rapid growth of scientific and technological progress, the increase in cities and cars, the development of industry, people among this are increasingly drawn to their roots, interest in their history, native language, traditions and customs is increasing. The study of the names of knots and weaves presented among the Mongolian peoples is important. Fixation, classification and linguistic analysis with detailed explanations are necessary, since these terms gradually begin to be forgotten and pass into a passive vocabulary.

***Keywords**: Mongolian languages, vocabulary, terms, knots, weaving.*

В результате многовековой трудовой деятельности каждый народ выработал свои собственные приемы в шитье, в завязывании узлов и плетении. Гибкие материалы были основным крепежным подспорьем, работая с которыми человек создавал изделия труда, оружие и различные приспособления. Помимо прямого применения, узлы становятся основным элементом для большой группы изделий декоративно-прикладного характера.

Как указывали в своей статье Г. Ленхобоев и Е. Хамзина, узлы, швы и плетения разных народов имеют свои отличия, так как отражают виды хозяйственной деятельности народа, создавшего их. При этом отмечалось, что буряты знают больше разнообразных способов завязывания узлов, чем русские поселенцы. Эти «бурятские» узлы выделялись своей надежностью и лёгкостью завязывания и – при необходимости – развязывания. Описано 36 разных узлов, – как известных всем народам, так и самобытных. Декоративных узлов немного, они выделяются сложностью завязывания и особой красотой. Отмечается, что узел «улзы», наиболее распространённый у бурят, выполнялся из цветных шёлковых ниток, и носили его на левой стороне груди на халате. Своеобразными объёмными узлами буряты выполняли пуговицы для застёжек халатов и шуб, особый узел применялся для связывания шнурка, на котором девушки носили нагрудное украшение *гуу*, а парни таким узлом прикрепляли кисточки к кошельку. Узел из четырёх верёвок, петли, которые образуют четырёхлепестковую розетку, применялся для украшения конской сбруи [Ленхобоев, Хамзина, 1965, 164].

Плетение и особые узлы у монгольских народов употребляются до настоящего времени при изготовлении конской сбруи, плёток, для отделки предметов традиционного костюма, создания наверший для головных уборов, пуговиц. Везде необходим узел – для каждого случая в отдельности по-особому завязанный. В настоящее время многие из узлов вышли из употребления, так как исчезла необходимость перевозки поклажи на телегах.

Узлы разделяют на несколько групп. В одну группу входят узлы, применяемые для связывания двух веревок между собой. Различают узлы для сращивания веревок одинакового и разного диаметров. Следующая группа объединяет узлы, применяемые в качестве креплений веревок к различным предметам, а также предметов между собой. В силу того, что некоторые узлы скрепляют между собой части одной и той же веревки подвижным образом, их выделяют как бегущие.

К универсальным узлам относят простой узел (х.-монг. *үйлчин зангилаа*, бур. *зангилаа*), который хорошо известен всем народам. Он широко применяется там, где не требуется особой крепости. При помощи него закрепляется конец нитки, жилы при шитье. Узел для связывания обрыва веревки называется *залгалаа зангилаа.*

һүбэрхэй уялаа – узел известен у населения Забайкалья как бурятский. Он имеет широкое распространение, так как сравнительно легко, но очень крепко соединяет два конца и при желании легко развязывается: стоит лишь потянуть за один конец. Им завязываются тесемки у шапки, фартука, концы платка. Слово *һүбэрхэй* в «Бурятско-русском словаре» дано как «легко развязывающийся (об узле, связке)» [Шагдаров, Черемисов, 2006, 572].

При помощи узла *зангилаа уялаа* подвешивают воротца в скотниках. Развязать такой узел сразу бывает затруднительно. Соединение при помощи двух петель называется *бүгэлдэргэлхэ*. Концы

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ-МинОКН в рамках научного проекта № 19-512-44006.

веревок продергиваются через петли, завязанные на обеих веревках. Завязанный узел крепок и труден для развязывания. Узел (*тоонто*) используется в случаях, когда нужна петля на одном из концов веревки, например, когда затягивается воз сена. Данный узел у русского населения известен под названием «бурятского узла». Также существуют узлы *һалгай тоонто* и *татамал тоонто. һалгай тоонто* – подобен предшествующему узлу, только завязывается уже не направо, а налево. Этим узлом чаще пользуются русские, чем буряты. *Татамал тоонто* – тот же самый узел, но завязывается с петлей для быстрого развязывания.

Также были узлы *бойлторгын уялаа* – «неподвижный узел, закрепляющий крупную петлю на шее теленка во время дойки коровы», и *зэлын уялаа* – специальный узел для прикрепления к забору веревки с деревянным крючком-поперечинкой, к которому привязывается теленок за петлю на ошейнике.

У бурят существует ряд узлов специального назначения, которые применяются только в определенных случаях. К таким узлам можно отнести целую серию узлов, которые в сочетании с плетением являлись украшением конской сбруи: *дурбэлжэн зангилаа* – «узел, связывающий четыре конца», *хизаарай зангилаа* – «узел, связывающий три конца», *хударгын уялаа* – «узел, которым укрепляется седло», *хударгын сасаг* – «сочетание узла с плетением из тонких ремней для украшения шлеи и узды».

К узлам для связывания поклажи при перевозках относятся: *бастригай уялаа (даруулга уялаа)* – «узел для затягивания воза с сеном», *ирихэ* – «способ связывания дров, жердей», *шангадхаха* – «способ привязывания жердей и бревен к телеге, машине». Также копна при перевозке закрепляется следующим образом: две петли на концах веревки, охватывающей копну, соединяются палочкой-костыльком, образуя своеобразный замок, который носит название *тэбхэдэхэ*. Этот же принцип используется в путах *шагталха*, только в этом случае палочка-костылек закреплена на одном конце намертво и как бы затягивается на петлю.

Помимо вышеперечисленных узлов, плетение также являлось одним из традиционных занятий бурят, оно до сих пор используется в хозяйстве и быту. Применяются простейшие приёмы плетения, когда связываются два конца верёвки, и сложные, когда соединяются шесть и более концов. В качестве материала используются сыромятные ремешки, шерсть, нитки. Из кожаных ремешков (от трёх до шестнадцати) плели кнуты, из шёлковых ниток – тесёмки для изготовления петель. Тесьмой, скрученной из цветных ниток, украшали женскую одежду, нашивая её в несколько рядов на поясе, рукавах или подоле; на мужской одежде из нее делали петли [Ленхобоев, Хамзина, 1965, 170].

Исследователь национальной бурятской одежды этнограф Р.Д. Бадмаева пишет, что «шерсть и волос, а позже фабричные нити бурятки подвергали кручению. Из этих скрученных нитей плели тесьму, пояса, веревки, делали их толстыми или же тонкими, круглыми или плоскими, в зависимости от их назначения [Бадмаева, 2016, 34].

Плетение трех кожаных концов называется в бурятском языке *ташуур гүрэхэ* и используется для изготовления кнутов. Для плетения *дүрбэлжэн гүрлөө* берутся две кожаные полоски и складываются пополам так, что образуются четыре конца. Петли надеваются на два пальца, указательный и безымянный, обеих рук. Один человек держит концы, а другой плетет, продевая последовательно петлю в петлю, при этом перед продергиванием та петля, которая продевается, скручивается на один оборот вовнутрь. Плетутся так, главным образом, кнуты. Плетение из шести концов (трех петель) называется *зургаагаар гүрэхэ (*досл. *плести шестью)*. Две петли надевают на указательный и средний пальцы правой руки, на эти же пальцы левой руки надевают одну петлю. Средним пальцем левой руки поддевается петля на указательном пальце правой руки и продергивается через петлю на левой руке. Одновременно указательным пальцем левой руки петля с этой руки надевается на освободившийся палец правой руки. То же самое проделывается с петлей, надетой на средний палец правой руки, и т.д.

Двенадцатиконцевое плетение называется в бурятском языке *наймаар гүрэхэ*. Петли надеваются на три пальца обеих рук: указательный, средний и безымянный. Плетение ведется в следующем порядке: указательный палец левой руки — с безымянного правой; средний палец правой — со среднего левой; указательный правой — с безымянного левой; средний левой — со среднего правой.

Монгольский исследователь Д Эрдэнэбат в своей диссертационной работе «Вооружение, одежда, кожаные шлемы и доспехи монголов периода империи Чингизидов» пишет, что «при оплетении доспехов и шлемов использовали веревку, сделанную из сыромятной кожи верблюда. При этом применяли различные методы плетения, такие как связка для овец и «бегущая строчка»» [Эрдэнэбат, 2015, 136].

Самобытные традиции плетения и завязывания узлов различными способами, применение их в повседневной жизни, а ныне и в декоративном творчестве дошли до нашего времени. Все эти многовековые навыки, приемы и операции передавались и совершенствовались из поколения в поколение. Поэтому необходимы изучение, сбор и лексико-семантический анализ данной группы лексики, поскольку с глобализацией и уходом из жизни представителей старшего поколения многие термины могут быть утеряны и невосполнимы.

Литература

Бадмаева Р.Д. Бурятский народный костюм. Улан-Удэ: НоваПринт, 2016. 176 с.
Ленхобоев Г., Хамзина Е.А. Узлы, швы и плетение у бурят // Труды Бур. компл. НИИ СО АН СССР. Вып. 16: Материалы по истории и филологии Центральной Азии. 1965. С. 162–190.
Сонгино Ч. Монгол эмэгтэйн уран үйл. Улаанбаатар, 1989. 143 с.
Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Улан-Удэ, 2006.
Эрдэнэбат Д. Вооружение, одежда, кожаные шлемы и доспехи монголов периода империи Чингисидов. Дисс. на соиск. канд.истор.наук. Улан-Удэ: БГУ, 2015. 206 с.

© Бальжинимаева Б. Д., Ганчимэг Л., 2022

УДК *811.512.37+09+930.253*

Баянова А.Т., Россия, г. Элиста
Калмыцкий научный центр РАН, с.н.с.
Манджикова Л.Б., Россия, г. Элиста
Калмыцкий научный центр РАН, м.н.с.

О СОЧИНЕНИИ СТУДЕНТА КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ИЕРОМОНАХА ВИКЕНТИЯ (БУЛАНОВА) «ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО МОНГОЛО-КАЛМЫЦКОГО СЛОВАРЯ»[1]

Статья посвящена научной работе студента II курса Казанской духовной академии иеромонаха Викентия (Буланова), находящейся в Государственном архиве Республики Татарстан в фонде 10 «Казанская духовная академия» [Ф. 10, Оп. 2. Д. 1394]. Авторы статьи ставят своей задачей введение в научный оборот опыта иеромонаха Викентия, основанного на сравнительном анализе терминов монголо-калмыцкого словаря по «Симфонии на Ветхий и Новый Завет» А.П. Лопухина, который представляет собой научный интерес для исследователей-лингвистов.

Ключевые слова: *рукопись, монгольский язык, калмыцкий язык, словарь, перевод, миссионерство.*

Bayanova A.T., Russia, Elista
Kalmyk Scientific Center of the RAS, SeniorResearch Associate
Mandzhikova L.B., Russia, Elista
Kalmyk Scientific Center of the RAS, JuniorResearch Associate

ABOUT THE ESSAY BY HIEROMONK VIKENTY (BULANOV), A STUDENT OF THE KAZAN THEOLOGICAL ACADEMY, «THE EXPERIENCE OF THE COMPARATIVE TERMINOLOGICAL MONGOL-KALMYK DICTIONARY»[2]

The article is devoted to the scientific work of a second-year student of the Kazan Theological Academy, Hieromonk Vikenty (Bulanova), located in the State Archives of the Republic of Tatarstan in fund 10 "Kazan Theological Academy" [F. 10, Op. 2. D. 1394]. The authors of the article set themselves the task of introducing into scientific circulation the experience of Hieromonk Vikenty, based on a comparative analysis of the terms of the Mongolian-Kalmyk dictionary according to A. P. Lopukhin's "Symphony on the Old and New Testament", which is of scientific interest to linguists.

Keywords: *manuscript, Mongolian language, Kalmyk language, dictionary, translation, missionary work.*

В описи 2 фонда 10 «Казанская духовная академия» Государственного архива Республики Татарстан, насчитывающего 2304 ед. хранения, имеются 65 материалов, касающихся калмыков. В этой описи зафиксированы научные работы студентов данного учебного заведения.

Во второй половине XIX века в Казанской духовной академии (далее — КДА) были открыты миссионерские отделения, направленные на просветительскую работу. Студенты данной академии изучали язык и культуру народов, среди которых им предстояло распространять христианское учение, поэтому необходимы были широкое знание культуры и глубокое познание языка. После окончания академии выпускники становились миссионерами и открывали свои школы, в которых преподавались Закон Божий, Библия и другие духовные предметы, изучались русский, монгольский, маньчжурский языки.

К 1842 году, к периоду ее повторного открытия, КДА являлась одним из передовых духовных учебных заведений, где со второго курса студенты писали серьезные научные трактаты, в которых рассматривались проблемы христианизации инородцев, в частности калмыков, различные религиозные аспекты народов и т.д. Научные исследования основывались на религиозных рукописных источниках, написанных на старомонгольском и тибетском языках [Баянова, Сибгатуллина, 2020, 96]. Имеются чисто филологические работы: «О переводе священного писания на монголо-калмыцкий язык» студента Загоскина [НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1369], «Религиозно-нравственные переводы на калмыцкий язык как средства миссионерского воздействия» Амфилохия [НА РТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 498] и др.

Студенты практиковались в составлении двуязычных словарей, рассматривали различные лексические особенности языков, проводили сравнительный анализ, что представляет несомненный научный интерес. Среди этих работ выделяется исследование иеромонаха Викентия (Буланова) «Опыт сравнительного терминологического монголо-калмыцкого словаря (по «Симфонии на Ветхий и Новый Завет» в издании А.П. Лопухина).

В списках КДА Викентий Буланов числится в числе выпускников группы LIX курса, закончивших академию в 1918 г. и получивших степень кандидата богословия. Подробных сведений о нем очень трудно найти. Как утверждает профессор Н.Ю. Сухова, занимающаяся историей российского ученого монашества, многим академическим инокам, в том числе и Викентию Буланову, «удалось реализовать идею ученой монашеской коллегии», пройдя аскетический путь и приняв мученический крест [Сухова, 2007, 313]. Будучи студентом, он проводил исследовательскую работу, штудируя ис-

[1] Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии, Китая: трансграничные традиции и взаимодействие » (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

[2] The reported study was funded by government subsidy — project no. AAAA-A19-119011490036-1 “Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions”.

следования по монголистике, изучая тонкости монгольского и калмыцкого языков. В рассматриваемой работе иеромонах Викентий изучает «Симфонию на Ветхий и Новый Завет» (1900) в издании А.П. Лопухина (1852–1904), выдающегося библеиста, профессора богословия, переводчика, исследователя и толкователя Библии. Симфония представляет собой подробный алфавитно-предметный указатель слов, фраз, выражений, встречающихся в религиозных текстах, с указанием источника (название книги, глава и стих) и краткой цитатой, что позволяет быстро находить нужные ссылки и помогает не только при составлении проповедей, но и при текстологическом анализе Библии, при сравнении значений и способов употребления тех или иных понятий и выражений, при поиске цитат.

Традиция составления подобных указателей установилась в христианстве в XVI в. Первая печатная симфония была составлена преподавателем Острожской церковной школы Тимофеем Михайловичем Анничем в 1580 г. Впоследствии вышли симфонии на Четвероевангелие (Ильинский, 1761), Моисеево пятикнижие (1823) и т.д. Первое издание «Симфонии на Ветхий и Новый Завет» в издании А.П. Лопухина вышло в 1900 г. [Симфония на Ветхий и Новый Завет].

Объем рукописи В. Буланова составляет 48 листов. Рукопись иеромонаха Викентия написана черными чернилами на белой, выцветшей от времени бумаге. Количество слов в словаре – 60. Викентием выбраны слова на букву «З»: словарь начинается словом «за» и заканчивается выражением «приводить в замешательство». При выборе слов из Старого и Нового заветов автор дает ссылки с указанием источника, главы и страницы. К примеру, слово «заблуждаться» взято из евангелия от Матфея (глава XVIII, с. 12), евангелия от Марка (глава XII, с. 27$ XXII 29), 2-го послания Петра (глава II, с. 15), 2-го Послания Павла к Тимофею (глава III, с. 13), Послания Павла к Евреям (глава III, с. 10).

Далее В. Буланов строит анализ переводов в своем труде по следующей схеме: 1) сравнение по переводам (в табличной форме); 2) значение терминов по словарям; 3) примечание.

Данный словарь составлен на основе переводов христианских текстов на монгольский и калмыцкий языки Я. И. Шмидтом, Э. Сталлибрасом, В. Сваном, А. М. Позднеевым, Архиепископом Нилом, которые были высокообразованными переводчиками и прекрасно знавшими монгольский и калмыцкий языки.

С именем Я. И. Шмидта (1779–1847) связано возникновение монголоведения в России в первой половине XIX в. Он перевел ряд христианских книг на калмыцкий и монгольский языки. В историю русского монголоведения Я. И. Шмидт вошёл как составитель «Грамматики монгольского языка» (1831, 1832) и «Монгольско-немецко-российского словаря» (1835), имевшего объём из 13 тыс. слов и выражений. Он расположил лексический материал в алфавитном порядке, что было тогда новизной в монгольской лексикографии, а в приложении дал алфавитные указания немецких и русских слов и выражений. В 1812 г., переехав в Петербург, он начал сотрудничать с Российским библейским обществом (РБО), которое поручало ему переводы христианских текстов на калмыцкий язык. К сожалению, многие его переводы так и не были опубликованы. Возможно, что В. Буланов, работая над словарем, пользовался рукописным вариантом.

В начале XIX в. члены Лондонского миссионерского общества Эдвард Сталибрас и Уильям Сван находились в Бурятии, когда Лондонское миссионерское общество, имея геополитические интересы на Востоке, решило открыть свое представительство в Иркутске. Для миссионеров ставилась задача распространения христианского учения среди бурят-монголов. Эдвард Сталибрас был одним из первых кандидатов, которого направили в Сибирь. Родившийся в семье дьякона, Эдвард получил серьезное религиозное образование. Еще учась в Гомертонском колледже, он выбрал карьеру миссионерского служения и страстно желал нести «Слово божье» в дальние страны, невзирая на любые трудности, которые, как он предполагал, будут в этой работе.

Уильям Сван пришел к религии в юношеском возрасте, когда поступил в Теологическую Академию в Глазго и принял решение посвятить себя миссионерской деятельности.

В 1818 г. Эдвард Сталибрас с женой Сарой и Уильям Сван оказались в Иркутске. Поскольку Иркутск оказался не совсем удобным местом для размещения миссии, они уезжают в Селенгинск, считая его центром бурятских кочевий. Первым делом они активно начинают изучать монгольский язык и за короткий срок сумели освоить весь лексический и грамматический материал, составили для удобства общения собственные словари и грамматики, свободно общались с местными аборигенами, организовали школы для местных детей. Период изучения языков затянулся на долгие годы, и главная цель миссионеров – издание и печатание Библии на монгольском языке — была претворена только к середине 1830-х гг. В 1834 г. тиражом 500 экземпляров вышла первая книга Библии «Бытие» на монгольском языке, впоследствии остальные книги были напечатаны в Лондоне.

О. М. Ковалевский был знаком со Сталибрасом и Сваном. Он несколько раз посещал Селенгинск, где надолго останавливался у миссионеров. 28 мая 1829 г. он выехал на Уду к хоринским бурятам. Там Сталибрас и Сван передали ему часть монгольской грамматики и псалтырь, переведённый на монгольский язык Сталибрасом [Тиваненко, 2009]. Видимо, таким образом переводы монгольских текстов Сталибраса и Свана попали в библиотеку Казанского университета, где и работал О. М. Ковалевский.

Переводы еще одного ученого-востоковеда, монголоведа, доктора монгольской и калмыцкой словесности, профессора А. М. Позднеева (1851–1920) также вошли в сравнительный анализ терминологических слов иеромонаха Викентия. А. М. Позднеев, исследователь монгольских письменных памятников и в целом монгольских языков – автор научного калмыцко-русского словаря, опубликованного в 1911 г.

Член Императорского Русского географического общества, почетный член Казанской духовной академии архиепископ Нил (1796–1874) является автором фундаментального труда «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири» [Нил, 1858], составителем русско-монгольского словаря, переводчиком христианских текстов на монгольский и бурятский языки.

Коротко остановимся на некоторых моментах отражения лексического материала в данном словаре.

Подача вариантов перевода слов.

В примечаниях автор дает объяснение переводу того или иного слова. Так, слово «заблуждение» имеет несколько значений: 1) заблуждение как обман со стороны других; 2) заблуждение как соблазн; 3) заблуждение как неправильное воззрение; 4) заблуждение как проявление греха (беззаконие). В соответствии с этим и перевод значений данной лексемы в словарях различен. Переводы даются в сравнении с греческим языком.

Авторы монгольских и калмыцких переводов религиозного текста по-разному перевели данное слово. Я.И. Шмидт ограничился только глаголами и подвел эти понятия к трем различным по смыслу глаголам. А. М. Позднеев, Сталибрас и Сван перевели посредством различных существительных и глаголов. Причем у всех у них допущен перифраз; например, Шмидт переводит в 27 стихе Послания к Римлянам[3] так – «вследствие помрачения своего от постыдных дел» (монг. текст, стр. 251, строч. 33; калм. текст, стр. 220, строч. 23). Позднеев, Сталибрас и Сван переводят 18-й стих II-й главы 2-го послания Петра следующим образом: «Они обманывают тех, которые едва убежали от живущих во лжи»; а 17-й стих III–й главы этого же послания Петра они переводят: «Старайтесь в том, чтобы падши (упавши) не погрешить».

Пользуясь для перевода существительными, Позднеев, Сталибрас и Сван подвели их к трем понятиям: к первому – существительное «унтага» (2-е Фессалоник[4]: II, 11), ко второму – «мэкэ» (1-е Фессалоник, II–й гл., 3 стих) и к третьему – «борогу» (2-е Петра[5] II, 18; Рим: I, 27 = у Сталибраса и Свана, а у Позднеева в переводе только Рим: I, 27 стих). В 8-м стихе XXI главы Евангелия от Луки у всех переводчиков употреблен один глагол «унтагадагулукдаху».

В рассматриваемом словаре Викентий после сравнения по переводам дает толкования слов (значение терминов), опираясь на словари К.Ф. Голстунского, А.М. Позднеева, О.М. Ковалевского, грамматику А.А. Бобровникова.

Таким образом, данная научная работа является попыткой составления терминологического словаря. Следует отметить, что студентом проведена большая исследовательская работа с применением первых калмыцких словарей, обширной литературы по христианству, а также непосредственно самих источников на «тодо бичиг» («ясное письмо»).

Источники

ГА РТ. Ф. 10, Оп. 2. Д. 1394.

Литература

Баянова А. Т., Сибгатуллина Р. Р. Материалы о калмыках из фонда 10 «Казанская духовная академия» в Государственном архиве Республики Татарстан // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 1. С. 90–104.

Нил (Исакович Н. Ф.) Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири. СПб.: Тип. Г. Трусова, 1858. 386 с.

Симфония на Ветхий и Новый Завет [электронный ресурс] // https://www.libex.ru/detail/book947751.html (дата обращения: 27.05.2020).

Сухова Н. Ю. Ученое монашество в России: научно-богословская деятельность и проблема консолидации // Сухова Н. Ю. Вертоград наук духовный: сборник статей по истории духовного образования в России XIX – начала XX в. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2007. С. 304–325.

Тиваненко А. В. История Английской духовной миссии в Забайкалье (начало XIX столетия). Улан-Удэ: [Б. и.], 2009. 251 с.

© Баянова А. Т., Манджикова Л. Б., 2022

[3] «Послание к Римлянам» – книга Нового завета.

[4] 2-е послание Фессалоникийцам – книга Нового завета.

[5] 2-е послание Петра – книга Нового завета.

УДК *004.4'272*

Бессонова Ю.А., Россия, г. Орел
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Среднерусский институт управления – филиал, к.ф.н., доцент
Бессонов М.П., Россия, г. Орел
Орловский государственный университет, студент

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ЯЗЫКАМ

Статья посвящена роли различных программных приложений в процессе обучения языкам. Авторы описывают назначение информационных технологий. В статье рассказывается о важнейших принципах, которые должны быть учтены при создании таких приложений. Также приводятся примеры медийных приложений, предназначенных для обучения языкам. Среди примеров авторы выделяют собственный программный продукт, внедренный в учебный процесс образовательной организации.

Ключевые слова: *информационные технологии, обучение, принципы построения, медийное приложение, программный продукт.*

Bessonova Yu.A., Russia, Oryol
Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the RF
Central Russian Institute of Management – branch, Candidate of Philology, Associate Professor
Bessonov M.P., Oryol, Russia
Oryol State University, student

INFORMATION TECHNOLOGIES IN LANGUAGE TEACHING

The article is devoted to the role of various software applications in the process of language learning. The authors describe the purpose of information technology. The article describes the most important principles that should be taken into account when creating such applications. Examples of media applications designed to teach languages are also provided. Among the examples, the authors highlight their own software product implemented in the educational process of an educational organization.

Keywords: *information technology, training, principles of construction, media application, software product.*

Современный мир стремительно меняется. Информационные технологии, несмотря на то, что в жизни человека появились достаточно недавно, прочно вошли в нашу жизнь. Концентрируя в себе весь опыт, накопленный за период существования цивилизации, а также научные знания в форматизированном виде, информационные технологии помогают социуму в осуществлении общественных процессов [информационные технологии в развитии современного информационного общества]. При этом главным преимуществом их внедрения является более рациональное использование ресурсов, средств и времени. Широкое использование информационных технологий практически во всех областях жизнедеятельности человека не обошло стороной и проблемы, связанные с обучением человека. В частности, они применяются для преподавания языков. В настоящее время можно найти множество программ, предназначенных для таких целей. Различные конференции, посвященные лингвистике, а также публикации в научных журналах по всему миру позволяют говорить о достаточной актуальности проблемы преподавания языков. Актуальность же нашей работы обусловлена тем, что любое обучение (в частности, обучение языкам) является комплексной задачей, которая требует учета множества факторов, к которым можно отнести данные психологии и педагогики, свойства изучаемого предмета и т.д.

С развитием общества значительно изменился принцип применения компьютерных программ для обучения языку. В настоящее время можно говорить об индивидуализации обучения [информационные технологии в лингвистике]. Несмотря на это, принцип построения программ для обучения языкам остается практически неизменным. Опишем некоторые из этих принципов и проиллюстрируем их на примере конкретных компьютерных программ, предназначенных для индивидуализированного обучения языкам.

Прежде всего стоит отметить, что подобного рода программы, как правило, представляют собой некоторые законченные курсы, которые должны полностью заменить преподавателя и его деятельность по передаче знаний. Основной принцип, которому должны следовать такие программы, – совмещение обучающей, контрольной и поисковой функций. Этот принцип как раз наглядно показывает, что обучение, какое бы оно ни было, всегда опирается на сценарии, приближенные к традиционному обучению, так как именно на этих составляющих и стоится образование в целом [объяснительно-иллюстративное и программное обучение].

Среди прочих принципов можно выделить принципы доступности и наглядности, то есть использование при обучении с помощью информационных технологий не только классической текстовой информации, но и наглядности при помощи различных иллюстраций, а также аудио- и видеоматериалов.

Одним из главных принципов, позволяющих контролировать процесс получения знаний каждым конкретным человеком, является наличие максимально объективной оценки знаний обучающихся. Этот принцип можно реализовать, если при составлении курсов делать больший акцент на упражнения с конкретным ответом или на тестовые задания, а не на творческие задачи.

Приведенные выше принципы являются основными, но даже их реализация в мультимедийных приложениях для изучения языков является сложной задачей. В целом задача создания эффективных программ может решаться только крупными коллективами, имеющими в своем штате сотрудников квалифицированных преподавателей по лингвистике [информационные технологии в лингвистике].

Примером таких компаний может послужить российская "Мультимедиа Технологии", которая при помощи веб-сайта "TeachPro" обучает людей со всего мира различным языкам в зависимости от их уровня владения и возраста (например, французский, испанский, английский и т.п.). Идеи, заложенные в ее курсах, как нельзя лучше отображают те принципы преподавания языков, которые были описаны выше.

Среди иностранных компаний можно выделить американскую "Syracuse Language Systems" и ее курс "Английский: Путь к совершенству 2". Три двухдисковых тома с визуальной информацией и звуковым сопровождением, а также возможность максимально индивидуализировать обучение (выбирать последовательность прохождения, управлять автоматическим переводом видеосюжетов и т.п.) позволили компании стать одним из мировых лидеров в области обучающих языковых методик [обзор мультимедийных учебников-репетиторов английского языка].

Следует отметить, что подобные приложения могут быть внедрены в практику преподавания различных учебных заведений. Например, авторы данной статьи разработали программный продукт "Электронный практикум по дисциплине "Русский язык и культура речи" по теме "Речевые ошибки". Практикум написан на языке программирования Delphi и содержит теоретические материалы и гибкую, за счет простой возможности ее изменения, систему тестовых заданий различного содержания. Продукт был внедрен в учебный процесс Среднерусского института управления-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Его использование на занятиях по дисциплине "Русский язык и культура речи" позволило оптимизировать обучение и обеспечить объективный контроль знаний студентов.

Таким образом, перспективы использования информационных технологий для обучения языкам являются благоприятными. Перенос традиционного образовательного процесса в цифровой формат позволяет не только автоматизировать процесс обучения, охватывая гораздо большее количество пользователей, но и повышает качество образования за счет полностью структурированного материала, хранящегося в открытом доступе.

Литература

Информационные технологии в развитии современного информационного общества [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://moluch.ru/archive/104/24209/ (дата обращения: 13.04.2022).

Информационные технологии в лингвистике [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dgunh.ru/content/glavnay/ucheb_deyatel/uposob/up-fgos-14-15-inform-16.pdf (дата обращения: 13.04.2022).

Обзор мультимедийных учебников-репетиторов английского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.langust.ru/etc/engtutor.shtml (дата обращения: 13.04.2022).

Объяснительно-иллюстративное и программное обучение [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://studopedia.ru/14_52456_ob-yasnitelno-illyustrativnoe-i-programmnoe-obuchenie.html (дата обращения: 13.04.2022).

© Бессонова Ю. А., Бессонов М. П., 2022

УДК *811.512.122*

Бисенгали А. З., Казахстан, г. Алматы
Институт языкознания им. А. Байтурсынова КН МОН РК, н.с.

ЯЗЫКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ НОВЫХ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЙ В КАЗАХСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена рассмотрению основных принципов языковых соответствий новых словоупотреблений в казахском и турецком языках. Сравнительное исследование новых словоупотреблений в обоих языках проведено на материале казахстанской и турецкой прессы за период 2009–2022 гг. На основе сравнительного анализа языковых фактов рассматриваются происходящие языковые процессы в обоих языках. Также характеризуются особенности и общность процессов появления и закрепления в языке новых словоупотреблений. Результат исследования показывает, что данная проблема должна рассматриваться в контексте общественно-социальных, культурных и моральных вопросов современного общества, которые остаются актуальными в современном языкознании.

Ключевые слова: *новые словоупотребления, принцип соответствия, эквиваленты слов, семантическое соответствие, новые тенденции.*

Bissengali A.Z., Kazakhstan, Almaty
A. Baitursynov Institute of Linguistics, CS MES RK, Research associate

LANGUAGE CORRESPONDENCES OF NEW USAGES IN KAZAKH AND TURKISH LANGUAGES

The article is devoted to the consideration of the basic principles of linguistic correspondences of new usages in the Kazakh and Turkish languages. A comparative study of new usages in both languages was conducted on the material of the Kazakh and Turkish press in the period 2009–2022. On the basis of a comparative analysis of linguistic facts, the ongoing linguistic processes in both languages are considered. The features and commonality of the processes of the emergence and consolidation of new usages in the language are also characterized. The result of the study shows that this problem should be considered in the context of public and social, cultural and moral issues of modern society, and it still remains an urgent problem in modern linguistics.

Keywords: *new usages, the correspondence principle, the equivalents of words, the semantic correspondence, the new tendencies.*

В своей книге «Новый взгляд на казахскую терминологию» академик А. Кайдар обращает особое внимание на понятие «новое слово» следующим образом: «Еще одним источником богатства языка является – образование «нового слова», использование слов в новом значении. Этот метод является самым плодородным и мощным в процессе обогащения языка. Язык – то же самое, что и клетка, которая обновляется миллионы раз, он претерпевает непрерывное обновление. Однако особенность языка в том, что создание действительно «нового слова» – явление, которое встречается только в языковом фонде. Например, я не могу назвать очень редкого, беспрецедентно «нового» корня слова, который был бы сформирован в последние сто лет в казахском языке. Потому что такого явления в действительности не существует. Полторы тысячи исконно казахских односложных корней и однокоренные слова уходят вглубь тысячелетий. А «новые слова», которые мы произносим с вами ежедневно, не относятся к новым словам, они являются производными словами, образованными от исконных корней на основе словообразовательных моделей. Корень слова – старый, метод словообразования – старый, но слово – новое, так как оно имеет новое понятие и значение» [Қайдар, 1993, 15].

Следовательно, обновление словарного запаса нашего языка зависит от закономерностей внутреннего развития. Однако постоянной движущей силой для его функционирования являются социальные, экономические, политические и культурные факторы в обществе, то есть потребность в освоении новых понятий, новых вещей, явлений, которые появляются каждый день.

В настоящее время в лингвистике соответствие новых словоупотреблений нашему языку определяется тремя взаимосвязанными принципами:

1) принцип актуальности – потребности;

2) принцип соответствия;

3) принцип эстетичности [Алдашева, 1992, 5].

Принцип актуальности – потребности. Важные события в общественной жизни нашей страны, укрепление промышленных отношений, изменение статуса казахского языка, пробуждение национального самосознания обусловили актуальность создания новых названий за счет внутренних ресурсов казахского языка.

Сравним эти проявления на примере казахского и турецкого языков: такие слова, как: *жарғы* (устав) – *tüzük*; *ақпарат* (информация) – *bilgi; өркениет* (цивилизация) – *uygarlık*; *Ата заң* (конституция) – *Anayasa*; *елбасы* (президент) – *cumhurbaşkanı*; *іскер* (предприниматель) – *işadamı*; *ынтымақтастық* (сотрудничество) – *işbirliği*; *әуежай* (аэропорт) – *havalimanı*; *көшбасшы* (лидер) – *önder*; *жекешелендіру* (приватизация) – *özelleştirme*; *дауыс беру* (голосование) – *oylama*; *дағдарыс* (кризис) – *bunalım*; *мемлекеттік кеңес* (госсовет) – *danıştay*; *тікелей эфир* (прямой эфир) – *canlı yayın*; *тіркеу* (регистрация) – *kayıt*; *дерекнама* (источник) – *kaynak*; *нұсқау* (руководство) – *yönerge*; *сынақ* (экзамен) – *sınav*; *айыпталушы* (обвиняемый) – *sanık*; *түйіндеме* (резюме) – *özgeçmiş*; *жүйе* (система) – *ağ*; *дерекқор* (база данных) – *veritabanı*; *әңгімелесу* (собеседование) – *iş görüşmesi*; *кеңесші*

(консультант) – *danışman*; *жарна* (вклад) – *ödenti*; *айқұлақ* (собачка) – *kuyruklu a; халық қалаулысы* (депутат) — *milletvekili*, *жоба* (проект) – *tasarım*; *оққағар* (телохранитель) – *koruma*; *құлаққап* (наушники) – *kulaklık*; *күн тәртібі* (повестка дня) – *gündem* и т.п. – являются активно применимыми в общественно-социальной жизни, поэтому они легко вошли в лексический состав языка и широко применяются в СМИ.

Например: *дағдарыс* (кризис) – *bunalım*; Қаржы *дағдарысы* медиа саласына өзгерістер әкелді (Финансовый кризис привел к изменениям в индустрии средств массовой информации) (Газета «Ана тілі», 22.12.2011). Bundan dolayı büyük bir psikolojik *bunalım* geçiriyorlar (Поэтому они переживают большой психологический кризис) (Газета «Milliyet», 23.11.2012).

Айқұлақ (собачка) – *kuyruklu a*; Мұнда, *айқұлақ* белгісі @ қолданушы аты мен машина атын бөліп тұр (Здесь, знак собачки @ отделяет имя пользователя и название машины) (Газета «Жас Алаш», 27.02.2014). *Kuyruklu a* işareti (@) günümüzde elektronik posta (e-posta) adreslerimizin aynımaz bir parçası (На сегодняшний день знак собачки @ является неотъемлемой частью электронной почты) (Газета «SABAH», 03.06.2015).

Халық қалаулысы (депутат) – *milletvekili*; Қазіргі билік жүйесін түп-тамырымен қопарып, өзгертпейінше, нағыз *халық қалаулысына* қол жеткізуіміз мүмкін емес (Пока мы в корне не изменим существующую систему власти, мы не сможем выбрать настоящего депутата) (Газета «Жас Алаш», 08.02.2011). Erdoğan, bu başarı nedeniyle *milletvekilleri*, il ve ilçe teşkilatlarını, mahalle temsilcilerini, kadın ve gençlik kollarını, sandık müşahitlerini tebrik etti (Эрдоган поздравил с этим успехом депутатов, провинциальные и районные организации, представителей махалле, женских и молодежных организаций, наблюдателей на избирательных участках) (Газета «Hürriyet», 22.02.2020).

Принцип соответствия. Новые отношения по этому принципу должны соответствовать:

1) семантической структуре и основным свойствам вещей;

2) соответствовать системе формирования языка;

3) стиль языка должен соответствовать стилю применения языка.

Названия должны отображать основные свойства и признаки вещей или явлений. В случае несоблюдения данных правил могут возникнуть несколько новообразований для одного явления. Например, казахские лингвисты русское слово «заказ» переводят как – «*бұйымтай, бұйырман, тапсырыс*». Слово «*бұйымтай*» имеет этнографические корни. А в слове «*бұйырман*» аффикс «-ман» используется для определения семантически конкретных слов. Для определения абстрактных семантических значений аффиск «-ман» используется очень редко. Поэтому эти два слова не применяются, вместо них употребляется слово «*тапсырыс*», которое очень подходит с семантической точки зрения. Например: Қазіргі күні мемлекеттік *тапсырыспен* шығатын кітаптардың таралымы 2000 данадан аспайды (На сегодняшний день в рамках государственных заказов выпускаются книги тиражом не более 2000 экземпляров). (Газета «Ана тілі», 29.01.2009).

Слова «*отбасы/әулет/жанұя*» (семья) несут в себе один и тот же смысл. Из этих вариантов слово «*отбасы*» нашло свое официальное применение, однако, и другие варианты этого слова используются в СМИ. Например: *Отбасы*, кісінің өмірі үшін оның орны тіпті өзгеше ғой (Ведь семья имеет важное место в жизни каждого человека) (Газета «Алматы акшамы», 16.03.2011). Отбасылық *әулет* шежіресі бойынша, Ахметтің руы – Арғын, оның ішінде Тәнбісопы болады (По генеалогии семейной династии, род Ахмеда - Аргын, среди них - Танбисопы) (Газета «Ана тілі», 03.02.2022). Өздері сүйіп қосылып, жастарға үлгі боларлық *жанұяның* қазір шаңырағы шайқалған (Семья, которая когда-то была образцовой и примером для молодежи, сейчас распалась) (Газета «ЖасАлаш», 09.01.2014). По мнению ученых Р. Сыздык, Н. Уали, данный случай оценивается как результат разрушения теории семантического соответствия.

Принцип эстетичности. По мнению ученых, согласно этому принципу, новое словоупотребление не должно вызывать у читателя неприятные ассоциации. Например, в современном казахском языке всё чаще используется новое словоупотребление *алярман* (вместо *сатып алушы* – покупатель). Преимуществом данного слова является то, что оно короче слова *сатып алушы*. Однако у человека, который знает фразеологическое сочетание «алярманға алтау аз» (хапуге и шести мало), оно вызывает неприятные ассоциации.

Точно также слова и словосочетания *жетімді нүкте* – доступная точка, *салғыласу* – дебаты, *зәузатқор* – генофонд, *жүргінші* – пассажир, *шаптырма* – фонтан, *қылтима* – балкон были восприняты носителями негативно, поэтому эти новые словоупотребления не получили допуска у критиков, и вместо них используются более приятные на слух альтернативные варианты. В частности, вместо *алярман* используется слово *сатып алушы* (покупатель), вместо *салғыласу* используется *пікірталас* (дискуссия), вместо *зәузатқор* используется *тектік қор* (генофонд), вместо *жүргінші* используется *жолаушы* (пассажир), вместо *шаптырма* используется *субұрқақ* (фонтан), вместо *қылтима* используется слово «балкон». Например: Жиын соңында катар кейбір аударма сөздер төңірегінде *пікірталас* өтті (По окончании собрания была проведена дискуссия касательно переведенных слов) (Газета «Ана тілі», 08.01.2009).

В турецком языке принципу эстетичности уделяется особое внимание. Поэтому турки для обозначения новых значений используют много приятных на слух иностранных слов, особенно с

французского языка. Например: *aktüalite* – актуальность, *enflasyon* – инфляция, *brifing* – брифинг, *fenomen* – феномен, *internet* – интернет, *medya* – средства массовой информации, *performans* – выступление, *ihale* – тендер, *konferans* – конференция, *şube* – филиал, *moda* – мода, *diploma* – диплом, *kokteyl* – коктейль, *dizayn* – дизайн, *federasyon* – федерация, *hipertansiyon* – гипертония, *kapitülasyon* – капитуляция, *banknot* – банкнота, *alerji* – аллергия, *bestseller* – бестселлер, *homeopati* – гомеопатия, diyalog – диалог, *miting* – митинг, *sistem* – система, *lider* – лидер*, potansiyel* – потенциал и т.п.

Общественный деятель, литературовед и профессор Мехмет Каплан был одним из тех, кто понимал всю важность перевода иностранных терминов на родной язык: «Не стоит путать между собой образование новых слов для новых понятий и процесс замены турецкими словами заимствований и иностранных слов. В сферах науки, техники, литературы, искусства, философии необходимо оперировать тысячами слов. Здесь необходимы именно турецкие термины. Мы должны всячески поддерживать людей, которые выполняют данную работу. Найти эквивалент понятию, которого нет в турецком языке, и внедрить его в турецкую культуру – это дело, достойное похвалы. Только таким образом турецкий язык приобретет и новые слова, и новые понятия» [Kaplan, 1999, 49].

На данную проблему неоднократно обращал внимание общественности известный турецкий лингвист Х. Зульфикар: «В свое время многие были возмущены применением слов, заимствованных из арабского, персидского языков, но их протест утих, когда началось широкое использование слов из западных языков. С одной стороны, люди не хотят отказываться от слов, к которым они привыкли, но и не хотят находить им альтернативы и применять их в быту. Таким образом, мы наносим огромный вред родному языку. Западные слова, которые вошли в наш язык как слова-термины, со временем проникли и обосновались в нашей лексике» [Zülfikar, 2011, 152].

Стоит отметить, что, несмотря на широкую полемику по данной проблеме во всех слоях турецкого общества и СМИ и несмотря на то, что у них имеются эквиваленты на турецком языке, иноязычные термины до сих пор широко используются в турецких СМИ. Например: *selfie* – селфи (эквивалент на турецком языке – *özçekim*); Çektiği bir *selfie'yi* yayınlayan sanatçı, yazdığı mesajla sevenlerini endişelendirmişti (Актриса, опубликовавшая сделанное ею селфи, обеспокоила своих поклонников написанным ею сообщением). (Газета «Milliyet», 18.04.2022). *Hacker* – хакер (эквивалент на турецком языке *bilgisayar korsanı*); Gönüllü *hacker* grubu adına saldırıya ilişkin açıklama yapan Turk Hack Team lideri ZoRRoKiN, zulmun sınıflandırılmasının kabul edilemez olduğunu söyledi (Лидер группы «Турк Хак Тим» господин Зоррокин выразил свое мнение по поводу хакерской атаки и заявил, что классификация преследования недопустима) (Газета «Hürriyet», 25.05.2018). *Bestseller* – бестселлер (эквивалент на турецком языке *çoksatar*); Boyama kitabı *bestseller* oldu (Книжка-раскраска стала бестселлером). (Газета «Hürriyet», 08.04.2015).

Таким образом, в турецком языке правильное восприятие слова зависит от его мелодичности, приятности для слуха и, помимо этого, от его созвучности с родным языком.

В результате сравнительного анализа языковых фактов двух языков можно заключить, что большинство проблем, связанных с созданием терминов и появлением новых словоупотреблений в турецком языке, перекликается с проблемами казахского языка в этой сфере.

Литература

Қайдар Ә. Қазақ терминологиясына жаңаша көзқарас. Алматы: Рауан, 1993. 43 б.
Алдашева А. Қазіргі қазақ әдеби тіліндегі жаңа қолданыстар: фил. ғыл. канд. дисс. автореф. Алматы, 1992. 143 б.
Zülfikar H. Terim Sorunları ve Terim Yapma Yolları. Ankara: TDK, 2011. 213 s.
Kaplan M. Kültür ve dil. İstanbul: Dergah Yay., 1999. 201 s.

© Бисенгали А. З., 2022

УДК *811.512.157*

Борисова Н. М., Россия, г. Якутск
Северо-Восточный федеральный университет, к.ф.н., доцент

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СИМВОЛЫ НАРОДА САХА КАК КУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ

(по материалам региональных интернет-изданий)

В статье предпринята попытка рассмотреть функционирование этнокультурных символов народа Саха в региональной прессе, поскольку в них содержится культурологическая информация о народе. Материалами исследования послужили электронные версии русскоязычных офлайн-изданий, таких как «Yakutia-Daily», «Эхо столицы», «Якутск вечерний», «АиФ Якутия», портал коренных народов Севера «Илкэн». Из них мы извлекли наиболее широко употребляемые этнокультурные символы.

Целью данного исследования является описание оригинальных слов-символов, таких как ЫСЫАХ, ОЛОНХО, ОСУОХАЙ, ХОМУС, УРУЙ–АЙХАЛ, которые употребляются в публикациях массмедиа как культурная ценность народа. В целом ежегодное проведение в республике Дней Олонхо, Хомуса, родного языка и письменности, национального праздника Ысыах находит отражение в массмедиа, способствует консолидации народов и межэтнической толерантности.

Ключевые слова: *этнокультурные символы, ысыах, олонхо, хомус, осуохай, уруй-айхал.*

Borisova N. M., Russia, Yakutsk
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Associate Professor

ETHNOCULTURAL SYMBOLS OF THE SAKHA PEOPLE AS A CULTURAL VALUE

(based on the materials of regional online publications)

The article attempts to highlight the functioning of the ethnocultural symbols of the Sakha people in the regional press, since they contain cultural information about the people, their spirituality. The materials of the study were Russian-language electronic versions of offline publications such as «Yakutia-Daily», «Echo of the Capital», «Evening Yakutsk», «AIF Yakutia» and the portal of indigenous peoples of the North «Ilken». From them we have extracted the most widely used ethno-cultural symbols.

The purpose of this study is to analyze the original words-symbols, such as YSYAH, OLONHO, OSUOHAI, HOMUS, URUJ–AJHAL, which are used in publications of mass media publications as a cultural value of the people. In general, the annual holding in the republic of the Days of Olonkho, Khomus, native language and writing, the national holiday Ysyakh is reflected in the media, promotes the consolidation of peoples, interethnic tolerance.

Keywords: *ethnocultural symbols, ysyah, olonho, homus, osuohaj, uruj-ajhal.*

В современных условиях глобализации и межкультурной интеграции, судя по тенденции роста интереса к этнокультурным ценностям, происходит приобщение к культуре народа в образовательно-культурных учреждениях и массмедиа. Соответственно, с развитием Интернета массмедиа в Республике Саха (Якутия) (далее – РС (Я) наблюдается стремление освещать процессы в этнической культуре. Кроме того, знание языка и культуры коренного народа, давшего название республике, способствует более глубокому погружению в историю, обычаи и традиции народа Саха.

Сегодня «на государственном языке саха работают СМИ, издается национальная литература, язык саха изучается в школах, в средних учебных заведениях, а также в Северо-Восточном федеральном университете имени М.К. Аммосова» [Борисова, 2022, 36]. Заметим, что «на языке саха в совершенстве говорят коренные малочисленные народы Севера, такие как эвенки, эвены, юкагиры, долганы, а также русские старожилы старшего поколения. По мнению исследователей, до Октябрьской революции в процессе долгого совместного проживания народы постепенно становились двуязычными и даже переходили на язык саха. Это говорит о том, что самостоятельное усвоение этого языка, использование его в различных ситуациях коренными народами Севера и русскими, естественно, было продиктовано практическими и повседневными потребностями» [Борисова, 2022, 37].

Известно, что многим передовым русским знание языка саха не только помогало жить и трудиться, но им много довелось сделать для просвещения народа Саха. Они заложили научную основу изучения языка и фольклора саха. Например, политический ссыльный Э. К. Пекарский был удостоен высшего научного звания "почетный академик" за свои труды, в частности, за грандиозный “Словарь якутского языка” (1907–1930 гг.). В. Л. Серошевский, который прожил бок о бок с якутами 12 лет, сумел собрать огромный фактический материал и опубликовал в 1896 году свою монографию “Якуты” [там же, 36].

Отрадно, что и в наше время ученые продолжают изучать язык, фольклор и культуру народа Саха. В частности, переиздан орфографический словарь «Сахалыы таба суруйуу тылдьыта» (2015). Кроме того, завершен впервые издаваемый многолетний труд якутских ученых – 15-томный академический «Толковый словарь якутского языка» (2004–2018). Особенность словаря заключается в том, что он охватывает все лексическое богатство языка саха с учетом его фольклорных диалектов. Значения слов иллюстрируются речениями и цитатами из образцов якутской литературы и фольклора. Толкование слова дается на языке саха и русском языках.

В практическом плане ежегодно с 13 февраля 1996 года в РС (Я) стартует Декада родных языков и литературы, связанная с именем якутского ученого-лингвиста С.А. Новгородова. В это время, в день рождения Семена Андреевича, отмечается День родного языка и письменности, установленный указом первого Президента РС (Я) Михаила Николаева. Историческая дата имеет большое значение для якутян, так как каждый язык уникален, содержит огромную культурологическую информацию народа. И это особенно важно для коренных малочисленных народов Севера, поскольку 2022–2032 годы объявлены Международным десятилетием языков коренных народов.

Итак, предметом анализа в данной статье являются оригинальные символы народа саха, представленные в прессе и которые «выходят за рамки национальных границ и становятся как бы международными» [Оконешников, 2005, 48]. Для исследования мы рассмотрели электронные версии русскоязычных офлайн-изданий, таких как «Yakutia-Daily», «Эхо столицы», «Якутск вечерний», «АиФ Якутия» и портал коренных народов Севера «Илкэн» (далее – YD, ЭС, ЯВ, АиФЯ, И). На страницах вышеупомянутых онлайн-изданий мы выбрали наиболее широко употребляемые этнокультурные символы народа саха, такие как *ЫҺЫАХ* ‘ЫСЫАХ’, *ОЛОҤХО* ‘ОЛОНХО’, *ОҺУОХАЙ* ‘ОСУОХАЙ’, *ХОМУС, УРУЙ–АЙХАЛ*. Рассморим их по отдельности на примерах.

1. ЫСЫАХ – «традиционный якутский национальный праздник, включающий в себя церемонию кумысопития, благопожелания алгысчыта (знатока, мастерски исполняющего обряд). Круговой танец осуохай (оһуохай), состязания в силе и ловкости. Конные скачки, национальные игры, ысыах» [Большой …, 2017, 523]. Например: *Приехав на ЫСысах, можно стать свидетелем еще одной климатической особенности Якутии – белых ночей* (АиФЯ, 31.03.2022 18:17). *Концепцию юбилейного «ЫСысаха Туймаады» – 2022 определили в Якутске* (ЭС, 31.03.2022 11:36). *В 2022 году в Якутии пройдет ЫСысах Олонхо и фестиваль шедевров ЮНЕСКО* (АиФЯ, 23.12.2021 10:44).

Отметим, что в Якутии в день летнего солнцестояния (21 июня) празднуется древний праздник в честь возрождения природы – *ысыах*. Визитной карточкой любого ысыаха, будь то ысыах села или улусного центра, ЫСыаха Туймаады города Якутска или ЫСыаха Олонхо, является священное древо народа Саха Аал-Луук-Мас. Также по сей день сохранился обычай одеваться в национальную одежду, кушать национальные блюда, пользоваться национальной утварью.

2. ОЛОНХО – якутский героический эпос. Описательная часть исполняется речитативом, а монологи героев олонхо поются [Большой…, 2010, 260]. Например: *Михаил Ефимович Николаев поручил Минкультуры помочь выпустить олонхо на компакт-дисках* (ЯВ, 14.03.2022 03:44). *В Якутске продолжается строительство Арктического Центра Олонхо* (АиФЯ, 22.09.2021 12:29). *Видеофакт: Театр Олонхо сорвал бурные овации в Индии* (YD, 17.02.2020 12:08). *Эвенки приняли участие на Ыыахе Олонхо* (И, 06.07.2021 09:52).

25 ноября 2005 года стал Днем Олонхо в РС (Я), когда было объявлено, что Олонхо – шедевр устного и нематериального культурного наследия. Сегодня в республике возрождается и приобретает популярность Театр Олонхо, на берегу легендарного озера Сайсары создается парк “Земля Олонхо”, который станет инновационным методом трансляции и способом сохранения якутского эпоса в XXI веке. Следует заметить, что на страницах массмедиа активно используются такие устойчивые словосочетания, как *ЫСысах Олонхо*, *ЫСысах Туймаады* или *Театр Олонхо*, *Центр Олонхо*. Нам кажется, что эти выражения стали неотделимыми понятиями у якутян.

3. ОСУОХАЙ – якутский национальный круговой танец, сопровождаемый хоровым пением – импровизацией участников (при этом все участники танца, взявшись за руки, вращаются в круговом танце) [Большой…, 2010, 359]. Например: *В Якутии в день 100-летия республики пройдет массовый хоровод осуохай* (АиФЯ, 01.04.2022 17:14). *В этот же вечер приглянулись друг другу и уже танцевали первый осуохай* (ЯВ, 27.02.2022 05:27). *Видеофакт: В Сингапуре исполнили осуохай на английском* (YD, 21.01.2020 12:17).

В 2012 году народ Саха установил рекорд Гиннеса по количеству людей (15293 чел.), одновременно исполняющих танец на национальном празднике ЫСыах. Отметим, что в хороводе ведущим является осуохайдьыт – исполнитель песни и регулятор темпа вращательного движения.

4. ХОМУС – якутский народный музыкальный инструмент – хомус, варган [Большой..., 2016, 567]. Например: *Врач-психотерапевт рассказал о воздействии хомуса на организм* (YD, 26.11.2020 11:53). *Якутск можно легко угадать по звуку скрипящего снега, лаю собак и звучанью хомуса* (ЭС, 05.10.2021 18:17). *Он был очень талантливый человек, а его мама имела корни якутские, юкагирские, эвенские и эвенкийские и играла прекрасно на хомусе* (И, 22.09.2021 10:31).

С 30 ноября 1990 года, со дня открытия Музея и Центра хомуса народов мира в Якутске, РС(Я) отмечает День Хомуса. Этот древний музыкальный варган – хомус, которому 5 тысяч лет, обладает характерным завораживающим звучанием, имитирующим звуки природы. Хомус ассоциируется с особым мировоззрением и мироощущением народа Саха. Следует отметить, что 24 июня 2011 года на

арене государственного цирка РС (Я) участниками международного фестиваля варганной музыки был установлен мировой рекорд Гиннесса, где одновременно прозвучало 1344 варгана – хомуса.

5. УРУЙ–АЙХАЛ – благословение и благопожелание [Большой…, 2015, 259]. Например: *Пусть процветает наша любимая Республика Саха (Якутия)! Уруй-айхал!* (YD, 27.04.2021 08:52). *В конце речи трижды издают радостный клич «Уруй!»* (ЭС, 27.06.2017 14:44). *И горжусь нашей Июлиной – Уруй-айхал ей!* (АиФЯ, 25.05.2021 16:32). Сегодня символы-слова *«Уруй!»*, *«Айхал!»* используются как возглас одобрения с оттенком восславления аналогично русскому «Слава!». Восклицания могут употребляться поодиночке или как неразделимая устойчивая фраза в виде парного слова.

РС (Я) является многонациональным регионом России. На ее территории проживает более 100 народов, действует более 30 национально-культурных объединений этносов, имеющих свои особенности: традиции, культуру и свой родной язык. Каждый из них считает, что их культура и родной язык прекрасны и необычны. Тем не менее обязательное знание межнационального русского языка в России способствовало устойчивому национально-русскому двуязычию. Однако, на наш взгляд, человек, помимо родного и русского языка знающий язык и культуру региона, где он проживает, чувствует морально-психологический комфорт, выражает себя как личность. В частности, представляется, что знания о Дне Олонхо, Дне Хомуса, Дне родного языка и письменности, Дне национального праздника Ысыах народа Саха способствуют консолидации народов и межэтнической толерантности.

Литература

Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: около 4000 слов и фразеологизмов: в 15 томах / Е. В. Семенова, Н. М. Васильева, И. В. Аммосова [и др.]; ИГИиПМНС СО РАН. Т. VII (буква О). Новосибирск: Наука, 2010. 519 с.

Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: около 4000 слов и фразеологизмов: в 15 томах / Е. В. Семенова, Н. М. Васильева, И. В. Аммосова [и др.]; ИГИиПМНС СО РАН. Т. XII (буква У). Новосибирск: Наука, 2015. 598 с.

Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: около 4000 слов и фразеологизмов: в 15 томах / Е. В. Семенова, Н. М. Васильева, И. В. Аммосова [и др.]; ИГИиПМНС СО РАН. Т. XIII (буква Х). Новосибирск: Наука, 2016. 639 с.

Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: около 4000 слов и фразеологизмов: в 15 томах / Е. В. Семенова, Н. М. Васильева, И. В. Аммосова [и др.]; ИГИиПМНС СО РАН. Т. XIV (буква Ы). Новосибирск: Наука, 2017. 592 с.

Борисова Н. М., Борисова М.Т. Междисциплинарные связи в обучении РКИ: язык и культура народа саха // Сборник материалов I Азиатского международного форума «Новые горизонты РКИ». 6–8 декабря 2021 г., г. Якутск / [отв. ред.: С.М. Петрова, М.С. Соловьева]. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2022. С. 35–41.

Оконешников Е. И. Лингвистические аспекты терминологии якутского языка (на материале общей и отраслевой лексикографии): автореф. дисс. ... доктора филологических наук. Якутск, 2005. 52 с.

© Борисова Н. М., 2022

УДК *400 (077)*

Боргояков С. А., Россия, г. Москва
Центр развития образования ФГБУ «Российская академия образования», ведущий аналитик

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭТНОЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

В статье дан анализ теории и практики развтия этноязыкового образования в контексте национально-языковой политики государства. Показана взаимосвязь концептуальных оснований моделей этноязыкового образования и идеологических ориентиров национально-языковой политики. Определены основные проблемы модернизации этноязыкового образования, требующие теоретико-методологической проработки. Обосновывается, что главной целью интегративно-развивающих моделей этнокультурного (этноязыкового) образования в условиях внедрения государственных образовательных стандартов нового поколения является развитие целостной личности как представителя этноса, носителя национальной культуры и гражданина многонациональной России, россиянина.

Ключевые слова: *этноязыковое образование, национально-языковая политика, этнокультурная и общероссийская гражданская идентичность, образовательные стандарты, интегративно-развивающая модель.*

Borgoyakov S. A., Russia, Moscow, Russian Academy of Education, Senior Researcher

MODERNIZATION OF ETHNO-LINGUISTIC EDUCATION IN THE CONDITIONS OF IMPLEMENTATION OF EDUCATIONAL STANDARDS OF A NEW GENERATION

The article analyzes the theory and practice of the development of ethno-linguistic education in the context of the national-language policy of the state. The relationship between the conceptual foundations of the models of ethno-linguistic education and the ideological guidelines of the national language policy is shown. The main problems of modernization of ethno-linguistic education, which require theoretical and methodological study, are identified. It is substantiated that the main goal of integrative-developing models of ethno-cultural (ethno-linguistic) education in the context of the introduction of state educational standards of the new generation is the development of a holistic personality as a representative of an ethnic group, a bearer of national culture and a citizen of multinational Russia, a Russian.

Keywords: *ethno-linguistic education, national language policy, ethno-cultural and all-Russian civil identity, educational standards, integrative developmental model.*

В последние годы вопросы о родных языках и языковых правах в сфере образования заняли одно из центральных мест в общественном дискурсе. Дискуссии касаются как качества нормативно-правового обеспечения современной языковой политики, так и теоретико-методологических оснований языкового образования, его содержания, целей и способов реализации.

Базовой основой образовательно-языковой политики государства является стратегия формирования и укрепления сбалансированного русско-национального двуязычия/многоязычия, при котором обеспечивается знание русского языка как государственного языка всем населением и поддерживается изучение национальных языков народов Российской Федерации. Исходя из этого, эффективная образовательно-языковая политика, являясь одним из ключевых элементов национальной политики, предполагает согласование государственных интересов с общественными и личностными. Отсутствие общественного согласия по языковым проблемам, невнимание или несбалансированный подход к их решению, как показывает отечественный и мировой опыт, часто приводят к разного рода конфликтам, вплоть до распада государств. Поэтому решение проблемы гармонизации отношения государственного русского языка и национальных языков народов страны имеет не только социокультурную, но и политическую значимость.

Важнейшая роль в реализации задач образовательно-языковой политики по сбалансированному формированию и укреплению социального двуязычия (многоязычия) детей и молодежи принадлежит этнокультурному образованию. Сложность реализации этнокультурной школой этих целей заключается в необходимости решения разновекторных и, в какой-то мере, конкурирующих между собой задач с опорой на определенные модели образовательно-языковой политики. С одной стороны, будучи социальным институтом, участвующим в формировании этнокультурной идентичности личности, этнокультурная школа выступает как важный фактор консолидации для собственного этноса, а с другой – является одним из главных инструментов государства по формированию общероссийской гражданской идентичности и укреплению межэтнического согласия и единства народов России. В связи с тем, что теоретико-методологические основания этнокультурного образования определяются не только приоритетными целями и задачами сферы образования, но и детерминированы экстрапедагогическими факторами, идеологическими ориентирами национально-языковой политики государства в зависимости от политических, социокультурных и других обстоятельств, на разных этапах истории России реализовывались различные модели этнокультурного (этноязыкового) образования: *ассимиляционно-унитаристская, автономистская, интегративная и централизаторская*.

Нацеленность национальной политики государства, в первую очередь, на решение социально-политических задач приводила к тому, что поддержка языков и культур народов России в одни периоды входила в число приоритетных задач образовательно-языковой политики, а в другие – эта проблема не актуализировалась. В результате на одних этапах истории страны происходило активное развитие этнокультурного образования и осуществлялась поддержка этнокультурной идентичности, а

на других – реализовывалась политика централизации и унификации образовательной системы, приводившая к стагнации этнокультурной школы.

Так, если унитаристская направленность национальной политики советского периода при формировании новой исторической общности «советский народ» способствовала становлению *ассимиляционно-унитаристской* модели этнокультурного образования и снижению числа школьников, изучающих родные языки, то в условиях демократизации общества в 1990-х гг. реализация поликультурной модели управления этносоциальными процессами способствовала росту общего числа изучаемых в школе родных языков, количества школьников, их изучающих, и доминированию *автономистских моделей* этнокультурного образования. Однако, если *унитаристская модель* образовательно-языковой политики способствовала усилению русификации и этноязыковой ассимиляции, то *автономистская модель* этнокультурного образования, акцентировавшая внимание на культурной специфике этнических сообществ и приоритетности национально-регионального компонента (НРК) государственных образовательных стандартов (ГОС) по отношению к федеральному, оказалась не готова к эффективному формированию общероссийской идентичности и обеспечению гармонизации общероссийского гражданского сознания с этнокультурным.

На следующем этапе (2007–2017 гг.), с постановкой цели интеграции народов России в единую гражданскую нацию, переходом от «*языковой демократии*» к *централизованной языковой политике* и *приоритетности государственного русского языка,* произошло заметное сужение этнокультурной проблематики и ослабление значимости национальных языков в общественной сфере. Ликвидация НРК ГОС, проведение экспертизы учебников и образовательных программ по родным языкам и литературам на федеральном уровне, перевод школ на "подушевое финансирование" привели к размыванию этнокультурной составляющей содержания образования, уменьшению как числа родных языков, изучаемых в школе, так и количества школьников, их изучающих [Боргояков, Бозиев, 2018, 8]. В результате становления *интегративно-централизованной модели* этнокультурного образования объем дисциплин этнокультурной направленности в основных образовательных программах (ООП) основного общего образования (ООО) сократился более чем вдвое. В массовой практике этнокультурное образование стало ограничиваться изучением родных (этнических) языков, а вопросы формирования и развития этнокультурной идентичности потеряли свою приоритетность и значимость.

Усиление *централизаторской языковой политики* в образовательной сфере связано с принятием в 2018 году закона «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в РФ» [Федеральный, 2018]. Изменения в законе, утвердившие обязательность изучения и право свободного выбора родного языка, включив в их число русский язык, с одной стороны, укрепили позиции родных языков в учебном процессе. С другой стороны, право свободного выбора родного языка привело к существенному изменению ситуации с языковым образованием, поскольку учебный предмет «Русский язык как родной» стали выбирать также школьники нерусской национальности. В данном контексте особо возрастает роль родителей (законных представителей) учеников, которые решают, в условиях изучения родного языка на добровольных началах, судьбу “языкового будущего” своих детей.

Нет сомнения в том, что отказ от изучения этнических языков обучающимися из среды коренных народов России в условиях ослабления традиционных механизмов *инкультурации* и *этнокультурной социализации* будет способствовать отчуждению от родного языка и культуры. Таким образом, в настоящее время этноязыковое образование, являясь одним из основных трансляторов языков и культур народов России, перестает быть эффективным актором формирования *этноязыковой компетентности* подрастающих поколений, а этнокультурное образование в целом, будучи одним из ключевых элементов политики идентичности, теряет свою *этноидентификационную* функцию. Для повышения эффективности образовательно-языковой политики и этноязыкового образования необходима разработка *личностно-развивающих моделей* этнокультурного образования. При этом, исходя из личностно-развивающей парадигмы современного образования, главной целью обучения родным языкам как компонента этнокультурного образования является формирование и развитие *целостной личности* как представителя конкретного этноса, носителя национальной культуры, и гражданина многонациональной России, россиянина.

Теоретико-методологической основой *личностно-развивающих моделей* этноязыкового образования, исходя из понимания роли родного языка в развитии личности, когда язык рассматривается не только как средство коммуникации между людьми, но и как основополагающая ценность национальной культуры, и как инструмент национально-языковой политики государства, может стать *полипарадигмальный подход.* Такой подход позволяет подойти к конструированию содержания этноязыкового образования на уровне общих теоретических представлений *допредметного уровня содержания образования* с позиций культурологического подхода [Краевский, Хуторской, 2003], когда обучение этническому языку интерпретируется не столько в логике знаниевой парадигмы, когда содержание учебного предмета представляет собой основы наук, но и как освоение этнокультурного опыта и формирование этнокультурной идентичности личности.

Сегодня нормативно целевые установки образования закреплены в федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС, Стандарты) всех уровней общего образования. Стандарты

устанавливают требования к результатам освоения обучающимися ООП: предметным, метапредметным и личностным [Федеральный, 2021].

В соответствии с ФГОС в начальной школе требования к личностным результатам освоения образовательных программ включают в себя «*формирование у обучающихся основ этнокультурной* и *российской идентичности»*, а по завершении основной ступени школы к развитию учащихся предъявляются более высокие требования: «*осознание российской гражданской идентичности»* [Федеральный, 2021].

В Стандартах ООО при изучении государственного языка республики РФ и (или) родных языков из числа языков народов Российской Федерации, помимо традиционных показателей освоения образовательной программы, в число предметных результатов включено *«формирование ответственности за языковую культуру как общечеловеческую ценность»*. При этом отсутствие в этом перечне предметных результатов *формирования ответственности к изучению родного языка как основополагающей ценности национальной культуры и как основы этнокультурной идентичности личности* является свидетельством методологической противоречивости документа, что необходимо учесть при разработке ООП общеобразовательных организаций.

В соответствии с ФГОС ООО для изучения предметной области «Родной язык и родная литература» в обязательную часть учебных планов возможно включение двух учебных предметов: *Родной язык* из числа языков народов Российской Федерации и *Государственный язык республики Российской Федерации,* ориентированных на учащихся с разной исходной языковой компетентностью. Цели, содержание, условия, технологии и критерии результативности каждого из этих направлений этноязыкового образования имеют свою специфику. Так, образовательные программы по государственному языку республики должны учитывать возможность обучения этническом языку учащихся, слабо владеющих этим языком, в том числе русскоязычных школьников.

При проектировании содержания образования и обучения государственному языку республики необходим учет принципа единства содержательного и процессуального компонентов, в котором образовательные технологии или методики преподавания родных языков по своей сути близки к методикам обучения иностранным языкам. Однако в требованиях к предметным результатам изучения этнического языка как родного и государственного языка республики во ФГОС эти отличия не учтены и не проработаны. Сегодня разработка рабочих программ и учебников предметов «Родной язык и (или) государственный язык республики Российской Федерации» является актуальной проблемой этноязыкового образования, поскольку регионы Российской Федерации испытывают значительные трудности в их разработке.

Использование образовательных программ и традиционных учебников по родному языку для обучения школьников, не владеющими этническим языком, как это нередко практикуется, является игнорированием фундаментального дидактического принципа – принципа единства содержательного и процессуального в обучении, согласно которому каждому элементу содержания образования должен соответствовать адекватный метод обучения, посредством которого организуется соответствующий вид учебной деятельности, специально направленный на развитие предметных и метапредметных результатов или ключевых компетенций. Рассчитывать на профессионализм педагога, который, пользуясь учебником для обучения языку как родному при обучении не владеющих этим языком, сумеет добиться высокой эффективности – это заведомо обрекать обучающихся на неудачу. Поэтому одной из актуальных задач образовательно-языковой политики являются определение современной стратегии и концепции развития этнокультурного (этноязыкового) образования, обоснование его целей и принципов, а также разработка вариативных моделей реализации.

Литература

Боргояков С.А., Бозиев Р.С. Языковое образование и национально-языковая политика России // Педагогика. 2018. №11. С. 3–16.

Краевский В.В., Хуторской А.В. Предметное и общепредметное в образовательных стандартах // Педагогика. 2003. №2. С. 3–10.

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. Утвержден приказом Министерства просвещения РФ от 31.05.2021 № 287. 129 с. (дата обращения: 06.04.2022).

Федеральный закон от 3 августа 2018 г. N 317-ФЗ "О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2018/08/07/317-fz-dok.html (дата обращения: 06.04.2022).

© Боргояков С. А., 2022

УДК *811.161.1*

Букринская И.А., Россия, г. Москва
Институт русского языка им.В. В. Виноградова РАН, с.н.с.
Кармакова О.Е., Россия, г. Москва
Институт русского языка им.В. В. Виноградова РАН, в.н.с.

ЛЕКСИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СРЕДНЕРУССКИХ ГОВОРОВ

В статье на основе материалов, собранных в диалектологических экспедициях последнего десятилетия, дан анализ лексики двух среднерусских говоров – муромского (восточного окающего) и вышневолоцкого (западного акающего). Исследование показало, что в речи старшего и среднего поколения, несмотря на современную языковую ситуацию, социальные изменения и миграцию населения, отмечены диалектные различия на всех языковых уровнях, в том числе и на лексическом. В активном запасе диалектоносителей остаются наименования крестьянского жилища и его частей, приусадебного участка, хозяйственных построек, домашней утвари, еды, термины родства, лексика, связанная с природой и ландшафтом. Таким образом, лексическое своеобразие каждого говора сохраняется, и лексические черты по-прежнему могут выступать в качестве диагностических при отнесении говоров к той или иной единице диалектного членения.

Ключевые слова: *диалектная лексика, среднерусские говоры, лингвогеография.*

Bukrinskaya I. A., Russia, Moscow
Vinogradov Russian Language Institute of Russian Academy of Sciences, senior researcher
Karmakova O. E., Russia, Moscow
Vinogradov Russian Language Institute of Russian Academy of Sciences, leading researcher

LEXICAL PECULIARITY OF CENTRAL RUSSIAN DIALECTS

The article analyzes the vocabulary of Central Russian dialects on the basis of materials collected in dialectological expeditions of the last decade – Murom (Eastern dialect) and Vyshnevolotsky (Western dialect). The study showed that in the speech of the older and middle generation, despite the current language situation, migration of the population, dialect differences are noted at all language levels, including lexical. The names of the peasant dwelling and its parts, the household plot, outbuildings, household utensils, food, kinship terms, vocabulary related to nature and landscape remain in the active stock. Thus, the lexical originality of each dialect is preserved, and lexical features can still act as diagnostic when referring dialects to a particular unit of dialect division.

Keywords: *dialect vocabulary, Central Russian dialects, linguogeography.*

Изучение диалектной лексики не теряет своей актуальности, об этом свидетельствуют публикации множества новых словарей разных территорий, выход в свет выпусков Лексического атласа русского языка, появление корпусов диалектных текстов. Тем самым вводятся в оборот новые данные, которые важны как для понимания современного состояния системы говора, так и для истории складывания диалектных различий.

Как известно, лексические изоглоссы имеют более сложную конфигурацию, чем фонетические и грамматические, и часто делят лингвистическое пространство на небольшие ареалы, и, как правило, лексические противопоставления являются многочленными. Благодаря указанным особенностям лексические различия обладают диагностическими свойствами, позволяющими отнести говор к той или иной единице диалектного членения, и имеют первостепенное значение для реконструкции древних племенных диалектов.

В 50–60-ые годы было проведено массовое обследование говоров Центральной части России и собран материал для Диалектологического атласа русского языка – ДАРЯ (в конце XX в. опубликованы 3 тома сводного атласа: Фонетика, Морфология, Лексика). Это позволяет в настоящее время изучать динамику развития говоров, сравнивая их современное состояние с данными [ДАРЯ III, ч.1, 2].

В связи с плановой темой отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН «Русские говоры в современной языковой ситуации» сотрудниками отдела проводилось интенсивное обследование самых разных идиомов, в первую очередь среднерусских, которые были выбраны для изучения, чтобы решить вопрос о степени сохранности диалектов, расположенных в центральных областях России, на перекрестке исторических торговых путей и миграционных потоков.

Статья написана на основе материалов, собранных в экспедициях 2014–2015 гг. в Муромский р-н Владимирской обл., в 2018–2019 гг. и в Вышневолоцкий р-н Тверской обл., где записывалась речь информантов старшего (1930–1940-х годов рождения), а также среднего (1960–1970-х годов рождения) поколений. Некоторые результаты исследования были опубликованы в статьях [Дьяченко и др., 2015; Букринская, Кармакова, 2017; Малышева, Тер-Аванесова, 2020; Букринская, Кармакова, 2021]. Муромские говоры относятся к восточным среднерусским окающим и, по классификации Захаровой – Орловой, входят в Владимирско-Поволжскую группу говоров, а вышневолоцкие – к западным среднерусским акающим Селигеро-Торжковским говорам. Оба говора оказались в сохранном виде с характерными диалектными признаками на всех языковых ярусах у информантов старшего поколения, а среднее поколение, как правило, является носителем регионолекта. Под регионолектом мы понимаем такой тип говора, в котором утрачены некоторые архаические черты, но при этом сохраняются многие особенности, составляющие его своеобразие.

Что касается лексического уровня, то надо заметить, что в говорах хорошо сохраняются в пассивном запасе фрагменты лексической системы, связанные с традиционными способами ведения хозяйства (в том числе названия сельскохозяйственных работ, орудий труда, некоторых обрядов). В активном запасе и у старшего, и у среднего поколения находятся наименования крестьянского жилища и его частей, приусадебного участка и хозяйственных построек, домашней утвари, еды. Это относится и к терминам родства, к лексике, связанной с природой и ландшафтом.

Таким образом, можно утверждать, что лексическое своеобразие каждого говора сохраняется и лексические черты могут выступать в качестве диагностических при отнесении говоров к той или иной единице диалектного членения.

Как уже говорилось, оба говора являются среднерусскими, поэтому им присущи определенные общие признаки, по которым среднерусские говоры выделяются, в том числе и лексические. Среднерусские говоры по своим характеристикам ближе к северным, это проявляется и на лексическом уровне, им свойственны следующие общие, объединяющие их с северными говорами лексические признаки: *изба́* ‘крестьянская жилая постройка или комната-сруб внутри дома’, *се́ни* ‘коридор’, *по́дпол* ‘пространство под полом, подвал’, *зы́бка* ‘люлька‘, *двор* ‘помещение для скота при доме’, *клев* (в севернорусских говорах *хлев*) ‘сруб внутри двора для коровы’, *квашня́* ‘деревянная посуда для теста’, *кри́нка* ‘посуда для молока с узким горлом, *вале́к* ‘деревянная палка для выколачивания белья при стирке’, *о́зимь* ‘всходы зерновых, посеянные осенью’, *суя́гная* 'о беременной овце’, *жнивье́* ‘поле после того, как с него убрали урожай’, *ве́дро* ‘хорошая погода’, *пла́кать го́лосом* ‘голосить по покойнику’, *ле́тось* ‘прошлым летом’. Имеются определенные семантические различия в общей лексике, объединяющие среднерусские говоры с южными, например *посиде́лки* ‘вечерние собрания молодежи с работой‘, в настоящее время употребляются в значении ‘вечерние встречи для общения’, признак ‘с работой’ стал нерелевантным, поэтому названия *посиде́лки*, *вечёрки*, *вечера́* используются как синонимы.

Однако в большей степени эти говоры интересны тем, что в них сохранилось противопоставление лексических признаков западной и восточной диалектных зон, которые мы представили в виде таблицы.

Сравнительная характеристика лексических единиц среднерусских говоров

Западный среднерусский говор вышневолоцкий	**Восточный среднерусский говор муромский**
Уса́дьба ‘участок с домом и хозяйственными постройками’	*Подво́рье* ‘участок с домом и хозяйственными постройками’
Огоро́д ‘участок, на котором сажают картошку’	*Уса́дьба* ‘участок, на котором сажают картошку’
Лу́ковник ‘участок, на котором сажают другие овощи’	*Угоро́д* ‘участок, на котором сажают другие овощи’
Жи́тница ‘постройка для хранения зерна’; *жи́то* ‘ячмень’	*Амба́р* ‘постройка для хранения зерна’; *жито* не употребляют
Кры́шка ‘крышка, закрывающая ход в подпол’	*Западня́* ‘крышка, закрывающая ход в подпол’
Ка́рзинка ‘пристройка к печи в виде небольшой лавочки-ступеньки, которая открывалась и использовалась для хранения’,	*Ко́ник* ‘лавка в избе, в том числе и при печке’
Мост ‘пол в сенях’	*Мост* ‘переправа через реку’
Сенни́к ‘место на дворе, где хранится сено‘	*Суши́ло* ‘место на дворе, где хранится сено‘
Молоти́лка ‘ручное орудие для молотьбы’	Цеп, цапы́ ‘ручное орудие для молотьбы’
Ба́бка ‘малая укладка снопов’	*Крест* ‘малая укладка снопов’
Таска́ть лён ‘убирать лен’	*Дёргать лён* ‘убирать лен’
Косови́ще ‘длинная ручка косы’	*Око́сье, око́сево* ‘длинная ручка косы’
Толока́ ‘коллективная помощь при строительстве печи’	*По́мочь* ‘коллективная помощь в работе’
Упря́жка 1. ‘часть рабочего дня до перерыва’(в пассивн. запасе); 2. ‘длительный отрезок времени’	*У́повод* 1. ‘часть рабочего дня до перерыв (в пассивн. запасе); 2. ‘длительный отрезок времени’
Земляни́ка, черни́ка	*Земляни́га, черни́га*
О́леха ‘ольха’	*Ело́ха* ‘ольха’
Стреки́ша, стрека́ва ‘крапива’	*Кропи́ва* ‘крапива’
Ти́на ’ботва картофеля’	*Плеть* ‘ботва картофеля’
Вя́кать ‘мяукать, о кошке’	*Мяу́кать* ‘о кошке’
Клу́ша ‘курица, которая сидит на яйцах, а потом водит цыплят’	*Насе́дка* ‘курица, которая сидит на яйцах а потом водит цыплят’
Фа́ртук ‘фартук’	*За́пон* ‘фартук’
Дя́нки, дяни́цы	*Ва́режки*

Лог ‘низкое место, где пасется скот, луг’	*Луг* ‘место, где пасется скот’
Ра́дуга	*Дуга́-ра́дуга*
Гора́з ‘очень‘	*Бо́льно* ‘очень‘

Вышневолоцкие говоры входят в западную и северо-западную диалектные зоны, поэтому, помимо черт, приведенных в таблице, в них отмечаются характерные признаки данных зон [Букринская, Кармакова, 2021]. Среди ярких диалектных слов северо-западного диалекта назовем *жи́то* ’ячмень’, *ка́литка* ‘брюква’, *коте́тка* ‘платок с цветами’, *молосто́вник* ‘глиняная посуда для растворения теста’, которые сохраняются и в настоящее время в живой речи. Надо заметить, что слово *молоствъ* ‘горшок для молока или масла’ зафиксировано в новгородских берестяных грамотах [Зализняк, 2004], как и широко употребляемое в речи диалектоносителей разных поколений наречие *гора́з* ‘очень’ (*не гора́з уста́ла*, *не гора́з интересова́лась*). Оно встретилось и в речи жителей Вышнего Волочка, поэтому можно предположить, что приведенное наречие является северо-западным регионализмом. Вышневолоцкие и торжокские земли в отличие от других тверских входили в состав Новгородской феодальной республики середины XIV в., поэтому границы распространения некоторых явлений, в том числе и лексических, совпадают с её границами.

Муромские говоры, расположенные в Волжско-Окском междуречье, обладают многими языковыми особенностями северо-восточной и центральной диалектных зон. В основе этих говоров, как и литературного языка, лежит древний ростово-суздальский диалект, поэтому муромские говоры по многим своим признакам близки к московским. Диалектные черты, характерные для речи центральной зоны в области фонетики и морфологии, приведены в работе К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой, а лексические изоглоссы подробно описаны в работах И.А. Букринской и О.Е. Кармаковой.

Таким образом, в основе противопоставления восточных и западных среднерусских говоров лежит историческое противопоставление древних диалектов – псковско-новгородского и ростово-суздальского. Оно хорошо просматривается и в современных говорах, несмотря на исторические изменения – как языковые, так и социальные.

Литература

Букринская И.А., Кармакова О.Е. Русские говоры центра: из истории изучения // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 3. Диалектология. М., 2014. С. 258–272.
Букринская И.А., Кармакова О.Е. Ареальный портрет муромских говоров // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 12. Диалектология. М., 2017. С. 221–239.
Букринская И.А., Кармакова О.Е. Диалектная лексика в современных западных среднерусских говорах (ареальный аспект) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 2. М., 2021. С. 191–205.
ДАРЯ III – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. III. Лексика. Часть 1. Минск. 1997. – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. III. Синтаксис. Лексика. Часть 2. М., 2004.
Дьяченко С. В., Букринская И. А., Исаев И. И., Кармакова О. Е., Малышева А. В.,Тер-Аванесова А. В. Отчет об экспедициях отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН в 2014 году // РЯНО. 2015. № 2 (30). С. 217–244.
Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. 872 с.
Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970. 166 с.
Малышева А. В., Тер-Аванесова А. В. Селигеро-торжковский говор деревни Лужниково и ее окрестностей // РЯНО. 2020. № 2. С. 227–291.

© Букринская И. А., Кармакова О. Е., 2022

УДК *81’28:005:001.4:811.512.141«1920/1930»*

Булгаков Р. М., Россия, г. Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, с. н. с.

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМАТИКА В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ 1920-Х ГОДОВ[1]

Советская тюркская диалектология началась после I Всесоюзного съезда тюркологов и не имела собственных специалистов в Башкирии. Но башкирские языковеды стали собирать полевой материал и публиковать его (диалектография). Несмотря на наличие известного количества словарей, этим языковедам (названы их имена) не удалось корректно определить второй и третий члены диалектологической систематики терминами арабского и персидского языка. Поэтому позже восточные термины были замещены заимствованиями из русского языка и башкирскими неологизмами. Такое замещение соответствовало одному из пунктов резолюции съезда о научной терминологии.

Ключевые слова: *говор, ләһҗә, наречие, тел, термин, шиүә.*

Bulgakov R. M., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS, Senior Research Associate

DIALECTOLOGICAL SYSTEMATIZATION IN THE 1920’S BASHKIR LANGUAGE

Soviet Turkic dialectology started after the First All-Union Turcological Congress and faced the lack in Bashkirian experts. Nevertheless linguists of the Republic began gathering and publishing field data (e. i. dialectography). But with several dictionaries in hands they (their names are referenced to) failed in definition of two minor terms of the dialectological system by means of Arabic and Persian lexis. Thereby later terms of Eastern origin were substituted by the Russian loanword and local neologism. This was the path predetermined by the Resolution on scientific terminology passed by the Congress.

Keywords: *govor, lehje, narechiye, tel, term, shiwa.*

Вряд ли можно признать ошибочным утверждение о том, что тюркская диалектология в СССР возникла на I Всесоюзном тюркологическом съезде. И возникала она, судя по отчету о нем, как-то робко, неуверенно. С одной стороны, в нем сообщалось о первых шагах государственного языкового строительства в республиках, с другой — само слово «диалектология» в нем было напечатано только один раз и то не в значении ‘отрасли тюркологии’, а лишь как ‘состояние взаимной близости тюркских диалектов’ [Первый Всесоюзный тюркологический съезд, 1926, 329] (выступление А. Н. Самойловича). Также в стенограмме слово «диалект» записано 29 раз, «говор» — 41 раз, а «наречие» — 83 раза (означают то ‘язык’, то ‘диалект’), а в соответствующей резолюции — «…очередными задачами на ближайшее будущее… 1. Углубленное, детальное изучение отдельных языков, наречий и говоров…» [Там же, 401]. Последние три слова имели ключевое значение для тюркской диалектологии; они знаменовали отказ от старого российского (и европейского) двучленного отношения к тюркским языкам как к племенным наречиям одного и того же общего языка в пользу четырехчленной их систематизации: *все* тюркские языки (семья), *каждый* национальный язык (род), *его* диалекты (виды), *их* говоры (разновидности). Но это, как известно, была резолюция, а как предполагаемое ею изучение происходило в автономной Башкирии?

Состояние «досъездовской» диалектологии отразилось в книге Чобан-заде. В главе «Основные труды по тюркско-татарской диалектологии» [Чобан-заде, 1927, 92–100] автор перечислил 110 названий на многих языках, из которых лишь одно-два можно считать собственно диалектологическими. Автор оперировал терминами *dil*, *lehçe* и *şive*, но двумя последними совершенно некритически: не указывая их различий, он употребляет их совершенно произвольно, замечая иногда «lehçe yahud [или] şive», «şive yahud [или] lehçe».

Диалектологов в Башкирии не было, но Г. Айдаров, Г. Вильданов, Г. Давлетшин, Г. Комиссаров, С. Мирасов, З. Новширванов, Н. Тагиров и З. Шакиров в 1926–1930 гг. в научных сборниках и журналах специально или «мимоходом» затрагивали данную тему.

В диалектологической систематике того времени преимущественно использовались таксоны разных языков: *тел*, *лаҳджа*, *шиве*, *диалект* и *говор*. Тюрк. *тел* (تل، تدُل или tel, tl) был универсальным для всех уровней иерархии, однозначно раскрывая свое значение на каждом из уровней только в определяемом положении: *әсә теле* ‘родной *язык*’, *башҡорт теле* ‘башкирский *язык*’, но *ҡыуаҡан теле* и *юрматы теле* это уже ‘куваканский *диалект*’ и ‘юрматынский *диалект*’, а *ҡыуаҡандар араһында ҡатай теле* – это и вовсе ‘катайский *говор* среди куваканцев’. В словосочетаниях же одного контекста *башҡорт теле*, *башҡорт ләһҗәһе* и *башҡорт шиүәһе* термин *тел* не опускается на ступень *диалекта*, зато *ләһҗә* и *шиүә* поднимаются на ступень *наречия* в старом употреблении. Арабские слова *лаҳджа* (لهجة), *лисан* (لسان) и *лугат* (لغة) в своем языке настолько многозначны, что в некоторых значениях они синонимичны, а в других иерархичны [Encyclopedia, см. lahja, lisan, luġa по указателю в т. V]. Слово *шиве* (شيوه) ‘способ, манера; стиль, слог; жеманство; разг. лукавство,

[1] Исследование выполнено в рамках Государственного задания УФИЦ РАН № 075-03-2022-001 на 2022 г.

хитрость’ является персидским, но в этом языке как диалектологический термин не употребляется. ‘Наречие или диалект’ передаются в нем арабским *лаханджа*, а ‘говор, произношение, выговор’ — словом *guyeš* (گویش) от глагола *goftan* (گفتن) ‘говорить, сказать, рассказывать, передавать словами’ [Windfuhr, 1995, 362]. Диалект, διάλεκτος ‘речь; произношение; разговор, беседа; (национальный или племенной) язык; говор, наречие, диалект; областное слово или выражение’, где δια- — приставка со знач. ‘…3) разделения…’, а λεκτός ‘выразимый’ прич. от гл. λέγω ‘говорить, сообщать, рассказывать’. Синоним λεκτός, слово γλώσσα или γλώττα ‘язык, речь; слова; наречие, говор’ с такой приставкой не употреблялся. В самом обобщенном смысле *диалект* — это ‘слово, язык, речь’, понятные «МНЕ», но отличающиеся от того, чем пользуюсь «Я». В русском языке такое отличие иногда передается именной приставкой на-. Ср.: *пение* и *на-пев*, *имя* и *на-именование*, *питье* и *на-питок* и мн. др., в том числе и *на-речие* (*речь*).

Лексикографический инструментарий в распоряжении названных авторов был в достаточном количестве (татарские, башкирские, русско-татарские и татарско-русские словари), но они, как мы отметим ниже, воспользовались им только как шаблоном. В татарском словаре Насыри слова *шивә* нет, а *лисан* поясняется через ‘тел, зәбан, лөгать, ләһҗә’, *лөгать* — через ‘тел, ләһҗә’, *ләһҗә* — через ‘лөгать, тел, лисан’ [Ләһҗә-и татари, 1896, 74]. У Джантурина: *шивә* ф. ‘сүз сөйләүнең рәвеше, төрки теле бер ничә төрле шивәдә сөйләнә’; *лисан* г. ‘тел, зәбан, лөгать’; лөгать г. ‘сүз, кәлимә, лисан’; *ләһҗә* г. ‘тел, язу, лөгать’ [Лөгать, 1911, 210; 300; 301; 303]. В словаре разговорной лексики Тагирова слов *шиүә*, *лөгәт*, *ләһҗә* и *лисан* нет [Таһиров, 2018]. В двуязычном словаре Насыри: *говоръ* ‘кәлам, сүз’; *діалектъ* ‘лөгать, лисан, тел’; *нарѣчіе* нет [Полный русско-татарский словарь, 1904, 31; 238]. У Рахманкулова и Карама: ләһҗә’; *діалектъ* ‘шивә, ләһҗә, тел’; *нарѣчіе* ‘тел, ләһҗә, шивә’; *языкъ* ‘тел, лөгать’ [Полный русско-татарский словарь, 1920, 105; 127; 301; 665]. В другом словаре Рахманкулова; *шивә* г. [Так! — *Р. Б.*] ‘наречие, язык’; *лисан* г. ‘наречие, язык’; *лөгать* г. ‘язык, наречие, слоло’; *ләһҗә* г. ‘язык, наречие’ [Рахманколый, 1913, 126; 182]. У Курбангалиева и его коллег: *дийаликт* (гр.) ‘диалект’, *шивә* (г. [Так! — *Р. Б.*]) — ‘наречие, диалект’, *лөгать* ‘слово, речь, наречие’; *ләһҗә* (г.) ‘язык, наречие’ (179); *лисан* нет [Корбангалиев, 1927, 116; 139; 178; 179].

Систематика и ее термины — структура и ее взаимозависимые скрепы диалектологических таксонимов в башкирском языке появились «не вдруг». Опыт старой и новой русской диалектологии воспринимался разными авторами по своему усмотрению, и по мере изучения башкирского языка с его говорами и диалектами того времени она постепенно коллективными усилиями приобрела тот вид, который существует и поныне. Восприятие шло избирательно. Четыре автора популяризировали старое учение о едином тюркском языке (төрөк *теле*) и множестве его наречий (этнически или территориально уточняемых)[2]. Для них башкирский язык (башҡорт *теле*) является западным наречием (*шиүә*) коренного тюркского языка (төп төрөк *теле*) [Мираç]. Отдельно взятый башкирский язык (башҡорт *теле*) является наречием (*шиүә*) в составе других тюркских языков (төрөк *телдәре*), но в каждом наречии (*шиүә*) бывают говорные различия (*гавур* башҡалығы) [Вилданов, 1926]. Башкирский язык (башҡорт *теле*) входит в урало-алтайские языки (*телдәр*) как наречие (*шиүә*) [Таһир, 1927]. Это учение распространялось и по-русски [Комиссаров, 1926, 18–19]. Следующие три автора переходят уже к вопросам диалектологии. Не останавливаясь на общетюркском языке, они обсуждают трехчленную систематизацию башкирского языка. *Тел* для них всех — это башкирский язык. Но в определенных контекстах *тел* понимается и как диалект, и как говор; здесь же диалект — это *ләһҗә*, а говор — тоже *ләһҗә* и русское слово *говор* [Дәүләтша, 1928][3]. Если *шиүә* понимался и как наречие (диалект), и как говор, то *ләһҗә* оставался неопределенным [Нәүшируан, 1928]. В третьем случае *шиүә* — это только диалект, а о говорах нет и речи [Айҙар, 1929]. Еще для одного автора *шиүә* сначала было и наречием (языком), и диалектом, а форма изобретенного им диминутива *шиүәсек* — поднаречием [Шакиров (а), 1926; Шакиров (б), 1926]. Позже *шиүә* у него уже и диалект (ҡыуыҡан *шиүәһе*), и в средней части статьи почти всегда говор (быш төбәктә башҡорт *шиүәләре* h. б.), но и *ләһҗә* — тоже говор (быға „ç“ *шиүәһе* тип, икенсенән „h“ *ләһҗәһе* тип атайбыҙ), а в окончании статьи первый термин (*шиүә*) просто заменяется вторым (*ләһҗә*) (юғарыла күрһәтелгән *ләһҗәләр*…) [Шакиров (в), 1930]. Приведенные выше цитаты свидетельствуют о том, что для трехчленной диалектологической систематики (язык—диалект—говор), существующей и поныне [Башҡорт теленең диалекттары һүҙлеге, 2002] в башкирском языке того периода вторая и третья ступени не были обеспечены однозначными и непротиворечивыми терминами. Этот недостаток в терминологии систематики был устранен позже довольно своеобразным приемом, закрепленным в «Терминах по языку» [Тел терминдары, 1935, 9; 15; 27]: слово *ләһҗә* было

[2] Это учение, собственно, относится к классификации тюркских языков и диалектов в крупнейших из них, но не к их диалектологии как таковой [Жирмунский, 609–613].

[3] См. современную башкирскую транслитерацию этой статьи Г. Давлетшина, выполненную Г. Х. Абдрафиковой, на с. 22 этого сборника.

выведено из номенклатуры, *шиүә* (почти не употребляемое) стало означать только ‘наречие’, *диалект* было заимствовано из русского языка, а для *говора* был создан неологизм *һөйләш*[4].

В итоге мы видим, что *ләһҗә* и *шиүә* башкирской диалектологией (которую правильнее называть не диалекто-*логией* как научной дисциплиной, а диалекто-*графией* как способом письменной фиксации полевого материала) в достаточной степени освоены не были, а потому и были отброшены, следуя букве резолюции I Всесоюзного тюркологического съезда «О системе научной терминологии на тюркских языках», внесенной комиссией под председательством Б. Чобан-заде: «…окончательно отказаться от возврата к арабизмам и персидским терминам, и при выборе новых терминов держаться общеевропейской ориентации» [Первый Всесоюзный тюркологический съезд, 1926, 406, п. 5, 183–208].

Литература

Айҙар Ғ. Башҡортостандың ун йыллығында ғилми хеҙмәттәр // Башҡорт аймағы. 1929. № 7. 1–9-сы бб. (араб. алф., нов. орфография).

Башҡорт теленең диалекттары һүҙлеге / Төҙөүселәр М. И. Дилмөхәмәтов, У. Ф. Нәҙерғолов, С. Ғ. Сабир-йәнова, Ғ. Ғ. Ғәрәева; Яуаплы мөхәррир М. И. Дилмөхәмәтов. Өфө: Китап, 2002. 432 б.

Вилданов, Ғәбделәхәт. Башҡорт шиүәһенең фонетикаһы тәңгәлендә тезистар // Башҡорт аймағы. 1926. № 2. 71–83-сө бб. (араб. алф., нов. орф.).

Дәүләтша, Ғәббәс. Башҡорт телендә ләһжәләре (говоры) // Башҡорт аймағы. 1928. № 6. 76–85-се бб. (араб. алф., нов. орф.).

Жирмунский В. М. О диалектологическом атласе тюркских языков Советского Союза // Жирмунский В. М. Ибранные труды. Л.: Наука, 1976. Общее и германское языкознание. С. 605–625.

Комиссаров Г. Население Башреспублики в историко-этнографическом отношении // Башкирский краеведческий сборник. Уфа, 1926. № 1. С. 17–30.

Корбангалиев М., Газизов Р., Кулиев И. Татарча-урысча сүзлек. Казан: Татарстан дәүләт нәшрийаты, 1927. XV, 219 бит. (араб. алф., нов. орф.).

Лөгать / Нашире Сәлимгәрәй Ҡантүрин. Уфа: «Шәрекъ» матбагасы, 1911. 466 бит (араб. алф.).

Ләһҗә-и татари… / Габделкаюм Гаденнасыйр улы. Казан: Типо-литограф. Имп. ун-та, 1896. Ҡилд-и сани. 156 бит (араб. алф.).

Мираҫ, Сәғит. Тел, уның төрҙәре, төрөк теле // Башҡорт аймағы. 1926. № 2. 41–58-се бб. (араб. алф., нов. орф.).

Нәүшируан, Зиннәтулла. Илде өйрәнеү эштәрендә материал йыйыу тураһында кәңәштәр // Башҡорт аймағы. 1928. № 6. 86–91-се бб. (араб. алф., нов. орф.).

Первый Всесоюзный тюркологический съезд. [Баку] 26 февраля–5 марта 1926 г.: (Стенографический отчет). Баку, 1926. 426, [6] с.

Полный русско-татарский словарь (1904) / Сост. Абдул-Каюм бин Абду-н-Насыр ан-Насыри ал-Казани; 2-е изд. И. Н. Шамсутдинова. Казань: Типо-литораф. Имп. ун-та, 1904. 264 с. (араб., кирил. алф.).

Полный русско-татарский словарь (1920) / Сост. С. Рахманкулов, А. Карам. Казан: Книгоизд. Т-во «Гаср», 1920. [4], 680 с. (араб., кирил. алф.).

Рахманколый С. Татарча-русча лөгать / Нашире «Сабах» көтепханәсе, Казан, Уфа. Казан, 1913. 210 б (араб. алф.).

Таһир Н. Башҡорт телен төпсөү // Башҡорт аймағы. 1927. № 3. 1–16-сы бб. (араб. алф., нов. орф.).

Таһиров Н. Башҡорт лөғәте. I-се киҫәк // Башҡорт лөғәте: 1926 йылғы беренсе аңлатмалы һүҙлек / [Баҫмаға әҙерләүсе, хәҙерге башҡорт теленә тәржемәсе, инеш һүҙ, аңлатмалар авторы Әхәт Сәлихов], Өфө, 2018. 276 бит. [Электрон баҫма]. 15, 16–226-сы йоп һанлы бб. (араб. алф., нов. орф.).

Тел терминдары [I. Русса–башҡортса. II. Башҡортса–русса] / Төҙөүселәр З. Шакиров, У. Хөсни; Ғ. Амантай редакцияһында; Башҡортостан милли-культура ғилми тикшкренеү институты. Өфө: Башгиз, 1935. 32 б. (лат. алф.).

Шакиров (а), Закир. Тюркологияның хәҙерге хәле, киләсәктә тәрәҡки итеү юлдары // Башҡорт аймағы. 1926. № 2. 59–63-сө бб. (араб. алф., нов. орф.).

Шакиров (б) З. Ш. По поводу тюркологического съезда // Башкирский краеведческий сборник. Уфа, 1926. № 1. с. 57–58.

Шакиров (в), Закир. 1929-сы йылдың йәйендә «Башҡортостанды өйрәнеү йәмғиәте» тарафынан Арғаяш кантонында тел һәм фольклор байҡауҙары яһау өсөн ебәрелгән отрядтың ҡыҫҡаса хисабы // Белем. 1930. № 2. 47–57-се бб. (лат. алф.).

Çoban-zade B. Türk-Tatar diyalektolojisi (Giriş) / Azerbaycan tetkik ve tetebbu cemiyeti. Baku, 1927. 133, [2] s. (arap harfli).

Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics / Gen. ed. Kees Versteegh. Leiden; Boston: Koninklijke Brill NV, 2006–2009. Vol. I–V.

Windfuhr G. L. Dialectology // Encyclopædia Iranica / Ed. E. Yarshater. London; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1995. Vol. 7, fasc. 4. P. 362–370.

© Булгаков Р. М., 2022

[4] Непродуктивный аффикс отглагольных имен *-ш* (совершенно некстати названный Н. К. Дмитриевым «пережиточным») был применен в образовании грамматических терминов-калек русских *местоимение* ‘алмаш’ и *падеж* ‘килеш’. Ср. подобные неологизмы с аффиксом подобным аффиксом *–м*: *ҡылым* ‘глагол’ и *һөйләм* ‘предложение’.

УДК *811.512.141 (092)*

Бускунбаева Л.А., Россия, Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, с.н.с.
Сулейманова Р.А., Россия, Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, с.н.с.

ВКЛАД ЗИННУРА ГАЗИЗОВИЧА УРАКСИНА В РАЗВИТИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

В статье дан краткий обзор научной и общественной деятельности известного тюрколога, академика АН РБ, доктора филологических наук, профессора З.Г. Ураксина. Подчеркивается его роль в развитии науки, воспитании молодых ученых, в общественной жизни страны, международном научном сотрудничестве. Отмечается многогранная научно-исследовательская деятельность ученого.

Ключевые слова: *З.Г. Ураксин, башкирское языкознание, лексикология, лексикография, фразеология, синонимия, научная деятельность, общественная деятельность.*

Buskunbaeva L.A., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS, Senior Researcher
Suleymanova R.A., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS, Senior Researcher

CONTRIBUTION BY ZINNUR GAZIZOVICH URAKSIN TO THE DEVELOPMENT OF LINGUISTIC SCIENCE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

This article presents a short review of life, scientific and public work of the famous Turcologist, Academician Z.G. Uraksin, his role in development of science, education of young scholars, contribution to public life of the country, and his role in the international scientific cooperation. In this article the long-term and many-sided research activity of Z.G. Uraksin is noted which covers practically all main directions of modern linguistics.

Keywords: *Z.G. Uraksin, Bashkir linguistics, lexicology, lexicography, phraseology, synonymy, scientific work, public activity.*

В этом году Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (далее – Институт) празднует свой 100-летний юбилей. С этой знаменательной датой связано имя одного из выдающихся ученых Института, известного тюрколога, академика АН РБ, доктора филологических наук, профессора, директора Института (1988–2002) Зиннура Газизовича Ураксина.

З. Г. Ураксин, окончив в 1963 году Башкирский государственный университет им. 40-летия Октября, связал свою трудовую и научную деятельность с Институтом: прошел путь от младшего (1966), старшего (1968) научного сотрудника до заведующего отделом языка (1968–2005), заместителя директора по научной работе (1977–1988), директора Института (1988–2002), главного научного сотрудника (с 2005).

Многолетняя и многогранная научно-исследовательская деятельность выдающегося башкирского языковеда Зиннура Газизовича Ураксина охватывает практически все основные направления современного языкознания. Он активно занимался актуальными проблемами лексикологии, фразеологии, лексикографии, терминологии, социолингвистики, этнолингвистики, семасиологии, ономастики, истории и грамматики башкирского языка, типологии языков и т.д.

Благодаря своему трудолюбию и усердию, З.Г. Ураксин в 1966 году, после защиты кандидатской диссертации, выпускает первый «Словарь синонимов башкирского языка», который в 2000 году с дополнениями был переиздан, что говорит о том, что данный труд и в наши дни считается фундаментальным и остается востребованным.

В своей докторской диссертации он одним из первых исследует проблемы фразеологии башкирского языка и тем самым вносит существенный вклад в развитие теории фразеологии тюркских языков. Именно с его именем связано становление фразеологии как отдельной дисциплины в башкирском языкознании.

Монография ученого «Фразеология башкирского языка» [Ураҡсин, 1975], опубликованная в 1975 году в Москве, стала фундаментальным трудом в данной области и методическим пособием для изучающих фразеологию не только башкирского, но и других тюркских языков. Фразеологические единицы З.Г. Ураксин подвергает подробному анализу в семантическом, грамматическом и синтагматическом планах, изучает парадигматические и трансформационные свойства фразеологизмов, раскрывает их этимологию.

В дальнейшем фразеологические единицы были систематизированы и описаны в составленных ученым словарях: «Башкирско-русский фразеологический словарь» [Ураҡсин, 1973], «Русско-башкирский фразеологический словарь» [Ураксин, 1989], «Фразеологический словарь башкирского языка» [Ураксин, 2006].

З.Г. Ураксин является автором более 300 научных работ, в т.ч. более 20 монографий, словарей, учебников и методических рекомендаций. Он принимал непосредственное участие в подготовке академической грамматики современного башкирского литературного языка, в составлении и редакти-

ровании двухтомного толкового словаря башкирского языка (М., 1993), содержащего 55000 ед., в т.ч. фразеологизмы, термины, диалектную и устаревшую лексики. Именно З.Г. Ураксин стал инициатором и руководителем подготовки и издания новых башкирско-русского [Башҡортса-русса һүҙлек, 1996] и русско-башкирского [Русско-башкирский словарь, 2005] словарей, которые и сегодня являются настольной книгой педагогов и ученых-башкироведов. Подготовка и издание таких объемных словарей сыграли важную роль в развитии лексических норм литературного башкирского языка.

Ученый постоянно общался с учителями, интересовался их работой, изучал их методы преподавания, многое сделал для общеобразовательных школ и высших учебных заведений Башкортостана. При его активном участии подготовлен и издан уникальный учебник для студентов высших учебных заведений «Современный башкирский язык» [Хәҙерге башҡорт теле, 1986], который является единственным учебником такого рода за всю историю высшего образования в республике.

Под руководством З.Г. Ураксина был издана книга «Занимательная грамматика башкирского языка» для учащихся общеобразовательных школ, переизданная три раза [Ҡыҙыҡлы грамматика, 1973; 1979; 1993]. Множество его научно-популярных трудов по родному языку остаются актуальными и пользуются неизменным спросом среди студентов высших и средних специальных учебных заведений гуманитарного профиля, учащихся школ, гимназий, колледжей, лицеев. Он принимал участие в проведении международных, всероссийских и республиканских научных конференций, где выступал с докладами, был организатором подобных мероприятий и в республике. Благодаря его участию были налажены научные контакты с научно-исследовательскими учреждениями России, бывших союзных республик, зарубежных стран. З.Г. Ураксин отдал много сил подготовке молодых научных кадров, постоянно проводил практические занятия и спецсеминары для них. Его лекции по тюркологии и башкирскому языку слушали не только студенты вузов республики, но и студенты университета Ходжатепе (Турция) и Свободного Берлинского университета (Германия). Под его научным руководством успешно защитили диссертации на соискание ученых степеней кандидата (16 чел.) и доктора (5 чел.) филологических наук. З.Г. Ураксин руководил Институтом с 1988 по 2002 гг. Период его руководства в основном приходится на 90-е годы, которые были насыщенными не только различными политическими и социально-экономическими потрясениями в жизни российского общества, но и резким сокращением финансирования, оттоком высококвалифицированных специалистов из академической науки. Однако, несмотря на все трудности, З.Г. Ураксин создает все необходимые условия для полноценного функционирования Института. Одним из больших его достижений как директора является то, что он сумел сохранить Институт в системе Российской академии наук.

Научная деятельность Института была результативна и благополучна. Увидели свет 6 томов «Истории башкирской литературы» (на башкирском языке), которые стали своеобразным итогом многолетней и плодотворной работы отдела литературы. Продолжается выпуск многотомного систематизированного научного издания образцов башкирского фольклора «Башкирское народное творчество» (на русском языке).

После обнаружения Филипповского курганного могильника (1986–1990-е гг.) экспедицией под руководством ученого А.Х. Пшеничнюка З.Г. Ураксин не только обеспечил его нужным инвентарем и техникой для раскопок, но и отстоял уникальные “филипповские” артефакты, когда делались попытки вывести их из республики. Под его руководством в институте была создана Лаборатория лингвистики и компьютерных технологий, благодаря деятельности которой башкирское языкознание вышло за рамки традиционной филологии, что, в свою очередь, способствовало созданию Машинного фонда башкирского языка и корпусов башкирского языка.

З.Г. Ураксин принимал активное участие и в общественной жизни Республики Башкортостан. Ученый прилагал немало усилий для развития гуманитарной науки в республике, являлся одним из основателей Академии наук Республики Башкортостан, организатором и главным редактором энциклопедии «Башкортостан». Долгие годы входил в состав Комитета российских тюркологов, являлся членом редколлегии таких известных научных журналов, как «Советская тюркология» и «Ядкяр» («Наследие»). Долгие годы З.Г. Ураксин был членом и руководителем Терминологической комиссии при Президенте Республики Башкортостан. Во главе данной комиссии он контролировал и анализировал нынешнее состояние и перспективы развития терминологии башкирского литературного языка, разработку, упорядочение и утверждение новой терминологии и т.д. З.Г. Ураксин, истинный патриот своей земли и народа, прилагал все усилия для развития и сохранения для будущих поколений историко-культурного наследия башкирского народа, для расширения и углубления общественных функций башкирского языка как одного из государственных языков Республики Башкортостан. Государственные программы, разработанные под его руководством – тому неоспоримое доказательство. В частности, программа «Возрождение и развитие башкирского народа», одобренная Постановлением Кабинета Министров РБ от 06.11.96 (№ 301), была направлена на создание реальных экономических, социальных, политических и идеологических условий для возрождения и развития башкирского народа, сохранения его культуры, языка, обрядов, обычаев, традиций и др. материальных и духовных

ценностей как неотъемлемой части общемировой цивилизации. З.Г. Ураксин был руководителем авторского коллектива и разработчиком проекта Программы.

В условиях нехватки квалифицированных педагогических кадров, работников культуры, способных вести учебную, воспитательную и культурную работу на родном языке, под руководством З.Г. Ураксина еще в конце 80-х годов в Институте был разработан первый проект закона «О языках народов Республики Башкортостан» (принят только в 1999). В качестве заместителя председателя Комиссии по реализации закона «О языках народов Республики Башкортостан» при Кабинете Министров Республики Башкортостан он сделал все возможное для принятия и реализации данного закона.

З. Г. Ураксина знают не только как выдающегося ученого и общественного деятеля, но и как писателя с большим литературным талантом, с развитым эстетическим вкусом. З.Г. Ураксин – член Союза писателей РБ, из-под его пера вышли несколько романов, повестей и множество коротких рассказов. Уникальны его короткие рассказы (уймаҡ хикәйәләр), которые через призму легкого юмора заставляют читателя задуматься о злободневных проблемах современности.

Многолетняя и плодотворная научно-исследовательская и общественная деятельность, высокопрофессиональное исполнение Зиннуром Газизовичем своих служебных обязанностей были высоко оценены народом и республикой. Он награжден орденом Дружбы народов (1999), множеством медалей, почетных грамот, удостоен почетных званий «Заслуженный деятель науки БАССР» (1984) и «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (1996). В целях увековечения памяти выдающегося ученого, сделавшего многое для башкирской и отечественной гуманитарной науки, именем З.Г. Ураксина названы улица в г. Уфа и школа в д.Саитово Федоровского района Республики Башкортостан, установлены мемориальные доски на доме, где жил ученый, и на здании его родной школы в д.Аллабердино Тюльганского района Оренбургской области.

Литература

Башҡортса-русса һүҙлек / З.Ғ. Ураҡсин ред. М.: Дигора, Русский язык, 1996. 884 б.

Башҡорт теленең һүҙлеге. 2 томда. М.: Русский язык, 1993. I т. – 867 б.; II т. – 814 б.

Ҡыҙыҡлы грамматика: башҡорт мәктәптәренең 5–9-сы класс уҡытыусылары өсөн ҡулланма. 1-се баҫмаһы. Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1973. 128 б. (авторҙашлыҡта).

Ҡыҙыҡлы грамматика: башҡорт мәктәптәренең 5–9-сы класс уҡытыусылары өсөн ҡулланма. 2-се баҫмаһы. Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1979. 152 б. (авторҙашлыҡта).

Ҡыҙыҡлы грамматика: башҡорт мәктәптәренең 5–9-сы класс уҡытыусылары өсөн ҡулланма. 3-сө баҫмаһы. Өфө: Китап, 1993. 168 б. (авторҙашлыҡта).

Русско-башкирский словарь. В 2 т. / под ред. З.Г. Ураксина. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. Т. 1. А–О. 808 с., Т.2. П–Я. 680 с.

Ураксин З.Г. Фразеологические синонимы в современном башкирском литературном языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 1966. 18 с.

Ураҡсин З.Ғ. Башҡорт теленең синонимдар һүҙлеге. Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1966. 272 б.

Ураксин З.Г. Фразеология башкирского языка: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Уфа, 1975. 53 с.

Ураксин З.Г. Фразеология башкирского языка. М: Наука, 1975. 192 с.

Ураҡсин З.Ғ. Башҡортса-русса фразеологик һүҙлек. Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1973. 167 б.

Ураксин З.Г. Русско-башкирский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1989. 405 с.

Ураҡсин З.Ғ. Башҡорт теленең фразеологик һүҙлеге. Өфө: Китап, 2006. 342 б.

Хәҙерге башҡорт теле / яуаплы ред.: З.Ғ. Ураҡсин, Ҡ.Ғ. Ишбаев. Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1986. 400 б.

© Бускунбаева Л. А., Сулейманова Р. А., 2022

УДК *81’366:811.512.141’28*

Валиева М. Р., Россия, г. Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, н.с.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАРАИДЕЛЬСКОГО ГОВОРА

В статье рассмотрены морфологические особенности речи носителей караидельского говора северо-западного диалекта башкирского языка. В качестве примеров приведены языковые данные, собранные С.Ф. Миржановой, и материалы научного отчета диалектологов Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН (1954 г.).

Ключевые слова: *говор, диалект, башкирский язык, морфология, аффикс.*

Valieva M.R., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature UFRS RAS, Research Fellow

MORPHOLOGICAL FEATURES OF KARAIDEL SUBDIALECT

The article considers the morphological features of the speech of the speakers of the Karaidel subdialect of the northwestern dialect of the Bashkir language. The language data collected by S.F. Mirzhanova and the materials of the scientific report of the dialectologists of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (1954).

Keywords: *subdialect, dialect, Bashkir language, morphology, affix.*

По географическому положению караидельский говор, обладающий устной формой бытования, охватывает Аскинский и Караидельский районы, которые расположены на севере Республики Башкортостан. Носителями караидельского говора являются башкиры родов балыксы и унлар. Как уточняется в работе С.Ф. Миржановой, это представители башкирских племен *унлар* или *сумляр // сунлар, су-ун* и *кыр-ун*, живущие в бассейнах рек Тюя (башк. *Төй*) и среднего течения р. Уфы (башк. *Ҡариҙел*) [Миржанова, 2006, 25]. Данные предыдущих экспедиций показали, что морфология говора включает в себя все языковые средства, категории и парадигмы, обеспечивающие построение словоформ, характерных для живой речи носителей этого говора и литературного языка. Помимо этого в караидельском говоре могут наблюдаться морфологические особенности соседствующих говоров: гайнинского, айского, демского, таныпского. В целом, грамматический строй диалектов, в том числе данного говора, и башкирского литературного языка характеризуются единством: им присущ одинаковый состав частей речи с одними и теми же грамматическими категориями. Несмотря на это, существуют диалектные различия в словообразовании и формообразовании, которые отмечаются как морфологическая специфика (особенность) говора.

Имя существительное

Специфика показателей принадлежности

В терминах родства категория принадлежности в 3-м лице выступает в форме *әтәсе/инәсе* вместо литературной формы *атаһы/әсәһе (инәһе).* Субстантивированные числительные и прилагательные также могут принимать аффикс принадлежности в контексте: *ҙитесен уҡытыу* ‘проводить поминки на седьмой день после её// его смерти’*, ҡарасын ал* ‘возьми черную’ и т.п.

Специфика показателей множественного числа

В итоговом отчете экспедиции, организованной 1954 году диалектологами ИИЯЛ УНЦ РАН отмечено, что в говоре окончания множественного числа имеют следующие два варианта в отличие от литературной 4-х вариантной аффиксации: *-нар//-нәр, -лар//-ләр.* После сонорных фонем *м, н, ң* присоединяются аффиксы *-нар/-нәр*: *ҡомнар* ‘пески’*, көннәр* ‘дни’*, таңнар* ‘зори’, в остальных случаях *(после гласных и согласных)* функционируют аффиксы *-лар//-ләр: ҡаҙлар//ҡазлар* ‘гуси’*, айлар* ‘месяцы’*, ололар* ‘взрослые’*, бүреләр* ‘волки’ и т.п [Научный отчет 1954 г., 2008, 109].

Специфика падежных аффиксов

Среди немногочисленных морфологических отличий от литературного языка наблюдаются характерные для говора различия в составе падежных форм. Например, в караидельском говоре существительные в родительном и винительном падежах имеют аффикс на *-н* вместо литературных форм, выступающих в четырех вариантах: *-тың/-тең, -тоң/-төң, -дың/-дең, -доң/-дөң, -ҙың/-ҙең, -ҙоң/-ҙөң, -ның/-нең, -ноң/-нөң; -ты/-те, -то/-тө, -ды/-де, -до/-дө, -ҙы/-ҙе, -ҙо/-ҙө, -ны/-не, -но/-нө*. Например, род.п. *айның башы* ‘начало месяца’, *тауның башы* ‘вершина горы’, вин.п. *ҡазны йолҡоу* ‘выщипывать гуся’*, ҡарны көрәү* ‘убирать (чистить) снег’, *этне ҡуыу* ‘гнать собаку’ [Научный отчет 1954 г., 2008, 109]. Однако имена существительные, оканчивающиеся на гласные и согласные *ҙ, й, р* в исходном и местном падежах, имеют в говоре аффиксы *-ҙан/-ҙән, -за/-ҙә* вместо башкирского литературного языка *-нан/-нән, -на/-нә* и тат. *-дан/-дән, -да/-дә (ҡалаҙан, балаҙан, баҡсаҙа, әбиҙә)* [Баишев, 2006, 49]. После сонорных *м, н, ң* аффиксы начинаются на сонорную фонему *-н*: *таңнан тороп киттем* ‘с утра ушел’, *хәтеремнән сыҡҡан* ‘забыл’, *көннән көн үтә* ‘проходят дни’ и т.п. В остальных случаях *(после гласных и согласных)* существительные исходного и местно-временного падежей функционируют с аффиксами на глухую фонему *-т*: *юлтан килә* ‘идет по дороге’, *ағастан эшләнгән* ‘сделано из дерева’и т.п. [Научный отчет 1954 г., 2008, 110].

Специфика словообразования имен существительных

Словообразование имен существительных данного говора имеет ряд отличий от литературного (письменного). Среди различных диалектных морфологических явлений самым ярким можно считать употребление формообразующих уменьшительно-ласкательных аффиксов в функции словообразования: *бәрәкәй* – лит. *бәрәс* ‘ягненок’, *ҡолоҡай* – лит. *ҡолон* ‘жеребенок’, *шымаҡай* – лит. *айыу ҡурайы* ‘дягиль’, *ҡортлоҡай* – тиктормаҫ, тынғыһыҙ ‘непоседа’ и т.п. Также полисемантичный аффикс *-лыҡ/-лек* (фонетические варианты *-ныҡ/-нек, -тыҡ/-тек*) может образовывать диалектные слова вместо литературных форм, оканчивающихся на аффикс -м: *боҙоҡтоҡ* – лит. *боҙом* ‘порча’, *шымтыҡ* – лит. *семтем* ‘малость, чуть-чуть’, *сумныҡ* – лит. *һум* ‘целый’, *ҙлемтек* – лит. *ҙлемдек* ‘вещи, предназначенные для раздачи после смерти человека’, *ярымтыҡ* ‘мифическое существо’, *ҡорколтаҡ* – ‘хронический кашель’ и т.п [Хисамитдинова, 2017, 86–101]. Диалектные слова образуются с помощью специфичных аффиксов *-лаҡ/-ләк/-ҙаҡ/-ҙәк*: лит. *боғаҙ – буғырҙаҡ, боғорҙаҡ* ‘гортань, трахея’, лит. *туңғаҡ – туңҡалаҡ* ‘заморозки’ и т.п. В говоре также имеются слова, образованные при помощи древнетюркского аффикса *-аҡ/-әк, -ыҡ/-ек:* лит. *бора – бораҡ* ‘отруби, осадок, закваски’; лит. *сыра – сыраҡ* ‘лучина’, лит. *ҡаҙна – ҡаҙнаҡ* ‘десна’ и т.п. Древнетюркские аффиксы *-аҡ/-әк, -ыҡ/-ек* утеряны в современном башкирском языке или дали фонетические переходы *аҡ/ағ > ау, ыҡ/ығ > ыу.* Караидельскому говору присущ специфический словообразующий аффикс *-бый/-пый/-пей/-фый/-фей,* который наблюдается как и в демском, среднем говорах ЮДБЯ, так и в кызылском говоре ВДБЯ: *ҡылтыфый, шымафый* ‘тихоня; действующий исподтишка’, *йөнтәфей/йөнтәфен* ‘мягкоступающий, хитрец’, *ҡылдымбый* ‘быстро обижающийся’ и т.п. [Миржанова, 2006, 44–51].

В караидельском говоре преобладающей формой словосложения является форма по типу первого изафета: *балсаут* – лит. *бал һауыты* ‘сахарница, медовница’, *ишағалтөп > ишек* ‘дверь’ + *ал* ‘перед’ + *төп* ‘основание, дно’ – лит. *күтәрмә* ‘крыльцо’, *ҡар сискә* – лит. *умырзая* ‘подснежник’, *дауыл сискә* – лит. *лютик* ‘лютик’ и т.п.

Имя прилагательное

В говоре наблюдаются редкие формы прилагательных, которые образуются при помощи аффиксов *-лы, -ле, -ны, -не, -сыҙ, -сеҙ, -ылтыҡ, ырҙыҡ, -ыҡ, -ек, -пыҡ, -пек, -тыҡ, -тек, -ыш, -еш, -ыу, -еү, -ым, -ем, -ма, -мә, -мәк, -ҡыс, -кес.* Например, *ышантыҡлы* – лит. *ышаныслы* ‘надежный’, *йоғоносло* – вост. *йоғоносто* – лит. *йоғошло* ‘заразный’, *эйәмес* – лит. *йәмһеҙ* ‘некрасивый’, *сарыусыҙ* – лит. *әрһеҙ* ‘беспардонный’, караид. *пытырҙыҡ,* кызыл. *бытырҙыҡ* ‘болтливый’, *үләкүш* – лит. *ябыҡ* ‘худой, слабый’, *ваҡсыу* – лит. *ваҡсыл* ‘мелочный’, *йалҡыс* – лит. *ялҡытҡыс* ‘надоедливый’ и т.п. В монографии С.Ф. Миржановой отдельно приводятся некоторые пережиточные древнетюркские аффиксы данного говора: *-ат, -әт, -тай, -той, -то, -тә, -дәт, -тыр, -дәр, -тек, -тыңҡы.* Например, *ыҡсымат* – лит. *ипле; бөхтә* ‘аккуратный’, *ҡойто* – лит. *йәмһеҙ* ‘некрасивый, неказистый’, *йаматай* – лит. *яман* ‘плохой’ и т.п.

Прилагательные превосходной степени в речи носителей караидельского говора образуются при помощи слов-интенсивов: *ут ҡыҙыл* ‘очень красный, огненно-красный’, *шыйыҡ сары* ‘желтоватый’ *сым ясау* ‘очень красивая’ и т.п. [Миржанова, 2006, 42–55].

Местоимение

По диалектным спецификам словообразование прилагательных и имен существительных караидельского говора сближается с южным диалектом, а разряды местоимений имеют сходства с говорами восточного диалекта. Следует отметить, что категория местоимения существенно отличается от литературного. В речи наблюдаются специфичные личные местоимения, когда основная форма изменяется или склоняется по падежам: *миәр ‘*мне*’, аңар ‘*ему/ей*’, миәртән ‘*от меня*’, аңартан ‘*от него/от неё*’, миәртә ‘*у меня*’, аңарта ‘*у него/у неё*’.* Всю систему склонения местоимений по падежам можно представить в следующем виде:

И.п.	мин,	ал//ул
Р.п.	минең//минен,	аның//анын
Д.п.	минеңә//миңә//миәр	аныңа//аңа//аңар
В.п.	мине	аны
Т.п.	минән//миңәртән	аннан, аңартан
П. (М-вр.) п.	минтә//миәртә	анта, аңарта

В этом отношении система указательных местоимений также отличается от литературного языка. Они, как в среднем говоре башкирского языка, употребляются с инициальной фонемой [м] вместо литературной [б] – *мынау* ‘этот’, *мынауынтай//мынаулай* ‘вот такой’, *мында* ‘здесь’; также вместо литературной гласной [у] наблюдается широкая гласная фонема [а] – *анта, анауында* – лит. *унда* ‘там’; вопросительные местоимения дифтонгизируются в инлауте: лит. *нимә* – сред. *нәрсә* – караид. *нейәрсә*; лит. *ниңә – нейә* ‘зачем’, лит. *ҡайҙа – ҡая* ‘где’ и т.п.

Наречия и нумеративные слова

В живой речи носителей караидельского говора употребляются следующие специфичные наречия: *суй, сөй, шыр, дөм* ‘сплошь, полностью’, например: *Тәне суй тимерәү* ‘тело сплошь в лишаях’, *дөм* – лит. *тома – дөм ҫуҡыр – тома һуҡыр* ‘совсем слепой’и т.п. Помимо этого определенные нумеративные слова также отличаются от литературной нормы: *бер күтәрем* – лит. *бер түтәрәм*

‘четвертая часть, четвертинка’; *бер бараңкы//гөрәңке* – средн. *бер керәүеңкә* – лит. *бер ҡаҙаҡ* ‘один фунт’, *бер опоуот* – лит. *бер тына* ‘уповод’ и т.п.

Глагол

Специфика морфологических показателей

Как было отмечено, по географическому положению караидельский говор примыкает к гайнинскому, таныпскому говорам северо-западного диалекта, айскому говору восточного диалекта и демскому, среднему говорам южного диалекта. В этой зоне наибольшее развитие получили формы взаимного и возвратного залогов на *-ш*, обозначающие взаимность *(тартышыу, ҡыйышыу, тиргәшеү, битәрләшеү, әрләшеү* ‘ругаться’*)* и возвратность действия: *сағышыу ‘*жалить*’ – Баҡыр йылан сағышмай, саҡса им табылмай* ‘Медянка не жалит, если ужалит, нет лечения’; *Инәйең тиргәшә, кей* ‘Надевай, мать ругается’; *Йуклағанта сүләшә* ‘Разговаривает во сне’ лит. *Йоклағанда һөйләнә; йыуышып йөрөй* ‘умывается’ лит. *йыуынып йөрөй* и т.п.

В отличие от литературного (письменного) языка, в данном говоре при образовании взаимной и возвратной форм глаголов после сонорного н аффиксы начинаются на сонорную фонему -н: *көннәшеү* лит. *көнләшеү* ‘ревновать’, *тупаннау* – лит. *тупандау* ‘ходить на четвереньках’.

По исследованиям С.Ф. Миржановой, в говоре отсутствует вариант глагольного аффикса с начальной *-д* [Миржанова, 2006, 59]. Глаголообразующие аффиксы на *-д* литературного (письменного) языка в говоре оглушаются, например, лит. *ҡаңғылдашыу – ҡаңғылташыу* ‘гоготать’, лит. *килде – килте* ‘пришел’, лит. *алды – алты* ‘взял’, лит. *тамды – тамты* ‘капал’, *туңты* ‘замёрз’ и т.п. В трудах Ф.Г. Хисамитдиновой отмечено, что в составе глагольных форм прошедшего категорического времени наблюдается звукосочетание сонорных и смычных согласных *лт, мт, нт, ңт, рт*, которое восходит к древнетюркским памятникам. Например, *болты* ‘был’, *ҡылтым* ‘я сделал’, *үлте* ‘убил’, *йыуынты* ‘умылся’ и т.п. В отличие от соседствующих говоров, в караидельском сочетание *рт* в составе глаголов прошедшего времени употребляется регулярно: күрте ‘увидел’, *бирте* ‘дал’, *Мүк йолҡорҡа бартым* ‘я ходила рвать мох’ [Хисамитдинова, 2017, 98].

После гласных и сонорных ҙ, й, к глагольному корню присоединяются форманты на ҙ: ашаҙы ‘поел’, килмәҙе ‘не пришел’, *йөҙҙө//йөззө* ‘плыл’ и т.п. Присоединение глагольного форманта на *-ҙ* после сонорных согласных на -ҙ, -й, -р в говоре совпадает с литературной (письменной) нормой башкирского языка.

Категория перфекта

Наблюдается частое распространение в северо-западных говорах категории перфекта, выступающей без личных аффиксов, например:

Мин әле ҡапҡаҙан да сыҡмағаң ‘Я еще не вышла даже за ворота’;

Беҙ кеше үтермәгән ‘Мы не виноваты, *букв.,* мы людей не убивали’;

Минеңә тустағ эскәннәр ‘Я была наречена’;

Синеңә йаҙған ‘тебе суждено’. Подобные перфектные формы, акцентирующие на результат действия, не свойственны письменной речи.

Специфика временных форм

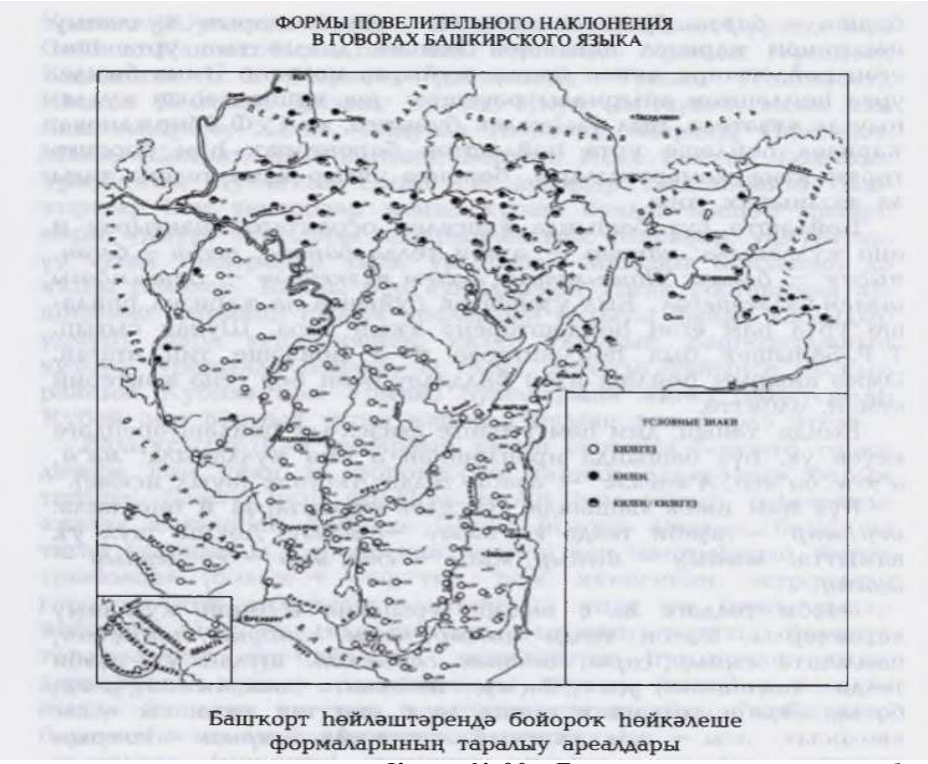
В живой речи носителей говора имеются небольшие различия в составе временных форм. Характерной чертой караидельского говора являются глагольные формы давнопрошедшего времени на аффиксы *-ғайныйы/-ғәйнейе: Үгет итә торғайныйыҡ* ‘Наставляли, давали советы’ и т.п. Показатель давнопрошедшего времени вспомогательная форма глагола *ине* в речи носителей караидельского говора дифтонгизируется и произносится в форме *ыйы/ейе: Бара торған ейем* – лит. *Бара торған инем* ‘раньше ходила’. Вышеописанная аффиксация частей речи в отчете 1954 года представлена в виде следующей таблицы:

ялғауҙар	*к, ҡ, п, с, ҫ, т, ч, ш* өндәренән һуң «т»-ға	*ж, з, л, м, н, ң* өндренән һуң «д»-ға	*ҙ, й, р, а, ә, е, и, о, ө, у, ү, ы* өндренән һуң «ҙ»-ға
Үткән заман хәбәр ҡылым ялғауҙары	*артҡа сикте; утҡа яҡты; урманға китте;эшкә ашты*	*май язылды; ҡунаҡ килде; тамсы тамды; ашлыҡ уңды*	*ашап туйҙы; барҙым, күрҙем; аш ашаҙыҡ, ҡатыҡ ойоҙо*
Оҡшатыу рәүеше ялғауҙары	*ҡоштай оса; ҙурлығы ошо табаҡтай булыр, аттай шәп саба*	*балдай татлы; ҙурлыҡҡа минең улымдай булыр*	*ҙурлығы минең өйҙәй булыр; айыуҙай үкерә, ҡарҙай аҡ*
Хәбәрлек ялғауҙары	*Юҡтыр; эштер;йәштер; ағастыр*	*ҡаздыр, талдыр,имәндер, дражджыр*	*барҙыр, байҙыр, кәмәҙер, ҡараҙыр*
Йыйнау киҫәксәләре	*икмәк тә бар, ҡашыҡ та бар, ҡатыҡ та бар*	*мал да туҡ, үҙем дә туҡ, ахун да туҡ*	*сәй ҙә бар, шәкәр ҙә бар, алма ҙа бар*

[Научный отчет 1954 г., 2008, 110].

Специфика образования формы повелительного наклонения 2-го л.

Диалектной особенностью повелительного наклонения 2-го лица данного говора, как и всех северо-западных, северо-восточных говоров, выступает архаичная форма на *-ың/-ең* вместо литературного аффикса *-ығыҙ/-егеҙ, -ғыҙ/-геҙ: торың* ‘вставайте’, *барың* ‘идите’, *йүгерең* ‘бегите’, *йөрөмөң* ‘не ходите!’.



Карта № 90 в Диалектологическом атласе башкирского языка

По мнению диалектолога Р.З. Шакурова, «для большинства говоров северо-западного диалекта характерно применение краткого варианта аффикса 2-го лица повелительного наклонения глагола в форме *-ң (-ыңʲ/еңʲ)*. Это явление характерно и для айского, аргаяшского говоров восточного диалекта» [Шакуров, 2020, 148, 164]. С.Ф. Миржанова отмечает, что данная форма была характерна также для старотюркского письменного языка Урало-Поволжья – «тюрки», на котором написаны все башкирские шежере, деловые и юридические документы башкир дореволюционного периода [Миржанова, 2006, 58].

Специфика образования форм условного наклонения

Кроме этого, своеобразной формой образуется условное наклонение глагола, которое совпадает с формой демского говора. Вместо аффиксов литературного языка *-ha/-hə, uhə* употребляется аффикс *-исə:*

1л. *торҙомисə,* *торҙисəм* ‘если я встану’*,*
2л. *торҙоңисə,* *торҙисəң* ‘если ты встанешь’*,*
3л. *торҙойсə,* *торҙисə* ‘если он встанет’ [Миржанова, 2006, 58].

Неличные формы глагола

Аффиксы *-ра/-рə* образуют диалектные формы глаголов: *туҡрау* – лит. *туҡтау* ‘остановиться’, *туҙдырау* – лит. *туҙыу* ‘разлетаться, разбросаться’ и т.п. Наряду с литературными формами в говоре активно функционируют специфичные имена действия, образующиеся при помощи аффиксов *-мыш/-меш,* которые характерны для огузских языков. Например: *ишетмеш белəн* ‘по слухам’, *ашамыш* ‘много кушающий’, *йоҡламыш* ‘спящий’ и т.п. Данный пережиточный древнеогузский аффикс *-ыш/-еш* в говоре употребляется активнее, чем традиционная кипчакская форма на *-ыу/-еү*: *үрəнеш уахытында* – лит. *өйрəнеү ваҡытында* ‘во время обучения’; *тынышынан билгеле– тын алыуынан (нулыш) билдəле‘*видно, чем дышит*’* и т.п.

Пережиточная неличная форма глагола на *-маҡ/-мəҡ* употребляется в говоре лишь в определенных словосочетаниях: *Үлмəктəн ҡалмаҡ ҡына йөрөй* ‘Еле-еле душа в теле’ и т.п. Данная форма широко используется в айском, среднем, инзерском, ик-сакмарском говорах южного диалекта, а также характерна для языка башкир, проживающих в Пермской, Самарской, Саратовской и Оренбургской областях.

В трудах К.Г. Ишбаева также отмечено, что инфинитив на *-маҡ/-мəҡ* свойственен огузской и карлукской группам тюркских языков, а форма на *-ырға* относится к кыпчакской группе [Ишбаев, 1982, 6]. Следует отметить, что в говоре, в отличие от восточного и южного диалектов, систематически функционирует форма инфинитива на *-рға/-ргə,* как и в литературном языке: *Өлкөкөннө ҡайтып китергə иде/иҙе/эйе* ‘Позавчера надо было уехать’ и т.п.

Формы деепричастия на *-ып/-еп* совместно с вспомогательными глаголами *утыр-* ‘сидеть’, *ят-* ‘лежать’ образуют составные глаголы несовершенного вида, присущие литературному языку: *Абзыйның илле йəше тулты, шуңа китебутырам* ‘Старшему брату исполнилось пятьдесят лет, иду туда’ и т.п. [Миржанова, 2006, 60].

В составе отрицательных форм деепричастий *ҡарамайынса, әйтмәйенсә* выпадает аффикс *-ын*: *ҡарамайса* ‘не посмотрев’, *әйтмәйсә* ‘не сказав’ и т.п. [Научный отчет 1954 г., 2008, 111–116]. Часто в живой речи носителей говора можно наблюдать выпадение падежных аффиксов и аффиксов неличных форм глагола.

Служебные части речи

В отличие от литературного башкирского языка в говоре не только существительные, глаголы, но и частицы подчиняются к законам фономорфологии. Например: *Көллөсө ҙә килде* ‘Все пришли’. *Әтәсе ҙә ҡайтты* ‘И его/её папа вернулся’. *Томалайсын та ҡуйасын* ‘наглухо закрываешь и настаиваешь в печи’.

В говоре часто употребляются утвердительные частицы *ҡый//ис//бит* в значении ‘ведь’: *Ҡарткисәк төптән башҡырт ауылы ҡый* ‘Ведь деревня Карткисяк издревле является башкирской’. Имеются определенные различия в употреблении послелогов: *табатын* – лит. *табан* ‘по направлению’: *Ауылға табатын китте* ‘Ушел в сторону деревни’, *сәкле/сикле, хәҙере* – лит. *тиклем, ҡәҙәр* ‘до, вплоть’ *меңкә сәкле / меңкә тиклем* – лит. *меңгә тиклем* ‘до тысячи’; *ғәйре, кире, кирсе, киргесе* – лит. *башҡа* ‘кроме’: *Миннән ғәйри, миннән киргесе* ‘кроме меня’, сравнительный послелог *күбек/күк – Әтәң күбек эшләргә кәрәк* ‘Надо работать как отец’, *кесерткән турғайы күк* ‘с воробья-конопляника’ [Миржанова, 2006, 60–62].

По составу междометия караидельского говора связаны с говорами восточного диалекта и демским говором южного диалекта, особенно слова, используемые для зова и отгона домашних животных. Например, зов коровы и теленка – *тпрәй-тпрәй!*, отгон – *пругә*! Зов гусей – *лил-лил-лил!* Отгон – дөгә-дөгә! и т.п.

Все прочие диалектные различия в области морфологии, составляющие основную их часть, касаются внешней стороны грамматических форм и сводятся к различиям в наборе, распределении и фонемном составе словоизменительных аффиксов, различиям в чередованиях фонем в составе основы и аффиксов. На фоне общности диалектных морфологических систем указанные различия имеют частный характер и не препятствуют взаимопониманию при общении носителей любых говоров башкирского языка, даже территориально удалённых друг от друга.

Литература

Башҡорт теленең төньяҡ-көнбайыш диалекты. 1954 йылғы диалектологик экспедиция отчеты. Өфө: Ғилем, 2008. 372 б.
Бускунбаева Л.А. Закономерности речевой экономии и их отражение в башкирском языке. Уфа: Гилем, 2008. 140 с.
Диалектологический атлас башкирского языка. Уфа: Гилем, 2005. 234 с., 169 карт.
Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка: Формирование и современное состояние. Уфа: Китап, 1991. 296 с.
Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (2-е издание, стереотипное). Уфа, 2006. 296 с.
Хисамитдинова Ф.Г. Избранные труды. В 7-ми томах. Том I. Фонетика. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. 380 с.

© Валиева М. Р., 2022

УДК *811.1/.8*

Васильева О. В., Россия, г. Санкт-Петербург
СПбГУ, филологический ф-т, к.ф.н., доцент

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ В ПСКОВСКОМ ОБЛАСТНОМ СЛОВАРЕ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ

В ЛГУ – СПбГУ более полувека издается Псковский областной словарь – единственный диалектный словарь полного типа целой области. В 28 выпусках описаны десятки тысяч слов, большинство значений богато иллюстрированы цитатами. Примеры из Словаря детально знакомят читателей с жизнью и бытом псковских крестьян. Здесь есть описания реалий деревенской жизни (предметов одежды, орудий крестьянского труда), а также высказывания информантов на разные темы (о жизни, семье, работе, отдыхе, воспитании детей и т. д.). Представлена очень древняя лексика, а наряду с ней – новая. Производные значения многозначных слов, а также диалектная фразеология ярко отражают народное мировосприятие.

Ключевые слова: Псковский областной словарь, диалектная лексика, диалектная фразеология, этнолингвистические сведения, языковая картина мира.

Vasilyeva O. V., Russia, St. Petersburg
St. Petersburg State University, Associate Professor

ETHNOLINGUISTIC INFORMATION IN THE PSKOV REGIONAL DICTIONARY WITH HISTORICAL DATA

For more than half a century, Leningrad State University – St. Petersburg State University has been publishing the Pskov Regional Dictionary – the only full-type dialect dictionary of the entire region. Tens of thousands of words are described in 28 issues, most of the meanings are richly illustrated with quotations. Examples from the Dictionary acquaint readers in detail with the life and way of life of the Pskov peasants. There are descriptions of the realities of village life (clothes, tools of peasant labor), as well as statements of informants on various topics (about life, family, work, leisure, raising children, etc.). Very ancient vocabulary is presented, and along with it a new one. The derivative meanings of polysemantic words, as well as dialectal phraseology, clearly reflect the people's worldview.

Keywords: *Pskov Regional Dictionary, dialect vocabulary, dialect phraseology, ethnolinguistic information, linguistic picture of the world.*

С 1967 года в Ленинградском – Санкт-Петербургском университете издается Псковский областной словарь с историческими данными [ПОС]. К 2020 году было опубликовано 28 выпусков, в которых разработаны десятки тысяч словарных статей, написанных научными сотрудниками ЛГУ – СПбГУ и Псковского педагогического института – университета. За прошедшие 55 лет ПОС приобрел широкую известность в кругах диалектологов как России, так и зарубежья, поскольку продолжает оставаться уникальным лексикографическим трудом – единственным словарем полного типа целой группы говоров. Диалектные словари XIX – первой половины XX века описывали в первую очередь региональную лексику, неизвестную носителям русского литературного языка. Профессор Б. А. Ларин, несмотря на господствовавшую тогда теорию и практику описания лексики говоров, разработал концепцию создания диалектного словаря полного типа, справедливо утверждая, что только в полном диалектном словаре могут быть отражены все возможные системные связи лексики. И полвека существования ПОС полностью подтвердили убеждение ученого. На материале ПОС и его картотек написаны сотни научных статей, защищены многие десятки кандидатских и докторских диссертаций, в которых описываются самые разные явления, представленные в псковских говорах. Но все исследования имеют общую очень важную составляющую – неразрывность общерусского и диалектного, которая является сутью любой диалектной системы.

В Межкафедральном словарном кабинете филологического факультета СПбГУ, основанном Б. А. Лариным и носящем его имя, хранится не только ленинградско-петербургская часть картотеки ПОС, включающая к настоящему времени уже порядка двух миллионов карточек, но и архив экспедиционных тетрадей. В учетном журнале экспедиций значится, что первая диалектологическая экспедиция в Псковскую область состоялась летом 1945 года. И с 1945 по 2019 год каждое лето студенты-филологи ЛГУ – СПбГУ выезжали на практику в разные районы Псковской области. Однако из автобиографии профессора Б. А. Ларина мы узнаем, что он ездил со студентами и аспирантами в диалектологические экспедиции, уже начиная с 1924 года [Ларин, 2003, 755]. Ученик Б. А. Ларина, А. И. Корнев, составил список экспедиций Ларина, из которого следует, что в 1926 и 1927 годах он работал в деревнях Псковской области [Корнев, 2003, 84]. Следовательно, уже тогда Б. А. Ларин прислушивался к интереснейшим в научном плане псковским говорам – переходным не только между севернорусским и южнорусским наречиями (поскольку это среднерусская полоса), но и между русским языком и белорусским, а также русским и эстонским, русским и латвийским (поскольку это земли западного русского рубежа, который Псков и его жители стойко защищали на протяжении более чем тысячи лет).

Диалектологические экспедиции, конечно, в первую очередь нацелены на сбор качественного языкового материала, отражающего все особенности говоров (фонетики, грамматики, лексики). Но вместе с тем ни фонетика, ни грамматика не существуют сами по себе, а выступают в говорах рельефным обрамлением для слов. А за словами стоят не только те или иные понятия, но и мысли крестьян, и жизнь этих людей, и все особенности деревенского быта, крестьянского образа жизни. И если о мыслях можно узнать только читая контексты, то ко многим деревенским реалиям в тетрадях и картотеке ПОС имеются очень хорошие иллюстрации. Уже самые первые тетради сопровождались ри-

сунками, на которых изображено то, о чем рассказывали информанты. Причем это могут быть как зарисовки ручкой непосредственно на страницах тетрадей, так и оформленные на отдельных листах картинки, выполненные в цвете. В последующие годы появляются фотографии, приложенные к тетрадям. И в картотеке есть немало карточек, на которых, помимо текста, представлены рисунки – ткацкого станка и саней, избы и русской печки, лаптей и поршней, косы-литовки и маслобойки, типов соединения бревен в срубе и видов полевых цветов. Цветы, кстати, иногда существуют и как листы гербария, вот только нежные растения не столь хорошо сохраняются на протяжении десятилетий, и как рисунки. Очень жаль, что зарисовки собирателей остаются за рамками Псковского словаря, не попадают на его страницы, как это сделано в более поздних по времени публикациях, например, в Словаре русских говоров Забайкалья, где иллюстративный материал дается в приложении [Элиасов], или в Словаре говоров уральских казаков, где иллюстрации помещены уже непосредственно в текст [Малеча]. Только отдельные зарисовки, выполненные собирателями материалов ПОС, опубликованы в пособии по диалектологической практике [Практика, 2003, 41–55]. Однако все существующие выпуски ПОС являют собой богатейшую коллекцию текстовых иллюстраций. Читая словарь с самого первого выпуска, мы узнаем, например, что любимую девушку жители Псковщины называют *беля́нкой* вне зависимости от цвета ее волос или кожи: *Беля́нка – э́та кагда́ па́рень гуля́ет з де́вушкай, хать бе́линькая, хать кака́я – мая́ бля́нка* [ПОС, вып. 1, 170]. Следовательно, прилагательное *белый* обладает общей мелиоративной оценочностью. Что выходить на люди неумытым зазорно: *Хо́дя па дяре́вни гря́зная, и бясты́жыцца* (где *бесстыжиться* – позорить себя) [ПОС, вып. 1, 194]. Что *у ка́ждава свой нрав* [ПОС, вып. 22, 8]. Что крестьяне плохо относятся к раннему замужеству: *У нас э́та бешче́стье, кагда́ ра́на иду́т за́муш* [ПОС, вып. 1, 196]. *Паблажы́ти, пака́ есть вазмо́жна – ни тарапи́тися за́муш* [ПОС, вып. 27, 140]. Что *тяпе́рь жы́зня пъакура́тнила* [ПОС, вып. 27, 110]. *Болотом* жители Псковщины называют захолустье: *Мы шшята́ем бало́там э́та ме́ста: да фсяво́ далеко́* [ПОС, вып. 2, 89]. А *вавилоном* – изгиб, извилину: *Ряка́-та фсё таки́м вавило́нам, крюка́м таки́м, вавило́н в ряки́ кала Си́нскава. Быва́ют лягу́шки ду́тыи, пире́гнутыи вавило́нам* [ПОС, вып. 3, 15]. Что каркают на Псковщине не только вороны и галки, но также и утки, и гуси, и лягушки [ПОС, вып. 13, 501], а квакают не только лягушки, но и куры [ПОС, вып. 14, 73]. Возраст человека могут исчислять зимами: *Чаты́рнацати зим вы́ехала на азеро́* [ПОС, вып. 13, 18]. Лексема *змей*, нейтрально обозначающая самца змеи, в переносных значениях употребляется по отношению к человеку не только резко пейоративно (‘о злом, коварном, подлом человеке’), но и, наоборот, мелиоративно (‘об умном, ловком и хитром человеке’) [ПОС, вып. 13, 49–50]. А слово *облик*, имеющее в литературном языке значение ‘внешний вид, наружность’, в псковских говорах гораздо более конкретно – это лицо: *Ана́ де́фка красата́, да о́блик ря́бинькай нямно́га* [ПОС, вып. 22, 203]. Очень важный для жизни крестьян глагол *пахать* имеет не только значение ‘обрабатывать землю плугом или сохой’, но и производные, расширительные ‘выращивать какую-н. сельскохозяйственную культуру’: *Гре́чу паха́ли, а пшэни́цу здесь не па́шут, не ради́ца*, ‘сеять’: *Брю́кву са́дють, а кле́вир па́шуть, што́бы рос*, ‘сажать’: *Леса́ у нас па́шуть, растя́ть усё* [ПОС, вып. 25, 173]. В последнем из вышедших выпусков читаем, что *пожи́нки* – это и окончание жатвы, и последний убираемый с поля сноп, и праздник по поводу завершения жатвы, что есть особая *пожи́нная пе́сня* и *пожи́нная ка́ша* [ПОС, вып. 28, 436–437].

В псковских говорах представлено много древней лексики, утраченной русским литературным языком. Например, существительное *ва́га*, в историческом словаре датируемое, начиная с XV века [Сл. РЯ XI–XVII вв., вып. 2, 9], хотя и не сохранило свое основное древнейшее значение ‘вес’, но активно употребляется во многих производных: ‘большие весы’, ‘жердь, служащая рычагом при поднятии тяжестей’, ‘жердь для закрепления сена, соломы на возу’, ‘часть пресса для выжимания масла’ и др. [ПОС, вып. 3, 15–16]. Дериваты этой лексемы также развивают значение этимона: *ваганка* – это большая связка льна, *ва́женье* – взвешивание, а *ва́жня* – помещение с большими весами, наречие *ва́гой* – дружно, вместе, глагол *ва́жить* – ‘иметь какой-либо вес’, ‘определять вес, взвешивать’, а также переносное ‘значить, быть существенным’ (*Галава́ фсё ва́жыт для жы́зни: фсе жы́лки в галаву́ иду́т. Мно́га адёжа ва́жыт: наряди́ пень ф кра́сный день – и то харо́ш* [ПОС, вып. 3, 17], *ва́житься* – взвешиваться и др. Существительное *зга*, представленное в литературном языке исключительно в качестве неясного компонента фразеологизма *ни зги не видно*, в псковских говорах в середине XX века еще свободно употреблялось: *Праде́нь по́ват че́риз згу и привяжы́ к гужу́* [ПОС, вып. 12, 297]. Слово *земля* сохраняет древнее значение ‘поле, фон, по которому сделан рисунок’: *Плато́к – кари́чневая земля́, па края́м по́ласы* [ПОС, вып. 12, 323], как и прилагательное *нужный* – значение ‘бедный, живущий в нищете’: *Таки́е фсе ну́жные бы́ли* [ПОС, вып. 22, 15]. Имеется в псковских говорах слово *ныро́к* в значении ‘проныра’ [ПОС, вып. 22, 30], соответствующем этимону корня. Представлено древнейшее прилагательное *о́блый*, однако, в отличие от других диалектов [СРНГ, вып. 22, 114], сохранивших первичное значение ‘округлый’ [Сл. РЯ XI–XVII вв., вып. 12, 89], оно употребляется на Псковщине в значениях, близких к противоположному: ‘не располневший’, ‘худощавый’ [ПОС, вып. 22, 223]. Широко представлено в псковских говорах (как и в других – см. СРНГ, вып. 25, 285) слово *пах* ‘запах’, отраженное в исторических словарях с XVI [Сл. РЯ XI–XVII вв., вып. 14, 175] по XVIII век [СРЯ XVIII в., вып. 18, 246]: *Па фсей Ло́кни пах э́тат идёть ат на́шыва пяче́нья* [ПОС, вып. 25, 169].

Примечательно, что в псковских говорах, как и во многих других [СРНГ, вып. 21, 307–308], имеются лексемы с корнем *нрав-* и семантикой расположения, симпатии (*нрав* и *нра́ва* ‘влечение, симпатия к людям противоположного пола’, *нра́вно* ‘о чувстве удовлетворения, удовольствия’, *нра́вный* ‘вызывающий / испытывающий влечение / приятный, доставляющий удовольствие’) [ПОС,

вып. 22, 9–10], что в современном литературном языке выражено только глаголом *нравиться*, хотя в языке XVIII века было представлено также отмеченными безличным предикативом *нравно* и прилагательным *нравный* [СРЯ XVIII в., вып. 15, 191].

Исконная русская лексика в псковских говорах может обладать энантиосемией, не свойственной русскому литературному языку. Например, существительное *верх* [ПОС, вып. 3, 100–101], помимо общерусских значений ‘верхняя часть чего-л.’ и ‘высшие, руководящие круги’ [СРЯ, т. 1, 153], имеет диалектные ‘верхний этаж дома’, ‘одежда, в отличие от белья’, ‘холст из грубой льняной пряжи’, ‘право и возможность распоряжаться’, а также ‘глубокое место в реке’, входящее в антонимическое соответствие с первым значением: *Глубо́кая ме́ста называ́лася верх ряки́.* Аналогичным образом у прилагательного *глубо́кий* в псковских говорах имеется среди прочих значение ‘высокий, крутой’: *Ам-ме́листыи берега́ о́зера, а с кря́жу глубо́кие. У Чарсие́ (озере) глубо́кии бирягá* [ПОС, вып. 6, 185].

Вообще пространственная лексика в псковских говорах развивает интересные производные значения, отражающие народное мировосприятие. Например, наречие *глубоко* уже в третьем значении уходит от идеи глубины: ‘на далекое расстояние’ (это еще пространственное значение), но 4-е значение – это уже переход на временну́ю шкалу: ‘далеко по времени’ (*Яшшо́ глубо́ка до дисяти-та*) с оттенком ‘давно’ (*То́жа ш как ю́пка, а называ́лась кли́нник, в жы́зни глы́пшэ бы́ла*), а 5-е значение характеризует степень проработки чего-л. – ‘основательно, серьезно’ (*Глыбо́ка вы́учифшысь, так яво́ и в Масквý пасла́ли*) [ПОС, вып. 6, 186]. В семантике наречия *далеко* идеи пространства и времени также пересекаются в диалектах: *А часы́ пода́льшэ маи́, што ль?* (о часах, которые спешат), у этого слова есть даже значение ‘долго’: *Далёка ждать (автобус). Ко́жый падабью́т (лапти), штоб да́льшы наси́ть. Жа́рена (рыба) лу́тьша, да́льшы не по́ртица.* и значение ‘давно’: *Никала́й Алекса́ндравич далёка зна́е, што ана́ бизуро́нная.* с оттенком ‘в более раннее время’: *Штоп я пада́льшы, пара́ньшы ради́фшы!* [ПОС, вып. 8, 119–120]. Наречие *здесь* имеет не только значение ‘тут’, но и значение ‘в это время’ [ПОС, вып. 12, 299].

В псковских говорах представлен ряд диалектных лексем, утверждающих наличие чего-либо или кого-либо: *е́когда, е́коли* (о наличии времени), *е́кого* (о наличии кого или чего-л.), *е́куда* (о наличии места) [ПОС, вып. 10, 122–123], антонимичных литературным словам с приставкой *не-* и системно их дополняющих.

Очень показательны также в плане выражения этнолингвистических сведений устойчивые выражения. Так, название зерна – одного из важнейших источников питания – входит в устойчивое сочетание *зерно горячее*, используемое по отношению к самому близкому, дорогому человеку: *Сын – э́та жэ са́мае зерно́ гаря́чее* [ПОС, вып. 13, 12]. А общерусская метафора *тёмный* ‘непросвещенный, необразованный’ [СРЯ, т. 4, 35] раскрывается в образном сочетании *тёмная ночь: Я бы́дта учи́лась? Я тёмная ночь* [ПОС, вып. 22, 6]. Про изворотливого человека говорят, что его *в сту́пе песто́м не пойма́ть* [ПОС, вып. 26, 71], а про человека, много испытавшего в жизни, – что он *со всех пе́чек хле́ба поку́шал* [ПОС, вып. 26, 121]. Лексема *пе́чка*, обозначающая важнейшую реалию крестьянской жизни, входит и в состав многих других псковских фразеологизмов: *как в пе́чку* ‘безрезультатно, без толку’, *бес на пе́чку не ски́нет* ‘очень много’, *и на пе́чке уха́б* ‘везде плохо, неудобно’, *на пе́чку босико́м сла́зить* ‘простудиться в теплую погоду’, *пе́чку ребя́т нажи́ть* ‘обзавестись большим количеством детей’ [ПОС, вып. 26, 121] и т. д. Глаголу *загорать* синонимичен псковский фразеологизм *со́лнышко пить* [ПОС, вып. 26, 196]; выражение *по люда́м пла́вать* имеет значение ‘жить, переходя с места на место’ [ПОС, вып. 26, 210].

Таким образом, совершенно очевидно, что диалектный словарь с богатыми текстовыми иллюстрациями, каким является ПОС, содержит в себе огромный объем не только лингвистических, но и этнолингвистических сведений.

Литература

Корнев А. И. Б. А. Ларин и русская диалектология // Диалектологическая практика. Учебное пособие для студентов русского отделения филологических факультетов. СПб., 2003. С. 74–86.
Ларин Б. А. Филологическое наследие. СПб., 2003. 948 с.
Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4 т. Оренбург, 2002.
ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л., 1967. Вып. 28. СПб., 2020. Издание продолжается.
Практика – Диалектологическая практика. Учебное пособие для студентов русского отделения филологических факультетов. СПб., 2003. 228 с.
Сл. РЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975. Вып. 30. М.-СПб., 2015. Издание продолжается.
СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1. М.-Л., 1965 Вып. 52. СПб., 2021. Издание продолжается.
СРЯ – Словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999.
СРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1. Л., 1984 Вып. 22. СПб., 2019. Издание продолжается.
Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья / под ред. Ф. П. Филина. М., 1980. 472 с.

© Васильева О. В., 2022

УДК *82-1*

Велизаде Н., Азербайджан, г. Баку
Национальная академия наук Азербайджана, н.с.

АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ МИКАИЛА МУШФИГА «ПОЙ, ТАР»

Язык поэзии Микаила Мушфига беглый, лаконичный и стилистически понятный. Его поэзия окружена описаниями любви и природных красот. Мы наблюдаем это при анализе его стихов. Поэт воспел все красоты. При лингвистическом анализе стихотворения «Пой, тар» можно заметить, что «тар» – это не просто музыкальный инструмент. Этим стихотворением поэт озвучил людям послание, призывая их быть сильнее и решительнее. Несмотря на то, что это всего лишь инструмент, «тар» вызывал величие, стойкость и уверенность. С тех пор строки из стихотворения "Пой, тар!... Пой, тар!... Кто тебя забудет!" звучат в народе как лозунг.

Ключевые слова: *творчество, лингвистический анализ, структура стихотворения.*

Valizadeh N., Azerbaijan, Baku
Azerbaijan National Academy of Sciences, Research Scientist

ANALYSIS OF MIKAIL MUSHFIG'S POEM "READ, TAR"

The language of Mikail Mushfig's poetry is fluent, concise and stylistically understandable. His poetry is surrounded by descriptions of love and natural beauties. We witness this during the analysis of his poems. The poet praised all the beauties. In the linguistic analysis of the poem "Read, tar", "Tar" is not just a simple musical instrument. With this poem, the poet sent a message to the people, urging them to be stronger and more determined. Despite being a tool, "Tar" evoked greatness, resistance and confidence. Now "Read, tar! ... Read, tar! ... Who will forget you!" his verses circulated among the people like a slogan.

Keywords: *creativity, linguistic analysis, structure of poetry.*

MIKAYIL MÜŞFIQIN “ OXU, TAR” ŞEIRININ TƏHLILI

Bədii mətnin linqvistik təhlili dedikdə nə başa düşülür?

Professor A. Qurbanov linqvistik təhlil dedikdə, müxtəlif mövzuya və sahəyə aid olmasına baxmayaraq, hər hansı mətnin dilçilik cəhətdən araşdırılması və təhlilin nəticəsi olaraq ümumi nəticələr cıxarılması kimi məsələləri nəzərdə tutur [Qurbanov, 2019, 44].

30-cu illərin əvvəllərində milli mənəvi dəyərlərimizə, adət -ənənələrimizə, xalq musiqimizə və alətlərinə qarşı olan qərəzli, “proletkult” münasibət bütün vətənpərvər ziyalıları, şair və yazıçıları dərindən narahat edirdi. Məhz belə bir zamanda əsl xalq şairi olan Mikayıl Müşfiqin kəskin etirazının ifadəsi olan “Oxu, tar” şeiri yarandı və yarandığı gündən musiqimizə, ənənələrimizə qarşı çıxanlara ümumxalq etirazının simvoluna çevrildi. İllər keçsə də, repressiya qurbanı olmuş nakam Mikayıl Müşfiqin bu şeiri öz populyarlığını, sanbalını, əzəmətini itirməmiş, əbədiyaşarlıq qazanmışdır. “Oxu, tar” şeirindəki hər bir söz, hər bir ifadə musiqimizə, xalq çalğı alətlərimizə , ənənələrimizə qarşı çıxanlara kəskin etirazın bədii ifadəsi idi.

Bəzi araşdırmalarımda şeirin adının “Oxu, tar”, bəzilərində isə “Tar” olaraq qeyd olunduğunun şahidi oldum. Məsələn, Mikayıl Müşfiqin “Bütün seçilmiş əsərləri” kitabında, Gülhüseyn Hüseynoğlunun “Mikayıl Müşfiq, Seçilmiş əsərləri” kitabında şeirin adı “Tar” şəklində öz əksini tapmışdır.

Milli musiqi alətlərimizdən olan tarın konservatoriyada tədris olunması qadağan ediləndə, “İnqilab və mədəniyyət” jurnalı özünün 1929-cu il ıkinci nömrəsindəki “Tar konservatoriyadan çıxarıldı” sərlövhəli xəbərində: “Azərbaycan Dövlət Konservatoriyasını qüvvətləndirmək məqsədilə AXMK bir çox qərar qəbul etmişdir. Bu qərarlara görə məcburi dərs kursu olan tarın öyrənilməsi konservatoriyanın bütün dərəcələrində tədris planlarından götürülür və konservatoriya yanında olan Şərq orkestrosu ləğv olunur” yazanda Müşfiq sinəsini qabağa verdi: məşhur “Tar” şerini xalqına bəxş elədi, tarın şöhrətini bir az da qaldırdı:

Oxu, tar, oxu, tar!..
Səsindən ən lətif şeirlər dinləyim.
Oxu, tar, bir qadar...
Nəğməni su kimi alışan ruhuma çiləyim.
Oxu, tar!
Səni kim unutar?
Ey geniş kütləmin acısı, şərbəti –
Alovlu sənəti [Hüseynoğlu, 2004, 6].

Bu şeirdə “Tar” yalnız musiqi aləti kimi sadə mahiyyət daşımır. Şair bu şeiri ilə xalqa mesaj göndərir, onu daha güclü , qətiyyətli olmağa çağırırdı. Alət olmasına baxmayaraq “Tar” əzəmət, dirənc, inam doğururdu. Artıq “*Oxu, tar!... Oxu, tar!... Səni kim unudar!”* misraları xalq arasında dildən dilə bir şüar kimi dolaşırdı. *“Səni kim unudar?”* sualı ilə lakonik və elastik şəkildə həmin məsələyə bir başa münasibət bildirilir.

Araşdırmalarımdan belə bir nəticəyə gəlmək olar ki, ki, şair "tar" və digər musiqi alətlərini yalnız bu şeirində deyil, bir çox başqa şeirlərində də böyük sevgi və məhəbbətlə tərənnüm etmişdir ("Üç sağlıq", "Tərtərhes nəğmələri", "Ustamıza!"). Məsələn, " Tərtərhes nəğmələri" şeirində şair yazır:

Budur, gəldi gül mevsimi
Tarçı, köklə sarı simi,
Bir şey çal ellər eşqinə!

" Üç sağlıq" şeirində də tar bir musiqi aləti kimi məhəbbətlə vəsf olunur:

Çalan kim, oxuyan kim, qarışmış ara,
Qonaqlar bir ağızla söz vermiş *tara*.
Tar da sarı simindən nəysə deyirdi…[Müşfiq, 2019, 201].

Müşfiq böyük bir vətənpərvər, döyüşçü ruhu olan, gələcəyə böyük inamla baxan güclü, cəsarətli, uzaqgörən bir şair idi. Bu cəsarəti, gələcəyə sonsuz inamı hər zaman onun şeirlərində duymaq olurdu. Lakin bununla yanaşı sevgi, eşq, mərhəmət, təbiət aşiqi olan şair bütün gözəllikləri, insani keyfiyyətləri özünəməxsus üslub tərzi ilə qələmə alırdı.

Şairin əsərlərində "tarçı" sözü daha çox diqqəti cəlb edir.

"Tarçı" sözü ürəyə və qulağa yatan ifadə təsiri bağışlayır. Azərbaycan dilində *"tarzən"* sözünün işlənmə tezliyi yüksək olsa da, fikrimizcə, *"tarçı"* daha milli və doğmadır. Bu baxımdan, *"mədənçi", "dastançı"* kimi sözlər M. Müşfiqin bir şair kimi əsərlərində milliliyə yüksək münasibətini, sadə xalq dilinə meyilli olmasını göstərir. O, alınma sözlərlə də milli şəkilçilər birləşdirməklə dilimizin imkanlarını daha da genişləndirməyə çalışmışdır. Məsələn, şair əsərlərində *"ziyankar"* əvəzinə *"ziyançı"* sözündən istifadə etmişdir.

Ümumiyyətlə, M.Müşfiqin əsərlərinin dili çağdaşlarının dili ilə müqayisədə xeyli təmiz dildir:

Ax, ey havalı sözlər, səsli –sədalı sözlər,
Hər sapı mirvaridən ağır, bahalı sözlər [Həsənova, 2008, 29].

"Oxu, tar" və eləcə də "Zəfər səsləri", Gecə çeşməsi" şeirlərini tam heca vəznində yazılmış şeirlər kimi götürmək olmur. "Oxu, tar" şeiri 3-3 //3-3-3-3-3//3-3//3-3-3-3-3 // 3//3-3//3-3-3-3-3... v.s təqtiləri şəklində izah oluna bilər. Şeirlər heca vəzninin hər ritm vahidi üç təqtidən ibarət formasında olsalar da, tam heca deyillər, zahiri görünüşünə, misralarda hecaların qeyri –bərabərliyinə görə bu şeirlər sərbəstə oxşasalar da, sərbəst də deyillər. Bəs onda bu şeirlər hansı vəzndə yazılmışdır? Bu, Müşfiq icadıdır, heca ilə sərbəsti yaxınlaşdıran bir vəzndir. Müşfiq vəznidir və bu vəznin poeziya tariximizdə yeganə nümunələrini Müşfiq yaratmışdır. Ona qədər nə heca vəznində, nə də sərbəstdə yazılan əsərlər arasında belə nümunələrə təsadüf olunmamışdır [Hüseynoğlu, 2004, 11].

Qeyd etməliyəm ki, şair poeziyasında Azərbaycan və Türkiyə türkcəsini paralel şəkildə istifadə etmişdir. Şeirlərini linqvistik cəhətdən təhlil etdikdə "taze", "əvət", "həp", "iştə", "soqaq", "səfalet", "kilit", "yeşil", "laciverd", "öylə", "çarşaf", "çocuq", "dün", "şimdi", "çıplaq", "həpsi", "müsaidə", "pənbə", "səksən", "yavru", "böylə", "siyah", "onay", "çəlik", "sitəm" və s. türk sözlərinə rast gəlirik.

Müşfiqin "Oxu, tar" şeiri məhz milli musiqi alətlərini böyük cəsarətlə ön plana gətirdiyi gözəl sənət incilərindəndir. Onun söz dünyası rəngarəng, gözəlliklərlə doludur. Müşfiq tam olaraq təbiət və sevgi şairi, ən kiçik detalına kimi təbiəti vəsf edib onun canlı tablosunu yaratmaq iqtidarına malik bir istedad idi.

Ədəbiyyat

Afad Qurbanov. Bədii mətnin linqvistik təhlili. Bakı, 2019. 552 s.
Hüseynoğlu G. Mikayıl Müşfiq, Seçilmiş əsərləri, Bakı: Şərq–Qərb, 2004, 352 s.
Mikayıl Müşfiq. Bütün əsərləri. Bakı: Qanun, 2019. 800 s.
Sədaqət Həsənova. Mikayıl Müşfiq və ədəbi dilimiz // Azərbaycan. 2008. № 1, 2008. 28–30 s.

© Велизаде Н., 2022

УДК *811.581*

Воропаев Н. Н., Россия, г. Москва
Институт языкознания РАН, н.с.

ДИАЛЕКТЫ КИТАЯ: АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА

В данной работе автор рассматривает специфическую языковую ситуацию, которая существует в Китае. При наличии зрелого и сильного стандартного языка межнационального и междиалектного общения путунхуа, которым в разной степени владеют уже 80,72% населения КНР, активно используется множество так называемых диалектов, которые правильнее называть региональными языками, так как их носители не понимают друг друга на слух. Объединяющей же всех китайцев культурной основой являются иероглифическая письменность и тексты: иероглифы для всех означают одно и то же, и только читаются/озвучиваются в разных регионах по-разному. Также эффективно объединяет китайскую нацию официальный стандартный язык путунхуа. В результате большое количество китайцев являются билингвами, то есть носителями домашнего регионального языка и языка межнационального и междиалектного общения путунхуа. Благодаря этим региональным языкам и национальным языкам народов КНР формируется и сохраняется разнообразие картин мира и обеспечивается преемственность региональных культур Китая.

Ключевые слова: *Китай, китайский язык, китайские диалекты, путунхуа, китайские иероглифы, региональные языки Китая.*

Voropaev N. N., Russia, Moscow
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Researcher

DIALECTS OF CHINA: ASPECTS OF CULTURE AND SOCIETY

In this paper, the author examines the specific language situation that exists in China. In the presence of a mature and strong standard language of interethnic and interdialect communication Putonghua, which is already known to varying degrees by 80.72% of the population of the PRC, many so-called dialects are actively used, which are more correctly called regional languages, since their speakers do not understand each other by ear. The cultural basis that unites all Chinese is hieroglyphic writing and texts: characters mean the same thing for everyone, and they are only read/voiced differently in different regions. Also the official standard language Putonghua is effectively uniting the Chinese nation. As a result, a large number of Chinese are bilingual, that is, they speak their home regional language and the language of interethnic and interdialect communication Putonghua. Thanks to these regional languages and the national languages of the peoples of the PRC, a diversity of worldviews is formed and preserved and the continuity of China's regional cultures is ensured.

Keywords: *China, Chinese language, Chinese dialects, Putonghua, Chinese characters, regional languages of China.*

Обычно в различных научных трудах выделяют от семи до десяти диалектных групп Китая. Если же за критерий взять географический фактор и различия между диалектами по максимуму, то можно выделить лишь три большие диалектные зоны, а именно: бассейн реки Хуанхэ, бассейн реки Янцзы, бассейн реки Чжуцзян.

В древние времена китайцы называли реку Янцзы “Небесной преградой” (天堑 tiān qiàn ‘труднопреодолимый рубеж, непреодолимое препятствие’). Ведь в те времена, когда ещё не были изобретены надлежащие водные средства транспорта, люди не могли даже и думать о том, чтобы пересечь Янцзы. Поэтому те, кто жил на одном берегу реки, не могли общаться с теми, которые жили на другом. В то же время, расположенная севернее река Хуанхэ зимой замерзала, и в период зимнего льда люди, жившие на разных берегах реки, могли пересекать Хуанхэ и вступать в коммуникации. Таким образом, в лингвистическом плане сложилась ситуация, при которой в бассейне реки Хуанхэ и в районах к северу от реки Янцзы образовался регион северных диалектов, когда как в районах к югу от реки Янцзы и в бассейне реки Чжуцзян сложился регион южных диалектов.

Культурные и диалектные различия юга и севера в большой мере обусловлены непохожестью менталитетов, разницей в укладе жизни, антропологическими особенностями и климатическими условиями. Вот, например, как жители этих двух оппозиционных регионов Китая взаимно характеризуют друг друга: южане считают северян прямодушными, открытыми, грубоватыми. Южане, напротив, в глазах северян выглядят деликатными, церемонными, умеренными, покладистыми. Манера говорить также получает взаимные характеристики: северяне называют южан лентяями из-за того, что они, мол, ленятся лишний раз пошевелить языком. А дело в том, что южане говорят очень мягко, мягким нежным голосом (тембр), у них много фрикативных (щелевых) согласных, при артикуляции звуков язык малоподвижен. Северяне же, напротив, все звуки выговаривают чётко, все конечные звуки реализуют до конца, у них много церебральных согласных, они заметно говорят в нос. Поэтому южане, в свою очередь, называют северян большеязыкими, что они, мол, говорят, как из пушки стреляют.

В Китае даже существуют юмористические прозвища диалектов разных регионов. Обычно в основе таких прозвищ лежит особое явление или название предмета, присущего только ареалу данного диалекта. Например, говор жителей Северо-Восточного Китая (Дунбэй) называют “кукурузный привкус” (包米渣子味), очевидно потому, что кукуруза там является очень популярной культурой. Пекинский диалект имеет прозвище «столичный рот или пекинский говор» (京片嘴 или 京片子). Здесь, скорее всего, имеется в виду особенность речи пекинцев: они говорят очень быстро, у них скользящая интонация. Диалект провинции Хэбэй называют «деревенский дух» (老坦儿味), видимо, так характеризовали людей, переехавших из деревни в город (эта провинция недалеко от

Пекина). Диалект провинции Шаньдун имеет прозвище «аромат жареных лепёшек» (煎饼味), очевидно, из-за пристрастия шаньдунцев к выпечке разного рода мучных изделий. Диалект провинции Шаньси имеет прозвище «запах выдержанного коричневого уксуса» (老陈醋味) из-за того, что в Шаньси производят марку этого известного рисового уксуса (山西陈醋). Диалекты юго-восточных провинций Цзянсу и Чжэцзян имеют два прозвища: первое – «уский акцент – что ласковые речи» (подчёркивает милозвучие диалектов жителей территорий исторического царства У) (吴侬软语) (уский – от «группа диалектов У» 吴语 wú yǔ), второе же прозвище «пение птиц/птичье чириканье» (鸟叫) – оно не очень-то уважительное и лишний раз показывает, что для северян южные диалекты совершенно чужды. Для диалекта южной провинции Гуандун (кантонский диалект) никакого нейтрального прозвища нет, его просто так и зовут «птичий язык/щебетание птиц» (鸟语), потому что для северян этот диалект как иностранный язык, они его совершенно не понимают.

Но объединяющим началом для всех китайцев являются иероглифы. Многие наверняка замечали, что на китайском телевидении передачи почти всегда сопровождаются субтитрами (иероглифами). Дело в том, что многие китайцы, которые привыкли говорить на своём местном наречии, на слух плохо воспринимают стандартный китайский язык путунхуа (или мандарин, как привыкли его называть в странах Запада). Поэтому для них даётся такая зрительная опора. И наоборот, иногда по телевизору говорит носитель диалекта (регионального языка) — уроженец диалектного региона с не очень чётким произношением звуков стандартного китайского языка путунхуа или вообще говорит фактически на своём местном наречии. Часто это передачи о культуре, местных региональных традициях и т. п. Тогда субтитры иероглифами помогают понять его всем остальным китайцам. Чтобы избежать в разговоре недоразумений из-за разного произношения звуков и слов китайцами из разных регионов, в Китае даже есть привычка прописывать иероглифы в воздухе или на ладони, а для цифр существует специальная система знаков, изображаемых пальцами. Такая жестовая система появилась в древности для того, чтобы не произносить цифры (стоимость товара) вслух на рынке во время торга. Сложенные особым образом фигуры из пальцев торгующиеся опознавали друг у друга на ощупь в пространствах рукавов халатов, и никто этого не видел. Делалось это для того, чтобы конкуренты и просто посторонние не могли узнать уровень обсуждаемых цен и повлиять на сделку.

Иероглифы являются мощным инструментом единения разных и далёких друг от друга географически и ментально регионов и жителей Китая. Особенно ярко это можно осознать при просмотре китайского «Голубого огонька», который ежегодно транслируют все провинции Китая накануне Праздника весны (китайского Нового года). Например, регион Большого залива (провинция Гуандун — Гонконг — Макао) (粤港澳大湾区) начал в 2020 году свой «Голубой огонёк» с песни 《万里长城永不倒》(«Великая Китайская стена будет стоять вечно») из сериала 《霍元甲》(Хо Юаньцзя [1869–1910] — знаменитый мастер ушу) в исполнении известного всем нам Джеки Чана (по-китайски его имя выглядит как 成龙 и значит «добиться успеха, преуспеть в жизни», букв. «стать драконом»), который пел на своём родном языке юэ (так называемый кантонский диалект). Этот диалект, или, правильнее, региональный язык, совершенно непонятен на слух остальным китайцам. Но внизу экрана крупными иероглифами давались слова песни. И именно данный факт нейтрализовал то не очень комфортное ощущение, что песня исполняется на непонятном языке. И это был не перевод песни. Это были слова песни, одни для всех китайцев, просто в разных частях страны иероглифы озвучивают и читают по-разному. Можно посмотреть это выступление по ссылке https://v.qq.com/x/page/v3057nmwm89.html или набрать в китайском поисковике www.baidu.com 广东卫视 2020 春晚成龙唱歌. Именно в такие моменты наиболее ясно осознаёшь, что иероглифы — это та культурная основа, которая объединяет всех китайцев и делает их единой нацией. Учитывая языковую ситуацию в Китае, при которой региональные языки (в китайской терминологии диалекты) являются активно действующими на больших территориях густонаселённых провинций и их носители не собираются от них отказываться, а также политику Китая по сохранению диалектов и языков национальных меньшинств, иероглифы всегда будут оставаться важнейшим фактором единения граждан и народов этой страны.

Учитывая степень отличия звучащей речи на диалектах от речи на стандартном языке путунхуа, полагаем, что некоторые китайские диалекты правильнее называть региональными языками. Даже сам китайский термин «диалекты» (方言), если точнее перевести его на русский язык, означает «местные наречия». Так вот, необходимо знать, что эта страна давно позаботилась о едином языке нации на международной арене и проблема эта актуальна в основном только внутри Китая. Она заключается в том, что китайцы из одних регионов не понимают, что говорят китайцы между собой на своём местном языке (диалекте) в других регионах.

Губернаторы южных провинций на приёме у императора говорили на своих языках, и он их не понимал, использовали переводчиков. На протяжении веков предпринимались разные меры по стандартизации китайского языка. А само активное государственное строительство единого общенационального языка (сначала он обозначался термином гуаньхуа 官话 guānhuà, потом гоюй 国语 guóyǔ, позже путунхуа 普通话 pǔtōnghuà) в Китае началось более ста лет назад (в 1907 году). Сейчас все госслужащие сдают экзамен по путунхуа. Подавляющее большинство китайцев, ходивших в школу и младше 70 лет, говорят и понимают общенациональный язык путунхуа.

На международном же уровне этой проблемы нет. Вероятность того, что глава или член

китайской делегации за пределами Китая на официальной встрече с иностранцами заговорит на своём родном региональном языке (диалекте), очень невелика. За всё время работы с китайским языком (а это уже 25 лет) нам известно лишь об одном таком случае. И в этом случае был использован метод двойного перевода, то есть понимающие носителя регионального языка (диалекта) коллеги перевели его речь на стандартный китайский язык, и уже затем мы перевели её на русский язык. Эта проблема связана только с китайцами старшего поколения, и такие случаи большая редкость. Хотя необходимо всё же помнить, что китайцы, выходцы из некоторых регионов Китая, не способны артикулировать правильно и чётко некоторые звуки стандартного китайского языка путунхуа. Поначалу это иногда может сбить с толку, но касается ограниченного числа звуков, и, вовремя сориентировавшись по контексту, всё можно понять. Здесь опять же необходим некоторый опыт восприятия речи таких людей.

В Китае все социализированные жители КНР обучены и владеют общепонятным китайским языком путунхуа. Действительно, кантонский диалект, или, правильнее сказать, региональный язык юэ (粤语 yuè yǔ) охватывает большой высокоразвитый экономически регион и крупные города Китая (Шэньчжэнь, Гонконг, Гуанчжоу), и, возможно, действительно какой-то авторитетный человек в преклонном возрасте не может говорить на стандартном языке путунхуа. Выход здесь в двойном переводе: язык юэ (кантонский диалект) ↔ путунхуа ↔ русский. Ведь найти переводчика, носителя русского языка со знанием какого-либо китайского регионального языка (диалекта), или китайца, выходца из данного региона, владеющего русским языком, в России весьма затруднительно. Точно так же, как и найти переводчика, владеющего определённым языком народов РФ в Китае.

Таким образом, можно сделать вывод, что какой-либо развитый и широко распространённый региональный язык (диалект) Китая при желании или необходимости следует учить как отдельный самостоятельный язык, точно так же, как и любой язык народов РФ, например, башкирский, бурятский, татарский, чеченский, якутский и т. п. В Китае сегодня многое делается для сохранения и развития региональных языков (диалектов) и национальных языков народов Китая, как и в России — национальных языков народов нашей страны. На этих языках ведутся телевизионные и радиопередачи. Сейчас в России появляются учебные пособия для изучения региональных языков (диалектов) Китая, например «Начальный курс разговорного шанхайского языка (центральный говор регионального языка у)» автора А. Н. Алексахина. Множество пособий и учебников по кантонскому диалекту (языку юэ) издаётся в странах Запада. Так что вопрос с диалектами для нас, иностранцев, изучающих стандартный язык путунхуа, на международном уровне общения с китайцами, да и в самом Китае, в настоящее время не является камнем преткновения. Точно так же, как и для китайцев, изучающих русский язык, языки народов РФ не являются проблемой и преградой для изучения и общения на русском языке на международных площадках и внутри России с любым гражданином России. Одним словом, не надо путать три разных понятия: 1) язык межнационального общения (русский в РФ и путунхуа в КНР); 2) национальные языки народов РФ и КНР; 3) диалекты Китая (региональные языки Китая).

Объединяющими любую нацию элементами также являются прецедентные феномены. Названия и содержание известных литературных произведений, имена культурных героев, известных исторических личностей и событий знакомы всем социализированным китайцам. Хотя и в этой сфере есть региональные различия. Например, прецедентное высказывание 田家荆合 ‘Семью Тянь объединила баухиния’ (вариант 田真哭荆 ‘Тянь Чжэнь оплакивает баухинию’) и связанная с ним история «Баухиния» из «Продолжения “Записок Ци Се”» литератора У Цзюня (469-520), жившего во времена династии Лян (502–557) эпохи Южных династий) (南朝梁吴均《续齐谐记·紫荆树》), оказались неизвестными выходцам из Северо-Восточного Китая, хотя и включены в большой словарь дяньгу (классических прецедентов) Китая [Zhao, 2014, 779]. Краткое содержание прецедентной ситуации. Некий Тянь Чжэнь и два его брата, разделив отцовское имущество, решили разделить и единственное орхидейное дерево (баухинию), росшее перед домом, но оно мгновенно засохло, не пожелав расстаться с общим корнем. Братья раскаялись и снова объединились в одну семью, и дерево сразу же ожило. Оказалось, что эта история более близка и известна жителям южной провинции Гуандун и Гонконга. И неудивительно, что цветок баухинии или орхидейного дерева является символом Гонконга и изображён на его гербе.

Можно сделать вывод, что диалекты Китая по сути являются региональными языками: это домашние языки многих китайцев, и благодаря этим региональным языкам формируется и сохраняется разнообразие картин мира и обеспечивается преемственность региональных культур Китая.

Литература

中国典故大辞典 / 赵应铎. – 上海：上海辞书出版社，2014 （汉语工具书大系），1359 页 (Большой словарь дяньгу (классических прецедентов) Китая / Чжао Индо. Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2014 (Большая серия справочников по китайскому языку). 1359 с.

© Воропаев Н. Н., 2022

УДК *8.001.4.*

Гайсина Ф. Ф., Россия, г.Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, н.с.

ОСОБЕННОСТИ И ТЕРМИНОЛОГИЯ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА БАШКИР МУРЗАЛАРСКОГО И ТЫРНАКЛИНСКОГО РОДОВ (на примере Салаватского района)

В статье дана краткая историография, приведены термины и объяснения определениям свадебного обряда Мурзаларского и Тырнаклинского рода башкир. В работе раскрываются диалектные особенности местного говора, указаны различия свадебного обряда. Автором последовательно описывается весь обряд, что помогает целостно представить сценарий в постановке. Данная работа может использоваться как ценный методический указатель, словарь-справочник для студентов, филологов, фольклористов, особенно для отделов культуры, клубных работников.

Ключевые слова: *башкирский фольклор, народное творчество, свадебный обряд, обычай, жанры, терминология, говор, диалекты.*

Gaisina F.F., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS, Senior Researcher

FEATURES AND TERMINOLOGY OF THE BASHKIR WEDDING CEREMONY OF THE MURZALAR AND TYRNAKLI FAMILIES (on the example of the Salavatsky district)

The article provides a brief historiography, terms and explanations for the definitions of the wedding ceremony of the Murzalar and Tyrnaklin clans of the Bashkirs. The work reveals the dialectal features of the local dialect, indicates the differences in the wedding ceremony. The author consistently describes the entire rite, which helps to holistically present the scenario in the production. This work can be used as a valuable methodological index, a reference dictionary for students, philologists, folklorists, especially for departments of culture, club workers.

Keywords: *Bashkir folklore, folk art, wedding ceremony, custom, genres, terminology, dialect, dialects.*

МЫРҘАЛАР ҺӘМ ТЫРНАҠЛЫ ЫРЫУҘАРЫ ТУЙ ЙОЛАЛАРЫ ҮҘЕНСӘЛЕКТӘРЕ ҺӘМ ТЕРМИНДАРЫ
(Салауат районы миҫалында)

Халҡыбыҙҙың туй йолалары төрлө ғөрөф-ғәҙәттәр, ырым-ышаныуҙар, тыйыуҙар менән оҙатыла килә. Әйле ҡәбиләһенә ҡараған Мырҙалар һәм Тырнаҡлы ырыуҙары йолалары бер үк, шулай ҙа бәләкәй генә айырмалыҡтары, үҙенсәлектәре лә бар. Был аңлашыла ла, сөнки, ике ырыу 1300 йылдарҙан һуң, ике игеҙәк Имсә бей менән Томсанан таралғандар. Тарихтан да Имсәнән – Мырҙалар, Томсанан – Тырнаҡлы ырыуҙары таралып китеүе билдәле. Хәҙерге Салауат районында йәшәгән был ырыуҙар Әйле һөйләшендә аралашалар.

Әй һәм Йүрүҙән буйы башҡорттарының туй йолалары бер ни тиклем өйрәнелгән. Мәҫәлән, Ғ. Вилдановтың үткән быуат башында уҡ «Яңы Юл» журналында баҫылған «Әй һәм Йүрүҙән һыуы буйындағы башҡорттарҙың ҡыҙ алыу, ҡыҙ биреү ғөрөф-ғәҙәттәре» тигән мәҡәләһендә элекке Златоуст өйәҙе мырҙалар волосы башҡорттарының рухи мәҙәниәте һәм этнографияһы сағылған [Вилданов, 1923, 32–33]. Үткән быуат башында башҡорт туй йолаларын һәм ундағы сеңләүҙәргә күҙәтеүҙе Х. Ғәбитов та яҙған [Ғәбитов, 1927].

Туй йолаларында сағылған ырым-ышаныуҙар, тыйыуҙар хаҡында [Гайсина, 2010, 35–39] һәм Мырҙалар ырыуы туй йолаһы тураһында [Ғайсина, 2011, 73–76], [Ғайсина, 2012, 159–164] беҙҙең дә мәҡәләләр донъя күрҙе.

Туй йолаһына бәйле ҡайһы бер һүҙҙәр М.И. Баһауетдинова төҙөгән “Башҡортса-русса этнографик терминдар һүҙлеге”нә ингән [Баһауетдинова, 1994, 54]. Шулай ҙа, ябай уҡыусылар аңлаһын өсөн, күбеһе онотола барған ғөрөф-ғәҙәттәргә, уларға бәйле терминдарға беҙ ҙә киңерәк аңлатмалар бирергә булдыҡ.

Барлыҡ туй йолалары ла ҡоҙалау, яусылауҙан башлана. Мырҙалар, Тырнаҡлы ырыуҙарында ҡыҙ һоратып барыуҙы – *ҡоҙалап барыу, ҡоҙалап килгәндәр, яусылап барыу, яусылап килгәндәр,* тиҙәр. Әгәр риза булһалар, никах, туй көнөн һөйләшеп, таҫтамал бүләк итеп ҡайтарғандар.

Кейәү һынау – мырҙалар ырыуында электән кейәүҙе ашатып, һынап ҡарағандар. Әгәр кейәү үҙе яусылап барһа, уны буласаҡ ҡәйнәһе, ҡайныһы тәүҙә ултыртып һыйлағандар. Буласаҡ кейәүҙең алдына бер туҫтаҡ ит (бер өйрәк, ҡаҙ ҙа булыуы мөмкин), бер таба ҡоймаҡ ҡуйғандар, шәп ашаймы, һөйәкте матур кимерәме икәненә иғтибар иткәндәр. Насар ашаһа, быныҡ ашауының да йүне юҡ, тигәндәр. “*Ашағанда ҡолағың һелкенһен, эшләгәндә йөрәгең елкенһен!*” – тигән мәҡәл дә шуның менән бәйле.

Башҡоҙа – килен әйтергә һөйләшергә, ҡоҙалап барыусы кеше. Ҡыҙҙың һәм егеттең аталарын да “башҡоҙа” тиҙәр.

Дуға, нисә дуға – элек туйға ат менән йөрөгәндәр. Шуға, туйға ҡунаҡ булып нисә пар, нисә ат киләсәген алдан һөйләшеп ҡуйғандар. Ырым-ышаныуҙар буйынса, өйгә килгән ҡунаҡ – Аллаһ Тәғәләнең ҡунағы; ҡунаҡ менән йортҡа бәрәкәт килә, тигәндәр. “Дуға килә, өйгә доға килә” тигән әйтем шуның менән бәйле.

Никах уҡытыу, ижаб уҡытыу – ҡыҙ янында ислам, шәриғәт талабы буйынса дини йола атҡарыуҙы – “никах уҡытыу” тиҙәр. Никах уҡылғас, йәштәр бер-береһенә хәләл була, ир менән ҡатын булып йәшәй башлай.

Мәһәр биреү – шәриғәт ҡануны буйынса кейәү никахҡа ҡәҙәр, йә никах ваҡытында буласаҡ ҡатынына ҡиммәтле бүләк (йәки аҡсалата) бирергә тейеш. Мәһәр түләнмәй тороп, ҡыҙ менән ҡушмағандар.

Шәрбәт ҡаптырыу, шәрбәт һибеү – никахта килен менән кейәүгә татыу йәшәһендәр тип, шәрбәт һыуы эсергәндәр, ҡунаҡтарҙың өҫтәренә лә бөрккәндәр.

Ҡыҙ ҡушыу – никахтан һуң ҡыҙ менән егетте бер өйгә бикләгәндәр. Улар ир менән ҡатын булараҡ беренсе төн бергә йоҡлағандар. ***Ҡушҡан еңгәләр***енә кейәү йәшереп аҡсалата бүләк ҡалдырып китә.

Кейәү сәйе – кейәү ҡыҙ янына ҡушылырға килгәндә уҙғарылған сәй мәжлесе. Ҡыҙ менән егетте сымылдыҡ (шаршау) артына ҡапма-ҡаршы ултыртып, батмус ҡуйып сәй эсергәндәр.

Кейәү билбауы – уны ҡыҙ яғында әҙерләгәндәр. (Ҡурған өлкәһендә остары сигелгән таҫтамалды ла кейәү билбауы тиҙәр– *Ф.Ғ.*) Ҡыҙ менән ҡушылырға шул билбауҙы тағып, осон йәшереп бәйләп килгән. Ҡыҙ уны сисергә тейеш булған.

Кейәүл(ҙ)әп йөрөү – никахтан һуң, ҡыҙҙы туйлап күсереп алып ҡайтҡанға тиклем кейәү ҡыҙ йортона, кәләшен күрергә килеп-китеп йөрөгәнен шулай тигәндәр.

Буҫағаға баҫыу – ҡыҙҙы ҡуша торған өй ишегенә арҡыры ағас ҡуйғандар. Кейәү өйгә инер өсөн аҡса, башҡа бүләк бирep, шул ағасҡа баҫып инеп киткән.

Йыртыш таратыу – туҡыма киҫәге таратыу. Егет йортонда туй башланыр алдынан еңгә бер метр ситсаны өс илегә йыртып өләшә (ҡайһы ерҙә ҡыҙ ҡушҡан ваҡытта бүләккә тараталар).

Никах һәм туйҙар бүләк, күстәнәс, **туй бүләктәрен** әҙерләүҙән башлана. Күстәнәстәрҙе элек яулыҡҡа төргәндәр йә тоҡсайға һалғандар. Шул туйға күстәнәс тултырылған тоҡсайҙың ауыҙын яулыҡ менән нығытып бәйләп ҡуйғандар.

Артмаҡ сисеү – шул күстәнәс тултырылған тоҡтоң ауыҙын ҡаршы яҡта кем сисә, яулыҡ шуға булған.

Күшәгә башы – иң оло кешегә, ҡәртнәйгә (өләсәһенә), ҡәртнәһе булмаһа әбеһенә бүләккә митрауай (тауар) һалалар, шул төп бүләкте – “күшәгә башы”, “ҡушаға башы” ла тиҙәр. Был тауар сумаҙандың өҫтөнә, йәғни башҡа бүләктәрҙең өҫтөнә һалына.

Күрнис – бүләккә әҙерләнгән таҫтамал, алъяпҡысты әйтәләр (ҡайһы бер төбәктә күстәнәсте – күрнис тиҙәр.)

Арҡан тартыу, арҡан тотоу – ҡыҙ яғына туйға килеүсе ҡунаҡтарҙы ауылға индермәй, юлға арҡыры арҡан һуҙып, тотоп торалар. Бүләк биргәс кенә үткәрәләр.

Ҡыҙ йәшереү – ҡыҙ яғында туй башланыр алдынан ҡыҙҙы йәшереп ҡуялар, кейәү уны эҙләп, табып алырға тейеш.

Кейәү күлдәге – ҡыҙ яғында кейәүгә бүләккә әҙерләнгән күлдәк, яға остарына сигеү сигеп, суҡ ҡуйыла. Ҡыҙ яғындағы туйҙа кейәүгә тип әйҙерләп ҡуйған бүләктәрҙе (бирсәткә, бәшәй, салбар, кисет һ.б.) тапшырғандар.

Кейәү бирсәткәһе – ҡыҙ яғында бәйләйҙәр, ғәҙәттә аҡ төҫтә, ең яғына матурлыҡ өсөн икешәр суҡ та бәйләнгән була.

Кейәү бәшәйе – ҡәйнә буласаҡ кейәүенә бәшәй (аҡ һарыҡ йөнөнән ойоҡбаш) бәйләп бүләк итә.

Кейәү бүләге – балдыҙҙарына, ҡәйнештәренә, ҡыҙҙың башҡа туғандарына биргән кейәү бүләген шулай атайҙар.

Ҡоҙағый күстәнәсе – ҡоҙағый килтергән күстәнәс менән ике яҡты ла һыйлағандар.

Көрәгәсе – туйҙы, табынды алып барыусы, һыйлаусы.

Нуҡса бәйләү – күн тултырылған, йоҙроҡ хәтле төйөн, тоҡсай. Ҡыҙ егет яғына күсер алдынан әхирәттәре, еңгәләре менән йылға буйына сығып, шул нуҡса менән еңгәләрен “туҡмай”, аҙаҡ шуны ағасҡа бәйләп китә.

Сеңләү – кейәүгә, уның ата-әсәһенә, туғандарына арнап, төрттөрөп, моңланып йырланған ҡыҫҡа йырҙар.

Ҡушъяуҙ(л)ыҡ ябындырыу, ҡушъяулыҡ бөркәндереү – ҡыҙ күсер алдынан башын ҡушъяулыҡ ябындырып озатҡандар. Был уның ҡыҙ статусынан ҡатын статусына күсеүен аңлата. (Силәбе, Ҡурған өлкәһе башҡорттарында ла ҡушъяулыҡ ябыу бар – *Ф.Ғ.*)

Яулыҡ бәйләү, яулыҡ сисеү, бил сисеү – еңгәләре ҡыҙҙы озатҡанда: “Билең ныҡ булһын!” – тип, биленә яулыҡ бәйләп ебәрәләр. Егет яғында ул яулыҡты кейәүҙең һеңлеләренең береһе сисеп ала.

Аҡса һибеү – ҡыҙ яғында туй бөткәс, кейәү ҡапҡанан сыҡҡас та ергә услап тимер аҡсалар һибә, уны балалар йыйып ала.

Кейәү бүрке, бүрек һатыу, бүрек аҡсаһы, бүрек алып ҡасыу – ҡыҙ яғында туй бөткәс, кейәү ҡапҡанан сыҡҡас та ҡыҙ яғы егеттәре кейәүҙең бүркен алып ҡасалар. Ғәҙәттә, ат менән сабып, баҫтырып барып, бүләк бирeп, кейәү үҙ бүркен һатып алыр булған. Был икенсе ырыу кешеһенең ҡыҙ ырыуына яҡынайыу ысулының береһе һаналған.

Көршәк алып ҡасыу, көршәк бәреү, көршәк ватыу – кейәү бүркен һатып алғанда, аҡса, башҡа бүләк урынына егеттәргә ҡуйы ҡаймаҡ тултырылған көршәк тә бирeп киткән. Егеттәр ҡаймағын ашап бөтөп, көршәген ватҡандар. Көршәкте ватыу – ҡыҙҙың был ер менән айырылыуын билдәләүсе сара һәм бында уның ризығы бөтөүенә ишара ла.

Кейәү мендәре – кейәү мендәрен ҡыҙ янында әҙерләйҙәр. Ҡыҙ күсергәндә кейәү ошо мендәренә ултырып ҡайта.

Һандыҡ һатыу – ҡыҙҙың бирнәһе, бүләктәре тултырған һандыҡтың өҫтөнә бер йәш баланы

ултыртып, кейәүҙән, йәки егет яғынан килгән ҡунаҡтар менән һатыулаштырып аҡса, бүләк алыу.

Арсыйҙар, арсый булып барыу – ҡыҙҙы оҙатып барған ағалары һәм еңгәләре. Улар башҡа ҡунаҡтарға ҡарағанда оҙаҡ-ҡараҡ ҡалып ҡунаҡ була. Уларға төрлө бүләктәр биреп ҡайтаралар. (Балтас районында иһә "аршый" тиҙәр – *Ф.Ғ.*).

Ҡыҙ оҙатыу – ҡыҙ яғында туй үткәс, ҡыҙҙы егет яғына оҙатыу мәлен "ҡыҙ оҙатыу", тиҙәр.

Килен төшөүе, килен төшөрөү – ҡыҙҙы кейәү йортона күсереп алып ҡайтыу.

Килен ҡаршылау – туй егет яғына килгәндә, егеттең әсәһе, еңгәләре менән ҡапҡа тышына сығып, аяҡ аҫтына мендәр һалып, киленгә йомшаҡ телле булһын тип, бал-май ҡаптырып ҡаршы алалар.

Мендәргә баҫыу, мендәргә баҫтырыу – туй күсеп, ҡыҙ егет яғында төшкәндә, баҫҡан ере йомшаҡ булһын тип, аяҡ аҫтына мендәр һалғандар. (Үткән быуат башында Ҡыйғы районы Сутыш ауылында никах ваҡытында ҡыҙ менән егет айырым бүлмәлә аяҡтарын бергә йомшаҡҡа, мендәргә терәп, теләк теләп ултырғандар, шул теләк ҡабул була тип иҫәпләнгән – *Ф.Ғ.*)

Таяныс мал әйтеү – ҡыҙ егет яғына килеп еткәс тә арбанан төшмәй, таяныс мал һорай. Берәй мал (һыйырмы, быҙаумы, һарыҡмы) килтергәс, ҡыҙ шуға таянып арбанан төшә, шуны *"**таяныс мал**"* тиҙәр.

Килен һынау – ҡыҙ килен булып төшкәндә, таяныс малға таянғас, мендәргә баҫҡас, ауыҙына бал-май ҡаптырғас, өйгә инмәҫ борон уның ҡулын ҡомған тотоп йыуындырғандар. Шунда ҡыҙ ҡулын таҫтамалға һөртмәй инергә тейеш булған. (Башҡа төбәктәрҙә килендең аяҡ аҫтына һепертке ташлайҙар, йә һалып ҡуйлар. Килен уны ситкә ҡуйып китергә тейеш, әгәр ашаҡлап үтһә – ялҡау килен булмаҡсы, тип ырымланғандар. Шулай уҡ, киленде йырлатып, бейетеп ҡарап та һынайҙар – *Ф.Ғ.*)

Мал инселәү – килен егет янына күсеп килеп, өйгә ингәс тә ултырмай тора. Ҡәйнә кеше берәй мал инселәп әйткәс кенә һикегә (мендәр өҫтөнә йә кейеҙгә) ултырған. Шуны – "***мал инселәү***" тиҙәр.

Килен әйбере – ҡыҙ егет яғына күсеп килгәс тә, ҡәйнәһенең өйөн алдан әҙерләп килтергән әйберҙәре менән биҙәгән: өҫтәлгә ашъяулыҡ, һикегә япма япҡан, таҫтамалдар, шаршауҙар һ.б. элгән. Шуларҙы *"килен әйбере"* тиҙәр.

Һыу башлатыу, һыу юлын күрһәтеү – егет яғына күсеп килгәс, ҡыҙға һыу юлын күрһәтергә алып баралар. Ҡыҙ һыуға барғанда ауыҙына тәңкә ҡабып бара, аҙаҡ уны шишмәгә һала. Был шишмә эйәләрен ризалатыу өсөн эшләнелә. Һыу юлын күрһәтеү, ул киленде урындағы эйәләр менән таныштырыу ҙа.

Килен сәйе – туйҙа килен алып ҡайтҡан һыуҙан сәй ҡайнатып, килгән ҡунаҡтарҙы һыйлайҙар.

Дуҫ булышыу, дуҫ һайлау – туйға киләсәк ҡунаҡтарҙан үҙҙәренә кемде ҡунырға, ҡунаҡҡа алыу тураһында алдан һөйләшелә. Ҡунаҡтар килгәндә үк аттарын етәкләп алып үҙ йорттарына индергәндәр. Дуҫ һайлағанда килгән парҙың аттарының дуғаһына таҫтамал бәйләйҙәр, үҙҙәренең алдарына ла бүләк һалалар. Был ике ғаилә шулай бер-береһенә бүләктәр бирешеп, аҙаҡ та сағырышып, дуҫ булып йәшәйҙәр.

Морондоҡ һайлау – егет яғында йәш ғаиләгә ғүмер буйы терәк, кәңәшсе, ярҙамсы булһындар өсөн морондоҡ инәй, морондоҡ атай һайлап ҡуялар.

Килен һөйөү – килен төшкәс, ҡәйнәһе, егет яғындағы ҡатындар киленгә бүләктәр биреп, теләктәр әйтеүҙе шулай тиҙәр.

Килен бүләге – бикәстәренә, ҡәйнештәренә, кейәүҙең туғандарына биргән бүләге. Күрнис, ҡулъяулыҡ бүләк итһә, ***еңгә күрнисе, еңгә ҡулъяулығы*** тиҙәр.

Ығырмау таратыу – ике осона суҡ ҡуйылған, мулинанан үрелгән еп. Ҡыҙ әҙерләп килтерә, өйҙә лә, һыу буйында ла балаларға бүләккә тараталар.

Хушаяҡ – туй бөтөп, ҡунаҡтар таралыр алдынан һуңғы тапҡыр табын йәйеп, һыйлап, теләктәр теләп, хушлашып оҙатыу өлөшө.

Шулай итеп, күп ғөрөф-ғәҙәттәрҙән торған туй йолаһы төрлө үҙенсәлектәргә бай булыуын күрәбеҙ. Был йолаға бәйле терминдарҙың күплеге, уларҙың мәғәнәһе, килеп сығыу тарихтары – халҡыбыҙ мәҙәниәтенең ҡатмарлы, боронғо икәнен күрһәтә. Туй йолаһы менән бәйле терминдар урындағы йәнле һөйләш, диалект үҙенсәлектәрен һәм уларҙың таралыу даирәһен дә сағылдыра.

Әҙәбиәт

Баһауетдинова М. И. Башҡортса-русса этнографик терминдар һүҙлеге. Өфө: Китап, 1994. 54 б.

Вилданов Ғ. Әй һәм Йүрүҙән һыуы буйындағы башҡорттарҙың ҡыҙ алыу, биреү ғөрөф-ғәҙәттәре // Яңы юл. 1923. № 5. Б. 32–33.

Гайсина Ф. Ф. Запреты в башкирских свадебных обрядах // Вестник ЧелГУ. Выпуск 49. 2010. № 34 (215). С. 35–39.

Ғабитов Х. Башҡорттарҙа сеңләү // Башҡорт аймағы. 1927. № 3. Б. 50–88.

Ғайсина Ф. Ф. Мырҙалар ырыуы башҡорттарының туй йолаһы (Салауат районында яҙып алынған материалдар нигеҙендә) // Этногенез. История. Культура: I Юсуповские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Рината Мухаметовича Юсупова. г.Уфа, 17–19 ноября 2011 г. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 73–76.

Ғайсина Ф. Ф. Мырҙалар ырыуы туй йолаһы // Ватандаш. 2012. № 6. Б. 159–164.

Шәхси архив материалдары.

© Гайсина Ф. Ф., 2022

УДК *8.811.511*

Гайсина Ф. Ф., Россия, г.Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, н.с.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ УЧЁНОГО-ЯЗЫКОВЕДА С. Г. САБИРЬЯНОВОЙ (вклад ученого в изучение башкирского языка и диалектологии)

В данной статье описываются жизненный путь ученого-языковеда С.Г.Сабирьяновой и ее вклад в изучение башкирского языка и диалектологии. В работе дается обзор научных книг, словарей, статей, над которыми работала Сана Гафуровна, описываются краеведческие, переводческие и педагогические аспекты исследовательской деятельности языковеда. В статье также дан краткий анализ монографии учёной "Наименования пищевых продуктов в башкирских говорах", где большое значение уделено смыслам, значению и степени распространения терминов, используемых в обрядах.

Ключевые слова: *башкирский язык, языкознание, лексика, лексикология, диалектология, экспедиция, С.Г. Сабирьянова.*

Gaisina F.F., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS, Senior Researcher

THE CREATIVE PATH OF THE LINGUIST S.G.SABIRYANOVA (about the contribution to the study of the Bashkir language and dialectology)

This article describes the life path of the linguist S.G. Sabiryanova and her great contribution to the study of the Bashkir language and dialectology. The work contains scientific books, dictionaries, articles on which Sana Gafurovna worked. The local history, translation and pedagogical side in the labor activity of a linguist is singled out. The article gives a brief overview of the monograph of the scientist "Names of food products in the Bashkir dialects", where great importance is given to the meaning, significance and degree of distribution of terms used in rites.

Keywords: *Bashkir language, linguistics, vocabulary, lexicology, dialectology, expedition, S.G. Sabiryanova.*

ТЕЛСЕ-ҒАЛИМӘ С. Ғ. САБИРЙӘНОВАНЫҢ ХЕҘМӘТ ЮЛЫ (башҡорт теле һәм диалектологияһын өйрәнеүгә индергән өлөшө хаҡында)

Башҡорт телен һәм уның диалекттарын өйрәнеүгә тос өлөш индергән телсе-ғалимдар араһында лексиколог, диалектолог Сабирйәнова (Ғилманова) Сәнә Ғәфүр ҡыҙы ла бар. Ул 1939 йылдың 3 декабрендә Салауат районының Арҡауыл ауылында тыуған. 1957 йылда Арҡауыл урта мәктәбен тамамлағандан һуң, Башҡорт дәүләт университетының филология факультетына уҡырға инә. Унда уҡыған дәүерҙә үк ул СССР Фәндәр академияһының Башҡортостан филиалы Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты ғилми хеҙмәткәрҙәре менән башҡорт ауылдарында тел үҙенсәлектәрен йыйыу буйынса экспедицияларҙа ҡатнаша. Артабан БДУ ойоштороған экспедицияға ла сыға.

1962 йылда ул Тарих, тел һәм әҙәбиәт институтының тел секторының диалектология бүлегенә эшкә килә. Тәүге көндәрҙән үк экспедицияларҙа тупланған тел материалдарын картотекаға һалыу эше менән шөғөлләнә һәм институт тарафынан йыл һайын ойоштороған экспедицияларға сыға. Башҡорт теленең көнсығыш диалекты [Башҡорт һөйләштәренең һүзлеге, 1967], көньяҡ диалекты [Башҡорт һөйләштәренең һүзлеге, 1970], көнбайыш диалекты буйынса [Башҡорт һөйләштәренең һүзлеге, 1987] һүзлектәрҙе, 2002 йылда ошо һүзлектәрҙе берләштергән дөйөм һүзлекте "Башҡорт теленең диалекттары һүзлеге"н [Башҡорт…, 2002] төҙөүҙә ҡатнаша. Ошо һүзлектәрҙе төҙөгән осорҙа шулай уҡ "Башҡорт һөйләштәренән үрнәктәр"е [Образцы.., 1988] тигән китап та әҙерләнә. Унда экспедиция осоронда информанттар теленән билдәле бер темаға яҙып алынған текстар тупланған. Тел үҙенсәлектәрен өйрәнгән ғалимдарға, студенттарға һәм башҡа тел тарихы менән ҡыҙыҡһынғандар өсөн әле лә бик кәрәкле һәм әһәмиәтле әсбап ул. Унда Сәнә Ғәфүр ҡыҙы яҙып алған бик күп материал индерелгән, ул үҙе лә уны төҙөүҙә ҡатнаша.

С. Ғ. Сабирйәнова үҙенең хеҙмәттәрендә диалект лексикаһын өйрәнеүгә ҙур иғтибар бирә. Институт тарафынан әҙерләнгән ғилми йыйынтыҡтарҙа уның "Башҡорт теленең төньяҡ-көнбайышында туғанлыҡ терминдары" [Сабирйәнова, 1981], "Башҡорт телендә ҡул бармаҡтары атамалары" [Башҡортостан…, 1976, 81], "Башҡорт һөйләштәрендә һөт ризыҡтары атамалары" [Сабирйәнова, 1982] тигән ғилми мәҡәләләре баҫылып сыға. "Ватандаш" журналында баҫылған "Халыҡ йолалары һәм аш-һыуҙар" [Сабирйәнова, 1998, 182–189] исемле мәҡәләһе лә күптәргә таныш.

Шулай уҡ Сәнә Ғәфүр ҡыҙы "Йолаларҙа аш-һыу" [Сабирйәнова, 2008] тигән ғилми китап баҫтырып сығара. Диалект лексикаһы буйынса "Башҡорт һөйләштәрендә ашамлыҡ исемдәре" («Наименования пищевых продуктов в башкирских говорах») [Сабирйәнова, 2009] тигән монографияһы хаҡында ҡайһы бер фекерҙәрҙе әйтеп китергә кәрәк. Китап башҡорт һөйләштәре миҫалдарына таянып яҙылған. Анығыраҡ әйткәндә, һөйләштәрҙә аш-һыу атамалары, уларҙың таралыу ерлектәре айырым һүҙ-терминдың һәр һөйләштәге мәғәнәһенә һәм уның яңғыраш төрҙәренә иғтибар йүнәлтелгән. Хатта китаптың бер махсус бүлеге һәр атаманың һүҙ киҫәктәренә лә (тамыр, ялғау) арналған.

Китапта ашамлыҡ төрҙәренә үҙенсәлекле төркөмләү үткәрелгән, башҡорт халҡының тормош көтөү, хужалыҡ итеү торошонан сығып, аш-һыу әҙерләү саралары сағылдырылған. Был ысул уҡыусы өсөн бик уңайлы. Әйтәйек, бер урынға иттән әҙерләнгән аҙыҡ исемдәре, икенсе төркөмгә һөт аҙыҡтары атамалары, өсөнсө төркөмгә үҫемлек (иген, ярма, он, йәшелсә, емеш-еләк) хаҡындағы мәғлүмәттәр теркәлгән. Ашамлыҡтарҙың исем-атамалары ғына түгел, уларҙың ҡайһы һөйләштә нисек ҡулланылыуы, нисек әҙерләнеүе, наҡланыуы күрһәтелгән. Телдәге төрлө факттар йәнле һөйләштән миҫалдар менән нығытылған.

1973 йылда Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты башҡорт телен лингвогеографик, йәғни теге йәки был тел күренешенең таралыу географияһын өйрәнеүгә арналған тема планын ҡабул итә. Уның өсөн профессор Н.Х. Мәҡсүтова тарафынан махсус программа (“Программа по сбору материала для диалектологического атласа башкирского языка”) эшләнелә. Был атлас өсөн тел үҙенсәлектәрен йыйыу һәм уны төҙөү 1973–1993 йылдарға планлаштырыла һәм Институт тарафынан йыл һайын бер тапҡыр экспедиция һәм командировкаларға сығыу күҙ уңында тотола. Шулай итеп, 1973 йылдан башлап Институт ғалимдары, Башҡортостандағы һәм унан ситтәге Силәбе, Ырымбур, Курган, Һамар, Свердловск, Һарытау, Пермь өлкәләрендә йәшәгән башҡорттар араһына сығып, материал йыйыу эшенә тотона. Барлығы алдан тәғәйенләнгән 450 төбәктән (опорный пункт) материал йыйылып, шуларҙың 250-һе атласҡа индерелә.

Ул йылдарҙа һөйләштәр буйынса, телдәр буйынса атластар төҙөү эше күп республикаларҙа башланып тора. Эште башлар алдынан Институттың башҡа ғалимдары менән Сәнә Сабирйәновағa ла Мәскәү, Ленинград, Казан ҡалаларына командировкаларға барып, ундағы ғалимдарҙың эш тәжрибәләре менән танышыу зарурлығы тыуа. Сөнки ул йылдарҙа бөтә төрки телдәре буйынса ла ошондай атластар төҙөү эшенә тотонған осор була. Ундай атластар Европа телдәре, славян телдәре буйынса ла әҙерләнә. Башҡорт телселәре тарафынан Европа телдәре атласы өсөн дә шаҡтай күп материалдар ебәрелә, Финляндияла баҫылып сыҡҡан Европа атласы өсөн Н.Х. Мәҡсүтова етәкселегендә Сәнә Ғәфүр ҡызы ла байтаҡ материал оҙата.

Оло хеҙмәт һалыуҙы талап иткән “Башҡорт теленең диалектологик атласы” темаһына артабан бер ни тиклем туҡталып китәйек. Был тарихи әһәмиәтле китап өсөн йыйылған тел материалын картотекаға һалыу эше лә бик үҙенсәлекле, күп ваҡыт һәм иғтибарлылыҡ талап итә. Артабан ул атлас өсөн һайлап алынған һүҙҙәрҙең таралышын ошо 250 картаға төшөрөү һәм уның һәр береһенә аңлатма яҙыу (интерпретация) эше тора. Бына шул бөткөһөҙ ҙур эште бәләкәй генә диалектологтар коллективы уңышлы башҡарып сыға. 2005 йылда был “Башҡорт теленең диалектологик атласы” (“Диалектологический атлас башкирского языка”) [Диалектологический.., 2005] донъя күрә. Ошо ҙур теманы ҡабул иткәс, был атлас өсөн материал йыйыуҙа, картотекаға һалыуҙа, карталар төҙөүҙә һәм аңлатмалар яҙыу эштәренең һәр береһендә, ғөмүмән, уны төҙөүҙә һәм нәшриәттә баҫып сығарыуға Сәнә Ғәфүр ҡызы ҙур тырышлыҡ һала.

С.Ғ. Сабирйәнова “Башҡорт теленең аңлатмалы һүҙлеге”нең 2-се һәм 3-сө томдарын редакторлауҙа ла ҡатнаша. Ошондай тынғыһыҙ ғилми эштәр менән бер рәттән Сәнә Сабирйәнова үҙенең һәм хеҙмәттәштәренең ғилми эштәрен, үҙе башҡарған эштәрҙең һөҙөмтәләрен республика гәзит-журналдарында яҡтыртып барыуға ла ҙур иғтибар бирә: Н.Х.Мәҡсүтова [Сабирйәнова, 2008, 103-115; Сабирйәнова, 2009; Сабирйәнова, 2012, 125–132], Ф.А. Нәҙершина [Сабирйәнова, 1996; 2006], Р.З. Шәкүров [Сабирйәнова, 2007], [Сабирйәнова, 2012], Р.С. Сөләймәнов [Сабирйәнова, 2012], У.Ф. Нәҙерғолов менән М.И. Дилмөхәмәтов һ.б. [Сабирйәнова, 2010, 174–178] иҫтәлегенә бағышлап яҙылған бихисап мәҡәләләр менән республикабыҙ матбуғатында сығыш яһай. Ул мәҡәләләре конференциялар йыйынтыҡтарында ла баҫыла, бынан тыш ғалимә коллегаларының хеҙмәттәренә рецензиялар ҙа яҙа.

Шуны ла билдәләп үтергә кәрәк, С.Ғ. Сабирйәнова фәндән тыш, 1994–1998 йылдарҙа “Заман-Башҡортостан”, “Рисәләт” гәзиттәренең баш мөхәррире лә булып эшләгән.

Тәржемә менән булышырға ла ваҡыт таба, институт хеҙмәткәрҙәре яҙған “Курганские башкиры” [Ҡурған.., 2002] китабын башҡортсаға тәржемә итә.

Сәнә Ғәфүр ҡызының крайҙы өйрәнеү эшмәкәрлеге лә маҡтауға лайыҡ. Үҙе йыйған материалдар һәм яҡташтарының мәҡәләләрен файҙаланып, үҙенең тыуған ере Салауат районы тарихы, уның данлыҡлы халҡы тураһында бик ҡиммәтле китап та әҙерләп баҫтыра [Земля…, 2010]. Уны автор Салауат районының 75 йыллығына арнай.

Шулай уҡ уның Башҡортостандың халыҡ шағиры бөйөк Рәми ағай Ғарипов тураһында ла хәтһеҙ хәтирәләре баҫылып торҙо. Ул 2010 йылда Салауат районының махсус Рәми Ғарипов әҙәби премияһы лауреаты исеменә лә лайыҡ булды.

Сәнә Ғәфүр ҡызы, олпат йәштә булыуына ҡарамаҫтан, әле лә ҡәләмен ташламай, күптән түгел телсе-диалектологтар Урал Нәҙерғолов менән Миңлейәр Дилмөхәмәтовтарҙың фәнни эшмәкәрлегенә арналған иҫтәлекле мәҡәләһе “Башҡортостан” гәзитендә донъя күрҙе.

Ғилми эштәр менән бер рәттән педагогик хеҙмәте лә бар уның. Өфөнөң Мәрйәм Солтанова исемендәге мәҙрәсәһендә бер-нисә йыл шәкерттәргә башҡорт теле дәрестәрен өйрәтте.

Шулай итеп, телсе-ғалимә С.Ғ. Сабирйәнова 15-тән ашыу ғилми экспедицияла ҡатнашып, башҡорт теле һәм уның диалекттарын өйрәнеүгә күп көс һалыуҙан тыш, крайҙы өйрәнеүсе, педагог, журналист булараҡ та оло рәхмәттәргә лайыҡ шәхес.

Әҙәбиәт

Башҡорт һөйләштәренең һүҙлеге. I том. Көнсығыш диалект / Н. Х. Мәксүтова һ.б. Өфө, 1967. 300 б.
Башҡорт һөйләштәренең һүҙлеге. II том. Көньяҡ диалект. / Н. Х. Мәксүтова һ.б. Өфө, 1970. 327 б.
Башҡорт һөйләштәренең һүҙлеге. III том. Көнбайыш диалект / Н. Х. Мәксүтова һ.б. Өфө, 1987. 231 б.
Башҡорт теленең диалектары һүҙлеге. Төҙ.: М.И.Дилмөхәмәтов, У. Ф. Нәҙерғолов, С. Ғ. Сабирйәнова, Ғ. Ғ. Гәрәева. Өфө: Китап, 2002. 432 б.
Диалектологический атлас башкирского языка / Сост.: Н. Х.Максютова, С. Ф. Миржанова, У.Ф. Надергулов, М. И. Дильмухаметов, С. Г. Сабирьянова, Г. Г. Гареева. Уфа: Гилем, 2005. 198-199-сы, 228-се б., 135-137, 155-се карталар.
Земля салаватская, земля батыра / Сост. С. Г. Сабирьянова. Уфа: Гилем, 2010. 399 с.
Ҡурған башҡорттары. Тварихи-этнографик очерктар. Яуаплы редакторы – З.Ғ.Ураҡсин. Өфө: Ғилем, 2002. 216 б.
Образцы башкирской разговорной речи / Башк. науч. центр Урал. отд-ния АН СССР, Ин-т истории, яз. и лит. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1988. 223 с.
Сабирйәнова С. Ғ. Илеңде һөй, ризығын ей // Башҡортостан. 2011. 21 июль. №147.
Сабирйәнова С. Ғ. Башҡорт телендә ҡул бармаҡтары атамалары // Башҡортостан тарихы һәм филологияһы буйынса яңы материалдар һәм тикшеренеүҙәр. Өфө, 1976. 81 бит.
Сабирйәнова С. Ғ. Башҡорт теленең төньяҡ-көнбайышында туғанлыҡ терминдары // Башҡорт диалектологияһы буйынса тикшеренеүҙәр һәм материалдар. Өфө, 1981. 50-51 бит.
Сабирйәнова С. Ғ. Ғүмерен фәнгә бағышланы (Күренекле ғалимә Нәжибә Мәксүтова хаҡында) // Башҡортостан. 2009. № 20–21.
Сабирйәнова С. Ғ. Егәрлегә Хызыр Ильяс юлдаштыр (Н.Х. Мәксүтованың яҡты иҫтәлегенә) // Рәсәй Фәндәр академияһы Өфө ғилми үҙәге Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты хеҙмәттәре. 2-се сығ. Өфө, 2008. 103–115-се бб.
Сабирйәнова С. Ғ. Йәшәү бәхетен фәндә тапты (телсе-диалектолог, филология фәндәре докторы профессор Нәжибә Мәксүтованың тыуыуына 80 йыл) // Ағиҙел. 2012. № 11. 125–132-се бб.
Сабирйәнова С. Ғ. Йолаларҙа аш-һыу. Өфө: Ғилем, 2008.
Сабирйәнова С. Ғ. Йөрәгендә ҡояш // Башҡортостан. 2007. 13 ғинуар.
Сабирйәнова С. Ғ. Йыр-моңға ғашиҡ ғалим (Риф Сөләймәновҡа – 75 йәш) // Башҡортостан. 23 июнь. 2012. № 128.
Сабирйәнова С. Ғ. Кыйммәтле аманатлар сағында // Кызыл таң. 2006. 15 февраль.
Сабирйәнова С. Ғ. Наименования пищевых продуктов в башкирских говорах. Уфа: Китап, 2009. 110 с.
Сабирйәнова С. Ғ. Незабываемые имена // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Уфа, 2010. С.174–178.
Сабирйәнова С. Ғ. Уралҡайым буйы моңға тулған // Заман-Башҡортостан. 1996. 1–7 июнь.
Сабирйәнова С. Ғ. Үҙ жирендә аның үҙ жыры бар… // Кызыл таң. 2012. 25 август.
Сабирйәнова С. Ғ. Халыҡ йолалары һәм аш-һыуҙар // Ватандаш. 1998. № 8. 182–189-се бб.
Сабирйәнова С. Ғ. Яңғыраһын моңло сазың // Башҡортостан. 2012 йыл. 28 ноябрь.
Сабирьянова С. Г. Наименования молочных продуктов в башкирских говорах // Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка. Уфа, 1982. С. 49.

© Гайсина Ф. Ф., 2022

УДК *8. 811.511*

Гайсина Ф. Ф., Россия, г. Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, н.с.
Сабирьянова С. Г., Россия, г.Уфа

ВКЛАД У. М. ЯРУЛЛИНОЙ В ИЗУЧЕНИЕ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА И ДИАЛЕКТОЛОГИИ

В данной статье описывается жизненный путь учёного-языковеда, лексиколога и диалектолога У.М. Яруллиной. Особо выделяется ее значимый вклад в башкирское языкознание, приведены научные книги, словари, статьи по лексикографии и диалектологии, над которыми работала учёная. Результатом многолетнего труда Урии Мухаметовны стала её монография "Лексика демского говора", где проанализированы фонетические, грамматические, морфологические, лексические особенности говора. В работе также упоминается редакторская и общественная деятельность исследователя

Ключевые слова: *башкирский язык, лексика, лексикология, диалектология, говор Демских башкир, У.М. Яруллина.*

Gaysina F. F., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature of UFRC RAS, Senior Researcher
Sabiryanova S. G., Russia, Ufa

CREATIVE WAY OF LINGUIST U.M. YARULLINA

This article describes the life path of the linguist, lexicologist, dialectologist U.M. Yarullina. Her significant contribution to Bashkir linguistics is highlighted, scientific books, dictionaries, articles on lexicography and dialectology, on which the scientist worked, are given. The result of Uriya Mukhametovna's long-term work was her monograph "The Vocabulary of the Demsky dialect", where she analyzed phonetic, grammatical, morphological, lexical features. The work also mentions her editorial and social activities

Keywords: *Bashkir language, vocabulary, lexicology, dialectology, dialect of the Dem Bashkirs, U.M. Yarullina.*

ТЕЛСЕ-ҒАЛИМӘ УРИЯ ЯРУЛЛИНАНЫҢ ХЕҘМӘТ ЮЛЫ
(башҡорт теле һәм диалектологияһының өйрәнеүгә индергән өлөшө хаҡында)

Башҡорт телен, диалектологияһын өйрәнеүгә күп көс һалған телсе-ғалимдар араһында лексиколог, диалектолог Урия Мөхәмәт ҡыҙы Яруллина ла бар.

У. М. Яруллина (Ҡәйүмова) (2.05.1928) Салауат районының Миндеш ауылында крәҫтиән ғаиләһендә тыуған. 4 йәшендә әсәһе, 5 йәшендә атаһы вафат, булып бик иртә йәтим ҡала. Уны Ҡалмаҡ ауылындағы йыраҡ туғандары ҡарап үҫтерә.

Буласаҡ ғалимә Ҡалмаҡ ауылының башланғыс мәктәбен һәм 1944 йылда Ҡаратаулы ауылы урта мәктәбендә белем алып сыға. 1946–1950 йылдарҙа Тимирязев исемендәге педагогия институтының әҙәбиәт бүлеген тамамлап, 1950–1951 йылдарҙа Беларет районының Сәрмән урта мәктәбендә башҡорт теле һәм әҙәбиәте уҡытыусыһы булып эшләй. 1951–1952 йылдарҙа Мағариф министрылығы йүнәлтмәһе буйынса Чкалов өлкәһенең Желтое ҡалаһының педагогия училищеһына башҡорт теле һәм әҙәбиәте уҡытыусыһы итеп ебәрелә. 1952 йылдың 4 сентябрендә СССР Фәндәр академияһының Башҡортостан филиалы Тарих, тел һәм әҙәбиәт институтына кесе ғилми хеҙмәткәр булып эшкә алына. 1953–1957 йылдарҙа ситтән тороп аспирантурала уҡый. Диссертация темаһы "Дим буйы башҡорттарының һөйләше" була, ә ғилми етәксеһе итеп Ҡасим Закир улы Әхмәров тәғәйенләнә. 1953–1955 йылдарҙа өс тапҡыр Дим һөйләше буйынса материал йыя, экспедицияларға сыға.

1959 йылда Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты башҡорт теленең ерле һөйләштәренең лексик, фонетик һәм морфологик үҙенсәлектәрен үҙ эсенә алған материал йыйыу буйынса 45 көнлөк зур экспедиция планлаштыра. Материал йыйыу өсөн филология кандидаттары Н.Х.Мәҡсүтова менән Н.Х.Ишбулатов тарафынан махсус һораулыҡ әҙерләнә. Был экспедицияны ойоштороуҙа СССР Фәндәр академияһының Тел ғилеме институтынан (Мәскәү) яҡташыбыҙ Әхнәф Юлдашев ҡатнашып, уны оҙатып ҡала. Был экспедицияла Институт хеҙмәткәрҙәренән Урия Яруллина, Сәриә Миржанова, Зәйнулла Ҡолмөхәмәтов, БДУ-нан дүрт студент – Әхмәр Аҙнабаев (артабан ул профессор дәрәжәһендә башҡорт теле грамматикаһы, морфологияһы буйынса күп хеҙмәттәр авторы), Марс Зарипов, Венера Ибраһимова һәм Сәнә Сабирйәновалар ҡатнаша. Нәғим Хажғәлиевич Ишбулатов етәксе була.

Институтта Урия Мөхәмәт ҡыҙы Ә.Ғ.Бейешев, М.И. Дилмөхәмәтов, Г.Д. Зәйнуллина, Н. Х. Ишбулатов, Т. Х. Кусимова, С. Ф. Миржанова, Н. Х. Мәҡсүтова, У. Ф. Нәҙерғолов, С. Ғ. Сабирйәнова, З. Ғ. Ураҙбаева, З. Ғ. Ураҡсин һ.б. кеүек исемдәре киң билдәле ғалимдар менән менән бер коллективта эшләйҙәр. Улар менән бергә күп китаптар, һүҙлектәр төҙөйҙәр.

У. М. Яруллина ғүмеренең күп өлөшөн ике телле һәм аңлатмалы һүҙлектәр төҙөү кеүек бик теүәллек, диҡҡәтлек талап иткән хеҙмәткә бағышлай. "Башҡорт теленең һүҙлек составын йыйыу өсөн һораулыҡ" [Һораулыҡ, 1959], 22 000 мең һүҙҙән торған "Башҡортса-русса һүҙлек" ("Башкирско-русский словарь") [БРС, 1958], "Башҡорт теленең аңлатмалы һүҙлеге"нең 2 томын [БТАһ, 1993],

“Башҡортса-русса һүҙлек” [БРС, 1996], “Русса-башҡортса һүҙлек” [РБС, 2005] 2 томда төҙөүҙә ҡатнаша. 46 000 һүҙҙән торған “Русса-башҡортса һүҙлек”те (“Русско-башкирский словарь”) [РБС, 1964] төҙөүҙә ҡатнашыуҙан тыш, уларҙың редколлегия ағзаһы ла була.

У. М. Яруллинаның “Дим һөйләше лексикаһы” (“Лексика демского говора”) [Яруллина, 2002] хеҙмәте айырыуса иғтибарға лайыҡ. Бында ул Дим буйы һөйләшенең фонетик, грамматик, морфологик, лексик үҙенсәлектәрен ентекле анализлаған.

Ғалимә лексикографиянан тыш диалектология буйынса ла хеҙмәттәр яҙа, уның ғилми йыйынтыҡтарҙа “К изучению категории наклонения глаголов в башкирских диалектах” [Яруллина, 1968], “О некоторых морфологических особенностях говора демских башкир” [Яруллина, Максютова, 1963] тигән, һ.б. мәҡәләләре донъя күргән.

У. М. Яруллина йәмғиәт тормошонда ла бик әүҙем ҡатнаша, ул 1959–1961, 1961–1963 йылдарҙа Өфөнөң Киров районы советының 7–8 саҡырылыш депутаты булып һайланыла.

Ғалимә 1989 йылда өлкән ғилми хеҙмәткәр дәрәжәһендә хаҡлы ялға сыға. Урия Мөхәмәт ҡыҙы фән өлкәһенә индергән хеҙмәте өсөн БАССР Юғары советы, СССР Фәндәр академияһы һәм уның Башҡортостан филиалы президиумдарының почет грамоталары менән бүләкләнгән.

Әҙәбиәт

БРС – Башкирско-русский словарь. М., 1958.

БРС – Башкирско-русский словарь: 32000 слов / Российская академия наук. Уфимский научный центр. Академия наук Республики Башкортостан; под ред. З.Г. Ураксина. М.: Дигора, Рус.яз., 1996. 884 с.

БТҺ – Башҡорт теленең һүҙлеге. Т. I—II. М., 1993.

Һораулыҡ – Башҡорт теленең һүҙлек составын йыйыу өсөн һораулыҡ / Төҙ. Н.Х. Ишбулатов, З.К. Ишмөхәмәтов, С.Ф. Миржанова, У.М. Яруллина. Өфө, 1959.

РБС – Русско-башкирский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1964.

Яруллина У.М. К изучению категории наклонения глаголов в башкирских диалектах (на материале демского говора) // Вопросы категории времени и наклонения глагола в тюркских языках. Баку, 1968. С. 182–188.

Яруллина У.М. Лексика демского говора / Отв.редактор д.ф.н., проф. Ф.Г. Хисамитдинова. Уфа, 2002. 168 с.

Яруллина У.М., Максютова Н.Х. О некоторых морфологических особенностях говора демских башкир // Из наблюдений над башкирскими говорами. Уфа, 1963.

Яруллина У.М. Некоторые лексические особенности говора демских башкир // Башкирская лексика. Темат. сб. Уфа, 1966. 223 с.

© Гайсина Ф. Ф., Сабирьянова С. Г., 2022

УДК *811.512.141*

Ганеева Г. Г., Россия, г. Бирск
Бирский филиал БашГУ, к.ф.н., доцент

ГОВОР БАШКИР БАССЕЙНА САКМАР В РОМАНЕ М. АБСАЛЯМОВА «ХАЛЬФА»

В данной статье анализируется употребление лексических диалектизмов ик-сакмарского говора в романе М. Абсалямова «Хальфа». Стилю писателя свойственны глубокий национальный колорит, сочность языка, жизненность и самобытность художественных образов. Писатель хорошо знал все тонкости башкирского языка, талантливо описывал нюансы простонародной разговорной речи и сумел передать неповторимые образы современников. Наше исследование показывает, что автор в своем романе широко употребляет лексические и морфологические диалектизмы, характерные ик-сакмарскому говору башкирского языка.

Ключевые слова: *писатель, язык, стиль, диалект, говор, речь, фразеологизмы, пословицы.*

Ganeeva G.G., Russia, Birsk
Birsk branch of Bashkir State University, PhD in Philology, Associate Professor

THE DIALECT OF THE BASHKIRS OF THE RIVER SAKMAR IN M. ABSALYAMOV'S NOVEL "KHALFA"

This article analyzes the use of lexical dialectisms of the Ik-Sakmar dialect in the novel "Khalfa" by M. Absalyamov. The style of the writer is characterized by a deep national flavor, juiciness of the language, vitality and originality of artistic images. The writer knew all the subtleties of the Bashkir language well, conveyed the nuances of common colloquial speech and managed to convey the unique images of his contemporaries talentedly. Our study shows that the author uses lexical and morphological dialectisms that are characteristic of the Ik-Sakmar dialect of the Bashkir language in his novel.

Keywords: *writer, language, style, dialect, dialect, speech, phraseological units, proverbs.*

Мөслим Әбсәләмовтың «Хәлфә» романы лексик байлығы, морфологик төрлөлөгө, синтаксик конструкцияларҙың варианттары күп булыуы менән айырылып тора. Әҫәрҙә уңышлы сағыштырыуҙарҙы, эпитеттарҙы, бай синонимдар теҙмәһен, яҙыусы телмәренә генә хас индивидуаль-стилистик метафораларҙы, тапҡыр мәҡәл-әйтемдәрҙе, фразеологик берәмектәрҙе осратырға мөмкин. Роман теленең мәртәбәһен күтәреүсе тағы бер һыҙат: һүрәтләнгән дәүергә хас иҫкергән һәм тарихи һүҙҙәрҙең оҫта һәм урынлы ҡулланылышы, персонаждарҙың телмәрен береһенән икенсеһен айырып тороусы һүҙҙәр ҡатламы булыуы. Ҡазаҡ, татар һүҙҙәре лә ҡәрҙәш халыҡтарҙың телмәрен, йәшәйешен тулы сағылдыра.

Романда төп ваҡиғалар бер-береһенә терәлеп ятҡан Йылғабай һәм Үмәр (Хәҙерге Йылайыр районы Юлдыбай ауылы – Ғ.Ғ.) ауылдарында бара. Әҫәрҙә тап ошо ауыл халҡының һөйләшенә хас фонетик, морфологик һәм лексик-семантик диалектизмдар, фразеологик берәмектәр айырым урын алып тора. Улай ғына түгел, төп геройҙың аралашҡан замандаштары, уҙаҡташтары телмәре аша яҙыусы республиканың башҡа төбәк халҡының һөйләү үҙенсәлектәрен сағылдыра алған.

Яҙыусы тәү сиратта көньяҡ диалекттың эйек-һаҡмар һөйләшендә ҡулланылған һүҙлек ҡатламы менән эш итә. Романда һөйләштең фонетик үҙенсәлеге күҙгә ташлана: йыш ҡына “ул” алмашында “у” һуҙынҡыһы “а” өнө менән алмашына. Мәҫәлән, аны, анан, аңа, аңда, аңғанса. Миҫалдар: *<u>Аңғанса</u> шаулаша-бытырлаша бүтән шәкерттәр ҙә ҡайта башланы. Булдырабыҙ аны беҙ! – тип күңелле элеп алды хужабикә ирҙәр һүҙен, үҙ эштәре менән мәшғүл булып йөрөһә лә.*

Әҙәби телдәге “был” күрһәтеү алмашы урынына “мынау”, “мына” алмаштары ҡуллана. Мәҫәлән, *Уны тәү башлап алып инеүсе мөттәһамдар, ҡыҙғанысҡа ҡаршы, хаҡ мосолман балалары, <u>мынау</u> ултырған һеҙҙең иптәштәрегеҙҙер. Ә <u>мына</u>, үҙең беләһең, “ҡазаҡтар” тигән ара юҡ.* Һәм, киреһенсә, һөйләштә “м” өнө урынына “б” өнө килә. Миҫал: *Әйттем дә бер күлдәк <u>белән</u> генә ҡотола алмаҫһың тип…*

Һаҡмар буйы башҡорттары телмәренә, айырым осраҡта, айырыуса һөйләүсе асыуланып йәки юғары тон менән әйткәндә, “һ” өнөн “ҫ” өнөнә алмаштырыу хас: *<u>Аҡҫаҡ</u> күп йөрөй, һуҡыр күпте күрә” – тип әлеп алды икенсеһе һәм малайҙы текемләне…*

“ҙ” өнө урынына “р” өнө ҡулланыу көнсығыш диалекттың ҡыҙыл һөйләшенән тыш һаҡмар һөйләшсәһендә бар. Мәҫәлән, Хужалар, ҡунаҡтар, тыуған-тыумасалар бер нисә түңәрәк хасил итеп, йәшел <u>сирәм</u> өҫтөнә йәйелгән келәм, кейеҙ, балаҫ, буй юрғандарға теҙелеште. Әйтергә кәрәк, ҡайһы бер һүҙҙәрҙә әҙәби телдәге “д” өнө урынына “ҙ” килә, йәиһә “ҙ” өнө “з” менән алмашына. Миҫалдар: *Көҙ байлығы тип <u>ризуан</u> алып ҡайтып, әүәҫлек башына ташланы. Заһит муллаға иң <u>нәғездәрен</u> генә төшөндөрөп бирҙе* (һүҙлектә – нәғеҙ).

Элизия күренеше халыҡтың йәнле һөйләү телмәрендә йыш осрай. М.Әбсәләмов персонаждар телмәрендә уларҙы оҫта файҙалана. Миҫал: *Булһа, шул сәсеү менән бесән <u>шкараһында</u> булыр инде. Бүлдермәйсә <u>тыңласәле</u>…*

Ерле һөйләш телендә “алып” ҡылымынан һуң “ҡайтыу”, “китеү” кеүек ярҙамсы ҡылымдар килһә, алдағы ҡылым ҡыҫҡарып, ап- формаһында әйтелә. Миҫалдар: *Ултыртып апҡайттыңмы? Ваҡ малды һәм һыйырҙарҙы хәҙер үк әпкитәбеҙ.* Һуңғы миҫалдан күренеүенсә, ярҙамсы ҡылымдың нәҙек һуҙынҡылары алдағы һүҙгә йоғонто яһап, ҡушма ҡылым тотош нәҙегәйгән.

-ып/-еп ялғауына бөткән ҡылымдан һуң “барыу” ҡылымы килһә, “б” өнө төшөп ҡала һәм фәкәт “п” өнө генә әйтелә. Миҫалдар: *Йә, бөттө-бөттө, әбей, юҡһа малай алдында абруйҙы төшөрөп апараһың. Начальник ышанмаһа ла, ҡатынының күңеле булһын тип, апаралар.*

Халыҡ телендә рус теленән үҙләштерелгән һүҙҙәрҙә тартынҡы менән башланған һүҙ алдынан һуҙынҡы өн өҫтәп һөйләү – протеза күренеше осрай. Был күренеш түбәндәге миҫалдарҙа асыҡ күренә: *Шарҙары ла бәүел ҡыуығынан яһалмаған – ысын <u>эризиңкә</u>. <u>Эстәрәпке</u> үҙенсә аңланы… Ғәрәп һүҙе "рыя" (ихласһыҙ), "вайым", "ваҡ" һүҙҙәрендә лә өн өҫтәү күренеше бар: – Һе, – тине Шәүрә <u>ырыя</u> ғына. <u>Ыуайымланма</u>, әсәй. Ҡалала аҙым һайын ашхана ла ҡабаҡ. Күрәһеңме, шәкерт дуҫ, <u>ыуаҡ</u> ҡына булһалар ҙа, ҡаҙаҡ аттары бик әрһеҙ ул.*

Көньяҡ диалектта осраған ҡайһы бер лексик диалектизмдарҙың барлығҡа килеүе лә рус һүҙҙәрен боҙоп әйтеүҙән нығынып ҡалған: *Мөһабәт, тим, үҙегеҙ самалап ҡарағыҙ: тирә-яғын ике ҡатлы йорттар уратып алған <u>быланты</u> ғына егерме бишкә егерме биш сажин.* Былант – ишек алды, план һүҙенән алынған. Был һүҙ элек һәр йортҡа планға һыҙылған ер бүлеп биреүҙән тороп ҡалған.

Романда көньяҡ диалекттың һаҡмар буйы башҡорттарының телмәрендә осраған һүҙҙәрҙән бол, бурбай, бот (аяҡ), бүкән, көлдөксә, ҡарһүҙ, ҡулғамыт, ҡәйнәм, ҡайным, ҡәрсәй (ҡәртәсәй), атаһы, әсәһе (өндәш һүҙҙәр), мөгәрәп, моҡсай, тоҡсай, сүгәтә, сынаяҡ, ыҙма, аласыҡ, ялан кәртә, лапаҫ, әүеҫлек, солан, һаҡыш, өрәй, ылаңҡы, осмот, яҫтыҡ, тоҙлоҡ, тыҡрыҡ кеүек һүҙҙәрҙе осратырға була. Миҫалдар: *<u>Көлдөксә</u> алдына йөгөнөклəп мыштырлаған Гөльямал, ғәҙәтенсә, яратып ҡына ҡартын төрттөрөп алды. Ҡарттар көндәр имшетеү менән <u>аласыҡта</u> ҡуна башлағайны. Шулай шыбырланы ла Шәүрә <u>түрбашҡа</u> ашыҡты, <u>ҡашығаяҡ</u> шылтыратырға тотонған булды. Ә бына шәфәҡ нуры һүрелгәс, ауылда шау-шыу баҫылып, мал-тыуар тауышы тынғас, ҡапҡа төбөндәге <u>бүкәнгә</u> Яманай Хәммәттең әбейе сығып ултырыр булды. Үрҙәрҙә йәйәүләрһең дә кәрәк саҡта <u>ҡулғамыт</u> итешерһең. … Ерһеҙ, малһыҙ уныса <u>ылаңҡыны</u> нисек аҫрар Ғәбсаптар. Ихата, ҡапҡа тигән нәмәләрҙең <u>осмото</u> ла юҡ. Улай һуғылды, былай һуғылды, алыр <u>боло</u> булмаһа ла кибеттәргә инеп сыҡҡыланы.* Романда Эйек һыуын һыулаған ауылдан килгән Ғәбсаптар һәм башҡа шәкерттәр телмәрендә мыртый, мырҙа, әшнә һ.б. һүҙҙәр ҙә урынлы ҡулланыла. Миҫалдар: *Минең ата-олатайҙың да өлөшө бар бит ул һарайҙа, <u>мыртыйым</u>. Эй, <u>мырҙалар</u>, һеҙ белгәнде урыҫтар сөйгә элгән.*

Ҡылым һүҙ төркөмөнә ҡараған аҡшаннау, арманһыҙ булыу, башты марама итеү, зитына тейеү, йәүкәләү, йыбаныу, һарыу ҡайнау, ҡаҡшатыу, ҡарһаланыу, ҡара башына шашыу, һағыу, өпләү, һүҙ ҙә ҡатмау, мас булыу, төпләп ҡуйыу, тәкәт бөтөү, тәкәт ҡоротоу, теңкәгә тейеү, талаҡ ташыу, ылҡаһы ла ҡалмау, әҡәл сиккә етеү, әҙәм мәсхәрәһе булыу, уҡа ҡойолоу, форсат тыуыу, ойотҡо һалыу, эс ҡайышыу, көндәр имшетеү, ойпалашыу, хитланыу, әптәләнеү кеүек һүҙҙәр М.Әбсәләмов романында тап халыҡ һөйләшкәнсә, халыҡ һуты менән һуғарылып бирелә: *Емте, <u>зитына</u> теймәгеҙ Сабирҙың. <u>Йәүкәләүселәр</u> күп икән (F.F.: йәүкә – явка тигәндән). Ә һаҡаллы шәкерттәр – бигерәк тә Эйек буйынан килгән Ғәбсаптар – бер килке һүҙ талаштырып алмаһалар, <u>талаҡтары таша.</u> <u>Хитлана</u> торғас, Гөльямал эһе күҙәүендәй осҡон табып өфөлдәргә тотондо, һәм, ниһәйәт, сыраға ут ҡапты. Ҡуй, балам, <u>башты марама итмә</u>. Күҙҙәрен сылт йомоп, яурынын бөршәйтеп, Бәкер <u>әҡәл сиккәсә</u> сыҙарға тырышты. <u>Тәкәте бөттө</u> малайҙың. Нимә булды? Нимәгә <u>уҡаң ҡойолдо?</u> Иҙрис шығырлатып ҡапҡаны асыуға, <u>әптәләнеп</u> Гөльямал килеп тә сыҡты. Яҙ-яҙ, <u>аҡшаннама!</u> Тәүҙәрәк Иҙрис әйләнгән һайын уҡыуын бүлдереүсе ағаһына <u>һарыуы ҡайнаһа</u> ла, ахыр сиктә күнде. Алды-артыңды абайлап йөрө, берүк <u>өплəп китмәһендәр</u>. Иҙрис тә шуларға <u>һағып</u> китте.*

Әҫәрҙә оҡшатыу һүҙҙәренән яһалған бупылдашыу, бимазалау, бутырлау, бәлтерәү, гәпләшеү, йыпырыу, ҡыйпаңлау, мөйтөлдәү, мыштырлау, лабырлашыу, ләпелдәү, һуйҙаңлау, тозороу, тымпытыу, тызыҡлау, ҡызыҡлау, текемләү, сурытыу, сәрелдәү, сарбайлау, оронсоҡлау, озданлау, ҡулҡылдап кеүек ҡылымдар ҙа әҫәрҙе халыҡсан итә. Миҫалдар: *Беҙ ҙә озон-озаҡ <u>мыштырламайбыҙ.</u> Үҙен дә онотманы, әлбиттә - ауыҙы бер туҡтауһыҙ <u>мөйтөлдәне.</u> Нәзир инеп тикшереп, шәмде һүндереп сыҡҡас, уның һүҙ башларын түҙемһеҙлек менән көткән бүлмәләштәре, көндәгесә <u>бутырлашманылар</u>, тиҙ тындылар. Шәүрәһе лә <u>бимазаламаны</u>, әүәлге һымаҡ юҡ-бар һорауҙар менән ҡаҡшатманы. Шул уҡ ҡыҙҙың шаянлығын ҡул менән һыпырып алдылармы ни, <u>ҡыйшаңламай-ҡыйпаңламай,</u> әкрен генә һөйләй. На, малҡай! Былай <u>һуйҙаңлаһаң</u> ҡасан әйләнеп ҡайтырбыҙ. Мәжитте <u>һыу эскеһеҙ</u> итеп <u>тозороп</u> киткәндәр икән.*

Көньяҡ диалекттың эйек-һаҡмар һөйләшендә ҡулланылған үҙенсәлекле рәүештәргә әҫәрҙән түбәндәге миҫалдарҙы килтереү ҙә етә: *Аҫыл ғүмерегеҙҙе <u>алағайымға</u> исраф итмәгеҙ. Өҫтәүенә, бүрелəй бурҙайҙарын <u>тикмәгә</u> генә аҫрамайҙар. <u>Көноҙоно</u> тамаҡ сылатырлыҡ та һыу тапманы шул бөгөн. Иртәнсәк уҡ ҡыуып алып киткән һыйыр һәм кәзә-һарыҡ малы һаман килеп етмәгән ине әле, күрәһең, ашатып, <u>кисәүеллəп</u> алып киләләрҙер. Ярай, Тимербулат, <u>кискорон</u> барып ата-әсәйеңә уҡып күрһәтермен. Йылы һыу ҡойоп әҙерләп күйылған унлап ҡомғанға <u>бер килке</u> тығны булманы. Иҙрис таң ҡалған Ырымбур далаһы <u>әлхәм</u> булған икән әле. Ярай, мырҙам, самауыр артында <u>һәүәтемсә</u> һөйләшербеҙ. Буйтым булды.*

Сифат, алмаш һүҙ төркөмөнә ҡараған лексик берәмектәр: далай, ҡанса, уҫлаптай һ.б. Миҫалдар: *Таң атыуға әле <u>далай</u> ваҡыт бар. Минең мынау яҫтанып ятҡан <u>эт алғыһыҙ</u> көпөнөмө? <u>Ҡанса</u> ерҙән нисә көн тәпәйләп ҡайт та тағы тау-таш ҡыҙыр… <u>Уҫлаптай</u> ирҙең – етмәһә, мулла кешенең – шулай тороуы башҡаларға мәҙәк күренде... Ишмөхәмәт <u>тайпаҡ</u> йәйеңкегә һалынған сәйен ашыҡмай ғына, ләззәтләнеп һемерә-һемерә улына ҡарап һүҙен башланы. Эйе, <u>бауырмал</u> булып сыҡты килендәре. Улар (ҡулдары) ут кеүек <u>ипкенле,</u> һиҙелер-һиҙелмәҫ ҡалтырай ҙа ине. <u>Тиген бисә</u> тәү күреүҙә үк ят ирҙең салғыйына йәбешеп киләме?*

Романда ерле һөйләштең үҙ ымлыҡтары һәм башҡа хис-тойғо һүҙҙәре иркен ҡулланыла. Миҫалдар: *Әллә, <u>әйтәүер</u>. Эй, малайҙар, ултырышығыҙ, <u>мәйтәм</u>. <u>Мәйелең</u>, улым. <u>Мәйелегеҙ,</u> – тине ул һалҡын ғына. Ярай, <u>биғәйбә.</u> <u>Ыңк-мыңк</u> менән сикләнде. Шәкерттәр Әбдрәхмән мөдәрис хәүәдисенең төп асылын төшөндөләр, <u>шәйт</u>… Был нәҙек тауышты нишләп бая үк абайламаным мин, <u>маубаш</u>?.. <u>Баҡһаң,</u>*

былар ҙа йәй үткәрергә килгән шәкерттәр икән. Ырапат,… йыл да көсөклә ҙә ята. Ай әттәгенәһе, ҡоро сығаһың да баһа.

Яҙыусының әҫәрендә әҙәби телдән төшөп ҡала барып, халыҡтың һөйләү телмәрендә уңышлы ҡулланылған һүҙҙәрҙе осратырға була. Мәҫәлән: *Шулай ҙа алъюҫыҡҡа мат ҡурманылар киленен, беренбере тыйҙылар. Күңелдәре майыт булмаһын өсөн көллөһөнә лә бирергә булды ул нәмәне. …шундай уҡ маҡсат менән янып-бешеп йөрөүсе Әхмәтшаһтар әкрәбәһенең килендәре, тағы әллә кемдәр, тағы әллә кемдәр. Күмәкләшеп әпәүләй барып боламыҡ итеп бөттөк. Ике-өс өләмлек ризыҡ һалып, биштәрле тоҡсайын тағып алғас, Шәүрәһе уға ғәжәпһенеп текләне. Һин – ауыртүләк, булдырырһың, улым. Йоҡомһораһа ла, барын ишетеп-күреп, һиҙеп ултыра ул, ҡулсыр малайҙарҙың. Башҡаса төрмәгә бикләмәгәндәр, ә мөҙҙәте тулғас, һөргәндән дә ҡайтарғандар, ти.*

Автор тарафынан романда ҡулланылған ҡайһы бер тотороҡло һүҙбәйләнештәрҙең һәм айырым һүҙҙәрҙең башҡорт теленең фразеологизмдар һүҙлегендә лә, диалекттар лөғәтендә лә, ике томлы аңлатмалы һүҙлектә лә урын алмауы, уларҙың бары тик яҙыусы телендә генә файҙаланылыуы һоҡландыра. Мәҫәлән: *Килендәреңдең исемдәрен бутау эт ботонан да ҡырын инде. Миңә лә һорауға яуап бирергә хут бирмәйһегеҙ. Аҫтыртын зәйеллеге һис тә язаһыҙ ҡалмай: әлеге тал сыбығы арт һабағын уҡытып ала. Бушҡа ғына ҡырым-ҡытайға барып белем ейеп йөрөмәгәнһең икән… Ни бер япа-яҫы һүҙгә бәйләндегеҙсе.* Килтерелгән миҫалдарҙан фразеологик берәмек булып килгәндәре халыҡтың донъяны ҡабул итеүе, бер предметты, күренеште икенсе бер предмет, күренеш менән сағыштырыуы, рус теленән килеп ингән һүҙҙәрҙе һөйләү телмәрендә “башҡортсалаштырыуҙан” барлыҡҡа килгәндәр.

Ауыл халҡы телмәрендә иркен ҡулланылған мәҡәл-әйтемдәрҙән дә азат түгел М.Әбсәләмовтың бай телмәрле әҫәре: *Бер сынаяҡ йылы һыу ҙа эсергән юҡ, тура ултырып ҡырын һөйләп булмай, кешегә көнөң ҡалмаһын, ауыртмаған яғыңыҙға ятығыҙ, ҡырҡмаһа ҡырҡ мәшәкәте ҡырылып ята, оса тырнарға ла ваҡыты юҡ, һыныҡҡа һылтау, ауыҙын аса, үпкәһе күренеп тора, төбөнә тоҙ ҡоймай ҙур эшкә тотонып булмай, ҡыш бауыры оҙон, иләнмәгән-һуғылмаған бер ыштан* һ.б.

Әҫәрҙә халыҡ мәҡәлдәренә, фразеологик берәмектәргә -лай/-ләй ялғауы һәм уның фонетик вариванттары ҡушылып бер төркөм үҙенсәлекле сағыштырыуҙар яһалған. Улар ҙа йәнле һөйләү телмәре миҫалы булып тора. Мәҫәлән: ат менгәндәй, тәңкәһе һыуға төшкәндәй, балтаһы һыуға төшкәндәй, ауыҙына йөҙәк йәшергәндәй, йән дарыуындай күреп, зиннәттәй ҡурсып, уттай эш ваҡыты, улһыҙ ҙа үкенер, уллы ла үкенер тигәндәй, эт эҫәгенә май килешмәҫ тигәндәй, эт юрта тип бет юрта тигәндәй, үрмәксенән күрмәксе тигәндәй һ.б.

М.Әбсәләмов башҡорт телендә сағыштырыуҙар яһалыуҙың синтетик һәм аналитик формаларының һәр төрлөһөн оҫта ҡулланып, яңыса, көтөлмәгән сағыштырыуҙар барлыҡҡа килтереүгә өлгәшкән. Улар араһында -са/-сә, -дай /-дәй, -ҙай/ -ҙәй, -тай/ -тәй, -лай/ -ләй, -лыҡ/-лек ялғауҙары менән, -мы/-ме һорау киҫәксәһе һәм ни алмашы менән, “һымаҡ”, “шикелле”, “кеүек”, “төҫлө” бәйләүестәре ярҙамында яһалған аналитик формалары, әйтерһең дә, үйә, оҡшаған, хәтерләткән һүҙҙәре менән белдерелгәндәре бар. Шулар рәтендә ерле халыҡ телендә ҡулланылған “тас” һүҙе менән уңышлы йәнәшәлектәр барлыҡҡа килгән: *Таштарын суҡайтып торған был ҡая тас ауыҙын асып торған баяғы ғибрәттең башымы ни. Тас әүәлгесә: ирәмһей, ҡайғыра, рәхәтләнә, ыҙалай, маһая, үкенә, һөйөнә, бошона, көлә, илай. Уның тас үҙенә оҡшаған сыбар ҡолоно, ҡыҫҡа ғына ҡойроғон болғай-болғай, иркәләнеп имсәк имә.* Бирелгән һүҙ һүҙгә артыҡлыҡ мәғәнәһен өҫтәүсе киҫәксә булып килә. Миҫал: *Өҫтәүенә, тас түбәндән тиерлек аяуһыҙ ҡояш көлә.*

Морфологик диалектизмдар персонаждарҙың телмәрен халыҡтың йәнле һөйләү телмәренә тағы ла яҡынайта төшә. Әҙәби телдә күплек ялғауының дүрт төрлө варианты бар. Көньяҡ диалектта -лар/-ләр өҫтөнлөк ала. Миҫалдар: *Вә һәм барлыҡ күрше-күләндәргә айырмайынса күп сәләмнәр күндереп, изге теләкләр теләп ҡалам. Ҡыҙлар, әйҙә былайтып ҡарайыҡ.*

Раҫлауҙы белдергән ла/лә баһа, да/дә баһа, ҙа/ҙә баһа, та/тә баһа киҫәксәләрен телмәрҙә йыш файҙаланыу ерле һөйләштең йәнә бер үҙенсәлеген билдәләй. Бындай күренешкә романдан байтаҡ миҫалдар килтерергә була: *Үҙегеҙ хат яҙҙығыҙ ҙа баһа. Ҡояш ҡалҡып килә лә баһа.*

Ғөмүмән, Мөслим Әбсәләмовтың “Хәлфә” романы бай әҙәби тел менән бер рәттән халыҡтың сағыу тел үҙенсәлектәрен бергә туплаған мәртәбәле әҫәр булып тора. Романдың телен өйрәнеп кенә лә диалектологик экспедицияға торошло бай материал тупларға мөмкин. Академик Ғ.Хөсәйеновтың замандашына һәм фекерҙәшенә яҙған хатында ошондай юлдар бар: “…Ауыл тормошон яҡшы белеүең, халыҡтың тос тел үҙенсәлектәрен, характерың яҡшы белеүең ҡыуандыра. Һинең ижади уңыштарыңдың береһе шундалыр, моғайын. Телде яҡшы белеүең, үҙ стилең булыуы һоҡландыра. Һин беҙҙең, үҙеңдең быуын башҡорттарының һутлы лексик байлығын, һөйләү ҡоролошон әҙәбиәттә теркәп йәшәтеп ҡалдырыуың менән ҙур эш башҡараһың”. Арҙаҡлы ғалимдың яҙыусыға биргән юғары баһаһы менән тулыһынса килешеп, яҙыусы Мөслим Бәхтиәр улы Әбсәләмов бай телмәрле мөғәллим-яҙыусы булараҡ тотош китап һөйөүсе уҡыусыларына бөйөк остаз булды, тип әйтке килә.

Әҙәбиәт

Башҡорт теленең диалекттары һүҙлеге. Өфө: Китап, 2002. 432 б.
Башҡорт теленең һүҙлеге: Ике томда. М.: Рус.яз., 1-се том, А – М. 1993. 815 бит; 2-се том, Н – Я. 1993. 862 б.
Әбсәләмов М. Хәлфә. Роман. Өфө: Китап, 2008. 464 б.

© Ганеева Г. Г., 2022

УДК *82:801.6*

Гарифуллина Э. Ф., Россия, г. Казань
Казанский (Приволжский) федеральный университет, аспирант
Юсупова Н. М., Россия, г. Казань
Казанский (Приволжский) федеральный университет, д.ф.н., профессор

КРИТИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В СОВРЕМЕННЫХ ТАТАРСКИХ ПОЭМАХ

В статье раскрываются идейно-художественные и жанрово-стилевые особенности современных татарских поэм на материале произведений М. Мирзы. В ходе исследования утверждается, что в его поэмах порождается своеобразная литературная модель, которая выражает эмоциональную реакцию лирического героя на общественно-политические стороны действительности. Выстраивание в поэмах такой модели структурирует особый тип лирического героя, который выступает от имени «мы» как представитель своего поколения или татарского народа в целом.

Научная новизна определяется иным подходом к изучению творчества М. Мирзы: в ходе исследования акцентируется внимание на выявлении идейно-художественного и жанрово-стилевого своеобразия поэм М. Мирзы. Структурно-семиотический анализ поэм, оценка их в идейно-эстетической и жанрово-стилистической целостности дадут возможность выделить новые грани не только в творчестве поэта, но и в развитии жанра поэмы в современной татарской поэзии.

***Ключевые слова**: поэма, критическое начало, образ, жанр, татарская поэзия.*

Garifullina E. F., Russia, Kazan
Kazan (Volga Region) Federal University, postgraduate student
Yusupova N. M., Russia, Kazan
Kazan (Volga Region) Federal University, Doctor of Philology, Associate Professor

THE CRITICAL BEGINNING IN MODERN TATAR POEMS

The article reveals the ideological-artistic and genre-style features of modern Tatar poems based on the material of the works of M. Mirza. In the course of the study, it is argued that in his poems a kind of literary model is generated, which expresses the emotional reaction of the lyrical hero to the socio-political canons of reality. The construction of such a model in poems structures a special type of lyrical hero who acts on behalf of "we" as a representative of his generation or the Tatar people as a whole.

Scientific novelty is determined by a different approach to the study of M.Mirza's creativity: in the course of the study, attention is focused on identifying the ideological, artistic and genre-style originality of M.Mirza's poems. The structural-semiotic analysis of poems, their evaluation in ideological-aesthetic and genre-stylistic integrity will make it possible to identify new facets not only in the poet's work, but also in the development of the poem genre in modern Tatar poetry.

***Keywords:** poem, critical beginning, image, genre, tatar poetry.*

Татарская поэзия на протяжении всего XX века возглавляет процесс возрождения национальной идеи, размышления о судьбе татарского народа никогда не теряли свою актуальность и значимость. Тема судьбы татарского народа как константа поэзии XX века с конца 1980-х гг. получает новый импульс, обусловленный связанными с перестройкой процессами демократизации [Юсупова, Ибрагимов, 2012, 118]. В творчестве М.Мирзы значительное место занимают поэмы, в которых основными мотивами становится судьба татарского народа, понимаемая как утрата идентичности. В таких поэмах судьба татарского народа рассматривается в историческом контексте: поэт обращается к историческому прошлому, проводит исторические параллели между прошлым и настоящим, обращение к истории становится формой поэтической рефлексии по поводу самых разных вопросов. Лирический герой утверждает, что история, состоящая из трагедий, не может осчастливить ни отдельного человека, ни народ в целом. Таким образом, прошедшая история оценивается как время утраты национальных ценностей, национальной идеи. В связи с этим в поэмах большинство современных проблем оценивается как эхо тоталитарной эпохи. Показательны в этом плане поэмы «Мы выросли без дедушки», «Турайгыр», «Не повторится никогда», «Слово – отражение современности». Например, в поэме «Мы выросли без дедушки» через переживания лирического героя оценивается трагедия целого поколения. Перед глазами проходят связанные с общественно-политическими переменами трагедии XX века, события, оказавшие влияние на человеческие судьбы.

Сюжет поэмы описывает трагические события XX века: снос минаретов, утрата духовных и нравственных ценностей, классовая борьба, которые раскрывают этот скорбный и кровавый этап истории. Потерю целого поколения автор расценивает не только как трагедию этого поколения, но и как трагедию будущих поколений, свою идею раскрывает на примере судьбы своего дедушки. Как результат этих событий М.Мирза описывает формирование уничижительного отношения к духовным ценностям, к проявлениям национального, к тому, что было создано потом и кровью предыдущих поколений. В авторской позиции противопоставляются официальная и личная оценка: «Говорят, славное время, / Говорят, шумное время, / А было оно скорбное, / А было оно кровавое» [Мирза, 2018, 291].

Нарастание чувств и переживаний лирического героя колеблется между тревогой и горечью. Он горюет и скорбит о том, что изувечивание духовного и нравственного поколения привело к нравственному ослаблению последующих поколений: «Говорят, что борьба священная, / Где ее священность? / Где мой дед / Где его священность ?... Оглянись в прошлое, – / Уже сколько поколений, / Сиротливы, уродливы, бедны, / Сердце горестно плачет». В результате гисьянистский по своей природе герой выступает в статусе борца за свой род и за свою нацию в целом: «Какая впереди борьба? / Я выхожу на

арену! / Мы выросли безбожниками, / Прости нас, Аллах!» [Мирза, 2018, 293].

Те же мотивы прослеживаются и в поэме «Турайгыр», посвященной деду автора Нурлыгаяну – жертве репрессий. В сюжете поэмы описываются события тридцатого года, когда «советский» Газиззян, Абузар, Марфуга раскулачивали односельчан, согнали людей в колхоз, забрали их коров и лошадей. Автор утверждает, что изгнания из деревни духовно-нравственного поколения, отречение от духовных ценностей приводит к духовному обнищанию, этот мотив выражается посредством таких узнаваемых символических образов, как *ал әләм* (красный флаг), кызыл кәфенлек (красный саван), трансформируя их традиционное, идеологическое значение. Образ красного савана в тексте констатирует конец духовно-нравственного склада жизни и начало тоталитарной системы. Так поэт обращается к демифологизации советской идеологии, когда люди массово погибали в лагерях.

В ходе описания трагедии, причиненной в годы репрессий его роду, родственникам, односельчанам, М.Мирза обращается к образу лошадей – турайгыров, отнятых во времена кровавых событий у своих хозяев. В татарском фольклоре конь известен как самый важный атрибут юноши, символ храбрости, семантическая схема, восходящая к эпохе древних гуннов. В сказках потерявший коня юноша бывает обречен на несчастья, в народных песнях поется «крыло мужчины – конь», в пословицах конь уподобляется мужскому сердцу («В сердце мужчины сидит оседланный конь»). В структуре поэмы образ коня превращается в образ, символизирующий жизнь деревни, племени, народа, мужчин, являющихся опорой страны. Кроме того, автор, не ограничиваясь традиционными значениями, превращает его в многоуровневый символ, прочитывающийся как национальная стойкость, истинная вера – так образ коня приобретает национальный колорит. Таким образом, судьба человека и нации рассматривается в историческом контексте, поэт обращается к историческому прошлому, проводит исторические параллели между прошлым и настоящим. Поэма «Турайгыр», наряду с описанием тридцатых годов, ориентирована на подтверждение национальной стойкости в памяти отдельного человека и нации в целом, которая актуальна в любое время, в каждую эпоху.

Поэма своеобразна и в поэтическом аспекте. В начале поэмы автор использует своеобразный поэтический прием – повторение риторических вопросов с целью создания состояния неопределенности. Кроме того, авторская позиция выражается через иносказания посредством символических образов и своеобразных тропов. В поэтическом плане он ассоциируется со стихотворением М. Джалиля «Варварство». Таким образом, трагедия села, односельчан как результат общественно-политических событий тридцатых годов прошлого века отождествляется с всеобщей трагедией.

Критическое отношение к проблемам действительности с точки зрения судьбы нации, духовных ценностей и национальных традиций углубляет гражданственное содержание поэм. Вобравшая в себя вековую историю поэма «Кысыр Гариф» в этом плане звучит особенно проникновенно. Поэма, дополняющая ряды поэм, написанных на тему войны, пронизана гуманистическим пафосом и утверждает человеческое в человеке. Она повествует о том, что, человек, находившийся в гуще событий, пройдя сквозь все невзгоды войны, пережив духовные трагедии, стремится остаться человеком.

М. Мирза обновляет традиции татарской поэзии послевоенных лет, «возвращает» в татарскую поэзию лирического героя, признающего трагедию войны как трагедию поколения, оценивающего ее как трагическое прошлое, переживающего за разрушенные войной судьбы. Его душа болит за принесенные войной страдания, за продолжение ее последствий в судьбах других поколений, он переживает горечь за всех: начиная с Гарифа, за каждого героя, за трагическую жизнь ослабленных войной и послевоенными трудностями и лишениями слабых, но одновременно духовно сильных женщин. На протяжении всей поэмы раскрывается мысль о том, что эта трагедия оставила свой след в жизни каждого человека.

М. Мирзой продолжается своеобразная цепь поэзии послевоенных лет «судьба человека – судьба страны». По мнению автора, судьбы, разрушенные в те годы, тесно связаны с будущим страны: подчеркивается мысль, что и счастье, и несчастья Родины связаны с представителями этой страны – со счастьем или несчастьем отдельных людей. Поэтому поэма пронизана иной скорбью и печалью. Для поэта, способного видеть и понимать итоги и трагедию войны, эта скорбь превращается в тревогу за будущее нации. Эта мысль, в сильной позиции вынесенная в название поэмы, еще раз усиливается эпитетом «кысыр».

Стержнем поэтики поэм М.Мирзы становятся восточные традиции, символика и инсоказательность. Использование пословиц и поговорок, медитативность, философичность, построение стихотворных строк в духе национальных традиций, обращение к тонкой, по-восточному характерной иронии, намекам, доведение отдельных высказываний до уровня афоризма, стилизация под восточные жанры – все характеризует оригинальность поэтики его произведений. Мастерство поэта связано и с его умелым использованием слов-изречений, с созданием совершенно неожиданных ассоциаций путем обогащения образов неожиданным смысловыми вариациями. Эта форма достойна высокой оценки в качестве его своеобразной находки. Поэмы М.Мирзы подтверждают в современном литературном процессе продолжение восточных традиций в жанре поэмы, их развитие, смысловое обогащение или трансформацию и говорят о том, что поэзия не потеряла национальные традиции и ценности.

Литература

Мирза М. Сайланма әсәрләр: биш томда. Т. 1. Казан: Мәгариф. Вакыт нәшр., 2018. 336 б.

Юсупова Н.М., Ибрагимов М.И. Современная татарская поэзия // Национальные литературы республик Поволжья (1980–2010 гг.). Барнаул: «Си-Пресс», 2012. С. 118–124.

Юсупова Н.М. Идейно-художественные и жанрово-стилевые особенности поэм М.Мирзы // Филология и культура. Philology and Culture. 2020. №1(59). С. 159–164.

© Гарифуллина Э. Ф., Юсупова Н. М., 2022

УДК *81.26*

Гасанова Н. Э., Азербайджан, г. Баку
Бакинский славянский университет,
соиск. уч.ст. доктора философии по фил. наукам

ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА И МЕДИЦИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

В рамках данной статьи рассматривается интерактивная связь терминов с общеупотребительной лексикой. Как известно, термины употребляются в основном в научном стиле и считаются ключевым показателем научных работ, статей, монографий. Однако термины также встречаются в прозе и поэзии, которые являются образцами художественного стиля. Термины в обычной речи используются для информирования подрастающего поколения о развитии науки и техники. Именно в этом и заключается интерактивная связь терминов с общеупотребительной лексикой. В ходе данного исследования был использован теоретико-описательный метод лингвистики.

Ключевые слова: *термин, общеупотребительная лексика, научный стиль, речь, интерактивная связь.*

Hasanova N.E., Azerbaijan, Baku
Baku Slavic University, Ph.D. student in Philology

COMMON VOCABULARY AND MEDICAL TERMINOLOGY

Within the framework of this article, the interactive connection of terms with common vocabulary is considered. As you know, the terms are used mainly in a scientific style and are considered the main indicator of scientific papers, articles, monographs. However, the terms are also found in prose and poetry, which are examples of artistic style. Terms in ordinary speech are used to inform the younger generation about the development of science and technology. This is precisely the interactive connection of terms with common vocabulary. In the course of this study, the theoretical and descriptive method of linguistics was used.

Keywords: *term, common vocabulary, scientific style, speech, interactive communication.*

Интенсивное развитие науки и техники создает условия для развития терминологии языка. Почти каждый день в нашем языке появляются новые лексические единицы, которые сначала входят в язык как обычное слово, затем становятся термином, обозначающим определенное понятие той или иной области.

В. М. Лейчик, ссылаясь на расчеты, сделанные чешским языковедом К. Сохором, отмечает, что более 90 % слов, появляющихся в языках в результате роста научно-технических знаний в современном мире, составляют специальные слова — термины [Лейчик, 2007, 47]. Терминология каждого языка является стратегической областью. Поэтому эта сфера всегда находится в центре внимания общества и государства. «Одна из главных особенностей термина, отличающая его от других лексических единиц, состоит в том, что он имеет особое поле развития. Это означает, что термины не могут иметь такого же широкого охвата, как общеупотребительные слова. Слово, соответствующее всякому вполне определенному понятию в области науки, техники и искусства, следует называть термином» [Гасымов, 1973, 117].

Термины имеют свои функции. Важнейшей из этих функций является получение, обмен определенной информацией и овладение какой-либо областью науки. Каждое новое понятие, входящее в нашу жизнь, создает условия для появления термина в нашем языке. Общеупотребительные и неупотребительные лексические единицы в нашем языке обрабатываются как термины, проходя через терминологический процесс. Суть процесса терминации также реализуется на основе определенной системы. Примерами процессов в терминологическом слое языка служат терминология, детерминация и транстерминация.

Как и любая область науки, медицина имеет свою терминологическую систему. Говоря о терминах какой-либо сферы науки, используется термин сферовая терминология. Каждая область науки имеет свою терминологическую систему и особенности терминов, в том числе и медицинская наука. В английском и азербайджанском языках, являющихся языками разных систем, некоторые медицинские термины сначала стали образцом общеупотребительной лексики, затем заняли место в терминологических словарях в качестве терминов. По этой причине существует тесная связь между общеупотребительной лексикой языка и терминологической лексикой.

Теоретически считается, что каждая область знаний имеет свою терминологию, но опыт показывает, что, как правило, трудно разграничить терминологию смежных наук, а также провести серьезную грань между терминологией и общим словарем. В языкознании нет единого мнения о соотношении терминологии и общелитературного языка. Есть два разных направления в терминологии. Согласно первой позиции, термин как специальная единица противопоставляется слову как единице языка, подчеркиваются все различия между терминологической и общеупотребительной лексикой. Мнения по этому вопросу разделились и развиваются в двух направлениях. По мнению представителей первого направления, литературный язык подчиняется особой регламентации, диктуемой не нормами словоупотребления или словообразования того или иного языка, а условиями соответствующей подсистемы. Содержание терминов, их систематическая организация, иными словами, их сочетаемость, модели терминообразования находятся за пределами литературного языка [Лейчик, 2007, 148]. Исследователи второго направления В. В. Виноградов, Н. З. Котелова, М. Т. Кабре и др. рассматривают терминологическую лексику как неотъемлемую часть общелитературного языка в зависимости от процессов, происходящих в нем. Термин – такая же лексическая единица, как и слово, которая

лингвистически характеризуется своей фонетической и графической формой, простой или сложной морфологической структурой, грамматическими признаками и значением, обозначающим класс, к которому принадлежит тот или иной предмет. Между общим языком и специальным языком происходит постоянный обмен, в результате чего терминологический словарь становится частью лексики общелитературного языка.

Отношение терминов к общему словарю может быть различным: некоторые из терминов настолько широко распространены, что уже не признаются релевантными терминами, другие явно специфичны и известны только грамотным носителям языка, третьи известны только специалистам. Чем уже объем термина, тем точнее его использование и точнее его научное значение в отличие от его повседневного использования в национальном масштабе. Развитие терминологического словаря литературного языка представляет собой сложный процесс, как внешний и вне языка, так и внутренний, сопровождающийся языковыми факторами и событиями. Переход термина из специального в общеупотребительный происходит за счет «коммуникативной активности» термина, то есть в результате включения терминологической единицы в систему речи как активно-динамическую систему, направленную на выражение различных коммуникативных и речевых ситуаций. Выбор термина из той или иной конкретной области связан с процессом общения. Затем термин входит в языковую систему как хранилище языковой формы и обобщенного языкового значения. Таким образом, становится ясно, что существует неразрывная связь между двумя разделами словаря — общим и терминологическим. Это находит отражение в терминологии лексических единиц общелитературного языка. С другой стороны, при общей «интеллектуализации» речи, характерной для этого периода, происходит переход многих терминов в узкоспециализированный язык. В то же время в их содержании наблюдаются некоторое обеднение и упрощение. Термин теряет свою серьезную концептуальность, состоятельность, многозначность и входит в деловой и повседневный язык.

Медицина является одной из древнейших областей человеческой деятельности, поэтому медицинская терминология представляет собой давно устоявшийся словарь, но в то же время, это постоянно развивающаяся терминологическая система. В связи с интенсивным развитием медико-биологических, медико-химических, медико-технических знаний увеличивается количество специальных медицинских терминов. В медицине появляется много новых научных понятий и терминов. Многие старые термины подвергаются определенным изменениям, что позволяет наиболее полно и наглядно проследить тенденции развития и пути их образования, закономерности языковой номинации на материале английского языка, медицинской терминологии. Медицинская терминология – один из специфических слоев словаря, отличающийся структурными, семантическими, производными и стилистическими признаками; возникает из общеупотребительных слов и поэтому занимает особое место в лексической системе языка. Несмотря на большое количество работ как в отечественной, так и в зарубежной литературе, лингвистический аспект изучения терминологической лексики до сих пор нуждается в глубоком исследовании.

Разнообразие и сложность проблем в этой области свидетельствуют о вдумчивом, рациональном и продуктивном подходе к выбору темы, задач дальнейшей работы. Медицинская терминология представляет собой пласт лексического фонда со своими особенностями, поскольку каждый профессиональный подъязык имеет словарь номенклатуры, связанный с определенными реалиями и предметами. В этом особенность словаря терминологии. Неисчерпаемость проблем этого лексического пласта до сих пор привлекает лингвистов и исследователей к открытию его новых качеств, особенностей, характеристик, признаков как подсистемы языка. В контексте ускорения научно-технического прогресса, любая область науки и техники выражается в терминах. Практически нет области знаний, которую можно изучить, не овладев ею. Медицинский словарь объединяет специальные медицинские и неспецифические медицинские термины в одной области. В русском языкознании общеупотребительные слова называют межстилевой лексикой [Шанский, 1964, 130]. Иногда из-за того, что общеупотребительная лексика далека от эмоционально-экспрессивной, общеупотребительные слова называют нейтральной лексикой.

Некоторые слова-термины принимаются массовым сознанием и переходят в общеупотребительный фонд. Большинство слов в общеупотребительном фонде почти не отличаются от лексики родственных языков. Слова, входящие в общий фонд нашего языка: термины родства, простые глаголы, местоимения, числа, прилагательные – идентичны с общим фондом других родственных языков.

Термин приобретает значение, когда он выражает понятие, принадлежащее только к одной области, а при употреблении в другом значении теряет право быть термином. В этом случае термин становится общеупотребительным словом или термином другой области. Сегодня лексические единицы «*грипп, температура, мигрень»* в нашем современном языке находятся в процессе становления общеупотребительным словом. Семантика этих терминов почти понятна подавляющему большинству, потому что эти лексические единицы уже используются в бытовом стиле, в нашей повседневной жизни.

Литература

Гасымов М. Основы терминологии азербайджанского языка. Баку: Наука, 1973. 240 с.
Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура, М.: ЛКИ, 2007. 340 с.
Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1964. 130 с.

© Гасанова Н. Э., 2022

УДК *81’33, 81.512.1*

Гафарова В. Р., Россия, г. Казань
Институт прикладной семиотики АН РТ, в.н.с.
Хакимов Б. Э., Россия, г. Казань
Казанский федеральный университет, доцент,
Институт прикладной семиотики АН РТ, в.н.с.

РАЗМЕТКА ИМЕНОВАННЫХ СУЩНОСТЕЙ В ТЕКСТАХ НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматриваются вопросы аннотации именованных сущностей в татароязычных текстах. Задача извлечения именованных сущностей является одной из базовых в направлении автоматической обработки естественного языка и состоит в определении границ именованной сущности и ее типа в произвольном тексте. Для татарского языка до настоящего времени эта задача была решена лишь фрагментарно. В нашей коллекции отобранных случайным образом текстов были размечены 11 видов именованных сущностей, для них был сформирован специальный набор тегов. В ходе создания размеченного корпуса была составлена инструкция по аннотации именованных сущностей в татарском языке. Размеченный корпус может быть использован для машинного обучения и тестирования систем извлечения именованных сущностей.

Ключевые слова: *татарский язык, автоматическая обработка естественного языка, именованная сущность, ономастика, разметка.*

Gafarova V.R., Russia, Kazan
Institute of Applied Semiotics, TAS, leading researcher
Khakimov B.E., Russia, Kazan
Kazan Federal University, associate professor,
Institute of Applied Semiotics, TAS, leading researcher

NAMED ENTITY ANNOTATION IN TATAR TEXTS

This article deals with the annotation of named entities in Tatar texts. Named entityextraction is one of the basic NLP tasks and consists in determining the boundaries of a named entity and its type in some text. For the Tatar language, this task has been implemented only fragmentarily so far. We annotated 11 types of named entities in a randomly selected text collection using a special tagset. The tagged corpus can be used for machine learning and testing systems for named entity extraction in Tatar texts.

Keywords*: Tatar language, natural language processing, named entity, onomastics, linguistic annotation.*

Автоматическое извлечение именованных сущностей в произвольном неструктурированном тексте является стандартной задачей автоматической обработки текста и требует создания предварительно размеченных наборов языковых данных. Разметка именованных сущностей может иметь особенности в зависимости от конкретного языка или национальной, культурной и иной специфики. В данной статье представлен опыт создания размеченного корпуса текстов на татарском языке для задач распознавания именованных сущностей. Для татарского языка решение этой проблемы находится на начальном этапе, данному вопросу посвящены единичные публикации [Nevzorova et al, 2018], есть разработанные экспериментальные модели, пока не нашедшие широкого применения [https://github.com/ksemiya/NER in Tatar].

Для разметки использовался специальный веб-интерфейс на базе инструментария Label [https://labelstud.io/], разработанный А.Ф.Хусаиновым. Label позволяет выгрузку размеченного корпуса в стандартных для данной задачи форматах (json, csv и др.). В настоящий момент объем размеченного корпуса составляет около 5800 предложений.

При разметке именованных сущностей набор выделяемых категорий может различаться в зависимости от поставленных целей, их количество может достигать нескольких десятков, как, например, в [https://grobid-ner.readthedocs.io/en/latest/class-and-senses/]. Возможны подходы с многоуровневой разметкой, в частности предложенной на платформе OpenCorpora для соревнований DialogueEvaluation [Starostin, A. et al, 2016], либо без вложенных и пересекающихся сущностей с присвоением каждому токену единственного класса [Можарова, Лукашевич, 2016]. В нашей коллекции текстов были размечены 11 типов именованных сущностей без пересечений и вложений. Был сформирован следующий набор тегов: PERSON – имена персон, TITLE – должности, ORGANIZATION – организации, LOCATION – локации, DATE – даты, TIME – временные периоды, MONEY – валюта, QUANTITY – любые измерения, CARDINAL – прочие числа, FACILITY – объекты и сооружения, OTHER – разное, другое.

I. Категория PERSON включает имена, фамилии, отчества, прозвища, никнеймы людей, в том числе вымышленные, имена персонажей. В татарском языке личные имена часто употребляются с терминами родства: *Гөлгенә әби*, *Шакиржан бабай,Нургали абый.*Соответственно, в разметку были включены употребления некоторых терминов родства, таких как: *апа* букв. ‘тетя/старшая сестра’, *абый* букв.‘дядя/старший брат’, *ага* букв. ‘старший брат’,*бабай* букв. ‘дед’, *әби* букв. ‘бабушка’, *карчык* букв. ‘старуха’, *карт* букв. ‘старик’. Эти термины родства могут находиться между именем и фамилией, заменяя отчество.

(1) ***Рауза апа (PERSON)*** *ире* ***Салих абый Хөбетдин (PERSON)*** *белән Актаныш районы Семиостров авылыннан.*

(2) ***Нурихан ага Фәттахның (PERSON)*** *хатыны* ***Руфина апа (PERSON)*** *да чакырып шалтыраткач, кызыксынуым тагын да көчәйде.*

Также встречаются случаи оформления отчества со словами *әфәнде* ‘господин’, *ханым* ‘госпожа’ или с наименованием должности *хәзрәт* и т.д. Например: *Нәҗия ханым Таирова, Мәхмүт хәзрәт Шәрәфетдин.* (3) *Чөнки бу китап Кырымдагы (LOCATION) әлеге фирка әгъзаларының эшчәнлеген һәм язмышларын яктырта, – диде* ***Нәҗия ханым Таирова (PERSON)*** *«Татар-информ»ның (ORGANIZATION) Кырымдагы (LOCATION) хәбәрчесенә.*

(4) *Бу хакта мәчет имамы (TITLE)* ***Әмир хәзрәт Мозаффаров (PERSON)*** *сөйли.*

Не включаются в разметку остальные термины родства (*абзый* ‘дядя’*, җизни* ‘муж старшей родственницы’*, улым* ‘сынок’*, түти* ‘тетя’*, энем* ‘братишка’*, кызым* ‘доченька’*, сеңлем* ‘сестренка’*, туганым* букв. ‘родственник’) и другие слова-обращения в употреблении без личных имен, такие как *мистер, ханым, туташ* ‘девушка’, *әфәнде* и т.д.

Собственно отчества в татарском языке, как и во многих тюркских языках постсоветского пространства, образуются по двум моделям. Это отчества, образованные по заимствованной из русского языка модели с помощью суффиксов *-ович/-евич, -овна/-евна*. А также отчества без вышеуказанных окончаний и с добавлением *улы* или *углы* для мужчин и *кызы* для женщин. При разметке именованных сущностей компоненты *кызы, улы (углы)* выделяются только в отчествах. (5) *Мәчетне эшмәкәр Альберт Шамил улы Фәхретдинов* ***(PERSON)*** *салдырып, әнисе«Фагыйлә» (FACILITY) исеме бирелде.*

Существует еще одна непродуктивная в настоящее время модель по арабскому образцу с компонентами *ибн (ибне, бин)* ‘сын’, *бинт* ‘дочь’: *Шиһабетдин бине Баһаветдин, Мөхлисә бинт Габделгалләм*. Подобные примеры могут встречаться в текстах, посвященных историческим личностям, в исторических литературных произведениях и некоторых других случаях. Указанные заимствованные единицы должны включаться в состав сущности типа PERSON.

В случаях употребления личного имени безотносительно конкретного референта имя не размечалось как PERSON, т.к. в тексте речь идёт не о конкретной личности, а только об имени. Например: (6) ***Рәис*** *– гарәп теленнән кергән исем һәм башлык, җитәкче дигәнне аңлата.*

Если в тексте упоминается группа людей, имеющих общую часть имени, например: «*Дилия белән Зилә Нурмөхәммәтовалар»*, весь фрагмент размечался в качестве единого элемента.

Имена и фамилии в составе названий организаций и объектов размечались как единый элемент в соответствии с тем, что значит эта именованная сущность в целом. Например, *Г. Тукай исемендәге аэропорт* ‘аэропорт имени Г. Тукая’*, В. И. Ленин музей-йорты* ‘дом-музей В. И. Ленина’ – это примеры единых элементов типа FACILITY (объекты и сооружения). (7) ***В.И.Ленин музей-йортын (FACILITY)*** *карарга килүче халык саны да 3 тапкырга артыр дип уйланыла.*

Имена людей, названия мест, организаций и т.п. в кавычках размечались в соответствии с разновидностью именованного объекта (например, *«Мәскәү» кунакханәсе* ‘Гостиница «Москва»’ – FACILITY). (8) *Ә без* ***«Зөләйха күзләрен ача»ны (OTHER)*** *тәрҗемә иткәне өчен, күзен дә ачырмыйча тиргәдек кенә аны.*

II. К категории ORGANIZATION были отнесены именованные сущности, которые могут быть местом работы человека или в них можно состоять в качестве члена. В эту категорию вошли любые названия организаций, компаний, фирм, партии, ансамбли, команды, клубы; сокращённые названия организации (*ЭЭМ, КПРФ*); типы юридического лица (*ААҖ, ЯАҖ, РайПО*); названия организаций с зависимыми от них уточняющими словами (например, указывающими на принадлежность к месту: *Казан шәһәре Сәламәтлек саклау идарәсе* ‘Управление здравоохранения города Казани’); названия организаций, являющиеся именами собственными; названия территорий, обозначающие общество, связанное с этой территорией, или правительство, государственные органы (*Татарстанның данын яклау);* страны и государства, не существующие сейчас или существовавшие под другими названиями (*Идел буе Болгар дәүләте* ‘Волжская Булгария’*, Алтын Урда* ‘Золотая Орда’*, Казан ханлыгы* ‘Казанское ханство’*, Советлар Союзы* ‘Советский Союз’).

Вложенные организации размечались отдельно. Например:(9) *ТР Дәүләт Советының (ORGANIZATION) бюджет, салымнар һәм финанс комитеты (ORGANIZATION) рәисе (TITLE) Илсур Сафиуллин (PERSON).* (10) *Бу хакта матбугат конференциясендә* ***Роспотребнадзорның*** *(ORGANIZATION)* ***ТР буенча идарәсе*** *(ORGANIZATION) башлыгы урынбасары (TITLE) Любовь Авдонина (PERSON) белдерде.*

III. В качестве локаций (LOCATION) размечались сущности, указывающие на местоположение в пространстве и направления движения в пространстве: географические объекты, названия городов, стран, регионов, улицы, номера домов и/или квартир, названия гор, озер, морей, океанов и т.д. (11) *Аннары* ***Греция (LOCATION), Кипр (LOCATION), Испания (LOCATION), Болгария (LOCATION), Черногория (LOCATION), Тунис (LOCATION)*** *һәм* ***Италия (LOCATION)*** *килә.*

В состав сущности были включены слова, указывающие на принадлежность или отношение к географическому объекту (*өлкәсе* ‘область’*, шәһәре* ‘город’*, бистәсе* ‘поселок, слобода’*, урамы* ‘улица’*, йорты*‘дом’*, елгасы* ‘река’и т.д.). (12) ***Кызыл Мишә авылында (LOCATION)*** *безне Гаттаровлар (PERSON) гаиләсе көтә иде.*

Вложенные географические объекты размечались отдельно. (13) *Башкортстанның* ***(LOCATION)*** *Бишбүләк районы* ***(LOCATION)*** *Ает авылында* ***(LOCATION)*** *шагыйрьнең музее төзекләндерелеп, экспонатларга баетылып кабат ачылды.*

Если в тексте географические названия имеют общее слово-связку (общее родовое наименование), например: «*Түбән Кама, Мамадыш, Алабуга шәһәрләре»*, они размечались как единый элемент.

(14) *Аның эшендә Түбән Кама, Мамадыш, Алабуга шәһәрләре* **(LOCATION)** *һәм район балалар бакчалары тәрбиячеләре һәм белгечләре катнашты.* (15) *Батурин урамыннан* ***(LOCATION)***

башланып, Япиев, Зоя Космодемьянская һәм Касаткин урамнары ***(LOCATION)*** *белән кисешә, шуннан соң тәмамлана.*

Точный адрес является одной именованной сущностью. (16) *Районда яшәүчеләр бюджет проекты буенча үз фикерләрен һәм тәкъдимнәрен район советының оештыру бүлегенә түбәндәге адрес буенча юллый алалар: Базарлы Матакав, Крайнов ур., 58* ***(LOCATION).***

Названия переименованных городов, населённых пунктов и улиц, заключенные в скобки, размечались отдельно, если они не были связаны общим родовым наименованием. (17) *Мәсәлән, Казан финанс-икътисад институтын тәмамлагач, мине юллама белә Түбән Новгородка* ***(LOCATION)*** *(ул вакытта Горький шәһәре* ***(LOCATION)*** *иде) эшкә җибәрделәр.*

IV. В категорию DATE вошли даты в любом формате, относительные или абсолютные, а также временные отрезки, периоды: *20.01.2001, 2009нчы елда, 2017 елның сентябре, 1934 елның 1 маенда, 1990 нчы-2000 нче еллар, 1990–2000 еллар, 8-14 октябрь 2020, 1895–1919, 965 ел (б.э.к.)* и т.д.

Названия месяцев хиджры также были включены в разметку. (18) *Изге Рамазан* ***(DATE)*** *аенда Аллаһы Тәгаләгә ышанучылар саваплы гамәлләрне күбрәк башкара.*

V. Категория TIME включает временные периоды меньше суток, часто употребляются слова *сәгать*‘час’*, минут, секунд.* (19) *Очрашу ни бары15 минут* ***(TIME)*** *дәвам итә.*

VI. Категория MONEY включает описание стоимости, включая сумму и название валюты: *3 миллиард евро, 1 млрд 400 млн сум.*

VII. В категорию QUANTITY вошли любые количественные измерения: вес, расстояние, скорость, длина и т.д. Числа размечались вместе с названиями единиц измерения *(метр, литр, тонна)*, с их сокращенными обозначениями (*м, кг, ц)* и специальными знаками (например, °). Составные сущности, когда численное значение величины выражено несколькими единицами измерения, например: *5 м25см,* размечались в качестве единого элемента. (20) *Менә шушы 114 гектарлы* ***(QUANTITY)*** *басудан көзге арыш гектарыннан уртача 28,2 центнер* ***(QUANTITY)*** *төшем белән куандырган.*

Иногда единица измерения не указывается, но может быть определена из контекста или из другой части предложения. (21) *Төнлә – 9 (****QUANTITY****) көндез 21 градуска (****QUANTITY)*** *кадәр җылы булачак.* (22) *Кан басымы* ***140/90нан (QUANTITY)*** *артучыларга инфаркт һәм инсульт килеп чыгу куркынычы яный.* (23) *Аның параметрлары –* ***90-62-89 (QUANTITY)****, сылулыкка ул көндәлек хезмәт аша ирешә.*

VIII. В категорию CARDINAL вошли прочие числа, которые не могут быть отнесены к категории денег, датам, времени и измерениям. Числа могли быть представлены как прописью, так и цифрами, размечались без определяемого слова. (24) *Республиканың 6* ***(CARDINAL)*** *районындагы 45* ***(CARDINAL)*** *удмурт, рус-удмурт мәктәбендә 2047 (****CARDINAL)*** *укучы укый.*

IX. В категорию TITLE включены наименования должностей, званий, функций, возлагаемых на персону. Названия уникальных должностей размечались вместе с наименованием связанной локации или организации. (25) *Съездга җыелган гүзәл затларга үзенең сәламләү сүзен* ***Татарстан Президенты (TITLE)*** *да юллаган.*

X. Категория FACILITY предназначена для обозначения названий отдельных сооружений, объектов на местности: *Казан Кремле, «Җинү проспекты» станциясе, Җәлил исемендәге Татар опера һәм балет театры, Коркачык поселогы аэродромы*. (26) *Без* ***Әл-Хәрам мәчетенә (FACILITY)*** *намазга йөрдек.*

XI. Наконец, в категорию OTHER вошли остальные разнообразные объекты: проценты, номера телефонов, названия событий (войн, сражений, спортивных соревнований и др.), названия ураганов, планет; названия книг, песен, любых произведений искусства, конкурсов, фестивалей, премий, праздников и памятных дней; названия законодательных актов.

(27) *Аларда укучыларның* ***85 проценты (OTHER)*** *– инглизләр, чит ил балалары санын* ***15 процентган (OTHER)*** *да арттырмыйлар.*

В ходе создания размеченного корпуса была составлена инструкция по аннотации именованных сущностей в татарском языке. Результаты анализа отдельных сложных случаев способствуют выработке единых подходов к разметке. Корпус может быть использован для машинного обучения и тестирования систем распознавания именованных сущностей в текстах на татарском языке.

Литература

Инструкция по разметке сущностей для DialogueEvaluation 2016, URL: http://opencorpora.org/wiki/Nermanual/2/model.
Можарова В.А., Лукашевич Н.В. Двухэтапный подход к извлечению именованных сущностей // Труды конференции по искусственному интеллекту КИИ–2016, т.2., 2016. С.81–88.
GROBID NER Named entity classes, URL:https://grobid-ner.readthedocs.io/en/latest/class-and-senses/
NER_in_Tatar, URL: https://github.com/ksemiya/NER_in_Tatar.
Nevzorova O., Mukhamedshin D., Galieva A. Named Entity Recognition in Tatar: Corpus Based Algorithm // Proceedings of Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2018). CEUR, vol.2303. P. 58–68.
Open SourceData Labeling, URL: https://labelstud.io/.
Starostin, A. et al. FactRuEval 2016: Evaluation of Named Entity Recognition and Fact Extraction Systems for Russian // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Вып. 15 (22). М.: Изд-во РГГУ, 2016. С. 688–705.

© Гафарова В. Р., Хакимов Б. Э., 2022

УДК *811.511.131*

Городилова М. Р., *Россия, г. Ижевск*
Удмуртский государственный университет, н.с.

НАЗВАНИЯ ПОДБРЮШНИКА В УДМУРТСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Статья посвящена диалектным названиям подбрюшника, зафиксированным в ходе сбора материала для Диалектологического атласа удмуртского языка. Наименования данного предмета в удмуртских диалектах имеют разнообразные лексические варианты: подбр'ушн'ик, потпруга, кӧтулгозы, кӧтулкыскэт, кӧтулкэрттэт, уйыл. В удмуртских диалектах названия подбрюшника начинают появляться в период самостоятельного развития языка. В статье рассматривается диалектное распространение наименований подбрюшника, словообразование, принципы номинаций, этимологии, фонетические варианты, а также фиксации слов в лексикографических источниках.

***Ключевые слова**: названия подбрюшника, удмуртские диалекты, принципы номинации, этимология, заимствованная лексика, письменные источники.*

Gorodilova M. R., Russia, Izhevsk
Udmurt State University, Research Associate

THE NAMES OF THE UNDERBELLY IN UDMURT DIALECTS

The article is devoted to the dialect names of the underbelly recorded during the collection of material for the Dialectological Atlas of the Udmurt language. The names of this subject in Udmurt dialects have a variety of lexical variants: podbr'u̇shn'ik, potpruga, kötulgozy, kötulkysket, kötulkerttet, uyyl. In Udmurt dialects, the names of the underbelly begin to appear during the period of independent development of the language. The article discusses the dialectal distribution of the names of the underbelly, word formation, the principles of nominations, etymology, phonetic variants, as well as the fixation of words in lexicographic sources.

***Keywords**: names of the underbelly, Udmurt dialects, principles of nomination, etymology, borrowed vocabulary, written sources.*

В толковом словаре понятие «подбрюшник» имеет следующее определение: «Часть конской упряжи, ремень, проходящий под животом лошади от одной оглобли к другой» [БТС, 2003, 859].

В удмуртских диалектах выявлены следующие названия подбрюшника: *подбр'у.шн'ик*, *потпруга*, *кӧтулгозы*, *кӧтулкыскэт*, *кӧтулкэрттэт*, *уйыл.*

Подбр'у.шн'ик. Название *подбр'у.шн'ик* зафиксировано в двух опорных пунктах Удмуртской Республики, относящихся к глазовскому (25) и балезинскому (27) говорам северного наречия.

Лексема *подбр'у.шн'ик* является русским заимствованием, состоит из приставки *под-*, корня *брюхо* (*-брюш-*) и суффикса *-ник*.

Слово имеет фонетический вариант *подбру.шн'ик*.

В удмуртской лексикографической литературе *подбр'у.шн'ик* не зафиксирован.

Потпруга. Название *потпруга* зафиксировано в шести опорных пунктах Кировской области, относится к слободскому (1–3) и косинскому (6, 8, 9) говорам северного наречия.

Лексема *потпруга* является русским заимствованием, состоит из *под-* и *пруга* < *-прягать*; ср. словен. *podprôga* ‘подпруга, лямка’, польск. poprąg [Фасмер, 1971, 300]. У слободских и косинских удмуртов произошла замена слов «подбрюшник» и «подпруга». Подпруга – это ремень у седла и седёлки, затягиваемый под брюхом лошади [БТС, 2003, 877].

Слово имеет фонетический вариант *потпру.га*.

В удмуртской лексикографической литературе *потпруга* не фиксируется.

Кӧтулгозы. Название *кӧтулгозы* встречается почти повсеместно, по всему ареалу удмуртского языка. *Кӧтулгозы* обнаружено 102 раза: в глазовском (26, 30, 50, 51), балезинском (32–34), юкаменском (47, 48), кезско-дебёсском (42, 44, 61–63), игринском (54, 55, 58) и тыловайском (64, 65, 75, 76) говорах северного наречия, копкинском (66, 67), зятцинском (53, 56, 57, 72), гуринском (81), чутырском (59, 60), якшур-бодьинском (73, 74), шарканском (77–80), водзимоньинском (103, 106), омгинском (16, 18, 107, 108), нылгинском (114, 115) и среднеижском левобережном (121, 122, 123) срединных говорах, кизнерско-можгинском (109–112, 116, 118–120), среднеюжном (117, 124, 125, 134), кырыкмасском (127), граховском (113, 131–133), алнашском (135–137, 149), шошминском (15, 17, 138–140), кукморском (142–146), бавлинском (152, 174), татышлинском (154, 160, 169), ташкичинском (167, 172), красноуфимском (175), шагиртско-гондырском (153, 155), буйско-танып ском (156, 158, 159, 162–164, 166, 168, 170, 171) и канлинском (173) говорах южного наречия, лекминском (45, 46, 49) и малоитчинском (73) говорах бесермянского наречия.

Кӧтулгозы является композитным словом удмуртского происхождения и состоит из трёх простых слов: *кӧт* ‘живот’ + *ул* ‘под’ + *гозы* ‘верёвка’ (букв. ‘верёвка под животом’). Лексема *кӧт* ‘живот’ является словом финно-пермского происхождения: к. *кот*: *котку* ‘брюшина’ [Соколов, 1998, 65]. Лексема *ул* ‘низ’ является словом финно-угорского происхождения: к. *ув* ‘низ’, ‘место под чем-л.’ < общеп. **ul* ‘низ, основание’, ‘под’ < мар. *ül-*, *ülə̑-* ‘низ’, ‘под’ < морд. *ал-* < фин. *ala* < саам. *vuölle* < хант. *il꞉*, *ĭt꞉з* < манс. *ja꞉l-*, *jol-* < венг. *al* ‘тж’ < доперм. **ala-* ‘низ’ [КЭСК, 1970, 295]. Лексема *гозы*

‘верёвка’ является словом общепермского происхождения: к. *гез* ‘верёвка’ < общеп. **gẹz8* [КЭСК, 1970, 76].

В коми языке *кынӧм ув гез* ‘подбрюшник’ (кынӧм ‘живот’ + ув ‘под’ + гез ‘верёвка’) типологически совпадает с *кӧтулгозы*.

Слово имеет фонетические варианты: *кӧтулгозъ*, *кӧтулгозы̄*, *кӧтуӱгозы*, *кӧ°тулгозъ*, *кӧ°туӱгозъ*, *котулгозы*, *кӧтул*.

Кӧтулгозы фиксируется в удмуртской лексикографической литературе с 1919 года [Крылов, 1919, 21; Русских, 1931, 40; (1932) Борисов, 1991, 143; УРС, 1948, 149; РУС, 1956, 722; УРС, 1983, 218; УРС, 2008, 332].

Кӧтулкыскэт. Название *кӧтулкыскэт* встречается в срединных говорах и спорадически в южном наречии. *Кӧтулкыскэт* обнаружено 34 раза: в селтинском (68–71, 85), кульминском (12, 13), гуринском (14), сюмсинском (82–84), увинском (86–88), водзимоньинском (102, 105), нылгинском (89, 90, 104), среднеижском правобережном (91–97, 101) и среднеижском левобережном (98) срединных говорах, среднеюжном (126), кырыкмасском (128–130) и шошминском (141) говорах южного наречия, а также в юндинском (36) говоре бесермянского наречия.

Кӧтулкыскэт является композитным словом удмуртского происхождения и состоит из трёх слов: *кӧт* ‘живот’ + *ул* ‘под’ + *кыскэт* ‘то, чем перетягивают’ (букв. ‘перетяжка под животом’). Лексема *кыскэт* – существительное от глагола *кыскыны* ‘подтянуть’ + суффикс *-эт* (*-ет*). Глагол *кыскыны* является словом общепермского происхождения: к. *кыскыны* ‘тащить, волочить, тянуть, дёргать (зубы)’ < общеп. **kis-* ‘тащить, тянуть’ [КЭСК, 1970, 154]. Лексемы *кӧт* ‘живот’ и *ул* ‘под’ см. выше.

Слово имеет фонетические варианты: *кӧ°тулкъскэт*, *кӧтулкыскон*.

Кӧтулкыскэт встречается в удмуртской лексикографической литературе с 1956 года [РУС, 1956, 722; УРС, 1983, 218; УРС, 2008, 332].

Кӧтулкэрттэт. Название *кӧтулкэрттэт* спорадически распространено в северном наречии и в срединных говорах удмуртов. *Кӧтулкэрттэт* встречается девять раз: в кезско-дебёсском (38–41, 43), глазовском (52) и тыловайском (65) говорах северного наречия, шарканском (99) и среднеижском правобережном (100) срединных говорах.

Кӧтулкэрттэт является композитным словом удмуртского происхождения и состоит из трёх слов: *кӧт* ‘живот’ + *ул* ‘под’ + *кэрттэт* ‘завязка’ (букв. ‘завязка под животом’). Лексема *кэрттэт* – существительное от глагола *керттыны* ‘завязать’ + суффикс *-эт* (*-ет*). Глагол *керттыны* является словом финно-пермского происхождения: к. *кӧртавны* ‘завязать, связать, привязать’ < общеп. **kɛrt-* ‘связать’ < саам. **gâr'tât* < доперм. **kertɜ-* [КЭСК, 1970, 142].

Лексемы *кӧт* ‘живот’ и *ул* ‘под’ см. выше.

В удмуртской лексикографической литературе *кӧтулкэрттэт* не зафиксировано.

Уйыл. Название *уйыл* распространено в северных районах Удмуртской Республики. *Уйыл* встречается 12 раз: в ярском (19–23), глазовском (24, 25, 29, 31, 35), балезинском (27) и кезско-дебёсском (42) говорах северного наречия.

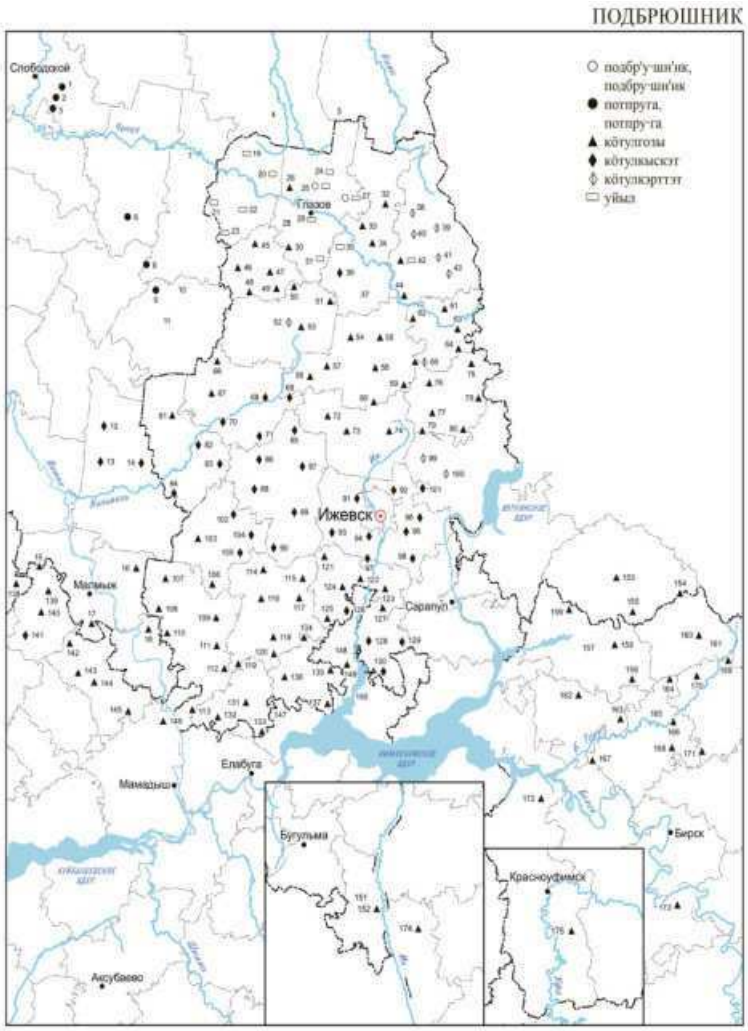
Лексема *уйыл* имеет чувашское происхождение: *уйăл*/*ойăл* ‘подбрюшник, подпруга’ [Федотов, 1996, 270].

В горном диалекте марийского языка «подбрюшник» – *айыл*, в татарском – *аел* [Федотов, 1996, 270].

Слово имеет фонетический вариант *уйъл*.

Уйыл впервые фиксируется в словаре Т. Борисова 1932 году [Борисов, 1991, 300], далее [УРС, 1948, 305; УРС, 1983, 445; УРС, 2008, 687].

Заключение. В ходе исследования было выявлено шесть названий подбрюшника, среди них три наименования (*подбр'у.шн'ик*, *потпруга* и *уйыл*) являются по структуре простыми и три – сложными (*кӧтулгозы*, *кӧтулкыскэт*, *кӧтулкэрттэт*). Лексемы *подбр'у.шн'ик* и *потпруга* относятся к русским заимствованиям, а *уйыл* имеет чувашское происхождение. *Кӧтулгозы*, *кӧтулкыскэт*, *кӧтулкэрттэт* являются собственно удмуртскими композитными словами. В основе номинации названий подбрюшника отражены его местоположение и функция. Доминирующим названием является *кӧтулгозы.*



М 1:2 000 000
(в 1 см 20 км)

Сокращения

Названия языков: венг. – венгерский, доперм. – допермский, к. – коми, манс. – мансийский, мар. – марийский, морд. – мордовский, общеп. – общепермский, польск. – польский, саам. – саамский (лопарский), словен. – словенский, фин. – финский, хант. – хантыйский. *Прочие сокращения*: букв. – буквально, см. – смотри (смотрите), ср. – сравни (сравните), чем-л. – чем-либо.

Литература

Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов / АН СССР. УрО. Удм. ИИЯЛ; Удм. отд. Всесоюзного фонда культуры. Ижевск, 1991. 384 с.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб: Норинт, 2003. 1536 с.

Крылов В. Д. Вотско-русский словарь глазовского наречия вотяков, составленный преподавателем вотского языка при Глазовской учительской семинарии В. Д. Крыловым. Вятка, 1919. 47 с.

КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.; переизд. с доп.: Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 431 с.

РУС – Русско-удмуртский словарь: Ок. 40000 слов / Сост. А. С. Белов, В. М. Вахрушев, А. П. Колесников, Н. И. Кондратьев; УдНИИ ИЯЛ. М.:ГИИНС, 1956. 1360 с.

Русских П. М., Русских П. Я. Русско-удмуртский словарь / П. М. Русских, П. Я. Русских. Ижевск, 1931. 64 с.

Соколов С. В. Этимологической пичи кылбугор / С. В. Соколов // Вордскем кыл. 1998. № 6–7, 54–72 б.

УРС 1948 – Удмуртско-русский словарь: Ок: 15000 слов / В. М. Вахрушев, К. А. Корепанова, Е. Н. Ложкина и др.; НИИ ист., языка, лит. и фольклора при Сов. Мин. УАССР. М. ГИС, 1948. 447 с.

УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / Под ред. В. М. Вахрушева; НИИ при Сов. Мин. УАССР. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.

УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 50000 слов / Отв. ред. Л. Е. Кириллова; РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 2008. 925 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III / Перевод с немец. и доп. О. Н. Трубачёва; под ред. Б. А. Ларина. М.: Прогресс, 1971. 825 с.

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: В 2 т. / Т. 2. С–Я. Чебоксары: Чувашский гос. институт гуман. наук, 1996. 509 с.

© Городилова М. Р., 2022

УДК *398.21*

Горяева Б. Б., Россия, г. Элиста
Калмыцкий научный центр РАН, с.н.с.

МОТИВ ВОЛШЕБНОГО ПОМОЩНИКА В КАЛМЫЦКИХ СКАЗКАХ НА СЮЖЕТ АТ 513 А «ЧУДЕСНЫЕ ИСКУСНИКИ»*

В статье рассмотрен мотив помощника в калмыцких сказках на сюжетный тип АТ 513 А «Чудесные искусники». В устной традиции калмыков указанный сюжет представлен тремя подтипами, реализуется как самостоятельный сюжет, а также в контаминации. Сказочный герой с помощью чудесных товарищей выполняет трудные поручения хана и женится на его дочери. Испытания отца невесты выполняются с помощью магии чудесных искусников. Необычные способности побратимов позволяют также оживить главного героя и вернуть его жену. Таким образом, мотив чудесного помощника является сюжетообразующим в анализируемых сказках.

Ключевые слова: *калмыки, волшебная сказка, сюжет, чудесный искусник, мотив помощника.*

Goryaeva B. B., Russia, Elista
Kalmyk Scientific Center of the RAS, Senior Researcher

THE MOTIF OF THE MAGIC ASSISTANT IN KALMYK FAIRY TALES ON THE PLOT TYPE AT 513 A «THE EXTRAORDINARY COMPANIONS»**

The article considers the motif of the magic assistant in Kalmyk fairy tales on the plot type AT 513 The extraordinary companions. In the oral tradition of the Kalmyks, this plot is represented by three subtypes, implemented as an independent plot, as well as in contamination. The fairy-tale hero, with the help of extraordinary comrades, performs difficult tasks for the khan and marries his daughter. The tests of the bride's father are carried out with the help of the magic of wonderful craftsmen. The unusual abilities of the companions also allow to revive the main character and return his wife. Thus, the motif of the magic helper is the plot-forming one in the analyzed fairy tales.

Keywords: *Kalmyks, fairy tale, plot, magic assistant, motif of helper.*

Благодаря магии чудесных помощников герой волшебной сказки выполняет трудные задания отца невесты и добывает себе жену. Герой калмыцкого сказочного эпоса — это иронический неудачник, который именуется как Нусха Му (сопливый, плохой), Тарха (шелудивый), Ходжигор (плешивый), Саак или Одак (тот же самый) [Басангова, 2002], который чудесно рожден [Мутляева, 1982].

При изучении помощников героя калмыцкой волшебной сказки выделяются люди [Горяева, 2018] и животные [Надбитова, 2005, Надбитова, 2011, 139-140], а также орнитоморфные помощники [Горяева, 2017].

М. Э. Джимгиров, рассматривая персонажей сказочной традиции калмыков, выделяет «низких» героев волшебной сказки (по Е. М. Мелетинскому): «младшего», «золушку» и сиротку, которым помогают благодарная птица, зверь-помощник либо конь, чудесные предметы [Джимгиров, 1970, 36].

В данной статье нами рассматривается мотив волшебного помощника в калмыцких сказках на сюжет АТ 513 А «Чудесные искусники».

В сказке «Хамгин эзн болгсн хан Бүрн Төгс көвүн» («Юноша Бюрюн Тегс хан, ставший властелином всего») на сюжет 513 чудесными помощниками выступают Переставляющий горы, Сотрясающий землю, Выпивающий моря, Вор и Слухач. Они помогают герою жениться на дочери хана, выполняя трудные задачи, поставленные им [Хальмг туульс, 1972, 78–85]. Разрешение трудных задач хана – функция силачей, обладающих необычными способностями.

Отметим, что сюжетный тип 513 «Чудесные искусники» в калмыцкой сказочной традиции реализуется также в контаминации с типом СУС – 327 В** 24 брата и 24 невесты. Девять братьев ищут невест, младший брат должен добыть красавицу для змея. Помощники (*өвс шимдг күн* – человек, сосущий траву; *дала балһдг күн* – человек, набирающий океан) выполняют трудные задания хана. Герой щадит лису, прислушивается к ее советам, обманывает змея и берет ханскую дочь себе в жены [Калян, 1994, 50–52].

В подтипе рассматриваемого сюжетного типа 513 С Четыре Искусных Брата = СУС 653 Семь Симеонов мотив помощника реализуется несколько иначе. Шестеро друзей – сын богача, сын художника, сын врача, сын плотника, сын кузнеца и сын астролога – встречаются в условленный срок. По увядшему дереву друзья узнают о смерти сына богача. Они, найдя и оживив его, смастерили деревянную птицу. С ее помощью друзья вернули жену сына богача, похищенную ханским сыном. Каждый из друзей стал претендовать на девушку, и в итоге они зарубили ее насмерть [Хальмг туульс, 1961, 82–83].

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).

** The paper was prepared within the framework of the research work of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences “Oral and written heritage of the Mongolian peoples of Russia, Mongolia and China: transboundary traditions and interactions” (State registration number AAAA-A19-119011490036-1).

Мотив чудесных помощников разрабатывается и в сказке из репертуара Санджи Бутаева «Седкүр бурхни тууж» («История о бурхане Седкюр»). Сказочник мастерски вставляет сюжетный тип АТ 513 С в «рамку» [Буутан, 2008, 87–93].

Указанный сюжетный тип находит параллели в литературном сборнике «Волшебный мертвец», в котором имеется подобный сюжет под названием «Сын богача». Волшебными помощниками здесь также выступают побратимы, обладающие чудесными способностями, благодаря которым они находят и оживляют главного героя, помогают ему вернуть супругу [Волшебный мертвец, 1958, 20–23].

У ойратов Синьцзяня сказка «Көклдә Мергн» («Кёкелдя Мерген») представляет контаминацию сюжетных типов АТ 513 А и 513 С. Сказка состоит из двух ходов: в первом герой отвоевывает у пятнадцатиголового мангаса девушку, женится на ней. Второй ход сюжета начинается со смерти героя, когда помощники находят и оживляют героя, помогают ему вернуть жену и сына. Героиня обращается в Венеру, а герой с помощниками – в созвездие, которое сопровождает ее [Dumdadu ulusiyin, 2006, 10–16].

В калмыцких сказках на сюжетный тип 513 С друзья не могут решить, кому может быть отдана девушка, и в конце концов лишают ее жизни. Отметим, что сказка ойратов ярко демонстрирует полистадиальность фольклорного текста. Так, в ней присутствуют мифологические мотивы и образы наряду с более поздними буддийскими представлениями.

Таким образом, в сказочном фонде калмыков России и ойратов Китая присутствует также международный сюжет АТ 513 А «Чудесные искусники». В имеющихся в нашем распоряжении текстах сюжет реализуется в двух видах: как самостоятельный и в виде контаминации. В калмыцкой устной традиции в сказках на данный сюжетный тип чудесные помощники помогают герою жениться на дочери хана, выполняя трудные задачи, поставленные им. Реализация сюжета АТ 513 А в ойратской традиции отличается от калмыцких вариантов тем, что вначале разрабатывается героическая тема, а в конце сказка имеет этиологическую концовку. Мотив волшебного помощника является сюжетообразующим в сказках на тип АТ 513 А «Чудесные искусники».

Литература

Басангова Т. Г. Сандаловый ларец: Калмыцкие народные сказки / Сост., пер., вступ. ст. Т.Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 239 с.

Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов. В 2-х книгах. Кн. 1 / Вступ. ст. Н. Г. Очировой; сост., подг. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с. Сер. «Өвкнрин зөөр» (Сокровища предков). На калм. и рус. яз.

Волшебный мертвец. Монгольско-ойратские сказки. Изд. 2-ое. М.: Восточная литература, 1958. 164 с.

Горяева Б. Б. Орнитоморфные помощники героя в калмыцкой волшебной сказке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 9 (122). С. 134–141.

Горяева Б. Б. Мотив волшебного помощника в калмыцкой сказке // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2018. № 5. С. 76–85.

Джимгиров М. Э. О калмыцких народных сказках. Элиста: Калмиздат, 1970. 104 с.

Калян А. Кел өргжүллһнә дегтр. Элст: Хальмг дегтр haphач, 1994. 231 х.

Мутляева Б. Э. Мотив чудесного рождения героя в сказочном эпосе монгольских народов и калмыцком эпосе «Джангар» // Эпическая поэзия монгольских народов. (Исследования по эпосу). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. С. 43-49.

Надбитова И. С. Типы героев калмыцкой волшебной сказки // Молодежь в науке: проблемы, поиски, перспективы. Материалы II межрегиональной научной конференции. Элиста, 2005. С. 231–236.

Надбитова И. С. Сюжеты, образы и стилевые традиции калмыцких волшебных сказок. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2011. 260 с.

Хальмг туульс. 1-гч боть / сост. Б. Сангаджиева, Л. Сангаев, ред. У. Очиров. Элиста: Калм. кн. гос. изд-во, 1961. 220 с.

Хальмг туульс. 3-гч боть / сост. Н. Н. Мусова, Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. Элиста: Респ. тип. Управления по печати при Совете министров Калмыцкой АССР, 1972. 252 с.

Dumdadu ulusiyin Šinǰiyang-giyin mongγol aradiyin aman üliger-yin emkidkel (Собрание сказок монголов Синьцзяна КНР). Ürümči: Šinǰiyang-giyin aradiyin keblel-yin xorō (Урумчи: Народное издательство Синьцзяна), 2006. 866 с.

© Горяева Б. Б., 2022

УДК *81’367*

Гусейнова С. Р., Азербайджан, г. Гянджа
Гянджинский государственный университет,
соиск. уч. ст. доктора философии по фил. наукам

СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ В СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Сложноподчиненные предложения играют важную роль в процессе понимания текста как органического целого. Отсюда вытекает необходимость изучать семантическое формирование значения в придаточных и подчинительно-сложных предложениях, выявлять потенциальные возможности и функции, особенности предложения в тексте. В большинстве текстов сложноподчиненные предложения служат вспомогательным средством для завершения смысла. Структурные различия между простыми и сложными предложениями отражаются в разных формах текста.

Ключевые слова: *сложное предложение, сложноподчиненное предложение, текст, контекстуальное значение, семантические индикаторы.*

Huseynova S.R., Azerbaijan, Ganja
Ganja State University, candidate for the degree
of Doctor of Philosophy in Philological Sciences

MEANING-FORMATION AND SEMANTIC INDICATORS IN SUBJECTIVE-COMPLEX SENTENCES IN AZERBAIJANIAN LANGUAGE

The concept of compound sentences plays an important role in the process of understanding the text as an organic whole. That is why it is very important and necessary to study the semantic formation of meaning in subordinate and subordinate complex sentences. For the textual linguistics of a sentence, more precisely, in the context of the syntax of a text, it is very important to study it in detail, evaluate it according to new criteria, identify potential features and functions, and features of the sentence in the text. The sentence that we study from traditional linguistics acquires various features and functions in text linguistics. In most of the sentences that make up the text, it serves as an aid to complete the meaning. Structural differences between simple and complex sentences are reflected in different forms of text. The semantics of a sentence can be studied separately and in the text, taking into account connections and relationships with other sentences.

Keywords: *complex sentence, text, contextual meaning, out of context, semantic indicators.*

AZƏRBAYCAN DİLİNDƏ TABELİ MÜRƏKKƏB CÜMLƏLƏRDƏ MƏNANIN FORMALAŞMA VƏ MƏNAYARADICI İNDİKATORLAR

Cümlə struktur məna baxımından iki mühüm qola ayrılır: tabesizlik və tabelilik əlaqələri. Qeyd etmək lazımdır ki, “tabesiz mürəkkəb cümlə və həmcins xəbərli sadə cümlələrdən fərqli olaraq tabeli mürəkkəb cümlələrdə hər bir budaq cümlənin müəyyən fərqləndirici formal əlaməti vardır” [Mahmudov, 2015, 22]. Həmin əlamətlər əsasında hər bir budaq cümləni müəyyənləşdirmək mümkündür. Bu isə tabeli mürəkkəb cümlələrin təsnifi, təhlili və başqa dillərə tərcüməsi baxımından olduqca əhəmiyyətlidir. Bu konkret əlamətlər baş cümlədə qəlib söz funksiyasında budaq cümləni əvəz etmiş olur. Baş cümlə budaq cümləyə həmin qəlib sözlərlə “ki” bağlayıcısı və vergüllə bağlanır. Tabeli mürəkkəb cümlələrin mühüm komponenti olan qəlib sözlər təkcə formal göstərici funksiyası daşımır. Onlar həm də cümlənin məna cəhətindən formalaşmasında aparıcı rol oynayan məna yaradıcı vasitə kimi səciyyələndirilə bilər. “Ayrılıqda götürülmüş cümlənin məna parametrlərinin semantik özəyinin müəyyənləşməsində nüvə kimi qəlib sözlər həlledici rol oynayır” [Kazımov, 2010, 122]. Sonralar cümlənin mətn çərçivəsində, kontekstdə qazandığı mənanın əsasında da ayrılıqda işlənən cümlənin ilkin semantik mənası, semantik özəyi durur. Sadəcə, mətndə bu ilkin mənaya yeni-yeni çalarlar əlavə edilir:

1) ***Mübtəda budaq cümləsi***ndə baş cümlədə mübtəda vəzifəsində aşağıda göstərilən qəlib sözlər işlənir**:** *o(da), bu(da),orası(da), burası(da), eləsi, beləsi, elələri, bələləri, bəziləri, bir neçələri, o cəhət, bu cəhət, bir cəhət, o şey, bu şey, bir şey, o məsələ, bu məsələ., kim, hər kim (ki), hər kəs (ki),nə, hər nə (ki).* Bu sözlər, bəzən, buraxıla da bilər. O zaman xəbər funksiyasını *məlumdur ki, məlum oldu ki, aydındır ki, bəllidir ki, bilinir ki* və s. sözlər yerinə yetirir: Lakin birdən məlum olur ki, bələdiyyə idarəsinin vəsaiti tükənib, maliyyə şəraiti ağırdır (M.Süleymanov); Dəxi ona aşkar oldu ki, Novruzəlinin başına bir iş gəldi ki, bu qədər yubandı(C.Məmmədquluzadə) və s.

2) ***Xəbər budaq cümləsi***ndə baş cümlədə qəlib söz funksiyasını işarə əvəzlikləri yerinə yetirir**:** *budur (ki), odur(ki), bu idi, bu imiş, o imiş, oradadır, buradadır, orasındadır, burasındadır, ondadır, bundadır, burada imiş, burada idi, orada imiş, orada idi, burasında idi, burasında imiş, orasında idi, orasında imiş, ona görədir ki, ondan ötrüdür ki,o deməkdir ki, bu deməkdir ki, ondan ibarətdir ki, bundan ibarətdir ki, o demək idi ki, bu demək idi, ondan ibarət idi, bundan ibarət idi, o demək imiş, ondan ibarət imiş, o olar ki, bu olar ki, bu olub ki, o olub ki, bu oldu ki, o oldu ki, o şeydir ki, bu şeydir ki, o kəsdir ki, bu kəsdir ki, o*

kəslərdir ki, bu kəslərdir ki və s.: Ən qəribəsi odur ki, ömrümdə *Riqada* olmamışam (Anar); A Molla Nəsrəddin, nə çox rus və polyak müştərilərin var? (C.Məmmədquluzadə) və s.

3) ***Tamamlıq budaq cümləsi***ndə baş cümlədə qəlib kimi aşağıdakı sözlər işlənir: *ona, buna, onu, bunu, onda, bunda, ondan, bundan, orasını, burasını, orasını da, burasını da, eləsini, beləsini, elələrini, belələrini, elələrinə, belələrinə, elələrində, belələrində, eləsinə, beləsinə, eləsində, beləsində, o cəhəti, bu cəhəti, o cəhətə, bu cəhətə, o cəhətdə, bu cəhətdə, o məsələyə, bu məsələyə, o məsələni, bu məsələni, o məsələdə, bu məsələdə, o məsələdən, bu məsələdən, o şeyi, bu şeyi,o şeyə, bu şeyə, o şeydə, bu şeydə, o şeydən, bu şeydən* və s.: Bunu bilmirdim, çünki bu gün hələ qəzetlərə baxmamışam (Anar); Mən onu deyirəm ki, sən yaxşı eləmədin mən yazı yazan vaxtda qovu uzatdın mənim qabağıma (C.Məmmədquluzadə); Qəlbinin dərinliyində bilir ki, mən onu sevmirəm, deməli, ona sadiq də deyiləm (Anar) və s.

4) ***Təyin budaq cümləsi*** baş cümlədə işarə əvəzliyi ilə ifadə olunan qəlib sözün mənasını dəqiqləşdirir.Budaq cümlənin göstəricisi olan qəlib sözlər bunlardır: *elə, elə bir, belə, belə bir, o cür, bu cür, o, bu, həmin, haman, hansı, kim, nə və s.* Təyin budaq cümləsinin qəlib sözləri təyin etdikləri ad nitq hissəsindən əvvəl gəlir. Məsələn, Elə bir təsəvvür oyanırdı ki, külək alovla oynayır, onlar bir-birinə sarılır, sonra qəfildən "əlbəyaxa" olurlar (M.Süleymanov); Elə təsəvvür oyanırdı ki, bina özü də tərpənir(M.Süleymanov); Mən də sənin elə rəftar eləmərəm ki, axırda sənin yanında xəcalət olum (C.Məmmədquluzadə) və s.

5) ***Tərz budaq cümləsi*** baş cümlədəki hərəkətin icra tərzini, necə nə şəkildə icra olunduğunu bildirir və baş cümlə budaq cümləyə *elə, belə, o cür, o tövr, o yolla, bu yolla, bu halda, o halda, necə, nə cür, nə təhər* qəlib sözləri, *ki* bağlayıcısı ilə bağlanır: Hər dəfə Nemətə elə gəlirdi ki. Sürəyya hamamdan bu dəqiqə çıxıb: əl-üzü tərtəmiz, ağappaq (Anar); Qoç qəzəblənib geri çəkilir və hücuma keçib var qüvvəsilə güzgüyə elə bir kəllə vurur ki, bədənnüma güzgü tikə -tikə olub gurultulu cingiltiylə döşəməyə tökülür, ətrafa səpələnir (M.Süleymanov) və s.

6) ***Dərəcə budaq cümləsi*** baş cümlədə ifadə olunan hərəkət və ya əlamətin dərəcəsini bildirir və baş cümləyə *"ki"* bağlayıcısı, intonasiya və aşağıdakı qəlib sözlərlə bağlanır**:** *o dərəcədə, o qədər, elə, o yerə, bu yerə, oracan, o məqama, bir elə mərtəbəyə* və s. Məsələn, Amma abajurun işığı o qədər mülayim, ilıq, mehriban, çay o qədər ətirli, Əsədin çaldırdığı musiqi o qədər həzin idi ki, heç durub getməyi gəlmirdi (Anar); İş axır o yerə çatdı ki, bələdiyyə idarəsi çəlləkxanaları şəhərdən çıxarmaq barədə qərar qəbul etdi (M.Süleymanov) və s.

7) ***Zaman budaq cümləsi*** baş cümlədəki hərəkət və ya əlamətin zamanını bildirir və baş cümləyə *" ki"* bağlayıcısı, intonasiya, *eləcə də o zaman, o vədə, o vaxt, elə bir vaxtda, onda, elə ki, o zaman ki, o gün ki, o vaxt ki, nə qədər, nə qədər ki, necə ki* və s. bağlayıcı-qəlib sözlərlə bağlanır: Amma hərdənbir keçmiş günləri yad etmək lazımdır: salınız yadınıza o günləri ki, ananız sizi beşikdə yırğalaya-yırğalaya sizə türk dilində lay-lay deyirdi və siz qulaq ağrısı səbəbinə sakit olmurdunuz (C. Məmmədquluzadə) və s.

8) ***Yer budaq cümləsi*** baş cümlədəki hərəkət və ya əlamətin yerini bildirir və budaq cümləyə *orada, oradan, o yerə, o yerdə, o yerdən, həmin yerə, həmin yerdən, hansı yerə, hansı yerdən, hansı yerdə, haranın ki, haraya ki, haranı ki, harada ki, haradan ki, o yerə ki, o yerdə ki, o yerdən ki, o yerin ki, bir yerə ki, bir yeri ki, bir yerdə ki, bir yerdən ki* və s. kimi qəlib-bağlayıcı sözlərlə bağlanır. Məsələn, Bunların dostluğu ta o yerə çatdı ki, xalq bunlardan lap bədgüman oldu (C.Məmmədquluzadə) və s.

9) ***Kəmiyyət budaq cümləsi*** baş cümlədəki hərəkət və ya əlamətin kəmiyyətini bildirir və budaq cümləyə *nə qədər, hər nə qədər, o qədər, o kəmiyyətdə, o miqdarda* qəlib sözləri ilə bağlanır: Qız o qədər Xudayar bəydən qorxdu ki, cürət eləmədi cavab versin (C.Məmmədquluzadə) və s.

10) ***Səbəb budaq cümləsi*** baş cümlədə ifadə olunan hərəkət və ya əlamətin səbəbini bildirir və budaq cümləyə *ona görə, ondan ötrü, onun üçün, o səbəbə, bu səbəbə, buna görə, bundan ötrü, ona görə ki, ondan ötrü ki, o səbəbə ki, çünki, ki* bağlayıcı və qəlib sözlərlə bağlanır: Ondan ötrü qəşəng əhvəlatdır ki, adam gülür, ürəyi açılır (C.Məmmədquluzadə) və s.

11) ***Məqsəd budaq cümləsi*** baş cümlədə ifadə olunan hərəkətin məqsədini bildirir və baş cümləyə "ki" bağlayıcısı və intonasiya, *eləcə də, ona görə, ondan ötrü, o məqsədlə* sözləri ilə bağlanır: Pul da ondan ötrü lazım idi ki, bir kəllə qənd və bir girvənkə çay alacaq idi (C.Məmmədquluzadə) və s.

12) ***Şərt budaq cümləsi*** baş cümlədə ifadə olunan hərəkət və ya əlamətin şərtini bildirir və baş cümləyə intonasiya**,** *"ki"* bağlayıcısı**,** *-sa,-sə (isə)* köməkçi sözü və şəkilçisi**,** eləcə də *bir şərtlə, bu şərtlə, o şərtlə, həmin şərtlə qəlib sözləri, əgər (ki), madam ki, indi ki, vaxta ki, bir halda ki* bağlayıcı sözləri və ya *ki* ədatı ilə bağlanır. Məsələn, Amma Zeynəbi alsa, daraşıb yetim-yesirin malını yeyib çıxacaq başa (C.Məmmədquluzadə) və s.

13) ***Qarşılaşdırma budaq cümləsi***ndə baş və budaq cümlənin məzmunu bir-biri ilə *nə qədər, hər nə qədər, hərçənd* bağlayıcı sözləri**,***-sa,-sə* şəkilçisi**,** *da (də)* və *belə* ədatları ilə qarşılaşdırılır, müqayisə edilir:

Nə qədər dilmanc təkid elədi ki, Məmmədhəsən əmi əhvalatı aşkar və açıq desin ki, bir zad başa düşmək olsun, amma heç başa gəlmədi (C.Məmmədquluzadə) və s.

14) ***Nəticə budaq cümləsi*** baş cümlədən doğan nəticəni bildirir və baş cümləyə intonasiya, *" ki"* bağlayıcısı**,** eləcə də *odur ki, ona görə (də), buna görə (də), onun üçün (də), bunun üçün (də)* bağlayıcıları ilə bağlanır. Bəzən baş cümlənin daxilində *elə, elə bir, o qədər* sözləri də işlənə bilər. Məsələn, Bu ikinci səbəbə görə boşamaq otralığa gələndə Xudayar bəy az qalırdı dəli – divanə olsun (Cəlil Məmmədquluzadə) və s.

15) ***Qoşulma budaq cümləsi*** baş cümləyə qoşularaq, ya baş cümlədəki fikirlə bağlı əlavə məlumat verir, yaxud da həmin fikrə münasibət bildirir. "Baş cümlə budaq cümlədən əvvəl işlənir ona intonasiya və *"ki"* bağlayıcısı ilə bağlanır" [Müasir Azərbaycan dili, 1981, 76]. Budaq cümlənin əvvəlində ismin müxtəlif hallarında *bu, o* əvəzlikləri və *da (də)* ədatı işlənir: Birinci mərtəbənin yarısında eyni adlı kafe vardı, bura dövlətli möhtəkirlərin, maliyyəçi, sənayeçi və tacirlərin məskəni idi (M.Süleymanov) və s.

Nəticə. Beləliklə, tabeli mürəkkəb cümlələri fərqləndirməyə xidmət edən qəlib sözlərə yalnız formal göstərici kimi baxmaq olmaz. Həmin qəlib sözlər eyni zamanda mənayaradıcı indikatorlardır. Onların işləndikləri cümlənin məna baxımından formalaşmasında qəlib sözlər istiqamətverici, yönəldici funksiya daşıyır.

Yuxarıda sadaladığımız qəlib sözlər həm də cümlənin kontekstual mənasının formalaşmasına həlledici təsir göstərir. Bu da öz növbəsində bütövlükdə mətndə mənanın müəyənləşməsində açar cümlə kimi səciyyələndirilə bilər.

Ayrılıqda götürülmüş cümlədə də kontekstual mənanın yaranmasının ilkin təməli qoyulmuuş olur. Həmin təməlin ilkin göstəricilərinin dəqiqləşməsi mətndə baş verir. Kontekstual mənanı formalaşdıracaq leksik, morfoloji, sintaktik, məntiqi- semantik vasitələr mətndə yetkinləşir, mənayaradıcı funksiyasını yerinə yetirmiş olur.

Ədəbiyyat

Kazımov Q.Ş. Müasir Azərbaycan dili. Morfologiya. Bakı: Elm və təhsil, 2010. 260 s.

Mahmudov M., Fətullayev Ə., Fətullayev R., Dərvişov R. Azərbaycan dilində tabeli mürəkkəb cümlələrin formal meyarlara görə təsnifi və təhlili // Filologiya məsələləri, 2015. № 7. S. 20–35.

Müasir Azərbaycan dili. III cild. Sintaksis. Bakı: Elm, 1981. 340 s.

© Гусейнова С. Р., 2022

УДК *811.512.133(575,123) (043.3)*

Дарвишов И. У., Узбекистан, г. Наманган
Наманганский государственный университет, доцент

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЭТНОСАМИ (на примере говоров юго-западного Намангана)

В статье рассматриваются ареалы распространения юго-западных наманганских говоров, исторические процессы их возникновения, лингвистические особенности. Рассматриваемая группа говоров включает около 140 крупных и малых городов и сел региона. Каждый говор имеет свои фонетические, лексические и морфологические особенности, обусловленные процессом этногенеза. Автором констатируется, что процесс образования говоров региона является историческим результатом древних экономических и культурных связей представителей тюркских и нетюркских народов. Лингвистические процессы возникновения закономерностей и особенностей в говорах описаны в статье в сравнительно-историческом плане с применением методов ареальной лингвистики.

Ключевые слова: *этнические процессы, местный язык, языковые факты этноса, диалект, говор, кыпчакский и карлукский диалекты, диахронные изменения языка.*

Darvishov I. U., Uzbekistan, Namangan
Namangan State University, Associate Professor

INTERETHNIC LANGUAGE RELATIONS (based on the dialect of South-west Namangan)

The article discusses the features of the southwestern Namangan dialects, their distribution area. The group of dialects under consideration includes about 140 large and small towns and villages of the region. Each group of dialects has its own phonetic, lexical and morphological features due to the process of ethnogenesis. The author states that the process of formation of dialects of the region is a historical, practical result of ancient economic and cultural ties of representatives of Turkic and non-Turkic peoples. Linguistic features and processes of occurrence of patterns in dialects are described in the article in comparative historical terms with the use of methods of areal linguistics.

Keywords*: ethnic processes, local language, ethnic group language facts, dialect, kipchak and karluk dialect, historical variation and narrowing of vocabulary, phonetic, lexical and grammatical content.*

Шеваларни ўрганиш тилшуносларга тил юрагининг қандай уришини ўз қулоқлари билан эшитишга имкон беради (Г. Остгов, К. Брутман). Бу фикрни билдирган олимлар жуда ҳам ҳақлидирлар. Чунки шевашунос бевосита халқ орасида юриб, у билан бирга нафас олиб, ўз имконияти, иқтидори ва куч-қудратини ишга солиб,... халқ оғзидан шевага хос сўзларни ёзиб олиб, унга сайқал бериб, келгуси авлодга қолдиришга ҳаракат қилади [Бердиалиев, Мадвалиев, Раҳмонқулов, 2017, 112].

Жануби-ғарбий Наманган (ЖҒН) ҳудудидаги туб аҳоли шева белгиларига кўра ҳозирги ўзбекларнинг қадимги икки йирик этник гуруҳи қарлуқ ва қипчоқ лаҳжасига мансуб. Бундан ташқари, бу деалектал ареалда тожик, уйғур, қирғиз, қозоқ, қорақалпоқ, рус, татар каби миллатларга мансуб аҳоли вакиллари ҳам истиқомат қилади.

Этнолингвистик жараёнлар тиллараро муносабатлар, алоқалар ва турли мустақил тилларни ўзаро бир-бирига таъсир этиши каби жиҳатларини ҳам қамраб олади. Жануби-ғарбий Наманган шеваларининг этногенезисидаги ана шу жараён турли қардош ва ноқардош тил вакилларининг бир-бирлари билан қадимдан иқтисодий ва маданий алоқада бўлганликларининг тарихий, амалий натижасидир.

ЖҒН ҳудудида яшовчи аҳоли тарихини қадимги Мунчоқтепа (Поп тумани), Ахсикент (Тўрақўрғон тумани) маданияти тарихидан ажратиб қараш асло мумкин эмас. Фарғона водийси қадим-қадимдан маданият марказларидан, барча соҳаларда цивилизация ўчоқларидан бўлганлиги тарихий манба ва илмий асосланган фикрлардан маълум [Кошғарий, 1960–1963, 244; Кошғарий, 1967, 388; Гумилев, 2007, Асқаров, 2015, 367; Шониёзов, 2001, 1962, 48; Абдуллаев, 2005; Иногамов, 1955].

Жануби-ғарбий Наманган шевалар гуруҳи Наманган вилоятининг Наманган, Тўрақўрғон, Мингбулоқ, Поп туманлари таркибида жойлашган йирик ва кичик 140 тага яқин шаҳарча ва қишлоқларни [Маълумотнома, 2018] ўз ичига олади.

Шимол томондан Тўрақўрғон туманидаги Шимолий Фарғона каналигача, ғарбдан Фарғона вилояти Бувайда тумани ва Поп тумани, шарқдан Наманган шаҳри, жануб томондан Андижон вилоятининг Улуғнор ва Қорақалпоқ чўллари (Марказий Фарғона чўллари), жануби-ғарбий томондан Фарғона вилоятининг Бувайда туманигача бўлган ораликда жойлашган майдонлар Наманган вилоятининг жануби-ғарбий қисмини ташкил этади. Ўз навбатида бу ҳудуд жануби-ғарбий Наманган диалектал ареали ҳисобланади.

Ўзбек миллати ўз этник таркибининг серқирра ва мураккаблилиги билан бошқа туркий халқлардан ажралиб туради. Бу ҳол ўзбек тилининг кўп шевали тил бўлишига ҳам асос бўлган [Эргашев, 2012, 3; Марқаев, 2008, 13].

Ҳудудда қадимдан туркий уруғлардан қорақалпоқ, урганжи, элатан, ўлмас, катта ўлмас, қиёт, қурама, сарой, қатағон, олчин, қораёнтоқ, мадёр (монжор), момохон, найман, қозоқ, бешсерка (Мингбулоқ т.), бешсари (Поп т.), кенагас, тўда, қирчин, уйғур, керайит кабиларнинг истиқомат қилгани қишлоқ номларида, яъни этнотопонимлардан ҳам яққол кўриниб туради.

Муайян бир ҳудудда кечаётган этнослараро тил муносабатларнинг ривожланиш даражаси ва кўлами кўп жиҳатдан мазкур ҳудуд аҳолисининг этник таркибига боғлиқ бўлади. Маълумки, турли

этник жамоалар орасидаги ўзаро этник муносабатлар этносларнинг аралаш ёки ёнма ён яшайдиган ҳудудларда қизғин кечади [Абдуллаев, 2005, 47].

Жануби-ғарбий Наманган шевалари ареали ҳам қадимдан айнан шундай этномулоқот ҳудуди ҳисобланади.

Қадимдан ЖҒН ҳудуди аҳолисининг асосий қисмини ўзбеклар, тожиклар ва қирғизлар ташкил қилган. Бундан ташқари, ушбу диалектал ареалда тарихнинг турли босқичларида кўчиб келиб, ўрнашиб қолган кўплаб турли этнос вакилларининг [Абдуллаев, 2005, 20, 40] авлодлари ҳам истиқомат қиладилар.

Тилшунос олим Худойберди Донёров ҳаққоний таъкидланганидек: "ўзбек миллатининг сон ва таркиб жиҳатидан энг катта компонентини қипчоқ – ўзбеклар ташкил этади. Бу компонентнинг асосий қисми тарихий хронологик нуқтаи назардан ўзбек миллатининг таркибига энг кейин қўшилган, лекин айни вақтда бутун миллат аъзоларининг ягона ва умумий номи бўлиб қолган "ўзбек" номини ҳам шу компонент олиб келган" [Донёров, 1968, 8–9; Абдиев, 2017, 115].

Сирдарёнинг ўрта оқимида яшаб турган қорақалпоқларнинг катта бир гуруҳи XVIII асрда Фарғона водийсига кўчиб ўтганлиги хусусида илмий манбаларда қайдлар мавжуд. Кўчиб ўтган қорақалпоқларнинг аксарияти водийнинг Сирдарё ва Қорадарё қирғоқларидаги ҳудудларига жойлашган ва Андижондан то Қўқонгача бўлган ҳудудларда ўтроқлаша бориб, ўзларининг қатор қишлоқларини барпо этган [Иногамов, 1955, 78; Толстова, 1959, 27-35-44; Абдуллаев, 2005, 40–60].

Тарихчи олим С.С.Губаева ҳам Фарғона водийсида жойлашган бир неча қорақалпоқ қишлоқларини кўрсатиб ўтади. Хусусан, Андижон вилоятида: Дарломон, Найман, Қипчоқ, Соҳоват, Шеркўрғон, Дўнгсарой, Хўжаобод, Хавос, Буғази (Бобоғози); Наманган вилоятида: Гуртева, (Гуртепа), Бешкапа, Чордара, (Чордона), Қорақалпоқ; Фарғона вилоятида: Тақали, Қипчоқ, Сойбўйи, Қорақалпоқ, Қипчоқ ва бошқалар. Гарчи, водий қорақалпоқлари Хоразм воҳасида яшовчи қорақалпоқлар каби мураккаб уруғ-қабилавий тузилишга эга бўлмасалар-да, ҳар ҳолда тадқиқотчилар водий ҳудудидаги қорақалпоқлар ҳам бир неча уруғлардан иборат эканликларини қайд этганлар. Хусусан, Фарғона қорақалпоқларини махсус ўрганган Л.С.Толстова водийда манғит, кенегес, қипчоқ, қўнғирот каби қорақалпоқ уруғлари яшаганликлари, улар ўз ўрнида бир қанча майда қавмларга бўлинганликларини таъкидлайди [Толстова, 1959, 27–35]. Масалан, олим таъкидлаган, шуйит, хитой-қипчоқ, момохон, бессари, уйручи, найман, кенегес, уруғларининг вакиллари ҳозирда ҳам ЖҒН ҳудудида истиқомат қилиб келмоқда. Уларнинг қишлоқлари ҳам ўз уруғлари номи билан аталади.

Тарихчи олим У. Абдуллаев 1909 йилда нашр этилган "Фарғона вилояти аҳоли жойлари рўйхати"да ....чуит (шуйит), уюрчи, ...кенегез, найман... каби қорақалпоқ уруғларининг номи билан аталувчи аҳоли манзилгоҳлари кўрсатиб ўтилганлигини таъкидлайди [Абдуллаев, 2005, 67].

Тил этносни белгилаб турувчи асосий белгилардан ҳисобланади. Кишиларнинг асосий алоқа воситаси сифатида улар ўртасидаги ижтимоий-иқтисодий муносабатларни белгиловчи, уларни юзага чиқарувчи ҳамда ана шу муносабатлар орқали ривожланувчи ижтимоий табиатга эга ҳодисадир.

Жануби-ғарбий Наманган ҳудудида ҳам қадимдан яшаб келган турли этносларга мансуб халқлар ҳақидаги маълумотлардан диалектал ареалнинг ҳар бир гуруҳ шохобчаларида ана шу этник гуруҳларнинг тил унсурлари, этнографик белгилари кўзга ташланади [Аскаров, 1997; Шониёзов, 1990, 5; Шониёзов, 2001, 92; Ишандадаев, 1967, 19; Спришевский, 1963, 21].

Бу ҳудудларда антик ва илк ўрта асрларда туркий тилда сўзлашувчи халқлар ҳам яшаб [Абдуллаев, 2005, 264–285], улар минтақада кечаётган ижтимоий-иқтисодий ва маданий, жумладан, этнолингвистик жараёнларда фаол иштирок этганлар.

Жануби-ғарбий Наманган ареалида ҳам этнослараро тил муносабатлари қадим даврларданоқ бошланган ва бу жараён асоси қуйидаги икки йўналишда ривожланиб борган: биринчи йўналишда тилларараро қоришув (метизация) туркий тилнинг турли лаҳжаларида сўзлашувчи уруғ ва қабилалар ичида юз берган бўлса, иккинчисида эса туркий тилли халқлар билан туркий бўлмаган этносларнинг тиллари ўртасида чатишув (гибридизация) содир бўлган.

Тарихдан аёнки, милоддан олдинги III асрда Сирдарёнинг ўрта оқимида Қанғ (Қанха) давлати ташкил топган эди. Бу давлат тарихда Кангуй номи билан ҳам маълум. Тадқиқотчилар ушбу давлат аҳолисини этник жиҳатдан бир хил бўлмаганлиги, давлат ҳудудида эрон тилли халқлар (хусусан, сўғдийлар, ассианлар, аслар) билан бирга туркий тилда сўзлашувчи этнослар ҳам яшаганликларини айтиб ўтадилар [Гумилев, 2007; Аскаров, 2015, 678; Шониёзов, 1990, 178; Шониёзов, 2001, 114; Абдуллаев, 2005, 183–200]. Янги эра арафасида ушбу давлат аҳолиси икки тилда (эрон ва туркий тилларда) сўзлашганлар. Кейинроқ ушбу ҳудудга кўплаб туркий тилли этносларнинг кўчиб келиши натижасида, бу ерда туркий этник қатламнинг мавқеи ортиб борган, оқибатда аҳолининг туркийлашиши кучайган.

Туркий ва туркий бўлмаган этнослар орасидаги тил алоқалари илк ўрта асрларда ҳам кенгайиб борди. Бу даврда минтақанинг бир қатор ҳудудларида аҳоли туркий ва сўғд тилларида сўзлаган. Чунончи, Маҳмуд Кошғарий XI асрда Шарқий Туркистоннинг жанубидаги шаҳарларда шунингдек, Чу ва Талас водийсидаги аҳоли турк ва сўғд тилларида гаплашганликлари, аҳоли икки тилли бўлганлари ҳақида хабар беради. X–XI асрларда Шарқий Туркистондаги Баласоғун шаҳрида бир вақтнинг ўзида аҳоли ҳам туркча, ҳам сўғдча сўзлашганлар. Маҳмуд Кошғарий ўзининг "Туркий тиллар девони" асарида Баласоғундаги сўғдийлар ҳақида гапириб, "Бухоро ва Самарқанддан кўчиб борган сўғдоқлар Боласоғунда жойлашиб қолган ва туркийлашиб кетган" деб ёзган эди [Кошғарий, 1960–1963, 486].

Турли миллатларнинг бирикувидан таркиб тонган ЖҒН аҳолиси учун азалдан икки тиллилик хос бўлган. XIX–XX аср бошларида водий ҳудудида ўзбек-тожик, ўзбек-уйғур, ўзбек-қирғиз ва ўзбек-

қорақалпоқ икки тиллилик ҳолатлари кузатилади. Натижада юқоридаги икки тиллилик ҳодисаси ва уларнинг тарқалиш кўлами ҳудудда турлича бўлиб, бу ижтимоий ҳодисанинг содир бўлиши этник муҳит билан бевосита боғлиқ бўлган.

Жануби-ғарбий Наманган шевалари ўзбек шеваларининг кичик бир бўлаги ҳисобланади. Шева вакиллари бир ҳудудда яшашларига қарамасдан, ҳар бир шохобча ўзига хос фонетик, лексик ва морфологик хусусиятларга эга. Шева ареали умумўзбек шеваларининг фонетик, лексик, грамматик структурасидаги умумий ўхшашликларга мос кўринишларга эга бўлса-да, улардан айрим қуйидаги фонетик-лексик хусусусиятлари билан фарқланади:

1) қипчоқ лаҳжасига мансуб шевалар гуруҳида: а) “й”ловчилар: [*йүр*] юр, [*йылэн*] илон, [*йъп*] ип, [*йумэлэ*] думаламоқ, [*шэйдэ*] шу ерда ва б.; б) “ж” ловчилар: [*жүр*] юр, [*жэңэ//жэнга*] янга, [*шүйтъп*] шундай қилиб, [*жъ:пкэттъи//жъғьбкэттъ*] чиқиб кетди ва б.;

2) қарлуқ лаҳжасига мансуб шевалар гуруҳида: [*ман*] мен, [*нинэзьн*] яхши, тузук, [*сэрпэ//сэрпэ*] сарпо, сеп, [*а:шъ*] ана шу, [*шэдэ*] шу ерда, [*йаңа*] янга, [*мабү//мабъ*] мана бу ва б.;

3) аралаш шеваларда сўзлашувчилар гуруҳида: [*мэңа//мәңэ*] менга, [*нинэзьн//бир чиройли*] яхши, тузук, [*бўғча//бөхча//түйүн*] аёллар нарса соладиган тугун, [*сарьмсэқ//сэмсэқ*] саримсоқпиёз ва бошқа бир қанча шу каби кўринишлар билан фарқланишини кузатишимиз мумкин.

Шеваларининг фонетик-фонологик табиати сўзларда, грамматик шакл-ларда жилоланади. Муайян шева ареалнинг бошқа шевалардан фарқлайдиган лисоний қирралари унинг лексик қатламида кўпроқ кўзга ташланади. Жануби-ғарбий Наманган шевалари сўз – терминлари ва улар англатган маънолар турфа, ранг-баранг. Лекин уларнинг барчаси ҳали мукаммалроқ тўпланиб, ўрганилгани йўқ. Шуни назарда тутиб, ЖҒН шевалари лексик қатламини фонетик-фонологик структурасидаги белгиларга кўра, қуйидаги гуруҳларга ажратиш мумкин:

I. Фақат шевага хос сўз ва терминлар [*Адабий тилда учрамайдиган, шева таркибида қўлланувчи айрим ижтимоий-маиший соҳаларга, чорвачилик, деҳқончилик, ҳунармандчиликка оид лексик бирликларни термин деб қўлладик*], қўшма сўз ва бирикмалар.

1. Адабий тилда учрамайдиган, фақат шевага хос сўз – терминлар:

[*шъйдэ*] – қаттиқ танали, масалан, маккажўхори, ғўза, оқ жўхори каби ўсимликлар ўриб олингандан сўнг илдизи билан ер устида қолган пояси.

Шевада [*чөкьтмәк*] ва [*түпчьк*] сўзлари ўзаро маънодош. [*шъйдэ*] ҳеч қачон юмшоқпояли ўсимликларга нисбатан қўлланмайди. Бироқ жанубий Қозоғистон ўзбек шеваларида [*шъйдэ*] тиканли бутоқ маъносида қўлланади [Муҳаммаджонов, 1981, 177]. [*чөкьтмәк*] ва [*түпчьк*] – юмшоқ пояли ўсимликлар (шоли, арпа, буғдой, курмак, ажириқ каби) ўриб олингандан сўнг илдизи билан ер устида қолган пояси. [*шъйдэ*] [*чөкьтмәк*] ва [*түпчьк*] сўзларидан англатган маъносига кўра фарқланиб, уларга синоним бўла олмайди.

[*чөкьтмәк*] шевада омоним сўздир: а) яроқсиз ҳолга келган супурги; б) балиқ тутиш қармоғи ипига (илмоғидан 3–5 см юқорига) ўрнатиладиган металл парчаси; [*бәчкъ*] эртапишар экинлардан сўнг бўшаган майдонларга ҳайвонлар учун озуқа сифатида сепиб ўстирилиб, кеч кузгача ўриб олинадиган экин номи; [*үвүз*] – сигир янги туғгандан кейин икки, уч кунгача соғиб олиниб тўкиб юбориладиган сут. Бу сўз Ўзбекистоннинг барча диалектал ареалида, ҳатто Қозоғистон Республикасининг ўзбек шеваларида ҳам мавжуд: [*үвүз*] (Гурлан, Янгибозор), [*овүз*] (Ҳозарасп), [*үвъз*] (Қовчин ва Туркистон қипчоқ шевалари), [*эғьзлэқ*] (Қашқадарё), [*оғиз*] (Тошкент [Ишаев, 1990, 12]) каби/

2. Номемаси адабий тилдаги сўзлардан фарқ қилмаса-да, лекин шевада бошқа маъно англатувчи сўзлар: [*тьрънкэ*] – металдан ишланган суюқ ва қуюқ овқатлар учун чуқур ва саёз идиш тури; [*чьнь*] – чинни коса; [*ўра // ўрэ*]– қишда сабзавот сақловчи жой; [*мәллэ*] – пахта териш этаги, [*қулэқ*] – бир ариқдан иккинчи бир ариққа сув олинадиган жой; [*сүпэ*] – ариқдан сув олинадиган зинали жой; [*вәҳ-вәк*] – омоним: ҳовлиқма одам, ҳашарот тури.

II. Фонетик қонуниятлар асосида юзага келган лексик бирликлар.

1. Қўшма феъл ёки етакчи феъл+ кўмакчи феъл типидаги феъл қўшилмаларининг ягона урғу олиб, сандҳи (sandhi [*Бунда икки сўзнинг талаффузи жараёнида олдинги сўз ниҳоясидаги ундош кейинги (бошланувчи сўз) товушга мослашади ёки дастлабки сўзнинг охирги товуши (кейинги сўз унли билан бошланса) жаранглашади:* ***бөлакэдэм//бөлагэдэм*** *(ад.: бошқа (ўзга) одам) каби.*]) ҳолатида бўғин ёки товуш тушиши натижасида бир сўз ҳолига келиб қолиши: “й”ловчиларда: [*әпчьқ*]*;* “ж”ловчиларда: [*а:чық*] олиб чиқ; “й”ловчиларда: [*эбэр*]*; “ж”ловчиларда:* [*эппәр*] олиб бор; “й”ловчиларда: [*әпкэт*]*;* “ж”ловчиларда: [*әкьт*] олиб кет; [*ъчвәр // ҳўплэвәр*] ичиб юбор; [*тәшләвәр//этвәр// ърғыт//ърғытвәр*] ташлаб юбор, отиб юбор; [*сәвәр*] солиб юбор; [*эвәр*] олиб юбор каби.

2. Адабий тилдаги шаклига нисбатан кучли фонетик ўзгаришга учраган сўзлар: [*йъ:нэ*] игна; [*йовын*] омоним: ёғин, ёпинмоқ; [*йэвын-чәчьн*] ёғин-сочин, ёғингарчилик; [*мэмэхэнэ*] меҳмонхона; й”ловчиларда: [*шүнэп*]; “ж”лов-чиларда: [*шүйтьп*] шундай қилиб; [*эҳлэ*] ҳатламоқ//сакраб ўтмоқ;

[*ҳьшшə*] шиша; [*төвьп*] табиб; [*ўҳлэт*] ўтлатмоқ; [*қэҳнэ*] қатнамоқ; [*қаҳлəмə*] қатлама (қозонда ёғ билан ёки ёғсиз пишириладиган нон тури); [*пэлчы*] фолбин; [*пэқэс//төлкə*] фақат//русча: только каби.

III. Ўзига хос морфемик структурага эга бўлган сўзлар.

1. Жануби-ғарбий Наманган қипчоқ шевалари учунгина хос бўлган аффиксларга эга луғавий бирликлар: *-(э)вғыч//-вғыч:* аффикси шевада икки хил функцияда қўлланади: а) [*күй+эвғыч*] куйканак// куйинчак, [*сэл+эвғыч*] куракча, бирор нарса соладиган идиш, [*бүрэ+вғыч*] (мурват), [*түзэ+вғыч*] тузовчи, тузатувчи – уста, [*сəвөв+гъч//сəвəчъп*] савағич каби сўзларда сўз ясовчи; б) [*бэр+эвғыч*] борадиган; [*эл+эвғыч*] оладиган, [*ъшлэ+вғыч*] ишлай-диган каби сўзларда луғавий шакл ҳосил қилувчи кўмакчи морфема.

2. Адабий тилда мавжуд ўзак ва сўз ясовчи аффиксларнинг шевада адабий тилдан фарқли сўз ясаши: [*гəп+чъл*] сўзамол, сўзга уста; “й”лов-чиларда: [*бўй+лэ*]*;* “ж”ловчиларда: [*мэй+лэ*] сувга тушишдан олдин сувни бўй билан ўлчаш; [*чэрпэй+лы*] чорпаҳил – тўлача одам; [*құрмэ+ч// құғырмэ+ч// құғырмэ+ч*] майда гурунчдан ёки буғдойдан қовуриб тайёрланадиган таом: қовурмоқ+ч; [*қырмэ+ч*] қозоннинг тагида қуюқ овқатнинг ёпишиб, ўта пишиб кетган қисми, қозон қириш орқали тозаланади: қирмоқ+ч; [*ъл+пьс*] секин ҳаракатланувчи одам: илдам+эмас каби.

3. Компонентлари адабий тилда бўлиш, бўлмаслигидан қатъий назар, адабий тилда учрамайдиган шевагагина хос бўлган қўшма сўз ва бирикмалар: [*дэлы-гүлъ*] тузук, яхши: [*дэлы-гүлъгə құйыпты*] ишни яхши қилибди, бажарибди, [*чэвəр көйнəгьмдъ дэлы-гүлъгə құйып тькыпть*] чевар кўйлагимни яхши тикибди); [*құлэнтэйэқ*] пайпоқ ёки пайтавасиз оёқ кийим кийиш; [*қэлэңыр-қэсэңыр//қэлэңь-қэсэңы*] бегона, ҳеч кимга ёқмайдиган одам; фақат аёлларга нисбатан: [*тьлль-жоғлы*] гапга уста каби.

Бугунга келиб, диалект ареаллари орасидаги фарқлар давр тақазоси – фан-техника, электрон ахборот технологияларининг тараққиёти натижасида аста-секин йўқолиб бормоқда. Жануби-ғарбий Наманган ҳудудининг маълум шева ареалларида лексик жиҳатдан тубдан фарқ қилувчи бирликлар фақат шу кичик шева ареалига тегишли аҳолининг ўз этнографиясига, урф-одатлари, анъаналари доирасида ривожланганлиги сабабли сақланиб келмоқда.

Мазкур диалектал ареал боғлиқ ва конвергент изоглоссалардан ташкил топган.

Бир қатор боғлиқ изоглоссалар ҳудудда “ж”ловчи ва “й”ловчи қипчоқ шевалари қорақалпоқ уруғларининг кўчиб келиб, Сирдарёнинг серўт чап қирғоғига ўрнашиши, ўзбек уруғлари билан ўзаро иқтисодий, маданий-маиший алоқалари натижасида вужудга келган [Толстова, 1959, 27].

Конвертгент изоглоссаларнинг типологик таҳлилидан маълум бўлади-ки, чўлларини ўзлаштириш учун ишчи-деҳқонларнинг оммавий сафарбарлиги, техника ишларини жонлантириш мақсадида русийзабон ва форсийзабон аҳолининг кўчириб келиниши, йирик шаҳарлар ва қишлоқлардан қарлуқ лаҳжаси вакилларининг оилавий келишлари, аҳоли вакилларининг, айниқса,майда элатларни чўл ҳудудига кўчирилиши – тарқоқ элатни бир жойга тўпланиши гибридизацияни вужудга келтирди. Бу жараён жануби-ғарбий Наманган шеваларида диалектологик ўзига хосликларни юзага келиш сабабларидан биридир.

Литература

Абдиев М. Худойберди Донёров // Ўзбек тили ва адабиёти. Тошкент. 2017. № 4.

Абдуллаев У. Фарғона водийсида этнослараро жараёнлар (X1X-XX аср бошлари). Тошкент: Янги аср авлоди, 2005.

Аскаров А. А. Некоторые вопросы истории становления узбекской государственности // ОН Узб., 1997. № 3.

Бердиалиев А., Мадвалиев А., Раҳмонқулов А. Таниқли шевашунос // Ўзбек тили ва адабиёти. Тошкент, 2017. № 5.

Гумилев. Л. Н. Қадимги турклар. Тошкент: Фан, 2007.

Донёров Х. Ўзбек халқининг шажара ва шевалари. Тошкент: Фан, 1968.

Иногамов Ш. И. Этнический состав населения этнографическая Ферганской долины в границах Уз ССР: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ташкент, 1955.

Ишаев А. Ўзбек диалектал лексикографияси. Тошкент: Фан, 1990.

Ишандадаев Д. Наманган атроф тожик ва ўзбек шеваларида сўз ясашнинг айрим хусусиятлари (тожик ва ўзбек тиллари ўзаро таъсири масаласига доир). Фил. фанл. номз. ... дис. автореф. Тошкент, 1967.

Кошғарий Маҳмуд. Девону луғат-ит турк. I том. Тошкент, 1960–1963.

Кошғарий Маҳмуд. Девону луғат-ит турк. Индекс луғат. Тошкент: Фан, 1967.

Марқаев К. Ш. Ўзбек тили этнонимларининг лисоний тадқиқи. Фил. фанл. номз. ... дис. автореф. Тошкент, 2008.

Муҳаммаджонов Қ. Жанубий Қозоғистондаги ўзбек шевалари. Тошкент: Фан, 1981.

Наманган вилояти статистика бошқармасининг 2018 йил 2 мартдаги № 01/2-01-08-321-сонли маълумотномаси.

Спришевский В. И. Чустское поселение (к истории Ферганы в эпоху бронзы). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ташкент, 1963.

Толстова Л. С. Каракалпаки Ферганской долины. Нукус: Каракалпакское гос. изд, 1959.

Шониёзов К. Қанғ давлати ва канғлилар. Тошкент: Фан, 1990.

Шониёзов К. Ўзбек халқининг шаклланиш жараёни. Тошкент: Шарқ, 2001.

Шониёзов К. Қарлуқ қабиласи ва унинг тили ҳақида айрим мулоҳазалар // Адабиётшунослик ва тилшунослик масалалари. Тошкент. 1962. № 4.

Эргашев А. А. Андижон вилояти этнотопонимларининг ареал-ономастик тадқиқи. Фил. фанл. номз. ... дис. автореф. Тошкент, 2012.

© Дарвишов И. У., 2022

УДК *398.9*

Даутова Р. А., Россия, г. Уфа,
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, к.ф.н., н.с.

ЖАНР ЗАГАДКИ В ФОЛЬКЛОРЕ ПЕРМСКИХ БАШКИР (по материалам экспедиций 1963 и 2019 гг.)*

В статье в сравнительно-сопоставительном плане анализируются загадки башкир Пермского края по материалам экспедиций 1963 и 2019 годов, рассматриваются их общие и отличительные особенности. Особое внимание уделяется изучению жанровой природы и особенностей функционирования загадок, выявлению их специфических черт и жанрообразующих признаков, определению места и роли в системе национального фольклора. Если в материалах экспедиции 1963 года определенное количество загадок представлены в поэтической форме, имеют соответствующий ритм, рифму, то загадки, собранные в 2019 году, имеют форму "вопроса-ответа". С появлением новых предметов, новых явлений расширяется идейно-тематический диапазон загадок как оперативного жанра фольклора,. Соответственно, материалы экспедиций 1963 и 2019 годов имеют существенные различия, в содержании и в ответах загадок отражается историческая действительность. Проведенный анализ позволяет утверждать, что содержание загадок тесно связано с жизнью и бытом башкирского народа, его историей, духовной и материальной культурой.

Ключевые слова: *башкирский фольклор, малые жанры, загадка, образ.*

Dautova R.A., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS, Senior Researcher

THE GENRE OF RIDDLES IN THE FOLKLORE OF THE PERM BASHKIRS (based on the material of the expeditions of 1963 and 2019)

In the article, the riddles of the Bashkirs of the Perm Region are analyzed in comparative terms based on the materials of the expeditions of 1963 and 2019, their common and distinctive features are considered. Special attention is paid to the study of the genre nature and functioning of riddles, the identification of their specific features and genre-forming features, the definition of the place and role in the system of national folklore. The analysis suggests that the content of the riddles is closely related to the life and way of life of the Bashkir people, its history, spiritual and material culture.

Keywords: *Bashkir folklore, small genres, riddle, image.*

ПЕРМЬ БАШҠОРТТАРЫ ФОЛЬКЛОРЫНДА ЙОМАҠ ЖАНРЫ (1963 һәм 2019 йылғы экспедициялар материалы буйынса)*

Һәр бер халыҡтың ауыҙ-тел ижадында ҙур күләмле жанрҙар менән бер рәттән ритмик яҡтан ныҡлы ойошҡан бер йәки бер нисә һөйләмдән торған, әммә тәрән мәғәнәгә эйә булған ижад төрҙәре бар. Халыҡтың быуындан быуынға тапшырыла килгән тормош-көнкүреш тәжрибәһе, тапҡыр аҡылы сағылып ҡалғанлыҡтан, уларҙы, ғәҙәттә, афористик жанрҙар тип йөрөтәләр [Галин, 1981, 5]. Ғилми әҙәбиәттә уларҙы икенсе төрлө бәләкәй жанрҙар тип атайҙар. Афористик, йәки бәләкәй жанрҙарҙың иң киң таралған төрҙәренә мәҡәл-әйтемдәр, йомаҡтар, һынамыштар инә.

Ғилми мәҡәләнең маҡсаты булып 1963 һәм 2019 йылдарҙа экспедиция ағзалары тарафынан яҙып алынған йомаҡтарҙы сағыштырып өйрәнеү, үҙенсәлектәрен асыҡлау, уларҙы классификациялау һәм башҡорт халыҡ ижадында тотҡан урынын билдәләү тора. Белеүебеҙсә, йомаҡ – халыҡ ижадының иң боронғо һәм үҙенсәлекле жанрҙарының береһе. Уның үҙенсәлеге барынан элек шунда: йомаҡ кешене уратып алған бөтә мөхит, донъяға шиғриәт күҙе менән ҡарап, көндәлек тормошта күҙгә артыҡ ташланмаған иң ябай предмет, күренештәрҙе лә поэтик образ кимәленә күтәрә [Галин, 1981, 39].

XX быуаттың икенсе яртыһынан алып СССР Фәндәр академияһының Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты тарафынан ойоштороlған экспедицияларҙа халыҡ ижады өлгөләрен йыйыу буйынса әүҙем эш алып барыла. 1963 йылда ошондай экспедиция Свердловск һәм Пермь өлкәләрендә эшләй. Билдәле яҙыусы, фольклорсы-ғалим, әҙәбиәт белгесе Кирәй Мәргән етәкселегендә тәүге тапҡыр ойоштороlған был экспедицияла Әнүр Вәхитов, Салауат Галин, Фәнүзә Нәҙершина, Ниғмәт Шоңҡаров ҡатнаша.

Фольклор экспедицияһы Свердловск өлкәһенең Нижне-Сергинский (Түбәнге Серге) һәм Красноуфимск райондары аша үтеп, Арыҫлан (был ауыл Силәбе өлкәһенә инә), Шәкүр, Аҡбаш, Араҡай, Үрмәкәй, Шарамбы, Өфө-Шигере, Әртә Шигере, Әжеғол ауылдарында эшләй. Был төбәктәрҙә электән күберәк Тәрсәк, Өпәй, Сыҙғы, Ҡошсо, Ямаш, Тирсә, Ғәйнә ырыуҙары йәшәгән.

Экспедиция материалдары ике томға урынлаштырылған. Беренсе томға – әкиәт, йыр, таҡмаҡ, ә икенсеһенә – йола фольклоры, дәфтәр поэзияһы, мәҡәл-әйтемдәр, бәйет, мөнәжәт кеүек жанрҙар ингән. Иң аҙаҡта ҡушымталар – һүҙлек, ер-һыу, им-том, мифик заттар, тамғалар хаҡында мәғлүмәт бирелгән.

Экспедиция материалдарының икенсе томында 149 тиҫтә йомаҡ урын алған. Әлбиттә, 1963 йылда яҙып алынған йомаҡтар йөкмәтке, форма, тематик йәһәттән күп төрлө. Уларҙы информанттар

*«Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00940, https://rscf.ru/project/22-28-00940/».
*«Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00940, https://rscf.ru/project/22-28-00940/».

биргән мәғлүмәттәр алдынан “йомғаҡ ебәреү”, “йомаҡ”, “табышмаҡ” кеүек терминдар менән биргәндәр.

“Йомаҡ – ул торғаны менән бөтмәҫ-төкәнмәҫ поэзия, халыҡтың үҙен уратып алған донъяны поэтик күҙ менән күрә һәм аңлата белеүенең бынамын тигән бер үрнәге. Йомаҡта беҙ ысынбарлыҡтың поэтик асылын һәм һүрәтләнешен күрәбеҙ”, – тип билдәләй фольклорсы-ғалим Салауат Галин [Галин, 1981, 39]. 1963 йылда йыйылған йомаҡтарҙың төп үҙенсәлеге – поэтик формала бирелеүендә. Мәҫәлән:

Кескенә ул, шыма ул,
Ҡара күлгә сума ул,
Аҡ ҡыр буйлап уҙа ул,
Тап-тар юлдар һыҙа ул.
Булһа ла бик кескенә,
Еткер уға эш кенә. /ҡәләм/

Пыр-пыр пырылдар,
Зыр-зыр зырылдар,
Күккә менер, ергә төшөр,
Бик күп ерҙәрҙе гиҙер. /самолет/

Үҙенсәлекле рифма, тигеҙ ритмда бирелеү, поэтик фонетика – аллитерация, ассонанс алымдары ҡулланылыуы – поэтик формала бирелгән йомаҡтарҙың төп үҙенсәлеген тәшкил итә. Бындай формала бирелгән йомаҡтар тыңлаусының иғтибарын йәлеп итеү, отоп алып иҫтә ҡалдырыу өсөн уңайлы.

Барлыҡ йомаҡтар ҙа кешенең көндәлек тормошо һәм уны уратып алған донъя менән тығыҙ бәйле икәнлеге хаҡында беләбеҙ. Халыҡтың йәшәү рәүеше, мәҙәниәте, ғөрөф-ғәҙәттәре, шөғөл-кәсептәре һәм башҡа төрлө бик күп милли үҙенсәлектәрен йомаҡ жанры үҙ эсенә алған.

Өй эсендәге йыһаз, хужалыҡ кәрәк-яраҡтары, көндәлек тормошта ҡулланылған предметтар 1963 йылда яҙып алынған йомаҡтарҙың күпселек өлөшөн тәшкил итә. Мәҫәлән: *Аяҡһыҙ-ҡулһыҙ күлдәк кейә (мендәр), Дүрт апай бер яулыҡ ябына (өҫтәл), Һуҡыр әбейҙең башына ут ҡапҡан (лампа), Ишек төбөндә бисура, билен быуып ултыра (һепертке), Түбә таҡтала груша (лампочка), Ашамай, эсмәй, һөйләшә лә, йырлай ҙа (радио), Иҙән аҫтында әбей менән бабай һуғыша (тәртешкә), Аҡ кейем кейгән, башы түшәмгә тейгән (мейес), Һаҡалы оҙон, үҙе бәләкәй генә (энә), Үҙе һөйләй ҙә, көйләй ҙә (патефон)* һәм башҡалар. Йомаҡтарҙың яуабына тура килгән предметтарҙың бер өлөшө тормош-көнкүрештә ҡулланылыштан төшөп ҡалһа ла, улар үҙҙәренең булмыштары менән тарих һаҡлай.

Йомаҡ жанрының тағы ла бер үҙенсәлеге – үҙенең йөкмәткеһе менән эш-хәрәкәтте тасуирлау. Мәҫәлән: *Бәләкәй генә ҡыҙ бала, йөрәгенә ут һала (самауырға утлы күмер һалыу), Биш бүре, бишеһе лә күк бүре, берен-бере ҡыуған, ҡойроғон төйгән (ойоҡ эҙләре, ойоҡ бәйләү), Ике туҡмаҡ, арала йөн туҡмаҡ (ат егеү), Матур-матур ҡыҙҙар, таҡта өҫтөнән шыуалар ҙа, ҡайнар һыуға сумалар (ҡаҙанға билмән һалыу), Ҙур арбаҙҙан бәләкәй арбаҙға һөштәрр – бәлә, кеш (мейестән усаҡҡа көл-күмер тартыу), Оҙон ҡолға башында ҡара айыу үкерә (манарала мәзин ҡысҡыра)* һәм башҡалар. Был йомаҡтарҙа бирелгән эш-хәрәкәттәрҙең күбеһе шулай уҡ хәҙерге заманда көндәлек тормошта бөтөнләй башҡарылмай, әммә шул осорҙоң күрһәткесе, халыҡтың шөғөлөн, башҡарған эшен төрлө образдар, күсмә мәғәнәләр ярҙамында тасуир итә.

Ошо уҡ идея-тематик төркөмдөң дауамы булып игенселек, емеш-еләк, йәшелсәләр менән бәйле йомаҡтар тора. *Йәй йәйләнем, ҡыш ҡышланым, йәшел хәтфәнән тун тышланым (ужым), Ҡат-ҡат тунлы ҡарыш буйлы (кәбеҫтә), Яҫы-яҫы япраҡ, ятҡан ере тупраҡ (кәбеҫтә), Ите һимеҙ, майы юҡ, туны ҡалын (шалҡан), Ер аҫтында еҙ бүкән (кишер), Оҙон-оҙон ағастыр, ағас һайын ботаҡтыр, ботаҡ һайын оялыр, оя һайын балалар (борсаҡ), Ишеге лә, тәҙрәһе лә юҡ – эсе тулы халыҡ (ҡыяр), “Алма” тиһәң дә алалар, нимә һуң ул балалар? (алма), Бәләкәй генә тәкә, башын күтәрә алмай ята (ер еләге), Ер аҫтында ерән ат, уның тиреһе ҡат-ҡат (һуған)* һәм башҡалар. Был тематик төркөм йомаҡтары халҡыбыҙҙың баҡсасылыҡ, игенселек шөғөлдәренә бәйле, тормош-көнкүреш тәжрибәһе нигеҙендә барлыҡҡа килгән тигән фекер йөрөтә алабыҙ.

Халыҡтың тарихи үткәнен һаҡлап тороусы йомаҡтар араһында кейем-һалым, һауыт-һаба атамаларына бәйлеләре лә байтаҡ: *Алтын баҕана өҫтөндә аҡ күгәрсен ултыра (сәйнүк), Ҡараһы ҡарап тора, ҡыҙылы ялап тора (ҡаҙан менән ут), Яңы һауыт-һабалар – барыһы ла тишек (иләк), Тәпәш күктән ҡар яуа (иләк), Һарайымда һары айғырым, һикереп тороп кешеннәй, Батырбайҙа*[30] *биш бейәм, бишеһе лә ҡолонло (самауыр, сынаяҡтар), Бер сыҫканда ике ҡойроҡ (сабата)* һәм башҡалар.

1963 йылғы экспедиция материалдарында тәбиғәт күренештәре менән бәйле йомаҡтар байтаҡ: *Утта янмай, һыуҙа батмай (боҙ), Килделәр ағайҙар, балтаһыҙ һалдылар күпер (һыуыҡ, боҙ туңыу), Аҡ ашъяулыҡ таптым, ер өҫтөнә яптым (ҡар), Аяғы юҡ, ҡулы юҡ, үҙе ҡапҡа аса (ел), Бик матур күпер аша бер кем дә сыға алмай (Салауат күпере), Келәймән еңгәй келәткә бара, аның аҫҡысы тороп ҡала, ҡояш төшөп ала (ысыҡ), Котора ла үкерә, барлыҡ ерҙе тултыра (буран)* һәм башҡалар.

[30] Ауыл исеме.

Йәнһеҙ предметтарға йән өрөп, уларҙы кешеләргә хас сифаттар менән һүрәтләп үҙенсәлекле йомаҡтар ижад иткән халҡыбыҙ.

Бынан тыш 1963 йылғы экспедиция материалдарында һирәк кенә йыл миҙгелдәренә *(Ала һыйыр тороп китә, ҡара һыйыр тороп ҡала /йәй, ҡыш)/),* эш ҡоралдарына *(Аяғы әллә нисә булһа ла, ҡырҙан арҡаһы өҫтөнә ятып ҡайта /тырма/, Ауыҙы юҡ, өс теше бар /һәнәк/),* тән ағзаларына *(Ҡапҡа асылып, ябылып тора /ауыҙ/, Мис башында 32 бәрән ҡарап ултыра /тештәр/),* техникаға *(Еҫкәмәй ул бесәнде, һөйрәй алты аяҡлы һабанды /трактор/),* йорт хайуандарына (*Өс туған: береһе – эсерә, береһе – тарта, береһе – һаҡлай. /һыйыр, ат, эт/, Һике өҫтөндә ҡомғаным, ике күҙен йомғаны /бесәй/),* ай-йондоҙҙарға (*Ере үлсәнмәгән, малдары һаналмаған, көтөүсеһе мөгөҙлө /һауа, йондоҙҙар, ай/, Мейес тулы бәрәмәс, уртаһында бер ҡалас /йондоҙҙар, ай/),* ҡоштарға (*Аҡ ере ҡар кеүек, ҡара ере ҡором кеүек, ултырыуы мулла кеүек, ҡысҡырыуы шайтан кеүек /һайыҫкан/),* бөжәктәргә *(Алпауыттың баҡсаһы, баҡсаһында мунсаһы, мунсаһына һыу килтерә, нескә билле мәрйәһе /бал ҡорто/)* арнап сығарылған йомаҡтар ҙа бар. Шуға күрә лә XX быуаттың икенсе яртыһында уҙғарылған экспедиция материалдары араһында йомаҡ идея-тематик, форма йәһәтенән бик бай һәм йөкмәткеле жанр булған тигән фекер йөрөтә алабыҙ.

Рәсәй фәндәр академияһының Өфө федераль тикшеренеүҙәр үҙәге Почет билдәһе орденлы Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты хеҙмәткәрҙәре тарафынан Пермь өлкәһенә 2013 һәм 2019 йылдарҙа экспедициялар ойоштorола. “Мәҙәниәттәр диалогы: Пермь крайы (тикшеренеүҙәр һәм материалдар)” (2-се китап) ғилми йыйынтығында ошо экспедицияларҙа тупланған халыҡ ижады өлгөләре һәм тикшеренеүҙәр урын алған. “Хәҙерге көндә ҡайһы яҡтың халыҡ ижадын ҡараһаң да, афористик ижад өлгөләре иң ауыр яҙып алынған жанр төрө һанала”, − тип билдәләй фольклорсы-ғалимдар [Юлдыбаева, Хубутдинова, Салихов, Мухҳаметжанова, 2019, 25]. Ысынлап та, материалдарҙан күренеүенсә, XXI быуат башында уҙғарылған был экспедицияла фольклорсылар тарафынан 36 тиҫтә генә йомаҡ яҙып алынған.

“Йомаҡ – бик оператив жанр. Тормош-көнкүрештә яңы әйбер һәм күренештәр барлыҡҡа килеү менән яңы йомаҡтар, йәғни яңы образдар ҙа үҙҙәрен оҙаҡ көттөрмәй”, − тип билдәләй фольклорсы-ғалим Ф.А. Нәҙершина [Надршина, 2021, 164]. Ошо фекергә ярашлы 2019 йылда уҙғарылған академик экспедицияның материалдары араһында йомаҡ жанрының яңы формаһы барлыҡҡа килеүе, тематикаһының бер аҙ киңәйеүе күҙәтелә.

1963 йылғы экспедициянан айырмалы рәүештә, 2013 һәм 2019 йылғы материалдарҙа йомаҡтарҙың һорау-яуап формаһында бирелеүе күҙгә ташлана. Мәҫәлән: *“Нимәнән башҡа өй төҙөп булмай?” (мөйөш), Диңгеҙгә япҡыс, күккә баҫҡыс, нимәгә асҡыс табып булмай? (йөрәк), “Ирҙәр өсөн иң яйлы ятаҡ?” (диван), “Ир-егеттәр өйләнеүгә нимә кейә?” (ҡамыт), Кәстрүлгә аш һалғанда башта ни һалаһың?” (күҙ)* һәм башҡалар. Кинәйәле образдар аша мауыҡтырғыс һорауҙар ярҙамында төҙөлгән бындай йомаҡтар хәҙерге көндә мәктәп уҡыусылары араһында уҙғарылған уйын-квесттарҙа, дәрестең төрлө этаптарында киң ҡулланыла.

“Бикле һандыҡҡа биклене һалдыҡ” (почта), “Йүткерһә төкөрә-төкөрә йүткерә” (пистолет), “Бешмәгәнде ашамайҙар – бешкәнде ташлайҙар” (лавр), “Йәй буйы ял итерҙәр – ҡышын эшләп китерҙәр” (саңғы), “Ҡат-ҡат тунлы, ҡарыш буйлы” (китап), “Теләгәнен түгел, ҡуйғанын ашар” (ҡунаҡ), “Ауыҙы юҡ үҙе ҡысҡыра” (борғо) кеүек яңы образдар менән байытылған йомаҡтар 2019 йылғы экспедиция материалдарының бер өлөшөн тәшкил итә.

“Әлбиттә, жанрҙың функцияһы аҡыл һынау, кешеләрҙең зиһенлелеген, тапҡырлығын арттырыу менән генә сикләнмәй. Поэтик әҫәр булараҡ, улар кешеләрҙе, бигерәк тә йәш быуынды, халыҡтың образлы фекер йөрөтөү оҫталығы менән таныштыралар, йомаҡтарҙы сисеү процесында кеше матурлыҡты күрә һәм аңлай белергә өйрәнә, шулай уҡ халҡының үткәндәге һәм хәҙерге тормош-көнкүреше менән таныша”, – тип билдәләй фольклорсы-ғалим Ф.А. Нәҙершина [Надршина, 2021, 150]. Ысынлап та, 1963 һәм 2019 йылдарҙа Пермь өлкәһендә уҙғарылған экспедиция материалдары араһында йомаҡ жанры үҙәк урынды биләй. Йомаҡтарҙа сағылған һәр бер образ, эш-хәрәкәт, предметтарҙа ниндәй ҙә булһа тарих сағылыш таба. Халыҡтың рухи мәҙәниәтенең һәм телмәр байлығының айырым бер өлөшөн тәшкил иткәнгә күрә, йомаҡ жанры беҙҙең көндәргә тиклем килеп еткән һәм ҙур тәрбиә сығанағы булып тора.

Әҙәбиәт

Галин С. Башҡорт фольклорының афористик жанрҙары. Рус-башҡорт бүлегенең I курс студенттары өсөн лекциялар. Өфө: Башҡорт дәүләт педагогия институты, 1981. 65 б.

Мәҙәниәттәр диалогы: Пермь крайы (тикшеренеүҙәр һәм материалдар). 2-се китап / Төҙөүселәр: Н.Ә. Хәббитдинова, Г.В. Юлдыбаева, Ә.Ғ. Салихов, Л.Х. Мөхәммәтжанова. Өфө, 2019. 190 б.

Нәҙершина Ф. А. Халыҡ һүҙе (башҡорт халыҡ мәҡәл-әйтемдәре һәм йомаҡтарының тарихи ерлеге һәм жанр үҙенсәлектәре). Тулыландырылған икенсе баҫма / Ф.А. Нәҙершина. Өфө: Башк. энцикл., 2021. 176 б.

© Даутова Р. А., 2022

УДК *801.82*

Денмухаметова Э. Н., Россия, г. Казань
Казанский федеральный университет, доцент

ПРОБЛЕМЫ СИНОНИМИИ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

В работе рассматриваются вопросы синонимии в переводческом процессе и их изучение в переводоведении. Общеизвестно, что в процессе перевода с одного языка на другой перед переводчиком встает вопрос выбора лексемы из предложенных слов-синонимов, однако в переводоведении нет правил и точных рекомендаций относительно предпочтений в пользу той или иной лексемы в типичных ситуациях. Это особенно актуально при переводе художественных текстов. Несмотря на то, что данная проблема не единожды поднималась учеными и переводчиками, до сих пор нет ясности в этом вопросе, и в своей практике каждый переводчик опирается лишь на собственный опыт. В статье дается анализ существующих проблем при выборе синонима в переводных текстах, приводятся примеры удачного решения выбора лексемы и рассматриваются вопросы, ожидающие решения.

Ключевые слова: *переводоведение, синонимия, лексика, грамматика, текст.*

Denmukhametova E.N., Russia, Kazan
Kazan Federal University, Associate Professor

PROBLEMS OF SYNONYMY IN TRANSLATION

The paper discusses the issues of synonymy in the translation process and their study in translation studies. It is well known that in the process of translation from one language to another, the translator faces the question of choosing a lexeme from the proposed synonyms, but in translation studies there are no rules and precise recommendations regarding preferences in favor of one or another lexeme in typical situations. This is especially true when translating literary texts. Despite the fact that this problem has been raised more than once by scientists and translators, there is still no clarity on this issue and in practice each translator relies only on his own experience. The article analyzes the existing problems when choosing a synonym in translated texts, provides examples of successful solutions to the choice of a lexeme and discusses issues awaiting solutions.

Keywords: *translation studies, synonymy, vocabulary, grammar, text.*

ТӘРҖЕМӘ БЕЛЕМЕНДӘ СИНОНИМЛЫК МӘСЬӘЛӘЛӘРЕ

Синонимнар – телнең камиллеген, матурлыгын һәм байлыгын күрсәтә торган берәмлекләр. Алар – теге яки бу мәгълүматны төрле яклап һәм тулы бәян итүдә авторның сөйләм осталыгы күрсәткечләре. Сөйләмебездә аларның күп булуы телебез байлыгын күрсәтә, шунлыктан кабатлаулардан качу, сурәтләү объекты турында тулы мәгълүмат җиткерергә ярдәм итә. Тел белемендә мәгънәдәш сүзләр югары бәяләнә. Тәрҗемә белемендә дә аларга игътибар елдан-ел арта. Бу төрле сәбәпләр белән аңлатыла: беренчедән, синонимнарның сөйләмдәге, шул исәптән язма сөйләмдәге, күпсанлы вазифалары булу белән; икенчедән, тәрҗемәченең синонимик компетентлыгы дигән яңа термин кулланылышка кереп, тәрҗемәченең оригиналдагы сүз, гыйбарәне тәрҗемә ителә торган телдәге күп санлы охшаш мәгънәле сүзләрнең берсен сайлап алу осталыгының әһәмияте белән бәяләнә. Тәрҗемәчедә синонимик компетенция аның һөнәри компетенцияләренең мөһим өлеше буларак санала, телне тою һәм тоемлау күнекмәләрен үстерә торган, тәрҗемә техникасын камилләштерергә ярдәм иткән чара санала. Шулай ук синонимия күренешенең шактый бәхәсле, асылы бүгенгә кадәр ахыргача аңлатылмаган, дөресрәге, төрле галимнәр тарафыннан төрлечә билгеләнә торган күренеш булуы белән бәйле рәвештә дә әлеге аспектка фәнни игътибар дәрәҗәсе шактый зур. Ләкин шунысы бәхәссез: тәрҗемә белемендә синонимнар белән эшләү аерым юнәлеш буларак өйрәнелергә тиеш. Тема буенча фәнни әдәбиятка күзәтү үткәрү тәрҗемә белемендә синонимнарны өйрәнү хәзерге вакытта түбәндәге аспектларның тормышка ашырылуын ачыкларга мөмкинлек бирә:

- матур әдәбият әсәрләре тәрҗемәсендә лексик синонимнар белән эшләү (М. А. Никонова, Н. М. Пруссакова);
- тәрҗемәдә контекстуаль синонимнар бирелеше (Н. М. Пруссакова);
- тәрҗемәдә терминнар синонимиясе белән эшләү (Т. П. Некрасова, З. И. Митрофанова).

Әдәби тексттагы лексик синонимнар тәрҗемәсен өйрәнү аеруча зур әһәмияткә ия. М.А. Никонова ассызыклаганча, “синонимнарның мәгънәләрендә төрле коннотацияләр урын алуы, аларның әдәби текстта төрле вазифалар башкаруы сәбәпле, синонимнар тәрҗемәчегә әсәр авторы укучының күз алдына бастырырга теләгән текстны, дөньяны икенче тел чаралары белән “яңадан тудырырга” ярдәм итә” [Никонова, 2014, 202]. Урынлы, оста, дөрес тәрҗемә ителгән лексик синонимнар укучыга чыганак телдәге әсәрдәге стиль үзенчәлекләрен, милли-мәдәни атмосфераны тапшырырга, авторның геройларына мөнәсәбәтен аңларга ярдәм итә.

Аеруча авырлыклар шигъри текстлар белән эшләгәндә барлыкка килергә мөмкин, чөнки синонимнар тәрҗемәсе ритм һәм рифманы саклау таләпләре белән дә үрелә башлый. Н. М. Пруссакова А. Ахматова шигырьләре материалында шигъри әсәрләр тәрҗемәсендә синонимнарны куллану проблемасын яктырта һәм контекстуаль синонимнарны тәрҗемә итү белән

бәйле күп кенә теоретик һәм практик мәсьәләләргә дә кагыла, шул исәптән, синонимнарны тәрҗемә итү схемасын тәкъдим итә. Н. М. Пруссакова схемасында синоним сүзләрнең мәгънә төсмерләрен сүзлекләр ярдәмендә тәфсилле өйрәнү, текстта кулланылган синонимик мөнәсәбәтле сүзләр арасындагы бәйләнешләрне анализлау, синонимик сүзләрнең җөмләдә, шигъри текстта строфадагы урынын анализлау кебек адымнар күрсәтелә [Пруссакова, 2012]. Галимә фикеренчә, аеруча катлаулы очраклар буларак синоним сүзләрдә аллитерация кебек авазлар белән уйнау, фоносемантик күренешләр булганда күзәтелә, чөнки бу очракта фонема социофонема дәрәҗәсенә күтәрелә һәм тәрҗемәчедән эквивалент синонимнар табу гына түгел, чыганак телдә аларга хас булган аваз үзенчәлекләрен дә тапшыру таләп ителә.

Татар телле тезмә әсәрләрдәге синонимнарны башка телләргә тәрҗемә итү үзенчәлекләрен өйрәнгән хезмәтләр артык күп түгел. Шулай да, 2014-нче елда А. И. Конова Габдулла Тукайның “Хур кызына” шигырендә синонимнар кулланылышын һәм аларның төрек, рус, инглиз телләренә тәрҗемәсен тикшерә. Галимә күзәтүләренчә, шигырьдәге абсолют синонимнарга бары тик төрек телендә генә эквивалент берәмлекләр табылган. Әлеге синонимнарның рус һәм инглиз телләренә тәрҗемәсе исә оригиналга туры килми. Кайбер тәрҗемәчеләр шигырьнең мәгънәсен берникадәр үзгәрткәннәр һәм шуңа күрә, синонимнар һәр очракта да тиешенчә тәрҗемә ителмәгән [Конова, 2014, 124]. Мәсәлән, шигырьдәге “гүзәл”, “матур” синонимнарын рус теленә тәрҗемә кылган тәрҗемәче В.С. Думаева-Вәлиева “чиста, безгрешна, совершенна” дип бирә. Дөрес, бу сүзләр уңай мәгънәгә ия, әмма алар оригиналдагы мәгънәне җиткерми, тәрҗемә эквивалент дип санала алмый [Конова, 2014, 123].

Шушы ук елда С. Х. Айдарова һәм Л. Р. Закирова Габдулла Тукайның “Шүрәле” поэмасындагы синонимнарны рус һәм инглиз телләренә тәрҗемә итү алымнарын өйрәнә. Галимнәр искәртүенчә, С. Липкин башкарган рус теленә тәрҗемәдә тәрҗемәченең үзеннән контекстуаль синонимнар өстәве күзәтелә. Шул ук вакытта әлеге өстәлмәләр, оригиналдан төшереп калдырылган берәмлекләрне компенсацияли. Әйтик, тәрҗемәче әсәр текстына “музыка, певцы, борцы, скрипачи” кебек берәмлекләр өсти, алар оригиналдагы “клуб, оркестр, концерт” кебек сүзләрнең төшеп калуын мәгънәви яктан компенсацияләргә ярдәм итә. Инглиз теленә тәрҗемә ясаган – Р. Бухараев тарафыннан исә, ешрак калькалаштыру, транскрипция кебек тәрҗемә алымнары кулланылган [Айдарова, Закирова, 2014, 11].

Матур әдәбият әсәрләрендә контекстуаль синонимнарны тәрҗемә итү аерым бер проблема хасил итә. Бу – мондый төр синонимнарның табигате, үзенчәлекләре белән бәйле. Алар гадәттә бер-берсе белән синонимик мөнәсәбәттә тормыйлар, әмма билгеле бер контекстта күренешне, халәтне, предметны төрле яклап ачарга ярдәм итәләр, шул ук вакытта еш кына нәкъ мондый синонимнар аша автор стиле дә, милли-мәдәни коннотацияләр дә чагылыш таба. Кардәш булмаган телләрдә мондый синонимнарны тәрҗемә итү аеруча кыен. Дөрес, телләр кардәш булмыйча да, халыклар икътисади, сәяси, мәдәни һәм башка төр багланышларда яшиләр икән, мондый якынлык, багланыш телдә дә чагылыш таба, әйтик, рус теленнән татар теленә яки киресенчә тәрҗемәдә бу ачык күренә. Әмма бу яктан кардәш телләрдәге мөмкинлекләр, контекстуаль синонимнарны үзгәрешсез, эквивалент вариантлар ярдәмендә тәрҗемә итү куәте зуррак.

М. Киквадзе һәм Л. Тандилава язганча, төрле телләрдәге лексик һәм фразеологик синонимнарның үзенчәлекләрен, шул исәптән тәрҗемә үзенчәлекләрен дә күрше халыклар даими тел контактларын саклаган очракта аеруча кызыклы нәтиҗәләргә китерә [Киквадзе, Тандилава, 2013, 389]. Әлбәттә, бу фикердә өлешчә хаклык бар, чөнки бер-берсе белән даими диалогка кергән халык тел байлыгы белән дә уртаклаша, телдә, экстралингвистик факторлар нәтиҗәсендә охшашлыклар күзәтелә башлый. Шул ук вакытта телдәге синонимнарда милли-мәдәни коннотацияләр аермалыгы сакланачак һәм аларны өйрәнү, адекват тәрҗемә юлларын эзләү дә үзен аклаячак. Әмма даими тел контактлары белән характерланмаган халыклар әдәбияты, мәдәнияте дә тәрҗемә итүне таләп итә, димәк, бу телләрнең дә синонимнарын тәрҗемәдә бирү мәсьәләсе өстендә эшләү таләп ителә. Без бүгенге көндә глобальләшү шартларында яшибез, хәтта ерак аралар да чагыштырмача җиңел үтелә, дөньяның төрле почмакларында яшәгән халыклар бер-берсе белән багланышка керү мөмкинлекләрен ача, шуңа күрә тәрҗемә белемендә синонимнары төрле телләр – кардәш һәм кардәш булмаган, даими тел контактларын саклаган һәм сакламаган хәлдә дә өйрәнү максатка ярашлы.

Синонимнар тәрҗемәсе үзенчәлекләренә игътибар итеп, Э.А. Пазылов тиңдәш кисәкләр булып формалашкан синонимнарны тәрҗемә итүдәге авырлыкларга игътибар итә. Аның фикеренчә, мондый очракларда тәрҗемәченең тәрҗемә ителә торган телдә синонимик рәтне тулаем белү, күз алдына китерә алуы әһәмияткә ия. Әмма бу очракта да, белгеч язуынча, “тәрҗемә ителә торган телдә чыганак текстта синоним булып килгән сүзләргә мәгънә ягыннан тиңдәш сүзләрне санап китү табигый яңгырамаска мөмкин, ә бу очракта тәрҗемәне эквивалент дип атап булмый” [Пазылов, 2017]. Проблеманы хәл итү юлында бу очракта Э.А. Пазылов төрле тип трансформацияләр кулланырга тәкъдим итә.

Тәрҗемә белемендә синонимнарны өйрәнү проблемасы бары матур әдәбият стилендә, әдәби әсәрләр материалында гына кагылмый: проблеманың публицистик, фәнни стильләргә караган текстлар тәрҗемәсендә дә барлыгын атарга кирәк. Әйтик, фәнни, рәсми текстлар белән эшләгәндә, төрле инструкцияләр тәрҗемәсендә терминологик синонимия проблемасы алга чыга. Т.П. Некрасова

язганча, терминологик синонимияне тәрҗемә аспектында тикшерү түбәндәге үзенчәлекләргә-авырлыкларга игътибар итүне таләп итә:

– “әдәби телдә синонимик мөнәсәбәттә торган сүзләр термин буларак кулланганда мондый бәйләнешләрне югалтырга мөмкин;

– киресенчә, термин-синонимнар әдәби телдә синонимик мөнәсәбәтләрдә тормаска мөмкин;

– бер фәнни өлкәдә синоним булган терминнар икенче өлкәдә мондый бәйләнештән читтә тора ала” [Некрасова, 2013, 19–20].

З.И. Митрофанова да термин-синонимнарны бер телдән икенче телгә тәрҗемә итүдә кыенлыклар барлыгын ассызыклый, аларны лингвистик һәм экстралингвистик факторлар белән бәйли, эквивалент тәрҗемәгә ирешү өчен, термин-синонимнарның когнитив-прагматик үзенчәлекләрен тапшыра белү кирәклеген белдерә [Митрофанова, 2012].

Гомумиләштереп әйткәндә: тәрҗемә белемендә синонимнарны өйрәнү бүгенге көндә әһәмиятле мәсьәләләрнең берсе булып тора. Галимнәр әдәби әсәрләр текстында урын алган синонимнарны, термин-синонимнарны тәрҗемә итү үзенчәлекләрен ачыклау юнәлешендә эшлиләр, һәм бу эшчәнлек һичшиксез дәвам итәргә, үстерелергә тиеш.

Әдәбият

Айдарова С.Х., Батыршина Г.Г. Приемы перевода синонимов на русский и арабский языки(по произведению Г. Тукая “Шурале”) // Габдулла Тукай и тюркский мир: Материалы международной конференции. Казань: Издательство Академии наук Республики Татарстан, 2016. С. 26–30.

Киквадзе М., Тандилава Л. Лексические и фразеологические синонимы в турецком, русском и грузинском языках // Актуальные вопросы русской филологии в поликультурном пространстве. Первая Международная научно-практическая конференция. Эрзурум, 2013. С. 388–394.

Конова А. И. Употребление синонимов в стихотворении Г. Тукая “Хур кызына” и их перевод на турецкий, русский и английский языки // Казанская наука. 2014. № 11. С. 122–124.

Митрофанова З.И. Когнитивно-прагматический аспект терминов-синонимов и их перевод // Молодой ученый. Филология и лингвистика в современном обществе: материалы междунар. заоч. науч. конф. М.: Буки-Веди, 2012. С. 121–126.

Некрасова Т.П. Особенности перевода юридической терминологии с русского языка на английский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 25 с.

Никонова М.А. Особенности перевода лексических синонимов в произведениях художественного стиля // Актуальные вопросы филологической науки XXI века. IV Международная научная конференция молодых ученых “Актуальные вопросы филологической науки XXI века”, посвященная 80-летнему юбилею кафедры иностранных языков. Екатеринбург, 2014. С. 200–202.

Пазылов Э.А. Свойственность перевода синонимичных однородных членов предложения с английского на русский язык // Наука, техника, образование. 2017. №7 (37). С. 96–98.

Пруссакова Н.М. Синоним как проблема перевода (на материале стихов А. Ахматовой) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2012. №2 (48). С. 181–184.

© Денмухаметова Э. Н., 2022

УДК *81-11*

Джаманкулова К. Т., Кыргызстан, г. Бишкек
Национальный университет имени Ж. Баласагына, профессор

СОЦИОЛИНГВИСТИКА: СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКОВ

В статье речь идет о социолингвистике и социальной дифференциации языков. Отмечается, что социолингвистика является одним из новых направлений лингвистики, которая связана с языком и его социальными условиями. Рассматриваются основатели данного научного направления, последователи их идей, указывается вклад ученых в исследование данной проблемы. Подчеркивается, что одним из важных проблем социолингвистики является социальная дифференциация языков. Отмечается, что социальная дифференциация языка считается наиболее отчетливой формой связи между языком и обществом. Рассматриваются идеи, обоснования ученых по проблеме социальной дифференциации языков, отмечается актуальность изучения данного вопроса. Даются некоторые классификации социальных вариантов речи.

Ключевые слова: *социолингвистика, научное направление, социальные условия, социальная дифференциация языков, язык и общество, классификация.*

Jamankulova K. T., Kyrgyzstan, Bishkek
National University named after J. Balasagyn, Professor

SOCIOLINGUISTICS: SOCIAL DIFFERENTIATION OF LANGUAGES

The article deals with sociolinguistics and social differentiation of languages. It is noted that sociolinguistics is one of the new areas of linguistics, which is associated with the language and its social conditions. The founders of this scientific direction, the followers of their ideas are considered, the contribution of scientists to the study of this problem is indicated. It is emphasized that one of the important problems of sociolinguistics is the social differentiation of languages. It is noted that the social differentiation of language is considered the most distinct form of connection between language and society. The ideas, justifications of scientists on the problem of social differentiation of languages are considered, the relevance of studying this issue is noted. Some classifications of social variants of speech are given.

Keywords: *sociolinguistics, scientific direction, social conditions, social differentiation of languages, language and society, classification.*

Проблема взаимоотношений языка и общества всегда интересовала ученых. Давно известно, что люди разных социальных групп, возрастов и положений используют язык по-разному. Социальное разнообразие единого языка – это различие между языком селян и языком горожан, языком молодежи и языком старшего поколения, языком женщин и мужчин.

Социолингвистика считается отраслью языкознания, связанной с языком и его социальными условиями. Уильям Лабов определяет социолингвистику как науку, которая изучает «язык в его социальном контексте», т.е. внимание социолингвистов обращено не на собственно язык, не на его внутреннее устройство, а на то, как пользуются языком люди, составляющие то или иное общество. Учитываются все факторы, могущие влиять на использование языка: от различных характеристик самих говорящих (их возраста, пола, уровня образования и культуры, вида профессии и т.п.) – до особенностей конкретного речевого акта.

Социолингвистика имеет дело не с идеальным носителем языка, порождающим только правильные высказывания на данном языке, а с реальными людьми, которые в своей речи могут нарушать нормы, ошибаться, смешивать разные языковые стили и т.п.

Исследование социальных аспектов языка имеет длительную лингвистическую традицию. Еще 20-годы прошлого века Э.Сепир замечал, что язык – это прежде всего продукт социального и культурного развития, отмечал, что языкознание лучше всех социальных наук демонстрирует возможность подлинно научного исследования общества.

Важнейшие для современной социолингвистики идеи принадлежат таким выдающимся ученым первой половины 20-века, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, Е. Д. Поливанов, Л. П. Якубинский, В. М. Жирмунский, Б. А. Ларин, А. М. Селищев, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур в России, Ф. Брюно, А. Мейе, П. Лафарг, М. Коэн во Франции, Ш. Балли и А. Сеше в Швейцарии, Ж. Вандриес в Белгии, Б. Гавранек, А. Матезиус в Чехословакии и др. Однако сам термин социолингвистика возник сравнительно недавно.

Томас Ходсон (1871–1953) первым использовал этот термин в своей статье «Социолингвистика в Индии», опубликованной в этнографическом журнале «Man in India» («Человек в Индии»), вышедшей в 1939 году. Известный американский лингвист Юджин Найда использовал данный термин в 1949 году. Однако первое использование этого термина приписывается американскому социологу Г. Карри. Его статья была опубликована в 1952 г.

Но этот факт не означает, что наука о социальной обусловленности языка зародилась в начале 1950-ых годов. Корни социолингвистики глубже. То, что язык далеко не единообразен в социальном отношении, известно давно. Одно из первых письменно зафиксированных наблюдений, свидетельствующих об этом, относится еще к началу XVII века: преподаватель Саламанкского университета в Испании Гонсало де Корреас прекрасно охарактеризовал взаимоотношения общего языка и его вариаций, т.е. поставил проблему, которая интересует и современных лингвистов: «Нужно отметить, что язык имеет, кро-

ме диалектов, бытующих в провинциях, некоторые разновидности, связанные с возрастом, положением и имуществом жителей этих провинций: существует язык сельских жителей, простолюдинов, горожан, знатных господ и придворных, ученого-историка, старца, проповедника, женщин, мужчин и даже малых детей» [Степанов, 1976, 22].

До середины XX века исследования взаимоотношений языка и общества проводились в четырех известных центрах.

1. Одним из основных источников современной социолингвистики были работы социологов французского языкознания. Ф. де Соссюр внес значительный вклад в раскрытие роли социальных факторов развития языка. Его ученик, французский ученый Антуан Майе (1866–1936), представляя тезис о социальной природе языка, считал, что причиной изменения значения слова являются стоящие за ним социальные факторы, в одном случае изменение реалий или исторических условий в употреблении слов, в другом случае — употребление слова обществом в очень широкой или очень узкой среде» [Чемоданов, 1975, 5-33].

Швейцарский ученый Шарль Балли (1865–1947), ученик Ф.де Соссюра, считал, что все языковые средства делятся на сферы взаимодействия, которые, в свою очередь, в той или иной степени социально обусловлены. Разделение отношений на сферы называется термином «функциональный стиль».

2. Пражская школа функциональной лингвистики выдвинула идею языковой дифференциации и поставила ее в зависимость от социального статуса носителей языка. Их внимание сосредоточилось на изучении социолекта, на функционировании языка, специфичного для той или иной социальной группы.

3. Социологические исследования в США связаны в первую очередь с этнической ситуацией в американских городах. Американский лингвист Уильям Лабов (1927) подчеркивал необходимость учета влияния социолингвистических факторов: возраста, пола, уровня образования, специальности, этнической принадлежности. Методология, разработанная У. Лабовым, установила связь между вариативностью языковых средств, используемых языковым сообществом и социальной структурой общества.

4. Социолингвистические исследования СССР и России касаются прежде всего территориальной и социальной дифференциации языка (изучение диалектов, жаргонов, сленга и др.), а также языковых изменений, произошедших после революции. С. И. Карцевский в брошюре «Язык, война и революция» (1923) анализировал изменения в лексическом составе русского языка с 1914 по 1920 годы. Р. О. Шор в книге «Язык и общество» (1926) изложил достижения в области социологии языка. А. М. Селищев в книге «Язык революционной эпохи» (1928) анализировал связи социальных и языковых процессов. В.Н. Волошинов является автором знаменитой книги «Марксизм и философия языка» (1929).

Автор фундаментальных трудов по социолингвистике и немецкой диалектологии В.М.Жирмунский (1891–1971) считает, что основной исследовательской проблемой социолингвистики являются: «1) социальная дифференциация на определенном этапе исторического развития классового общества...», 2) социальный процесс развития языка, его история как социального явления (социально дифференцированного) [Жирмунский, 1976, 242]. Крупными работами В.М.Жирмунского по социолингвистике считаются «Национальный язык и социальные диалекты» (1936) и «Немецкая диалектология» (1956).

Основные понятия социолингвистики. Социолингвистика оперирует некоторым набором специфических для нее понятий: языковое сообщество, языковая ситуация, социально-коммуникативная система, языковой код, переключение кодов, билингвизм (двуязычие), диглоссия и ряд других.

Основные проблемы социолингвистики включает в себя: 1. Соотношение языка и диалекта; 2. Социальная дифференциация языка; 3. Социальная обусловленность языковой эволюции; 4. Смешение языков. Пиджин и креольские языки; 5. Знание языка как проблема социолингвистики; 6. Социальные аспекты речевого общения; 7. Социальные ограничения в семантике и сочетании языковых единиц [Беликов, 2001, 5–6].

Одной из основных проблем социолингвистики является социальная дифференциация языка. Проблема социальной дифференциации языка имеет давнюю традицию в мировой лингвистике. Впервые идею социальной дифференциации языка сформулировал И.А.Бодуэн де Куртенэ. Социальная дифференциация берет свое начало с известного тезиса И. А. Бодуэна де Куртенэ о "горизонтальном" (= территориальном) и "вертикальном" (собственно социальном) членении языка (1968)[31]. «Так как язык возможен только в человеческом обществе, — писал И.А.Бодуэн де Куртенэ, — то, кроме психической стороны, мы должны отмечать в нем всегда сторону социальную» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, 15]. Бодуэн де Куртенэ подчеркивал важность изучения вертикального языкового

[31] Такого же понимания и употребления терминов-метафор "горизонтальное" и "вертикальное" членение языка придерживается американский социолог Дж. Герцлер (1965, 308).

расслоения, лежащего в основе различных видоизменений одного и того же местного говора, употребляемого разными общественными классами при одинаковом образе жизни и т.д.

Этой проблеме в первой трети XX в. уделяли внимание такие известные представители французской социологической школы в языкознании, как А. Мейе, ученики знаменитого швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра — А. Сеше и Ш. Балли, Ж. Вандриес (Бельгия), В. Матезиус и Б. Гавранек (Чехословакия), Э. Сепир (США), Дж. Фёрс (Англия) и др. Значителен вклад в изучение этой проблемы также языковедов Е. Д. Поливанова, А. М. Селищева, Р. О. Шор, Л. П. Якубинского, Б. А. Ларина, В. М. Жирмунского, М. Н. Петерсона, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, М. М. Бахтина, М. Н. Петерсона, М. В. Панова и др. [Крысин, 2004].

Социальную дифференциацию языка многие исследователи считают наиболее отчетливой формой связи между языком и обществом. В. М. Жирмунский считал задачу изучения социальной дифференциации языка одной из двух главных задач, стоящих перед социолингвистикой (вторая, органически связанная с первой, — изучение социально обусловленного развития языка) [Жирмунский, 1969, 14].

Идея социальной дифференциации единого национального языка в зависимости от социального статуса его носителей рассматривалась в работах русских и чешских языковедов. Положение, согласно которому темпы языковой эволюции зависят от темпов развития общества, а в целом язык всегда отстает в совершающихся в нем изменениях от изменений социальных, а также обоснование необходимости социальной диалектологии, наряду с диалектологией территориальной, принадлежат Е. Д. Поливанову (1891–1938), ученому-практику в области социолингвистики, применившему свои научные знания в области языковой политики.

Работы крупнейшего советского социолингвиста Б. А. Ларина по городскому языку, воровскому жаргону и диалектологии легли в основу развития социолингвистики в России. Распространение идей и методов, применявшихся при изучении сельских диалектов, на исследование языка города его идеи.

Важность изучения жаргонов, арго и других некодифицированных сфер языка для понимания внутреннего устройства системы национального языка исследовались в трудах Б.А.Ларина, В.М.Жирмунского, Д.С.Лихачева [Боголюбов, 2017].

Каждый язык имеет не только территориальные различия. Неоднороден язык и в социальном отношении. В этом плане он варьирует в самых различных направлениях. Могут, например, существовать возрастные особенности языка: речь ребенка будет всегда отличаться от речи взрослого, речь старшего поколения нередко отличается от речи младшего, есть языки, в которых язык женщин в области произношения в известной мере отличается от языка мужчин. Вариативность речи может зависеть от общеобразовательного уровня. Человек образованный говорит иначе, чем человек малообразованный. Известный отпечаток на речевые особенности людей могут накладывать род их занятий, круг интересов и т. п. Принадлежность к определенному классу, социальное происхождение, среда, в которой человек постоянно вращается, также способствуют появлению некоторых речевых особенностей [Серебренников, 1970].

Внутри данного языка, по мнению А. Мейе, определяемого единством произношения и, в особенности, единством грамматических форм, в действительности существует столько особых словарей, сколько имеется социальных групп, обладающих автономией в пределах общества, говорящего на этом языке.

На протяжении всей жизни человек имеет отношение к тем или иным социальным группам, и в его речи появляются особенности, характерные для разных социальных групп. Изменения затрагивают лексику, изредка фонетику.

В последнее время вызывает интерес классификация социальных вариантов речи В. Д. Бондалетова. В зависимости от природы, назначения языковых признаков и условий функционирования он различает: **1) собственно профессиональные «языки»** (точнее – лексические системы), например, рыболовов, охотников, гончаров, деревообделочников, шерстобитов, сапожников, а также представителей других промыслов и занятий; 2) **групповые или корпоративные жаргоны,** например, жаргоны учащихся, студентов, спортсменов, солдат и других, главным образом молодежных, коллективов; условно-профессиональные языки (арго) ремесленников-отходников, торговцев и близких к ним социальных групп; **3) условные языки (арго, жаргоны**) деклассированных [Бондалетов, 1987, 10–41].

В этой классификации отсутствуют социальные вариации речи, называемые некоторыми исследователями классовыми диалектами. Нередко предполагалось, что единому языку господствующего класса противостоят территориально раздробленные диалекты подчиненных общественных групп (например, крестьянства, городской мелкой буржуазии и т. п.). Однако приводившиеся в специальной литературе фактические иллюстрации этого положения находят иное толкование. Исходя из вышеизложенного, Б.А.Серебренников при последующем изложении руководствуется следующей классификацией: 1) **профессиональные лексические системы**, 2)

групповые или корпоративные жаргоны, 3) **жаргоны деклассированных,** 4) **условные языки** [Серебренников, 1970].

Возникновение разновидностей языка, обусловленных социальным расслоением его носителей, проявляется в наличии социальных диалектов: **1)** корпоративных жаргонов; **2)** профессиональной речи; **3)** различных типов просторечия [Словарь лингвистических терминов, 2010].

В русской лингвистической литературе термины «арго» и «жаргон» употребляются не терминологично, нередко выступая как синонимы. Термину «жаргон» иногда придается стилистически сниженное значение, наблюдается стремление закрепить этот термин за наименованием замкнутой речевой системы какой-нибудь антиобщественной социальной группы, ср., например, «воровской жаргон».

Для обозначения профессиональных лексических систем употребляются термины: «профессиональные языки», «профессиональные говоры» и даже «профдиалекты». Существующий в западноевропейской лингвистической литературе термин «слэнг» для обозначения жаргона с более широкой социальной базой у нас не привился.

По мнению одного из представителей американской социолингвистики Дж. Фишмана, на современном этапе изучение языка под социальным углом зрения характеризуется такими чертами, как системность, строгая направленность сбора данных, количественно-статистический анализ фактов, тесное переплетение лингвистического и социологического аспектов исследования [Fishman, 1971, 10].

При этом преобладает синхронический аспект, анализ связей между элементами структуры языка и элементами структуры общества; в работах предшествующего периода чаще постулировалась сопряженность эволюции языка с развитием общества, т.е. для этих работ был характерен диахронический аспект.

Р. Якобсон отмечал, что “тщательное и точное научное описание определенного языка не может обойтись без грамматических и лексических правил, касающихся наличия или отсутствия различий между собеседниками с точки зрения их социального положения, пола и возраста; определение места таких правил в общем описании языка представляет собой сложную лингвистическую проблему” [Якобсон, 1985, 382].

Многие задачи, сформулированные на этапе становления социолингвистики как новой языковедческой науки, не теряют актуальности и сегодня. Одной из них является исследование речевого поведения человека как члена определенной социальной группы. Дж. Фишман убеждал, что социология языка должна изучать взаимозависимость между употреблением языка и социальной обусловленностью поведения. Актуальным сегодня также являются исследования лингвальной вариативности, обусловленной структурой общества, т.е. социальных вариантов языка.

Литература

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика: Учебник для вузов. М.: РГГУ, 2001. С. 9–18 (введение), 328–331 (заключение).
Бодуэн де Куртенэ И.А. Значение языка как предмета изучения // Избранные труды по общему языкознанию. М.: Издательство АН СССР, 1963. Т. 2. С. 391.
Боголюбов С.С. Психолингвистика. 2017. № 2 (32).
Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика: Учебное пособие. М.: Просвещение, 1987.
Жирмунский В. М. Существовал ли общегерманский язык-основа // Общее и германское языкознание. Л.: Наука, 1976. С. 253–277.
Жирмунский В.М. Марксизм и социальная лингвистика. Л., 1969.
Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. Москва: Языки славянской культуры (ЯСК), 2004.
Серебренников Б.А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970.
Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. Назрань: Пилигрим, 2010.
Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976.
Чемоданов Т.С. Проблемы социальной лингвистики в современном языкознании // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М.: Прогресс, 1975. С. 5–33.
Якобсон Р.О. Принципы исторической фонологии // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.
Fishman S. E., & Anderson, W. G. (1971). Developing a System for Describing Teaching. Quest, 15, Русский перевод. 9–16. URL: http://dx.doi.org/10.1080/00336297.1971.10519696 (дата обращения: 17.06.2013).

© Джаманкулова К. Т., 2022

УДК *811.512.157'373.613*

Дьяконова А.А. Россия, г. Якутск
ИЯКН СВ РФ, студент
Прокопьева А.К., Россия, г. Якутск
ИЯКН СВ РФ, к.ф.н., доцент

КОНЦЕПТ *ТАБЫЛЛЫЫ* 'УДАЧА' В ЯКУТСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (по материалам диалектологических словарей)

В данной статье исследуются лексемы, вербализующие концепт ТАБЫЛЛЫЫ 'УДАЧА' по материалам диалектологических словарей языка саха. Представлены результаты исследования особенностей языкового выражения данного концепта. Найдены 9 лексем, вербализующих концепт УДАЧА, заимствованных из эвенкийского (силпэн, синҥкэн, һэмэкээччи), русского языков (илиэһэй, биилкэ), а также исконные лексемы языка саха – тыалаах, унньуктаах, эһэкээннээ. Установлено, что данные лексемы связаны с охотой и рыболовством и функционируют в Среднеколымском и Верхнеколымском улусах (районах), где якуты живут за счет промыслового хозяйства.

Ключевые слова: *концепт УДАЧА, лексема, лингвокультурология, якутский язык, охота, рыболовство.*

Dyakonova A.A. Russia, Yakutsk
IYaKN SV RF, student
Prokopyeva A.K., Russia, Yakutsk
IYAKN SV RF, Ph.D., Associate Professor
North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov

THE CONCEPT OF *TABYLLYY* 'LUCK' IN THE YAKUT LINGUOCULTURE (by the materials of dialectological dictionaries)

This article explores lexemes that verbalize the concept of TABYLLYY 'LUCK' based on the materials of dialectological dictionaries of the Sakha language. The results of the study of the features of the linguistic content of this concept are presented. 9 lexemes were found that verbalize the concept of LUCK, borrowed from the Evenki (silpen, sinkeen, hemekeechchi), Russian (iliehei, biilke), as well as the lexemes of the Sakha language itself – tyalaakh, unnyuktaakh, ehekeennee. It has been established that these lexemes are associated with luck in hunting and fishing, they were found in the Srednekolymsky and Verkhnekolymsky uluses (districts), where the Yakuts live off the fishing industry.

Keywords: *concept LUCK; lexeme; linguoculturology; Yakut language; hunting; fishing.*

Концепт ТАБЫЛЛЫЫ 'УДАЧА' в якутском литературном языке вербализуется лексемами *табыллыы, байанай, сорсун, дьолуо, дьаралык, өрөгөй, талаан, сарбаһын, туона, соргу / саргы, саргы дьайаан, саргы-талаан, өрөгөй-талаан, баарт, күннээ, түөрэх, уруй-туску, күн* + афф. прит. *таҕыс-, хаарты* + афф. прит. *таҕыс-* и т.д.

Лексемы-диалектизмы можно сгруппировать на диалектизмы самого языка саха и заимствованные диалектизмы.

1. Лексемы-диалектизмы, вербализующие концепт УДАЧА, самого языка саха

Эһэкээннээ (устар.) – (глаг.) «*Байанайтан көрдөһөн кыыр, байанай тардыс* 'совершать камлание духу, подателю охотничьей добычи'» [ДСЯС, 1995, 252]. Глагол образован от эвфемизма *Эһэкээн* 'дедушка', которым якуты ласково, уважительно называют духа огня (от *эһэ* 'дед' + уменьш.-ласк. афф *-кээн*). По верованиям якутов, от благосклонности духа-хозяина природы, покровителя охотников Байанай, зависит охотничья удача. Охотники угощали, задабривали духа леса и тайги: немного табака и отломленных оладий со сливочным маслом («*арыылаах алаадьы*») бросали в огонь с просьбой даровать богатую добычу. Про удачливого охотника в якутском народе говорят: *Байанайдаах булчут* (*букв.* охотник, у которого есть Байанай), *Байанайа бэристэ* (*букв.* Байанай (его) поделился с ним), *Байанайа мичик гыммыт* (*букв.* ему подмигнул Байанай (его)).

Тыалаах (в вилюйской зоне) – «*байанайдаах* (об охотнике: удачливый, имеющий покровителя-баяная); ***тыалаах киһи*** (удачливый человек) (букв. с лесом, тайгой)» [ДСЯС, 1995, 197]. Здесь представлено субстантивированное прилагательное, образованное посредством аффикса *–лаах* (*тыа* 'лес' + *-лаах*).

Унньуктаах. Охотники просили у божества не только удачливости, но и сил и выносливости, что отображается в лексеме *унньуктаах* (северо-восточная зона) [ДСЯС, 1995, 203]. Данное слово имеет монгольское происхождение: UNJI – халх. *унж-*, бур. *унжа-*, калм. *унж-* 'свисать, висеть, болтаться, быть отвислым'. UNJIγAR – халх. *унжгар*, бур. *унжагар* 'долговязый'; UNJIRA – халх. *унжир-*, бур. *унжар-* 'растягиваться, долго длиться'; UNJIγYI – халх. *унжий-*, калм. *унжи-*, бур. *унжы* 'тянуться, растягиваться (о колонне, караване)' [ЭСМЯ, 2018, 199]. Такое же значение зафиксировано в словаре Э.К. Пекарского: *Унјуктāх кісі* (ат) ‘человек (конь) с длительной, не ослабевающей силой’. *Унјук ыјā* 'вешать что-либо в качестве прибытка' (наряду с *дäбдäргä*) (Пек.), *дäбдäргä, дäбдіргä = дälбäргä* – 'жертва, бросаемая или вешаемая (напр., перед неводьбою) для умилостивления духа данного места'; *ӱöсä алларā бīс ӯсугар дäбдіргä быраҕыам* 'брошу жертву верхним и нижним родам (духов)' (Пек.). Происхождение данной лексемы связано с тем, что охотники вешали что-нибудь с целью

умилостивить духа данного места. Здесь также представлено субстантивированное прилагательное: того, кто совершал эти обряды, называли *унньуктаах*.

В современном литературном якутском языке используется другое значение данного слова: например, *унньуктаах үлэ* – утомительная работа, требующая много сил и энергии. Как показывает пример, в диалектной лексике сохранилось первоначальное значение.

2. Заимствованные лексемы-диалектизмы, вербализующие концепт УДАЧА

2.1. Заимствования из эвенкийского языка

В тунгусо-маньчжурских языках охотничья УДАЧА, талисман, амулет охоты выражаются лексемой ***синҥкэн***: (эвенк.) *сингкэ̄н* [ДСЯС, 1995, 161]; негидальский *сиӈкэ̄н*; орочский *сиӈкэ(н-)*; ульчский *су(н-) / сэ̄(н-), суӈкэ(н-)*, *сэ̄нчу-* 'носить талисман (на шее)'; орокский *суккэ(н-)*; нанайский *сӯ* [ССТМЯ, 1977, 91]. В «Диалектологическом словаре якутского языка» *синҥкэн* также определяется как название дикого оленя: «*кыыл таба холун хаптаҕайынан бултуйууну билгэлээһиҥҥэ кыыл таба аата* 'название диких оленей при гадании о промысле по лопатке дикого оленя'». От слова *синҥкэн* образуется прилагательное *сіӈкäннāх* [от *сіӈкäн* + *lāх*] – 'удачливый в промысле' (=*cilnäннāх*) (Пек.). В якутском языке данное слово считается устаревшим, имеет значение «удачливый в промысле» (*булдугар табыллымтыа, байанайдаах*). В эвенкийском языке эта лексема имеет синонимы *хингкэ̄н* и *шингхэ̄н* [ЭРС, 1958, 355].

Синҥкэн часто фиксируется в якутской художественной литературе, периодической печати при описании жизни охотника: «*Синҥкэннээх булчут буол, арчылыыбыт», – дии-дии, миэхэ үрүҥ кыыл көхсүн хаанын иһэртилэр.* (И. Федосеев) 'Со словами: «Будь удачливым охотником, благословляем», – мне дали выпить кровь со спины белого зверя'; *Булчуттар тылларынан эттэххэ, ол «байанайдаах» булчут эбэтэр өбүгэлэрдии «синҥкэннээх» булчут диэн бэрт судургу өйдөбүллээх.* («Кыым») 'Если говорить на языке охотников, это есть охотник, у кого есть покровитель Байанай или, как сказали бы наши предки, он «охотник с синкэн»' [БТСЯЯ, Т. VIII, 414].

Особый вид гадания на удачу в охоте в эвенкийском языке называется ***синҥкэн суола***: «*кэриэрдиллибит кыыл холун хаптаҕайыгар бултуйуоҕу билгэлиир хайа барыылар* 'трещины на жжёной лопатке, предвещающие удачный промысел'» [ДСЯС, 1995, 161]. Известно, что по жженой лопатке домашнего, долго служившего хозяину, оленя гадают дальнейшую судьбу человека.

Что же такое *сингкэн* у эвенкийского народа?

Г. И. Варламова отмечает, что «у дальневосточных эвенков, а также эвенков юга Якутии душа лося связана с насекомым *сингкэн*. *Сингкэном* называют и охотничью удачу, а также амулеты, приносящие удачу в добыче зверя. Чтобы добыть лося, насекомое бросают в огонь, прося послать зверя» [Варламова, 2002, 128]. Охотничий обряд с *сингкэн* Г. И. Варламова описывает в работе «Эпические традиции в эвенкийском фольклоре (очерки)». В повести Г.И. Варламовой "Имеющая свое имя, Джелтула-река" предстает крылатым вестником удачи и счастья [Кэптукэ, 1989, 11].

А. И. Мазин отмечает, что «с убитыми животными и птицей обращались по особым, веками выработанным правилам. Считалось, что если к убитому относиться с почтением, по всем правилам, и хранить часть его тела с бывшим вместилищем души, то улетевшая в верхний мир душа будет относиться к охотнику сочувственно и помогать в охотничьем промысле. По этой причине охотники очень бережно относились к *синкен*, постоянно «кормили», бросая в огонь мелкие кусочки жира, окуривали и прятали от постороннего взгляда, порчи. Хранили его в специальной ритуальной шкатулке муручун вместе со священными фетишами семьи. Во время кочевок эти шкатулки возили на специальном священном олене» [Мазин, 1984, 27].

Синкен у эвенков также отвечал за их неудачу: «Так как охотничье счастье было изменчиво, а неудачи на промысле слишком болезненно отзывались на малоустойчивом в экономическом отношении кочевом охотничье-промысловом хозяйстве и обрекали эвенков на тяжелые лишения, синкен, наделенный в воображении человека сверхъестественными свойствами, становился своего рода ответчиком перед охотником за его неудачи» [Мазин, 1984, 27]. А если *синкен* переставал работать, то они заменяли его на новый. А.И. Мазин отмечает, что «*Синкен* в представлениях верхнеамурских эвенков выступает в качестве неотделимого амулета идола *сэвэкичан* (олекминские эвенки его называют *бараляк*), который является хранителем семьи, ее хозяйства и сопутствует удаче в промысле» [Мазин, 1984, 27]. В «Эвенкийско-русском словаре» указываются три значения слова *сэвэкӣчэ̄н*: 1) в тунгирском говоре витимо-олёкминского диалекта рассматривается как *изображение изюбра*; 2) в урмийском говоре буреинско-урмийско-амгунского диалекта, а также в сахалинском диалекте – *изображение божества, идол*; 3) в олёкминском говоре витимо-олёкминского диалекта – *деревянное изображение птицы* [ЭРС, 1958, 374].

Силпэн – синоним слова *синҥкэн*. В словаре Э.К. Пекарского определяется как: «удача в промысле=*сіӈкäн*; *балык cilnänä* 'удача в рыбном промысле', *cilnäннāх* [от *cilnän* + *lāх*] 'удачливый в промысле'» (Пек.).

Һэмэкээччи (устар.) (от эвенкийского *хэмэкӈн* 'изображение человека – идол') [ДСЯС, 1995, 178] – амулет (вилюйский говор): *булчуттар үҥэр эмэгэттэрэ* 'деревянный идол, которому поклоняются охотники, прося помощи от духа, покровительствующего охотникам-звероловам)'; *һэмэкэччилээхтэр эбит тоҥустар* 'тунгусы, оказывается, имеют своего идола'. Эвенки славились как отличные охотники. В данном предложении подчеркивается попытка якутов разгадать удачу эвенков на охоте.

2.2. Заимствования из русского языка

Биилкэ / миилкэ (русск. *вилка*). Данная лексема-диалектизм определяется как *төһө булт-туйуоҕу, киһи иннигэр туох күүтэрин билгэлээн, сыалыһар сиһин тоноҕоһун уҥуоҕунан сэрэбэй кэбиһии*, *билгэ* 'особый способ гадания об исходе промысла или судьбе человека по костям позвоночника налима' [ДСЯС, 1995, 50]. Гадания на удачу в охоте и дальнейшей жизни делаются не на лопатке оленя, а по костям позвоночника налима.

Илиэһэй (русск. *леший*). Эта лексема употребляется в северо-восточной зоне якутского языка (Среднеколымский улус): «*тыа булдун араҥаччылааччы, Байанай*» [ДСЯЯ, 1976, 106]. В данном примере *илиэһэй* 'леший' понимается не как злой дух, а как покровитель охоты, как *Байанай*. Между тем, корень слова *леший – лес*.

Таким образом, лексемы-диалектизмы, репрезентирующие концепт УДАЧА, связаны с традиционным охотничьим промыслом и рыболовством. Данные диалектизмы встречаются в Среднеколымском и Верхнеколымском улусах (северо-восточная зона диалектной лексики якутского языка), где якуты живут за счет промыслового хозяйства. Концепт представлен заимствованиями из тунгусо-маньчжурских и русского языков.

Литература

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VIII. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. 572 с.

Варламова Г.И. (Кэптукэ). Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора. Новосибирск: Наука, 2002. 376 с.

Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. М.: Наука, 1976. 392 с.

ДЯСЯ – Саха түөлбэ тылын тылдьыта: Эбии том (Диалектологический словарь языка саха: Доп. том) / Сост. М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. Новосибирск: Наука, 1995. 296 с.

Кэптукэ Г. Имеющая свое имя, Джелтула-река: повесть: [для детей среднего и старшего возраста]. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1989. 120 с.

Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1984. 200 с.

Пек. – Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3-х томах. 2-е изд. Москва: АН СССР, 1958–1959.

ССТМЯ, 1977 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2-х т. / отв. ред. В.И. Цинциус. Т. II. О–Э. Ленинград: Наука, 1977. 471 с.

ЭРС – Эвенкийско-русский словарь / Сост. Г.М. Василевич. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1958. 802 с.

ЭСМЯ – Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Отв. ред. Г.Д. Санжеев, ред.-сост. Л.Р. Концевич, В.И. Рассадин, Я.Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2018. Т. III. Q–Z. 2018. 240 с.

© Дьяконова А. А., Прокопьева А. К., 2022

УДК *81’282.2*

Ершова Н.И., Россия, г. Саранск
Мордовский государственный университет, к.ф.н., доцент

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НАЗВАНИЙ СОСТАВНЫХ ЧАСТЕЙ И ДЕТАЛЕЙ ОДЕЖДЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ МОРДОВИИ

В статье охарактеризована семантическая группа диалектных названий составных частей и деталей одежды. Исследование проводится на материале русских говоров Мордовии. В результате аналитического рассмотрения диалектного материала установлена структура данной семантической группы. Выявлено все разнообразие и богатство наименований многочисленных частей, деталей и украшений одежды, функционирующих в данных говорах. Особое внимание уделено описанию составных частей и деталей женской одежды.
Ключевые слова: *лексико-семантическая группа, одежда, часть, деталь, украшение, говоры.*

Ershova N.I., Russia, Saransk
Mordovia State University, Associate Professor

SEMANTIC CLASSIFICATION OF NAMES OF COMPONENT PARTS AND DETAILS OF CLOTHESIN THE RUSSIAN DIALECTS OF MORDOVIA

The article describes the semantic group of dialect names of components and details of clothing. The research is conducted on the material of the Russian dialects of Mordovia. As a result of analytical consideration of dialect material, the structure of this semantic group is established. All the variety and richness of the names of numerous parts, details and ornaments of clothing functioning in these dialects have been revealed. Special attention is paid to the description of the components and details of women's clothing.
Keywords: *lexico-semantic group, clothing, part, detail, decoration, dialects.*

Изучение лексического состава диалектов в структурно-семантическом плане имеет ряд преимуществ: позволяет полно и всесторонне установить связь между словами и обозначаемыми ими явлениями, выявить объем и значение слов, входящих в тематическую или лексико-семантическую группу, определить семантические и грамматические особенности компонентов группы, определить их словообразовательную структуру. Тематический ряд, лексико-семантическая группа и семантическое поле являются манифестацией системности лексики и отражают семантические отношения между словами и / или их денотатами (по мере возрастания) [Маслов, 2007, 5]. Как и в литературном языке, лексика говоров характеризуется иерархичной структурой, характеризующейся тем, что лексико-семантическую группу можно считать своеобразной микросистемой, а словарь диалекта в целом предстает как система большего порядка, объединяющая эти микросистемы [Сороколетов, 1975, 31].

Лексико-семантическая группа, включающая в себя имена существительные со значением одежды, имеет структуру, организованную определенными родо-видовыми отношениями и парадигматическими связями. Она представлена в разных русских народных говорах, характеризуясь определенной спецификой по сравнению с соответствующей группой как в литературном языке, так и в других говорах [Баженова, 2018, 5–13]. Предметом рассмотрения в данной статье является семантическая группа названий составных частей и деталей одежды в русских говорах Мордовии, характеризующаяся исключительным богатством и разнообразием.

Данную обширную подгруппу можно разделить на наименования:

– отдельных частей одежды (рукава, подол, воротник, карман и др.);

– различного рода отделок, вышивок, узорных строчек и прочих украшений;

– одёжной фурнитуры (пуговиц, петель, пряжек, застёжек и др.).

Диалектная лексика вобрала в себя и отразила все разнообразие и богатство наименований многочисленных деталей и украшений одежды. Можно выделить в составе данной семантической подгруппы различные названия частей, деталей одежды, в составе которых в свою очередь выделяются наименования сборок, складок на одежде, например:

Па'нты, сбро'нка, фа'тка – «складка, сборка»: Збронкъф многъ-многъ делъли нъ адёжы-ти (Старые Горяши, Краснослободский район).

Выделены нами и названия оборок, воланов. Оборка – полоса ткани, пришитая складками к одежде, волан – разновидность оборки, выполненная из кружев или лёгкой ткани:

Боро'к во втором значении *«оборка, волан»*: Нъ пъдале бывалъ барок шырокъй нашьёш (Языкова Пятина, Инсарский район).

Гриба'тка и *гриба'точка «узкая оборка на женской одежде»:* Фартуки красивы были у нас, дъ з грибаткъми (Никольское, Торбеевский район);

Манжи' «оборки на сарафане, платье, переднике и т. п.»: Нашьёш манжэй нъ сърафаньи и ходиш, как барыня (Горяйновка, Кочкуровский район).

Отвороты – отогнутые края одежды, в говорах на территории Мордовии представлены следующими лексемами:

Башла'г «отворот на конце рукава, а также нижняя, пришивная часть рукава»: Бъшлага нъ рукава пришывают (Ключарёво, Рузаевский район);

Обе'рца во втором значении *«отвороты брюк»*: Пъттяни штаны-ти, идёш и оберцъми-ти пъ земле хлышчыш! (Суподеевка, Ардатовский район).

Выявлены также диалектные названия капюшона – детали одежды в виде прикрепляемого головного убора:

Капо'т во втором значении *«откидной головной убор, пришиваемый к верхней одежде; капюшон»*: Надъ капот пришыть к пальту-тъ Петиньки (Куликово, Краснослободский район);

Набалды'шник «капюшон»: Нъбалдышник-тъ есть у тея? Ну вот и тёпло тее будит в нъбалдышники-ти (Редкодубье, Ардатовский район);

Приведем примеры наименований рукавов – деталей одежды, покрывающих руки:

Долгу'шки «длинные рукава»: У миня далгушки ищё ат вин-чяльнъвъ платья лижат (Манаково, Большеигнатовский район);

Па'нка «короткий рукав с оборкой»: К сърафану панки пришывали. Панкъ – этъ короткий рукаф з брыжами, они красивы были (Красные Поляны, Ардатовский район);

Полума'шник «рукав одежды»: Зъсучил пълумашники – и зъ работу (Ключарёво, Рузаевский район).

Кроме того, в русских говорах Мордовии представлены названия манжет – отделок одежды, составных частей рукавов, например:

Ко'льчики – «манжеты»: Раньшъ насили рукава, мушски рубашки с вышытыми кольчикъми (Гумны, Краснослободский район).

Па'ночка «манжета»: У миня кофтъ краснъя, а панъчьки белыи (Судосево, Большеберезниковский район).

Воротник – часть, деталь одежды, находящаяся на вороте. Как и названия других деталей одежды, в русских говорах Мордовии представлены различные номинации данного предмета одежды: обыкновенные воротники, воротники верхней одежды, большие воротники, например:

За'ворот «воротник»: Рубашкъ-тъ вроди чыстъ, а вот завърът дюжъ грязный (Пичеуры, Чамзинский район);

[1]Горе'лка «воротник у верхней одежды»: Зипуны шыли з бальшыми гарелкъми (Лыковщина, Ромодановский район);

Загри'вок «большой воротник (у тулупа, чепана): Тулуп-тъ у нас новый, а вот загривък никуды ни годный (Ефаево, Краснослободский район);

Ко'тик «каракулевый воротник»: Етъ вон с котикъм поддёфкъ-тъ у дефки. У мово Сёмки тожъ котик (Хухорево, Большеигнатовский район).

Карманы – деталь одежды, представляющая собой пришитый к одежде мешочек для хранения мелких вещей. В русских говорах Мордовии выявлено несколько названий карманов, например:

Зеп и *ла'кманка* во втором значении «карман»: У миня зеп пръхудилси, и фсе семицки вытикли (Петровка, Дубёнский район);

[2]Зана'чка «потайной карман»: Вот кады ф кармани есть ищё карман, этъ нъзываццъ заначькъ (Шаверки, Краснослободский район);

Ма'тынка «большой карман, пришиваемый к изнанке фартука»: В матынку деньги прячют (Шаверки, Краснослободский район).

Подол, пола – нижняя часть длинной одежды. В «Словаре русских народных говоров на территории Мордовской АССР / Республики Мордовия» нами найдено несколько диалектных наименований данной части одежды, приведём несколько примеров:

Занаве'сочка «пола верхней одежды»: Идёт матаиццъ, ръспахнул зънавесъцки, жаркъ яму (Надеждино, Ельниковский район);

Коле'нь «передняя нижняя часть юбки, платья; подол»: Навьючиш шывиреньку картошки на спину дъ ищё ф калень (Куликово, Теньгушевский район.

Хвост «расшитый подол юбки, сарафана и т. п.»: Если богатъ дефкъ, у той понькъ з большым рошшытым хвостом (Студенец, Зубово-Полянский район).

Кокетка – деталь одежды, как правило, рубашек, кофт, платьев, образующая верхнюю их часть. Нами выявлены такие названия, как:

Блю'за «кокетка у кофты, платья»: Кофту аделъ з блюзъй (Стрелецкая Слобода, Рузаевский район);

Че'хлик в четвёртом значении *«закрывающая верх груди отрезная часть женской сорочки, платья; кокетка»*: К чехлику пришывали завяски (Сиалеевский Майдан, Инсарский район).

Различные разрезы, вырезы в одежде представлены в диалектах такими наименованиями, как, например:

[1]Гло'тка «вырез для шеи в одежде»: Надъ зашыть глотку-тъ, больнъ бальшая (Надеждино, Ельниковский район);

Па'зок во втором значении *«разрез, прореха на груди сарафана»*: Дъ пазък-тъ у фсех сърафанъф был, хъть ты дефкъ, хъть бабъ (Новоникольское, Ельниковский район);

Ще'пица устар. «фигурный вырез на спинке сарафана»: А ззади-тъ сърафанъ щепицъ. Щепицы разны были (Соколов Гарт, Чамзинский район).

Выделяется в рассматриваемых говорах и группа названий полосок ткани, поддерживающих одежду на плечах – лямок, например:

[1]Мы'шка «лямка через плечо, поддерживающая женскую сорочку, сарафан, юбку»: Носили мъскали с мышкъми (Большая Пёстровка, Ичалковский район);

Про'лица «лямка у одежды»: Сърафан-тъ красивый, с шолкъвъми пролицъми, купилъ бы! (Оброчное, Ичалковский район).

Помимо названий отдельных частей одежды (рукавов, подолов, воротников, карманов, складок и пр.), в говорах функционируют наименования различного рода отделок, вышивок, узоров и прочих украшений одежды.

Многочисленна группа слов, обозначающая различную отделку одежды, материалы для неё:

Вилю'шка «тесьма, употребляемая для отделки платья»: Хто умет, у таво любая платья красивъ: вилюшки-тъ пришьёт, брошку-тъ на-цэпит (Кулишейка, Рузаевский район);

Листрю'лька «узкая полоса одноцветной ткани, употребляемая для отделки одежды; лента»: Ты де алу листрюльку купилъ? (Старый Город, Темниковский район);

Рю'ша «отделка на женской одежде, рюш»: А платьи-тъ с рюшъй шшыли, штоп красифшъ былъ (Решетино, Торбеевский район).

Представлены в русских говорах Мордовии и названия узоров и вышивок, украшающих одежду, например:

[1]Поты'чка во втором значении *«узор, вышивка на рукавах мужской рубашки»*: Раньшъ-тъ рубахи с патычкъми насили (Старый Город, Темниковский район);

Ла'стус «вышивка крестом на рукавах женской рубашки»: Рукава были с ластусъми (Красный Хутор, Торбеевский район);

Полики' «вышивка на обшлаге кофты, платья и вокруг проймы»: Давайти сашьём кофту с пъликами, са станъм (Малый Азясь, Ковылкинский район);

Выявлены и наименования различных украшений, как правило, женской одежды:

Дипу'р «украшение из кружев на женском платье»: Адно украшэния и былъ на платьи винчялънъм – дипур (Виндрей, Торбеевский район);

Плета'лки «украшение из разноцветных лент на груди женской кофты (шириной около 10 см)»: Перит пляталкими ишшо украшали из лентъх, пляталкъх многъ былъ (Башкирцы, Теньгушевский район);

Прихлёстки «украшение на поясе»: Наденут прихлёски на поис и падвяжут (Куликово, Теньгушевский район).

Кроме того, среди названий составных частей одежды можно выделить одёжную фурнитуру (пуговицы, петли, пряжки, застёжки, крючки и пр.) и места её закрепления:

Барламу'тка, де'нежка, пи'калка – «пуговица»: Ах, паршывиц, фсе бърламутки пътерял, ни успеш пришывать (Тарханово, Ичалковский район);

Кляпе'нь «кусочек овчины, который пришивался к одежде вместо пуговицы»: Попервъсти пугъвиц и не былъ, одни кляпни нъ кафтани (Пичеуры, Чамзинский район);

Костя'вочка «небольшая пуговица»: Зъстигнись нъ кастявъчьку (Новое Баево, Большеигнатовский район);

Прони'ска «застежка»: Нъ баку адна пранискъ есть у бот-тъ (Подверниха, Старошайговский район).

Таким образом, анализ лексико-семантической группы названий одежды в русских говорах Мордовии показал, что она включает в себя значительный пласт диалектной лексики, имеет четко вычленяемые группы, включающие в себя отдельные семантические подгруппы. Рассмотренная семантическая группа названий составных частей и деталей одежды характеризуется исключительным богатством и разнообразием, отражая интерес диалектоносителей к наиболее значимым сферам жизни, связанным с жизнедеятельностью человека.

Литература

Баженова Т. Е. Наименования одежды и обуви в самарских говорах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 1. С. 5–13. doi 10.17072/2037-6681-2018-1-5-13.

Маслов В. Г. Системные отношения в диалектной лексике (на материале говора Добринки Урюпинского района Волгоградской области): моногр. Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2007. 124 с.

Сороколетов Ф. П. К вопросу о системных отношениях в лексике народных говоров // Диалектная лексика, 1975. С. 30–56.

© Ершова Н. И., 2022

УДК *821.51*

Есебаев М. М., Узбекистан, г. Нукус
Нукусский государственный педагогический институт,
доктор философии по фил. наукам

КАРАКАЛПАКСКАЯ ЛИРО-ЭПИЕСКАЯ ПОЭМА «ГАРИП-АШЫК»: ЕЁ ГЕНЕЗИС, ЭВОЛЮЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

В статье анализируется каракалпакская народная лиро-эпическая поэма «Гарип-ашык», изучаются происхождение эпоса, период его формирования и исторические источники, а также его генезис. Обсуждаются возникновение и распространение эпоса «Гарип-ашык» среди тюркоязычных народов, народов Средней Азии и Закавказья, вопросы его исследования.

Ключевые слова: *эпос, сюжет, фольклор, вариант, версия, образ, мотив, жырау, бахсы.*

Esebaev M. M., Uzbekistan, Nukus
Nukus State Pedagogical Institute,
Doctor of Philosophy (PhD) in Philological Sciences

KARAKALPAK LYRICAL-EPIC POEM «GARIP-ASHYK», ITS GENESIS, EVOLUTION AND HISTORICAL SOURCES

The article tells about the Karakalpak folk lyric-epic poem Garip-ashyk, studies the origin of the epic, the period of its formation and historical sources, as well as its genesis. The origin and spread of the epic "Garip-ashyk" among the Turkic-speaking peoples, the peoples of Central Asia and Transcaucasia, the issues of its research are discussed.

Keywords: *epic, plot, folklore, variant, version, image, motif, zhyrau, bakhsy.*

Каракалпакская литература, являясь самостоятельной областью искусства слова, росла и развивалась во взаимодействии с литературами других родственных народов и на протяжении всей своей истории благотворно влияла на культуру данных народов. Особое место в этой сфере занимают каракалпакский фольклор и история литературы. Прогрессивное развитие общества, расширение литературно-художественного опыта, формирование эстетических вкусов привели к возникновению различных жанров в литературе и искусстве. Также с ростом художественных традиций возникла устная литература, которая проложила путь к становлению и развитию письменной литературы.

Роль ценных литературных памятников, унаследованных от предков, очень важна в формировании художественной мысли в Средней Азии, в становлении и развитии культуры тюркских и восточных народов. Данные литературные памятники стали основой в образовании жанров устного народного творчества, в развитии народных эпосов. Они способствовали формированию эстетического мировоззрения человеческого общества, росту культуры, познанию мира.

Например, «Авеста» – священная книга, которая содержит богатейшие сведения о древней истории народов Средней Азии, их географическом положении, культурных традициях нашего народа и предков, изменениях в их образе жизни, философско-эстетических, просветительских и воспитательных воззрениях, имеет особое место в становлении художественной мысли народов Востока. «Сюжет книги «Авеста», её система мотивов и образов внесли значительный вклад в развитие первоначальных эпических традиций устного творчества тюркских народов» [Есебаев, 2022, 55].

Лирические эпосы издавна являются одним из широко распространенных в каракалпакском народе литературных наследий, которые исполняются народными сказителями (*бахсы*). Эпос почитается многими тюркоязычными народами Средней Азии, Закавказья как общее духовное сокровище. Многие народы, в том числе азербайджанцы, туркмены, узбеки, каракалпаки, грузины, армяне, кумыки, караимы, балкарцы, тюрки, иранцы и арабы считают его своим национальным литературным наследием.

Сходство сюжетных линий, мотивов, образов версий одноименного эпоса, наличие одинаковых событий и ситуаций в эпосах разных народов свидетельствуют о силе художественного воздействия на формирование общенародной культуры. Изучение генетической связи между этой магической силой и национальной особенностью эпосов является одной из важнейших задач современной фольклористики.

Эпос «Гарип-ашык» распространялся среди каракалпаков различными способами в устной, письменной и рукописной форме. Широкой известности эпоса не помешали языковые особенности, национальная культура и религиозные различия других народов, эпос стал популярным за пределами каракалпакского народа, пересекая границы, называясь в разных местах одинаково или по-разному. В то же время, несмотря на сходство вариантов этого эпоса у указанных народов по сюжетной линии и наличие общих мотивов, каждый из них представляет собой оригинальное в своем роде творение. Своеобразная поэтическая и стилистическая структура этих версий, определяющая национальную особенность в поэтическом творении каждой нации, доказывает, что версия является самостоятельным полноценным произведением. Таким образом, не вызывает сомнения факт, свидетельствующий о том, что, хотя события, воспеваемые в эпосе, рассказывают об истории определенного народа, они являются не только плодом того времени: подобные события повторяются у других народов и в разные периоды, меняясь и обновляясь каждый раз в соответствии с эпохой. Лиро-эпическая поэма «Гарип-ашык» по своему идейному содержанию и художественному своеобразию также занимает достойное место среди каракалпакских народных эпосов.

Использование передового опыта в устной литературе родственных народов при изучении данного вопроса является событием, которое связано с отдельными отношениями и реальными историческими потребностями в период распространения литературы эпохи или определенных эпосов, с которым сопоставляется внутреннее развитие этой исторической среды. Лиро-эпические поэмы были созданы в связи с требованиями исторических обстоятельств.

Что касается изучения происхождения, распространения и развития эпоса «Гарип-ашык», то здесь мы сталкиваемся с разными мнениями ученых по этому вопросу. Очень сложно найти родину героев эпоса, определить, к какому народу они принадлежали и в какую эпоху жили. Об этом известный ученый С. П. Толстов писал: «Учитывая тот факт, что во время странствий Шахсанем побывает в городе Шамахи в Азербайджане, Алеппо (Халеб) в Сирии и Диярбакыр в Турции, можно считать, что эпос возник примерно в XII, XIII и XIV веках» [Алымов, 1983, 118].

Известный русский путешественник генерал Н. Н. Муравьев в своем рассказе о путешествии по Туркмении и Хиве «Город Шах Санем и сказание о нем» пишет, что в Хорезме были широко распространены самые ранние сказочные варианты эпоса «Гарип-ашык» [Муравьев, 1822, 151].

Известно, что такие мнения встречаются и в легендах, распространенных среди каракалпакского народа. Например, считается, что город Шааббаз (ныне Берунийский район) стал точкой опоры для создания эпоса «Гарип-ашык». Кроме того, есть мнения, утверждающие, что это один из эпосов, написанных по указанию шаха Малика ибн Али, завоевавшего в XI веке весь Хорезм, хакима города Жанд, который расположен в нижнем течении Сырдарьи, где жила большая часть каракалпаков. Имеются также прозаические варианты лиро-эпической поэмы «Гарип-ашык». Например, версии, записанные персидским филологом Риза-кули-ханом Хидаятом [Муравьев, 1822, 151], который приезжал в Хиву в 1851 году, и видным ученым Арминием Вамбери [Вамбери, 1867, 16] во время его пребывания в Кунграде. По версии, записанной Вамбери, влюбленные не смогут быть вместе и умирают при трагических обстоятельствах.

Туркмены утверждают, что эпос «Гарип-ашык» написал классик туркменской литературы Андалип (Нурмухаммед Гариб). По словам профессора Гамида Араслы, эпос был создан в XVI веке известным тебризским поэтом Гарибом.

Версия, записанная В.В. Радловым под именем «Ашык Гариб», – поэтическая, от начала до конца написана в стихах простым народным языком. Халык Кероглу, видный ученый, долго изучавший туркменский вариант эпоса «Гарип-ашык», азербайджанский профессор М. Г. Тахмасиб, С. А. Андреев-Криви, изучавший азербайджанскую версию эпоса под названием «Ашык Гериб», записанную М. Ю. Лермонтовым, утверждают, что эпос «Гарип-ашык» зародился среди огузов, которые жили в Хорезме, в низовьях Сырдарьи, а позже распространился на Кавказ и Малую Азию.

Академик В. М. Жирмунский и профессор Х. Т. Зарипов указывают, что эпос «Гарип-ашык» был создан как продолжение огузского эпоса «Китаби Дадам Коркуд» в районе Сырдарьи или является схожим с ним эпосом. Все это свидетельствует о том, что эпос зародился в глубокой древности, сформировался в XVI веке и стал распространяться среди нашего народа. В действительности, версии эпоса «Гарип-ашык», известные в Средней Азии, и ближневосточные (Кавказ и Малая Азия) версии кардинально отличаются друг от друга содержанием и действиями главных героев. Среднеазиатские версии охватывают глубокие исторические события и рассказывают об эпохе расцвета рабовладения, а также о временах, когда в народе торговля, ремесленничество, садоводство и земледелие были основными источниками средств к существованию. А версии, распространенные на Ближнем Востоке, больше относятся к периоду расцвета торговли, когда главные герои занимаются торговой деятельностью. Так, одна из этих версий, азербайджанская, имеющая название «Ашык-Гериб», впервые была записана великим русским поэтом М.Ю. Лермонтовым во время его визита в Грузию в 1837 году [Миллер, 1885, 258]. Этот экземпляр ценен еще и тем, что является первой рукописью эпоса «Гарип-ашык».

В заключении можно сказать, что каракалпакский народ, издревле проживавший вместе с другими народами на географической территории, где был создан и распространен эпос «Гарип-ашык», сыграл важную роль в создании и становлении этого эпоса.

Литература

Есебаев М. М. Әййемги архаикалық мифлердиң фактлери ҳәм халықтың эпосларды қәлиплестириў усыллары // Polish Journal of Science. 2022. No 48–2(48). Pp. 53–58.
Алымов А. Қарақалпақ лиро – эпикалық дәстанлары. Нөкис: «Қарақалпақстан» баспасы, 1983. 118 б.
Муравьев Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву. М., 1822. С.151–153.
Қарақалпақ фольклоры, көп томлық XIV том. Нөкис: «Қарақалпақстан» баспасы, 1985. 7 б.
Сборник материалов по истории туркмен и Туркмения Т. II. С. 286.
Вамбери Г. А. 1867, VIII, 360, 7. XIII, 16.
Миллер Вс. Сборник материалов для описания местной и племен Кавказа. Издание Управления Кавказского учебного округа. Вып. IV. Тифлис, 1884. Санкт-Петербург, 1885. С. 258.
Esebaev M.M. Myphological motives in the Karakalpak folk eposes (evolution and typology) // Nukus State Pedagogical Institute and Institute of the Uzbek Language, Literature and Folklore (scientific council DSc.02/30.12.2019.FIL.46.02). 2021. 167 p.
Esebaev M. Motif of divine miraculous birth in Karakalpak folk epos and their historical roots // Theoretical & Applied Science. 2020. № 06 (86). Pp. 60–65.

© Есебаев М. М., 2022

УДК *811.512*

Жампейис К.М., Казахстан, г. Алматы
Казахский университет международных отношений и мировых языков,
ассоциированный профессор

РЕЧЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ДИАЛЕКТ И ЯЗЫК

Каждый человек говорит хотя бы на одном диалекте и идиолекте, несмотря на его социальное положение, место проживания или расовую принадлежность. Если в языке различных групп имеются систематические изменения — значит, что эти группы говорят на своем определенном диалекте. В статье рассматриваются некоторые особенности активно используемых диалектов английского языка. Отмечается, что в отличие от регионального диалекта акцент, отражающий фонологические особенности родного языка, не отображает особенности речи общества, где функционирует язык или диалект.

Ключевые слова: *диалектные группы, диалектный континуум, региональный диалект, стандартный американский английский диалект, языковые изменения.*

Zhampeiis K.M., Kazakhstan, Almaty
Kazakh University of International Relations and World Languages,
associate professor

SPEECH COMMUNICATION: DIALECT AND LANGUAGE

Everyone speaks at least one dialect and idiolect, regardless of their social status, place of residence or race. If there are systematic changes in the language of different groups, it means that these groups speak their own specific dialect. The article discusses some features of actively used dialects of the English language. It is noted that, unlike a regional dialect, an accent reflecting the phonological features of the native language does not reflect the speech features of the society where the language or dialect functions.

Keywords: *dialect groups, dialect continuum, regional dialect, Standard American English, language changes.*

Не всегда легко определить, являются ли различия в речи людей из разных обществ, признаком двух диалектов или же двух языков? Когда диалекты становятся непонятными (говорящие одной диалектной группы больше не могут понять говорящих другой группы диалектов), эти диалекты становятся разными языками. Однако данная закономерность не всегда совпадает с официальным определением языка, которое обусловлено политическими и социальными факторами. Например, датчане, говорящие на датском, норвежцы на норвежском и шведы на шведском могут общаться друг с другом. Несмотря на это, датский, норвежский и шведский считаются отдельными языками, потому что на них говорят в разных странах.

Трудно провести грань между диалектами и языками только по языковым признакам. Диалекты и языки отражают грамматику и лексику говорящих на них людей. Неправильно утверждать, что, к примеру, двадцать различий в грамматике означает, что это два разных языка, а меньше двадцати — это диалекты. А почему не десять или тридцать? В реальности между диалектами нет четкой границы. Наоборот, диалекты объединяются и образуют **диалектный континуум** [Фромкин, 2014, 25].

Языки постоянно меняются, и изменения эти происходят постепенно. Языки могут появляться в одном географическом регионе или в одной социальной группе и медленно передаваться дальше через поколения говорящих на данном языке людей. Разнообразие диалектов образуется, когда изменения, происходящие в одном регионе или группе, не распространяются. Когда говорящие на определенном языке люди находятся в постоянном контакте, лингвистические особенности распространяются и в дальнейшем усваиваются детьми данных людей. Однако, когда коммуникативный барьер отделяет носителей языка друг от друга, лингвистические изменения быстро развиваются, и различия между группами увеличиваются.

Когда лингвистические различия накапливаются в определенном географическом регионе, например, в Бостоне или на юге США, язык региона приобретает свои особенности. Каждая вариация языка называется региональным диалектом [Журавлёва, 2007, 5]. Многие диалекты в Соединенных Штатах Америки основываются на географических регионах. Происхождение многих региональных диалектов американского английского связано с людьми, которые поселились в Северной Америке в семнадцатом и восемнадцатом веках. Так как переселенцы прибыли из разных частей Англии, они уже говорили на разных диалектах английского и эти различия были переданы в первоначальные тринадцать колоний США. Ко времени Американской революции в британских колониях было три основных региональных диалекта. Северный диалект, на котором говорили в Новой Англии и на территории реки Гудзон, Центральный диалект в Пенсильвании и Южный диалект. Разумеется, также были и другие территории с менее распространенными диалектами. Эти диалекты отличались друг от друга и от английского в Англии. Некоторые изменения в британском английском распространились в британские колонии, а некоторые нет.

Развитие диалектов можно увидеть на примере произношения слов с буквой ***«r»*** в разных частях США. В начале восемнадцатого века англичане на юге Англии не выговаривали *«r»* перед согласными или на конце слова. Слова как *farm*, и *father* произносили как [faːm], [faːðə]. К концу восемнадцатого века не выговаривать ***«r»*** стало обычным правилом среди первых поселенцев в Новой Англии и на

южном Атлантическом побережье. Колонии в Новой Англии поддерживали тесные торговые связи с Лондоном, и южане отправляли своих детей на учебу в Англию, поэтому правило с буквой ***«r»*** закрепилось. В диалекте, на котором разговаривают в Бостоне, Нью-Йорке и Саванне, до сих пор не выговаривают букву ***«r».*** Однако поздние переселенцы прибывали из северной Англии, где звук ***«r»*** всегда произносится в словах. Первые переселенцы из территорий трех диалектов переселились на запад. Смешение их диалектов привело к исчезновению различий, вот почему английский на среднем западе и на западе в основном так похож.

Региональные фонологические или фонетические отличия часто принимают за разные акценты. Например, говорят, что у человека бостонский, бруклинский, среднезападный акцент, южная или ирландская манера речи и так далее. Следовательно, акцент говорит о характеристиках речи, которые содержат информацию о диалекте говорящего. Это может показать в какой стране или части страны он вырос или к какой социолингвистической группе относится. Американцы употребляют термины «британский» и «австралийский» акцент, а великобританцы употребляют термин «американский акцент». Термин акцент также употребляется для определения речи тех, кто выучил язык и не является его носителем. Например, у француза, говорящего на английском, французский акцент. В данном случае акцент относится к фонологическим особенностям, на которые повлиял родной язык человека. В отличие от регионального диалекта акцент не отображает особенности речи общества, где был выучен язык.

Сравнение диалектов как, например, без произношения звука «r» и других диалектов отображает множество различий в диалектах американского английского. Как уже упоминалось, некоторые люди произносят *caught* [kɔt] с гласной [ɔ], а *cot* [kat] с [a], тогда как другие произносят их как [kat]. Некоторые произносят *Mary, merry, и marry* одинаково, другие произносят их по-разному как [meri], [mɛri], и [mæri], есть те, кто произносит только два этих слова одинаково. На юге слово *pajamas* произносят как [pəʤɑ̃məz] с протяжным звуком [a], а в центральных регионах произносят как [pəʤæ̃məz] с ненатянутым звуком [æ]. Многие говорящие на американском английском произносят *pin* и *pen* одинаково, в то время как другие произносят их как [pɪñ] и [pɛñ].

В Великобритании также существует множество региональных диалектов. Как и в случае с американскими диалектами, многие региональные диалекты британского английского, такие как Восточно-английский и Йоркширский, не являются искаженными вариантами “стандартного” английского, распространенного в Лондоне, ведут свое происхождение из ранних разновидностей английского, которые существовали одновременно с лондонским английским еще в одиннадцатом веке. Английский язык — это самый распространенный язык в мире (как родной, так и иностранный). Он является государственным языком в нескольких странах, в том числе в США, некоторых регионах Канады, Британских Островах, Австралии и Новой Зеландии. На протяжении многих лет английский был официальным языком в бывших британских колониях, таких как Индия, Нигерия, Гана, Кения и другие африканских странах англосферы. Во всем мире используются многие другие диалекты английского с фонологическими различиями.

Например, в Англии «подняться на лифте» – to take a lift, в то время как в США to take an elevator; Бензин в Англии – petrol, в США – gas; в Великобритании public school это “частная школа”, а если ученик наденет в школу вместо брюк (британ.: trousers; амер.: pants) нижнее белье (британ.: pants; амер.: underpants), его отправят домой переодеваться.

Диалекты также могут отличаются по синтаксическому составу. Во многих американских диалектах предложения могут сочетаться таким образом:

John will eat and Mary will eat. → John and Mary will eat.

В озаркском диалекте на юге штата Миссури, предложения могут сочетаться так:

John will eat and Mary will eat. → John will eat and Mary.

В первом примере глагольная группа *will eat* отсутствует в первой части предложения, в то время как во втором примере этой глагольной группы нет во второй части предложения. Во многих диалектах английского допускается удаление глагольной группы только в первой части, а предложение *John will eat and Mary* грамматически неправильное. Озаркский диалект отличается тем, что в нем такой вариант допускается.

«Пусть они придут пораньше» в некоторых американских диалектах – *«Have them come early!»,* в то время как в других диалектах – *«Have them to come early!».* Говорящие на последнем диалекте могут использовать два модальных вспомогательных глагола. Поэтому выражения *«He might could do it»* или «*You might should go home»* являются грамматически правильными. В большинстве диалектов английского языка используется не более одного модального глагола.

В британском английском местоимение «*it»* в предложении *«I could have done it»* может быть опущено. Британцы говорят *«I could have done»,* что не соответсвует правилам синтаксиса американского английского. Однако американский английский допускает опущение *«done it».* Американцы говорят *«I could have»,* что не соответствует синтаксическим правилам в британском английском.

Социальные границы, вызывающие вариацию диалектов, многочисленны. Они могут быть основаны на социально-экономическом статусе, религиозных, этнических и расовых различиях, стране происхождения и даже на половом признаке [Мочалкина, 2019, 268].

Доминирующий или престижный диалекты часто называют стандартными. Стандартный американский английский (САА) — это диалект английского языка, на котором говорят почти все американцы; производные от него – «Филадельфийский диалект», «Чикагский диалект», «Афроамериканский диалект» и так далее.

САА – это идеализация, никто не говорит на этом диалекте. Даже если бы кто-то говорил, никто бы об этом не узнал, так как у САА нет точного определения (как и большинство других диалектов, его трудно определить). В 1990 году прошла конференция, на которой собрались преподаватели и лингвисты с целью дать определение термину «Стандартный Американский Английский». Обсуждение не увенчалось успехом, так как не удалось прийти к общему решению. САА какое-то время считался языком, употребляемым дикторами на национальном телевидении, но сегодня большинство из них используют местный диалект или разновидность английского языка, не считающуюся «стандартом английского языка». Например, British Broadcasting Corporation (Би-би-си) какое-то время отдавала предпочтение дикторам с RP (received pronunciation – общепринятое (стандартное британское) произношение). Однако сегодня мы можем услышать дикторов с ирландским, валлийским, шотландским и другими акцентами.

Стандартный (или престижный) диалект определенного языка может выполнять общественные функции. Его использование в определенной группе способно объединить людей или предоставить общую письменную форму для говорящих на разных диалектах. Являясь диалектом богатых и влиятельных членов общества, он может иметь важное значение для общества в целом. Людям, стремящимся стать успешными, может потребоваться владение этим диалектом, даже если он и не является их родным.

Впрочем, нет диалекта, который, в сравнении с другими диалектами или языками, был бы более выразительным, менее искаженным, более логичным, сложным или соответствующим норме. Они просто разные. Точнее, «диалекты отражают набор разных правил и лексических элементов, выраженных в мыслях носителей языка» [Morgan, 2002, 85].

Поэтому любые суждения, касающиеся превосходства или неполноценности конкретного диалекта или языка, являются лишь социальными суждениями, которые не имеют лингвистического и научного обоснования.

В статье рассматривались лишь некоторые особенности активно используемых диалектов английского языка – о полном анализе варианта современного английского языка говорить, возможно, преждевременно, поскольку процесс его развития находится в динамике. Можно сколько угодно говорить и спорить, что правильно, а что неправильно с точки зрения языковой нормы. Считаем, что более продуктивной будет позиция внимательного и аккуратного наблюдателя, фиксирующего динамику развития языка и делающего определенные выводы из наблюдений.

Литература

Журавлёва М.Н. Территориальные диалекты Англии // Иностранные языки в школе. 2007. № 2.

Мочалкина А.А. Проблема изучения гендера в зарубежной и отечественной лингвистике // Молодой ученый. 2019. № 6. С. 268–271.

Morgan M. Language, discourse and power of African American culture. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Victoria Fromkin, Robert Rodman, Nina Hyams. An Introduction to Language. 10 edition: Wadsworth, Cengage Learning, 2014.

© Жампейис К. М., 2022

УДК *811.512.15*

Жамсаранова Р. Г., Россия, г. Чита
Забайкальский государственный университет, д. ф.н., доцент

АНТРОПОНИМИЧЕСКИЙ СУБСТРАТ ИМЕННИКА ХОРИ-БУРЯТ ТЮРКОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ*

В статье представлены результаты исследования исторического антропонимикона как свода личных имен разных родов хори-бурят, которые по своему языковому происхождению обнаруживают свое тюркоязычное начало. Свод личных имен бурят выписан из архивных документов – ревизских описей инородческого населения Иркутской губернии за 1830-1831 гг., представляющих собой весьма ценный ономастический материал. Обнаружилось большое число личных имен бурят, языковое начало которых связано и обусловлено апеллятивной лексикой ряда тюркских языков Сибири.

***Ключевые слова**: ревизские описи, роды хори-бурят, до-тибет-монгольские имена, Государственный архив Забайкальского края, шорские, телеутские, хакасские апеллятивы.*

Zhamsaranova R. G., Russia, Chita
Transbaikal State University, Ph.D. of Philology

ANTHROPONYMIC SUBSTRATE OF THE KHORI-BURYAT HISTORICAL CORPUS OF PROPER NAMES OF TURKIC LINGUISTIC ORIGIN

The article presents the results of a study of the historical anthroponymicon as a set of personal names of different clans of the Khori-Buryats, who, by their linguistic origin, reveal their Turkic origin. The set of personal names of the Buryats was rewritten from archival documents - censuses of the native population of the Irkutsk province of 1830-1831, which is considered to be a very valuable onomastic material. A large number of personal names of the Buryats were investigated, the linguistic origin of which is connected and conditioned by the appellative vocabulary of a number of Turkic languages of Siberia.

***Keywords:** censuses, Khori-Buryat clans, pre-Tibet-Mongolian names, State Archive of the Trans-Baikal Territory, Shor, Teleut, Khakass appellatives.*

Данная статья посвящена описанию предварительных результатов исследования этимологии личных имен хори-бурят, имеющих, на наш взгляд, тюркоязычное начало. Согласно плану исполнения грантового проекта по созданию Словаря исторической антропонимии хори-бурят были выписаны ревизские описи пока 7 из 11 родов хори-бурят с последующей их подготовкой к изданию. Помимо этого, основной целью проекта являются описание и анализ в плане стратиграфии антропонимических пластов, включающих в свой корпус, помимо ожидаемых бурят-монгольских и тибет-монгольских пластов, до-тибет-монгольский пласт.

Так, общее число изученного и описанного антропонимического материала (личных мужских имен 7 родов) составляет 16 344 единицы. В этом году запланировано исследование ревизских описей еще 6 родов, итого 13. Данная сводная цифра складывается по причине наличий вследствие деления более крупных родов на 2 условных подрода. К примеру, род Хуацай (Хоацай) делился на два тоже больших рода – Барунъ-Хоацай и Зунъ-Хоацай (букв. Западный Хоацай и Восточный Хоацай). При этом в каждом роду насчитывалось более 1800 человек до 2500.

Лингвистический анализ всего свода личных имен семи изученных родов хори-бурят позволяет сделать вывод о том, что субстратные имена составляют очевидное естественное большинство по ревизиям за 1830–1831 годы, тогда как в ревизиях тех же родов хори-бурят уже за 1858 год превалируют санскрит-тибетские и бурят-монгольские имена.

Эти результаты языковой стратификации исторического антропонимикона дают основание полагать, что именно к 1858 году почти закончилось объединение разнородных родов, больших и мелких, в новую народность, – буряты. Данное мнение обусловлено результатами ономастического анализа архивного материала – ревизских описей хори-бурят за 1830, 1850, 1858 гг. Анализ, этимологический в первую очередь, морфологический, во-вторую очередь, позволили выделить наличие естественного тюркоязычного антропонимического пласта в своде до-тибет-монгольских имен ревизских описей XIX в.

Целью данной статьи, таким образом, является соотнесение апеллятивов тюркских языков Сибири с корневыми основами исторических имен. Помимо описания лексико-семантического сходства сопоставляемых апеллятивов с корнесловами личных имен, задачей данной статьи является определение семантической антропомодели как мотивирующего признака при доказательстве объективности этимологического анализа имен.

В русле поставленных задач по описанию тюркоязычных личных имен хори-бурятских родов выяснилось следующее. Антропонимический материал извлечен из ревизской описи рода Шарайд или Шараицкого [ГАЗК, ф. 284]. В статье представим семантическую антропомодель «ребенок; дитя; мальчик; сын» как основной мотивировочный признак при даче имени вообще.

Такой ряд личных имен бурят рода Шарайд как ОГДОЕВЪ, ОГДОКИ мы объясняем и соотносим с апеллятивами или шорского языка как оғлан 1. *сущ*. ‘юноша; 2. *прил*. юный’; оғлу ‘сын’, или же с апеллятивом долганского языка - ого ‘1.ребенок 2. детеныш’. При этом выявилось типологическое

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00335 А «Словарь исторической антропонимии хори-бурят».

лексико-семантическое сходство апеллятивов шорского и долганского языков с хакасским атрибутивом оғло ‘молодой (о диких и домашних животных)’, обусловленное языковым родством. Подругому, однозначное отнесение природы данных личных имен к какому-то одному из этих языков отразит некорректность этимологического анализа, т.к. значение личных имен типа ОГДОКИ, ОГДОЕВЪ соотносится со значениями апеллятивов сибирских тюркских языков и означает понятие ребенка вообще с точки зрения как антропонимики, так и сравнительно-исторического языкознания.

Такое имя, как ОЛОГУНОВЪ мы связываем с хакасским апеллятивом оолағас (-зы), как то же по значению, что и оолғычах *уменьш*. от оолғы ‘сынок, сынишка’. Примечательно, что и в шорском языке лексема оолак означает ‘мальчик’; оол ‘сын, мальчик’, что позволяет усматривать общетюркское оол «мальчик; ребенок» как антропооснову данного имени ОЛОГУНОВЪ.

Личное имя хори-бурят ПАЛАХИ мы трактуем от хакасского пала ‘1) дитя, ребёнок; младенец; малыш ‘// ‘детский, ребячий; младенческий’. В словаре личных имен хакасов автор Бутанаев В.Я. личное имя хакасов ПАЛАКА трактует как «дите, ребенок» [Бутанаев, 1993, 89]. В телеутском языке лексема пала – это ‘дитя, ребенок’. При этом в долганском языке лексема балыс означает ‘1.младший. 1) младший 2) младший брат; 3) племянник’. Следует также отметить и то, что факультативным аффиксом в некоторых именах бурят является аффиксальное -бал (ср. Гынден-бал(-овна), Гутап-бал, Цыдып-бал, Гончик-бал, Вася-бал), которое, на наш взгляд, имеет омонимичную природу. К примеру, можно полагать, что данный аффикс имеет возможную тюркскую основу, т.е. антропооснову, к примеру, тибетского языкового происхождения ГЫНДУНЪ དགེ་འདུན་ /тиб./. DGE `DUN «Стремление к благочестию» добавлена морфема тюркских языков – бал или пал(а) и «образовалось» личное имя ГЫНДЕН-БАЛ. Первая морфема данного имени, очевидно, тибетского языкового происхождения, данное имя транскрибировано посредством монгольской кириллицы от исходного тибетского Dge-'dun: *Gendun > Gendün > Genden до современного Гендун (или Гынден) [Личные имена, 2021, 52–92]. Однако согласно полевым записям автора о природе данного аффиксального -бал мы располагаем информацией, что имена типа ГЫНДЕНБАЛ, ГУТАПБАЛ, ЦЫДЫПБАЛ, ВАСЯБАЛ присваивались детям из одной семьи одним и тем же ламой в 20-е-30-е годы прошлого столетия в Кижингинском дацане. Известно, что у хоринских бурят родители новорожденных обращались за именами именно к ламам – служителям дацанов буддийских монастырей. Возникает вопрос о языковой природе аффиксального -бал или апеллятива бал- как корня ряда тибетских имен – БАЛ-МА, БАЛ-БАР, БАЛ-ДАН, БАЛ-ЗОМ или же как тюркоязычного бал как производного от хакасского пала ‘1) дитя, ребёнок; младенец; малыш ‘// ‘детский, ребячий; младенческий’; телеутского ‘дитя, ребенок’. Мы склонны понимать языковую природу аффиксального -бал в именах бурят именно как тибетский корнеслов.

Еще одной семантической антропомоделью при этимологизации личных имен бурят с «затемненной» семантикой является антропомодель «детеныш» какого-либо животного, в первую очередь, оленя, лося или марала. Полагаем, что данная модель обусловлена кочевнической концептосферой сибирских народов.

Такие имена бурят, как ОРГІЯ / ОРГИЛДАЕВЪ, полагаем, возникли от хакасского апеллятива орғы ‘детеныш лося и марала (от шести месяцев до двух лет)’. Личные имена бурят рода Шарайд САБАГУРОВЪ (2 ед.) / САБАГУРЪ образованы от хакасского апеллятива чабаға ‘двухлетний жеребенок’. В телеутском языке лексема јабага ‘жеребенок с года до двух лет’. В ревизской описи встретились и такие имена, как САБЖИ, САБУ ИБАГУ, САБХА, САБУШКИНЪ, антропооснова которых, возможно, связана с хакасским чабаға ‘двухлетний жеребенок’ или с телеутским јабага ‘жеребенок с года до двух лет’ своим значением.

Отдельный интерес вызывает второй компонент имени САБУ ИБАГУ, где ИБАГУ – это производное от тофаларского слова, именующего животное: от иби [ибисі] ‘домашний северный олень’. Следует отметить редкость двухкомпонентных имен в ревизиях инородческого населения, однако нам встретились имена, где первый компонент имени, к примеру, «языческого» происхождения, а второй компонент – уже санскрит-тибетского. Среди личных имен бурят рода Шарайд, к примеру, такое имя, как МОТУГОЙ ЦЫДЫН – двухкомпонентное имя, где второй компонент ЦЫДЫН представляет собой имя тибетского языкового происхождения (от ЦЫДЕН < TSHE BRTAN 1. ‘Стабильная жизнь’. Имя Цыден транскрибировано посредством монгольской кириллицы от исходного тибетского Tshe-ldan: *Tsedan > Tsedan > Tseden до современного Цэдэн 2. «Крепкая жизнь»), тогда как первый компонет МОТУГОЙ мы пробуем объяснить от 1. ненецкого мэта ты ‘упряжной олень’, или от селькупского апеллятива мыда /об.,Ч, вас./~ мыта /вас./ *сущ*. ‘1.младший брат 2. брат’.

При анализе личных имен типа САБАГУРЪ, САБЖИ, САБУ ИБАГУ, САБХА, САБУШКИНЪ мы также учитывали и гипотетическую возможность трактовать значение антропоосновы САБ(А)- от хакасского сабаа ‘II *устар*. радость, отрада, забота’ [Жамсаранова, 2020, 42–44]. Если сопоставить данную семантическую антропомодель с бурятским к примеру, то в бурятской антропонимии такое современное имя БАЯР (БАИР) обычно истолковывают от бурятского баяр ‘радость’ [БРС, 1973, 89]. Однако, учитывая историчность личных имен с антропоосновой САБ(А)- как весьма архаичных, можно полагать о приоритетности семантической антропомодели «детеныш».

Третьей семантической антропомоделью «сильный, крепкий, крупного телосложения», где реализована и дезидеративность имени, и факт физических качеств новорожденного ребенка (как правило, мужского пола), является именно эта мотивировка при имянаречении.

К примеру, такие имена, как МОНСОКТУ, МОНЦОКТУ, МОНЦУКЪ, МОНЦУНЪ, МУНАЕВЪ можно понимать от телеутского атрибутивного моңус ‘сильный, крепкий, крупного тело-

сложения (*вероят*. о крупном ребенке)’. В койбальском диалекте хакасского языка лексема марғо /койб./ ‘крупный (о новорожденном теленке, ягненке)’, вероятно, является антропоосновой таких личных имен бурят, как МОРХОЖИНЪ, МОРХОНЪ, МОРХУТХА.

Любопытно отметить наличие семантической типологии таких разнородственных языков как, например, селькупский (один из южно-самодийских языков) атрибутива морг~морг /ел./ *прил*. в значении ‘1) старший. 2) главный. 3) большой’, которое, очевидно, равноценно по значению (в семном отношении) и с бурятским словом мордогор ‘большой, крупный (иногда морхогор) (*напр*. нос)’, и со значениями сибирско-тюркских языков марғо /койб./ ‘крупный (о новорожденном теленке, ягненке)’.

Примечательно и то, что в своде до-тибет-монгольских имен рода Шарайд обнаружились имена, значения которых коррелируют со значениями прецедентных для национальной культуры именами. Так, частотными оказались имена типа МОХАЙ, МОХУ, МУХАЙ, МОХОРХОНОВЪ, значение которых, на наш взгляд, объяснимо от хакасского мӧге ‘*фольк*. вечный, бесконечный; бессмертный’; мӧке ‘1.богатырь; силач. 2. сильный (могучий)’. В традиционных именниках хакасов отмечено имя собственное Мӧкку ‘силач’, которое сопоставимо с диалектным (сагайский диалект) мӱгӱ ‘вечный’. Также и в шорском фольклоре отмечено наличие личного имени, фольклорного имени Мӧкку, Мӧкку в значении ‘силач’ [Функ, 2005].

Такие имена, как МУГІЕВЪ (3 ед.), МУКУНОВЪ также объяснимы от хакасского мӧге ‘*фольк*. вечный, бесконечный; бессмертный’; мӧке ‘1.богатырь; силач. 2. сильный (могучий)’ и сопоставимы с хакасским фольклорным именем собственным Мӧкку ‘силач’. Следующий ряд имен типа МУДАЙ, МЫДЫЕВЪ мы попытались объяснить от долганского атрибутивного модьу ‘1.могучий, мощный; 2. прочный’. Любопытным оказалось то, что в хантыйском атрибутив мӧтлі *прил*. в значении ‘здоровый, крепкий’, что позволяет обнаружить типологию значений лексики неродственных языков – долганского (как одного из алтайских) и хантыйского (как одного из обско-угорских). Можно предположить на этом примере сопоставительного характера о диахронном языковом союзе на исследуемой территории, занимаемой разными сибирскими народностями в разные времена. Данное предположение “разъясняет” семантическую типологию неродственных языков, обнаруживающуюся при сравнительно-сопоставительном анализе исторических личных имен. К тому эти выводы подтверждаются результатами описания стратиграфии топонимического субстрата Восточного Забайкалья, где описан и обско-угорский пласт наряду с тюркоязычным [Жамсаранова, Шулунова, 2003].

В заключении возможны следующие выводы: наличие отапеллятивной лексики тюркских языков Сибири в формировании исторического антропонимикона хори-бурят очевидно и частотно; опора на семантическую антропомодель объективирует этимологический анализ имен с неясной семантикой; наличие тюркских личных имен в своде отдельного рода хори-бурят Шарайд подтверждает участие тюркоязычных народов Сибири в этногенезе бурят, в частности, хори-бурят.

Литература

Аксенова Е. Е. и др. Словарь долганско-русский и русско-долганский: пособие для уч-ся нач. шк. / Е.Е. Аксенова, Н.П. Бельтюкова, Т.М. Кошеверова. СПб.: отд-е изд-ва «Просвещение», 1992. 192 с.

Архив – Архив Государственного архива Забайкальского края, фонд № 284, архивная опись №1, дело постоянного хранения № 50 за 1830-1917. Лл. 1-89.

БРС – Буряад-ород словарь = Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М.: Сов. энцикл., 1973. 804 с.

Бутанаев В. Я. Личные имена хакасов. Абакан: Полиграфпредприятие «Хакасия», 1993. 108 с.

Жамсаранова Р. Г. Параллелизм в исторической антропонимии: субстрат или заимствование? // Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы XIV Международной научной конференции (LESEWA), Москва, 23–24 ноября 2020 г. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки, С.-Петерб. гос. ун-т, Вост. фак. ; отв. ред. А. Ю. Вихрова. Москва: Ключ-С, 2020. С. 42–44.

Жамсаранова Р. Г., Шулунова Л. В. Топонимия Восточного Забайкалья. Чита: Изд-во ЗабГПУ. 2003. 128 с.

Курпешко-Таннагашева Н.Н., Ф.Я. Апонькин. Шор-казақ пазок и қазақ-шор ӱргедиг сӧстӱк. Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1993. 149 с.

Личные имена бурят рода Шарайд за 1830 год: научное издание: науч. редактор Р. Г. Жамсаранова / Р. Г. Жамсаранова; З.Д. Бардаханова; В. И. Алтаева. Чита: Читинская типография, 2021. 276 с.: прил.

Ненецко-русский словарь / сост. Н. М. Терещенко. М.: Сов. энцикл., 1965. 942 с.

Рассадин В. И. Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский: Учеб. пос. для уч-ся средних шк. СПб.: «Издательство Дрофа Санкт-Петербург», 2005. 295 с.

Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. В.В. Быконя. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с.

Телеут-орус сӧзлик. Телеутско-русский словарь / Сост. Рюмина-Сыркашева Л.Т., Кучигашева Н.А. Кемерово: АО Кемеровское кн. изд-во, 1995. 119 с.

Функ Д. А. Антропонимические модели в бытовой культуре и в эпических текстах (материалы по тюркским народам юга Западной Сибири) // Этнографическое обозрение. Май 2005. URL: http://journal.iea.ras.ru/online (дата обращения 20.02.2021).

Хакасско-русский словарь. Хакас-Орыс сӧстік. Ок. 20 000 слов. / Под общей ред. О.В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

© Жамсаранова Р. Г., 2022

УДК *811*

Жанабаев А. Т., Узбекистан, Нукус
Нукусский государственный педагогический институт, студент

О ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАХ ЧИМБАЙСКОГО ГОВОРА

Говор Чимбайского района является базовым для литературного каракалпакского языка. Однако наблюдения показывают существование пласта слов, которые, по ряду причин, не вошли в реестр литературного языка, не встречаются в других говорах и характерны только для данного региона. В статье анализируются лексические и семантические особенности употребления диалектных слов по тематическим группам: продукты питания, одежда, предметы быта и др. Некоторые из рассматриваемых слов являются семантическими неологизмами.

Ключевые слова: *диалект, каракалпакский язык, говор, чимбайский говор, лексика, неологизм.*

Janabaev A. T., Republic of Uzbekistan, Nukus
Nukus State Pedagogical Institute, student

CONCERNING SOME DIALECTAL WORDS IN THE CHIMBAY

The dialect of the Chimbay region is the basic dialect of the literary Karakalpak language. However, observations show the existence of a layer of words that, for a number of reasons, were not included in the register of the literary language and are not found in other dialects, they are characteristic only for this region. The article analyzes the lexical and semantic features of the use of dialect words by thematic groups: food, clothing, household items, etc. Some of the considered words are semantic neologisms.

Keywords: *dialect, Karakalpak language, dialect, Chimbay dialect, vocabulary, neologism.*

Шымбай районы аймақлық жағынан арқа диалектке кириўши сөйлесимлердиң бири болып есапланады. Район халқы Қарақалпақстан Республикасының басқа районларына салыстырғанда әдебий тилде таза сөйлейтуғын район болып есапланады. Яғный, "...Шымбай говоры (анығырағы шымбайлылардың сөйлеўи) қарақалпақ жазба тилиниң нормаларының қәлиплесиўинде бирден-бир тийкарғы орын тутады" [Ниязов, 1995, 4]. Соған қарамастан, изертлеўлер нәтийжесинде район халқының сөйлеў тилинде өзине тән сөйлесим сөзлерлер бар екенлиги анықланды.

Дәслебинде, қарақалпақ тили улыўма изертленип басланған ўақытта, 1930-жылы С. Е. Маловтың басшылығында дүзилген экспедиция ағзалары Шымбай, Кегейли ҳәм Тахтакөпир районларында жасайтуғын жергиликли халықтың аўызеки сөйлеў тилинен материаллар жыйнап алады [Qurbanbaeva, 2020, 21].

Соңынан диалектология тараўы қарақалпақ тил билиминде өз алдына изертлене баслағаннан соң, Шымбай районындағы қарақалпақлардың сөйлеў тили бойынша тилши, илимпаз Әбдиқәдир Ниязов материаллар жыйнап, бирнеше мақалалар жәриялаған. Илимпаз өз мақалаларында Шымбай сөйлесиминдеги сөзлердиң грамматикалық жағын көбирек изертлейди [Бекбергенов, Пахратдинов, 2000, 38].

Ўақыттың өтиўи менен район халқының жанлы сөйлеў тилинде жаңадан диалектлик сөзлер пайда болады. Нәзериңизге усынып отырған бул мақаламызда биз сол сөзлерди анықлап, олардың мәнилерине кеңирек түсиник бериўге ҳәрекет еттик ҳәм оларды мысаллар менен толықтырып, талқылап отырмыз.

I. Шымбай сөйлесиминде қолланылатуғын азық-аўқат атамалары:

I.1. Пар манты//орама. Жуқалап жайылған қамырдың ишине май жағып, соңынан ишине араласпа салынып, орап, парда писирилип, пискеннен соң кеспе етип кесип жейтуғын аўқат.

Пар манты атамасы парлап писирилгени ушын усылай аталған болса, орама деп қамырды орап писирилгени ушын усылай аталған.

Әсиресе, апамның писирген пар мантысына//орамасына ҳеш нәрсе жетпейтуғын еди.

I. 2. Пар туўрама. Жуқалап жайылған қамырдың ишине май жағып, орап, парда писирилип, пискеннен соң туўрамадай етип туўралатуғын аўқат.

Сондай-ақ, бул сөз айырым сөйлесимлерде "нарын" формасында жумсалады.

– Бүгин кешке не асажақсаң?

– Пар туўрама писирежақпан.

I. 3. Өтирик пелмен. Ишине ҳеш нәрсе салынбай бүгилген пелмен. Қалғанларын өтирик пелмен қыла қойың.

I. 4. Өтирик манты. Ишине ҳеш нәрсе салынбай бүгилген манты. Қалғанларын өтирик манты қыла қойың.

I. 5. Пор кәмпит (конфета). Формасы порға усас, жумсақ, ақ конфета. Азырақ етип пор кәмпитиңнен (конфетаңнан) бер.

I. 6. Белайн//Белайн кәмпит (Беелине конфета). Формасы порға усас, жумсақ, ала конфета. Белайныңнан//Белайн кәмпитиңнен (конфетаңнан) бир бес мыңлық бер.

II. Шымбай сөйлесиминдеги нәрсе-буйым атамалары:

II. 1. Шыжым. Жуўылған кийимлерди жайып, кептириў ушын арналған үй хожалығының заты. Шыжым жиптиң еки ушын еки бақанға байлаў арқалы исленеди.

Әдебий тилде шыжым сөзи "жиңишке жип" мәнисинде қолланылады [1992, 556].

Сондай-ақ, Қоңырат ҳәм Мойнақ сөйлесимлеринде бул сөз "жекенниң қалағының қабығынан есилген жип" мәнисинде қолланылады [Насыров, Доспанов, 1983, 347].

Кийимлерди қағып-қағып шыжымға жайың.

II.2. Каскы//каска. Манты қазанның ишиндеги қабаты, листи.

Бул сөз рус тилиндеги манты яки пелменди парда писиретуғын қазан мәнисин бериўши "каскан", яки өзбек тилиндеги тап усы мәниде қолланылатуғын "қасқон" сөзлери менен когнат болыўы мүмкин. Бизиң сөйлесимимизге фонетикалық өзгериске ушырап кирген болыўы мүмкин.

Қасқон сөзи этимологиялық жақтан ески түркий тилиндеги "тери", "қабық" мәнисин аңлататуғын қас сөзине [1969, 430] ески өзбек тилиндеги -қа қосымтасы менен жасалған фейилге -н қосымтасының қосылыўы арқалы дөрелген [Раҳматуллаев, 2000, 531].

Каскыларди/каскаларды майлап, бүгилген мантыларды диз.

II.3. Шекер. Шелек мәнисинде.

Сөз соңындағы к сеси р сеси менен алмасқан, ал сөз ортасындағы л сеси болса, к сесине айланып, фонетикалық өзгериске ушыраған.

Үйге суў тасың, ана шекерлерди де алың.

II.4. Бидон//битон. Суў қуйып қоятуғын ыдыс, дүңгир.

Бул сөз әдебий тилде қолланылмайды. Рус тилиндеги "бидон" сөзи бизиң сөйлесимимизге кирип келген болыўы мүмкин. Өйткени, рус тилинде бул сөз суў ыдысы мәнисинде, "жбан, фляга" вариантларында да қолланылады.

Анаған битон/бидонды бер, ол шелекти//шекерди көтере алмайды.

III. Сөйлесимдеги дийқаншылық ислерине байланыслы қолланылатуғын атамалар:

III.1. Ақпара//ақбара. Атыздың кишкене бөлеклери. Мынаў помидор ақпара, мынаў қыяр ақпара.

III.2. Оқ қарық. Атызға узын болып тартылған қарық.

Оқ қарық көбинесе еки ақпара//ақбараның ортасына, узынана тартылады.

Оқ қарықты ота.

IV. Шымбай сөйлесиминдеги айырым кийим-кеншек атамалары:

IV.1. Жаў кийим. Дүзге кийетуғын гөне кийим. Жаў кийимлериңди кийип шық, далада жумыс ислеймиз.

IV.2. Жалбыр-жулбыр. Атызға кийетуғым гөне кийим.

Бул сөз жоқарыдағы жаў кийим сөзи менен бирдей хызметке ийе.

Анам бийшара жалбыр-жулбырларды да таслап жибермейди.

IV.3. Балончик//балоншик. Қалың куртка.

Бул сөз машинаның дөңгелегин атаў ушын қолланылатуғын "балон" сөзи арқалы пайда болған. Себеби, куртканың жеңи балондай болып исип турады.

Күн қатты суўық, балончигиңди//балоншигиңди кийип кет.

V. Шымбай сөйлесиминдеги басқа да сөзлер:

V.1. Кәрә//ана кәрә//мына кәрә//о кәрә//со кәрә. Орын, жер. Ана кәрәны қара, сол жерде шығар.

V.2. Қәлә гүн. Базар күни, екшемби. Қәлә гүн базардан анаў-мынаў көрейик.

V.3. Көбаттай. Көп сөзиниң арттырыў дәрежесинде қолланылыўы. Ажапамлар аўылдан көбаттай етип қаўын-ғарбыз әкелди.

Демек, жуўмақлап айтқанда, Шымбай сөйлесими еле ҳәр тәреплеме илимий изертлеўлерге мүтәж. Биз жыйнаған бул сөзлерден қарақалпақ диалектологиясында диалектологиялық сөзликлер, кишигирим сөйлесимлер сөзлигин ислеўде пайдаланса болады.

Мағлыўмат бериўшилер

Худайбергенов Турдыбек. Кәсиби–муғаллим. 1967-жылы Шымбай районында туўылған.
Қудиярова Шолпан. Кәсиби–муғаллим. 1973-жылы Шымбай районында туўылған.

Әдебият

Бекбергенов А., Пахратдинов Қ. Қарақалпақ тилин изертлеўшилер (библиографиялық очерк). Нөкис: Қарақалпақстан, 2000.
Древнетюркский словарь. Ленинград: Наука, 1969.
Қарақалпақ тилиниң түсиндирме сөзлиги. IV томлық, IV том. Нөкис: Қарақалпақстан, 1992.
Насыров Д.С., Доспанов О.Д. Қарақалпақ тилиниң диалектологиялық сөзлиги. Нөкис: Қарақалпақстан, 1983.
Ниязов Ә. Шымбай говорында сингармонизм нызамы жөнинде гейпара еслетпелер. Қарақалпақ тил билиминиң әҳмийетли мәселедери. Илимий мақалалар топламы. Нөкис, 1995.
Раҳматуллаев Ш. Ўзбек тилиниң этимологик луғати. Тошкент: Университет, 2000.
Qurbanbaeva B.R. Qaraqalpaq dialektologiyası. Tashkent: Tafakkur avlodi, 2020.

© Жанабаев А. Т., 2022

УДК *398.21 (=512.141)*

Зинурова Р. Р., Россия, г.Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, м.н.с.

ОБРАЗ КОНЯ В БАШКИРСКОЙ БОГАТЫРСКОЙ СКАЗКЕ

Статья посвящена изучению образа мифического богатырского коня в башкирских богатырских сказках. Данный образ очень популярен. Конь выполняет роль универсального помощника и мудрого советника, самоотверженно защищает своего друга, богатыря, и обеспечивает ему счастливую судьбу.

Ключевые слова: *башкирские богатырские сказки, герой, чудесный конь, помощник.*

Zinurova R.R., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS, Junior Researcher

IMAGE OF THE HORSE IN THE BASHKIR BOGATYR TALE

The article is devoted to the study of the image of the mythical heroic horse in the Bashkir heroic tales. This image is very popular. He performs the role of a universal helper and wise adviser, selflessly defends his friend, i.e. hero and provides him with a happy fate.

Keywords: *Bashkir heroic tales, hero, wonderful horse, helper.*

В башкирских богатырских сказках широко представлены мифологические образы животных. Особенно значительную роль играет помощник героя конь, который наделен даром речи. Об этом писали Пропп В.Я. [Пропп, 1969: 1986], Липец Р.С. [Липец, 1984], Жирмунский В.М. [Жирмунский, 1974], Мингажетдинов М.Х. [Мингажетдинов, 1969], Зарипов Н.Т. [Зарипов, 2008], Сагитов М.М. [Сагитов, 1984], Надршина Ф.А. [Нәҙершина, 2006], Хусаинова Г.Р. [Хусаинова, 2006], Илимбетова А.Ф., Илимбетов Ф.Ф. [Илимбетова, 2009]. Возникновение и развитие образа коня связаны с издревле существовавшим у башкир культом коня, и этот образ отразился почти во всех жанрах устно-поэтического творчества, а также получил в быту весьма яркое выражение. С ним связаны многочисленные суеверия и обычаи, пережитки религиозных доисламских представлений.

О почитании башкирами коня имеются и исторические сведения. Арабский путешественник и ученый X в. Ахмад Ибн-Фадлан писал, что башкиры поклоняются двенадцати богам, одним из которых является конь [Путешествие Ибн-Фадалан на Волгу, 1939, 66-67]. С.И.Руденко в своих очерках отметил, что “башкиры были уверены, что ничем нельзя убить змею, кроме как нагайкой (ҡамсы), пропитанной лошадиным потом, считая последний для змеи смертельным” [Руденко, 1955, 316].

О народных поверьях, связанных с приписыванием коню чудесных свойств, также сообщает учёный-энциклопедист, путешественник И.И.Лепехин [Лепехин, 1802, 57–58]. Он пересказал легенду о том, как один башкир сумел убить великого змея, жившего на Змеиной горе (Йылан-тау), потому, что напоил свою саблю лошадиным потом. Останавливаясь на ночлег в незнакомом лесу или поляне, перед сном окружали место ночлега вожжами, хомутами, седельниками, уздечками – всем тем, что пахнет конским потом, чтобы оградить себя от змей, “нечистой силы” и болезней. Еще в наше время можно встретить пожилых башкир, которые, зарезав коня, сняв с него шкуру, обмазывают свое лицо, шею, руки и ноги свежим конским жиром. Они объясняют это чудодейственной силой конского жира (после него не пристает никакая хворь, исчезают болезни костей, суставов и кожи), а конские глаза наделены сверхъестественной способностью видеть скрытое от человека. Эти поверья получили реликтовое отражение во многих обрядах изгнания болезни из дома или из тела человека. Раньше бывало, что коней вводили в дом, чтобы изгнать злых духов, якобы поселившихся в нем, а лошадиный череп обладал способностью оберегать хозяина и его имущество от дурного глаза, от всякого зла, обеспечивало удачу *«кот»* в хозяйственных делах. Также бытует поверье (ырым) о том, что при продаже коня, скота, вещей надо взять оберегающий от беды талисман (кот алыу). Так, при продаже коня в качестве талисмана, символизирующего благополучие, счастье, продающий оставляет себе пучок конских волос (вырывая из гривы или хвоста), что надо делать тайком от покупателя. Подобный суеверный обычай распространен и у казахов. Первый казахский этнограф-историк Чокан Валиханов отметил, что казахи “при отчуждении из табуна лошади, берут клок волос с гривы, и смочив в слюне животного, кладут в карман” [Валиханов, 1958, 163]. Согласно этому поверью, лошадь и впредь будет находиться во власти старого хозяина.

В Башкирии сохранились весьма древние каменные изваяния, наскальные рисунки лошадей. В Белорецком районе Республики Башкортостан находится каменное извание жеребенка, которое называется *Таш колон* (Каменный жеребенок). *Таш колон* почитался в прошлом как священный камень и служил местом поклонения башкирских племен инзер-катай, тамъян, кумырык. Люди верили, что с его помощью можно вызвать или остановить дождь. В случае затяжных дождей жители окрестных деревень совершали у каменной глыбы жертвоприношение, обмазывали ее собранным подворно маслом и обращались с молитвами остановить дождь. В пещере Шульган в Бурзянском районе обнаружены древнейшие рисунки коней. По преданиям, эта пещера была прорублена дивами как укрытие для небесного коня Акбузата.

Как видно, в вышеприведенных верованиях и поверьях конь играл большую роль тотема-предка. Отголоски этих поверий сохранились и в богатырских сказках башкирского народа.

Конь в башкирских богатырских сказках – мудрый советчик, он предвещает судьбу героя, предупреждает об опасности, разделяет с ним трудности пути. Поэтому классик российской филологи-

ческой науки В.Я.Пропп определил коня как универсального, единственного, самого активного помощника героя [Пропп, 1969, 45–46].

Назначение коня в судьбе героя сказки подчеркивается уже в эпизоде о том, как батыр получил его: на пастбище у ручья [БНТ, 1988, 45–51]; в подводном царстве или подземном царствах [БНТ, 1988, 159–170; 178–180]; отнимает у побежденного дэва [БНТ, 1988, 78–81; 252–268]; выслуживает чудесного коня у ведьмы-колдуньи [БНТ, 1988, 389–403], выпрашивает у дяди-табунщика [БНТ, 1988, 52–58; 46]; покупает на базаре [БНТ, 1988, 234–236]. Но чаще батыр по совету отца или матери выбирает коня традиционным способом – позвениванием уздечкой: *«Алтындуға батыр, мал араһына барып, йүгәнен шалтыратып, ҡороғон ҡалтыратҡайны, уға насар ғына бер буҙ тай әйләнеп ҡараны, ти. Ә башҡаларының йомошонда ла булманы, ти» («Пошел Алтындуга к лошадям, уздечкой позвенел, арканом покрутил. Обернулся на него плохонький серый стригунок-двухлеток. А другим лошадям до него будто и дела нет»* [БНТ, 1988, 219–220]);

«Алтамыша иң элек сбруй келәтенә кереп, иң яҡшы йүгән менән ҡамсы ала. Унан аранға керә. Аттар юшап тора икән. Йүгән шылтыратҡанға ҡайһы ат ҡараһа, шул ат уныҡы була икән. Йүгәнде шылтырата был. Бер наса-а-ар ғына ҡорсаңғы ат ҡарай» [Йәшәгән, ти, батырҙар, 1990, 31] *(«Алпамыша сначала направился в амбар и взял там самую лучшую уздечку и плетку. Потом пошел в конюшню. Лошади дремали. Позвенел уздечкой: какой конь оглянется, того он и должен оседлать. На него оглянулся плохонький коростливый жеребенок»* [БНТ, 1988, 52]). Таким же способом выбирает коня и эпический герой [Хусаинова, 2003, 106–112]. Но стоит только поймать и оседлать коня, тогда тот сразу же превращается в тулпара и начинает служить герою, как полагается богатырскому коню [БНТ, 1988, 120–126; 144–146]. У такого коня-тулпара, подобно птице, имеются крылья. Образ крылатого коня подробно рассмотрен в работе В.Я.Проппа. По его мнению, между птицами и конем обнаруживается связь: конь перенял на себя атрибуты (крылья) и функции птицы. По этому поводу он писал: «Мы опять видим, что новая форма хозяйства не сразу создает эквивалентные от формы мышления. Есть период, когда эти новые формы вступают в конфликт со старым мышлением”.

Новая форма хозяйствования вводит и новые образы, эти новые образы создают новую религию – но не сразу. Происходит в языке наименование коня птицей, т.е. перенос старого слова на новый образ. То же происходит в фольклоре: конь облекается в птичий образ. Так создается образ крылатого коня [Пропп, 1986, 170]. По представлениям башкир, крылья коня-тулпара никто не должен видеть: он их расправляет лишь в темноте. Перед тем как взлететь, тулпар советует герою закрыть глаза. Если батыр увидит крылья тулпара, конь погибает. Поэтому суеверные башкиры, подходя ночью к табуну, давали знать о своем приближении, чтобы тулпар успел спрятать крылья. Они верили, что сами лошади в косяке предупреждают мифического коня об опастности.

Для башкирской богатырской сказки также характерно рождение коня одновременно с батыром [БНТ, 1988, 116]. Например:

«Бик бала теләгәс, яҙмыш быларға бер ир бала бүләк иткән. Шул уҡ көндө теге алты ҡолас ала бейәләләре лә ҡолонлаған» [Йәшәгән, ти, батырҙар, 1990, 387] *(«А так как они очень хотели иметь ребенка, подарила все-таки им судьба одного сына. В тот же день ожеребилась и их пегая кобыла в шесть обхватов…»* [БНТ, 1988, 314]);

«…Алтын балыҡты алып ҡайта ла башын алты йәшәр бейәһенә, кәүҙәһен етмеш йәштәрҙәге ҡарсығына ашата, ҡойроғон этенә ташлай. Әбей шунда уҡ гоманлы була, бейә ҡолонға, эт көсөккә ҡала. Күп тә үтмәй, әбей ике ир бала, бейә ике ҡолон, эт көсөк килтерә» [Йәшәгән, ти, батырҙар, 1990, 97–98] *(«… Принес домой золотую рыбку, голову ее отдал шестилетней кобыле, туловище – семидесятилетней старухе, хвост бросил собаке. Старуха сразу же забеременела, кобыла стала жеребой, собака тоже понесла. Прошло некоторое время, и старуха родила двух сыновей, кобыла ожеребилась двумя жеребятами, собака ощенилась двумя щенками»* [БНТ, 1988, 106]). Это свидетельствует о изначальном единстве батыра и его коня.

Более подробно остановимся на сюжете «Конек-Горбунок» (в указателе А.Томпсона №531. Вкратце содержание рассматриваемого сюжетного типа следующее: «конь помогает герою на службе у царя: герой добывает царевну, выполняет ее свадебные поручения; купается в кипятке и становится красавцем; царь пытается сделать то же, но погибает; герой получает руку царевны» [Андреев, 1929]. Указанный 2 сюжет в репертуаре башкирской народной богатырской сказки представлен двумя текстами: «Золотое перо» и «Йкмекбай», а отдельные варианты хранятся в научном архиве БашГУ («Морской конь», «Бабсак»).

Сказки данного типа, известные в разных частях света, по мнению исследователей, сформировались в Европе. Старейшие их версии запечатлены в сборниках сказок итальянских писателей XVI–XVII веков – Страпополе и Базиле. Но отдельные мотивы «Конька-Горбунка» встречаются в древних памятниках письменности народов Востока – ассиро-вавилонской, индийской, китайской [Румынские сказки, 1960].

В волшебной сказке богатырский конь играет эпизодическую роль, появляясь по зову лишь тогда, когда герою нужно отправиться куда-либо, например, на войну, состязание женихов царевны и т.д. В богатырской – конь часто от начала до конца действует заодно с героем, деля с ним радости и трудности, в отдельных случаях вступает в схватку и проявляет необыкновенную мощь в решающих эпизодах героического сюжета. Например, в сказке «Золотое перо» ярко изображен поединок коней и его противника: *«…Эй алыша башланылар, ти, былар ҡабат, бөтә ер һелкенә, тау-таш һелкенә, ти, хатта! Эй тешләшәләр, эй тибешәләр, тибешкән саҡта, йә береһе ҡолап китә, йә икенсеһе ҡолап китә лә, тегеһе өҫтөнә килеп баҫа, ти. Шулай бик озаҡ һуғыша торғас, бына бер заман егеттең*

айғыры бик яман тибеп ебәргәйне, һыуҙың һылыу айғыры тәкмәслән китте, өҫтөнә егеттең айғыры килеп тә баҫты, әсе иттереп кешнәп тә ебәрҙе, ти» [Йәшәгән, ти, батырҙар, 1990, 407] *(«…Эх и начали же они драться! Вся земля дрожит, скалы трясутся, камни вниз осыпаются. Эх, кусаются! Эх, лягаются! И как кто-нибудь лягнет, другой падает на землю, а первый подминает его копытами… И вот жеребец егета лягнул так сильно, что морской жеребец рухнул на землю. А тот немедля подмял его копытами и пронзительно заржал»* [БНТ, 1988, 331]). Этот мотив поединка коней встречается в двух сказках «Золотое перо» и «Морской конь» и представляет собой очень архаичный мотив.

В изучаемой сказке также раскрываются и другие специфические особенности коня. Благодаря его советам герой ловит выходящую из воды красавицу, а затем и ее чудесных коней. Например, в сказке «Морской конь» герою дает совет: «*А ты – настоящий батыр. Видно, любое дело будет тебе по плечу. Камень сдавишь – масло выжмешь. Сухое дерево пересадишь – зазеленеет. В бесплодную почву зерна бросишь – хлеб вырастет. Пусть же удача тебе сопутствует. Это путешествие не будет последним, и дам я тебе совет: никогда не отчаивайся, гони прочь тревогу, она обессиливает душу; в пути вперед смотри, назад не оглядывайся: впереди – свет, позади – тьма. Хитрость одолевай находчивостью, коварство – смекалкой. Тогда нечистой силе тебя не одолеть»* [БНТ, 1988, 315], а в сказке «Золотое перо» конь предупреждает хозяина, что *«… Эй, егет, теймә ул ҡауырһынға, алма уны. Алһаң, күп яфа сигерһең!»* [Йәшәгән, ти, батырҙар, 1990, 391] «*…нельзя трогать золотое перо, если возьмешь, то много горя хлебнешь!»* [БНТ, 1988, 332], а позже горько упрекает за невнимание к его словам. Перед третьем испытанием, конь просит своего хозяина, чтобы он убедил царя разрешить ему стоять рядом, когда батыр будет прыгать в кипящую молоко и воду: *«… бер ҙур ҡазанда һөт, икенсеһендә уртылып һыу ҡайнап ултыра, егеттең хатта йөрәктәре жыу итеп китте, ти. Һөтлө ҡазан эргәһенә килгәс, егет атының башын һыйпап, күҙенә ҡарап торған да, айғыры, хуш тигән һымаҡ, шул хәтле бышҡырып ебәргәйне, егет ни булғанын хатта һиҙмәй ҙә ҡалды: шунда уҡ сумып та китте, ырғып килеп тә сыҡты, ти. Бөтә халыҡ таң ҡалды, баҫшаның күҙе аҡайҙы, ти»* [Йәшәгән, ти, батырҙар, 1990, 409] *(«… Подошел егет к казанам, в одном из них клокочет молоко, в другом кипит вода, и так жутко стало егету, даже сердце заныло. Подойдя к казану с кипящим молоком, он погладил коня и стал смотреть ему в глаза. А тот, как бы прощаясь, фыркнул с такой силой, что он опомниться не успел, тут же нырнул в кипящее молоко и тут же вынурнул обратно. Весь народ замер в удивлении…»* [БНТ, 1988, 318]). А потом то же самое повторилось с кипящей водой. Егет, т.е. батыр, выходит из кипящего молока и воды, не только живым и здоровым, но еще более красивым и помолодевшим. Видя все это, царь тоже повторяет, но он сваривается. А егет впоследствии становится царем.

Таким образом, образ коня нашел отражение не только в поверьях, верованиях, но и в богатырских сказках башкирского народа. Сказочный конь как верный помошник героя наделен чудесными чертами и высокой активностью, самоотверженно защищает своего друга, т.е. богатыря, и обеспечивает ему счастливую судьбу. Эти особенности отличают богатырскую сказку от волшебной, сближают ее с героическим эпосом.

Литература

Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

БНТ – Башкирское народное творчество. Т.3: Богатырские сказки / Сост. Н.Т.Зарипов; Вступ. ст., коммент. Л.Г.Барага и Н.Т.Зарипова. Уфа 1988. 448 с.

Валиханов Ч. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958. С. 163.

Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 726 с.

Зарипов Н.Т. Башкирские богатырские сказки (эстетика жанра). Уфа: Гилем, 2008. 240 с.

Илимбетова А.Ф., Илимбетов Ф.Ф. Культ животных у башкир: история и современность. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. 306 с.

Йәшәгән, ти, батырҙар…Башҡорт халыҡ әкиәттәре. Өфө, 1990. 536 б.

Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. Ч. 2. СПб., 1802. С.57-58.

Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984. 310 с.

Мингажетдинов М.Х. Мотив чудесного рождения героя в башкирских богатырских сказках // Эпические жанры устного народного творчества. Уфа, 1969.

Нәҙершина Ф.А. Халыҡ хәтере (башҡорт халыҡ риүәйәт, легендаларының тарихи ерлеге, жанр үҙенсәлектәре). Тулыландырылған икенсе баҫма. Өфө: Ғилем, 2006. 320 б.

Пропп В.Я. Морфология сказки. 2-изд. М., 1969. 170 с.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Издательство ленинградского университета", 1986. 365 с.

Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Под ред. И.Ю.Крачковского. М.-Л., 1939, с. 66-67.

Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.-Л., 1955. С. 316.

Румынские сказки. М., 1960. 480 с.

Сагитов М.М. Культ животных в башкирском фольклоре //Исследования по исторической этнографии Башкирии: Сборник научных трудов. Уфа: БФАН СССР, 1984. С. 74-80.

Хусаинова Г.Р. Мифологические мотивы в башкирских народных волшебных сказках // Керуен, 2006. № 2.

© Зинурова Р. Р., 2022

УДК *81-25*

Ибрагимова З. Ю., Узбекистан, г. Нукус
Каракалпакский государственный университет, к.ф.н.

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТЕРМИНОВ УЗБЕКСКИХ ГОВОРОВ КАРАКАЛПАКСТАНА

В данной статьи рассматриваются диалектные вариативности сельскохозяйственных терминов узбекских говоров Каракалпакстана. Отмечается, что профессиональная сельскохозяйственная лексика узбекских говоров региона интенсивно обогащается в связи с коренными изменениями в сельском хозяйстве, внедрением достижений науки и техники. Исследование сельскохозяйственной лексики дает богатый материал для освещения истории узбекского языка, культурного, этнографического образа жизни, быта, истории народа.

Ключевые слова: *вариативность, говор, диалект, литературный язык, сельскохозяйственная лексика, диалектные слова.*

Ibragimova Z. Yu., Uzbekistan, Nukus
Karakalpak State University, Candidate of Philological Sciences

DIALECT VOCABULARY OF AGRICULTURAL TERMS OF THE UZBEK DIRECTS OF KARAKALPAKSTAN

This article discusses the dialectal variability of agricultural terms in the Uzbek dialects of Karakalpakstan. It is noted that the agricultural professional vocabulary of the Uzbek dialects of the region is intensively enriched in connection with fundamental changes in agriculture, the introduction of scientific and technological achievements. The study of agricultural vocabulary provides rich material for highlighting the history of the Uzbek language, cultural, ethnographic lifestyle, way of life, and the history of the Uzbek people.

Keywords: *variability, patois, dialect, literary language, agricultural vocabulary, dialect words.*

К явлению вариативности ученые-языковеды подходят с различных точек зрения: а) литературно-художественного языка и стилистики; б) научной терминологии; в) народной терминологии. По нашему мнению, можно согласиться с учеными, считающими вариативность в народной терминологии естественным явлением. В диалектах (говорах) вариативность слов употребляется активнее сравнительно с литературным языком. С этой точки зрения, сельскохозяйственную лексику узбекских говоров Каракалпакстана можно классифицировать следующим образом: а) профессиональные диалектальные слова, имеющие место в литературном языке; б) диалектальные слова, имеющие альтернативу в литературном языке и диалектах. Вторая группа состоит из диалектальных слов ограниченного употребления, означающих сельскохозяйственные приспособления, виды растений и другие. В говорах других территорий слова, сходные (параллельные) с данными словами, не встречаются. К примеру, рыбакам Арала, животноводам, живущим в Кызылкумах, понятны слова как *арпа* – рожь, *буғдой* – пшеница, *қовун* – дыня, *тарвуз* – арбуз, *жўхори* – кукуруза, *помидор* – помидоры, *белкурак* – лопата, *кетмон* – кетмень (мотыга), *ўроқ* – серп, *уруғлик* – семена, *бодринг* – огурец, *ер ағдармоқ* – вспахать землю, *уруғлик сочмоқ* – сеять семена. Однако значения слов *ахыр, мардан, бардан, тәләк, тықын, чел; қарық:джойа; чызық; джойәк* [Ибрагимова, 2013, 123] обычно непонятны. Эти слова могут знать лишь дехкане. Есть и обратная сторона данного явления: рыбаки и животноводы имеют свою узкодиалектальную лексику, не всегда понятную дехканам. Профессиональные слова, не имеющие эквивалента в литературном языке, означающие сельскохозяйственные орудия и другие предметы, присущие одному лишь вилояту или территории, имеют хорошую возможность укрепиться в литературном языке. Такие слова («передовые» профессионализмы) являются неисчерпаемым источником литературного языка. Регрессивные диалектальные, т.е. имеющие свой эквивалент в литературном языке слова не выходят за рамки того или иного говора.

В настоящее время сельскохозяйственная профессиональная лексика узбекских говоров Каракалпакстана интенсивно обогащается в связи с коренными изменениями в сельском хозяйстве, внедрением достижений науки и техники. По словам Г.Мусабаева, профессиональная лексика включает в себя историзмы или слова, входящие в группу исторических [Мусабаев, 1959,78]. Однако трудно согласиться с данным мнением, не принимающим во внимание все большую специализацию профессии в связи с общественным развитием. Дифференциация профессий сохраняется даже при их научной организации и способствует появлению в лексике профессий бытовых лексических особенностей и фразеологических сочетаний. А. Аннануров справедливо обращает внимание на сравнительную перспективу профессиональной лексики [Аннануров, 1972, 61]. Сельскохозяйственная профессиональная лексика тесно связана с научной терминологией и служит готовым материалом для новых наименований-терминов. Поэтому данная сфера является важным источником в разработке научных терминов.

Терминологии свойственна интернационализация слов-терминов, и это отличает ее от сравнительно стабильной в данном отношении профессиональной лексики. Рассматривая сельскохозяйственную лексику в сравнении с общенародной лексикой, нельзя отрицать стабильность значений и глубокую и очевидную связь профессиональных слов и их временных «заместителей» с общенародными «бытовыми» словами и значениями. В таких условиях трудно говорить о том, что земледельческая лексика в прошлом имела особую систему. Здесь уместно говорить лишь о появлении единицы, относящейся к терминам.

Основную часть сельскохозяйственной лексики узбекского языка составляют общелитературные слова тюркского происхождения. С точки зрения тематики, она включает очень широкий общелитературный слой, связанный с обществом, человеком, природой, животным и растительным миром. Это слова, употребляемые и в качестве терминов (*ер* – земля, *сув* – вода, *дарё* – река, *ўзан/ирмоқ* – приток, *ўт* – трава, *дарахт* – дерево, *ўсимлик* – растение и др.), одновременно относятся как к общелитературной, так и узкоспециализированной лексике. Они идентичны с точки зрения сущности и значений в данных различных областях. Различаются они по семантическому и информационному объему, типу значения. А.А.Потебня применительно к данному случаю различает ближайшее и последующее значения слова. Если рассматривать данные слова в качестве общеупотребительных, им присуще ближайшее значение; если же рассматривать их в качестве наименований понятий, присущих конкретным, точным наукам, им присуще последующее значение [Потебня, 1905, 24]. К примеру, *тозан* – «пыль», *тозан* – «пыльца цветка»; *туйнак* – «рукоятка»; *туйнак* – «урожай земледелия».

Терминам ближе всего узкоспециализированная лексика. К примеру, названия сортов дыни, арбуза, кукурузы: *бегзада, бабашых, дуйәдиш, бөрикәллә, ширинпечәк, джийдә джапрак, хытайы*, замское «ҳандалак», *тәрнәк* и др. Первая группа слов понятна всем говорящим на узбекских говорах на территории Узбекистана, слова второй же группы известны лишь специалистам узкого круга. Профессиональные слова обычно являются дублетами научных и технических терминов, никогда не образуют закрытые системы, т.е. они состоят из разрозненных, взаимно не сочетаемых единиц. Профессиональным словам характерна частичная экспрессия, образность [Сарибаев, 1976, 82]. Земледельческая лексика говоров богата в сравнении с литературным языком во всех сферах своеобразной производственной деятельности дехканина.

По отношению к литературному языку профессиональные слова можно разбить на две группы. К первой группе относятся слова, употребляемые в литературном языке. Они входят в состав литературного языка на примере одного из самых богатых и широко распространенных слоев лексического состава узбекского языка, понятны всему узбекскому народу.

Вторую группу составляют земледельческие термины, не встречающиеся в литературном языке, известные далеко не всем узбекам. К примеру, в литературном узбекском языке имеется около десяти наименований сортов дыни, а в говорах их насчитывается около шестидесяти: *азғин, аққаш бийшәк, аләккә бабашых, бегзада, бишәк, хыйва, ақ нават, гурбәк, муррик, нанығеш, бөрикәллә* [Ибрагимова, 2013, 123] и др.

Пути проникновения профессиональной лексики в литературный язык также разнообразны. Обычно профессионализмы в течение определенного периода находятся в употреблении специалистов узкого круга – представителей профессии, где возникло данное слово, служат потребностям общения в процессе данного производства. Со временем профессионализмы становятся известны большинству и с присущими им значениями становятся общеупотребительными.

Если возникает новое, не зарегистрированное в литературном языке значение слова, оно становится полисемантичным. К примеру, слово *айақ*, помимо изначального значения «нога», имеет значение «след» (круг в хирмане, по которому ходит осел или вол, и оставляет следы); *кисә* – карман, также имеет значение большого куска дыни или арбуза, очищенного от кожуры. В большинстве случаев такие профессионализмы не проявляются в литературном языке. «Распространение терминов часто связано с приданием отрасли народного хозяйства огромного, общенародного значения» [Лексика русского языка, 1968, 140]. Отдельные лексемы полностью осваиваются литературой нормой, начинают активно употребляться наряду с другими лексическими единицами литературного языка. Они могут терять свое изначальное значение или расширять свое значение, тем самым отдаляясь от профессиональной лексики. Это происходит в результате практического применения людьми того или иного предмета, распространения определенных понятий. Метафорически переименовавшись, бывший термин начинает применяться по-новому, теряет связь с профессиональной лексикой. Истинная терминированность профессионализмов связана с интенсивностью развития соответствующей отрасли. К примеру, в Каракалпакстане, в связи с процветанием сельскохозяйственных работ, возникли новые термины в области ботаники, агрономии, землеведения.

Таким образом, исследование сельскохозяйственной лексики, несомненно, привнесет богатый материал для освещения истории узбекского языка, культурного, этнографического образа жизни, быта, истории узбекского народа, прояснения этимологии отдельных слов.

Литература

Аннануров А.А. Развитие туркменского языка за советский период. Ашхабад, 1972. 61 с.
Ибрагимова З. Ю. Сельскохозяйственные термины узбекских говоров Каракалпакстана. Ташкент, 2013. 123 с.
Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М., 2009. Из. 4. 305 с.
Мусабаев Г. Г. Современный казахский язык. Т. 1. Лексика. Алма-Ата, 1959. 140 с.
Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Харьков, 1905. 625 с.
Сарыбаев В. Ш. Казахская региональная лексикография. Алма-Ата, 1976. 82 с.

© Ибрагимова З. Ю., 2022

УДК *811.511.151*

Ипакова М. Т., Россия, г. Йошкар-Ола
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, в.н.с.

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ МАРИЙСКИХ ТЕМПОРАЛЬНЫХ НАРЕЧИЙ

Статья посвящена исследованию наречий времени в марийском языке. В настоящее время анализ указанных наречий является актуальным, что объясняется прежде всего недостаточной изученностью этой группы наречий в современном марийском языке. Нами выделены и описаны наречия, указывающие на определенное и неопределенное время; длительность, продолжительность и непрерывность действия; начало действия с определенного периода; время действия до определенного периода; отрезок времени; последовательность или очерёдность действия; соотнесенность времени действия с настоящим моментом; однократность и неоднократность действий с указанием на единичность либо повторяемость.

Ключевые слова: *темпоральные наречия, марийский язык, грамматика, односложные наречия, временные отношения.*

Ipakova M. T., Russia, Yoshkar-Ola
Mari Research Institute of Language, Literature and History, Senior Researcher

NEW IN THE STUDY OF MARI TEMPORAL ADVERBS

The article is devoted to the study of adverbs of time in the Mari language. Currently, the appeal to the analysis of these adverbs is relevant, which is explained, first of all, by the insufficient knowledge of this group of adverbs in the modern Mari language. We have identified and described adverbs indicating a definite and indefinite time; duration, duration and continuity of action; beginning of action from a certain period; duration of action up to a certain period; length of time; sequence or sequence of action; correlation of time of action with the present moment; singleness and repetition of actions with an indication of singleness or repeatability.

Keywords: *temporal adverbs, Mari language, grammar, monosyllabic adverbs, temporal relations.*

В настоящее время анализ темпоральных наречий является актуальным, что объясняется прежде всего недостаточной изученностью этой группы наречий в современном марийском языке. Еще в 2010 году в отделе языка Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева (МарНИИЯЛИ) было принято решение начать работу над грамматикой марийского языка, были утверждены следующие темы: служебные слова (частицы, союзы), наречия в марийском языке. Объектом данного исследования стали наречия времени.

В современном марийском языке наречия времени относятся к обстоятельственным наречиям [Современный, 1964, 274; Учаев, 1985, 114]. Они подразделяются на 2 группы: наречия определенного и неопределенного времени. На данный момент нами проанализированы односложные наречия в марийском языке, указывающие на те или иные временные отношения.

Наречия времени в современном марийском языке по значению нами распределены на следующие группы:

1) наречия, указывающие **на определенное время**: а) суточное время (*эрден*(*е*), Г. *ирок* ‘утром, в утреннее время’; диал. *эргодым* ‘утром, наутро’; *эрйӱдым* ‘на рассвете’, *кечывалым*, Г. *кечывалын* ‘днем’, *эр-кастене*, *эрден*(*е*)-*кастен*(*е*) ‘утром и вечером’, *кастен*(*е*) ‘вечером’; *йӱдым*, Г. *йыдым* ‘ночью’; *пелйӱдым* ‘в полночь’ и др.); б) дни недели (*шочмын* ‘в понедельник’, *кушкыжмын* ‘во вторник’, *вӱргечын* ‘в среду’, *изарнян* ‘в четверг’, *кугарнян* ‘в пятницу’, *шуматкечын* ‘в субботу’, *рушарнян* ‘в воскресенье’); в) времена года (*шошым* ‘весной’, *кеҥежым*, Г. *кӓнгӹжӹм* ‘летом’, *шыжым*, Г. *шӹжӹм* ‘осенью’, *телым*, Г. *телӹм* ‘зимой’; г) последовательность дней (*таче* ‘сегодня; ныне; в данный момент’, *теҥгече* ‘вчера’, *эрла*, Г. *иргодым* ‘завтра’, *эрлалан*, *эрлашын*, *эрлашым*, *эрлашыжым* ‘на другой (на следующий, второй) день’, *кумышто* ‘послезавтра’, *ончыгече* ‘позавчера’ и др.;

2) наречия, указывающие **на длительность, продолжительность и непрерывность действия**: *кечын*, Г. *кечӹнь* ‘каждый день, ежедневно, повседневно’, *кечын-йӱдын* ‘днём, и ночью’, *кечын-кечын* ‘с каждым днём, изо дня в день’, *кечыгут*, Г. *кечыгыт* ‘весь день, целый день’, *йӱдвошт*, Г. *йыдвашт* ‘всю ночь; в течение всей ночи’, *йӱдвошт-кечыгут* ‘всю ночь и весь день’, *йӱд-кече*, Г. *йыд-кечӹ, йӱдат-кечат, йӱдшӧ-кечыже*, Г. *йыдшы-кечӹжӹ* ‘день и ночь, постоянно, круглые сутки’, *эркастене*, *эрже-касше, эрат-касат,* диал. *эрын-водын* ‘утром и вечером, по утрам и вечерам, постоянно, всегда, беспрерывно’, *кеҥежше-телыже*, *кеҥежет-телет* ‘зимой и летом’, *шыжет-шошет* ‘осенью и весной’, *ийын*, Г. *ин* ‘ежегодно, каждый год’, *ийын-ийын* ‘с каждым годом, каждый год, год от года’, *эре* ‘все время’, *эрелан* ‘навсегда, насовсем; на всё время, на всю жизнь’, *курымлан*, *курымеш*, *курымешлан*, *курым-курымеш*, *курым-курымешлан*, *курым-курымлан* ‘вечно, вовеки, вовеки веков, в веках; навечно, навек, навсегда’, *кужун* Г. *кӱжын*, В. *кужаш* ‘долго, длительно, в течение продолжительного времени’ и др.;

3) наречия, указывающие **на начало действия с определенного периода**. К этой группе наречий относятся слова, имеющие значение указания на время по отношению к какому-либо определенному периоду как исходной точке отсчета: а) суточное время, ср.: *эрсек* ‘с утра’, *водынек*, Г. *вадынек, вадышен* ‘с вечера’, *воднысек* ‘со вчерашнего вечера, с прошлого вечера’, *кассек* ‘с вечера’, *кечывалымсек* ‘с обеда’; б) времена года, ср.: *кеҥежымсек* (*кеҥежсек*) ‘с лета’, *шыжымсек* ‘с осени’, *телымсек* ‘с зимы’, *шошымсек* ‘с весны’; в) возрастной период, ср.: *изинек* ‘с детства, с малолетства, с малых лет’, *рвезынек,* Г. *ӹрвезӹнек*, *самырыкнек* ‘смолоду, в молодые годы’; г) соотнесенность времени действия с моментом речи, ср.: *шаҥгысек* ‘давно: с давних пор до настоящего момента’, *тока-*

сек ‘давно: с некоторого времени’, *икечсек* ‘с прошлого раза, с того времени, с давних пор’, *ӱмашсек*, Г. *имешшен*, диал. *имашсек* ‘с прошлого года’, *ончылийсек* ‘с позапрошлого года’, *ожнысек*, *ожсек* ‘издавна, испокон веку’ и др.;

4) наречия, указывающие **на время действия до определенного периода**, например: *тымарсек, тымарте, тымартен, тынарышкен, диал.: тынарышкеве, немарсе, немерке* ‘до сих пор, до этого (настоящего) времени’; *тумарте, тушкен,* Г. *тӹшкевек, тишкевек* ‘до тех пор, до того времени, к тому времени’, *алят*, диал.: *анят*, *ӓмӓнат* ‘всё ещё, до сих пор’, *кызытат*, *тачат* ‘до сих пор’, *але*, *эше, эшеат*, Г. *эче*, *эчеӓт* ‘ещё; до сих пор, до того времени, пока, пока что’ и др.;

5) наречия, указывающие **на какой-то отрезок времени**, например: *кечеш* ‘за день, в день, на день’, *жаплан* Г. *жепеш* ‘на время, на какой-то срок’, *икмыняр*, *иктапыр* (*иктапырлан*), *икмагал*, Г. *икмӓгал*, диал. *икаса*, *икаша*, *иккашак*, *икмочол* ‘немного, недолго, некоторое время, одно время’, *изишлан* Г: *изишеш* ‘ненадолго, на короткое время’, *пыртлан* ‘ненадолго, на мгновение, на миг, на минуту, на минутку’, *токанеш разг.* ‘ненадолго; на некоторое время, на ограниченное время’, *йӱдлан* ‘на ночь’, *тачылан*, *тачеш* Г. *тагачеш* ‘на сегодня, на сегодняшний день, в течение сегодняшнего дня’, *арняшкен* ‘в течение недели (употребляется обычно с числительными)’, *идалыкышкен* ‘в течение года’ и др.;

6) наречия, указывающие **на последовательность или очерёдность действия**, например: *вара* ‘потом, затем, после, впоследствии, когда-нибудь’, *тетла* ‘далее, впредь, в дальнейшем; после этого, с этого момента и далее’, *умбакыже* ‘дальше; затем, после, впредь, в дальнейшем (о времени)’, *ончыкыжо*, *ончыкыжым* ‘впредь, в будущем’;

7) наречия, указывающие **на соотнесенность времени действия с настоящим моментом**, например: *кызыт*, Г. *кӹзыт* ‘сейчас, теперь, в настоящее время’, *разг. чӧчас*, Г. *цецаш* ‘сейчас’, *диал. кӓзыр*(*ӓк*) ‘сейчас’, *ынде*, Г. *ӹнде* ‘теперь, в настоящее время, ныне, сейчас’, *тыгодым* ‘в это время, в этот момент; сейчас, в настоящее время, нынче’; *шаҥге* ‘недавно; некоторое время тому назад; незадолго перед этим’, *шаҥгак* ‘давно; уже некоторое время назад, задолго до настоящего момента’ *шукерте*, *шукертак*, *токанак*, *икечак*, Г. *икечок* ‘давно, давным-давно, много времени тому назад’, *шукерте огыл* ‘недавно’, *тока*, *токан, токанак* ‘недавно, в прошлый раз, несколько времени (дней, недель) назад’, Г. *токо* разг. ‘недавно, давеча; незадолго; за несколько дней, за довольно ограниченное время до момента разговора’, *икече* ‘в прошлый раз, прошлый раз, предшествующий настоящему; не очень давно, недавно’, *вашке* ‘скоро, в скором времени’; *вот-вот* ‘вот-вот, в самом скором времени, сейчас’, *ӱмаште*, диал. *имаште* ‘в прошлом году’, *ончылий* ‘в позапрошлом году’, *тунамак* ‘в то же время’ и др.;

8) наречия, указывающие **на однократность/неоднократность действий с указанием на единичность либо повторяемость**, например: *икана,* Г. *икӓнӓ*, *диал. пӧрык* ‘как-то раз’, *коклан*, *кашын*, *кунамже*, Г. *кынамжы*, *южгунам*, *южгунамже*, диал. *южгодым* ‘иногда, иной раз; время от времени, в некоторых случаях’, *коклан-коклан*, *кашын-кашын*, *ашын-ашын*; *жапын-жапын*; *пагытын-пагытын* ‘время от времени, временами, изредка, иногда’, и др.;

9) наречия, указывающие **на неопределенное время**: *керек-кунам*, Г. *керек-кынам*; *кеч-кунам*, Г. *хоть-кынам* ‘когда угодно, в любое время’*, иктаж-кунам, кунам-гынат* Г. *кынам-гынят* ‘когда-либо, когда-нибудь, когда-то, неизвестно когда’*, ала-кунам* ‘когда-то, неизвестно когда’, *ала-могудеште* ‘в какое-то время’, *ала-кунам* ‘когда-то, неизвестно когда’, *ала-кунамак* ‘уже давно, задолго до настоящего времени’, *ала-могудеште* ‘в какое-то время; на протяжении какого-то времени’, *таче-эрла* ‘не сегодня-завтра, в ближайшие дни, очень скоро, на днях’, *эрла-кумышто*, *эрла-весэрла* ‘завтра-послезавтра; завтра или послезавтра; на днях, в ближайшее время’ и др

Итак, в марийском языке нами выделены наречия, указывающие на определенное и неопределенное время; длительность, продолжительность и непрерывность действия; начало действия с определенного периода; время действия до определенного периода; отрезок времени; последовательность или очерёдность действия; соотнесенность времени действия с настоящим моментом; однократность и неоднократность действий с указанием на единичность либо повторяемость. При семантической квалификации наречий времени нами учтены их следующие семантические признаки: 1) отношение к моменту речи, т.е. указание на прошлое, настоящее и будущее; 2) длительность и продолжительность номинируемого события или явления; 3) последовательность и очередность действия; 4) кратность действия.

Литература

Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. 324 с.
Учаев З. В. Марий йылме. II ужаш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 184 с.

© Ипакова М. Т., 2022

УДК *81’44*

Исаева Н. Ш., Азербайджан, г. Баку
Азербайджанский технический университет,
доктор философии по фил. наукам, доцент

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА РУССКОЙ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Исследование того или иного объекта предполагает определение теоретических предпосылок исследования. Под теоретическими предпосылками понимаются предварительные условия исследования, теоретическая платформа или исходные теоретические данные. В широком смысле теоретические предпосылки должны охватывать также теоретический аппарат и основные понятия языка исследования, описания методов и логику их применения исследования. В рамках данной статьи рассматриваются теоретические предпосылки сопоставительного анализа русской и азербайджанской фразеологии. Методом исследования выступает сопоставительный анализ языковых материалов.

Ключевые слова: *русский язык, азербайджанский язык, фразеология, теоретические предпосылки, сопоставительный анализ.*

Isayeva N. Sh., Azerbaijan, Baku
Azerbaijan Technical University, Ph.D. in Philology, Ass.Prof.

THEORETICAL PREREQUISITES FOR A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND AZERBAIJANI PHRASEOLOGY

The study of a particular object involves the definition of the theoretical prerequisites for the study. Theoretical prerequisites are understood as the preconditions of the study, the theoretical platform or the initial theoretical data. In a broad sense, the theoretical prerequisites should also cover the theoretical apparatus and the basic concepts of the research language, descriptions of methods and the logic of their application of research. Within the framework of this article, the theoretical prerequisites for a comparative analysis of Russian and Azerbaijani phraseology are considered. The research method is a comparative analysis of language materials.

Keywords: *Russian language, Azerbaijani language, phraseology, theoretical background, comparative analysis.*

Говоря о теоретических предпосылках сопоставительного исследование двух языков, следует начать с обоснования актуальности сопоставительных исследований в целом и русско-азербайджанских – в частности. Сопоставляться могут родственные и неродственные языки. Для родственных языков сопоставление способствует также установлению исторической общности. Считается, что при сопоставительном изучении языков нередко обнаруживаются особенности, остающиеся в тени при отдельном изучении вне сравнения сопоставительных исследований и их результатов, обладающие особой актуальностью для теории перевода и методики преподавания иностранных языков.

«Фразеологизмы, как и другие номинативные единицы языка, являются средством отражения и познания объективного мира. Доказательством тому является существование и функционирование огромной сферы номенклатурных и терминологических устойчивых словосочетаний: научных, технических, политических, спортивных и т.д. («черный ящик», «Эдипов комплекс», «синий чулок», «грызть гранит науки», «вечный двигатель», «шестое чувство»), а также в особенности наличием объективной фразеологии» [Ергазина, 2022, 36].

Сопоставительный анализ русского и азербайджанского языков актуален ещё по той причине, что сравниваются восточнославянский и тюркский языки, т.е. языки, имеющие весьма долгую историю взаимовлияния. Исследователи выделяют несколько этапов истории контактов тюркских и восточнославянских языков. Если первые характеризовались влиянием тюркских языков на восточнославянские, то последние характеризовались обратным явлением.

В процессе сопоставительного анализа русского и тюркских языков немаловажно учитывать и выявлять факторы социолингвистического характера. Если говорить о сферах умственной деятельности, что особенно характерно для политологии, философии, идеологии. Калькирование в этих областях говорит об отсутствии языковой эволюции, так как этот процесс был сознательный. Эти кальки сплошь и рядом встречаются в азербайджанской лексике и фразеологии. Фразеологическая система языка носит открытый характер, хотя, с другой стороны, сознательное конструирование бесчисленного количества калек для копирования на азербайджанском языке стандартных текстов создавало ложное заполнение лексико-фразеологических лакун и препятствовало естественному развитию сопоставительных микросистем. «Фразеологические единицы ярко отражают быт, жизнь, традиции и обычаи, национальный менталитет народа» [Гасанова, 2021, 83].

Определение понятий, составляющих научный аппарат исследования по фразеологии, следует начинать с определения понятия фразеологизма. Как известно, существуют различные определения фразеологической единицы, опирающиеся на различный набор дифференциальных признаков, выделяемых разными исследователями. Фразеологические концепции ведущих российских фразеологов обсуждались на протяжении тридцати лет, прошедших после известных статей В. В. Виноградова и отмеченных наиболее интенсивным развитием этой области лингвистических исследований. Нет

необходимости еще раз останавливаться на этом вопросе. На наш взгляд, фразеологизм – сложная единица языка, обладающая фразеологической устойчивостью, связанной с переосмыслением свободного сочетания и утратой первичной денотативной направленности компонентов с воспроизводимостью в речи и коннотативной природой. Фразеологическая единица отличается от других единиц языка по форме, содержанию и функции. Основной функцией фразеологической единицы является функция коннотативная, усиление экспрессии речи, в конечном счёте направленной на точность выражения мысли. Наиболее целесообразным считается именно подобный прагматический подход.

В русском и азербайджанском языках выделяются следующие фразеологические группы: фразеологизмы, обозначающие положительные и отрицательные эмоции, черты характера человека, умственные способности, физические качества и состояния, социальное происхождение, социальное положение, социальную оценку, родственные отношения; фразеологизмы, обозначающие познавательные процессы, проклятия и бранные выражения; единицы, связанные с различными обрядами, этикетом и т.д. В русском языке функционирует значительно большое количество устойчивых выражений коннотативного характера, восходящих к книгам Ветхого и Нового заветов, что находит отражение в лексикографических источниках.

Сопоставительный анализ указанных групп фразеологических единиц ведётся в плане выявления и сравнения эквивалентных единиц, а также частично эквивалентных и неэквивалентных. Обобщение полученных результатов способствует определению во фразеологических системах русского и азербайджанского языков общего и индивидуального. При необходимости к анализу может при привлекаться фразеологический материал других языков, что оказывается необходимым при выявлении фразеологических универсалий.

Применение методов исследования обусловлено основной целью и задачами анализа. В исследовании фразеологических систем двух языков в ономасиологическом аспекте предпочтение отдается методу земного анализа, позволяющего выявлять подлинные эквиваленты и отличать их от мнимых. Разумеется, при необходимости могут привлекаться и другие традиционные методы фразеологических исследований, например, метод окружения, субституции и т.д.

«Сегодня наблюдается очевидный спад в этой области лингвистических исследований. С другой стороны, азербайджанские лингвисты стали интенсивно разрабатывать проблемы паремиологии, как азербайджанской, так и двуязычной… В Баку сегодня формируется паремиологическая школа под руководством И. Г. Гамидова… Смена парадигм в лингвистике на рубеже прошлого и нынешнего столетий не обошла стороной и азербайджанскую фразеологию. Сегодня в центре внимания азербайджанских фразеологов находятся проблемы когнитивной лингвистики» [Салаев, 2010, 194].

В теории языкознания определились некоторые принципы сопоставительного изучения языков. Например, межъязыковое описание должно опираться на внутреннее описание, выявление различий должно проводиться на фоне определённого тождества как основания сопоставления, исследование языков должно вестись на базе единых теоретических установок. Сопоставление носит или односторонний, или двусторонний характер, а анализ ведётся от формы к содержанию или от содержания к форме. Сопоставительный анализ может быть диахроническим или синхроническим – эти принципы сопоставительного изучения языков, как правило, соблюдаются в общем во всех сопоставительных исследованиях.

Литература

Гасанова Э.Э. Восприятие концепта «путешествие» носителями английского и азербайджанского языков // Вестник КГУ им. Н.А.Некрасова. 2021. № 2. С. 83–86.

Ергазина А.А. Фразеологизм как микротекст и выражение культурного кода народа // Проблемы востоковедения. 2022. № 2. С. 34–38.

Салаев Ф.В. Бакинская школа фразеологии. История и современность // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 10. С. 192–195.

© Исаева Н. Ш., 2022

УДК *81.821.161.1*

Исламова Ю. В., Россия, г. Ханты-Мансийск
Югорский государственный университет, доцент

ОЧЕРК И.И. НЕКЛЕПАЕВА «ПОВЕРЬЯ И ОБЫЧАИ СУРГУТСКОГО КРАЯ» КАК ИСТОЧНИК ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Работа посвящена лексикографическому исследованию главы «Домашние духи – суседки» этнографического очерка начала XIX в. "Поверья и обычаи Сургутского края" И. И. Неклепаева. Диалектный лексический материал, содержащийся в ней, сообщает новую информацию о культуре русского старожильческого населения Севера западной Сибири. Язык народных верований отражает мифологические представления людей, соединившие в себе черты языческого и христианского начал. Диалектная лексика, выявленная в источнике, пополнит 3-й выпуск Опыта словаря «Русское слово на земле Югорской».

Ключевые слова: *диалектная лексика, мифологические представления, поверья, русские старожилы, Север Западной Сибири.*

Islamova Yu. V., Russia, Khanty-Mansiysk
Ugra State University, Associate Professor

AN ESSAY BY I.I. NEKLEPAYEV "BELIEFS AND CUSTOMS OF THE SURGUT REGION" AS A SOURCE DIALECT LEXICOGRAPHY

The work is devoted to the lexicographic study of the chapter "House spirits – huskies" of the ethnographic essay of the beginning of the XIX century. The dialect lexical material contained in it provides new information about the culture of the Russian old-timers of the North of Western Siberia. The language of folk beliefs reflects the mythological ideas of people who have combined the features of pagan and Christian principles. The dialect vocabulary identified in the source will replenish the 3rd edition of the dictionary Experience "The Russian word on the land of Yugra".

Keywords: *dialect vocabulary; mythological representations; beliefs, Russian old-timers; Northwest Siberia.*

Ценным источником диалектного лексического материала, расширяющим представления о русских старожильческих говорах Севера Западной Сибири, является работа И. И. Неклепаева «Поверья и обычаи Сургутского края». Автор, уроженец Смоленска, был сослан в Сибирь в середине 80-х гг. XIX в. за распространение революционной нелегальной литературы и организацию кружков. Отбывал наказание сначала в Кондинском, а затем в Сургуте. Заинтересовавшись народной культурой, он создал одно их лучших этнографических описаний русского населения Среднего Приобья (главным образом Сургута и его окрестностей).

Диалектная лексика, выявленная в письменном источнике, послужит материалом для третьего выпуска опыта словаря «Русское слово на земле Югорской» (2014, 2017).

Поверья, отражающие суеверные представления сургутян, сохранили лексику, репрезентующую понятия о сверхъестественном мире и его контактах с человеком. Изучение данной тематической группы позволяет восстановить фрагмент диалектной языковой картины мира русского старожильческого населения.

По представлениям русских жителей города Сургута, нечистая сила населяет все пространство окружающего мира и соседствует с человеком. Многообразие потусторонних существ объясняется так. Сначала были Бог и добрые ангелы. Ангел по имени Сатана захотел занять место Всевышнего. Между ним и Богом разразилась борьба. Прогневавшись, Бог низверг Сатану в ил (болото). С тех пор Сатану стали называть Сатанаилом. Его помощники попадали с неба кто куда. Те, которые упали в лес, стали лешими, угодивший в воду превратился в водяного, упавшие в человеческое жилье сделались домовыми. Сатанаил поселился в иле болотном и оттуда руководил мелкой нечистью – лешими, водяными, домовыми. Так нечистые силы завладели всеми известными сферами, где и пытались вредить людям.

Большинство духов поселилось рядом с человеком: в избах, банях, постройках для скота – скотских загородях (хлевах). Сущностей, которые осели рядом с человеком, называли *суседками*. *Суседки* – существа женского пола. Об этом говорит и их название: люди обращаются к ним «матушка-суседушка», «мать-суседушка», и то, что с ними сравнивают женщин, а не мужчин. По месту «жительства» суседки делятся на три категории: «избна суседка», или «домова суседка», «скотска суседка», «банна суседка». Видимо, сургутяне когда-то верили и в суседку, обитавшую в земле, – «суседку земляну», упоминание о которой сохранилось в сравнении такого типа: «Будь она проклята, так страшна – настояща земляна суседка».

«Избна суседка» – тайная хозяйка в жилой избе. Она руководит не только людьми, живущими в доме, и распорядком в нем, но и домашними животными: курами, телятами и пр., которые временно помещаются в избе. Одних обитателей дома она любит, других – нет. Первым заплетает ночью косы, которые нельзя обстригать, иначе потеряешь расположение избной суседки. Вторых ночами мучит – «трясет до поту». Видели ее немногие, по поверью, встреча с ней – предвестник несчастья.

Избной суседке стремятся всячески угодить, при строительстве нового дома закладывают между бревен дань – кусочки хлеба, монеты, камешки. В переднем углу подполья ставят «кедру» – мо-

лодь кедра вместе с корнями, приговаривая: «Вот тебе, мать-суседушка, теплый дом и мохнатый кедр». Множество других обрядов, проводимых сургутянами, направлены на то, чтобы задобрить суседку, дабы она не причиняла вреда жильцам дома.

«Скотска суседка» живет в помещениях для домашних животных, руководит ими. Одних коров или лошадей любит, и тогда животные сытые, здоровые, других – не любит, и тогда животные болеют, хиреют и умирают. В знак расположения суседка заплетает в гривах косы. Тех лошадей, которых невзлюбила, гоняет «до поту». Чтобы умилостивить её, выполняют различные обряды. Вот один из них: пекут круглый маленький хлебец, посыпают его солью и кладут в загороди под матку, приговаривая: «Матушка-суседушка, вот тебе хлеб да соль – полюби нашу скотинушку».

«Банна суседка» – существо более злое и страшное, чем избная и скотская суседки. В противоположность им она не способна на добрые дела, всегда причиняет зло: может окатить кипятком, запарить до смерти. Сургутяне передавали из уст в уста страшные случаи, когда люди погибали от рук банной суседки. Из страха ее также стремятся задобрить: оставляют воду в шайке и пр. [Поверья, 1997, 20–28].

В «Поверьях» зафиксированы все традиционно выделяемые типы диалектных слов: лексические (собственно-лексические, лексико-фонетические, лексико-словообразовательные), семантические, этнографические, фразеологические.

Собственно-лексическими, имеющими в русском литературном языке синонимы, являются следующие лексемы:

Ажно – даже. «И если она давит «к худу», то на предложенный ей вопрос, она глухо продует в самое ухо три раза холодным, леденящим дыханием («ажно в голову ветер просквозит»): «К худу, к худу, к худу».

Суседка – сверъестственное существо, обитающее рядом с человеком, домовой. «Матушка-суседушка, вот тебе хлеб да соль – полюби нашу скотинушку».

Гнездья – углубления, вырубленные в продольных брёвнах для наложения на них поперечных бревен. «В специальных «гнездьях» делают углубления определенной степени».

Галиться – насмехаться или издеваться. «Нечистая сила будто бы галиться собирается над нами, уж без суседки тут не обошлось».

Отвадиться – привести в чувство. «Когда с попом «отводились», то он рассказал, что, в то время как он сел мыться, из-за печки выскочил этот мохнатый, навалился на него и начал душить, тогда-то он и застонал...».

Замешкаться – задержаться. «Это показалось мужику странным, что жена так долго замешкалась».

Зафиксированы лексико-словообразовательные диалектные слова:

*Окладка – закладка дома. «*При «окладке» (закладке) нового дома, когда положат первые продольные бревна, то в «гнездьях», вырубленных в этих брёвнах для наложения на них поперечных бревен, делают небольшие углубления во всех углах и в них кладут – в каждое углубление – по кусочку хлеба, по маленькому камню и сколько-нибудь денег (кто сколько может: богатые кладут серебряные монеты, бедные – медные).

Обрезать – порезать. «Если же карсучьей шерсти нет в доме, то бросают в курятник ножик, чтобы суседка обрезала себе лапы…».

Кедринка – молодь кедра. «Кедринка» навсегда остается в углу и никогда не выбрасывается».

Караваешки (хлеба) – маленькие караваи. «Сургутяне пекут маленькие кругленькие караваешки хлеба, втыкают их на лучину и засовывают эту лучину за матку под печкой так, чтобы ни кошка, ни куры не могли достать этого хлеба».

Трескоток – частый трещащий звук. «Тогда в бане поднялся страшный «трескоток» и мохнатый (это был банный)».

Грамматические диалектизмы представлены прилагательными и местоимением со стяженными окончаниями, возникшими в результате стяжения: утраты интервокального [j] и последующего слияния гласных:

Избна/домова (суседка) – сверхъестственное существо, домовой женского пола, обитающий в избе.

Скотска (суседка) – сверхъестственное существо, домовой женского пола, обитающий в помещении для скота.

Банна (суседка) – сверхъестственное существо, домовой женского пола, обитающий в бане.

Земляна (суседка) – сверхъестственное существо, домовой женского пола, обитающий в земле.

Всяку – всякую. «После смерти, ходит легенда, к особенно нелюбимым хозяевам приходит мечта суседки и посылает в их сны всяку гадость».

В эту же группу входит диалектное местоимение 3 л ед.ч. в Т.п. *ей* «ею».

Наиболее значительно представлены семантические диалектизмы, имеющие иное, нежели в литературном языке значение:

Мечта (суседки) – призрак. «После смерти, ходит легенда, к особенно нелюбимым хозяевам приходит мечта суседки и посылает в их сны всяку гадость».

Матка – балка, потолочное бревно, основа для крыши. «Сургутяне пекут маленькие круглень-кие караваешки хлеба, втыкают их на лучину и засовывают эту лучину за матку под печкой так, что-бы ни кошка, ни куры не могли достать этого хлеба».

Помело – пучок хвойных веток для обметания пода печи перед посадкой хлеба. «…садят курицу (которую «вертит» суседка) на заслонку и тихонько стегают её помелом (или же просто только трясут помелом над курицей)».

Привязь – тряпичная лента, которой перевязывают хвойные ветки для помела. «Затем от этого помела щиплют «ёлочки» веника и отрезывают лоскуток привязи, которою помело завязано, и все это кладут в ковшик с «жаром» (угольями) и этим дымом подкуривают верченую курицу».

Жар – угли. См. выше.

*Вертит – вселяет панику, заставляет беспокойно вести себя. «*Куры вдруг ни с того ни с сего, большей частью ночью, когда им следовало бы спать, поднимут под печкой возню, начнуть неистово махать крыльями, биться и летать. Это, уж непременно, их «вертит» суседка».

Крикнуть – позвать криком. «Мужик выбежал из бани и крикнул народ, а сам тут же упал без чувств».

Кликать – звать. «Мужик вымылся раньше, вышел в предбанник и через некоторое время кличет свою бабу: «Скоро ли ты там?»

Худой (пар) – плохой, обладающий отрицательными качествами. «Этот третий пар – худой пар, и если пойти одному в этот раз в баню, то может явиться суседка и запарить до смерти».

Этнографические диалектизмы, не имеющие аналогов в литературном языке:

Загородь – загороженное место для содержания скота. «Скотская суседка живет в загородях и является хозяйкой над животными».

Ногавка – тряпичные ленточки, используемые для метки овец. «Ногавки» (так называют сургутяне клочки разной материи, которые привязывают летом к ногам овец, чтобы отличать их в стаде одну от другой)».

Шесток – площадка перед русской печью, куда выгребаются угли. «Обкуривают также верченых кур в первом дыму, когда только что затопится печь, держа их на руках на шестке».

Патанка – нарубленная кусочками замороженная стерлядь, которую едят, макая соль, хрен, перец. «Несмотря на любовь к хлебу, избные суседки не брезгуют и патанкой. Для них это особый деликатес».

Ярка – нитяной мяч, обшитый кожей. «Дети любят ярку и не отдадут, даже если табуны суседок набегут сюды».

*Запарить – паря в бане, довести до изнеможения. «*Голос же, выходивший из бани, оказывается, принадлежал банному духу, который в это время «запаривал» бабу и отвечал за неё мужику».

Низовская (деревня) – расположенная в низовьях реки. «Другой случай был в одной из низовских деревень».

Диалектные фразеологизмы:

Третий пар – третья очередь мытья в бане. «Точно так же банная суседка не любит, если в баню ходят в «третий пар», т.е. в третью смену.

Трясти до поту – мучить, доводить до изнеможения. А кого суседка невзлюбит, тех по ночам она мучит – сонного «трясет до поту».

Таким образом, лексикографическое изучение одного из разделов этнографического источника позволило получить интереснейший материал, который займет свое место в диалектном словаре и будет востребован лингвистами, этнографами, краеведами, обучающимися. Исследование региональной литературы вносит определенный вклад в изучение формирования говоров вторичного образования на территории позднего заселения, к которой относится Север Западной Сибири.

Литература

Обряды, обычаи, поверья: Сборник статей / П. Городцов, М. Костюрина, И. Неклепаев, Н. Осипов, З. Потников, Н. Сколозубов, И. Шамаев. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 400 с.

© Исламова Ю. В., 2022

УДК *811.512.141’28*

Ишкильдина Л. К., Россия, г. Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, с.н.с.

ВОПРОСНИК ПО ФОНЕТИКЕ КАРАИДЕЛЬСКОГО ГОВОРА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ДИАЛЕКТА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье приводятся примеры вопросов из Вопросника по фонетике караидельского говора северо-западного диалекта башкирского языка, составленного для сбора материалов по выявлению особенностей звуковой системы и фонетических явлений современного состояния говора. Вопросник был разработан с опорой на данные предшествующих исследований по караидельскому говору, архивные материалы, диалектологические словари и атлас башкирского языка и т.д.
Ключевые слова: *вопросник, фонетика, караидельский говор, северо-западный диалект.*

Ishkildina L.K., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS, Senior Researcher

QUESTIONNAIRE ON THE PHONETICS OF THE KARAIDELI SUBDIALECT OF THE NORTH-WESTERN DIALECT OF THE BASHKIR LANGUAGE

This article provides examples of questions from the Questionnaire on the phonetics of the Karaidel subdialect of the northwestern dialect of the Bashkir language, compiled to collect materials to identify the features of the sound system and phonetic phenomena of the modern state of the dialect. The questionnaire was developed based on data from previous studies on the Karaidel subdialect, archival materials, dialectological dictionaries and an atlas of the Bashkir language, etc.
Keywords: *questionnaire, phonetics, Karaidel subdialect, northwestern dialect.*

В научный план отдела прикладной лингвистики и диалектологии ИИЯЛ УФИЦ РАН на 2022–2024 годы включена тема по изучению караидельского говора северо-западного диалекта башкирского языка. Планируются исследование говора в синхроническом, диахроническом, сравнительно-сопоставительном аспектах, введение диалектных материалов в лингвистические базы данных (ГИС-системы, корпус диалектных аудиоматериалов и др.). Для этого необходимы сбор новых и обработка старых архивных полевых материалов по караидельскому говору башкирского языка.

Современная лингвистика ставит задачи фиксации живой речи не на бумажном носителе с опорой на слуховое восприятие исследователя, как это было принято раньше, а на современных электронных носителях, в первую очередь, при исследовании ее фонетических особенностей. «Отсюда возникает необходимость сбора материалов по новым программам диалектологического опроса, которые при этом ориентированы именно на возможности использования электронных носителей информации и программ автоматической обработки» [Дыбо и др., 2020, 90–91].

Электронные записи производятся методами прямого опроса, наводящих вопросов и тематических бесед. Материал планируется собрать в виде звуковых файлов (желательно в формате wav.), которые затем обрабатываются и анализируются фонетическими программами (Praat, SpeechAnalyzer). Для получения более достоверных данных необходима запись не менее трех информантов из одного населенного пункта.

Экспедиционные выезды в Аскинский и Караидельский районы Республики Башкортостан по изучению караидельского говора предполагают работу с единой программой сбора диалектологического материала. В связи с этими целями и задачами сотрудниками отдела начата работа по созданию программы для сбора языкового материала по караидельскому говору северо-западного диалекта башкирского языка.

Для сбора фонетического материала необходим специальный вопросник, составленный с учетом фонетических особенностей изучаемого говора.

При разработке этого вопросника мы опирались на предыдущие исследования и материалы по караидельскому говору. Наиболее полное описание караидельского говора в составе северо-западного диалекта башкирского языка было осуществлено в фундаментальном труде С.Ф. Миржановой (1991), в котором рассмотрены фонетические, морфологические и лексические особенности говора. Данные по караидельскому говору содержатся в работах Н.Х. Ишбулатова (1980, 2000 и др.), Ф.Г. Хисамитдиновой (1989), Р.З. Шакурова (2020), научных статьях [Киекбаев, 1958; Юлдашев, 2010; Сагитова и др., 2020; Аблаева и др., 2021]. Особенности фонетики караидельского говора зафиксированы также в архивных материалах экспедиций за 1931–1937 года [Архивные материалы,1931–1937], научном отчете экспедиции 1954 года по изучению северо-западного диалекта башкирского языка (сост. Т.Г. Баишев) [Научный отчет, 2008], диалектологических словарях [БТһһ, 1987; ДСБЯ, 2002], «Диалектологическом атласе башкирского языка» (2005), современных экспедиционных материалах [Материалы эксп., 2021] и др.

При составлении вопросника учитывался опыт имеющихся программ и вопросников по сбору диалектного материала башкирского языка [Анкета, 1961; Программа, 1973; Вопросник, 1959; Метод. реком., 2003; Хусаинова, 2009 и др.].

В данной статье приведены некоторые образцы из Вопросника, состоящего из 50 вопросов по выявлению фонетических особенностей караидельского говора. Вопросы необходимы для опросчика, так как они направлены на выявление той или иной фонетической закономерности говора с

переченью необходимых для записи слов с переводами на русский язык. При опросе у информантов спрашивается перевод слова с русского на свой говор, при этом необходим повтор слова несколько раз для более четкой и достоверной записи. При затруднении с ответом информанту задаются наводящие вопросы, описывающие тот или иной предмет, явление и т.д., либо подсказывается слово на башкирском литературном языке.

Ниже приводим примеры вопросов с переченью необходимых для записи слов по гласным, согласным и дифтонгам.

ГЛАСНЫЕ

1. ***а – а°.*** *Происходит ли огубление гласного* ***а****?*

аҙаҡ - а°ҙаҡ конец; потом
ай – а°й луна, месяц
апай - а°пай сестра
аяҡ - а°йаҡ нога
алма – а°лма яблоко; картофель
ауыр – а°уыр тяжело, трудно
май – **ма°й** жир, масло
мал – **ма°л** скот, богатства

2. ***а – ә, ә – а.*** *Происходит ли переход гласных звуков* ***а>ә*** *и* ***ә>а*** *в следующих словах?*

атай – әтей отец
айран – әйрән айран
ана – әнә вон, вон там; вот
байрам – бәйрәм праздник
даға – даға/дәғә подкова
сәс – сас/щәщ волосы
әсе – асы кислый
иртәнсәк – иртәнсаҡ утро(м)
йән – йан душа
ҡәйнә – ҡайна свекровь, теща

3. ***а – ы.*** *Какой гласный произносится в следующих словах:* ***а*** *или* ***ы****?*

ҡарсыға – ҡарсаға ястреб
саңғы – саңға лыжи
умырзая – умырзыя подснежник, горицвет
ҡатырға – ҡатырғы картон
ҡабыҡ – ҡабаҡ кожура, кора
аҡыш (күҙ) – аҡай күҙ глаза с большими белками

4. ***е – ә.*** *Происходит ли расширение гласного* ***е>ә*** *в следующих словах?*

йетем – йәтим сирота
дилбегә – дилбәгә вожжи
кеҫәртке – кеһәртке/кесәртке ящерица

5. ***ә – и.*** *Происходит ли сужение гласного* ***ә>и*** *в следующих словах?*

кәмеү – кимеү уменьшаться, убавляться, убывать
кәбән – кибән стог
кәңәш – киңәш совет
кәрәк – кирәк надо
тәрән – тирән глубокий
кәштә – киштә полка
әпәй, икмәк – әпей/ипей/әпи хлеб
кәбәк – кибәк отруби, отходы
кәмә – кимә лодка
шәкәр – шикәр сахар
сәскә – сискә/чәчәк/сисәк цветок

6. ***и – е(э)****.Существует ли переход* ***и >е(э)*** *в следующих лексемах?*

иреү – эреү таять
ишетеү – эшетеү слушать
дилбегә – делбәгә вожжи

7. ***е – и****. Существует ли переход* ***е(э)>и*** *в следующих словах?*

кейеҙ – кийеҙ/кийез войлок
кейем – кийем одежда
кейәү – киәү зять
имен – имин здоровый, безопасный, благой
дегәнәк – тигәнәк репей; лопух
селлә – чиллә самое жаркое и самое холодное время года
нескә – ничкә узкий, тонкий

8. ***ы – о.*** *Происходит ли переход гласного* ***ы*** *в огубленный* ***о*** *в следующих словах?*

тышау – тошау путы
йышҡы – йошҡы рубанок
быҙау – бозау теленок
бығау – боғау путы, оковы, узы
ыңғай – оңғай положительный
ҡыңғырау – ҡоңғырау колокольчик
шыма – шома гладкий
ырҙын – ондор гумно, ток

9. ***о – ы.*** *Наблюдается ли процесс нарушения губной гармонии* ***о>ы*** *в следующих лексемах?*

болон – болын долина
борон – борын в старину, в давние времена; прежде
башҡорт – башҡырт башкир
ҡоролоҡ – ҡоролыҡ засуха
ҡошсолоҡ – ҡошсылыҡ птицеводство

10. ***о – у.*** *Какой гласный произносится в следующих случаях:* ***о*** *или* ***у****?*

ҡомған – ҡумған чайник; кумган (кувшин с крышкой для умывания)
һорашыу – сурашыу/сорашыу спрашивать
томбойоҡ – тумбойоҡ водяная лилия

11. ***у – о****. Какой гласный произносится в следующих словах:* ***у*** *или* ***о****?*

һуң – һоң/соң поздно
туҡмас – тоҡмас лапша
бутҡа – ботҡа каша
бутау – ботау мешать

ДИФТОНГИ

19. ***өй – ө – ү – и.*** *Происходит ли монофтонгизация дифтонга* ***өй*** *в виде гласных* ***ө, ү, и****?*

өйрәк – үрҙәк утка
өйрәнеү – үрәнеү изучать; учиться

өйрә – үрә суп из крупы
һөйрәү – сүрәү волочить, тащить
һөйләү – сүләү говорить
төйҙә – түҙә/түдә/тиҙә обух топора
төймә – тимә бусы

СОГЛАСНЫЕ

*22. **б – п.** Какой смычный губно-губной согласный употребляется в начале слова: **б** или **п**?*
балаҫ – палас палас
быйма – пима валенки
быяла – пыяла стекло
бәрәңге – пүрәңке картофель
боронғо – пороңҡо древний; старинный
бесәй – песи кот, кошка
бесән – песән сено
бесеү – песү кроить
бысаҡ – пычаҡ нож
*25. **б – м.** Происходит ли назализация начального **б** в **м** в следующих словах?*
байтаҡ – майтаҡ порядочно, много
бөкө – мөкө деревянная затычка
башаҡ – машаҡ колос
бәшмәк – мәшкә гриб
белән – менән с
боҙ – моҙ лед
бығаса – мығаса доныне
*26. **-б- – -м-.** Происходит ли назализация инлаутного **б** в **м** в следующих словах?*
арбау – армау заговорить, загипнотизировать
сәсбау – сәсмау косоплетка
билбау – билмау кушак; пояс
ҡашмау – ҡашбау женское налобное украшение
*27. **п – ф.** Какой из губно-губных согласных употребляется в слове: **п** или **ф**?*
пәрҙә – фәрҙә занавеска, штора, ширма
тупраҡ – туфраҡ почва, земля, круг
йапраҡ – йафраҡ лист
ҡалпаҡ – ҡолфаҡ женский головной убор
фонар – панар фонарь
ғөрөф – ғороп/ғороб обычай
*28. **д – т – ҙ.** Какой из переднеязычных согласных употребляется в данных словах: **д, т** или **ҙ**?*
дуға – туға дуга
дегет – тегет деготь
дилбәгә – тилбәгә вожжи
дегәнәк – тегәнәк/ҙегәнәк репейник
димләү – тимләү/ҙимнәү уговаривать; сватать
*29. **т – д.** Происходит ли озвончение переднеязычного смычного **т >д** в начале слова?*
тары – дары просо
тулҡын – дулҡын волна
түңәрәк – дүгәрәк круглый
түңгәк – дүңгәк кочка
тәрән – дәрән глубокий
түмәр – дүмәр чурбан
тән – дән тело
тамға – дамға тамга; тавро, помета, метка
тараш – **дыраж/драж** шершень, черный шмель
31. **-д- – -т-.** Употребляется ли смычный глухой **т** после сонорного?
ҡалдыр – ҡалтыр оставь!
унда – анта там
бында – бында здесь
үлде – үлте умер
балдыҙ – балтыҙ свояченица (сестренка мужа или жены)
урамда – урамта на улице
йәндек – йәнтек зверь
*32. **з – д – ҙ.** Какой из переднеязычных согласных употребляется в данных словах: **з, д** или **ҙ**?*
зәһәр – дәһәр/ҙәһәр сильно, очень, слишком (очень злой – ҙәһәр усал)
зыу килеү – дыу килеү/ҙыу килеү шуметь (о людях)
зелпе – ҙелпе/делпе бересклет (осҡат)
тәҙрә – тәрҙә/тәзрә окно
*34. **-ҙ- – -з-**. Какой согласный употребляется в инлауте следующих слов: **з** или **ҙ**?*
ҡыҙыл – ҡызыл красный
ҡаҙай – ҡазан казан, котел
йаҙыу – йозу писать
һыҙлау – сыҙлау/сызлау болеть, ныть
иҙеү – изыу мять, разминать;месить, замешивать
*35. **-з- – -ҙ- – -ж-.** Какой из согласных употребляется в следующих словах: **з, ҙ** и **ж**?*
абзый – абҙый/абжый старший брат, дядя
кәзә – кәҙә/кәжә козел
кизе – кижем бумажная пряжа**бәзей – бәжей** конопля
тәзе – тәже тяж (ремень, трос и т. п., служащий передатчиком тяговой силы)
аждаһа – аздаһа дракон
аҙау – ажау/азау коренной зуб
*37. **-г- – -к-.** Какой согласный употребляется после сонорного: **г** или **к**?*
йеңгә – еңкә жена старшего брата
бәрәңге – бүрәңке картофель
*39. **ғ – ҡ.** Какой согласный употребляется после сонорного: **ғ** или **ҡ**?*
ҡараңғы – ҡараңҡы темный, темно
ямғыр – ямҡыр дождь
оңғо – оңҡо ушко топора
уңған – уңҡан деловой, трудолюбивый
һуңғы – суңҡы последний
тамға – тамҡа тавро, помета
*41. **й – ж / з.** С каким согласным употребляются следующие слова: **й, ж** или **з**?*
йете – жите/йеҙе семь
йеләк – жиләк ягода
йемеш – жимеш/зимеш ягода, плод

йеңгә – жиңгә/зиңгә невестка (жена старшего брата)
йер – жир земля
йерән – жирән рыжий
йерек – жирек/зирек ольха
йелән – жилән зилян
йен – жен бес
йүкә – жүкә липа
йел – жел/жил/зил ветер

*44. **h – с.** Какой согласный употребляется в начале слова: **h** или **с**?*

һары – сары желтый
һыйыр – сыйыр корова
һыуһар – сусар куница
һөйәл – сөйәл бородавка
һаташыу – саташыу бредить
һарымһаҡ – сарымсаҡ чеснок

*45. **-ç- – -с-**. Какой согласный употребляется в середине слова: **ç** или **с**?*

уçал – усал злой
уçаҡ – усаҡ осина
баçыу – босу наступать; нажимать, давить
ҡыçыу – ҡысу жать, стискивать, сжимать, сдавливать

*46. **с – ш′**. Какой согласный выступает в начале (и конце) слова: **с** или **ш′**?*

сәй – ш′әй чай
сәс – ш′әш′ волосы
себен – ш′ебен муха
сей – ш′ий сырой, недопечённый, недоваренный
сана – ш′ана сани
сыҡ – ш′ыҡ выходи!
сисен – ш′иш′ен раздевайся!
сүмес – ш′үмеш′ ковш
суйын – ш′уйын чугун
(ы)сын – ш′ын истина, правда
сәсеү – ш′әш′ү сеять

Литература

Аблаева Я. А., Исянгулова Г. А., Саньярова Р. Р. Фонетические особенности караидельского, таныпского и нижнебельско-ыкского говоров северо-западного диалекта башкирского языка // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26. №2. С. 428–434.

Анкета, 1961 – Анкета. Башҡорт теле һөйләштәренән материалдар йыйыу өсөн / Төҙ. Н. Х. Ишбулатов, Н. Х. Мәҡсүтова, С. Ф. Миржанова. Өфө, 1961. 56 б.

Архивные материалы, 1931-1937 – Материалы диалектологических экспедиций в Нуримановский, Караидельский, Ялан-Катайский, Аргаяшский районы (1931-1934). – Научный архив УФИЦ РАН, ф. 3, оп. 2, д. № 4; Язык башкир Киргиз-Миякинского, Нуримановского, Янаульского, Караидельского районов, язык рабочих г. Белорецка (1933-1937). – Научный архив УФИЦ РАН, ф. 3, оп. 2, д. № 13.

Баишев Т. Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М., 1955. 121 с.

БҺҺ, 1987 – Башҡорт теленең һөйләштәре һүҙлеге: 3 том. Көнбайыш диалект. Өфө, 1987.

Вопросник – Башҡорт теленең һүҙлек составын йыйыу өсөн һораулыҡ / Төҙ. Н. Х. Ишбулатов, З. К. Ишмөхәмәтов, С. Ф. Миржанова,У. М. Яруллина. Өфө, 1959.

Диалектологический атлас башкирского языка. Уфа: Гилем, 2005. 234 с., 169 карт.

ДСБЯ, 2002 – Башҡорт теленең диалекттары һүҙлеге. Өфө, 2002. 432 б.

Дыбо и др., 2020 – Дыбо А.В., Мальцева В.С., Николаев С.Л., Шеймович А.В. Диалектологическая анкета для пилотного опроса «Признаки-изоглоссы для хакасско-шорско-чулымского ареала (группы тюркских z-языков) // Родной язык. 2020. № 1. С. 86–119.

Ишбулатов Н. Х. Башҡорт диалектологияһы: Уҡыу әсбабы, 2-се баҫма. Өфө: БДУ, 1980. 74 б.

Ишбулатов Н. Х. Башҡорт теле һәм уның диалекттары. Өфө: Китап, 2000. 212 б.

Кейекбаев Ж. Ғ. Башҡорт диалекттары һәм уларҙың тарихына ҡыҫҡаса инеш // Ғилми яҙмалар. Башҡорт дәүләт университеты / Башҡорт филологияһы сериһы. III сығарылыш, № 2. Өфө, 1958. 27–81-се биттәр.

Материалы эксп., 2021 – Башкортостан Республикаһының төньяҡ-көнбайыш райондары буйынса диалектологик экспедиция материалдары / төҙ. Абдуллина Г.Р., Иҫәнғолова Г.А., Ҡарабаев М.И., Хөснөтдинова Р.Я. Өфө: Самрау, 2021. 415 б.; Төньяҡ-көнбайыш башҡорттарының фольклор текстары / төҙ. Абдуллина Г.Р., Иҫәнғолова Г.А., Ҡарабаев М.И., Хөснөтдинова Р.Я. Өфө: Самрау, 2021. 180 б.

Метод. реком., 2003 – Методические рекомендации по сбору диалектного материала башкирского языка / Сост. А. А. Камалов, М. И. Дильмухаметов. Уфа: Изд-во БГПУ, 2003. 32 с.

Миржанова С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка.Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. 295 с.

Научный доклад, 2008 –Башҡорт теленең төньяҡ-көнбайыш диалекты. 1954 йылғы диалектологик экспедиция отчеты. Өфө: Ғилем, 2008. 372 б.

Программа, 1973 – Башҡорт теленең диалектологик атласы өсөн материалдар йыйыу программаһы / Төҙ. Н. Х. Мәҡсүтова. Өфө, 1973. 32 б.

Сагитова А. Г., Валиева Г. Д., Абдуллина Г. Р. Особенности караидельского говора северо-западного диалекта (на материале аскинского и караидельского районов) // Вестник Башкирского университета. 2020. Т. 25. №4. С. 955-958.

Хисамитдинова Ф. Г. История башкирского языка: Материалы по исторической фонетике: Учеб. пособ. Уфа: Башк. пед.-т, 1989. 84 с.

Хөсәйенова Л. М. Башҡорт диалектологияһы: Диалектологик материалдар йыйыу буйынса программа. 2-се баҫма, тулыландырылған. Стәрлетамаҡ, 2009. 36 бит.

Шәкүров Р. З. Башҡорт диалектологияһы: уҡыу ҡулланмаһы. 2-се баҫма. Өфө: Китап, 2020. 256 бит.

Юлдашев А. А. Диалекты башкирского языка // Диалекты тюркских языков. М., 2010. С. 121–156.

© Ишкильдина Л. К., 2022

УДК *811.512.19*

Ишмухаметова А. Ш., Россия, г.Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, аспирант, м.н.с.

ВКЛАД МИНСЫЛУ ГУБАЙТОВНЫ УСМАНОВОЙ В РАЗВИТИЕ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена научной деятельности башкирского языковеда, ономаста, диалектолога, лексикографа, преподавателя высшей школы, доктора филологических наук, профессора М.Г. Усмановой. Отмечается, что ученым опубликовано около 400 работ по ономастике, лексикологии, лексикографии, диалектологии, функциональной грамматике, топонимике, методике преподавания башкирского языка. В статье дается краткий биографический обзор жизни и научной деятельности ученого.

Ключевые слова: *М.Г. Усманова, башкирский язык, диалектология, лексикография, лексикология, топонимика, грамматика.*

Ishmukhametova A. Sh., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature of the
UFRC RAS, Postgraduate student, Junior Research Associate

CONTRIBUTION OF USMANOVA MINSYLU GUBAYTOVNA TO THE DEVELOPMENT OF THE BASHKIR LANGUAGE

The article is devoted to the scientific activity of Bashkir linguist, onomast, dialectologist, lexicographer, high school teacher, Doctor of Philology, Professor M.G. Usmanova. It is noted that the scientist has published about 400 works on onomastics, lexicology, lexicography, dialectology, functional grammar, toponymy, teaching methods of the Bashkir language. The article gives a brief biographical overview of the scientist's life and scientific activity.

Keywords: *M.G. Usmanova, Bashkir language, dialectology, lexicography, lexicology, toponymy, grammar.*

УСМАНОВА МИҢСЫЛЫУ ҒӨБӘЙТ ҠЫҘЫНЫҢ БАШҠОРТ ТЕЛЕН ДИАЛЕКТОЛОГИЯҺА ТАЯНЫП ҮҪТЕРЕҮҘӘГЕ РОЛЕ

Башҡортостан Республикаһының атҡаҙанған мәғариф хеҙмәткәре (2017) һәм мәғариф отличнигы (2000), Рәсәй Федерацияһының почетлы юғары профессиональ белем биреү хеҙмәткәре (2010) Миңсылыу Ғөбәйт ҡыҙы Усманова (Бураншина) ата-әсәһе Темәс педучилищеһын тамамлағас эшкә ебәрелгән Баймаҡ районы Ҡарамалы ауылында уҡытыусылар ғаиләһендә донъяға килә. Магнитогорск педагогия институтының филология факультетын тамамлағас, Баймаҡ районының Муллаҡай ауылында директор булып эшләй башлаған атаһы, Бураншин Ғөбәйт Йомағужа улы, ҡыҙғанысҡа ҡаршы, егерме биш йәшендә генә йөрәк өйәнәгенән гүр эйәһе була. Ул саҡта Миңсылыуға өс йәш ярым, һеңлһе Айсылыуға йәш ярым ғына була. Әсәһе, Моратова Мәрйәм Мостафа ҡыҙы, бар ғүмерен балаларға белем биреүгә арнай.

Аталары үлгәс, улар ошо уҡ районда йәшәгән өләсәләренә күсеп килә һәм Миңсылыу Бураншина башланғыс белемде Үрге Изрис ауылында ала. 1961–1967 йылдарҙа 1-се һанлы Башҡорт республика мәктәп-интернатында уҡый, унан һуң Башҡорт дәүләт университетына уҡырға инә.

Уҡытыусы сорнауында үҫкән, йәшәгән (*күп туғандары уҡытыусы була*), «Уҡытыусы булам!» тип хыялланған ҡыҙҙы яҙмыш Өфөлә ҡалдырып, СССР Фәндәр академияһының Башҡортостан филиалы Тарих, тел һәм әҙәбиәт институтына илтә. Ҡулына яңы ғына диплом алған йәш белгес үҙенең хеҙмәт юлын 1972 йылда ошо институттың Диалектология һәм топонимика секторында фәнни-техник хеҙмәткәр булып башлап ебәрә. 1986–1989 йылдарҙа аспирантураның көндөҙгө бүлегендә уҡый. Диалектология һәм топонимика секторы мөдире, башҡорт һәм төрки диалектологияһы, лингвогеография өлкәһендәге күренекле белгес Нәжибә Хәйерзаман ҡыҙы Мәксүтова етәкселегендә «Һаҡмар буйы бассейны топонимикаһы» тигән кандидатлыҡ диссертацияһын 1990 йылда уңышлы яҡлап сыға [Усманова, 1990]. 13 райондан йыйылған 21 мең географик атамаларҙың тарихы, этнонимдарҙың этимологияһы, таралышы, күрше ырыуҙар һәм халыҡтар менән булған этник бәйләнештәре тураһындағы бик бай материал тупланған хеҙмәт диссовет ағзаларының тәҡдиме менән «Имя отчей земли» исемле монография булып рус телендә баҫылып сыға [Усманова, 1994]. Был китап бөгөнгө көндә лә тыуған яғы менән ҡыҙыҡһынған, уны өйрәнгән бар кеше өсөн кәрәк китаптарҙан һанала (хатта уны Польшанан да эҙләп табып, ике китабын һорап алғандар икән).

1990 йылда кандидатлыҡ диссертацияһын яҡлағас, Миңсылыу Ғөбәйт ҡыҙын БДУ-ның Башҡорт филологияһы һәм журналистика факультетына эшкә саҡыралар. Ләкин ул үҙен ялмап алған географик атамалар донъяһы темаһын ташлап китергә ҡыймай. Шулай ҙа саҡырыуға ярты йылдан ашыу ваҡыт үткәс, «Уҡытыусы булырға тигән хыялымды тормошҡа ашырайым, үкенес булыр», – тип уйлап, 1990–1991 уҡыу йылының икенсе семестрынан БДУ-ла эш башлай.

Миңсылыу Усманова 1998–2001 йылдарҙа БДУ-ла көндөҙгө докторантурала уҡый. Филология фәндәре докторы, профессор М.В.Зәйнуллин уның ғилми етәксеһе була. 2002 йылда шулай уҡ 21 мең башҡорт ҡылымын анализлап (*шуларҙың өс мең ярымы фразеологик берәмек*), «Башҡорт ҡылымдарының функциональ-семантик классификацияһы» тигән темаға докторлыҡ диссертацияһын яҡлай [Усманова, 2002].

Телгә, һүҙгә һөйөү, кәрәк тигән нәмәне эшләргә, булдырырға тырышыу Миңсылыу Усмановала бала саҡтан булғандыр. Шулай булмаһа, ул ун ике йәше лә тулмаҫ борон башҡорт теленең синонимдар һүҙлеген төҙөй башларға йөрөҙөт итер инеме лә төҙөй башлар инеме?! Эш былай була: башҡорт теле дәресендә уҡытыусылары Фәрдәнә Фәйез ҡыҙы Абдуллина (*ул күп кенә «Башҡорт*

теле» китаптарында авторҙаш) һүҙлектәр тураһында һөйләй, булғандарын күрһәтә лә: «Синонимдар һүҙлеге юҡ әле, төҙөлмәгән», – тип әйтеп ҡуя. Миңсылыуҙың башына шунда уҡ: «Тимәк, төҙөргә кәрәк!» – тигән уй килә һәм ул шул көндө үк төҙөргә лә тотона. Әйткәндәй, был һүҙлек 49 йылдан һуң 2011 йылда баҫылып сыға [Усманова, 2011].

БДУ-ла (1991–2008), аҙаҡ М.Аҡмулла исемендәге БДПУ-ла эшләгән дәүерендә уҡытыусы, уҡыусы, студент өсөн кәрәк булған ниндәй генә әсбаптар яҙмай, һүҙлектәр төҙөмәй ул! Шуларҙың тәүгеһе – «Башҡорт теле. Мәктәп уҡыусылары һәм юғары уҡыу йорттарына уҡырға инеүселәр өсөн ҡулланма»һы – беренсе тапҡыр мәктәп грамматикаһы бер урынға тупланған хеҙмәте уҡыусылар, уҡытыусылар өсөн генә түгел, бөтә матбуғат, мәғариф хеҙмәткәрҙәре өсөн өҫтәл китабына әйләнә [Усманова, 2000].

Артабан башҡорт теле дәүләт теле булып уҡыу йорттарында өйрәнелә башлағас, был эшкә лә ең һыҙғанып тотона М.Ғ.Усманова. Әйткәндәй, ул – белем биреү системаһындағы бөтә баҫҡыс өсөн (вуз – колледж – мәктәп) башҡорт теле китаптарын яҙған, беренселәрҙән булып тестар төҙөгән берҙән-бер автор: урыҫ мәктәптәренең 5–11 кластары, колледж өсөн дәреслектәр, программалар, улар өсөн айырым грамматика китабы, таблицаларҙан торған грамматика һ.б. [Усманова, 2007, 2011, 2020]

Башҡортса-русса тематик һәм функциональ-ситуатив, халыҡ телендәге үлән исемдәренең идеографик, башҡортса-русса һәм русса-башҡортса грамматик ҡушылмалары булған егермегә яҡын төрлө һүҙлектәр авторы М.Ғ. Усмановаһы башҡорт халҡының тарихында юйылмаҫ эҙ ҡалдырған лексикограф тип тә беләбеҙ. Һәр берәмекте бөртөкләп йыйып, һәр бер һүҙҙе башынан кисереп төҙөлгән һүҙлектәре еренә еткерелеп, төплө уйланылып эшләнгән хеҙмәттәр ул [Усманова, 2015]. Күрмәгәндәр өсөн дә һүҙлек төҙөп бирә Миңсылыу Ғөбәйт ҡыҙы.

Филология фәндәре докторы, профессор Миңсылыу Усманова күп яҡлы башҡорт теле белгесе. Уның 400-гә яҡын фәнни тикшеренеүҙәре һәм уҡытыу-методик эштәре башҡорт теленең диалектологияһы, функциональ грамматикаһы, ономастикаһы, башҡорт телен рус телле һәм милли мәктәптәрҙә уҡытыу методикаһына бағышланған.

Халҡыбыҙ киләсәге һәм телебеҙ яҙмышы өсөн борсолған тынғыһыҙ замандашыбыҙ Миңсылыу Ғөбәйт ҡыҙы Усманова 35 йылдан ашыу уйланып йөрөп, бик күп материалға таянып яҙған «Башҡортса дөрөҫ һөйләйек!» – тип оран һалған китабы өсөн «Ҡатын-ҡыҙ – милләт әсәһе» миҙалы менән бүләкләнә (2021) [Усманова, 2020]. «Грамматикаһыҙ тел юҡ. Дөрөҫ һөйләү, яҙыу – тел ҡанунын белеү, ҡағизәне үтәү ул», – ти ғалимә.

Ысынлап та, тормош уны сос, һүҙгә генә түгел, ялғауҙарға ла иғтибарлы, һиҙгер булырға, үҙенсәлектәрен тотоп алырға өйрәтә, сөнки уға ғүмере буйы төрлө һөйләш кешеләре менән аралашып йәшәргә тура килә: бала сағы ике диалект вәкиле йәшәгән ауылдарҙа (*Ҡарамалы, Басай – көньяҡ диалект, Муллаҡай, Үрге Иҙрис – көнсығыш диалект – ни ғиллә менәндер элек уҡытыусыларҙы ике йыл һайын икенсе ауылға эшкә күсереп йөрөткәндәр!*), алты йылы Башҡортостандан ғына түгел, сит өлкәнән булған, төрлөсә һөйләшкән 1-се һанлы мәктәп-интернатта уҡып үтһә, ике вузда эшләгәнендә лә (БДУ менән БГПУ) М.Усманова халыҡ тарихы, теле менән бәйле диалектология, ономастика курстарын уҡыта, йыл да тиерлек Башҡортостан буйлап студенттарҙың диалектологик экспедицияһын етәкләй. Халыҡ телендә киң ҡулланылған ҡайһы бер ялғауҙарҙың әҙәби телгә алынмай ҡалғанын, *-а, -ған, -р* ялғауҙарының күп мәғәнәле булғанын, уларҙың мәғәнәһе халыҡ телендә *билдәле* менән *билдәһеҙгә* генә ҡайтып ҡалмағанын, *хәҙерҙе заман хәбәр ҡылымдың* да *билдәле* һәм *билдәһеҙ* эш-хәлдәрҙе, күренештәрҙе, процестарҙы белдергәнен, замандарҙың *билдәһеҙ* булғанын ялғауҙар менән бергә *дата, махсус тел саралары* белдергәнен һ.б. күрһәтте, ти Миңсылыу Ғөбәйт ҡыҙы. Ул шулай уҡ, хәбәр ҡылымдың билдәһеҙ булғанын белдергән махсус тел саралары *эйә, тултырыусы* һ.б. һөйләм киҫәктәренең дә билдәһеҙ булғанын күрһәтә, тип һанай. Былар бөтәһе лә башҡорт тел ғилеме алдында хәл итәһе мәсьәләләрҙең булғаны тураһында һөйләй, ти ул.

Шуға ла «бөтә булған хеҙмәттәрем, ундағы асыштарым – халҡым теленең һөйләштәре, диалекттары менән бәләкәйҙән таныш булып, иҫ китмәле ғәжәп һүҙҙәренә, хатта ялғауҙарына ғашиҡ булдырған яҙмышым емеше», тип һанай М.Ғ.Усманова.

Әҙәбиәт

Усманова М.Г. Топонимия бассейна реки Сакмары. Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Уфа, 1990. 219 с.

Усманова М.Г. Имя отчей земли. (Историко-лингвистическое исследование топонимии бассейна реки Сакмар). Монография. Уфа: Китап, 1994. 272 с.

Усманова М.Г., Абдуллина Ф.Ф. Башҡорт теле. Мәктәп уҡыусылары һәм юғары уҡыу йорттарына уҡырға инеүселәр өсөн ҡулланма. Өфө: Китап, 2000. 190 б.

Усманова М.Г. Функционально-семантическая классификация глаголов башкирского языка. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Уфа, 2002. 415 с.

Усманова М.Г. Грамматика башкирского языка в таблицах и схемах (Башҡорт теленең грамматикаһы таблицаларҙа һәм схемаларҙа). (Ике телдә). Уҡыу ҡулланмаһы. Өфө: Китап, 2007. 112 б.

Усманова М.Ғ. Башҡортса-русса синонимдар һүҙлеге. Өфө: Китап, 2011. 263 б.

Усманова М.Г. Изучаем башкирский язык. Интенсивный курс обучения. Уфа: Китап, 2011. 238 с.

Усманова М.Г., Исянгулова Г.А., Хайретдинов С.С. Идеографический толковый башкирско-русско-латинский словарь народных названий растений в башкирском языке. Синонимы. Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. 280 с.

Усманова М.Ғ. Башҡортса дөрөҫ һөйләйек! Башҡорт теленең функциональ грамматикаһы. Практик ҡулланма. Өфө: Акирус, 2020. 164 б.

© Ишмухаметова А. Ш., 2022

УДК *811.512.141’342*

Ишмухаметова А. Ш., Россия, г.Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, аспирант, м.н.с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ МАШИННОГО ФОНДА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА В ИЗУЧЕНИИ НАРОДНЫХ НАЗВАНИЙ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ

В статье раскрываются возможности применения диалектных материалов диалектологической базы Машинного фонда башкирского языка (далее – МФБЯ) при исследовании названий лекарственных растений в башкирском языке. Созданная лабораторией лингвистики и информационных технологий диалектологический подфонд (ныне – отдел прикладной лингвистики и информационных технологий) МФБЯ состоит из трех отдельных баз данных: лексической базы данных, базы данных диалектологического атласа и текстологической базы данных. Материалы диалектологической базы позволили выявить диалектные варианты лексем энәлек ‘боярышник’, гөлйемеш ‘шиповник’, ҡурай елгә ‘малина’, муйыл ‘черемуха’, которые являются лекарственными растениями. Представлена территория распространения языковых явлений этих лексем.

Ключевые слова: *башкирский язык, диалект, диалектологическая база, фитоним, растительная лексика, лекарственные растения.*

Ishmukhametova A.Sh., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS,
Postgraduate student, Junior Research Associate

THE USE OF MATERIALS FROM THE DIALECTOLOGICAL BASE OF THE BASHKIR LANGUAGE MACHINE FUND IN THE STUDY OF FOLK NAMES OF MEDICINAL PLANTS

The article reveals the possibilities of using dialect materials of the dialectological base of the Bashkir language Machine Fund in the study of names of medicinal plants in the Bashkir language. The dialectological sub-fund of the Bashkir Language Machine Fund created by the Laboratory of Linguistics and Information Technologies consists of three separate databases: a lexical database, a dialectological atlas database and a textual database. Using the materials of the dialectological base, dialect variants of the lexeme "hawthorn", "rosehip", "raspberry", "cherry", which are medicinal plants, are revealed, the territory of the distribution of linguistic phenomena of these lexemes is presented.

Keywords: *Bashkir language, dialect, dialectological base, phytonym, plant vocabulary, medicinal plants.*

Диалектные материалы являются источником для изучения исторического развития и становления литературного языка. Велика роль данных материалов и в сохранении национальной самобытности и культуры народа. Башкирскими диалектологами проделана огромная работа по изучению диалектов, изданы монографические труды, выпущены словари, создан атлас [Максютова, 1976; Максютова, 1996; Миржанова, 1979; Миржанова, 2006; Баишев, 2006; БҺҺ, 1967, 1970, 1987; Хисамитдинова, 1989; Башҡорт..., 2002; Диалектологический…, 2005; Башҡорт..., 2008]. Однако в век информационной революции представление диалектологического богатства языка только в печатной форме недостаточно. Для свободного и быстрого доступа широкой аудитории к комплексным диалектным материалам, а также полноценного представления многообразия лексического ресурса сотрудниками лаборатории лингвистики и информационных технологий (с 2022 года – отдела прикладной лингвистики и диалектологии) на базе Машинного фонда башкирского языка был создан диалектологический подфонд [Диалектологическая база]. Рассматриваемый подфонд состоит из трех самостоятельных баз данных: лексической, картографической и текстологической.

В лексической базе представлена информация о более чем 52 тыс. диалектных единицах с шестью информационными полями: само диалектное слово, часть речи, диалект, говор, литературная норма, русский перевод. База данных составлена по изданным ИИЯЛ диалектным словарям. Картографический раздел содержит информацию по диалектологическому атласу башкирского языка. База данных диалектологического атласа позволяет выбрать типы языковых явлений (фонетический, морфологический, синтаксический, лексический), для каждого типа определены конкретные изоглоссы по 250 опорным пунктам республики и сопредельных районов. В текстологической базе представлены образцы устной речи, собранные во время экспедиций в разные годы сотрудниками ИИЯЛ. В базе можно производить выбор текстов по лингвистическим и экстралингвистическим параметрам: диалект, говор, год записи, образование информанта, пол информанта, возраст, национальность информанта [Сиразитдинов, 2020, 76–80].

В данной статье будут рассмотрены диалектные названия некоторых лекарственных растений на материале данных диалектологической базы МФБЯ.

Название **боярышника** (лат. Crataégus) в башкирском языке – *энәлек*. В «Толковом словаре современного башкирского языка» зафиксировано как *энәлек – ҡыҙыл-һары емешле эре энәле ағас йәки ҡыуаҡ һәм шуның емеше; дунала* ‘боярышник – с красно-желтыми плодами и большими колючками дерево или кустарник и его плоды, дунала’. В.З. Гумаров в своем «Русско-башкирском словаре медицинских терминов» дает следующее определение: боярышник – *энәлек, һыуһар, дунала / емеше йөрәктән тыныслandырғыс ағас* ‘дерево, плоды которого обладают успокоительным эффектом от сердечных болезней’. В «Русско-башкирском словаре по лесному делу» (З.Г. Ураксин, З.Г. Уразбаева, Н.Ф. Суфьянова) зафиксированы несколько видов данного растения: ‘боярышник кровавокрасный’ *энәлек, энәте, еҙәй*, ‘боярышник колючий’ *сәнскеле еҙәй*, ‘боярышник обыкновенный’ *ғәҙәттәге еҙәй*, ‘боярышник восточный’ *көнсығыш еҙәйе*, ‘боярышник сибирский’

Себер еҙәйе [МФБЯ: Лексикографическая база]. В лексическом разделе диалектологической базы программа выдает нам следующие синонимические варианты лексемы боярышник: *айыу ҡамыр / айыу ҡамыры, байарка, баяр емеше, беҙ ағасы, бөгән; дегәнәк / дегәнәк йемеше, дунала, еҙ емеш / еҙағас, еҙем, еҙәй, емшегән, йеҙе, йәбешкән, йәүһәр, йөҙөм, йушан, ҡамыр жиләге / ҡамыр еләге / ҡамыр жиләк, ҡамыр жимеше / ҡамырйемеш, ҡамырлама, ҡамырлауыҡ, ҡамырлыҡ, ҡара ҡайын, мәмешкәк, һыуһар, тештекәй, типкечле ағач, төлкөйемеш ағасы, төлкөйемеш, энағас / энәғас, эналағас / энәлағас / энәлеғас, энәде / энәте / энәле, энәдек, энәйемеш / энәйемеше, энәлек, энәлекәй, энәтештеғайын, энәтештекәй, энәткес, эт емеше, әбей йемеше, әбей ҡамыр / әбей ҡамыры – Байарка һеҙҙең йаҡта үҫәме?* (средний говор восточного диалекта). *Төлкөйемеш ағасының йемеше бик тәмде була* (айский говор восточного диалекта). *Һыу буйларында үҫә энәлек, энағас, ҡарыйәңке талдан башҡа* (ик-сакмарский говор южного диалекта) [МФБЯ: Диалектологическая база].

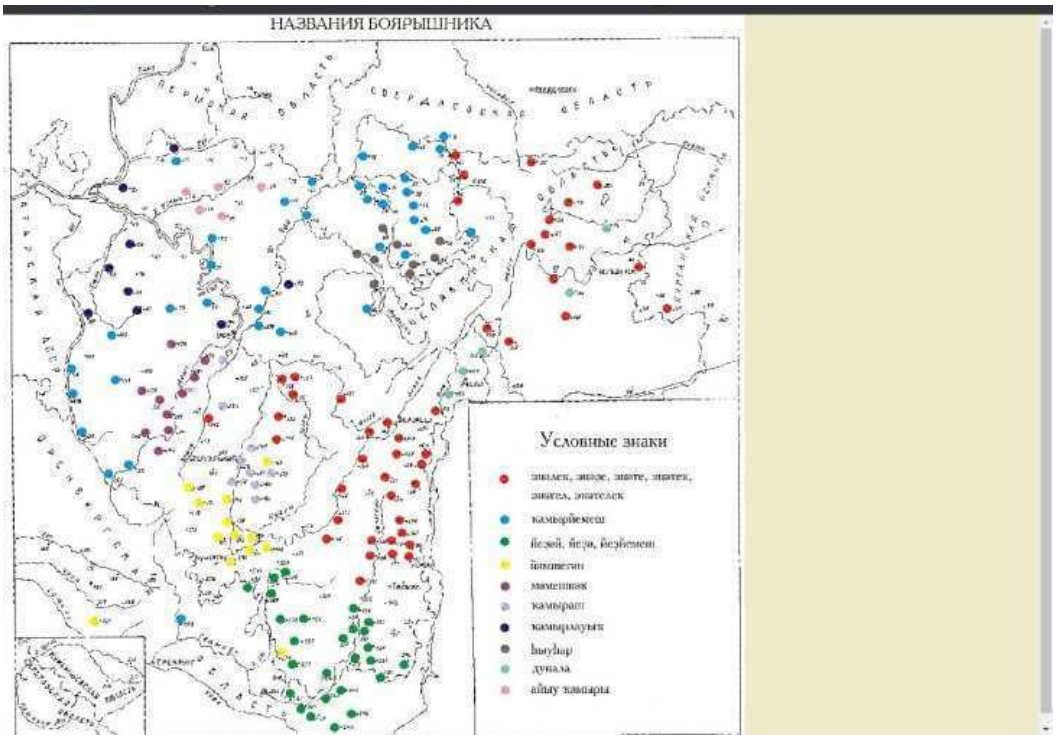


Рис. 1 Карта с изоглоссами названия боярышника

В базе данных диалектологического атласа представлена лексическая изоглосса названия боярышника с помеченными населенными пунктами распространения (Рис. 1). Населенные пункты, относящееся к одной изоглоссе, выделены цветными обозначениями.

В ряде тюркских языков в том же значении встречаются следующие фонетические варианты данной лексемы: *dolana* каз., *dolono* кирг., *dülana* уз., *doluna* уйг., *dülänä* тат. диал., *tolono* алт., *dolagana* тув., *dolaγana* тоф., *doloqono / doloquna* як.; в результате метатезы – башк. *дунала*. Лексема **dolaγana* – монгольского происхождения, ср. п.-монг. *dolγana ~ dolunu,* монг. *dolo:gono,* калм. *dolaŋk.* М. Рясянен приводимые им формы *dolaγana* и *dola:na* возводит к монг. *dolaγana* [СИГТЯ, 124].

В лечебной практике башкир боярышник применяется для лечения большинства сердечных заболеваний, особенно стенокардии. В Республике Башкортостан распространен в лесостепной и степной зонах.

Название **шиповника** [лат. Rosa] в башкирском языке – *гөлйемеш*. В «Толковом словаре современного башкирского языка» зафиксировано как: *роза сәскәләләр ғаиләһенә ҡараған ал сәскәле, алһыу оҙонса емешле, ваҡ сәнскәкле ҡыуаҡ һәм шуның емеше; әлморон* ‘кустарник, принадлежащий к семейству розовые с розовыми продолговатыми плодами, мелкими колючками и его плоды’ [МФБЯ: Лексикографическая база]. В башкирском языке и его диалектах отмечено множество терминов, обозначающих шиповника: *алмирун, гөлжемеш, гөлйеме, дегәнәк йемеше, дегәнәк, дәгәнәк, әлморон, көлйемеш, сәскәсәй, тегәнә (гөлй. ағасы), шипейка, эт дегәнәге, эт йемеше, эт сыбығы, эт теште ғайын, этәтек, этморон, этпорон.* Семена шиповника в миасском говоре восточного диалекта называются *йөндөкәй / йөнтәй*. *Әлморондоң эсендә суҫка балдары һымаҡ йөндөкәй йемеше була* ‘внутри шиповника, как поросята, находятся волосистые плоды’ [МФБЯ: Диалектологическая база].

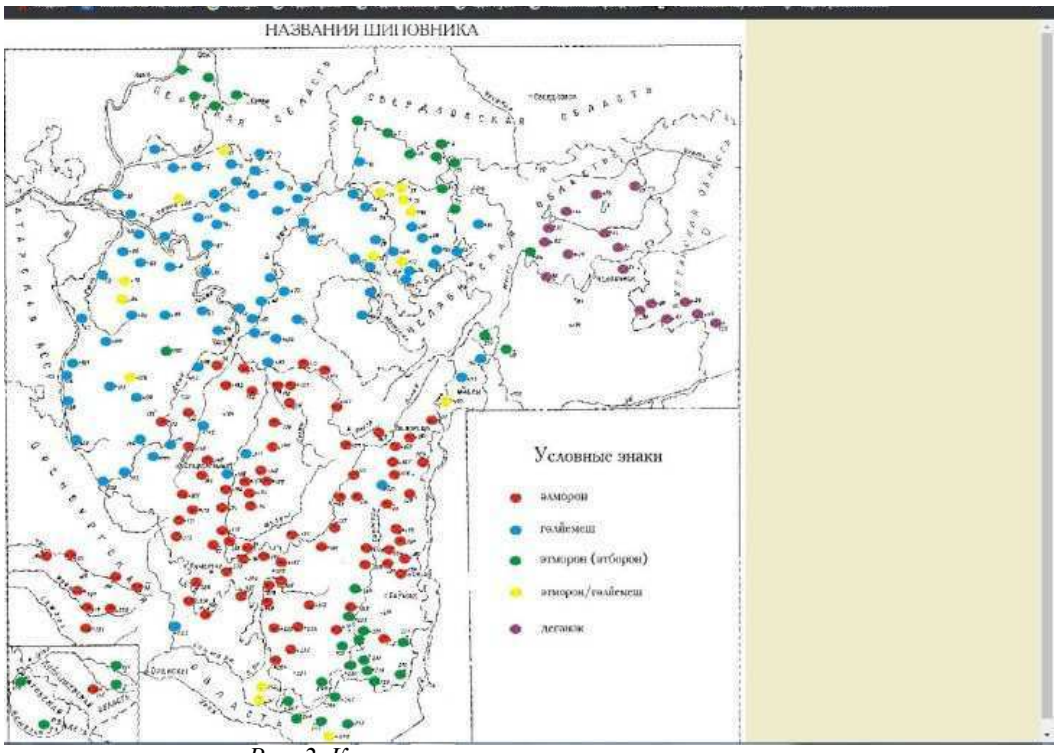


Рис. 2. Карта с изоглоссами названия шиповника

В базе данных диалектологического атласа можно наглядно увидеть лексическую изоглоссу названия шиповника (Рис. 2).

Обращаясь к этимологии слова, стоит заметить, что диалектный вариант *этморон / этпорон* сопоставим с казахским и монгольским *итмұрын*, а *эт дегәнәге* – шорским *ит таганак*, *дегәнәк / дәгәнәк* – алтайским *тегәнә*, телеутским *тианак* [Шипова, 1976, 315]. Лексема *tiken (< *tik ‘вонзать, жалить’) + афф. -ek (уменьш.) в хакасском языке означает ‘шиповник’ [СИГТЯ, 2001, 106].

Шиповник называют «копилкой» витаминов. Для изготовления лекарственных препаратов используются все части растения, кроме листьев: плоды, корни, стебли и цветки. В Башкортостане распространен во всех районах.

Название **малины** (лат. Rubus) в башкирском языке – *ҡурай еләге*. В «Толковом словаре башкирского языка» зафиксирован как: *роза сәскәләләр ғаиләһенә ингән сәнскәк һабаҡлы ҡыуаҡ үсемлек* ‘кустарник с колючими стеблями семейства розовых’ [МФБЯ: Лексикографическая база]. Для обозначения малины в башкирских говорах используются следующие лексемы: *ағас йеләге, айыу йеләге, әберсә, әбзәй, әбсә, әбсәй йеләге, әмеже, әпсә йеләге, ҡурай еләге, малина, өмөж, өмөжө, сәй йеләге, торна йеләге, эмеже* [МФБЯ: Диалектологическая база].

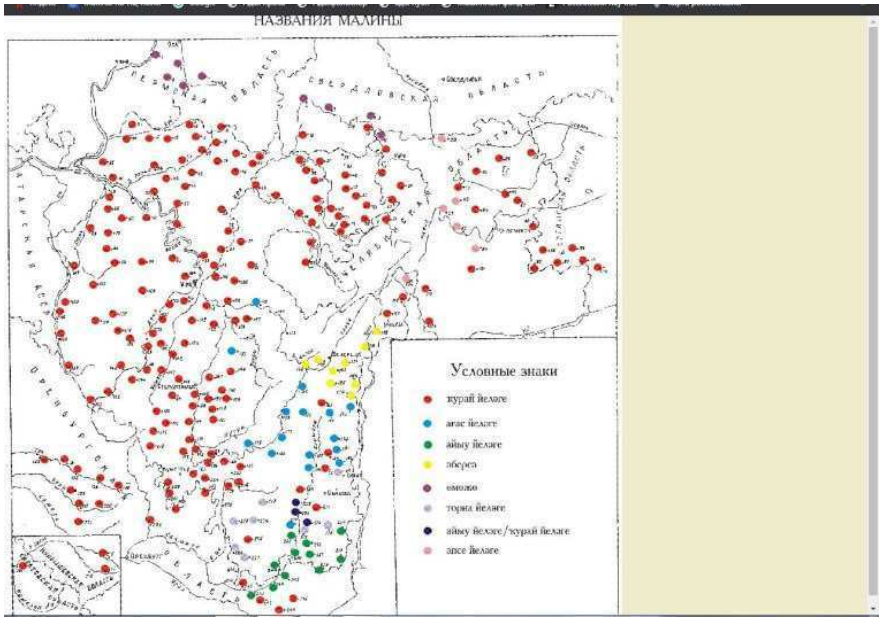


Рис. 3. Карта с изоглоссами названия малины

В базе данных диалектологического атласа дана лексическая изоглосса названия малины (Рис. 3).

В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» дается следующая семантическая характеристика: тур. *ağaččileği*, кум. *ayač ʒilek*, алт. *d'ilek* ← **ayač jegelek* < *ayač* ‘дерево’ + *jegelek* ‘ягода’ > ‘деревянная ~ лесная ягода’, тат. *qura ʒiläge*, баш. *quraj jeläge* ← **qura jegelek* < *qura* ‘стебель высохшего растения’ (тат.) + *jegelek* ‘ягода’ > ‘ягода с сухим стебелем’ > ‘малина’ (у зрелой малины стебель обычно сухой) [СИГТЯ, 2001, 142]. В монгольском и казахском языках имеется слово *таңқурай,* татарском – *эмеҗе* в том же значении [Әхмәтьянов, 2015, 511].

В народной медицине малина используется при простуде и гриппе как жаропонижающее средство. В Республике Башкортостан растет на вырубках в хвойных и смешанных лесах, по берегам рек.

Название дерева с белыми цветками, черными мелкими ягодами из семейства розовых и ее плоды в башкирском языке представлены двумя лексическими единицами: литературное название – *муйыл* (лат. Padus) – *гөлйемеш сәскәләр ғаиләһенә ҡараған аҡ сәскәле, ваҡ ҡына ҡара емешле ағас һәм шуның емеше* [МФБЯ: Лексикографическая база] и диалектное слово – *шоморт* (в туксуранском, демском, иргизском говорах южного диалекта, караидельском, таныпском, гайнинском, нижнебельском говорах северо-западного диалекта) [МФБЯ: Диалектологическая база].

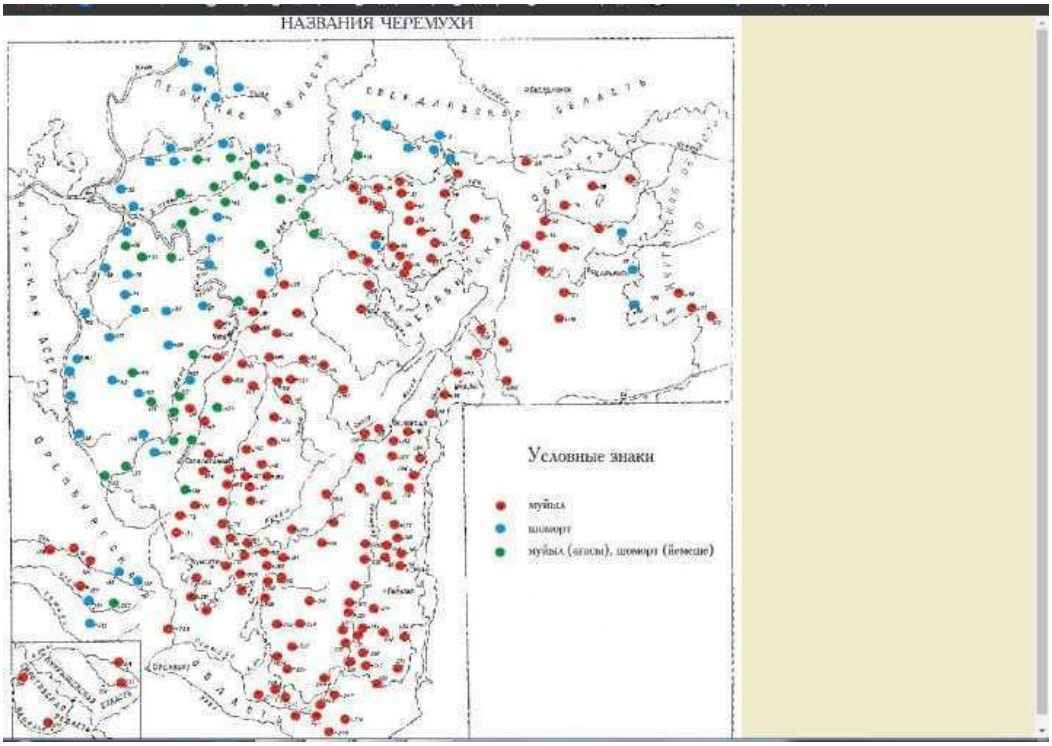


Рис. 4. Карта с изоглоссами названия черемухи.

Данные лексемы являются общетюркскими и имеют лексические рефлексы в некоторых тюркских языках: тат. *šomyrt*, тат.Сиб. *šomrot*, *jomyrt*, *jumrut*, узб. *šumurt*, алт. *d'ymyrut (d'ymyryt, n'ymyrt, jumurt-jymyrt),* шор. *nybyrt*, чув. *šĕmĕrt*. хак. *nïmïrt, nïmïrt agazï*, як. *sïmïrït, sïmïrït mas* ‘черемуховое дерево’.

Как отмечает венгерский ученый Ю. Дмитриева, изучение вопроса о происхождении тюркского названия черемухи вышло за рамки тюркологии и в настоящее время продолжается на уровне ностратических языков. В этимологических трудах исследователи рассматривают соотношение общетюркских форм с урало-алтайскими данными: например, Г.И. Рамстедт соотносит калмыцкий *jimusn* с телеутским *yumurut* и с кюэрикским *yumurt*, А.В. Дыбо выдвигает следующие праформы данного слова: праалт. **ŋimu- *jim-ge-kte* < **ŋim-ge-,* халх. **ĵimu-sun*, тюрк. **jumurt*. По отношению к общетюркскому анлаутному *y-* нестандартные формы с анлаутным *š-* в татарском и башкирском названиях черемухи вслед за Г.И. Рамстедтом и А.Рона-Таш объясняет как заимствование из волжско-булгарского **šumïrt (>чув. šĕmĕrt)*, которое, в свою очередь, восходит к прототюркскому **yumirt*. Как видим, название черемухи встречается далеко не во всех тюркских языках. С одной стороны, башк., тат., узб. фитонимы восходят к древнебулгарскому источнику, с другой стороны, их соответствия на *y-, n-, č-, š-* налицо лишь в сибирско-тюркских языках. В остальных тюркских языках черемуху называют другим словом: *muyïl* < *yumïl*, что является метатической формой [Дмитриева, 2001, 25]. Ср.: тат. *mujyl*, каз., каракалп. *mojyl*, уйг. *moyul*, кирг. *mojul* [Әхмәтьянов, 2015, 51]. Кроме

тюркских языков, лексема *moyil* < старомонг. *moyisun*, бур. *mojhon* представлена в монгольском языке. Широкий звук *о* сохранился в каракалпакском, казахском, киргизском языках, а в башкирском и татарском подвергся сужению. Отражения архетипа **jymyrt* встречаются и в поволжских, и в сибирских языках, а рефлексы **mojyl* – в поволжских и среднеазиатских тюркских языках [СИГТЯ, 2001, 136].

Для лекарственных целей используются плоды черемухи. Витамин С содержится во всех частях растения, особенно в листьях или пользуются при заболеваниях легких [Кучеров, 1989, 222]. В Башкортостане растет по берегам рек Дема, Уфа, Белая, Ик, Юрюзань, Нугуш, Узян и др., по опушкам лесов на лугах.

Таким образом, диалектологическая база Машинного фонда башкирского языка предоставляет новые возможности изучения диалектной лексики. В лингвистических источниках, представленных в МФБЯ, содержатся ценные сведения по говорам башкирского языка. Прослеживание ареалов распространения общенародных слов выступает как свидетельство исторических связей между народами.

Литература

Баишев Т. Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. Уфа: Гилем, 2006. 132 с.

Башҡорт..., 2002 – Башҡорт теленең диалекттары һүҙлеге. Өфө: Китап, 2002. 432 б.

Башҡорт..., 2008 – Башҡорт теленең төньяҡ-көнбайыш диалекты. 1954 йылғы диалектологик экспедиция отчеты. Өфө: Ғилем, 2008. 372 б.

БҺҺ – Башҡорт һөйләштәренең һүҙлеге. 1 т. Көнсығыш диалект / Н.Х. Мәҡсүтова һ.б. Өфө, 1967. 300 б.; 2 т. Көньяҡ диалект / Н.Х. Мәҡсүтова һ.б. Өфө, 1970. 327 б.; 3 т. Көнбайыш диалект / Н.Х. Мәҡсүтова һ.б. Өфө, 1987. 231 б.

Гумаров В. З. Башкирская народная медицина. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1985. 144 с.

Диалектологический – Диалектологический атлас башкирского языка. Уфа: Гилем, 2005. 234 с.

Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений (Studies in Linguistics of the Volga-region) / Ed. By K. Agyagási. Vol. I. Debrecen, 2001. 211 с.

Кучеров Е. В., Лазарева Д. Н., Десяткин В. К. Лекарственные растения Башкирии: их использование и охрана. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1989. 272 с.

Максютова Н. Х. Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. Уфа: Китап, 1996. 287 с.

Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка: в сравнительно-историческом освещении. М.: Наука, 1976. 292 с.

Миржанова С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка. Уфа: Китап, 2006. 290 с.

Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1979. 274 с.

МФБЯ – Диалектологическая база. URL:http://mfbl2.ru/mfbl/bashdial (дата обращения: 05.05.2022).

МФБЯ: Лексикографическая база. URL:http://mfbl2.ru/mfbl/bashlex (дата обращения: 05.05.2022).

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.

Сиразитдинов З. А., Бускунбаева Л. А., Ишмухаметова А. Ш., Шамсутдинова Г. Г. Диалектологический ресурс Машинного фонда башкирского языка // Ұлы дала тұлғалары: академик Шора Сарыбаев және ұлттық тілтаным тағылымы, Алматы, 2020. С. 75-81.

Хисамитдинова Ф. Г. История башкирского языка: материалы по истории фонетике. Уфа: БГПИ, 1989 (1990). 81 [1] с.

Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: “Наука” Каз ССР, 1976. 444 с.

Әхмәтьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. II том (М–Я). Казан: Мәгариф-Вакыт, 2015. 567 б.

© Ишмухаметова А. Ш., 2022

УДК *811.512.145'373.421:801.82"17"*

Кадирова Э. Х., Россия, г. Казань
Институт языка, литературы и искусства АН РТ, с.н.с.
Валиева М. З., Россия, г. Казань
Институт языка, литературы и искусства АН РТ, с.н.с.

СИНОНИМЫ КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО В СТАРОТАТАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В формировании тюрко-татарского синонимического богатства большую роль сыграли арабо-персидские заимствования. Предметом исследования являются синонимы как стилистическое средство выразительности в письменных памятниках XV–XVIII веков. В статье анализируются синонимические пары исконно тюркских слов и заимствованных лексических единиц, используемые авторами письменных памятников Казанского ханства и XVII-XVIII веков, таких как поэмы "Тухфаи мардан" и "Нури содур" Мухаммедьяра (XVI в.), "Дәфтәре Чыңгызнамә" (XVII в.) и "Мәҗмугыл-хикәят" (XVIII в.).

***Ключевые слова**: письменные памятники, старотатарский язык, арабские и персидские заимствования, синонимия, стилистические особенности.*

Kadirova E. Kh., Russia, Kazan
Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences,
Senior Research Associate
Valieva M. Z., Russia, Kazan
Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences,
Senior Research Associate

SYNONYMS AS A STYLISTIC MEANS IN THE OLD TATAR LITERARY LANGUAGE

Arab-Persian borrowings played an important role in the formation of the Turko-Tatar synonymic wealth. The subject of the study is synonyms as a stylistic means of expression in written monuments of the 15th – 18th centuries. The article analyzes synonymic pairs of native Turkic words and borrowed lexical units used by the authors of written monuments of the Kazan Khanate and the 17th-18th centuries, such as the poems "Tuhfai mardan" and "Nuri sodur" by Muhammedyar, "Daftare Chyngyznamə" and "Maəҗmugyl-hikayat".

***Keywords:** written monuments, Old Tatar language, Arabic and Persian borrowings, synonymy, stylistic features.*

ИСКЕ ТАТАР ӘДӘБИ ТЕЛЕНДӘ СИНОНИМНАРНЫҢ СТИЛИСТИК ЧАРА БУЛАРАК КУЛЛАНЫЛЫШЫ

Төрки-татар әдәбияты, теле һәм мәдәниятенең үсеш тарихында Казан ханлыгы һәм XVII–XVIII гасыр язма истәлекләре аерым урын алып тора. Әлеге язма чыганакларның язылу тарихы, эчтәлеге, сюжет линиясе татар әдәбияты галимнәренең хезмәтләрендә чагыштырмача тулы яктыртыла [Татар..., 1984]. Әмма бүгенге көнгә кадәр XV–XVIII гасырлар язма истәлекләренең стилистик үзенчәлекләре, шул исәптән синонимик байлыгы тел белеме галимнәре тарафыннан тикшеренү объекты итеп алынып, махсус өйрәнелмәгән. Ә бит мәгънәдәш сүзләр әдәби әсәрнең лексик байлыгын күрсәтә, телнең аһәңен, яңгырашын арттыра торган иң төп стилистик чаралардан санала. Шуңа да бүгенге көндә XV–XVIII гасырларның әдәби текстларында урын алган синонимик берәмлекләрне барлау, аларның кулланылыш үзенчәлекләрен тикшерү иске татар әдәби теленең үсеш процессын аңларга-күзалларга ярдәм итә торган актуаль проблемаларның берсе. Иске татар әдәби теле үзенең асылы белән уникаль күренеш булып тора [Наджип, 1970, 88]. Бу, беренче чиратта, иске татар әдәби телендә язылган әсәрләрнең лексик составында, автор кулланган синонимик байлыкта, ягъни мәгънәдәш сүзләрнең кулланылыш үзенчәлекләрендә чагылыш таба. Шул ук вакытта кайбер галимнәрнең бер-берсен алыштыра ала торган сүзләрне, ягъни дублетларны гына синоним дип санавын да искәртми мөмкин түгел [Ханбикова, 1980, 6–16]. Тел белемендә бу төр синонимнарны абсолют синонимнар дип тә атыйлар. Әмма язма чыганаклардан күренгәнчә, вакыт узу белән бу төр синонимик парларның берсе кулланылыштан төшеп кала. Телдә мәгънәви төсмерләре белән аерылып торган синонимик парлар исә киңрәк кулланылышка ия. Абсолют синонимнардан аермалы буларак, аларның җөмләдә төрле мәгънә үзенчәлекләрен чагылдыру, сөйләмне аһәңлерәк итү мөмкинлеге дә зуррак [Бәширова, 2010, 265–319].

Мәкаләдә шул чор язма истәлекләреннән Мөхәммәдьяр (XVI гасыр) поэмаларында һәм "Дәфтәре Чыңгызнамә" (XVII гасыр), "Мәҗмугыл-хикәят" (XVIII гасыр) әсәрләрендә кулланылган гарәп-фарсы алынмалары һәм төрки-татар сүзләре нигезендә ясалган синонимик парларны тикшерүне максат иттек. Мәгънәдәш сүзләрнең бу төркеме иске татар әдәби телендә чагыштырмача киң таралган төрләрдән санала. Аларның текстта башкарган вазыйфалары да киңрәк.

Казан ханлыгы шагыйре Мөхәммәдьяр (XVI гасыр) поэмаларының эчтәлегенә килсәк, Аллаһны, аның илчесен – пәйгамбәрне, аның көрәштәшләрен мактау сүзләреннән соң, авторның үзе турында кыскача мәгълүмат китерелә һәм әсәрнең структурасы, кыскача эчтәлеге бәян ителә. "Төхфәи мәрдан" поэмасында әхлак мәсьәләләре, гуманизм идеяләре күтәрелә, шул мәсьәләләргә бәйле хикәятләр китерелә. "Нуры содур" поэмасында бүлекләр ике өлештән тора, ягъни

Мөхәммәдьяр башта сабырлыкка, дөреслеккә, түземлеккә, оятлылыкка чакыра, аннан соң, үз фикерен раслап, хикәятләр китерә [Кадирова, 2001, 23]. Шагыйрь баб исемнәрендә синонимнарның алынма вариантларын күрсәтсә, текстта төрки сүзләр өстенлек итә. Аларда *хәя – оят, газа – орыш, сыйдык – күнилек* парлары кулланыла. Бу синонимнар янәшә бәетләрдә урын ала. "Гарәп, фарси, Урта Азия халыклары язучыларының әсәрләре белән таныш булуы һәм үз халкының культура казанышларын үзләштерүе" [Борынгы..., 1963, 358] авторга гарәп-фарсы алынмаларын төркичә аңлатырга мөмкинлек бирә. *Сыйдык* һәм *күнилек* сүзләренең мәгънәдәш икәнлекләрен Мөхәммәдьяр үзе дә ассызыклый: *Төрки теленчә* ***сыйдык*** *мәгънәсен белең,* ***Күнилек*** *берлә һәмишә эш кылың* [Мөхәммәдьяр, 1997, 205].

Шагыйрь синонимик парларны янәшә, яки якын урнашкан бәетләрдә файдалана, шул рәвешле кабатлаудан да котыла: *Бәс* ***хәйасы****з кешенең иманы йук, Бихәйалык дәрд ирүр, дәрманы йук* [Мөхәммәдьяр, 1997, 188]; *Кем* ***ойатсыз*** *кешедин килүр йаман, һич ойалмас, тәгүрүр илгә зийан* [Мөхәммәдьяр, 1997, 188].

Лала салды ***карчыгасын*** *ул заман, Казны тибде* ***карчыгасы****, и җәуан* [Мөхәммәдьяр, 1997, 207]. Шушы ук хикәяттә *карчыга* сүзенең фарсы теленнән кергән синонимы *баз* лексемасы очрый: *Тотса ирди телени сахрада каз, Тоттмаз ирди ул дәм ичрә аны* ***баз*** [Мөхәммәдьяр, 1997, 209]. Бу урында алынманың кулланылышын рифма таләбе белән аңлатабыз. *Итүке эчендә аның бер* ***чайан*** *Тигәр ирди ул вәзирни һәр заман* [Мөхәммәдьяр, 1997, 199]; *Ул* ***гакрәб*** *тиггәнигә түзмәдин, Сезгә сабрым барын күргүзмәдим* [Мөхәммәдьяр, 1997, 200] мисаллары да шундый ук очракка үрнәк булып тора.

Мөхәммәдьяр еш кына диңгез образына мөрәҗәгать итә. *Бәхр* һәм *тиңез* лексемаларының кулланылышында стилистик мөмкинлекләр чагылыш таба. Диңгез һәм кешелек, яшәеш проблемалары янәшә куела. Автор иҗатында диңгез дигәндә – тереклек, ә көймә дигәндә кеше күздә тотыла: *Кем* ***теңиздә*** *йөрүр ирдүк бер заман, Газилык кылып җиһанда нагяһан. Йилләр исеб кайнады бер көн* ***теңиз****, Гарк булды* ***теңиз*** *ичрә кимәмез* [Мөхәммәдьяр, 1997, 194].

Тиңез, бәхр синонимнары иксез-чиксезлек, шулай ук киңлекне аңлатырга мөмкин: *И сәхаwәт мәгъдәненең җәүһәри, И сәгадәт* ***тиңезенең*** *гәүһәри* [Мөхәммәдьяр, 1997, 183]; *Ул – нәбувәт мәгъдәненең җәүһәри, Ул – рисаләт* ***тиңезенең*** *гәүһәри* [Мөхәммәдьяр, 1997, 206].

"Төхфәи мәрдан" һәм "Нуры содур" поэмаларында әлеге ике лексема бертигез ешлыкта кулланыла. Алар *сәгадәт* ***тиңезе****, бәхре гыйсйан, рисаләт тиңезе* һәм башка сүзтезмәләр составында киләләр: *Мән бу дөнья* ***бәхрендә*** *бичара мән* [Мөхәммәдьяр, 1997, 39]; ***Бәхре*** *гыйсйан эчрә булмаса кәми, Мөшкел ул чыкгай сәламәт бикәми* [Мөхәммәдьяр, 1997, 74].

Мөхәммәдьяр иҗатында эт төшенчәсен *эт* һәм *сәг* лексемалары бирә. Алдагы мисалларда бу ике сүз сүгү лексикасына карый: *Әйтүр: «И, бәдбәхет,* ***сәг****, бәччә шәйда, Эч вә ташың төгәл биһүдә сәүда* [Мөхәммәдьяр, 1997, 45]; *Нидүр уш асылың (һәм) кайсы* ***эт*** *сән, Ни эш берлә бу мәнзилгә тәгиб сән?* [Мөхәммәдьяр, 1997, 45].

Сүзләрне бер-бер артлы урнаштыру бер үк мәгънәне ныклы раслау, мәгънәне көчәйтү өчен кулланыла. Мөхәммәдьяр да әсәрләрендә синонимнарны янәшә куеп фикер үтемлелеген арттыруга ирешә: *Хан дидарындин җаными шад кыл, Күңлүмни* ***гамь-кайгудин*** *азад кыл* [Мөхәммәдьяр, 1997, 36]. Бу очракта ике компоненты үзара синоним булган парлы сүз туа.

Шагыйрь шулай ук *су* [Мөхәммәдьяр, 1997, 67] – *аб* [Мөхәммәдьяр, 1997, 87], *ат* [Мөхәммәдьяр, 1997, 89] – *исем* [Мөхәммәдьяр, 1997, 89], *утачы* [Мөхәммәдьяр, 1997, 71] – *табиб* [Мөхәммәдьяр, 1997, 90], *үтмәк* [Мөхәммәдьяр, 1997, 78] – *нан* [Мөхәммәдьяр, 1997, 80], *кеше* [Мөхәммәдьяр, 1997, 78] – *зат* [Мөхәммәдьяр, 1997, 78]; *теләнче* [Мөхәммәдьяр, 1997, 81] – *саил* [Мөхәммәдьяр, 1997, 80], *өлеш* [Мөхәммәдьяр, 1997, 87] – *кыйсмә*т [Мөхәммәдьяр, 1997, 87], *кунак* [Мөхәммәдьяр: 64] – *миһман* [Мөхәммәдьяр, 1997, 79], *бүләк* [Мөхәммәдьяр, 1997, 224] – *әрмаган* [Мөхәммәдьяр, 1997, 191] һәм башка күпсанлы синонимик парларны поэмаларында уңышлы файдалана.

XVIII гасырларның язма истәлекләрендә синонимнар, беренче чиратта, вакыйга яки эш-хәлне тулырак сурәтләү максатыннан куллана. Мәсәлән, гарәп алынмасы *фетнә* төрки-татар сүзе *гауга* белән бер үк җөмләдә килеп, илдә барган болгавыр вакыйгаларны тагын да көчәйтеп, төрле яклап ача: *Аннан соң урыс илендә төрле* ***фетнәләр*** *һәм* ***гаугалар*** *күренә башлады...*[Дәфтәре Чыңгызнамә, 2011, 68].

'Дала, ялан, кыр' мәгънәсендәге *сахра / япан* синонимнары да бер-берсен мәгънәви тулыландыра, образлылыкны көчәйтә: *Алар бер җиргә җиттеләр, падишаһзадә гомере эчендә андаг хуп вә яхшы* ***сахра*** *вә* ***япан*** *күремеше юк иде* [Мәҗмугыл-хикәят, 1963, 506]. Хәзерге татар әдәби телендә *сахра* лексемасы актив лексика составында, ә *япан* сүзе 'ялан, кыр, басу' мәгънәсендә татар сөйләшләрендә сакланып калган [Татар теленең диалектологик..., 1969, 165]: Әлеге мисалда *хуп / яхшы* мәгънәдәш сүзләре дә урын ала.

Мәгълүм булганча, язучы үзенең әйтергә теләгән фикерен җиткерү өчен гел бер үк сүзне куллана икән, матур әдәбият әсәренең яңгырашы кими, ул укучыга кызыксыз була башлый. Шуңа да

әдәби текстта синонимнар кабатлаулардан качу чарасы булып хезмәт итә. Мәсәлән, түбәндәге мисалларда *үлем* сүзен автор аннан соң килгән җөмләдә гарәп алынмасы *әҗәл* белән алыштыра: – *Ай, әй, калтак углы, белеңләр,* ***үлемдин*** *һич котылгымыз йук ирмеш.* ***Әҗәл*** *йитеп килсә, дару-дәрман булмас ирмеш* [Дәфтәре Чыңгызнамә, 2011, 71]. ***Дөнйа*** *дигәне тышкары вә киң* ***җиһандыр*** [Дәфтәре Чыңгызнамә, 2011, 67] җөмләсендә урын алган *җиһан* сүзе дә *дөнья* лексик берәмлегенә мәгънәдәш булып, аны кабатлаудан качып, җөмләне стилистик яктан баетып кулланылган.

Истәлекләрдә стилистик бизәк чарасы буларак актив кулланыла торган синонимик парлардан *су* төшенчәсендәге *су / аб* сүзләрен атарга мөмкин: *Вә шаһзадә бик гаять дилгир булыб, дошманның дәфгына алят вә әсбабе хәреп раст кылды вә мәшекләргә* ***сулар*** *тултырыб, дошманига рүбрү йөреде* [Мәҗмугыл-хикәят, 1963, 508]. Алдагы җөмләдә *су* лексемасы урынына фарсы алынмасы *аб* кулланылган: *Вә шаһзадәнең берек вә голүф вә* ***аб*** *вә ашы әда булыб, һич нәрсәсе калмады* [Шунда ук]. Хәзерге татар әдәби телендә *аб* алынмасы кулланылмый, сөйләшләрдә дә сакланмаган. Бүгенге әдәби телдә кулланылыштан төшеп калган алынма сүзләрдән *фәрзәнд* лексемасын атарга мөмкин. Бу лексик берәмлек язма истәлектә *угыл* сүзенең синонимы буларак, ‘ир бала’ мәгънәсендә очрый: ***Углыны*** *кулыйга алыб үбеб, янә пәри кызыйга бирде. Шаһзадәнең* ***фәрзәндегә*** *бисияр мәхәббәте вә шәфкате барындин мозтарабел-халь вә рәнҗү пәр хатыр булды* [Мәҗмугыл-хикәят, 1963, 507].

Кайбер очракта синонимик парлар арасында бүгенге көндә гади сөйләм телендә, күпчелек очракта тискәре мөнәсбәтне белдергәндә кулланыла торган лексик берәмлекләр дә күзәтелә. Мәсәлән, түбәндәге мисалда төп геройның тышкы кыяфәтен тасвирлауда *йөз* сүзенә мәгънәдәш буларак *чырай* лексемасы килгән: *Әмма минем углым Чыңгызның төсе-нишаны улдыр кем, ак тунлы, күк атлыг, алтын йөзекле,* ***йөзе*** *гайәт күрекле, алтын садаклы, ир* ***чырайлы*** *Җәбраил дик сынлы торыр* [Дәфтәре Чыңгызнамә, 2011, 75].

Йомгак ясап шуны әйтергә мөмкин, Казан ханлыгы чоры һәм XVII – XVIII гасыр төрки-татар язма текстларында синонимнарның стилистик чара буларак кулланылышында гомумтөрки сүзләр белән берәттән, гарәп-фарсы алынмалары да актив катнашкан. Төрки-татар сүзләреннән торган синонимик рәтләр гасырлар дәвамында гарәп-фарсы алынмалары белән баеган. Бу авторларның туган телне яхшы белүе өстенә гарәп-фарсы телләре белән дә якыннан таныш булуы, ягъни укымышлылыгы хакында сөйли.

Поэзиядә синонимнарны сайлау, иң беренче чиратта, шигырь төзелешенә, аның ритм һәм рифма үзенчәлекләренә бәйле тормышка ашырыла. Шулай ук төрле строфаларда синонимнарның теге яки бу парын куллану шагыйрьнең кабатлаулардан котылырга теләве белән дә аңлатыла. Синонимнар авторга геройларның хис-кичерешләрен, тышкы кыяфәтләрен, вакыйга-күренешләрне һ.б. тулырак тасвирлау мөмкинлеге бирә.

Гомумән алганда, Мөхәммәдьяр поэмаларында һәм XVII – XVIII гасыр әсәрләрендә кулланылган синонимнар әсәрнең образлылыгын арттыра торган стилистик бизәк чарасы гына булып калмыйча, татар әдәби теленең үсеш тенденцияләрен, лексик байлыгын һәм стилистик мөмкинлекләрен күрсәтә.

Әдәбият

Бәширова И. Б. Татар әдәби теле. Семасиология. Казан: ИЯЛИ, 2010. 532 б.

Борынгы татар әдәбияты. Казан: Таткнигоиздат, 1963. 579 б.

Дәфтәре Чыңгызнамә // Мирастан биш сәхифә: XVII-XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкярләре. Казан: Татар кит. нәшр., 2011. 38-96 б.

Кадирова Э. Х. Поэмы Мухамедьяра «Тухфа-и мардан» и «Нур-и содур»: лексика. Казань: Фикер, 2001. 230 с.

Мәҗмугыл-хикәят // Борынгы татар әдәбияты. Казан: Таткнигоиздат, 1963. 503–526 б.

Мөхәммәдьяр. Нуры содур. Поэмалар, шигырь. Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. 336 б.

Наджип Э. Н. О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках // Советская тюркология. 1970. № 1. 87–92 с.

Татар әдәбияты тарихы: алты томда. 1 т. Казан: Татар кит. нәшр., 1984. 568 с.

Татар теленең диалектологик сүзлеге. Казан: Татар кит. нәшр., 1969. 643 б.

Ханбикова Ш. С. Татар телендә синонимия һәм сүзлекләр. Казан: Татар кит. нәшр., 1980. 208 б.

© Кадирова Э. Х., Валиева М. З., 2022

УДК *811.512.141*

Каримова Г. Р., Россия, Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, н.с.

УЧЕНЫЙ-ЯЗЫКОВЕД И ЛЕКСИКОГРАФ З. Г. УРАЗБАЕВА

В данной статье представлен краткий обзор научной деятельности известного лексикографа З.Г. Уразбаевой. Она активно и плодотворно занималась актуальными проблемами лексикологии и терминологии башкирского языка. Также в статье подчеркиваются ее неоценимый вклад и ее роль в сохранении и развитии башкирского языка.

Ключевые слова: *башкирское языкознание, лексикология, терминология, лексикография, словари.*

Karimova G. R., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS, Research Fellow

LINGUIST AND LEXICOGRAPHER Z. G. URAZBAEVA

This article provides a brief overview of the scientific activities of the famous lexicographer Z.G. Urazbaeva. She actively and fruitfully dealt with pressing issues of lexicography, lexicology, terminology of the Bashkir language, etc. The article emphasizes the invaluable contribution of Z.G. Urazbaeva in the lexicography of the Bashkir language, her role in the preservation and development of the Bashkir language is noted.

Keywords: *Bashkir linguistics, lexicology, terminology, lexicography, dictionaries.*

ТЕЛСЕ-ҒАЛИМӘ ҺӘМ ЛЕКСИКОГРАФ З. Ғ. УРАЗБАЕВА

Зәкиә Ғәрифйән ҡыҙы Уразбаева РФА Өфө ғилми үҙәге Тарих, тел һәм әҙәбиәт институтында оҙаҡ йылдар хеҙмәт итеп, үҙенең фәнни эшмәкәрлеген тел ғилеменә бағышлаған ғалимә, тәжрибәле лексикограф. Башҡорт теленең милли терминологияһы үҫешенә ҙур өлөш индергән телселәрҙең береһе.

Телсе-ғалимә Зәкиә Ғәрифйән ҡыҙы Уразбаева 1946 йылдың 13 сентябрендә Башҡортостан Республикаһы Күгәрсен районы Тәүәкән ауылында тыуған. Ул Башҡорт дәүләт университетын 1970 йылда тамамлай. 1976-1979 йылдарҙа Тарих, тел һәм әҙәбиәт институтында аспирантура үтеп, 1980 йылда “Башҡорт телендә һүҙҙәрҙең вариантлылығы” темаһына кандидатлыҡ диссертацияһы яҡлай.

Зәкиә Ғәрифйән ҡыҙы Тарих, тел һәм әҙәбиәт институтында хеҙмәт юлын 1969 йылда башлай. Ул аңлатмалы һүҙлек бүлегендә ғилми-техник хеҙмәткәр вазифаһына тәғәйенләнә. Әле генә төҙөлә башлаған “Аңлатмалы һүҙлек” фондын фактик материал менән тулыландырыуҙа һүҙлекте төҙөүсе ғилми хеҙмәткәрҙәр менән бер рәттән ғилми-техник хеҙмәткәрҙәр ҙә ҡатнаша. Был осорға инде буласаҡ һүҙлектең төп фонды йыйылғанлыҡтан, унда телдә һирәк ҡулланылған мәғәнә төҫмөрҙәре, стилистик айырмалыҡтарҙы биргән һүҙҙәр һәм һөйләү телендәге мәғәнә өлгөләре һайлап алына. Аңлатмалы һүҙлек бүлегендә эшләү дәүерендә Зәкиә Ғәрифйән ҡыҙы һүҙлексе эшенең ифрат ҡатмарлы ла, шул уҡ ваҡытта яуаплы ла икәнен аңлай, һүҙлек төҙөүҙең нескәлектәренә төшөнә, был уның киләсәктәге ғилми йүнәлешен билдәләй ҙә инде.

Зәкиә Ғәрифйән ҡыҙы авторҙар коллективы составында яңы өлгөлө һүҙлектәр төҙөүҙә актив ҡатнаша: “Башҡортса-русса һүҙлек” (1996), “Русса-башҡортса һүҙлек” (2005), “Хәҙерге башҡорт әҙәби теленең аңлатмалы һүҙлеге” (2004), “Урыҫса-башҡортса, башҡортса-урыҫса урман хужалығы терминдары һүҙлеге” (2007). Һаналған һүҙлектәрҙең әһәмиәте бөгөнгө көндә баһалап бөткөһөҙ [Башкирско-русский словарь, 1996, 884; Русско-башкирский словарь, 2005, 808; Хәҙерге башҡорт теленең аңлатмалы һүҙлеге, 2004, 528].

Бынан тыш, Зәкиә Ғәрифйән ҡыҙы, лексикография өлкәһендә тәжрибә туплаған һүҙлексе булараҡ, үҙ авторлығында ла һүҙлектәр төҙөй. “Башҡорт теленең аффиксаль морфемалар” (2004) һүҙлеге шундайҙар иҫәбенә инә. Һуңғы ваҡытта әҙәби тел структураһының үҙгәреүе, ҡайһы бер яһаусы формаларҙың әүҙемләшеүе телдең грамматик төҙөлөш мәсьәләләренә иғтибарҙы арттырҙы. Шуға ла тел ғилемендә һүҙьяһалыш һәм грамматик һүҙлектәр төҙөү зарурлығы тыуҙы. Был йәһәттән “Башҡорт теленең аффиксаль морфемалар” һүҙлеге көнүҙәк проблемаларҙы сисеүҙә ҙур әһәмиәткә эйә. Һүҙлектә һүҙьяһаусы һәм һүҙ үҙгәртеүсе морфемалар бирелә, йәғни аффикстарҙың башта һүҙ яһауы, унан ҡала һүҙ үҙгәртеүсе мәғәнәләре һаналып кителә, миҫалдар менән иҫбатлана. Аффиксаль морфемалар һүҙлеге телдең һүҙьяһалыш, грамматик формаларын күҙ алдына килтереүҙән тыш, яңы һүҙ яһау мөмкинселектәрен дә күҙаллауға ярҙам итә, был осраҡта башҡорт телен өйрәнеүсегә ышаныслы белешмә һәм ғалимдар өсөн сығанаҡ булып тора [Уразбаева, 2004, 82].

“Этика буйынса ҡыҫҡаса русса-башҡортса һүҙлек” тә (2009) – Зәкиә Ғәрифйән ҡыҙының күп йыллыҡ эшенең ғилми һөҙөмтәһе. Автор үҙе аңлатыуынса, Д.Ж. Вәлиевтың “Этика” китабын тәржемә иткәндә, этика өлкәһенә ҡараған күп кенә терминологик һүҙҙәрҙең, хатта ҡайһы бер лексик берәмектәрҙең дә башҡорт теленә тура ғына тәржемәһе булмай сыға. Ҡайһы бер һүҙбәйләнештәрҙең дөйөм лексик тәғәйенләнештән айырылғанлығы асыҡлана. Автор, бөтә был айырмалыҡтарҙы иҫәпкә алып, этика буйынса һүҙлек төҙөүҙе кәрәк тип һанай. Һүҙлек әҙәп, әхлаҡ темалары менән

ҡыҙыҡһыныусы ғалимдар, журналистар, студенттар, юғары класс уҡыусылары, башҡа киң ҡатлам уҡыусылары өсөн ифрат файҙалы [Уразбаева, 2009, 71].

Зәкиә Ғәрифйән ҡыҙы, алтмыштан ашыу ғилми хеҙмәт авторы. Уның 1998 йылда баҫылған “Башҡорт телендә һүҙ вариантлылығы” (Өфө, 1998) тигән китабын миҫал итеп күрһәтергә була. Был хеҙмәт хәҙерге тел ғилеменең иң актуаль мәсьәләләренең береһе – башҡорт телендә һүҙ вариантлылығын өйрәнеүгә бағышлана. Вариантлы һүҙҙәр проблемаһы, башҡа төрки телдәрендәге кеүек, башҡорт теленә лә хас күренеш. Монографияла һүҙ вариантлылығы мәсьәләһе төрлө яҡлап яҡтыртыла: был мәсьәләнең өйрәнелеү тарихы, вариантлы һүҙҙәрҙең фонетик һәм һүҙьяһалыш төрҙәре, башҡорт телендә варианттарҙың аныҡ бүленеше үткәрелә [Уразбаева, 1998, 108].

Зәкиә Ғәрифйән ҡыҙының тикшеренеү даирәһе бик киң. Башҡорт педагогия институтының студенттары өсөн тәғәйенләнгән дәреслеккә “Башҡорт телендә паронимдар” мәҡәләһен яҙа. Башҡорт телендә паронимдарҙы тел күренеше булараҡ һүрәтләй, уларҙың үҙенсәлектәрен, ҡулланылышын асып бирелә [Уразбаева, 1986, 399].

Зәкиә Ғәрифйән ҡыҙы коллектив темаларҙа ҡатнашып “Рус теленең ауыл ерендә ҡулланылышы” (“Русский язык в Башкирии и его взаимодействие с башкирским языком”, Уфа, 1988) һәм “Милләт-ара никахтар һәм уларҙың тел процесында роле” (“Развитие общественных функций башкирского литературного языка”, Уфа, 1987) тигән мәҡәләләрендә һәр әле лә заман өсөн әһәмиәтен юғалтмаған һығымталар яһай [Русский язык в Башкирии и его взаимодействие с башкирским языком, 1988, 77; Русско-башкирский словарь, 2005, 808].

Зәкиә Ғәрифйән ҡыҙы тәржемә өлкәһендә лә үҙен уңышлы эшләүсе ғалимә итеп таныттылар. “Башҡорт энциклопедияһы”, “Юридик терминдар” ҙы башҡорт теленә тәржемә итеүҙә ҡатнаша. Д.Ж. Вәлиевтең “Этика” китабын, Э.Р. Мулдашевтың “Непал һәм Тибет ламалары” китабын башҡортсаға тәржемә итә.

Дини темаға “Хаҡ динемдә минең беренсе аҙымдарым”, “Минең ғибәҙәтем” һәм тағы бер нисә дини хеҙмәтте башҡорт теленә тәржемә итә. 2007 йылда “Башҡорт телендә дини лексика һүҙлеге” донъя күрә. Зәкиә Ғәрифйән ҡыҙы Ситтән тороп Ислам университетын тамамлай һәм “Теолог” һөнәрен ала. Шуғалыр ҙа ул һуңғы ваҡытта телебеҙҙә дини лексиканың дөрөҫ ҡулланылышы, дини терминдарҙы файҙаланғанда мәғәнә хилафлығын булдырмау мәсьәләләренә иғтибарын йүнәлтә.

Зәкиә Ғәрифйән ҡыҙы йәмәғәт эштәрендә лә әүҙем ҡатнашыусыларҙан була. Ул радионан башҡорт теленең норматив мәсьәләләре, башҡорт әҙәби телендә терминдар ҡулланылышы, телмәр мәҙәниәте кеүек темаларға йыш сығыш яһай. Элекке Верховный совет эргәһендәге терминологик комиссияның сәркәтибе булып байтаҡ йылдар эшләй, БАССР-ҙың Верховный судында ун йыл рәттән халыҡ ултырышсыһы вазифаһын башҡара. Ғилми хеҙмәткәрҙәрҙең Бөтә союз профсоюз комитетына ағза итеп һайлана һәм Мәскәүҙә үткән конференцияла, семинарҙарҙа докладтар менән сығыш яһай.

Зәкиә Ғәрифйән ҡыҙы Уразбаева ғүмер буйына күңел йылыһын биреп, башҡорт теленең тел байлығын, нәфислеген һаҡлау һәм үҫтереү буйынса халыҡҡа тоғро хеҙмәт итә.

Әҙәбиәт

Башҡорт теленең һүҙлеге. Ике томда. Мәскәү: Русский язык, 1993. 814 б.

Башкирско-русский словарь. М.: Русский язык, 1996. С. 884.

Развитие общественных функций башкирского литературного языка. Уфа, 1987. С. 69.

Русский язык в Башкирии и его взаимодействие с башкирским языком: Сборник научных трудов. Уфа, 1988. 77 с.

Русско-башкирский словарь: в 2 томах / Под редакцией З.Г. Ураксина. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. 808 с.

Уразбаева З.Г. Вариантность слова в башкирском языке. Уфа: Гилем, 1998. 108 с.

Уразбаева З.Г. Словарь аффиксальных морфем башкирского языка. Уфа, 2004. 82 с.

Уразбаева З.Ғ., Суфьянова Н.Ф. Урыҫса-башҡортса, башҡортса-русса урман эше терминдары һүҙлеге. Өфө, 2007. 84 б.

Уразбаева З.Ғ. Этика буйынса ҡыҫҡаса русса-башҡортса һүҙлек. Өфө, 2009. 71 б.

Уразбаева З.Ғ. Башҡорт телендә паронимдар // Хәҙерге башҡорт теле. Педагогия институтытының башланғыс кластар факультеты өсөн студенттары өсөн дәреслек. Өфө, 1986. 399 б.

Хәҙерге башҡорт теленең аңлатмалы һүҙлеге. Өфө, 2004. 528 б.

© Каримова Г. Р., 2022

УДК *811.512*

Каскинова Г. Н., Россия, г. Бирск
Бирский филиал БашГУ, доцент

РОЛЬ ФОЛЬКЛОРНО-ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В УСЛОВИЯХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ДИАЛЕКТА

В данной статье подводятся итоги фольклорно-диалектологических экспедиций в северо-западные районы Республики Башкортостан. Целью изучения этих экспедиций был язык и духовная культура башкир. Рассматриваются также вопросы преподавания башкирского языка и литературы в условиях северо-западного диалекта башкирского языка.

Ключевые слова: *фольклорно-диалектологическая экспедиция, северо-западный диалект башкирского языка, башкиры рода Балыксы, фольклор, Караидельский говор.*

Kaskinova G. N., Russia, Birsk
Birsk branch of Bashkir State University, Associate Professor

THE ROLE OF FOLKLORE-DIALECTOLOGICAL EXPEDITIONS IN TEACHING THE BASHKIR LANGUAGE AND LITERATURE IN THE CONDITIONS OF THE NORTHWESTERN DIALECT

This article summarizes the results of folklore-dialectological expeditions to the northwestern regions of the Republic of Bashkortostan. The purpose of studying these expeditions was the language and spiritual culture of the Bashkirs. The issues of teaching the Bashkir language and literature in the conditions of the northwestern dialect of the Bashkir language are also considered.

Keywords: *folklore-dialectological expedition, northwestern dialect of the Bashkir language, Bashkirs of the Balyksy clan, folklore, Karaidel dialect.*

ТӨНЬЯҠ-КӨНБАЙЫШ ДИАЛЕКТЫ ШАРТТАРЫНДА БАШҠОРТ ТЕЛЕ ҺӘМ ӘҘӘБИӘТЕН УҡЫТЫУҘА ФОЛЬКЛОР-ДИАЛЕКТОЛОГИК ЭКСПЕДИЦИЯЛАРҘЫҢ РОЛЕ

“Уҡыусы нимә менәндер тултырырға кәрәк булған буш һауыт түгел, ул – ҡабыҙылырға тейешле сыраҡ. Ә уны тоҡандырып ебәрер өсөн үҙеңдең дөрләп яныуың шарт”. Боронғо аҡыл эйәһенең был һүҙҙәре уҡытыусы сифатында тәү тапҡыр юғары уҡыу йортона аяҡ баҫҡан көндән алып күңелгә уйылған.

“Ҡараңғыла фонарҙе ҡабыҙыусы” булып (мәшһүр Аҡмуллабыҙ һүҙҙәре менән әйткәндә – Г. Ҡ.) тап үҙебеҙ һәм беҙ әҙерләгән башҡорт теле һәм әҙәбиәте уҡытыусылары торорға тейеш.

Беҙ эшләгән Бөрө ҡалаһын күптәр рус халҡы вәкилдәре күпселекте тәшкил иткән төбәк булараҡ күҙ алдына килтерһә лә, был ерҙәрҙе һуңғы йылдарҙа балыҡсы, танып башҡорттары һ.б. үҙ итә. Аҡиҙел ярында ултырған элекке сауҙагәрҙәр ҡалаһы үҙендә башҡорт халҡының һөйөклө ҡыҙы Һәҙиә Дәүләтшина тураһындағы иҫтәлектәрҙе лә ҡәҙерләп һаҡлай. Әҙибәнең “Ырғыҙ” романына һуңғы нөктә ҡуйылған төбәк, изге һөйәгенең мәңгелек төйәгенә әүерелгән тупраҡ ул Бөрө.

Ырымбур, Бөрө өйәҙе, Һамар яғы,
Орск, Йәйыҡ буйы һәм аръяғы –
Һәммәһе башҡорт бабай милке булған.
Бабайҙар борон йәйелеп йөрөгән сағы,

– тип яҙған XX быуат башында Шафиҡ Әминев-Тамъяни. Бына тап ул да атап киткән ошо тарихи Бөрө өйәҙе тупрағында халҡыбыҙ рухын яңыртыу, ҡалабыҙға яҡын-тирә райондарҙа тыуып үҫеп, башҡорт теленең төнъяҡ-көнбайыш диалектында һөйләшеүсе студенттарҙы әҙәби тел нормаларына өйрәтеү, Бөрө еренә башҡорт рухын яңынан ҡайтарыу, башҡорт телен бар камиллығында яңғыратыу кеүек мәсьәләләр беҙҙең оло бурысыбыҙ булып тора. Ә тулыһынса тиерлек ассимиляцияға бирелеп бөтә яҙған халыҡ менән был эштәрҙе атҡарып сығыу еңел түгел. Был башланғыста беҙ, филология кафедраһының башҡорт бүлеге уҡытыусылары, яңғыҙ түгелбеҙ – шуныһы ҡыуаныслы. Республика йәмәғәтселеге лә, БДУ-ның Бөрө филиалы етәкселеге лә беҙгә кинәнеп эшләрлек шарттар тыуҙырҙы. Уҡыу йорто хәстәрлегенең бер дәлиле булып уҡытыусыларҙың һәм студенттарҙың яҡшы башланғыстарының рухи һәм финанс йәһәттән яҡлау табыуы тора.

2005, 2006, 2007 йылдарҙа юғары уҡыу йорто етәкселеге ярҙамында беҙҙең тарафтан Башҡортостан Республикаһының Тәтешле, Ҡариҙел, Асҡын райондарына фольклор-диалектологик экспедициялар ойошторолдо. Экспедицияның географияһын халҡы башҡорт милләте вәкилдәренән торған 25 ауыл тәшкил итте. Студенттар башҡорт теленең төньяҡ-көнбайыш диалекты Танып һәм Ҡариҙел һөйләштәрен өйрәнде. Бай фольклор материалы тупланып, системаға һалынды. Әлбиттә, был эштәрҙең маҡсаты – башлыса ошо төбәктә тыуып үҫкән студенттарҙы үҙ тарихы, үҙ асылы менән таныштырыу; йор һүҙле, зирәк хәтерле ололарҙың белгәндәрен үҙ мәлендә ҡағыҙға төшөрөү; халыҡтың милли үҙаңын һаҡлап ҡалыуына инаныу.

Урындағы халыҡ, бигерәк тә интеллигенция вәкилдәре беҙҙең был сәфәрҙәрҙе хуплап ҡаршы алды. Үҙ сиратында студенттар ҙа ҡыҙыҡлы йөкмәткеле хәтирәләр, легендалар, ғәҙәт-йола үрнәктәрен яҙып алып, бер-береһе менән бүлешергә ашыҡты. Асҡын районы Гөмбә ауылы аҡһаҡалы Сабиров Сәғит Ғилмисолтан улы (1939 йылда тыуған) тарафынан һөйләнелгән ише легендаларҙы (түбәндә килтерелә – Г.Ҡ.) диалектология дәрестәрендә лә өҫтәмә материал сифатында киң ҡулланабыҙ.

Гөмбә ауылының тарихы

Мәсетнең 10 йыллығын үткәргәндә ауылның да йәшен исәпләргә булдылар. Ата-бабаларның әйткәннәренә таянсаң, ауылға 350 йыл була. Дөресен әйткәндә, бу ауыл яу-суғыш ваҡытларында уҡ булған. Шунан сығып, ауылға 450–500 йыл тирәсе, тип фараз итәмен.

Ата-бабаларыбыз сөйләп, әйтеп ҡалдырыуынса, без – Балыҡсы ырыуы башҡортлары.

Ауылның барлыҡҡа килеүе турасында ике легенда йәшәй. Тәүгесе: Гөмбәз исемле башҡорт ҡарты бу ерләргә беренсе булып килеп утырған. Уның исеме ауылныҡы ла булып китә. Гөмбәз тирә-бара Гөмбә генә булып ҡала.

Икенсеһе: гөмбә сүзе башҡортса бәшмәк була. Ауыл янындағы тау бәшмәккә оҡшаған, шуға ауыл Гөмбә тип аталған да, тиләр. Әммә без "гриб" сүзен гөмбә түгел, мәшкә тибеҙ. Гөмбә сүзе ҡулланылмай.

Мин тәүге вариантны дөрес, тип исәпләйем [Ғәниев, Ғәниева, Ҡасҡынова, 2021, 21].

Яҡшылар зыйраты

Бер ваҡыт Иҙелгә мишәрләр яу белән килгәннәр. Башҡорт ерләрен, уларның байлығын, ҡошҡортларын, ҡатын-ҡыҙларын таларға, басып алырға. Күпме тырышсалар да, башҡортлар аларға баш салмағаннар.

Мишәрләр шундай шарт ҡуялар: "Исән ҡалдырабыҙ, халыҡҡа ирек бирәбеҙ, әгәр Иҙел аша сығып, безгә берәр кәбән бесән алып килсәләр". Ә үҙләре Иҙел бозона сатыр ҡороп ҡуялар, йәнәсе шунда йөкне ҡабул итәләр. Сатыр эсендәге бозны уйып алалар.

Башҡортлар бу шартны үтәргә булалар. Атларын егеп, бозло Иҙел аша сыҡҡанда йөге-ние белән сыу астына китеп торалар.

Быны бер мәрйә ҡызы тауға менеп күреп торған: ни эш бу, атлар кереп китә, тик сыҡмайлар икән. "Ребята! Вернитесь обратно! Они вас обманули," – тип ҡысҡырған ул.

Дошманлар уны күргәс, язалап үлтерәләр. Башҡортлар бу изгелекле мәрйәнең икенсе дин тотоуына ҡарамастан, уны шул яуда сәләк булған башҡортлар белән тауда күмгәнләр. Бу зыйратны Яҡшылар зыйраты тип йөрөтәләр [Ғәниев, Ғәниева, Ҡасҡынова, 2021, 67–68].

Бындай типтағы эштәр бөгөнгө көндә, мәғлүмәткә ҡытлыҡ булмаған заманда, бигерәк тә мөһим. Студент үҙенең һәм ата-бабаларының кем булыуы тураһында юғары уҡыу йорто аудиторияларында ғына уйланмай, ә үҙе эҙләнеп, ололар һүҙенә ҡолаҡ һалып, фекер туплай. Башҡорт теленә хас булған **ҡ** өнөнөң үҙ һөйләшендә әҙәби телгә ҡарағанда ла күп булыуын асыҡлай. Ошо йүнәлештә фәнни тикшеренеүҙәр алып бара. Бына нимә тип яҙа был турала филология факультеты студенты Гөлсәсәк Хужиева: "Филология фәндәре докторы Р.Сибәғәтов башҡорт теленә хас булған **ҙ** өнө тураһында фекер йөрөтә. Уныңса, был төбәк халҡы телендә был өн бик үк башҡортса яңғырамай, **н, л** өндәре урынына ҡулланыла. …был өн сығышы менән боронғо ҡыпсаҡ теленән килә тигән ҡараш бар, тип яҙа. Мин был фекер менән килешмәйем: сөнки беҙҙең Асҡын, Ҡариҙел яҡтарында *тимерҙек* (әҙәби телдә: *тимерлек), ҡалаҙа* – (әҙәби телдә: *ҡалала), Ҡуяҙыҙа* (әҙәби телдә: *Ҡуяҙыла*) кеүек һүҙҙәр, ҡылымдың үткән заман формаһы: *булмаҙы, алаҙырыем, уҡыҙыҡ, барҙыҡ, тыуҙым, керҙеләр, сөйләҙек* был территорияла йәшәүсе халыҡ телендә ғәҙәти күренеш, урындағы халыҡтың теле башҡортса икәнен иҫбатлаусы дәлилдәрҙең береһе" [Ҡасҡынова, Хужиева, 2006, 73].

Төньяҡ-көнбайыш диалектының Ҡариҙел һөйләше башҡорт теленең төп һөйләштәренең береһе булараҡ үҙенә генә хас үҙенсәлектәргә һәм дөйөм һыҙаттарға эйә, татар ғалимдарының был һөйләште башҡорт теленең диалекты булараҡ шик аҫтына ҡуйыуы урынһыҙ, тигән һығымтаға килә башҡорт бүлеге студенттары.

Фекерҙе йомғаҡлап, шуны әйтке килә: боронғо Шәмшәҙе ырыуы башҡорттары еренә ултырған Бөрө төбәгендә, тарихи Бөрө өйәҙендә башҡорт телен бар итеү үҙебеҙҙән тора. Уҡытыусы был осраҡта уҡыусыларына ысын мәғәнәһендә рухи остаз була ала. Уның иң ҡиммәтле сифаттарының береһе – кешелеклелек, шәкерттәренә тәрән мөхәббәт, ата-әсәләргә хас аҡыллы талапсанлыҡ менән һуғарылған мөхәббәт.

Әҙәбиәт

Асҡын башҡорттары фольклоры (2007 йылғы фольклор-диалектология экспедицияһы материалдары) / Автор-төҙөүселәре В.В. Ғәниев, Ғ.Ғ. Ғәниева, Г.Н. Ҡасҡынова. Бөрө: БДУ-ның Бөрө филиалы, 2021. 111 б.

Сибәғатов Р. Г. Башҡортостан татарлары. Тел, тарих, мәдәният мәсьәләләре. Казан: Мәғариф, 2002.

Хәйруллина М. Ғ. Тамырҙарыбыҙ – тәрәндә: Төньяҡ-көнбайыш башҡорттары. Уларҙың үткәне, бөгөнгөһө, киләсәге. Өфө, 2002. 64 б.

Хужиева Г., Ҡасҡынова Г.Н. Төньяҡ-көнбайыш диалекты ҡариҙел һөйләшенең фонетик үҙенсәлектәре // Актуальные проблемы башкирской филологии: материалы региональной научно-практической конференции. Бирск: БирГСПА, 2006. 73–75-се бб.

© Каскинова Г. Н., 2022

УДК *811.512.145’282.2*

Кириллова З. Н., Россия, г. Казань
Казанский (Приволжский) федеральный университет, доцент

КРЯШЕНЫ КАК ОСОБАЯ ГРУППА ТАТАР

Данная статья посвящена изучению особенностей говоров кряшен – этноконфессиональной группы татар Поволжья и Приуралья. Большинство кряшен проживает в Республике Татарстан, небольшие группы расселены в соседних республиках и областях, в том числе и в Республике Башкортостан. Отдельные группы кряшен находятся на достаточно большом расстоянии друг от друга, относительно изолированы. Они отличаются по быту, обычаям и некоторым языковым особенностям. В работе также представлены различные мнения о классификации говоров.

Ключевые слова: *кряшены, крещеные татары, говоры, Республика Башкортостан, языковые особенности.*

Kirillova Z. N., Russia, Kazan
Kazan (Volga Region) Federal University, Associate Professor

BAPTIZED TATARS AS A SPECIAL GROUP OF TATARS

This article is devoted to the study of the features in the subdialects of the Kryashens or Baptized Tatars, the ethno-confessional group of Tatars from the Volga and Cis-Urals regions. Most Kryashens live in the Republic of Tatarstan, small groups in neighboring republics and regions, including in the Republic of Bashkortostan. Individual groups of kryashen are located at a sufficiently large distance from each other, relatively isolated. They differ in everyday life, customs and some linguistic features. The work also presents various opinions on the classification of subdialects.

Keywords: *Kryashens, Baptized Tatars, subdialects, Republic of Bashkortostan, linguistic features.*

Kreşinler (Kreşin Tatarları), İdil-Ural bölgesinde yaşayan Tatarların özel ve bilimsel bakımdan yeterince araştırılmamış dinî bir grubudur [Татарская, 2002, 108]. “Kreşin” adının, Rusçadaki “kreşçyon (крещён)”, yani “vaftiz edilmiş” kelimesinden geldiği düşünülmektedir. Kreşin Tatarları kendilerine Tatar Türkçesi ile “Kereşen” derler. Müslüman Tatarlar, bu Tatar grubunu “Kereşen” ya da “Kereşen Tatarı” diye adlandırırlar. Rusçada da bu iki adlandırmanın birebir çevirisi kullanılmaktadır: “Kryeşen (Kryeşenka) / кряшен (кряшенка)” ve “Kreşçyonıy Tatarin (Kreşçyonaya Tatarka) / (крещёная татарка)”.

Müslüman olan Tatarlar, İdil-Ural bölgesinde İslamiyetin güçlü temsilcileri olarak kabul edilmişlerdir. Bu bölgede “Tatar” adının etnik bir kökeni ifade etmesi yanında İslam’a mensubiyeti de belirtiyor olmasından dolayı, Kreşinler için “Kreşin Tatarlar” denilmesinden daha çok, yalnızca “Kreşinler” adının kullanılması tercih edilmiştir. Kreşin adı daha çok bu Tatar grubunun Hristiyan olduğunu belirtmektedir. Günümüzde Tatar adının etnik bir grubu belirtiyor olmasından dolayı, Kreşinler kendilerini “Kreşin Tatarları” (Rusça Tatarı Kryaşenı; Tatarca Kereşen Tatarları) olarak adlandırmakta bir sakınca görmemektedirler [Durmuş, 2008, 68].

“Kreşin” adının kökeni hakkında başka bir görüş daha vardır. Tarihçi Maksim Gluxov, bu adı Sanskritçedeki ker (dağ) ve Çincedeki çin (kişi) kelimeleriyle ilişkilendirir. Yani bu etnonimin “dağ kişisi” anlamına geldiğini, Kerait (Gerait) ismi ile bağlantılı olduğunu, 10. yüzyılda Nasturi mezhebindeki Hristiyanlığı kabul eden bir Tatar grubunun adı olduğunu ispatlamaya çalışır [Глухов, 1997, 328]. Ancak, bu görüş bilim âleminde kabul görmemiştir.

Kreşinler, yaşadıkları bölgelere ve dil özelliklerine göre beş gruba ayrılırlar: Kazan ardı Kreşinleri, Tüben Kama Kreşinleri, Tav Yagı (Dağ bölgesi) Kreşinleri, Çistay Kreşinleri ve Nogaybek Kreşinleri [Баязитова, 1997, 7–23]. Coğrafi olarak da yaşadıkları yerler Tataristan, Başkurdistan, Udmurtistan cumhuriyetleri ile Samara, Kirov ve Çilebi eyaletleridir. Kazan Ardı Kreşinleri, Tüben Kama Kreşinleri ve Nogaybek Kreşinleri dil özellikleri bakımından Tatar Türkçesinin Kazan (Orta) grubu ağızları içinde, Tav Yagı (Dağ bölgesi) Kreşinleri ile Çistay Kreşinleri ise Mişer (Batı) grubu ağızları içinde yer almaktadırlar.

1. Kazan Ardı Kreşinleri: Kazan ardı Kreşinlerine (Kazan Tatar grubu olarak da adlandırılır) Tataristan’ın Pitreç, Layış, Mamadış, Balık Bistesi, Saba, Baltaç, Kukmara bölgelerinde ve Kirov oblastı Malmıj bölgesinde yaşayan Kreşinler dahil edilir. Bu grup Kreşinlerin en geniş ve kalabalık grubudur. Bu grubun diğerlerine göre daha eski olduğu düşünülmektedir. Birçok bilim adamının fikrine göre, Kazan Ardı Kreşinleri eski zamanlardan beri bu bölgede yaşamış olan yerli halktan meydana gelmektedirler. Etnik bileşenler açısından iki tabaka tespit edilmektedir: Türk kökenli ve Fin-Ugor kökenli. Çoğu Kreşin köyünün adı, eski Türk kabileleri ile bağlantılara işaret etmektedir: Temti (Temtizi veya Temtidi kabile adından), Bersut (bir sulu, yani “aynı suyu paylaşan kabileler” anlamında), Yansuar, Nırsuar, İksuar gibi adlarda Suar (su insanı) kabilesinin adı, Kreşin Kazısı adında ise Kaz kelimesinin Kazar, Hazar kabile adı ile bağlantılı olduğu düşünülmektedir. Bunun dışında Nogayların da bu grubun etnik tarihinde rol oynadıkları bilinmektedir. Fin-Ugor kökenine işaret eden belirtiler: Kazan ardı bölgesinde birçok Kreşin köyünün temelini Udmurtlar ve Mariler atmıştır. Çepya, Dırga, Yumya, Çura gibi köy adları Udmurt kabile adlarından gelmektedir. Eski Marilerle bağlantılı olan Por kelimesinin yer aldığı köy adları da bulunmaktadır, mesela, Porşur köyü. Taşkirmen köyünün nüfusu Tatarlaşan Mordva ve Çuvaşlardan meydana gelmiştir [Исхаков, 1994, 26; Баязитова, 1997, 7–8; ТХС1, 2008, 87–92].

2. Tüben Kama Kreşinleri. Kreşinlerin diğer grubunu Tüben Kama çevresinde yaşayan Kreşinler teşkil eder (bunlara Alabuga Kreşinleri adı da verilir). Bu gruba Tataristan’ın Alabuga, Tukay, Tüben Kama, Elmet, Zey vd. bölgeleri, Başkurdistan’ın Bakalı ve Şaran bölgeleri ve Udmurt Cumhuriyeti’nin Grahov bölgesi Kreşinleri dahil edilirler. Nikolay Vororbyev, Damir İshakov vd. bilim adamlarının görüşüne göre, Alabuga Kreşinlerinin etnik oluşumuna Nogaylar, Ugorlar, Tatarlaşan Udmurt ve Mariler katkıda

bulunmuşlardır [Исхаков, 1994, 27–28]. Başkurdistan'daki Kreşinler ise Rus, Çuvaş, Mari, Mordva ve Udmurt köyleri ile çevrelenmiş olarak yaşamaktadırlar, bazı köylerin nüfusu Tatarca konuşan ama Hristiyan dinine bağlı Mari ve Çuvaşlardan meydana gelmiştir. Bunlar dil özelliklerinde, geleneklerde ve giyim kuşam tarzında da kendisini belli etmektedir [Баязитова, 1997, 12–17; TXC1, 2008, 108–111].

3. Nogaybek Kreşinleri. Kreşinlerin üçüncü grubunu teşkil eden Nogaybekler, Ural dağlarının güneyinde, Çilebi eyaletinin Başkurdistan Cumhuriyeti ile sınırdaş olan Nogaybek rayonu köylerinde yaşarlar. Nogaybek Kreşinlerinin bir bölümü de Zlatoust şehrine yakın olan Çiberkül rayonu köylerinde yaşamaktadırlar [Юсупов, 2003, 184]. Çilebi eyaleti Nogaybek ve Çiberkül bölgeleri Nogaybeklerinin de etnik kökenleri biraz karışıktır. Birçok kanıta göre, bunların atalarını Arça Tatarları ve Nogaylar teşkil etmektedir, ayrıca bu grubun oluşumunda putperest Fin-Ugor unsurlar ve Orta Asya kökenli Fars, Arap, Buharalı, Karakalpak adını taşıyan gruplar da katkıda bulunmuştur [Исхаков,1994, 28; Баязитова, 1997, 18]. Nogaybekler 1939 yılına kadar nüfus sayımlarında kendilerini ayrı bir halk olarak yazdırmışlardır. Onların yüzyıllar boyu Kazak ordusunda hizmet etmeleri ve başka Tatar gruplarından ayrı olarak yaşamaları da buna sebep olmuştur.

Kreşin Tatarlarının bir grubu olan Nogaybekler, Tatar halkının ayrılmaz bir parçasıdır. Çeşitli ve farklı görüşler olsa da Nogaybeklerin oluşumunda ağırlıklı olarak Kazan taraflarından göçürülen Kreşin Tatarları ve Nogaylar ile kısmen de başka halkların etkili olduğu düşünülmektedir [Юсупов, 2003, 187].

4. Tav Yagı (Dağ bölgesi) Kreşinleri. Kreşinlerin dördüncü grubunu Tav Yagı (Dağ bölgesi) veya diğer adıyla Melki Kreşinleri teşkil ederler. Bunlar Tataristan'ın Çuvaş Cumhuriyeti ile sınırdaş olan Kaybıç (eski adı Podberezye) ve Apas bölgelerinde yaşayan Kreşinlerdir. Günümüzde Tataristan'ın Kaybıç (önceki Podberezye) rayonuna bağlı 8 köyde yaşamaktadırlar [TXC2, 2008, 114].

Bu grubun etnik kökeni konusunda farklı görüşler mevcuttur: 1. Tatarlaşan Çuvaşlardan meydana gelmişlerdir, 2. Çuvaşların etkisi altında kalan Kreşinlerdir, 3. Grubun oluşumunda hem Çuvaşlar hem de Tatarlar etkili olmuştur. N. Vorobyev'in bu konuda özgün görüşü bulunmaktadır. Ona göre bu grup, Tatarlar ve Çuvaşların ortak kökenini teşkil eden Bulgarlardan henüz bu iki halk birbirinden ayrılmadan önce meydana gelmiştir [Баязитова, 1997, 20]. Kreşin etnik adı ancak 20. yüzyılın başında yerleşmiş, ondan önce bu grup için birçok belgede Çuvaş etnik adı kullanılmış, bu grubun kendisi de Çuvaş adını kullanmıştır. Bununla birlikte bazı köylerde nüfusun bir kısmı 18.-19. yüzyıl belgelerinde Kreşin Tatarı olarak kaydedilmiştir. Kültür ve dil özellikleri hem Çuvaşlar hem de Mişerler ile benzerlik göstermektedir [Татары, 2001, 21–22].

5. Çistay Kreşinleri. Kreşinlerin beşinci grubunu Çistay Kreşinleri teşkil etmektedir. Sadece bu grubun etnik kökeni konusunda fikir birliği mevcuttur. Tataristan'ın Çistay, Alekseyevsk, Nurlat, Leninogorsk rayonlarına bağlı köylerde ve Samara eyaletinin Kelevli rayonuna bağlı Urdalı köyünde yaşayan bu Kreşinler, Hristiyanlığı kabul eden Mişerlerden meydana gelmişlerdir. Dolayısıyla onları Mişer Kreşinleri olarak da adlandırmaktadırlar. Mişer Kreşinleri uzun süre Çuvaş, Mordvin ve Ruslarla bir arada yaşadıkları için bu halklardan etkilenmişlerdir [Баязитова, 1997, 19]. Aynı zamanda bazı köylerde Çuvaş nüfusunun da bulunduğunu, grubun etnik oluşumunda Kama nehrinin sağ sahili ve Kazan ardı bölgesi Kreşinlerinin de etkisi olduğunu belirtmek gerekir [EA-ZK, 2018, 51–56].

Böylece, Kreşin Tatarları hakkında çeşitli yönlerden bilgi verildikten sonra şu şekilde bir sonuca gelmek mümkündür:

1. Kreşin Tatarları, İdil ve Ural boylarında yaşayan Tatarların özel bir grubudur. Kreşin Tatarları, Hristiyanlığın Ortodoks mezhebine mensupturlar. Dil ve gelenek-görenek bakımından da bazı farklı özelliklere sahiptirler.
2. "Kreşin" adının, Rusçadaki "Kreşçyon" (vaftiz edilmiş) kelimesinden geldiği kabul edilmektedir, yine tarihçi Maksim Gluxoy tarafından Sanskritçedeki "kºr" (dağ) ve Çincedeki "çin" (kişi) kelimelerinden ibaret "dağ kişisi" anlamına gelen bir kelime olduğu da ileri sürülmektedir.
3. Kreşin Tatarlarının çoğunluğu Tataristan Cumhuriyeti'nde yaşamaktadır. Ayrıca bazı grupları komşu Başkurdistan, Udmurtistan cumhuriyetlerinde; Çilebi, Kirov ve Samara bölgelerinde yerleşiktir. Bu şekilde farklı coğrafyalarda dağınık olarak yaşayan Kreşin Tatarları arasında dil özellikleri, gelenek ve görenekleri bakımından bazı farklılıklar bulunmaktadır.
4. Kreşin Tatarları, yaşadıkları bölgelere, dil ve ağız özelliklerine göre 5 gruba ayrılmaktadır: Kazan Ardı, Tüben Kama Kreşinleri, Nogaybekler, Çistay ve Tav Yagı (Melki) Kreşinleri. Bunların ilk üçü (Kazan Ardı, Tüben Kama Kreşinleri, Nogaybekler) Tatar Türkçesinin Orta (Kazan) diyalektine, diğer ikisi (Çistay ve Tav Yagı Kreşinleri) ise Batı (Mişer) diyalektine dahil edilmektedir. Aynı zamanda bazılarının yeri ve dil özellikleri hakkında bilim adamları arasında görüş ayrılıkları da vardır.

Kaynaklar

Баязитова Ф.С. Керәшеннәр. Тел үзенчәлекләре һәм йола ижаты. Казан: Матбугат йорты, 1997. 248 б.
Глухов М.С. Tatarica. Энциклопедия. Казань: Ватан, 1997. 502 с.
Исхаков Д.М. Керәшеннәр. Тарихи-этнографик очерк // Идел. 1994. № 6. Б. 23-31.
TXC1 – Татар халык сөйләшләре: Ике китапта: Беренче китап. Казан: Мәгариф, 2008. 461 б.
TXC2 – Татар халык сөйләшләре: Ике китапта: Икенче китап. Казан: Мәгариф, 2008. 493 б.
Татарская нация: история и современность. Казань: Магариф, 2002. 223 с.
Татары. М.: Наука, 2001. 583 с.
Юсупов Ф.Ю. Татар теленең диалектлары: Урал сөйләшләре. Казан: Мәгариф, 2003. 351 б.
Durmuş Arık. Tatar Türkleri Arasındaki Hıristiyanlar: Kreşinler // Ankara Ü. İlahiyat Fak. Der. C. 49. S. 2. 2008. Pp. 57–75.
EA-ZK – Ercan Alkaya, Zoya Kirillova. Kreşin Tatar Türkçesi (Dil, Tarih, Kültür). İstanbul: Kesit Yay., 2018. 670 p.

© Кириллова З. Н., 2022

УДК *81.12.22*

Козиева И. К., Узбекистан, г. Бухара
Бухарский государственный университет, преподаватель

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ УЗБЕКСКОЙ АНТРОПОНИМИКИ

В данной статье рассматривается история изучения узбекской антропонимики, освещаются основные научные работы, посвящённые данной проблеме. Анализируются узбекские антропонимы тюркского происхождения в диахроническом и синхронном планах, отмечается, что они резко отличаются по составу, семантике и грамматико-фонологической структуре.

Ключевые слова: *антропоним, антропонимика, топонимика, этнонимика, имена тюркского происхождения.*

Koziyeva I. K., Uzbekistan, Bukhara
Bukhara State University, Lecturer

FROM THE HISTORY OF STUDYING THE UZBEK ANTHROPONOMY

This article examines the history of the study of Uzbek anthroponymy, highlights the main scientific works devoted to this problem. Uzbek anthroponyms of Turkic origin are analyzed in diachronic and synchronous terms, it is noted that they differ sharply in composition, semantics and grammatical and phonological structure.

Keywords*: anthroponomy, toponymy, ethnonymy, names of turcik origin.*

Узбекская антропонимика, возникнув как отдельное научное направление в 60–70-х годах прошлого века, на сегодняшний день стала одной из наиболее развитых в узбекском языкознании. Плодотворная работа была проделана в ряде областей данного направления, таких как антропонимика, топонимика, этнонимика. Собран антропонимический материал, защищены диссертации (Э.Бегматов – 1965 г., Г. Сатторов – 1990 г., С. Рахимов – 1998 г., Р. Худойберганов – 2007 г.), написаны монографии (Э. Бегматов «Правописание человеческих имен» (1970), «Правописание узбекских имен» (1972), «Узбекские имена» (1991), «Значение узбекских имен» (1998; 2004; 2010), «Красота имени» (1994). Проделана определенная работа также и по узбекской исторической антропонимике. Например, можно отметить труды Н.Хусанова по выявлению и описанию антропонимов в письменных памятниках XV века, исследования Ш.Якубова и Б.Бафаева по антропонимике Алишера Навои, М.Турдибекова – по антропонимике «Шаджарайский тюрк» Абулгози Баходирхана, антропонимика узбекского фольклора в работах И.Худойназарова.

Широкомасштабные исследования, проведенные узбекскими именоведами, позволили в последующие годы расширить сферу узбекского языкознания за счет ряда монографий (С.Караева, Т.Нафасова, З.Дусимова, Л.Каримовой, А. Туробова, Н.Охунова, Н.Бегалиева, Т.Еназарова, Н.Казанова, С. Каримова, С.Буриева), толковых словарей (С.Караева, Э.Бегматова, З.Дусимова, Х.Егамова, Б.Уринбаева,Т.Нафасова, Б. Нафасовой, О.Холикова), а также многочисленных научных и научно-популярных статей (С.Караева, Э.Бегматова, Т.Нафасова и др.). В этом особенно значителен вклад таких ученых, как Т.Нафасов, З.Дусимов, Х.Хасанов, С.Кораев, Н.Охунов, Н.Хусанов, Г.Эназаров, Х.Дониеров, А.Отажонов, Б.Уринбаев.

В большинстве работ этого периода анализировались антропонимы, частично прозвища и псевдонимы, микротопонимы и макротопонимы, этнонимы. В то же время некоторые типы собственных имен в узбекском языке до сих пор практически не изучены либо анализированы в недостаточной степени. К таким вопросам относятся космонимы (астронимы), омонимы, кгематонимы, агнонимы, некронимы, гсопимы, гемеронимы, документонимы, оронимы, нетронимы, перейтонимы, хромонимы, геортонимы, смелеонимы, фитонимы, экклезионимы, эргонимы, прозвища, псевдонимы, правописание имен собственных, практическая транскрипция и транслитерация ономастических единиц, практические и теоретические проблемы именоведения, в том числе проблемы ономастической лексикографии.

В настоящее время в узбекском языке значительна доля имен тюркского происхождения: Тўлқин, Озод, Уйғурбек, Жалил, Истакбой, Йўлдошбой, Лочин, Оғабек, Ўзбекхон, Болта, Бўстон, Абдал, Сайрам, Улуғбуви, Улуғ, Эран, Корахон, Мерган, Ўткир, Қиржигит, Ўрозбек, Ўрозгул, Қорасулув, Қорақош, Ботир, Жаҳонгир [Жураева, 2021, 56].

В число популярных узбекских мужских имен входят Темур, Бобур, Жамшид, Шерзод, Шаҳбоз, Шаҳзод, Шоҳжаҳон, Шоҳруҳ, Жавоҳир. Среди женских имен самыми распространенными именами являются Камилла, Сабина, Ситора, Шаҳноза, Дурдона, Шаҳзода, Нигора, Бону, Самина, Сабрина.

В. А. Никонов писал о тенденции к сокращению имен, связанных с религией, особенно составных с элементами абду-, абу- и -дин. С появлением новых государств после распада СССР наблюдается процесс актуализации потока мусульманских имен, например, «вернулось» редко употреблявшееся во второй половине XX века имя Махмуд. Очевидно, это соответствует общей тенденции именования у тюркских народов постсоветского пространства. Как отмечает татарский исследователь Г. С. Хазиева, «в именнике г. Казани начала XXI века выявлено заметное увеличение употребления традиционных мужских личных имен религиозного характера, что составляет 9,3 %: Кәрим (2,04 %),

Ислам (1,90 %), Исламнур (1,90 %), Габделгазиз (1,70 %), Габденур (1,60 %), Мөхәммәт (1,60 %), Мөхәммәтгали (1,60 %), Нурмөхәммәтгали (0,90 %), Сәйфулла (0,70 %), Габдулла (2,20 %) и т.д.» [Хазиева, 2007, 23].

Арабская лексика сыграла большую роль в становлении компонентов трехчленной антропонимической формулы не только узбеков, но и многих тюркских народов. Очень многие антропонимы этимологически связаны с арабским языком и мусульманскими именами, которые, в свою очередь, восходят к арабским антропонимическим формулам. В имени Мамет (Мемет) сейчас трудно узнать арабское имя Мухáммад. Многие мусульманские мужские имена представляют собой эпитеты Всевышнего: *Малик, Карим, Каххор, Джамол, Азим, Рахим, Азиз, Шакур, Раб, Кодир, Гуфрон, Наджиб, Хай, Каюм, Манон, Ханон, Сабур, Гафур, Кадим, Разок, Ахад, Самад, Икром, Ваххаб, Мубди* и т.д.

Узбекские антропонимы тюркского происхождения в диахроническом и синхронном планах резко различаются по составу, семантике и грамматико-фонологической структуре [Хазиева, 2007, 136]. В современных антропонимических словарях и исторических книгах обнаружено свыше 500 личных имен, в состав которых входят названия тюркских народов, племен, родов и их подразделений, а также патронимов. Тюркские имена, разнообразные по значению и звучанию, в наши дни продолжают с удовольствием носить представители многих тюркских народов.

Литература

Бегматов Э.А. Антропонимика узбекского языка: дисс… канд.филол.наук. Ташкент, 1965. 180 с.
Жураева И.А. Антропонимические формулы в английском, узбекском и русском языках и специфика их функционирования. Ташкент: НУУз, 2012. 80 с.
Нафасов Т., Маркаев М. Узбекские этноантропонимы // Ономастика Узбекистана: сборник тезисов. Карши, 1989. С.136–139.
Никонов В.А. Узбеки // Системы личных имен у народов мира. М.: Наука, 1989. С. 312–315.
Хазиева Г.С. Историко-лингвистический анализ татарских мужских личных имен: автореф. дисс. …канд.филол.наук. Казань, 2007. С.23.
Кегматов Е., Улуков И.И. Узбекская ономастика. Библиографический указатель (с конца IX века по настоящее время). Мамашан, 2008. 1686 с.

© Козиева И. К., 2022

УДК *81.12.22*

Копбаева М. Р., Казахстан, г. Тараз
Таразский региональный университет, профессор

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ТИПОВ ПРЕДИКАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается семантическая природа коммуникативных фразеологизмов в казахском языке. Они имеют структуру предложения и представляют собой изречения с назидательным смыслом. Коммуникативные фразеологизмы подразделяются на фразеологизмы непословичного характера и фразеологизмы-пословицы.

Ключевые слова: *коммунаникатив, фразеологизм, объект, предикатив, метафора, метод, лексика.*

Kopbaeva M. R., Kazakhstan, Taraz
Taraz Regional University, Kazakhstan, Professor

THE USE OF COMMUNICATIVE PHRASEOLOGY IN KAZAKH LINGUISTICS IN THE PREDICATE FORM

The article examines the semantic nature of communicative phraseological units in the Kazakh language. They have a sentence structure and are sayings with an edifying meaning. Communicative phraseological units are divided into phraseological units of a non-theological nature and phraseological units-proverbs.

Keywords*: communicative, phraseology, object, predicate, metaphor, approach, vocabulary.*

ҚАЗАҚ ТІЛ БІЛІМІНДЕГІ КОММУНИКАТИВТІК ФРАЗЕОЛОГИЗМНІҢ ПРЕДИКАТТЫҚ ФОРМАДА ЖҰМСАЛУЫ

Фразеологияның зерттейтін объектісі толық я жартылай семантикалық өзгеріске түскен, сыңарлары ажыратыла тұлғаланған, сөз тіркесімен және сөйлеммен арақатысты тілдік тұлғалар. Фразеологизмдер тек сөз тіркесі түрінде ғана болып келмейді, күрделі, яғни тұтас сөйлем болып та келе береді. Сөйлем құрылымды фразеологизмдерге, мысалы: Жылтырағанның бәрі алтын есес; Сырдың суы сирағынан келмейді; Жүрегі тас төбесіне шықты; Төбе шашы тік тұрды; Мұртын балта шаппайды; Көкірегіне нан піседі; Екі езуі құлағына жетті; Аспан айналып жерге түседі; Беттің арын белбеуге түйді; Түйе үстінен сирақ үйтті; Шегірткеден қорыққан егін екпес; Құрғақ қасық ауыз жыртар т.б. сөйлем сияқты құрылыста болып келетін фразеологизмдер қазақ тілі фразеологиялық қорында өте мол және олардың фразеологиялық мәнде жұмсалатыны шындық.

Тіліміздегі коммунаникативтік фразеологизмдердің біразы предикаттық формада қолданылады. Сөйлем құрай отырып, етістікті фразеологизмдердің көпшілігі предикаттық формада жұмсалады.

«Коммунаникативтік фразеологизмдердің ішінде семантикалық жақтан өзгеріске түскендері, семантикалық дамудан өткендері баршылық. Сөйлем түріндегі уағыз-өсиетке құрылған мақал-мәтелдердің құрылымында фразеологиялану немесе семантикалық жақтан даму, яғни келтірінді, ауыспалы, туынды мағынаның байқалуы, олардың фразеологиялану процесін басынан өткізіп жатқан тұлғалар екендігін көрсетеді» [Аблақов, 1997, 142]. Мысалы, «Ескі дос келгенде, жаңа достың көзінен жас шығар» мақалында астар жоқ деп айту қиын, өйткені «жаңа достың көзінен жас» шығуының себебі неде? Міне, астарлы мағына, мазмұн туатын фактор қатысып тұр, яғни ескі достың қадірін сезіну, білу, бағалаудың бейнесін байқаймыз.

Коммунаникативтік фразеологизмдерді мақал-мәтелдер және мақал-мәтел емес коммунаникативті фразеологизмдер деп екі топқа бөлуге болады. Предикативті фразеологизмдер жай немесе құрмалас сөйлем құрылымды болып келеді. Олардың өз ерекшеліктері бар, коммунаникативтік фразеологизмдердің қызметі коммунаникативтік (хабарлау қызметі), олар, біріншіден, сөйлемдермен арақатысты, екіншіден, бәрі – предикативтік құрылымды.

Құрылымы «предикативтік емес фразеологизмдердің арасында сөйлем құрылымдас түрлері кездесе береді. Олардың ерекшелігі мынада. Олар құрылысы тұрғысынан сөйлеммен тек формальды түрде сәйкес келеді де, мағынасы жағынан мүлдем сәйкеспейді» [Авакова, 2002, 61]. Ондай фразеологизмдер тілдегі қызметіне сәйкес номинативтік (атау) мағына беретіндіктен, біз оларды бөлек қарастырдық. Мысалы, мұртын балта шаппайды, жүрегі тас төбесіне шықты сияқты номинативтік фразеологизмдер құрылысы жағынан коммунаникативтік тұлға емес, яғни сөйлем емес.

Мақал-мәтел сипатты емес коммунаникативтік фразеологизмдердің семантикалық құрылымдағы ерекшеліктер. Мақал-мәтел сипатты емес коммунаникативтік фразеологизмдер түйдек те, тізбек те болып келе береді. Әсіресе, фразеологиялық тізбектердің ішінде жиі қолданылатындары фразеологиялық компаративтер (салыстыру мәнді фразеологизмдер) болып табылады.

Коммунаникативтік фразеологизмдер мақал-мәтел емес түйдектер: Ел көшті, жау жетті – апалаң-топалаң болды; Сиыр сипағанды білмейді – сыйлағанды түсінбейді; Ішінде ит өліп жатыр – ойында не барын ешкім білмейді; Адам бұйрықтан қалмайды – ажалдан құтыла алмайды.

Ажал оғы атылды – өлді; Ақ иіліп сынбайды – адал адам жаладан мерт болмайды; Ақсақ қой түстен кейін маңырайды – ерте туып, кеш қалу деген ұғымда; Алтын көрсе, періште жолдан таяды – адал жан жоқ.

Араға әзәзіл кірді – араға от салды, шағыстырды; Ас аш өзегіне түсті – ішкен тамағы кеселге соқтырды; Аш иттің артын сұқ ит жалайды – сұғанақтық істейді т.б.

Коммуникативтік фразеологизмдер - мақал-мәтел емес тізбектер: Жұт – жеті ағайынды – жамандық жалғыз келмейді. Кеден кеден болды, керіс неден болды? – ұрыс-керіс қайдан шықты? Аға өлсе, іні мұра – әмеңгерлік салтты жасауда айтылады; Ажал аранын ашты – өлім жақындады, қинады; Ай артынан ай өтті – уақыт озды; Айлар өтті, жылдар өтті; Айтылған сөз атылған оқпен тең – тауып айтқан уәж өтімді; Алла бағын ашты – жарылқады, жолы, дегені болды; Алла жар болды – Құдай қалады, сүйеді; Алла аңғарды – Құдай жарылқады, мерейі түсті; Аруақ қолдады – ата-баба рухы жебеді; Аруақ қонды – бақ, қыдыр дарыды; Ащы менен тәттіні татқан біледі – көп көрген біледі; Бақыр күміс болмайды – жаман қанша мақтанғанмен сол жаман күйінде қалады; Бала балдан тәтті, оттан ыстық, күннен жарық, мамықтан жұмсақ – ата-ананың балаға деген мейірімі, сүйіспеншілігі; Бал ашты – әулиелік, сәуегейлік жасады; Ежелгі дұшпан ел болмайды – ата жау ымыраға келмейді т.б.

Образды бейнелі коммуникативтік фразеологизмдердің негізіне, тіл заңдарына сәйкес, метафоралық ауыс мағына қаланған. Мысалы, Сақалды құл жарытпас – жылпос әрекет туралы айтылады; Сапты аяқтан ас құйып, сабынан қарауыл қарайды – жоқ жерден жау іздеу; Сөз етінен өтіп, сүйегіне жетті – сөз арына, ұятына тиді, жанына қатты батты; Суға кеткен тал қармайды – амалы құрыған адам нені болса да көмек тұтады; Сілкініп жабағы тай бесті ат болар – жас өсер, жарлы байыр деген мағынада; Арық айтып, семіз шық – аз сөйлеп,істі нәтижелі тындыр; Есектің миын жегенсің бе? – ақылың орнында ма,ақымақсың ба?; Қылышын сүйреп қыс келер – ақ қар, көк мұз басталар; Шөлмек мың күн сынбас, бір күн сынар – қымбат көретін затын сақтауға тырысу, ақты-қараның бір сәтте-ақ үзілер шегі бар деген мағынада айтылады. Ілгері басқанның иті оттайды – бағы жүріп, дәулеті асқан.

Метафоралық тәсіл арқылы жасалған мұндай коммуникативтік фразеологизмдердің тіліміздің құрамды бөлшектеріне қатысы жоқ деп ешкім айта алмайды. Бұлардың бойында семантикалық жақтан дамыған мағына бар, құрамдарындағы сөздердің бастапқы мағыналары кейбіреулерінде түгел немесе ішінара өзгерген, даму сатысынан өткен, тұтас сөйлем бір тұтас ойды хабарлайды.

Сөйлем тиянақтылығы олардың орын тәртібінің тұрақтылығынан, өз қалыптарын сақтауынан көреді. Олар контекст аясында да тұрақты мағынасымен, тұрақты құрамымен қайталанып қолданылады. Жоғарыда келтірілген фразеологизмдердің әрқайсысынан адам ойында қорытылған образды бейнені түсінеміз, әр түрлі құбылыстардың образды бейнесін елестетеміз.

Образды емес жолмен қалыптасқан мақал-мәтел мәнді емес коммуникативтік фразеологизмдердің фразеологиялық қасиетін оларды өзімен омонимдес еркін сөйлемнен салыстырып анықтауға болады. «Сынықтан басқаның бәрі жұғады» сөйлемінің тура мағынасы фразеологизм ретіндегі «еліктегіш, әуестенгіш мінез» немесе «жаман әдетке үйір болу» деген ауыс мағынасын салыстырудан шығатын қорытынды фразеологизмнің мағынасы бейнелі, образды емес мәнде де дамиды. Бұл фразеологизмнің өзіне ғана тән, меншікті мағынасы бар және ол мағына образдылыққа құрылмаған, сондай-ақ фразеологизмді құрастырушы сөздердің мағыналарына тәуелсіз, өздігінен өмір сүреді. Фразеологиялық мағына тіркестің я сөйлемнің семантикасы өздерін құрастырушы сыңарлардың мағыналары сақталған жағдайда да сақталады, «демек, образға құрылмаған мақал-мәтел емес коммуникативтік фразеологизмдер екі ұдай, екі жақты құбылыс еместігін, яғни дара сөзге балама еместігін, сөйлеммен, сөз тіркесімен арақатысты екендігін дәлелдейді. Сонымен қатар фразеологизмдердің екі жақты құбылыс еместігін олардың бірде образды мәнге, енді бірде образды емес мәнде мағынасын дамытатындығының да дәлелі бола алады» [Смағұлова, 2020, 107]. Бір фразеологизм бірден тура және ауыспалы мағына, образды ауыспалы, образға құрылмаған ауыспалы мағына бере алады.

Мақал-мәтел емес коммуникативтік фразеологизмдердің образды емес ауыс мағыналы тобының тағы бір ерекшелігі мынада. Образды мағына негізінде қалыптасқан фразеологизмдерге қарағанда олар өте-мөте тұрақты құрылымымен сипатталады. Бұл фразеологизмдердің грамматикалық құрылымына жасалған кез келген өзгеріс олардың үйлесімділігін ғана емес, сонымен қатар мағынасын да бұзады. Мысалы, «Балақатағы бит басқа шықты» дегенді ешқандай өзгеріске түсіре алмайсың, өзгерткен жағдайда тек соңғы сыңар (етістік) нормаға сай ғана өзгереді. Қалыптан ауытқытып қолдану нәтижесінде мақал-мәтел емес фразеологизм мағынасыз сөйлемге айналып кетеді. Оларды жеке сөздердің бастапқы, негізгі мағынасымен түсінетін болсақ, бұлар қарапайым сөйлем түрінде ұғынылады. Бұл фразеологизмдердіңобразды емес мәнде ауыс мағынаға ие болғандығын дәлелдейді.

Образды я образды емес негізде мағыналары өзгеріске түсіп фразеоланған сөйлемдер, түйдек я тізбек мағыналы болсын, олардың құрамындағы сөз-сыңарлар бүтіндей немесе жартылай

семантикалық өзгеріске түскен, семантикалық дамудан өткен. Фразеологиялық «түйдектердің құрамындағы сөздер өзінің жеке тұрғандағы негізгі мағыналарынан айрылып қалады» деген пікір дұрыс емес, ол сөзсыңарлар семантикалық даму барысында өзгеріске түсіп, басқа мағынада қолданылып, өз сипатын өзгертеді. Мысалы, «қабырғаңмен кеңес» деген фразеологизм метонимиялық ауыс мағына негізінде фразеологиялық мағынаңа ие болған. «Қылышын сүйреп қыс келер» сөйлемі метафоралық тәсіл негізінде қалыптасқан, яғни мағынаның семантикалық жақтан дамып өзгеруін сөздердің семантикалық қасиетін жоюы, жоғалтуы деп түсінбеу керек. Жалпы теория бойынша жаңа сөз, ұғым тілде бар сөздердің, ұғымдардың негізінде туып орныгатындықтан, фразеологизмдердің құрамындағы сөздердің мағыналары да, тұтас фразеологизмнің (сөз тіркесі я сөйлем құрылымды болсын) мағынасы да семантикалық жақтан даму сатысынан өтеді, соның нәтижесінде фразеологиялық мағынаға ие болады. Ал фразеологиялық тізбектердегі сөз-сыңарлардың біреуі, көп сыңарлы болса екеуі, семантикалық тұрғыдан өзгеріске түсіп, қалған сыңары я сыңарлары мағынасын өзгерткен сөздермен мағыналық байланысқа түседі де, тұтас тіркестің я сөйлемнің мағынасы фразеологиялық сипатқа ие болады. «Қырғи қабақ болды» деген тізбекте «қабақ» және «қырғи» сөздері мағынасын дамытқан, адамның қабағына қарап-ақ араз я араз емес екенін білуге болады, «қырғи» сөзі күшті қорқыныштан майда құстардың дүрлігуін, бей-берекетке түсуін білдірсе, «қабақ» сөзімен мағыналық байланысқа метафоралық тәсіл арқылы түсіп, «араз болу, ала көз болу» мағынасын қалыптастырған.

Ғалым Ж.Манкеева бұл жөнінде «Құрамындағы сыңарлар мағынасының лексикалық жақтан солғындауы негізінде фразеологиялық тізбектер тобына жататын мақал-мәтел емес коммуникативтік фразеологизмдер қалыптасқан. Мысалы: Алла жар болсын. Ажал аранын ашты. Аруақ қолдады. Күштінің арты диірмен тартады т.б. фразеологиялық тізбектерде «жар, аран, аруақ, арты»» [Манкеева, 2008, 151] сөздері семантикалық дамудың лексикалық жақтан әлсіреу, солғындау формасы арқылы фразеологиялық мағына қалыптасқандығымен тұжырымдайды.

Компоненттің лексикалық жақтан әлсіреуі, солғындауы барысында фразеологизмнің сыңары я сыңарлары өз мағыналарын ауыспалы-жалпылаушы мәнге жалғастырады, яғни лексикалық әлсіреуге ұшыраған компонент я компоненттер мүлдем жаңа мағынаға емес, тек экспрессивтік – анықтағыш қызметке ие болды. Туынды мән-мағына негізгі ұғымнан келіп шыққан. Фразеологиялық мағына тарихи шығу төркіні жағынан лексикалық мағынамен астасып жатады, іштей байланыста болады. Фразеологизмдердің компоненттерінің мағына жақтан әлсіреуі я солғындауы дегенді олардың мағынасының өзгеріске түсуі деп түсіну керек.

Әдебиет

Аблақов Ә.Е. Қазақ тіліндегі сөз тіркесінің дамуы мен лексикалану процесі. Алматы: Санат, 1997. 224 б.
Авакова Р.А. Фразеологиялық семантика.Алматы: Қазақ университеті, 2002. 150 б.
Смағұлова Г. Қазақ фразеологиясы лингвистикалық парадигмаларда. Алматы: Елтаным баспасы, 2020. 256 б.
Манкеева Ж. Қазақ тіліндегі этномәдени атаулардың танымдық негіздері. Алматы: Жібек жолы, 2008. 353 б.

© Копбаева М. Р., 2022

УДК *811.511.143*

Кошелюк Н. А., Россия, г. Москва
Институт системного программирования РАН, м.н.с.

О ДИАЛЕКТНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ АРХИВНОГО МАНСИЙСКОГО СЛОВАРЯ ПРОТОИЕРЕЯ СИМЕОНА ЧЕРКАЛОВА (1783)

Статья посвящена исследованию одного из самых ранних мансийских памятников, датированного второй половиной XVIII в. Про источник известно, что он был записан в г. Соликамске, недалеко от мест проживания пелымских манси, носителей западного диалекта. Однако явных указаний на причастность языка этого словаря к западномансийским диалектам нет. Проведенный графико-фонетический анализ словаря Симеона Черкалова по диагностическим признакам Л. Хонти позволяет получить ответ о его диалектной принадлежности.

Ключевые слова: *мансийский язык, архивные данные, диалектная принадлежность, словарь Черкалова, XVIII век.*

Koshelyuk N. A., Russia, Moscow
Institute for System Programming of the RAS, junior researcher

ON THE DIALECT BELONGING OF ARCHPRIEST SIMEON CHERKALOV'S ARCHIVAL MANSI DICTIONARY (1783)

The article is devoted to the study of one of the earliest Mansi dictionary dated to the second half of the XVIII century. It is known about the source that it was recorded in Solikamsk, near the places of residence of Pelym Mansi, speakers of the Western dialect. However, there are no clear indications of the involvement of the language of this dictionary with the Western Mansi dialect. The graphic-phonetic analysis of Simeon Cherkalov's dictionary based on the diagnostic signs of László Honti allows us to get an answer about his dialect affiliation.

Keywords: *Mansi language, archival data, dialect affiliation, Cherkalov's dictionary, XVIII century.*

Исследование посвящено одному из наиболее ранних памятников мансийской письменности – «*Краткому вогулическому словарю с российским переводом, собранному и по разным материям расположенному, города Соликамска Свято-Троицкого собора протоиереем Симеоном Черкаловым*», датированного 1783 г. Этот источник представляет большую ценность для лингвистов, занимающихся обско-угорской уралистикой: он был обнаружен лишь в 2017 году в Национальной библиотеке г. Санкт-Петербурга и является единственным свидетельством мансийского говора, локализованного в Соликамске и его районах во второй половине XVIII в. Известно, что к этому времени численность мансийского населения Пермской губернии (в наст. вр. – край), ввиду процесса обрусения, значительно сократилась, а к XIX в. в этом районе уже не оставалось манси, владеющих своим языком [Попов, 1804]. Обращение к экстралингвистическим данным – экспедиционной карте А. Каннисто, как наиболее полно отражающей точки локализации манси, показало, что запись словаря Черкалова производилась наиболее близко к местам проживания носителей западного пелымского говора (Рис. 1). Конечно, разница в 135 км между с. Пелым, где исследователь впервые зафиксировал западный говор в начале XX вв., и г. Соликамском второй половины XVIII в. может оказаться диалектно-дифференцирующей, поэтому необходимо выяснить, действительно ли язык памятника [Черкалов, 1783] относится к западномансийскому.

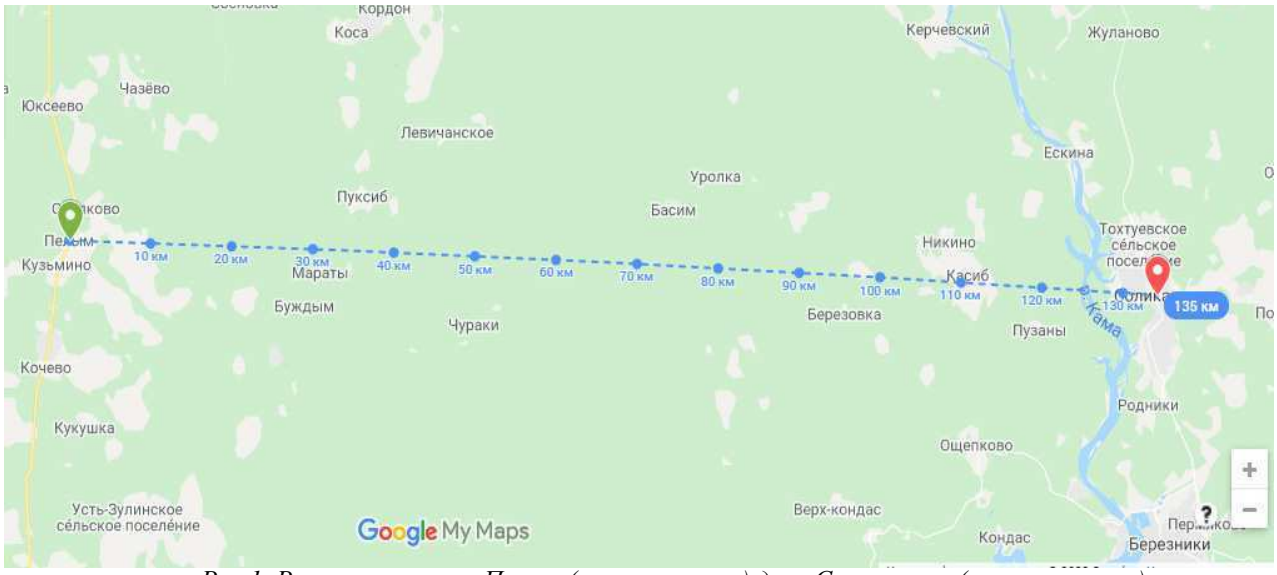


Рис.1. Расстояние от с. Пелым (зеленая метка) до г. Соликамска (красная метка).

Отметим, что этот источник впервые был введен в научный оборот в 2018 году (см. [Kosheliuk, 2018], [Kosheliuk, Normanskaya, 2018]), однако исследования по конкретизации его диалектной принадлежности до сих пор не проводилось: упомянутые работы посвящены сопоставлению

графических данных памятника с западным пелымским говором, зафиксированным в [Kannisto, 2013], но его связь с ним не была подтверждена. В настоящее время словарь Симеона Черкалова полностью набран и представлен в электронном виде на лингвистической платформе LingvoDoc[1]. Источник состоит из 611 лексем и включает следующие авторские рубрики:

I. «О божестве и до закона касающихся вещах», II. «О Вселенной», III. «О стихиях, воздушных явлениях и принадлежащих в оным вещах», IV. «О временах», V. «О человеке и частях оного», VI. «О родстве и свойстве», VII. «О именах достойников и художников», VIII. «О городе и частях оного», IX. «О доме и частях оного», X. «О домашних уборах и разных домашних делах», XI. «О одеянии», XII. «О пище и питье», XIII. «О болезнях», XIV. «О животных четвероногих», XV. «О животных крылатых», XVI. «О насекомых и змеях», XVII. «О рыбах», XVIII. «О деревьях и древесных плодах», XIX. «О травах, плодах и цветах», XX. «О камнях и рудах», XXI. «О вещах, к учению принадлежащих», XXII. «О играх».

В настоящей работе представлены результаты графико-фонетического анализа гласных и согласных звуков словаря прот. Симеона Черкалова по уточнению его диалектной принадлежности. Этот источник был изучен согласно прамансийской реконструкции и диалектно-дифференцирующим признакам Л. Хонти, предложенным лингвистом в трудах [Honti, 1982; 1988].

Исследование строится следующим образом: ниже, на каждую из диагностических черт, приводятся все обнаруженные в памятнике примеры соответствий с добавлением соответствующих параллелей из [Kannisto, 2013] как источника, наиболее близко расположенного к месту записи соликамского словаря; после этого следуют выводы.

Таб. 1. Диалектно-дифференцирующие черты мансийских диалектов по [Honti, 1988, 149]

ПМанс. [Honti 1982]	**ПМанс. [Норманская 2015]**	**Южн. [Honti 1988]**	**Вост. [Honti 1988]**	**Зап. [Honti 1988]**	**Сев. [Honti 1988]**	**[Черкалов 1873]**
**ā*	**å*	*ā*	*ō*	*ō*	*ō*	*o*
**ɨ̄*	**a*	*a*	*ā/ ę̄*	*ę̄*	*ā/e*[2]	*e/a*
**ɣ*	**-ɣ*	*əw*	*ī*	*əɣ/0*[3]	*əɣ*	*0/ɣ*
**ć*	**č*	*ć*	*ś*	*ś*	*ś*	*ć/ś*
**k Узад.*		*k*	*x/k*	*k*	*x*	*k*
**š*		*š*	*s(š)*	*š*	*s/š*	*š*

ПМанс. *ā[4]> o

1) солик. *Ко́ши* ‘Муравей’ [Черкалов, 1783, 16] < ПМанс. **kāšɣāj* [Honti, 1982];

2) солик. *Ко́толъ* ‘Солнце, день’ [Черкалов, 1783, 26], пелым. *kɔˑˑtl* ‘солнце, день’ [Kannisto, 2013, 516] < ПМанс. **kātəl ~ *kătəl* [Honti, 1982];

3) солик. *Торомъ* ‘Бог’ [Черкалов, 1783, 2], пелым. *tōrᵊm* ‘бог, небо’ [Kannisto, 2013, 934] < ПМанс. **tārəm* [Honti 1982];

4) солик. *Во́тъ* ‘Ветер’ [Черкалов, 1783, 3], пелым. *βōt* ‘ветер’ [Kannisto, 2013, 178] < ПМанс. **wātз* [Honti 1982];

5) солик. По́ръ ‘Икра’ [Черкалов, 1783, 9] < ПМанс. **pār* [Honti, 1982];

6) солик. *Вой* ‘Жир’ [Черкалов, 1783, 8], пелым. *βōi* ‘жир’ [Kannisto, 2013, 141] < ПМанс. **wāj* [Honti, 1982];

7) солик. *Ошъ* ‘Овца’ [Черкалов, 1783, 18], пелым. *ɔš* ‘овца’ [Kannisto, 2013] < ПМанс. **āš* [Honti, 1982] < ПУ **učе*;

В исследуемом памятнике ПМанс. *а переходит в *о*, что характерно для всех диалектных групп мансийского языка, кроме южной. Для определения диалектной принадлежности этот признак нерелевантен, несмотря на полное совпадение данных словаря Черкалова с реализацией этой прамансийской гласной в западном пелымском говоре.

ПМанс. *ɨ̄ > e/i/a

1) солик. *Пе́сы* ‘Капля’ [Черкалов, 1783, 10] < ПМанс. **pīsəɣ- ~ *păsɣəɣ-* [Honti, 1982];

2) солик. *Ке́ппе* ‘Осина’ [Черкалов, 1783, 13] < ПМанс. **kīpa* [Honti, 1982];

3) солик. *Е́* ‘Река’ [Черкалов 1783: 22], пелым. *i̯ē* ‘река’ [Kannisto, 2013, 187] < ПМанс. **jɨ̄* [Honti, 1982];

4) солик. *Ле́лъколъ* ‘Нога’ [Черкалов, 1783. 17], пелым. *lę̄l* ‘нога’ [Kannisto, 2013, 408] < ПМанс. **lɨ̄ɣla* [Honti 1982];

5) солик. *Э́мке*[5] ‘Куропатка’ [Черкалов, 1783, 13], пелым. *àŋkȁ* ‘куропатка’ [Kannisto, 2013, 79] < ПМанс. **ɨ̄ŋkā* [Honti 1982];

6) солик. *Те́нъ* ‘Жила’ [Черкалов, 1783, 8] < ПМанс. **tīna* [Honti, 1982];

7) солик. *Э́въ* ‘Дверь’ [Черкалов, 1783, 6], пелым. *ę̄β* ‘дверь’ [Kannisto, 2013, 16] < ПМанс. **ɨ̄w3* [Honti 1982];

---

[1] См. http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/867/9/perspective/867/10/view?page=1.

[2] Уточнено по обским мансийским полевым данным, см. подробнее [Норманская, 2015].

3 Уточнено Норманской Ю.В. по диалектным примерам [Honti, 1982].

[4] Здесь и далее все примеры приводятся по [Honti, 1982].

[5] Э – вариант записи *е* в позиции начала слова.

8) солик. *Л'ямантъ*[6] ‘Черемуха’ [Черкалов, 1783, 30], пелым. *l'ēm* ‘черемуха’ [Kannisto, 2013, 446] < ПМанс. **l̄ɪ̄mз*<ПУ **δ̮e̮me* (**δ̮ōme*) [Honti, 1982];

Варианты реализации ПМанс. **ī̮*, зафиксированные в словаре прот. Симеона Черкалова, демонстрируют, что в памятнике второй половины XVIII в. уже активно шел переход этой гласной в *е* (см. *пе́сы* ‘капля’, *е́* ‘река’, *ле́лъколъ* ‘нога’, *э́мке* ‘куропатка’, *те́нъ* ‘жила’, *э́въ* ‘дверь’, *ке́ппе* ‘осина’) и зарождался процесс трансформации **ī̮* > *а* (см. *л'ямантъ* ‘черемуха’). По частотности появления рефлекса *е* на месте прамансийской **ī̮* можно предположить, что язык соликамского словаря в большей степени близок западной диалектной группе и в меньшей – южной.

ПМанс. *ɣ > 0/ɣ

В позиции ауслаута:

1) солик. *Е́ны* ‘Большой’ [Черкалов, 1783, 2], пелым. *i̯ɛnɨ̯ɣ* ‘большой, старый’ [Kannisto, 2013, 217] < ПМанс **jänəɣ* [Honti, 1982] < ПУ **enä*;

2) солик. *То́гъ* ‘Сук’ [Черкалов, 1783, 27], пелым. *tɛ̯ɣ* ‘сук’ [Kannisto, 2013, 867] < ПМанс **taɣ* (~ *-а*) [Honti, 1982];

3) солик. *Та́ры* ‘Сосна’ [Черкалов, 1783, 26], пелым. *tɛ̯ɛrɨ̯ɣ* ‘сосна’ [Kannisto, 2013, 927] < ПМанс. **tärəɣ* [Honti, 1982];

4) солик. *Ӄоннетъ* ‘Игра’ [Черкалов, 1783, 9] < ПМанс. **jăny-* [Honti, 1982];

5) солик. *Не́ры* ‘Хрящ’ [Черкалов, 1783, 29] < ПМанс. **ńī̮rəɣ* [Honti, 1982];

6) солик. *Ши́* ‘Налим’ [Черкалов, 1783, 16] < ПМанс. **šĭɣ* [Honti, 1982];

7) солик. *Ша́ны* ‘Гнида’ [Черкалов, 1783, 5] < ПМанс. **šə̈nəɣ* [Honti, 1982];

Как видно из примеров, ПМанс. **ɣ* в исследуемом источнике, за исключением одного случая (*мо́гъ* ‘сук’), выпадает. Это указывает на его возможную принадлежность к восточным или западным диалектам. Сравнение с данными пелымского говора словаря А. Каннисто показывает, что соликамский говор все-таки более соотносим с рефлексацией для восточных говоров: ср. солик. *Е́ны* ‘Большой’ [Черкалов, 1783, 2], пелым. *i̯ɛnɨ̯ɣ* ‘большой, старый’ [Kannisto, 2013. 217], солик. *Тогъ* ‘Сук’ [Черкалов, 1783, 27], пелым. *tɛ̯ɣ* ‘сук’ [Kannisto, 2013, 867], солик. *Та́ры* ‘Сосна’ [Черкалов, 1783, 26], пелым. *tɛ̯ɛrɨ̯ɣ* ‘сосна’ [Kannisto, 2013, 927].

ПМанс. *ć > ć, ś

1) солик. *Вочахъ* ‘Грязь’ [Черкалов, 1783, 6] < ПМанс. **waćək* [Honti, 1982];

2) солик. *Во́черме* ‘Желчь’ [Черкалов, 1783, 7] < ПМанс. **waćərām* [Honti, 1982];

3) солик. *Ча́хаихъ* ‘Ласточка’ [Черкалов, 1783, 13], пелым. *šekəi̯əχ* ‘ласточка’ [Kannisto, 2013, 822] < ПМанс. **ćäkəjək* [Honti, 1982];

4) солик. *Асьай* ‘Тетка по отцу’ [Черкалов, 1783, 28], пелым. *ā̆ś* ‘дедушка’ [Kannisto, 2013. 53] < ПМанс. **ā̆ć(3)* [Honti, 1982] <ПУ **ićä*;

5) солик. *Па́серъ* ‘Рябина’ [Черкалов, 1783, 23], пелым. *pɛ̯ɛ̀s̆ər* ‘рябина’ [Kannisto, 2013, 658] < ПМанс. **pă̆ć̄ər* [Honti, 1982] <ПУ**pićla*;

Развитие ПМанс **ć*, представленное в [Черкалов, 1783], характерно для южной, северной, западной и восточной диалектных групп. Сохранение этого прамансийского согласного в словах *асьай* ‘тетка по отцу’ и *па́серъ* ‘рябина’ свидетельствует об архаической основе этого памятника, восходящей к прауральскому *ć*, при этом условия появления перехода **ć* > *ś* (см. *вочахъ* ‘грязь’, *во́черме* ‘желчь’, *ча́хаихъ* ‘ласточка’) остаются неясными. Однако, как показывает исследование консонантной системы словаря [Словцов, 1905], где встречались подобные колебания, «*ч* может быть особой прамансийской фонемой, так как зафиксировано в словах без традиционной обско-угорской этимологии» [Кошелюк, 2018, 222].

ПМанс. *k > k

Перед гласными заднего ряда:

1) солик. *Ӄу́лъ* ‘Рыба’ [Черкалов, 1783, 23], пелым. *turkил* ‘рыба’ [Kannisto, 2013, 929] < ПМанс. **kūl* [Honti 1982];

2) солик. *Ӄо́толъ* ‘Солнце’ [Черкалов, 1783, 26], пелым. *kə̀tл* ‘солнце’ [Kannisto, 2013, 392] < ПМанс. **kātəl (~ -a)* [Honti 1982];

3) солик. *Ке́ппе* ‘Осина’ [Черкалов, 1783, 13], пелым. *kaˈppȧ* ‘осина’ [Kannisto, 2013, 336] < ПМанс. **kīрз* [Honti, 1982];

4) солик. *Ӄу́рмъ талъ* ‘Трехлетие’ [Черкалов, 1783, 28], пелым. *kūrᵊm* ‘три’ [Kannisto, 2013, 252] < ПМанс. **kūrəm* [Honti, 1982];

5) солик. *Кумъ* ‘Муж’ [Черкалов, 1783, 16], пелым. *kuт* ‘Муж’ [Kannisto, 2013, 306] < ПУ **kojmV*;

6) солик. *Ко́ши* ‘Муравей’ [Черкалов, 1783, 16], пелым. *kɔš̮ˌ ši̯i* ‘муравей’ [Kannisto, 2013, 375] < ПМанс. **kāšɣāj* [Honti, 1982];

7) солик. *Кумпъ* ‘Волна’ [Черкалов 1783: 3], пелым. *kup, kumpt*$_{Pl}$‘волна’ [Kannisto, 2013, 335] < ПМанс. **kŭmp* [Honti, 1982] <ПУ **kumpa*;

Согласно приведенным примерам сохранение ПМанс. **k* в позиции перед переднерядными гласными в исследуемом словаре характерно для трех групп мансийских диалектов: южной, восточ-

[6] *Я* – вариант записи *а* в позиции после мягкого согласного.

ной и западной. Таким образом, для [Черкалов, 1783] эта черта не является диалектно-дифференцирующей.

ПМанс. *š > š

1) солик. *Ши́шъ* ‘Спина’ [Черкалов, 1783, 26] < ПМанс. **šiš (~ -ä)* [Honti, 1982];
2) солик. *Ко́шкеръ* ‘Ноготь’ [Черкалов, 1783, 17] < ПМанс. **küš (~ -ä)* [Honti, 1982];
3) солик. *Ушъ* ‘Город’ [Черкалов, 1783, 5], пелым. *uš ~ vuš* ‘город’ [Kannisto, 2013, 705] < ПМанс. **ūša* [Honti, 1982];
4) солик. *Ши́мъ* ‘Сердце’ [Черкалов, 1783, 25], пелым. *šęm*, *šį̄m* ‘сердце’ [Kannisto, 2013, 751] < ПМанс. **šim (~ -ä)* [Honti, 1982];
5) солик. *Ша́мъ* ‘Глаз’ [Черкалов, 1783, 5], пелым. *šęm* ‘глаз’ [Kannisto, 2013, 749] < ПМанс. **šäm (~ -ä)* [Honti 1982];
6) солик. *Ша́грепъ* ‘Топор’ [Черкалов, 1783, 28], пелым. *šaγ̯ˌrp* ‘топор’ [Kannisto, 2013, 782] < ПМанс **šə̄γ̯ər-* [Honti 1982];
7) солик. *О́шъ* ‘Баран’ [Черкалов, 1783, 1], пелым. ɔš ‘овца’ [Kannisto, 2013, 105] < ПМанс **āš* [Honti, 1982];
8) солик. *Ле́илъ шанишъ* ‘Колено’ [Черкалов, 1783, 11], пелым. *šanšpęŋk* ‘колено’ [Kannisto, 2013, 762] < ПМанс **šə̄nš (~ -ä)* [Honti, 1982];

Представленная в памятнике рефлексация свойственна всем мансийским диалектам и для уточнения его принадлежности не является значимой.

Заключение

В результате исследования соликамского словаря по диалектно-дифференцирующим признакам [Honti 1988] и сравнения его данных с пелымским говором можно заключить, что предполагаемая принадлежность языка этого памятника к западномансийскому диалекту не подтверждается. Как видно из проведенного анализа, реализация ПМанс. **ć > ć/ś*, **š > š*, **ī̯ > e*, *a* в словаре прот. Симеона Черкалова обнаруживается во всех диалектных группах; рефлекс *o* прамансийской **ā* – восточным, западным и северным диалектам; **k > k* соответствует южным, восточным, западным, а **γ̯ > γ̯* – восточным и западным. Однако, по частотности появления того или иного рефлекса, в двух случаях мы зафиксировали большее сходство памятника и с восточными диалектами – выпадение *γ̯* по признаку ПМанс. **γ̯*, и с западными – по наличию *e* для ПМанс **ā*. Таким образом, соотнесение выявленной рефлексации в [Черкалов 1783] с традиционно выделяемыми диагностическими чертами указывает на исключительность этого источника в классификации мансийских диалектов.

Литература

Kannisto A., Eiras V., Moisio A. Wogulisches Wörterbuch. Helsinki: Société Finno-Ougrienne: Kotimaisten Kielten Keskus, 2013. 961 p.

Кошелюк Н. А. Графико-фонетический анализ архивного словаря пелымского диалекта мансийского языка о. Константина Словцова // Урало-алтайские исследования, 2018, 4 (31). С. 118–226.

Munkácsi B., Kálmán B. Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt von Munkácsi B. Geordnet, bearb. und hrsg. von Kálmán B. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. 950 p.

Норманская Ю. В. Новые полевые и архивные данные по мансийским диалектам и их значение для прамансийской реконструкции системы вокализма первого слога // Урало-алтайские исследования. 2015. № 4 (19). С. 40–59.

Норманская Ю. В. Словари пермских манси «аборигенов Сибири», собранные П. С. Палласом в XVIII веке // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3 (38). С. 71–81.

Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии, сообразно начертанию Санкт-Петербургского Вольного Экономического Общества, сочиненное в 1802 и 1803 годах в г. Перми. Ч. 1, 2. Пермь: Пермское Губернское Правление, 1804. 400 с.

Словцов 1905 — Опыт русско-вогульского словаря и переводов на вогульский язык (составлен священником Верхне-Пелымского (Спасского) прихода о. Констан. Словцовым) [электронный ресурс]. Тобольск, 1905. URL: http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/652/2/perspective/652/3/view (дата обращения: 18.04.2020).

Honti L. Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest, 1982. 227 p.

Honti L. Die wogulische Sprache // Sinor Denis (ed.). The Uralic Languages. Description, History and Foreign Influences. Handbuch der Orientalistik. E. J. Brill, Leiden; New York; København; Köln, 1988. P. 147–171.

Черкалов 1783 – Краткий вогулический словарь с российским переводом, собранный и по разным материям расположенный, города Соликамска Свято-Троицкого собора, протоиереем Симеоном Черкаловым [электронный ресурс]. Соликамск, 1783. URL: http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/867/9/perspective/867/10/view?page=21 (дата обращения: 18.04.2020).

© Кошелюк Н. А., 2022

УДК *811.512.37*

Куканова В. В., Россия, г. Элиста
Калмыцкий научный центр РАН, в. н. с.

СИСТЕМА ГЛАСНЫХ ФОНЕМ В ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ СКАЗОК В ЗАПИСИ Г. Й. РАМСТЕДТА (1903–1904 гг.)

В статье рассматривается система гласных фонем, представленная в фонологической (фонематической) записи калмыцкой речи на восковые валики, осуществленной Г. Й. Рамстедтом после экспедиций в Калмыцкую степь (в районы бытования дербетского говора калмыцкого языка) в 1903–1904 гг. На материале этих записей анализируются гласные с точки зрения их позиции в слове (первый и последующий слоги, анлаут, инлаут, ауслаут).

Ключевые слова: *калмыцкая речь, система гласных фонем, Г. Й. Рамстедт, позиция в слове, калмыцкие сказки, калмыцкий язык начала XX в.*

Kukanova V. V., Russia, Elista
Kalmyk Scientific Center of the RAS, Leading Research Associate

VOWEL PHONEME SYSTEM IN THE PHONOLOGICAL TRANSCRIPTION OF FAIRY-TALES RECORDED BY G. J. RAMSTEDT (1903–1904)

The report examines the system of vowel phonemes presented in the phonological (phonemic) recording of Kalmyk speech on wax rollers, carried out by G. J. Ramstedt after expeditions to the Kalmyk steppe (in the areas of Derbet dialect of the Kalmyk language) in 1903-1904. Based on the material of these recordings, vowels are analyzed from the point of view of their position in the word (first and subsequent syllables, anlaut, inlaut, auslaut).

Keywords: *Kalmyk speech, vowel phoneme system, G. J. Ramstedt, position in the word, Kalmyk fairy tales, Kalmyk language of the early XX century.*

Введение

Запись звучащей речи Г. Й. Рамстедтом в 1903–1904 гг. во время экспедиции по калмыцким степям является уникальной, поскольку представляет собой фонематическую транскрипцию живых образцов речи начала XX в. Это по сути первая транскрипционная запись калмыцкой речи, осуществленная по правилам финно-угорской транскрипции (см. подробнее: [Венде, 1967]), которая позволяет передать все речевые особенности, присущие языку того времени. Актуальность исследования фонематической транскрипции, осуществленной в финно-угорской традиции, обусловлена тем, что ранее эти записи, насчитывающие более 190 тыс. фонем, не подвергались фонетическому и фонологическому анализу. При этом имеются единичные работы, основанные на данном уникальном материале, в том числе и диссертационные исследования [Бураева, 2006; Баянова, 2020]. В первой работе дается общая характеристика языка сказок, при этом фокус приходится на лексику и грамматику калмыцкого языка сказок, в том числе и диалектных особенностей [Бураева, 2006, 4–5], во второй же предметом является соотношение языка и культуры в сказочных текстах на калмыцком языке и в их переводе на немецкий язык, причем в центре внимания находятся такие языковые единицы, относимые нами к таким культурно маркированным элементам, как безэквивалентная лексика, включающая в себя онимы, реалии, цветовые лексемы, сравнения и обращения, способы их передачи на немецкий язык [Баянова, 2020, 3]. Имеются отдельные статьи группы исполнителей проекта Российского гуманитарного научного фонда, в которых затрагивались отдельные вопросы фонетики и фонологии [Баянова и др., 2016; Куканова и др., 2006]. Целью настоящей работы является описание результатов анализа гласных фонем в корпусе калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта. Были проанализированы гласные фонемы, выделенные Г. Й. Рамстедтом, их состав, их позиции в слове, комбинаторные свойства в зависимости от позиции слова и свойств согласных фонем.

Материалы и методы

Материал сказок был загружен на платформу Лингводок в виде корпуса, затем из него был сформирован словарь. Корпус сказок включает более 30 тыс. словоупотреблений. Впоследствии он был обработан вручную: так, было произведено корректирование написания словоформ, если ранее при издании [Калмыцкие сказки…, 2018] мы сохраняли наиболее яркие языковые особенности языка калмыцких сказок, то было решено, что к каждой записи словаря языка сказок в записи Г. Й. Рамстедта, размещенного на платформе Лингводок, указывается литературная форма написания словоформ при сохранении написания слова в корпусе. Дополнительно указывались литературная начальная форма, перевод слова на русский язык, написание словоформы на старокалмыцкой письменности *тодо бичг* («ясное письмо») для будущего глубинного анализа. Имеющиеся в Лингводоке инструменты для анализа фонемного состава позволили достаточно быстро получить результаты анализа фонемного состава, а также таких позиционных и комбинаторных свойств гласных фонем в записи.

Состав гласных фонем

В транскрипции Г. Й. Рамстедта используются следующие фонетические символы, обозначающие гласные звуки: ā, a, â, α, ᵛ, ɒ, ɐ, ā̈, ä, ə, ᵊ, ɛ̄, ē, e, ī, i, i̧, ı̧, ᶦ, ō, o, ᵒ, ȫ, ö, ᵝ, ū, u, ᵘ, ṷ̈, ü, ᵊ̈. Примеры слов с указанными символами приведены ниже в таблице.

Таблица 1. Гласные фонемы и их репрезентации (на материале фонематической транскрипции Г. Й. Рамстедта).

№	Символ	Лексема в записи Г. Й. Расмтедта и в современном написании
•	ā	χānā̄ → *хана* N.Gen=‘хан’ g˛arāɒ → *hарад* Conv.Ant=‘отправляться’
•	a	g˛azr̥ → *hазр* N.Nom=‘земля’ χaγl̥lāɒ → *хаhлад* Conv.Ant=‘пахать, прокалывать, решать’
•	α	ūl’χα → *уульх* Ptcpl.Fut=‘плакать’ miŋg˛αn → *миңhн* Num=‘тысяча’
•	ᵖ	tawᵖɢ → *тавг* N.Nom=‘стопа, большая деревянная чаша, основание’ ardᵖ → *ард* Adv=‘сзади, на север’
•	ɒ	būlγɒdž → *буулhҗ* Conv.Ipfv=‘спускаться, останавливаться, *падать*, возвращаться’ χālγɒ → *хаалh* N.Nom=‘дорога, путь’
•	ɐ	miŋg˛ɐn → *миңhн* Num=‘тысяча’ sā̄χɐn → *сәәхн* Adj=‘красивый’
•	ā̄	kezɛ̄nā̄ → *кезәнә* Adv=‘давно’ tā̄lā̄ɒ → *тәәләд* Conv.Ant=‘развязывать, снимать, открывать’
•	ä	χäŕń̥ → *хәрн* Conj=‘однако, тем не менее’ kelwä → *келв* V.Pst=‘говорить’
•	ə	gedəɢ → *гидг* Ptcpl.Hab=‘говорить’ täʙʙə → *тәвв* V.Pst.1Sg=‘ставить, отпускать’
•	ᵊ	tīkᵊlā̄ → *тиигхлә* Conv.Cond=‘делать’ nerᵊ → *нер* N.Acc=‘имя’
•	ɛ̄	kṷ̄kɛ̄r → *күүкәр* N.Instr=‘девочка’ mā̄l’l̥dɛ̄ɒ → *мәәллдәд* Recp.Conv.Ant=‘блеять’
•	ē	gēɒ → *гиhәд* Conv.Ant=‘говорить’ dērī → *dērī* Adv=‘наверху, вверху’
•	e	erwā̄ń → *эврәннь* Pron.Poss=‘сам’ medɛ̄ɒ → *медәд* Conv.Ant=‘понимать’
•	ī	tīgᵊdž → *тиигҗ* Conv.Ipfv=‘делать’ dērī → *dērī* Adv=‘наверху, вверху’
•	i	ikᵊ → *ик* Adj=‘большой’ irwā̄ → *ирв* V.Pst=‘приходить’
•	ị	minị → *мини* Pron=‘мой’ aptšị → *авч* Conv.Ipfv=‘брать’
•	ị	alw̥-wịdn̥ → *алввидн* V.Pst.1Pl=‘убить’ sandžị → *санҗ* Conv.Ipfv=‘думать’
•	ᵗ	kišᵗk → *кишг* N.Nom=‘счастье’ täwtšᵗkwā → *тәвчкв* V.Compl.Pst=‘ставить, отпускать’
•	ō	ōl’sān → *оольсан* Ptcpl.Pst=‘побежать прочь’ χōl → *хол* N.Nom=‘горло, еда’ | Adj=‘дальний’ | Adv=‘далеко’
•	o	ordž → *орҗ* Conv.Ipfv=‘входить, идти’ χojr̥ → *хойр* Num=‘два’
•	ᵒ	χolᵒ → *хол* N.Nom=‘горло, еда’ | Adj=‘дальний’ | Adv=‘далеко’ χonᵒktān → *хонгтан* N.Dat.Refl=‘ночлег’
•	ȫ	ȫdᵘrā̄ → *өдрә* N.Gen=‘день’ sȫwŋ → *сөөвң* N.Nom=‘слуга, прислужник’
•	ö	ömnᵘmń̥→ *өмнм* N.Nom.Conf=‘перед, юг’| Adv=‘впереди, до’ köwṷ̄n → *көвүн* N.Nom=‘мальчик, юноша’
•	ᵘ	ökkᵘ → *өгх* Ptcpl.Fut=‘давать’ ölgᵘsn̥ → *өлгсн* Ptcpl.Pst=‘вешать, вязать’
•	ū	būtā̄ → *буутә* N.Assoc=‘амулет, ружье’ zalū → *залу* N.Nom=‘мужчина’ | Adj=‘мужской’
•	u	usn̥ → *усн* N.Nom=‘вода’ tulīn → *тулын* N.Gen=‘кит, таймень’
•	ᵘ	ulᵘs → *улс* N.Nom=‘народ’ šulmᵘ → *шулм* N.Nom=‘шулма’
•	ṷ̄	ṷ̄nlā̄ → *үүнлә* N.Com=‘правда’ köwṷ̄n → *көвүн* N.Nom=‘мальчик’
•	ü	ümsɛ̄ɒ → *үмсәд* Conv.Ant=‘одеть’ türgn̥ → *түргн* Adj=‘быстрый’
•	ᵊ	üsᵊnā̄sń̥ → *үснәснь* N.Abl.Poss=‘волосы’ nükᵊ → *нүк* N.Acc=‘друг’

В таблице 2 приведена характеристика гласных фонем; гласные, которые приведены через знак «▪», противопоставлены по долготе — сверхкраткости фонемы, гласные, которые выделены жирным начертанием, являются лабиализованными. Гласные фонемы, обозначенные верхним индексом, относятся к сверхкратким, гласные, не имеющие знака долготы, — к обычным.

Таблица 2. Гласные звуки и их характеристики (на материале фонематической транскрипции Г. Й.Рамстедта).

Ряд Подъем	Передние	Ненапряженные передние	Средние	Ненапряженные задние	Задние
Верхние	ī ▪ i		i̥ ▪ ɪ̥ ▪ ᵻ		**ū ▪ u ▪ ᵘ**
Ненапряженно-верхние			**ṷ̄ ▪ ü ▪ ᵊ**		
Средне-верхние	ē ▪ e		**ȫ ▪ ö ▪ ᵝ**		**ō ▪ o ▪ ᵒ**
Средние			ə ▪ ᵊ		
Средне-нижние	ɛ̄				
Ненапряженные нижние			ɐ		
Нижние		ā ▪ a	ǟ ▪ ä	α	**ɒ ▪ ᵖ**

Как видно из таблицы, Г. Й. Рамстедт дифференцирует гласные фонемы как по подъему и ряду гласных, так и по их признакам длительности, палатальности, лабиальности.

Позиция гласных в слове

На материале транскрипции можно выяснить закономерности в распределении гласных фонем по позиции в слове (в абсолютном начале, в абсолютном конце; в первом слоге или в последующих слогах). Ниже приведена таблица, в которой указывается место фонемы в слове.

Таблица 3. Позиционное распределение гласных фонем в записи Г. Й. Рамстедта.

Гл.	1-й слог		2-й и последующие слоги	
	анлаут	инлаут	инлаут	ауслаут
ā	+	+	+	+
	āšnǟ	šāzᵖγǟ	awāɒ	okwā
a	+	+		+
	amr̥	g˛arwū-ta		χal'ǟχɒla
α	+	+	+	+
	αrγɒtǟ	χαmᵖγīn	sūdαɢ̧	ūl'χα
ᵖ			+	+
			χuldᵖdž	ūldᵖ
ɒ			+	+
			al'χɒn	bǟχɒ
ɐ			+	
			miŋg˛ɐn	
ǟ	+	+		+
	ǟγāɒ	bǟrdɒɢ̧		jomnǟ
ä	+	+		+
	äŕl̥	bäŕdž		χalä
ə			+	+
			temdəɢ	etsᵊgə
ᵊ			+	+
			egᵊtšɪ̥	irᵊ
ɛ̄	+		+	+
	ɛ̄		üjɛ̄r	tšigɛ̄
ē	+	+		+
	ēdžᵻ	gēr̥t		bǟdžē
e	+	+		
	ekīn	ge		
ī	+		+	+
	īgɛ̄ɒ	tīgᵊdž	sükīg	narnī
i	+	+		+
	ikᵊ	šindžᵻlɛ̄ɒ		sandži
i̥				+
				bišɪ̥
ɪ̥		+	+	+
		tšɪ̥ń	dṷ̄žlɪ̥gdɛ̄ɒ	aptšɪ̥
ᵻ			+	+
			sälkᵻtǟ	mörᵻ
ō	+	+		+

	ōl’āɒ	bōrtsᵒɕ̧		duskō
o	+	+		
	orw̥	tolγā̋dᵊ		
ᵒ			+	+
			otᵒktᵒ	χōŕn̥dᵒ
ō̋	+	+		
	ō̋rdɛ̄ɒ	χō̋ bō̋sn̥		
ö	+	+		+
	örṷ̋n	tömr̥		χonχᵒn-tᵒnö
ᵝ			+	+
			zörᵝktā̋	möŋkᵝ
ū	+	+	+	+
	ūnā̋	būrl̥	χamχūlār	zalū
u	+	+		
	ugɛ̄	zulāɒ		
ᵘ			+	+
			zuŋkᵘwān	dundᵘ
ṷ̋	+	+	+	+
	ṷ̋ltā̋	šṷ̋rɛ̄ɒ	tögɛ̄lṷ̋lɛ̄ɒ	χäŕṷ̋
ü	+	+	+	
	üzᵊgdɛ̄ɒ	kürtš	kṷ̋kü	
ᵊ			+	+
			kütsᵊsn̥	tṷ̋ndᵊ

Выводы

В результате проведенного исследования на материале фонематических записей, произведенных Г. Й. Рамстедтом, можно сделать следующие выводы:

1) слово может начинаться только со следующих гласных фонем ā, a, ā̋, ä, ē, e, ī, i, ō, o, ō̋, ö, ū, u, ṷ̋, ü (без учета единичных примеров);

2) в ауслауте могут находиться следующие гласные: ā, a, α, ᵓ, ɒ, ā̋, ə, ᵊ, ɛ̄, ī, i, ị, ɨ, ᵗ, ᵒ, ᵝ, ᵘ, ṷ̋, ᵊ;

3) в первом слоге после согласного встречаются только следующие гласные ā, a, ā̋, ä, ē, ī, i, ɨ, ō, o, ō̋, ö, ū, u, ṷ̋, ü (без учета единичных примеров);

4) во втором и последующих слогах встречаются ā, ᵓ, ɒ, ə, ᵊ, ɛ̄, ī, ᵗ, ᵒ, ᵝ, ū, ᵘ, ṷ̋, ᵊ;

5) сверхкраткие гласные могут встречаться только во вторых и последующих слогах.

Литература

Баянова А. Т. Лингвокультурологические особенности фольклорного текста (на примере сказок в записи Г. Й. Рамстедта): дисс. … канд. филол. наук. Элиста, 2020. 242 с.

Баянова А. Т., Куканова В. В., Бутаева А. О., Горяева Б. Б. Калмыцкие сказки в записи Г. Й. Рамстедта: особенности разговорного стиля // Oriental Studies. 2016. № 9(3). С. 129–139. https://doi.org/10.22162/2075-7794-2016-25-3-129-139

Бураева Т. В. Язык калмыцких народных сказок (на материале «Калмыцких сказок» Г. Й. Рамстедта): дисс. … канд. филол. наук. Элиста, 2006. 184 с.

Венде К. Финно-угорская транскрипция (ФУТ) в исторической аспекте и в сопоставлении с международным фонетическим алфавитом (МФА). Таллин, 1967. 75 с.

Калмыцкие сказки в записи Г. Й. Рамстедта: тексты и исследования. В 3 ч. Ч. II: Переложение и перевод / сост. А. Т. Баянова, Б. Б. Горяева, А. О. Долеева, В. В. Куканова; пер. на русский язык Т. А. Михалевой, Б. Б. Горяевой, А. Т. Баяновой, А. О. Долеевой, В. В. Кукановой. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 621 с.

Куканова В. В., Горяева Б. Б., Баянова А. Т., Долеева А. О. Фонетические явления и процессы калмыцкой речи начала XX в. (на примере сказок, записанных Г. И. Рамстедтом) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2016. Т. 10. № 4. С. 109–118.

© Куканова В. В., 2022

УДК *811.342+811.512.1*

Латыпов Ф. Р., Россия, г. Уфа
Уфимский государственный авиационный технический университет, доцент

ТЮРКСКИЕ КОРНЕВЫЕ ОСНОВЫ НЕКОТОРЫХ ГЛОСС МЕССАПСКОГО ЯЗЫКА

III–II тыс. до н.э. характеризовались интенсивной миграцией племен из Восточного Средиземноморья в Западное. Приход с востока индоевропейцев и семитов с юга ускорил этот процесс. Появившиеся на Апеннинском полуострове коренные жители Ливана, Крита, Балкан долгое время (до начала Римской гегемонии) сохраняли свой язык и элементы культуры.

Ключевые слова: *мессапский язык, древние тарки Средиземноморья.*

Latypov F.R., Russia, Ufa
Ufa State Aviation Technical University, Associate Professor

TURKIC ROOT MORPHEMES OF SOME GLOSSAE IN THE MESSAPIC LANGUAGE

The 3rd and 2nd millennia BC were characterized by intense tribal migrations from the Levant into the Western Mediterranean region. The arrival of Indo-Europeans from the east and Semites from the south accelerated the process. The indigenous peoples of the Lebanon, the island of Crete and the Balkans who came into the Apennine Peninsula managed to preserve their languages and elements of culture for a long time (until the establishment of Roman hegemony).

Keywords: *Messapic language, ancient Tarks of the Mediterranean region.*

В этом году исполнилось сорок лет с тех пор, как мы впервые сообщили об обнаружении нами италийского диалекта пратюркского языка Средиземноморья, распространенного в античные времена (VIII–III вв. до н.э.) на северо-западе Апеннинского полуострова [Латыпов, 1982, 35].

Помимо основных носителей этой диалектной группы, этрусков (установленное нами их самоназвание **tarc**, наиболее образованная светская часть общества у них называлась **raśna** (ср. в тюркских языках Поволжья **räšä** «священник»)), по краям «итальянского сапожка» и на прилегающих территориях позже нами были выявлены ареалы распространения ряда языков, близких к этрусскому языку, в частности: ретского (юго-восточные предгорья Альп), северо-пиценского (задняя часть «голенища» «итальянского сапожка»), сардского (о. Сардиния), корского (о. Корсика). Помимо этих близких языков, обнаружились более отдаленные «этрускоидные» языки, такие как: баларский (Балеарские острова), элимский (западная оконечность о. Сицилия), сиканский (срединно-сицилийский доиндоевропейский язык) и предположительно родственный с ним мальтийский языки (тех, кто оставил мегалитические строения на о. Мальта), мессапский (на «каблучке сапожка» итальянского полуострова).

На рис. 1 мы приводим карту распространения вышеуказанных языков на территории и близи Апеннинского полуострова.

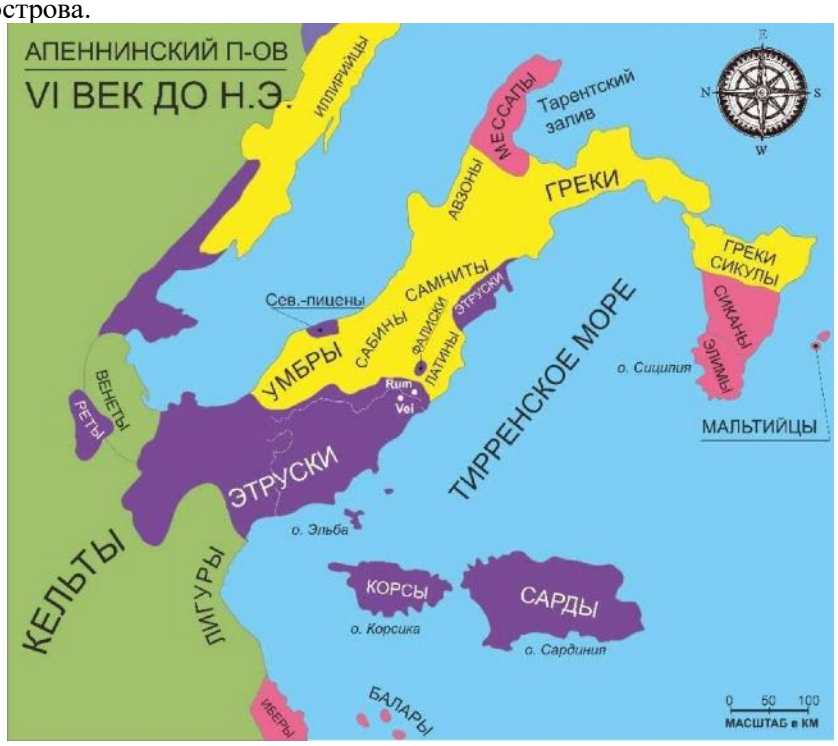


Рис. 1 Карта распределения вышеуказанных языков на территории и вблизи Апеннинского полуострова

Этрурия, характеризуемая в античные времена как «Матерь мистерий», вследствие развитости религиозных доктрин и письменности, оказала сильное влияние на распространение своих религиозно-культовых терминов и синтаксических конструкций в языках соседствующих с ней индоевропейских племен – фалисков, умбров [Латыпов (а), 2014, 163], венетов, латинян и самнитов.

В настоящем сообщении мы хотели бы более подробно остановиться на этнолингвистических особенностях одного из перечисленных языков – мессапского.

Археологические данные V–II вв. до н.э. по материальной культуре мессапов, народа проживавшего на «каблучке сапожка» итальянского полуострова в Апулии (до их полной романизации в составе Римской империи), свидетельствуют о том, что значительное влияние на них оказали переплывшие с противоположного берега Адриатического моря переселенцы-иллирийцы, одни из предков нынешних албанцев [Мессапский язык. URL, 2021]. Между тем античная историография (в лице Геродота и других авторов) связывает предков мессапов с переселенцами-япигами с о. Крит (*Кафтау* в древнеегипетских источниках), из Минойской державы II–I тыс. до н.э.

Ныне большинством ученых признано то, что минойский, тирренский (острова Эгейского моря), этрусский, сардский, корский, баларский, ретский, иберийский (испанский Левант, юг нынешней Франции), пиктский (север Британских островов) языки входят в большую группу родственных между собой официально не классифицированных неиндоевропейских языков Средиземноморья [Яцемирский, 2011], предшествовавших появлению в конце II тыс. до н.э. на европейском континенте первых индоевропейских языков в лице их носителей – протогреков на Балканах.

В конце 1970-х годов нами было выдвинуто предположение о древнейшем тюркском характере языка этрусков [Латыпов, 1983, 55], проживавших на северо-западе Апеннинского полуострова, был предложен новый метод дешифровки текстов на их языке – ПЭКФОС [Латыпов, 1992, 264; Латыпов, 1999; Латыпов (б), 2016, 434]. В 1988 году по итогам исследования самого протяженного (более 1150 слов) этрусского текста TLE 1, нанесенного на льняные бинты Загребской мумии из окрестностей г. Фивы Среднего Египта (IV в. до н.э.) [Латыпов (в), 2014, 57], была подтверждена верификативность метода ПЭКФОС, и в рассмотренных текстах выявлены фразы самих этрусков, утверждавших о том, что их язык (***laxиθ***) относится к ***тарк****ским* /*тюркским* языкам.

В последующие 1981–2019 годы на основе метода ПЭКФОС нами были переведены наиболее протяженные тексты на минойском (о. Крит [Латыпов (б), 2014, 57]; о. Кипр [Латыпов, 1995-96; Латыпов, 1998, 168; Латыпов (б), 2013, 7], тирренском [Латыпов, 2008; Латыпов 2009, 57], этрусском [Латыпов, 1999; Латыпов (г), 2014], северо-пиценском [Латыпов (а), 2014, 163], иберийском [Латыпов, 2016; Латыпов, 2019] языках. В этих текстах нами были обнаружены фразы [Латыпов (а), 2013, 177], где респонденты от этих народов утверждали, что макроэтнонимом этих народов было **tarc** [Латыпов, 2020, 7]. В архаической же латыни этрусский язык обозначался как **turcorum** [Латыпов (г), 2014, 11].

Возвращаясь к языку мессапов, нам представляется, что, несмотря на позднее иллирийское влияние, в их языке должны были сохраниться корневые основы и морфемы от более древнего *минойско-таркского* (условно его назовем пратюркского) языка.

Ниже, в подтверждение этого, приводим несколько примеров глосс, выявленных нами в небогатом (по сравнению с минойским и этрусским) письменном наследии мессапов с соответствующими реляциями из минойского, тирренского, этрусского и казанско-тюркского (КТ, татарского) языков.

1. Мессап. **ana** ‘*мать*’ ~ минойск. (Угарит) **ana** ‘*мать*’, тиррен.-пеласг. **ana** ‘*мать*’ (см. у Геродота: пеласги, жившие около Афин (первичное название этого города *Пелар*), называли свою родину cr-**ana**ia *‘край-матерей’*), этрусск. **anei** ‘*мать*’ [Латыпов 1999], ибер. **ana** ‘*мать*’, КТ **ana**, **äni** ‘*мать*’.

2. **aran** ‘*поле*’ ~ минойск. **ar-ant** *‘большой объем пустого пространства*’ [Латыпов (б) 2013: 9] (в более поздние времена, на наш взгляд, произошла фоноэволюционная замена **r** > **l**: **aran** > **alan)**, этрусск. **arnt** ‘*помещение, дом*’; в дальнейшем фоноэволюционные изменения продолжились: **arnt** > **ĭurt** ‘*дом, юрта*’ (протетическое ĭ- , выпадение сонорного -n-). Этот ранний тюркизм, представляется, сохранился в языках северных народов Сибири: **ĭarang** ‘*яранга*’.

3. **atabulus** ‘*туман*’ ~ этрусск. **at-** ‘*лежать*’, **falaθ** ‘*облако*’ [Латыпов 1999]. В нашей фоноэволюционной теории, основанной на изучении физиологических механизмов переадресации сигналов в речевом центре мозга человека [Латыпов (б), 2016, 434], мессапское **u** должно было образоваться в результате сужения гласной **a** > **u**. Поэтому первичным, на наш взгляд, здесь могло быть **ata-falaθ** *‘лежащее (неподвижно) облако’*. Тюркские **bulut**, **bolot** ‘*облако*’, это уже конечные результаты фоноэволюции, как и албанское **avull** ‘*пар*’ [Русско-Албанский. URL, 2021].

4. **tabara** ‘*жрица*’ ~ этрусск. **tameresce** ‘*прихожанин храма, поклоняющийся’* (термин, встречающийся в тексте золотых пластин из Пирг [Латыпов, 1999: 37]), **tamer-** ‘*преклоняться, сгибаться, рассыпаться вниз’*, **tamur** ‘*священный металл (самый сильный по тем временам) = железо’*, ибер. **timur** *‘железо’* [Latypov, 2017, 40], КТ **tabynu** ‘*преклоняться*’, **tamyr** *‘корень (ниспадающий вниз*)’, тюрк. **tamga** *‘священный знак’*, албан. **priftëreshë** ‘*жрица*’ [Русско-Албанский. URL, 2021].

5. **bastu** «пашня» ~ этрусск. **masu** «пашня», КТ **basu** (**m** > **p** > **b**) -idem.
6. **ma** «нет» ~ этрусск. -**ma**; КТ -**ma** постглагольная частицы отрицания.

Литература

Латыпов Ф.Р. Об италийском диалекте пратюркского языка Средиземноморья // Тез. докл. и сообщ. IX Всесоюзн. науч. конф. по диалектологии тюркских языков. Уфа: Изд. БашГУ, 1982. С.35.
Латыпов Ф.Р. Пратюркские черты этрусского языка в связи с ностратической теорией // Кратк. тез. докл. науч. конф.: Древние культуры Евразии и античная цивилизация. Л.: Изд. Гос. Эрмитажа, 1983. С. 55–57.
Латыпов Ф.Р. Исследование реального пратюркского языка методом ПЭКФОС // Некоторые итоги и задачи изучения татарского литературного языка. Казань: Изд. ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1992. С. 264–275.
Латыпов Ф.Р. Комбинаторно-этимологический анализ двух кипро-минойских надписей из Угарита (ч.1, 2) // Ядкяр, 1995. № 3. С. 99–110, 1996, № 2. С. 66–80.
Латыпов Ф.Р. Название сторон света в кипро-минойской надписи XIII в. до н.э. из Энкоми // Тез. докл. междунар. конф. по первобытному искусству. Кемерово: Изд. САИПИ, 1998. С. 168–170.
Латыпов Ф.Р. Исследование этрусского и минойского языков на основе фоноэволюционной пратюркской гипотезы и комбинаторно-частотных методов. Уфа: Китап, 1999. 276 с.
Латыпов Ф.Р. Комплексный лингвистический анализ восточнотирренской надписи на памятнике воинской славы с острова Лемнос. Уфа: Полиграфсервис, 2008. 47 с.
Латыпов Ф.Р. Вотивная пеласгская надпись на золотом перстне из Фракии // Сб. науч. статей: Коммуникативно-функциональное описание языка. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. С. 57–62.
Латыпов Ф.Р.(а) Фразеологические метафоры в древних текстах на неиндоевропейских языках Средиземноморья // Сб. статей междунар. Фразеологич. конф. «EUROPHRAS»: Фразеология в многоязычном обществе 19–22 авг. 2013 г., т. 2. Казань: ТРИ «ХЭТЕР», 2013. С. 177–184.
Латыпов Ф.Р. (б) Кипро-минойская лексическая компонента в пиджин-древнегреческой силлабической надписи на бронзовой пластине из Идалейона // Сб. матер. IV Междунар. науч.-практич. конф.: Язык и культура / Под общ. ред. док. филол. наук, проф. С.Г. Проскурина. Новосибирск: Изд. НГТУ, 2013. С. 7–13.
Латыпов Ф.Р. (а) Этрусские религиозно-культовые термины и характерные синтаксические конструкции в текстах Игувинских таблиц и пиценских надписях на камнях // Матер. V Междунар. науч.-метод. конф.: Теория и практика языковой коммуникации. Уфа: УГАТУ, 2014. С. 163–166.
Латыпов Ф.Р. (б) Афористическое поучение в минойской спиральной надписи на золотом перстне из Мавро-Спелио // Вестник АН Республ. Башкортостан, 2014. Т. 19. № 4. С. 57–62.
Латыпов Ф.Р. (в) Фрагменты текста Загребской мумии об обряде человеческого жертвоприношения (IV в. до н.э., Египет): тайные замыслы этрусской элиты // Проблемы востоковедения, 2014. № 3. С. 57–64.
Латыпов Ф.Р. (г) Общие сведения, основные группы слов и дословные переводы крупнейших этрусских тестов на русский, английский и итальянский языки. Уфа: Полиграфдизайн, 2014. 152 с.
Латыпов Ф.Р. (а) Иберийские языки Древней Испании – результат ускоренного развития некоторых пратюркских языков Западного Средиземноморья. Уфа: Полиграфдизайн, 2016. 152 с.
Латыпов Ф.Р. (б) От исследования механизмов декодировки звуковых сигналов в слухо-речевой системе человека (СРСЧ) к дешифровке древних текстов на пратюркских языках Запада // Матер. Междунар. науч.-метод. конф. «VIII Оразбаевские чтения» по теме: Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования. Алматы: «Казак ун-ті», 2016. С. 434–437.
Латыпов Ф.Р. Элементы этнопедагогики иберов, нашедшие отражения в надписях на свинцовых пластинах и в граффити на поверхности декорированных ваз. Уфа: Полиградизайн, 2019. 136 с.
Латыпов Ф.Р. Письменное наследие древних *тарков* Средиземноморья: Восток на Западе // Сб. науч. статей: Диалог культур через призму единства и многообразия общественного сознания: Древний мир, Средневековье, Новое и Новейшее время. Алматы: Изд. Ин-та Востоковед. им. Р.Б. Сулейменова, КН МОН Респ. Казахстан, 2020. С. 7–16.
Мессапский язык. URL: https://ru.wikiqube.net/wiki/messapic _language (дата обращения 15.10.2021).
Русско-Албанский онлайн переводчик. URL: https://webtran.ru/tranlale/albanian (дата обращения 28.10.2021).
Яцемирский С.А. Опыт сравнительного описания минойского, этрусского и родственных им языков. М.: «Языки славянской культуры», 2011. 312 с.
Latypov F.R. Turkic names of iron and ore in the inscription from Ullastret // East European Scientific Journal (Warsaw, Poland), 2017. Part 2. P. 40–45.

© Латыпов Ф. Р., 2022

УДК *811.35*

Магомедов Д. М., Россия, г. Махачкала
Институт языка, литературы и искусства ДНЦ РАН, к.ф.н., н.с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИНТАКСИСА ДИАЛЕКТОВ АВАРСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена анализу актуальных проблем синтаксиса диалектов аварского языка. Синтаксический строй аварских диалектов (в отличие от фонетического и морфологического) характеризуется меньшим числом ярких диалектных отличий. Анализируются синтаксические явления диалектов с указанием черт, общих с литературным языком, а также особенностей, не свойственных литературному языку. Изучение диалектов и говоров дает ценный материал для разработки вопросов истории формирования аварского языка, его исторической диалектологии. Синтаксические особенности диалектов аварского языка целенаправленному изучению не подвергались. Для истории аварского языка каждое диалектное явление ценно и актуально.

Ключевые слова: *аварский язык, диалект, синтаксис, литературный язык, словосочетание, предложение, говор, эргатив, номинатив, послелог.*

Magomedov D. M., Russia, Makhachkala
Institute of Language, Literature and Art of the DSC of RAS, Research Associate

CURRENT PROBLEMS OF THE SYNTAX OF THE AVAR LANGUAGE DIALECTS

The article is devoted to the analysis of topical problems of the syntax of the dialects of the Avar language. The syntactic structure of the Avar dialects (in contrast to the phonetic and morphological ones) is characterized by a smaller number of bright dialectal differences.

The syntactic phenomena of dialects are analyzed, indicating the features common with the literary language, as well as features that are not characteristic of the literary language. The study of dialects and dialects provides valuable material for developing questions of the history of the formation of the Avar language, its historical dialectology. The syntactic features of the dialects of the Avar language were not subjected to purposeful study. For the history of the Avar language, each dialectal phenomenon is valuable and relevant.

Keywords: *Avar language, dialect, syntax, literary language, phrase, sentence, dialect, ergative, nominative, postposition.*

Синтаксический строй аварских говоров (в отличие от лексического, фонетического и морфологического) характеризуется меньшим числом ярких диалектных различий. Диалектные различия проявляются в способах построения словосочетания, в способах выражения сказуемого, в своеобразном употреблении послелогов и т. д. Однако в аварском литературном языке представлены своеобразные синтаксические черты, отсутствующие в диалектах. Так, в диалектах отсутствуют назывные предложения, которые встречаются в литературном языке. Например: *Рокьи. ТалихI. Лъимер. ЦIва* (Гъ.Гъ.) «Любовь. Счастье. Дитя. Звезда»; *Март. ГъутIби. Дурги дирги плащ* (Гъ.Гъ.) «Март. Деревья. Твой и мой плащ» и др. Односоставные предложения как особый семантико-структурный тип простого предложения с одним главным членом в качестве организующего центра высказывания, таким образом, являются новым явлением в синтаксисе аварского языка. Вероятно, этот тип предложений аварский литературный язык заимствовал из русского языка [Магомедов, 1996, 37]. Если в предложении нет сказуемого или другого аналогичного ему члена, то, конечно, в нем нет и предикативности. Так, например, нет предикативности в назывных предложениях типа: *Их. ТIугьдул. Хинал къоял.* «Весна. Цветы. Теплые дни».

Определенные различительные явления наблюдаются в структуре послеложных и беспослеложных конструкций. Например, послеложные конструкции карахского диалекта соотносительны с формой имени в локативе V серии литературного языка: *гъутIода ахакь* (карах. диал.) – *гъотIокь* (лит. яз.) «под деревом»; *чода ъад* (карах. диал.) – *чотIа* (лит. яз.) «на коне», *вегьзилъ циве* (карах. диал.) – *вачIиналде* (лит. яз.) «прежде чем пришел» и т.д. Необходимо отметить, что в аварском литературном языке в равной степени употребительны как послеложные, так и беспослеложные конструкции указанных типов: *гъотIокь – гъотIода гъоркь* «под деревом», *хьагиниб – хьагида жаниб* «в кастрюле» [Магомедов Д., 2015, 154].

К различительным явлениям, связанным со структурой предложения, относится также различие в оформлении вопросительных предложений. Характерным для карахского диалекта вопросительным предложениям типа *Дулъ ъэхь цIалури?* «ты книгу прочитал?» в литературном соответствуют предложения типа *Дуца тIехь цIаланищ?* с тем же значением. Особенность структуры вопросительного предложения в карахском диалекте заключается в том, что при оформлении вопросительного предложения выпадает элемент частицы *-щ,* обязательно присутствующий в литературном языке. Данные схемы предложения распространены в говорах южных диалектов.

Известно, что диалекты и говоры, находящиеся в иноязычном окружении, сохраняют в большей степени архаические языковые черты. В этом отношении большой интерес представляет закатальский диалект, где категория лица находит своеобразное отражение в глаголе-сказуемом. Глагол закатальского диалекта в так называемом прошедшем достоверном времени выражает не только категорию числа и класса, но и лица. Например: *дун веров* «я пришел», *дуй вортолов* «*я* упал» (I лицо); *мун* или *дав вери* «ты (он) пришел», *мун* или *дав ворта* «ты (он) упал» и т.д. [Бокарев, 1949, 18].

Для аварского литературного языка характерно очень широкое употребление союза *ва* «и», выполняющего соединительную функцию, и частицы *-ги* с теми же функциями, в то время как в карахском диалекте в соответствующих случаях употребляется только частица *-ги.* Союз же *ва* «и» в карахском диалекте практически не встречается. Например: *ъэмен ва ъэбел // ъэменги ъэбелги* «отец и мать» (лит. яз.) ~ *ъиминги ъибелги* (карах. диал.). Употребление союзов, частиц, послелогов в словосочетаниях и предложениях представляет собой факт синтаксический, поскольку они являются элементами определенных синтаксических конструкций.

В карахском диалекте не употребляется транслатив, который встречается в литературном языке. Аналогичные случаи в карахском передаются описательно либо послеложными конструкциями: *Дав вегьур роснаса тиру* «он пришел через селение» ~ ср. в лит. яз.: *Дов вачIана росулъан; кьода асса* «через мост» (карах. диал.) ~ *кьодасан* (лит. яз.) и др.

В кегерском говоре андалальского диалекта личное местоимение 1-го и 2-го лица именительного падежа множественного числа употребляется в качестве подлежащего при переходном глаголе: *ниж чед квана* «мы съели хлеб», *нуж чед квана* «вы съели хлеб» [Чикобава, 1948, 14]. Подобное же явление зафиксировано в гидском диалекте, а также в келебском говоре (в последнем – в речи женщин) южного наречия. В аварском литературном языке здесь употребляется эргативный падеж: *нижеца чед кванана* и *нужеца чед кванана.*

В гидском диалекте Ш.И. Микаилов отмечает следующую синтаксическую особенность: в качестве дополнения здесь употребляется форма направительного падежа 1-ой серии вместо местного падежа 1 и 2 серий, существующих для этого в литературном языке. Например: *Балая ханассул васассэ* (направительный падеж 1 серии) «посмотри-ка на ханского сына» вместо *балагьея ханассул васассухъ* (местный падеж 2 серии) [Микаилов, 1959, 371]. Такое же смещение падежных функций мы наблюдаем в карахском диалекте, где иногда вместо местоимения 1 лица ед. числа употребляется местоимение 2 лица мн. ч. К таким приемам прибегают с целью унижения собеседника, передачи возмущения, несогласия.

В фольклорных текстах могут сохраняться более архаичные варианты грамматических форм слов и конструкций, уже утраченные в литературном языке. Так, инфинитные формы глагола в предложении функционируют, как правило, при наличии финитной формы: они выражают такое действие, которое зависит от действия, передаваемого финитной формой. Однако в произведениях устного народного творчества встречаются случаи, когда инфинитные формы, в частности причастия, употребляются в предложениях самостоятельно. В таких предложениях полностью отпадает необходимость употребления финитных форм, например: *Борхатаб магIарда гIигин вукIадго тIогьараб магIарде вахун вукIарав* (М.Х.К.) «Находясь с отарой высоко в горах, взобрался на цветущую гору». Здесь вместо финитного глагола *вукIана* «был, находился» выступает инфинитная форма данного глагола – причастие *вукIарав* «бывший, находящийся». Сила предикативности данной причастной формы настолько интенсивна, что она замещает финитную форму и превращает словосочетание в предложение. Подобные факты, на наш взгляд, уже сами по себе могут служить убедительным аргументом того, что в старом аварском языке причастные формы имели статус предикативности, постепенно утраченный в ходе развития языка. В настоящее время в некоторых случаях (весьма, впрочем, редких) причастие может употребляться вместо глагола [Магомедов М., 2015, 158].

Аналогичное явление наблюдается также и в аварских народных пословицах и поговорках: *Кету рихаразда гIункIкIаз къвал балеб* (А.Х.К.) «Мыши обнимают тех, кому ненавистен кот»; *Къуваталдаса гIакълу бергьунеб* (А.Х.К.) «Ум побеждает силу»; *КIкIуй гьечIеб цIа букIунареб* (А.Х.К.) «Нет дыма без огня»; *ЛъикIлъи хIехьоларес квешлъи хIехьолеб* (А.Х.К.) «Кто не терпит хорошее, тот терпит плохое» и т.д. Здесь вместо финитных форм употреблены инфинитные формы: *балеб – бала* (лит. яз.); *бергьунеб – бергьуна* (лит. яз.); *букIунареб – букIунаро* (лит. яз.); *хIехьолеб – хIехьола* (лит. яз.). Как видим из примеров, причастия-предикаты в аварских пословицах и поговорках соотносительны с финитными формами современного литературного языка.

Однако для аварского языка в целом, по-видимому, преждевременно было бы считать этот процесс (предикативность причастий) завершенным: до сих пор иногда встречаются конструкции с причастиями в функции предиката. Предикативное употребление причастных форм – если не говорить о единичных случаях, возникающих в разговорно-просторечном стиле, – для нашего времени можно квалифицировать как явление, свойственное как аварскому литературному языку, так и его диалектам. Что же касается предложений с предикативными причастиями, то они раньше характеризовались, видимо, большей, чем сейчас, употребительностью, о чем свидетельствуют фольклорные тексты. В материалах устного народного творчества аварцев просматриваются особенности того или иного диалекта. Однако в силу большой распространенности и подвижности фольклорных сюжетов и текстов последние могут совмещать в себе весьма разнохарактерные лексические и синтаксические особенности многих диалектов, а не только лишь одного диалекта, где первоначально возникли эти произведения.

Литература

Бокарев А. А. Синтаксис аварского языка. М.-Л., 1949. 279 с.
Магомедов Д. М. Из истории изучения диалектов аварского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. (Уфа, 20 ноября 2015 г.). Уфа, 2015. С. 152–155.
Магомедов М. И. Структура простого предложения в аварском литературном языке и в его диалектах // Дагестанский лингвистический сборник. Выпуск 3. М., 1996. С. 35–40.
Магомедов М. И. Роль диалектов в процессе становления лексических норм аварского литературного языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Уфа, 20 ноября 2015 г.). Уфа, 2015. С. 155–159.
Микаилов Ш. И. Очерки аварской диалектологии. М.-Л., 1959. 511 с.
Чикобава А. С. Из истории образования эргативного (активного) падежа в аварском языке // Языки Дагестана. Вып. I. Махачкала, 1948. С. 5–18.

Условные сокращения

Гъ.Гъ. – ГъазимухIамад Гъалбац1ов; А.Х.К. – Авар халкъалъул кицаби ва абиял
М.Х.К. – Маг1арулазул халкъиял куч1дул

© Магомедов Д. М., 2022

УДК *821.584.6*

Максимова О. А., Россия, г. Элиста
Калмыцкий научный центр РАН, м.н.с.

КАТЕГОРИИ БУДДИЙСКОЙ ЛЕКСИКИ И ТЕРМИНОЛОГИИ В КАНОНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (на материале джатаки «Король нагов»)

Памятники буддийской литературы характеризуются использованием специализированной буддийской лексики. Термины буддизма, встречающиеся в буддийской литературе, могут относиться к различным разделам знания (буддийская космология (абхидхарма), сутра, тантра) или встречаться во всех разделах учения, а также характерны для определенных уровней учения. В данной статье мы рассмотрим некоторые из терминов, встречающиеся в джатаке «Король нагов» из сборника Кармапы III Рангджунг Дордже (1284–1339). Целью данной статьи является анализ лексических элементов данной джатаки.

Ключевые слова: *буддийская лексика, буддийская терминология, письменные памятники, джатаки, Кармапа.*

Maksimova O. A., Russia, Elista
Kalmyk Scientific Center of the RAS, Junior Research Associate

CATEGORYES OF BUDHHIST LEXIS AND TERMINOLOGY IN CANONICAL LITERATURE (on the materials of the jātaka “King of the nagas”)

Specific Buddhist lexis and terminology is a part of Buddhist literature. These terms may be associated with different sections of Buddhist doctrine: (Buddhist cosmology (abhidharma), sutra, tantra), or with all sections, or be illustrative of particular standard of knowledge. In this article, we look into some terms, from jātaka “King of the Nagas” from collection of Rangjung Dorje Karmapa III (1284–1339). The aim of this article is to analyze lexical elements of this jātaka.

Keywords: *Buddhist lexis, Buddhist terminology, written artifacts, jātakas, Karmapa.*

Сфера перевода, исследования памятников буддийской канонической и постканонической литературы активно развиваются в последние десятилетия, создаются более и менее широко известные проекты, переводческие группы. К примеру, проект под названием 84000 (Eighty four thousand) имеет своей целью обеспечить доступ каждому человеку и осуществляет перевод Слов Будды тибетского Буддийского Канона на современные языки. Существует ряд других переводческих проектов как, например, «Перевод наследия Кармап» (Translating the Karmapas’ Works) и т.д.

Специфика буддийской лексики заключается в том, что в европейских (в том числе в русском) языках, как правило, нет эквивалентов или аналогов многих как ключевых, так и специфических понятий буддизма, таких как, например, карма, бодхисаттва, парамита и т.д. Таким образом, переводчики используют санскритскую лексику, что частично облегчает работу переводчика, но не делает текст понятным для читателя.

Составлением словарей терминов и понятий буддизма на русском языке занимались: В.П. Андросов «Индо-Тибетский буддизм. Энциклопедический словарь» [Андросов, 2011], Е.А. Торчинов «Буддизм: карманный словарь» [Торчинов, 2002], С. А. Матвеев «Англо-русский словарь по буддизму и смежным понятиям». Имеются онлайн-словари: словарь буддийских терминов на сайте Буддийского университета «Даши Чойнхорлин», словарь буддизма ассоциации «Буддизм в интернете».

В данной статье мы рассматриваем пять лексических единиц из отрывка канонического (постканонического) произведения — джатака «Король Нагов» из серии «Гирлянда рассказов о прошлых жизнях Учителя» из «Собрания сочинений линии преемственности Гьялва Кармап» с целью определить их значение, а также делаем попытку установить принадлежность каждого термина к разделу канона /классу литературы.

Согласно тибетско-английскому словарю буддийской терминологии Цепака Ригзина, существует 12 категорий буддийской литературы (*тиб.* gsung rab yan lag bcu gnyis):

– сутра (*санскр.* sūtram, *тиб.* mdo’i sde) — дискурс (поучение Будды);
– гея (*санскр.* geyam, *тиб.* dbyangs kyis bsnyad pa’i sde) — песня (проза и стихи);
– вьякарана (*санскр.* vyākaraṇam, *тиб.* lung du bstan pa’i sde) — ответы на вопросы, предсказания;
– гатха (*санскр.* gāthā, *тиб.* tshigs su bcad pa’i sde) — четырехстрочные стихи-поучения (шлока);
– удана (*санскр.* udānam, *тиб.* ched du brjod pa’i sde) — афоризмы (частные поучения);
– нидана (*санскр.* nidānam, *тиб.* gleng gzhi’i sde) — тематические поучения;
– авадана (*санскр.* avadānam, *тиб.* rtogs par brjod pa’i sde) — подвиги;
– итивраттака (*санскр.* itivṛttakam, *тиб.* de lta bu byung ba’i sde) — притчи, легенды;
– джатака (*санскр.* jātaka, *тиб.* skyes pa’i rabs kyi sde) — рассказы о предыдущих жизнях Будды;
– вайпулья (*санскр.* vaipulya, *тиб.* shin tu rgyas pa’i sde) — обширные поучения;
– абутадхарма (*санскр.* adbhūtadharmaḥ, *тиб.* rmad du byung ba’i chos kyi sde) — чудесные /удивительные истории;
– упадеша (*санскр.* upadeśaḥ, *тиб.* gtan la phab par bstan pa’i sde) — детальные инструкции к обширным поучениям [Tsepak Rigzin, 2008, 293].

Идентичную классификацию приводит Бутон и называет ее «Виды Слова Будды по отношению к форме» (12 классов священных текстов) [Будон, 1999, 46].

В энциклопедическом словаре индо-тибетского буддизма В. П. Андросов дает следующее определение: джатака (*санскр.* jātaka, *тиб.* skyes pa'i rabs ʻрождение') — произведение и жанр буддийской канонической и постканонической литературы, состоящей из прозаических повествований (со стихотворными вставками) о жизни Будды Шакьямуни в предыдущих рождениях, которые он вспомнил в состоянии просветления под бодхи-деревом. В этих текстах его обобщенно называют бодхисаттвой <…>, но в каждой джатаке у него есть и конкретное имя действующего персонажа — в человеческом, животном, божественном или ином воплощении. Наиболее известным является каноническое палийское собрание джатак, входящее в пятый отдел Куддака-никая Сутта-питаки Трипитаки тхеравады. На санскрите джатаки, по-видимому, начали создаваться позже, т. к. они отличаются от палийских махаянскими идеями. На санскрите имеются и высокохудожественные авторские сборники джатак, например, «Гирлянда джатак» Арьяшуры [Андросов, 2011, 211].

Данный жанр сложился на основе раннего буддийского фольклора. В качестве популярного вида народной словесности джатаки продолжали сочиняться во всех странах буддийского мира, в этом творчестве участвовали и монахи, которые записывали предания, окрашенные местными реалиями, литературно их обрабатывали и составляли сборники. Примером такого рода может служить центральноазиатский сборник VI–VII вв., вошедший в китайский и тибетский каноны в виде «Сутры о мудрости и глупости» [Андросов, 2011, 211].

Как упоминалось ранее, традиционно тибетский буддийский канон Кангьюр насчитывает 84000 поучений, данных самим Буддой Шакьямуни, и состоит из так называемых трех корзин: виная — свод правил для монахов, «дисциплинарный устав» сангхи, сутра — проповеди и поучения Будды и абхидхарма — буддийская космология. Как отмечает В.П. Андросов, «наиболее полная коллекция тантр входит в Тибетский Кангьюр» и называет тантру «четвертая корзина канона» [Андросов, 2011, 348]. (Здесь мы не рассматриваем Тенгьюр — великие комментарии к Слову Будды).

Несмотря на то, что джатаки входят в разделы сутр как палийского, так и тибетского канонов, Бутон в «Истории буддизма» категории *нидана*, *авадана*, *итивриттака* и *джатака* определяет принадлежащими Винае [Будон, 1999, 46].

Рассмотрим следующий отрывок джатаки «Король Нагов», описывающий время, место проживания, а также имя главного героя:

Отрывок тибетского текста:

bskal pa chen po legs bcas zhes bya ba bdag cag gi ston pa ni *'dzam bu*'i shing *ba Ta* skye ba'i gnas su / *klu*'i rgyal po *gter ston* zhes bya bar skye ba bzung bar gyur to zhes grag go

Перевод данного отрывка на русский язык:

Давным-давно, во времена *великой кальпы* называемой *Обладающая Добродетелью*, наш Учитель выбрал рождение королем *нагов* по имени *Открыватель Сокровищ (тертон)* на [мистическом] дереве *Бха Тра*, на континенте *Джамбудвипа.*

Кальпа «Обладающая Добродетелью» (*тиб.* bskal pa chen po legs bcas) — кальпа — понятие буддийской космологии, временной период вселенной, единица космического времени — в данном случае великая кальпа — состоит из 80 малых или двух средних [Андросов, 2011, 245–246]. Однако кальпа под названием «Обладающая Добродетелью» не встречается и не описывается в буддийской космологии. На данном этапе можно сделать предположение, что данное название — это авторский художественный прием, преследующий цель сообщить читателю, что нижеследующее происходило очень давно.

Нага (*тиб.* klu) — могущественное водное (иногда подземное) мифическое змееподобное существо, издревле в Индии считалось почитаемым, символизировало внутренние, скрытые от глаза силы природы. При классификации живых существ в абхидхарме их относят либо к животным, либо к полубогам [Андросов, 2011, 293]. В Тибете существуют ритуалы подношения нагам, имеются ритуальные тексты, а также считается, что наги могут вызывать болезни кожи. В джатаке «Король нагов» автор использует прием очеловечивания животного, придает ему человеческие черты характера, как, например, желание помочь окружающим. Поскольку термин *Нага* встречается и в абхидхарме, и в текстах тантр, можно сделать предположение, что он не относится к какому-то определенному классу текстов.

Тертон (*тиб.* gter ston) — тантрический мастер школы *Ньингма* тибетского буддизма, который находит клады с текстами терма и другими сокровищами, открыватель сокровищ. Термин Ваджраяны (Алмазной колесницы) относится к классу тантр.

Бха Тра (*тиб.* ba Ta) — мифическое древо, не упоминается в абхидхарме. Данное дерево Бха Тра (bhatra) встречается в текстах «тантры Ваджрайогини» и представляет собой центральное дерево (из пяти деревьев) области под названием Цари [Ngawang Zangpo, 30–31]. Не встречается в других классах литературы.

Джамбудвипа (*санскр.* jambu-dvipa, *тиб.* ʻdzam bug ling) — островной материк с деревом Джамбу — один из четырех материков в мировом океане согласно буддийской космологии, абхидхарме. Джамбу — дерево с розовыми яблоками, этот материк населен людьми [Андросов, 2011, 210]. Данный материк находится на юге от горы Меру в мировом океане [Jamgon Kongtrul]. Детальное описание строения мира, океанов, континентов и т.д. имеется в текстах буддийской космологии.

Хотя слушание или прочтение джатак не подразумевает специального уровня подготовки или знания буддийской философии, однако, как показал анализ некоторых лексических единиц короткого отрывка джатаки, в данном случае для более полного понимания контекста требуются знания в области буддийской космологии, абхидхармы, более того, текстов тантры и в целом о тибетском буддизме.

Интересно отметить, что повествования данного жанра имеют элементы сказки, а в данной джатаке «Король нагов» — сказки о животных, где к персонажам, применяется прием антропоморфизма, иносказательное изображение человека, его качеств характера. Но в то же время знание специфической буддийской лексики и терминологии помогает глубже понять задумку автора. Также, при анализе лексики, немаловажным остается учитывать личность автора – Кармапы III, тибетца, время его жизни — XIII–XIV вв., что, несомненно, отражается на характере лексики, встречаемой в тексте.

В заключении можно сделать предположение, что целевой аудиторией к прочтению или слушанию данного жанра канонической и постканонической литературы являются не только дети или домохозяева-миряне, не вовлеченные в контекст буддийского учения, но также практики буддизма и исследователи в области буддийской и индуистской культуры и философии.

Источники

LS1 — Rang byung rdo rje. Ston pa thams cad mkhyen pa'i skyes rabs phreng (= Гирлянда рассказов о прошлых жизнях Учителя) // Dpal rgyal dbang karma pa sku phreng rim byon gyi gsung 'bum phyogs bsgrigs ('Собрание сочинений линии преемственности Гьялва Кармап'). Lhasa: Dpal brtsegs bod yig dpe rnying zhib 'jug khang ('Лхаса Издательство Изучение памятников древности имени Палцег'), 2013. Vol. 11. Pp. 69–590. Vol. 12. 602 p.

Литература

Андросов В. П. Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь: монография. М.: Ориенталия, 2011. 448 с.

Будон Ринчендуб. История буддизма (Индия и Тибет) / Пер. с тиб. Е. Е. Обермиллера. Пер. с англ. А. М. Донца. СПб.: Евразия, 1999. 336 с.

Торчинов Е. А. Буддизм: Карманный словарь / Прилож. П. В. Берснева. СПб.: Амфора, 2002. 187 с.

Tsepak Rigzin. Tibetan-English Dictionary of Buddhist Terminology. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 2008. 306 p.

Jamgon Kongtrul L. T. Miriad Worlds. Buddhist Cosmology in Abhidharma, Kalacakra and Dzog-chen / translated and edited by the international Translation Commettee founded by V.V. Kalu Rinpoche. New York: Snow Lion Publications, 1995. 301 p.

Ngawang Zangpo. Sacred Ground: Jamgon Kangtrul on pilgrimage and sacred geography. New York: Snow Lion Publications, 2001. 272 p.

© Максимова О. А., 2022

УДК *811.512.3*

Манджиева З. И., Россия, г. Элиста
Калмыцкий научный центр РАН, м.н.с.

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ «ДУНСЯНСКО-КИТАЙСКОГО СЛОВАРЯ»[1]

В статье представлен краткий обзор истории создания «Дунсянско-китайского словаря», приводятся сведения об отечественных и зарубежных исследователях, которые занимались созданием «Дунсянского-китайского словаря».

Ключевые слова: *дунсянский язык, китайский язык, словарь, санта, дунсяне.*

Mandzhieva Z. I., Russia, Elista
Kalmyk Scientific Center of the RAS, Junior Researcher

TO THE HISTORY OF THE CREATION OF THE "DONGXIANG-CHINESE DICTIONARY"[2]

The article presents a brief overview of the history of the creation of the "Dongxiang-Chinese Dictionary", provides information about domestic and foreign researchers who were engaged in the creation of the "Dongxiang Chinese Dictionary".

Keywords: *Dongxiang language, Chinese language, dictionary, Santa, Dongxiang.*

Дунсянский язык имеет общее происхождение с монгольским, баоаньским, уйгурским, дагурским, бурятским, калмыцким и могольским языками. История его описания и изучения насчитывает более 60 лет.

Исследователи языка и его носителей отмечают, что «дунсяне — одна из монгольских народностей, проживающая в провинции Ганьсу Китайской Народной Республики [Тодаева, 1961, 3]. Существует предание, что Чингиз-хан для охраны границ своих владений привел предков дунсян в Ганьсу [Тодаева, 1961, 3]. Дунсянский язык является одним из монгольских языков, однако различные исторические события оказали несомненное влияние на дунсянский язык, кроме того, уклад жизни и религия оставили заметный след в лексике дунсянского языка.

Вплоть до настоящего времени в отечественной литературе сложно найти информацию об ученых Монголии и Китая, занимающихся исследованиями дунсянского языка. Из русскоязычных исследований можно указать лишь научные труды Б. Х. Тодаевой [Тодаева, 1961, Тодаева, 1960]. Благодаря ее трудам в монголоведной науке появились новые данные о районах расселения монгольских народностей на территории Китайской Народной Республики, особенностях дагурского, дунсянского, баоаньского, монгорского, монгольского и ойратского языков [Очирова, 2015, 9]. Ее труды внесли значительный вклад в отечественную и мировую монголоведную науку.

Первое упоминание о дунсянском языке встречается в работе Г. Н. Потанина «Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия» [Потанин, 1893]. Исследователь пишет о так называемых широнгол-монголах, которые в конце XIX в. жили отдельными островками вдоль северного и южного берегов Хуанхэ [Потанин, 1893, 360]. Наиболее полное описание языка содержат работы Б. Х. Тодаевой «Дунсянский язык» [Тодаева, 1961] и «Монгольские языки и диалекты» [Тодаева, 1960, 10]. В 1954–1957 гг. она принимала активное участие в лингвистических экспедициях в Китайской Народной Республике, задачей которых было изучение всех языков народностей КНР, а также выявление их взаимоотношений. Объектами изучения Буляш Хойчиевны стали дагурский, монгорский, дунсянский, баоаньский языки, а также языки монголов Внутренней Монголии, желтых уйгуров и ойратов Синьцзяна.

Из современных работ на китайском языке, посвященных дунсянскому языку, в первую очередь следует назвать работу Ма Гочжуна и Чень Юаньлуна «Дунсянско-китайский словарь». Основной целью создания словаря, который впервые максимально полно фиксирует словарный запас дунсянского языка, является повышение уровня школьной и профессиональной подготовки.

Ма Гочжун (马国忠) родился в 1931 г. в деревне Хэйшишань (黑石山村), уезд Дабань (达板镇), Дунсянский автономный округ. В 1950 г. поступил в Северо-Западный институт национальностей (г. Ланьчжоу) на факультет политологии, в 1951 г. досрочно закончил обучение и остался работать в институте. В 1983 г. был принят на работу в качестве члена Совета народов Постоянного комитета ВСНП (Всекитайское собрание народных представителей). В 1985 г. возглавлял редакцию журнала Северо-Западного института национальностей.

В 2001 г. администрация Дунсянского автономного округа провела эксперимент по двуязычному обучению китайскому языку с помощью дунсянского языка в начальной школе Налэсы (провинция Ганьсу). Ма Гочжун был задействован в качестве консультанта по экспериментальному обучению и участвовал в разработке общего плана реализации проекта, подготовке учителей и подведении итогов. Он добился значительных результатов и разработал новый метод эффективного

[1] Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).

[2]The reported study was funded by government subsidy — project name “Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions” (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

повышения качества образования и преподавания, благодаря чему процент приема абитуриентов, этнических дунсян, значительно возрос.

Чэнь Юаньлун (陈元龙) родился в 1964 г. в крестьянской семье в Дунсянском автономном округе. Провел детство в языковой среде дунсян, в силу чего во время обучения в начальной школе с трудом понимал китайский язык. В 1978 г., когда он учился в средней школе № 2 Дунсянского автономного округа, он впервые начал соприкасаться с китайским диалектом тайван. В сентябре 1980 г. был принят в Северо-Западный институт национальностей на медицинский факультет, после чего его перевели на отделение китайского языка. В 1984 г. окончил факультет китайского языка и литературы Северо-Западного института национальностей. Благодаря упорной работе и кропотливым исследованиям он не только преодолел языковые барьеры, но и в конечном итоге стал экспертом в области дунсянского языка и письменности, письменности хуэй и китайского диалекта тайван. Кроме того, он добился выдающихся результатов в области двуязычного преподавания для дунсян. Знание таких языков, как арабский, монгольский, латинский, славянские языки, помогло ему в создании двух типов алфавита для дунсян на основе арабской и латинской графики.

Работа над сбором лексики «Дунсянско-китайского словаря» была начата Чень Юаньлуном в начале 1983 г. В 1989 г. началось сотрудничество Ма Гочжуна и Чэнь Юаньлуна и продолжалось 10 лет.

«Дунсянско-китайский словарь» Ма Гочжуна и Чень Юаньлуна является наиболее полным словарем дунсянского языка, состоящим из двух изданий. В 2000 г. вышло первое издание «Дунсянско-китайского словаря». Словарный состав языка постоянно меняется, а у слов появляются новые значения, поэтому спустя 11 лет авторы выпустили второе издание словаря, которое было дополнено новыми словами, а также были внесены незначительные изменения. В первом издании словаря описывается более 10800 слов, а во втором издании более 11733 слов (включая производные слова, составные слова, названия местностей, небольшое количество идиом и различные формы произношения некоторых слов). Авторы, работавшие над словарем в течение многих лет, поставили своей задачей способствовать повышению качества образования этнических дунсян, а также двуязычного обучения. По своему строению издание состоит из словарных статей, транскрипции и перевода на китайский язык.

Ударение в дунсянском языке обычно ставится на последнем слоге. Слова, которые относятся к разным частям речи, а также имеющие разное ударение, помечаются отдельно. Например, hanhu[1] [χanχu] – ‘профессия, работа’; hanhu[2] ['χanχu] – ‘неясный’. Омофоны в словаре помечены цифрами 1, 2, 3 в верхнем углу слова. Например, achidan[1], achidan[2]. После транскрипции указана часть речи, которая заключена в квадратные скобки. После слов, которые используются только в лексике детей, стоит знак〈儿〉.

Дунсянский язык подвергся влиянию китайских и тюркских языков, исторических событий, уклада жизни, религии, поэтому в языке присутствует огромное количество заимствований. Все персидские, тюркские и арабские слова, а также китайские и тибетские заимствованные слова помечены в словаре как【波】-персидский,【突】-тюркский,【阿】-арабский,【汉】-китайский【藏】-тибетский. Например, слово monlo - мулла (обращение к изучающим ислам в Китае, в переводе с арабского языка означает «образованный человек»). Также можно привести в пример название местности в Дунсянском автономном уезде, на территории деревни Дунлин – Качжили (Kazhili), в переводе с тибетского языка означает «горная расщелина».

Ма Гочжун и Чень Юаньлун внесли свой вклад в изучение дунсянского языка. Материалы, зафиксированные в «Дунсянско-китайском словаре», послужат важным источником для сопоставительного изучения монгольских языков.

Дунсянский язык — один из монгольских языков алтайской языковой семьи, в котором сохранилось много специфических черт среднемонгольской эпохи. Изучение общих черт между дунсянским и другими монгольскими языками является ключом к определению родства между ними. Лексический пласт дунсянского языка, ранее использовавшийся лишь по работам известного лингвиста Б. Х. Тодаевой, теперь получил более широкую базу, что позволит проводить системные исследования на материале ряда монгольских языков.

Литература

Потанин Г. Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия: Путешествие Г.Н. Потанина: 1884-1886. Т. 1–2. СПб: Имп. Рус.геогр. о-во, 1893. 2 т. 649 с.

Тодаева Б. Х. Дунсянский язык. М.: Восточная литература, 1961. 137 с.

Ma Guozhong. 东乡语汉语词典 (‘Дунсянско-китайский словарь’). 1 изд-е. Ланьчжоу: 甘肃民族出版社, 2000. 500 с.

Ma Guozhong. 东乡语汉语词典(‘Дунсянско-китайский словарь’). 2 изд-е. Ланьчжоу: 甘肃民族出版社, 2012. 518 с.

© Манджиева З. И., 2022

УДК *39(470.57)*

Махмудов А. Р., Россия, с. Барда

ГАЙНИНСКИЕ БАШКИРЫ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ*

Статья, написанная на гайнинском говоре северо-западного диалекта башкирского языка, посвящена истории и культуре гайнинских башкир. Дается краткий историографический обзор деятельности уфимских научных экспедиций в Бардымский район Пермского края.

Ключевые слова: *башкиры, диалект, экспедиции, культура.*

Makhmudov A. R., Russia, Barda

GAININ BASHKIRS: PAST AND PRESENT

The article is devoted to the history and culture of the Gainin Bashkirs. A brief historiographical overview of the activities of the Ufa scientific expeditions to the Bardymsky district of the Perm Region is given.

Keywords: *Bashkir, dialect, expeditions, culture.*

Төньяҡ-көнбатыш башҡортлар боронғо заманнардан бирле үзләрен башҡорт этносыныҡы айырылғысыз өлөшө тип таныды, бу аларныҡы легендаларында, шәжәрәләрендә чағылыш тапты. Шул сүзләрне дәлилләп, XX йөзйылның икенче яртысында Пермь крайы Гәйнә башҡортларын Уфа этнограф һәм тел ғилеме ғалимнары маҡсатчан экспедиция ойоштороп, тикшеренеүләр билгелей.

1963 йылда Пермь өлкәсендә билдәле фольклорчы, ғалим Ә. Н. Кирәевнең ҙитәкчелегендә Фәннәр академиясенеке Башҡортостан филиалы хезмәткәрләре тарафынан фольклор экспедициясе эшләде дә шаҡтый материал туплады. Экспедиция маршруты Барда һәм башҡа районнарға үрләнеп, шундый нәтиҗәдәгә килә: «Бу тирәдә йәшәүче башҡортлар үзләрен «гәйнә башҡортлары», тип йөрөтәләр. Гәйнәләр дүрткә буленә: Тол-гәйнә, Мүл-гәйнә, Тор-гәйнә, Бисер-гәйнә. Мынан башҡа тағы Тол буйында Танып һәм Ирәктә тигән ырыу атамалары ишетелеп ҡала. Төбәкләр исемлегендә ар, чирмеш, истәк тигән атамалар йыш очрый. Бу ҡаҡта уҡыу-уҡытыу татар телендә бара. Ләкин Башҡортостан беле культура бәйләнеше зур ғына. Газета-журналлар алдыралар. Сүләш телләре дә бик үзенчәлекле. Башҡорт әдәби теленә алынған нормалар ҡаҡын элементлары күп кенә куренә. Татар әдәби теленең йоғонтосо зур. Бу йоғонто фольклор материалларында да ныҡ чағыла» [Архив].

Экспедиция материаллары ҡушымтасы итеп 720 «башҡорт гәйнә сүзе» бирелә. Гайнә сүләменең лексикасы 1970 йылда нәшер ителгән «Башҡорт сүләшеүләре сүзлеге»нең 2-че томында тулысынча чағылыш тапҡан. Профессор Ә.Н.Кирәевнең (Кирәй Мәргән) фольклор материалларында «Әйнә беле Гәйнә», «Толбуйлар» һәм «Гәйнә ырыуы» тигән өч этнолегенда сюжетлары иғтибарға лайыҡ. Аларда шушы ҙир башҡортлары нәселенә нигез салыучы Гәйнә исемне кеше китерелә. Бер очраҡта Гәйнә беле Әйнә изге аҡ боланнарға атланып, Тол аръяғынан бу ҙирләргә килә, боланнарының хәлен бөтөргән яуыз ҡарчыҡ ар нәселенән булған Толауа беле көрәшә, икенче текст буйынча алар ҡояшны азат итә. Тәүге легендада бу көрәштә Әйнә һәләк була, ә Гайнә Тулва йылғасы бассейнында Гәйнә башҡортлар нәселенә нигез салыучы була. Хәзерге тикшеренеүчеләр Әйнә беле Гайна хаҡындағы легендалары ҡачандыр боронғо башҡорт эпос ҡалдығы булыу ихтималын таный [Хөббитдинова, 2020].

1965 йылда Барда район ауылларында тикшеренеүләр Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов һәм С. Н. Шитова тарафынан үткәрелә. Ғалим Р. Г. Кузеев, Шәрҡиәт институтының Ленинград бүлекчәсендә табылған Уса даруғадағы Уран беле Гайнә ырыулар шәжәрәсенә таянып, 1554–1555 йылларда Айсыуаҡ ҙитәкчелегендәге Уран илчеләре – Ҡазанға, гәйнәләр исә Чердынға килгән, тигән нәтиҗә ясый. Анан соң автор, Айсыуаҡ Ҡазаннан уранар тарафынан подданлыҡ алыу турында тҙға ҡазылған хоҡуҡ грамотасы алып ҡайтҡан, тип билдәлей. Шәжәрәдә Ураҡ бейнең Чердынға барып, гайнәләрнең борон-бороннан йәшәгән ҙирләренә асабалыҡ хоҡуғын саҡлап ҡалый шарты беле Мәскәү дәүләтенә ҡушылыуы турында документҡа ийә булыу билдәләнә.

Шуны да исбатлап үтейек: Гәйнәләрнең этник бәйләнеше турында 1912 йылда Үдик (русча Елпачиха) ауылы мулласы Хөббихуҙа Түмәсев төзөгән шәжәрә мәғлүмәтләре аша да белеп була. Бу шәжәрәдә Гәйнәләрнең төп ата-бабасы итеп Ҡауыш бей, аның уллары Инсан бей беле Ихсан бей күрсәтелә. Гәйнә ырыуы шәжәрәсендә, үз ырыуға ҡараған этник атрибутларның Чыңғыз-хан тарафынан бирелеүгә ишара бар. Хөббихуҙа Түмәсев шәжәрәсендә былый әйтелә: «Ырыу бүлемебез – кәкүк, ораныбыз – «Бурух!», ҡошобоз – хөдхөд, ағачыбыз – удмурт чаганы, тамғабыз – хәмзә» [Долотказина, 1984; История башкирских родов, 2015].

Тарихчы Әнүәр Әсфәндияров рус телендә нәшер иткән «Пермь һәм Свердловск өлкәләрдәге башҡорт ауыллар тарихы» тигән монографиясендә «Гәйнәләрдән башҡа бер башҡорт ҡәбиләсендә дә ҙиргә хоҡуҡны билдәләгән 1557, 1632, 1672 һәм 1701 йылларда алынған патша грамоталары шулай күп түгелдер» тигән чығымтаға килгән. Ҙир мәсьәлә айыруча кискеннәшкән мәлләрдә башҡортлар, ҙиргә биләмәләрен саҡлап ҡалыу грамотасын сорап, Мәскәү патшаларына мөрәжәғәт иткән. Патшалар исә аларның үтенечен ҡәнәғәтләндерер булған.

Н.М.Ҡолбахтин билдәләүенсә, рус патшаларныҡы грамоталарында Гәйнә башҡортларның ҙир межалары ҙентекле сүрәтләнгән. Аларның биләмәләренә Тулва–Сылва–Кама йылғалар арасындағы һәм Каманыҡы уң як ярындағы ҙирләр ингән.

Светлана Шитова 1965, 1984 йыллар экспедициялар чоронда туплаған этнографик өлөшө үз эчкә тарихи ҙирлекләргә, тораҡларға, Гәйнәләрнеке традицион кейем-салымнарына ҡараған материалларны ала. Әммә нәтиҗә булып мында чиста башҡорт костюм комплектын ачыҡлау ҡыйын, чөнки мында татар беле фин-уғыр костюм нигезләр дә ачыҡ сизелә. Көньяҡ-көнчығыш башҡорт

* Статья Махмудова А. Р. представляет собой образец устной речи носителей гайнинского говора северо-западного диалекта башкирского языка.

комплектныҡы үзенсәлекләре (һарауыс, ҡашмау, челтәр) биредә күренмей. Ә респондентлар 1965 йылларда көньяҡ-көнсығыш башҡортларныҡы традицион кейемендәге фотосүрәтләрен күреп, бу комплектны казахларның тип атыйлар. Әлбәттә, безнең комплектларны көньяҡ-көнсығыш башҡортлар күрсәләр, йә мари, йә удмурт, йә татар, йә булса, крәшен милли костюм төркөмөнә керетеп ҙибәрәләр. Шул уҡ ваҡытта гәйнәләрнеке традицион костюмы үз нигезендә тирән үзенсәлеген саҡлап ҡалған. Айырыуса хатын-ҡыҙларныҡы тәнкәле, энйе, уҡалы ҡалпаҡлары, киндер өскө итәкле күлмәкләре, уҡалы камзуллар, бизәнеү әйберләре (арҡалыҡ, буйынса, түшлек, сырға, ҡашлы чулпылар), ир-егетләрнеке үзенсәлекле басылған түбәтәйләре беле сәкәнне читекләре. Бөгөн бу Гәйнә халыҡныҡы үзенсәлекләре, хәзерге ваҡытта Барда район милли брендына әйләнде.

Әйтелеүенсә, барда башҡортларуың сүләш теле дә шактый үрәнелде. Төньяҡ-көнбатыш башҡортларның халыҡ сүләшү телен үрәнеүгә Сәрия Фазулла ҡызы Миржанова зур өлөш керетте. Гәйнә сүләшеүдә, аның фекеренсә, боронғо башҡорт хуҙалыҡ-көнкүреш терминнары, ризыҡ, кейем-салым исемнәре саҡланған, алар башҡорт әдәби телендә үзгәргән. 1973 йылда диалектолог-ғалимә С.Ф.Миржанова Барда районда 8 ауылда эшлей (Бичурино, Елпачиха, Ишем, Краснояр, Түбән Искилде, Ольховка, Солтанай, Танып) һәм 1975 йылда Пермь өлкәнеке 9 ауылында беле Пермь шәһәрендә эшлей.

Аныҡы төньяҡ-көнбатыш башҡортлар диалекты буйынча материалларында текст үрнәкләре айырыуса ҡиммәтле, һәм ғалимнарда зур ҡыҙыҡсыныу уята. Гәйнә сүйләштән: «Башҡолтай (Кече Мүл) ауылы тарихы. Бу ауылға майтаҡ ҡына, өс йөз йыллар была. Ҡырләре күп былған башҡыртныҡы. Шуңа аларны кенәз (тархан) тип йөрөткәннәр урыслар. Без татарлашҡан башҡырт, нәстәйәшши башҡырт. Без Пирем халҡы кебег әйтмейбез. Ҡаты, ҙаматай сүләшәбез, башҡырт теле беле сүләшәбез» (1975 йылда Пермь өлкәсе, Пермь районының Башҡолтай ауылында Сәйдәшев Әмирдән, 1888 йылғы, язып алынған). «Без башҡырт, безне Ҡазан гына гәйнә тей, без чын башҡырт» – Күземьяр ауылы Әширов Низамдан (1895 елгы) 1973 йылда язып алынған [Миржанова, 2006; Образцы, 1988]

Бу ҙаҡларда мәғариф өлкәсендә күп эз ҡалдырған, уҡытыучы, гәйнә башҡорто Шәйхулла Тулвинский 1959 йылда Башҡортостан газитендә «Гәйнә башҡортлары турында» мәҡәлә язып ҡалдыра. Гәйнәләр «алырға», «бирергә» кебек сүзләрне «алмага», «бирмәгә» формасында сүлейләр (безгә мунча инмәгә кил, чәй эчмәгә кереп чыҡ). Татарча «ич», башҡортса «бит» урынына гәйнәләр «ҡый» тип сүлейләр. Мына аларныҡы бер ҡыры:

Минең ҙәнкәйнең исеме
Миңлебиби Сиды ҡый.
Чаҡырдым ҡый, килмәде ҡый,
Ҙәннәремне ҡыйды ҡый.

Пермь гәйнә башҡортлары теленең лексика үзенсәлекләрен дә әйтеп үтейек.

Аймаҡ– күмәк, күп, ишле (Мин аймаҡ симийәда үстем); *ботуҡ* – барысы, барында, булғанын (Ҡыйған ҡиләкне ботоҡ ашадыҡ та бөттөк); *дөңгеҙ* – иңкеш, төклөтура (шмель); *иләсә* – бейәләй (Ҡышына ике пар иләсә туздыра ҡый у); *ҡанчыҡ* – ана песей, йәки ана эт. (Ҡанчыҡ эт ҡарасаң, кәртәңдә эт туйы былып торор (әйтем); *ҙрчәк* – күсәт, утын пүләне, таяҡ, кәртә. (Машинаны астына эрчәк тыҡып күтәрдек); *сәлей* – бишек (Йәш улланны башта сәлейдә ҡоҡлаталар); *сыҡтау* – йылау (Улан чирлей маса: сыҡтый да сыҡтый); *тырҡыш* – пычрак (Сауыт-сабаларны ҡоумаганнар икә кый: бары да тыркыш күе торганнар); *ярымтыҡ* – шүрәле; *чылдыр* – лыстыр, иске, тузған, сәләмә (Чылдыр әрбейләрне чығарып ҡына орабыз хәзер - байыдыҡ ҡый).

Гәйнә башҡортлар көн исемнәрен дә үзләренсә атап йөрөйләр: *тыуған көн* (дүшәмбе), *атланған көн* (сишәмбе), *ҡан көн* (чәршәмбе), *әтнә кич* йәки *кичәтнә көн* (кече атна), *ҡомға көн*, *ҡоро көн* (шәмбе), *урыс әтнә көн* (йәкшәмбе) [Тулвинский, 1959].

Гәйнәнләрҙеке антропологик тикшеренеүләре Тарих, тел һәм әдабиәт институты этнограф ғалимы Ринат Йосопов ҙитәкчелегендә 1987, 1993, 1999, 2001, 2006 йылларда ҙиткерелә. Ул Гәйнәләрнеке ир-атлары антропологик ҙаҡтан ҡоңғорт көньяҡ европеоид компоненты өстөнлөк иткән ҡатнаш чығышлы типға ҡарауын ачыҡлады. Ә аларныҡы хатын-ҡыҙларында ҙирле субурал антропологик тибы сызатлары өстөнлек итә тип нәтиҙә бирде.

Пермь башҡортлар арасында майтаҡ күренекле һәм тарихи шәхесләр бар. Безнең бай тарих мирасыбыз, шәхесләребез, бөтөн башҡорт халыҡ данын ҙаҡлаған гәйнә башҡортлар Туҡтамыш Иҙбулатов, Исмәғил Тасимов, кантон начальниклары Әдүтовлар, меценатлар Мөхәммәтғата хәзрәт Мансуровлардан башҡа башҡорт халыкныҡы тарихын тулы итеп күз алдына да китереп тә былмыйдыр.

Ыспайы матур туған телебез сөйөп, үзенсәлекле өс-кейемнәребез кейеп, тирән фольклор мирасын үрәнеп Барда-Гәйнә ҙиребеҙдә без, гәйнә башҡортлар, йәшәп ҙатабыз.

Литература

Архив ИИЯЛ Ф.3. Оп.2. Д.583. Л. 2.
Долотказина С.Х. Шежере башкир племени гайна о присоединении к Русскому государству // Источники и источниковедение истории и культуры Башкирии: Сборник научных трудов. Уфа: БФАН СССР, 1984. С.56–60
История башкирских родов. Гайна. Том 11. Уфа, 2015.
Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка формирование и современное состояние. Уфа: Китап, 2006.
Образцы башкирской разговорной речи / Под ред. Н.Х. Максютовой. Уфа, 1988.
Тулвинский Ш. Гәйнә башҡорттары // Совет Башҡортостаны. 1959. 21 апрель.
Хөббитдинова Н.Ә. Боронғо башҡорт эпосының ярсығы – «Әйнә менән Ғәйнә» легендаһы // Ватандаш. 2020. №8. С.117–127.

© Махмудов А. Р., 2022

УДК *81.23*

Махмудов М. А., Азербайджан, г. Баку
Институт языкознания им. Насими, профессор

КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В статье рассматривается создание системы искусственного интеллекта, ее сущность, области применения, значение, перспективы развития, точки соприкосновения с другими областями науки, например, связь с лингвистикой, особенно с корпусной лингвистикой. Цель искусственного интеллекта — создать искусственные системы, которые могут имитировать человеческий разум, мышление, соображение и человеческий мозг. Математика, физика, биология, физиология, биотехнология, информатика, нейрофизиология, психология, философия, логика, лингвистика, экономика и другие науки играют важную роль в создании искусственного интеллекта. Одной из важнейших областей искусственного интеллекта являются обработка естественного языка, а также анализ и обработка естественного текста, машинный перевод, поиск информации по формальным признакам, исследование исторических рукописей и классиков математико-статистическими методами, составление статистических словарей и подготовка электронных словарей. Корпусная лингвистика изучает создание информационно-поисковых систем, направленных на сбор текстов, представляющих тот или иной язык, в электронном формате и их использование в исследовательском процессе. В статье рассматриваются связь компьютерной и корпусной лингвистики с системами искусственного интеллекта и перспективы их изучения.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, обработка естественного языка, нейронные сети, интеллектуальные системы, корпусная лингвистика.*

Mahmudov M.A., Azerbaijan, Baku
Institute of Linguistics named after Nasimi, Professor

CORPORAL LINGUISTICS IN THE CONTEXT OF PROBLEMS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The creation of artificial intelligence system, its essence, applied fields, importance, perspectives of development, point of contact with other scientific fields, relation with linguistics, especially with corpus linguistics is researched in the article. Aim of the science of artificial intelligence is the creation of artificial systems that can imitate human mind, thought, mentality and brain.

The relations of issues of the computational and corpus linguistics with the systems of artificial intelligence and the perspectives of study of them in that context are researched in the article.

Keywords: *artificial intelligence, natural language processing, neural networks, intellectual systems, corpus linguistics.*

KORPUS DİLÇİLİYİ SÜNİ İNTELLEKT PROBLEMLƏRİ ÇƏRÇİVƏSİNDƏ

Süni intellekt(Sİ, rus dilində ИИ – искусственный интеллект, ingilis dilində Aİ – artificial intelligence) ənənəvi olaraq insanın etməli olduğu, insana xas yaradıcı funksiyanı yerinə yetirə biləcək intellektual sistem, intellektual maşınların, xüsusilə intellektual kompüter proqramlarının yaradılması elmi və texnologiyasıdır. İntellektual sistem dedikdə, həmin sistemin yaddaşında saxlanan, ənənəvi olaraq yaradıcı proses kimi səciyyələndirilən məsələləri həll etməyə qabil olan texnologiya və ya proqram sistemi başa düşülür. Süni intellektin yaranma tarixi, mahiyyəti, tətbiq sahələri əhəmiyyəti və inkişaf perspektivləri ilə bağlı bir çox araşdırmalar aparılmış, tədqiqat əsərləri yazılmışdır [Лорьер, 1991; Смолин, 2004; Хант, 1978].

Əslində, süni intellekt bir çox elm sahələrinin qovuşuğunda yaranmış müstəqil elmdir. Bu elmin məqsədi insan ağlını, düşüncəsini, təfəkkürünü, insan beynini təqlid edə biləcək süni sistemlərin yaradılmasıdır.

Süni intellekt intellektual maşın yaratmağı, xüsusən yalnız insanlara məxsus olduğu düşünülən yaradıcı fəaliyyətlə məşğul ola bilən intellektual proqram yaratmağı özünə məqsəd seçmiş elm və texnologiyadır. Bu elm həm də insan intellektinin araşdırılması kimi də başa düşülür.

Con Makkarti hesab edirdi ki, süni intellekt bir başa insanla bağlı intellekt kimi başa düşülməməlidir. Süni intellektin konkret problemlərinin həlli prosesində insanlarla bağlı olmayan metodlardan da istifadə oluna bilər[az.wikipedia.org/wiki/süni_intellekt].

Süni intellekti səciyyələndirən xüsusiyyətlər:

- intellektual hesab olunan insan fəaliyyətinin modelləşdirilməsi ilə bağlı müəyyən məsələlərin qoyulması və həlli;
- bilikləri yaddaşında saxlaya bilən, müəyyən bir mövzu sahəsinə aid yaradıcı hesab olunan problemləri həll edə biləcək texnologiya və ya proqram sistemi;
- özüöyrənən proqramlar vasitəsilə (ilk növbədə evristik proqramların köməyilə) mürəkkəb məsələlərin həlli üçün proqramlar sistemi yaratmaq və onları həll etmək [az.wikipedia.org/wiki/süni_intellekt].

Kompüterlər insan səviyyəsində inkişafa, fəaliyyətə qabildirlərmi? 1950-ci ildə ingilis alimi Alan Türingin “Hesablama maşınları və ağıl (intellekt)” məqaləsi işıq üzü gördü. Həmin məqalədə alim sonradan ”Türing testləri” adı almış yeni yanaşma irəli sürdü [Turing,1950].

Süni intellekt sahəsində ən əhəmiyyətli istiqamətlərdən biri təbii dilin emalı hesab olunur. Bu istiqamət çərçivəsində təbii mətnlərin təhlili, qavranma imkanları və sintezi tədqiq olunur. Tədqiqatın nəticəsi olaraq internetdə rast gəlinən istənilən mətnin emalı və ondan müəyyən informasiyanın əldə olunması nəzərdə tutulur. Təbii mətnin emalı sistemləri öz tətbiqini maşın tərcüməsi və məlumat axtarışı sistemlərində tapır. Təbii mətnin emalı ilə bağlı Azərbaycan dilçiliyində müəyyən araşdırmalar aparılmışdır [Mahmudov, 2002; Fətullayev, Mahmudov, 2015; Mahmudov, Fətullayev, 2016; Mahmudov, Tahirov, 2019].

Qeyd etmək lazımdır ki, təbii mətnin emalı, məlumatların formal əlamətə görə axtarışı, maşın tərcüməsi, elektron lüğətlərin tərtibi, dil materialının riyazi-statistik metodlarla tədqiqi məsələləri korpus dilçiliyinin, eləcə də süni intellekt sistemlərinin tədqiqat obyekti hesab olunur. Yeni linqvistik texnologiyaların yaradılması və tətbiqi süni intellekt sistemlərinin əsasını təşkil edir. Robot sənayesini bunlarsız təsəvvür etmək qeyri-mümkündür. Nitqi qavrayıb müəyyən suallara cavab verə bilən, şifahi və yazılı əmrləri icra etmək qabiliyyətinə malik robotlar təbii mətnin emalı texnologiyalarından istifadə etmiş olurlar.

Süni intellektlə neyrofiziologiya, epistomologiya və koqnitiv psixologiyanın qovuşuğunda koqnitologiya adlanan yeni elm sahəsi yaranmışdır.

Koqnitiv modelləşdirmə metodologiyası müəyyənləşdirilməsi çətin olan situasiyaların təhlili və qərarın qəbulu üçün nəzərdə tutulmuşdur. Süni intellektin yaranmasının fəlsəfi problemlərini, şərti olaraq, iki qrupa ayırmaq olar: süni intellektin yaranmasından əvvəl və sonra. Birinci qrupda aşağıdakı suallara cavab axtarılır: "süni intellekt nədir, onu yaratmaq mümkündürmü, əgər mümkündürsə, necə yaratmalı?"

İkinci qrup (süni intellektin etikası) bu suala cavab axtarır: "süni intellektin yaradılmasının insan cəmiyyəti, bəşəriyyət üçün nəticələri nə ola bilər?"

İnsan yaradıcılığının təbiəti intellektin təbiətindən az öyrənilmişdir. Buna baxmayaraq bu sahə mövcuddur, kompüterin musiqi, bədii yaradıcılıq məsələləri ilə məşğul olması məsələsi diqqət mərkəzindədir.

Süni intellekt sisteminin texniki yaradıcılığı problemləri isə ayrıca öyrənilir[ru. wikipedia.org/wiki/искусственный_интеллект].

Hazırda süni intellektin inkişafının iki istiqamətini xüsusi ayırmaq lazımdır:

- xüsusiləşdirilmiş süni intellekt sistemlərinin imkanları ilə insanın imkanlarının yaxınlaşdırılması, onların inteqrasiyası;
- insan problemlərini qismən həll etməyə qabil süni intellekt sistemlərinin vahid sistemini təmsil edən süni düşüncənin yaradılması;

SI-nin tətbiq sahələri və imkanları çox geniş və çoxşaxəlidir. İnsan nitqini qavrayan, başa düşən və müvafiq cavablar verə bilən robotların yaradılması prosesində təbii dilin emalı, yazılı mətni nitqə (səsə), nitqi (səsi) mətnə çevirən linqvistik texnologiyalardan istifadə olunur.

Qeyd etmək lazımdır ki, mətnin formal təhlili, təbii mətnin emalı, mətnin səsə (nitqə), səsin (nitqin) mətnə çevrilməsi, maşın tərcüməsi, məlumatların avtomatik (formal əlamətlərinə görə) axtarışı, tarixi abidələrin və klassiklərin dilinin riyazi-statistik metodlarla tədqiqi, statistik lüğətlərin (tezlik, əks) tərtibi, elektron lüğətlərin hazırlanması sahəsində respublikamızda xeyli iş görülmüşdür [Mahmudov, Fətullayev, 2004; Махмудов, 1991, 2001; Mahmudov, 2002, 2012, 2013, 2015, 2018; Fətullayev, Mahmudov, 2015; Mahmudov, Fətullayev, 2016; Mahmudov, Tahirov, 2019].

Müasir dilçilik elminin ən yeni və surətlə inkişaf etməkdə olan sahələrindən biri olan korpus dilçiliyi hər hansı konkret dili təmsil edən mətnlərin müəyyən qaydalar üzrə elektron formatda toplanması yolu ilə hazırlanmış məlumat axtarışı sistemidir. "Milli korpus – dili onun mövcudluğunun müəyyən mərhələsində(və ya mərhələlərində) bütün janr, üslub, ərazi və sosial variantların müxtəlifliyi ilə təmsil edir. Milli korpusdan dilin elmi tədqiqi və tədrisi ilə bağlı istifadə olunur" [Mahmudov, 2018,17].

Korpus dilçiliyi çərçivəsində istifadə olunan linqvistik texnologiyalar, onların tətbiqi və istifadəsi məsələləri mahiyyətinə görə süni intellekt məsələləri ilə üzvi surətdə bağlıdır.

Korpus materialı süni intellekt məsələlərinin həlli prosesində əvəzsiz mənbə kimi uğurla tətbiq oluna bilər. Məhz ona görə də korpus dilçiliyi məsələlərinin və bu sahədə yaradılmış linqvistik texnologiyaların süni intellekt problemləri kontekstində araşdırılması, istifadəsi və dəyərləndirilməsi faydalı olardı.

Süni intellekt – elə bir texnologiya, daha dəqiq desək, müasir elmi istiqamətdir ki, insan kimi düşünə bilən öyrədici kompüter, robotlaşdırılmış texnika, analitik sistem yaratmaq üsullarını öyrənir. Beləliklə, süni intellekt müxtəlif mənbə və elm sahələrindən – informatika, riyaziyyat, dilçilik, psixologiya, biologiya, fiziologiya, biotexnologiya və s. məlumat toplamaqla öyrədici maşın texnologiyasının köməyi ilə verilənlər massivi əsasında insan intellektini təqlid etməyə qabil intellektual sistemlər yaratmağa cəhd göstərir. Bu prosesdə son zamanlar təbii dilin emalı sistemlərində uğurla istifadə olunan neyron şəbəkələrdən, maşın tərcüməsi, mətnin səsə(nitqə), nitqin(səsin) mətnə çevrilməsi proqramlarından, təbii dili tam ehtiva edən korpus dilçiliyindən, statistik və elektron lüğətlərdən faydalanır. Bu sadalananlar robototexnikada, intellektual robotların yaradılmasında mühüm vasitələrdən hesab olunur. Fikrimizcə, ilk əvvəllər riyazi dilçilik, hesablama dilçiliyi, statistik dilçilik, kompüter dilçiliyi, korpus dilçiliyi kimi dilçiliyin yeni sahələrinin tədqiqat

obyektinə daxil olan bir çox məsələlər süni intellekt sistemləri kontekstində araşdırılmalıdır. Bu, dilçiliyin bir çox problemlərinə yeni baxış bucağından baxmaq, bu istiqamətdə aparılan elmi-tədqiqat işlərinin səmərəsini artırmaq imkanı yarada bilər.

Ədəbiyyat

Лорьер Ж.-Л. Системы искусственного интеллекта. М.: Мир, 1991. 568 с.

Махмудов М. А. Принципы инженерно-лингвистического моделирования тюркского текста (R.Piotrovski, V.Pines, T.Sadıkovla birlikdə). Türkologiya. №1–4. Bakı, 2001, C. 53–69.

Махмудов М. А.Система автоматической переработки тюркского текста на лексико-морфологическом уровне. Баку: Элм, 1991. 144 с.

Смолин Д. В. Введение в искусственный интеллект: конспект лекций. М.: Физматлит, 2004. 208 с.

Хант Э. Искусственный интеллект / Artificial intelligence / Под ред. В.Л. Стефанюка. М.: Мир, 1978. 562 с.

Mahmudov M. Ə. Mətnin forma təhlili sistemi. Bakı: Elm, 2002. 242 s.

Mahmudov M. Ə. Türk dillərinin milli korpusları.Bakı: Elm və təhsil, 2018. 392 s.

Mahmudov M., Fətullayev Ə. və b. Azərbaycan dili üçün NLP sistemləri və milli korpusun yaradılmasının nəzəri və tətbiqi məsələləri // Türkologiya. №4. Bakı, 2016. 15–28 s.

Mahmudov M., Tahirov İ. və b. İnteqrasiya olunmuş elektron lüğətlər sistemi Azərbaycan dilinin milli korpusinin yaradılmasında bir mərhələ kimi // Türkologiya. №1. Bakı, 2019. 66–80 s.

Mahmudov M. Ə. Kompüter dilçiliyi. Bakı: Elm və təhsil, 2013. 356 s.

Mahmudov M. Ə., Fətullayev Ə. B. Azərbaycan dilinin əks əlifba lüğəti. Bakı: Nurlan, 2004. 524 s.

Mahmudov M. Ə. Süni intellekt maşın tərcüməsi sistemlərində. Tətbiqi dilçiliyin müasir problemləri. Beynəlxalq elmi konfrans (Azərbaycan, Bakı, 27-28 noyabr 2012-ci il). Bakı: Mütərcim, 2013. 61–63 s.

Turing Alan (October 1950). Computing Machinery and İntelligence.MindT. LİX (236): 433-460. İSSN 0026-4423, doi:10. 1093mind/ LİX.236.433.

Fətullayev Ə., Mahmudov M. və b. Mətnin səsləndirilməsi sistemi və Azərbaycan dilinin fonemlərinin fono-akustik bloku // Terminologiya məsələləri. Bakı, 2015. № 1. 33–49 s.

© Махмудов М. А., 2022

УДК *930.85 392.9*

Мигранова Э. В., Россия, г. Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, с.н.с.

О МЕТОДАХ И ПОДХОДАХ В ИССЛЕДОВАНИИ ТРАДИЦИЙ ПИТАНИЯ

В статье рассматриваются традиционные и новые методы и подходы к изучению системы питания народов, которые развивались от традиционного описательного метода к комплексному культурологическому подходу; в настоящее время акцент делается на поиске истоков традиций, изучении алиментарных практик, роли пищи в социокультурном пространстве и т.д.

Ключевые слова: *система питания, подходы, методы, этнология, социальная антропология.*

Migranova E. V., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS, Senior Researcher

ABOUT METHODS AND APPROACHES IN THE STUDY OF FOOD TRADITIONS

The article discusses traditional and new methods and approaches to the study of the nutrition system of peoples who have developed from the traditional descriptive method to a comprehensive culturological approach; currently, the emphasis is on finding the origins of traditions, the study of alimentary practices, the role of food in the socio-cultural space, etc.

Keywords: *nutrition system, approaches, methods, ethnology, social anthropology.*

При изучении традиций питания – этого сложного полифункционального феномена – необходимо опираться на существующий научный опыт и методики исследований, принятые в российской и зарубежной этнологии и антропологии.

Для этнологических исследований большое значение имеют теоретико-методологические разработки ведущих отечественных ученых – С.И. Руденко, С.А. Токарева, Ю.В. Бромлея, С.А.Арутюнова, Э.С. Маркаряна, В.И Козлова, Б.Х. Бгажнокова, Н.Л. Жуковской, Т.А. Ворониной, М.Ю. Мартыновой, А.В. Павловской и др., а также башкирских этнографов Р.Г. Кузеева, С.Н. Шитовой, Н.В. Бикбулатова и др.

Комплексный культурологический подход к изучению системы жизнеобеспечения этноса (в том числе питания) был предложен в начале 1980-х годов Э.С. Маркаряном, С.А. Арутюновым, Ю.И. Мкртумяном и другими учеными, внесшими значительный вклад в изучение теории системы питания, определение места пищи в системе культуры [Арутюнов, Мкртумян, 1981; Культура жизнеобеспечения, 1983; Арутюнов, 2001 и др.].

Система питания, выступающая подсистемой более крупной и сложной по содержанию категории – системы жизнеобеспечения, должна рассматриваться как некая целостная структура, состоящая из взаимосвязанных компонентов – набора основных продуктов, типов блюд и напитков, видов трапез, способов обработки продуктов питания, приготовления блюд, включения их в бытовую и обрядовую культуру народа.

С.А. Арутюновым и его коллегами были предложены универсальные методы исследования традиционных и современных систем питания, введены такие термины, как «система», «модель», «тип» питания; подчеркнута связь системы питания с хозяйственно-культурными типами; обоснован тезис о возможности выделения пластов в системах питания народов: *основного,* связанного с преобладающим типом хозяйства; *субстратного* или пережиточного; *адстратно-субстратного* (с новациями и культурными заимствованиями). Эти положения и разработки применимы к пищевым комплексам и других народов, в том числе башкир.

Значительный вклад в развитие методологии внесли коллективные монографии, подготовленные учеными из Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва) и из других ведущих научных учреждений: «Этнография питания народов стран зарубежной Азии» [1981]; «Традиционная пища как выражение этнического самосознания» [2001], «Хлеб в народной культуре» [2004], «Хмельное и иное: Традиционные напитки народов мира» [2008], «Праздничная и обрядовая пища народов мира» [2017], «Питание в культуре этноса» [2007], тематические выпуски журнала «Этнографическое обозрение» [2015, № 5]; публикации Г.Г. Громова [Громов, 1966], статья Д.А. Баранова «Об особенностях этнографического изучения пищи» [Баранов, 2007] и другие специальные издания.

Феномен питания человека с точки зрения исторической экологии затрагивался в этнологических работах В.П. Алексеева, В.И. Козлова, Н.И. Григулевич, М.В. Добровольской и др. Необходимо отметить также работы Б.Х. Бгажнокова [1978, 1983, 1985 и др.], касающиеся места пищи и трапезы в жизни индивида и традиционных обществ (на примере адыгов). Так, автор подробно останавливается на коммуникативных аспектах питания, определяет значение пищи в мировоззрении народа и в его духовной культуре. Б.Х. Бгажноковым вводятся в научный оборот такие понятия, как «этноэтикет», «пищевой анимативизм», «культ пищи» и др.

Разработка теоретических проблем этнографического изучения этикета, в том числе и застольно-

го, анализ символов обрядовой пищи, ее сакрального значения содержится в исследованиях А.К. Байбурина [1988 и др.]. Вопросы семантики и ритуальных функций пищи и трапез (на примере различных народов) рассмотрены А.К. Байбуриным и А.Л. Топорковым в монографии «У истоков этикета» [1990]. Использование продуктов питания в обрядовых трапезах жизненного и календарного цикла восточных славян раскрыты в работе А.К. Байбурина «Ритуал в традиционной культуре» [1993].

При анализе работ, посвященных изучению истории еды и связанных с пищей обрядов, нельзя обойти вниманием работы заведующей кафедрой региональных исследований факультета иностранных языков МГУ А.В. Павловской [2013, 2018, 2020], а также сборники материалов международных научно-практических симпозиумов, посвященных истории еды и традициям питания народов мира, проведенных при ее участии [2014, 2015, 2016, 2017]. Для обозначения «науки о еде» профессор А.В. Павловская, вслед за Юджином фон Вестом, немецким писателем и исследователем XIX в., предлагает использовать термин «гастрософия» [Павловская, 2015, 25]. По ее мнению, несмотря на то, что это направление в силу специфики объекта носит междисциплинарный характер, оно все же является частью исторической науки и должно всесторонне изучать пищу (включая продукты питания), ее бытование в обществе и традиции приема в историко-культурном и социальном аспектах, рассматривать еду как важный фактор исторического развития человека и общества, как объект культурного наследия человечества, выявлять причины и истоки различных явлений, связанных с гастрономической культурой, определить их влияние на ход истории и т.д. [Павловская, 2015, 7–42].

В настоящее время пища изучается в русле структурной, культурной и социальной антропологии, семиотики, культурологии, исторической антропологии, антропологии и социологии питания, даже политической антропологии [Вкус Европы, 2020, 13]. Давно канул в лету стереотип о «легковесности», «несерьезности» данного объекта изучения. Через традиции питания изучаются истории народов и стран, поскольку «подчас людям проще осознать свое историческое прошлое через меню, чем через учебники истории» – поесть... означает еще и попробовать прошлое на вкус, заглянуть на много веков назад» [Dickie, 2007, 20, 33]. Данный подход успешно используется в зарубежных (большей частью западных) работах, а также в трудах отечественных этнологов.

Значительным событием в области изучения пищи, ее социокультурной роли, алиментарных практик и истоков традиции, еды как символа и инструмента и т.д. стал выход коллективной монографии «Вкус Европы. Антропологическое исследование культуры питания» под редакцией М.Ю. Мартыновой и О.Д. Фаис-Леутской [2020]. Актуальность и новизна данного исследования обусловлена тем, что оно выполнено с позиций социальной антропологии.

Изучение функций и смыслов пищи, семиотическая и социально-культурологическая интерпретация данного феномена стали возможны в контексте области науки, получившей название Food-Studies, или «гастики», как ее называют в России [Вкус Европы, 2020, 14]. Автором данного термина является Г.Д. Гачев; «гастикой» он называет семиотику пищи и исследует ее с точки зрения структурной антропологии.

Изучением пищи в нашей стране, кроме этнологов, занимаются ученые смежных дисциплин, в том числе технологи, кулинары; среди этих работ отметим книги и учебные пособия Ю.М. Новоженова, Л.Н. Сопиной, А.И. Титюнник [Кухни народов мира, 1993; Советская национальная и зарубежная кухня, 1977 и др.]; М.В. Коротковой [Застольные и кулинарные традиции, 2005]; Н.В. Щениковой [Питание народов мира: культура и традиции, 2015] и особенно труды В.В. Похлебкина [1978, 1991, 1997, 2001 и др.] т.д.

В XX столетии изучению культуры питания за рубежом уделялось достаточно большое внимание, эта тема и сегодня там востребована и популярна, многие иностранные исследования выполняются на стыке наук (истории, этнологии, культурной антропологии, социологии, гастрономии и т.д.), поэтому в зарубежной историографии эта область исследования обобщенно называется антропологией питания. В США особое развитие получила тема изучения здорового питания.

Начало значительному количеству работ по теории питания в Европе положили работы Фернана Броделя, призывавшего ученых обратиться к истории материальной жизни и биологического поведения. Свою знаменитую трилогию «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» [1986–1992] он начал с описания места и значения отдельных пищевых продуктов и традиций в развитии цивилизации. Немецкий этнограф Г. Вигельманн, изучив праздничные и повседневные блюда в историческом развитии, разработал карту использования продуктов и техник их сохранения в различных районах Германии; впоследствии подобные работы, выполненные по сходной методике, были опубликованы в Великобритании, Нидерландах и в других европейских странах [Урсегова, 2011, 69]. Труд итальянского историка MassimoMontanari (МассимоМонтанари) охватывает период с XVIII в. до конца XX столетия (от средневековых пищевых традиций до так называемых «урбанизированных продуктов») [2009]. Для исследователей традиций питания определенный интерес представляют работы итальянского антрополога и бизнесмена А. Чиприани (ArrigoCipriani) – владельца сети ресторанов Cipriani по всему миру [Есть, чтобы жить, 1999]; он, в частности, развивает идею о

том, что потребляемые продукты имеют связь с традициями, характеризуют культуру и обычаи народа [Cipriani, 1999, 59]. Говоря о европейских ученых, нельзя не упомянуть Ж. Пулена (Pulen) [Питание, культура и общество, 2008], С. Меннеллу (S.Menell) [Социология еды. Пища, диета, культура, 1994] и др. Изучение культурно-исторической значимости еды, ее символических значений и специальных функций нашло отражение в теоретических работах К. Леви-Стросса, назвавшего переход от «сырого» продукта к «приготовленному» переходом от «некультурного» к «культурному», «человеческому» [Стросс, 2000, 2007]. В монография П. Фарба и Г. Армелагоса (P. FarbP., G. Armelagos) [Антропология пищевых традиций, 1985] говорится о важности пищи как социокультурного феномена и развивается тезис о том, что «все живые существа питаются, но только люди готовят себе пищу» [FarbP., Armelagos, 1985]. Важное значение с теоретической точки зрения имеет коллективный двухтомник европейских и американских авторов о мировой истории питания – «Кембриджская всемирная история пищи» [2000], где приведена характеристика питания народов разных стран, монография «Питание и культура: антропологические перспективы» [2005] и другие работы.

Для исследования проблем, связанных с пищей, координирования этнографических, исторических и антропологических исследований, посвященных вопросам питания «food studies», во второй половине XX в. был создан ряд зарубежных научных сообществ. Так, при участии Международного союза антропологических и этнологических наук (International Union of Anthropological and Ethnological Sciences (IUAES)) была создана Международная комиссия по антропологии пищевых продуктов и питания (International Committee for the Anthropology of Food and Nutrition (ICAF)), целью которой является содействие в фундаментальных и прикладных исследованиях в области пищевых продуктов и питания, в том числе в смежных дисциплинах, ютих представительных форумов являлись «Гастрономия: антропология пищи и особенности питания» («Gastronomy:The Anthropology of Food and Food Habits») [Arnott, 1976]; «Пища в перспективе: труды международной конференции по этнологическим исследованиям пищи» («Food in Perspective: Proceeding of the Third International Conference on Ethnological Food Research. Edinburg: John Donald»), а также «Продовольствие, гастрономия и туризм», «Продовольствие и устойчивость», «Продовольствие, Интернет и социальные сети», «Продовольствие и экономический кризис», «Продовольствие и искусство», «Продукты питания в зонах конфликтов», «Чистая пища» и т.д.

Также можно отметить деятельность Международной группы этнологических исследований пищевых продуктов (Ethnological FoodResearch Group), основанной в 1970 г., а в настоящее время входящей в Международное общество этнологии и фольклора (SIEF). Организация также проводит международные конференции, посвященные этнологическим исследованиям пищевых продуктов, и поощряет междисциплинарный подход. Кроме того, Амстердамский университет учредил стипендию профессора JM vanWinter для поддержки исследований в области истории еды [https://www.siefhome.org/wg/fr/. Дата обращения 20.07. 2021].

В целом между этнографическими, антропологическими и историческими исследованиями проблем питания, предпринимаемыми современными зарубежными и отечественными исследователями, нет четкой границы: их подходы и методика во многом переплетаются.

В заключение отметим, что пища, являясь довольно консервативным и в силу этого, информативным культурным феноменом, служит идентификационным маркером этнического, социального, конфессионального, гендерного, культурного своеобразия любого социума и входящих в него субстратов.

Именно с такой точки зрения нами выполнены исследования, посвященные системе питания башкирского народа [Мигранова, 2012, 2016 и др.].

Литература

Алексеев В.П.Очерки экологии человека. М., 1993.

Арутюнов С.А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М., 2001. С. 10–18.

Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблема классификации элементов культуры (на примере армянской системы питания) // СЭ. 1981. № 4. С. 3–16.

Байбурин А.К. Об этнографическом изучении этикета // Этикет у народов Передней Азии / под ред. А.К. Байбурина, А.М. Решетова. М., 1988.

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.

Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Л., 1990.

Баранов Д.А. Об особенностях этнографического изучения пищи // Питание в культуре этноса. Материалы Шестых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2007. С. 7–10.

Бгажноков Б.Х. Традиционное и новое в застольном этикете адыгских народов // СЭ. 1987. № 2. С. 89–100.

Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978.

Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.

Бгажноков Б.Х. Прием почетного гостя в традиционной культуре адыгских (черкесских) народов // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985.

Бгажноков Б.Х. Культ пищи и пищевой анимативм // ЭО. 2001. № 2. С. 103–112.
Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3-х томах. М.: Прогресс, 1986–1992.
Вкус Европы. Антропологическое исследование культуры питания / отв. ред. М.Ю. Мартынова, О.Д. Фаис-Леутская. М.: Кучково поле Музеон, 2020, 568 с.
Григулевич Н.И. Этническая экология питания. М., 1996.
Громов Г.Г. Методика этнографических экспедиций. М.: Издательство МГУ, 1966. 108 с.
Добровольская М.В. Человек и его пища. М., 2005.
Еда и культура // Материалы научно-практического симпозиума «Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира».отв. ред. А.В. Павловская и др. М., 2015; М., 2016; М., 2017.
Клод Леви Стросс. Мифологики: От меда к пеплу. М.; СПб, 2000.
Клод Леви Стросс. Мифологики: Происхождение застольных обычаев. М.: FreeFly, 2007.
Клод Леви Стросс. Мифологики: Сырое и приготовленное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.
Козлов В.И. Пища людей. Фрязино, 2005.
Козлов В.И. Экология питания. М., 2002.
Короткова М.В. Застольные и кулинарные традиции. М.: Дрофа-Плюс, 2005. Щеникова Н. В. Традиции и культура питания народов мира. Москва: Форум: ИНФРА-М, 2015. 295 с.
Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования: (на материалах армянской сельской культуры) / под ред. Э.С. Маркаряна, С.А. Арутюнова. Ереван, 1983.
Мигранова Э.В. Башкиры. Традиционная система питания: историко-этнографическое исследование. Уфа: Китап, 2016. 194 с.
Монтанари М. Голод и изобилие. История питания в Европе / пер. с итал., примеч. А. Миролюбовой; вступ. ст. Ж. Ле Гофф. СПб.: Александрия, 2009 и др.
Новоженов Ю. М. Сопина Л. Н. Кухни народов мира. М.: Высшая школа, 1993.
Павловская А.В. Искусство еды. М.: Издательство Ломоносов, 2018.
Павловская А.В. Нужна ли нам наука о еде // Еда и культура. Материалы I Международного научно-практического симпозиума «Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира». М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2015.
Павловская А.В. От пищи богов к пище людей. М.: Издательство Ломоносов, 2018.
Павловская А.В. Страсти вокруг мяса, или пища кочевников. М.: Издательство Ломоносов, 2020.
Павловская А.В. Съедобная история моей семьи. М., 2013.
Питание в культуре этноса / Материалы Шестых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: Типография РГПУ, 2007. 180 с.
Похлебкин В.В. История водки (IX–XX вв.). М.: Интер-Версо, 1991. 288 с.
Похлебкин В.В. Кухни закавказских и среднеазиатских народов. М.: Центрполиграф, 2001. 333 с.
Похлебкин В.В. Кухни славянских народов. М.: Центрполиграф, 1997. 286 с.
Похлебкин В.В. Национальные кухни наших народов. М.: Пищевая промышленность, 1978. 303 с.
Праздничная и обрядовая пища народов мира / отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М.: Наука, 2017.
Титюнник А.И., Новоженов Ю.М. Советская национальная и зарубежная кухня. М.: Высшая школа, 1977. 383 с.
Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира // Материалы I Международного симпозиума / отв. ред. А.В. Павловская и др. М., 2014.
Традиционная пища как выражение этнического самосознания / отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М.: Наука, 2001.
Урсегова М.В. История этнологического и социоантропологического изучения питания: краткий обзор // ЭО. 2011. № 1. С. 69.
Хлеб в народной культуре / отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М.: Наука, 2004.
Хмельное и иное: Традиционные напитки народов мира / отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М.: Наука, 2008.
Этнография питания народов стран зарубежной Азии / под ред. С.А. Арутюнова. М.: Наука, 1981.
Arnott M. Gastronomy: The Anthropology of Food and Food Habits. The Hague: Mouton, 1976. 354 p.
Cipriani A. Mangiare per vivere.Breve storiadell'alimentzione. Roma: Edizionidell'UniversitPopolare, 1999.
Dickie J. Delizia! The Epic History of the Italians and There Food.L, 2007.
Farb P., Armelagos G. Anthropologie des coutumesalimentaires. Paris: Denoël, 1985.
Fenton A., Owen T. Food in Perspective: Proceeding of the Third International Conference on Ethnological Food Research. Edinburg: John Donald, 1977. 391 p.
The Cambridge World History of Food .Cambridge, 2000.

© Мигранова Э. В., 2022

УДК *821.512.37*

Мирзаева С. В., Россия, г. Элиста
Калмыцкий научный центр РАН, с.н.с.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ ЗАЯ-ПАНДИТЫ НАМКАЙ ДЖАМЦО (на материале “Сутры о восьми светоносных неба и земли”)

В статье рассматриваются особенности переводческой техники создателя ойратского “ясного письма” Зая-пандиты Намкай Джамцо на материале его перевода “Сутры о восьми светоносных неба и земли”. По содержанию она представляет собой перечисление имен представителей буддийского пантеона, выполняющее функцию их умилостивления. Для передачи имен собственных Зая-пандита использовал, помимо техники буквального (дословного) перевода, также фонетическую транскрипцию санскритских или тибетских названий и сочетание буквального перевода с транскрипцией. Сложность работы с ойратским текстом заключается в том, что он отличается от сохранившейся до настоящего времени тибетской редакции сутры, а оригинальный текст, на который опирался Зая-пандита при работе над переводом, не дошел до нашего времени, поэтому идентификация некоторых имен, отсутствующих в тибетской версии, затруднительна. Анализ перевода Зая-пандиты позволяет через призму переводного текста получить представление об иной тибетской редакции сутры, утраченной в ходе времени.

Ключевые слова: *«Сутра о восьми светоносных неба и земли», апокриф, Зая-пандита Намкай Джамцо, ойратский перевод, версия B, лексика.*

Благодарность. *Статья подготовлена в рамках НИР Калмыцкого научного центра РАН «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (№ государственной регистрации АААА-А19-119011490036-1).*

Mirzaeva S. V., Russia, Elista
Kalmyk Scientific Center of the RAS, Senior Research Associate

TRANSLATION TECHNIQUES OF JAYA-PAṆḌITA NAM-MKHA’ RGYA-MTSHO REVISITED (based on the “*Sūtra of Eight Luminous Of Heaven And Earth*”)

The article deals with the features of translation techniques of Jaya-paṇḍita Nam-mkha’ rgya-mtsho based on his translation of the “Sūtra of Eight Luminous of Heaven and Earth”. The text contains lists of names of various beings belonging to Buddhist pantheon and aims to pacify them by reading this sūtra. In Oirat translation we can distinguish three main translating methods: literal translation, phonetic transcription and combination of these two. Absence of original Tibetan text used by Jaya-paṇḍita makes it difficult to identify some names which are not found in Tibetan version of the sūtra.

Keywords: *the “Sūtra of Eight Luminous of Heaven and Earth”, apocrypha, Jaya-paṇḍita Nam-mkha’ rgya-mtsho, Oirat translation, version B, lexicon.*

Acknowledgements. *The paper was prepared within the framework of the research work of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences “Oral and written heritage of the Mongolian peoples of Russia, Mongolia and China: transboundary traditions and interactions” (State registration number AAAA-A19-119011490036-1).*

“Сутра о восьми светоносных неба и земли” (кит. *fó shuō tiāndì bā yáng shén zhòu jīng*, сокращ. *bāyáng jīng*, тиб. *‘phags pa gnam sa snang ba brgyad*, монг. *qutuγ-tu oγtarγui γaǰar-un naiman gegen / qarsi ǰasaqu naiman gegegen*, ойр. *xutuqtu oqtorγui γazariyin nayiman gegēn / xaršiyin ǰasaqu nayiman gegēni sudur*) представляет собой буддийский канонический текст китайского происхождения, который был переведен на многие языки, включая тибетский, уйгурский и монгольские языки. Эта сутра относится к поджанру дхарани-сутр, небольших повествований, в которых Будда Шакьямуни в ответ на чью-либо просьбу дает и объясняет сакральную формулу *дхарани*, избавляющую от несчастий и дарующую различные блага [Зорин, 2018, 335].

Одна из ее редакций, известная в исследовательской литературе как версия B, представлена и в списке переводов создателя ойратского “ясного письма” Зая-пандиты Намкай Джамцо (1599–1662) [Музраева, 2013, 58]. По содержанию она представляет собой перечисление имен представителей буддийского пантеона, выполняющее функцию их умилостивления. Многие из перечисляемых в тексте сутры существ относятся к тибетской автохтонной мифологии и не имеют аналогов в индийской или китайской традициях. Сложность работы с переводом Зая-пандиты заключается в том, что он отличается от сохранившейся до настоящего времени тибетской редакции сутры, а оригинальный текст, на который опирался Зая-пандита при работе над переводом, не дошел до нашего времени. Как правило, переводческая техника Зая-пандиты характеризуется исследователями как буквальный (дословный) перевод [Цендина, 2001, 61; Музраева, 2013, 65–68, Yampolskaya, 2018, 158]. В своем докладе мы хотим дать описание других переводческих приемов, использованных Зая-пандитой, включающих также фонетическое транскрибирование заимствованных слов и сочетание буквального перевода с транскрипцией, на материале одного из списков ойратского перевода «Сутры о восьми светоносных неба и земли» — рукописи из цифровой коллекции «Тод номын гэрэл» «*Xutuq xaršiyin nayiman gegēni sudur orošibo*» (‘Святая сутра восьми светоносных, [отвращающая] неблагоприятствование’) [NGS].

Вначале перечислим классы божественных существ, которых призвано умиротворить чтение данной сутры: великие хранители (*yeke tedkün üyiledüqči*); великие небожители (*yeke tenggeri*); великие наги (*yeke klu*); великие гневные духи *ньен* (ойр. *yeke γangγa / yeke kücütü doqšin*); великие якши, или хранители богатства (*yeke ed sakiqči*); великие планетарные духи (*yeke rahā*); восемь

великих триграмм (*nayiman yeke külil*); божества двенадцатилетнего цикла (*arban xoyor jiliyin tenggeri*); божества двадцати восьми созвездий; хозяева местности (*γazariyin ezen*); божества облаков (*öüleni tenggeri*). Три класса из указанных — небожители, духи *ньен* и наги соотносятся в тибетской космологии с тремя мирами: верхним, средним и нижним. К среднему же миру относятся и хозяева местности *садак* (тиб. *sa bdag*). Эти классы существ, которые, несомненно, имеют древнее происхождение и тесно связаны с основными аристократическими родами Тибета [Tucci, 1949, 717–725], были инкорпорированы в систему буддийского ритуала, результатом чего, по нашему мнению, стало составление данной редакции «Сутры о восьми светоносных неба и земли», которая весьма значительно отличается по содержанию от китайского оригинала.

Характеризуя технику Зая-пандиты, которой он придерживался при переводе имен собственных, мы выделяем три основных приема:

1) фонетическое транскрибирование слова, заимствованного из санскрита, тибетского, уйгурского языков, в ряде случаев с искажениями: ойр. *Mahā devā* — от санскр. *Mahādeva*; ойр. *Bišni* — от санскр. *Viṣṇu*; ойр. *Γarmališa* — от санскр. *Viśvakarman*; ойр. *Esrua* — от уйг. *Äzrua* [Древнетюркский словарь, 1975, 76]; ойр. *Xormusta* — от уйг. *Xormuzta* [Древнетюркский словарь, 1975, 637]; ойр. *Ketüng* — от тиб. *Gel thung*;

2) буквальный перевод: санскр. *dhṛtarāṣṭra* — ойр. *oron orčini sakiqči*; тиб. *'jog po* — ойр. *talbiqči*; тиб. *stobs rgyu (rgyud)* — ойр. *küčüni ündüsün*; тиб. *nam mkha'i snying po* — ойр. *oγtorγuyin zürken*; тиб. *sa'i snying po* — ойр. *γazariyin zürken*; тиб. *lag pa chen po* — ойр. *yeke γartu*; тиб. *'khor lo nag po* — ойр. *xara kürdü*;

3) сочетание транскрипции с буквальным переводом: тиб. *mgar (mkhar) lha yug pa* — ойр. *yoqbo balγasuni tenggeri*; тиб. *'phyong (mchong) gi lcang mo* — ойр. *mčong burγasun*; тиб. *la can* — ойр. *labtu*; тиб. *the khyim btsun mo* — ойр. *tegerün xatun*; тиб. *se ba bla mkhyen* — ойр. *šeyin dēdüi-gi medeqči*. Интересно отметить, что даже в пределах одного предложения Зая-пандита мог использовать разные приемы: например, для перевода имен планетарных божеств, соответствующих дням недели, использованы как буквальный перевод (тиб. *mig dmar* — ойр. *ulān nidütü*, тиб. *lhag pa* — ойр. *ülemǰi*, тиб. *phur bu* — ойр. *γadasun*), так и транскрибирование тибетских наименований (тиб. *gza' pa sangs* — ойр. *basang*, тиб. *gza' spen pa* — ойр. *saben-ba*). Особый случай использования методики описательного перевода, нехарактерного для техники Зая-пандиты, мы имеем в имени *Nyēvo-erdeni*, являющемся переводом тиб. *Gser nye bo*, где ойр. *nyēvo* передает фонетическое звучание тиб. *nye bo*, а *erdeni* ‘драгоценность’ образно передает значение тиб. *gser* ‘золото’.

В отдельных случаях вместо транскрибирования тибетских словоформ Зая-пандита использует транслитерацию, например, при передаче названий созвездий-накшатр Ашлеша (тиб. *skag*, ойр. *skaq*), Дхаништха (тиб., ойр. *mon gre*), Сатабхисак (тиб., ойр. *mon gru*).

Анализ разночтений между тибетскими и ойратскими вариантами имен показывает, что в оригинальной для Зая-пандиты тибетской редакции сутры могли быть представлены как иные варианты написания одного и того же имени (с использованием других приписных и предписных графем), так и другие имена, отличные от тех, которые сохранились в тексте тибетской версии сутры в составе сборника «Сундуй». Таким образом, анализ ойратского перевода «Сутры о восьми светоносных неба и земли» позволит в дальнейшем хотя бы косвенно получить представление об иной тибетоязычной редакции сутры, послужившей оригиналом для Зая-пандиты и впоследствии в процессе многовекового редактирования утраченной в письменной традиции Тибета.

Источники

NGS – Xutuq xaršiyin nayiman gegēni sudur orošibo [=Святая сутра восьми светоносных, [отвращающая] неблагоприятствование] [электронный ресурс] // URL http://www.dlir.org/archive/orc-exhibit/items/show/collection/7/id/11330 (дата обращения: 25.03.2022).

Литература

Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 676 с.

Зорин А. В. К вопросу о классификации буддийских сакральных формул // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2018. Т. 22. No. 3. С. 330–340.

Музраева Д. Н. Тибето-монгольская повествовательная литература XVII–XVIII вв. (Переводные письменные памятники на монгольском и ойратском языках). Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2013. 150 с.

Цендина А. Д. Два монгольских перевода тибетского сочинения «Книга сына» // Mongolica-V. 2001. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 54–74.

Tucci G. Tibetan Paintes Scrolls. Vol. 2. Roma: La Libreria Dello Stato, 1949. 798 p.

Yampolskaya N. Jadamba. Eight Mongolian Translations of the Aṣṭasāhasrikā Prajñāpāramitā sutra. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. 284 p.

© Мирзаева С. В., 2022

УДК *811.161*

Москалевич Г. Н., Беларусь, г. Минск
Минский инновационный университет, доцент

ОНОМАСТИКА И АНТРОПОНИМЫ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Сегодня языкознание подвергается существенным изменениям. Это связано с тем, что центральным объектом исследования становится человек, а не система языка, всесторонним изучением которой усиленно занимались лингвисты. Язык, соответственно, стал рассматриваться не изолированно, а в связи с влиянием на него человека, который, в свою очередь, принадлежит к определенной культурной общности. Параллельно объектом исследования становится тесная взаимосвязь языка с культурой этноса. Современное лингвистическое исследование не должно ограничиваться только выявлением различных характеристик языковой системы. В настоящее время семантика антропонима является одной из наиболее исследуемых сфер знаний о человеке. Разнообразие подходов к анализу антропонимов показывает многогранность предмета исследования. Антропонимы вызвали интерес у лингвистов благодаря возникновению повышенного внимания к проблемам взаимодействия языков и культур. Однако многие проблемы, связанные с ономастикой и антропонимами, до сих пор остаются недостаточно разработанными.

Ключевые слова: *лингвистика, ономастика, антропонимы, семантика, собственные имена.*

Moskalevich G. N., Belarus, Minsk
Minsk Innovation University, Associate Professor

ONOMASTICS AND ANTHROPONYMS IN THE LEXICAL AND SEMANTIC SYSTEM OF THE LANGUAGE

Linguistics is undergoing significant changes today. This is due to the fact that the person becomes the central object of research, and not the language system, the comprehensive study of which linguists have been intensively engaged in. Language, accordingly, began to be considered not in isolation, but in connection with the influence of a person on it, who, in turn, belongs to a certain cultural community. In parallel, the object of research is the close relationship of language with the culture of the ethnic group. Modern linguistic research should not be limited only to the identification of various characteristics of the language system. Currently, the semantics of an anthroponym is one of the most researched areas of knowledge about a person. The variety of approaches to the analysis of anthroponyms shows the versatility of the subject of research. Anthroponyms have aroused the interest of linguists due to the emergence of increased attention to the problems of interaction of languages and cultures. However, many problems related to onomastics and anthroponyms still remain insufficiently developed.

Keywords: *linguistics, onomastic, anthroponomy, semantics, proper names.*

В каждом языке существует огромное количество нарицательных слов, обозначающих различные реалии нашей жизни: предметы и их свойства, явления природы, процессы в ней и т.д. Все понятия, отображающие наш мир, составляют единую онимическую систему, разнящуюся от языка к языку [Калинкин, 2000, 37].

Ономастика (в переводе с древнегреческого «onomastikys» – «искусство давать имена») – «раздел лингвистики, изучающий собственные имена, историю их возникновения и преобразования в результате длительного употребления в языке-источнике или в связи с заимствованием у других языков общения» [Ономастика]. Предметом изучения ономастики является оним, или имя собственное; это своего рода единица онимической системы [Васильева, 2009, 16].

Среди имен собственных можно проследить специфические особенности их сохранения и передачи. Именно поэтому их исследования важны с научной точки зрения. Происхождение названий может быть полностью забыто, и само название может никак не связываться с другими словами того же языка. Однако при всем при этом имя собственное сохраняет свое социальное значение, т.е. служит понятным указанием на определенный предмет.

Функциональный потенциал имен собственных обладает своей спецификой в силу индивидуального обозначения объектов внешнего мира [Буркова, 2016, 760]. Так, на лексическом уровне А. А. Реформатский выделяет номинативную и семасиологическую (выражение понятия) функции слов, отмечая, что имя собственное в чистом виде выполняет номинативную функцию, а нарицательные совмещают ее с функцией семасиологической [Реформатский, 1967, 29–30]. Наряду с нарицательными именами, онимы реализуют в языке аккумулирующую функцию, поскольку многие из них хранят концентрированную информацию о прошлом: явлениях, событиях, процессах и т.д.

В силу своей распространенности имена собственные занимают крайне важное место в художественной литературе. Одно лишь название предмета в том или ином произведении способно подсказать читателю характер предмета, назначение, материал, из которого он сделан, и т.д. [Бабенко, 2000, 287].

Антропонимия (или антропономастика) – это изучение имен людей. Изучение антропонимов (от древнегреческого «человек», «имя») является ветвью ономастики. В антропонимических исследованиях принимают участие лингвисты и исследователи многих других областей, в том числе антропологи, историки, политические географы и генеалоги.

Распознавание собственных имен в текстах является повторяющейся проблемой в различных областях обработки естественного языка. Условно идентификация имен собственных в тексте осуществляется с использованием лингвистического [Бойко, 2013] или вероятностного подхода [Боровикова, 2010].

Антропонимия – это подобласть ономастики, которая занимается главным образом формированием личных имен. Антропонимы представляют особый синтаксический и семантический интерес. Философская и, в меньшей степени, лингвистическая полемика вокруг понятия антропонимии не прекращается до сих пор. Дискуссия о природе имен в языке всегда происходила в рамках данной темы.

Традиционное исследование, которым занималась лингвистика, всегда задавалось вопросом о том, имеют ли имена значение или нет? Дело в том, что большинство лингвистов уже давно согласились, что имена не имеют значения, а только выполняют функцию обозначения. Общие существительные рассматривались как значимые единицы, в то время как на собственные имена смотрели как на простые опознавательные знаки. Этот вывод сделал данный вопрос философским в отношении проблемы обозначения. Вопрос, с точки зрения философии, заключался в следующем: что обозначается именем как в сознании говорящего и слушающего, так и в реальном мире, и как же функционирует этот процесс денотации? Вся современная дискуссия о природе имен сводится к следующему: что говорящий обозначает с помощью имени на конкретном языке? Что само имя обозначает в каком-то конкретном случае? На эти вопросы нет простых ответов.

Появление антропоцентрической парадигмы, ставящей человека во главу угла в процессе исследования и изучения, вызвало рождение всех когнитивных наук, таких как когнитивная психология, когнитивная философия, когнитивная антропология и, наконец, новой отрасли лингвистики, которая может еще больше подчеркнуть тесную связь языка и человеческого разума – когнитивной лингвистики. Когнитивная лингвистика изучает, как человеческое мышление и восприятие представлены в языке. При изучении языка, отдавая приоритет человеческому фактору, мы не должны пренебрегать культурой, которая отмечает границы между различными группами людей. Исходя из сказанного, можно утверждать, что антропонимы, будучи лингвокультурами, содержат определенную культурную информацию. На обогащение и развитие антропонимов в разное время оказывали влияние различные культурные факторы, в том числе история страны (отношения с соседними странами), литература и религия.

Имена собственные всегда выступали в качестве объекта исследования в языкознании. В последнее время интерес к ним существенно усилился: изучаются сущность имен собственных, их виды и особенности функционирования, разграничение имён собственных и нарицательных. Это связано с осознанием роли антропонимов как средства воздействия на человека в современных средствах массовой информации [Посовень, 2015, 85]. К отличительным характеристикам антропонима Д. И. Ермолович относит тот факт, что в качестве его носителя выступает человек. Например, Владимир, Николай являются именами мужчин, а Москва – названием города, географического объекта – топонимом. В содержание антропонима также могут входить информация о национально-языковой принадлежности (об этом говорят приведенные выше чисто русские имена), указание на пол человека (к антропонимам женского рода относятся «Людмила», «Галина», а приведенные выше примеры – к антропонимам мужского рода). Такого указания не дают, например, названия музыкальных групп («Кино») [Ермолович, 2001, 38].

По мнению Н. В. Боровиковой, антропонимы способны обладать понятийным значением, в основу которого входит представление о классе объектов. Здесь имеется в виду ситуация, касающаяся момента, когда антропоним в речи или тексте встречается впервые. В этом случае антропоним всего лишь указывает на широкий круг его носителей, поскольку упомянутым в тексте личным именем могут быть названы многие люди (так, имя «Людмила» говорит нам лишь о том, что персонаж женского рода является, скорее всего, представительницей русскоязычной страны). Такой антропоним можно назвать множественным. В отличие от антропонима, например, мифоним «Мефистофель» обозначает только одного конкретного и единственного носителя имени. Вместе с тем нельзя утверждать, что антропоним всегда является множественным. В некоторых ситуациях ему также присуща способность к более точной идентификации человека, когда, услышав или прочитав то или иное имя, человек связывает с этим именем известные ему определенные признаки [Боровикова, 2010]. Следовательно, в данном случае мы наблюдаем переход множественного антропонима в категорию единичного.

Необходимо подчеркнуть, что ряд личных имен может соотноситься с одной личностью, даже без уточнения. Речь идет о широко известных людях, чьи личные имена известны широкой публике. В качестве примера можно привести имя Президента России Владимира Путина. Несмотря на то, что фамилия Путин не единственная в России, с такой фамилией там проживает достаточно много жителей, все же, встретившись с этой фамилией, мы прежде всего думаем о Президенте. По крайней мере, первые ассоциации возникают именно в этом направлении. Значение антропонимов также может из-

меняться посредством метафорического и метонимического переноса имени собственного на другой предмет, лицо или явление [Буркова, 2016].

Лексика является наиболее подвижной частью системы любого языка. Это проявляется в быстрой реакции лексики на изменения окружающего мира, выражающейся в наглядном отражении универсальных и национальных особенностей восприятия действительности носителями языка. Антропонимы, являющиеся частью лексической системы, занимают в ней значительное место и принадлежат сфере национально-маркированных единиц. Антропонимы, обозначающие определенного человека, выполняют в языке номинативную функцию. Однако они имеют также возможность переходить в разряд имени нарицательного и участвовать в сигнификации.

Литература

Бабенко Л. Г. Васильев И. Е., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста: Учебник. Екатеринбург, 2000. 533 с.

Бойко Л. И. К вопросу о роли антропонима в лингвокультуре // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. №2. URL: http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/f3f/%D0%91%D0%BE%D0%B9%D0%BA%D0%BE%20%D0%9B.%20%D0%91._13-21.pdf (дата обращения: 19.04.2022).

Боровикова Н. В. Имя собственное как знак в языке и речи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. №1. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/imya-sobstvennoe-kak-znak-v-yazyke-i-rechi (дата обращения: 19.04.2022).

Васильева С. П., Ворошилова. Е. В. Литературная ономастика: учебное пособие для студентов филологических специальностей. Красноярск, 2009. 138 с.

Буркова Т. А. Функциональный потенциал имён собственных // Вестник Башкирского университета. 2016. № 3. С. 760–763.

Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р. Валент, 2001. 200 с.

Калинкин В. М. Теоретические основы поэтической ономастики: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Киев, 2000. 37 с.

Ономастика [Электронный ресурс]. URL: http://www.listname.ru/articles/onomastika.html (дата обращения: 19.04.2022).

Посовень А. Н., Фирсова Е. В. Прагматический потенциал антропонимов в немецких фразеологических единицах // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2015. № 2 (11). Филологические науки. С. 85–87.

Реформатский А. А. Введение в языкознание. М.: Наука, 1967. 542 с.

© Москалевич Г. Н., 2022

УДК *811.512.145*

Мугтасимова Г. Р., Россия, г. Казань
Казанский (Приволжский) федеральный университет, доцент

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА ТАТАРСКИХ ПАРЕМИЙ КАК ИСТОЧНИК ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Статья посвящена изучению диалектной лексики в татарских паремиях как источника этнокультурной информации. В составе татарских паремий немало лексических, фонетических, морфологических и семантических диалектизмов. В данной статье даются тематическая классификация паремий и анализ лексических диалектизмов, являющихся компонентами этих паремий. Анализируя и систематизируя собранный языковой материал, возможно восстановить мировоззрение и систему этических и эстетических ценностей прошлых поколений. Материалом послужил трехтомный словарь пословиц татарского языка Н.Исанбета.

Ключевые слова: *татарский язык, паремии, диалектная лексика, этнокультурная информация.*

Mugtasimova G. R., Russia, Kazan
Kazan Federal University, Associate Professor

DIALECT VOCABULARY OF TATAR PAREMIAS AS A SOURCE OF ETHNOCULTURAL INFORMATION

The article is devoted to the study of dialect vocabulary in Tatar paroemias as a source of ethnocultural information. There are a lot of lexical, phonetic, morphological and semantic dialectisms in the composition of Tatar paroemias. This article provides a thematic classification of paremias and an analysis of lexical dialectisms that are components of these paremias. Analyzing and systematizing the collected language material, it is possible to restore the worldview and the system of ethical and aesthetic values of past generations. The material was a three-volume dictionary of proverbs of the Tatar language by N.Isanbet.

Keywords: *Tatar language, paremias, dialect vocabulary, ethnocultural information.*

ТАТАР МӘКАЛЬЛӘРЕНДӘГЕ ДИАЛЕКТАЛЬ ЛЕКСИКА – ЭТНОМӘДӘНИ МӘГЪЛҮМАТ ЧЫГАНАГЫ

Тел танып белү һәм аралашу коралы буларак рухи тәҗрибә, гореф-гадәт, мәдәни һәм тарихи фактларны саклап һәм киләчәк буыннарга тапшырып кына калмый, милли характер үзенчәлекләрен дә билгели. Әдәби телдә югалган элементларны үзендә саклый торган диалекталь лексика тарихи формалашкан тормыш образын, хуҗалык һәм көнкүрешне алып бару ысулларын һәм шулай ук дөньяга караш һәм кыйммәтләр системасын тирән һәм ачык итеп чагылдыра.

Тюркологиядә, шул исәптән татар тел белемендә, татар халык мәкальләрендә урын алган диалекталь сүзләрне өйрәнүгә багышланган махсус фәнни хезмәтләр юк. Билгеле булганча, фольклор әсәрләрендә халыкның гасырлар буе үстерелеп килә торган күпкырлы иҗаты мирас булып кала бара. Мәкальләр халыкның тормыш-көнкүреше, тарихы, шул исәптән, тел-сөйләм үзенчәлекләре белән дә тыгыз бәйләнештә торалар. Менә шуңа күрә дә мәкальләрнең тел үзенчәлекләрен, диалектларны һәм әдәби телне чагыштырып өйрәнү тел белеме өчен гаять кызыклы мәгълүматлар бирә. Рус галиме А.П. Евгеньева үзенең бер мәкаләсендә фольклор теле һәм диалектның үзара мөнәсәбәтен ачыклаганда, фольклор телен халык сөйләшләренә мөнәсәбәтле итеп өйрәнүне кирәкле һәм ихтыяҗи дәлилле дип саный. Бу вакытта тел чараларының сайланып алынуы һәм халык теленең иң яхшы үрнәкләрен иҗат итү процессы ачык күренәчәк [Евгеньева, 1963, 53–54].

Халык авыз иҗаты әсәрләрендә диалектларга хас булган һәм инде диалектларда да югалып бара торган кайбер үзенчәлекләр сакланып килә. Бу яктан мәкальләр аеруча игътибарга лаек. Татар халык мәкальләрендәге диалектизмнарны без иң элек сүз төркемнәренә мөнәсәбәттә берничә төркемгә аерып тикшердек: предметны, предметның билгесен, предметның эш-хәрәкәтен, эш-хәрәкәтнең үтәлү рәвешен белдергән диалекталь лексемалар, диалекталь алмашлыклар.

Татар халык мәкальләрендә сакланып калган кешене атый торган диалекталь берәмлекләр зур кызыксыну уятты. Алар арасында кешене тискәре яктан тасвирлый торган сүзләр бар: җалантай – үрдәк күк йөри торган зәгыйфьрәк кеше [Исәнбәт, 3, 419], ярамсак – ялагай кеше [ТТАС, 3, 644], ялмакай – шантажист [Исәнбәт, 3, 376], алымсак – взятка алырга яратучы [ДС, 1948, 15], сок – ачкүз [Исәнбәт, 3, 366], ирсәк – ирләр не ярата торган хатын-кыз [ТТАС, 1, 412]; злотоуст сөйләшендә кыланчык [ТТДС, 1993, 102], катымша – вакчыл ир [ТТАС, 2, 74], түтәнә – талымсыз кеше [ТТАС, 3, 290], ошакчы – әләкче [ТТАС, 2, 490], шаталак – җиңел акыллы кеше [ТТАС, 3, 495], брамат – эшләмичә, ялкауланып йөрүче [ДС, 1948, 37], гидай – ялангач, ярлы кеше [ТТДС, 1993, 79], бахыр – злотоуст, тепекәй сөйләшләрендә мескен, бичара [ТТДС, 1993, 47], мокыт – аңгыра кеше [ТТАС, 2, 401]; гәй, злотоуст сөйләшләрендә юаш, аз сүзле кеше [ТТДС, 1993, 224], илдәтнә – злотоуст сөйләшендә биләмче хатын [ТТДС, 1993, 98], биләнке – Лаеш районында биле сызлый торган кеше [ДС, 1953, 59], юбалгы – минзәлә сөйләшендә ялкау, җыйнаксыз һәм булдыксыз кеше [ТТДС, 1993, 116], дундурай – күп сөйли, аз эшли, кулыннан эш килми торган кеше [ДС, 1948, 49], тәтәй – фахишә хатын-кыз [ТТАС, 3, 232] саяк – күп һәм бушка йөрүчән кеше [ТТДС, 1969, 532]. Әлеге сүзләрне түбәндәге мәкальләрдә күзәтергә була: *Җалантайның теле ачы, җәбага тайның бете ачы; Дошманнан илең сакла, ярамсактан серең сакла; Корт төтеннән, ялмакай хөкемнән курка; Тәтәйләргә бик күп йөрсәң, актык туның сатарсың; Асыл түрә сүзеңә карар, алымсак түрә күзеңә карар; Сок симерми, угры баемый; Бурга бур ышанмас, ирсәккә ирсәк ышанмас; Катышма, катымша булырсың; Түтәнәгә түп тә талкан; Ошакчының ошак сөйләми торса, тел очы кычыта, ди; Шаталак ат күтәрер, зимагур бот күтәрер; Браматның бер туйганы – баеганы; Гидай атка*

менсә, кайдан мендең, бай атка менсә, котлы булсын; Балалы кеше бахыр булмый; Мокытны кырык ел укыт, барыбер мокыт; Илдәтнә хатын – илдә атна; Биләнкенең биле, юбалгының аягы; Дундурайга акыллы кеше ахмак күренер; Елкының саягын алганчы, куйчының таягын ал.

Кешене һөнәренә бәйле атый торган сүзләр дә шактый: дана – белгеч [Исәнбәт, 3, 415], аңдучы – күзәтеп торучы [ТТАС, 1, 58], тегенче – тегүче [ТТАС, 3, 64], утаман – оештыручы [ТТАС, 3, 320], сыбай – минзәлә, злотоуст, стәрлетамак сөйләшләрендә җайдак [ТТДС, 1993, 272]; сынчы – күзәтче, шымчы [ТТДС, 1993, 274]. Мәсәлән, *Тел белгән – дана, тел белмәгән – бәла; Аңдучыны алучы җиңгән, угрыны карак җиңгән, ди; Тегенче үзенә текмәс; Атаманнан ат алма, утаманнан кыз алма; Шымчы шымын әйтер, сынчы чәмен әйтер; Яман сыбай атның аркасын бозар.*

Кешене уңай яктан тасвирлаучы сүзләр дә күзәтелә: кемәй – минзәлә сөйләшендә дус кыз, сердәш [ТТДС, 1993, 165], бараман – белеш [Исәнбәт, 3, 20], әшнә – иптәш, кода-кодагый [ТТАС, 3, 689], илгәзәк – ягымлы, намуслы, кече күңелле кеше [ДС, 1953, 85], ирән – ир кеше, дус [ДС, 1948, 64]. Бу сүзләр түбәндәге мәкальләрдә сакланган: *Кызның кемлеге кемәеннән билгеле; Бараманың бар булса, баргач әйрән эчәрсең; әшнә булу ансат, аерылышу кыен; Ил алдында илгәзәк, өенә барсаң бик мәзәк; Яман сыбай атның аркасын бозар; Туры әйткән ил алдында ирән булган.*

Мәкальләрдә кешеләрне туганлык мөнәсәбәтләренә мөнәсәбәтле атый торган диалекталь сүзләр дә шактый теркәлеп калган: тутай – апа [ДС, 1948, 191], бичә – хатын [ТТДС, 1993, 56], инәкә – әби, үги ана [ТТАС, 1, 402], олан – касыйм сөйләшендә бала [ТТДС, 1993, 239], тута – олы кыз кардәш, апа [ТТАС, 3, 176]; минзәлә, злотоуст, мәләкәс, чүпрәле, карсун сөйләшләрендә абыстай [ТТДС, 1993, 308], бәбәй – бәби [ТТДС, 1993, 65], инә – анай [ТТДС, 1993, 101], инәй – әни [ДС, 1948, 62], әтәй – әти [ДС, 1958, 252], ылан – бала [ДС, 1948, 233], төркен – хатын як туганнары [Исәнбәт, 2, 191], апай – сеңел [ДС, 1953, 36], биана – шарлык сөйләшендә каенана [ТТДС, 1993, 53], түтекәй – түти, апа [ДС, 1953, 202], кайнә – каенана [ДС, 1948, 72], абышка – карт, бабай, хатынның ире [ДС, 1948, 8], тәтә – апа, әби, олы кыз туган, бертуган апа, әни, әнкәй [ДС, 1953, 197]. Бу сүзләр түбәндәге мәкальләрдә урын алган: *Дөнья тутай буаз, көн дә бер яңалык тудырып тора; Атамда булганчы, бичәмдә булсын, бичәмдә булганчы, кесәмдә булсын; Минем телем түгел, идел кичкән инәкәләр теле, минем кулым түгел, әйшә-Батман кулы; Уңмаган хатынга олан сылтау; Сеңелесенә өйләнгән тутасына сокланган, тутасына өйләнгән, балдызына күз салган; Бабайга таяк кирәк, бәбәйгә сиртмә кирәк; Инә кулы – им; Әтәй атны ярата, инәй итне ярата; Тутай ылан тапкан, куяр урын тапмаган; Төркене якын хатынның түшәге җыелмый; Ишек бавы бер алтын, безнең апай мең алтын; Бианаң өчен өйләнмә, каенатаң өчен кияүгә чыкма; Кунак кызың бар чагында кол булыем үзеңә, кунак кызың киткәннән соң мә түтекәй, күзеңә; Яман җир – яман кайнә; Аптыраган килен иренә «абышка» дигән; Синдә әтәң кайгысы, миндә тәтәң кайгысы.*

Мисаллардан күренгәнчә, мәкальләрдә әти, әни сүзләренең төрле диалекталь вариантлары актив кулланыла. Анай, атай вариантлары мишәр диалекты өчен хас булса, инә, инәй сүзләре татар сөйләшләренең Урал алды төркемчәсенә карый [Рамазанова, 1991, 11–27].

Татар теле сөйләшләрендә әби һәм бабай төшенчәсен белдерү өчен, күп төрле сүзләр кулланылса да, мәкальләрдә әлеге төшенчәләрне белдерә торган ике сүз генә күзәтелде: инәкә һәм абышка. Абышка сүзе бары тик бер генә мәкальдә сакланган. Бу сүз Себар татарлары телендә «карт яки бабай» мәгънәсендә очрый [ДС, 1948, 8]. Татар халык мәкаленде абышка сүзе нәкъ менә шул мәгънәне аңлата.

Мәкальләрдә шулай ук апа төшенчәсен белдергән төрле диалекталь сүзләр күзәтелде: тутай, тута, тәтә, түтекәй. Тәтә термины урта диалект һәм мишәр диалекты сөйләшләрендә киң таралган. Д.Б. Рамазанова бу терминның башка төрки телләрдә, аерым әйткәндә, уйгыр телендә очравын искәртә [Рамазанова, 1991, 37]. Монгол сүзе тоотай татар теле сөйләшләрендә тутай, тута, түтекәй вариантларында сакланып калган. Бу сүзләр сөйләшләрдә семантик яктан бераз аерылсалар да, «олы кыз туган» мәгънәсен белдерәләр.

Бала төшенчәсен белдергән сүзләр арасында олан киң таралган сүзләрнең берсен тәшкил итә. Аның угыл, оглан борынгы төрки сүзеннән килеп чыкканлыгы бәхәссез. Сөйләшләрдә ул төрле фонетик вариантларда кулланыла: ылан — урта диалектның касыйм, камышлы, этнә сөйләшләрендә, ә олан сүзе мишәр диалектында, урта диалектның минзәлә, нократ, оренбург сөйләшләрендә очрый. Татар мәкальләрендә сакланып калган һәр шундый диалектизм аерым анализга лаек.

Шулай итеп, диалектларда халык мәдәниятенә караган матди предметлар (көнкүреш, яшәү рәвеше, һөнәрчелеккә бәйле лексемалар һ.б.) гына түгел, ә билгеле бер территориядә яшәүче социумның мәдәниятенә һәм аңына хас этик һәм эстетик нормалары да чагылыш таба. Бу исә диалекталь лексиканың тел белеме өчен генә түгел, ә этносны өйрәнү белән шөгыльләнә торган башка фәннәр өчен дә чыганак икәнен дәлилләп тора.

Әдәбият

ДС – Диалектологик сүзлек. Казан: Татгосиздат, 1953. 264 б.
Евгеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–X вв. М., 1963. С. 53–54.
Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре. Т.3. Казан: Татар. кит. нәшр., 1967. 1013 б.
Рамазанова Д. Б. Термины родства и свойства в татарском языке. Казань, 1991. Кн.I. 87 с. Кн.II. 192 с.
ТТАС – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. 3 т. Т.1. Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. 725 б.; Т.2, 1979. 725 б.; Т.3, 1981. 832 б.
ТТДС – Баязитова Ф. С., Рамазанова Д. Б., Садыйкова З. Р., Хәйретдинова Т.Х. Татар теленең диалектологик сүзлеге. Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. 459 б.

© Мугтасимова Г. Р., 2022

УДК *821.512.37*

Музраева Д. Н., Россия, г. Элиста
Калмыцкий научный центр РАН, в.н.с.

К ИЗУЧЕНИЮ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ МОНГОЛЬСКИХ ПЕРЕВОДОВ «СУТРЫО МУДРОСТИ И ГЛУПОСТИ»[1]

В статье рассматриваются некоторые особенности лексического состава переводов буддийского сочинения «Сутра о мудрости и глупости», выполненных с тибетского языка на монгольский язык. В ней приводятся примеры текстологического анализа из двух переводов указанного памятника, авторами которых являются Ширээт-гуши-цорджи (конец XVI – начало XVII в.) и Тойн-гуши (начало XVII в.).

Ключевые слова: *буддизм, монгольский язык, «Сутра о мудрости и глупости», переводы, лексические особенности.*

Muzraeva D. N., Russia, Elista
Kalmyk Scientific Center of the RAS, Leading Researcher

TO THE STUDY OF THE LEXICAL PECULIARITIES OF THE MONGOLIAN TRANSLATIONS OF "THE SUTRA OF THE WISE AND FOOL"[2]

The article discusses some features of the lexical composition of the translations of the Buddhist work "The Sutra of the Wise and Fool", made from the Tibetan language into the Mongolian language. It provides examples of textual analysis from two translations of this monument, the authors of which are Shireet-gushi-tsorji (late 16th – early 17th century) and Toin-gushi (early 17th century).

Keywords: *Buddhism, Mongolian languages, "The Sutra of the Wise and Fool", translations, lexical peculiarities.*

Изучение переводных памятников, наряду с исследованием оригинальных сочинений, имеет важное значение в освещении проблемы становления и развития буддийской литературы у монгольских народов. Основная проблематика в этом плане затрагивает такие моменты, как соотношение переводной литературы с оригинальной, национального и заимствованного, определение времени создания того или иного перевода, описание средств и приемов перевода, обусловленных особенностями исходного тибетского языка и переводящего языка (монгольского и ойратского), соблюдение принципов перевода сакральных буддийских текстов и др.

Несмотря на то, что на сегодняшний день описан, переведен и, тем самым, введен в научный оборот целый ряд буддийских переводных памятников, еще очень большой пласт монголоязычной литературы требует специального лингвистического и в целом филологического изучения. Тем более, что «несмотря на то, что существовали единые правила и нормы перевода, заданные в образцах, и каждый из переводчиков, казалось бы, должен был прибегать к одним и тем же лексическим соответствиям, тем не менее, как показывает анализ переводов одного и того же тибетского сочинения разными монгольскими авторами, выполненными иногда практически в одно и то же время, <…> переводчики оставались свободны в выборе и употреблении той или иной морфологической формы, в соответствии с тем, какой именно подход был заложен в основу перевода данным переводчиком или той школой, к которой он принадлежал» [Музраева, 2015, 21]. Как показывает текстологический анализ переводов известного сочинения «Дзанлундо» (от *сокр. тиб.* 'Dzangs blun mdo), хорошо известного в монголоведной литературе под названием «Сутра о мудрости и глупости», различия прослеживаются и в подборе соответствующих лексических эквивалентов. Проследим это на примерах из текстов монгольских переводов, авторами которых являются Ширээт-гуши-цорджи (конец XVI – начало XVII в.) [UD] и Тойн-гуши (начало XVII в.) [Toyin Guši], в сопоставлении с фрагментами тибетского первоисточника [Dzan.]. В одной из предыдущих работ мы уже отмечали, что оба автора «жили и творили приблизительно в одно время, для которого было характерно относительное единообразие передачи как религиозной лексики, так и лексики, относящейся к иным сферам деятельности» [Музраева, 2016, 197]. Для анализируемых переводов характерны одинаковые эквиваленты к таким буддийским терминам, как *burqan* 'Будда', *bodisung* 'бодхисаттва', *tengri* 'божество, тенгрий', *öglige-yin eǰed* 'подаватели милостыни', *dayini daruγsan* 'архат' и др.

Далее мы приводим цитаты из тибетского текста «Дзанлундо» и двух монгольских переводов, позволяющие проследить, как передается родственная лексика, отражающая время взросления одной из главных героинь. Например, в тибетском тексте (тиб. *bag mar gtang*): *phyis cher skyes nas bag mar gtang ran pa dang* ('Позже, когда выросла, настало время выдать замуж') [Dzan., 34a (4)]. Ширээт-гуши-цорджи переводит эту фразу следующим образом: *qoyina yeke bolǰu kümün-e ögkü̈i čay boluγsan-*

[1] Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).
[2] The reported study was funded by government subsidy — project name "Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions" (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

tur: (‘Позже, когда подросла, настало время выдать замуж’) [UD, 33b]. Здесь автор-переводчик передает достижение царевной возраста замужества как *kümün-e ögküi čaγ*, ‘время, когда [можно] выдать за кого-то’ (*букв*. ‘за человека’).

Тойн-гуши передает так: *qoyina ulam yeke bolun bey-e-tür kürčü atala* (‘Позже, когда стала еще старше, достигла возраста замужества’, *букв.* ‘достигла тела / состояния’) [Toyin Guši, 26b].

Мысль о замужестве своей уродливой дочери царь далее излагает одному из своих подданных: *nga la bu mo byad bzhin mi sdug pa zhig yod de bag mar gtang ran na* (‘У меня есть дочь с уродливой внешностью, настало время выдать замуж’) [Dzan., 34a (6)–34b (1)].

Ширээт-гуши-цорджи переводит эту фразу так: *nadur nigen maγu ǰisütü ökin bölüge: kümün-e ese ögdegsen bölüge* (‘У меня есть дочь с некрасивой внешностью, не выдал замуж’, *букв*. ‘никому не была отдана’) [UD, 34a].

Тойн-гуши в своем переводе не так строго следует тексту первоисточника: *nadu öngge čirai maγu-tai nigen ökin bülüge: gergei bolγan ögküi bey-e-tür kürbesü quda-yi es-e olbai* (‘У меня есть дочь с некрасивым лицом и внешностью; хотя достигла состояния (*букв*. тела), чтобы выдать, сделать [чьей-то] женой, но не нашел зятя’) [Toyin Guši, 27a].

В следующей тибетской фразе царь выражает свое желание отдать дочь замуж: *khyed kyi chung mar sbyin gyis longs shig bka’ stsal pa* (‘Получи дар [сделать] своей женой, – так повелел’) [Dzan., 34b (1)]. В переводе Ширээт гуши-цорджи слово «жена» опущено: *ökin-iγen čimadur ögsügei kemen ǰarliγ bolbasu* (‘Свою дочь отдам-ка тебе, – так повелел’) [UD, 34a].

Тойн-гуши более точно следует тексту оригинала: *čimada ögsügei: gergei bolγan ab kemen ǰarliγ bolbasu* (‘Отдам-ка тебе, возьми в жены (*букв*. ‘возьми, сделав женой’), – так, когда изрек’) [Toyin Guši, 27a].

Таким образом, приведенные примеры показывают, как авторы подбирают разные соответствия к тибетским словам и словосочетаниям, отображающим родственную лексику (термины родства и свойства). Дальнейшее изучение переводных текстов позволит выявить материал, позволяющий восполнить пробелы в истории изучения монголоязычной буддийской литературы, обобщить опыт работы по исследованию всех уровней текстов, в том числе лексического состава переводов.

Источники

Dzan. – ’Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po’i mdo «Сутра о мудрости и глупости». Ксилограф на тибетском языке. — Научный архив КИГИ РАН. ФД–15 (Фонд О. М. Дорджиева). Опись 1, ед. хр. 20. 293 л.

UD – Üliger-ün dalai-yin neretü sudur orusibai «Море притч». Ксилограф на монгольском языке, бурятское издание — Научный архив КИГИ РАН. Ф–8 (Фонд редких рукописей). Опись 1, ед. хр. 193. 284 л.

Toyin Guši – Le Damamūkonāmasūtra: Texte mongol du Toyin Guiši par C. Šagdarsüren. Budapest: Akad. Kiado, 1989. XVIII, 469 p. (Monumenta linguae mongolicae collecta. 10).

Литература

Музраева Д. Н. Сравнительные исследования монгольских и ойратских переводов буддийской литературы (основная проблематика) // «Mongolica–XV», посв. юбилею З.К. Касьяненко. СПб.: Институт восточных рукописей РАН, 2015. С. 16–23.

Музраева Д. Н. К сравнительному анализу дословных и смысловых монгольских переводов (на материале переводов «Сутры о мудрости и глупости», выполненных Ширээт-гуши-Цорджи и Тойн-гуши) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 3. С. 188–200.

© Музраева Д. Н., 2022

УДК *81’246.2[811.512.37:811.161.1]*

Муманжинова Н. С., Россия, г. Элиста
Калмыцкий государственный университет, аспирантка
Бадмааванчиг Монхоцэцэг, Монголия, г. Улан-Батор
Монгольский государственный университет, доцент

СООТНОШЕНИЕ ФУНКЦИЙ КАЛМЫЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ*

В статье рассмотрено соотношение функций калмыцкого и русского языков в речи дошкольников Республики Калмыкия. Представлены результаты анкетирования, проведённого с целью определения перспектив сохранения калмыцкого языка, а также выявления интереса к калмыцкому языку среди дошкольного населения.
Ключевые слова: *калмыцко-русское двуязычие, двуязычие дошкольников, калмыцкий язык, функции языка, сохранение языка, языковая ситуация.*

Mumanzhinova N. S., Russia, Elista
Kalmyk State University, postgraduate student
Badmaavanchig Mongotsetseg, Mongolia, Ulaanbaatar
Mongolian State University, Associate Professor

CORRELATION OF THE FUNCTIONS OF THE KALMYK AND RUSSIAN LANGUAGES IN MODERN DISCOURSE**

The article considers the relationship between the functions of the Kalmyk and Russian languages in the speech of preschoolers in the Republic of Kalmykia. The results of a survey conducted to determine the prospects for the preservation of the Kalmyk language, as well as to identify interest in the Kalmyk language among the preschool population are presented.
Keywords: *Kalmyk-Russian bilingualism, bilingualism of preschool children, Kalmyk language, language functions, language preservation, language situation.*

Проблема национально–русского двуязычия в последнее время является одной из самых значимых социолингвистических проблем в Республике Калмыкия. Это связано с тем, что калмыцкий язык имеет некоторую опасность исчезновения, о чём свидетельствуют данные Всероссийской переписи населения 2010 года. Согласно этим данным, всего насчитывается 80 546 носителей калмыцкого языка (44% от общей численности калмыцкого населения).

Говоря о причинах сложившейся языковой ситуации в Калмыкии, стоит отметить последствия депортации калмыцкого народа в 1943–1957 гг., которые заключаются не только в значительных численных потерях носителей калмыцкого языка, но и в запрете на использование языка в процессе непосредственного общения.

«Функциональное распределение государственных языков Калмыкии следующее: русский язык выполняет информационные, деловые, образовательные и научные функции, а калмыцкий язык – социальные функции, связанные со спецификой национальной культуры, бытового общения. Так, калмыцкий язык функционирует в сфере телевидения, радио, печати, театра, художественной литературы, фольклора, частично применяется в общественно–политической деятельности, в сфере государственного управления республики» [Биткеева, 2006, 17–18].

В последнее время всё чаще происходит сознательный отказ населения от использования калмыцкого языка в качестве основного языка общения в пользу русского языка. Как известно, перспективы сохранения и развития того или иного языка можно определить, исследуя уровень владения языком среди детского населения. К примеру, в Республике Бурятия явление билингвизма дошкольников было рассмотрено в работах А. И. Улзытуевой [2012] и Т. П. Бажеевой [2009].

Для того чтобы выяснить, какие шансы имеет калмыцкий язык на своё сохранение и дальнейшее развитие и каково соотношение функций калмыцкого и русского языков в речи дошкольников Республики Калмыкия, было проведено анкетирование среди детей дошкольного возраста в трёх старших группах дошкольных учреждений города Элисты и в двух старших группах дошкольных учреждений посёлка Кетченеры. Возраст детей в данных группах составляет 6–7 лет. В общей сложности в исследовании приняло участие 105 детей.

Результаты исследования представлены в таблице:

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ-МинОКН Монголии, проект №19-512-44006.
** The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research-Ministry of OKN of Mongolia, project No. 19-512-44006.

Таблица 1. Изучение калмыцкого языка дошкольниками

Вопрос	Да, %	Нет, %
1. Изучаете ли вы калмыцкий язык в детском саду?	100	0
2. Вы считаете, что необходимо знать калмыцкий язык?	86,7	13,3
3. Изучаете ли вы какой-либо иностранный язык?	11,4	88,6
4. Разговариваете ли вы на калмыцком языке дома?	12,4	87,6
5. Разговариваете ли вы на калмыцком языке в детском саду с другими детьми?	19,0	81,0
6. Разговариваете ли вы на калмыцком языке в детском саду с воспитателями?	44,8	55,2
7. Разговариваете ли вы на калмыцком языке на улице (с соседями, знакомыми, прохожими)?	14,3	85,7
8. Умеете ли вы переходить с одного языка на другой в процессе общения?	35,2	64,8

Таким образом, было выявлено, что каждый из дошкольников, принявших участие в анкетировании, изучает калмыцкий язык на специальных занятиях в детском саду. Установлено, что стандартная частота таких занятий – 2 раза в неделю. Занятия по калмыцкому языку в городских дошкольных учреждениях проводятся специалистами-калмыковедами. Каждый урок проводится в соответствии с заранее подготовленными тематическими разработками. В посёлке Кетченеры занятия по калмыцкому языку проводятся групповыми воспитателями. Как правило, они проходят в форме игр и бесед.

Подавляющее большинство дошкольников считает, что калмыцкий язык знать необходимо так же хорошо, как и русский, однако небольшой процент детей выразил большее желание изучать какой–либо иностранный язык. Среди приоритетных иностранных языков были названы английский (11,4%), китайский (3,8%), французский (1,9%). 12 опрошенных детей (11,4%) уже изучают иностранные языки вне дошкольных учреждений.

Процент детей, использующих калмыцкий язык в общении с членами семьи, оказался крайне низок – 12,4%. Было отмечено, что дети практически не слышат калмыцкую речь дома. Стоит отметить, что опрошенные дети способны запоминать слова и выражения, используемые старшими членами семьи, и повторять их, что и было выявлено в процессе анкетирования.

Примечательно, что основное использование дошкольниками родного языка происходит в условиях специальных занятий в детском саду. Дети отмечают, что гораздо чаще говорят на калмыцком языке в процессе общения с воспитателями либо специалистами-калмыковедами на занятиях, чем с членами семьи или с другими детьми.

35,2% детей заявили о трудностях при переходе с русского языка на калмыцкий и обратно в процессе общения. Кроме того, подавляющее большинство опрошенных испытывает затруднения при ответе на вопрос, заданный на калмыцком языке.

Исследование показало, что в речи дошкольников Республики Калмыкия функционально преобладает русский язык, который обеспечивает процессы мышления и общения. Калмыцкие слова и выражения используются в речи фрагментарно в некоторых ситуациях общения (при приветствии и прощании, при обращении к старшим членам семьи). Калмыцкий язык большинством детей воспринимается как иностранный и вызывает определённые трудности. Официальные мероприятия проводятся преимущественно на калмыцком языке – дети изучают песни и стихотворения на калмыцком языке, отрывки из эпоса «Джангар».

Если говорить о мерах по сохранению и развитию калмыцкого языка, то стоит отметить, что, помимо занятий в дошкольных учреждениях, необходимо создать для детей благоприятную среду, в которой они могли бы в равной степени использовать как русский, так и калмыцкий язык. Этого невозможно добиться при отсутствии соответствующей языковой среды в условиях непосредственного ежедневного общения на родном языке в семье. Поэтому закономерно отметить, что и взрослое население должно сознательно использовать калмыцкий язык в общении с детьми. Только в подобных условиях можно говорить о благоприятных перспективах развития калмыцко-русского двуязычия в Республике.

Литература

Бажеева Т. П. Дети в языковом пространстве Республики Бурятия. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 2009. 159 с.

Биткеева А. Н. Социальные функции национального языка в современном мире: ойрат-калмыцкий язык: Автореф. … д-ра филол. наук. Москва, 2006. 34 с.

Улзытуева А. И. Культурно-диалогическое развитие дошкольников в билингвальном образовательном пространстве: Дисс. … д-ра пед. наук. Чита, 2012. 26 с.

© Муманжинова Н. С., Бадмааванчиг Монхоцэцэг, 2022

УДК *8.811*

Мустафаев Ф. Н., Азербайджан, г. Баку
Институт языкознания им. Насими, в.н. с., д.филос. н.

О ЯЗЫКЕ КИНО И АКТЕРСКОЙ РЕЧИ

Статья посвящена языку кино и культуре речи. Отмечается, что в энциклопедической литературе существует специфический лингвистический аспект понятия культуры, под которым обычно понимается совокупность материальных и духовных богатств, приобретенных и созданных человечеством в сфере труда, общественной и культурной жизни. Это проявляется в таких выражениях, как культура языка, культура речи, ораторское искусство и культура письма. В статье подчеркивается, что линии взаимодействия и контакта языка и культуры очень разнообразны и красочны. Самым важным из них является то, что культура способствовала полноте языка, его последовательной эволюции, развитию и прогрессу, а также внедрению социального опыта в формирование духовных богатств и ценностей – важнейшего источника обогащения языка и культуры. В статье подчеркивается, что одной из очевидных проблем культуры речи является то, что тема до сих пор не доведена до фундаментальных исследований, основанных на многогранном, обоснованном и ярком опыте. Вопросы тесного взаимодействия языка и пунктуации являются очень интересными. Для исследования было использовано достаточное количество литературы и различных источников.

Ключевые слова: *литературный язык, киноактер, киносценарий, разговорный язык, нормы произношения, народность языка, общенародный язык.*

Mustafayev F.N., Azerbaijan, Baku
Institute of Linguistics named after Nasimi, Leading Researcher,
Doctor of Philosophical Sciences

ON THE LANGUAGE OF CINEMA AND ACTING

The article is devoted to the language of cinema and the culture of speech. It is noted that in the encyclopedic literature there is a specific linguistic aspect of the concept of culture, which is usually understood as the totality of material and spiritual wealth acquired and created by mankind in the sphere of labor, social and cultural life. This is manifested in such expressions as the culture of language, the culture of speech, oratory and the culture of writing. The article emphasizes that the lines of interaction and contact between language and culture are very diverse and colorful. The most important of them is that culture contributed to the completeness of the language, its consistent evolution, development and progress, as well as the introduction of social experience into the formation of spiritual wealth and values – the most important source of language and culture enrichment. The article emphasizes that one of the obvious reasons for such a disagreement on the problem of speech culture is that the problem has so far been brought to fundamental research based on a multifaceted, well-founded and vivid experience. The close interaction between language and punctuation is an interesting issue. A sufficient amount of literature and various sources were used for the study.

Keywords*: literary language, the film actor, movie script, spoken language, the articulation norms, national character of language, nationwide language.*

KİNO DİLİ VƏ AKTYOR NİTQİ HAQQINDA

Giriş. Kinofilmlərdə müzakirə dialoqu, bir qayda olaraq, problem mövzuların rəy müxtəlifliyinə məruz qalan məsələlərin şərhinə və izahına xidmət edir. Məsələn, müəllimlərin maddi təminatı, təhsil sistemindəki yeniliklər, özəl təhsil ocaqları ilə bağlı sənədli filmlər müzakirə dialoqu əsasında qurulur. Müzakirə dialoqunda disput əhvali-ruhiyyəsi, diskursiya ovqatı üstünlük təşkil edir; müxtəlif fikirlər çarpazlaşır, haçalanır, üst-üstə düşür, qarşı-qarşıya durur və sairə.

Kino dili haqqında qeyd etdiklərimiz nitq mədəniyyətinin ümumi-universal cəhətlərini əhatə edir. Onları həm yazılı, həm də şifahi nitqə eyni dərəcədə aid etmək olur. Amma şifahi nitqin mədəniyyət faktoru kimi özünütəsdiqində xüsusi, səciyyəvi əlamətləri vardır ki, bu sırada onun dilimizin orfoepiyası ilə əlaqəsi ayrıca bir mövzu kimi bir neçə söz demək zərurətini də qarşımıza qoyur.

Artıq çoxdan sübut olunmuşdur ki, ədəbi dilin yazılı qolu dilin fonetik sistemini yazıda ümumiləşdirmiş halda sabitləşdirən fonetik normalarla təzahür etdirdiyi kimi, ədəbi dilin şifahi qolu da dilin fonetik sistemini tələffüzdə ümumiləşdirilmiş halda sabitləşdirən tələffüz normaları ilə təzahür edir ki, buna orfoepiya normaları deyilir.

Orfoepiya anlayışını geniş mənada qəbul etmək məqsədə daha çox uyğundur. Çünki ədəbi tələffüzün əsas cəhətləri, xüsusən, bu və ya digər səsin müəyyən fonetik şəraitdə – yəni ayrılıqda, digər həmcins və ya ayrı cins səslə yanaşı olduqda, sözün əvvəlində, ortasında, sonunda olduqda qrammatik formalarda və söz birləşmələrində yanaşı gəldikdə necə tələffüz edilməsi qayda-qanunları, eləcə də vurğu, intonasiya normaları, geniş mənada orfoepiya anlayışı ilə üzvi surətdə bağlı məsələdir" [Dəmirçizadə, 1969, 5].

Mehdi Məmmədovun dediyi kimi "... orfoepiyasız dil və nitq yoxdur, olmayıb, ola da bilməz. Rəsmən qəbul olunmayan təsadüflərdə belə o, xalqın dilində vardır, gündəlik təcrübədə mövcuddur" [Məmmədov, 1985, 70].

Bir çox kinoaktyorlarımız dilimizin orfoqrafiyası ilə orfoepiyası arasında norma fərqlərini, funksional müxtəlifliyi bilmədiklərindən, adətən, şifahi nitqdə, daha doğrusu tələffüzdə tez-tez kobud səhvlərə yol verirlər. Doğrudur, müasir dilimizin orfoqrafiyası danışıq dili əsasında qurulduğundan bir sıra orfoqrafiya qaydaları eynilə orfoepiya üçün də qəbul edilə bilər. "Müasir Azərbaycan yazı sistemi, orfoqrafiya qaydaları

tələffüz normalarının müəyyənləşdirilməsində olduqca əlverişli bir mənbədir. Məlum olduğu kimi, müasir Azərbaycan yazı qaydaları, xüsusilə sözlərin və şəkilçilərin orfoqrafiya qaydaları yazı ilə tələffüz arasında ciddi fərqlərin aradan qaldırılması prinsipi əsasında qurulmuşdur. Buna görə də indi bir çox söz və şəkilçilərin tələffüz normalarını müəyyənləşdirərkən, hətta demək olar ki, "yazıldığı kimi də tələffüz edilməlidir" [Azərbaycan dilinin orfoepiya sözlüyü, 1983, 16].

Kinoaktyor yadda saxlamalıdır ki, "ədəbi tələffüzün əsas prinsipi tələffüzdə ağırlıq törədən, kobud səslənən, dilin ahəngini pozan cəhətlərdən qaçmaq, asanlıqla, sürətlə tələffüz edilən və zərif, incə, gözəl səslənən cəhətləri saxlamaqdan ibarət olmalıdır" [Azərbaycan dilinin orfoepiya sözlüyü, 1983, 16].

Məsələn, məlumdur ki, orfoqrafiyada morfoloji prinsipin tələblərinə müvafiq olaraq, feilin şərt və arzu formaları keçmiş zamanda ikivariantlı şəkilçilərlə *(-sa, -sə, -a, -ə)* verilir: *oxusa idi, düşünsə idi, yazsa idi* və s. Halbuki bu orfoqrafik qayda dilimizin orfoepiyasında, ədəbi tələffüzündə mütləq dəyişikliyə uğrayır və uğramalıdır. Əvvəla, ona görə ki, ümumiyyətlə, ədəbi danışıq dilində feilin şərt və arzu formasının hekayəsi, adətən, birvariantlı şəkilçi ilə *-ay, -ey, -lə* ifadə olunur. Digər tərəfdən şifahi nitqdə *oxusaydı, biləydi* formaları çox asanlıqla tələffüz edilib danışığa rahatlıq və sərbəstlik bəxş edir.

Çoxillik müşahidələrindən çıxış edərək, professor İsmayıl Məmmədli orfoepiya normalarının müəyyənləşdirilməsində, əsasən aşağıdakıları nəzərə almağı məqsədəuyğun sayır: "1. *Tələffüzdə asanlıq;* 2. *Danışığın təbiiliyini qorumaq*. Bu sırf fonetik, orfoepik normalara əməl etmək üçün vacibdir. Nümunə üçün -la, -lə şəkilçiləri ilə düzələn feillərin təsriflənərək tələffüz edilməsini göstərmək olar: *gözlə, gözləyirlər – gözdə, gözdüyürlər*; *başla, başlayırlar – başda, başdayırlar...* 3. Qənaət prinsipi: məsələn, *-ma, -mə* inkar şəkilçilərindən, *-sınız, -siniz, -sunuz, -sünüz* şəxs şəkilçilərindən, *-dır* xəbərlik şəkilçisindən heca və ya səsin ixtisar olunması nəticəsində orfoepik norma yaranır: yazıda *yazmayır, gəlməyir, bilməyir,* deyimdə – *yazmır, gəlmir, bilmir,* yazıda *gəlirsiniz, alırsınız, atadır, budur,* deyimdə - *gəlirsiz, alırsız, atadı, budu...*" [Məmmədov, 1989, 44]

Azərbaycan kinosunun aktyoru öz şifahi nitqini ilk növbədə dilimizin təbiətini əks etdirən səs və heca sistemi əsasında qurmalıdır. Təəssüflə qeyd edək ki, səslərin, morfemlərin, sintaqm və cümlələrin deyilişi, alınma sözlərin tələffüzü ilə, doğma dilimizin tələfüzünü asanlaşdıran forma və vasitələrinə, üsul və yollarına bələdlik kino dilində vahid orfoepik tələb kimi heç də həmişə gözlənilmir.

a) Məsələn, tələffüzün dialekt variantına üstünlük verilir: əvvəl əvəzinə əvəl, *belə* əvəzinə *belənçik, elə* əvəzinə *eylə, bülleten* əvəzinə *büllüteyn* və s.

b) Şifahi nitqin mühüm elementi olan vurğu yerində işlənmir: məsələn, *başqa* əvəzinə *báşqa*, *bütün* əvəzinə *bȕtün*, *qáytar* əvəzinə *qaytar* və s.

c) Alınma sözlərin tələffüzündə təqlidçilik yolu tutulur. Məsələn, dilimizə tərkibində başqa dilin incə fonemi (-l – səsi) işlənən elə sözlər vardır ki, onlar dilimizin ədəbi tələffüz normalarına əsasən işlənməlidir. Yəni bizim tələffüzdə -l – fonemini səslənməyə görə fərqləndirməyə ehtiyac yoxdur. O hər dəfə eyni dərəcədə özünü əks etdirir. Halbuki, ekran önündə bəzən Alen Dolon əvəzinə Alen Dolson, bulvar əvəzinə *бульвар*, rol əvəzinə *роль* kimi qüsurlu tələffüzə rast gəlirik.

Kinoaktyorlarımız öz nitqlərinin aydınlığı, saflığı və gözəlliyi qayğısına qalarkən, dilimizin fonetik sisteminin mühüm ünsürü olan vurğunu da əsla yaddan çıxarmamalıdırlar. Çünki müşahidələr və təcrübə göstərir ki, ədəbi tələffüz anlayışı vurğu ilə çox sıx bağlıdır. Və əslində kinoaktyor nitqində tez-tez müşahidə olunan tələffüz qüsurları çox zaman vurğunun işlətmə məqamının düzgün müəyyənləşdirilməməsi zəminində baş verir.

Məlum olduğu kimi, dilimizdə vurğunun üç əsas növü qeydə alınmışdır: heca vurğusu, məntiqi vurğu və həyəcanlandırıcı vurğu.

Heca vurğusu sahəsində yol verilən əsas səhvlərin, adətən, alınma sözlərin deyilişi zamanı üzə çıxdığını qeyd edən A.Axundovun aşağıdakı mülahizələri jurnalistika və aktyorluq praktikasında, xüsusilə səciyyəvi təsir bağışlayır.

"Bu səhvlərin meydana çıxmasının müxtəlif səbəbləri ola bilər. Fikrimizcə, bu hər şeydən əvvəl psixoloji səbəbdən irəli gəlir. Bəllidir ki, Azərbaycan dilində vurğu, bir qayda olaraq, sözün və ya söz formasının son hecasına düşür. Bununla əlaqədar olaraq, biz başqa dillərdən, xüsusən Avropa dillərindən alınma sözləri, sanki onların öz sözümüz olmadığını göstərmək üçün vurğuların yerini dəyişməklə tələffüz edirik. Hər halda onların yabançılığı danışan tərəfindən qeyd olunduğu kimi qəbul edilir və verilir. Məsələn bəziləri *Berlin* əvəzinə *Bérlin*, *Paris* əvəzinə *Páris*, *Homer* əvəzinə *Hómer* və s. deyir. Yəni, Azərbaycan dilində olduğu kimi vurğu sözün sonuncu hecasında olduğu halda, onu birinci hecaya keçirirlər".

"Şəfa", "Səadət" adlı telefilmlərdə aparıcılar öz nitqlərində müxtəlif əcnəbi terminlərin tələffüzündə yol verilən qüsurların bir mühüm mənbəyini də burada axtarılmalıdır.

Şifahi nitqdə cümlədəki sözlərdən birinin digərinə nisbətən qüvvətli deyilməsi, səslənməsi kimi başa düşülən məntiqi vurğu da ədəbi tələffüzün keyfiyyətinə ciddi şəkildə təsir göstərən amillərdəndir. Əslində məntiqi vurğu kinoaktyorun öz fikirlərinə münasibətini ifadə etməklə bərabər, həm də məlumatın auditoriyaya dürüst çatdırılması işinə xidmət edir. Məntiqi vurğu cümlədə əgər öz yerini dəyişirsə, həm də

hər hansı bir məntiqi – linqvistik tələbdən irəli gəlmədən dəyişirsə, o zaman fikir axınının qırılacağı, məna və məzmun dolaşıqlığına yol veriləcəyi də şübhəsizdir.

Diksiyanın tələblərinə görə aktyor ekran qarşısında çıxış edərkən öskürməyə, asqırmağa, burnunu çəkməyə və s. bu kimi xoşagəlməz hallara yol verməməlidir. Xüsusilə kinoaparaturanın kənar səslər həssaslığını nəzərə alsaq, bunun diksiyaya necə mənfi təsir göstərdiyini bir daha təsəvvür etmək olar. Aktyor diksiyası ilk növbədə, özünün səfərbəredici və cəlbedici keyfiyyətləri ilə güclü olmalıdır. Vaxtilə məşhur rejissor və aktyor K.S.Stanislavski yazırdı: "...şeir özü də musiqidir, mahnıdır. Danışıqda da, şeirdə də səs məlahətli olmalıdır, skripka kimi səslənməlidir, taxtaya dəyən noxud kimi taqqıldamamalıdır".

Yəqin hər bir aktyoru belə bir sual həmişə düşündürür: necə edəsən ki, səs nitq axını zamanı qırılmasın, bütün sözlər və cümlələr təsbeh dənələri kimi ardıcıllıqla düzülsün, heca fasilələri baş verməsin və nəhayət, tələffüz zədələnməsin və s.

Bu suallara yalnız bir doğru cavab vardır. Kinoaktyor bir an belə öz nitqinə və nitq aparatına diqqəti zəiflətməməlidir. Müşahidə əziyyətlərinə qatlaşmağı bacarmalı, öyrənməyi özünə ayıb bilməməlidir.

Aktyor diksiyasından danışarkən ekspressivliyi, ifadəliliyi də göz önündə tutmaq lazım gəlir. Nitqin ifadəliliyi nitq texnikası ilə sıx bağlı bir məsələdir. Sənədli filmlər vasitəsilə xalqa müraciət edən aparıcının səsi, hər şeydən əvvəl, aydın eşidilməlidir. Bunun üçün onun nitqi cingiltili səsə malik olmalıdır. Cingiltiliyi gur səslə qarışdırmaq lazım deyil. Səs orta qüvvəyə də malik ola bilər. Əsas məsələ səsin qüvvə dərəcəsindən bacarıqla istifadə etməkdədir. Kinoaktyor isə sözləri aydın şəkildə tələffüz etməklə bərabər aramla, tələsmədən danışmağı da bacarmalıdır. Sözlərdə ayrı-ayrı səslər, xüsusilə sait səslər yaxşı eşidilməlidir. Boğaz səslərinin tələffüzündə də diqqətli olmaq tələb edilir. Bu istiqamətlərdə hər hansı bir qüsura yol vermək nəticə etibarilə nitq qüsuru kimi üzə çıxır.

Məsələn, ayrı-ayrı sənədli filmlərin aparıcıları və kardarxası mətnləri oxuyan diktorlar "*q*" səsinin düzgün tələffüz edilmədiyinə, "*ş*" səsinin "*s*", "*c*" səsinin "*ç*" məxrəcində tələffüz olunmasına tez-tez rast gəlirik. Burada belə bir cəhəti də xatırlamaq lazımdır ki, nitq texnikası bizim jurnalistika fakültələrində ardıcıl və sistemli şəkildə hələ də tədris olunmur. O, adətən, aktyor sənəti ilə bağlı bir məsələ kimi başa düşülür. Halbuki müasir informasiya əsri, televiziyanın imkanlarının genişlənməsi hər gün kütlələrin görüşünə gələn telejurnalist qarşısında nitq texnikasını bir sənət kimi dərindən mənimsəməyi, bir az da konkret desək, hardasa aktyor peşəsindən də müəyyən cəhətləri əxz etməyi vacib şərt kimi qarşıya qoyur.

Kinoaktyorun nitqində səsin tembri də müstəsna əhəmiyyətə malikdir. Tembr səsin rənglərini və xarakterini müəyyənləşdirən ən əsas keyfiyyətlərdəndir. Əslində bizim nitqimizin zahiri fərdiliyində, formaca özünəməxsusluğunda səs tembrinin də böyük rolu vardır.

Nəticə. Kino dili fonunda və materialında nitq mədəniyyəti məsələlərinin öyrənilməsini bu gün aktual edən başlıca cəhət budur ki, o, bütövlükdə milli-ictimai ünsiyyət prosesinin mədəni əlamət və səviyyəsini müəyyənləşdirməyə xidmət edir. Milli intellektual və mənəvi səviyyə, milli elmi-texniki hazırlıq, bəşəri-dünyəvi dəyərlərlə milli təmas, birinci növbədə onun nail olduğu, yiyələndiyi nitq mədəniyyətində ifadə və əks olunur. Bu mənada kino dili gələcək tədqiqatlar üçün də həqiqətən dolğun və səciyyəvi bir araşdırma mənbəyidir.

Ədəbiyyat

Azərbaycan dilinin orfoepiya sözlüyü. Bakı, 1983. səh. 5, 16.
Dəmirçizadə Ə. Azərbaycan dili orfoepiyasının əsasları. Bakı, 1969. səh. 5.
Məmmədov İsmayıl. Ekran, efir və dilimiz. Bakı: Elm, 1989. səh. 44.
Məmmədov M. Dil dramaturqdan, danışıq aktyordan. "Dil mədəniyyəti" IV buraxılış. Bakı: Elm, 1985. səh. 70.

© Мустафаев Ф. Н., 2022

УДК *398*

Мухатаева А. Ж., Казахстан, г. Алматы
Казахский национальный исследовательский технический университет, старший преподаватель

СНАРЯЖЕНИЯ И ИХ РЕКВИЗИТЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КАЗАХСКОГО ЭПОСА)

В статье рассматриваются наименования и детали воинского снаряжения, которые составляют определенный пласт лексики, часть которой продолжает бытовать в современном казахском языке. Проводится этнолингвистическое объяснение военной лексики казахского эпоса, при этом привлекаются внеязыковые (исторические, этнографические, фольклорные) данные, которые позволяют глубже проникнуть в этимологическую природу терминов и терминосочетаний и раскрыть закономерности их структурно-семантического развития, выяснить общетюркский фонд этих слов и истоки заимствованных лексем, также определить хронологические рамки и сферы их бытования.

Ключевые слова: *эпос, военная лексика, этимология, семантика, этнолингвистика*.

Mukhatayeva A. Zh.,Kazakhstan, Almaty
Kazakh National Research Technical University, Senior Lecturer

GEAR AND THEIR REQUISITES (BASED OF THE KAZAKH EPIC)

The article describes the names and details of the military accoutrements. They constitute a certain stratum of vocabulary, some of which continues to prevail in the modern Kazakh language. Ethnolinguistic explanation of the Kazakh epic military vocabulary was conducted with the envolvement of extralinguistic (historical, ethnographic, folklore) data that allows to interpenetrate into the nature of etymological terms and their combinations, reveal patterns of their structural and semantic development, find common Turkic foundation and the origins of these words, and source of borrowed lexical items, also determine the chronological framework and scope of their existence. The article draws on the principles of ethnolinguistic and system and structural description of the lexical-semantic groups of Kazakh epic in the field of material culture.

Keywords: *epic, military vocabulary, etymology, semantics, ethnolinguistics.*

В богатой и разнообразной лексике казахского эпоса, наряду с наименованиями вооружений эпического персонажа, значительное место занимают названия снаряжений и их реквизиты.

Под понятием "*снаряжение*" обычно подразумеваются доспехи, предназначенные для защиты батыра-воина и его коня: кольчуга, панцирь, латы и др.

По данным казахского эпоса (в дальнейшем — КЭ), в снаряжения входят: *сауыт* "панцирь", *торғауыт* "вид кольчуги", *көбе* "вид кольчуги, "боевая одежда", *кіреуке* "вид боевой одежды, воинских доспехов", *жалаңғат* "кольчуга, тонкое одеяние из мелких железных колечек, одеваемое под панцирь", *дулыға* "шлем", *жез телпек* "медная тюбетейка", *қалқан* "щит" и др.

Судя по эпосу, снаряжениям батыра придавалось исключительно большое значение. По своей защитной силе, прочности, ценности они должны были соответствовать аналогичным качествам предметов боевого снаряжения. Снаряжения фетишизировались, им приписывались чудодейственная сила, мифические свойства.

Попытаемся ниже рассмотреть наиболее распространенный в КЭ вид боевого снаряжения воина, его атрибуты и провести семантический анализ, сопровождая такой анализ этнолингвистическими комментариями.

Заметим, что в интерпретации одних и тех же фактов мнения ученых далеко неодназначны [Кайдаров, 1973, 31; 70–74].

Сауыт "панцирь", "латы" — основной атрибут защитного снаряжения воина батыра. Кольчугой или панцирем, вероятно, пользовались не все воины, участвующие в боевых походах, а лишь предводители, особо отличившиеся в боях батыры. Это объясняется в значительной степени тем, что изготовление сауыт и относящихся к нему атрибутов, стоило очень дорого, не каждый был в состоянии его приобрести.

В КЭ встречается немало интересных мотивов, связанных с ритуалом восхваления доспехов воина-батыра, в том числе панциря (*сауыт*). Например: *Таямай атса, оқ өтпес*, *Шуақ шықса, күн өтпес*, *Жаңбыр жауса, су өтпес, Жағасы алтын, жеңі жез, Бадана көзді ақ сауыт Бектіп соққан ақ Дәуіт*... [Қамбар батыр, 1957, 96] — "стальные латы с драгоценным камнем — в центре, не пробивала пуля, если не стрелять на близком расстоянии, не проникали лучи солнца в светлый день, не проникала влага при дожде, ворот был из золота, а рукава из меди, они были сделаны на прочность руками самого Давида".

Кстати, с именем библейского Давида в эпической легенде часто связывают прочность и сверхъестественную силу всех видов боевого оружия воина-батыра: *Сиынған пірім ер Дәуіт, Балғаң тиген ақ сауыт*... [Қамбар батыр, 1957, 96] — "Почитаемый мною покровитель — храбрый Давид, ношу я стальной панцирь, к которому ты коснулся своим молотком". Считали и верили, что прикосновение Давида или его воображаемое участие в изготовлении доспехов и вооружения являются гарантом непобедимости.

Слово *сауыт* в эпическом смысле больше соответствует понятию "панцирь", которое определяется в Словаре Ожегова С.И. [Ожегов, 1963, 481] как "металлическая одежда для защиты туловища от ударов холодным оружием", и этим самым, вероятно, отличается от его разновидностей *кіреуке, жалаңғат, көбе, торғауыт* и др.

В "Толковом словаре казахского языка" в *сауыт* обнаруживаются омонимические: 1) "панцирь", 2) "посуда", "емкость" [Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі, 1985, 219], тогда как у Махмудова Х. и Мусабаева Г. фигурирует многозначное слово *сауыт* 1) посуда, сосуд, футляр; шай сауыт "чайная посуда"; 2) ист. панцирь, кольчуга, броня [Махмудов, Мусабаев,1987, 298]. Мы полагаем, что это не гетерогенные, а гомогенные слова, разошедшиеся в своих значениях: «посуда», «емкость», «футляр» в ходе семантического развития перешли в понятия "чехол" > "одеяние" > "железная одежда" >"панцирь". Кайдаров А.Т. вычленяет корень *сау* в значении "емкость", встречающийся как в препозиции (ср. *сау* + *ыт*), так и в постпозиции (ср. *жем* + *сау* "зоб у птиц") производных образований. Сюда же относится *сау* в *құрсау* (*құр* + *сау* "железный ободок", «обруч»).

Разновидности сауыт в КЭ дифференцируются в зависимости от качества металла, его прочности, внешнего оформления: *ақ сауыт* "панцирь из чистой стали" (*Беліне семсер іледі, Ақ сауытын киеді*... [Қамбар батыр, 1957, 58]); *тоғыз қабат ақ сауыт* "панцирь из девяти слоев чистой стали" (*Көбіктінің үстінде Тоғыз қабат ақ сауыт* [Қамбар батыр, 1957,121]); *тоғыз қабат сауыт* "девятислойный панцирь" (*Тоғыз қабат сауыттың, Сегізінен өтеді*... [Қамбар батыр, 1957, 54]); *тоғыз қабат көк сауыт* "девятислойный железный панцирь" (*Тоғыз қабат көк сауыт, Саған арнап соқтырдым*... [Қамбар батыр, 1957, 12]); *бадана көзді берік сауыт* "непробиваемый панцирь с драгоценным камнем..." [Қамбар батыр, 1957, 63]) и др.

Обращает на себя внимание плеонастическое употребление *сауыт* с близкими по значению или синонимичными обозначениями доспехов: *кіреуке, көбе* // *кебе* и др. Ср.: *Үстімдегі ақ сауыт, Ақ кіреуке бек сауыт*... — "на мне стальной панцирь, крепкий панцирь — кольчуга" (?). Или: *Үстіне баса киіп ал, Алтынды сауыт кебені*... [Қамбар батыр, 1957, 24] — "плотно надень на себя позолоченный панцирь — кольчугу" и др.

В КЭ обозначаются не только разновидности панциря, но и его составные части, представляющие для нас интерес как исторические реалии: *далбағай сауыт* "часть шлема из плетенных колечек, закрывающая шею"; *қол сауыт* "часть панциря, закрывающая руки воина", "панцирь - нарукавник"; *аяқ сауыт* "часть панциря, закрывающая ноги воина", "панцирь для ног". Иначе функционируют в эпосе неотъемлемые части панциря и их детали, номинация которых характеризуется описательностью: *сауыттың көзі* "колечки в панцире или (кольчуге)"; *бадана көз* // *бадана* "драгоценный камень в центре металлического нагрудника панциря, кольчуги"; *бадана* в комментарии составителей эпоса – «овальный металлический выступ на грудной части панциря» или «круглая стальная пластинка на грудной части панциря [Қамбар батыр, 1957, 38]; *сауыттың шашағы* "бахрома панциря": *Сауыттың шашағы Тұс — тұсына саудырап*... [Қамбар батыр, 1957, 39]; *сауыттың бауы* "тесемка панциря для привязывания"; *сауыттың түймесі* "застежка панциря"; *сауыттың жағасы* "воротник панциря"; *шығыршық* "кольца", "колечки панциря", т.е. металлические круглые колечки, из которых сплетена кольчуга.

В этнолингвистичском отношении представляет интерес определения понятия "ахиллесова пята" — *жел соғары самалы* досл. "отверстие для продувания ветра" (оно образуется там, где пропущено несколько колечек: *Кіндігінің тұсында Кем соғылған төрт көзі — Жел соғары самалы*... [Қамбар батыр, 1957, 121] — "напротив пупка не достает четырех колечек — это и есть ахиллесова пята".

Наименования отдельных частей *сауыт* нередко принадлежат к разряду архаизмов. Так, *шарайна* — "металлический нагрудник из четырех кусков, прикрепляемый к кольчуге". Сыздыкова Р.Г [Сыздыкова, 1980, 71] указывает на его персидское происхождение (*шар* "четыре", а *айна* "зеркало"). Это действительно четырехгранное зеркало в виде полированной металлической пластинки, которым покрывалась грудная часть панциря, кольчуги».

Бадана көз // *бадана* понимается по-разному. Сочетание *бадан көз* — "драгоценный камень в центре металлического нагрудника панциря, кольчуги". Наличие драгоценного камня в стальном обрамлении на нагруднике является своеобразным украшением, признаком большой ценности панциря: *Бадана көзді ақ сауыт*... [Қамбар батыр, 1957, 46] — "стальной панцирь с драгоценным камнем на нагруднике". Что касается бадана, то это овальный металлический выступ на грудной части панциря. Иногда *бадана* воспринимается как панцирь — *баданамды баса бөктіріп, Күн-түн қатып жортқанмын*... [Қамбар батыр, 1957, 38] — "приторочив панцирь, я день и ночь проводил в походах". В комментарии издателей *бадана* — "круглая стальная пластинка на грудной части панциря" [Қамбар батыр, 1957, 39], с чем можно вполне согласиться. Любопытно, что бадана считается тюркизмом в русском языке в значениях "броня панцирь, кольчуга". Так, в "Словаре тюркизмов в русском языке" Е.Н.Шиповой [Шипова, 1976, 392] приводятся следующие данные: "Др.-рус. бадана, бодана (с 1689г.) (Срезневский, 1,39; Доп.7) "Заимств. из тюрк., ср. кирг. бадана "панцирь". (Фасмер, 1,103); ср. байдана панцирь, кольчуга (Всерос. слов толк., 1893,176). Радлов бадана (кирг.) (4,1517)" (ТРЯ, 45). Это один из многочисленных случав семантически расширенного представления тюркских заимствований в русском языке.

Сауыттың көзі "колечки в панцире или кольчуге". Этой детали панциря в эпосе придается определенное значение. *Сауыттың көзі сөгіліп, Сынбай кетті дегейсің*... [Қыз жібек, 1963, 39] "скажите им, что распоролись колечки, но панцирь не сломался". Из контекста видно, что чем

меньше колечки в диаметре, тем кольчуга качественней и прочней. Об этой оценке красноречиво говорит частое употребление в КЭ определения *шөже көз* "колечко с самым мелким калибром": *Алтынды сауыт шөже көз Түймеден кетті дегейсің...* [Қыз жібек, 1963, 46] — "Скажите, что позолоченный панцирь из мелких колечек распоролся на застежках". Слово *шөже* в сочетании *шөже көз* употреблено в значении "маленький, мелкий" и этимологически связано с общеизвестным шөже "цыпленок", перен. "детеныш".

С понятием *көз* в значении "кольцо, колечко" в эпическом повествовании связана одна важная деталь — наличие уязвимого места в панцире. Оно называется *жел соғары самалы* (досл. "отверстие для продувания ветра"), т.е. это "ахиллесова пята", которая образуется там, где пропущено несколько колечек: *Кіндігінің тұсында Кем соғылған төрт көзі — Жел соғары самалы...* [Қобланды батыр, 1959, 46] — "напротив пупка не достает четырех колечек — это и есть ахиллесова пята". Но "ахиллесова пята" может быть в самых разных местах кольчуги, панциря, и ее обычно держат в секрете. Так, у Биршимбая батыра в поэме "Қобыланды батыр" она находится на затылке: *Жел соғары самалы Көк желкеде, артында-ай...* [Қобланды батыр, 1957, 180] "Ахиллесова пята (у него) находится сзади, на затылке".

Шығыршық "кольца", "колечки панциря", т.е. металлические круглые колечки, из которых сплетена кольчуга. *Екеуінің ақ сауыты Шығыршықтан сөгілді...* [Қамбар батыр, 1957, 93] — "Стальные панцири обоих распоролись в местах соединения колечек". Из этого следует понимать, что место соединения колечек на панцире или кольчуге считается слабым и уязвимым.

Сауыттың шашағы "бахрома панциря". Эпический текст показывает, что разновидности панциря или кольчуги в местах стыковки стальных колечек украшали бахромой, нитью из пластинок. Например: *Сауыттың шашағы Тұс — тұсына саудырап...* [Қамбар батыр, 1957, 39] — "Бахрома - пластинки панциря, рассыпалась по частям".

Сауыттың бауы "тесемка панциря для привязывания". В эпических произведениях указывается, что она изготовляется из күдері "мягко выделанная кожа верблюда": *Күлдір — күлдір кісінетіп, Күреңді мінер ме екенбіз, Күдеріден бау тағып, Кіреуке тон киер ме екенбіз...* [Қамбар батыр, 1957, 31] — "Сможем ли мы теперь ездить на темно- рыжем коне, заставив его ржать, сможем ли мы опять надеть на себя кольчугу, завязав ее тесемкой из мягко выделанной кожи" и др.

Сауыттың түймесі "застежка панциря". Естественно, что панцири, кольчуги имели застежки на боковых швах или сзади. Материалы КЭ не дают конкретного описания этих застежек. В исследованных материалах понятие "застежка" передается словом *түйме* "пуговица": *Алтынды сауыт шөже көз, Түймеден кетті дегейсің...* [Қамбар батыр, 1957, 61] — перевод дан выше.

Сауыттың жағасы "воротник панциря". Чаще слово *жаға* "ворот, воротник" в фольклоре употребляется в сочетании *с кіреуке (кіреуке жаға), жалаңғат (жалаңғаттың жағасы): Исатай деген ағам бар Ақ кіреуке жағам бар...* [Қобланды батыр, 1957, 73] — "Есть у меня брат Исатай — моя опора и сила" (в данном случае кіреуке жаға употреблено в переносном значении, восходящем к семантике пословицы "*Ағасы бардың жағасы бар, Інісі бардың тынысы бар*" — "У кого есть старший брат — у того есть и опора, у кого есть младший брат — у того есть и подмога"), где жаға ассоциируется с понятием "опора", а кіреуке жаға — "прочный оплот", каким Исатая представлял для себя Махамбет.

Определенную деталь в понятие *сауыттың жағасы* "ворот панциря" вносят следующие строки из поэмы "Қыз Жібек":*Жыртылы жазды сауыттың, Қатарланған жағасы...* [Қыз жібек, 1963, 65] — "чуть не разорвался складчатый (в складку) ворот панциря". Под *қатарланған жаға*, видимо, надо понимать многослойный или гофрированный вид воротника.

Таким образом, этнолингвистический подход к описанию лексики КЭ, сопровождающийся этимологическими исследованиями, "материализует" названия реалий; предметы доспехов в эпическом контексте приобретают динамизм, ощущаются как проходящие долгий путь исторического развития.

Литература

Кайдаров А.Т. Доспехи и вооружение воина-батыра в казахском эпосе и их этнолингвистическое объяснение // Известия АН КазССР. Сер.общественная. 1973. № 6. С. 25–34.
Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Алматы, 1985. Т.8. 591 б.
Қамбар батыр. Алматы, 1957. 116 б.
Қобланды батыр. Қазақ эпосы. Алматы, 1959. 159 б.
Қыз Жібек. Алма-Ата, 1963. 336 с.
Махмудов Х., Мусабаев Г. Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1987. 512с.
Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1963. 900 с.
Сыздықова Р.Ғ. Сөздер сөйлейді (сөздердің қолданылу тарихынан). Алматы, 1980. 126 б.
Сыздықова Р.Ғ. Сөздер сөйлейді (сөздердің қолданылу тарихынан). Алматы, 1980. 126 б.
Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука, 1976. 392 с.

© Мухатаева А. Ж., 2022

УДК *78.27*

Мухтаров Т. Г., Россия, г. Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, н.с.

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РЕЧИ РАБОЧИХ-БАШКИР ГОРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА (на материалах лингвистических экспедиций 1930-х гг.)

Целью статьи является выявление и интерпретация социолингвистического исторического материала на примере рассмотрения профессионализмов у рабочих-башкир добывающей промышленности довоенного периода. Материалами послужили тексты и образцы речи, собранные у населения во время лингвистических и комплексных экспедиций 20-30-х годов XX века, отложившиеся в Научном архиве УФИЦ РАН. В результате в научный оборот были введены обнаруженные в этих материалах профессиональные башкирские термины, отмечены социальные различия в их использовании.

Ключевые слова: *научные экспедиции, фонд, архив, заимствования, варваризмы, профессионализмы, добывающая промышленность, рабочие, башкиры.*

Mukhtarov T.G., Russia, Ufa
History, Language and Literature of the UFRC RAS, Research Associate

RUSSIAN BORROWINGS IN THE SPEECH OF BASHKIR MINING WORKERS OF THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY (based on the materials of linguistic expeditions of the 1930s.)

The purpose of the article is to identify and interpret sociolinguistic historical material, on the example of considering professionalism among Bashkir workers in the mining industry of the pre-war period. The materials were texts and speech samples collected from the population during linguistic and complex expeditions of the 20-30s of the XX century, deposited in the Scientific Archive of the UFRS RAS. As a result, professional Bashkir terms found in these materials were introduced into scientific circulation, and social differences in their use were noted.

Keywords: *scientific expeditions, fund, archive, borrowings, barbarisms, professionalism, extractive industry, workers, Bashkirs.*

Социально-профессиональная группа рабочих-башкир горной промышленности имеет уже более чем вековую историю. Выделение такого рода социальных групп часто влечет за собой формирование в них своего особого профессионального языка (профессионализмов, жаргонизмов). С начала XX века рабочие-башкиры горных районов Башкортостана переняли, усвоили и адаптировали к своей фонетике многие профессиональные термины горнозаводского дела от русскоязычного населения местных рудников и заводов. В период 1920–1930 гг. произошло еще более обширное вовлечение зауральских башкир в процесс советской индустриализации. Это привело к тому, что в ходе участившихся языковых контактов рабочие-башкиры широко практиковали заимствования из русского языка – как профессиональных терминов, так и слов-советизмов. Все эти слова, описывающие реалиии новой жизни, должны были быть усвоены в большом количестве за ограниченный период времени. В результате бурный поток всех этих заимствований в языке рабочих-башкир Зауралья привел к сильнейшему распространению иноязычных слов и выражений, повсеместному нарушению чистоты их речи, то есть к засилью варваризмов.

По данному явлению, наблюдаемому среди башкирского населения Зауралья, тюркологом Н. К. Дмитриевым в 1929 году была опубликована статья “Варваризмы в башкирской речи” [Дмитриев, 1930, 73–105]. Она была написана по материалам, собранным в ходе работы Лингвистико-фольклорного подотряда Башкирской экспедиции Академии наук СССР, побывавшего летом 1928 года в башкирских селениях северо-западной части Тамьян-Катайского кантона, а также с использованием материалов из южной Кубаляк-Тилявской волости того же кантона.

К упомянутой статье прилагается “Алфавитный перечень башкирских заимствований из русского”, в котором Н.К. Дмитриев дал так называемый “активный словарь” (живой разговорной речи) заимствований башкирского населения горнозаводского региона, относящегося большей частью к современным Белорецкому, в меньшей – Учалинскому и Абзелиловскому районам Башкортостана.

В этом перечне большинство слов словаря носит общебытовой характер и представляют русские заимствования в области лесного дела, охотничьих промыслов. Также в него включены слова из лексикона сельской башкирской интеллигенции (ответственных работников исполкомов, учителей и пр.). Доля профессиональных слов, используемых рабочими-башкирами, невелика, но некоторые весьма любопытны: например **gewin** – гавань (название пристани для сплава леса по р. Инзер), **kurinuj** – куренная печь (углежоговая), **søgøn jul** – чугунная дорога, чугунка, **bagunaj** – погонный, **kugawaj** – кубовый, **ŝalmir** – шарнир, **zuwanok** – звонок.

В целом упомянутая статья Н. К. Дмитриева отмечается высочайшим уровнем анализа стихийных русских заимствований в речи башкир горно-лесных районов с коммуникативной, морфологической, синтаксической и семантической стороны.

Следующая попытка сбора образцов производственных выражений имела место в ходе работы диалектологической экспедиции по изучению говоров башкир Абзелиловского, Баймакского, Белорецкого, Бурзянского, Гафурийского, Макаровского районов в июне-августе 1931 года. Её материалы сохранились в одном из дел в Научном архиве Уфимского федерального исследовательского центра РАН [НА УФИЦ РАН, Ф. 3, Ед. хр. 1]. Участники и руководители данной

экспедиции не установлены, как это утверждается в надписи на одной из страниц описи дела, содержащего экспедиционные материалы. Лицом, которое выполнило данную надпись и саму опись, по нашему мнению, является видный башкирский филолог Тагир Баишев (1886–1974). Сам он в этих записях тоже нигде не расписался.

Однако другим, также неизвестным нам участником экспедиции были зафиксированы замечательные образцы речи (в том числе наименования орудий труда, производственные термины и ругательные выражения) рабочих двух производственных объектов:

1) золотого прииска («золотой завод») у д. Муллакаево Темясовской волости,
2) Семеновской золотоизвлекающей фабрики у п. Тубинск той же волости.

Для данной статьи автором были вычленены и снабжены русским переводом интересующие слова из контекстов, содержащихся в экспедиционных материалах. Все эти слова заимствованы от русских рабочих и имеют признаки варваризмов. Ниже они даются в порядке появления в материалах дела.

Экеспылакатыр – эксплуататор
курыс – курсы
ысвалыч – сволочь
паслитнәй – последний
валәтсә – валяться
заналичнай расщүт – за наличный расчет
сыбутник – субботник
пылать – плата
быративайат – противоядие
иҙнәттиниһәң – узнаешь если
хлайстураҡ – холостоватый
әслисәр – слесарь
әттих, уттих – отдых
әспиктәкел – спектакль
вичыр – вечер
уҡыу сабрания – колективное чтение
перевал – привал
багун – вагон
баганитка – вагонетка
забуйчик – забойщик
быриюмщик – приемщик
брнимайт – принимать
кәтил – "котёл" (участок работы)
бирхни кәтил – верхний котёл
баграмщик – погрузчик
ахран тыруда – охрана труда
балагайса – полагается
биса – весы
бисавщик – весовщик

Башкәмдидәт – Башкомбинат
отпускә, утпуска – отпуск
кол дугауар – колдоговор
эспис әдижә – спецодежда
руда патйум либутка – лебедка для подъема руды
матур – мотор
(э)рабучий – рабочий
беризин – брезент
михәнищески – механический
сих – цех
тыравит итеү – дробить
шәше – чаша (место для промывания руды)
бигун – бегунцы (сделанные из резины большие колеса для размалывания руды)
кишкә – "кишки" (шланги и провода)
әрлис – рельсы
щан – чан (емкость для золотосодержащей пульпы)
растывар щаны – чан для раствора
симет – цемент
калсадан – колчедан
ҡамавай калсадан – комовый колчедан
милки калсадан – мелкий колчедан
ышланг – шланг
ҡәйлә – кайло, кирка
торба – труба
паткитнуй – подкидной
дугауар – договор
ризин – резиновый
атдилинйа – отделение

Приведем некоторые весьма выразительные контексты, в которых звучат эти слова: ***«Сыбутниккә пылать буламы, ағай? Пылать булырға тейеш»*** («За субботник будет плата, дяденька? Плата должна быть»). ***«Колдугауар буйынса беҙҙә фартук менән бейәләйҙе, башка бер нәмә лә балагайса түгел»*** («По колдоговору нам фартук и рукавицы, больше ничего не полагается»). ***«Машина боҙолһа, михәнически сихтан әслисәрде әрләйбеҙ»*** (“Если сломается машина, ругаем слесаря из механического цеха”). ***«Мин мында яңа сыҡтым, ату забуйчик булып эштәнем. Хәҙер быриюмщик булып эштәйем. Забуйчиктар тейәп биреп торалар, мин брнимайти итеп торам»*** («Я сюда недавно вышел, а то забойщиком работал. Теперь приемщиком работаю. Забойщики погрузив, подают, я стою, принимаю»).

В деле, содержащем материалы экспедиции, фиксация образцов речи занимает всего 6 страниц. К сожалению, какого-либо приложения, содержащего результаты научного изучения данных паттернов, в деле нет.

Дальнейшее изучение языка рабочих-башкир было произведено в статье вышеупомянутого Т. Г. Баишева, содержащейся в деле «Материалы диалектологической экспедиции по изучению языка рабочих-башкир Баймакского, Тубинского заводов и башкир Янаульского и Учалинского районов» [НА УФИЦ РАН, Ф. 3, Ед. хр. 14]. Крайними датами этого дела указаны 1933–1935 годы, а сама статья была завершена в январе 1936 года.

В этой статье, которая называется «Разговорный язык рабочих Баймакского и Тубинского заводов», Т. Г. Баишев сообщает о цели экспедиции: выяснить состояние современного живого разговорного языка, наиболее правильно и полно его изучить, найти связь между их языком и литературным, сбор нужных материалов для путей развития литературного языка. Также сбор послеоктябрьского фольклора (устного творчества).

Далее, в разделе “Лексическое богатство” своей статьи, Т. Г. Баишев делает следующее наблюдение за речью исследованных в 1934 году и имеющих малый стаж рабочих Инзерского и Белорецкого заводов. В их разговорах такие слова, как «смена, гудок, мастер» предварительно сопровождались башкирскими эквивалентами как ***«алмаш, һөрәндәү, оҫта»***. Такое явление Т. Г. Баишев объяснял тем, что эти рабочие прибыли из окрестных аулов и их рабочий стаж составлял один, от силы два года. В их речи производственные русские термины еще не были полностью освоены, при этом ощущалось, что их смысл использованием башкирских эквивалентов не может быть передан полностью. Поэтому после слов-эквивалентов башкирские рабочие сразу произносили русские термины, к примеру, те же «смена, гудок, мастер». Этот пример свидетельствует о том, что между этими терминами и башкирскими эквивалентами шла борьба.

Что касается рабочих Баймакского и Тубинского заводов, то в их речи башкирские эквиваленты не употребляются. Ими использовались только заимствования типа «смена, гудок, мастер». Это Т. Г. Баишев объяснял тем, что местные рабочие-башкиры имеют стаж в основном 10–15 лет и даже 20–30 лет. В речи таких рабочих вышеупомянутые заимствования, будучи терминами из внутризаводской жизни, давно обрели «гражданство». Башкирские эквиваленты полностью уступили место заимствованиям.

Интересующие нас слова, которые выделил Т. Г. Баишев в речи баймакских и тубинских рабочих-башкир, были следующие:

әртүт – ртуть
уыздых – воздух
пузыйр – пузырь (часть керосиновой лампы)
духтыр – доктор
столовойҙар – столовые
аратор – оратор
азотнай – азотная (кислота)
балнис – больница
бланка – бланк
бона – бон (дается после сдачи золота)
дүлә – доля (золота)
гарнауой – горновой рабочий, заливающий медный штейн в конвертер
гүләние – гулянья
фуганка – фуганок

Подводя итоги, следует сказать, что в данной статье была сделана попытка рассмотрения речи рабочих-башкир, которая звучала в горных районах Башкирии 90 лет назад. Некоторые их образцы хранятся в Научном архиве УФИЦ РАН, часто в необработанном виде. Это дела из так называемого фонда Дмитриева, а также дела из фонда ИИЯЛ, содержащего материалы диалектологических экспедиций 1930-х годов. Содержимое этих дел остается малодоступным для современных исследователей, так как они не оцифрованы, а записи, собранные в них, зачастую сделаны башкирской латиницей и даже арабицей.

В этой статье также вводятся в оборот обнаруженные в материалах тех экспедиций термины горной промышленности в речи рабочих-башкир. Они иллюстрируют явление зарождения особого профессионального языка в результате языковых контактов рабочих-башкир и русскоязычных рабочих. Осмысливаются общие и особенные социальные механизмы, вызывающие это явление.

Источники и литература

Дмитриев Н.К. Варваризмы в башкирской речи. // Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском Музее АН СССР. Том IV. Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1930.
НА УФИЦ РАН – Научный архив федерального исследовательского центра РАН. Фонд 3, оп. 2. Ед.хр. 1, 14.

© Мухтаров Т. Г., 2022

УДК *811.161.1’282.8*

Мызникова Я. В., Россия, г. Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный университет, доцент

ЛЕКСИКА ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ СИМБИРСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ

Вторичный характер русских говоров некоренной для них территории Симбирского Заволжья обусловил ряд особенностей лексической сферы этих говоров. Это, прежде всего, наличие неисконных элементов. Симбирское Заволжье является регионом длительных и преимущественно мирных взаимодействий на одной территории разных по языку, культуре и религии народов: славян, тюрков и финно-угров. В русских говорах Симбирского Заволжья этнокультурное взаимодействие в наибольшей степени проявляется в лексической сфере, где отмечается значительное число тюркских заимствований, преимущественно в тематической группе скотоводства. При этом и другие тематические группы лексики отражают длительные этнокультурные контакты. Тюркские заимствованные элементы обнаруживаются в значительном количестве в сфере наименований природы и ландшафта.

Ключевые слова: *русские говоры, диалектная лексика, тюркские языки, языковые контакты, тематические группы.*

Myznikova Y. V., Russia, St. Petersburg
Saint Petersburg State University, Associate Professor

TURKIC BORROWINGS IN THE RUSSIAN DIALECTS OF THE SIMBIRSK VOLGA REGION

The secondary nature of the Russian dialects of the non-indigenous territory of the Simbirsk Trans-Volga region determined a number of features of the lexical sphere of these dialects. It is primarily about the presence of non-original elements. The Simbirsk Trans-Volga region is a land of long-term and mostly peaceful interactions of peoples of different languages, cultures and religions: Slavs, Turks and Finno-Ugrians. In the Russian dialects of the Simbirsk Trans-Volga region, ethnocultural interaction is most pronounced in the lexical sphere, where a significant number of Turkic borrowings are noted, mainly in the thematic group of cattle breeding. At the same time, other thematic groups of vocabulary reflect long-term ethnocultural contacts. Turkic borrowed elements are found in quantities even in the sphere of nature and landscape names.

Keywords: *Russian dialects, dialect vocabulary, Turkic languages, language contacts, thematic groups.*

Материалом для данного исследования послужили записи диалектных текстов, сделанные автором с 2012 по 2018 гг. в русских сёлах левобережной части Ульяновской области в Старомайнском, Чердаклинском и Мелекесском районах. Говоры Среднего Поволжья представляют особый интерес для автора исследования в связи с той полиэтнической и полиязыковой средой, которая исторически сложилась в этом регионе в результате совместного проживания славянских, тюркских и финно-угорских групп населения. Р. Г. Кузеев в своей монографии «Народы Среднего Поволжья и Южного Урала» пишет о многовековых взаимосвязях, которые привели к формированию у этих народов общего регионального слоя культуры, охватившего хозяйство, сферы материальной и духовной жизни. Но в то же время этот процесс не привел к разрушению этносов с их национальными культурами [Кузеев, 1992, 5]. Наибольшей унификации подверглась хозяйственно-бытовая сфера, так как именно эта сфера обусловлена природно-географическими условиями существования этноса. Так, уже в начале XX столетия основным направлением хозяйствования у всех народов региона становится пахотное земледелие, распространяются общие технологии, виды сельскохозяйственных орудий. В то же время укоренившиеся в Среднем Поволжье русские общины усваивают сложившиеся в данном регионе традиции скотоводства. Все эти общие сельскохозяйственные и бытовые традиции нашли отражение и в языках контактирующих народов.

В целом лексика пастбищного скотоводства отражает достаточно древнее влияние тюркских традиций: *Если коровы – у них гурт, у лошадей – табун, у овец – отара.* Русский Юрткуль Старомайн.; *Ватага – эта можна про гусей сказат’. Табун – если лошади, отара – офцы.* Крестово-Городище Чердаклин. Так, все принятые в Поволжье наименования стада животных (*отара, табун, гурт, ватага*), а также наименования овечьего пастуха (*чабан*), верёвки с петлёй для ловли животных (*аркан*) являются достаточно древними тюркизмами [Шипова, 1976, 38, 109, 117, 254, 300, 370]. Тюркизмом, возможно, является и отгонное слово для овец *арря́*. В чувашском языке *ăръях* – ‘возглас, которым отгоняют волков или собак’ [ЧРС, 1985, 50]. В башкирском языке *деррә, дөррә* – возглас, которым отгоняют овец [БРС, 161, 170].

Зафиксированы различные наименования отгороженного места, загона, где скот мог отдохнуть во время выгона: *Если пасут вдали, там у нас ужэ заранее отгонное стойбище называеца, там ужэ и калда загорожэна.* Ерыклинск Мелекес. Лексема ***ка́лда*** (фонетический вариант *ка́рда*) является наиболее распространённым наименованием огороженного места для скота в говорах Ульяновской области. Слово *калда* (и вариант *карда*) являются весьма употребительными в Поволжье не только в русских говорах, но и в мордовских, а также в тюркских языках: татар. *киртә, кәртә* ‘ограда, ограждение; жердь; двор’; чуваш. *карта* ‘изгородь, загородка, прясло; загон, хлев, надворная постройка’ [Ахметьянов, 1989, 135; ЭСЧЯ, 1, 232]. Вопрос о его этимологии поднимался неоднократно и однозначного решения не имеет [Мызников, 2005, 89–90].

Е. Н. Шипова приводит в словаре тюркизмов лексему ***ба́за*** [Шипова, 1976, 46], в говорах Симбирского Заволжья данная лексема встречается в значении ‘огороженное место для отдыха скота’

(*Аддыхал скот – были базы, загоны, дома если – хлеф.* Крестово-Городище Чердаклин.). А. Е. Аникин лексему *ба́за* ‘огороженное место для скота’ с большой вероятностью возводит к тюркским источникам: татар. *баз* ‘яма, погреб’, калмык. (<тюрк.) *baz* ‘конюшня’ [РЭС, 2, 71].

Лексему ***маха́н***, используемую в значениях ‘конина, мясо лошади’, ‘падаль, мясо павшего животного’, *перен.* ‘о замореном, тощем животном или человеке’, сами местные жители считают тюркской по происхождению: *Махан – конина, пъ-татарски-тъ махан – лошат’.* Русский Юрткуль Старомайн. Е. Н. Шипова предполагает монгольский источник данной лексемы [Шипова, 1976, 231], А. Е. Аникин допускает тюркское посредничество [Аникин, 2000, 381]: татар. *махан* – ‘конина’ (тобольский диалект, Тюменская обл.) [БДСТЯ, 470].

Из сельскохозяйственной лексики тюркского происхождения отметим широко распространённую лексему ***бахча́***: ср. татар. *бакча* 1) ‘сад’; 2) ‘огород, бахча’ [Шипова, 1976, 70; ТРС, 1, 189], татар. диал. *бакча* ‘картофельный огород’ [БДСТЯ, 97]. В русских говорах Симбирского Заволжья лексема *бахча́* (*ба́хча*) встречается в значениях: 1) ‘огород’ (*А то ешо ба́хчы называлис, вот на этих ба́хчах сажали капусту, моркофку, с’вёклу.* Старый Белый Яр Чердаклин.); 2) ‘часть огорода, где сажают дыни, арбузы, тыкву, т. е. бахчевые культуры’.

К этой же сфере сельскохозяйственной лексики относится слово ***такме́нь*** ‘сельскохозяйственный инструмент, тяпка’ (*У каво матыги, у каво такмени́, а у нас бараз’ник – мы полем.* Крестово-Городище Чердаклин.). Лексема может быть связана своим происхождением с татар. *китмән* ‘кетмень, мотыга’ и *кәтмән* ‘1) кетмень, мотыга; 2) кирка’ [ТРС, 1, 556, 584]. Лексема *кетмень* приводится в БАС в значении ‘старинное сельскохозяйственное орудие вроде мотыги, употребляемое в Средней Азии’ [БАС, 5, 930]. Диалектная лексема *такмень* могла возникнуть в результате метатезы согласных в первом слоге, аналогичную лексему находим в татарских диалектах: *тәкмән* ‘кетмень, мотыга’ [БДСТЯ, 617].

Этнокультурное взаимодействие проявилось и в заимствованиях друг у друга кулинарных традиций вместе с соответствующей лексикой. Так, широко известная в литературном языке лексема ***курага́*** несомненно является тюркским заимствованием: татар. *күрәгә* ‘куряга, урюк без косточек’ [ТРС, 1, 680]; от тюрк. *куру* ‘сохнуть’; *курак, куруг* ‘сухой’ [Шипова, 1976, 198]. Ввиду неподходящих для выращивания абрикосов климатических условий, волжские татары или чуваши могли называть курагой другие высушенные плоды, в частности, похожую на курагу по вкусовым качествам тыкву. В русских говорах Симбирского Заволжья лексема *курага́* (фонетический вариант *курята́*) используется в значении ‘вяленые (сушёные) в печи кусочки тыквы, используемые в качестве сладостей’ (*Тыкву сушыли, курягой называли. Она высахнет, ну полусухая каг бы, её на печке конешна хранили, в мешочке, и с чаем пили.* Ерыклинск Мелекес.).

Из других кулинарных традиций, отражающих межэтническое взаимодействие русских и других народов Поволжья, следует указать супы из баранины: ***кули́ш*** и ***шурпу́***. Лексема *Шурпа́* ‘крепкий жирный суп из баранины с добавлением зелени, пряностей, лапши, овощей, который обычно готовится на открытом огне’ хорошо известна русским левобережной Волги, хотя само блюдо характеризуется ими как татарское: татар. *шулпа* ‘бульон, суп’ [ТРС, 2, 636], чуваш. *шӳрпе* ‘похлёбка’ [ЭСЧЯ, 2, 465]. В селе Крестово-Городище (Чердаклин. р-н) в подобном значении зафиксирована лексема *кули́ш (полевой суп)* – ‘пастуший суп из баранины с добавлением пшена, картошки’: *И вот он* [отец] *варил на кастре суп палевой или кули́ш, как он назывался ещё, эта бес картошки, мок картошки немношка туда пустить, на баранине, и пшено кинет.* Овечьему пастуху (чабану или овчару) полагалась баранина, из которой он мог готовить похлёбку. При этом в БАС *кулеш* определяется как «обл. жидкая каша; густая крупяная похлебка» [БАС, 5, 1817]. Таким образом, своеобразие пищевой традиции отразилось в особом значении слова *кулеш*: мясной суп (характерный для тюркской традиции), а не жидкая каша.

Значительную группу заимствований можно найти в составе лексики ландшафта. Это, как правило, ранний слой заимствований из тюркских языков.

Ела́нь, ела́нка ‘возвышенная открытая равнина’ (*Ела́нка – эта гора.* Ерыклинск), ср. татар. *алан* 1) сущ. ‘поляна’; 2) прил. ‘открытый’; *ялан* 1) сущ. ‘открытое поле, открытая равнина’; 2) прил. ‘голый, лысый, открытый’; башк. *yalan* ‘поле, открытая местность’, турец. *alan* ‘открытое место в лесу, поляна’ [ТРС, 1, 76; 2, 705; Радлов, 3, 157, 160; Фасмер, 2, 13; 4 554; Шипова, 1976, 131].

Юр ‘открытое, возвышенное место, не защищенное от ветров’ (*А у нево избёнка-тъ стаяла на самам юру.* Крестово-Городище Чердаклин.). Е. Н. Шипова предполагает заимствование из тюркских языков: татар. *ур* ‘возвышенность, холм, пригорок’; *ур* ‘вал’ [ТРС, 2, 498; Шипова, 1976, 430].

Яр ‘высокий крутой берег реки’ (*Крутой берек яр могли назват’.* Крестово-Городище Чердаклин.). Е. Н. Шипова указывает на то, что данное слово во многих тюркских языках означает ‘отвесный крутой берег’ (видимо, от глагола *яр-* ‘рассекать пополам’); татар. *яр* ‘берег’; казах. *жар* ‘яр; берег; обрыв; крутизна’ [ТРС, 2, 716; Шипова, 1976, 439].

Уре́ма ‘пойменный лес и кустарник по берегу рек, поросшая кустарником низменность по руслу рек’. У В. И. Даля: «Урема – поречье, поемный лес и кустарник по берегу речек; поросшая леском, и более корявым, или кустовьем, низменность по руслу рек, до степного кряжа», характеризуется как слово татарского происхождения [Даль, 4, 1057], ср. татар. *әрәтә* ‘урема, урёма; густой кустарник по берегам рек’ [ТРС, 1, 174]. М. Фасмер подтверждает и уточняет тюрк. этимологию: «Из чуваш. **urama*, татар. *arama* низкое место около реки, поросшее ольхой» [Фасмер, 4, 167].

Тал 1) ‘ивовые прутья’: *Корзинки, оне плетёны ис прутьеф. Тал – знаш? Прут.* Ерыклинск Мелекес.; 2) ‘ива’: *Оне разные, талы́. Щас вот этим тал’нико́м река-та фся зарошшая.* Ерыклинск

Мелекес. Е. Н. Шипова указывает на наличие лексемы *тал* со значением ‘ива, верба’ в большинстве тюркских языков [Шипова, 1976, 303], ср. общетюркское **tal* ‘ива’ [СГТЯЛ, 125]. *Каратал* и *чернотал* – различные наименования ивы чёрной: *Чэрнотал – эт кустарник такой, рас’тёт вдол’ берегоф озёр, карзинки плести хърошо.* Ерыклинск Мелекес. Обе лексемы – результат тюркского влияния, ср. татар. *кара* ‘чёрный’ и *тал* ‘ива’ [ТРС, 1, 532; 2, 302], при этом *каратал* является прямым заимствованием, а *чернотал* – калькой с заимствованным вторым корнем (*тал*).

Ещё одно тюркское заимствование: ***ка́рга*** ‘ворона’ (*От карог нада поставит’ пугала, арбус ка́рги склевали.* Крестово-Городище Чердаклин.). Слово *карга* в этом значении имеется во многих тюркских языках, в частности, в татарском [ТРС, 1, 538; Шипова, 1976, 169].

Лексема ***маза́рки*** используется в Среднем Поволжье в значении ‘кладбище’ (*Радуница – и вот тода фсе ходют на мазарки. Оне ждут гот на мазарках, фсе усопшы.* Красная Река Старомайн.). Слово представляет собой адаптированное на русской почве заимствование из тюркских языков [Шипова, 1976, 226]. Для сопоставления можно привести татар. *мазар* 1) ‘могила, гробница’; 2) ‘кладбище’ [ТРС, 2, 11].

Тюркские по происхождению элементы встречаются и в сфере лексики домашнего хозяйства. Лексема ***челя́к*** зафиксирована в значении ‘ёмкость для зерна и муки’ (*Чэляки – эта жэлезна такие как ведро, прямое тол’ка, высоки такие, оне пошыршэ ведра вот, чэрпали ими, таскали туда.* Ерыклинск Чердаклин.). Лексема встречается в Поволжье, Приуралье, на Урале [Малеча, 4, 445]. Е. Н. Шипова говорит о заимствовании этого слова из тюркских языков [Шипова, 1976, 392]. Действительно, в татарском языке находим *чилэк* ‘ведро’ и множество производных от этого корня [ТРС, 2, 11]. Лексема ***бадья́*** ‘ведро для ручного сева’ заимствована через татар. *бадиа* ‘ведро’ из перс. *badja* ‘сосуд для вина’ [Фасмер, 1, 104; Шипова, 1976, 46; ТРС 1: 184]. Слово ***сама́н*** ‘строительный материал из глины с соломой’ (*Эт вот глина, солома, вот её мешают и называют саман.* Крестово-Городище Чердаклин.) также имеет тюркское происхождение (ср. татар. *саман* в том же значении, др.-тюрк. *саман* ‘солома’ [Шипова, 1976, 275; ТРС 2, 214]).

В описанных материалах приведены далеко не все лексические заимствования из тюркских языков в русских говорах Симбирского Заволжья. Но уже по этим данным можно наблюдать проникновение тюркских элементов в самые разные тематические группы лексики русских говоров, прежде всего, это сферы, связанные с хозяйственной деятельностью, с особенностями природы и ландшафта, а также с крестьянским бытом.

Литература

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.

Ахметьянов Р. Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1989. 200 с.

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. М.–Л., 1948–1965.

БДСТЯ – Большой диалектологический словарь татарского языка. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге: ок. 40 000 единиц / Сост. Ф. С. Баязитова [и др.]. Казань: Татарское книжное изд-во, 2009. 839 с. На татар. яз.

БРС – Башкирско-русский словарь: 32000 слов / Российская академия наук. Уфимский научный центр. Академия наук Республики Башкортостан; под ред. З. Г. Ураксина. М.: Дигора, Рус. яз., 1996. 884 с.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка под редакцией И. А. Бодуэна де Куртене. В 4-х тт. СПб.-М., 1903–1909.

Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.

Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4-х тт. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002–2003.

Мызников С. А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл. СПб.: Наука, 2005. 634 с.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. В 4-х тт. СПб., 1888–1911.

РЭС – Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси (вып. 1–3, 6), Знак (вып. 4–5), Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (вып. 7–9, 13), Нестор-История (вып. 10–12), 2007–2016. Вып. 1–13.

СГТЯЛ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–51. М.; Л./СПб.: Наука, 1965–2019.

ТРС – Татарско-русский словарь: В 2-х т. Т. 1 (А–Л). Казань: Магариф, 2007. 726 с. Т. 2 (М–Я). Казань: Магариф, 2007. 726 с.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Том 4 (Т–ящур) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. 864 с.

ЧРС – Чувашско-русский словарь / И. А. Андреев, А. Е. Горшков, А. И. Иванов и др.; под ред. М. И. Скворцова. М.: Рус. яз., 1985. 712 с.

Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука, 1976. 444 с.

ЭСЧЯ – Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т. 1. А–Р. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. 470 с. Т. 2. С–Я. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. 509 с.

© Мызникова Я. В., 2022

УДК *81.23*

Нагиева Т. А., Азербайджан, г. Баку
Азербайджанский государственный педагогический университет,
доктор филос.наук по филологии

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ В ПАМЯТНИКАХ ТЮРКСКОГО КАГАНАТА

В данной статье исследуется употребление глагольных сочетаний в языке памятников Тюркского каганата. Как и в современном азербайджанском языке, в языке памятников глагольные словосочетания имеют три способа образования. В то же время есть и различия. Так, в современном азербайджанском языке управляемые существительные в глагольных словосочетаниях не могут не употребляться без аффикса дательного и творительного падежей, в то время как в языке памятников Тюркского каганата можно встретить варианты с присоединением аффиксов вышеуказанных падежей. Аффикс дательного падежа может иметь форму -а², как и в современном языке, так и форму -ка², употребление которой не характерно для современного языка. Аффикс творительного падежа может иметь форму как да², так и форму -та².

Ключевые слова: *сочетание глаголов, существительное, местоимение, глагол, наречие.*

Nagieva T. A., Azerbaijan, Baku.
Azerbaijan State Pedagogical University,
Doctor of Philosophy in Philology

MORPHOLOGICAL FEATURES OF VERBAL PHRASES IN THE MONUMENTS OF THE TURKIC KHAGANATE

This article examines the use of verb combinations in the language of monuments of the Turkic Khaganate. As in the modern Azerbaijani language, verbal phrases have three ways of formation. Although there are differences. Thus, in the modern Azerbaijani language, controlled nouns in verbal phrases cannot be used without the affix of the dative and creative cases, while in the language of the monuments of the Turkic Khaganate, variants with the addition of affixes of the above cases can be found. The affix of the dative case can have the form -a 2, as in the modern language, and the form -ka2, the use of which is not characteristic of the modern language. The affix of the creative case can have the form of both da2 and the form -ta 2.

Keywords: *combination of verbs, noun, pronoun, verb, adverb.*

GÖYTÜRK ABİDƏLƏRİNDƏ FEİLİ BİRLƏŞMƏLƏRİN BİRİNCİ TƏRƏFİNİN MORFOLOJİ XÜSUSİYYƏTLƏRİ

Feili birləşmələrin asas tərəfi məsdər, feili sifət və feili bağlamalardan ibarət olur. Asılı tərəfdə (1-ci tərəfdə) isə isim, sifət, say və digər nitq hissələri işlənir. Dilçiliyimizdə feili birləşmələrin müxtəlif başlıqlar altında öyrənilməsinə rast gəlinir. Məsələn, "Müasir Azərbaycan dili" kitabında belə qruplaşdırılır: birinci tərəfi isimlə ifadə olunan feili söz birləşmələri; birinci tərəfi məsdər, ikinci tərəfi feillə ifadə olunan feili söz birləşmələri; birinci tərəfi feili sifətlə ifadə olunan feili söz birləşmələri; birinci tərəfi feili bağlama ilə ifadə olunan feili söz birləşmələri; birinci tərəfi zərflə ifadə olunan feili söz birləşmələri" [Müasir Azərbaycan dili, 1981, 124–146].

Y.Seyidovun fikrincə, dilimizdə feili birləşmələrin dörd növü vardır: "ad+feil" tipli feili birləşmələr, "feil+feil" tipli birləşmələr; "zərf+feil" tipli feili birləşmələr; qoşmali feili birləşmələr [Seyidov, 2006, 229–414]. Q. Kazımov isə feili birləşmələrə tam başqa kontekstdə yanaşır. Daha dəqiqi, feili birləşmələri tərəfləri arasındakı sintaktik əlaqə üsullarına görə qruplaşdırır: koordinativ feili birləşmələr (subyekt əlaqəli birləşmələri əhatə edir); yanaşma əlaqəli feili birləşmələr; idarə ola qəli feili birləşmələr. (3,77) Müqayisələr göstərir ki, feili birləşmələrin qruplaşdırılmasında müxtəliflik nəzərə çarpsa da, onlar əsasən eyni xətdə birləşir. Bu mənada Göytürk yazılı abidələrimizin dilində işlənən feili birləşmələri həmin formalara, xüsusən də Y.Seyidovun müəyyənləşdirdiyi modellərə uyğun şəkildə təqdim edirik.

1. "Ad+feil" tipli feili birləşmələr;
2. "Feil+feil" tipli feili birləşmələr;
3. "Zərf+feil» tipli feili birləşmələr.

"Ad+feil" tipli feili birləşmələr.

Bu tip birləşmələrin birinci tərəfi isim, sifət, əvəzlik və sayla ifadə olunur. İkinci tərəfi isə feilin təsriflənməyən formalarından biri ilə - məsdər, feili sifət, feili bağlama ilə ifadə olunur. Bu tip birləşmələri morfoloji tərkibinə görə aşağıdakı şəkildə qruplaşdırmaq olar:

1. İsim+feil tipli feili birləşmələr; 2.Sifət+feil" tipli feili birləşmələr; 3.

"Say+feil" tipli feili birləşmələr; 4."Əvəzlik+feil" tipli feili birləşmələr; 5."Zərf+feil" tipli feili birləşmələr.

İsim+feil tipli feili birləşmələr. Bu feili birləşmələrin birinci tərəfində

işlənən isimlərin özlərini də hallarına görə fərqləndirmək olar. Belə ki, birinci tərəfdə gələn isimlər ismin müxtəlif hal şəkilçilərini qəbul edirlər. Göytürk yazılı abidələrinin dilindən belə birləşmələrə çoxsaylı nümunələr göstərmək olar.

Adlıq hallı feili birləşmələr: Kağan olurıp (Xaqan oturub) yok çığay bodurıığ kop kobartdım, çığay bodunığ bay kıltım, az bodunığ üküş kıltım.(4, 299) Yuğçı, sığıtçı öŋrə **kün toğsıkda** (gün doğanda) Bökli çölig el, Tabğaç, Tüpüt, apar, Apa urum, kırkız, üç kunkan, otuz tatar, kıtay, tatabı – bunça bodun kəlipən sığıtamı.. (4, 291) Üzə kök teŋri, asra yağız yer kılıntukta (yerlər yarandıqda) ekin ara kisi oğlı kulınmıs (4, 491).

Adlıq hallı feili birləşmələrin birinci tərəfi müasir dildə olduğu kimi bəzən qoşmalarla da işlənə bilir. Məsələn: Anta **kisrə eçisin təg kılınmaduk erinç (**kiçik qardaşı böyük qardaşı tək olmadığından)**, oğlı kaŋın təg kılınmaduk erinç** (oğlu atası tək olmadığından), bilgisiz kağan olurmıs erinç, yablak kağan olurmıs erinç (4, 292).

Yiyəlik hallı feili birləşmələr. Abidələrin dilində işlənən yiyəlik hallı feili birləşmələr müasir türk dillərində olduğu kimi ikinci tərəfi feili sifət əsasında qurulur. Araşdırma zamanı müəyyən olundu ki, bu birləşmələrin birinci tərəfində işlənən yiyəlik hal qeyri-müəyyənlik formasındadır. Məs.: **Eçümiz-apamız tutmıs yir**, (əcdadlarımız tutduğu) sub idisiz bolmazun tiyin az bodunığ itip, yar... (4, 293). **Kaŋımız, eçimiz kazğanmış (**Atamız, əmimiz qazandığı) bodun atı, küsi yok bolmazun (4, 294)

Təsirlik hallı feili birləşmələr: Köŋü Itəki sabımm u ... (on ok oğlıŋ)a, tatŋıa təgi **bunı körü** (bunu görüb) biliŋ; beŋgü taş [Rəcəbli, 2009, 291]. **Anı körip** (onu görüb) ançа biliŋ: ol taş.... dim [Rəcəbli, 2009, 291].

Təsirlik hallı feili birləşmələrin bəzi formaları müasir dildə olduğu kimi birinci tərəfi qeyri- müəyyən təsirlik halda da işlənə bilir: **İl tutsık** (El tutmalı) yir Ötükən yış ermis [Rəcəbli, 2009, 290]. **Sü süləpən** (Qoşun çəkib) tört buluŋdakı bodunığ kop almıs, kop baz kılmıs, başlağığ yüküntürmis, tizligig sökürmis [Rəcəbli, 2009, 291]. Bu **bitig bitigmə (**bu yazını yazan) atısı Yolığ t(igin) [Rəcəbli, 2009, 290]. **Teŋri küç birtük üçün** (Tanrı güc verdiyi üçün) kagım kağan süsi böri təg ermis, yağısı koy tək ermis [Rəcəbli, 2009, 292].

Onu da qeyd edək ki, birinci tərəfi qeyri-müəyyənlik bildirən təsirlik halda olan feili birləşmələr abidələrin dilində daha çoxluq təşkil edir.

Müasir Azərbaycan dilində sonu saitlə bitən sözlərə təsirlik hal şəkilçisi artırıldıqda n bitişdirici samitindən istifadə olunur. Danışıq dilində bəzən təsirlik hal şəkilçisi işlənmir, sözdə n bitişdirici samiti təsirlik hal şəkilçisini əvəz edir. Biz buna bir sıra şeir ustalarının əsərlərində də rast gəlirik. Aşıq Ələsgər "Görmədim" rədifli qoşmasında deyir:

Söyüddən bağ saldım, peyvəst eylədim,

Almasın, heyvasın, narın görmədim [Ələsgər, 2004, 51].

Bu nümunədə işlənən almasın, heyvasın. Narın sözləri əslində təsirlik haldadır. Göründüyü kimi, təsirlik hal şəkilçisi "i" düşmüş "n" bitişdirici samiti onu əvəz etmişdir. Belə işlək formasına "Orxon-Yenisey" abidələrinin dilində də rast gəlmək olur. Məs.: Türk bəglər **türk atın ıtı** (türk adın ataraq)Tabğaçğı bəglər **Tabğac atın tutıpan** (tabğac adın götürüb) tabğaç kağanka körmis [Rəcəbli, 2009, 292]. Kül tigin **Bayırkun(ıŋ], ak adğırığ) binip** (Kül tigin Baykunun (ağ ayğırın) minib)oplayu təgdi... [Rəcəbli, 2009, 295].

Bu nümunədə işlənən hər iki atın (adın) sözü təsirlik hal şəkilçisini itirmiş və n bitişdirici samiti ilə işlənən təsirlik hallı sözlərdir.

Təsirlik hallı feili birləşmələrin maraqlı tərəflərindən biri də xüsusi isimlərin qeyri-müəyyən təsirlik halda işlənə bilməsidir. Halbuki bu xüsusiyyət bu bu gün bir çox türk dilləri üçün səciyyəvi deyil. Məsələn: **Kögmən aşa** (Kögmən aşaraq- Kögmən dağ adıdır) kırkız yiriŋə təgi sülədimiz [Rəcəbli, 2009, 334].

Yönlük hallı feili birləşmələr: Süçig sabıŋa, **ımşak ağısıŋa arturıp** (yumşaq hədiyyəsinə aldanıb)üküs, türk bodun, öltig [Rəcəbli, 2009, 290].

Abidələrin dilində işlənən yönlük hallı feili birləşmələrin birinci tərəfinin müasir dildən fərqli olaraq şəkilçisiz variantı da özünü göstərir: **Aŋar körü** (ona baxaraq) bilİŋ: türk amtı bodun, bəglər, bödkə körigmə bəglər, gü yaŋıltaçısız [Rəcəbli, 2009, 291]. Bilig bilməz kişi, **ol sabığ alıp** (o sözə aldanıb), yağru barıp, üküs kişi öltig [Rəcəbli, 2009, 290]. Antağının üçün igidmiş **kağanıŋ sabın almatın** (kağanın sözünə qulaq asmadan) yir sayu bardığ...(4, 291)

Bu birləşmələrin maraqlı tərəflərindən biri də hal əvəzlənmələridir. Bu türk dillərinə məxsus qədim xüsusiyyətlərdir. Abidələrin dilində də bunu müşahidə etmək mümkündür. Belə ki, müasir dildə işlənən çıxışlıq halın abidələrin dilində yönlük halla əvəzlənməsini görmək olur: **...biziqə yagılukm < yazındukın > üçün** (bizə yanıldığı üçün)kağanı ölti, buyurukı, bəgləri yəmə ölti [Rəcəbli, 2009, 293].

Göründüyü kimi, bu cümlədə işlənən "**biziqə yagılukm < yazındukın > üçün**" feili birləşməsi müasir Azərbaycan ədəbi dilinin qrammatik normasına uyğun deyil. Müasir Azərbaycan dilində bu birləşmənin işlək forması "bizə qarşı yanıldığı üçün", ya da "bizdən yanıldığı üçün" formasındadır.

Yerlik hallı feili birləşmələr: Teŋri təg teŋridə bolmış (göylərdə doğulmuş) türk bilgə kağan bu ödkə ol tım [Rəcəbli, 2009, 290]. **Bu yirdə olurıp** (Bu yerdə oturub)Tabğaç bodun birlə tüzəltim [Rəcəbli, 2009, 290]. Türk bodun yok bolmazun tiyin, bo dun bolçun tiyin kaŋım İltəris kaqanığ, ögim İlbilgə katumğ teŋri **təpəsintə tutıp** (təpəsində tutub) yögürü kötürmis erinç. [Rəcəbli, 2009, 292]. ... ölügi **yurtda, yolta yatu** (yurdda, yolda yataraq) kaltaçı ertigiz [Rəcəbli, 2009, 296].

Müasir Azərbaycan dilindən fərqli olaraq, abidələrin dilində işlənən feili birləşmələrin birinci tərəfi qeyri-müəyyən yerlik halda, yəni şəkilçisiz də işlənə bilir. Məsələn: **Mağa kurğan kışlap** (Mağa kurqanda qışlayıb**)** yazıŋa oğuzğaru sü taşıkdımız [Rəcəbli, 2009, 296].

Müasir ədəbi dildən fərqli olaraq "Kül Tigin" və "Bilgə Xaqan" abidələrində birinci tərəfi çıxışlıq halda olan feili birləşmələrə rast gəlinmədi.

"Sifət+feil" tipli feili birləşmələr. Sifət+feil tipli feili birləşmələr Göytürk abidələrinin dilində bir o qədər də geniş işləkliyə malik deyil. "Kül Tigin" abidəsində bir nümunə göstərməklə fikrimizi yekunlaşdıra bilərik: Kül tigin **Alp Şalçı akın binip** (Alp Salçanın ağını minib)oplayu təgdi [Rəcəbli, 2009, 296].

"Bilgə Xaqan" abidəsində isə sifət+feil tipli feili birləşmələr say etibari ilə "Kül Tigin" abidəsindən çoxdur. Məsələn: ...armakçısm üçün, **inili eçili kiŋşürtükin üçün (**kiçikli-böyüklü qızışdırdığı üçün), bəgli bodunhğ yoŋşurtukin üçün türk bodun illədük ilin ıçğınu ıdmış, kağanladuk kağanm yitirü ıdmış [Rəcəbli, 2009, 332].

"Say+feil" tipli feili birləşmər. Bu birləşmələrin birinci tərəfində say işlənir. Abidələrin dilində bu tip birləşmələr məhdud saydadır. Məs.: **Yeti yüz ər bolp (yeddi yüz igid olub)** elsirəmis... [Rəcəbli, 2009, 292].

"Əvəzlik+feil" tipli feili birləşmələr. Birinci tərəfdə əvəzliyin müxtəlif məna növləri: şəxs, işarə, təyini, sual, ikinci tərəfdə isə feili sifət, feili bağlama işlənir: **Anar körü** (onu görüb**)** biliŋ [Rəcəbli, 2009, 291]. **Anı yayıp (**onu yayıb**)** Türgi Yarğun költə buzdımız [Rəcəbli, 2009, 295]. Yarakdığ **kantan gəlip** (hardana gəlib) yaya eltdi? **Süŋüglig kantan gəlipən**(haradan gəlib) sürə eltdi? [Rəcəbli, 2009, 294]. Bödkə **özim olurıp** (özüm oturub) bunça ağır törüg tört bulurjdakı (bodunğa it) dim [Rəcəbli, 2009, 332]. Bilmədükin üçün, **biziŋə yagıltukın** (bizə yanıldığı üçün), yazm tukın üçün kağanı ölti, buyurukı, bəgləri yəmə ölti [Rəcəbli, 2009, 334]. **Ança kazğanmış** (belə qazanmış), **ança itmiş** (belə təşkil etmiş) ilimiz, törümiz erti [Rəcəbli, 2009, 334].

2. "Feil+feil" tipli feili birləşmələr. Göytürk abidələrinin dilində feil+feil tipli feili birləşmələr ad+feil tipli feili birləşmələrdən işlənməsinə görə dəfələrlə azdır. Məs.: Ançа **kazğanıp biriki** (qazanıb birləşən) bodunığ ot, sub kılmadım [Rəcəbli, 2009, 294]. Olurtukıma **öltəçiçə sakınığma** (öləcəyinə kədərlənən) türk bəglər, bodun ögürip, **sebinip toktamış** (sevinib toxtamış)közi yögərü körti [Rəcəbli, 2009, 332]. Ançа tip Tabğaç kağanka yağı bolmış. Yağı bolup itinü, **yaratunu umaduk** yana (yaratmağı baçarmadığı üçün) içikmiş [Rəcəbli, 2009, 333]. Oza, **yaýa kəligmə** (dağıtmağa gələn) süsin ağıtım [Rəcəbli, 2009, 336].

3. "Zərf+feil" tipli feili birləşmələr Altun, kümüş, isigiti, kutay buŋsız **ançа birür (çox verən)**Tabğaç bodım sabı süçig, ağısı yımşak ermis [Rəcəbli, 2009, 290]. Süçik sabım, yımşak ağm arıp **ırak boduruğ (uzaqda yaşayan)** ançа yağutrr ermis. **Yağru kontukda** (yaxın yerləşdikdən) kisrə ayığ bilig anta öyür ermis [Rəcəbli, 2009, 290]. **Oza kəlmiş (qabaq gəlmiş)** süsin Kül tigin ağıtıp Toŋra bir oğuş alpağu on ərig Toŋa tigin yoğınta əgirip ölürtimiz [Rəcəbli, 2009, 296]. **Üküş öltəçi** (çoxlu öləsi) anta tirlti [Rəcəbli, 2009, 336].

Bütün bunları yekunlaşdırıb belə bir nəticəyə gəlmək olar ki, Göytürk abidələrinin dilində işlənən feili birləşmələr müasir dildə olduğu kimi birinci tərəfin ifadə vasitəsinə görə üç yerə ayrılır. Bu birləşmələrin çoxu müasir dövrdə işlənən feili birləşmələrlə eynilik təşkil etsə də, bəziləri isə fərqli xüsusiyyətləri ilə seçilir. Belə ki, müasir Azərbaycan dilində feili birləşmələrin birinci tərəfində işlənən yönlük hal, yerlik hal şəkilçisiz işlənə bilmədiyi halda, abidələrin dilində şəkilçisiz yönlük və yerlik hala rast gəlmək mümkündür. Həmçinin bu halların bəziləri müasir dildən fərqli morfoloji xüsusiyyətlərə malikdir. Yönlük hal şəkilçisi həm müasir dildə olduğu kimi - a² formasında, həm də müasir dildən fərqli olaraq -qa² formasında işlənmişdir. Həmçinin yerlik hal şəkilçisi həm -da² formasında, həm də fonetik cəhətdən fərqli formada -ta² formasında işlənmişdir. Eyni fikirləri feili birləşmələrin ikinci tərəfi- feil haqqında da demək olar.

Ədəbiyyat

Müasir Azərbaycan dili. Bakı: Elm, 1981. S. 124–146.
Seyidov. Y. Seçilmiş əsərləri. I cild. Bakı, 2006. S. 229–414.
Kazımov.Q. Azərbaycan dilinin tarixi sintaksisi. Bakı: Elm , 2019. 77 s.
Rəcəbli.Ə. Qədim türk yazısı abidələri. I cild. Bakı: Nurlan, 2009.
Ələsgər A. Əsərləri. Bakı: Şərq-qərb nəşriyyatı, 2004. 400 s.

© Нагиева Т. А., 2022

УДК *398.21*

Надршина Ф. А., Россия, г.Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, д.ф.н., г.н.с.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ В ПОЛЕВЫХ ЗАПИСЯХ З. БИИШЕВОЙ

(по материалам Научного архива УФИЦ РАН)

В сообщении – сведения о фольклорно-языковых материалах, записанных писателем Зайнаб Биишевой в 1946 г. в Кугарчинском районе Башкортостана. Сбор материала (11 неопубликованных сказок волшебно-героического характера; 347 слов с толкованием их значения, сгруппированных по тематике) проведен в рамках деятельности Научно-исследовательского института истории, языка и литературы им. М. Гафури (ныне ИИЯЛ УФИЦ РАН). В фольклорных текстах соблюдены стройность сюжетов, особенности языка и стиля рассказчиков. О высоком качестве записей свидетельствуют и лексические единицы, в которых достаточно четко отражен фрагмент национальной языковой картины мира. Записи хранятся в Научном архиве УФИЦ РАН.

Ключевые слова: *Башкирское народное творчество, сказки, другие жанры, сюжет, язык, стиль, изучение, словари.*

Nadrshina F.A., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature UFRC RAS,
Doctor of Philology, Chief Research Associate

FOLKLORE AND LANGUAGE MATERIALS IN THE FIELD RECORDS OF Z. BIISHEVA

(based on the materials of the Scientific Archive UFRC RAS)

The message contains information about folklore and language materials recorded by the writer Zainab Biisheva in 1946 in the Kugarchinsky district of Bashkortostan. The collection of material (11 unpublished fairy tales of a magical and heroic nature; 347 words with an interpretation of their meaning, grouped by subject) was carried out within the framework of the activities of the M. Gafuri Research Institute of History, Language and Literature (now the Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS). In folklore texts, the harmony of the plots, the peculiarities of the language and style of the narrators are observed. The high quality of the records is also evidenced by lexical units, in which a fragment of the national linguistic picture of the world is clearly reflected. The records are stored in the Scientific Archive of the UFRC RAS.

Keywords: *Bashkir folk art, fairy tales, other genres, plot, language, style, study, dictionaries.*

ХАЛЫҠ ИЖАДЫ ҺӘМ ТЕЛ МАТЕРИАЛДАРЫН ТУПЛАУҘА ЯҘЫУСЫЛАРҘЫҢ РОЛЕ: З. БИИШЕВА (Ғилми архив яҙмалары буйынса)

Башҡорт әҙәбиәте классигы Зәйнәб Абдулла ҡыҙы Биишева ижадының минең рухи донъяма килеп инеүенең үҙенсәлекле тарихы ла бар. Уҙған быуаттың 60-сы йылдары, аспирантураға яңы ғына кергән сағым. Башҡорт халыҡ мәҡәл-әйтемдәрен, йомаҡтарын йыйыу, өйрәнеү һәм шулар буйынса диссертация яҙыу бурысы йөкмәтелгәйне. Тәбиғи, эш материал туплауҙан башланды. СССР Фәндәр академияһы Башҡортостан филиалының Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты ойошторған фольклор экспедицияларында ҡатнашыу, архивтарҙа ултырыу, матбуғат баҫмалары менән танышыу кеүек әҙерлек алымдары. Ғилми етәксем Кирәй Мәргән: “Художестволы китап уҡығанда, әҙиптәрҙең әҫәрҙәрендә ҡулланылған мәҡәл һәм әйтемдәрҙе картотекаға һала барығыҙ”, – тигән иҫкәрмәһе лә күҙ уңынан ысҡындырылманы. Һәҙиә Дәүләтшинаның “Ырғыҙ”, Динис Исламовтың “Йомарт ер”, Зәйнәб Биишеваның “Кәмһетелгәндәр” романдары ошо күҙлектән ҡарап сығылған тәүге әҙәби сығанаҡтар булды. Был әҫәрҙәрҙең һәр береһендә мине ҡыҙыҡһындырған ижад төрҙәре киң ҡулланылыш тапҡайны.

Зәйнәб Биишева романы тәңгәленә килгәндә, унан мин афористик жанрҙарға ҡараған 92 берәмекте һайлап алып, ҡайһы бер иҫкәрмәләр менән (теге йәки был мәҡәл, әйтем ниндәй осраҡта һәм нисек ҡулланылған – өлөшләйме, тулы көйөмө ...) дәфтәремә теркәп ҡуйғанмын.

Шул ваҡытта “Кәмһетелгәндәр”ҙә башҡорт халҡының фольклор мираҫы – йыр-риүәйәттәре, легендалары, әкиәттәре, айырыуса йола, ғөрөф-ғәҙәттәре – тураһында ифрат ҙур мәғлүмәт тупланғанлығы күренде. Телдән һөйләнелеп, көйләнеп йөрөгән һүҙ сәнғәте өлгөләренең хикәйәләүгә тәбиғи үрелә барыуы, бер яҡтан, яҙыусының фекер ағышын ситкә тайпылдырмайынса, әҫәр ерлегенең тәрәндәге сығанаҡтарын аңларға ярҙам итһә, икенсенән, авторҙың яҙыу оҫталығын раҫлап тороусы мөһим бер күренәткес тә ине. Ҡыҫҡаһы, ифрат киң мәғлүмәт, тел байлығын туплаған, ҡиммәтен юғалтмай торған оло рухи хазина һымаҡ ҡабул иттем мин романды. Тойғо, тәьҫораттар күңелгә ғүмерлеккә ҡалды: аҙаҡ Зәйнәб Абдулла ҡыҙының (беҙ, йәштәр, уны яратып “Зәйнәб апай” тип кенә йөрөтә торғайныҡ) баҫылған әҫәрҙәре уҡыла, мәҡәл-әйтемдәре, тапҡыр һүҙҙәре ҡәләм осона алына барҙы. Әммә һүҙем бөгөн улар хаҡында түгел. Өҫтәп шуны ғына әйтә алам: яҙыусылар әҫәрҙәренән картотекаға һалынған текстар “Башҡорт халыҡ ижады. Мәҡәл һәм әйтемдәр” томдарына (1980, 2006, 2019) индерелгәнсе, ентекле һайлап алыу этабы үтә (фондта булмаған мәҡәл-әйтемдәрҙе асыҡлау, билдәле булғандарының әһәмиәтле варианттарын күҙ уңынан ысҡындырмау, аңлатмалар талап итә торған лексик берәмектәрҙе иғтибарһыҙ ҡалдырмау һәм башҡа шуның кеүек эштәр).

* * *

“Бирәйем тигән ҡолона сығарып ҡуйыр юлына” тигәндәй, күп йылдар үткәс, миңә Зәйнәб апай Биишеваның Рәсәй фәндәр академияһы Өфө фәнни үҙәгенең Ғилми архивында (хәҙер – Өфө федераль Ғилми-тикшеренеү үҙәге архивы) һаҡланған ике ҡулъяҙмаһы менән танышыу бәхете тейҙе. Беренсеһе – “Башҡорт халыҡ әкиәттәре һәм фронт көләмәстәре” тип исемләнгән папка (һаҡлау берәмеге)[42] эсендә яҙыусы тарафынан 1946 йылда Башҡортостандың Күгәрсен районына ҡараған Санъяп ауылында Мәҡсүт балалар йортонда тәрбиәсе булып эшләгән Хаят Ғәбделхаҡ ҡыҙы Ишбаеванан һәм Туйымбәт ауылында колхозсы Абуталип Ғәлиәскәр улы Аҡбәровтан яҙып алынған башҡорт халыҡ әкиәттәре. Барлығы – 11 әкиәт [Ғилми архив, 143]. “Әкиәттәр уның [информанттың – Ф.Н.] һөйләүенсә, һис бер үҙгәрешһеҙ яҙылды”, тигән иҫкәрмә менән бирелгән. Ысынлап та, яҙмаларҙың сифаты ҡайһы бер текстарына күҙ йүгертеп сыҡҡанда уҡ һиҙелде: әкиәттәр төҙөк сюжетлы, халыҡсан телле – еңел уҡыла. Уларҙың ксерокопияһын эшләтә башланым да туҡтап ҡалдым: башта асыҡларға кәрәк: “Башҡорт халыҡ ижады” томдарына индерелгәндәрме был яҙмалар, юҡмы? Нисек кенә ғәжәп тойолмаһын, материалдар баҫылмаған, йәғни ғилми әйләнешкә индерелмәгән булып сыҡты.

Оло яҙыусыбыҙ Зәйнәб Биишева ҡулы менән ҡағыҙға теркәлеп, архивҡа тапшырылған халыҡ әкиәттәрен әҙиптең яҡты иҫтәлегенә бағышланған айырым йыйынтыҡ рәүешендә лә баҫтырып сығара ала инем (әкиәт жанры минең өсөн бөтөнләй ят өлкә түгел), әммә уйымдан кире ҡайттым: ни тиһәң дә ҡомартҡыларҙың күп томлы баҫмаларға инеп ҡалыуы мөһимерәк бит, бигерәк тә әлеге көндә лә Тарих, тел һәм әҙәбиәт институтында “Башҡорт халыҡ ижады”ның сираттағы томдарын әҙерләү буйынса эштәр барғанлығын иҫтә тотҡанда.

Шуға ла, ваҡыт факторын уйлап, З. Биишева яҙмаларын ғилми әйләнешкә индереүҙе тиҙләтеү маҡсатында архивтан тапҡан мәғлүмәттәремде бүлек мөдире, әкиәттәрҙе өйрәнеү тәңгәлендә ҙур тәжрибә туплаған коллегам Гөлнур Хөсәйеноваға тәҡдим иттем (үҙемә икенсе темаға ҡараған эштәр планлаштырылғайны). Гөлнур Рауил ҡыҙы тиҙ арала материалдарҙы компьютерҙан үткәреп, әкиәттәрҙең ҡыҫҡаса йөкмәткеһен яҙып сыҡҡас, фәндә киң ҡулланылған халыҡ-ара каталогтар нигеҙендә сюжеттарҙың тибын билдәләне, ҡулъяҙмалағы текстарҙы әкиәт томдарында баҫылып сыҡҡан ҡайһы бер оҡшаш мотивлы вариантттар менән сағыштырып, айырымлыҡтарын күрһәтте. Тикшеренеүҙәренә йомғаҡ яһап, автор түбәндәгеләрҙе яҙа: “XX быуаттың тәүге яртыһы аҙаҡтарында һөйләү теленән яҙып алынған әкиәттәрҙән жанрҙың шул замандағы торошон, йәшәү рәүешен билдәләп була. Күренеүенсә, был осорҙа героик характерҙағы әкиәттәр халыҡ хәтерендә яҡшы ғына һаҡланып, йәшәүен дауам иткән, ә хәҙерге экспедицияларҙа улар бик һирәк кенә осрап ҡуя” [Хөсәйенова, 2019, 399]. Тимәк, яҙмаларҙың әһәмиәте (ҡиммәте) бермә-бер арта тигән һүҙ. Өҫтәп шуны ла әйтергә кәрәк: Зәйнәб Биишева яҙып алған тылсымлы-героик характерҙағы 11 әкиәттең 10 берәмегенең сюжеттары буйынса халыҡ-ара әкиәт каталогтарындағы сюжет типтарына тура килеүе халҡыбыҙ мәҙәниәтенең тәрәндәге тамырҙарының күрһәткесе лә ул. Әлбиттә, быны мин ун әкиәткә таянып ҡына әйтмәйем: Әкиәт белгестәренең (Л.Г. Бараг, М.Х. Минһажетдинов, Ә.М. Сөләймәнов, Г.Р. Хөсәйенова) билдәләүенсә, “Башҡорт халыҡ ижады”ның әкиәттәргә бағышланған биш китабындағы текстарҙың күпселеге халыҡ-ара каталогтарындағы сюжеттар менән бер типта. Әкиәттәребеҙ дөйөм кешелек мәҙәниәте системаһында барлыҡҡа килеп, быуаттар һуҙымы аша үткәндә, үҙҙәренең мотивтарын, архаик һыҙаттарын юғалтмай артабанғы быуындарға тапшыра килгән ижад төрө. Зәйнәб Биишева яҙып алған әкиәттәрҙең Аарне-Томпсон каталогы буйынса халыҡ-ара типтары иһә түбәндәгесә: “Балыҡсы ҡарт” (АТУ 303), “Тимерсе егет” (АТУ 400), “Алтын тау” (әкиәт-легенда), “Һөнәрле егет” (өлөшсә АТУ 654B), “Ҡырыҫ ҡанат” (АТУ 315), “Алтын балдаҡ” (АТУ 560), “Сауҙагәр Сәғит” (АТУ 567 + АТУ 303 + АТУ 566), “Алтын ҡош (башы АТУ 551+АТУ 550), “Алтын тараҡ” (АТУ 567 + АТУ 518), “Люндун” (АТУ-) [Хөсәйенова, 1972, 1976(1), 1976(2), 1978 йылдарҙа сыҡҡан “Башҡорт халыҡ ижады” томдарындағы сюжеттар күрһәткесенә таянып].

Башҡортостандың халыҡ яҙыусыһы Зәйнәб Абдулла ҡыҙы Биишеваның фольклор яҙмаларын ғилми әйләнешкә индереү буйынса тәүге аҙымдар яһалды тиергә мөмкин. Хәҙер инде материалдарҙың тулы яҙмаһын “Башҡорт халыҡ ижады”ның сираттағы бер томында баҫылып сығыуын көтөргә ҡала (планлаштырылды).

* * *

Зәйнәб Биишеваның Ғилми архивта һаҡланған икенсе ҡулъяҙмаһы башҡорт тел ғилеменең лексикография тармағына ҡараған материалды үҙ эсенә ала. “Күгәрсен районының Мәҡсүт, Октябрь һәм Юлдыбай ауыл советтәрендә йәшәүсе башҡорттарҙан йыйналған һүҙҙәр. Һүҙҙәрҙе йыйнаусы Зәйнәп Биишева. Июль-август, 1946 йыл” [Ғилми архив, 149] тип исемләнгән был ҡулъяҙма 17 биттән тора, унда, темаларға бүленеп, аңлатмалары менән 337 һүҙ индерелгән. Ҡайһы бер һүҙҙәргә русса

[42] Был һаҡлау берәмегенә З. Биишева материалдарынан тыш, Шакир Насыров менән Әхнәф Харисов яҙмалары теркәлгән. Әһәмиәтле яҙмалар, үкенескә күрә, ҡара буяуҙары уңып бөтөп бара. Әгәр тиҙ арала яңыртыу сараһы күрелмәһә, текстарҙы киләсәктә уҡып булмаясаҡ.

аңлатма бирелгән (бында курсив менән билдәләнде). Бер нисә урында аңлатмаға ҡушып, яҙыусының үҙ ҡулы менән һүҙ аша бирелгән әйберҙең һүрәте лә төшөрөп ҡуйылған.

3. Биишева ҡулъяҙмаларының Ғилми архивҡа килеп инеүе – осраҡлы хәл түгел. Билдәле булыуынса, Башҡортостан милли мәҙәниәт ғилми-тикшеренеү институты (хәҙерге Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты) үҙенең ойоштороло ған ваҡытынан бирле гуманитар фәндәрҙең төрлө тармаҡтары буйынса даими рәүештә ғилми тикшеренеүҙәр үткәреү, уларҙың текстологик базаһын булдырыу тәңгәлендә зур эштәр башҡарған һәм башҡара, унда бигерәк тә халыҡ ижады әҫәрҙәрен йыйыу, һүҙлектәр төҙөү һәм нәшер итеү эштәре киң йәйелдерелгән. Был өлкәгә халҡыбыҙҙың күренекле әҙиптәре, шағирҙарының ылыҡтырылыуы, институттың тәүге йылдарҙағы директорҙары булып Ғабдулла Амантай, Афзал Таһировтарҙың тороуы үҙе генә лә күп нәмә тураһында һөйләй. Бөйөк Ватан һуғышы йылдарында (1941-1945) туҡтай яҙып ҡалған фәнни башланғыстар һуғыштан һуңғы осорҙа яңынан тергеҙелә. Институт менән хеҙмәттәшлек иткән яҙыусылар диалектологик экспедицияларҙа ҡатнашып, бүлек мөдирҙәре тарафынан әҙерләнгән етәксе күрһәтмәләр (инструкция, анкеталар) буйынса, ҡиммәтле фольклор әҫәрҙәре, тел материалдары йыйған. Яҙмалар Институт фондына, һуңғараҡ Ғилми архивҡа тапшырылған. Зәйнәб Абдулла ҡыҙы Биишеваның ҡулъяҙмалары – шулар иҫәбендә. Аңлатмалар менән бирелгән икенсе ҡулъяҙмаға өҫтәмә мәғлүмәттәр талап ителмәгәнлектән, түбәндә яҙыусы тарафынан тупланған материалдарҙан ҡайһы бер үрнәктәр килтереү менән генә сикләнергә булдыҡ.

Әҙибә һүҙҙәрҙе түбәндәге төркөмдәргә бүлеп урынлаштырған:

Ҡортсолоҡҡа бәйле булған һүҙҙәр (барлығы – 18 һүҙ)

Моҙға – ҡабыҡ тирәсле йүкә иләк. Иләктең бер яғы сепрәк пәрҙә менән ҡапланған. Айырған күсте бикләү өсөн хеҙмәт итә.

Һоҫа – оҙон һаплы һай ғына ағас сүмес. Күсте һарыған урынынан шуның менән һоҫоп алып моҙғаға һалалар.

Күҙлек – ҡабыҡ тирәсле йүкә иләк. Ҡорт ҡарағанда биткә кейелә.

Ҡорт һарыуы – айырған күстең берәр ергә барып ойошоп тороуы.

Биләм – ағас башына ҡуйылған умарталарҙы, солоҡтарҙы эҙләп табып, тикшереп ҡабул итеп йөрөүсе разведчик ҡорттар [“Башҡорт теленең диалекттары һүҙлеге”ндә (Өфө: Китап, 2002): биләм (көньяҡ диалект) – бал ҡорто күсе – пчелиный рой]. Бында һәм артабаг һүҙлектәрҙән алынған ҡайһы бер өҫтәмәләр минең тарафтан индерелде. – **Ф.Н.**

Балыҡсылыҡҡа бәйләнешле һүҙҙәр (37 һүҙ)

Йәлдәү – мурҙа йәки нәрәтәнең, ингән балыҡ кире сыҡмаһын өсөн, үреп ҡуйылған эске ҡаты [“Башҡорт теленең һүҙлеге”ндә (М., 1993. Т. 1.) йәлдәү – мурҙаның ауыҙланып эскә инеп торған өлөшө].

Ҡур – яҙғы ташҡында кире-аҡма ерҙә үрләгән балыҡтарҙы аулау ҡоралы.

Һеүән – йәлдәүһеҙ мурҙа. Йылғаның шарлауығына үргә ҡаратып ҡуйыла. Һеүәнгә төшкән балыҡ шарлауыҡҡа ҡаршы йөҙөп сыға алмай: тиҙ-тиҙ ҡарап тормағанда, балыҡ үлә.

Гөмбөр – балыҡ ҡурҡытҡыс ҡорал. Уның менән балыҡтарҙы ауға табан ҡыуалар.

Һөҙгө – йылғаға арҡыры һуҙып балыҡ һөҙөлә [балыҡты һөҙөп тота торған ау, йылым – БТҺ. Т. 2].

Яр мурҙаһы – тәрән ергә, яр буйына эсенә таш тултырып ташлана. Йәлдәү алды бик зур көймәнән үрелә.

Хайуан һәм ҡоштарҙың исемдәре (29 һүҙ)

Йылҡы, һыйыр, һарыҡ һәм кәзә малының йәшенә ҡарап, атамалары бирелә.

Сәңгәр башмаҡ – һуң тыуыу арҡаһында йәше етмәҫ элек башмаҡҡа сыҡҡан бызау.

Сәңгәр тана – һуң тыуыу арҡаһында йәше етмәҫ элек танаға сыҡҡан башмаҡ.

Бәрәс (һарыҡ йә кәзә бәрәсе) – беренсе йәштә.

Бәрән кәзә йәки бәрән һарыҡ – икенсе йәштә.

Шешәк кәзә, шешәк һарыҡ – өсөнсө йәштә.

Тәкә, кәзә, һарыҡ – өс йәштән юғары.

Йорт, кәртә-ҡура исемдәре (19 һүҙ)

Ялан кәртә – йылы көндөҙҙә малды көндөҙ сығарып ҡуйы өсөн түбәһе ябыуһыҙ, киң уратма.

Лапаҫ – түбәһен ҡыйыҡламай ябылған кәртә-һарай. Күбеһенсә һыйыр малы тора.

Һарай – түбәһе ҡыйыҡлап ябыла. Ситәндән йә бүрәнәнән эшләнә. Аттар тора.

Аран – кәзә-һарыҡ ояһы.

Аласыҡ – йәйге көндә аш бешереү урыны. Ҡабыҡтан йә ситәндән эшләнә.

Әүеҫлек – ялан кәртәгә, һарайға һуғып эшләнә. Түбәһе ябыҡ, стенаһы юҡ. Бағаналар ҡағып ҡына эшләнә. Ҡар, ямғыр яуғанда мал уның аҫтына инеп тора.

Синнек – ситән келәт.

Әйбер етештереү ҡоралдары исеме (29 һүҙ)

Ҡаба – ағас тараҡ. Киндерҙе шуға тарап ҡуйып иләйҙәр.

Ҡолға – йөн иләгәндә йөндө бәйләп ҡуйыла торған таяҡ.

Ҡаба төбө – ҡаба йәки ҡолғаны ултыртыла һәм иләүсе ултыра торған таҡта.

Урындыҡ йәки Урын ағасы – киндер, балаҫ һуғыу станогы.

Һоҫа – сүре ҡуйылған ағас һауыт.

Сүре – арҡаулыҡ еп уралған сүре.

Ҡалтырса – сүрегә еп урай торған ҡорал.

Борғоса – һуғылған киндерҙе йомарлап барыла торған таяҡ.

Табалдырыҡ – аяҡ менән баҫып ултырыла.

Кирге энәһе – *крючок* [бында һәм артабан курсив минеке – **Ф.Н.**].

Ойоҡ энәһе – биш энә.

Шәл энәһе – ике энә.

Кейеҙ энәһе – быйма төпләгәндә ҡулланыла торған энә.

Ҡамыт энәһе – ҡамыт яһағанда ҡулланыла торған ҙур энә.

Соҡалта – мейестең ҡомған ултыртып ҡуя торған урыны. Унда ҡомғандың һыуы йылып ултыра.

Һикәлтә – мейестең шырпы, сыра кеүек нәмәләрҙе һалыу өсөн ҡалдырылған урыны.

Көлдөксә – мейес йәки усаҡтың алдында торған бәләкәй майҙансыҡ.

Ҡашаға – мейес йәки усаҡтың маңлайы.

Өй, йорт-ер әйберҙәренең исемдәре (71 һүҙ)

Аяҡ – ҙур аш табағы (ағастан).

Таштабаҡ – *тәрилкә*.

Ашлау – бик ҙур ағас табаҡ. Күберәк әсе икмәк баҫыу өсөн ҡулланыла.

Ялғаш – *корыто*.

Һелкеүес, елпеүес – һай йәйенке ялғаш. Он иләү йәки тары төйгәндә елпетеп, уның кәбәген сығарыу өсөн хеҙмәт итә.

Тағараҡ – бәләкәй ялғаш. Тышта эткә аш һалыу, ҡош-ҡортҡа ем һалыу өсөн хеҙмәт итә.

Сүгәтә – бәләкәй ағас һауыт. Һурпа эсеү өсөн ҡулланыла.

Баҙыян сүгәтә – бик матурлап, буталлап эшләнә.

Туҫтаған – ағастан. Сүгәтәгә ҡарағанда тупаҫыраҡ һәм ҙурыраҡ итеп эшләнә. Ҡымыҙ һалып эсеү өсөн хеҙмәт итә.

Ҡулсаҡ – һыйыр йәки йылҡының ҡул тиреһенән яһала. Һыбайлы кеше өсөн ҡымыҙ тултырып, эйәр алдына һалып ебәреү өсөн ҡулайлап эшләнгән.

Ботноҡ – шул уҡ хеҙмәт өсөн малдың бот тиреһенән эшләнә.

Алап – ашлыҡ йәки он һалыу өсөн, ҡабыҡтан эшләнә.

Бейә ағытыу – кискә табан бейәне аҙаҡҡы тапҡыр һауып, ҡолондарын ҡушып яланға ҡыуыу.

Бейә кеҙәләү – уҫал бейәне һауғанда бер арт аяғын үҙенең үңәсенә тарттырып бәйләп ҡуйыу.

Тубал – ҡабыҡ тоҡ. Киптерелгән ҡоротто һалып, ҡыйыҡ эсенә элеп ҡуйыла.

Ҡомай – балсыҡтан эшләнгән сеүәтә.

Йәмкә – *щипцы*.

Урын тартмаһы – бейек өйөлгән урын йығылмаһын [аумаһын – **Ф.Н.**] өсөн юғарынан түбәнгә тарттырып ҡуйыу өсөн. Ҡораманан матурлап эшләнә.

Кейем-һалым һәм биҙәнеү әйберҙәре (51 һүҙ)

Көйөҙ – *ковер*.

Кейеҙ – йөндән баҫыла.

Балаҫ – урындыҡҡа түшәү өсөн кәзә йөнөнән һуғыла.

Иңер бау – төймә урынына тағылған бау. Ул суҡлап, матурлап эшләнә.

Кәпәс – ҡорайыш – *шапка*.

Мөһөр – еләнде төрлө ебәк менән мөһөрләп сигеү.

Ҡалын шәл – *байковый шәл*.

Йоҡа шәл – кашемир йә ефәк шәл.

Дебет шәл – кәзә дебетенән эшләнгән.

Йөн шәл – һарыҡ йөнөнән бәйләнгән шәл.

Таҫтар – әбейҙәр яулығы.

Аҫтар – кейем эсенә, мамыҡҡа ҡуйылған марля.

Инес – күлдәктең яурыны тиҙ туҙмаһын өсөн эстән әйбер ҡуйып, ике ҡатлап тегелә.

Камар [кәмәр] – көмөш менән биҙәп, суҡлап, ҡаптырмалап эшләнгән бил ҡайышы.

Ҡалта – аҡса һауыты [Бил ҡайышына тағып йөрөй торған ауыҙы бөрмәле күн моҡсай; *диал.* аҡса янсығы – БТһ. Т. 2].

Ашамлыҡ әйберҙәренең исемдәре (42 һүҙ)

Ҡул һалмаһы – ҡамырҙы уҡлау менән йәймәй, ваҡ ҡына итеп ус төбөндә йәйеп, гөмбәҙләп яһала.

Самбуса – малдың үпкә, бауырын бергә төйөп, ваҡ ҡына ҡыя бәлештәр яһап майҙа бешерелә.

Суспәрә – эремсек билмәне [сүсбәрә – БТҺ, Т. 2].

Ҡарға бутҡаһы – яҙ көнө, һабан бөткәс, ҡатын-ҡыҙ ҡырға сығып тары бутҡаһы бешереп саҡырыша. Ике ауыл ҡатындары йәки бер ауылдың үрге ос, түбәнге ос ҡатындары ҡара-ҡаршы саҡырыша.

Баш-тояҡ ашы – яҙ көнө һуғымдың баш-тояғын бешереп саҡырышҡандар.

Бәпкә ашы – яҙ көнө, яңы моронлаған көпшәне йыйып, күкәй турап бешерелә.

Күҙә – арпаны төйөп, ярма яһап бешерелгән өйрә. Әсе ҡатыҡ менән ҡатыҡлап эсәләр.

Ҡороаш – итһеҙ аш.

Өтәҫләгән ит – ҡаҡлаған итте ағас башына элеп, утта көйҙөрөп бешерелгән ит.

Йыуаса – ваҡ көлсә.

Туғанлыҡ бүленешен күрһәткән һүҙҙәр (29 һүҙ)

Мырҙа – *мл. брат* [младший брат].

Еләк-емеш исемдәре (12 һүҙ)

Бөлдөргән – бөрлөгән – ежевика.

Еҙәй – *боярышник*.

Турғай еләге – *малина*.

Үрҙә килтерелгән ҡайһы бер берәмектәр буйынса ғына ла Зәйнәб Биишеваның алдына ҡуйылған маҡсат-бурыстарға яуаплы мөнәсәбәте, төпсөнөү һәләте, һүҙҙәрҙең мәғәнәһен аңлатыуы, исемләнгән теге йәки был әйберҙең нимәнән яһалыуы, тәғәйенләнеше, ҡулланылышы һ.б. шуның кеүек мәғлүмәттәрҙе тулы килеш, еренә еткереп, бер үк ваҡытта анкета талаптарынан ситләшмәй, ҡағыҙға теркәргә ынтылғанлығын тоймау мөмкин түгел (аңлатмалар һүҙҙәрҙең беренсел, төп мәғәнәләре буйынса бирелгән). Ә инде материалды баҫылып сыҡҡан аңлатмалы һүҙлектәр менән сағыштырып ҡарау – үҙе бер мауыҡтырғыс өлкә. Ғөмүмән, Зәйнәб Биишева әҫәрҙәренән миҫал килтерелмәгән ҙур күләмле аңлатмалы һүҙлек юҡ (былай тигәндә күҙ уңында тотола: “Башҡорт теленең һүҙлеге. Ике томда. М., 1993 [Әкрәм Биишев етәкселегендә әҙерләнгән], “Башҡорт теленең академик һүҙлеге. Ун томда / Ф.Ғ. Хисамитдинова редакцияһында. Өфө: Китап. 2011–2018).

Башҡортостандың халыҡ яҙыусыһы Зәйнәб Абдулла ҡыҙы Биишеваның тауҙай ижады ерлегендә әле килтерелгән архив яҙмалары тауҙағы бер ҡом бөртөгө кеүек кенә лә күренер, бәлки. Миңә ҡалһа, үҙенең тыуған ерендә, бар күңелен биреп, халҡының тел гәүһәрҙәрен бөртөклəп йыйып йөрөгән әҙибә ғүмеренең бер илһамлы мәле лә сағыла был яҙмаларҙа һәм шуның менән улар бигерәк тә ҡәҙерле. Мәл һәм оҙайлы ғүмер юлы... Ул мәлдәрҙең иҫәбе-һаны булдымы икән? Тупланған тел байлығы, һүҙҙәр аша юғары сәнғәти алымдар, оло оҫталыҡ менән башҡорт халҡының замандар буйы формалашҡан, ваҡыты-ваҡыты менән үҙгәрә килгән донъя картинаһы яҡтыртылған... Бының өсөн тыумыштан бирелгән талант “ойотҡоһоноҡ” өҙлөкһөҙ хеҙмәт менән тулыландырылыуы, ил, тел тойғоһоноҡ көслө булыуы фарыз. Олуғ яҙыусыбыҙ Зәйнәб Биишева аңында был тойғолар изге төшөнсәләр дәрәжәһендә. Авторҙың “Башҡорт теле” исемле шиғыры – шуға дәлил:

<...>
Диңгеҙҙәргә тиңләмәйем – тәрәнһең һин,
Айға-көнгә тиңләмәйем – гүзәлһең һин,
Ҡаяларға тиңләмәйем – бөйөкһөң һин,
Эй хикмәтле, мәрхәмәтле башҡорт теле!
<...>
Минең өсөн һин бит йәшәү, бәхет үҙең,
Мәңге йәшә, эй, һөйөклө башҡорт теле,
Атам теле, әсәм теле – минең телем!

Әҙәбиәт

Ғилми архив, 143 – Өфө федераль тикшеренеү үҙәгенең ғилми архивы: фонд 3, яҙма 2, һаҡлау берәмектәре 143, 1–70-се, 157–197-се ҡағыҙҙар.

Ғилми архив, 149 – Өфө федераль тикшеренеү үҙәгенең ғилми архивы: фонд 3, яҙма 2, һаҡлау берәмектәре 149, 1–17-се ҡағыҙҙар.

Хөсәйенова Г.Р. Ғилми архивта һаҡланған рухи хазиналар (З. Биишеваның 1946 йылда яҙып алған әкиәттәре) // Башкирский язык и литература в условиях глобализации и полиэтнической среды: опыт и перспективы. Материалы международной науч.-практ. конф. Уфа, 2019. С. 396–400.

© Надршина Ф. А., 2022

УДК *811.162.1*

Никитевич А. В., Беларусь, г. Гродно
Гродненский государственный университет, профессор

СЛОВА-ОТНУМЕРАТИВЫ В РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ГОВОРАХ. МОТИВАЦИЯ СЛОВОМ ОДИН (АДЗІН)

Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу слов-отнумеративов в русских и белорусских говорах. Производные единицы, мотивированные числительным один (адзін), относятся к широкому спектру словообразовательных значений. Представляя слова различных частей речи, данные единицы рассматриваются не только как результат реализации деривационного потенциала числительного один, но и как факты, отражающие особенности культуры русского и белорусского народов. Производные слова-отнумеративы в составе различных фрагментов словообразовательных гнезд (словообразовательных парадигм и цепочек) заслуживают самого пристального внимания.

Ключевые слова: *слова-отнумеративы, русские и белорусские говоры.*

Nikitevich A. V., Belarus, Grodno
Yanka Kupala State University of Grodno, Professor

DENUMERALS IN RUSSIAN AND BELARUSIAN DIALECTS. MOTIVATION BY THE WORD *ONE (ADZIN)*

This article is devoted to a comparative analysis of numerals in Russian and Belarusian dialects. Derived units motivated by the numeral one (adzin) refer to a wide range of derivational meanings. Representing the words of different parts of speech, these units are considered not only as a result of the realization of the derivational potential of the numeral one, but also as facts reflecting the cultural peculiarities of the Russian and Belarusian peoples. Derived words-denumerals as part of various fragments of derivational nests (word-forming paradigms and chains) deserve the closest attention.

Keywords: *denumerals, Russian and Belarusian dialects.*

Хорошо известно, что язык говоров обращает нас к истории, к недавнему прошлому. В целом ряде слов можно обнаружить чрезвычайно интересную в познавательном плане информацию о тех или иных особенностях материальной или духовной культуры восточных славян, в частности, русских и белорусов.

Среди слов различных частей речи, способных выступить в качестве производящих основ в диалектной речи, немалый интерес могут вызвать имена числительные. Как пишет Н. Д. Арутюнова, «число являет собой, возможно, наиболее отвлеченный от материальной и событийной реальности концепт, и в то же время в жизни и в сознании человека число тесно связано и постоянно взаимодействует с предметным миром» [Арутюнова, 2005, 6]. Богатый фактический материал подтверждает когнитивную значимость идеи числа, отношений количества в русской и белорусской народной культуре и своеобразие представления всего, так или иначе связанного с числом, в производных словах, появившихся на основе имен числительных [Никитевич, 2020, 16]. Причем, особую ценность может иметь семантика производных слов, заслуживающих внимания в культурно-историческом плане, и тех, значения которых в системе литературного языка не представлены в виде отдельного слова.

Совершенно очевидно, что «диалектное словообразование восполняет нереализованные возможности, если не формальные, то семантические словообразовательной системы литературного языка» [Никитевич 2012, 147].

Производные, образованные всего лишь от одного слова из разряда имен числительных, например, слова *один*, могут представлять собой очень интересный семантико-словообразовательный класс родственных единиц. Причем это может касаться слов самых различных частей речи. Ср.:

Одинцом, нареч. ‘На одной лошади (в упряжке)’. Я ехал вечор одинцом. Вят., 1847. Сиб.

Одиноком, *нареч.* ‘На одной лошади (в упряжке)’. Тихв. Новг., 1852. Ехать одиноком. Новг., Даль [СРНГ, т.23, 31].

Когнитивная значимость данного значения для определенного периода в русской народной культуре привела к словесному его выражению в форме наречия, причем в двух словообразовательных вариантах.

Значительным числом диалектных производных единиц, образованных на основе числительного *один* в русских народных говорах, являются имена существительные (по нашим подсчетам, 37 слов). Вполне объяснимо, что в большинстве случаев семантика этих слов так или иначе связана с числом *один*. Ср.:

Одинаковка 1. ‘Единственная дочь или внучка’. *Одинаковка у матери-то, это одна-одинехонька у отца-матери, никого нету. Нинушка-то, внученька, у меня одинаковка.* Пинеж. Арх., 1959.

Одинарок ‘Плуг с одним лемехом’. *Одинарком пахали. Это небольшой плуг с одним лемешом.* Дон., 1975.

Одиначник ‘Единственный работник в крестьянской семье, освобождавшийся при очередном призыве от рекрутского набора’. Даль [без указ. места].

Одинак 1. ‘Человек, живущий одиноко, в одиночестве’. Пск., Осташк. Твер., 1855. 2. ‘Единственный сын в семье’. Южн., Зап., Даль.

В белорусских говорах также отмечены аналогичные и по форме, и по семантике единицы. Ср.:

Адзінак, *Одынак* ‘Адзіны ў бацькоў сын’[СГПЗБ, т.1, 59]. *Адзінок* ‘Той, хто жыве без родных, без сямьи’. Адзінок самотна жыве. Жылі Іўеў [СГПЗБ, т.1, 60].

При сопоставлении процессов деривации в русском и белорусском языках необходимо помнить и о своеобразном распределении материально тождественных единиц по различным подсистемам (литературный язык /говоры). К слову, в белорусском литературном языке отмечено слово *адзінец* с вполне конкретными значениями. Ср.:

Адзінец ‘Зусім адзін, адзінокі, які адбіўся ад статка (пра жывёл)’. *Зубр-адзінец. II* Адзінокі, бессямейны; бабыль. *[Агей] адзін цяпер, адзінцом павінен будзе дажываць свой век.* Галавач [ТСБМ, т.1, 136].

Аналогично: в русских народных говорах отмечено слово *одинота* в двух значениях. Ср.:

Одинота ‘1. Одиночество’. Смол., 1914. Зап., Даль. 2. ‘Бедность’. Смол., 1914 [СРНГ, т.23, 31].

Формально та же единица отмечена и в белорусских говорах. Ср.:

Адзінота ‘Самотнасць’. Сядзеў на адзіноця каля лесу [СГПЗБ, т.1, с.60]. Стоит обратить внимание на тот факт, что данное белорусское слово отмечено и в СГПЗБ и в ТСБМ. Ср.:

Адзінота 1. ‘Адасобленасць у выніку страты родных ці блізкіх або ў выніку жадання пабыць (пажыць) асобна ад іншых’. *— Люблю, ведаеце, адзіноту. А .. тут такі прыгожы лес, што так і цягне мяне.* Крапіва. 2. ‘Бязлюднасць, сіратлівасць’. *Адзінотай і. пустэчай Ўсюды веяла з палёў.* Колас. 3. ‘Стан адзінокага чалавека як вынік адчужанасці, разрыву з навакольныя асяроддзем; адзіноцтва’. *Адчуць адзіноту. Пачуццё адзіноты.* □ *[Наталя] адчувала, што., памылка яе прывяла да самага страшнага — да адзіноты, калі ты хаваеш сябе ад другіх.* Скрыган [ТСБМ, т.1, 137].

В связи с этим возникает вопрос о статусе подобных слов с аналогичной семантикой в белорусском языке.

И в русском языке, и в белорусском есть слово *одиночка* (*адзіночка*). В белорусском языке, по данным ТСБМ, у слова *адзіночка* можно выделить 2 значения. Ср.:

Адзіночка ‘1. Той, хто адзін, без сям'і, не ў пары’. *Усе настаўніцы і настаўнікі-адзіночкі харчаваліся ў сталовай.* Дубоўка. // Той, хто робіць што-н., займаецца чым-н. адзін, без ўдзелу, без дапамогі іншых. *Герой-адзіночка. Саматужнік-адзіночка.* 2. ‘Тое, што разлічана на аднаго чалавека’. *Лодка-адзіночка. Пасадзіць у адзіночку* [ТСБМ, т.1, 137].

В русском литературном языке, по данным БАС, у слова *одиночка* выделяется 6 значений. Ср.:

Одиночка 1. Разг. ‘Человек, находящийся вдали от других людей, отделившийся почему-либо от них’. 2. Разг. ‘Одинокий человек, не имеющий родных и близких, или человек, не имеющий семьи, живущий без семьи’. 3. Разг. ‘Тюремная камера для одиночного заключения’. 4. Спец. ‘Гоночная лодка с одним гребцом’. 5. ‘Упряжка в одну лошадь’. 6. ‘В дореволюционной России – единственный работник в крестьянском семействе, освобождавшийся от рекрутской повинности’ [БАС, т.8, 678].

При этом любопытно сопоставить общелитературное слово русского языка с диалектным, в котором, с учетом информации, размещенной в СРНГ, присутствуют и другие, весьма любопытные значения, а общее количество значений у единиц, представляющих рассматриваемые подсистемы русского языка, не совпадает. Ср.:

Одиночка 1. ‘Единственный сын или единственная дочь в семье’. Волог. Волог., Копаневич. ‘Единственный сын, работник в семье, который освобождался от очередного рекрутского набора’. Даль [без указ. места]. Одиночка – в солдаты не уйдет. Вят., 1907. 2. ‘Единственный работник в семье’. Мужик одиночка, Вят., 1907. 3. ‘Крестьянин, отделившийся от семьи’. Все стали одиночки. Моск. Моск., 1910. 4. ‘Одна лошадь в упряжке’. Сиб., 1854. *Одиночкой*, в знач. нареч. ‘На одной лошади’. Соликам. Перм., 1853. 5. ‘Изба из одной комнаты’. Мне зять только недавно эту одиночку поставил. Ордын. Новосиб., 1964–1965. 6. ‘Одиночный куст, цветок, одно дерево и т. п.’ Смол., 1914. Ворон. 7. ‘Форма для изготовления одного кизяка’. Соль-Илецк. Чкал., 1955. 8. ‘Вид иконы’. Шуйск. Иван.-Вознес., 1911. 9. *Одиночки*, мн. ‘Первый набор камушков, которыми определяется успех при игре в щелчки’. Она уже на четверках, а я еще на одиночках. Новг. Новг., 1904 [СРНГ, т.23, с.31 – 32].

Семантика этого диалектного слова, как, впрочем, и многих других, заслуживает внимания в культурно-историческом аспекте.

В Словообразовательном словаре белорусского языка [Бардовіч, 2000, 26–27] приведено 15 слов, образованных от числительного *адзін* (исключая слова-словосложения): *адзіннаццаць, адзінец, адзінка, адзінкавасць, адзінкавы, адзінокасць, адзінокі, адзінота, адзіноцтва, адзіночка, адзіночны, адзінства, адзіны, адзінюсенькі, адзінюткі*.

Важно, что среди производных единиц в белорусском языке отсутствуют слова таких частей речи, как глаголы и наречия.

В русских народных говорах среди слов-отнумеративов можно найти, как уже было отмечено, наречия и даже глаголы. Ср.:

Одиначитъ ‘Быть одних убеждений, быть заодно с кем-либо’. Даль [без указ. места].

Одиночиться ‘Дичиться, искать одиночества’ Даль [без указ. места] [СРНГ, т.23, 27, 31].

Словами *одинцом* и *одиноком* наречия в русских народных говорах не исчерпываются. Отмечено еще десять слов. Ср.: *одинак*, *одино*, *одиново*, *одинова*, *одиноват*, *одинову*, *одиножды*, *одинаковато*, *одиноково*, *одинолично*.

Существенно, что многообразие единиц не сказывается на количестве выражаемых значений: их совсем немного. Слова *одиново*, *одинова*, *одиноват* и *одинову* фактически являются своеобразными вариациями одного и того же наречия. Ср.:

Одинова, нареч. 1. ‘Один раз’. Одинова я только бывал у него в дому-то. Охан. Перм., 1854. 2. ‘Однажды; когда-то’. Я одинова был в Москве. Шенк. Арх., 1846. Одинова печь истопила и повалилась спать да зауснула. Арх. Прионеж., Усть-Цилем. Коми АССР, Киров.

Одиноват. Одиноват раз. ‘Однажды’. Дан одиноват раз гулянка была – он так скамейкой и убил ее. Кирен. Иркут., 1970.

Одиново, нареч. ‘Один раз; однажды’. Даль [с пометой «стар.»]. Я была там одиново весной. Печор., 1953. Пинеж., Усть-Цилем. Арх. Еще приду не одиново. Волго-Камье.

Одинову, нареч. ‘Один раз; однажды’. Илим. Иркут., 1969.

Сюда же, по всей видимости, следует отнести и наречие *одино* с тем же значением:

Одино, нареч. ‘Однажды’ [?]. Одино ходила в кино. Сев.-вост. Башк. АССР, Юналеева, 1961.

Самым близким по форме к общеизвестному в системе литературного языка наречию *однажды* в говорах является слово *одиножды*:

Одиножды, нареч. 1. ‘Однажды, как-то раз’. Даль [без указ. места]. Царь захотел одиножды посмотреть от невесток дары, котора из них лучше мастерица? Шадр., д. Перм., Афанасьев. 2. ‘Один раз’. Даль [без указ. места]

Уж вы вспомните, голубушки... Вы меня, молодешеньку, Хотя в день вы одиножды. Если часто покажется – Так в недельку одиножды. Волог., Шейн.

Иную семантическую линию развивают наречия *одинак* и *одинаковато*. Ср.: *Одиноковато*, нареч. ‘Скучновато, одиноко’. Одиноковато жить. Даль [без указ. места].

Одинак, *нареч.* ‘Одиноко, в одиночку’. Пск., Осташк. Твер., 1855. Твер. [СРНГ, т.23, 25].

Диалектное наречие *одиноково* ‘Одинаково’ очевидным образом связано с производящим именем прилагательным *одиноковый* ‘Одинаковый’.

Наличие не единичных фактов, а определенного числа производных слов-отнумеративов в русских народных говорах позволяет выявить и различные объединения родственных слов, например, словообразовательные цепочки. Например:

Один → *одиначитъ* ‘Быть одних убеждений, быть заодно с кем-либо’. Даль [без указ, места] → *одиначество* ‘Единство мнений, согласованность во взглядах; общность в поступках’. Даль [без указ. места]. *Мир одиначеством велик.* Пск., Копаневич [СРНГ, т.23, 27].

Слова-отнумеративы, безусловно, заслуживают самого пристального внимания, поскольку «проекция» идеи числа находит реальное воплощение в значительной части лексического фонда языка и всегда актуальна для отражения различных элементов материальной и духовной культуры славян.

Литература

Арутюнова Н. Д. Проблема числа // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М., 2005. С. 521.

БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Академия наук СССР. Ин-т русского языка. М.: Изд-во Академии наук СССР. Т.1–7.

Никитевич А.В. Семантика числа, числительные и деривация как процесс в русских говорах // Cuadernos de Rusistica Espanola. 2020. № 16. С.15–25.

Никитевич А.В. Опыт описания фрагмента лексико-словообразовательного гнезда (от литературного языка к диалектам) // Ф.М.Достоевский в современном поликультурном пространстве: сборник научных трудов / отв. Ред.: Т.В.Сенькевич. Брест: УО “БрГУ им. А.С.Пушкина”, 2012. С. 141–147.

СГПЗБ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: У 5-ці т. Мн.: Навука і тэхніка, 1979–1985.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; СПб.: Изд-во Академии наук СССР: Институт лингв. исследований РАН. 1965–2016. Выпуски 1–49.

ССБМ – Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы / А.М.Бардовіч, М.М.Круталевіч, А.А.Лукашанец. Мінск: Беларус. Навука. 413 с.

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Акадэмія навук БССР. Ін-т мовазнаўства ім. Я. Коласа. Галоўная рэдакцыя беларускай савецкай энцыклапедыі. Мінск. 1977–1984. Т.1–5.

© Никитевич А. В., 2022

УДК *811.512.15*

Николаев Е. Р., Россия, г. Якутск
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, н.с.

МАСТИ КОРОВЫ

(на материале диалектологических словарей якутского языка)

На материале диалектологических словарей якутского языка рассматриваются диалектные варианты мастей и оттенки мастей крупного рогатого скота. Отмечается специфика мастей коровы. Выявлены фонетические, лексические диалектные признаки, семантика цветообозначений. Проведен сравнительно-сопоставительный анализ с общеякутскими цветообозначениями. Частично восполнена семантика некоторых диалектных слов.

Ключевые слова: *якутский язык, диалектология, цветообозначение, семантика, масть коров.*

Nikolaev E. R., Russia, Yakutsk
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS, Research Associate

COW COLOR

(by the material of dialectological dictionaries of the yakut language)

Dialect variants of suits and shades of suits of cattle are considered on the basis of dialectological dictionaries of the Yakut language. The specifics of the cow's suits are noted. Phonetic, lexical dialect features, semantics of color meanings are revealed. A comparative analysis with the general Yakut color values was carried out. The semantics of some dialect words has been partially completed.

Keywords: *Yakut language, dialectology, color naming, semantics, color of cows.*

Тема масти рогатого скота (коровы, быка) в якутском языке является достаточно разработанной. Изучивший этимологию мастей коровы в якутском языке тюрколог Н. К. Антонов отметил, что «названия мастей рогатого скота, как и названия мастей лошадей, имеют смешанное происхождение» [Антонов, 1971, 36]. Он относит *өрүөс* ‘с белой каймой на морде рогатой скотины черной масти’, *маҥаас* ‘белоголовый’, *күрдьүгэс* ‘бурый, рыжий с темными волосами’ к исконно тюркской, а *эриэн* ‘пестрый’, *малааннаах* ‘белолобый’, *саадьаҕай* ‘с белой полосой вдоль хребта’ – к монгольской лексике. Диалектолог С. А. Иванов на материале заимствованной, общеякутской (Словарь якутского языка Э.К. Пекарского) и диалектной лексики выделил более 30 разновидностей масти крупного рогатого скота: «Мы постарались учесть все создаваемые в течение длительного периода якутскими скотоводами … наименования мастей крупного рогатого скота, но не уверены, что они все учтены» [Иванов, 2018, 60]. О разнообразии мастей аборигенной якутской коровы писал этнограф С. И. Николаев: «Среди большого разнообразия масти якутской коровы преобладают черная, красная, белая, тигровая. Одновременно белохребетность, белогрудость, белая полоса за лопатками, охватывающая туловище, белоногость, белоголовость, белолобость, белощекость являются характерными для масти преобладающего большинства якутского скота» [Николаев, 2009, 72].

Целью данной статьи является описание диалектных наименований мастей и оттенков мастей коровы в якутском языке. Задачи исследования: выявить диалектные наименования мастей и оттенков мастей коров; определить семантику выявленных лексем.

Мы выявили следующие масти и оттенки мастей коровы:

алакаас, амг. ‘пегий’ [ДСЯЯ, 1976, 43], *алычыай*, нюрб. *ала* ‘пегий’ [ДСЯС, 1995, 38]: от *ала* ‘белобокий, в белых полосах поперек туловища, белополосатый (о рогатом скоте); пестрый, пятнистый; скот белобокий, пестрой, пегой масти’ [ТСЯЯ, 2004, 384-385]. Аффиксы *-каас*, *-чыай* имеют модальный оттенок, эмоционально-экспрессивный окрас. *Алакаас* восходит к др.-тюрк. *ala* ‘пегий, в яблоках’, *ala at* ‘пегий конь’ [ДТС, 1968, 32] и бур.-монг. *алаг* ‘полосатый, пёстрый, белобокий, пегий (о масти)’, *алаг эреэн* ‘пёстрый, в пестринах’ [БМРС, 1951, 42].

иэдьэгэй эриэн ‘грязно-пестрый’ [ДСЯЯ, 1976, 110]. Здесь – метафоризация по внешнему сходству: *иэдьэгэй, иэдьигэй*, ‘творог; творог, сделанный из закисшего молока и кипяченый; сушеное кислое молоко (творог)’ [Пекарский, 1959, I, 891]. Ср. бур.-монг. *ээзэгэй* ‘творог’ [БМРС, 1951, 743]. Оттенок имеет исходное цветообозначение *эриэн* ‘разноцветный, пегий, пестрый, полосатый’ [БТСЯЯ, 2018, 325]. В данное семантическое поле входит и *эриэгий*, *эриэгийэ,* сад. от *эриэн* ‘пестрый’ [ДСЯС, 1995, 251]. О широкой распространенности этой масти свидетельствует и якутский ономастикон, в котором присутствуют клички коров, непосредственно обозначающие масть: *Эриэгийэ, Эриэлдьэ* ‘пеструха, пеструшка; кличка пестрой коровы’ [Боло, 1994, 298]. Здесь уместно привести как пример древнетюркскую пословицу, касающуюся масти лошади – *ала* ‘пегая’: *kiši alasï ičtin, jïlqï alasï taštïn* ‘пестрота (т.е. хитрость) человека изнутри, пестрота животного снаружи’ [ДТС, 1969, 201]. В якутском варианте эта пословица звучит так: *киһи эриэнэ иһигэр, көтөр эриэнэ таһыгар* ‘пестрота человека внутри его, пестрота птицы – вне ее’ [СЯПиП, 1965, 89], *киһи эриэнэ иһигэр, сүөһү эриэнэ таһыгар* ‘пестрота человека внутри его, пестрота скота – вне ее’ [КТО, 1982, 27]. *Эриэн* имеет монгольское происхождение: *эреэ(н)* ‘пёстрый’, *эреэн маряан үхэрнүүд* ‘рогатый скот разных мастей’, *эреэгшэн* ‘пёстрая, пегая (о масти самок животных)’ [БМРС, 1951, 735]. Таким образом, в

современном якутском языке *ала*, *эриэн* и их производные используются в равной степени для обозначения масти и лошади, и коровы.

араҕас, татт. ‘рыжий (о масти лошади и коровы)’ [ДСЯЯ, 1976, 49]. *Араҕас* в якутском языке обычно выступает как компонент обозначения масти (подмасти) лошади, например, *куба араҕас* ‘с красноватым хвостом, гривой, крупом и спиной, со светло-желтой грудью и в «чулках» такого же цвета (о масти лошади)’ [БТСЯЯ, 2007, 414], ‘масть лошади: грива, круп и спина желтого цвета, колени и грудь – соловые’ [ТСЯЯ, 2004, 520]. Стоит отметить, что существуют различные сочетания *араҕас*, употребляющиеся в разных лексико-тематических группах: *араҕас* ‘желтый; желтоватый, палевый, золотистый; рыжий, красный, рыжеватый’; *араҕас ат* ‘рыжий конь’; *үрүҥ араҕас ат* ‘игреневый конь’; *күдэн араҕас ат* ‘соловая лошадь’; *араҕас тэллэй* ‘рыжик (гриб)’; *араҕастай атыыр сылгы* ‘рыжий жеребец’ и т.д. [Пекарский, 1959, I, 127, 128]. По данным ЭСЯЯ, *араҕас* восходит к тюрк. *сарыҕ* ‘желтый’+*ас* (исторически уменьшительный аффикс)=**сарыҕас>араҕас* [Попов, 2003, 82]. *Куба араҕас* в сунтарском говоре имеет значение – ‘рыжий (о масти коровы)’ [ДСЯЯ, 1976, 119]. *Куба* ‘лебедь’ [БТСЯЯ, 2007, 414] – уточняющий компонент. Данная семантика, похоже, восходит к древнетюркскому *quba* ‘цвет между красным и желтым; светло-бурая (саврасая) лошадь’ [ДТС, 1969, 537]. Если соотносить *куба* с *кубаҕай* ‘бледный; белокурый, блондин’ [Пекарский, 1959, I, 1186], то цветообозначение *куба араҕас*, возможно, в якутской колоративной лексике акцентирует на значение ‘бледно-рыжий или светло-рыжий’.

кыһыл, аб., верх.-кол. ‘рыжий (о масти коровы, лошади)’ [ДСЯЯ, 1976, 139]. Семантика прозрачна: *кыһыл* ‘красный; рыжий’ [БТСЯЯ, 2008, 370-371].

кычылымаан, верх.-кол., ср.-кол. ‘корова красно-рыжей масти’ [ДСЯЯ, 1976, 141]. Здесь видим пример соответствия интервокальных *h* и *ч*, которое встречается редко (*өһөс=өчөс, оһоҕос=очоҕос*) [Иванов, 2021, 98]. Исходная основа *кычылымаан – кыһыл* ‘красный’. Аффикс *-маан* имеет именной характер, усиливающий внешний облик обозначаемого.

харааччыйа, инд. ‘черной масти’ [ДСЯС, 1995, 217], *харанай*, верх.-кол. ‘черный’ [ДСЯЯ, 1976, 281]. Большинство обозначений окрасок является производным от основных мастей, например, от *хара* ‘черного цвета, черный’ [БТСЯЯ, 2016, 334]. Аффиксы *-ааччыйа*, *-най* могут имеют модальный характер, выражают личное отношение к чему-либо, например, к любимой корове.

боломос ‘серый’; *боломос өҥнөөх сүөһү* ‘скотина темно-белой масти’ [ДСЯЯ, 1976, 64]. Семантика прозрачна: *болоҥос, боломос* ‘серый’; *боломос буолбут* ‘посерело’ [Пекарский, 1959, I, 493], *болоор* глаг. ‘приобретать темный оттенок (цвет), темнеть; загрязниться, потускнеть’, *болоорхой* прилаг. ‘пепельного цвета, темно-серый’ [ТСЯЯ, 2005, 378-379].

дьаҕыллаах, татт. ‘с большим пятном на лопатках – о масти коровы’ [ДСЯЯ, 1976, 94]: от *дьаҕыл* ‘имеющий большое пятно (обычно темного цвета) на лопатках или на шее (о масти лошади)’, *хара дьаҕыл*, фольк. ‘орлан’ [ТСЯЯ, 2004, 384-385]. Обычно, цветообозначение *дьаҕыллаах* в первую очередь касается только лошади с темной отметиной.

дьарҕаалаах, аб., ср.-кол. ‘с белой полосой вдоль хребта, с белой спиной’ [ДСЯЯ, 1976, 95]: от *дьарҕаа*, сущ. ‘узор, орнамент, нанесенный полосой по краю какого-либо изделия’ [ТСЯЯ, 2005, 317]. Диалектное слово является синонимом общеякутского *саадьаҕай* ‘с белой полосой вдоль хребта, с белой спиной (о масти крупного рогатого скота или окрасе птиц)’ [БТСЯЯ, 2011, 67].

курдаах, аб. ‘белобокий’ [ДСЯЯ, 1976, 127], *курдуустаах*, *курдустаах*, ср.-кол. ‘передняя часть черная или красная, посередине – белая’: от глаг. *курдаа* в переносном значении ‘опоясывать, окружать’ [БТСЯЯ, 2007, 524] и является одним из оттенков масти *ала* ‘пегий (о масти коровы)’.

кыалыктаах, лен. ‘с пятнами на бедрах’ [ДСЯЯ, 1976, 134]: от *кыалык*, сущ. ‘маленький кожаный мешочек, в котором держат трут и кремень (с одной стороны прикрепляется огниво), трутница’ [БТСЯЯ, 2008, 152].

малааннаах, аб., вил., верх., ср.-кол., олекм., сунт. ‘беломордый’; *малаанньыктаах*, олекм., *малаан*, долг. *маҥаас* [ДСЯЯ, 1976, 156]. Общеякутский синоним: *маҥаас* ‘с белой отметиной на морде независимо от масти (о домашних животных)’ [БТСЯЯ, 2009, 222]. Есть большая вероятность, что *малаан* имеет бурят-монгольские истоки: бур.-монг. *малаан* ‘с белым пятном на лбу (о животном)’, *малаан хара тугал* ‘теленок темной масти с белой полоской на голове’ [БМРС, 1951, 307].

мордурҕастаах, вил., нюрб. ‘пестроголовый наподобие чирка-клоктуна; с белой каймой на морде’ [ДСЯС, 1995, 124-125]: вероятно, от *мордурҕас* ‘малый чирок’ [Пекарский, 1959, 1591]. *Мордурҕастаах* является синонимом общеякутского *өрүөстээх* ‘с белыми полосками или полосой (о морде коровы черной или темной масти, а также о голове птицы’ [БТСЯЯ, 2010, 466].

олооччулаах, аб., ср.-кол. ‘белоногий’ [ДСЯЯ, 1976, 185]: от о*лооччу* ‘кожаные торбаса с короткими голенищами’ [БТСЯЯ, 2010, 263].

*сууммат*ах, верх.-кол. *көлөһүннээх өҥнөөх* ‘серовато-темный – о масти животных’, букв. немытая [ДСЯЯ, 1976, 216]: от глаг. *сууй+бат* (аффикс отрицательной формы глагола) ‘мыть, смывать грязь, очищать что-либо от грязи’.

тыстыы һырай, нюрб. ‘с белой полосой на морде, беломордая’ [ДСЯС, 1995, 199]: *тыс* ‘шкурка с нижней части ног животных (обычно оленя, лося), лапки, камус’ [БТСЯЯ, 2014, 407]; анлаутный *h* получил широкое распространение в сунтарском, умеренный – в нюрбинском, слабое – в вилюйском говорах [Воронкин, 1999, 82]. Данное диалектное слово является синонимом *маҥаас* ‘с белой отметиной на морде независимо от масти’ [БТСЯЯ, 2009, 222].

ыҥыырдаах, аб. ‘белобокий’ [ДСЯЯ, 1976, 314], букв. с седлом: *ыҥыыр* ‘седло’ [БТСЯЯ, 2017, 453].

эрэбэдэйдээх, аб. *ала* ‘белобокий’ [ДСЯЯ, 1976, 322], букв. в торбасах: от *бэрэмэдэй*, сущ., *устар.* ‘переметная сума (две сумы, два мешка, обычно из кожи, перекидываемые через плечо или седло), от рус. ‘переметай (императив к *переметать* ‘перекидывать, перебрасывать’) [ТСЯЯ, 2005, 885].

этэрбэстээх, верх.-кол. ‘в белых чулках’ [ДСЯЯ, 1976, 324]: от *этэрбэс* ‘обувь из кожи, похожая на сапоги, торбаса’ [БТСЯЯ, 2018, 402].

Таким образом, в рамках данной статьи выявлена семантика диалектных наименований мастей и оттенков мастей коровы в якутском языке. Определено, что большинство диалектных наименований оттенков мастей коров являются синонимами общеякутских лексем. Выявлено, что обозначение отметин коровы чаще представляется в виде метафорического переноса, когда отметина (пятно, полоска и т.п.) напоминает какой-нибудь предмет, вещь (*ыҥырдаах=с седлом, эрэбэдэйдээх=с переметом, этэрбэстээх=с торбасами, олооччулаах=с короткими торбасами* и т.д.). Большинство обозначений мастей образуется с помощью аффикса принадлежности *-лаах.* Диалектные наименования мастей коров и их оттенков изначально считаются малоупотребительными.

Сокращения: аб. – абыйский говор; амг. – амгинский говор; бур.-монг. – бурят-монгольский язык; верх. – верхоянский говор; верх.-кол. – верхнеколымский говор; вил. – вилюйский говор; глаг. – глагол; инд. – индигирский говор; др.-тюрк. – древнетюркский язык; лен. – ленский говор; мом. – момский говор; нюрб. – нюрбинский говор; олекм. – олекминский говор; прилаг. – имя прилагательное; сад. – садынский говор; ср. – сравни; ср.-кол. – среднеколымский говор; сунт. – сунтарский говор; сущ. – имя существительное; татт. – таттинский говор; тюрк. – тюркский язык; устар. – устаревшее; ЭСЯЯ – Этимологический словарь якутского языка; як. яз. – якутский язык

Литература

Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка / отв. ред. проф. И.М. Романов; авт. предисл. А.П. Окладников; Якут. гос ун-т. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1971. 172 с.

Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: По преданиям якутов бывшего Якутского округа. Я.: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1994. 352 с.

БТСЯЯ, 2007 – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. IV: (Буква К) / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2007. 672 с.

БТСЯЯ, 2008 – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. V: (Буква К: күөлэһис гын – кээчэрэ) / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008. 616 с.

БТСЯЯ, 2009 – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VI: (Буквы Л, М, Н) / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2009. 519 с.

БТСЯЯ, 2010 – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VII: (Буквы Нь, О, Ө, П) / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2010. 519 с.

БТСЯЯ, 2011 – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VIII: (Буква С – сөлләҕөр) / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2011. 572 с.

БТСЯЯ, 2014 – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XI: (Буква Т: төтөллөөх – тээтэҥнээ) / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2014. 528 с.

БТСЯЯ, 2016 – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XIII: (Буква Х) / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2016. 639 с.

БТСЯЯ, 2017 – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XIV (Буквы Ч-Ы) / Акад. Наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед.; под общ. ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2017. 589 с.

БТСЯЯ, 2018 – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XV (Буква Э) / Акад. Наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед. под общ. ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2018. 575 с.

БМРС, 1951 – Бурят-монгольско-русский словарь: Около 25.000 слов: С прил. краткого граммат. справочника по бурят-монгол. яз. / Сост. К.М. Черемисов; Под ред. Ц.Б. Цыдендамбаева; Бурят-монгол. гос. науч.-исслед. ин-т культуры. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 852 с.

Воронкин М. С. Диалектная система языка саха: образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1999. 197 с.

Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том / сост. М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. Новосибирск: ВО «Наука», 1995. 296 с.

Диалектологический словарь якутского языка / сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976. 392 с.

ДТС, 1968 – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.

Иванов С. А. Образование диалектной системы якутского языка / отв. ред. Н. И. Данилова; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера. Новосибирск, 2021. 256 с.

Иванов С. А. Общеякутские и диалектные названия, относящиеся к скотоводству // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2018. № 2 (23). С. 56–65.

КТО – Киһи тыла – ох: таабырыннар, өс хоһоонноро (Слово меткое – стрела острая: загадки, пословицы) / хомуйан оҥордулар: Горохов С. И., Ефремов П. Е., Ойунская С. П.; ред. Тарабукин В. А. Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-вота, 1982. 52 с.

Николаев С. И. Народ саха: монография. Якутск: Якутский край, 2009. 299 с.

Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд-е. Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. I. 1278 стлб. Т. III. 3858 стлб.

Попов Г. В. Этимологический словарь якутского языка. Новосибирск: Наука, 2003. 180 с. (Ч. 1: А – Дь).

СЯПиП – Сборник якутских пословиц и поговорок = Саха өһүн хоһооннорун хомуура / Акад. наук СССР, Якут. фил. Сиб. отд-ния, Ин-т яз., лит. и истории; сост. Н.В. Емельянов; отв. ред. Г. С. Сыромятников. Якутск: Якутское книжное издательство, 1965. 246 с.

ТСЯЯ, 2004 – Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. 680 с. (Буква А).

ТСЯЯ, 2005 – Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005. 912 с. (Буква Б).

© Николаев Е. Р., 2022

УДК *811.512.1*

Новгородов И. Н., Россия, г. Якутск
Якутский научный центр СО РАН, д.ф.н.

УСТОЙЧИВЫЙ СЛОВАРНЫЙ ФОНД И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ТЕЛЕУТОВ

Дифференциальные признаки и устойчивый словарный фонд алтайского и телеутского языков проявляют сходство. Сходство явилось базой формирования взгляда о диалектных связях рассматриваемых идиом. Однако тщательный анализ фонетики лексического фонда и учёт экстралингвистических данных приводит к выводу о том, что телеутский является отдельным языком, находящимся в одном ряду с алтайским и киргизским, относящимся к периферийной подгруппе кыргызо-кыпчакской группы тюркской языковой семьи.

Ключевые слова: *устойчивый словарный фонд, дифференциальные признаки, экстралингвистические данные, алтайский, телеутский, киргизский, периферийная подгруппа, кыргызо-кыпчакская группа, тюркская языковая семья.*

Novgorodov I. N., Russia, Yakutsk
Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS,
Doctor of Philological Sciences

THE LEIPZIG-JAKARTA LIST & SOME LANGUAGE FEATURES OF THE TELEUTS

Differential features and the Leipzig-Jakarta list of Altai and Teleut show similarities. The similarity was the basis for the formation of a view on the dialectal connections of the considered idioms. However, a thorough analysis of the phonetics of the fund and taking into account extralinguistic data leads to the conclusion that Teleut is a separate language, on a par with Altaic and Kyrgyz, belonging to the peripheral subgroup of the Kyrgyz-Kypchak group of the Turkic language family.

Keywords: *the Leipzig-Jakarta list, the differential features, extra linguistic data, Altay, Teleut, Kyrgyz, peripheral subgroup, Kyrgyz-Kypchak group, the Turkic language family.*

В тюркологии существуют разные взгляды на классификационный статус языка телеутов.

В. В. Радлов классифицировал тюркские диалекты на базе фонетических явлений. Он выделял восточные диалекты, к ним относил телеутский и алтайский собственно Алтая [Radloff, 1882, 280–281]. Киргизский (кара-киргизский), наряду с казахским (казахско-киргизским) и каракалпакским, тюрколог возводил к киргизским диалектам, относящимся к западным [Radloff, 1882, 285–286].

А. Н. Самойлович выделял отдельные телеутский и алтайский наречия. Языковед помещает телеутское, алтайское, киргизское наречия в северо-западной группе, куда включает также казахское, кумыкское, татарское и другие наречия [Самойлович, 1922, 10].

Современная тюркология не имеет дела ни с диалектами В. В. Радлова, ни с наречиями А. Н. Самойловича, а выделяет отдельные языки: алтайский, киргизский, казахский, кумыкский, татарский и другие. Между тем телеутский одни исследователи всё ещё продолжают считать диалектом [Баскаков, 1997, 179], другие лингвисты видят в нём отдельный язык [Novgorodov et.al., 2018].

Для решения проблемы нужно проанализировать алтайский и телеутский устойчивый словарный фонд (далее – фонд) сравнительным методом и принять во внимание экстралингвистические данные.

Алтайский и часть телеутского фонда была опубликована мной [Новгородов, 2021, 64–110]. Ниже представлено сравнение телеутского и алтайского фонда, последний установлен на базе словаря под редакцией Н.А. Баскакова [РАС, 1964] и обсуждался с А.Э. Чумакаевым, опубликовавшим сравнение фонда с кумандинским, челканским и тубаларским [Chumakaev, 2020]. Из примыкающего к алтайскому фонду остаётся не опубликованным теленгитский. Неопубликованная часть телеутского фонда издаётся на базе уникальных данных словаря В.В. Радлова [Radloff, 1893–1911]. Телеутский фонд также представлен данными современного словаря [ТОС, 1995], учебного пособия [Токмашев, 2008] и сведениями Д.М. Токмашева [Токмашев]. Д.М. Токмашеву выражаю признательность за помощь в изучении телеутского фонда.

Рассмотрим неопубликованную часть телеутского фонда в сравнении с алтайским:

6 ‘bird’ *quš* (< tu.) [Radloff, II, 1, Sp. 1022], alt. *quš* (< tu.) [РАС, 1964, 614]; **7** ‘to bite’ *tište-* (< tu.) [Radloff, III, 2, Sp. 1404], alt. *tišteer* (< tu.) [РАС, 1964, 271]; **8** ‘bitter’ *ačuu* [Radloff, I, 1, Sp. 511]; *aču* (< tu.) [ТОС, 1995, 18], alt. *aču* (< tu.) [РАС, 1964, 113]; **9 ‘**black’ *qara* (< tu.) [Radloff, II, 1, Sp. 132], alt. *qara* (< tu.) [РАС, 1964, 834];

10 ‘blood’ *qan* (< tu.) [Radloff, II, 1, Sp. 101], alt. *qan* (< tu.) [РАС, 1964, 266]; **14** ‘to burn (intransitive)’ *küy-* (< tu.) [Radloff, II, 2, Sp. 1418], alt. *küyer* (< tu.) [РАС, 1964, с. 112]; **17** ‘to come’ *kel-* (< tu.) [Radloff, II, 2, Sp. 1109], alt. *keler* (< tu.) [РАС, 1964, с. 575]; **19** ‘to cry/to weep’ *ïyla-* (< tu.) [Radloff, I, 2, Sp. 1352], alt. *ïylaar* (< tu.) [РАС, 1964, 489];

21 ‘dog’ *it* (< tu.) [Radloff, I, 2, Sp. 1498], alt. *iyt* (< tu.) [РАС, 1964, 709]; **22** ‘to drink’ *ič-* (< tu.) [Radloff, I, 2, Sp. 1514], alt. *ičer* (< tu.) [РАС, 1964, 488]; **23** ‘ear’ *qulaq* (< tu.) [Radloff, II, 1, Sp. 968], alt. *qulaq* (< tu.) [РАС, 1964, 806]; **25** ‘egg’ *yïmïrqa* [ТОС, 1995, 29]; *yïmïrtqa* (< tu.) [Токмашев], alt. *yïmïrtqa* (< tu.) [РАС, 1964, 862]; **26** ‘eye’ (4.21) *qaraq* (< tu.) [Токмашев]; *kös* (< tu.) [Radloff, II, 2, Sp. 1291], alt. *kös* (< tu.) [РАС, 1964, 105]; **28** ‘far (adverb)’ *ïraaq* (< *ïraq+oq*) (< tu.) ‘довольно далеко’ [Radloff, I, 2, Sp. 1366]; *ïraq* (< tu.) ‘далёкий, дальний’ [Radloff, I, 2, Sp. 1366], alt. *ïraaq* (< tu.) [РАС, 1964, с. 122]; **29** ‘fire’ (1.81) *ot* (< tu.) [Radloff, I, 2, Sp. 1096], alt. *ot* (< tu.) [РАС, 1964, 396];

30 ‘fish’ (3.65) *palïq* (< tu.) [Radloff, IV, 2, Sp. 1166], alt. *balïq* (< tu.) [PAC, 1964, 671]; **31** ‘flesh/meat’ *et* (< tu.) [Radloff, I, 1, Sp. 833], alt. *et* (< tu.) [PAC, 1964, 309]; **32** ‘fly’ *čïmïn* (< tu.) [TOC, 1995, 102], alt. *čïmïn* (< tu.) [PAC, 1964, 307]; **33** ‘to give’ *per-* (< tu.) [Radloff, IV, 1, Sp. 1224], alt. *berer* (< tu.) [PAC, 1964,123]; **35** ‘good’ *yaqšï* (< tu.) [Radloff, III, 1, Sp. 35], alt. *yaqšï* (< tu.) [PAC, 1964, 822]; **36** ‘hair’ *čač* (< tu.) [Radloff, III, 2, Sp. 1905], alt. *čač* (< tu.) [PAC, 1964, c. 66]; **37** ‘hard’ *qattuu* [Radloff, II, 1, Sp. 303]; *qatu* (< tu.) [TOC, 1995, 38], alt. *qatu* (< tu.) [PAC, 1964, 749]; **38** ‘he/she/it’ *ol* (< tu.) [Radloff, I, 2, Sp. 1078], alt. *ol* (< tu.) [PAC, 1964, 408]; **39** ‘to hear’ *uq-* (< tu.) [Radloff, I, 2, Sp. 1606], alt. *ugar* (< tu.) [PAC, 1964, 703];

40 ‘heavy’ *uur* (< tu.) [Radloff, II, 2, Sp. 1647], alt. *uur* (< tu.) [PAC, 1964, 772]; **41** ‘to hide’ *yažïr-* [Radloff, III, 1, Sp. 255], alt. *yažïrar* (< tu.) [PAC, 1964, 614]; **43** ‘horn’ *müs* (< tu.) [Radloff, IV, 2, Sp. 2225]; *müüs* (< tu.) [TOC, 1995, 56], alt. *müüs* (< tu.) [PAC, 1964, 666]; **44** ‘house’ *yurt* (< tu.) [Radloff, III, 1, Sp. 548]; *üy* (< tu.) [Radloff, II, 2, Sp. 1799], alt. *üy* (< tu.) [PAC, 1964,142]; **45** ‘I’ tel. *men* (< tu.) [Radloff, IV, 1, Sp. 1047], alt. *men* (< tu.) [PAC, 1964, 860]; **46** ‘in’: affix of a locative case affix of a locative case tel. *-da*, *-ta* etc. (< tu.) [Токмашев, 2008, 76], alt. *-da*, *-ta* (< tu.) [PAC, 1964, 41]; **48** ‘to know’ *pil-* (< tu.) [Radloff, IV, 2, Sp. 1335], alt. *biler* (< tu.) [PAC, 1964, 210]; **49** ‘to laugh’ *qatqïr-* (< tu.) ‘смеяться’ [TOC, 1995, 38], ‘громко смеяться, хохотать’ [Radloff, II, 1, Sp. 294], alt. *qatqïrar* ‘смеяться’ (< tu.) [PAC, 1964, 705]; *külü-* (< tu.) [Radloff, II, 2, Sp. 1470], alt. *külü-* id.;

50 ‘leaf’ *qaaq* (< tu.) ‘лист (древесный)’ [Radloff, II, 1, Sp. 57], alt. *qaaq* id.; *pür* (< tu.) 1) ‘древесный лист’, 2) ‘почка’ [Radloff, IV, 2, Sp. 1397], alt. *pür* id.; *qaaq* (< tu.) ‘лист растения’ [Токмашев]; *pür* ‘листва’ (< tu.) [TOC, 1995, 69]; *yalbraq* (< tu.) ‘лист (дресный)’ (< *yalbra-* ‘развеваться’) [Radloff, III, 1, Sp. 189], alt. *yalbïraq* (< tu.) [PAC, 1964, 278]; *yalbïrqaq* (< tu.) ‘лист дерева’ [Токмашев]; **51** ‘leg’ *ayaq* (< tu.) [Radloff, I, 1, Sp. 202]; *put* (< tu.) [Radloff, IV, 2, Sp. 1379], alt. *but* (< tu.) [PAC, 1964, 365]; **52** ‘liver’ *puur* (< tu.) [Radloff, IV, 2, Sp. 1365], alt. *buur* (< tu.) [PAC, 1964, 486]; **53** ‘long’ (12.57) *uzun* (< tu.) [Radloff, I, 2, Sp. 1768], alt. *uzun* (< tu.) [PAC, 1964, 136]; **54** ‘louse’ *pit* (< tu.) [Radloff, IV, 2, Sp. 1344], alt. *biyt* (< tu.) [PAC, 1964, 71]; **55** ‘mouth’ *uus* (< tu.) [Radloff, I, 2, Sp. 1741], alt. *oos* (< tu.) [PAC, 1964, 669]; **56** ‘name’ *at* (< tu.) [Radloff, I, 1, Sp. 440], alt. *at* (< tu.) [PAC, 1964, 224]; **57** ‘navel’ *kindik* (< tu.) [Radloff, II, 2, Sp. 1348], alt. *kin*, *kindik* (< tu.) [PAC, 1964, 616]; **58** ‘neck’ *moin* [Radloff, IV, 2, Sp. 2119]; *moyïn* (< tu.) [TOC, 1995, 55], alt. *moyïn* (< tu.) [PAC, 1964, 846]; **59** ‘new’ *yaŋï* (< tu.) [Radloff, III, 1, Sp. 60], alt. *yaŋï* (< tu.) [PAC, 1964, 365];

60 ‘night’ *tün* (< tu.) [Radloff, III, 2, Sp. 1548], alt. *tün* (< tu.) [PAC, 1964, 367]; **61** ‘nose’ *tumčuq* (< tu.) [Radloff, III, 2, Sp. 1525], alt. *tumčuq* (< tu.) [PAC, 1964, 366]; *murun* (< tu.) [Токмашев], ср. *murun* ‘часть лица вокруг носа и рта’, ‘морда животных’ [Radloff, IV, 2, Sp. 2193]; **62** ‘not’ *yoq* (< tu.) [Radloff, III, 1, Sp. 397], alt. *yoq* (< tu.) [PAC, 1964, 358]; **64** ‘one’ *pir* (< tu.) [Radloff, IV, 2, Sp. 1329], alt. *bir* (< tu.) [PAC, 1964, 398]; **65** ‘rain’ *yamgïr* (< tu.) [Radloff, III, 1, Sp. 309], alt. *yaŋmïr* (< tu.) [PAC, 1964, 140]; **66** ‘red’ *qïzïl* (< tu.) [Radloff, II, 1, Sp. 826], alt. *qïzïl* (< tu.) [PAC, 1964, 263]; **68** ‘rope’ *puučaq* (< tu.) [TOC, 1995, 69]; *pū* (< tu.) [Radloff, IV, 2, Sp. 1360], alt. *buu* (< tu.) [PAC, 1964, 47]; **69** ‘to run’ (intransitive) *yüyür-* (< tu.) [Radloff, III, 1, Sp. 595], alt. *yügürer* (< tu.) [PAC, 1964, 21];

70 ‘salt’ *tus* (< tu.) [Radloff, III, 2, Sp. 1499], alt. *tus* (< tu.) [PAC, 1964, c. 716]; **71** ‘sand’ *qum* [Radloff, II, 1, Sp. 1043]; *qumaq* (< tu.) [TOC, 1995, 48], alt. *qumaq* (< tu.) [PAC, 1964, 484]; **72** ‘to say’ *ermekte-* (< tu.) ‘говорить, рассказывать’ [TOC, 1995, 108], ‘рассказывать, говорить’ [Radloff, I, 1, Sp. 801]; *ayt-* (< tu.) [Radloff, I, 1, Sp. 43], alt. *aydar* (< tu.) [PAC, 1964, 108]; **73** ‘to see’ *kör-* (< tu.) [Radloff, II, 2, Sp. 1249], alt. *körör* (< tu.) [PAC, 1964, 54]; **74** ‘shade/shadow’ *kölö-* (< tu.) ‘заслонить, давать тень, чернеть (о дыме, угле и саже)’ [Radloff, II, 2, Sp. 1270]; *kölöyö* (< tu.) ‘занавес’ [Radloff, II, 2, Sp. 1271]; *kölöŋö* (< tu.) ‘западня, место, за которым скрываются, вал’ [Radloff, II, 2, Sp. 1271]; *kölötki* (< tu.) ‘тень’ [TOC, 1995, 45], alt. *kölötkö* (< tu.) [PAC, 1964, 752]; **76** ‘small’ *küčü* (< tu.) [Radloff, II, 2, Sp. 1493], alt. *kičinek* (< tu.) [PAC, 1964, 284]; **77** ‘smoke’ *tüdä-* (< tu.) ‘дымиться’ [Radloff, III, 2, Sp. 1574]; *tüdün* ‘дым’ [TOC, 1995, 88], alt. *tüdün* ‘дымок’ (< tu.) [PAC, 1964, c. 152]; **78** ‘soil’ *palqaš* (< tu.) ‘грязь, ил, земля, глина’ [Radloff, IV, 2, Sp. 1169], ср. kaz. ‘озеро *Балкаш* – кочковатое болотистое место, топь’; *palqaš* ‘грязь’ [TOC, 1995, 63]; *yer* (< tu.) ‘земля’ [TOC, 1995, 25]; *tobraq* (< tu.) ‘земля’ [TOC, 1995, 84], alt. *tobraq* (< tu.) [PAC, 1964, 555]; **79** ‘to stand’ *tur-* (< tu.) [Radloff, III, 2, Sp. 1442], alt. *turar* (< tu.) [PAC, 1964, 736];

80 ‘star’ *yïldïs* (< tu.) [Radloff, III, 1, Sp. 491], alt. *yïldïs* (< tu.) [PAC, 1964, 204]; **81** ‘stone/rock’ *taš* (< tu.) [Radloff, III, 1, Sp. 931], alt. *taš* (< tu.) [PAC, 1964, 237]; **83** ‘sweet’ *taamdu* ‘вкусный’ [TOC, 1995, 79], ср. shor. *taamnïγ* id., tuv. *taptïγ* id., at. *tapla-* ‘одобрять, любить’ (< tu.); *taattuu* (< *taat+luu*) [Radloff, III, 1, Sp. 909]; *tatu* (< tu.) [TOC, 1995, 82], alt. *tatu* (< tu.) [PAC, 1964, 698]; **84** ‘tail’ *quyruq* (< tu.) [Radloff, II, 1, Sp. 890], alt. *quyruq* (< tu.) [PAC, 1964, 816]; **85** ‘to take’ *al-* (< tu.) [Radloff, I, 1, Sp. 341], alt. *alar* (< tu.) [PAC, 1964, 36]; **86** ‘thick’ *qalïŋ* (< tu.) [Radloff, II, 1, Sp. 241], alt. *qalïŋ* (< tu.) [PAC, 1964, 758]; **87 ‘**thigh’ *put* ‘бедро’ (< tu.) [Токмашев]; *put* ‘нога’ (< tu.) [Токмашев, 2008, 31]; *put* (< tu.) ‘нога (вся нога человека)’ [Radloff, IV, 2, Sp. 1379]; *töŋnöq*, *töŋmöq* ‘верхняя часть ноги от бедра до колена’ (авт. – ‘бедро’) (< tu.) [Radloff, III, 1, Sp. 1248, Sp. 1249], ср. *töŋ* ‘холм, бугор, возвышенность’ [TOC, 1995, 86], tuv. *töŋ* ‘бугорок, маленький холмик’, alt. *töŋmök* ‘бедро’ [PAC, 1964, 21], tuv. *döŋmek* id.; *janbaš* ‘бедро’ [TOC, 1995, 22]; *yalmaš* ‘бедро’ (< tu.) [Токмашев], alt. *yalmaš* (< tu.) [PAC, 1964, 21]; **88** ‘this’ *pu* (< tu.) [Radloff, IV, 2, Sp. 1360], alt. *bu* (< tu.) [PAC, 1964, 858]; **89** ‘to tie’ *puula-* (< *puu+la*) (< tu.) [Radloff, IV, 2, Sp. 1373], alt. *puulap salar* (< tu.) [PAC, 1964, 168];

90 ‘tongue’ *til* (< tu.) [Radloff, III, Sp. 1379], alt. *til* (< tu.) [PAC, 1964, 861]; **91** ‘tooth’ *tiš* (< tu.) [Radloff, III, 2, Sp. 1400], alt. *tiš* (< tu.) [PAC, 1964, 212]; **92** ‘water’ *suu* (< tu.) [TOC, 1995, 76]; *su* [Radloff, IV, 1, Sp. 743], alt. *suu* (< tu.) [PAC, 1964, 60]; **93** ‘what?’ *ne* (< tu. **emine*) [Radloff, III, 1, Sp. 666], alt. *ne* (< tu. **emine*) [PAC, 1964, 839]; **94** ‘who?’ *kem* (< tu.) [Radloff, II, 2, Sp. 1202], alt. *kem* (< tu.) [PAC, 1964, 268]; **95** ‘wide’ *yalbaq* (< tu.) [TOC, 1995, 21], alt. *yalbaq* (< tu.) [PAC, 1964, 845]; *keŋ* (< tu.) [Radloff, II, 2, Sp.

1067], alt. *keŋ* (< tu.) [PAC, 1964, с. 846]; **97** ‘wing’ *qurqun* (< tu.) ‘крыло’ [TOC, 1995, 48], ‘крыловая кость’ [Radloff, II, 1, Sp. 939]; *qanat* (< tu.) [Radloff, II, 1, Sp. 111], alt. *qanat* ‘крыло’, ‘плавник’ (< tu.) [PAC, 1964, 268, 489]; **98** ‘wood’ *ayač* (< tu.) [Radloff, I, 1, Sp. 149]; *ayašta-* (< *ayač* + *la*) ‘привязывать колодки к ногам’, *ayaštan-* (< *ayač* + *lan*) ‘зарастать лесом’, *ayaštuu* (< *ayač* + *lï*) ‘заросший лесом’ [Radloff, I, 1, Sp. 153, 154]; *ayaš* (< tu.) [TOC, 1995, 12], alt. *agaš* (< tu.) [PAC, 1964, 131]; **99** ‘yesterday’ *keče* (< tu.) [Radloff, II, 2, Sp.1144], alt. *keče* (< tu.) [PAC, 1964, 80]; **100 ‘**you’ (singular) *sen* (< tu.) [Radloff, IV, 1, Sp. 452], alt. *sen* (< tu.) [PAC, 1964, 771].

Из ранее опубликованных и приведённых данных видно, что алтайский и телеутский фонды не имеют существенных различий и проявляют очевидное сходство.

Дифференциальные признаки алтайского [Щербак, 1994, 34-35] и телеутского также принципиально не различаются. Ср. tel. 1) фонетические признаки в словах: *ayaq* ‘нога’ [Radloff, I, 1, Sp. 202], alt. *ayaq* id.; *tuu* ‘гора’ [Radloff, III, 2, Sp. 1421], alt. *tuu* id.; *uus* ‘рот’ [Radloff, I, 2, Sp. 1741], alt. *oos* id.; *uul* ‘сын’, ‘мальчик’ [Radloff, I, 2, Sp. 16741], alt. *uul* id.; *yaaq* ‘щека’, ‘челюсть’ [TOS, 1995, с. 19], alt. *yaaq* id.; 2) морфологические признаки в словоформах: *alganïm* ‘я взял’ [Tokmashev, 2008, 96], alt. *alganïm* id.; *kelip poldïm* ‘я смог прийти’, *kelip polbodïm* ‘я не смог прийти’ [Radloff, IV, 2, Sp. 1277], alt. *kelip boldïm* id., *kelip bolbodïm* id.; 3) семантические признаки в словах: *tïn* (*al-*) ‘отдыхать’ (?) [Radloff, III, 2, Sp. 1312], alt. *tïn al-* id.; *yarat-* ‘считать подходящим’ [Radloff, III, 1, Sp. 111], alt. *yarat-* id.; *poyïm* ‘сам’ [Radloff, IV, 2, Sp. 1262], alt. *boyïm* id.

Сходство явилось базой для формирования идеи о диалектных связях обсуждаемых идиом. Однако тщательный анализ материалов алтайского и телеутского свидетельствует о неоднозначности ситуации.

Известно, что древнейший тюркский консонантизм анлаута отличался глухостью. В телеутском фонде представлена эта особенность. Графически она представлена в виде *y-, p-*, фонетически – в виде [t’-], [p-]. Эти согласные отражают более древнюю ступень развития тюркского консонантизма, чем алтайский. В последнем на месте указанных согласных представлены звонкие y- [d’-], b- [b-], о чём было отмечено ранее [Novgorodov et al., 2018, 299]. В № 98 обнаруживается древнейшая аффриката *-č*: tel. *ayač* ‘дерево, древесина’ по сравнению с современным согласным *-š*: tel. *ayaš* id. В № 83 в первом слоге представлена первичная долгота гласного tel. *taattuu* (< *taat*+*luu*) ‘сладкий’, ср. alt. *tatu* id. Факты отражают более древние особенности телеутской фонетики и свидетельствуют о пережитом состоянии алтайского.

Специфика телеутского обнаруживается и в других явлениях, например, в метатезе согласных в № 65 tel. *yamgïr* ‘дождь’, ср. alt. *yaŋmïr* id. [Radloff, III, 1, Sp. 72].

В изучении телеутского языка нужно учитывать то, что: 1) алтайцы и телеуты проживают в разных субъектах Российской Федерации, первые – в Республике Алтай, вторые – в Кемеровской области; 2) телеуты, в отличие от алтайцев, признаны отдельным коренным малочисленным народом Сибири.

Учёт вышеуказанных фактов приводит к выводу о том, что телеутский является отдельным языком, находящимся в одном ряду с алтайским и киргизским, относящимся к периферийной подгруппе кыргызо-кыпчакской группы тюркской языковой семьи. В дальнейшем для изучения истории телеутов и их языка необходимо проведение диалектологических и генетических исследований.

Условные сокращения

alt. – алтайский язык; at. – язык памятников древнетюркской письменности; kaz. – казахский язык; shor. – шорский язык; tel. – телеутский язык; tu. – слово, относящееся к тюркскому пласту лексики; tuv. – тувинский язык.

Литература

Баскаков Н. А. Алтайский язык // Языки мира: Тюркские языки. Москва: Индрик, 1997. С. 179–187.

Новгородов И. Н. Идентичность народов в пространстве и времени: язык и ДНК якутов. Якутск: «Типография СМИК», 2021. 112 с.

Самойлович А. Н. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Петроград, 1922. С. 3–15.

Токмашев М. Г. Телеутский язык = Телеңет тили: [учебное пособие по телеутскому языку для русскоязычных] / М. Г. Токмашев, Д. М. Токмашев. Кемерово: Скиф: Кузбасс, 2008. 140 с.

Щербак А. М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. Санкт-Петербург: Наука, 1994. 192 с.

Chumakaev A. . E. The Stable Vocabulary of the Altai Language and its Northern Dialects // Reosiahag: Journal of Institute for Russian Studies. Chungbuk National University, 2020. Vol.21, pp. 187-224.

Novgorodov I. N., Gainutdinova A. F., Ishkildina L. K. and Tokmashev D. M. The Teleut Language is of the Kipchak Turkic Language Origin According to the Leipzig–Jakarta List // Advances in Intelligent Systems and Computing 677, 2018. Pp. 296–302.

Radloff W. Vergleichende Grammatik der nordischen Turksprachen. Th. I. Phonetik. Leipzig, 1882. 318 p.

PAC, 1964 – Русско-алтайский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. М., 1964. 875 с.

TOC, 1995 – Рюмина-Сыркашева Л.Т., Кучигашева Н.А. Телеут-орус созлик. Телеутско-русский словарь. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1995. 120 с.

Токмашев – Д. М. Токмашев, кандидат филологических наук, информант по телеутскому языку.

Radloff, 1893–1911 – Radloff W. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialekte. [Radloff, I, 1] Bd. I. [T. 1] – 1963, [SPb., 1893]. XVIII S. Sp. 1-968; [Radloff, I, 2] Bd. I. [T. 2] – 1963, [SPb., 1893]. Sp. 969-1914, 66 S.; [Radloff, II, 1] Bd. II. [T. 1] – 1963, [SPb., 1899]. Sp. 1-1052; [Radloff, II, 2] Bd. II. [T. 2] – [1963], [SPb., 1899]. Sp. 1053-1814, 64 S.; [Radloff, III, 1] Bd. III. [T. 1]– 1963, [SPb., 1905]. Sp.1-1260; [Radloff, III, 2] Bd. III. [T. 2] – 1963, [SPb., 1905]. Sp.1261-2204, 98 S.; [Radloff, IV, 1] Bd. IV. [T. 1] – 1963, [SPb., 1911]. Sp. 1-1116; [Radloff, IV, 2] Bd. IV. [T. 2] – 1963, [SPb., 1911]. Sp. 1117–2230, 107 p.

© Новгородов И. Н., 2022

УДК *811.512.145*

Нурмухаметова Р. С., Россия, Казань
Казанский федеральный университет, доцент

НАЗВАНИЯ ПИЩИ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящается изучению фрагмента лексики материальной культуры современного татарского языка. На примере наименований пищи дается представление об одной лексико-тематической группе словарного состава языка. Исследование проводится на материале татарско-русского словаря XXI века.

Ключевые слова: *татарский язык, лексика материальной культуры, наименования пищи, словарь.*

Nurmukhametova R. S., Russia, Kazan
Kazan Federal University, Associate Professor

NAMES OF DISHES IN THE MODERN TATAR LITERARY LANGUAGE

The article is devoted to the study of a fragment of the vocabulary of the material culture of the modern Tatar language. The article tells about using the example of food names, an idea of one lexico-thematic group of the vocabulary of the language. The research is based on the materials of the Tatar-Russian dictionary of the twenty first century.

Keywords*: Tatar language, vocabulary of material culture, food names, dictionary.*

ХӘЗЕРГЕ ТАТАР ӘДӘБИ ТЕЛЕНДӘ РИЗЫК АТАМАЛАРЫ

Хәзерге вакытта тел белемендә тел һәм мәдәният нисбәтен милли үзенчәлекләргә бәйләп карауга көннән-көн зуррак игътибар бирелә. Тел – милли мәдәният формалашуда иң мөһим элемент. Тел – шушы телдә сөйләшүче халыкның милли мәдәнияте хәзинәсе. Аерым бер этносның дөньяны танып-белү үзенчәлекләре, милләтнең матди һәм рухи мәдәниятенә караган сыйфатлар телнең лексик дәрәҗәсендәге берәмлекләргә туплана.

Матди мәдәниятне чагылдырган предметлар, нигездә, көндәлек тормыш-көнкүреш өлкәсендә кулланыла. Көнкүреш лексикасы һәм матди мәдәният күренешләрен чагылдырган сүзләр күпмедер дәрәҗәдә туры килә. Алар матди мәдәниятнең төп өлешләре буларак карала. Теләсә кайсы телнең сүзлек составында әлеге халыкның тормыш-көнкүрешенә караган лексика шактый зур урын били. Нәкъ менә аларда яшәү өчен иң мөһим предметлар һәм күренешләр ачык чагылыш таба. Көндәлек кирәк-яраклар, ашамлыклар, кием, торак һ.б. матди мәдәниятне өйрәнүдә төп чыганак объектларны тәшкил итә.

Әлеге берәмлекләр тикшеренүчеләрнең һәрчак күз уңында, аларны төрле аспектларда тасвирлап, татар теле белемендә дә шактый хезмәтләр язылган [Ахметьянов, 1989; Замалетдинов, 2009; Юсупова, 2008], алар безнең хезмәтне язу барышында да төп фәнни-методологик база булып хезмәт иттеләр.

Телнең лексик байлыгын тулаем алып тикшерү гаять кыен һәм мөмкин дә түгел. Чөнки лексика телнең иң хәрәкәтчән өлкәләреннән санала, нәкъ менә ул “чорлар бәйләнешен” тәэмин итә: анда җәмгыятьнең элеккеге һәм хәзерге матди һәм рухи мәдәнияте турында мәгълүмат табарга була. Телнең аерым бер үсеш чорындагы сүзләрен күпмедер дәрәҗәдә тотрыклы хәлендә өйрәнү өчен сүзлекләр ышанычлы кулланма булып хезмәт итә.

Телнең лексикасындагы иң актив сүзләрне, гадәттә, тәрҗемәле сүзлекләр туплап бирә, чөнки ике телдә аралашуның төп шарты – телнең төп сүзлек запасыннан хәбәрдар булу. Гәрчә мондый сүзлекләр телнең лексик байлыгын тулаем чагылдыра алмаса да, тикшерелә торган лексик-тематик төркемнең һичьюгы бер фрагментын күзаллау өчен без XXI гасыр башында чыккан “Татарча-русча сүзлек”кә мөрәҗәгать иттек [Татарско-русский словарь, 2007].

Азык-төлек халыкның иң борынгы матди мәдәният элементларыннан берсе саналырга хаклы. Аларда кешеләрнең күп гасырлык гореф-гадәтләре аеруча ачык чагылыш таба. Татар милли ризыклары үзләренең төрлелеге, бизәлеше һәм тәме ягыннан дан тота. Татар халкының кулинария сәнгате тарихы белән бик еракларга барып тоташа. Күп еллар дәвамында формалашкан милли татар ризыклары бүгенге көнгә кадәр үзенчәлекләрен саклап калганнар. Әмма шунысын да әйтергә кирәк: татар милли кухнясы үз этник традицияләре нигезендә генә үсмәгән, аңа күрше халыкларның да йогынтысы булган. Татарлар инде күптәннән *пылау, хәлвә, ширбәт* кебек ризыкларны яратып әзерли. Татарларга рус милли ризыклары да бик иртә үтеп кергән. Шул рәвешчә, алар татар халкы табынын төрләндергәннәр, тик аның төп үзенчәлекләре югалуга китермәгәннәр.

Хәзерге вакытта традицион туклану культурасы үткәнгә калып бара. Кешеләр тиз әзерләнә торган ризыкларга өстенлек бирә. Ә милли ризыклар ритуал дәрәҗәсендә әзерләүне, күп вакытны таләп итә. Шул сәбәпле өйдә әзерләнә торган ашамлыкларның үзләре белән аларга бәйле лексик берәмлекләр дә юкка чыгу алдында. Халыкларның этник үзенчәлекләре бетеп барган бүгенге көндә милли ризык атамаларын, аларны әзерләү ысулларын өйрәнү, саклап калу гаять әһәмиятле.

Татар телендә “азык-төлек” тематик төркеме төрлелеге белән аерылып тора, аның эчендә дә берничә төркемчә бүлеп чыгарырга мөмкин.

1. Азык-төлекне гомумиләштереп атый торган сүзләр: *азык, аш, ашамлык, аш-су, күчтәнәч, нигъмәт, ризык, сый, таба ашы, тәм-том* һ.б. Бу сүзләр арасында бер төркем ризыкларны гына гомумиләштереп атаучылары да бар: *таба ашы* сүзе табада пешерелә торган ашамлыкларны берләштерә, *тәм-том* дигәндә, нигәдер, баллы ризыклар күз алдына килә. Кунакка барганда теләсә нинди ризыкны *күчтәнәч*кә алырга була, тик шулай да, гадәттә, кешегә чәй ризыклары алып бару кабул ителгән. "Ачык чырай – такта чәй" ди бит татар халкы. Өйгә килгән кешене чәй эчермичә җибәрү татарларда гайре табигый хәл санала, шуңа да алып барган күчтәнәчләр бу табында бер дә артык булмый. *Сый* сүзе дә гадәти генә ризыкларны атамый, ә кунак табынына куела торганнарын белдерә.

2. Шулпалар һәм аларны атый торган сүзләр: *борщ, пилмән, салма, токмач, умач, чумар, шулпа, щи, өйрә* һ.б. Шулпа һәм ашларны татар халкы элек-электән әзерли. Гадәти көннәрдә дә, кунак сыйлаганда да татарлар табынга *шулпа* бирәләр. Авылларда исә ул төп ашамлык булып саналган. Аңа *токмач* салып та, *умач* уып та, *чумар* белән дә, ярма салып *өйрә* итеп тә пешергәннәр. *Пилмән* дә шулпасы белән бергә беренче аш итеп бирелә.

3. Итле ризык атамалары: *билдәмә, бишбармак, дерелдәвек, ит, казылык, калҗа, койка, колбаса, котлет, куллама, куырма, кыздырма, кәбаб, сосиска, сукта, сызык, тулма, тутырма, фарш, фрикаделька, эч-бавыр* һ.б. *Ит* татарларның элек-электән яраткан ашы булган. Ит ризыклары, бердән, күчмә тормыш белән яшәгән бабаларыбыздан мирас булып калса, икенчедән ул кырыс табигать шартларында яшәргә җайлашу өчен бик мөһим булган. Иттән аш, шулпа пешергәннәр. Ат итеннән гаять күп төрле ашлар әзерләгәннәр, кайберләрен исә бары тик шушы иттән генә пешереп булган. *Куллама* (итле салма), каклаган *казылык* татар ашлары арасында затлы ризыклардан саналган. *Куллама* белән *тулма*ны татар халкы хәзер дә бик яратып ашый. Ат эчәгесеннән *тутырма* – эченә *үпкә-бавыр* белән төрле ярмалар салынган *колбаса* әзерләгәннәр. Хәзер дә башка хайван эчәгесе белән үпкә-бавырдан тутырма (*сукта*) ясыйлар. Итне күп очракта пешереп кулланганнар, бик сирәк очракта, бәйрәм табынына гына кыздырып (*куырма, кыздырма, кәбаб*) биргәннәр. Хайванның баш-аяк итеннән *дерелдәвек, койка* ясаганнар. Кыскасы, татар халкы суелган малның бер генә өлешен дә әрәм итмәгән, аннан тәмле-тәмле ризыклар пешерергә өйрәнгән. Бу ризыклар хәзерге көндә күп кенә башка халыкларда да популяр.

4. Сөт, йомырка ризыкларын белдерә торган сүзләр: *атланмай, брынза, йомырка, йомырка тәбәсе, каймак, катык, кефир, корт, кымыз, кәрчемә, май, сыр, сөзмә, сөт, тура, тәбә, эремчек, әйрән* һ.б. Татар ашлары арасында сөттән әзерләнгән ризыклар элек-электән зур урын алып торган. Ләкин *сөт*не шул килеш кенә сирәк кулланганнар, аны чәйгә салып эчкәннәр яисә ашамлыкларга салганнар. Сөттән *май* язганнар, *сөзмә, эремчек, катык, каймак, корт (тура)* ясаганнар, катыкны әчетеп *кәрчемә* иткәннәр. Татарлар ясаган *атланмай* бөтен тирә-юньдә дан тоткан. *Йомырка*ны каты итеп тә, чиле-пешле итеп тә пешергәннәр, ашка салганнар, *тәбә* әзерләгәннәр. Сабантуй вакытларында ул традицион ашамлык саналган.

5. Ярма, яшелчә ризыклары атамалары: *боламык, ботка, винегрет, кәлҗемә, пылау, салат* һ.б. Татар кешеләре элек-электән иген иккәннәр, шуңа күрә ярмадан төрле ризыклар, *ботка*лар әзерләгәннәр, бодай, арыш бөртекләрен кыздырып (*куырмач*) ашаганнар. Яшелчәләрне татарлар күп кулланмаган, ә XIX гасыр ахырыннан *бәрәңге* ризыклар арасында төп урынны алган, аның үзен генә дә, төрле ашларга кушып та пешергәннәр, *боламыг*ыннан юка гына кәтлитләр – *кәлҗемә* ясаганнар. Яшелчәләрне күбрәк камыр ризыклары эченә салганнар һәм башка ашамлыклар янына биргәннәр. Бигрәк тә *кабак, чөгендер, суган, кишер, ачы торма* кебек яшелчәләрне күп кулланганнар.

6. Камыр ризыкларын белдерә торган сүзләр: *бавырсак, баранка, белен, булка, бәлеш, бөккән, гөбәдия, дучмак, икмәк, ипи, кабартма, калач, кактөш, камыр, катлама, клиндер, коймак, крендель, кызартма, кыстыбый, кәтермәч, көлчә, күмәч, күптермә, ләвәш, паштет, печенье, прәннек, пәрәмәч, сохари, сумса, талкан, тәбикмәк, төш, шәнгә, юка, юача, өчпочмак* һ.б. Татар халкы камыр ашларын электән яратып әзерли. Үзенең формасы, әзерләү рәвеше һәм эченә салына торган әйберләрнең ничек әзерләнүе ягыннан камыр ашлары бик үзенчәлекле. Аларның кайберләрен сыек камырдан (*коймак, белен*), икенчеләрен каты камырдан (*кабартма, паштет, бәлеш* һ.б.), ачы камырдан да, төче камырдан да әзерлиләр. *Гөбәдия, бәлеш, пәрәмәч* һәм хәзерге вакытта киң таралган *өчпочмак* аерым урын алып тора, алар күп вакытта табынга икенче аш итеп бирелә. Кайбер ризыкларның эченә ит белән бәрәңге, кайберләренә ярма, эремчек, корт, җиләк-җимеш салалар. Элек юлга чыгасы кешенең биштәренә *бавырсак, юка, төче күмәч* тыкканнар.

7. Чәй ризыклары: *джем, желе, вафля, зефир, кайнатма, как, карамель, конфет, кош теле, кәләвә, күбек, пудинг, пирожный, урама, повидло, пәхләвә, талкыш кәләвә, торт, хәлвә, чәк-чәк, шикәр, шоколад, ширбәт, әлбә* һ.б. Татар халкы майлар, баллар, татлы әйберләр салып, чәй янына оннан төрле ашамлыклар – *кош теле, чәк-чәк, талкыш кәләвә, пәхләвә, ширбәт* һ.б. әзерли. Бу ризыкларны туй табынына да куялар. Гадәттә бу ашамлыклар табынны бизәп тора, шуңа күрә аларны

төрлечә сырлап, матурлап ясыйлар. Элек туй яки башка бәйрәм табынына җиләк-җимештән яки балдан *ширбәт* ясаганнар. Хатын-кызга бала тапканнан соң *әлбә* китергәннәр. Чәйне *шикәр* кабып, *как* салып эчкәннәр.

8. Ризык тәмләткечләр: *желатин, оеткы, серкә, сода, соус, тоз, чүпрә, әчетке* һ.б. Болардан тыш татар кухнясында төрле үләннәр дә тәмләткеч буларак кулланыла (*бөтнек, керән* һ.б.).

9. Эчемлек атамалары: *аракы, бал, квас, кесәл, компот, коньяк, крем-сода, куас, көмешкә, ликер, спирт, сыра, төнәтмә, чәй* һ.б. Татар халкы *чәй*не бик күптән эчә башлаган. Бу – аның Көнчыгыш илләре белән элек-электән сәүдә элемтәсендә булуы белән аңлатылса кирәк. Сусынны басып, хәл кертеп җибәрә торган *куас*, *әйрән*, төрле файдалы үләннәрдән ясалган *төнәтмәләр, кесәл, компотлар* киң таралган. Шунысы кызганыч: XX гасырда татар халкы табынында исерткеч эчемлекләр дә шактый күренә башлады. Элек, күп булса, кәрәздән әчетеп хәзерләнгән *бал* эчкән татар халкының соңгы буыны хәзер *аракы, коньяк, ликер, спирт*ны да ят итми башлады.

Телнең сүзлек составы җәмгыятьтәге үзгәрешләргә гаять сизгер. Теге яки бу күренешләрнең, предметларның кулланылыштан төшеп калуы яки, киресенчә, пәйда булуы телдә дә үзгәрешләр китереп чыгара. Теге яки бу халыктан төрле милли ризыклар кабул итү татар теленең сүзлек запасында да билгеле бер күләмдә үзгәрешләр белән сыйфатлана. Төрле милләт кешеләренең бер-берсе белән тыгыз аралашып яшәве сәбәпле, шулай ук төрле халыкларның миграция нәтиҗәсе буларак, телләрнең лексикасында да, халыкларның тормыш-көнкүрешендә дә охшашлыклар барлыкка килә. Әмма телнең лексикасында бер төркем сүзләр гасырлар буена кулланылышта калалар, чөнки алар тормыш итү өчен иң мөһим, беркайчан да әһәмиятен югалтмый торган төшенчә-күренешләрне атыйлар. Бу хезмәттә без күбрәк әнә шул төркем сүзләргә күбрәк игътибар бирергә тырыштык.

Әдәбият

Ахметьянов Р.Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1989. 199 с.
Замалетдинов Р.Р. Теоретические и прикладные аспекты татарской лингвокультурологии. Казань: Мәгариф, 2009. 351 с.
Татарско-русский словарь: в 2-х т. Т. 1 (А–Л). Казан: Магариф, 2007. 726 с.
Татарско-русский словарь: в 2-х т. Т. 2 (М–Я). Казан: Магариф, 2007. 726 с.
Юсупова А.Ш. Двуязычная лексикография татарского языка XIX века. Казань: Изд-во Казанск. гос. ун-та, 2008. 410 с.

© Нурмухаметова Р. С., 2022

УДК *811.161.2*

Пилипак М. А., Россия, г. Уфа
ГАНУ «Институт стратегических исследований
Республики Башкортостан» АН РБ, с.н.с.

ИНТЕРЬЕР ЖИЛИЩА УКРАИНЦЕВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ЛЕКСИКИ

На основании экспедиционных записей автора в статье представлен анализ традиционной лексики интерьера жилища украинцев Республики Башкортостан. Выделены основные лексико-семантические группы названий основных мест дома, предметов мебели и кухонной утвари. Спорадически зафиксировано бытование давних названий на современном этапе.

Ключевые слова: *украинцы, Республика Башкортостан, лексика, интерьер, жилище.*

Pilipak M. A., Russia, Ufa
SASI «Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan»
AS RB, Senior Research Associate

INTERIOR OF THE DWELLING OF UKRAINIANS OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: ON THE PROBLEM OF TRADITIONAL VOCABULARY RESEARCH

Based on the author's expedition notes, the article presents an analysis of the traditional vocabulary of the interior of the dwelling of Ukrainians of the Republic of Bashkortostan. The main lexical and semantic groups of names of the main places of the house, furniture and kitchen utensils are highlighted. The existence of long-standing names at the present stage is sporadically recorded.

Keywords: *Ukrainians, Republic of Bashkortostan, vocabulary, interior, dwelling.*

В условиях ино- и полиэтничной среды Республики Башкортостан украинцы продолжают сохранять давние этнокультурные и языковые элементы, являющиеся важным источником изучения истории народа и языка.

Начало исследованию особенностей бытования языка украинцев Башкортостана положили ученые Академии наук УССР – П. Лысенко [Лысенко, 2011] и В. Иллин [Иллин, 2011], пребывавшие в эвакуации в Уфе во время Второй мировой войны. В послевоенный период специальных языковедческих исследований не проводилось, они возобновились только в начале XXI в. [Сіренко, 2010], [Чернієнко, 2012]. В 2012 г. учеными-диалектологами института украинского языка Академии наук Украины, совместно с учеными-украинистами Республики Башкортостан, была проведена совместная экспедиция в селах Стерлитамакского и Аургазинского районов республики. По ее результатам подготовлен ряд публикаций [Кобиринка, Ткачук, 2013], [Кобиринка, Ткачук, 2014], [Пилипак, Черниенко, 2017] и монографий [Ткачук, 2020].

Основой написания данной статьи послужили экспедиционные записи автора, проведенные в период с 2012 по 2021 гг. в селах, основанных украинцами на рубеже XIX–XX вв. В ходе освоения свободных башкирских земель переселенцами из разных губерний Российской империи поселение их в одних или соседних населенных пунктах способствовало формированию этнокультурного и этноязыкового образа края. При этом, под влиянием как внешних, так и внутренних факторов, неизбежными стали и ассимиляционные процессы. К примеру, несколько из наших респондентов отметили, что даже в пределах одного украинского села проживали «полтавцы» и «киевцы», то есть выходцы из Киевщины и Полтавщины. Часто отдельные диалектизмы одних были непонятными для других [ПМА, 2012], [ПМА, 2018]. Таким образом, под влиянием культурных ареалов разных этнографических зон Украины ассимиляционные языковые процессы среди украинцев Башкортостана отмечаются еще на начальном этапе заселения.

В 1926 г. украинский язык был родным для 75% украинцев, проживавших в БАССР, а к 1989 г. – для около 30% [Українці, 1992, 10, 20]. По данным всероссийской переписи населения 2002 г., украинским языком из 55249 украинцев владели 19726 чел. (35,7%) [Народы, 2016, 204]. К 2010 г. общее число украинского населения в республике сократилось до 39875 чел., из них 11865 чел. (29,7%) владеют украинским языком [Народы, 2016, 217].

На современном этапе исследования выборку опрашиваемых составили люди старшего поколения, которые самостоятельно выполняли работы по строительству домов, обустройству экстерьера и интерьера жилища.

Традиционный интерьер украинской *хати* (дома) не менялся на протяжении нескольких веков и состоял из *печі*, *долівки*, *скрині*, *стола* и *лав*. Сохранение бытования такого внутреннего пространства зафиксировано в нескольких домах потомков украинцев-переселенцев в селах Миякинского [ПМА, 2013], Альшеевского [ПМА, 2012] и Чишминского [ПМА, 2016] районов Республики Башкортостан. Вплоть до 30-х гг. прошлого века деревянного пола у украинцев не было, вместо него была *долівка* (пол) – земляной пол, помазанный глиной.

Записи полевого материала позволили выделить несколько лексико-семантических групп интерьера, а именно: названия мест в доме;предметов мебели;кухонной утвари.

Названия мест в доме. Справа, у входа в комнату, размещалась *піч* (печь) – сооружение из глины, камня (позже – кирпича), предназначенное для отопления помещения и приготовления блюд и напитков, выпекания хлеба и пр. От респондентов старшего возраста удалось зафиксировать названия отдельных элементов печи, которые на сегодняшний день почти забыты:

1.*Припічок* (шесток) – часть печи, плоскость перед устьем, под дымоходом.

2. *Челюсті* (устье) – выход печи, отверстие в форме дуги между шестком и внутренней частью печи.

3. *Черінь* (под) – нижняя, плоская часть, дно печи, где горят дрова: место выпекания хлеба и приготовления блюд.

4. *Підпіччя* (подпечье) – место под печью, используемое для складывания дров, хранения большой посуды и др. предметов.

5. *Затула* (заслонка) деревянная или металлическая заслонка, которой закрывают устье печи.

Особо важную роль в обрядах семейного и календарного циклов сохраняет *покуть* (красный угол), который находится по диагонали от печи.

Предметы мебели. Местом для сна в доме служили *лави* (лавки) вдоль стен и *полик* (полык) – деревянный помост, размещенный между печью и противоположной к печи стеной. Старшие дети, как правило, спали на печи, а младенцев качали в *колисці* (колыбель), которую крепили к потолку или деревянному *сволоку* (матке).

Для хранения одежды, домотканого полотна, украшений и прочих драгоценностей использовали *скриню* (сундук) – ящик с плоской или выпуклой крышкой. В отельных населенных пунктах *скриня* с ровной поверхностью служила и столом. Также одежду вешали на *жердці* (жердка) – горизонтально подвешенной или прикрепленной к стене перекладине. Посуду и прочую кухонную утварь держали в *миснику* (поставец) – полочка или несколько полочек, соединенных горизонтально между собой или закрепленных на стене. Как правило, *мисник* вешали слева при входе в дом, рядом с печью.

В ходе экспедиций спорадически зафиксировано бытование названий отдельных видов кухонной утвари и посуды. Так, для растирания всевозможных зерновых и употребления отдельных обрядных блюд использовали *макітру* (ступа). Для приготовления блюд – *баняки, чавуни* (чугунные горшки), которые доставали из печи с помощью длинного деревянный черенка с двумя металлическими закругленными рожками на конце – *рогача* (ухват).

В обиходе у каждой хозяйки были деревянные *ночви* (корыто), в котором стирали белье, мыли детей.

Таким образом, в процессе длительного проживания за пределами территории происхождения, несмотря на этноязыковую ассимиляцию, в языке украинцев Башкортостана спорадичеки зафиксировано бытование давних названий предметов интерьера жилища. Отдельные названия выходят из обихода.

Литература

Іллін В. С. Мова сіл Рублівка, Софіївка і Ляшківка Давлеканівського району Башкирської АРСР // Українці Башкирії: у 2 т. Т. І дослідження і документи / [гол. ред. Г. Скрипник, наук. ред. В. Бабенко ; відп. ред. Д. Чернієнко]; упоряд. Ю. Сіренко, І. Чернієнко, Л. Єфремова, М. Пилипак. К.: ІМФЕ НАН України; Уфа, 2011. 405–412.

Кобиринка Г. С., Ткачук М. М. У мовному діалозі Агідель і Дніпра. Jahrbuch der IV. Internationalen virtuellen Konferenz der Ukrainistik. “Dialog der Sprachen – Dialog der Kulturen. Die Ukraine aus globaler Sicht”. München – Berlin, 2014. P. 79–90.

Кобиринка Г. С., Ткачук М. Н. Украинские говоры в этнокультурном и этноязыковом пространстве Башкортостана. VII Кирилло-Мефодиевские чтения: сб. материалов Международной науч.-практ. конф. ИЦ Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова. Уфа, 2013. С. 173–181.

Лисенко П. С. Особливості мови села Івангород Давлеканівського району Башкирської АРСР // Українці Башкирії: у 2 т. Т. І дослідження і документи / [гол. ред. Г. Скрипник, наук. ред. В. Бабенко ; відп. ред. Д. Чернієнко]; упоряд. Ю. Сіренко, І. Чернієнко, Л. Єфремова, М. Пилипак. К.: ІМФЕ НАН України; Уфа, 2011. С. 390–404.

Народы Башкортостана в переписях населения: В 2 ч. Ч. I / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Уфа: Китап, 2016. 332 с.

Пилипак М. А., Черниенко Д. А. Свадебная лексика украинцев Башкортостана (на примере села Золотоношка Стерлитамакского района) / М. А. Пилипак, Д. А. Черниенко // Славянские чтения – 2017: сб. мат-ов Междунар. науч.-практ. конф., Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 16–18 мая 2017 г. / отв. ред. Л. В. Климина. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2017. С. 71–73.

ПМА, 2012 – Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М. А. от Чакиной (Коринько) Т.М., 1940 г.р., жительницы с. Байдаковка Альшеевского района Республики Башкортостан (2012).

ПМА, 2012 – Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М. А. от Носко А.А. 1928 г.р. жительницы с. Тавричанка Альшеевского района Республики Башкортостан (2012).

ПМА, 2013 – Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М. А. от Швирко (Гугли) В.К. 1928 г.р. жительницы с. Никольское Миякинского района Республики Башкортостан (2013).

ПМА, 2016 – Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М. А. И Бабенко В.Я. Рудченко А.И. 1934 г.р. жительницы с. Боголюбовка Чишминского района Республики Башкортостан (2016).

ПМА, 2018 – Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М. А. от Маринкоко А. Я., 1926 г.р., жительницы с. Ново-Киевка Чишминского района Республики Башкортостан (2018).

Сіренко Ю. В Із історії української освіти в Башкортостані // Український вимір. Збірник матеріалів IV Міжнародної наукової конференції «Українська діаспора: погляд із XXI століття». Ніжин, 2010. Вип. 3

Ткачук М. М. Українські говірки Башкортостану: Золотоношка і Степанівка / Відп. ред. та авт. передм. П. Ю. Гриценко. Київ: Національна академія наук України; Інститут української мови, 2020. 246 с. (електронне видання). ISBN 978-966-02-9394-6

Українці. Східна діаспора: атлас / відп. ред. Р. Сосса. К.: Мапа ЛТД, 1992. 24 с.

Чернієнко Д. А. Мовні процеси в середовищі українського населення Приуралля. Українська мова у світі. Львів, 2012. С. 287–296.

© Пилипак М. А., 2022

УДК *811.111*

Пирниязова А. К., Узбекистан, Нукус
Нукусский государственный педагогический институт, д.ф.н.
Жанабаев А. Т., Узбекистан, Нукус
Нукусский государственный педагогический институт, студент

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМЫ ЖЫЛҚЫ ‘ЛОШАДЬ’ В КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируется в сравнительном аспекте лексема жылқы ‘лошадь’. В тюркских языках этимология данной лексемы объясняется по-разному. Каракалпаки в прошлом вели полукочевой образ жизни, занимались скотоводством, земледелием и рыболовством. В лексике каракалпакского языка значительное место занимают слова профессионального характера. Лексема жылқы со временем семантически переразложилась. В современном каракалпакском языке данная лексема употребляется только в значении ‘лошадь’.

Ключевые слова: *лошадь, этимология, лексема, лексикография, сравнительный анализ, семантическое переразложение.*

Pirniyazova A.K., Nukus, Uzbekistan
Nukus Pedagogical Institute named, Doctor of Philology,
Zhanabaev A. T., Nukus, Uzbekistan
Nukus Pedagogical Institute, student

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEXEME ‘HORSE’ OF THE KARAKALPAK LANGUAGE

*The article analyzes the lexeme **zhylky** ‘horse’ in a comparative aspect. In the Turkic languages, the etymology of this lexeme is different. The lexeme **zhylky** semantically decomposed over time. In the modern Karakalpak language, it is used only in the meaning of ‘horse’.*

Keywords: *horse, etymology, lexeme, lexicography, comparative analysis, semantic decomposition.*

Тил билиминиң лексикалық қурамын, келип шығыў тарийхын ҳәр тәреплеме изертлеў тюркологияның әҳмийетли мәселелеринен бири болып табылады. Қарақалпақ тилиндеги “жылқы” сөзиниң түркий тиллердеги лексикалық мәнисин, оның этимологиясын үйрениўди мақсет етип алдық. Қарақалпақ халқы тарийхта ярым отырықшы ҳалда жасаған. Сонлықтан болса керек, халық арасында “Үш ай саўыным, Үш ай қаўыным, Үш ай қабағым, Үш ай шабағым“ деген сөз бар. Яғный қарақалпақлар жыл даўамында мал шарўашылығы, дийқаншылық ҳәм балықшылық пенен шуғылланған. Жылқы халықтың ҳәм күш-көлиги, ишсе ағарғаны, сойса – гөши хызметин атқарған. Қарақалпақ халқы халық болып қәлиплескен дәўирлерден баслап жылқы асыраған ҳәм оннан ҳәртәреплеме пайдаланған.

“Жылқы” лексемасын Орхон-Енисей жазба естеликлеринен, Махмуд Қашқарий сөзлигинен, тағы басқа да бурынғы жазба естеликлерден ушыратамыз.

Орхон-Енисей жазыўларынан Билке қағанға қойылған тастың шығыс тәрепиниң 24, 38, 39-қатарларында және қаған Қултегинге қойылған тастың қубла-батыс тәрепиндеги жазыўларда «yılkı» формасында қолланылған [Tekin, 1988, 186].

Солардан, Билке қағанға қойылған «Үлкен жазыў»дың 24-қатарында «Балаларды, атлардың үйирлерин сол ўақытта алдым» [Tekin, 1988, 45], 38-қатарында «Түрки халқы аш еди. Сол ат үйирлерин алып, оларды тойдырдым» [Tekin, 1988, 51], 39-қатарында «Халықты сол жерде жеңдим, ат үйирлерин, ҳайўанларын сол жерде мәжбүрий алып қойдым» [Tekin, 1988, 51] болып келтирилген.

Сондай-ақ, Қултегин қағанға қойылған «Киши жазыў»да «Қултегин алтынларын, гүмислерин, байлықларын, малын төрт мың (аттан қуралған) үйирин қорғайтуғын...» [Tekin, 1988, 25] болып келтирилген.

Бул текстлерде «ат үйири» болып қолланылған сөзлер тасларда «yılkı» формасында берилген.

Буннан соңғы XI әсирге келсек, Махмуд Қашғарийдиң «Девану луғат ит-турк» сөзлигинде жылқы сөзи Орхон-Енисей жазба естеликлериндеги сыяқлы «йилки» формасында қолланылады ҳәм «йилки» сөзине төмендегише түсиник бериледи:

«Йилки» – «мал», төрт аяқлы ҳайўанлардың улыўма атамасы [Кашгари, 2005, 776].

Сондай-ақ, бул сөзликте «йилки» сөзи менен қолланылатуғын төмендеги фразеологизмлер, нақыл-мақаллар қолланылған:

«Киши аласы ижтин йилки аласы таштин» [Кашгари, 2005, 122].
«Тук йилки» – шақы жоқ ҳайўан [Кашгари, 2005, 323].
«Башлаг йилки» – еркинликке жиберилген ҳайўан [Кашгари, 2005, 430].
«Башлиг йилки» – ақ баслы, төрт аяқлыларды айтады [Кашгари, 2005, 446].
«Йилки туйагин тирашдй» – ҳайўанлардың көплигинен жүре алмайды [Кашгари, 2005, 542].
«Йилки йутиктй» – мал тоңлады, яғный суўықтан өлди [Кашгари, 2005, 797].
«Киши сўзлашў, йилки йизлашдў» [Кашгари, 2005, 816].
«Туйаглиг йилки» – туяқлы ҳайўанлар [Кашгари, 2005, 875].
«Йилки буклади» – ҳайўанлар тезек қалдырды, оғузшада [Кашгари, 2005, 960].
«Йилки куклади» – маллар көклемдеги жайлаўда жайып бағылды [Кашгари, 2005, 967].

Демек, бул мысаллардан көринип турғанындай, М.Қашғарийдиң шығармасында «йилки» сөзи *ҳайўан, жәниўар, мал, улыўма төрт аяқлы ҳайўан* мәнисинде қолланылады.

Жылқы лексемасының түркий тиллеринде жоқарыдағы келтирилген мағлыўматларға бола қолланылыў мәнилери ҳәрқыйлы. Үш топарға ажыратып көрсетиўге болады: атлардың үйири мәнисинде, улыўма ҳайўан мәнисинде, ат сөзиниң синоними ретинде: айғыр, қулын, бийе, тайдың улыўма атамасы мәнилеринде.

Солардан, қарақалпақ тилинде (жылқы), қазақ тилинде (жылқы), қырғыз тилинде (жылкы), татар тилинде (йылкы), башқурт тилинде (йылкъы), якут тилинде (сылгы), тува тилинде (чылгы) ҳәм т.б. тиллерде *айғыр, бийе, қулын, тайдың* улыўма мәнисин билдиретуғын *жылқы* лексемасы қолланылады.

Түрк тилинде (yılkı), әзербайжан тилинде (ilxı), түркмен тилинде (ýylky), өзбек тилинде (yilqi) т.б. тиллерде *«жылқы»* лексемасы *атлардың үйири* мәнисинде қолланылады.

Қарачай-балкар тилиндеги *«йылқы»* сөзи бойынша әдебиятларда еки түрли мағлыўмат бар: биринщиси, татар тилиниң этимологиялық сөзлигин дүзиўшилер Р.Г.Ахметьяновтың «Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья» мийнетин ҳәм Э.В.Севортянның «Этимологический словарь тюркских языков» сөзлигин силтеме етип, *йылқы* сөзи бул тилде улыўма *ҳайўан* мәнисинде қолланылады [Ахметьянов, 2015, 253–254], – деген болса, тағы бир мийнетлерде *«ат үйири»* мәнисинде қолланылатуғынлығы көрсетилген [ЭСТЯ, 1989, 151].

Жылқы лексемасының этимологиясына келетуғын болсақ, алымлар тәрепинен оның түрлише этимологиялық вариантлары келтириледи.

Э.В.Севортян өз сөзлигинде бул сөздиң этимологиясын ең биринши рет усынған Х.Вамбери екенлигин айтып, бунда «йылқы» сөзи «йыл» (жыйнаў, бириктириў) сөзинен шыққан. Билдирилген усынысты илимпаз М.А.Хабичев ҳәм А.М.Щербак та мақуллаған. Бул жағдайда -қы сөз жасаўшы аффикс болып есапланады. Тағы да усы қатарға мына мағлыўматлар келтирилген: Ески түркий тилинде *ügir* (үйир) сөзи қолланылған. Бундағы *üg* сөзи «жыйнаў» мәнисин аңлатқан болса, *«-r»* аффикс [ЭСТЯ, 1989, 281–282].

М.Рэсэнен бул сөздиң этимологиясын төмендегише түсиндирген: Жылқы сөзиндеги йыл «бир жылда көбейетуғын мал, мал өсими» дегеннен шыққан болса, бул сөз -қы аффикси менен жасалып, «бир жыллық» дегенди билдиреди. М.Рэсэненниң бул шамалаўын Ж.Клосон да өз мийнетлеринде атап өтеди [ЭСТЯ, 1989, 281–282].

Қырғыз илимпазлары *жылқы* лексемасының этимологиясын былай түсиндиреди: Жылқы сөзи *жыл-* ҳәм *-қы* бөлеклеринен қуралған. Оның *жыл* бөлеги мин (миниў) деген фейил сөздиң мәнисин беретуғын ески йон//йун фейилинен йун>йын>йыл болып өзгерген. Сонлықтан жылқы сөзи минги дегенге туўры келеди [КТКЭС, 1988, 112].

К. Мусаевтың «Лексика тюркских языков в сравнительном освещении» мийнетинде ҳәм өзбек тилиниң этимологиялық сөзлигинде бирдей түсиниклер бар. Яғный, «йыл» сөзи ески түркий тилиндеги «бир жерге жыйна» деген фейилден дөрегенлигин атап көрсетеди [Мусаев, 1976, 109–110; Раҳматуллаев, 2000, 156]. Сондай-ақ, йыл фейилине -қы қосымтасы арқалы жасалған: йыл- + қы = йылқы>йилқи. Бул сөз «кең жайлаўда еркин ҳәрекетленип жүретуғын ҳайўанлар» мәнисин аңлатқан, кейин ала бул мәнис тарайып, «атлар үйири, падасы» мәнисин аңлата баслаған [Раҳматуллаев, 2000, 156].

Түркше сөзликте келтирилген мағлыўмат пенен толықтыратуғын болсақ, *жылқы* лексемасы жыл сөзинен кейин -қы деген аффикстиң қосылыўы арқалы жасалыўы қабыл етилген, алдын «жыл ишинде туўылған ҳайўан» мәнисин билдирген болса, кейин улыўмаластырылған, – деп мағлыўмат береди [Ayverdi, 2010, 527].

Түркмен тилиниң этимологиялық сөзлигин дүзиўшилер толық түрде Х.Вамберидиң пикирин мақуллайды [Atanyýazow, 2004, 441].

Қарақалпақ тилинде «жылқы» сөзи ең дәслеп кең мәниде қолланылып, улыўмалықты билдирген. Кең жайлаўда жайылып жүрген мал – мәнисинде қолланылған. Мәселен, халық аўыз еки әдебиятында «үйир-үйир жылқысы» деген тәриплер береди. Кейин ала бул лексеманың мәниси тарылған. Қарақалпақ тилинде ҳәзирги тил көз қарасынан төрт түлик малдың бир түрин ғана билдиреди.

Жылқы – малдың патшасы, *Түйе* – малдың қасқасы (нақыл).

Сондай-ақ бул лексема айырым фразеологизмлердиң қурамында келеди ҳәм бул ҳайўанның минез-қулқына усатыў арқалы адамларды тәриплейди: *жылқы минез. Жылқысы таўға шығыў* – қуўаныў, тилеги орынланыў.

Келтирилген мағлыўматларға тийкарланып, тюркологияда *жылқы* лексемасының этимологиясы бойынша еле турақлы пикирге келинбеген деген жуўмаққа келдик. Көрсетип өтилгениндей, түркий тиллеринде ҳәрқыйлы этимологиялық болжаўлар бар.

Демек, жуўмақлап айтатуғын болсақ, *жылқы* лексемасы түркий тиллеринде ҳәр қыйлы лексикалық мәниге ийе, оны еле де тереңирек үйрениў – тюркологияның баслы ўазыйпасы болып қалады.

Әдебият

Atanyýazow S. Türkmen diliniň sözköki (etikologik) sözlügi. Aşgabat: Miras, 2004.
Ayverdi İ. Misalli büyük Türkçe sözlük. 2010.
Tavkul U. Karaçay-Malkar Türkçesi sözlüğü. Ankara: Türk dil kurumu, 2000.
Tekin T. Orhon yazıtları. Ankara: Türk tarih kurumu basımevi, 1988.
Кашгари М. Диван Лугат ат-Турк. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
КТКЭС – Кыргыз тилиниң кыскача этимологиялык сөздүгү. Фрунзе: Илим, 1988.
Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. Москва, 1976.
Ахметьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге. Ике томда, I том. Казан: Мәгариф–вакыт, 2015.
Раҳматуллаев Ш. Ўзбек тилининг этимологик луғати (туркий сўзлар). Тошкент: Университет, 2000.
ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. Москва: Наука, 1989.

© Пирниязова А. К., Жанабаев А. Т., 2022

УДК *811.512.141*

Псянчина М. Т., Россия, г.Уфа
Башкирский государственный педагогический университет, студент

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКАХ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

(на материале башкирских и английских пословиц)

В статье описываются особенности формирования этнокультурной компетенции на уроках башкирского языка с применением башкирских и английских пословиц. Приводятся различные трактовки термина «этнокультурная компетенция», которая является одной из ключевых компетенций в современном мире. В статье также указывается роль башкирских и английских пословиц как источник сведений о культуре, традициях и обычаях народов. Приводятся практические упражнения с применением народных изречений для ознакомления учащихся с особенностями картин мира башкир и англичан.

Ключевые слова: *этнокультурная компетенция, языковая картина мира, пословица, поговорка, концепт.*

M.T. Psyanchina, Russia, Ufa
Bashkir State Pedagogical university named after M. Akmulla, student

FORMATION OF ETHNO-CULTURAL COMPETENCE IN BASHKIR LANGUAGE LESSONS

(based on Bashkir and English proverbs)

The article describes the features of the formation of ethno-cultural competence in the lessons of the Bashkir language with the use of Bashkir and English proverbs. Various interpretations of the term "ethno-cultural competence"are given in the text which is one of the key competencies in the modern world. The article also indicates the role of Bashkir and English proverbs as sources of information about the culture, traditions and customs of peoples. Practical exercises with the use of folk sayings are given to familiarize students with the peculiarities of the world pictures of Bashkirs and Englishmen.

Keywords: *ethno-cultural competence, linguistic picture of the world, proverb, saying, concept.*

В настоящее время образование движется в ногу со временем: появляются новые технологии, инновационные подходы, эффективные методы и приёмы обучения. Данные изменения также непосредственно касаются и уроков родного языка. В условиях глобализированного мира становится перспективной тенденция изучения языков в школах в связи друг с другом, выделяя какие-либо параллели не только в грамматическом, но и культурном плане между родным и иностранным языком. У учащихся быстрее и эффективнее развивается языковая, лингвокультурологическая и этнокультурная компетенция.

Что такое этнокультурная компетенция? В связи с тем, что данный термин появился относительно недавно, на этот момент нет единого определения. Этнокультурная компетенция, по мнению А.Б. Афанасьевой, – это свойство личности, которое основывается на представлениях о родной и неродной культуре народов, их роли в мировом пространстве, а также способность к непосредственному диалогу культур, к их сравнению [Афанасьева, 2009, 194]. Существует и другое определение, данное И.А. Морозовым: этнокультурная компетенция – это наличие базовых знаний о различных этносах, их особенностях, основанное на осознании их различий [Морозов, 2011, 50]. По мнению А.А. Грицко, этнокультурная компетенция – умение ориентироваться и адекватно вести себя в ситуациях межкультурного общения [Грицко, 2010, 165]. Исходя из приведённых интерпретаций термина «этнокультурная компетенция», можно сказать, что это знание особенностей культур своего и других этносов, их ценностей, а также умение организовать эффективный межкультурный диалог.

Формирование этнокультурной компетенции становится приоритетным направлением в современном образовании. Исходя из специфики многонациональных субъектов Российской Федерации, данная компетенция является актуальной, так как взаимодействия между этносами в такой обстановке более интенсивнее, чем в других регионах.

На уроках башкирского языка формирование этнокультурной компетенции занимает особое место, так как именно через язык постигаются особенности культуры. Особо стоит отметить, что непосредственно через сравнение и сопоставление родной и неродных культур происходит развитие данной компетенции: учащиеся выделяют особенности между традициями, картинами миров двух или более народов. Важным компонентом культуры является фольклор – устное народное творчество, выражающее самобытность того или иного этноса. Одним из видов малого фольклора являются пословицы – короткие, но в то же время ёмкие высказывания в устной форме, имеющие воспитательное содержание. Они представляют многообразные стороны жизни народа: от семейных до политических отношений.

Башкирские и английские пословицы являются отражением башкирской и английской культур соответственно. На материале народных изречений появляются возможности для изучения, сравнения и сопоставления ценностей, языковых картин мира, а также быта и традиций двух народов: башкир и англичан. Именно с помощью таких методов у учащихся развиваются представления о культуре не только своего, но и других этносов.

К примеру, можно предложить такие упражнения, которые рассматривают одинаковые концепты у двух народов (дружба, язык, Родина, любовь, счастье и другие).

Слова в пословицах перепутаны. Поставьте их на свои места и прочитайте пословицы, расставьте, где необходимо, знаки препинания. Скажите, верны ли по вашему мнению эти утверждения? Каковы сходства и различия между данными высказываниями?

1. туҡыу төбө уҡыу (Уҡыу төбө – туҡыу).
2. practice perfect makes (Practice makes perfect).
3. ҡаҙыу алыу энә менән белем ҡойо (Белем алыу – энә менән ҡойо ҡаҙыу).
4. no road is there to learning royal (There is no royal road to learning).

Стоит отметить, что здесь важно именно последующее объяснение учителя о представлениях об учении как сложном процессе. И башкиры, и англичане отмечали, что получение знаний являлось трудоёмким занятием и требовало терпения, усидчивости и внимания. У башкир учение сравнивалось именно с практическими видами деятельности (туҡыу, ҡаҙыу), в то время как в английских реалиях оно сравнивается с неким путем, который равен для всех, вне зависимости от статуса и звания.

Также можно предложить такое упражнение для формирования этнокультурной компетенции:

Прочитайте пословицы. Соедините части пословиц между собой, найдите имена существительные, определите их число, падеж. Какие пословицы про Родину вы можете еще назвать?

Иленән айырылғандың	though it's never so homely.
Ҡунаҡта рәхәт,	home is best.
A man without a Motherland	ҡанаты ҡайырылған.
Home is home	тыуған илдәй ил булмаҫ
Тыуған ерҙәй ер булмаҫ,	өйҙә – бәрәкәт.
East or West,	is like a Nightingale without a song.

В данном случае также важно обратить внимание учащихся на концепт «Родина» в картинах мира башкирского и английского народов. Любовь к Родине передавалась из поколения в поколение, указывая, что родная земля – это нечто, что носит сакральный характер. Любовь к Отчизне воспитывалась с малых лет, и это, несомненно, отразилось на устном народном творчестве данных этносов [Самситова, 2019, 199]. Учителю также рекомендуется провести сравнительный анализ пословиц. К примеру, у башкир отделившийся от Родины человек сравнивается с птицей, потерявшей крылья («Иленән айырылғандың – ҡанаты ҡайырылған» – «Человек без Родины – птица без крыльев»), в то время как в английской картине мира он сравнивается с соловьём без песни («A man without a Motherland is like a Nightingale without a song» – «Человек без родины что соловей без песни»).

Таким образом, формирование этнокультурной компетенции является важным аспектом преподавания башкирского языка в школах. Башкирские и английские пословицы становятся хорошим материалом не только для изучения грамматики, но и базой для ознакомления с культурой башкир и англичан. Сравнивая, сопоставляя и анализируя народные изречения, учащиеся познают культурные особенности обоих народов и, соответственно, учатся правильно выстраивать межэтнический контакт и впоследствии – диалог, что и является целью формирования этнокультурной компетенции.

Литература

Афанасьева А. Б. Этнокультурное образование: сущность, структура содержания, проблемы совершенствования // Знание. понимание. умение.–2009. № 3. С.189–195.

Башҡорт халыҡ ижады. 10-сы том. 1-се китап. Мәҡәлдәр һәм әйтемдәр / Төҙөүсе, инеш мәҡәлә һәм комментарийҙар авторы Ф. А. Нәҙершина. Өфө: Китап. 2006. 544 б.

Грицко А. А. Этнокультурная компетенция в системе компетенций практического психолога образования // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2010. № 4–1. С. 162–167.

Морозов И. А. Этнокультурная компетентность и стандарты общего образования второго поколения // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы I Междунар. науч. конф. Уфа: Лето, 2011. С. 49–52.

Самситова Л. Х. Концепт "родина" в языковой картине мира (на материале башкирских народных и английских пословиц и поговорок) / Л.Х. Самситова, А.С. Асылбаков // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: Труды и материалы международной конференции. Казань, 14–17 октября 2018 года. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2018. С. 199–201.

© Псянчина М. Т., 2022

УДК *811.512.141*

Сабирьянова С. Г., Россия, г. Уфа

МЕЛОДИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА

В статье представлены воспоминания С.Г. Сабирьяновой, сотрудника отдела языкознания ИИЯЛ УФИЦ РАН в 1962–1993 гг., о диалектологических экспедициях, организованных в Институте с 1959 г.

Ключевые слова: *башкирский язык, ИИЯЛ УФИЦ РАН, диалекты башкирского языка, диалектологические экспедиции.*

Sabiryanova S. G., Ufa, Russia

MELODY OF THE NATIVE LANGUAGE
(some memories of expeditions to study dialects)

The article presents the memoirs of S.G. Sabiryanova, an employee of the Department of Linguistics of IHLL UFRC RAS in 1962-1993, about the dialectological expeditions organized at the Institute since 1959.

Keywords: *Bashkir language, IHLL UFRC RAS, dialects of the Bashkir language, dialectological expeditions.*

ТЕЛЕБЕҘ МОҢО…
(ерле һөйләштәрҙе өйрәнеү осоронан ҡайһы бер хәтирәләр)

Эйе, ысынлап та, һәр телдең үҙ моңо бар. Ул моң әсә теле, бишек йыры менән инә бала күңеленә.

Беҙҙең бала саҡ илебеҙ өсөн бик ауыр һуғыш йылдарына тура килде. Тормоштоң ошо зарлы заманында кешеләрҙә нығыраҡ аралашыу, бер-береңә яҡыныраҡ булыу үҙе үк көнкүреш талабы булғандыр, күрәһең. Ир-ат һуғышта. Һәр өйҙә лә ҡатын-ҡыҙ һәм балалар. Кистәрен инәйҙәр йыш ҡына кис ултырырға йыйыла. Бына шул кис ултырғандағы уларҙың сәй эсеп, ҡул эштәре эшләп, мөңгөр-мөңгөр генә һөйләшеүҙәре бер моң булып күңелгә һеңеп ҡалған.

Мин был мәҡәләмдә халыҡтың һөйләү телен өйрәнеү мәлдәре хаҡында хәтирәләремде теркәнем. Өйрәнеү мәлдәре тигәндә лә бер мәғәнә бар. Сөнки халыҡтың йәнле һөйләү телен өйрәнеүҙе ғалимдар үҙенә күрә бер периодтарға бүлеп йөрөтә. Ул башҡорт теле һөйләштәрен өйрәнеүгә лә бик хас күренеш. Диалектология өлкәһендә мин эшләгән йылдар был фәнде үҫтереүҙәге бик актив осор булды, тип һис икеләнеүһеҙ әйтә алам. Ул осор минең өсөн 1959 йылдан башланып китте.

Ошо йылда мин БДУ-ның филология факультетының беренсе курсын тамамлап йөрөйөм. Университеттың дүрт студентын СССР Фәндәр академияһының Башҡортостан филиалына ҡараған Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты диалектология буйынса ойоштороlған экспедицияға алды. Ул ваҡытта, күрәһең, тел ғилеме буйынса белгестәр әҙерләү маҡсаты ла күҙ уңында тотолғандыр. Шулай итеп, беҙ университеттан Әхмәр Аҙнабаев, Марс Зарипов, Венера Ибраһимова һәм мин, институттан Сәриә Миржанова, Урия Яруллина, Зәйнулла Ҡолмөхәмәтов ул ваҡытта инде филология фәндәре кандидаты Нәғим ағай Ишбулатов етәкселегендә Урал аръяғы зонаһына 45 көнлөк ҙур экспедицияға юлландыҡ. Беҙгә институт көплө машина бирҙе, Шакир ағай – шофер (ул һуңынан да күп тапҡырҙар беҙҙе экспедицияға алып сыҡты). Бик мул аҙыҡ-түлек запасы бирелде; ҡырҙа лагерь ҡуйыу өсөн бөтә кәрәк-яраҡ (палаткалар, йоҡо ҡапсыҡтары, һауыт-һаба һ. б.) етерлек. Бөтә монаятҡа Зәйнулла ағай Ҡолмөхәмәтов яуаплы. Һәр беребеҙгә етерлек дәфтәр-көндәлектәр, Нәғим ағай Ишбулатов редакторлығында төҙөлгән һорауҙыҡ, анкета – барыһы ла бар. Был экспедицияны әҙерләүгә һәм ойоштороуға ярҙам итеп һәм бөтә тейешле кәңәш-нәсихәттәре менән беҙҙе Мәскәүҙең Тел ғилеме институтында эшләгән билдәле яҡташыбыҙ, Бөйөк Ватан һуғышы ветераны, ҙур ғалим Әхнәф Әхмәт улы Юлдашев ағай үҙе оҙатып ҡалды. Ул төрки телдәре һәм шул иҫәптән башҡорт теле формалашыуы, диалектологияһы, ғөмүмән төрки телдәрҙең тарихы өлкәһендә күп эшләгән фәндәр докторы, профессор ине.

Был экспедиция осоронда маҡсат итеп башҡорт һөйләштәренең бөтә тел үҙенсәлектәрен, йәғни уның лексикаһын, фонетикаһын, морфологияһын һәм һөйләм төҙөлөшө үҙенсәлектәрен өйрәнеү ҡуйылғайны. Әле әйтеп киткән һорауlыҡта телдең ошо үҙенсәлектәренә айырым-айырым бүлектәр тәғәйенләнгән. Шул һорауҙарға яуап алып, уларҙы көндәлек дәфтәрҙәренә теркәп, ҡайтҡас, улар буйынса ентекле отчет яҙыу һәм ул тел материалдарын киләсәктә төрлө ғилми тикшеренеүҙәрҙә ҡулланыу – былар барыһы ла киләсәккә пландар булып торҙо. Халыҡтың йәнле һөйләү телен өйрәнеүҙең был периоды һөйләштәрҙе монографик өйрәнеү тип нарыҡлана ине.

Етәксебеҙ Нәғим ағай Ишбулатов Әбйәлил районы Ҡаҙмаш ауылы һөйләше буйынса диссертация яҡлағайны. Ҡулыбыҙҙа анкета һәм һорауlыҡ булғас, бында ҡатнашыусыларҙың барыһы өсөн дә эш планы аңлайышлы, ҡалғаны тик үҙеңдең тырышлығыңды һәм көн һайын тигәндәй тәжрибә туплауҙы талап итә. Шулай итеп, беҙ, дүрт студент, ғалимдар етәкселегендә был матур һөнәргә ҙур ихтирам менән эшкә бирелеп киттек. Иң шатландырғаны – халыҡтың беҙгә шул тиклем яҡшы мөнәсәбәте, беҙҙең һорауҙарға ихласлығы ине. Күп ерҙәрҙә беҙҙе көтөп алған ҡунаҡтай ҡаршылайҙар, һорауҙарға ҡоро ғына яуап бирep ҡалмайҙар, ҡайһы саҡтарҙа төрлө йолаларҙы атҡарып уҡ күрһәтәләр. Хатта махсус ҡунаҡ саҡырып, ҡунаҡ һыйлау йолаларын да күрһәткәндәре хәтеремдә Әбйәлил районында.

Был экспедицияла шаҡтай бай тел материалы йыйылды. Һәр ауылда ике-өс көн тора торғайныҡ. Ул замандарҙа юлдар ғына бик юҡ ине. Шулай ҙа оҫта шофер Шакир ағай бер ерҙә лә

баҙап ҡалманы, ауыр юлдарҙы ла еңеләйтте. Баштараҡ беҙ институт ғалимдары менән икешәрләп йөрөй инек халыҡ араһында, һуңынан үҙебеҙ генә лә эшләй башланыҡ. Беҙҙең аранан Әхмәр Аҙнабаев ул саҡта инде дүртенсе курсты тамамлай, шаҡтай әҙерлекле. Артабан ул билдәле телсе-ғалим булып китте, һөйләм төҙөлөшө һәм тарихи грамматика мәсьәләләре, башҡорт телен уҡытыу методикаһы буйынса хеҙмәттәр яҙҙы, БДУ-ла, БДПИ-ла студенттарҙы уҡытты. Мин иһә, шунан башлап, диалектологияның тел ғилемендәге ҙур әһәмиәтен аңлап, был фәнде яратып өлгөрҙөм. Марс Зарипов, артабан фән докторы булған Сәриә Фазулловна менән тормош ҡороп, уның уң ҡулы булып китте. Бик матур, эшлекле Урал исемле ул үҫтерҙеләр. Йәл, тик Венера Ибраһимованың ғына ғүмере иртә өҙөлдө. Шул тиклем хисле, йомшаҡ күңелле матур ҡыҙ ине. Ә ғалимдарҙан Нәғим ағай Ишбулатов, Урия апай Яруллина, Сәриә апай Миржанова ғүмер буйы яғымлы оло иптәш тә, кәңәшсе лә булып ҡалдылар.

Шул экспедициялағы ғалимдарҙың барыһының да йырсы булыуы – бик матур бер хәтирә, бер ҙә онотолмаҫ моңдары әле лә ҡолаҡта сыңлап торғандай. Нәғим ағайҙың тауышы бигерәк моңло ине. Ул кистәрен лагерҙан әҙ генә арыраҡ китеп йырлап ебәрә, бөтә донъя уны тыңлайҙыр кеүек тойола торғайны миңә. Башҡорт халыҡ йырҙарының тел менән генә аңлатып бирә алмаҫлыҡ үҙенсәлекле моңон шул Нәғим ағай йырҙары аша аңланым кеүек. Шулай уҡ Сәриә апай ҙа артистарҙан кәм түгел ине. Аҙаҡ ул йырҙарын пластинкаларға ла яҙҙырҙы. Миңә бүләк иткән пластинкаһы әле лә иҫтәлек булып һаҡлана. Урия апай ҙа бик матур йырлай ине. Ғөмүмән, диалектологтар араһында йырламаған кеше булманы ла, ахыры. Һуңынаныраҡ институтҡа килгән Урал Нәҙерғолов та, Рафаил Аҙнағолов та матур йырлайҙар ине. Рафаил ҡурайсы ла булды. Миндияр Ишбирҙе улының моңдары шифыр булып ята ине ҡағыҙға. Һуңынан ошо Институтҡа эшкә килгәс, билдәле диалектолог Нәжибә Мәксүтова етәкселегендә эшләргә насип булды. Ул да йырға-моңға бай ине. Бер экспедиция ваҡытында Берештамаҡ тигән ауылға икәүләп йәйәү барғанда, унан “Сәлимәкәй”ҙе йырларға өйрәнгәнем хәтеремдә. Әлбиттә, былар һүҙ ыңғайы ғына әйтелде, шулай ҙа әллә нишләп диалектологҡа телебеҙ моңо ғына түгел, тауыш моңо ла күбеһенә хас булған бит, тип уйлата ҡайһы саҡта. Беҙҙе шулай үҙ күреп, эшебеҙҙә бөтә күңелдән ярҙам иткән ауыл халҡына рәхмәт йөҙөнән беҙ шул экспедициялар осоронда үҙебеҙҙең коллектив көсө менән концерттар ҙа күрһәтә инек, ул ваҡыттарҙа ауылға артистар һирәк килә, беҙҙең сығыштарҙы ауыл халҡы бик яратып ҡабул итә ине.

Шул 1959 йылдағы экспедициянан һуң киләһе йылда университет ойошторған бәләкәй генә коллектив менән йәнә экспедицияға барҙым. Уныһы Силәбе өлкәһенең Арғаяш районына ине. Ул, әлбиттә, бик озаҡҡа иҫәпләнмәгәйне, әҙерлеге лә ул тиклем етди булманы, матди ярҙам да юҡ ине. Беҙ үҙебеҙҙең диалектология уҡытыусыһы Рәшит ағай Рахманғолов етәкселегендә Уран Кинйәбулатов, Люциә Абдрашитова менән өс студент сығып киттек.

Экспедицияларҙа йыйып алып ҡайтҡан материалдарыбыҙ буйынса ғилми отчеттар яҙып, көндәлек дәфтәрҙәренән бөтә тел үҙенсәлектәрен картотекаға индереп, улар нигеҙендә башҡорт диалектологияһы буйынса тәү башлап һүҙлектәр төҙөү эшенә тотоноп киттек. Беҙ шул йылдан башлап институт коллективы менән ташлашманыҡ.

Мин 1962 йылда Институтҡа лаборант булып эшкә индем. Шул уҡ йылды 15 майҙа фольклорсылар менән бергә ойошторолған ҙур экспедицияға сыҡтым. 15 май шуға бик иҫтә ҡалған. Беҙ, Силәбе өлкәһе Арғаяш районындағы бер ауылға (Наил ағай Бикбулатовтың тыуған ауылы кеүек хәтерҙә ҡалған) барып етеп, урынлашып, палаткалар ҡороп, йоҡларға яттыҡ, ә иртән торһаҡ, палатка ишеген дә асып булмай: тултырып ҡар яуған. Мин дежурный. Нисек сәй ҡайнатырға, тигән уй йүгереп үтте баштан. Ләкин сәй ҡайнатырлыҡ бер яй ҙа табырлыҡ түгел, хатта бик үткер шофер Шакир ағай ҙа бер ниндәй ҙә ярҙам күрһәтә алмай. Етәксебеҙ ауылға барырға тәҡдим итте. Шунан бәшҡа әмәл юҡ ине. Ул йылды етәксебеҙ Кирәй Мәргән ағай ине. Ул бик күркәм ҡиәфәтле, телгә-һүҙгә маһир, яҙыусы кеше бит инде. (Ҡайҙалыр, уның атаһы сәсән булған, тип тә уҡығаным хәтерҙә, үкенескә ҡаршы, кем икәне һәм яҙма сығанаҡтың исемен онотҡанмын). Матди әйбер-ҡараға был экспедицияла Ниғмәт Шоңҡаров яуаплы ине. Бер нисә магнитофон, улар менән эшләү, төҙөкләүенә яуап бireүсе лә ул. Әйткәндәй, Ниғмәт ағай үтә лә илгәҙәк, тырыш, ихлас күңелле кеше булды. Минең ҡарашҡа, ул нәҡ фольклорсы булып тыуған. Ул кешеләр менән уртаҡ тел таба белеүе, ярҙамсыллығы, асыҡ йөҙлө булыуы – былар барыһы ла уның үҙенә генә хас һыҙаттар. Ауылдарҙа ул кешеләр менән эшләгәндән һуң, ауыл халҡы уның янына үҙе килә башлай торғайны. Лагерҙа ул сәсән телле кешеләрҙән йыр-ҡобайырҙар, төрлө ауыҙ-тел ижады материалдары яҙып ултырғаны бөгөнгөләй хәтерҙә.

Үрҙә әйткәндәй, ғалимдарыбыҙҙың барыһы ла йырсы: фольклорсылар Салауат Ғәлин, Фәүзә Нәҙершина башҡорт халыҡ йырҙарының тарихын белеү менән бергә уларҙы шул тиклем матур итеп йырлайҙар ҙа ине. Был экспедиция ла материалдарға бай булды, күп мәғлүмәт йыйылды. Киләһе 1963 йылда йәнә фольклорсылар менән бергә ойошторолдо экспедиция. Мин шулай ауыҙ-тел ижады һәм ерле һөйләү теле материалдарын бергәләп йыйыуҙы бик дөрөҫ тип иҫәпләйем әле лә. Берләштерелгән экспедицияларҙың институт өсөн материаль сығымдарын экономиялауҙан бигерәк уның телселәр өсөн дә, фольклорсылар өсөн дә уңайлы яҡтары хәтһеҙ. Әйтәйек, сәсән телле кешеләрҙән йыйылған ауыҙ-тел ижадында диалектолог өсөн ҡиммәтле тел үҙенсәлектәре һаҡлана. Шулай уҡ диалектолог

йыйған материалдар араһында ауыҙ-тел ижады ла йыш ҡына сағылыусан була. Сөнки һорауҙарға яуап биреү рәүешендә әңгәмә барғанда, информатор әллә күпме мәҡәл-әйтем ҡыҫтырып ебәрә, таҡмаҡ-йырҙарҙы иҫенә төшөрә. Шулай итеп, үҙе лә һиҙмәҫтән фольклор материалы менән бүлешеп ултыра. Киләһе 1963 йылда Н.Х. Ишбулатов етәкселегендәге экспедиция Ейәнсура, Хәйбулла, Мәләүез, Күгәрсен, Йылайыр райондарында, ә Н.Х. Мәҡсүтова етәкселегендә 1964 йылдағыһы Белорет, Архангель, Ҡырмыҫҡалы, Ғафури райондарында эшләне. Миңә уларҙа ла ҡатнашырға насип итте. Шул йылдарҙа йыйылған тел материалдары беҙҙең артабанғы эштәргә ныҡлы нигеҙ булды, тиһәк тә була.

Диалектология буйынса тәүге һүҙлекте төҙөүҙә, бөтә ваҡ эштәрендә, шул иҫәптән уны машинкала баҫыуҙа ҡатнаштым. 1967 йылда һөйләштәр һүҙлегенең беренсе томы (көнсығыш диалекты буйынса) донъя күрҙе, ә 1963, 1964 йылдарҙағы экспедицияларҙа йыйылған һүҙ байлыҡтары менән йәнә көньяҡ һөйләше (1970 йыл) һәм төньяҡ-көнбайыш башҡорттары һөйләштәре (1987 йыл) буйынса тағы ике һүҙлек нәшер ителде. Артабан институт етәкселеге менән ошо өс һүҙлек нигеҙендә 2002 йылда дөйөмләштерелгән “Башҡорт теленең диалекттары һүҙлеге”н сығарҙыҡ. Шул йылдарҙа йыйылған тел байлыҡтарын файҙаланып, күп кенә ғилми мәҡәләләр баҫтыра торҙоҡ.

1973–1993 йылдарға институт яңы ҙур тема асты: ул башҡорт диалекттарын лингвогеографик өйрәнеү, йәғни теге йәки был тел күренешенең таралыу географияһын күрһәткән атлас төҙөү ине. Шул егерме йылдың тәүге ун йылында йылына бер тапҡыр экспедиция ойоштороу һәм командировкалар ярҙамында материал туплау күҙ алдында тотолдо, шулай эшләнде лә. Был тема етәксеһе филология фәндәре докторы Нәжибә Хәйерзаман ҡыҙы Мәҡсүтова ине, экспедицияларға ла ул етәкселек итте. Был осор экспедицияларында ла төрлө юл ауырлыҡтары шатлыҡтар менән бергә барҙы, эшләргә тейешле шарттар тыуҙырылды.

Был йылдарҙа ла иң ҡыуандырғаны – халыҡтың ихлас күңеллелеге иҫтә ҡалған. Бик күп ауылдарҙа булып, әллә күпме кешеләр менән осрашып һөйләшеүҙәргә ҡарамаҫтан, ҡайһы бер ауылдар һәм ундағы информаторҙарҙың исемдәре, йөҙ-ҡиәфәттәре бөгөнгөләй иҫтә. Бына, мәҫәлән, Баймаҡ районының Йомаш ауылында Иҫәнов Сафиулла ағай ғаиләһе, ул үҙе Бөйөк Ватан һуғышы ветераны, әбейе менән генә торалар. Шул тиклем телгә-һүҙгә бай ағай! Беҙ ул ваҡытта (1982 йыл) атлас өсөн махсус программалағы һорауҙарға яуап алыу маҡсаты менән эшләйбеҙ, аныҡ һорауҙар бирәбеҙ. Сафиулла ағай, һорауыңды биреп тә өлгөрмәйһең, яуабын әйтеп тә бирә. Шул уҡ ваҡытта, тормош-көнкүреш темаларына әңгәмә ҡорһаң, ул шундай ихлас һөйләй, шул тиклем теле матур. Уларҙы нисек онотаһың… Ауылдан киткәндә, нисектер, шул кешеләр алдында бурыслы кеүек, шәхсән үҙҙәренә ниндәйҙер яҡшылыҡ эшләге килеп кителә.

Ырымбур өлкәһенең Иҫәнгилде ауылы кешеләре лә бер ҙә онотолмай. Унда Сәғит Агиштың нәҫел-нәсәптәре бик күп ине. Агишев Яҡуп тигән ағай яҙыусының туғаны ине. Ул беҙгә бик күп мәғлүмәт тупларға, үҙебеҙ теләгән һорауҙарға яуап алырға ихлас ярҙам итте. Ул һөйләгән текстарҙы 1988 йылда нәшер ителгән “Башҡорт һөйләштәренән үрнәктәр” китабына ла индереп ебәргәйнем. Шулай уҡ Ырымбур өлкәһенән билдәле журналист Мәргән ағай Мырҙабәковтың ата-әсәләре бер ҙә онотолорлоҡ түгел. Улар беҙҙе үҙ балаларындай итеп ҡаршы алып, мәғлүмәт тупларға ҙур ярҙам итеп, киткән саҡта хатта йылы ойоҡбаштар биреп оҙатып ҡалғайны. Бына бит ул саф йөрәкле, изге күңелле, тел-ижадҡа маһир кешеләр! Бик күп осраныҡ шундай мәрхәмәтле лә, аҡыллы ла, телгә бай, асыҡ йөҙлө кешеләрҙе. Уларҙы нисек онотаһың!

Атласты төҙөү эше ун йылға планлаштырылғайны. Беҙ ошо ваҡыт эсендә уны эшләп бөтөрөргә өлгөрҙөк. Тик уның ташҡа баҫылыуы ғына оҙаҡҡараҡ һуҙылды. Шулай ҙа 2005 йылда был ҙур хеҙмәт донъя күрҙе. Уның үҙенсәлектәре, әһәмиәте тураһында бында бәйнә-бәйнә яҙыу мөмкин түгел, тик шуны ғына әйтке килә: тел тарихы өсөн бик ҙур материал тупланған унда. 2011 йылда ул китапты Башҡортостан Республикаһының фән һәм техника өлкәһендә дәүләт премияһына тәҡдим ителеү уңайынан яҙған мәҡәләһендә шағир һәм ғалим, профессор Рәшит Шәкүр “Ысын мәғәнәһендә быуат китабы” (“Йәшлек”, 2011 йыл, 12 июль) тип атағайны. Ғалим мәҡәләнең йөкмәткеһендә бындай нарыҡлауҙың нигеҙен дә раҫлап бирә. Институт ғалимдары, ошо китаптағы бай материалдарҙы файҙаланып, артабан тарихи эҙләнеүҙәр, төрки телдәр һәм диалекттар араһында сағыштырма тикшеренеүҙәр алып барыр, тигән өмөттә ҡалам.

Яратҡан фәнем диалектологияның яҙмышы һәр ваҡыт минең йөрәгемә яҡын булды. Диалекттарҙың атласын төҙөп тамамлағандан һуң, ниндәйҙер ваҡыт-ара диалектология фәне ярты юлда туҡтап ҡалғандай булғайны. Айырыуса төньяҡ-көнбайыш һөйләштәрен өйрәнеүҙе дауам итеү зарури тойола ине миңә. Хәҙер иһә, институт етәкселеге, минең теләгемде ишеткәндәй, шул регион һөйләштәрен өйрәнеүҙе дауам итеү сараһын күреүҙәрен белгәс, тел тарихы өсөн үтә лә әһәмиәтле булған диалектология фәненең, туған телебеҙҙең моңон һаҡлаған фәнебеҙҙең киләсәге бар, тип, тыныслыҡ таба күңелем. Институтта диалектология фәне проблемаларына иғтибар арта барыуы, уны тормошҡа ашырырҙай йәш ғалимдар үҫеп килеүе үтә ҡыуаныслы.

© Сабирьянова С. Г., 2022

УДК *8. 811.511*

Сабирьянова С. Г., Россия, г. Уфа

НАУКА – ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

(посвящается светлой памяти языковедов У. Ф. Надыргулова и М. И. Дильмухаметова)

Статья посвящена краткому описанию научных интересов, изучаемых тем по башкирской диалектологии кандидатов филологических наук Урала Надергулова и Миндияра Дильмухаметова. Освещено их участие в сборе материалов и составлении уникального языковедческого труда «Диалектологический атлас башкирского языка», рассмотрены их основные труды и научные статьи.

Ключевые слова: *башкирский язык, диалектология, лексика, фонетика, морфология, опорный пункт, Урал Надергулов, Миндияр Дильмухаметов, экспедиция, история, картотека, атлас, ареал.*

Sabiryanova S. G., Ufa, Russia

SCIENCE IS A WHOLE LIFE'S WORK

(dedicated to the bright memory of the linguists of U.F. Nadyrgulov and M.I.Dilmukhametov)

The article is devoted to a brief description of scientific interests, studied topics on Bashkir dialectology of candidates of philological sciences Ural Nadergulov and Mindiyar Dilmukhametov. Their participation in the collection of materials and the compilation of a unique linguistic work "Dialectological atlas of the Bashkir language" is highlighted. Their main works and scientific articles are considered.

Keywords: *Bashkir language, dialectology, vocabulary, phonetics, morphology, stronghold, Ural Nadergulov, Mindiyar Dilmukhametov, expedition, history, card index, atlas, area.*

ХЕҘМӘТТӘРЕ ТАРИХТА ҠАЛЫР

(телсе ғалимдар Урал Нәҙерғолов менән Миндияр Дилмөхәмәтовтарҙың яҡты иҫтәлегенә бағышлайым)

Егерменсе быуаттың 30–80-се йылдарын башҡорт диалектология фәненең сәскә атҡан осоро тип билдәләү дөрөҫлөккә тура киләлер, һис шикһеҙ. Хоҙайҙан бирелгән булмышы менән тел белгесе-диалектолог Таһир Ғәлләм улы Баишев, бөйөк төркиәтсе ғалим Жәлил Ғиниәт улы Кейекбаев, БДУ профессоры Нәғим Хажеғәли улы Ишбулатов, филология фәндәре докторҙары Нәжибә Хәерзаман ҡыҙы Мәҡсүтова, Сәриә Фазулла ҡыҙы Миржанова, Эрнст Фәйзрахман улы Ишбирҙиндар, шулай уҡ Әхнәф Әхмәт улы Юлдашев, Харрас Ғәлиәкбәр улы Йосопов, Урия Мөхәммәт ҡыҙы Яруллиналарҙың ошо йылдарҙағы хеҙмәттәре айырыуса ҙур иғтибарға лайыҡ.

СССР Фәндәр академияһы Тарих, тел һәм әҙәбиәт институтының (хәҙер Өфө ғилми үҙәгенә ҡарай) ҙур булмаған коллективы тарафынан әҙерләнеп нәшер ителгән «Башҡорт һөйләштәренең диалектологик һүҙлектәре»нең өс томы (Өфө, 1967, 1970, 1987 йылдар) ла ошо осорға ҡарай. Артабан 2002 йылда шул һүҙлектәр нигеҙендә “Китап” нәшриәтендә бер томдағы һүҙлек баҫылып сыҡты. Әйтеп үтелгән һүҙлектәр менән бер ыңғайҙа «Башҡорт һөйләштәренең үрнәктәре» [Образцы разговорной речи башкир, 1988] тигән хрестоматия әсбабы, ғилми йыйынтыҡтарҙа диалектология фәненең лексикаһына, морфологияһына һәм фонетикаһына арналған мәҡәләләр ҙә донъя күрҙе. Артабан инде диалектология фәнен үҫтереүҙең икенсе этабы булараҡ «Башҡорт теленең диалектологик атласы»ын төҙөү бурысы килеп баҫты. Был турала аҙ ғына һуңыраҡ асыҡлабыраҡ әйтелер.

Йәш ғалимдар киләсәктә лә халыҡтың йәнле һөйләү теленән бөртөкләп йыйылған хеҙмәт емештәре менән рәхмәтле булып файҙаланырҙар әле.

Ә был мәҡәлә алда атап үткән ғалимдарҙың эшен дауам иттереүсе диалектолог-ғалимдар, Өфө ғилми үҙәгенең Тарих, тел һәм әҙәбиәт институтының (хәҙер Рәсәй Фәндәр академияһы Өфө федераль тикшеренеү үҙәге Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты) өлкән ғилми хеҙмәткәрҙәре, филология фәндәре кандидаттары Урал Фазулла улы Нәҙерғолов менән Миндияр Ишбирҙе улы Дилмөхәмәтовтарҙың хеҙмәттәренә бағышлана.

Улар икеһе лә фәнгә 70-се йылдар башында, Башҡорт дәүләт университетын тамалағандан һуң (бер нисә йыл мәктәптә эшләп киткәс), киләләр. Мәктәптә эшләгән ваҡыттарында улар икеһе лә үҙҙәре йәшәгән әйләнә-тирәнең халыҡ теле буйынса бер ни тиклем матераиал да туплап өлгәрәләр. Институттың аспирантураһында уҡып сыҡҡандан һуң, үҙҙәрен бөтөнләйгә фәнгә бағышлай улар. Уларҙың икеһе тураһында бергә хәтергә алыуға нигеҙ ҙә бар кеүек. Сөнки был ике шәхестең эш-тормоштары гел бер мөхиттә, бер осорҙа, бергә эшләү, бер үк ғилми етәксе, бер үк эш бүлмәһе, бер үк шөғөл – диалектология фәне буйынса эҙләнеүҙәр менән бергә барҙы. Әммә уларҙың яҙмыштары ни тиклем генә оҡшаш булмаһын, барыбер һәр береһенең үҙ даирәһе, үҙенсәлектәре, һәр береһенең үҙ темаһы, үҙ холҡо һәм үҙ булмышы булды … Артабан уларҙың һәр береһе хаҡында айырым-айырым бәйән итергә теләйем, әлбиттә, барыһы ла беҙҙең бергә эшләгән осор хәтирәләренән.

Урал Фазулла улы Нәҙерғолов 1937 йылдың 7 февралендә Ырымбур өлкәһенең Переволоцк районы Ҡотломбәт ауылында тыуған. Аҡ-Бүләк педагогия училищеһын тамамлағандан һуң, хеҙмәт юлы Ғәбдрәфиҡ ауылының һигеҙ йыллыҡ мәктәбендә уҡытыусы булып эшләүҙән башланып китә. Артабан Хәрби-диңгеҙ флотында хеҙмәт итеп ҡайтҡас, Башҡорт дәүләт университетын тамамлап, Күмертау районының Мораптал урта мәктәбендә уҡытыусылыҡ эшен дауам итә. Мәктәп директоры эшен дә уңышлы башҡара. Шул мәктәптә эшләгән осорҙа уҡ ул фән менән шөғөлләнеүгә тартыла. Ырымбур өлкәһенең Туҡ-Соран бассейны һәм Куйбышев өлкәһенең Ырғыҙ-Кәмәлек йылғалары

буйында йәшәгән башҡорттарҙың һөйләү теле буйынса материалдар йыйыу менән шөғөлләнә. Уның туплаған яҙмаларында Туҡ-Соран буйы һәм Ырғыҙ-Кәмәлек буйы башҡорттары һөйләштәрендәге лексик, морфологик һәм фонетик үҙенсәлектәре сағылыш таба. Бына ошондай тәжрибә менән ғилми-тикшеренеү институтына килеп ингәс, үҙе өйрәнгән региондың тел үҙенсәлектәре менән сығыш яһау мөмкинлектәре асыла. Был региондарҙың һүҙ байлығы 1987 йылда донъя күргән «Башҡорт һөйләштәре һүҙлеге»нең 3-сө томына (Көнбайыш диалект) индерелә. Был томды төҙөүҙә Урал Фазуллович үҙе лә ҡатнашлыҡ итә. Шулай уҡ был төбәктәрҙәге халыҡтың тормош-көнкүрешен, йолаларын сағылдырған һөйләш өлгөләре алда атап үткән «Башҡорт һөйләштәре үрнәктәре» (1988) тигән хрестоматик йыйынтыҡта ла урын ала. «Башҡорт теленең лексикология һәм лексикография мәсьәләләре» [Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка, 1983] ғилми йыйынтығында уның «Башҡорт-ҡаҙаҡ параллелдәре» тигән мәҡәләһе баҫылып сыға.

1973 йылда Институтта «Башҡорт теленең диалектологик атласы» темаһын эшләй башлау планы алға ҡуйыла. Ошо бик ҙур сығымдар, ваҡыт һәм эшсе көстәр талап иткән темаға беҙҙең аҙ ғына кешенән торған коллективыбыҙ бик дәррәү тотондо. Был коллективҡа Нәжибә Мәҡсүтова (тема етәксеһе), Сәриә Миржанова, Рафаэль Аҙнағолов, Урал Нәҙерғолов, Миндияр Дилмөхәмәтов, Ғәшүрә Гәрәева, мин – Сәнә Сабирйәнова инде. Беҙҙең республикала ғына түгел, унан ситтә Силәбе, Ырымбур, Ҡурған, Пермь, Куйбышев, Һарытау, Свердловск өлкәләрендә йәшәгән башҡорт халҡы һөйләштәренең лексикаһы, фонетикаһы, морфологияһы кимәлендә тикшеренеүҙәрҙе атҡарғас, беҙҙең алға телде лингвогеографик кимәлдә, йәғни теге йәки был һүҙҙәрҙең, үҙенсәлектәрҙең таралыу географияһын картаға төшөрөп сағылдырыу кеүек, оҙайлы хеҙмәт талап иткән эшкә тотоноу бурысы килеп баҫты. Был тема буйынса артабан материал йыйыу өсөн тема етәксеһе Нәжибә Хәерзаман ҡызы Мәҡсүтова тарафынан махсус һораулыҡ [Программа, 1973] эшләнде. Уны әҙерләүҙә Урал Нәҙерғолов та әүҙем ҡатнашты һәм артабанғы экспедицияларҙы ойоштороу, ундағы эшләү дәүерендә Урал Фазулла улы һәр саҡта ла етәксенең уң ҡулы булды. Сөнки был тема буйынса ун йыл буйына дауам иткән ул экспедициялар бик еңелдән булмай торғайны. Төрлө тәбиғәт күренештәре, ҡатмарлы маршруттар, таулы-ташлы ауыр юлдар, программа һорауҙарына яуап алырлыҡ информанттар табыу һ.б. кеүек еңел булмаған шарттарҙа эшләгәндә барлыҡ коллективтың кәйефен ниндәйҙер бер эшлекле кимәлдә тотоусы бер кеше мотлаҡ булырға тейеш ине. Ана шундай кеше беҙҙең арала нәҡ Урал Нәҙерғолов булды ла инде. Уның сабыр холҡо, һәр осраҡта ла ярҙамсыллығы, уйлылығы, кәрәк саҡта талапсан да, кәрәк саҡта асыҡ күңелле лә булыуы ауыр юлдарҙа бик мөһим сифаттар ине. Көн буйына программа тултырып арып-талып ҡайтҡан коллегаларының күңелен күтәрерлек әңгәмәләре лә, матур тауыш менән йырлап ебәреүҙәре лә һәр кешенең күңелен күтәреп, был ябай булмаған программаның маҡсаттары уңышлы тормошҡа ашырына ышандыра ине. Уның тыуған яҡтарында эшләгәндә беҙгә бер-ике ҡабат уларҙың ғаиләләрендә лә, уның ҡатыны Лена Рәкип ҡыҙының ата-әсәләрендә лә булырға насип итте. Ул ғаиләләрҙең икеһендә лә беҙҙе саҡырылған ҡунаҡтар кеүек итеп ихлас ҡабул иттеләр. Ул саҡта мәктәптә уҡыған балалары Илдар менән Зөлфиә лә беҙҙең менән рәхәтләнеп аралаштылар.

Урал Фазулла улы тарафынан буласаҡ Атлас өсөн 130 ауылдан материал йыйылған. Ул ауылдар исемлеге Атласта күрһәтелгән. Программаға ярашлы яуаптар тултырылған тауҙай дәфтәр-альбомдар эшкәртелгән, йәғни, карточкаларға күсерелеп, картотекаға һалынған. Әйтергә кәрәк, был материалдарҙа этнограф өсөн быға тиклем бер ерҙә лә күрһәтелмәгән ырыу-нәҫел атамалары, топонимист өсөн ер-һыу атамалары, юғала барған төрлө ауыл исемдәре, йәки уларҙың бороңғо исемдәре кеүек бик күп өҫтәлмә материалдар тулып ята. Тик бигерәк үкенеслеһе шул: киң ҡоласлы ғалим был фани донъяны бик иртә ҡалдырып китте. Үҙе иҫән булған хәлдә, бәлки, ошо атамалар буйынса ла байтаҡ тикшеренеүҙәр атҡарыуы мөмкин булғандыр ҙа … «Башҡорт теленең диалектологик атласын» өсөн тартынҡы өндәр буйынса 36–73-сө карталарҙы төҙөп, уларға аңлатмалар яҙҙы. Урал Фазулла улы экспедициялар ваҡытында йыйылған материалдар буйынса «Куйбышев һәм Һарытау өлкәләре башҡорттары теле» тигән темаға диссертация яҡланы. Шул диссертация нигеҙендә 1998 йылда «Ырғыҙ-Кәмәлек башҡорттары» тигән монографияһы сыға. Был китапта ырғыҙ-кәмәлек башҡорттарының этник һәм тел үҙенсәлектәре сағылдырыла. Башҡорттарҙың был этник төркөмө Һамар һәм Һарытау өлкәләренең Оло Ырғыҙ һәм уға ҡойған Кәмәлек һәм Ҡаралыҡ йылғалары буйында урынлашҡан. Монографияла ырғыҙ-кәмәлек башҡорттарының тел үҙенсәлектәренән тыш, уларҙың ауыҙ-тел ижады (йырҙар, хикәйәләр), тормош-күнкүреш үҙенсәлектәре һүрәтләнгән.

У.Ф. Нәҙерғоловтың фәнни йыйынтыҡтарҙа донъя күргән ҡайһы бер мәҡәләләрен атап китеү ҙә урынлы булыр. «Төрки телдәрҙең диалектология һәм лингвогеография проблемалары» [Надергулов, 1986, 111] тигән мәҡәләһе һүҙ башында *c, ç, h* өндәренең таралыу ареалына бағышланған. «Этнографияла һәм тел ғилемендә ареал тикшеренеүҙәр» [Надергулов, 1985, 127–128] тигән мәҡәләһе башҡорт телендә һүҙ башында килгән ҡайһы бер тартынҡы өндәрҙең нисек ҡулланылыуы хаҡында. Һарытау һәм Һамар өлкәләрендә йәшәгән башҡорттарҙың телендәге фонетик һәм морфологик үҙенсәлектәренә арналған мәҡәләһе «Башҡорт диалектологияһы буйынса тикшеренеүҙәр һәм материалдар» [Надергулов, 1981, 74] тигән йыйынтыҡта баҫылып сыҡты.

Мәҡәләнең башында әйтеп үтелгәнсә, Урал Нәҙерғолов менән Миндияр Дилмөхәмәтов бер осорҙа Институтта эш башлайҙар. Уларҙың икеһенең дә фәндәге үҫештәре лә бер осорға тура килде. Улар һөйләштәр буйынса материалдар йыйыу өсөн экспедицияларға ла, командировкаларға ла бергә

сыҡтылар, бер үк 425-се бүлмәлә эшләнеләр, бер-береһенә эш менән дә, һүҙ менән дә тигәндәй гел ярҙамсы булдылар. Бер-бер артлы кандидатлыҡ диссертациялары яҡланылар. Әммә күпме генә оҡшашлыҡ булһа ла, һәр кешенең үҙ юлы, үҙ яҙмышы тигәйек инде...

Миндияр Ишбирҙе улы Дилмөхәмәтов 1940 йылдың 2 февралендә Башҡорт АССР-ы Балаҡатай районының Яңыбай ауылында донъяға килгән. Ул өпәй тип йөрөтөлгән ырыу башҡорттарының, йәғни Урта Урал һөйләшенең үҙенсәлектәрен өйрәнде. Шул региондa йыйылған материалдарына таянып, «Урта Урал башҡорттары һөйләше» тигән темаға диссертация яҡланы. Ошо һөйләш буйынса төрлө фәнни йыйынтыҡтарҙа мәҡәләләр баҫтырҙы. Был сериянан бер нисәһен исемләп китеү ҙә фарыздыр.

«Төркителдәрҙең диалектология һәм лингвогеография проблемалары» йыйынтығында «Башҡорт һөйләштәрендә *а, ә* һуҙыңҡы өндәренең изоглоссалары» [Дильмухаметов, 1986, 107], «Төркителдәрҙең диалектология мәсьәләләре» йыйынтығында «Урта Урал башҡорттары телендә ҡылымдарҙың һөйкәлеш үҙенсәлектәре» [Дильмухаметов, 1985, 60–61], «Диалектология һәм ономастика мәсьәләләрейыйынтығында «Урта Урал башҡорттары телендә исем һәм сифаттарҙың яһалышы» тигән мәҡәләләре [Дильмухаметов, 1986] донъя күрҙе.

Миндияр Ишбирҙе улы ла «Башҡорт теленең диалектологик атласы»на материалдар йыйыу буйынса ойоштороlған бөтә экспедицияларҙа ҡатнашты. Тел материалдарын, ғәҙәте буйынса, бик тәфсирләп, ҙур тырышлыҡ менән йыйырға яратты. Төрлө йәштәге информанттар менән уртаҡ тел табырға, бигерәк тә балалар менән яҡындан аралашырға тырышты. Ул һәр ваҡыт балалар теле менән бик ҡыҙыҡһыныр ине, уны уларҙың эскерһеҙ һәм тура һүҙле булыуҙары йәлеп итә ине. Ул балалар өсөн китаптар, шиғырҙар яҙыу менән мауыҡты, балалар өсөн бер нисә шиғырҙар йыйынтығы ла нәшер итергә өлгөрҙө. Ҡатыны Рәйсә ханым менән өс ҡыҙ тәрбиәләп үҫтерерep, өсөһөнә лә юғары белем бирep, оло юлға аяҡ баҫтырҙылар.

М.И. Дилмөхәмәтов «Башҡорт теленең диалектологик атласын төҙөү программаһы» буйынса ул 123 ауылды тикшергән. Ошо бөткөһөҙ яҙмаларын Институт картотекаһына индерә (картотека 425-се бүлмәлә ине). Атластың 121-124-се, 126-сы, 138-141-се һаңдағы карталарын төҙөп, уларҙың барыһына ла аңлатмалар яҙҙы.

Шиғри күңелле ғалим Миндияр Дилмөхәмәтов һәр ваҡыт ихлас әңгәмәсе булды, шиғыр тураһында һөйләшергә, балалар шиғриәте һәм, ғөмүмән, башҡорт поэзияһы хаҡында әңгәмәләшергә яратты.

Бына бөгөнгө көндә, байтаҡ коллегаларым фани донъяны ҡалдырып киткәс, миңә йыш ҡына ул саҡтағы осор иҫкә төшөп ҡуя. Беҙ ул саҡта шундай татыу эшләнек һәм киләсәккә ҙур ышаныс менән йәшәнек. Үҙебеҙҙең оло хеҙмәтебеҙҙең һөҙөмтәһен күрербеҙ тигән өмөт йәшәне. Ысынлап та, беҙ төҙөгән «Башҡорт теленең диалектологик атласы»на яҙған баш һүҙендә профессор Фирҙәүес Ғилметдин ҡыҙы Хисамитдиноваңың уны «Башҡорт теленең үткәне һәм бөгөнгө тарихы ул» тип атауында ҙур хаҡлыҡ барҙыр. Беҙҙең көстәр күп булмаһа ла, тырышлыҡ арҡаһында беҙ ул оло хеҙмәтте тейешле кимәленә еткереп нәшер итеүгә өлгәштек, иншаллаһ (был «Атлас» 2005 йылда “Ғилем” нәшриәте тарафынан нәшер ителде). Тик шуныһы үкенесле: был хеҙмәттең баҫылып сыҡҡанын уның етәксеһе Нәжибә Хәерзамановнаға, төҙөүселәре Сәриә Фазулловнаға, Рафаэль Ғәйнетдин улына, Урал Фазулла улына күрергә насип булманы. Хәйер, улар һалған хеҙмәт киләсәк быуын тарафынан тейешенсә баһаланыр, төркителдәре, шул иҫәптән башҡорт теле тарихы менән ҡыҙыҡһыныусылар өсөн тел үҙенсәлектәрен һаҡлаған хеҙмәт бер ваҡытта ла үҙенең баһаһын юғалтмаҫ. Шулай уҡ яҙып үткән минең замандаштарымдың – Урал Нәҙерғолов менән Миндияр Дилмөхәмәтов уҙамандарының – исемдәре онотолмаҫ тигән ышаныста ҡалайыҡ.

Литература

Дильмухаметов М. И. Изолинии гласных а,ә в диалектах башкирского языка // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Уфа, 1985. С.60–61.

Дильмухаметов М. И. Особенности наклонений глагола в говоре среднеуральских башкир // Вопросы диалектологии тюркских языков. Уфа, 1985. С.127.

Дильмухаметов М. И. Изоглоссы гласных а, ә в башкирских говорах // Проблемы диалектологии и лингвогеографии тюркских языков. Уфа, 1986. С. 107.

Надергулов У. Ф. Ареальное распространение анлаутных ç, c, h // Проблемы диалектологии и лингвогеографии тюркских языков. Уфа, 1986. С. 111.

Надергулов У. Ф. К проблеме реализации некоторых анлаутных согласных башкирского языка // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Уфа, 1985. С.127–128.

Надергулов У. Ф. Материалы по фонетике и морфологии языка башкир Саратовской и Самарской областей // Исследования и материалы по башкирской диалектологии. Уфа, 1981. С. 74.

Нәҙерғолов У. Ф. Башҡорт теленең лексикология һәм лексикография мәсьәләләре // Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка. Уфа, 1983.

Образцы разговорной речи башкир. Уфа, 1988.

Программа по сбору материалов для Диалектологического атласа башкирского языка. Уфа, 1973.

© Сабирьянова С. Г., 2022

УДК *811.512.154*

Садыков Т., Кыргызстан, г. Бишкек
Бишкекский государственный университет им. К. Карасаева, д.ф.н., профессор
Шерова А. К., Кыргызстан, г. Сулюкта
Баткенский государственный университет, СГЭИ, доцент

ФОНОСТАТИСТИКА АУСЛАУТНЫХ СОГЛАСНЫХ В ТЕКСТЕ ЭПОСА «МАНАС»

Целью данной статьи является статистическое исследование особенностей употребления согласных в позиции инлаута слов в тексте эпоса «Манас». Для проведения данного исследования был выбран вариант Джусупа Мамая эпоса «Манас». Путем компьютерной обработки было установлено наличие в позиции ауслаута 750 874 (100%) звуков, в том числе – 506 866 (67,5 %) согласных и 244 008 (32,5 %) гласных, что свидетельствует о значительной консонантизации позиции конца слова в тексте эпоса «Манас». Статистический анализ ауслаутной позиции производился по следующим признакам: общая и индивидуальная статистика употребления согласных, группировка согласных по частоте их употребления, функциональная сила каждой из групп. Проведенное исследование позволяет определить функциональную силу и артикуляторную базу согласных звуков.

Ключевые слова: *эпос «Манас», текст Жусуп Мамая, словоформа, позиция ауслаута, согласные звуки, частота и доля их употребления, фоностатистический анализ.*

Sadykov T., Kyrgyzstan, Bishkek
Bishkek State University named after K. Karasaeva, Ph.D., Professor
Sherova A. K., Kyrgyzstan, Sulukta
Batken State University, SSEU, Associate Professor

PHONOSTATISTICS OF AUSLAUT CONSONANTS IN THE TEXT OF THE EPIC "MANAS"

The purpose of this article is a statistical study of the features of the use of consonants in the auslaut position of words in the text of the epic "Manas". For this study, a variant of the Jusup Mamai epic "Manas" was chosen. By computer processing, the presence of 874 (100%) sounds in the of the word was established, including 506 866 (67,5 %) consonants and 244 008 (32,5 %) vowels, which indicates a significant consonantization of the this position of the words of the epic "Manas" text. Statistical analysis of the input position was carried out according to the following criteria: general and individual statistics of consonant use, grouping of consonants by frequency of their use, statistical weight and functional strength of auslaut consonants. The conducted research makes it possible to determine the functional strength and articulatory base of consonant sounds.

Keywords: *epic "Manas", the text of Jusup Mamay, word form, the position of auslaut, consonant sounds, frequency and share of their use, phonostatistical analysis.*

Эпос текстиндеги ауслаут үнсүздөрүнүн колдонушу фоностатистикалык жактан төмөнкү жыштык сөздүк аркылуу тастыкталат:

Тыбыш	Жыштыгы	Үлүшү	№	Тыбыш	Жыштыгы	Үлүшү
н	152 595	30,11 %	10	з	13 239	2,61 %
п	124 835	24,63 %	11	к	11 392	2,25 %
р	43 272	8,54%	12	ш	9 178	1,81 %
й	37 688	7,44 %	13	с	6 628	1,31 %
т	23 646	4,67%	14	ч	3 074	0,61 %
м	21 266	4,20 %	15	д	12	0,002 %
л	20 217	3,99 %	16	г	4	0,001 %
қ	20 212	3,99 %	17	б	3	0,001 %
ң	19 604	3,88 %	18	ф	1	0,0001
				Бардыгы	**506 866**	**100%**

Көрүнүп тургандай, эпос текстинде сөз соңунда 18 үнсүз колдонулат экен. Булар колдонуу жыштыгы жана үлүшү боюнча төмөнкүчө мүнөздөлөт:

1. Сөз соңунда өтө жыш колдонулган топтун курамы: *н* (152595 – 30,11%) жана *п* (124835 – 24,63%) үнсүздөрү. Булар өзгөчө сөз кылууга арзыйт. Анткени эки тыбыштын жалпы үлүшү 55% га чаап барат. Демек, нусканын текстинде колдонулган ар бир 100 сөз формасынын 55 и дал ушул *н*, *п* тыбыштары менен аяктайт экен. Мындан эч бир кошумча маалыматсыз эле эпос текстинде колдонулган сөздөрдүн басым көпчүлүгү атоочтуктун өткөн чагын уюштурган *-ган* мүчөсү жана чакчылдын *-ып* уландылары менен аяктайт деп бүтүм чыгарууга болот. Негизи, бул – морфологиянын деңгээлинде карала турган кеңири маселе.

Жогорто келтирилген ауслаут үнсүздөргө тиешелүү фоностатистикалык даректер Жусуп Мамай нускасындагы Манастын түшү, Алмамбеттин келиши өңдүү эпизоддордон алынган төмөнкү мисалдар аркылуу тастыкталат:

Анты-шертин тапшырып,
Акырегин жаш кылып,
Чыгарында соо койбой,
Мойундарын узартып,
Билегин түрүп муш атып,
Канжарын шилтеп канчасы,

Кылычын урду анчасы,
Ушундай кетти Алмамбет,
Каар көрүп канынан
Калк бийлеген баарыңан,
Алмамбет анык эр экен,

Карапайым жан өлүп,
Каракулак кабылан,
Карчашып жүргөн көгөрүп.
Казакка келип эл болгон,
Алты жүз эле жылкысы,
Азыр алты миң болгон,
Байлыгы журтка дүң болгон,

Жолборсу жүрөт кашында,
Чар тарапка какчайып,
Жыт алган тайган баштанып
Атылчуудай комдонуп,
Алуучудай оңдонуп,
Көзүнөн жалын шыркырап,
Жолборсу турду зыңгырап,
Күркүрөп, доошу башкача
Жаңырык толгон асманга
Кабышып кашат солкулдап,
Деп бабырып арамдар
Экини берип элиртип,
Эрендин көнүн семиртип,
Үчтү берип үшкүртүп,
Оолуктуруп алганы
[Жүсүп Мамай (а), 2014, 351]

Албарсын кындан сууруду,
Катышкан кулду талкалап,
Каргадай башын кутултту.
[Жүсүп Мамай (а), 2014, 350]

Көңүлү калып казактан,
Козголуп чыгып бер жакка,
Келет окшойт сиз жакка,
Көргөн түшүң төп болсун,
Тууруңа сыймык бак консун.
[Жүсүп Мамай (а), 2014, 343]

Кулап жатат таштар да
Алиги турган жолборсу
Ак тунжур болуп калганы,
Канаты аппак жаркылдап
Үнү ачуу баркылдап,
Алпкаракуш аралаш
Асманга батпай калкылдап,
Канаттуулар жыйылды.
[Жүсүп Мамай (а), 2014, 335]

Оң-тескери сүйлөшүп:
Аттаналы, чабалык,
Алмамбет кулду табалык,
Атайлап киши чогултуп,
Алашты түгөл жыйалык.

Демек, бул ыр саптарында сөз соңун уюштурган *н, п* үнсүздөрүнүн колдонушу даана көрүнүп турат.

2. Сөз соңунда жыш колдонулган топтун курамы: *р* (43 272– 8,54%), *й* (37 688 – 7,44 %) үнсүздөрү. Топтун жыштыгы – 80960, үлүшү – 16%. Демек, сөз соңунда колдонулган 100 үнсүздүн 16 дал ушул тыбыштарга туура келет экен.

Бул көрүнүш Жусуп Мамай нускасындагы Чигитейге келген кырсыктар, Чигитейдин дүйнөдөн өтүшү сыяктуу эпизоддордон алынган мисалдар аркылуу тастыкталат:

Же тийип турган күн эмес,
Же түндө чыккан ай эмес,
Асманда чолпон дагы эмес,
Адам таанып болгусуз.
Көрүнөт көзгө бир элес,
Сур жоргону чылбырдан
Алып кетти жетелеп.
Тору ат калды ал жерде,

“Каракум артуу, кыйын бел,
Көрбөпмүн да укпапмын,
Келгеним ушу кайсы жер?”
Мадыбек айран калыптыр.
Барган эмес ал Тору ат,
Андан мурун Ош жакка,
Мадыбектин сур жорго,
Барган экен үч сапар,

Капташып калды ал экөө,
Караңгы туман бар үйдө.
Билмексен болуп Мөңкөтай,

Мадыбек түштү кай жерге,
Булагы ушул экен деп,
Тилекти кудай берер деп,
Мадыбек тиктеп калыптыр,
Байагы көргөн элеси,
Дагы келип алыптыр
[Жүсүп Мамай (в), 2014, 83]

Тилек тилеп жаныбар.
Зулпукан айткан булакка,
Жол табалбай Мадыбек,
Барамын эми кайда, деп,
Каңкайып карап турганда,
Салып өтт сур жорго
[Жүсүп Мамай (в), 2014, 83]

Келип-кетип шыйпактап,
Кеп салган сайын калп эле,
Күлгөн болуп ырсактап.

Анткен менен Мөңкөтай,
Таамай кебин салалбай,
Айылда жыйын, топ болсо,
Түз эле басып баралбай,
Мадыбектин алдына,

Барбай туруп алалбай,
Алапайы куурулуп,
Жүрүчү эле ал мындай.
[Жүсүп Мамай (в), 179]

Таласка барып Медеркан,
Мадыбектин айлына,
Барып келди четинен,
Бута атым жакын калганда,
Атынан түшүп жетелеп,
Амандык сурап энтелеп,
Жүрөгү коркуп эрк бербей,
Медерканды көргөндө,
Мүдүрүлүп темтендеп,
Мадыбек кеңир киши эле

Кир албаган көөнүнө,
Өзү аппак киши эле.
Колун берип көрүшүп,
Эсен-соосун билишип,
Өз үйүнө түшүрбөй,
Көтөргөн үйгө киргизип
Көөнүндө кири бардыгын,
Ошондой жерде билгизип.
[Жүсүп Мамай (в), 2014, 179]

3. Орто жыш колдонулган топтун курамы: *т* (23 646 – 4,67%), *м* (21 266– 4,20%), *л* (20 217– 3,99%), *қ* (20 212– 3,99%), *ң* (19 604– 3,88%). Топтун жыштыгы – 104945, үлүшү – 20,7%. Демек, сөз соңунда колдонулган 100 үнсүздүн 21 ге чукулу дал ушул тыбыштарга туура келет экен.

Ал эми бул топтогу ауслаут үнсүздөрүнүн эпос текстинде келиши Чигитейдин дүйнөдөн өтүшү, Кененимдин сыйкырдуу жоолорун жеңиши, Алмамбет менен Чубактын чатагы, Темирбектин бет бурушу, Кененимдин Калыбек менен кармашуусу эпизоддорунун мисалдары аркылуу аныкталат:

Туулган экен Сомбилек,
Эрдигин мунун эл билет,
Нойгут качып көчүптүр,
Калдуубет мындан келет деп.
Мингени кашка аргымак,

Он алты жашта аттанат,
Толкуган калмак, Ооганды,
Коросонду кошо алат.
[Жүсүп Мамай (в), 2014, 190]

Кененимдин кеби эми,
«Кызга жооп» бергени:
Азгырбагын Кубулжан,
Алар болсом катынды,
Сулууну издеп таап алам,

Шерматтын кызы экөөңдү,
Теңтуш киши кептентип,
Делберлерди не алам?!
[Жүсүп Мамай (б), 2014, 190]

Анда Бозуул кеп айтат,
Акыраңдап бек айтат:
- Аңылдаба, Ырчы уул.
Аңылдаган капыр кул!

Кабарымда жок жумуш.
Кандай айткан сөзүң бул?!
[Жүсүп Мамай (а), 2014, 512]

Бактыбай айтат мындай кеп:
- Сурасаңар уксак деп,
Таластан келе жатабыз,
Чойун кулак, Темирбек,
Мүшкүлдү катуу салсак деп.
Калкан кулак кан жүздүү,
Калкан тоодой сен кимсиң?
Кыл муруттуу кызыл бет,
Кыргызда атың сен кимсиң?
Караса көздөн от жанган,

Кикимат менен Шалкымат,
Катарынан жайладык,
Кылычты канга майладык.
[Жүсүп Мамай (б), 2014, 260]

Кызарып беттен кан тамган,
Караган бенде суктанган,
Сулуу жигит сен кимсиң?
[Жүсүп Мамай (б), 2014, 90]

4. Сейрек жыштыктагы 4-топтун курамы: *з* (13239 – 2,61%), *к* (11392 – 2,25%), *ш* (9178 – 1,81%), *с* (6628– 1,31%), *ч* (3074 – 0,61%). Топтун жыштыгы – 43511, үлүшү – 8,6%.

Ошентип, бул топтогу ауслаут үнсүздөрүнүн эпос текстиндеги колдонулушун Банускандын өлүшү, Карилиптин качышы, Сынчыбектин Ташкенде такка миниши, Манастын атка миниши, Көңтөй менен Шооруктун эдебин бериши, Чапкынчылардын так талашуу кыргыны, Чапкынчылардын кол курашы сыяктуу эпизоддорунан көрүүгө болот:

(1) Чоң токойго жанабыз,
Эртеңки күнү биз болсо,
Бозбелди ашып түшөбүз,

Толгончо айды күтөбүз,
Бизден күмөн кылбасын,
Эркинче жатып жыргасын,

Бир кепти эки дебейбиз,
Бирөөдөн бир мал жебейбиз.

[Жүсүп Мамай (а), 2014, 192]

(2) – Атам Жакып бай элең,
Тартууга берип малыңды,
Калмактарга кар элең,
Эркин көчүп конгонго,
Билгиң жок колдо зар элең,

Дүнүйөң көп ээлик жок,
Эки бутта бир өтүк,
Ошончолук тар элең.
[Жүсүп Мамай (а), 2014, 107]

(3) Корооңдо жүрдүм аралаш,
Коңшулаш болуп чамалаш,
Жайлоого чыксак бөлүнбөй,
Канатташ жүрдүк жамаалаш,
Шаар ичине келгенде,

Күн-түнү жок аралаш,
Кайгыда өтүп баратат,
Картайып кеттим кайран баш!
[Жүсүп Мамай (а), 2014, 40]

(4) Алтын менен арбын мал
Аны менен кээри жок,
Ааламда мындай неме жок,
Эчтемени элебес,
Эр экен өтө кенебес.

Каңгайлар элден кеткели,
Ак калпак кыргыз алаштын,
Ардыгы ичтен кеткени.
[Жүсүп Мамай (в), 2014, 34]

Атагы чыккан Айкөлдүн,
Акыркы уулу мен болсом.
Капкайдан чыгып коросон,
Кайгысыз жаткан тынч элге,

Карбаластап не келдиң?
Эки башка бөлүнгөн,
Сени менен үч экен
[Жүсүп Мамай (в), 2014, 121-122]

5. Өтө сейрек колдонулган 5-топ 0,004% үлүштөгү *д, г, б, ф* тыбыштарын камтыйт.

Ошентип, эпос текстинде сөз соңун уюштурган 18 үнсүздүн ичинен функционалдык жактан эң күчтүүсү - *н, п* үнсүздөрү, күчтүүсү - *р, й* үнсүздөрү, орто күчтүүсү - *т, м, л, қ, ң* үнсүздөрү болсо, алсызы – *з, к, ш, с, ч* үнсүздөрү жана эң алсызы – *д, г, б, ф* үнсүздөрү деп табылат.

Адабият

Жусуп Мамай. Манас [Текст]. Кытай: Шинжаң эл бас., 2004. 1782 б.

Жүсүп Мамай (а). Манас [Текст] / Транслитерация: А. Мукаш кызы, Ч. Субакожоева, Б. Иличбекова. Бишкек: ЖЧК «ИПК Максат», 2014. 752 б.

Жүсүп Мамай (б). Кененим [Текст] / Транслитерация: А. Мукаш кызы, Ч. Субакожоева, Б. Иличбекова. Бишкек: ЖЧК «ИПК Максат», 2014. 464 б.

Жүсүп Мамай (в). Чигитей [Текст] / Транслитерация: А. Мукаш кызы, Ч. Субакожоева, Б. Иличбекова. Бишкек: ЖЧК «ИПК Максат», 2014. 202 б.

Садыков Т., Токтоналиев К. Азыркы кыргыз тили: фонетика, фонология жана интонология. Бишкек, 2021.

© Садыков Т., Шерова А. К., 2022

УДК *001(470.57)(092):003.332.5*

Салихов А. Г., Россия, г. Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, к.и.н., в.н.с.

ВОСТОКОВЕД ФАНИЛЬ НАФИКОВИЧ БАИШЕВ

Статья посвящена изучению научно-исследовательской деятельности востоковеда-историка Фаниля Нафиковича Баишева. В ней раскрываются моменты биографии ученого, профессионального востоковеда, изучавшего творческое наследие Ризаитдина Фахретдинова. В короткий период широкой и плодотворной научно-исследовательской деятельности он участвавал в издании перевода Корана на башкирский язык, подготовке учебника арабского языка для начинающих.

Ключевые слова: *востоковедение, Ризаитдин Фахретдинов, Ф.Н. Баишев, арабский язык, восточные рукописи, переводы Корана.*

Salikhov A.G., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS,
PhD, Leading Researcher

ORIENTALIST FANIL N. BAISHEV

The article is devoted to the study of the research activities of the orientalist-historian Fanil Nafikovich Baishev. It reveals moments of the biography of a scientist, a professional orientalist who studied the creative heritage of Rizaitdin Fakhretdinov. In a short period of wide and fruitful research activity, he participated in the publication of the translation of the Qoran into the Bashkir language, the preparation of an Arabic textbook for beginners.

Keywords: *Oriental studies, Rizaitdin Fakhretdinov, F.N. Baishev, Arabic language, Oriental manuscripts, Quran translations.*

В Институте истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук трудились многие известные ученые, оставившие яркий след в истории гуманитарной науки. Так, в самом конце 80-х годов и начале 90-х годов XX века обучался в аспирантуре, защитился и работал кандидат исторических наук, востоковед, специалист со знанием арабского языка и тюрки Фаниль Нафикович Баишев.

Ф.Н. Баишев родился в 15 января 1956 года в семье учителя в деревне Мунасово Белокатайского района Республики Башкортостан. В 1963 году начал учиться в Сандалашинской начальной школе одноименной деревни. Позже учился в Новобелокатайской средней школе и в школе-интернат № 1 г. Уфы. После получения среднего образования до призыва на срочную службу в армию работал учителем русского языка и литературы в Айдакаевской школе Белокатайского района РБ [НА УФИЦ РАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 2124, л. 5].

В 1977–1983 годах Ф. Н. Баишев обучался на восточном факультете Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова по специальности «страноведение» по странам зарубежного Востока (история арабских стран). Во время пребывания на факультете показал хорошие и отличные результаты. По основному арабскому языку получил отличную, по английскому языку – хорошую оценку, а по дополнительному ивриту – отличную оценку. Стал выпускником вуза с присвоением квалификации востоковеда-историка (история арабских стран) [НА УФИЦ РАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 2124, л. 7, 8].

Судьба преподнесла Ф. Н. Баишеву возможность получить хорошую практику по своей специальности. В 1983–1987 годах он в качестве переводчика арабского языка работал в Республике Йемен [НА УФИЦ РАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 2124, л. 5 об.].

С января 1988 года Фаниль Нафикович Баишев начал работать старшим лаборантом, чуть позже научным сотрудником Института истории, языка и литературы Башкирского научного центра Уральского отделения Академии наук СССР (ныне ИИЯЛ УФИЦ РАН). В том же году поступил в аспирантуру ИИЯЛ БНЦ УрО АН СССР с отрывом от производства по специальности «История СССР». В 1991 году он завершил обучение в срок с представлением диссертации по теме «Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахретдинова» к защите [НА УФИЦ РАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 2124, л. 12–19].

В 1991 году после успешного завершения аспирантуры Ф. Н. Баишев был принят на должность младшего научного сотрудника. Через год был переведен научным сотрудником, а в конце 1992 года – старшим научным сотрудников отдела истории дореволюционного период [НА УФИЦ РАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 2124, л. 20–21].

В марте 1992 года, успешно защитив диссертацию, Ф.Н. Баишев стал кандидатом исторических наук. Его диссертационная работа была посвящена изучению актуальной исторической проблемы – общественно-политических воззрений Ризаитдина Фахретдинова. В ходе подготовки диссертации он изучал многотомное рукописное наследие ученого конца XIX – начала XX века Р. Фахретдинова, хранящееся в Научном архиве БНЦ УрО АН СССР. Многие документы, относящиеся к деятельности данного ученого, хранятся и архивах Москвы и Санкт-Петербурга, в которых имел возможность работать аспирант Ф. Н. Баишев. В качестве источника по исследуемой теме он обратился и к номерам журнала «Шура», редактором и автором многих статей которого был Ризаитдин Фахретдинов [НА УФИЦ РАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 2124, л. 30–31].

Изучая Личный фонд Ризаитдина Фахретдинова, Ф.Н. Баишев делал доступными широкому кругу исследователей неизвестные и малоизвестные исторические сведения. Так, благодаря его указанию, нам стало известно письмо мусульманского ученого, сибирского татарина Абдрашита Ибрагимова с приглашением Р. Фахретдинову переехать на постоянное место жительство в Турцию. Много лет спустя в материалах юбилейной научной конференции «Научное наследие Ризы Фахретдинова и актуальные проблемы востоковедения» (г.Уфа, 2001) была опубликована статья «Малоизвестная страница из жизни Ризаитдина Фахретдинова и Абдурашита Ибрагимова» [Салихов, 2001, 29–34].

В период трудовой деятельности в ИИЯЛ БНЦ УрО АН СССР Ф. Н. Баишев вел активную научно-исследовательскую работу. В 1988 году принял участие в археографической экспедиции института. Писал научные статьи, участвовал в ряде международных конференций, организовал кружок арабского языка в институте, выступал с лекциями. Чуть позже начал преподавать арабский язык в Башкирском государственном университете.

В период работы в отделе истории дореволюционного периода он на основе диссертационного исследования подготовил к изданию монографию о жизни и творчестве Ризы Фахретдинова [Баишев, 1996]. Одновременно готовил к изданию сборник его сочинений «Асар» («Следы»), рукописный вариант которого хранится поныне в Научном архиве УФИЦ РАН.

Являясь специалистом арабского языка, с 1990 года ученый принял участие в подготовке к изданию перевода на башкирский язык священной книги мусульман «Коран». В творческой группе указаны Ф. Н. Баишев, общий и научный редактор, подготовивший к печати перевод Д. Кинельского, Н. А. Суяргулов, который сделал транскрипцию арабского текста и Д. Д. Магадеев, редактор башкирского текста [Ҡөрьән Кәрим, 1992]. За данную работу творческий коллектив, в том числе и Ф. Н. Баишев (посмертно), в 1994 году были удостоены Государственной премии Республики Башкортостан имени Салавата Юлаева [Известные люди…].

В соавторстве им было подготовлено на башкирском языке методическое пособие на башкирском языке «Как читать Коран» (Уфа: Сонико, 1992) [НА УФИЦ РАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 2124, л. 41, 43 об.].

В 1992 году Ф. Н. Баишев совместно с языковедом И. Г. Галяутдиновым начал разрабатывать на башкирском языке учебник арабского языка. В то время компьютеры только начинали появляться, поэтому рукопись учебника имел настоящий рукописный вид. Если рукопись на кириллице можно было еще отпечатать на машинке, арабские и арабографичные тексты ученые вписывали от руки. Иногда некоторые слова печатали на машинке с арабским алфавитом. После неожиданной кончины Ф. Баишева в работу над книгой включился молодой специалист по арабскому языку И. З. Гафаров. Подготовленный ими учебник увидел свет в 1998 году. В аннотации книги указано, что он предназначен для учеников школ и студентов. При его подготовке были использованы труды Н. В. Юшманова, А. А. Ковалева, Г. Ш. Шарбатова, А. Дж. Маммедова и учебное пособие «Таалиму-л-арабиййа» университета Умму-л-Кура (Саудовская Аравия) [Баишев, Ғафаров, Ғәләүетдинов, 1998].

Умер 7 января 1993 года в Уфе, похоронен в Айдакаево Белокатайского района РБ.

20 ноября 2006 года Постановлением Правительства Республики Башкортостан муниципальному учреждению межпоселенческой центральной библиотеке Белокатайского района Республики Башкортостан присвоено имя Фаниля Нафиковича Баишева [Известные люди…].

Многие замыслы и планы Ф. Баишева остались невыполненными. Даже его кандидатская диссертация увидела свет через три года после его смерти в виде монографии «Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахретдинова» (Уфа, 1996, 176 с.), благодаря усилиям его коллег [Баишев, 1996].

Таким образом, преждевременная кончина Ф.Н. Баишева была огромной потерей не только для Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, но в целом и для гуманитарной науки Башкортостана и России. Его научные изыскания и творческие замыслы не были до конца реализованы.

Литература

Баишев Ф. Н., Ғафаров И. З., Ғәләүетдинов И. Ғ. Ғәрәп теле. Башлап өйрәнеүселәр өсөн дәреслек [Арабский язык. Учебник для начинающих]. Өфө: Китап, 1998. 152 б.

Баишев Ф. Н. Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахретдинова. Уфа: Китап, 1996. 175 с.

Известные люди Белокатайского района: Баишев Фаниль Нафикович [электронный ресурс]. URL: https://belokatay-kultura.ru/ 2020/12/18/izvestnye-lyudi-belokatajskogo-rajona-baishev-fanil-nafikovich/ (дата обращения: 04.04. 2022).

Ҡөрьән Кәрим (Сауд Ғәрәбстанында нәшер ителгән Ҡөрьәндең фотокүсермәһе, ғәрәп тексының хәҙерге башҡорт яҙмаһы менән бирелгән транскрипцияһы, башҡортсаға тәржемәһе). Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1992. 960 б.

Архив – Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (НА УФИЦ РАН). Ф. 4. Оп. 5. Д. 2124.

Салихов А. Г. Малоизвестные страницы из жизни Ризы Фахретдинова // Научное наследие Ризы Фахретдинова и актуальные проблемы востоковедения. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2001. С. 29–34.

© Салихов А. Г., 2022

УДК *930.2*

Салихов А. Г., Россия, г. Уфа
Институт истории, языка и литературы
УФИЦ РАН, в.н.с., к.и.н.

ОБ ИСТОРИИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ ГАЗЕТЫ «БАШКОРТОСТАН ХЭБЭРЛЭРЕ» («ИЗВЕСТИЯ БАШКИРИИ»)

В статье анализируются тексты из некоторых номеров газеты «Башкортостан хэбэрлэре» («Известия Башкирии»), издававшейся Военно-революционным комитетом Башкирской Советской Республики и Политотделом Военного комиссариата в 1919–1920 годах в городе Стерлитамак. Данное арабографичное периодическое издание выходило в начальный период формирования башкирского литературного языка. Материалы газеты печатались в основном на старотюркском языке. Некоторые из них увидели свет на ненормированном башкирском языке.

Ключевые слова: *история языка, письменные источники, арабографичные памятники, башкирский литературный язык, диалект, старотюркский язык.*

Salikhov A. G., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature UFRC RAS, Leading Researcher, Ph.D.

ABOUT THE HISTORY OF THE BASHKIR LANGUAGE ON THE BASIS OF THE MATERIALS OF THE NEWSPAPER «BASHKORTOSTAN KHEBERLERE» («IZVESTIA OF BASHKIRIA»)

The article analyzes texts from some issues of the newspaper «Bashkortostan heberlere» («News of Bashkiria»), published by the Military Revolutionary Committee of the Bashkir Soviet Republic and the Political Department of the Military Commissariat in 1919–1920 in the city of Sterlitamak. This Arabic-graphic periodical was published in the initial period of the formation of the Bashkir literary language. The materials of the newspaper were printed mainly in the Old Turkic language. Some of them saw the light of day in the still unstandardized Bashkir language.

Keywords: *history of the language, written sources, arabic monuments, Bashkir literary language, dialect, Old Turkic language.*

В отделе рукописей и редких изданий Национальной библиотеки Республики Башкортостан имени А.-З. Валиди хранятся три номера газеты «Башҡортостан хәбәрләре» («Известия Башкирии»), выходившей в двадцатых годах XX века. Они представляют собой ценный источник для изучения истории башкирского языка. Данная газета являлась органом Военно-революционного комитета Башкирской Советской Республики и Политотдела Военного комиссариата, позже – Революционного комитета Башкирской Социалистической Советской Республики.

Периодическое издание выпускалось редакционной коллегией. Например, в четвертом номере, увидевшем свет 2 октября 1919 г., в ней состояли Х. Юмагулов, Г. Карамышев, З. Музаффаров, И. Рахматуллин.

В рассматриваемых номерах были выявлены три стихотворения. Одна из них написана известным башкирским поэтом Сафуаном Якшигуловым, который еще до революции 1917 г. издал несколько книг на тюрки. Данное произведение поэта опубликовано под названием «1917–1918-нче йыл Үктәбр инҡилабының бәйрәме мөнәсәбәтейлә» («В связи с праздником Октябрьской революции 1917–1918 годов»):

Ун етенсе йылғы үктәберне яд итеү бөгөн.
Шул ҡәдерле, тарихи көн бәйрәмен итеү бөгөн.
Андан элгәре заманлар көсһөҙ иде эшчеләр.
Анлара ҡеүәт, баһадирлыҡ вирән кондөр бөгөн.
Берләшеп, асыуланып, ғәйрәтләнеп ярлы халыҡ
Йелкәһендән бар залимларны төшөргән көн бөгөн.
Ярлы юҡсыллар аяғында изеп торған боғау
Өҙгәндән парә-парә өҙгөләнгән көн бөгөн.
Ихтилалсы эшчеләр бу ихтилал утын яғып,
Ихтилал ялҡынларын ситкә таратҡан көн бөгөн.
Сын таң атып, сын аҙатлыҡ нурлары балҡып сығып,
Вахшилек ҡылыҡ юйылған, «күк асылған» көн бөгөн.
Яд итәм, бәйрәм итәм шул октябрь бәйрәмене
Ҡотло көн бу, якты көн бу, бик шәрәфле изге көн.

[Яхшыголов, 1919].

Язык стихотворения С. Якшигулова существенно отличается от письменного тюрки. В нем изобилует большое количество слов, написанных под влиянием башкирского языка: *ун еденсе / лит.: ун етенсе / семнадцатый, көсһөҙ / лит.: көсһөҙ / слабый, асуланып /лит.: асыуланып/ со злостью, ситкә / лит.: ситкә / в другие края, сын / лит.: ысын / настоящий, күк асылған / лит.: күк асылған / открытие небосвода, сығып / лит.: сығып / взошли, ихтилалсы / лит.: ихтилалсы / революционер*. Однако в произведении встречаются слова, которые относятся к османскому варианту старотюркского языка. Например, *андан / лит.: унан / после, анлара / лит.: уларға / им, вирән / лит.: биргән / дающий, бәйрәмене / лит.: байрамын / праздника.*

В этом номере опубликовано поздравление в стихах, написанное на башкирском языке другим автором под псевдонимом «Һаҡмар улы» («Сын Сакмара»):

Һәр яҡтағы ярлы халыҡ ойошоғоҙ,
Бер-берегеҙҙең тойғоһын тойошығыҙ,
Арабыҙҙан йел үтмәһлек тығыҙ сафта
Теҙелешеб барығыҙ ҙа һыйышығыҙ.
Нуйәберҙең етеһе – бөгөн байрам.

Ҡотлы булһын байрамығыҙ, итик сайран,
Көс-кеүәт, тығыҙ сафта ситдән ҡарап,
Капиталист, буржуй, дошман ҡалһын хайран.
[Һаҡмар улы, 1919].

Данное произведение содержит явный элемент диалекта башкирского языка: *үтмәһлек / лит.: үтмәҫлек / не пропускающий*. Псевдоним автора указывает на его происхождение из бассейна реки Сакмар, население которого по языку относится к южному диалекту (Ик-Сакмарский говор).

Третье стихотворное произведение «Ҡызыл башҡорд ордуларына бүләк» («Подарок красным башкирским войскам») сочинена Г. Матросовым. Оно увидело свет с примечанием редакции: «Бу жырларда жан жана, шадлана жан кеби ғәйре тәбиғы сузләр күп булдығы хәлдә Ҡызыл ғәскәрләребез өчөн хор белән жырларға муафиҡ жырлар аз булғанға басдыҡ (Хотя в данном стихотворении встречаются такие противоестественные слова, как горит душа, радуется душа, оно опубликовано из-за того, что очень мало песен о нашей Красной армии для хорового исполнения)» [Матросов, 1919].

На первой странице газеты от 5 ноября 1919 г. крупными буквами на башкирском яыке написано праздничное приветствие: «Йәшәһен Үктәбер инҡилабы! Сәселһен аң утлары бөтөн донъяға! Йәшәһен Үктәбер инҡилабының йемеше булған Ҡызыл Башҡортдостан һәм уның Ҡызыл армияһы! Башҡортостан ирләре! Һеҙ белеп тороғоҙ, Ҡызыл ғәскәрдең йенеүе белән генә һеҙ үҙ мохтариятығыҙды нығытаһыҙ» («Да здравствует Октябрьская революция! Пусть распространяются огни знания на весь мир! Да здравствует Красный Башкортостан, являющийся плодом Октябрьской революции и его Красная армия! Мужчины Башкортостана! Знайте, лишь благодаря победе Красной армии вы укрепляете свою автономию») [Башҡортостан хәбәрләре, 1919, 5 ноябрь].

В этой фразе есть несколько слов, правописание которых отличается от современного литературного языка: *йемеше / лит.: емеше / плодом, Башҡортдостан / лит.: Башҡортостан / Башкортостан, ирләре / лит.: ирҙәре / мужчины, йенеүе / лит.: еңеүе / победе, белән / лит.: менән / с (союз), ғәскәрдең / лит.: ғәскәрҙең / армии, мохтариятығыҙды / мохтариятығыҙҙы/ автономию* [Башҡортостан хәбәрләре, 1919, 5 ноябрь].

Еще один лозунг опубликован на первой странице, выпущенного 2 октября 1919 г.: «Йәшәһен Башҡордостан Шуралар Жөмһүриәте! Йәшәһен Башҡорд Ҡызыл армияһы! (Да здравствует Башкирская Советская Республика! Да здравствует Башкирская Красная армия!)» [Башҡордостан хәбәрләре, 1919, 2 октябрь].

Весьма примечательной является статья о памятных мероприятиях в честь поэта Шайхзады Бабича «Шағирыбыҙ Шәйехзадә ибтәш Бабичны иҫкә төшөрөү кисәһе» («Вечер памяти поэта товарища Шайхзады Бабича»). Автор статьи подписал свою заметку под псевдонимом «Катай», являющимся названием башкирского рода. Представители данного рода говорят на восточном диалекте башкирского языка. Данная публикация написана на языке, близком к современному литературному языку. Однако в ней есть много элементов, относящихся к диалектам башкирского языка и старотюркскому языку. Написание следующих лексем можно отнести к диалектным: яҫалды / *лит.:* яһалды / сделали, һөйөкле / *лит.:* һөйөклө / любимый, жаным / *лит.: йәнем / душа*, Жәғәфәров / *лит.: Йәғәфәров / Ягафаров (фамилия)*, жыйылған халыҡ / *лит.: йыйылған халыҡ / собравшийся народ*, моңдо / *лит.: моңло / мелодичный* [Катай, 1920].

Нижеследующие слова написаны по нормам языка старотюркского языка: хезмәтләрен / *лит.: хеҙмәттәрен / труды*, йәшләрен / *лит.: йәштәрен / молодых*, шағирны / *лит.: шағирҙы / поэта*, әсәрләре / *лит.: әҫәрҙәре / произведения*, Бабичның / *лит.: Бабичтың / Бабича (фамилия)*, шөғбәсе / *лит.: шөғбәһе (арх., в современном языке используется бүлексә / отделение*, мартда / *лит.:* мартта / в марте, һөйләп утделәр / һөйләп үттеләр / рассказали, күрһәтделәр / *лит.:* күрһәттеләр / показали. На наш взгляд, написание некоторых слов представляют исключения: аҙадлығы / *лит.: азатлығы / свободу,* сахна / *лит.: сәхнә / сцена. Это пример попытки написать на родном языке слова заимствованных из восточных языков, в данном случае из персидского* [Катай, 1920].

Большой интерес представляет статья «Башҡорт халҡының бул көнге бурысы” («Сегодняшние задачи башкирского народа»), автором которого является человек под псевдонимом «Фәтхелҡадир». Так подписывал свои публикации Ф. Сулейманов (Абдулкадир Инан), являющийся одним из представителей башкир, разговаривающих на восточном диалекте башкирского языка. Из данной статьи приведем пример, который показывает смешение в одном предложении разговорного башкирского языка, ставшего основой литературного языка; арабо-персидских заимствований, активно использовавшихся на языке тюрки (Русийә Шуралар жөмһүриәте / лит.: Рәсәй Совет Республикаһы / Российскя Советская Республика); русского языка (Савет / лит.: Совет / Советская), арабографичного тюрки (камалыб, уратылыб / лит.: камалып, уратылып / окруженные) и диалектизма (көсте / көслө / в данном случае: сильными): «Русийә Шуралар (Савет) жөмһүриәте монан бер-нисә ай элек ян яғынан ҙур көсте дошмандар менән камалыб, уратылыб алынған, ҡара тимер ҡоршау эсендә ҡалғайны (Всего несколько месяцев назад Российская Советская Республика была со всех сторон окружена очень сильными врагами, осталась внутри черного железного занавеса)» [Фәтхелҡадир, 1920].

Статья «Йәш каммунист һәм аның күҙдән ҡалған ҡарт атаһы», написанная на разговорном башкирском языке, который можно отнести к южному и восточному диалектам, примечательна еще тем, что подписана псевдонимом «Башҡордсы» («Сторонник башкирского»). В ней встречаются слова, написанные по нормам письменного языка тюрки: *тиб, жыр, саклар, алыб, килеб, урынындан,*

шадланыб, бардыр, 1917-нсе, башындан, мондан, бығауындан, ҡай. Ряд слов можно отнести к южному (*һүҙләр*) или северо-западному диалекту (*белән*) [Башҡордсы, 1919].

Приведем несколько примеров, имеющих историко-культурную ценность. Они также являются примерами по истории письменного языка, использовавшегося в двадцатых годах XX в. на территории Башкортостана:

1. Идарәдән жауаблар: Мирхәйдәр ибтәш Фәйзигә! «Йәшләр түгәрәге» тарафындан ҡуйылған эспектакел хаҡындағы мәктүбегез гәзитәмез вакытында чыға алмау сәбәбле басылмады. Һәр вакыт ил вакиғаларын языб тороуығызны үтенәмез [Идарәдән, 1920].

2. Идарәнан: Ҡағыҙ булмау сәбәбенән «Башҡортостан хәбәрләре» вакытса туҡтаб торғайны, монан һуң тәртипте сығыб торор. Идарә. (От редакции: В связи с отсутствием бумаги издание «Известия Башкирии» было временно приостановлено, после этого дня будет постоянно издаваться. Редакция) [Идарәнан, 1920].

3. Барығыҙ ҙа яҙығыҙ! «Башҡортостан хәбәрләре» Башҡортостан эшсе, керәһтиән халҡының үҙгә дини, эшсе, кәрәһтиән, һеҙ барығыҙ ҙа илдәге хәбәрләрҙе гәзитәгә яҙыб торогоҙ. Насар яҙабыҙ, яңылыш яҙабыҙ тиб тартыныб тороргә ярамай. Беҙ төҙәтеб яҫарбыҙ. Идарә (Пишите все! Рабочие, крестьяне Башкирии, пишите в газету «Известия Башкирии» обо всех событиях, происходящих в стране. Не стесняйтесь, что напишете плохо или ошибетесь. Мы исправим и опубликуем. Редакция) [Барығыҙ ҙа, 1920].

4. Иғлан: Бу йыл июль 29-нда үз йортомдағы ышкафымдан эштемпелем һәм именной печатем урланды. Эштемпелемдә тәфсилле адресым, печатнең ҡырына русча: имам-хатыб дер. Кузяновой һәм татарча имам Әхмәдшаһ Вәлидов диб язылған иде. Шул эштемпелем һәм именной печатемне июль 29-ндан иғтибарән бөтөн хосуси һәм хөкүмәт мөәссәсәләрендә ғәмәлдә санамауларын сорайым. Әгәр табыучы булса түбәндәге адресым буйынча уземә табшырыуны үтенәм: Питрау волосе, Көзән ауылында икенче мәхәлләдә имам-хатиб Әхмәтшаһ Вәлидов (Объявление: в 29 июля этого года из шкафа, стоящего в моем доме, был украден мой штемпель и именная печать. На штемпеле был указан подробный адрес, на краю печпти было написано по- русски: Имам хатыб дер. Кузяновой, и на татарском: имам Әхмәдшаһ Вәлидов. Прошу считать с 29 июля этого года мой штемпель и именную печать недействительными. Если кто-нибудь обнаружит, то прошу передать мне по следующему адресу: Петровская волость, имам-хатиб второго прихода деревни Кузяново Ахметша Валидов) [Вәлидов, 1919].

5. Инҡилабчы шәреҡнең ҡунаҡлары

200 миллион нөфүсле инҡилабчы Һиндостанның вәкилләре Самараға килеб етделәр. Самарадағы Ҡызыл ғәскәрләр канференсийәсендә бу вәкилләр Һиндостанның тиз вакытта Англия тарафындан ҡотолачағын сөйләгәнләр (Гости из революционного Востока. Представители 200-тысячной революционной Индии прибыли в Самару. В Самаре на конференции Красной армии эти представители рассказали о том, что скоро Индия освободится от Англии) [Инҡилабчы, 1919].

Данные сообщения содержат информацию об исторических событиях тех далеких лет. С другой стороны, они также представляют источники для изучения истории языка.

Таким образом, в данной статье были рассмотрены публикации из нескольких номеров газеты “Башҡортостан хәбәрләре” (“Известия Башкирии”). Анализ представленных материалов раскрывает особенности истории башкирского литературного языка. В рассмотренный период на страницах газеты «Башкортостан хэбэрлэре» («Известия Башкирии»), издававшейся на старотюркском языке, начали появляться материалы на башкирском языке, содержащем много старотюркских слов и диалектизмов.

Источники и литература

Вәлидов, 1919 – Вәлидов Ә., Иғлан // Башҡордостан хәбәрләре. 1919. 2 октябрь.

Инҡилабчы, 1919 – Инҡилабчы шәреҡнең ҡунаҡлары // Башҡортостан хәбәрләре, 1919, 2 октябрь.

Барығыҙ ҙа, 1920 – Барығыҙ ҙа яҙығыҙ! // Башҡортостан хәбәрләре, 1920, 8 апрель.

Идарәнан, 1920 – Идарәнан // Башҡортостан хәбәрләре.1920. 8 апрель.

Идарәдән, 1920 – Идарәдән жауаблар // Башҡортостан хәбәрләре. 1920. 8 апрель.

Башҡордсы, 1919 – Башҡордсы, Йәш каммунист һәм аның күҙдән ҡалған ҡарт атаһы // Башҡортостан хәбәрләре. 1919. 5 ноябрь.

Фәтхелҡадир, 1920 – Фәтхелҡадир, Башҡорт халҡының бул көнге бурысы // Башҡортостан хәбәрләре. 1920. 8 апрель.

Ҡатай, 1920 – Ҡатай, Шағирыбыҙ Шәйехзадә ибтәш Бабичны иҫкә төшөрөү кисәһе // Башҡортостан хәбәрләре, 1920, 8 апрель.

Матросов, 1919 – Матросов Ғ., Ҡызыл башҡорд ордуларына бүләк // Башҡортостан хәбәрләре. 1919. 2 октябрь.

Һаҡмар улы, 1919 – Һаҡмар улы, Һәр яҡтағы ярлы халыҡ ойошоғоҙ… // Башҡортостан хәбәрләре. 1919. 5 ноябрь.

Яхшыголов, 1919 – Яхшыголов С., 1917–1918-нче йыл уктәбр инҡилабының бәйрәме мөнәсәбәтейлә // Башҡортостан хәбәрләре, 1919, 5 ноябрь.

© Салихов А. Г., 2022

УДК *811.512*

Самситова Л. Х., Россия, г. Уфа
Институт стратегических исследований АН РБ, в.н.с.
Сагынбек И. Ж., Россия, г. Уфа
Башкирский государственный педагогический институт, аспирант

ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ В БАШКИРСКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются придаточные предложения образа действия в сравнительном освещении. Приводятся результаты сравнительного изучения структурно-семантических особенностей придаточных предложений образа действия в башкирском и казахском языках. В результате детального изучения данного типа предложения авторы пришли к выводу, что синтаксис сложного предложения обоих языков изучен достаточно полно, однако необходимо ввести в научный оборот некоторые виды придаточных предложений образа действия в казахском языке, которые имеются в башкирском языке.

***Ключевые слова**: тюркология, грамматика, синтаксис, сложноподчиненное предложение, придаточное предложение образа действия, башкирский язык, казахский язык.*

Samsitova L. H., Russia, Ufa
Institute of Strategic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Leading Researcher
Sagynbek I. Zh, Russia, Ufa
Bashkir State Pedagogical Institute, postgraduate student

SUBORDINATE CLAUSES OF THE MODE OF ACTION IN BASHKIR AND KAZAKH LANGUAGES

The article discusses the subordinate suggestions of the way of action in comparative coverage. The results of a comparative study of the structural and semantic features of subordinate sentences of the mode of action in the Bashkir and Kazakh languages are presented. As a result of a detailed study of this type of sentence, the authors came to the conclusion that the syntax of the complex sentence of both languages has been fully studied, but it is necessary to introduce into scientific circulation some types of subordinate sentences of the mode of action in the Kazakh language, which are available in the Bashkir language.

***Keywords:** Turkology, grammar, syntax, complex sentence, subordinate sentence of the mode of action, the Bashkir language, the Kazakh language.*

Сложноподчиненное предложение является одним из трудных разделов синтаксиса, поэтому в лингвистике нет единства взглядов в толковании структуры данного типа предложения.

В языкознании отдельные категории синтаксиса, а также конструкции сложноподчиненных предложений и их функции в теоретическом плане достаточно изучены. В настоящее время учеными большое внимание уделяется контрастивным исследованиям, но, несмотря на это, проблемы, связанные с изучением сложноподчиненных предложений в сопоставительном и сравнительном аспектах, только начинают изучаться. Между тем нет работ, посвященных синтаксису сложного предложения башкирского и казахского языков, содержащих сравнительный аспект таких предложений и детальное описание их семантики и структуры.

В башкирском языке вопросы синтаксиса освещены в трудах К.З. Ахмерова, С. Галиева, Г.Г. Саитбатталова, Д.С. Тикеева, А.М. Азнабаева и др. В книге М.С. Уметбаева даны первые сведения о синтаксисе башкирского языка, но в ней нет разделения сложных предложений на сложносочиненные и сложноподчиненные. В 30-х годах XX века появились первые учебники, авторами которых являются К.З. Ахмеров, С. Галиев. После защиты кандидатской (1953) и докторской (1963) диссертаций Г.Г. Саитбатталова многие вопросы по синтаксису сложного предложения башкирского языка были исчерпаны. Позже появились работы Д.С. Тикеева, А.М. Азнабаева. В учебнике для общеобразовательных организаций коллектива авторов под руководством Л.Х. Самситовой более подробно описаны все виды сложносочиненных, слоджноподчиненных предложений, сложных синтаксических конструкций (2016, 2017, 2020).

В казахском языке первые упоминания о сложноподчиненных предложениях были высказаны в 20–30-х годах прошлого столетия. В казахском языке нет единого мнения по классификации сложнопочиненных предложений. Разделение сложноподчиненных предложений на различные группы начинается с трудов, написанных А. Байтурсыновым. Одной из основных причин отсутствия унификации было разнообразие признаков и критериев в классификациях. Например, в трудах А. Байтурсынова основными признаками классификации сложноподчиненных предложений были смысловые отношения между компонентами. Наиболее значительные работы по синтаксису принадлежат таким ученым, как С.А. Аманжолов, А. Байтурсынов, М.Б. Балакаев, Х.М. Есенов, С.С. Жиенбаев, К.К. Жубанов, Т.К. Кордабаев, К.К. Садирова, Н.Т. Сауранбаев и др.

Придаточные предложения, поясняющие образ действия в главном предложении, называются придаточными предложениями образа действия (*рәүеш һөйләм).* Отвечают на вопросы *нисек? ни рәүешле?* В башкирском языке сложноподчиненные предложения образа действия представляют собой синтетические и аналитические конструкции. Согласно классификации профессора Г.Г. Саитбатталова в башкирском языке придаточные предложения образа действия делятся на 7 видов [Саитбатталов, 2002, 314].

В казахском языке придаточные образа действия *(қимыл-сын)* схожи с придаточными предложениями образа действия в башкирском языке и отвечают на вопросы *қалай?, қайтіп?, не етіп*?

Например: каз.: *Ұзын кірпіктері қыбыр-қыбыр етіп, Манар әлдене бір шуылдаған дыбыстарды естіп жатты* (Х. Есенжанов). *Ақсаған көңілім серпіле, Бүгілген белім керіле, Сапар шегіп, жол тарттың, Сүйікті Кавказ елім* (Ж. Жабаев). *Қалжыңы, күлкісі араласа, шай өте көңілді ішілді* (С. Мұқанов).

Авторы учебника для 9-х классов общеобразовательных учреждений Ермекова Т.Н и др. в казахском языке выделяют 4 вида придаточных предложений образа действия [Ермекова и др., 2019, 151].

Далее сравним формы придаточных предложений образа действия по классификации Г.Г. Саитбатталова в башкирском языке и Т.Н. Ермековой и А. Байтурсынова в казахском языке:

1. В роли сказуемого выступает деепричастие I формы. Между предложениями ставится запятая. Например: башк.: *Беҙ бригадала бөтәбеҙ ҙә, ул яратырлыҡ итеп, һәйбәт итеп эшләргә тырышып ҡына торабыҙ* (З. Биишева); каз.: *Ұзын кірпіктері қыбыр-қыбыр етіп, Манар әлдене бір шуылдаған дыбыстарды естіп жатты* (Х. Есенжанов).

2. В роли сказуемого выступает причастие прошедшего времени или разные части речи и послелоги *килеш, көйө/күйі, көйөнсә/күйіне, хәлдә/хәлде.* Между предложениями ставится запятая. Например: башк.: *Ҡайһы саҡта, ғәйебең юҡ көйөнсә, ғәйеп тағып ҡуялар* (Ф. Рәхимғолова); каз.: *Қоңырқай сопақша беті күреңденген күйі, бала жұмысына қайта кірісті.*

3. Сказуемое или последний компонент сказуемого выражен причастием прошедшего времени с окончаниями *-дай/дай, -дәй/дей* или словом *тигәндәй/дегендей.* Между предложениями ставится запятая. Например: башк.: *Азамат, бер ни булмағандай, тыныс ҡына йылмайып йөрөй* (Р. Солтангәрәев); каз.: *Балалары анасынан туғандай, түрлері бір келбетте.*

Все три вида придаточного предложения образа действия имеют одинаковые структурно-семантические особенности в башкирском и казахском языках.

Следующий вид придаточных предложений образа действия встречается в труде А. Байтурсынова “Тіл құрал” *(сын пысықтауышы)* [Байтурсынов, 2009, 165]. Данный вид предложения имеет одинаковую структуру в башкирском и казахском языках:

В роли сказуемого выступает условное наклонение. В составе придаточного предложения используются слова *нисек* и *ҡалай/қалай,* а в главном предложении в роли обстоятельства образа действия выступает слово *шулай/солай.* Между предложениями ставится запятая. Например: башк.: *Үҙегеҙ ҡалай теләйһегеҙ, шулай булыр* (Я. Валиев); каз.: *Қалай бақсаң, атың солай жүрмек* (А. Байтурсынов).

Остальные 3 вида придаточных предложений образа действия не описаны в казахском языке, однако, несмотря на это, по нашему мнению, предложения по данной структуре и семантике существуют и в казахском языке, и их нужно ввести в научный оборот:

1. Придаточное предложение образа действия поясняет модальное слово *шулай/солай* в главном предложении. Придаточное предложение идет после главного предложения. Основную мысль передает придаточное предложение. После главного предложения ставится двоеточие. Например: башк.: *Тормош шулай ҡоролған: ауылда йәшәүселәр ҙә, ҡалала көн итеүселәр ҙә ашамай-эсмәй тора алмай* (Ф. Мырзаҡаев); каз.: *Өмір солай құрылған: ауылда тұратындар да, қалада тұратындар да тамақтанбай өмір сүре алмайды.*

2. В роли сказуемого придаточного предложения образа действия выступает причастие прошедшего времени и послелоги *һымаҡ/сымақ, кеүек/сынды, шикелле/секілді, төсләп/сияқты.* Если придаточное предложение стоит рядом с поясняющим словом, запятая не ставится. Например: башк.: *Айбулат бер нәмә лә булмаған һымаҡ тыныс ине* (Һ. Дәүләтшина); каз.: *Айболат ештеңе де болмаған сияқты сабырлы еді.*

3. В роли сказуемого выступает деепричастие IV формы. Между предложениями ставится запятая. Например: башк.: *Бүлмә, нәҡ Баҡый теләгәнсә, һәйбәт йылтыраған* (Я. Вәлиев); каз.: *Бөлме, дәл Бақи қалағанша, керемет жылтырап тұрған еді.*

Таким образом, в башкирском и казахском языках сложноподчиненные предложения образа действия представляют собой синтетические и аналитические конструкции. В обоих языках придаточные предложения образа действия большей частью подвижны, то есть могут занимать препозицию, постпозицию или интерпозицию по отношению к главному. В заключении подчеркнем, что сравнительный анализ на структурно-семантическом уровне обеспечит всестороннее раскрытие специфики изучаемых языков.

Литература

Байтурсынов А. Тіл – құрал. Алматы: «Сардар» баспасы, 2009. 348 б.

Бүркіт О., Ержанова Ұ., Өмірзақов Б. Қазақ тілінің грамматикалық құрылымы: морфология және синтаксис: Оқу-әдістемелік құрал. Орал: М. Өтемісов атындағы БҚМУ Баспа орталығы, 2012. 299 б.

Ермекова Т.Н., Бертілеуова К.Ә., Абишева Р.А., Қазақ тілі: жалпы білім беретін мектептің 9-сыныбына арналған оқулық. Нұр-Сұлтан: Арман-ПВ, 2019. 240 б.

Жұбанов Қ.Қ. Қазақ тілі жөніндегі зерттеулер. Алма-ата: Наука, 1966. 361 б.

Қордабаев Т.Р. Қазақ тіліндегі құрмалас сөйлемдер синтаксисы (оқу құралы). 2-ші басылым. Алматы: Санат, 1995. 176 б.

Садирова К.Қ. Түркі тілдері синтаксисының зерттелуі: Монография / Жауапты ред. Ж.А. Манкеева. Алматы: "Үшқиян" баспасы, 2013. 86 б.

Сәйетбатталов Ғ.Ғ. Башҡорт теле. 2-се том. Ҡушма һөйләм синтаксисы. Өфө: Китап, 2002. 432 б.

Сәмситова Л.Х. Хәҙерге башҡорт теле. Ҡушма һөйләм синтаксисы: Курс программаһы. Өфө: Вагант, 2005. 32 б.

Сәмситова Л.Х., Таһирова С.А., Рәхимова Э.Ф., Исламова Т.М. Башҡорт теле. Ҡушма һөйләм синтаксисы: Уҡытыу туған (башҡорт) телендә алып барылған дөйөм белем биреү ойошмаларының 8-се класы өсөн дәреслек. Өфө: Китап, 2020. 208 б.

© Самситова Л. Х., Сагынбек И. Ж., 2022

УДК *81.374.4*

Семенов В. Г., Россия, г. Ижевск
Удмуртский государственный университет, н. с.

НАЗВАНИЯ ОХОТНИКА В ДИАЛЕКТАХ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассказывается о названиях охотника в удмуртских диалектах. Среди выявленных лексем некоторые являются заимствованиями, другие – словами собственного происхождения. Наименование охотника может быть связано с конкретным животным или дичью, на которую ведётся охота, или с местным названием леса. Определена территория распространения, и рассмотрена этимология лексем.

Ключевые слова: *названия охотника, удмуртские диалекты, территория распространения, этимология.*

Semenov V. G., Russia, Izhevsk
Udmurt State University, Researcher

NAMES OF A HUNTER IN DIALECTS OF THE UDMURT LANGUAGE

The article tells about the names of the hunter in the Udmurt dialects. Among the identified lexemes, some are borrowings, others are words of their own origin. The hunter's name may be associated with the specific animal or game being hunted, or with the local name of the forest. Distribution area determined. The etymology of lexemes is considered.

Keywords: *names of a hunter, Udmurt dialects, distribution area, etymology.*

Охота – деятельность, связанная с поиском, выслеживанием, преследованием добычи, первичной переработкой и транспортировкой. Человек занимался охотой с доисторических времен. С развитием человеческого общества менялись способы и цели охоты. В первобытном обществе охота была одним из основных источников пищи, а также была частью обрядов и ритуалов. Далее развились различные виды охотничьих забав, охота стала развлечением.

Одни выявленные лексемы для обозначения охотника являются заимствованиями, другие – словами собственного происхождения. В удмуртских диалектах, в зависимости от названия леса, происходят слова, обозначающие понятие «охотник»: *тэл'ас'*, *н'улэскас'*. Также наименование охотника может быть связано с конкретным животным или дичью, на которую охотятся: *кэчас'*, *луткэчас'*, *пöйшурас'*.

Форма *охо.т'н'ик* зафиксирована в д. Слудка Кировской области, в ярском, глазовском говорах среднечепецкого диалекта. Вариант *охот'н'и.к* с ударением на последнем слоге, адаптированном по нормам удмуртского языка, встречается в северном наречии: в ярском, глазовском, балезинском, кезско-дебёсском, юкаменском, тыловайском говорах; охватывает срединные селтинский и шарканский говоры. В южном наречии отмечен в дд. Стар. Салья Киясовского и Лолошур-Возжи Граховского районов УР, д. Сырья Балтасинского района РТ, в кукморском, буйско-таныпском, ташкичинском и красноуфимском говорах. Форма *охо'н'ик* с гортанным смычным согласным бытует в д. Лельвиж Кукморского района РТ, в татышлинском говоре Закамья. Лексема *око.т'н'ик* локализована в слободском говоре нижнечепецкого диалекта и в бесермянском селе Юнда.

Русские *охóта*, *охóтиться* являются словами общеславянского происхождения, ср. укр. *охóта*, чеш. *ochota* ‘охота, воля, веселое расположение духа’. От *хотéть*, *хочý*, как табуистическое название охоты в восточно-славянских языках. Аналогично др.-инд. *lubdhakas* ‘охотник’, *lubdhas* ‘жадный, охотник’. Производное от утраченного *хота* (ср. др.-рус. *хоть*, диал. *хоча*, *похоть*), того же корня, что и *хотеть*. *Хотеть* исходно – ‘брать, хватать’, затем – ‘брать, хватать, что хочется’ и ‘хотеть’ [Фасмер, 1971, 176; ШЭСл, 220, 354].

Наименование *кэчас'*, образованное от сущ. *кеч* ‘1. коза 2. заяц’ + суф. *–ась,* встречается в косинском говоре северного наречия и шошминском говоре периферийно-южного диалекта. Форма *луткэчас'* зафиксирована в с. Бол. Гондырь (Пермский край). Структурно состоит из компонентов *луд* ‘поле; дикий’ + *кеч* ‘заяц’ + суф. *–ась*. Отмечено в некоторых источниках*: ke,t'śàni* ‘охотиться на зайцев’ (1892, 1894) [Wichm., 101]; *л*УДК*ечась* ‘охотник’ [Яковлев, 1919, 26]; *кечаны* ‘охотничать за зайцами’ [Борисов, 1932, 131]; *кечаны* ‘охотиться на зайцев’ [УРС, 1948, 132]; *л*УДК*ечаны* ‘охотиться на зайцев’ [УРС, 1948, 177]; *л*УДК*ечась* ‘охотник’ [РУС, 1956, 649]; *кечась*, *л*УДК*ечась* ‘охотник на зайцев’ [УРС, 1983, 196, 261]; *кечась, л*УДК*ечась* ‘тж’ [УРС, 2008, 297]. Ф. Видеманн удмуртское слово *kets* ‘козёл’, *lud-kets* ‘заяц’ сравнивает с коми *köts* [Wied.:,486]. Лексему *ket's'* ‘коза’, ‘заяц’ Ю. Вихманн считал чувашизмом, а Б.Мункачи (*keč, ket'*) – татаризмом [Wichm., 100–101; Munk., 139]. Удмуртское слово *кэч* ‘заяц’ в КЭСК (С. 143) сравнивается с коми *кöч* с таким же значением и реконструируется общепермское **kɛčʹ* ‘заяц’; относят к древнечувашским заимствованиям. Слово *луткэч* возникло для дифференциации названия козы и зайца. Первый компонент восходит к самостоятельному слову *луд* ‘поле; воля (в противоположность дому, надворным постройкам, (за)крытому помещению); дикий’. По происхождению является исконным словом [UEW, 235–236; КЭСК, 163].

Название *пöйшурас',* принятое за литературную форму, записано в балезинском, кезско-дебёсском, юкаменском, глазовском, игринском говорах северного наречия; охватывает центральную, юго-восточную и южную часть Удмуртии. В периферийно-южном диалекте отмечено в кукморском, шагиртско-гондырском, татышлинском и буйско-таныпском говорах. Вариант *пэйшурас'* бытует в бесермянском селе Жувам. Лексема *пöйшур* является сложным словом. Состоит из компонентов *пöй* ‘дикий, лесной зверь (животное)’ + *шур*, который, как утверждает Б. Мункачи, также имел значение

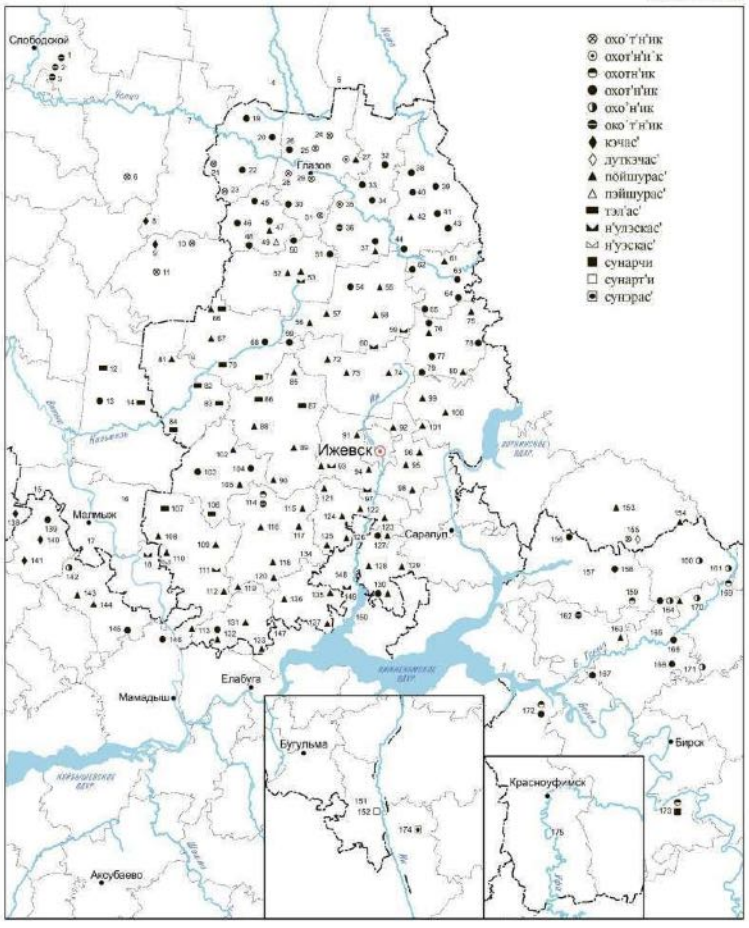
‘дикий, лесной зверь (животное)’: *šur: pөj-šur* ‘дикий, лесной зверь’, *pөjdä-šurdä s'ot Inmarä, pičalänim pөjäz-šuräz med šedto val* ‘дай, Боже, мне зверя, добыть бы мне своим ружьём зверя’, *pөj-šur kuškini* ‘охотиться’. Компонент *пӧй* связывают с коми *-па*: *вӧрпа* ‘зверь’, где *вӧр* означает ‘лес’ [Munk., 503–504]. Фиксируется в нескольких источниках: *пӧйшураны* I, II ‘охотиться’ [ВерещСл., 1892, 1920, 191]; *пӧйшурась* ‘охотник’ [Борисов, 1932, 228, 245]; *пӧйшурась* ‘охотник; зверолов’ [УРС, 1948, 245]; *пӧйшурась* ‘охотник’ [РУС, 1956, 649]; *пӧйшурась* ‘охотник; зверолов’ [УРС, 1983, 354]; *пӧйшурась* ‘тж’ [УРС, 2008, 543].

Форма *тэл'ас'* на территории Удмуртии образует микроареал в пределах Увинского, Селтинского и Сюмсинского районов, также охватывает населённые пункты Кильмезского района Кировской области, территориально примыкающей к указанному ареалу. Отмечена еще в омгинском говоре. Наименование *тэл'ас'* образовано от сущ. *тэль* ‘лес’ + суф. *-ась*, т.е. ‘промышляющий, охотящийся в лесу’. Значение общеудмуртской формы **tel'* предположительно было ‘(густые) заросли хвойного леса; молодой хвойный лес небольшого размера’. Встречается в следующих источниках: *tel'al-* охота’ [Wichm., 1892, 1894, 258]; *тэляны* ‘охотничать’ [Борисов, 1932, 295]; *тэляны* ‘охотиться’ [УРС, 1948, 300]; *тэлясь* ‘охотник’ [УРС, 1983, 438]; *тэлясь* ‘тж’ [УРС, 2008, 676].

Форма *н'улэскас'* встречается в единичных населённых пунктах зятцинского, чутырского говоров, в отдельных опорных пунктах среднеижского диалекта, омгинского, кизнерско-можгинского и алнашского говоров. Вариант *н'уэскас'* без согласной *-л* отмечен в д. Стар. Бодья Кизнерского района УР. В данном кизнерско-можгинском говоре характерно позиционное варьирование *л ~ у ~* [redacted] Образовано от сущ. *н'улэс(к)* ‘лес’ + суф. *-ась*, т.е. ‘промышляющий, охотящийся в лесу’. По его предположению Ю. Вихманна, *n'ules* был общим названием леса уже в праудмуртском. Зафиксировано в таких источниках: *ńulesaś* G, *ńuleskaś* J, *ńuweskaś* MU охотник’ [Wichm., 1892, 1894, 178]; *нюлэскась* I ‘охотник, зверолов’ [ВерещСл., 1892, 1920, 174]; *нюлэскась* ‘охотник’ [Яковлев, 1919, 26]; *нюлэскась* ‘тж’ [Русских, 1931, 36]; *нюлэскась* ‘тж’ [Борисов, 1932, 201, 245]; *нюлэскась* ‘тж’ [УРС, 1948, 214]; *нюлэскась* ‘тж’ [РУС, 1956, 649]; *нюлэскась* ‘тж’ [УРС, 1983, 310]; *нюлэскась* ‘тж’ [УРС, 2008, 479].

Лексема *сунарчи* встречается только в канлинском говоре Башкортостана. Формы *сунарт'и* и *сунэрас'* бытуют в бавлинском говоре Татарстана. Зафикисрована в двух источниках: *sońeranî* U ‘охотничать’ [Wichm., 1892, 1894, 225]; *сунэрчи* диал. ‘охотник’ [УРС, 1983, 399]. *Сунарчи* является словом тюркского происхождения, ср. тат. *сунарчы*, башк. *һунарсы* ‘охотник, зверолов’, чув. *сунар* ‘охота’, *сунарҫӑ* ‘охотник’.

ОХОТНИК



М 1:2 000 000
(в 1 см 20 км)

Сокращения: башк. – башкирский язык; др.-инд. – древнеиндийский язык; др.-рус. – древнерусский язык; тат. – татарский язык; чеш. – чешский язык; чув. – чувашский язык.

Литература

Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов / АН СССР. УрО. Удм. ИИЯЛ; Удм. отд. Всесоюзного фонда культуры. Ижевск, 1991. 384 с.
ВерещСл. –Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Г. Е. Верещагин; Под. ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / Отв. за выпуск и авт. предисл., комментариев Л. М. Ившин; РАН. УрО. УИИЯЛ. Ижевск, 2006. 288 с.
КЭСК – Лыткин В. И. Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Переизд. с доп. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 431 с.
РКС – Русско-коми словарь: 52 000 слов / Л. М. Безносикова, Н. К. Забоева, Р. И. Коснырева; Под ред. Л. М. Безносиковой; РАН. УрО. Коми НЦ. И-т ЯЛИ. Сыктывкар: Коми кн. изд.-во, 2003. 1104 с.
РМС – Русско-марийский словарь: Ок 35000 слов / Сост. И. Ф. Андреев, Л. П. Васикова, Ф. И. Гордеев и др.; Гл. ред. И. С. Галкин; Мар. НИИ ЯЛИ. М.: Советская энциклопедия, 1966. 848 с.
РУС 1931 – Русско-удмуртский словарь / Русских П. М., Русских П. Я. Изд 2-е., испр. и доп. М.: Центриздат, 1931. 64 с.
РУС 1956 – Русско-удмуртский словарь: Ок. 40000 слов / Сост. А. С. Белов, В. М. Вахрушев, А. П. Колесников, Н. И. Кондратьев; УдНИИ ИЯЛ. М.: ГИИНС, 1956. 1360 с.
УРС 1948 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 15 000 слов / В. М. Вахрушев, К. А. Корепанова, Е. Н. Ложкина и др.; НИИ ист., языка, лит. и фольклора при Сов. Мин. УАССР. М.: ГИС, 1948. 447 с.
УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 35 000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; Под ред. В. М. Вахрушева; НИИ при Сов. Мин. УАССР. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.
УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др.; Отв. ред. Л. Е. Кириллова; РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 2008. 925 с.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер; Перевод с немецк. и доп. О. Н. Трубачева; Под ред. Б. А. Ларина. М.: Прогресс. Т. III: Муза–Сят. 1971. 827 с.
ШЭСл. – Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – 6-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2003. 400 с.
Яковлев И. В. Удмуртъёслэсь ог-огзылэсь мукет сямен вераськон кылъёссэс валэктйсь книга / И. В. Яковлев. Казань, 1919. 82 с.
Munk. – A votják nyelv szotara / B. Munkácsi. Budapest, 1896. XVI + 836 l. 2-е изд.: Pecs, 1990.
Wichm. – Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. LSFU XXI. Helsinki, 1987. XXIII + 422 p.
Wied. – Syrjänisch-Deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen und mit einem deutschen Register / F. J. Wiedemann. St.-Petersburg, 1880. 692 p.

© Семенов В. Г., 2022

УДК *811.512*

Сибгаева Ф. Р., Россия, г. Казань
Казанский федеральный университет, доцент

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-ЭВФЕМИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ФИЗИЧЕСКИЕ И ПСИХИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Фразеологический состав любого языка наиболее культурно-национален, поскольку система образов, закрепленных в нем, служит своего рода основой для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности. Возникновение в татарском языке такого феномена, как эвфемизм, тесно связано с развитием процессов глобализации, внедрением информационных технологий в различные сферы жизни общества. Для фразеологических эвфемизмов (ФЭ), как и для лексических, характерна стилистическая отнесенность. Таким образом, ФЭ могут придавать высказываниям разные оттенки значения: шутливые, иронические, саркастические и т.д. Существует стилистическая закрепленность эвфемизма за определенным стилем речи.

Ключевые слова: *фразеологизм, фразеологизм-эвфемизм, национально-культурный стереотип, татарский язык, антропоцентризм.*

Sibgaeva F. R., Russia, Kazan
Kazan Federal University, Associate Professor

PHRASEOLOGICAL UNITS-EUPHEMISMS DENOTING PHYSICAL AND MENTAL CHARACTERISTICS OF A PERSON IN THE TATAR LANGUAGE

The phraseological composition of any language is the most culturally national, since the system of images fixed in it serves as a kind of basis for the accumulation of worldview and is somehow connected with the material, social or spiritual culture of this linguistic community. The emergence of such a phenomenon as euphemism in the Tatar language is closely related to the development of globalization processes, the introduction of information technologies in various spheres of society. Phraseological euphemisms, as well as lexical ones, are characterized by stylistic relatedness. Thus, FE can attach different shades of meaning to statements: humorous, ironic, sarcastic, etc. There is a stylistic fixation of euphemism for a certain style of speech.

Keywords: *phraseologism, phraseologism-euphemism, national-cultural stereotype, Tatar language, anthropocentrism.*

Соотношение языка и культуры на протяжении продолжительного времени привлекает внимание отечественных и зарубежных ученых. Фундаментальные основы подхода к изучению языка и культуры как к культурному коду нации были заложены также в работах А. А. Потебни, Э. Сепира, Б. Л. Уорфа, Л. Вейсгербера, Н. И. Толстого, позже успешно продолжены в трудах Ю. Д. Апресяна, А. Вежбицкой, В. Н. Телии, Н. Д. Арутюновой, В. А. Масловой, И. А. Стернина, Г. А. Багаутдиновой, Р. Р. Замалетдинова, Р. Х. Хайруллиной, Д. Ф. Санлыер и других ученых.

Р. Р. Замалетдинов считает, что именно фразеологические единицы можно рассматривать как сгусток культурно значимой информации, поскольку национально-культурные стереотипы и эталоны закладываются при появлении фразеологизма в языке и его закреплении в системе языка. Результаты анализа татарской фразеологии позволили ему прийти к выводу о том, «отпечатки» национальной культуры и исторического прошлого татарского народа сохранились в большей части татарских фразеологизмов, их выявление возможно при рассмотрении «внутренней формы и национально-культурной коннотации» [Замалетдинов, 2009, 106].

Как отмечает в своих исследованиях Е. Ф. Арсентьева, страноведческой ценностью фразеологических единиц является их способность отражать национальную культуру комплексно, нерасчлененно, своими идиоматическими значениями [Арсентьева, 2006, 64]. В данном случае речь идет о фразеологических единицах, не имеющих фразеологических соответствий в другом языке, т.е. о так называемых безэквивалентных единицах.

Изначально эвфемизмы не обладали художественной значимостью. Они возникли из табуизмов, которые запрещали произносить определенные лексемы, связанные со смертью, болезнью или называющие имена богов. Эвфемизмы приходилось использовать для переименования подобных выражений. Как стилистический троп и способ словесного смягчения отрицательного денотата эвфемизм сформировался в эпоху античности, о чем свидетельствуют труды Аристотеля (Аристотель, 1978, 15–69) и Цицерона (Цицерон, 1895, 1–15). Таким образом, можно предположить, что эвфемизм является одной из древнейших фигур речи.

Все эвфемизмы в современном татарском языке можно разделить на лексические и фразеологические. ФЭ можно разделить на три основных стиля татарского языка: высокий, средний (нейтральный) и низкий. Фразеологические эвфемизмы высокого стиля придают речи торжественность, поэтичность. Как правило, это ФЭ книжного характера. Они используются, чтобы добавить высказыванию строгости, образности, придать речи экспрессивность, избавить ее от шаблонности. ФЭ высокого стиля чаще всего можно встретить в художественных произведениях. К низкому стилю можно отнести просторечные и разговорные единицы, а также жаргонизмы и арготизмы. Такие ФЭ

основаны на приемлемых с моральной точки зрения образах и могут носить шутливый характер. Они позволяют говорящему выразить презрение, иронию, фамильярность.

Фразеологизмы-эвфемизмы, характеризующие физические и психические особенности и проявления человека с разных сторон. В первую очередь речь идет об эвфемических обозначениях умственных и физических состояний и недостатков человека, включая болезни. Обращение к процессу эвфемизации при номинации умственных и физических недостатков человека вполне понятно, поскольку данные явления, с одной стороны, вызывают чувство жалости, реже отвращения, с другой стороны, моральный этикет общества не позволяет напрямую называть их, тем более при разговоре с человеком, страдающим тем или иным психическим или физическим расстройством. Такие единицы Е. Ф. Арсентьева относит к обозначению психических расстройств [Арсентьева, 2006].

Некоторые фразеологизмы-эвфемизмы данной фразеосемантической группы демонстрируют и особенности фразеологической номинации физических и психических состояний и недостатков человека, что свидетельствует об избирательности фразеологической номинации данных явлений носителями татарского языка. В данном случае речь идет о выделении каких-либо дифференциальных характеристик номинации, находящих свое языковое выражение в наличии дополнительных дифференциальных сем во фразеологическом значении подобных эвфемистических единиц.

ФЭ «ачык авыз», «туксан тугызлы», «йөзгә бер тулмаган», «башы киткән» и др. с насмешкой характеризуют не просто глупого человека, а больного человека, человека с диагнозом. В данном случае налицо наличие семы экспрессивности в коннотации значения данного выражения. Легкая степень проявления глупости передается через эвфемистическую единицу с эмосемой иронии «акылга сай//акылга җиңел//акылга зәгыйфь» – вести себя так, словно быть с психическими отклонениями, сумасшедшим.

Отношение к людям с интеллектуальными и психическими недостатками зависит, в первую очередь, от толерантности общества. И в этом отношении нашей стране далеко до идеала. У одних возникает чувство жалости, у других – сочувствия, а у третьих – чувство отвращения. Мало кто говорит о таких людях равнодушно, потому существование в нашем языке подобных ФЭ вполне логично.

Люди стремятся не называть напрямую ряд болезней, в том числе неприличных с точки зрения общественной морали или особенностей проявления, а дать им скрытое, завуалированное название. Широко известное разговорное выражение в татарском языке «эч китү // эч йомшару // төбе төшү // эч бору» иронически номинирует понос.

Как нами уже указывалось ранее, рассматриваемая фразеосемантическая данная группа в последнее время стала пополняться устойчивыми эвфемистическими выражениями, характеризующими проявляющуюся в последние десятилетия склонность к набору веса. Татары издревле не воспринимали как полных, так и худых женщин. Медиками подобная тенденция рассматривается как болезненные состояния предожирения и ожирения. Как правило, подобные выражения имеют дефиниции «артык авырлык, артыгыннан кирәк тазалык (симезлек, юанлык)», «симез, юан», «вес җыю», «симерү//тазару//юанаю». Однако в результате проведенного анализа также были выявлены фразеологизмы-эвфемизмы с дополнительными дифференциальными семами. Так, в татарском языке выделяются эвфемистические выражения, характеризующие полных женщин. Причем, образ, лежащий в основе переосмысленных выражений, носит явно выраженную мелиоративную оценку: «апара чиләге», «әрекмән чүмәләсе», «тегермән ташы», «бака Зарифа» – полная, плотная, упитанная, толстая. ФЭ «бака Зарифа» имеет и второе значение: неопрятная, неаккуратная женщина.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что фразеологические эвфемизмы закрепляются за определенным стилем речи. Кроме основных функций (камуфлирование и смягчение денотата), ФЭ выполняют вспомогательные функции, в частности, могут придавать речи как торжественность и строгость, так и шутливость, иронический и саркастический оттенки.

Фразеологические эвфемизмы являются сложными языковыми единицами, отличающимися от лексических большей информативностью, более яркой стилистической окрашенностью, образностью, а также наряду с такими функциями, как камуфлирование и смягчение денотата, обладают уникальной способностью – выражать эмотивно-оценочное отношение говорящего к предмету речи и/или собеседнику.

Литература

Арсентьева Е. Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте. Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. 172 с.
Арсентьева Ю. С. Фразеологизмы-эвфемизмы в английском и русском языках: дис. … канд. филол. наук: Казань, 2012. 177 с.
Багаутдинова Г. А. Фразеологическое кодирование психических процессов и свойств личности (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1986. 23с.
Замалетдинов Р. Р. Теоретические и прикладные аспекты татарской лингвокультурологии. Казань: Магариф, 2009. 351 с.

© Сибгаева Ф. Р., 2022

УДК *002.55.908*

Сиражитдинова Н. М., Россия, г. Уфа
ГАУН РБ “Башкирская энциклопедия”, научный редактор

О ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯХ В “БУРЗЯНСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ”

В Бурзянской районной энциклопедии представлены свыше 1600 понятийных и биографических справочных статей. Среди них около 150 статей посвящены географическим названиям. В данной статье топонимы Бурзянского края являются предметом рассмотрения с точки зрения выбора методических приёмов и проблем их описания.

Ключевые слова: *Бурзянская энциклопедия, географические объекты, происхождение названий, транслитерация, схема энциклопедической статьи.*

Sirazhitdinova N. M., Russia, Ufa
Bashkir Encyclopedia, science editor

ABOUT GEOGRAPHICAL NAMES IN THE “BURZYAN ENCYCLOPEDIA”

The Burzyansk Regional Encyclopedia contains over 1600 conceptual and biographical reference articles. Among them, about 150 articles are devoted to geographical names. In this article, the toponyms of the Burzyan region are the subject of consideration from the point of view of the choice of methodological techniques and problems of their description.

Keywords: *Burzyan Encyclopedia, geographical names, transliteration, scheme of an encyclopedic article, origin of toponyms*

В 2020–2022 гг. в Государственном автономном учреждении науки Республики Башкортостан “Башкирская энциклопедия” осуществляется реализация проекта “Бурзянская энциклопедия”. В словнике представлены свыше 1600 статей, среди которых определённое место занимают справочные статьи о географических названиях Бурзянского района. В статье рассматривается топонимический материал, затрагиваются методические проблемы правописания и интерпретация их происхождения.

Итак, в книгу было отобрано около 150 географических объектов, классифицированных по следующей тематике: населённые пункты, водопады, горы, скалы, хребты, реки (ручьи), озёра, пещеры, поляна, топонимические легенды и предания. Для энциклопедического описания объектов общепринятым является использование приёма транслитерации. Книга издаётся на русском языке для широкого круга читателей, поэтому в названиях статей данный приём и был использован. В скобках даётся оригинальное название, затем идёт описание по принятой схеме: расположение объекта, физические величины, состав и др. особенности, а также происхождение названия. Рабочие варианты статей выглядят таким образом: «**БАЗАЛ** (Базал), хребет Башкирского (Южного) Урала, в Бурзянском р-не. Вытянут меридионально от подножия г. *Акбиик* (888 м) до широтного течения р. *Белая*. Дл. — 25 км; шир. сев. ч. — 4 км, центр. ч. — 5 км, юж. ч. — 7 км; абс. выс. — 878 м. На хребте выделяется 5 вершин (выс. 708, 868, 878, 473, 807 м). Б. характеризуется асимметричными склонами: зап. — пологие, с редкими ложбинами; вост. — крутые, с множеством ложбин и котловин. Сложен кварцитопесчаниками, конгломератами, известняками и доломитами зигальгинской и авзянской свит ср. рифея. Развит карст, для верховий притоков р. Алакуян (приток р. Белая) характерен подземный сток. Ландшафты представлены дубовыми, липовыми, сосновыми лесами на перегнойно-карбонатных и серых лесных почвах. Название, предполож., от др.-тюрк. — “черемша”».

«**ТУРЫЕЛГА** (Турыйылға), река, правый приток р. *Бетеря*. Берёт начало в берёзовом лесу в 5,5 км на Ю.-В. от д. *Байгазино*. Протекает с С. на Ю.-В. Впадает в р. Бетеря в 28 км от её устья. Длина 10 км. Питание смешанное, преимущественно снеговое. *Рельеф* местности горный. Ландшафты бассейна представлены берёзовыми лесами на серых лесных неполноразвитых *почвах*. Имеет несколько мелких притоков. Название происходит от башк. “туры” – “прямая”, “йылға” – “река”».

«**ТУПЯРГАС** (Түпәргәс), река, правый приток р. *Бетеря*. Берёт начало в 22 км к В. от д. *Байгазино* и в 5.5 км на Ю.-В. от г. *Кандебиль*. Протекает с С.-В. на Ю.-З. Впадает в р. Бетеря в 30 км от её устья. Длина 13 км. Питание смешанное, преимущественно снеговое. *Рельеф* местности горный. Ландшафты бассейна представлены берёзовыми и сосново-берёзовыми лесами с травянистой, луговой *растительностью* на серых лесных неполноразвитых *почвах*. Имеет несколько мелких притоков».

По мере обработки материала о географических объектах, мы сталкивались с тем, что интерпретация происхождения их названий не всегда обнаруживалась, как, например, в статье “Тупяргас”. Если в объяснении термина, прежде всего, редактор обращал внимание на народную этимологию, затем – на описание в опубликованных академических источниках [БТАһ, 2011–2018; БТһ, 1993; БРТһ, 2002; БРһ, 1996; ДСБЯ, 2002], сравнивал их, то по некоторым из них объяснений найти не удалось, либо этимология вызывала сомнения. Например, в статье о хребте Ангрей интерпретация дана лишь на предположительном уровне:

«**АНГРЕЙ** (Әнгрәй, возм. Әндрәй), хребет Башкирского (Южного) Урала. Находится в 9 км к С. от д. *Галиакберово* на территории заповедника “*Башкирский*”, вдоль левого берега р. *Нугуш*. Вытянут субмеридионально. Длина – ок. 4 км, абсолютная высота – 650 м. *Рельеф* расчленённый, на С.

разделён ущельем с хр. *Зингрей*, на В. – хр. *Кугузар*. Сложен песчаниками, алевролитами, известняками и глинистыми сланцами каратауской серии верхнего рифея. Ландшафты представлены преимущественно лиственными (дуб, клён) лесами на серых лесных, плотных *почвах*».

Здесь мы также представляем выборку некоторых объектов, вошедших в энциклопедию Бурзянского района, где не удалось обнаружить сведений об их происхождении, и их описание будет представлено без этимологии их наименований:

п/п	Название объекта в транслитерации	Башкирское название	Вид объекта
1.	**Акбиикбал**	Аҡбейекбал	гора
2.	**Баканы**	Бәккән/Баҡҡан/Баҡан	гора
3.	**Басактау**	Баҫаҡтау	гора
4.	**Большой Апшак**	Оло Апшаҡ, Оло Бәшәке	ручей
5.	**Большой Апшакай**	Оло Әпшәк	гора
6.	**Большие Салажи**	Оло Салажы	река
7.	**Бузурташ**	Боҙорташ	гора
8.	**Кага**	Ҡағы	река
9.	**Кана**	Ҡана	река
10.	**Кашеля**	Кәшелә	хребет
11.	**Кугузар**	Күгүҙар	хребет
12.	**Урсаймурун**	Урсайморон	хребет
13.	**Ущарлак**	Ушарлаҡ	хребет
14.	**Юрмашка**	Юрмашҡы	гора

Таким образом, проведённая работа над сбором и обработкой материала по географическим названиям Бурзянского района выявляет и недостаточно изученные моменты в топонимии края, которые требуют дальнейших исследований.

Литература

БТАһ – Башҡорт теленең академик һүҙлеге. / Под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. В 10 тт. Уфа: Китап, 2011–2018.
БТһ – Башҡорт теленең һүҙлеге. Словарь башкирского языка. В 2 тт. М.: “Русский язык”, 1993.
БРТһ – Башҡортостан Республикаһының топонимдар һүҙлеге. Словарь топонимов Республики Башкортостан / Сост. А. А. Камалов, Р. З. Шакуров, З. Г. Ураксин, М. Ф. Хисматов. Уфа: Китап, 2002. 256 с.
БРһ – Башҡортса-русса һүҙлек. Башкирско-русский словарь. М: Изд-во “Дигора”, “Русский язык”, 1996. 884 с.
ДСБЯ – Диалектологический словарь башкирского языка. Башҡорт теленең диалекттары һүҙлеге / Сост. М. И. Дильмухаметов, У. Ф. Надыргулов, С. Г. Сабирьянова, Г. Г. Гареева. Уфа: Китап, 2002. 432 с.

© Сиражитдинова Н. М., 2022

УДК *81`44*

Сиразитдинов З. А., Россия, г. Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, в.н.с.

О БАЗАХ ДАННЫХ ПО МАТЕРИАЛАМ БАШКИРСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Развитие информационных технологий и информатизация общества выдвигают задачу перевода диалектных ресурсов в электронный формат. В статье описываются диалектологические базы данных башкирского языка, разработанные лабораторией лингвистики и информационных технологий ИИЯЛ. Созданные базы данных открывают новые перспективы для изучения исторического развития и становления литературного языка, сравнительно-сопоставительных исследований языков. Наличие широкого доступа к диалектным материалам является также фактором сохранения родного языка и этнической самобытности, национальной культуры в условиях глобализации и урбанизации современного общества.

***Ключевые слова**: башкирский язык, диалект, говор, база данных, диалектологический атлас.*

Sirazitdinov Z. A., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS, Leading Researcher

ABOUT DATABASES BASED ON MATERIALS OF BASHKIR DIALECTS

The development of information technologies and the informatization of society puts forward the task of translating dialect resources into an electronic format. The article describes the dialectological databases of the Bashkir language developed by the Laboratory of Linguistics and Information Technologies of the RIHLL . The created databases create prospects for studying the historical development and formation of the literary language, comparative studies of languages. The opening of wide access to dialect materials is a factor in preserving the native language and ethnic identity, national culture in the context of globalization and urbanization of modern society.

***Keywords**: Bashkir language, dialect, dialect, database, dialect atlas.*

Диалектный материал выступает в качестве одного из важнейших источников для изучения исторического развития и становления литературного языка, сравнительно-сопоставительных исследований языков. Широкое ознакомление диалектными материалами общественности является также одним из факторов сохранения родного языка и этнической самобытности, национальной культуры в условиях глобализации и урбанизации современного общества.

Башкирская диалектология всегда занимала центральное место в научной деятельности ИИЯЛ. Исходным моментом в изучении башкирских диалектов принято считать исследования говоров в 20–30-х годах XX века. Экспедиции, организованные с участием Г.С.Амантаева, Т.Г.Баишева, Г.Д.Давлетшина, З.Ш.Шакирова, Н.Г.Ишбулатова и др., позволили выявить основные границы и черты говоров и диалектов языка.

С начала 1950-х годов башкирская диалектология приступила к системному изучению фонетики, морфологии, лексики говоров. Появление монографических трудов, в особенности Т.Г.Баишева [Баишев, 1955], вывело башкирскую диалектологическую науку на всесоюзную тюркологическую арену.

С 1960 года началось систематическое изучение диалектов, полевые материалы, собранные во время экспедиций 60-70-х годов, заложили начало диалектной лексикографии. Выход в свет трехтомного словаря говоров явился значительным событием в башкирском языкознании [Бһһ 1967; Бһһ, 1970; Бһһ, 1987].

В 1973 г. начался сбор материалов для Атласа башкирского языка, который был издан в 2005 г. [ДАБЯ, 2005].

В последние годы кандидатами филологических наук Л.К. Ишкильдиной и М.Р.Валиевой в научных работах были затронуты отдельные проблемы диалектной фонетики и лексики в говорах башкирского языка [Ишкильдина, 2005; Валиева, 2016].

В эпоху высоких технологий и информатизации общества в российской диалектологии идет активный процесс перевода ресурсов в электронный формат: проводятся работы по оцифровке диалектологических словарей и атласов, создаются диалектологические базы данных [Салимов, Рамазанова, Пилюгин, Салимов, 2011; Соломенников 2006; Земляков, Кузнецова, 2011]. Вовлечение национального языка в информационную сферу открывает быстрый доступ к материалам исследований большого объема, создает перспективы для сравнительных исследований лингвистических реалий родственных языков.

Учитывая актуальность перевода диалектных материалов в электронный формат, сотрудниками Лаборатории лингвистики и информационных технологий ИИЯЛ был создан, в рамках Машинного фонда башкирского языка [МФБЯ], диалектологический подфонд, состоящий из трех самостоятельных баз: лексической базы данных, базы данных диалектологического атласа и текстологической базы данных. Эти базы составлены на основе собранных материалов сотрудниками ИИЯЛ по говорам башкирского языка за вышеуказанные годы.

I. **Лексическая база данных**. База данных разработана по составленным и изданным сотрудниками института диалектным словарям, охватывающим все многообразие лексической системы башкирских говоров. База содержит более 52000 диалектных единиц, каждая единица структурно состоит 9 информационных полей: диалектное слово, часть речи, диалект, говор, литературная норма, русский перевод, пример употребления, дополнительная информация, устойчивые выражения. Примеры представления информации по данной структуре представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Представление информации в лексической базе

Диалектное слово	абҙәтей	аладорман	баҡтырыу
часть речи	существительное	прилагательное	глагол
диалект	северо-западный	южный	восточный
говор	караидельский	демский	кызыльский
литературная норма	бабай	ярһыу	тураһын әйтеү
русский перевод	дядя	горячий	сказать прямо
дополнительная информация	старший брат отца или матери	о лошади	
пример употребления	биағай — ҡарт ир, йәнәғай — йәрты ир	аладорман ат ул, дилбегәнде ныҡ тот	баҡтырғанса әйттем — сказать правду в глаза
устойчивые выражения			күҙен баҡтырыу — сказать правду в глаза

По первым из шести информационных полей предоставляется гибкий поиск информации в следующих режимах: по точному совпадению слова, по совпадению фрагмента с началом слова, по совпадению фрагмента с концом слова, по совпадению фрагмента с любой частью слова. Сочетание различных записей с разными режимами поиска позволяет получить многообразные выборки из базы данных, отсортированных в соответствии с целями лингвистического эксперимента.

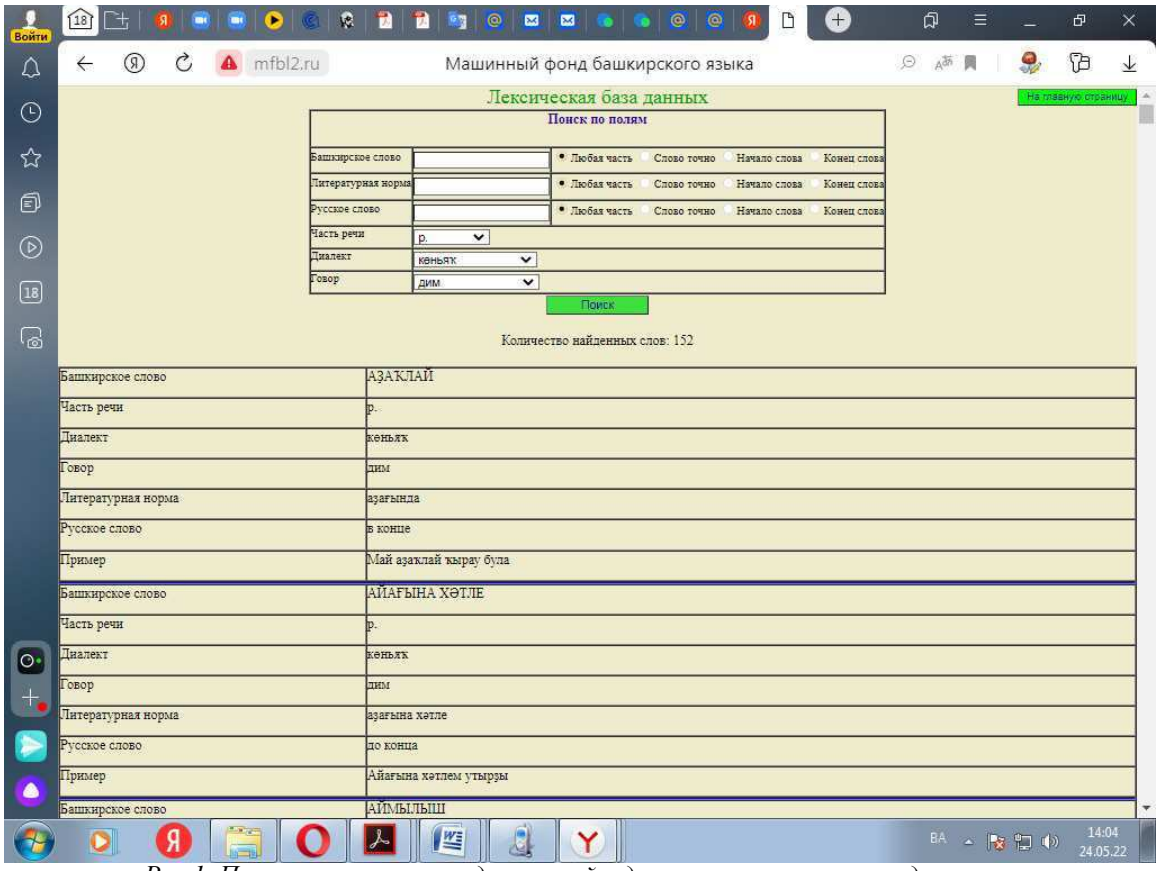
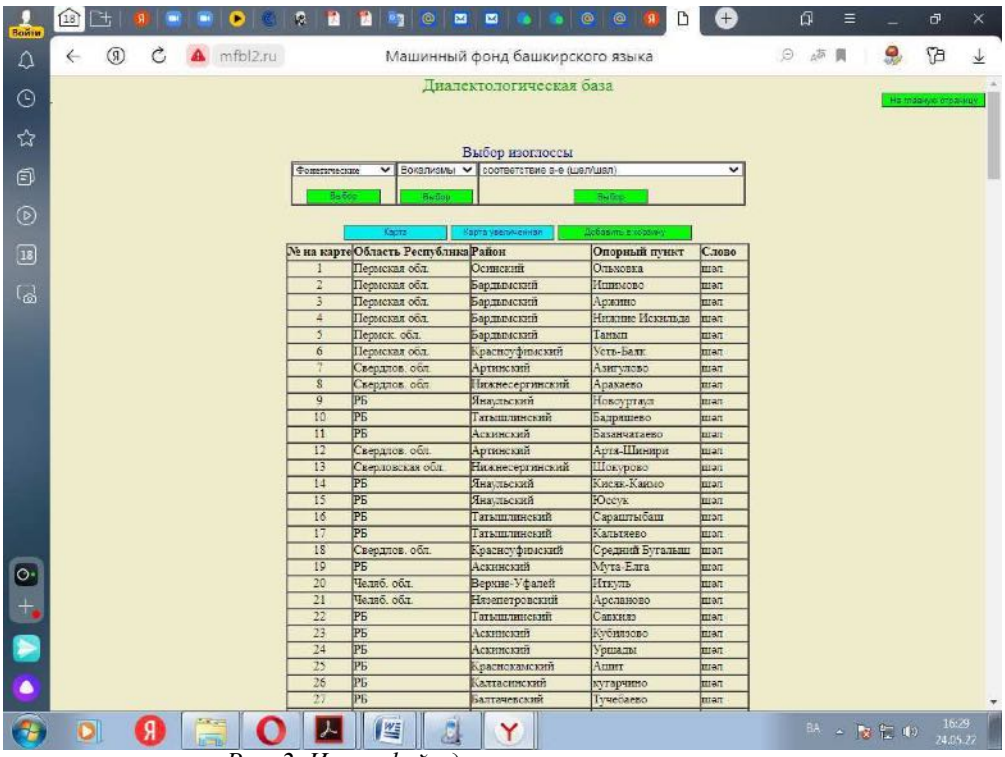


Рис.1. Пример поиска и вывода наречий в демском говоре южного диалекта

2. **Диалектологический атлас**. В базе данных представлена информация по диалектологическому атласу башкирского языка. Атлас включает в себя богатый диалектный материал по фонетике, морфологии, лексике и синтаксису. В атлас вошли материалы из опорных пунктов Республики Башкортостан и соседних регионов, где компактно проживает башкирское население (Курганская, Оренбургская, Пермская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Челябинская области).

Интерфейс базы диалектологического атласа включает следующие возможности:

1) выбор типа языкового соответствия: фонетический, морфологический, лексический, синтаксический.



№ на карте	Область Республика	Район	Опорный пункт	Слово
1	Пермская обл.	Осинский	Ольховка	шəл
2	Пермская обл.	Бардымский	Ишимово	шəл
3	Пермская обл.	Бардымский	Аржино	шəл
4	Пермская обл.	Бардымский	Нижние Искильда	шəл
5	Пермск. обл.	Бардымский	Таныш	шəл
6	Пермская обл.	Краснокамский	Усть-Балк	шəл
7	Свердлов. обл.	Артинский	Азигулово	шəл
8	Свердлов. обл.	Нижнесергинский	Арапаево	шəл
9	РБ	Янаульский	Новоуртаул	шəл
10	РБ	Татышлинский	Бадряшево	шəл
11	РБ	Аскинский	Базанчатаево	шəл
12	Свердлов. обл.	Артинский	Арти-Шинири	шəл
13	Свердловская обл.	Нижнесергинский	Шокурово	шəл
14	РБ	Янаульский	Киям-Каино	шəл
15	РБ	Янаульский	Юссук	шəл
16	РБ	Татышлинский	Сараштыбаш	шəл
17	РБ	Татышлинский	Калтяево	шəл
18	Свердлов. обл.	Краснокамский	Средний Бугалыш	шəл
19	РБ	Аскинский	Мута-Елга	шəл
20	Челяб. обл.	Верхне-Уфалей	Иткуль	шəл
21	Челяб. обл.	Нязепетровский	Арсланово	шəл
22	РБ	Татышлинский	Сапкилэ	шəл
23	РБ	Аскинский	Кубилово	шəл
24	РБ	Аскинский	Уршады	шəл
25	РБ	Краснокамский	Ашит	шəл
26	РБ	Калтасинский	Кутарчино	шəл
27	РБ	Балтачевский	Тучебаево	шəл

Рис. 2. Интерфейс диалектологического атласа

2) выбор подтипа языкового соответствия (например для фонетических соответствий: по сонантам и консонантам).

3) выбор конкретного языкового соответствия (в виде конкретного противопоставления лингвистических явлений в разных позициях в словах и конструкциях).

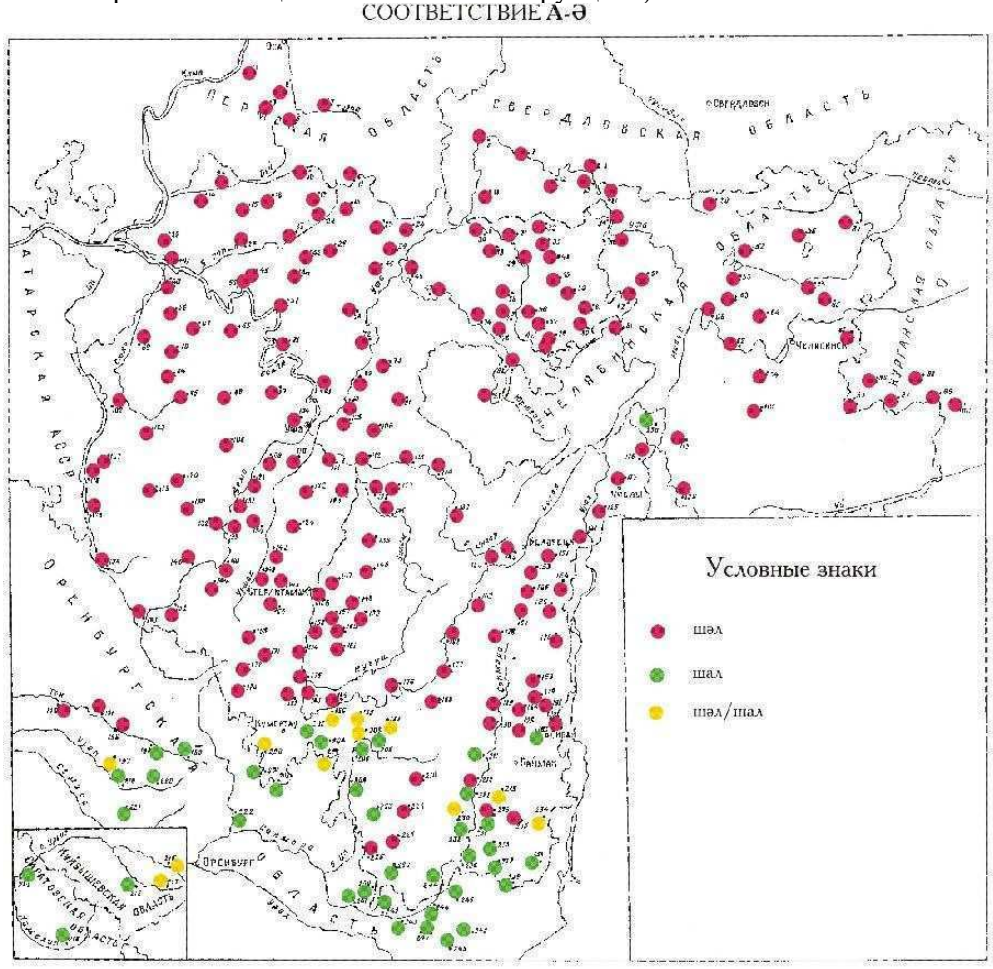


Рис. 3. Пример выдачи лингвистичекой карты фонетических соответствий [а]-[ə]

Лингвистические карты наглядно демонстрируют ареал распространения тех или иных языковых явлений диалектов башкирского языка.

3. **Текстологическая база**. Первоначально данная база создавалась для представления иллюстративного материала по говорам на основе образцов башкирской разговорной речи [ОБРР, 1988], но в дальнейшем база наполнилась текстами транскрипций фонетической речи по говорам восточного диалекта, собранным и транскрибированным в рамках проведенной лабораторией НИР “Создание корпуса диалектных текстов башкирского языка” (2017–2021). Общее количество текстов в базе на данное время составляет 765 единиц от 75 информаторов [Бускунбаева, Сиразитдинов, 2020]. Сами сегментированные и размеченные аудиоматериалы полевых записей хранятся в ИИЯЛ УФИЦ РАН, могут быть предоставлены всем заинтересованным научным учреждениям по договоренности.

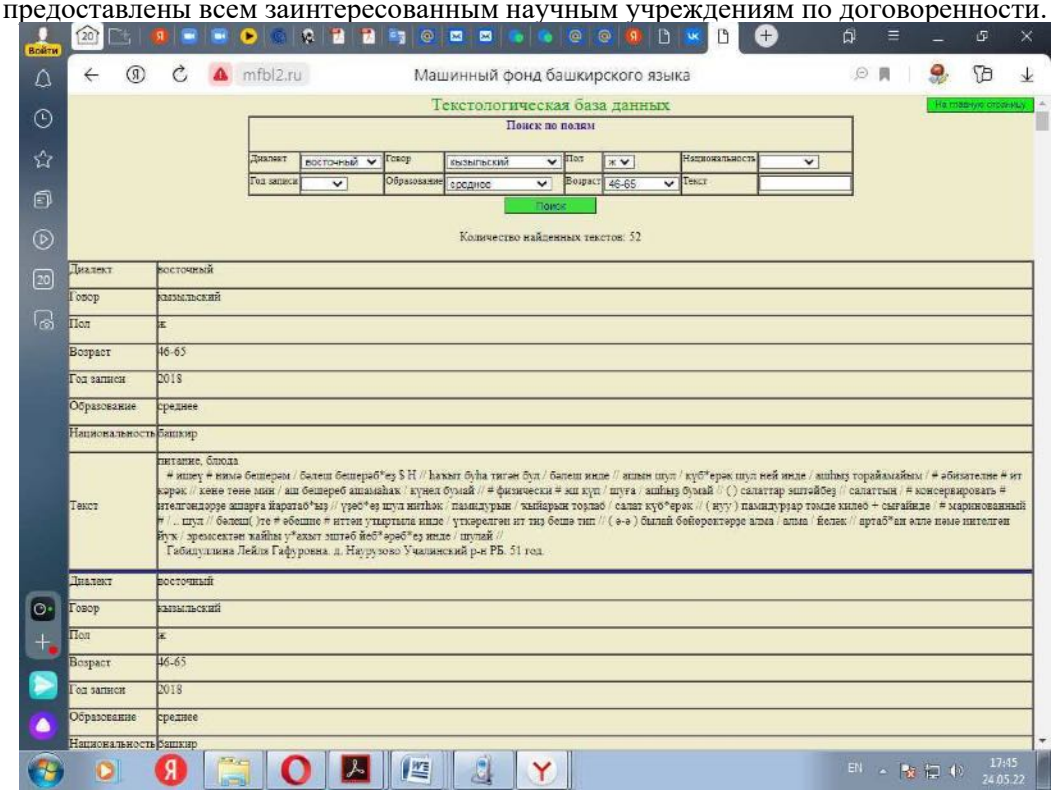


Рис. 4. Пример выдачи текстов транскрипций речи представителей кызыльского говора восточного *диалекта (женского пола, со средним образованием, в возрасте 46–65 лет)*

Интерфейс базы позволяет производить поиск текстов по многим лингвистическим и экстралингвистическим параметрам: диалект, говор, год записи, образование информатора, его пол, возраст, национальность.

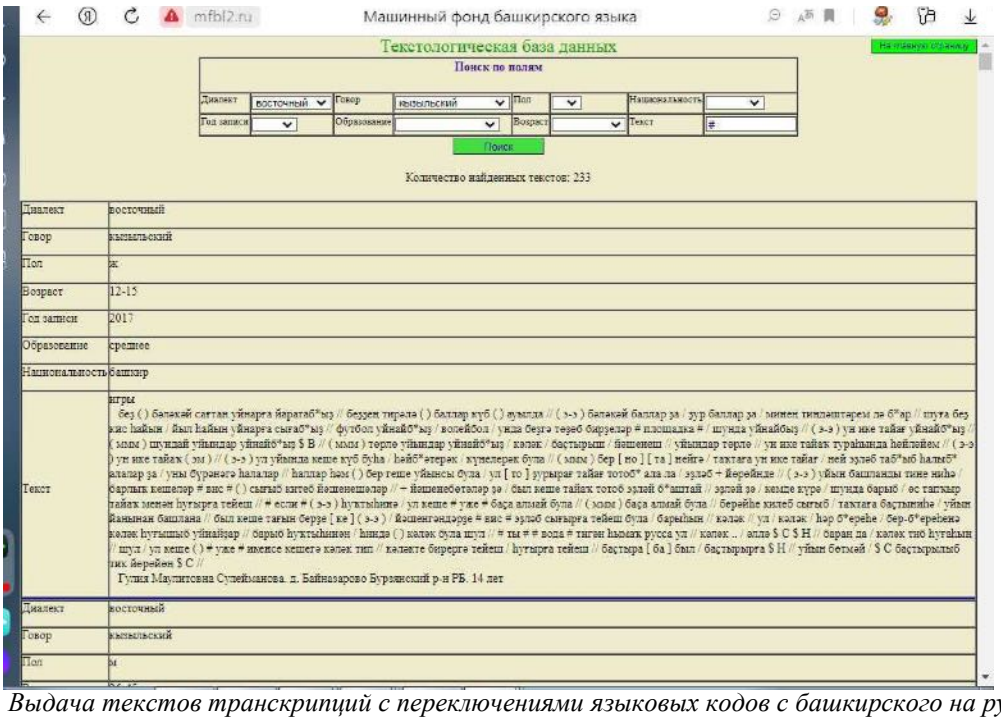


Рис. 5. Выдача текстов транскрипций с переключениями языковых кодов с башкирского на русский

(по информаторам кызыльского говора восточного диалекта)

К сожалению, с 90-х годов по настоящее время фронтальные научные исследования башкирских говоров и диалектов в ИИЯЛ не велись. Количество экспедиций с единой программой сбора самих материалов резко уменьшилось. Материалы прежних экспедиций не были оцифрованы, большая часть их утрачена.

Следует отметить, чтомногие проблемы башкирской диалектологии до сих пор остаются вне поля зрения диалектологов, отдельные говоры нуждаются в специальном исследовании. Относительно слабо изучены диалектный синтаксис, процесс взаимовлияния и взаимообогащения диалектов, требуют более детального изучения говоры северо-западного диалекта.

За эти годы в говорах и диалектах, несомненно, произошли сдвиги и изменения, которые требуют фиксации и научного анализа. Современная лингвистика выдвигает также и новые подходы к исследованию говоров: максимально полный охват носителей говоров (населенных пунктов), рассмотрение частных диалектных систем как элементов общей системы национального языка, учет в одном говоре разных вариантов одного и того же звена языковой системы, корпусные подходы, статистический анализ материалов и др. Все это требует дальнейшей работы по наполнению диалектологических баз данных новыми материлами. В этом русле предполагается в дальнейшем создание ГИС системы говоров с динамическими картами.

Литература

Баишев Т.Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М.: МГУ, 1955. 121 с.

БһҺ –Башҡорт һөйләштәренең һүзлеге. Т.1. Көнсығыш диалект / Н.Х.Мәксүтова һ.б. Өфө, 1967. 300 б.

БһҺ – Башҡорт һөйләштәренең һүзлеге. Т.2. Көньяҡ диалект / Н.Х.Мәксүтова һ.б. Өфө, 1970. 327 б.

БһҺ – Башҡорт һөйләштәренең һүзлеге. Т.3. Көнбайыш диалекты/ Н.Х.Мәксүтова һ.б. Өфө, 1987. 231 б.

Бускунбаева Л.А., Сиразитдинов З.А. Разработка аудиокорпуса восточного диалекта башкирского языка: проблемы и перспективы // Известия Уфимского научного центра РАН. 2020. № 2. С. 90–97.

Валиева М.Р. Проблема булгарского влияния на развитие башкирского языка. Уфа, 2016. 23 с.

ДАБЯ – Диалектологический атлас башкирского языка / Составители: Н. Х. Максютова, С. Ф. Миржанова, У. Ф. Надергулов, М. Н. Дильмухаметов, С. Г. Сабирьянова, Г. Г. Гареева. Уфа: Гилем, 2005. 234 с.

Земляков Д.В., Кузнецова Е.В. Сетевые технологии при обработке диалектного материала: "Лексический атлас Волгоградской области" // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ "Грани познания", 2011. № 2 // URL:http://www.grani.vspu.ru/files/publics/1311757938.p df (дата обращения 19.04.2022).

Ишкильдина Л.К., Уртегешев Н.С., Хисамитдинова Ф.Г. Атлас артикуляторных настроек гласных башкирского языка. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2021. 298 с.

Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка. Уфа, 1991. 295 с.

МФБЯ – Машинный фонд башкирского языка (электронный ресурс). URL: http://www.mfbl2.ru (дата обращения: 30.04.2022).

ОБРР – Образцы башкирской разговорной речи / ответ ред. Н. Х. Максютова. Уфа, 1988. 224 с.

Салимов Ф. И., Рамазанова Д. Б., Пилюгин А. Г., Салимов Р. Ф. Электронная версия атласа татарских народных говоров // Вестник ТГГПУ. 2011. № 4(26). С. 205–210.

Соломенников И.С. Лексический атлас русских говоров Удмуртии в Интернет // Современные информационные технологии и письменное наследие: от древних рукописей к электронным текстам: материалы международной научной конференции. Ижевск, 13–17 июля 2006 г. Ижевск: Изд-во ИжГТУ С. 161–163.

© Сиразитдинов З. А., 2022

УДК *37.022*

Сиразитдинова В. М., Россия, г. Уфа
Башкирский лицей №136, учитель

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОРПУСОВ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА В ИЗУЧЕНИИ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК В НАЧАЛЬНЫХ КЛАССАХ

В статье отмечается, что обучение умению применять в разговорной практике паремию родного языка является важной задачей учителя начальных классов, поскольку этот разряд афористического жанра активно участвует в формировании у подрастающего поколения национальной психологии и этнической идентичности. Данная задача решается развитием у учащихся умения соотносить конкретные пословично-поговорочные выражения с жизненными ситуациями; находить синонимичные паремические выражения; выявлять и анализировать пословицы и поговорки в художественных текстах. Для проведения таких видов работ эффективным является использование учителем корпусов башкирского языка.

***Ключевые слова**: башкирский язык, пословицы, поговорки, паремия, методика обучения, лингвистический корпус.*

Sirazitdinova V. M., Russia, Ufa
Bashkir Lyceum No. 136, teacher

THE EXPERIENCE OF USING THE BASHKIR LANGUAGE CORPS IN THE STUDY OF PROVERBS AND SAYINGS IN THE PRIMARY SCHOOL

The article notes that teaching the ability to use the paremia of the native language in colloquial practice is an important task for a primary school teacher, since this category of aphoristic genre is actively involved in the formation of national psychology and ethnic identity in the younger generation. This task is solved by the formation of students' ability to correlate specific proverbial and saying expressions with life situations; find synonymous paremic expressions; identify and analyze proverbs and sayings in literary texts. To carry out such types of work, it is effective for the teacher to use the corpora of the Bashkir language.

***Keywords**: Bashkir language, proverbs, sayings, proverbs, teaching methods, linguistic corpus.*

Пословицы и поговорки являются языковыми средствами, обладающими иносказательностью и образностью**.** В них в емкой форме формулируются основные нравственные нормы, особенности исторической судьбы народа [Рыбникова, 1961, 7; Мокиенко, 2005, 6]. Являясь коллективным опытом народа, они обладают дидактичностью и назидательностью, способны отражать специфику быта, жизни во всех её проявлениях [Савенкова, 1999; Карасик, 2002, 210–211; Сиразитдинов, Бускунбаева, 2022, 149].

Изучение паремии родного языка, ее активное применение в речевой коммуникации — это одно из условий сохранения любого языка, национального самосознания. Этот разряд афористического жанра активно участвует в формировании у подрастающего поколения национальной психологии и этнической идентичности.

К сожалению, наши наблюдения над речью башкирских учеников показывают, что учащиеся значительно чаще употребляют калькированные пословицы и поговорки из русского языка. Это вызывает обоснованную тревогу.

Анализ результатов контрольных работ и тестирования по башкирскому языку показывает, что учащиеся мало знакомы с национальным паремическим фондом, для них трудным оказываются задания на установление соответствия пословиц и поговорок с определёнными жизненными ситуациями. Последнее не является присущим только башкирским школьникам и объясняется объективно низким уровнем у учащихся начальных класов коммуникативно-речевых умений [Колесова, Тивикова, Фокина, 2018, 2013], в том числе умений объяснять значения паремий, определять в них основную мысль, правильно интерпретировать и употреблять пословицы и поговорки при конкретных жизненных ситуациях [Колесова, Тивикова, Деменева, 2019, 115].

Как активировать изучение пословиц и поговорок на уроках башкирского языка в школах с башкирским языком обучения? Методистами предлагаются разнообразные приёмы работы с пословицами и поговорками. На наш взгляд, актуальными в начальных классах являются такие работы, как соотнесение их и жизненных ситуаций; сравнение пословиц и поговорок с другими, выражающими ту же мысль; выделение пословиц из художественных текстов и определение стилистических функций. Эти виды работ активно применяются нами на всех этапах обучения. Для их проведения необходимы банки паремических данных. Можно, конечно, воспользоваться словарями, но более эффективным является обращение к корпусным данным башкирского языка, разработанным в Институте истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (ИИЯЛ УФИЦ РАН) [mfbl2.ru]. Использование корпусов фольклора, прозы и публицистики башкирского языка является продуктивным средством в реализации вышерассмотренных видов обучения. Рассмотрим примеры использования корпусов башкирского языка при изучении национальной паремии.

1. Соотнесение паремий и жизненных ситуаций

Обучение учащихся правильно подбирать пословицу и поговорку к конкретной жизненной ситуации является одной из самых важных дидактических работ учителя начальных классов. В процессе обучения мы активно используем данные корпуса фольклора. В фольклорном корпусе

башкирского языка содержатся 10907 пословиц и 1290 поговорок, собранных сотрудниками ИИЯЛ УФИЦ РАН из многотомного издания устного народного творчества башкирского народа и экспедиционных материалов [Бускунбаева, Сиразитдинов, Шамсутдинова, 2018, 120; Бускунбаева, 2021].

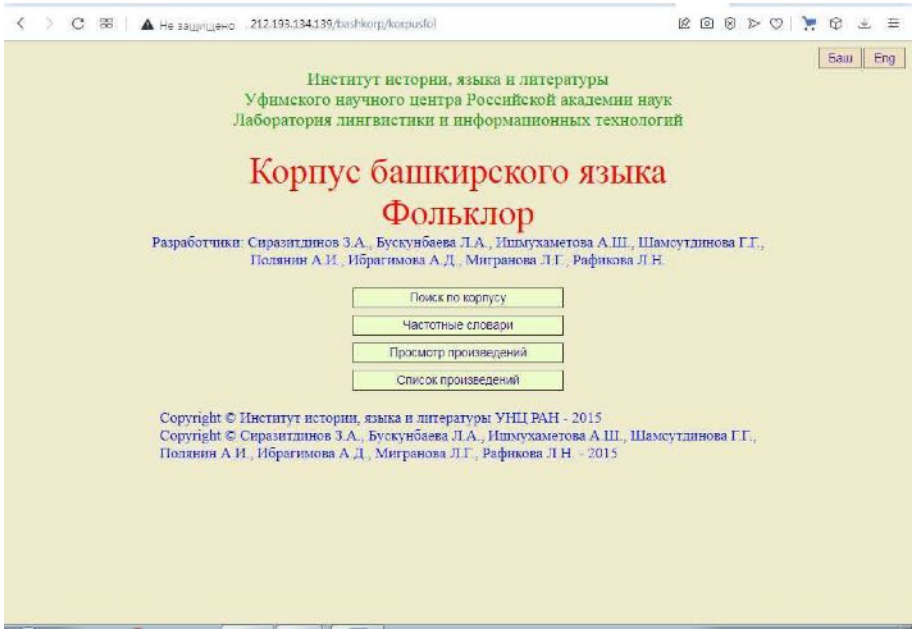


Рис.1. Начальная страница фольклорного корпуса

Корпус фольклора позволяет не только искать в текстах употребления слов, но и просматривать сами тексты (фольклорные материалы). В корпусе фольклора пословицы и поговорки объединены в разделы: труд, жизнь общества, свойства и качества человека, повседневная жизнь и обычаи, жизненная философия. Каждый раздел содержит тематические группы, например, раздел “труд” содержит группы: виды трудовой деятельности, трудолюбие, лень и др.

Для проведения урока для каждой жизненной ситуации из корпуса можно быстро найти достаточное количество примеров. Например, из тематических групп о труде можно выделить такие пословицы:

1) о необходимости выполнить работу вовремя: *ҡалған эшкә ҡар яуа.*

2) о положительном результате труда: *ҡол кеүек эшләһәң, хан кеүек йәшәрһең.*

После объяснения учащимся значение этих паремий, выбираем из корпуса список пословиц о труде (в этом разделе представлена 141 пословица) и даем задание разделить пословицы по вышерассмотренным ситуациям, например, из следующего списка:

ҡар өҫтөндә ҡазан ҡайната бел, бер ҡалған эш ҡырҡ йылға ҡалыр, дан хеҙмәттә яулана, ҡалған эш — төштән кире, ашаһаң тешләрһең, ҡарама беләккә, ҡара йөрәккә, бөгөнгө эшеңде иртәгәгә ҡалдырма, дандың төбө — хөрмәт, хөрмәт төбө — хеҙмәт.

Рис.2. Интерфейс с тематикой пословиц

2. Сравнение паремий, выражающих одинаковую мысль

В языке существует целый ряд пословиц и поговорок, представляющих собой варианты и синонимы [Занглигер, 2010, 13; Федуленкова, 1997, 45], выражающих одну и ту же мысль. Фольклорный корпус дает возможность быстро собрать такие паремии по нужной теме и ситуации. Так, в корпусе представлены связанные с жизненной философией 1013 пословиц, среди которых можно выбрать паремии, выражающие непостоянство жизненной ситуаци, чередование удачи и неудачи: *көн дә майлы бутҡа булмай, ҡапҡан һайын ҡалъя булмай, «кар яуҙы» тип ҡыуанма: һуңынан бураны булыр* и др. Разобрав на уроке эти пословицы, можно дать задание учащимся выбрать из списка синонимичные, например, из заранее выбранного учителем по корпусу фольклора паремических выражений: *теләк — эштең яртыһы, ҡашығыңа ҡарап ауыҙыңды ас, маҡсатың булһа, юлы табылыр, уйға килгән алға килер, дуғаңа ҡарап ҡыңғырау таҡ, ояңа ҡарап ҡанат ҡаҡ, юрғаныңа ҡарап аяғыңды һуҙ.*

3. Выделение пословиц и поговорок из художественных текстов

Пословицы и поговорки не только украшают разговорную речь, но и являются стилистическими средствами, активно употребляются в художественных произведениях. Обучение учащихся выявлению пословиц в художественных текстах и определению стилистических функций (с какой целью автор употребляет) является не менее важной составляющей учебного процесса. В данной работе мы используем корпусы художественной прозы и публицистики башкирского языка, в которых имеется возможность поиска предложений с сочетанием слов. Для поиска паремии эффективным является поиск сочетаний опорных словоформ, которые при включении паремии в состав художественного произведения остаются неизменными. Так, поиск сочетаний словоформ *алтын бөртөклән* выдает 5 предложений из корпуса публицистики.

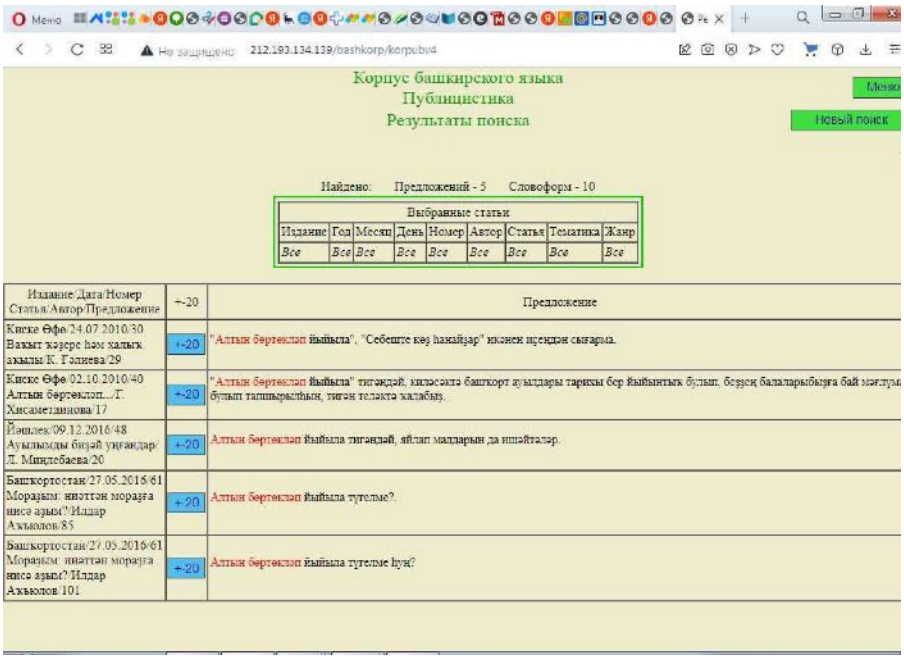


Рис. 3. Выдача предложений с пословицей "алтын бөртөклән йыйыла" в корпусе публицистики

Аналогичный поиск по сочетанию словоформ *сабата* и *туҙһын* выдает 13 предложений с употреблением поговорки *көн уҙһын, сабата туҙһын.*

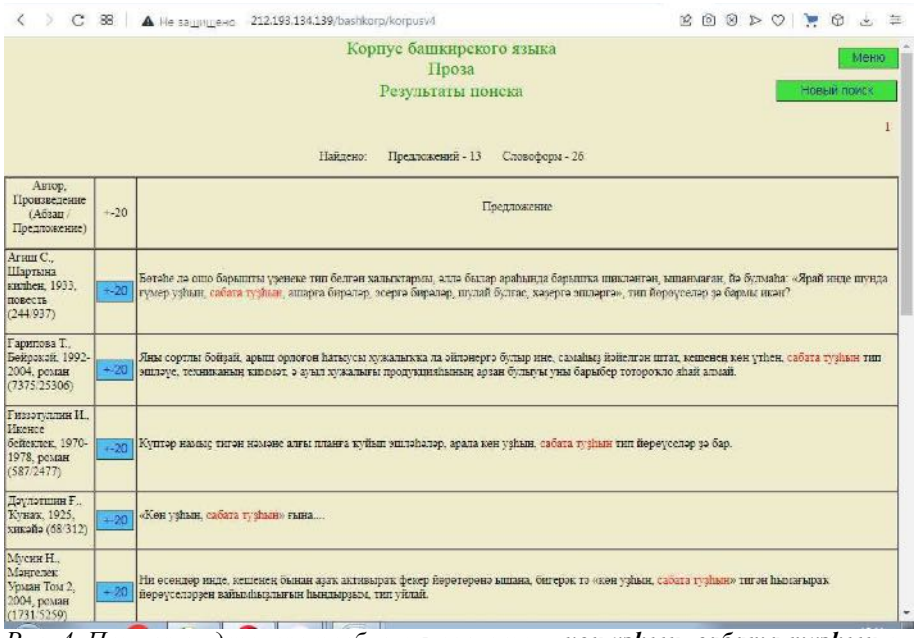


Рис. 4. Пример выдачи употребления пословицы ***көн үҙһын, сабата туҙһын*** *в корпусе прозы*

Таким образом, использование корпусов башкирского языка, представляющих собой базы языковых элементов ситуативного содержания с инструментарием поиска, создает возможность экономии времени на поиск паремических выражений с целью использования их в качестве иллюстративного материала на уроках и материала для контрольных работ. Корпусы являются эффективным средством в развитии знаний коммуникативно-эвристического характера учащихся начальных классов.

Литература

Бускунбаева Л. А. Обобщенно-личные предложения в пословичном фонде башкирского языка // Взаимодействие этносов и культур в евразийском межцивилизационном пространстве: (к 90-летию Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН): сборник статей / УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2021. С. 228–233.

Бускунбаева Л. А., Сиразитдинов З. А., Шамсутдинова Г. Г. Типы односоставных предложений в пословичном фонде башкирского языка (на материале фольклорного корпуса) // Oriental Studies. 2018. № 6. С. 120–129. https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-40-6-120-129.

Занглигер В. Вариантность и синонимия пословиц // Болгар. русистика. 2010. № 3–4. С. 12–33.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Колесова О. В., Тивикова С. К., Фокина Е. И. Реализация коммуникативнодеятельностного подхода к развитию речи учащихся // Перспективы науки и образования. 2018. № 3(33). С. 226–231.

Мокиенко В. М. В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. 3-е изд., перераб. СПб.: «Авалон», «Азбука-классика», 2005. 256 с.

Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки. М.: Наука, 1961. 238 с.

Савенкова Л. Б. Мысли о русских паремиях. https://web.archive.org/web/20100128063418/http://www.nicomant.fils.us.edu.pl/mnt/1999-1/paremija.html.

Сиразитдинов З. А., Бускунбаева Л. А. Поговорки башкирского языка (проблема разграничения, анализ структуры) // Oriental Studies. 2022. № 1. С. 162–182. https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-59-1-144-157.

Тивикова С. К., Колесова О. В., Деменева Н. Н. Работа над пословицами в начальных классах как средство развития речи учащихся//Школьные технологии file://C:/Users/1/Downloads/rabota-nad-poslovitsami-v-nachalnyh-klassah-kak-sredstvo-razvitiya-rechi-uchaschihsya.pdf.

Федуленкова Т. Н. Синонимия в пословицах // Романо-германские лингвистические исследования и методика преподавания иностранных языков: материалы Междунар. конф., г. Томск, 1 января – 31 декабря 1997 года. Томск: Томск. гос. пед. ун-т, 1997. Ч. 2. С. 44–46.

© Сиразитдинова В. М., 2022

УДК *811.512*

Соегов М., Туркменистан, г. Ашхабад
Академия наук Туркменистана, профессор

ВОПРОС ОБ ОПОРНЫХ ДИАЛЕКТАХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

В статье впервые выносится на повестку дня вопрос об опорных диалектах, служивших основой при создании письменных литературных тюркских языков в разные эпохи истории. При этом приводятся факты из истории о конкретной этнической принадлежности представителей правящих династий, наречие которых служило опорой в появлении и дальнейшем развитии того или иного письменного литературного языка. В настоящее время произведения, созданные на этих письменных языках, являются общим духовным достоянием всех тюркских народов.

Ключевые слова: *письменные языки, опорные диалекты, общее достояние.*

Soyegov M., Turkmenistan, Ashgabat
Academy of Sciences of Turkmenistan, Professor

THE QUESTION OF THE REFERENCE DIALECTS OF THE MEDIEVAL TURKIC WRITTEN LITERARY LANGUAGES

For the first time, the report puts on the agenda the question of the key dialects that served as the basis for the creation of written literary Turkic languages in different eras of history. At the same time, they rely on the facts of history about the specific ethnicity of representatives of the ruling dynasties, whose dialect served as a support in the emergence and further development of one or another written literary language. At present, works created in these written languages are the common spiritual heritage of all Turkic peoples.

Keywords: *written languages, key dialects, common heritage.*

1. Накопленный за последние десятилетия опыт по изучению истории тюркских государств Средневековья, а также письменных памятников, созданных в их столицах и их пределах, позволяет прийти к выводу, что основу письменных тюркских литературных языков, функционирующих в этих государствах, составляли диалекты и говоры тех племен и родов, из которых вышли их правители со своими окружающими правящими элитами.

2. Сравнительный анализ исторических данных, содержащихся в Орхонских письменных памятниках и в разных списках «Огуз-наме», в частности в «Родословном древе туркмен» Абуль-Гази, показывает, что правили в Древнетюркском каганате выходцы из среды 12-племенных огузов-бозуков (токуз-огузы и уч-огузы) [См.: Соегов, 2021, 108–110], а именно представители огузско-туркменского племени каи, которые пользовались поддержкой авторитетного в народе вельможи Тоньюкука (Коркут у Абуль-Гази) [См.: Soyegov, 2011, 757–765]. Таким образом, можно констатировать, что язык Орхонских надписей формировался на основе устной речи огузов-каи с участием близких ей других огузских говоров [Еще см.: Соегов, 2022, 227–228].

3. Махмуд Кашгарский в своем энциклопедическом словаре недвусмысленно утверждает, что огузы – это туркмены, туркмены – это огузы, а карлуки не являются огузами, но тоже туркмены. В пределах Караханидского государства, где правили карлуки (племена чигиль. ягма, тухси), впервые была создана Юсуфом Баласагунским большая по объему тюркская поэма «Кутадгу билиг», и, следовательно, ее письменный язык впитывал в себя основные особенности 3-говорного диалекта туркмен-карлуков. Если сам Ю. Баласагунский именовал язык своего произведения Буграханским, то у М. Кашгарского в этом же значении находим термин хакания (то есть Каганский). В современной литературе встречается также термин караханидский язык.

4. Массовое передвижение в последующем огузов-туркмен на Запад и создание ими в этих местах сначала государств Газнавидов (огузы-каи) и Великих Сельджукидов (огузы-кыныки), пользовавшихся в своих государственных делах персидским языком, а затем Османской империи (огузы-каи), обусловило создание в последней письменного языка, названного учеными Османлыджа (Osmanlıca) по личному имени одного из первых ее правителей, и сама империя вошла в мировую историю как Османская. Этому в какой-то степени способствовало, наверное, и личное имя одного из первых четырех мусульманских халифов Османа.

Язык Османлыджа пережил в своем развитии несколько этапов. В начальном этапе он (Ilk veya Eski Osmanlıca) был понятен простому грамотному тюрку-туркмену, а на среднем этапе истории своего развития, который охватывал несколько веков, из-за засорения арабскими и персидскими элементами, не только лексическими, но и многочисленными грамматическими, он (Orta veya Klasik Osmanlıca) мог служить в основном лишь средством официальной переписки между центром империи (Стамбулом) и ее провинциями (вилайетами). Со второй половины XIX в. и до первых десятилений XX в. включительно продолжался новый, последний, этап в его истории (Yeni Osmanlıca), который характеризуется возвращением к неисчерпаемым, исконно тюркским богатствам родного языка (движение Младотурков) [Более подробно см.: Timurtaş, 1987, XVI+232+176].

5. Сложнее обстоят дела в вопросе об уточнении конкретной диалектной основы, широко использованной в течение многих веков по всей Средней Азии (и отчасти и в Поволжье) письменного литературного языка Чагатайча, названного личным именем одного из сыновей Чингисхана – умного правителя Чагатая [Еще см.: Благова, 1972, 167–205]. Тем не менее, ученые солидарны в том, что он возник на основе Караханидского языка (то есть диалекта туркмен-карлуков), и местом его первичного появления является территория древнего Хорезма, где с давних времен проживают в основном узбеки огузского происхождения (огузское наречие узбекского языка). Исследователи доказывают, что в последующие века Чагатайча испытывал сильное влияние устных и письменных языков двуязычных сартов Самарканда и Бухары.

Неоспорима заслуга в истории развития письменного литературного языка Чагатайча великого гератца, поэта, писателя и государственного деятеля Алишера Навои, благодаря его гениальным произведениям, изучение которых, наряду с сочинениями некоторых других авторов, предусматривалось программами среднеазиатских мектебов и медресе. Письменный язык Чататайча имел широкое распространение среди грамотной части всех тюркоязычных народов. Несколько позже появились его региональные варианты, отвечающие языковым запросам местного населения (напр., язык произведений туркменского поэта-классика Махтумкули и других поэтов-основателей национальных литератур у каждого народа).

6. Историческое развитие языка сохранила до настоящего времени в многочисленных туркменских диалектах и говорах (их число доходит до 30-и, что равно примерному числу современных тюркских языков), а также довела до современного туркменского устного и письменного литературного языка многие особенности, присущие упомянутым выше письменным языкам.

В языке туркмен (то есть бывших огузов и карлуков), в этногенезе которых определенную роль сыграли также кипчаки [Гаджиева, 1975; Соегов, 2016, 32–36; Söyegov, 2017, 3], сохранились до настоящего времени многие особенности, присущие упомянутым выше письменным языкам. Эти особенности также сохранились в многочисленных туркменских диалектах и говорах, а также в современном туркменском устном и письменном языке.

7. Несмотря на то, что кратко рассмотренные нами письменные литературные языки первоначально формировались на основе того или иного наречия конкретного тюркского народа, в последующем получили широкое распространение почти во всех регионах проживания тюркских народов, и многочисленные произведения, созданные на этих языках представителями разных народов, в настоящее время являются общим духовным наследием всего тюркского мира.

Литература

Благова Г. Ф. Тюркск. чагатаj – русск. чагатай-/джагатай- (Опыт сравнительного изучения старого заимствования) // Тюркологический сборник 1971. М.: Наука, 1972. С. 167–205.

Гаджиева Н. З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. Среднеазиатский ареал. М: Наука,1975. 303 с.

Соегов М. Об одном взгляде аспиранта акад. А.Н. Самойловича, изложенном им в 1927 г. (и подтвержденном в последующем разработками членов АН СССР С.Е. Малова, А.Н. Кононова, Э.Р. Тенишева, а также профессора И. В. Кормушина) // Актуальные вопросы тюркологических исследований. Материалы конференции. СПб.: Санкт-Петербургский центр развития и поддержки востоковедных исследований, 2022. С. 227–228.

Соегов М. О соотношении кыпчакских диалектов Египта XIII–XIV вв. и современного туркменского языка // Türkologiya. Баку. 2016. № 1. С. 32–36.

Соегов М. Токуз-огузы и уч-огузы: какую из двух этнических групп (бозоков или учоков) они представляли? (В связи с 75-летием издания труда А. Н. Бернштама об орхонских тюрках) // Взаимодействие этносов и культур в евразийском межцивилизационном пространстве: (к 90-летию Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН). Сборник статей / УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2021. С. 108–110.

Soyegov M. Description of Inscription About Tonyukuk as Literary-Historical Work // “Orhon Yazıtlarının Bulunuşundan 120 Yıl Sonra Türklük Bilimi ve 21. Yüzyıl” Konulu III. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu. Bildiriler Kitabı. 2. Cilt. Ankara, 2011. Pp. 757–765.

Söyegov M., Arnazarov S. Örnekli Türkmence Gramer. Türkmence Öğrenenler İçin. Ankara: Kurgan Edebiyat, 2017. 118 p.

Timurtaş F. K. Osmanlı Türkçesi. 9. Baskı. – İstanbul: Umur Reklamcılık ve Matbaacılık, 1987. XVI+232+176 p.

© Соегов М., 2022

УДК *811.512.145*

Сулайманова Х. Х., Россия, Казань
МБОУ «Лицей №149 с татарским языком обучения», к.ф.н.

СИСТЕМА КОНТРОЛЯ – ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ОЦЕНИВАНИЯ ЗНАНИЙ УЧАЩИХСЯ

За последние годы значительно активизировалась работа по совершенствованию методов и средств контроля в условиях школьного обучения. В данной статье рассматриваются проблемы совершенствования системы контроля знаний на основе интерактивных тестов, которые позволяют выявить уровень знаний и умений учащихся по татарскому языку.

***Ключевые слова**: традиционные формы, современное средство контроля, тестовый контроль, объективность, педагогический мониторинг.*

Sulaimanova H. H., Russia, Kazan
Lyceum №149, teaching on Tatar language,
Candidate of Philological Sciences

CONTROL SYSTEM IS THE MAIN DIRECTION OF ASSESSING STUDENTS' KNOWLEDGE

The efforts to improve the methods and means of control in school have been intensified over the last several years. This article discusses the problems of improving monitoring systems, knowledge-based interactive tests and of monitoring that can help understand the level of the Tatar language learners.

***Keywords**: traditional and modern means of control, test control, fairness, pedagogical monitoring.*

ТИКШЕРҮ СИСТЕМАСЫ – УКУЧЫЛАРНЫҢ БЕЛЕМ СЫЙФАТЫН БӘЯЛӘҮНЕҢ ТӨП ЮНӘЛЕШЕ

Соңгы вакытта мәгариф өлкәсендә белем бирүнең өстенлекләре нык үзгәрде. Элегрәк белемнәр югары бәяләнсә, хәзер исә беренче урынга гомуми белем күнекмәләре чыкты: ягъни белемне үзләштерә һәм нәтиҗәле куллана белү күнекмәләре булдыру алгы планга куела, шуңа күрә белемнәрне яңарту һәм тулыландыру юлларына ия булу сорала. Укучының киләчәгә үзләштергән белемнәрен ничек куллана белүенә һәм мәктәптән соң никадәр мөстәкыйль эш итә алуына бәйле. Бу исә белемне үзләштерү һәм куллана белү дәрәҗәсе генә түгел, ә коммуникатив күнекмәләр, үзконтроль һәм иҗади сәләтенең үсеше дә.

Хәзерге чорда мәгариф системасын яңартуның төп максаты – укытуның сыйфатын күтәрү. Белемнең яңа сыйфаты ул белемнәрнең билгеле бер җыелмасын үзләштерүгә генә түгел, ә бәлки шәхес үсешенә, аның танып-белү, көндәшлек итә алу сәләте, эшлеклелеге сыйфатлары үсешенә дә юнәлтелгән булуы.

Укучыларның белем сыйфатын бәяләүнең төп юнәлеше булып белемнәрне тикшерү системасы тора. Педагогик эшчәнлектә тә төп бурычларның берсе белем сыйфатын тикшерү, аның эчтәлеге, үткәрү формалары, методлары өстендә эшләү, тикшерү нәтиҗәләрен анализлаудан гыйбарәт.

Тикшерү – киң мәгънәле төшенчә. Ул уку-укыту процессында даими урын алырга тиешле гамәл. Аның ярдәмендә укучыларның белемнәре никадәр тулылана баруы, аңлы рәвештә үзләштерелүе, системалылыгы, ныклыгы, тотрыклылыгы, укучы тарафыннан иркен үзләштерелә, практикада файдаланыла алуы тикшерелә.

Укучыларның белемнәрендәге кимчелекләрне, җитешсезлекләр һәм ялгышларны ачып, аларны бетерү чараларын билгеләргә мөмкин. Шул рәвешчә, белемнәрне тикшерү даими рәвештә аларны камилләштерү максатына хезмәт итә. Белемнәрне тикшерүне дөрес куйганда, ул укучыларда белемнәрнең сыйфаты өчен җаваплылык тойгысын үстерә, аларны үзләренә таләпчән булырга, ялгышларны кабатламау чараларын күрергә өйрәтә. Шунлыктан укучыларның белем дәрәҗәләренә булган таләпләр турында укытучы гына түгел, ә укучы үзе дә белергә тиеш. Шул таләпләр турында хәбәрдәр булу гына – җитешсезлекләрне бетерү эшенең беренче адымы [Хуҗиәхмәтов, 2008].

Педагогик процесста тикшерүнең бик күп төрләре кулланыла: агымдагы күзәтү юлы белән укучыларның белемнәрен һәм эшләрен исәпкә алу, белемнәрне тикшерү максаты белән укучылардан сорау, язма һәм практик биремнәр, язма контроль эшләр, диктантлар, изложениеләр... Хәзерге вакытта татар теле дәресләрендә тикшерүнең традицион булмаган яңа формаларына һәм алымнарына зур игътибар бирелә. Тәҗрибә күрсәткәнчә, бүген тикшерү чаралары арасында компьютер тестларын куллану инновацион алымнарның берсе булып санала, чөнки алар ярдәмендә белем алучыларның ирешелгән уңышлары турында дөрес һәм төгәл мәгълүмат алу мөмкинлеге булдырыла [Габдрахманова, Фәтхуллова, 2008]. Фәнни хезмәтләрдә әйтелгәнчә, тест – билгеле бер биремнәр системасын, стандартлаштырылган үткәрү процедурасын, алдан уйланылган нәтиҗәләрне эшкәртү һәм анализлау технологиясен үз эченә алган һәм шәхеснең сыйфатларын бәяләүгә юнәлтелгән корал ул [Компьютерный контроль, 2005]. Тестлар укучыларның белем һәм күнекмәләрен тикшерүдә объектив һәм уңайлы ысулларның берсе булып тора, укучыларның фәнне өйрәнүдәге уңышларын сан ягыннан да, сыйфат ягыннан да бәяләргә мөмкинлек бирәләр. Башка тикшерү чараларыннан аермалы буларак, тестлар куллануның өстенлекле яклары шактый:

- тикшерү үткәрү процедурасының техник яктан күпкә җиңел булуы;
- барлык укучылар өчен дә биремнәрнең бер типта булуы;
- нәтиҗәләрне бәяләүдә объективлык;

- тикшерү үткәрүче укытучының субъектив фикере исәпкә алынмавы;
- фән буенча укыту материалының тулысынча кулланылуы;
- укучыларның белем дәрәҗәләрен чагыштырып анализлау мөмкинлеге;
- нәтиҗәләрне тиз арада белә алу [Габдрахманова, Фәтхуллова, 2008].

Яңа педагогик технологияләрнең бер өлеше булган тестларны эшләү барышында укучының белеме системалаша. Мондый төр биремнәр кыска һәм сайлап алу җаваплары таләп иткәнлектән, укучылар үзләштергән белемнәрен тиз арада куллана ала. Шул ук вакытта укучының белемнәрендә һәм җавабының сыйфатында нинди кимчелекләр барлыгын, җитешсезлекләрне бетерү, үзенең белемнәрен яхшырту өчен ни эшләргә кирәклеген укучыга, класска тиз арада һәм аңлаешлы итеп әйтеп бирүнең гаять зур әһәмияте бар. Белем тикшерүдә компьютер чараларын куллану укытуның нәтиҗәлелеген бермә-бер арттыруга китерә.

Тестларга куелган төп таләпләр: кыскалык, төгәллек һәм сорауның дөрес төзелгән булуы. Тест сорауларының төгәл булмавы күп вакыт укучыларда авырлык тудыра. Тестларны әзерләгәндә, ике өлештән төзү отышлы: теориягә караган тест сораулары һәм гамәли тест сораулары. Сораулар, гадәттә, “җиңелдән-авырга” принцибы буенча төзелә. Тестларның электрон вариантта булуы системалы эш алып барырга уңайлыклар тудыра, чөнки, вакытлар үткән саен, тестларны тулыландырырга, аерым сорауларны үзгәртергә, ә кайберләрен алыштырырга мөмкинлек була.

Тест технологиясеннән файдаланганда, укучы белем бирү процессында үзәк урынны ала. Бу очракта укытучы төп мәгълүмат чыганагы булудан туктый, ә укучыларның эшчәнлеген оештыручы һәм аның белән идарә итүче ролендә кала. Укучылар тестны яхшы башкарсын өчен, аларда тел компетенциясе формалашкан булырга тиеш. Моның өчен максатны дөрес итеп куярга, укучыга укыр өчен шартлар тудырырга, ягъни авторитар, классик технологиядән шәхескә юнәлдерелгән технологиягә күчү килеп туа. Бигрәк тә хәзерге вакытта укучыларның белемен объектив рәвештә тикшерү өчен тестлар файдалану кирәк, чөнки Бердәм дәүләт имтиханнары материалларының бер өлеше тестларга нигезләнгән. Укучылар имтиханнарны уңышлы тапшырсын өчен, башлангыч сыйныфлардан ук аларны төрле типтагы тестлар белән эшләргә күнектерү мөһим. Шунлыктан, дәрестә үзләштергән материалны тикшерү өчен даими рәвештә тестлардан файдалану бик отышлы.

Укучы алдан белемне үзләштерүенең тест формасында тикшереләсен белә, шунлыктан куелган максатка ирешү өчен тырыша. Тест биремнәренең төрле формалары белән эшләү мөмкинлекләре бар: ачык һәм ябык тестлар; тәкъдим ителгән вариантлардан берничә дөрес җавапны сайлап алу тестлары; тәңгәллек булдыру яки җаваплрны эзлекле рәвештә урнаштыру биремнәре һ.б. [Габдрахманова, Фәтхуллова, 2008]. Һәр очракта тикшерү эшен төрлечә оештыру һәм, татар теле үзенчәлекләрен истә тотып, тестларның теге яки бу төрен куллану мөмкинлеге бар. Мәсәлән, тематик тестлар, зачет, башка белемнәрне тикшерү тестлары булырга мөмкин.

Һәр дәресне диярлек аерым темалар буенча әзерләнгән кыска тестлар белән башлап җибәрәрергә мөмкин, шулай ук фронталь сорау алу яки карточкалар ярдәме белән мөстәкыйль эш үткәреп тә була. Группалар белән эшләү һәр укучыга компьютер җитмәүдән дә котылырга ярдәм итә, шулай ук классның 70 % тан артыгы дәрес саен билге дә ала. Укучыларга исә үткән дәрес материалын гына түгел, ә даими рәвештә алда өйрәнелгән темаларны да кабатларга туры килә.

Гамәлдәге тикшерү алымнары белән беррәттән, инновацион технологияләрдән файдалануның мөһимлеге заман таләпләреннән чыгып билгеләнә. Укучыларның белемнәрен тикшерүгә юнәлтелгән яңа эш төрләре традицион формаларны тулыландырырга, стандартлаштырырга, белем бирү өлкәсендә эзлеклелек һәм системалылык булдырырга мөмкинлек бирә.

Нәтиҗә ясап, шуны әйтергә кирәк: яшь буынга сыйфатлы белем бирү, аны тормышка әзерләү – бүгенге дәүләт, хөкүмәт, мәгариф системасы, бөтен җәмгыять алдында торган иң мөһим бурычларның берсе.

Әдәбият

Габдрахманова Л., Фәтхуллова К. С. Педагогик эшне тикшерүдә компьютер чараларын куллану // Мәгариф. № 12. 2008. 49–52 б.

Компьютерный контроль знаний: Учебное пособие / И. Х. Галеев, В. Г. Храмов, О. В. Колосов. Казань: КГТУ, 2005. 126 с.

Хуҗиәхмәтов Ә. Н. Педагогик технологияләр. Икенче китап. Казан: Мәгариф, 2008. 366 б.

© Сулайманова Х. Х., 2022

УДК *81'373.42*

Сулейманова Д. Д., Россия, г. Уфа
Издательский дом «Республика Башкортостан», ред. отдела

ФОНЕТИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА ‘НЕБО’ В ТАТАРСКОМ И БАСКСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена сопоставительно-типологическому анализу лексемы в значении ‘небо’ в татарском (тат. kük) и баскском (баск. goi) языках. Выбор лексемы «небо» из списка базовой лексики (по Сводешу) оправданно привлекает внимание лингвистов. Для сравнения татарской и баскской лексем использован сравнительно-соспоставительный метод, обусловленный тем, что при обзоре лексических систем тюркского и баскского языков, как правило, выявляются группы слов, обладающих сходством на фонетическом, словообразовательном, семантическом уровнях. Для их условного обозначения введено понятие «фонетико-семантическая группа» (ФСГ). Как результат, выявлены семантические деривации ‘небо/Бог – крыша/потолок/хребет – сливки/жир – высокий – поднимать – лить’ в исследуемых языках.

Ключевые слова: *татарский язык, баскский язык, лексика, семантика, фонетико-семантическая группа.*

Suleimanova D. D., Russia, Ufa
Publishing House "Republic of Bashkortostan", dep. ed.

PHONETIC-SEMANTIC GROUP 'SKY' IN THE TATAR AND BASC LANGUAGES

The article is devoted to the comparative-typological analysis of the lexeme in the meaning of ‘sky’ in the Tatar (tat. kük) and Basque (bask. goi) languages. The choice of the lexeme "sky" from the list of basic vocabulary (according to Swadesh) justifiably attracts the attention of linguists. To compare the Tatar and Basque lexemes, a comparative-comparative method was used, due to the fact that when reviewing the lexical systems of the Turkic and Basque languages, as a rule, groups of words are identified that have similarities at the phonetic, word-formation, semantic levels. For their conditional designation, the concept of "phonetic-semantic group" (FSG) was introduced. As a result, semantic derivations ‘sky/God – roof/ceiling/ridge – cream/fat – high – raise – pour’ were revealed in the studied languages.

Keywords: *Tatar language, Basque language, vocabulary, semantics, phonetic-semantic group.*

Для отбора и сравнения групп слов, соотносительных по форме, значению, происхождению и звучанию, в двух разносистемных языках предлагаем следующие ступени анализа: выбор опорного слова; рассмотрение его словарных определений (дефиниций); сопоставление значений опорного слова, устойчивых сочетаний. Следующий шаг предполагает разбор однокоренных слов с учетом возможных исторических семантических, фонетических изменений; выявление универсальных и частных явлений. В отличие от сопоставительного анализа лексико-семантических групп (ЛСГ), подобный подход позволяет использовать для анализа различные части речи, реконструировать словообразовательные парадигмы и цепочки в сопоставляемых языках, что особенно важно для исследований по тюркским языкам, лексический материал которых, в силу морфонологических изменений на стыке морфем, явлений конверсии частей речи (ср. *qalqu* ‘высокий’; ‘подниматься’) и сингармонического параллелизма (ср. *ata – äti* ‘отец’), может содержать диахронические реликты, семантически, фонетически и морфологически отличающиеся от исходных корней. В итоге, отбор, систематизация ФСГ могут выступать начальным этапом для последующих сопоставительно-типологических или сравнительно-исторических работ.

В данной работе примеры по татарскому и другим тюркским языкам в основном извлечены из «Этимологического словаря татарского языка» Р. Г. Ахметьянова [Ахметьянов, 2015] и двуязычных словарей, представленных в ресурсе «Электронный фонд словарей» [ЭФС], по баскскому языку – из электронного «Общего баскского словаря» [OEH].

Как единица лексики пространства, являющегося одним из основных атрибутов бытия, слово «небо» входит в список базовой лексики (по Сводешу). В татарском языке лексема *kük I* имеет значения: ‘1) небо; 2) синий, сивый (о лошади), небесного цвета’; ДТ *kök* сравнивают с венгерским *kek* ‘небо’ [Ахметьянов, 2015, 487]. В огузских языках анлаут представлен звонкой фонемой: аз. *göy* ‘небо; синий; зелень’.

Баск. *goi* (падежные формы – *goian, goiko, gora, goietik*) ‘1) над, верх, верхний, сверху; 2) небо, потолок, высота, этаж, возвышение; 3) высший, небесный; божественный’ в отличие от тюркского примера содержит смысловой компонет ‘верх, высший’ и обладает словообразовательной парадигмой, которую частично рассмотрим в данной статье.

Производное баск. *goiko* с инлаутным *-k-* в зн. ‘1) высший; 2) небесный; 3) Бог; 4) луна’ более близко к татарскому *kük* по фонетической структуре (ср. монгольское *kökö, köke* ‘небо’ [Ахметьянов, 2015, 486] с конечными гласными). Историческое значение ‘Бог’ сохранилось в тат. *Күк Ата* («*Күк атасы – Тимерказык*», то есть, «Отец неба – Полярная звезда»). Обожествление неба присуще космогоническим представлениям многих народов, однако тат. *Kük ata* по фонетической структуре сопоставимо с баск. *Goiko Aita* ‘Высший, Небесный Отец’ (*aita* ‘отец’). Современными названиями Бога в баскском языке выступают *Goiko, Goiko Jaun, Jainko* (*jaun* ‘хозяин’). В татарской исторической лексике известно сочетание *Kük ijäse* ‘владыка (дух) неба’.

Баск. *Gaueko* (ср. баск. *gau*, диал. *gai, gaba, gaueko* ‘ночь’) ‘дух ночи’, появляющийся в образе коровы, черного волка, и фонетическую близость данной лексемы с баск. *Goiko* ‘Бог’ можно обяснить метаморфозами мифологических персонажей и тем, что значение ‘ночь, тьма’ типологически не чуждо для лексемы «небо» (ср. русское *небо*, латинское *nebula* ‘туман; туча, облако’,

древнеисландские *nifl-* ‘темнота’, *njól* ‘ночь’ [Фасмер, 1964–1973, http://endic.ru/fasmer/Noch-8829.html].

Баскский язык сохранил указание на небесные тотемы, напр., *Goikoa bear* ‘небесный медведь’: *Goikoa bear degu, zerutarra…* ‘У нас есть медведь наверху, небесный...’. *Kük büre* ‘небесный волк’ считается легендарным прародителем тюрков. Башкирские, татарские топонимы *Qïjɣï, Qaibïş*, гидронимы *Qïjɣazï*, *Qajpan*, этноним *Ɣajnä* содержат древний корень **KVj*.

Значения ‘потолок, крыша’, присутствующие в баскском примере *goi*, а также в баск. *goi-haga* ‘главный брус крыши’, *goi-agak* ‘различные части крыши’, присущи тат., башк. *qïjïq* в зн. ‘крыша, скат крыши’.

В баск. ФСГ *«goi»* можно включить лексемы с инлаутной *-r-*: *gora (goira)* ‘вверх; высокий; высота, вершина’, *goren (goiren)* диал. ‘высший, верховный, государь, Бог’; *goratu* ‘поднимать, возвеличивать’. Ср. тат. *qïr*, ДТ *qïra* в зн. ‘горный хребет’, тат. *qura* в зн. ‘высокая трава (с твёрдым стеблем)’, ДТ *keriš* ‘холка, возвышенность’.

Значение ‘лить’ выявляется в баск. парных сочетаниях типа *goian behean* ‘о сильном дожде, смерче’, в свою очередь обнаруживающие параллели с тат. *qoj-* ‘лить, сыпать’, тат. *qojïn*, *qojma, qojɣïn,* башк. *qojon* ‘ливень; ураган’.

Внимание привлекает баск. *goitiko I* (с инлаутной *-t-*) ‘то, что приходит свыше, что приходит с небес’, сопоставимое с тат., башк. *qot*, ДТ *qut, qawut* ‘душа, дух; амулет, счастье; изобилие’. Баск. *gutun (güthün, buthun), kutun (kutunak)* ‘письмо, амулет с молитвой’ баскологи определяют как заимствования из арабского языка (арабские *kitab* ‘книга’, *kutub* ‘книги’). В татарском и башкирском языках слово *xat* ‘письмо’ также считается заимствованием из арабского языка. При этом тат. *qotïj*, диал. *qotoq*, а также *böti/bötü* в зн. ‘амулет с молитвой, коробка’ сопоставимы с баск. *gutun, buthun* не только семантически, но и возможным историческим соответствием анлаутных *k-/b-*.

Баскское ФСГ *«goi»* содержит лексемы с инлаутной *-t-*: *goiti* ‘1) вверх; над; больше; выше; наверху; 2) остаток (зерен), излишек, пищевые отходы; 3) высокий’; *goitu* ‘1) побеждать, поднимать, властвовать; 2) гордиться, 3) высокий’; *goititu* ‘поднимать, возвеличивать’; *goitira* ‘вверх’; *goitiko* II ‘1) чердак, 2) рвота, 3) честолюбивый’ и др. Для сравнения, актуализация признака «высота» у лексемы «небо», несмотря на отсутствие в словарных дефинициях, происходит в русском языке; мотивирующий признак *height* ‘высота’ широко употребляется с английским *heaven* ‘небо’ [Демидова, 2010, 18; 10]. Для тат. *kütär-* ‘поднимать, возвышать’, *kütärenke* ‘высокий, возвышенный’ (ср. ДТ *kötü* ‘крыша’, *kötki* ‘холм, возвышенность; *köti* ‘подниматься’; *kötrüg* ‘поднятие, надменный’) можно предположить исходный корень **KV-*, как и для *kük* ‘небо’.

Интерес представляют баск. *goiti* в зн. ‘остаток (зерен), пищевые отходы’, *goiti egin* ‘1) идти вверх; 2) переполнить; 3) рвота’, *goitika (botaka)* ‘рвота’. (Заметим, что аналогичную связь между значениями ‘превышать, переполнить’ и ‘лишний’ демонстрируют тат., башк. *art-* ‘1) превышать; 2) нагружать’, и *artïq* ‘лишний, излишек’, ср. тат., башк. *art* ‘зад, задний’, башк. *artïl-* ‘подниматься на высоту’. В данном случае, по-видимому, сталкиваемся с явлением энантиосемии). Значение ‘остаток (зерен), пищевые отходы’ прослеживается в примерах из тюркской земледельческой лексики: тат. диал. *кәй, кәйе, кәйә* ‘плохой, неважный; запоздалый (о хлебах); отава’, возводимая к ДТ *kej, ke, ked, ket, kes* ‘зад, конец, после; основа, сильный, очень’ [Ахметьянов, 2015, 390–391]; тат. диал. *käjegü*, башк. *käjeü* ‘ухудшиться; переедать (рыгать)’, башк. *käjek aš* ‘всходы зерен, оставшихся под снегом с прошлого года’; тат. *qojtï* ‘плохой, неважный, хилый’, сравниваемое с древнемонгольским *qojtu* ‘задняя сторона, север, нижний’. Имеется множество лексем структуры *(*KV-)* с семантикой обратного движения в татарском языке: *qaq-* ‘отвергать’, *qaqïr-* ‘харкать’, *kiker-* ‘рыгать’, *küksä-* ‘кашлять’, *qos-* ‘изрыгать’; *qait-* ‘возвращаться’, *qajïr-* ‘поворачивать’ и др.

В современном татарском языке в значении ‘остаток’ употребляется лексема *qaldïq* (ср. тат. *kälšä* ‘всходы, отава’; баск. *galtzu* ‘остатки пшеницы’, *geldikin* ‘остаток’). То есть, в составе тат., баск. ФСГ «небо» возможны лексемы с инлаутной *-l-*. Ср. также тат. *qalqu* ‘высокий’, ДТ *qalïq* ‘небо’ [Ахметьянов, 2015, 314]; баск. *gailurra (gallur)* ‘вершина’ и др. Заметим, что Р. Г. Ахметьянов тат. *kütär-* ‘поднимать’ возводит к **köl-* ‘вьючить’, основываясь на тат. диал. *kültär-* [Там же, 501] (ср. тат. *kütärmä*, тат. диал. *qaltïrma* ‘крыльцо’).

Итак, основные результаты можно представить в виде таблицы.

значение	небо	небесный	Бог, Небесный Отец	крыша, скат крыши	о сильном дожде	сливки	сверхъестественное	высокий	поднимать	остаток (зерен)	рыгать, рвота
тат.	*kük* (аз. *göy*)	*kük*	*Kük ata*	*qïjïq,* ДТ *kötü*	*qojïn*	*qajmaq*	*qot*	*kütärenke*	*kütär*	*käjek (qojtï)*	*käje-, qos-, qosïq*
баск.	*goi*	*goiko*	*Goiko Aita*	*goi-aga, goiti* ‘чердак’	*goian-behean*	*goien*	*goitiko*	*goiti*	*goitu, goititu, goratu*	*goiti*	*goitika*

По мнению лингвистов, тат. *kön* ‘день’ (ср. тунгусское *gēwun* ‘заря, рассвет’, китайское *хунь-тунь* ‘первичный космос’) могло иметь семантику ‘небо’ [Ахметьянов, 2015, 449]. Баск. *goien* ‘1) высший’; 2) холм, вершина; сливки; *(guen)* конец, предел, срок; Бог; высота’; 3) лучшее’ и баск. *gain I* ‘высокий, высота; вершина; поверхность; крыша; палуба (корабля); сливки (*gain II, gan, gaiña, gaina*)’

семантически и фонетически соотносительны. Однако баскологи считают их самостоятельными словами, поскольку они имеют разные антонимы (*gai* ‘верх’ – *azpi* ‘под’, *goi* ‘верх’ – *behe* ‘низ’). В значении ‘сливки/жир’ или ‘плёнка (на молоке)’ (присущее и немецкому *himmel* ‘небо’) в татарском языке употребляются *qajmaq*, ДТ *qajaq, qaŋaq, qïjaq* ‘сливки’; тат. диал. *qasmaq* ‘пленка на молоке’, в значении ‘скала, вершина’ – тат. *qïja*, башк. *qaja*.

Взаимосвязь значений ‘высокий’ > ‘старший’ наблюдается в терминах родственных отношений: тат. *qajïnana*, башк. *qäjnä* ‘свекровь’ (ср. баск. *amagoin* ‘бабушка’, *amagiñarreba* ‘свекровь’).

Возможны инлаутные *p, b, m, f*: баск. *goipe,* диал. *koipe* ‘масло, жир; толстый’; баск. *goiabia (goi-habe)* ‘главный брус крыши’. Тат. *göbe*, диал. *göbän, köbä*, башк. *köbö* ‘маслобойка, высокий цилиндрический сосуд’; тат. *küper-* в зн. ‘подниматься (о поверхности чего-либо)’; тат. *köjmä* II, диал. *kümä* ‘арка, свод; шатёр’; тат., башк. *(kük) qabaɣ-ï, (kük) qapu-sï* ‘(небесные) врата’, аз. *qabaɣ* ‘скат крыши, потолок; палуба; горный хребет, вершина горы’ (известна взаимосвязь значений ‘небосвод’ и ‘гора’ в других языках [Кривалева, 2008, 15]); топонимы *Kaf (Кавказ)*, *Qaban, Käpäj-Qobau*, этноним *Qïpşaq*.

В рамках исследуемых ФСГ также можно рассматривать лексику, обозначающую кожный покров, что находит типологическое подтверждение, например, немецкое *himmel* ‘1) небо; небосвод; 2) кровля зинкверка; 3) балдахин; 4) плёнка (на молоке); 5) обивка потолка, крыши (кузова)’ возводится к индоевропейскому **kem-* ‘покрывать, окутывать’ [Кривалева, 2008, 10]. Тат. *qajrï, qajïz*, башк. *qajïr*, ДТ *qas* ‘кора, кожура, чешуя’, *qajïš* ‘кожаный ремень’ (ср. тат. *qabaq* в зн. ‘веко; врата (небесные)’, *qabïq* ‘кожура, скорлупа’) и баск. *azal (kazal, kaxal)* ‘1) кора (дерева), кожа, кожица; внешний вид; поверхность; 2) мелкий, тонкий’, *oskol (koskol)* ‘1) кора, скорлупа (но ср. испанское *cáscara* в зн. ‘ракушка, оболочка’). По аналогии со славянскими языками (*кожа* < *коза* < **kozi̯ā* ‘козья (шкура)’) не исключена связь с тат. *käžä* ‘коза’ и *qui*, ДТ *qoj, qojun, qojïn, qon* ‘курдючная овца’.

Необходимо отметить, что несмотря на то, что баскологи относят баск. *goi* к базовой лексике, в латинском языке (из которого баскский язык усвоил много заимствований) имеется лексема *caelum* ‘небо; небесная высь, небесный свод, воздух; внутренняя сторона свода’ (< праиндоевропейское **kaid-slo-* ‘яркий’). Также нельзя исключить общеевразийский источник (ср. марийское *kawa* ‘небо’, юкагирское *киɜии* ‘небо’, тлингитское *góos’* ‘небо’ и др.).

Итак, ФСГ «небо» в татарском и баскском языках включает большое количество лексем. Нам удалось поверхностно рассмотреть лишь часть из них. Для баскского опорного слова актуальны значения ‘верх, высший, движение вверх-вниз’. Данный факт и словообразовательная парадигма *goi (goiko, Goiko Aita, goi-aga, goian-behean, goitu, goiti, goitiko, goititu, goitika)* позволили нам сконструировать цепочку семантических дериваций ‘*небо/Бог – крыша/потолок/хребет – сливки/жир – высокий – поднимать – лить/рвота’* и рассматривать в составе татарской ФСГ ‘небо’ соотносительные по форме, значению, происхождению и звучанию слова *kük, kütär-, kön, qïjïq, qajmaq, göbe, qoj-, käje-, qos-*, а также *qot, qap, qïra, qïja, qajïn-, qajrï, qajïz, qait-, qalqu, qaldïq*.

Литература

Ахметьянов – Әхмәтьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. I том (А–Л). Казан: Мәгариф – Вакыт, 2015. 543 б.

Демидова Е. Е. Структуры и способы актуализации признаков концептов *небо* и *heaven* в русской и английской языковых картинах мира: автореф. дисс. ... канд. филологических наук: 10.02.19 / Демидова Евгения Евгеньевна. Кемерово, 2010. 26 с.

Кривалева О. В. Концепты «небо» и «земля» в русской и немецкой языковых картинах мира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Кривалева Ольга Владимировна. Уфа, 2008. 24 с.

Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. М.: Прогресс, 1964–1973. Режим доступа: https://vasmer.lexicography.online/.

ЭФС – Электронный фонд словарей [электронный ресурс]. URL: https://suzlek.antat.ru/index.php (дата обращения: 9.04.2022).

OEH – Orotariko euskal hiztegia [electronic resource]. Available from: https://www.euskaltzaindia.eus (accessed: 10.04.2022).

Сокращения и условные обозначения: *аз.* – азербайджанский, *баск.* – баскский, *башк.* – башкирский, *ДТ* – древнетюркский, *тат.* – татарский; *диал.* – диалектный, *в зн.* – в значении, *др.* – другие, *ср.* – сравните.

© Сулейманова Д. Д., 2022

УДК *821.161.1, 81'32*

Суровцева Е. В., Россия, г. Москва
МГУ, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
с.н.с., профессор РАЕН

ЖИТИЯ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА СЕРАФИМА (ЗВЕЗДИНСКОГО) В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЖИТИЙ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ

В статье проводится анализ современных русских житий, в частности житий новомучеников и исповедников. Полагаем, что для уяснения особенностей бытования современного житийного жанра в русской литературе необходим сопоставительный анализ разных вариантов жития одного святого. В данной статье мы ставим себе целью проанализировать четыре жития священномученика Серафима Звездинского. Прежде всего мы рассматриваем текстологические особенности произведений. Далее приводим данные о количестве оригинального и «чужого» текста в каждом житии и анализируем особенности цитирования источников. Кроме того, мы ставим вопрос о необходимости изучения словарного состава текстов и частотности каждой лексемы. В заключении подводятся предварительные итоги анализа.

Ключевые слова: *житие, житие новомучеников и исповедников, Серафим Звездинский, русская литература, корпусная лингвистика, русская история, текстология.*

Surovtseva E. V., Russia, Moscow
Moscow State University, Theophan the Recluse St. Tikhon's
Orthodox Humanitarian University, Senior Researcher, Professor of RANS

THE LIVES OF THE HOLY MARTYR SERAPHIM (ZVEZDINSKY) IN THE CONTEXT OF THE MODERN LIVES OF THE NEW MARTYRS AND CONFESSORS

We analyze modern holy lives, in particular, the Russian holy lives of the New Martyrs and confessors. We believe that in order to clarify the peculiarities of the existence of the modern hagiographic genre in Russian literature, a comparative analysis of different versions of the holy life of one saint is necessary. In this article we aim to analyze the four holy lives of the Holy Martyr Seraphim Zvezdinsky. First of all, we consider the textual features of the works. Next, we provide data on the number of original and «alien» texts in each holy life and analyze the features of quoting sources. In addition, we raise the question of the need to study the vocabulary of texts and the frequency of each lexeme. In conclusion, preliminary results are summarized.

Keywords: *Russian literature, corpus linguistics, the life of the New Martyrs and confessors, Seraphim Zvezdinsky, Russian literature, corpus linguistics, Russian history, textology.*

В русле проводимых нами исследований современных русских житий, в частности житий новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви, необходим сопоставительный анализ разных вариантов житий одного и того же святого.

В данной статье мы ставим себе целью проанализировать четыре жития священномученика Серафима Звездинского: каноническое житие, написанное И.Г. Меньковой (2003) [Менькова, 2003]; житие, тяготеющее к каноническому, составленное В. Марченко (2011) [Марченко, 2011]; детское житие, принадлежащее перу протоиерея Константина Островского (2012) [Островский, 2012] (о правомерности выделения данной подразновидности жанра см. в работах Е.К. Макаренко и А.Э. Санько [Макаренко, 2010; Макаренко, 2011; Санько, 2018]); неканоническое житие, созданное неизвестным составителем за 9 лет до канонизации святого (1991) (далее «Житие ...») [Житие епископа Серафима, 1991].

В житии К. Островского нет информации, как в других житиях, о том, что Серафим происходит из семьи старообрядцев-беспоповцев, а его отец присоединился к православию. В тексте сказано только то, что он из семьи священника.

В житиях повествуется о чудесном исцелении Серафима от болезни. И.Г. Менькова говорит, что из благодарности его отец написал службу преподобному Серафиму Саровскому – по молитвам Серафима Звездинского этому святому и пришло исцеление. В. Марченко и составитель «Жития …» сообщают, что по предписанию Синода отец составил благодарственный кондак и тропарь, у Островского таких подробностей вообще нет.

Жития нам рассказывают о молитвах Серафима о помощи в учёбе Николаю Угоднику (И.Г. Менькова), Николаю Угоднику и Серафиму Саровскому (В. Марченко), о помощи Николаю Угоднику и Сергию Радонежскому в ниспослании дара проповедания (И. Г. Менькова, В. Марченко, составитель «Жития …»). И. Г. Менькова, В. Марченко и «Житие …» сообщают о пророчестве Германа (Анциферова), имевшего послушание стоять у раки свт. Ионы в Успенском соборе Кремля, о том, что Серафим – будущий архимандрит.

Во всех анализируемых нами житиях говорится о молитве Серафима о своих учениках в Вифанской семинарии, где он преподавал историю церкви. Во всех четырёх житиях указывается, что Серафим очень строго постился – ел только восемь ложек супа в день (по числу слов молитвы Иисусовой).

При описании хиротонии Серафима И. Г. Менькова и В. Марченко приводят напутствие Тихона Белавина, И. Г. Менькова и К. Островский – слова Сергия Страгородского о ложке («Советую, владыка, запастись ложкой, придется Вам в тюрьму идти. Не забывайте этого предмета, он там будет очень нужен»).

И. Г. Менькова и В. Марченко цитируют слова Серафима о тяготах мирян («Миряне несут тяготу на фабриках, заводах, в трудах, поэтому монахам должно со смирением являться на молитвенное бдение в урочный час»), «Житие …» предлагает пересказ этих слов, а у Островского они вообще опущены.

Три из четырёх анализируемых нами житий (кроме К. Островского) не обходят стороной искушения Серафима: сомнения в правильности избранного пути, постигшие его сразу после пострига («Неожиданно вдруг в душе поднялся ужас, страх, ропот, отчаяние. Что я сделал? Зачем стал монахом? Заживо себя похоронил») (текст В. Марченко, «Житие …»), необходимость «все время находиться на людях, в миру с его суетой, шумом и нищетой» (В. Марченко), женщина, которая везде поджидала Серафима («Стояла у амвона, передавала записки, звонила по телефону, даже через владыку Арсения пыталась добиться внимания») (текст В. Марченко, «Житие …»), бесовские видения («Были страхования. Так, однажды, войдя в пустую свою квартиру, отец Серафим увидел необыкновенно высокую фигуру монаха в мантии возле своего аналоя, где обыкновенно совершал правило. В страхе он убежал и позвал ректора. Когда вошли они вместе, никого уже не было. Иногда враг наводил видения блудных жен. Подойдя к своему одру, иеромонах Серафим видел лежащую жену») («Житие …»), баронесса Филькерзам, которая «пыталась искать его личного расположения, подносила подарки» («Житие …»). И. Г. Менькова сообщает, что дивеевская игумения Александра долго не разрешала Серафиму служить в храме.

В «Житии …» содержится более подробная информация о недоброжелательном приёме Серафима в Дивеево – упоминаются и «недобрые взгляды владыки Зиновия, хотя и внешне как будто благоговейного», и «смущение, холодность “страха ради иудейска” мат. игуменьи, охранявшей, по её мнению, благополучие и само существование Дивеевской Великой Лавры», и «недоверчивость духовенства и сёстер».

В текстах И. Г. Меньковой, В. Марченко и в «Житии …» говорится о том, что Тучков, сотрудник ОГПУ, предложил Серафиму и епископу Зиновию посвящать тех, кого им пришлют (у В. Марченко этот эпизод освещён короче всего).

И.Г. Менькова и В. Марченко излагают такой случай. В один из приездов в Зосимову пустынь, 17 июля 1922 года, накануне праздника преподобного Сергия, исповедавшись у отца Алексия и побеседовав с ним, Серафим вышел из келии. Здесь приступили к нему старшие монахи с просьбой заменить им настоятеля с прежнего – старца схиигумена Германа, ослабевшего из-за преклонного возраста, – на отца Феодорита, хорошего хозяина, выращивавшего овощи для выставки. На эту просьбу Серафим ответил отказом – по его словам, как только Герман перестанет молиться на этом месте, от монастыря ничего не останется, а капуста Господу не нужна.

В текстах И.Г. Меньковой и В. Марченко описан также ещё один эпизод, объединяющий их тексты. В 1915 году, будучи Чудовским архимандритом, Серафим проезжал подмосковный Дмитров – тогда он вместе с епископом Арсением возвращался в Москву из Пешношского монастыря. Возле главного собора их лошади стали и упорно отказывались двигаться с места. Владыка и архимандрит пошли в собор и поклонились Животворящему Кресту (главной святыне города). Арсений сказал, что это событие не случайно и является указанием на какое-то Божие изволение. Чуть позже Серафим в сане епископа прибыл в Дмитров, где прослужил три года, и прежде всего совершил благодарственный молебен.

В «Житии…» подробнее, чем в других текстах, говорится о жизни Звездинского до ссылки – например, об обете и Полиевкте.

Марченко упоминает о том, что в Усть-Сысольске, куда сослали отца Серафима, к моменту приезда будущего святого уже были Сергей и Мария Фудели.

О явлении Богородицы (во время пребывания будущего святого в Дивеево) Серафиму говорят все четыре текста. Отметим, что явление Богородицы – очень редкое событие; можно вспомнить, что Она являлась, например, Сергию Радонежскому, Серафиму Саровскому.

«Житие …» говорит о том, что иеромонах Чудовской обители Макарий, впоследствии мученик за веру, рассказал Серафиму Звездинскому о явлении ему, Макарию, Серафима Саровского.

В «Житии …» довольно подробно рассказано о дружбе отца Серафима с местным блаженным Онисимом (в Дивеево). Также здесь же повествуется о постригах, совершаемых Серафимом.

И.Г. Менькова и составитель «Жития …» рассказывают также о том, как зыряне сопровождали Серафима, уезжающего из зырянской ссылки, и как возчиков догнали представители НКВД, начавшие их убеждать (безрезультатно!) бросить епископа в лесу. Текст «Жития …» добавляет к этому описанию ещё одну деталь: зырян напоили, чтобы те стали сговорчивее.

В «Житии…» говорится о расстреле Серафима, но не называется точной даты (эти сведения приводят И.Г. Менькова и В. Марченко). У К. Островского называется день памяти святого (он даётся сразу после заглавия).

При анализе лексического состава текстов, проведённого с помощью Автоматизированной системы работы с текстами и словарями «Диктум» (названная система разработана в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова), мы получаем количество слов в обоих житиях с цитатами и исключая цитаты, а также количество (в процентах) оригинального текста.

Таблица 1. Количество лексем и процент оригинального текста в житиях священномученика Серафима Звездинского

		Примерное количество лексем в тексте (с цитатами)	Примерное количество лексем в тексте (без цитат)	Примерный процент оригинального текста
1 1	Каноническое житие, составленное И.Г. Меньковой	1980	1585	80,1
2 2	Житие, составленное В. Марченко	1460	1245	85,3
3 3	Житие, составленное Константином Островским	285	255	89,5
4 4	«Житие епископа Серафима»	4665	2205	47,3

Назовём количество житий в каждом тексте: у И. Г.Меньковой – около 70; у В. Марченко – чуть больше 20; у К. Островского – 4; в «Житии…» – около 60. Цитируются письма Серафима, его высказывания и воспоминания, воспоминания о нём современников, молитвы, слова Сергия Страгородского Серафиму. В «Житии…» обильно цитируются записки Анны Патрикеевой – послушницы, благословлённой архиепископом Арсением Стадницким (новгородским) и схиигуменией Серафимо-Знаменского скита следовать за ссыльным Серафимом (в марте 1932 его приговорили к ссылке в Усть-Сысольск, и с этой первой ссылки Анна до конца его жизни следовала за ним). Это неканоническое житие является самым подробным и самым маленьким процентом оригинального текста. В текстах И. Г. Меньковой, В. Марченко и К. Островского документальность современных житий, отмеченная уже нашими исследователями [Макаренко, 2010; Макаренко, 2011], выражается не в цитировании, а в пересказе архивных источников.

Отдельным «сюжетом» должно стать исследование словарного состава анализируемых житий. В рамках данной статьи отметим только один факт. Если мы проанализируем избранные нами тексты целиком (то есть включая цитаты), то увидим, что в житиях И. Г. Меньковой и В. Марченко на первое место по частоте выходит предлог *в*, что является показателем книжного стиля, у К. Островского и в «Житии …» – союз *и*, являющийся показателем разговорного стиля. Если же мы рассмотрим только оригинальный текст в избранных нами произведениях, то увидим, что во всех четырёх житиях «лидирует» предлог *в*. Таким образом, можно предположить, что «книжность» / «разговорность» житий напрямую зависит от количества и состава цитат, в них содержащихся.

Таким образом, мы можем говорить о том, что современные жития священномученика Серафима Звездинского перечисляют все основные вехи жизненного пути святого и поясняют смысл его духовного подвига, однако некоторые факты могут освещаться более или менее подробно или не упоминаться вообще. Видимо, такое «вольное» обращение с фактами зависит как от жанровой модификации текста (например, детское житие не может быть обстоятельным в силу особенностей аудитории), так и от того, насколько важными они показались автору текста (разумеется, это относится только к «второстепенным» фактам). Статистический анализ цитат в житиях свидетельствует о высокой степени документальности жанра: средства компьютерной лингвистики помогают нам получить объективную картину соотношения оригинального и цитируемого текстов. Об особенностях текстов можно судить в том числе по самому частотному слову (*в* или *и*). Анализ частотности слов, способствующий лучшему пониманию стилистических особенностей текстов, мы считаем одной из перспектив дальнейшей работы над заявленной темой.

Литература

Житие епископа Серафима // Житие епископа Серафима (Звездинского). Письма и проповеди. Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1991. С. 7–130.

Макаренко Е. К. Агиография XX века. Проблема жанра и методов его исследования // Святоотеческие традиции в русской литературе / Отв. ред. В. В. Соломонова, С. А. Демченков. Омск: Вариант-Омск, 2010. С. 155–164.

Макаренко Е. К. Агиография XX века. Проблема жанра и методов его исследования // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 95–102.

Марченко В. Священномученик Серафим (Звездинский), епископ Дмитровский // Марченко В. Новомученики и исповедники Даниловские. М.: Валаамское общество Америки, 2011. С. 390–406.

Менькова И. Г. Священномученик Серафим (Звездинский) // Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии. В 8 томах. Том 2: Июнь – август. Тверь: Булат, 2003. С. 126–151.

Островский Константин, протоиерей. Священномученик Серафим (Звездинский), епископ Дмитровский // Островский Константин, протоиерей. Святые XX века. Краткие жития для детей. Красногорск: Успенский храм, 2012. С. 291–292.

Санько А. Э. Жития святых: особенности редакционно-издательской подготовки // Кирилло-Мефодиевская традиция в культуре России. Шестнадцатый Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура» / Сост. О. В. Терехова. Челябинск: ЧГИК, 2018. С. 231–235.

© Суровцева Е. В., 2022

УДК *81-25*

Сэфэрли А., Азербайджан, г. Баку
Бакинский государственный университет, диссертант

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТОВ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

В статье проводится обзор истории изучения диалектов азербайджанского языка. Азербайджанского и русского учёного-востоковеда А. К.Казем-Бека (Мирза Казым-Бек) и немецкого ученого К. Фоя по праву можно назвать первыми исследователями диалектов азербайджанского языка, систематическое изучение диалектов началось в 20-30-е годы прошлого века.

Ключевые слова: *диалект, диалектология, историческая диалектология, Мирза Казым-Бек.*

Səfərli A., Azerbaijan, Baku
Baku State University, dissertator

HISTORY OF AZERBAIJANIAN DIALECTOLOGICAL RESEARCH

Azerbaijani dialectology is a field of linguistics that studies the dialects of a given language. The Azerbaijani and Russian orientalist, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology Alexander Kasimovich Kazem-Bek (Mirza Kazim–Bek) and German scientist K. Foy conducted a study of dialects of the Azerbaijani language for the first timeHowever, the systematic study of dialects on a scientific basis began in the 20-30s of the last century.

Keywords: *dialect, dialect, dialectology, historical dialectology, Mirza Kazimbay.*

Dialekt və şivəni öyrənən dilçilik sahəsinə dialektologiya deyilir. Şivələrdə – məhəlli danışıqlarda bəzi qədim sözlər vardır ki, onların bir qismi tarixən dilimizdə işlənsə də, indi istifadədən çıxmışdır. Bəzi qədim sözlər isə qorunub saxlanılmışdır. Bunun üçün də dialektlər, dilimizin tarixini, inkişaf mərhələlərini öyrənmək baxımından çox böyük rol oynayır.

Bədii əsərlərdə obrazların dilini fərdiləşdirmək üçün müəllif bəzən dialektlərdən istifadə edir ki, bədii əsərlərdə işlənən bu cür məhəlli xüsusiyyətlər dialektizmlər adlanır.

Azərbaycan dili azərbaycanlıların doğma dilidir. Dünyanın müxtəlif ölkələrində azərbaycanlılar yaşayır və həmin azərbaycanlılar ana dili kimi bu dili işlədirlər. Bütövlükdə, bütün dünyada azərbaycanlıların sayı 35 milyonu keçir. Deməli, bu dil 35 milyondan çox azərbaycanlıya xidmət edir. Vaxtilə Azərbaycanda yaşayan, məskunlaşan bir sıra azsaylı etnik qruplar – *talışlar, kürdlər, ləzgilər, udilər, avarlar, tatlar, saxurlar* və s. üçün də Azərbaycan dili ünsiyyət vasitəsi, 2-ci ana dili olmuşdur.

Azərbaycan dialektologiyası dilimizin şivələrini öyrənən dilçilik sahəsidir. Azərbaycan dilinin dialektləri barədə ilk dəfə M.Kazımbəy, alman alimi K.Foy araşdırmalar aparsa da şivələrin elmi əsaslarla ardıcıl şəkildə tədqiqinə keçən əsrin 20-30-cu illərindən başlanmışdır. İlkin mərhələdə şivələrin əksəriyyətinə dair dialektoloji material toplanılımışdır. Bununla yanaşı, Bakı, İsmayıllı, Mərəzə, Quba, Ağdam və b. şivələr təsviri metodla tədqiq olunmuşdu. Kifayət qədər dialektoloji material toplanması, tədqiq olunan şivələrin sayının çoxalması dialektoloji tədqiqatların müqayisəli-tarixi metod müstəvisində aparılmasına zəmin yaradır. XX yüzilliyin 60-70-ci illərindən etibarən dialektoloji araşdırmalarda şivələr bir-biri ilə müqayisəyə cəlb edilir, ümumi və fərqli xüsusiyyətləri müəyyənləşdirilir. Qədim yazılı abidələrlə və digər türk dilləri ilə aparılan müqayisələr nəticəsində qədim xüsusiyyətlər aşkara çıxarılır. Şivələr arasında ümumi xüsusiyyətlər şivə qruplarını, fərqli cəhətlər dialekt sərhədlərini müəyyənləşdirməyə imkan verir. Azərbaycan dialektologiyası inkişaf tarixi boyu iki mərhələdən keçmişdir: 1.Şivələrdən dialektoloji materialın toplanması mərhələsi. Bu mərhələ keçən yüzilliyin 20-30- cu illərindən 50-60-cı illərə qədər davam etmişdir. Bu mərhələdə öncə şivələrin lüğəti hazırlanmış, əksər şivələr təsviri metodla öyrənilmişdir. 2. Şivələrin müqayisəli-tarixi metodla tədqiqi mərhələsi. Bu mərhələ keçən yüzilliyin 70-ci illərindən hal-hazıra kimi davam edir. İkinci mərhələ birincidən dialektoloji tədqiqatların istiqamətinin genişlənməsi, metodların təkmilləşməsi ilə fərqlənir, ümumi və tarixi tədqiqatlara geniş yer verilir, araşdırmalar Ural-Altay dilləri arealında aparılır.

Tarixi dialektologiya nisbətən az tədqiq olunsa da, onun kökləri dilçilikdə çoxdan mövcud olmuşdur. Azərbaycan dilinin tarixinin və dialektlərin öyrənilməsində tarixi dialektologiya məsələlərinə də yer verilmişdir. M. Şirəliyev, M. Cahangirov, M. Rəhimov, T. Hacıyev, M. İslamov və b. alimlər tədqiqatlarında bu sahənin problemləri ilə bağlı fikir və mülahizələr irəli sürmüşlər [Məmmədli, 2019, 22].

Azərbaycan dili dialektlərinin tədqiqi tarixi, Azərbaycan dili şivələri haqqında ilk məlumata yuxarıda da qeyd etdiyimiz kimi M. Kazımbəyin «Türk-tatar dilinin qrammatikası» kitabında təsadüf edilir. M. Kazımbəy Azərbaycan dili feillərindən danışarkən Dərbənd şivəsində işlənən indiki zaman formasına aid nümun vermişdir (sevedem, sevesen, sevedi, sevedik, sevesiz, sevedilər). Bundan sonra K. Foyun 1903 və 1904-cü illərdə Berlində çap olunmuş «Cənub türkcəsinin səciyyəsinə dair Azərbaycan etüdləri» adlı iki məqaləsində Təbriz, Urmiya, qismən də Ərzurum şivələrinin xüsusiyyətləri araşdırılmışdır. Azərbaycan dili şivələrinin sistemli şəkildə öyrənilməsinə XX əsrin əvvəllərindən başlanmışdır. Bu dövrdə N. İ. Aşmarinin fəaliyyəti xüsusi qeyd olunmalıdır. Onun rəhbərliyi ilə 1930-31-ci illərdə «Azərbaycan-türk xalq şivələri lüğəti»nin I cildinin birinci (A hərfi) və ikinci buraxılışı (B hərfi) çap olunmuşdur. 1926-cı ildə N. Aşmarinin «Nuxa şəhəri türk xalq şivələrinin ümumi xülasəsi» əsəri çap olunur ki, bu, Azərbaycan dili şivələrinə dair ilk monoqrafik tədqiqatdır. N. Aşmarin

1924- cü ilin yayında və 1925-ci ilin payızında Nuxa (indiki Şəki) şəhərinin mərkəzindən (Arxüstü, Ağvannar məhəlləsi, Bazar, Çökək məhəllə, Çayqırağı, Dodı, Davaxana, Gəncəli məhəlləsi, Giləhli məhəlləsi, Savınçı, Qullar məhəlləsi, Qışlaq, Yuxarıbaş) topladığı material əsasında bu şivənin fonetik xüsusiyyətlərini tədqiq etmişdir. Kitab Ön söz əvəzi, Nuxa haqqında qısa məlumat, Nuxa şivəsinin səsləri, Səslərin başqa şəkildə işlənməsi, Türk sözlərinin quruluşu bölmələrindən və ixtisarların siyahısından ibarətdir."Ön söz əvəzi"ndə Şəki şivəsinin səciyyəvi cəhətləri və beş məhəllənin (Qışlaq, Gəncəli, Yuxarıbaş və Savınçı, Dodı, Güləhli) dialekt fərqləri qeyd olunmuşdur. "Səslərin başqa şəkildə işlənməsi" bölməsində saitlərin burun, qısa variantları, samitlərin variantları, "Türk sözlərinin quruluşu" bölməsində ahəng qanunu, damaq və dodaq ahəngi, saitlərin söz köklərində dəyişməsi, saitlərin düşümü, söz əvvəlinə sait artımı, uzun saitlər, diftonqlar, söz ortasında qoşa saitlər (diftonqlardan fərqli olaraq, ayrı-ayrı hecalarda tələffüz olunur), samitlərlə saitlərin ardıcıllığı, assimilyasiya, söz ortasında samitlərin qoşalaşması, samitlərin yerdəyişməsi (torpax, tərpən, körpi, yarpax, dorğa, örqən, irəli, əsqix`), sözlərin qovuşması (sacayax/ sacax, a:qədə, ə:də, harə: < hara qədə, nayniyim, bursuyun, i:sreyin, nağaraceyıx), vurğu və s. məsələlərdən bəhs olunur. Şəki şivəsinin xüsusiyyətləri, yeri gəldikcə, qədim yazili abidələr, müasir türtk dilləri (osmanlı, Kazan- tatar, yakut, çuvaş) və dilimizin digər şivələri (Şuşa, Gəncə, Bakı, Ağdam, Qəbələ (Bum və Vəndam kənd şivələri),Təbriz) ilə müqayisə olunur. Kitabın ikinci cildində dördüncü bölmənin (Nitq hissələri) və "Qeydlər" in olması nəzərdə tutulmuşdur. 1926-cı ildə İ. Həsənovun «Gəncə şivəsində mənsubiyyət şəkilçisiz isimlərin hallanması» adlı kitabı da nəşr olunur. İ. Həsənov 1928-ci ildə Qazax şivəsinə dair material toplamış, həmin şivənin fonetik xüsusiyyətlərini araşdırmışdır. 1933-cü ildə Parisdə C. Hacıbəylinin «Qarabağ dialekti və fokloru» kitabı çap olunur. Həmin illərdə S. Talıbxanbəylinin, «Azərbaycan yurd bilgisi» məcmuəsində (sayı: 13, 14, 17, 19–20) «Qarabağ-İstanbul şivələrinin sövtiyyat cəhətdən müqayisəsi» məqaləsi nəşr edilir. SSRİ Elmlər Akademiyasının Azərbaycan filialının ekspedisiyası 1933-cü ildə Şamaxı, 1934-cü ildə Quba, 1935-ci ildə Zaqatala-Qax şivələrini tədqiq edir. Ə. Babazadə üç cildlik «Ayrım dialekti monoqrafiyasını yazır» (1941). Azərbaycan dialektologiyasının inkişafının bütöv bir mərhələsi M. Şirəliyevin adı ilə bağlıdır. O, 1938-40-cı illərdə «Bakı dialekti» adlı əsərini yazır. Görkəmli dialektoloqun Azərbaycan xalq şivələrini öyrənmək sahəsindəki fəaliyyəti onun «Azərbaycan dialektologiyası» adlı dərs vəsaitində ümumiləşdirilmişdir. Kitab indiyə kimi Azərbaycan dilində dörd dəfə (1942, 1962, 1967, 2008), 1983-cü ildə isə rus dilində (redaktor A. Şerbak) nəşr olunmuşdur. İlk nəşrlər "Azərbaycan dialektologiyası, I hissə (1942), "Azərbaycan dialektologiyası, II hissə, Qazax dialekti haqqında ümumi obzor" (1943), sonrakı nəşrlər "Azərbaycan dialektologiyasının əsasları" (1962, 1967, 2008), Rus dilindəki nəşr isə "Диалекты и говоры азербайджанского языка" adlanır. Bu nüsxə əvvəlkilərdən fərqli olaraq, təkmilləşdirilmiş, girişdə Azərbaycan dilinin tarixi, əhatə dairəsi, dialektlərin xaricdə tədqiqi barədə məlumat verilmişdir. Dialektlərin bölgüsünə Göyçay, Ağdaş və Cəbrayıl keçid şivələri daxil edilir. Sonda verilmiş dialektoloji xəritələr dialektlərin mənşəyinə, fonetik, morfoloji və leksik xüsusiyyətlərinə aiddir. Keçən yüzilliyin 80-ci illərinə qədər yeni tədqiq olunmuş şivələrin materiallarından istifadə edilmişdir. "Azərbaycan dialektologiya- sının əsasları" (2008) kitabında öncə birinci və ikinci nəşrlər barədə məlumat verilir. İkinci nəşr birinciyə nisbətən mükəmməldir. "... ikinci nəşr birinci nəşrə daxil olmayan bir sıra yeni dialektoloji materiallarla zənginləşdirilmiş, bu nəşrdə bir sıra məsələlər ətrafında dəqiqləşmələr aparılmışdır" [Şirəliyev, 2008]. Bundan başqa, keçən müddət ərzində tədqiq olunan Cəbrayıl, Gədəbəy, Qax, Bərdə, Yevlax, Ağcabədi və Tərtər şivələrinin materiallarından da istifadə olunmuşdur. Burada dialektologiyanın nəzəri məsələlərinə də toxunulur. Azərbaycan dili dialektlərinin tədqiqi nəzərdən keçirilir, fərdi və kollektiv yolla öyrənilən şivələr barədə geniş məlumat verilir. Həmçinin dialektoloji tədqiqatların iki istiqaməti müəyyənləşdirilir: 1) Azərbaycan dili şivələrinin monoqrafik tədqiqi; 2) Azərbaycan dili dialekt və şivələrinin dilçilik coğrafiyası əsasında öyrənilməsi [Şirəliyev, 2008, 18]. Əslində həmin dövrdə dialktoloji lüğətin tərtibi də davam etdirilirdi. 1964- cü ildə "Azərbaycan dilinin dialektoloji lüğəti" də çap olunur. Kitabın rus dilindəki variantında tədqiqatların üçüncü istiqaməti kimi dialektoloji lüğətlərin tərtibi göstərilir [Ширалиев, 1983, 13]. Kitabda ilk dəfə şivələrin tarixi- coğrafi prinsip əsasında təsnifatı verilir. Müəllif şivələri dörd qrupa bölür və hər qrupun səciyyəvi xüsusiyyətlərini qeyd edir. Sonrakı dövrlərdə aparılan dialektoloji tədqiqatlardan aydın olur ki, M. Şirəliyevin şimal qrupuna aid etdiyi səciyyəvi xüsusiyyətlərin bir qismi şərq, qərb və cənub (ə~e, burun saitləri, -ıf nəqli keçmiş zaman şəkilçisi) qrupları üçün xarakterikdir. XX yüzilliyin 40-cı illərindən Azərbaycan dili şivələri kollektiv və fərdi yolla öyrənilməyə başlayır. AMEA-nın dialektoloqları 1946-49-cu illərdə Muğan qrupu şivələrini, 1950-55-ci illərdə Naxçıvan şivələrini, 1956-58-ci illərdə qərb ləhcəsini (Qazax, Ağstafa, Tovuz, Borçalı) ekspedisiya yolu ilə öyrənmişlər. Monoqrafiik tədqiqatda fərdi yoldan da geniş istifadə olunmuşdur. Bakı (M. Şirəliyev), Quba (R. Rüstəmov), Şəki (M. İslamov), Tovuz (H. Cəfərov), Ağdam (P. Ağayev), Füzuli (İ. Məmmədov), Cəbrayıl (T. Hacıyev), Zəngilan (S. Behbudov), Ordubad (T. Həmzəyev), Cəlilabad (Ə. Ağayev), Qax (S. Mollazadə), Oğuz (A. Hüseynov), Gədəbəy (B. Sadıqov), Lənkəran (Ə. Məcidova), Qazax (Ə. Cəfərli), İmişli (M. Cəfərzadə), Mingəçevirətrafı (B. Əhmədov), Şərur (K. İmamquliyeva) və s. şivələr fərdi yolla tədqiq olunmuşdur. Azərbaycan dialektologiyasında problemlər üzrə ümumiləşdirici araşdırmalar da aparılmışdır. Bu cəhətdən R.Rüstəmovun feilə, A.Vəliyevin keçid şivələrə, M.İslamovun əvəzliyə, M.Cəfərzadənin dialekt sintaksisinə, E.Əzizovun ahəng qanunu və tarixi dialektologiyaya, B.Əhmədovun söz yaradıcılığına, M.Məmmədlinin ismin qrammatik kateqoriyalarına, N.Manafovun köməkçi nitq hissələrinə həsr olunmuş tədqiqatları Azərbaycan dilçiliyini daha da zənginləşdirmişdir. 1957-ci ildən başlayaraq dialektoloji

tədqiqatlar 3 istiqamətdə aparılır: 1) Şivələrin monoqrafik öyrənilməsi; 2) Dialektoloji atlas üzərində iş; 3) Dialektoloji lüğətin tərtibi. Şivələrin monoqrafik tədqiqi uğurla davam etdirilir. Son dövrlərdə Lerik (G.Binnətova), Yardımlı (Ş.Məmmədov), Qubadlı (R.Abbasova), Şahbuz (N.Əliyeva), Ağbaba (A.Bayramova) şivələri bu metodla araşdırılmışdır. Azərbaycan dilinin respublikamızdan xaricdə olan şivələri də zaman-zaman tədqiqat obyekti olmuşdur. Dilimizin Kərkük (Q.Paşayev), Çənbərək və Karvansaray (Ş.Kərimov), Təbriz (M.Məmmədli), Böyük Qarakilsə (Q.Bağırov), Meğri (Ə.Əliyev), Zəngibasar (F.Babayev), Basarkeçər (Z.Vəliyev) şivələri tədqiq edilmişdir. Dərbənd dialekti və İraq türkman ləhcəsi AMEA-nın Dilçilik İnstitutunun dialektoloqları tərəfindən geniş şəkildə araşdrlmşdır. Dərbənd dialektinin tədqiqinə Rusiyada da xüsusi önəm verilir. Son dövrlərdə Dağıstan Muxtar Respublikasında bu dialektlə bağlı 10-dan artıq dissertasiya yazılmışdır (N.Q. Hacıyeva, E.B.Təhmə- zova, R.S.Qədirov, A.Ş.Səlimoviç və b.). XX yüzilliyin sonlarından başlayaraq dialektlərin tarixi istiqamətdə tədqiqi genişlənir. Türkologiyada ilk dəfə E.Əzizovun tədqiqatları ilə Azərbaycan dilinin tarixi dialektologiyası müstəqil dilçilik sahəsi kimi təşəkkül tapmışdır. 1999-2016- cı illərdə onun "Azərbaycan dilinin tarixi dialektologiyası" adlı dərs vəsaiti nəşr olunmuşdur. Dialektlərin tarixi inkişafı Ə.Tanrıverdi ("Kitabi-Dədə Qorqud və qərb ləhcəsi"), Ə.Ş.Tahirzadə ("Azərbaycan dialekt və şivələrinin qədim türk leksik-qrammatik elementləri (Şəki rayonunun materialları əsasında"), K.F. Quliyeva ("Quba və Dərbənd dialektlərində qədim türk leksik təbəqəsi"), Q.G.Məmmədova ("Nəsiminin dili və Azərbaycan dili şivələri"), İ.M.Qurbanova ("Azərbaycan dili dialekt və şivə leksikasının etnilinqvistik təhlili"), dialektlərlə ədəbi dilin əlaqəsi N.Qazıyeva ("Azərbaycan ədəbi dili normalarının formalaşmasında dialektlərin rolu") və b. tədqiqatlarında öz əksini tapmışdır. Qarabağ dialekti həmişə alimlərin diqqət mərkəzində olmuşdur. Həmin ərazidə yerləşən şivələr fərdi və monoqrafik yolla öyrənilmişdir. C.Hacıbəylinin "Qarabağ dialekti və folkloru (Qafqaz Azərbaycanı) əsəri 1933-cü ildə Fransada çap olunmuşdur. S.Talıbxanbəylinin Türkiyədə "Azərbaycan yurd bilgisi" məcmuəsində 1933-cü ildə nəşr olunmuş silsilə məqalələrində Qarabağ və İstanbul şivələri qarşılaşdırılmışdır. 2005-ci ildə türk alimi Erdal Karaman "Qarabağ ağızları" mövzusunda dissertasiya yazmış, onun tədqiqatı monoqrafiya şəklində çap olunmuşdur. Qarabağ bölgəsinə daxil olan Füzuli (İ.Məmmədov), Ağcabədi (İ.Quliyev), Ağdam (P.Ağayev), Cəbrayıl (T.Hacıyev), Zəngilan (S.Behbudov), Qubadlı (R.Abbasova) şivələri filologiya üzrə fəlsəfə doktoru dissertasiyası səviyyəsində araşdırılmışdır. Dialektlərin lüğət tərkibinin öyrənilməsi sahəsində də mühüm nailiyyətlər əldə olunmuşdur. Dialekt leksikası ilə bağlı B.Əhmədov, M.Çobanov, Z.Xasiyev, İ.Həsənov, Ə.Hüseynov, G.Vəliyeva, K.Quliyeva, T.Qarayev, M.Zeynalov, Ə.Quliyev, İ.Tahirov, İ.Bayramov, E.Mirzəyev, N.Həsənova və b.tədqiqatları vardır. XXI yüzillikdə dialektlərin leksikasının digər türk dillləri ilə müqayisəli şəkildə öyrənilməsinə zərurət yaranmışdır. Bu baxımdan Zabitə Teymurlunun "Azərbaycan dili dialektlərində və türk ədəbi dillində işlənən ortaq sözlər (2013), Sevinc Qəmbərovanın "Azərbaycan dilinin qərb şivələri və türk dilinin Qars şivələrinin leksikasının müqayisəli linqvistik təhlili" (2017), Qalibə Hacıyevanın "Azərbaycan dilinin Naxçıvan qrupu şivələrinin Güney Azərbaycan və Şərqi Anadolu şivələri ilə fonetik və leksik müqayisəsi" (2017), Əhruz Mahmudovanın "Azərbaycan dilinin Naxçıvan dialekt və şivələrində heyvandarlıq leksikası (türk dilinin Qars şivələri ilə müqayisədə" (2018) adlı tədqiqatları təqdirəlayiqdir. Güney Azərbaycan dialektlərinin tədqiqi. Ədəbi- bədii dil nümunələrindən, dialektoloji materiallardan aydın olur ki, Güney Azərbaycanda dilimizin müxtəlif şivələri mövcuddur. Sovet dönəmində əlaqələrin olmaması Güney şivələrinin öyrənilməsini çətinləşdirmiş, tədqiqat obyektinə çevrilməmişdir. Bu şivələrin tədqiqinə daha çox respublikamızdan xaricdə maraq göstərilir. XX yüzilliyin əvvəllərində Almaniyada K. Foyun Təbriz və Urmiya şivələri haqqında iki məqaləsi çap olunmuşdur (Azerbajganische studien mit einer charakteristik des sudturkischen "Cənub türkcəsinin səciyyəsinə dair Azərbaycan etüdləri"). Bu məqalələrdə Təbriz və Urmiya şivələrinin fonetik, morfoloji və leksik xüsusiyyətləri Ərzurum dialekti ilə müqayisəli şəkildə araşdirilmışdır. Alman alimi H. Ritterin 1921-ci ildə "Der İslam" jurnalında çap olunmuş " Azerbejdschanische Texte sur nordpersischen volkskunde" adlı məqaləsi qısa girişdən, Təbriz və Urmiya şivələrinə aid mətnlərdən ibarətdir. Mətnlərdə bu gün də Güney şivələrində işlək olan səslərin uzun variantları, səs əvəzlənmələri, assimilyasiyanın bəzi tipləri, məsdərin hallanması, hal formalarının bir-birini əvəz etməsi, indiki və qeyri-qəti gələcək zamanlarla, əmr şəkli ilə bağlı maraqlı xüsusiyyətlər öz əksini tapmışdır. M.Əmirpurun "Der Azerbaidschanische dialekt von Schahpur" monoqrafiyası Güney Azərbaycandakı Şapur dialektinə aiddir. Monoqrafiyanın girişində Şapur və Təbriz dialektləri müqayisə olunur, oxşar və fərqli cəhətlər göstərilir. Diqqəti çəkən məqamlardan biri də Azərbaycanın quzey və güney bölgələrindəki dialektlərin birgə təsnif olunmasıdır. Alimin qənaətinə görə, Azərbaycanın hər iki bölgəsində on dialekt qrupu mövcuddur. M.Əmirpur monoqrafiyada Şapur dialektinin daxil olduğu Urmiya qrupunda ahəngin pozulmasını, y səsinin təsiri ilə açıq saitlərin qapalılaşmasını, assimilyasiya hadisələrini Təbriz qrupu dialektləri ilə müqayisə edir. Çünki həmin fonetik hadisələr cənub-şərqi Azərbaycan şivələri üçün də səciyyəvidir. Leksik fərqlərdən danışarkən alim hər iki dialekt qrupu arasındakı fərqləri də göstərir: ana (Təbriz)- nənə (Urmiya), dadaş- böyük qardaş, abacı- böyük bacı, yovurtqatıq, abduğ- ayran, girdəkan- cəviz, bomador- qırmızı badımcan və s. Burada Təbriz qrupuna aid edilən leksik vahidlərlə yanaşı, nənə, qatıx, eyran, qırmızı badımcan leksemlərinin də işlənməsini qeyd edə bilərik. Güney şivələri tanınmış türkoloq G.Dörferin də tədqiqat obyekti olmuşdur. O. İrandakı türk dillərini və Azərbaycan dilinin şivələrini tədqiq eləmiş, onları qruplaşdırmışdır. G. Dörfer xalacı Azərbaycan dilinin dialekti deyil, müstəqil türk kimi səciyyələndirmişdir. Bundan başqa, quzey və güney şivələrini, eləcə də Türkiyə, İraq,

Əfqanstan və Özdəkistandakı türk şivələri ilə müqayisə etmişdir [Doerfer, 1970, 20-30]. İşık Sönməzin tədqiqatı da Almaniyada işıq üzü görmüşdür. Onun araşdırmasında Qarabağ, Muğan və Zəncan şivələrinin materialları qarşılaşdırılmış və əsas xüsusiyyətləri göstərilmişdir. Filiz Kıralın "Das Gesprochene Aserbaidschanisch von Iran, eine Studie zu den Syntaktischen Einflüssen des Persischen" (2001) adlı tədqiqatı da Təbriz dialektinə aiddir. Hazırda Güney şivələri fars dilinin güclü təsirinə məruz qalmışdır. Bu təsir daha çox şivələrin sintaktik və leksik quruluşunda özünü göstərir. F.Kıral fars dilinin Təbriz dialektinin sintaktik quruluşuna təsirini araşdırmışdır. Türkiyədə Güney şivələrinin tədqiqinə xüsusi önəm verilir. Məşhur türkoloq M. Ergin "Azəri türkcəsi" əsərində Təbriz dialektindən də bəhs etmişdir [Ergin,1881]. Lakin müəllifin məqsədi bu dialekti tədqiq etmək olmamaşdır. M. Şəhriyarın" Heydərbabaya salam" poemasının dilini təhlil edən M. Ergin qarşıya çıxan dil xüsusiyyətlərinin yerini müəyyənləşdirmişdir. Tədqiqatdan aydın olur ki, şairin dilində Təbriz dialektinə xas xüsusiyyətlər üstünlük təşkil edir. Alim, yeri gəldikcə, həmin fonetik və morfoloji xüsusiyyətləri müsir türk və Azərbaycan dilləri ilə müqayisə edir, onların mənşəyi barədə maraqlı fikirlər irəli sürür. Mahmud Sarıqayanın tədqiqatı "Güney Azərbaycan türkcəsinin qrameri" adlanır. Əsərdə Azərbaycan yazılı ədəbi dilinin güney qolu araşdırılır. Bu bölgədə ədəbi dil tam formalaşmadığından Təbriz koyne dialekt kimi ədəbi dil funrsiyasını yerinə yetirir. M.Sarıqaya qrammatik xüsusiyyətləri müəyyənləşdirərkən yazılı əsərlərin dilinə əsaslanmışdır. Güney şivələrinə aid mükəmməl tədqiqatlardan biri Bilgehan Atsız Gökdağa məxsusdur [Gökdağ, 2006]. Onun tədqiqatı cənub-qərbi Azərbaycanda yerləşən Salmas şivəsinə aid olsa da monoqrafiyada İran türklərinin mənşəyi,orada Azərbaycan dilində nəşr olunan qəzet və jurnallar, xüsusisilə "Varlıq" məcmuəsinin türklüyün təbliğində rolu şərh olunmuş, türkçülüklə bağlı çap edilən kitabların biblioqrafiyası verilmişdir. Müəllif oğuzların etnocoğrafiyasında ünsiyyət vasitəsi olan dilləri və dialektlərin G.Dörfer, A.Jorma, A.B. Ərcilasun, G.S.Alışık, M.Şirəliyev, E.Əzizov tərəfindən aparılan bölgülərini nəzərdən keçirir, görkəmli türkoloq G.Dörferin mövqeyində dayanaraq, xalacı müstəqil türk dili kimi səciyyələndirir və bölgüyə salınmasını məqbul hesab etmir. Marqalıdır ki, monoqrafiyada İrandakı Azərbaycan dili şivələrinin, qaşqay, sunqur, Xorasan və xalac dillərinin arealı müəyyənləşdirilir, tədqiq tarixi araşdırılır. Monoqrafiyada Salmas bölgəsinin tarixi, cöğrafiyası, islamdan öncə və sonrakı dövrün müqayisəsi, fonetik quruluşun özünəməxsusluqları, yəni sait və samitlər, onların variantları, ahəng qanunu, səs dəyişmələri, assimilyasiya, samitlərin qoşalaşması, səs düşümü və artımı, yerdəyişmə, heca düşümü hadisələri özünə geniş yer almışdır. B.A.Gökdağ və T.Doğanın "İranda türklər və türkçə" [Gökdağ, 2016] kitabında da Güney şivələri barədə geniş məlumat verilir. Kitabda İranda yaşayan türklər barədə qısa məlumat verilir, onların dillərinin səciyyəvi xüsusiyyətləri müqayisə olunur. Azərbaycanlılar, qaşqaylar, sunqurlar, xorasanlılar, xalaclar və türkmənlərin dilinə aid konkret mətnlər üzrə fonetik, qrammatik və leksik özəllikləri müəyyənləşdirilir. T.Doğan Urmiya şivələrini [Doğan, 2010], C.Karini isə Ərdəbil (Xalxal) şivələrini doktorluq dissertasiyası səviyyəsində araşdırmışlar. Güney şivələrinin öyrənilməsində polyak alimlərinin də əməyi vardır. S.Şapşalın 1935-ci ildə Polşada çap olunan kitabı "İran Azərbaycanı türklərinin şifahi ədəbiyyat nümunələri" adlansa da mətnlərin traskripsiya ilə verilməsi, qohumluq terminlərinə və müraciət bildirən sözlərə aid nümunələrin göstərilməsi, işlək sözlərin lüğəti kitabdakı materialların dialektoloji məqsədlə toplanmasını göstərir. Bu kitabda Təbriz, Marağa və Urmiya şivələrinə aid dialektoloji mətnlərdə spesifik fonetik, morfoloji və leksik xüsusiyyətlər öz əksini tapmışdır. Görkəmli türkoloq T.Kovalski Eynalı şivələrinin xarakterik xüsusiyyətləri aşkara çıxarmışdır. Güney şivələrindən bəhs edən mənbələr arasında V.Hauzenholder ilə M.Lütfinin Amerikada işıq üzü görmüş "Basic course in Azerbaijani" kitabı da vardır. Amerika əsgərlərinə Azərbaycan dilini öyrətmək məqsədi ilə daışıq kitabı şəklində yazılan bu əsərdə Bakı və Təbriz dialektlərinin materiallarından istifadə olunmuşdur. Kitab danışıq nümunələrindən, izahlardan və lüğətdən ibarətdir. Burada şəxs kateqoriyasına, -çı leksik şəkilçisinə, -rax,- rəx dərəcə şəkilçisinə, odaha, budaha, nəmənə əvəzliklərinə, şühudi, indiki, qeyri- qəti gələcək zamanların və əmr şəklinin təsrifinə aid nümunələr vardır. Həmin əsərdə Təbriz dialektinə aid edilən incə saitlərdən sonra k səsinin işlənməsinə (sümük, çəkdi, kəklik) və cəpə~cəbhə, əziz ~aşpaz, kalça~xalça, amrut, Arax~Araz, böyüy ata~baba, galazadə~xala oğlu, təhləkəli~təhlükəli, öyrən, sev, yaxşı sözlərinə təbrizlilərin danışıq dilinda sümüx`, çəx`di, kəhlix`,cibhə, aşpaz, xəlçə, əmrut, Araz // Ərəs, böyüy baba, xaloğlu, təhlükəli, ögrən, söv, yaxçı şəklində təsadüf edilir. H.Səliminin " A genrative phonology of Azerbaijani" adlı dissertasiyası da Azərbaycan dilinin fonetik quruluşuna həsr olunmuşdur. Tədqiqat Amerikanın Florida Universitetində yerinə yetirilmişdir. Əsərin giriş hissəsində Azərbaycan dilinin tarixi, türk dilləri arasındakı mövqeyi şərh olunur. Dissertasiyada Azərbaycan dilinin fonetikasından bəhs edən alimlərin tədqiqatları təhlil edilir. Müəllif dissertasiya boyu bu və ya digər xüsusiyyətə öz münasibətini bildirərkən, həmin cəhətin Təbriz dialektində işlənmə məqamlarını da göstərir. Bu da Güney şivələrinin spesifik və qeyri- spesifik fonetik xüsusiyyətləri barədə dolğun təsəvvür yaradır.V.Montelin "İran Azərbaycanının türk dialekti haq qında" məqaləsi Güney Azərbaycanın Zəncan şivəsinə aiddir. Bu məqalə giriş, mətn və lüğətdən ibarətdir. Müəllif bəzi dil məsələlərinin həllində Təbriz dialektinin materialları ilə müqayisələr aparır ki, bu da Zəncan şivəsinin spesifik xüsusiyyərlərinin aşkara çıxarılmasında ona yaxından kömək edir. Bosnalı Sonel Güney şivələrinə fars dilinin təsirini araşdırmışdır. O, Fransada yerinə yetirdiyi doktorluq dissertasiyasında (" Linguistique et Litteraire Turcophone de l`Irani Une etude sociolinguistique") fars dilinin Salmasla müqayisədə Təbriz dialektinə daha çox nüfuz etməsi qənaətinə gəlmişdir. Təbriz dialektinin H.Haneda və Ə.Gəncəli tərəfindən hazırlanmış" Tabrizi vocabularyan Azeri turkish dialect in Iran" adlı lüğəti Tokioda çap olunmuşdur. Kitabın girişində bu dialekt barədə ümumi məlumat verilir, işlənən səslər təsvir edilir. Lüğət təkcə

leksik cəhətdən deyil, fonetik və morfoloji baxımdan da əhəmiyyətlidir. Burada sözlərin tələffüz formaları toplandığından nümunələrdə uzun səslər (bə:rsax~bağırsaq, mi:və, i:rmi, pilo:, çilo:, dö:r), səs əvəzlənmələri (qəzən, əğəş, bəcə~baca, dumən, qapi, tari~tanrı, məşin, qonşi, tuxum, qüm, üşəx, tüssi, hafta, sümüx, yemax, xurax və s.), səs düşümü (dəd~dərd, uva~yuva, qut~qurd, kət~ kənd, tüt~tünd), diftonqvari səslər (böürəx`, douşan, ouc, döürə), assimilyasiyanın müxtəlif tipləri (gözəttəmax, addi~atdı, issi, ənni, bannamax, dannamax, düyünnəmax), müxtəlif nümunələrdə şəxs kateqoriyasının şəkilçiləri (-am,-əm,-san,-sən,-di,-ux,-siz,-dilər) öz əksini tapmışdır. Azərbaycan Respublikasında uzun müddət güneylə əlaqələr olmadığından şivələr tədqiqatlardan kənarda qalmışdır. Buna baxmayaraq, alimlərdən H.Mirzəzadə, M.Şirəliyev, R.Rüstəmov, H.Zərinəzadə, M.İslamov, T.Hacıyev, Q. Paşayev və E. Əzizovun tədqiqatlarında Güney şivələrinə aid qeydlərə rast gəlinir. XX yüzilliyin 80-90-cı illərindən bu istiqamətdə tədqiqatlara başlanılmış, M. Məmmədov Təbriz dialektinin fonetik, morfoloji xüsusiyyətlərindən və lüğət tərkibindən bəhs edən filologiya üzrə fəlsəfə doktoru dissertasiyası yazmışdır [Məmmədli, 2008, 240]. N.Cəfərov yazılı nümunələr əsasında Azərbaycan ədəbi dilinin güney qolunun durumunu araşdırmışdır [Cəfərov, 1990, 153]. Əslən güneydən olan tədqiqatçılar Siyamək Hüseynəlizadə əfşar şivəsinin leksikasını [Hüseynəlizadə, 2014, 26], Əmir Xəlilzadə Güney şivələrində ahəng qanununu [Xəlilzadə, 2010, 26], Hüseyn Xoşbatini isə Güneydə yaşayan azərbaycanlıların dilində işlənən arqoları [Xoşbatini, 2015, 160] filologiya üzrə fəlsəfə doktoru dissertasiyası səviyyəsində tədqiq etmişlər.

1950-ci illərdən sonra müqayisəli-tarixi üsulun geniş tətbiqi, dialektoloji materialların artması, türk dilləri dialektlərindən istifadə edilməsilə əlaqədar olaraq "Azərbaycan dialektologiyasının əsasları" dərsliyi yenidən hazıranıb yazılmalı oldu. "Fonetika", "Morfologiya", "Sintaksis", "Leksika" fəsillərinə ayrılmış dərslikdə ilk dəfə təsviri, müqayisəli və tarixi-müqayisəli üsullardan geniş istifadə olunmuşdur. Azərbaycan dili şivələrinin materialları qədim türk abidələri, müasir türk dilləri və onların dialektlərilə əlaqəli şəkildə şərh edilmişdir. Əsərdəki dialektoloji materiallar üç mənbədən alınmışdır: 1) Müəllifin şəxsən topladığı materiallardan [Səfərli, 2018, 136-143] 2) ayrı-ayrı müəlliflərin əsərlərindən, 3) müəllifin iştirakı ilə toplanmış ekspedisiya materiallarından. Müəllifin şəxsən topladığı materiallar Şuşa və onun kəndləri (1938), Bakı və Bakı ətrafı kəndlər (1939-1940), Naxçıvan şəhəri və Babək rayonunun Nehrəm kəndi (1941), Qazax (1942), Gəncə (1943), Ağdam rayonlarından topladığı geniş materiallardan ibarətdir. Ayrı-ayrı müəlliflərin əsərləridir ki, bu əsərlərin bir qismi çapdan çıxmış, bir qismi namizədlik dissertasiyası kimi müdafiə edilmiş və əlyazma şəklində Azərbaycan Dövlət Universitetinin kitabxanasında saxlanılmış materiallardır. Buna N.İ.Aşmarin, M.İslamov, R.Rüstəmov, İ.Hacıyev, B.İbrahimov, K.Ramazanov, T.Həmzəyevin elmi araşdırmaları cəlb edilmişdir. Üçüncü mənbə 1945-58-ci illər arasında ASSRA-nın Nizami adına ədəbiyyat və dil institutunun ekspediyasının Zaqatala, Qax, Sabirabad, Əlibayramlı, Naxçıvan, Ordubad, Əlibayramlı, Ağstafa, Tovuz, Qazax, Borçalı rayonlarından, S.M.Kirov adına Azərbaycan dövlət Universitetinin dialektoloji ekspediyasının Şamaxı, Mərəzə, İsmayıllı rayonlarından topladığı materiallar təşkil edir [Aksoy, 1945, 5]. Azərbaycan dilinin dialekt və şivələrinə az hallarda inqilabdan əvvəldə də rast gəlirik. Mirzə Kazım bəyin Qazan şəhərində çap etdirdiyi "Грамматика турецко-татарского языка" (1839) adlı əsəridə ilk dəfə Quba və Dərbənd şivəsi üçün səciyyəvi olan indiki zaman şəkilçisi qeyd edilmişdir. Alman alimi Karl Foyun 1903 və 1904-cü illərdə Berlində çıxan "Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen" məcmuəsində nəşr etdirdiyi "Azerbajganische Studien mit einer Charakteristik des Südtürkischen" adlı məqaləsində Cənubi Azərbaycan və xüsusən də Təbriz və onun ətraf əraziləri barədə məlumat verilmişdir [Aksoy, 1945, 15].

Ədəbiyyat

Aksoy Ö. A. Qaziantep Ağzı, I, İstanbul: 1945. 140 s.

Cəfərov N. Q. Cənubi Azərbaycanda ədəbi dil normaları, üslublar. Bakı: Elm, 1990. 153 s.

Doerfer G. Khalag and Relation to the other Turkıc languages// ТДАУ - 77, Belleten, Ankara, 1970. 20–30 s.

Ergin M. Azeri Türkcesi. II baskı. İstanbul, 1881. 256 s.

Gökdağ B. A. Salmas ağzı (Güney Azerbaycan Türkçesi üzerine bir inceleme). Çorum: 2006. 412 s.

Gökdağ B. A.,T. Doğan. İranda Türkler ve Türkçe. Ankara, 2016. 580 s.

Hüseynəlizadə S. Y. Azərbaycan dilinin əfşar şivəsinin lüğət tərkibi. Fil.üzrə fəl. dok. dis. avtoreferatı, Bakı, 2014. 26 s.

Xəlilzadə Ə. O. İran Azərbaycan dialekt və şivələrində ahəng qanunu. Fil. üzrə fəl. dok. dis. avtoreferatı, Bakı, 2010. 26 s.

Xoşbatini H. Azərbaycan dilində arqolar. Bakı: Elm və təhsil, 2015. 160 s.

Məmmədli M. Ə.Azərbaycan dialektologiyası. Dərslik. Bakı: Zərdabi LTD, 2019, 352 s.

Məmmədli M. Ə. Azərbaycan dilinin Təbriz dialekti. Bakı: Zərdabi, 2008. 240 s.

Səfərli A. M. Məmmədağa Şirəliyevin "Azərbaycan dialektologiyasinin əsasları" dərsliyində türkmən dialektinin özünəməxsus xüsusiyyətlərinin əksi // Uluslararası Türk Lehçe Araştırmaları Dergisi (TÜRKLAD) Türkiye. Aralık (dekabr) 2018, 2.cilt, sayı 2. 136–143 s.

Şirəliyev M. Ş. Azərbaycan dialektologiyasının əsasları. Bakı: Şərq- Qərb, 2008, 416 s.

Talip Doğan. Urmiye ağızları (doktora tezi). Kırıkkale, 2010. 535 s.

Ширалиев М. Ш. Диалекты и говоры азербайджанского языка. Баку: Элм, 1983. 196 с.

© Сəфəрли А., 2022

УДК *811.161.1’373.215(470.11)*

Теуш О. А., Россия, г. Екатеринбург
Уральский федеральный университет
им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, преподаватель

МАГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО УРАЛЬСКОГО ДОМА В ТРАДИЦИОННОЙ УРАЛЬСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье освещаются социокультурные установки уральских жителей, отражающие представления о магических локусах в жилище. На основе идеографического, этимологического и ономасиологического анализа диалектных слов выявляются и определяются положительные и отрицательные коннотации, интерпретируются способы выражения экспрессии.
Ключевые слова: *Урал, жилище, национальная культура, лексика, идеограмма, этимология, коннотация.*

Teush O. A., Russia, Yekaterinburg
Ural Federal University named after The First
President of Russia B. N. Yeltsin, teacher

THE MAGIC SPACE OF THE URAL HOME IN THE TRADITIONAL URAL LANGUAGE CULTURE

The article highlights the socio-cultural attitudes of the Ural residents, reflecting ideas about the magical loci in the home. On the basis of ideographic, etymological and onomasiological analysis of dialect words, positive and negative connotations are determined, and the exposing ways of expression are interpreted.
Keywords: *Ural, home, national culture, vocabulary, ideogram, etymology, connotation.*

Традиционная культура Урала является отражением национальной культуры русского народа в целом. Сложившийся опыт магических практик отражается лексической системой языка, идеографической классификацией фрагмента действительности, внутренней формой лексических единиц. Анализ происхождения репрезентантов идеограмм, связанных с магическими действиями и формирующих поле «Дом», позволяет выявить ключевые признаки, использованные жителями Урала для характеристики внутридомовых объектов, а также описать оценочные доминанты, реализованные во внутренней форме лексем.

Потолочная балка, являющаяся опорным брусом крыши дома (литер. *ма́тица* [ТСРЯ, 2008, 433]), в уральских диалектах носит название *ма́тка* (Ср.-Ур.: Полев., Реж., Таб.) [СРГСУ, 1971, 120].

Как центральный элемент крестьянской избы матица является не только опорой строения, но и считается несущим элементом крестьянского жизненного уклада. Знахари, произнося заговоры в доме, обращаются именно к матице: *«Матица-потолок, бери на чертополох, денную, ночную и полуночную. Чтобы не было век по веки, о тын до веку. Аминь, аминь, аминь. тридевяти аминь, тридевяти аминь, тьфу, тьфу, тьфу»* (Алап., д. Косякова) [ТКУ, 2000, 72]

При проводах на службу в армию в потолочном брусе укрепляется уходящим монета: *«Традиция еще какая была. Пятак или трёхкопеечный медяк вбиваешь вот в эту матку с ленточкой. Прямо в матку, пока он* [рекрут] *служит, вот там у нас всё заметка в той матке. Вот он вбил, это примета была – обязательно вернется в сохранности»* (Реж., с. Липовское) [ТКУ, 2000, 32].

При сватовстве местом переговоров между сватами и семьей невесты является пространство под матицей: *«Вот я поехала свататься, мне и наказывают: «Садитесь, – говорит, – под матку, чтобы высватать невесту-ту»* (Ирб., Скородумское) [ТКУ, 2000, 32]; *«Приходят сваты к невесте в дом… Приходят в избу свататься. Он* [сват] *садится под матку и она* [сваха]. *Вот таким вот образом. И начинают разговор. Ногой достает стенку и под маткой сидит. Всё. Если уж она достанет ногой стенку, значит, высватают, не достанет, не высватают»* (Байк., д. Ляпуново) [ТКУ, 2000, 33].

Брус, идущий по гребню крыши и скрепляющий ее скаты (*о́хлупень* (Ср.-Ур.: Центр., Вост.; Кр.-Уф., Н.-Тур., Сукс., Таб.)) имел магические «запирающие» функции: *«Один знающий-от был этот колдун-от. Умирать-то начал, дак трои сутки маялся-маялся и говорит: «Охлупень с дому снимите». Это вот наверху-ту уж это закрывается всё – охлупень-от. Дак охлупень с крыши снимали, чтобы ему умереть-то»* (Ирб., д. Пьянково) [ТКУ, 2000, 33].

Поперечный брусок, закрывающий отверстие между дверью и полом, являлся границей дома, которая должна была охраняться от возможных враждебных действий: *«Жениха испортили… А потом они поехали к лекарю. Он им сказал: «Уберите соль из-под порога. У вас соль насыпана под порогом»* (Алап., д. Деево) [ТКУ, 2000, 33].

Собственное бытие было у деревенской печи: *«Раньше бывало что? То печь бежит, то свинья бежит»* (Алап., д. Косякова) [ТКУ, 2000, 50]; *«Раньше свиньи бегали ночью по деревне. Печь бегала, затоплена печь бежит по деревне. На Новый год… То ли мерешшило, то ли что»* (Алап., д. Деево) [ТКУ, 2000, 50]. В пространстве между стеной дома и печью, по поверьям, обитала *букари́ца* (*«Букарица дома за печкой си-*

дит») [ТКУ, 2000, 147]. Название этого мифологического персонажа связано с общерусск. *бу́ка* ‘фантастическое страшное существо, которым пугают детей’ [ТСРЯ, 2008, 65].

Для того, чтобы печь имела охранные функции *(«На пече спасаются, говорят»* [ТКУ, 2000, 33]), по окончании кладки печи на нее запускали собаку: *«На пече, ежели, говорят, собака не побывать, дак не запустит это … нечистого»* (Сл.-Тур., д. Замотаева) [ТКУ, 2000, 33].

В медицинской магии использовалась вода, которой обливали элементы печи («Все четыре уголка [у печи] возьмут и ополоснут в эту кружку. И потом придут к целушку [устье печи]. На целушко льют и в кружку набежит. И потом от этой водой ребенка моют» (Байк., д. Власова) [ТКУ, 2000, 71]). Печная зола применялась при гадании: *«Костей в печь набросают, они перегорают, так натолкут их да в блюдце насыпят, да воды нальют стакан, да поставят на эти кости, кого смотрели, я откуда знаю»* (Ирб., д. Килачевское) [ТКУ, 2000, 103].

Печная лучина, которую применяли для розжига, считалась крайне плохим знаком при гадании с использованием печенья: *«Только боялись, как бы с лучинкой* [в печенье в виде креста] *не попала, а то помрёшь. А кому там со льном попадёт – лён засевать* [= начинать сев], *кому пшаница – пшаницей засевать…»* (Алап., д. Санкино) [ТКУ, 2000, 107].

Посуда, которую использовали при приготовлении пищи, обладала способностью не подчиняться хозяевам: *«И потом начало все лететь. Все горшки, все черепки полетели. Вызвали милицию. И в милицию полетели горшки. Раньше больше всё было, глиняная посуда-та … все эти горшки, и всю ночь. Вот так проделывали. Потом милиция ничё не могли сделать»* [ТКУ, 2000, 148].

Помимо прямой функции (сосуда для пищевой готовки) посуда применялась при гадании о будущем замужестве.

Печной ‘расширяющийся книзу удлиненный глиняный горшок’ – *кри́нка* [ТСРЯ, 2008, 380] – в зависимости от содержимого при случайном выборе незамужней девушкой являлся предметом, с помощью которого определяли профессиональный статус будущего мужа: *«У нас вот мама дак сама кринки вот подставит. Тут хлеб поставит, тут соль поставит, тут, может, уголь поставит, тут чё-нибудь ишо поставит. Вот какую кринку схватишь. Вот схватишь, где уголь, дак у тебя мужик угольщик будет, а хлеб схватит, дак хлебороб будет… В сенки выйдут. И вот заходите и берите, кто какую кринку схватит»* (Кушв., д. Верхняя Тура) [ТКУ, 2000, 98]; *«В Святки-то мы к баушке одной ходили, убежим на улицу, она нам на лавку-то наставит кринок-то, если хлебный жених будет – дак хлеба положит, пьяница – ак воды поставит стакан, то зерна, ну чё-нибудь наставит. Мы прибежим, кто какую кринку схватим и смотрим»* (Кушв., д. Баранчинский) [ТКУ, 2000, 32].

В той же функции (гадание о замужестве) использовалась *ла́тка* ‘глиняная посуда в виде овальной сковороды с высокими краями, для жаренья пищи; жаровня’ (Сев., Центр.; Н.-Тур., Сл.-Тур., Сукс., Туг., Тур.) [СРГСУ, 1971, 83]: «*Латку одевали на голову. Повертят, повертят да отпустят. Куда побежишь – туда замуж пойдёшь»* (Алап., Останино) [ТКУ, 2000, 99].

В качестве посуды для напитков применяли *чаруху*. Это слово не засвидетельствовано в диалектных словарях, однако значение выводится из развернутого рассказа о гадании: *«Раньше чарухи были, чашки, такие жо деревянные чарухи были. Вот это вот кладут. Вот так закрываем. Одна женщина сидит, вот она выметывает* [= встряхивает чашу]. *Вот песни поют. И вот какое колечко или пуговка достанется. И этой девушке колечко подаёт. Эта песенка тебе досталася, это тебе и колечко. Вот так и делали Рождеством всё»* (Верх., д. Заимка) [ТКУ, 2000, 115]. Лексема *чаруха* производна от *ча́ра* ‘небольшой сосуд для питья вина’ [ТСРЯ, 2008, 1083].

‘Деревянная кадка, кадушка для теста’ – *квашня́* [ТСРЯ, 2008, 332] зимой использовалась при попытках выяснить имя будущего мужа: *«Возьмут квашонку, накладут снегу и мешают. Она мешат, мешат и слово. Как у её будут мужа звать или кавалера»* (Кушв., д. Верхняя Тура). В той же функции применялась *мутóвка* ‘палочка с разветвлениями на конце или со спиралью для взбалтывания или взбивания чего-нибудь’ [ТСРЯ, 2008, 467]: *«На стрелке* [= на перекрестке] *приходят девки ворожить. Берут мутовку. И на стрелке-то тут начинают мешать, чё эта мутовка говорит»* (Реж., д. Клевакинская) [ТКУ, 2000, 107]; *«Мутовкой ворожили. Ране-то большие мутовки были. Мутовку возмёшь и на снегу-то ей кружишь. А девки: «Какое тебе имя жениха говорит?» Но и кто кого вздумает, тот того и скажет. Мутовка-то чё, одно скрипит одноко* [= одинаково], *а дуришь бегашь, хохочешь это… «Ой, девка, тебе Василья, Василья сказала!»* (Алап., д. Раскатиха) [ТКУ, 2000, 107].

Из предметов хозяйствования «гадательным» являлось *луко́шко* ‘решето, из которого разбрасывают зерна при севе вручную’ [СРГСУ, 1971, 104] (производно от др.-русск. *лоукъно* ‘кадочка, лукошко’ праславянского происхождения [ТСРЯ, 2008, 418]): «*Молодяжник* [= молодежь] *ведь ходит ночью-то. Лукошко катится. А имя ведь любопытно. Они за ним побегут, побегут. Она успет, укатится*» (Сл.-Тур., д. Пушкарево) [ТКУ, 2000, 49]; *«Ране-то была какая-то у нас, говорили, то ре-*

шето, то лукошко катится. То свиния в обутках [= обувь] *ходила… Ну это будто вражна»* (Сл.-Тур., д. Пушкарево) [ТКУ, 2000, 49].

Одним из предметов, которые не «урочатся» (то есть, не подвергаются действию «дурного глаза», «порчи» [СРГСУ, 1987, 133]), является ложка, что обуславливает использование ложек в различных магических практиках: *«А ложки-то чё. Они ведь не урочатся, им ничё не делатся. То ли приговорила, то ли кого она сделала.* [– Ложки не урочатся? А почему?] *Потому что они – железо. А она умыла из этой чашки* [где были помыты ложки]. *Парнишка сразу реветь не стал»* (Ирб., с. Скородумское) [ТКУ, 2000, 29]; *«Кашу ячневу сварят, съедят, а потом мать ложку, какой ела, за себя бросат. «Мальчиком» кверху упадёт – мальчик будет, «девочкой» – девочка»* (Туг., Шелконогова) [ТКУ, 2000, 107].

В целом, количество объектов уральского крестьянского домашнего хозяйства, вовлеченных в магические практики, довольно существенно. Дом является не только зданием для жилья, но и оракулом для его жителей.

Литература

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1–7. Свердловск: Средне-Уральское Книжное издательство; Издательство Уральского университета, 1964–1988.

ТКУ – Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Вып. 5. Магия и знахарство. Народная мифология. Екатеринбург: Свердловский областной Дом Фольклора, 2000. 172 с.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. 1175 с.

Сокращения

1. Географические названия:
Алап. – Алапаевский р-н Свердловской обл.
Байк. – Байкаловский р-н Свердловской обл.
Верх. – Верхотурский р-н Свердловской обл.
Вост. – восток Среднего Урала
Ирб. – Ирбитский район Свердловской области
Кр.-Уф. – Красноуфимский р-н Свердловской обл.
Кушв. – Кушвинский район р-н Свердловской обл.
Н.-Тур. – Нижнетуринский р-н Свердловской обл.
Полев. – Полевской район р-н Свердловской обл.
Реж. – Режевской р-н Свердловской обл.
Сев. – Север Среднего Урала
Сл.-Тур. – Слободотуринский р-н Свердловской обл.
Ср.-Ур. – Средний Урал
Сукс. – Суксунский район Пермской области
Таб. – Таборинский р-н Свердловской обл.
Туг. – Тугулымский р-н Свердловской обл.
Тур. – Туринский р-н Свердловской обл.
Центр – Центральный район Среднего Урала
2. Языки и диалекты:
др.-русск. – древнерусский язык
3. Прочие:
д. – деревня
литер. – литературное
с. – село

© Теуш О. А., 2022

УДК *81.373 (2 каз)*

Турдалиева Э. Д., Казахстан, г. Алматы
Академия логистики и транспорта, старший преподаватель

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д. ИСАБЕКОВА

В статье рассматриваются морфологические конструкции, которые играют важную роль в плане стилевого употребления. Морфологические средства в отличие от лексических являются употребительными во всех стилях, жанрах и формах языка. Однако квантитативно-статистические исследования показывают, что грамматические средства также участвуют в создании особенностей функциональных и авторских стилей. Это выражается в двух моментах: во-первых, в разной степени частоты употребления тех или иных форм в разных стилях и, во-вторых, в связях значений отдельных форм с тем или иным функциональным стилем, с его спецификой. Исследование показывает, что в произведениях казахского писателя Д.Исабекова категории числа и склонения существительных обладают определенными стилистическими возможностями.

Ключевые слова: *морфологическая конструкция, стилевая группа, точная интерпретация, грамматические особенности, литературный язык.*

Turdaliyeva E. D., Kazakhstan, Almaty
Academy of Logistics and Transport, Senior lecturer

MORPHOLOGICAL STYLISTIC FEATURES OF D. ISABEKOV'S WORKS

The article discusses morphological constructions that play an important role in terms of stylistic use. Morphological means are different from lexical ones in all styles, genres and forms of the language. However, quantitative and statistical studies show that the grammatical framework is also involved in the creation of special functional and author's styles. It is expressed in two moments: first, in different steps, a part of the study of technologies or other forms in different styles, and second, in connection with the importance of individual forms with this or that functional style, with its specification. The study shows that in the works of the Kazakh writer D.Isabekov, the categories of numbers and declensions of nouns have certain stylistic possibilities.

Keywords: *morphological construction, style group, exact interpretation, grammatical features, literary language.*

Морфологиялық құрылыс стильдік қолданыс тұрғысынан сөздік қормен салыстырғанда біршама бейтарап екені анық. Өйткені морфологиялық құрылыс стильдік топтардың қай саласына да бірдей, барлығына тән. Сондықтан сөз таптарының немесе сөз тудырушы аффикстер мен сөз өзгерту тәсілдерінің бір-бірінен оқшау қолданылу сырлары анық байқала бермейді [Балақаев, 2005, 147].

Жеке сөз таптарының өздеріне ғана тән категорияларының ішінде сөз қолданыстың белгілі бір заңдылығы қалыптасқан. Осы ретте көптік жалғауларының қолданылу заңдылығын еске алу қажет болады. Көптік жалғаулары ең алдымен көптік ұғым туғызу үшін қолданылатыны белгілі. Өз табиғатында жекелік ұғымға негізделген сөздер көптік жалғаулар арқылы көптік мән алады (үй-үйлер, жазушы-жазушылар т.б.). Қазақ тілінде кей сөздер сол күйінде, қосымшасыз-ақ көптік мағына бере алады. Бұлар көбіне топталған, жинақталған заттардың атауы, мысалы, шаш, қас, кірпік, тары, бидай, айран т.б. Бұл сөздерге мағыналық тұрғыдан көптік жалғаудың ешбір қажеті жоқ. Бірақ кейде жазушы не автор өз ойын тұспалдап жеткізу үшін жинақтаушы зат атауларына көптік жалғау жалғап та қолданады. Бұндай реттерде зат атаулары өзінің тура мағынасында емес ауыспалы мәнде айтылады, көп жағдайда жансыз жандыға айналады. Бұл тәсіл. Мысалы: *Бөлімше де жаңа өмірге шұғыл бет бұрды. Керолин сасыған бағаналар кір көшелерді қаздаң қағып аралап кетті, тартылған сымдар әр үйдің бұғатынан кіріп, төрінен шықты.*

Сол жылы бөлімше тұрғындары магазиндегі телевизор атаулыға қырғындай тиіп, бас аяғы төрт-бес айдың ішінде әр үйдің төбесіне қалқиып мұнаралар өсіп шықты [Исабеков, 2002, 96]. Жазушы бағана, сым, мұнара сөздерін көптік жалғауынсыз да қолдана алады, бірақ, онда заттық мағына айқын болмас еді.

Жинақтық мәнді зат есімдерге көптік жалғауларын қосып қолдану кеңсе стилінде немесе ғылыми әдебиеттер стилінде кездесе бермейді. Кейде көптік жалғау заттың көптігін білдіру үшін қолданылмай, оның көп кісіге ортақтығын, теңдігін, қатыстылығын білдіруі үшін де айтылады [Балакаев, 2005, 150]. Мысалы:

«Обал боп жүр екен,- деді бастық оның көрсеткіштерімен түгел танысып шыққан соң. – Осындай адамдарды неге байқамаймыз, неге еске салмайсыңдар!» [Исабеков, 2002, 65]. Сөйлем құрамындағы көрсеткіштері мен салмайсыңдар сөздері көптік жалғаулы болғанымен, мағынасы жағынан бірдей емес. Алдыңғы «көрсеткіштерінде» сөзінде оның тоқсан сайынғы, жыл сайынғы қорытындыларының көптігі еске алынатын болса, «салмайсыңдар» деген сөздің бір адамға ғана арналып айтылуы емес, көп адамға қаратып айтылу екендігін түсінуге болады.

Сөз қолданыстың бұл түрі тек көптік жалғауларына ғана тән емес. Тіліміздегі басқа да көптік тұлғаларға тән жайт. Мысалы: *– Иә, не дедік? – Аман-есен жүрсің бе, иттің күшігі дедік* [Исабеков, 2002, 67]. Бұл сөйлемдегі дедік көмекші етістігі арқылы берілген көптік мағына да сондай мәнде айтылған.

Егер сөйлем ішінде бірыңғайлас зат атаулары қатарынан бірінен соң бірі айтылатын болса, сөз жинақы, түсінікті болу үшін көптік жалғауы олардың ең соңғысына ғана жалғанады. Мысалы: - *Оның үстіне өткен жексенбіде Шымкенттен вокальды-инструментальды ансамбль кеп концерт қойып, бұл да директордың, бас агрономның, бас зоотехниктің әйелдерімен бірге бірінші қатарда қалып қойды* [Исабеков, 2002, 85]. немесе – *Көп ұзамай «процесс» басталып кетті. Сахнаға Кемпірбай*

шыққанда жұрт бір гу етті де, алдыңғы екі қатарды жайлаған құлағы ауырлау кемпір-шалдар көздеріне жас алды [Исабеков, 2002, 71]

Алайда, аталған заттардың әрқайсысын мағыналық жағынан даралап, әрқайсысының көптігін баса айту қажет болғанда көптік жалғауы жеке-жеке жалғанады. Мысалы:

Ақыры Кемпірбайдың амалы таусылып, жайылып жүрген сиырлар мен осы жерде тұрған адамдарды қосып бір боқтайды да, акт деген сұмдыққа қол қояды [Исабеков, 2002, 72].

Көз, құлақ, аяқ, бет қабақ тәрізді зат аталуарының көптік жалғауында қолданылуы айырықша стильдік мән алады. Бұларды көптік жалғауынсыз қолдану – қазақ тілінің замандар бойы қалыптасқан заңдылығы. Қазақ көз дегенде біреуін ғана емес, екеуін де еске алады. Алайда, қазіргі әдеби тілімізде мұндай сөздерді көптік жалғауда қолдану мағына айқындығы, ой саралығы үшін қажет тәсіл есебінде қалыптасып бара жатыр. Мысалы: *Магазиндер мен қоймалардың көздеріне қос көрініп, дембіл-дембіл аспанға мылтық атыла бастады.*

Көптік жалғау жалғанған жалқы есімдер есім иесінің көптігін білдірмей, сол және соның айналасындағылар, қасындағылар дейтін ұғымды білдіреді. Мұндай сөз қолданыстың басты мақсаты-оның жинақы болуын және аты аталған кісіні оның айналасындағылардан, қасындағылардан бөлектеп, даралап айту. Мысалы: *«Міне, өмір деп соны айт! Ал менің жүрісім болса мынау – қайдағы бір Сексенбаев, қайдағы бір Елеместермен ерегісіп»* [Исабеков, 2002, 112].

Сөз жүйесінде септік жалғаулары да айырықша көңіл аударуды қажет етеді. Өткені олар тек сөз бен сөзді байланыстырып қоймайды, жалғанған сөзге қосымша мән де береді.

Айырықша көңіл аударатын септік жалғауларының бірі – ілік септігі. Оның жалғаулары бірде айтылады да, бірде түсіп, айтылмай қалады. Бұл тек грамматикалық құбылыс емес сөз қолданыспен ұштасатын ерекшелік. Ілік септіктерінің қосылып не түсіріліп айтылулары мынадай реттерде болуы мүмкін:

1. Ілік септік жалпының жалқыға, бүтіннің бөлшекке қатысын білдіретін реттерде түсіріліп айтылуға бейім болады. Мысалы: «Молдабай ұйықтап жатқан шығар, енді *түн ішінде* оны не деп оятамын», «Ол өзіне таныс *қорғанның алдына* келіп түсті де, *дарбаза ағашына ат шылбырын* байлай салып, *қақпа есігін* сықырлата жаймен итерді» немесе «Арада бір-екі ай өтті. Қарекең *құдасының аулына* баруға әлденеше рет тәуекел етті» [Исабеков, 2002, 26]. Осындағы түн ішінде, дарбаза ағашына, ат шылбырын, қақпа есігі –деп қолдану әрі жинақы, әрі қалыптасып қалған норма. Олардан сөйлемнің ешқандай сәні де, мәні де кетіп тұрған жоқ. Ал соңғы сөйлемдегі құдасының аулына деген сөз тіркесіндегі ілік септігінің жалғауын түсіріп айтса, сөйлем қиыспайды.

2. Ілік септіктегі сөз конкретті меншікті білдірмей, абстрактылы немесе ұжымдық қатынасты білдірген жағдайда: мысалы, ... о ақымақ-ау, ит-ау, соны көре-біле тұра мына *Ерғабылдың ісін* қарашы енді. (Шалдар). «Жолдастық *сот мүшелері* мен арыз иесі Отар, куәгерлер Орысбай, Мүсір, Кемпірбайды ұстап қалды.», «*Колхоз бастығы* он күннен кейін Москвада өтетін бүкілодақтық *мал шарушалығы* мамандарының конференциясына *колхоз атынан* екі делегат жіберу мәселесімен келіпті.» (Ақырамаштан наурызға дейін). Бұл сөйлемдердегі ілік септік жалғаулы конструкциялар нақтылы мақсаттармен айтылған.

3. Күрделі атаулардың құрамында ілік жалғаулары бірнеше рет қайталанатын болса олардың біреуі ғана толық айтылады да, қалғандары түсіріліп айтылады. Мысалы: «Мелден Желдібаев – *Қазақстан тері өңдеу өнеркәсібінің* негізін қалаушы» – деп жазылды. «Шешім қабылданған соң Алматыдағы *Суретшілер одағына* құлаш-құлаш хаттар жолданып, «осылай да осылай, бізге жақсы бір мүсінші жіберіңіздер» деген өтініш айтылды» [Исабеков, 2002, 157]. Мұндай күрделі атаулардағы ілік жалғауының түсіріліп айтылуы қазіргі тілімізде нормаға айналып кеткен.

Қазіргі кезде тілде ілік жалғаулы конструкцияға –лық, –лік аффиксімен келген тіркестер мәндес болып келеді. Мұндай сөз қолданыс – әдеби тілдің кейінгі дамуының жемісі.

Барыс жалғауы іс бағытталған, арналған жанама объект мәнінде, кейде жатыс жалғауымен синонимдік қатар құрады. Барыс тұлғасының жатыс тұлғалы сөздермен жарыса қолданылуы статикалық күйді, қалыпты білдіретін етістіктермен тіркесіп келгенде де байқалады.

Барыс септік жалғауының морфологиялық көрсеткіштері буын, үндестік заңы бойынша түбір сөздің соңғы буыны мен соңғы дыбысының ыңғайына қарай өзгеріп отырады. «Осыдан бірнеше жыл бұрын, тіпті баяғы заманда деп айтуға болады, Ережеп қатты *аварияға* түсіп, аузындағы алты тісін сындырып алды».

Сонымен бірге қазақ тілінде барыс септікті меңгеруді талап етіп тұратын шылаулар көп кездеседі. Д. Иабеков шығармаларында соның ішінде қарай, қарап, қарағанда сияқты шылаулары көп кездеседі. Мысалы: «Директор, парторг, рабочком үшеуі *бір-біріне қарап* қойды да, мәселенің төркінін түсінгендей жеңіл бір күрсініп алды». «Сөйтіп екеуінің арасындағы араздық татуласудың барлық перспективаларын аттап өтіп, антагонистік *қайшылыққа қарай* бағыт ала берді». Барыс септікті демеулік шылаулар өзінен бұрынғы сөздердің көбінесе сан есім болуын керек етеді. Мысалы: «Бөлімшенің қыруар фермалары бар МТМ-сы бар, магазин, монша, клуб, байланыс бөлімшесі, тағы басқа толып жатқан әкімшілік-шаруашылық орындары бар, *жүз елуге жуық* түтіні бар». Барыс жалғаулы сөзді меңгеріп келетін демеулік шылаулар өзінен бұрынғы барыс септікті сөзбен тіркесе келіп, сөйлемнің бір-ақ мүшесі болады. Мысалы: «Дер кезінде ақшасы төленбесе, ол үйдің жарығы кесілетінін және *бір айға шейін* электр энергиясын пайдалану правосынан айырылатынын ескертті».

Барыс септік жалғанған сөздер белгілі бір істің, қимылдың байланысын, оның мекендік орнын көрсетеді. Осы мағынасы шығыс септіктің мағынасына қарама-қарсы болады. Мысалы: «Май-май темір *столға* маңдайын қойып, Жұмат қалғып отыр екен.».

Мезгілдік мәнді зат есімге жалғанса, оның мезгілдік мағынасы анықтала, тұжырымдала түседі. Мысалы: «Күрес *көпке* созылған жоқ».

Бағытты, бет алысты көрсетеді. Мысалы: «Ол топтан шығып, үйіне қарай беттеді».

Есімше мен тұйық етістікке барыс жалғауы жалғанса, бет алыстың мақсатын, себебін білдіріп не үшін деген сұрауға жауап береді. Мысалы: «Кино *басталуға* он минуттай қалған кез».

Барыс жалғау кімге? неге? деген сұрауларға жауап бере отырып, сөйлемде толықтауыш мүшесі болады. мысалы:

– Түу, сендер де бүгін ғана жеттіңдер ме! Өй қошақандарым! – деп ол орнынан тұрып, балашағасына қарай қозғалды.

Қазақ тілінде бірде сөз табыс жалғауымен келеді де, бірде табыс септік мәнді болса да жалғаусыз айтыла береді. Мысалы: Сен менен *ақша* алған кезде бір тіс елу сом болатын, қазір жүз сом.

Бірақ барлық уақытта табыс жалғауын қосып айтуға бола бермейтіні анық. Мына реттерде жалғаусыз айтуға болмайды: а**)** кісі аттары: Ақшаны бергізгенде де, қарызды қайтып алғанда да әкімшілік қысым көрсетілді деп Елемес *Ережепті* көрсе не сегіз жүз сом, не сегіз тіс даулады, одан қала берді, бір кездегі авариянің құпиясын ашып қойды деп Ержеп *Елеместі* кінәлады. ә) жіктік не сілтеу есімдіктері: Ережеп *оны* осы маңнан тосты. Сонда сен ғой *мені* көрсеткен, солай ма?

Екінші жағынан, табыс жалғауын әр уақытта қосып айтуға бола бермейді. Бұл ең алдымен, бір ғана ырғақпен айтылып, қалыптасып кеткен сөйлемдер құрамында жиі кездеседі: – Касса жақты қарап келіңдерші, кім *ақша* алып жатыр екен?-деді директор. Сегіз *тіс* қайтар дегенің қай сасқаның? Осындағы табыс септіктерінің түсіріліп айтылуы сөйлемге ешқандай нұқсан келтіріп тұрған жоқ. Қазақ тілінде табыс септік жалғауының кейде барыс тұлғасымен жарыспалы қолданылуы да кездеседі. Машинаны түске дейін айнадай қып жуып, ішін әбден тазалады. Кешкілік *екі қызды* өзі есік ашып артқы орынға, әйелін өз қасына жалғастырды. Осындағы екі қызды деген сөзді екі қызға деп екі түрлі айтып жазу салты қазақ тілінде бұрыннан бар. Әдеби нормаға жақын түрі, әрине барыс жалғаулы түрі, сондықтан жоғарыдағыдай нәрселерді нормадан аздап ауытқу түрі деп қабылдау керек.

Шығыс жалғау мынадай мағыналық мәнерлерде қолданылады. 1) заттың неден істелгенін білдіреді: *Темір* тіс салдыруға арланды**,** *алтыннан* салдыруға ақша ақша жоқ, үндемей жұмысын істей берді. 2) нәрсенің шығар көзін білдіреді: 3) Іс-әрекеттің шығатын, таралатын мекенін білдіреді: Конференцияға бес күн қалғанда, совхоз директорының есіне Ережептің алты бірдей тісі жоқ екені есіне түсіп, *орнынан* атып тұрды. 4) Іс қимылдың пайда болу, таралу мезгілін, уақытын білдіреді: *Бес күннен* соң конференция. Сен сөз сөйлеуің керек. Дегенмен халық тілінің практикасында шығыс септігінің де түсіп қалып айтылу кездеседі. Әдеби тілде екеуі де жарыса қолданылады. Бұл екі тәсілдің арасындағы айырмашылық, шығыс септік жалғауы заттың неден істелгендігін білдіріп сөзге логикалық екпін береді, егер мұндай даралау қажет болмаса, олар шығыс жалғауынсыз айтыла де жазыла да береді. Шығыс септік жалғауының мезгілдік мәнде жұмсалуы қарапайым сөйлеуде, эпистолярлық қағаздарда, сондай-ақ көркем әдебиет шығармаларында жиі кездеседі. Шығыс тұлғасы мезгіл-уақытты дәл көрсетіп, тұтас бір кезеңді, мол уақыт мөлшерін көрсетеді.

Көмектес септік, негізінен іс-қимылдың не, кім арқылы жасалғандығын, іс-әрекеттің болу ерекшелігін, себебін, орын-мекенін, мезгілін білдіретіні мәлім. Мысалы: – Конференцияға дайындық қалай? –деді директор қолға түскен *ұрымен* сөйлескендей оған ашулы түрде ажырая қарап. «Иттің баласы, – деді ол жұрт әлденеге күліп жатқанда *орамалмен* аузын сүртіп әлек боп жатып. – Баяғы заман болса ғой, нар тәуекел деп аузыңа қояр едім». Ауылдың беймаза шаңы басылған соң кешкі *салқынмен* екеуі көшеге серуендеуге шығар еді, сол кезде екеуінің оқтаудай түзу аяқтарына, кез-келген киім жараса кететін мүсіндей денелері мен әдемі баяу жүрістеріне қызықпайтын адам қалмайтынды. [Исабеков, 2002, 118]. Осы үзінділердегі көмектес септігінің жалғаулары іс қимылдың мезгілін, кім арқылы жасалғандығын, болу ерекшелігін көрсетіп сөйлемге өзінше әр беріп отыр.

Сонымен, зат есімнің септік жалғауларын дұрыс қолдану ең алдымен олардың грамматикалық ерекшеліктерін, мағыналарын білу деген сөз.

Әдебиет

Балақаев М., Жанпейісов Е. Қазақ тілінің стилистикасы. Алматы: Дәуір, 2005. 256 б.
Винокур Т. Г. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи // Исследование по грамматике русского литературного языка. М.: Изд. АН СССР, 1955. 342 с.
Ергөбек Қ. Ұлтын сүйген жүрек үні. Қазақ әдебиеті. 1992. №10.
Исабеков Д. Бонапарттың үйленуі. Алматы: Атамұра, 2002. 230 б.
Исабеков Д. 2-томдық шығармалар жинағы. Алматы: Жазушы, 1993. 497 б.
Сәрсеке Г. Ә. Р. Сейсенбаев шығармаларындағы кейіпкерді мінездеуші тілдік стильдік тәсілдер. Филол. ғылым. канд. ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған дисс. Алматы, 1998. 166 б.
Төлеуов Ә. Сөз таптары. Алматы: Мектеп, 1982. 124б.

© Турдалиева Э. Д., 2022

УДК *811.512.141*

Усманова М. Г., Россия, г. Уфа
д. филол. н.

БАШКИРСКИЙ ОБЩЕНАРОДНЫЙ ЯЗЫК И ЕГО ГРАММАТИКА

(на примере изъявительного наклонения глаголов)

Изучение временных форм глаголов изъявительного наклонения в башкирском общенародном языке в сравнении с формами, представленными в грамматике, выявило некоторые отличия: в классической грамматике временные формы глаголов представлены пятью аффиксами (-а, -ды, -ған, -ыр, -асаҡ), из них -ды, -асаҡ – выражают определенные прошедшее и будущее времена, а -ған, -ыр – неопределенность этих времен. Об определенности/неопределенности показателя настоящего времени на -а в трудах ученых ничего не говорится. Однако живой язык башкир представляет собой иную картину: 1) в нем для выражения определенности всех времен используются аффиксы -а, -ды, -ған, -ыр и специальные языковые средства (лексемы, указывающие дату, время; модальные слова, частицы и др., выражающие сомнение, неопределенность); 2) настоящее время изъявительного наклонения имеет определенные и неопределенные формы.

***Ключевые слова**: грамматика, глагол, настоящее время, прошедшее время, будущее время, аффикс, определенность и неопределенность.*

Usmanova M. G., Russia, Ufa
Doctor of Philology

BASHKIR LANGUAGE AND ITS GRAMMAR (on the example of the indicative mood of verbs)

The study of the formation of tense forms of verbs of the indicative mood in the Bashkir common language in comparison with the forms presented in grammar revealed some differences: in classical grammar, the formation of tense forms of verbs is represented by five affixes (-a, -dy, -γan, -yr, -asaq), of which -dy, -asaq – express certain past and future times, and -ған, -yr - the uncertainty of these times. Nothing is said about the certainty/uncertainty of the indicator of the present time on -a in the works of scientists. However, the living language of the Bashkirs presents a different picture: 1) it uses affixes -a, -dy, -γan, -yr and special language means (lexemes indicating date, time; modal words, particles, etc.) expressing doubt, uncertainty); 2) the present tense of the indicative mood has definite and indefinite forms.

***Keywords:** grammar, verb, present tense, past tense, future tense, affix, definiteness and indefiniteness.*

БАШҠОРТ ХАЛҠЫНЫҢ ТЕЛЕ ҺӘМ УНЫҢ ГРАММАТИКАҺЫ
(ҡылымдың хәбәр һөйкәлеше миҫалында)

Халыҡ теле – камил, төҙөк, системалы. Халыҡ тормошта булған бар нәмәне үҙ телендә белдерә ала, сит тел сараларына мохтаж түгел. Әгәр грамматикала улар бар икән, тимәк, башҡорт теле унда дөрөҫ бирелеп етмәгән, халыҡта булған тел сараһы табылмаған булып сыға.

Телдең торошо ҡаралып тора. “Башҡорт орфографияһын камиллаштырыу буйынса эштәр артабан да дауам итеп, 1950 йылда ҡабул ителгән башҡорт орфографияһына Ә. Ғ. Бейешев етәкселегендә Рәсәй фәндәр академияһы Өфө ғилми үҙәге Тарих, тел һәм әҙәбиәт институтының телсе ғалимдары асыҡлауҙар индерә һәм яңыртылған орфография 1981 йылдың 22 октябрендә БАССР-ҙың Юғары Советы Президиумы Ҡарары менән раҫлана, 1982 йылдың 1 февраленән практик тормошҡа индерелә башлай” [Башҡорт әҙәби ..., 2013]. Әммә хәл итәһе һорауҙар ҡалған әле. Уларҙың ҡайһылары хатта тәүге дәреслектәрҙән үк килә. Мәҫәлән, башҡорт теленең иң беренсе грамматикаһын яҙған Н. К. Дмитриевтың “Грамматика башкирского языка” тигән китабында “Мәктәп дәреслеге авторҙарының дәреслектәрендә киткән 1-се хата, 2-се хата ...”, – тип күрһәтелә [Дмитриев, 1948, 122, 124, 146, 252–253]. (*Бында һүҙ -асаҡ, -а ялғауҙары, -ған ялғауының күп мәғәнәле булғаны, уны үткән заман ялғауы тип кенә һанауҙың дөрөҫ булмағаны, сифат ҡылымдың ҡайһы бер формаларының дәреслектә бирелмәгәне һ.б. тураһында бара* – М. У.).

Тәүге дәреслектәрҙә кәмселектәр булыуы мөмкин, сөнки быға тиклем башҡорт теленең грамматикаһы булмаған һәм башҡорт теле тейешле кимәлдә уҡытылмаған. Ә бит унан һуң күпме ғүмер үткән! Н. К. Дмитриевтың грамматика китабын яҙғанына ла (*китаптың нәшриәткә һуғышҡа тиклем тапшырылған булыуын иҫәпкә алғанда*) 80 йылдан ашыу ваҡыт уҙған! Әкрәм Бейештең грамматика һәр орфографияла киткән етешһеҙлектәрҙе төҙәтеү юлдарын күрһәтеп яҙған “Тел хикмәттәре” китабы сығыуына ла 23 йыл [Әкрәм Бейеш, 1999].

Дәреслектәрҙә грамматика буйынса хата булыу бигерәк тә аяныс, сөнки улар норматив көс алып, әҙәби башҡорт теленә йүнәлеш бирә. Ә әҙәбиәт, матбуғат, радио, телевидение исеменән яҙған һәм һөйләгән кешеләрҙең күбеһе дәреслектә бирелгән тел үлсәмен ҡағиҙә рәүешендә ҡабул итә.

Артабан халыҡ теленең грамматикала сағылыуын *хәбәр һөйкәлеше ҡылымдары* миҫалында ҡарайыҡ.

Хәбәр һөйкәлеше ҡылымы һәм уның заман менән бирелеше

Бында башҡорт теленең грамматикаһына ике ҡараш бирелә:

1-се ҡараш: традицион грамматикала башҡорт теленең бирелеүе;

2-се ҡараш: ғалимдарҙың (Н. К. Дмитриев, Н. Х. Ишбулатов, Ә. Бейеш) фекере һәм башҡорт теленең үҙенең асылынан, булмышынан сығып яҙылғаны.

Башҡорт теленең грамматикаһында заман төшөнсәһе биш ялғау – **-а, -ды, -ған, -ыр, -асаҡ** – аша бирелә, (**-ды, -асаҡ** – *үткән, киләсәк* заманды *билдәле,* **-ған, -ыр** ошо заманҙарҙың *билдәһеҙ*

икәнен күрһәтә) тигән ҡағиҙә бар [Мансуров, 1953, 135; Кейекбаев һ.б., 1983, 216–217; Зәйнуллин, 2002, 139-144; Ишбаев һ.б., 2012, 373–375; В. Ш. Псәнчин, Ю. В. Псәнчин, 2001, 139–140].

Ошо тәғлимәт бына 90 йылдан ашыу (*1930 йылдан алып*) башҡорт тел ғилемендә иркен йәшәй, бер ниндәй үҙгәрешһеҙ бер дәреслектән икенсеһенә күсә килә. Уларҙың тик авторҙары ғына үҙгәрә.

Ә халыҡ теле башҡараҡ: унда грамматикала күрһәтелгәнгә тап килмәгән урындар ҙа бар. Әйткәндәй, башҡорт халҡының телендә заман төшөнсәһен белдереү ялғауҙарға ғына ҡайтып ҡалмай. Мәҫәлән, билдәһеҙ булғанды, икеләнеүҙе, үтәлере шик тыуҙырған эш-хәлде белдергән махсус тел саралары халыҡ телендә бихисап (мөнәсәбәт һүҙҙәр – *ахырыһы, ахыры, буғай, моғайын, бәлки, ихтимал, күрәһең, булһа кәрәк* һ.б.; икеләнеү, һорау киҫәксәһе *-дыр, -мы*; *-дыр + бәлки, ул, моғайын* һ.б. һүҙҙәр, *шикелле, һымаҡ, кеүек, төҫлө бәйләүестәре*; *-ған* аффиксы һәм *һымаҡ, шикелле, кеүек* бәйләүестәренән торған төҙөлмә (конструкция) һ.б.). Әммә улар заман төшөнсәһен биргәндә телсе-ғалимдарыбыҙ иғтибарынан ситтә ҡала килгән.

Башҡорт тел ғилемендә *хәбәр һөйкәлешенең хәҙерге заманының* бер генә ялғауы – ***-а*** булыуы тураһында әйтелә. Әммә уның *билдәле* йә *билдәһеҙ* эш-хәлде белдереү/белдермәүе тураһында ғалимдар бер ни әйтмәй [Кулаев, 1930, 61–68; Әхмәр, 1941, 91; Фәритов, Ғүмәров, 1949, 210; Мансуров, 1953, 135; Дмитриев, 1950, 156; Зәйнуллин, 2002, 133; 2017, 102; Ишбаев, 2012, 372; Кейекбаев, 1983, 214; В. Ш. Псәнчин, Ю. В. Псәнчин, 1995, 201; 2001, 136; В. Ш. Псәнчин һ.б., 2018, 203, 223, 231].

Тормошта әлеге мәлдә барған эш-хәлдәрҙең дә һөйләүсегә *билдәле* йә *билдәһеҙ* булыуы, икеләнеү, шик тыуҙырыуы бар. Шуға ла беҙ башҡорт телендә *билдәле* һәм *билдәһеҙ хәҙерге заман* хәбәр ҡылым бар тигән ҡараштабыҙ.

Шулай итеп, башҡорт халҡының телендә һөйләүсегә *билдәле* булған эш-хәлдәрҙе ***-а, -ды, -ған, -р, -саҡ**** ялғауҙары, даталар, ваҡытты белдергән һүҙҙәр, ә *билдәһеҙ* булғанды ***-а, -ды, -ған, -р*** ялғауҙары менән махсус тел саралары (*моғайын, бәлки, шикелле* һ.б. һүҙҙәре, икеләнеү киҫәксәләре - ***-дыр/-дер*** һ.б.) белдерә.

Артабан хәбәр һөйкәлеше ҡылымының традицион грамматика менән халыҡ телендә нисек итеп өс заманда бирелгәнен таблицала ҡарайыҡ.

ХӘБӘР ҺӨЙКӘЛЕШЕ ҠЫЛЫМЫ

1-се таблица

<table>
<tr><th colspan="4">ХӘҘЕРГЕ ЗАМАН</th></tr>
<tr><td colspan="2">1-се ҡараш
Грамматика</td><td colspan="2">2-се ҡараш һәм
халыҡ теле</td></tr>
<tr><td colspan="2">-а, -ды, -ған, -ыр, -асаҡ</td><td colspan="2">-а, -ды, -ған, -ыр, -саҡ + махсус тел саралары</td></tr>
<tr><td colspan="4">Барлыҡ формаһы</td></tr>
<tr><td colspan="2" rowspan="2">-а ялғауының
билдәле йә билдәһеҙ булыуы грамматикала әйтелмәй.</td><td colspan="2">Билдәле хәҙерге заман</td></tr>
<tr><td colspan="2">-а, -ған, -р менән бирелә.
-ған аффиксы эш-хәлдәрҙең, процестарҙың, үҙенсәлектәрҙең үткән заманда булып (башланып), хәҙерге заманға күсеүе һәм әлеге мәлдә булғанын (дауам иткәнен) белдерә. Уны үткән-хәҙерге заман аффиксы тип атарға була, ти Н. К. Дмитриев.</td></tr>
<tr><td colspan="4">Ябай формаһы</td></tr>
<tr><td rowspan="2">-а</td><td rowspan="2">Кәрим мәктәптән ҡайта [В. Ш. Псәнчин һ.б., 2001, 203, 223],
Тәпәш кенә түмәр бүкәнгә ултырған да олатай нимәлер юна, саба, йыша, тишә
(М. Әбсәләмов) [Ишбаев, 2012, 372].</td><td>-а</td><td>Күңелем шулай һиҙенә. (З. Биишева);
Мин, юрамал аҡрынлап, иң арттан барам (С.Агиш)</td></tr>
<tr><td>-ған</td><td>Әсәйемә оҡшағанмын, — тине ул, йылмайып. (И. Абдуллин);
“Алтыны бешмәгән, әлегә сей, ята бирһен” тип кенә туҡтатҡандар ти алтын йыуыуҙы. (Ш. Янбаев)</td></tr>
<tr><td colspan="4">Ҡушма формаһы</td></tr>
<tr><td>-а, -п + ярҙамлыҡ ҡылым</td><td>Тегеү машинаһы геүләп ултыра. (Ғ.Ғәмәр) [Әхмәр 1941, 91];
Мин ауылға ҡайтып барам. [Зәйнуллин 2002, 138].</td><td>-а, -п, -р, -рға + ярҙамлыҡ ҡылым</td><td>Кеше шул тиклем дә матур итеп яҙа икән // яҙыр икән;
Күк тулы йондоҙ. Мин шуларға ҡарап ятам. (М. Кәрим);
Үҙем китеп барам, үҙем ауыҙымдан әлеге “р” өнөн сығарырға тырышам. (С. Агиш)
Ҡайһылай йәтеш. Бай кеше лә алтынға үлеп барыр икән. (Я. Хамматов); Сағыштырығыҙ: үлеп бара икән.</td></tr>
<tr><td colspan="4">Юҡлыҡ формаһы</td></tr>
<tr><td>-ма/-мә</td><td>алма-й, алмай-ым, алмай-һың [Киекбаев 1983, 214].</td><td>-ма/-мә</td><td>Урманда йәшәмәйһең бит һин, биғәләш ҡыҙыҡай!. (З.Биишева);
Тик улар әлегә беҙгә килеп етмәгән шул.... (З.Биишева).</td></tr>
<tr><td colspan="4">Билдәһеҙ хәҙерге заман</td></tr>
<tr><td colspan="2"></td><td colspan="2">-а, -ған аффикстары, -рға + ярҙамлыҡ ҡылым һәм икеләнеүҙе, билдәһеҙ</td></tr>
</table>

* Бер генә әсә лә “Улым менән киленем **ҡайтасаҡ**, ҡайтыуҙарына бәлеш **ҡуясаҡмын**, мунса **яғасаҡбыҙ**, күршеләргә лә **әйтәсәкбеҙ**”, – тип, ғүмерҙә лә һөйләмәй. Ул, ипле генә итеп: “Улым менән киленем **ҡайта**, килеүҙәренә бәлеш **ҡуям,** мунса **яғабыҙ,** күршеләргә лә **әйтәбеҙ**”, – тип, **-а** ялғауы менән һөйләй.

Башҡорт шулай уҡ ал**асаҡ**мын, бар**асаҡ**мын, уҡы**ясаҡ**мын тип, ант бирep һөйләмәй, ал**асаҡ**ның, бар**асаҡ**ның, уҡы**ясаҡ**ның тип, үҙен башҡанан өҫтөн ҡуйып, фарман да бирмәй, кеше өсөн ал**асаҡ**, уҡы**ясаҡ,** бар**ма**ясаҡ, ал**ма**ясаҡ тип, ант та итмәй. Сөнки башҡорт аша һөйләргә ярамағанды яҡшы белә, аша һөйләргә ҡуркырға кәрәкте аңлай. Башҡортта: “Аша һөйләмә!” – тигән һүҙ бар. Дин дә ант итергә ҡушмай. Шулай уҡ телдә **ант башҡа етеү** тигән фразеологик берәмек тә ҡулланыла. Ул боҙолған анттың ҡоһорон күреү тигәнде аңлата. “Аллаһтан уҙып, **ант итеү** боҙоҡ!”, – ти халыҡ яҙыусыһы Р. Бикбаев хәҙистәрендә.

—		булғанды, фараз итеүҙе белдергән махсус тел саралары менән белдерә:	
		-а + махсус тел саралары	Беҙҙең килеүгә ризаһыҙлыҡ **белдерәләр**, **ахырыһы**. (Б. Рафиҡов); Пуф!., иткән тауышында ла ниндәйҙер асыулы янау **ишетелә һымаҡ**... (З.Биишева); Әсәй ҡоймаҡ **бешерә шикелле**, өйгә тәмле еҫ таралған.
		-ған	Ҡояш баш өҫтөндә генә тик **торған һымаҡ**. (Ғ.Аллаяров); Ҡунаҡтар **килеп бөткән шикелле** (йәғни саҡырылған кешеләрҙең әлеге мәлдә лә теүәл булыу-булмауы билдәһеҙ).
		-рға + ярҙамлыҡ ҡылым	Мәғсүм уның эшенең айышына ...**төшөнөргә итә һымаҡ.** (А.Абдуллин); **Китергә әҙерләнеп йөрөй;** Ситкә эшкә **китергә уйлап** та **ҡуя.**
ҮТКӘН ЗАМАН			
Билдәле үткән заман			
Барлыҡ формаһы			
Ябай формаһы			
-ды	Күк юрға, шуны ғына көтөп торғандай, уйнап, кешнәп ҡапҡанан атылып сығып та **китте**. (З. Биишева). [Ишбаев 2012, 369].	**-а**	М. Өмөтбаев "... ҡасандыр башҡорттоң етмешләп ҡала һәм тораһы булған,...", - тип **яҙа**. (Ә. Бейеш). Рәшит Назаров 1944 йылда Ауырғазы районының Төрөмбәт ауылында **тыуа**.
—		**-ды**	Республика хеҙмәтсәндәре Оборона фондына 250 миллион һумға яҡын аҡса йыйып **бирҙе.** ("Башҡортостан. Ҡыҫҡаса энциклопедия").
		-ған	Баймаҡ районы Башҡортостан Республикаһының көньяҡ-көнсығыш өлөшөндә **урынлашҡан**. 1930 йылда **ойоштороlған.** ("Башҡортостан. Ҡыҫҡаса энциклопедия", 140).
Ҡушма формаһы			
-ясаҡ ине, -р ине, -й торған булған һ.б.	*уҡыясаҡ ине, эшләйәсәк ине, барасаҡ ине*; Һеҙҙең бында икәнлегегеҙҙе белһә, ул **килер ине**. — белмәгәндер. [Әхмәр 1941, 77, 90-92]. Хәким бая клуб тирәһендә **йөрөй ине.** [Кейекбаев 1983, 219-221].	**-а, -р, -ған, -п** + ярҙамлыҡ ҡылымдар	Бында ете-һигеҙ ауыл ҡушылып **йәйләй торғайныҡ**. (Һ.Дәүләтшина); Яңы ғына ошонда **йөрөй ине**. Каникулға **ҡайта ине // ҡайтыр ине // ҡайта торғайны** Республика хеҙмәтсәндәре Оборона фондына 250 миллион һумға яҡын аҡса **йыйып бирҙе**. ("Башҡортостан. Ҡыҫҡаса энциклопедия"); Мин ул турала **белә йөрөнөм** // **белеп йөрөнөм**.
Юклыҡ формаһы			
-ма/-мә	Тыныслыҡты һаҡлап ҡалыу өсөн беҙҙең атай-олатайҙарыбыҙ күпме **яу сапҡан**, ҡурҡыу белмәй **көрәшкән**, тыуған илен сит ил баҫҡынсыларына **бирмәгән**. ("Пионер") [Ишбаев 2012, 369].	**-ма/ -мә**	**Аямаған** йәнен, **түккән** ҡанын. Һис **бирмәгән** башҡорт Уралын. (Башҡорт халыҡ йыры "Урал");
Билдәһеҙ үткән заман			
-ған	Шул рәүештә көндәр **үткән**, мин, бында торғанда, сәсәк менән дә **ауырыған мын**, башҡа әллә ниндәй ауырыуҙар ҙа **күргәнмен**, тамам **зәғифләнгәнмен**. Ни күрһәм дә, ни булһа ла **булған**, нисек кенә булмаһын, мин ғаиләгә **һыймағанмын** (Ғ.Туҡай). [В.Ш.Псәнчин, Ю.В.Псәнчин 2001, 131]. Оҫта һунарсылар яҡшы бөркөт менән көҙгө-ҡышҡы һунар осоронда 30-40 төлкө, 20-ләп бүре **ала торған булған**. (Э.Ишбирҙин). [Ишбаев һ.б. 2012, 372].	**-а, -ды, -ған** + махсус тел саралары	**Айнып бөтмәгән**, **ахырыһы**, алпан-толпан атлай. (Ғ. Хөсәйенов); Килеүселәр тәүҙә директорҙы абайламанылар, **бәлки**, уны ошонда осратыуҙы көтмәгәндәр**ҙер.** (Б.Рафиҡов); Шунан, әҙгәмә ағышын үҙгәртергә **теләне шикелле**, ҡапыл ғына һорай ҡуйҙы. (Р. Байымов); Беҙ үҙебеҙҙең арҙаҡлы шәхестәребеҙҙең донъялыҡта ҡылған оло изгелектәрен үҙҙәре донъя ҡуйғас ҡына ауыҙ тултырып маҡтау ғәҙәтенә **өйрәнеп тә бөттөк буғай** инде. (Р. Өмөтбаев); Эләктереп, башыңды Себергә оҙатҡандар**ҙыр**, тип ҡайғырҙыҡ (З. Ураҡсин); **Моғайын**, теге ҡарт мулланың берәй метрик кенәгәһенә булһа ла яҙылып **ҡалғанбыҙҙыр** әле, ә, күрше? (С.Агиш); — Һин мине **саҡырттыңмы**? — тип һораны ул. (А.Абдуллин);
КИЛӘСӘК ЗАМАН			
Билдәле киләсәк заман			
Барлыҡ формаһы			
-асаҡ	Һеҙҙең исемде иртәгә бөтә республика телдән **төшөрмәйәсәк.** (М. Кәрим) [Кейекбаев, 1983, 216]; Сауҙаны шунан да оҙаҡҡа туҡтатып тороу кеҫәгә ныҡ **һуғасаҡ.** (З.Биишева); Кәрәк икән, беренсе булып Үҙем ҡул **ҡуясаҡмын.** (З. Биишева) [Зәйнуллин, 2012, 142-143]; Һәр кантон үҙ урманынан затлы	**-а,** **-р***	**-а** – мотлаҡ була торған эш-хәлде белдерә. **- р –** вәғәҙә, өмөт һ.б. белдерә. Әгәр һөйләмдә эштең булырын, үтәлерен күрһәткән **дата, ваҡыт рәүештәре, алдағыны, яңынан булырҙы белдергән һүҙҙәр** (*быйыл, хәҙер, иртәгә, тағы, яңынан, алда* һ.б.), **һорау алмаштары** (*нимә, ҡайҙа, ҡасан* һ.б.), **һорау киҫәксәләре** (-мы/-ме, -мо/-мө) булһа, һүҙ барышынан (айышынан) эштәрҙең алда булыры аңлашылһа, ҡылымға **-а** йәки **-р** ҡушыла: 1) **Иртәгә** машина менән аэродромға үҙем **алып барырмын**... (Ә. Бикчәнтәев);

	ағас үҫентеләре килтереп, **ҡарап үҫтерәсәк**. Тирәк, саған кеүек ағас түгел – шыршы, ҡайын, йүкә **ултыртасаҡбыҙ.** (З. Ураҡсин) [Ишбаев, 2012, 374-375]; Иң шәптәргә, тимер юл төҙөлөп бөткәс, бирге осонан арғы осонаса поезда үтергә билет **биреләсәк** (С. Шәрипов) [В.Ш. Псәнчин, Ю.В. Псәнчин, 2001, 139];		Мин һине әүәлге һымаҡ яратам һәм мәңге **яратырым**. (Ж. Кейекбаев); Уйлаған уйыма, изге ниәтемә ирешмәй, алдыма алған эште еренә **еткермәй ҡуймайым**. **Таш яуһа ла,** барыр еремә **барам**, эшемде **башҡарып ҡуям**. (Л. Яҡшыбаева); Минең бер һорауым бар — кем **яуап ҡайтара**, шуға **кейәүгә сығам**. (“Ерәнсә сәсән” әкиәтенән); 2) – Сәлимә, һин **иртәгә** театрға **бараһыңмы**? (иртәгә һүҙе бар) – Эйе, **барам**. (иртәгә һүҙе күҙ уңында). – Унда Баййегет уйнаймы икән? (иртәгә һүҙе). – Эйе, уйнай. (иртәгә һүҙе күҙ уңында)
		бик һирәк - **саҡ***	**-саҡ** – фарман биреү, ҡурҡытыу, янау, үҙеңде өҫтөн ҡуйыҙы белдерә. Ниҙелер ҡәтғи рәүештә ҡаты итеп, һеңдереп әйтергә кәрәк булғанда ла башҡорт **-а** ялғауын ҡуллана: Иртәгә үк хөкөм ҡулына **тотоп бирәм** был йыртҡысты. (Р. Өмөтбаев). – Мин иртәгә үк атайыңдарға яусы **ебәрәм**. (Р.Өмөтбаев). – Хәҙер үк Әхмәтов ағайға **барам** да, туп-тура **һөйләшәм**. (С. Агиш); – Ә беҙ **барыбер** сәсәбеҙ!. (Р. Өмөтбаев).
Билдәһеҙ киләсәк заман			
-ыр	алы**рым** – килере**м**, алыр**һың** – килер**һең**, (ул) алыр – килер; Юғиһә Камиләнең уҡыуы уҡыу **булмаҫ**, шуны ғына уйлар ҙа **ултырыр.** (Ф. Иҫәнғолов) [Кейекбаев 1966, 99; 1983, 216]. барыр**мы**н, күрер**ме**н, барыр**бы**ҙ, күрер**беҙ** [Ишбаев 2012, 373]; Яҡты Еңеү көнөн бер кем дә **онота алмаҫ**. Ул быуаттар буйына быуындан-быуынға, телдән-телгә **күсеп йөрөр**. Был шатлыҡлы көндө нисек ҡаршылауын Ишбулды үҙенең балаларына **һөйләр**. (Ғ. Аллаяров) [Зәйнуллин 2018, 108]	**-а, -р** + махсус тел саралары	– мөнәсәбәт һүҙҙәр, бәйләүестәр, инеш һүҙҙәр: Кем белә, **бәлки**, унда һин Хаммат ағайыңды үҙең дә **осратырһың.** (З. Биишева). Ҡәҙерен белһәм дә, **күңелем ятмаҫтыр**, **ахыры**. (М. Кәрим); **Бәлки**, Машканың эҙенә төшәрмен. (Я. Хамматов); Хат булмаһа, өмөт итәһеңдер: Иртәгәгә, **бәлки**, буль**ыр**, тип. (Ғ. Изрисов); – икеләнеү, һорау киҫәксәләре, алмаштары, эйәлек аффикслы исем ҡылым + **бар, мөмкин** һүҙе: Һеҙҙең полкка, **моғайын**, концерт менән **барылыр** әле. (Ф. Иҫәнғолов); «Эйәргә **менә алырмынмы икән**?» – тип икеләнде Сергей эсенән. (А. Абдуллин).
Юҡлыҡ формаһы			
-ма/-мә	Ал**ма**-м, кил**мә**-м, ал**ма**-быҙ, кил**мә**-беҙ [Кейекбаев 1966, 99; 1983, 216]. Ленинды ул ләкин һис **онотмаҫ**, Хөрмәт менән иҫкә **төшөрөр**. (Б. Бикбай). [Зәйнуллин 2018, 108]	**-ма/-мә**	Салт ҡояшлы яҙ иленә Һоҡланып һис туй**ма**м мин. (М. Дилмөхәмәтов). Бикбаев, Юламановтың барыбер аңла**ма**ҫын белеп, был уйҙарын уға һөйләп торманы. (Н. Мусин).
ДӨЙӨМ ЗАМАН			
Тормошта булған ҡайһы бер эш-хәл, күренештәр бер ваҡытҡа (заманға) һыймай. Һәр ваҡыт булған (*бөтә заманда ла*), ҡабатланып торған, ғәҙәти булған эш-хәлдәр, хәрәкәттәр була. Улар **дөйөм заманға** ҡарай. Ул тормош хәҡиҡәтен, тормош тәжрибәһен, кемгәлер, нимәгәлер һәр ваҡыт хас булған үҙенсәлекте белдерә. *Дөйөм заман* күп мәғәнәле **-а, -ған, -р** ялғауҙары менән бирелә.			
Яһалышы	Миҫалдар		
-а	Донъя ал да гөл **булып тормай**; Кисен хатта бик ҡатмарлы хәлдән дә сығыу һәләтенә эйә отҡор балалар **донъяға килә** (А. Ғөбәйҙуллина); Кеше эшкә ҡарағанда көнкүреш ығы-зығыһында күберәк **һынала** һәм **һынаты**. (Ғ. Хөсәйенов).		
-р	Ҡол кеүек эшләһәң, хан кеүек **йәшәрһең.** Ҡулында китап булғандың башында ғилем **булыр**. Яҡшы ҡатын **йәшәртер**, яман ҡатын **ҡартайтыр**.		
-ған	Абайламай **һөйләгән** ауырымай **үлгән**. **Тырышкан** ташҡа ҡаҙаҡ **ҡаҡҡан**.		

Тағы ла мөһим бер мәсьәлә бар – әҙәби телгә алынмай ҡалған **-ар/әр** ялғауы. Халыҡта ул иркен йөрөй, әҙәби әҫәрҙәрҙә йыш осрай. Бына улар:

ҡылымдар: аса**р**, баҫа**р**, беләр, бирә**р**, бөгә**р**, бөтә**р**, була**р**, быуа**р**, ейә**р**, елғыуа**р**, етә**р**, иҙә**р**, инә**р**, иҫә**р**, ирешә**р**, итә**р**, йола**р**, йөҙә**р**, йыуа**р**, кейә**р**, китә**р**, көлә**р**, көтә**р**, күрә**р**, күсә**р**, киләр, ҡаса**р**, ҡоса**р**, ҡоя**р**, ҡуба**р**, ҡуна**р**, ҡурҡа**р**, ҡуя**р**, ҡыуа**р**, менә**р**, оса**р**, өҙә**р**, саба**р**, сөйә**р**, сығ**ар**, таба**р**, тегә**р**, тейә**р**, тибә**р**, тоя**р**, төйә**р**, төшә**р**, түҙә**р**, түлә**р**, тыуа**р**, үбә**р**, үлә**р**, үҫә**р**, үтә**р**, һөҙә**р**, һөйә**р**, һыубаҫа**р**, эсә**р**, янә**р**, ят күрә**р** һ.б.;

исемдәр:

1) яңғыҙлыҡ исемдәр:

антропонимдар: Бүлә**р** (*хан*), Малтаба**р**, Таңата**р**, Таңғата**р**, Уғата**р** (*батыр*), Уҡъюна**р** (*батыр*), Үлә**р**хан, Һөйә**р**ғолов, Яубаҫа**р**ов;

астронимика: Һыуғоя**р** – Һыуғойа**р** (*йондоҙлоҡ исеме*);

топоним: Атсаба**р** (*ауыл*), Таңһыҙа**р** (ауыл исеме);

этноним: бүлә**р** (*бөрйәндә*), тоңғата**р**, күсә**р**, үҫә**р**гән (*юрматыла*);

2) уртаҡлыҡ исемдәр: атсаба**р** (1. *гонец, нарочный;* 2. *вестовой);* атһөйә**р,** башкиҫә**р**, бөгә**р**, егә**р** (1. *трудолюбие;* 2. *крепкий, сильный, энергичный);* егә**р**лек (1. *трудолюбие;* 2. *энергичность*); елғыуа**р**, илгиҙә**р**, илһөйә**р,** йома**р**сай, йома**р**саҡ “мучная каша на сметане”, йөҙйәшә**р**, көйә**р**мән,

ҡайта**р**ма, сум**ар** ”клецки”, сыға**р**ылыш, таутишә**р** (*үлән исеме*), телһөйә**р**, урынбаҫа**р**, һөйә**р**, һөйә**р**кә, эшҡыуа**р**, юлбаҫа**р**, яусаба**р** һ.б.;

рәүеш, сифаттар: атһөйә**р**, ат менә**р**ҙәй, егә**р**ле, етә**р**лек, иҫ китә**р**лек, тегә**р** еп һ.б.

Артабан миҫалдар килтерәйек, уларҙың ни тиклем ҡолаҡҡа ятыш икәненә, телде көйлө иткәненә, рифмаға ятып торғанына иғтибар итәйек:

1) Буҙ атым бар йыраҡта,
Әсәм биргән бүләккә,
Майҙаныма шул **киләр**,
Батыр буһаң, ул **беләр**. (“Урал батыр” эпосынан);

2) – Эс, улым, **эсәр** һыуың, **ейәр** ризығың ошо ерҙә булһын. (Т. Ғарипова);

3) Ни тиһәң дә дәртле заман – типһәң тимер **өҙәрлек**, һуҡһаң баҡыр **иҙәрлек** сағыбыҙ.
(Й. Солтанов);

4) **Инәреңдән** алда, **сығарыңды** уйла. (Мәҡәл);

Әйткәндәй, Ж.Ғ. Кейекбаев ҡайһы бер һүҙҙәрҙең, мәҫәлән, **етәр**, **беләр, тейәр** ошо рәүештә дөрөҫ булғаны тураһында фекерен әйтә, артынса уҡ **етер, белер** дөрөҫ түгел тип, күрһәтеп ҡуя, түбәндәге миҫалдарҙы килтерә: “... мәҫәлән: **уғатар** батыр, **осар** тейен. Был исемдәр *уғатыр батыр, осор тейен* рәүешендә яҙылмай. Ҡәтғи тыйыуҙы белдергән һәм ымлыҡҡа күскән **етәр** һүҙендә һәр ваҡыт **-әр** ялғауы әйтелә һәм яҙыла, мәҫәлән: **Етәр**, егеттәр, ҡуйығыҙ! (**Етер**, егеттәр, ҡуйығыҙ – дөрөҫ түгел.)” [Кейекбаев 1983, 237].

Көмөш кенә эйәр атҡа (ла) **тейәр,**
Эйәкәйҙәре **белмәҫ,** ат **беләр.**
Ир башҡайына ҡайғы төшһә,
Үҙ туғаны белмәҫ, ят **беләр.** (**Белер** түгел – Ж.К.).

Әйткәндәй, Ж.Ғ.Кейекбаев киләсәк заман ялғауын **-а/-ә, -й** ялғауы менән яһалған нигеҙгә ҡушыла, тип тә күрһәтә. [Кейекбаев 1983, 216–217].

Беләҙегем, йөҙөгөм,
Кейәрем әле үҙем.
Ятҡа **бирәр** әмәлем юҡ
Һөйәрем әле үҙем (“Беләҙегем-йөҙөгөм” йырынан);

Шулай ҙа әлеге оло һәм урта быуын, матбуғат хеҙмәткәрҙәре һ.б. грамматиканы белһә лә, ғалимдар, уҡытыусылар (үҙҙәре өйрәтһә лә) күбеһенсә халыҡ телендәгесә яҙа, һөйләй, аралаша. Был инде ата-баба теленең, рухтың көслө икәнен күрһәтә.

Телдә киткән етешһеҙлектәрҙе төҙәтеп, уҡыусыларға дөрөҫ белем биреү яғын тиҙләтергә кәрәк ине беҙгә. Үҫеп килгән йәш быуын башҡорттоң тормошонда элек тә, әле лә булған мөһим ваҡиғаларҙы, уның бөйөк эштәрен, героик үткәнен һөйләгән, яҙған саҡта **-ған** ялғауы булған өсөн генә билдәһеҙгә һанап, шиккә алып ултырмаһын ине.

Әҙәбиәт

Башҡорт әҙәби ... 2013 – Башҡорт әҙәби теленең алфавиты һәм орфографияһы. Өфө: Китап, 2013.

Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. Л., 1948.

Дмитриев Н. К. Башҡорт теленең грамматикаһы. Л., 1950.

Зәйнуллин М. В. Хәҙерге башҡорт әҙәби теле. Морфология. Өфө: БДУ, 2002.

Ишбаев К. Ғ. Ҡылым // Башҡорт теле. Юғары уҡыу йорттарының филология факультеты студенттары өсөн дәреслек. Өфө: Китап, 2012. 353–396-сы б.

Ишбулатов Н. Х. Хәҙерге башҡорт теле. (Әҙәби телдең нормалар системаһы). Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1972. 144-се бит.

Кейекбаев Ж. Ғ., Ғәлләмов А. А., Фәритов Х. С., Аҙнабаев Ә. М., Сәйетбатталов Ғ. Ғ. Башҡорт теле. Педагогия училищелары өсөн дәреслек. Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1983.

Кулаев М. О глаголах башкирского языка. Казань, 1930.

Мансуров Ә. Башҡорт теле грамматикаһы. I киҫәк. Фонетика һәм морфология. Ете йыллыҡ һәм урта мәктәптең V–VI кластары өсөн дәреслек. Өфө: Башгосиздат, 1953.

Псәнчин В. Ш., Псәнчин Ю. В. Әсә теле. 5 кл. Өфө: Китап, 1995; Әсә теле. 10-11 кл. Өфө: Китап, 2001; Башҡорт теле. 10–11-се кластар өсөн уҡыу ҡулланмаһы. Өфө: Китап, 2018.

Сәлимов Н. Б. Шәхестәр иңендә халҡым яҙмышы. – Өфө, 2018. 283 бит.

Фәритов Х. С., Ғүмәров Ғ. Башҡорт теленең грамматикаһы. Фонетика һәм морфология. Педучилищелар өсөн дәреслек. Өфө: Башгосиздат, 1949.

Хажин В. И. Дөрөҫ һөйләйбеҙме? // Ватандаш, 2001. № 1. 181–183-сө б.

Әкрәм Бейеш. Тел хикмәттәре. Өфө: Китап, 1999.

Әхмәр Ҡ. Башҡорт теле. Педучилищелар өсөн дәреслек. Өфө, 1941.

© Усманова М. Г., 2022

УДК *811.512*

Файзуллина Г. Ч., Россия, г. Тобольск
Тюменский государственный университет, профессор
Кадирова Э. Х., Россия, г. Казань
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, с.н.с.

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В РУССКИХ И ТАТАРСКИХ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТАХ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

(вторая половина XIX века)*

Статья посвящена анализу личных имен в русских и татарских деловых документах Тобольской губернии (вторая половина XIX века). Авторами определены особенности написания личных имен в рукописных источниках XIX века – в мечетных книгах Ашлыкских юрт Тобольской губернии (на старотатарском языке) и в ревизских сказках (на русском языке). В ходе анализа установлено, что в метрических записях региональные элементы мало представлены, а в ревизских сказках (наряду с другими особенностями) – ярко выражены.

Ключевые слова: *татарский язык, метрические книги, ревизские сказки, личные имена, XIX век, сибирские татары.*

PERSONAL NAMES IN RUSSIAN AND TATAR BUSINESS DOCUMENTS OF THE TOBOLSK PROVINCE (second half of the 19th century)

Faizullina G.Ch., Russia, Tobolsk
Tyumen State University, Professor
Kadirova E.Kh., Russia, Kazan
Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Senior Researcher

The article is devoted to the analysis of personal names in Russian and Tatar business documents of the Tobolsk province (second half of the 19th century). The authors determined the features of writing personal names in handwritten sources of the 19th century - in the mosque books of the Ashlyk yurts of the Tobolsk province (in the Old Tatar language) and in the revision tales (in Russian). In the course of the analysis, it was found that regional elements are poorly represented in the metric records, while in the revision tales (along with other features) they are pronounced.

Keywords: *Tatar language, parish registers, census tales, personal names, 19th century, Siberian Tatars.*

ТУБЫЛ ГУБЕРНАСЫ КЕШЕ ИСЕМНӘРЕНЕҢ РУС һӘМ ТАТАР ТЕЛЕНДӘГЕ РӘСМИ ДОКУМЕНТЛАРДА БИРЕЛЕШЕ (XIX гасырның икенче яртысы)

Мәкаләдә Тубыл губернасы Тубыл өязенең XIX гасырга караган кулъязма метрикә һәм ревизия кенәгәләрендә кеше исемнәренең кулланылышына анализ бирү максаты куела.

Тикшеренү материаллары булып XIX гасыр Тубыл губернасы Тубыл өязенең Әшле авылының XIX гасырның 30-нчы елларыннан XX гасыр башына кадәрге чорда теркәлеп, Тубыл, Уфа шәһәрләре архивларында сакланган мәчет китаплары кулъязмалары, шулай ук 1816, 1834, 1850, 1858 елгы ревизия кенәгәләре тора. Әшле кенәгәләрендә – Әшле авылы халкы турында мәгълүматлар китерелә. Язмаларда 1) туган балалар, 2) никахлашканнар, аерылышканнар һәм 3) үлгән кешеләр теркәлгән.

Метрикә кенәгәләре махсус тәртип белән тутырыла [Фәйзуллина, Кадыйрова, 18–21]. Туу турындагыларында баланың исеме, аның атасы белән анасы һәм атасының атасы турында мәгълүмат китерелсә, вафатларны исәпкә алганнарында бары тик мәрхүмнең үзе турында мәгълүмат бирелә. Берничә елгы текстларда гына мәрхүмнең атасының исеме языла. Никах документларында булачак ир белән хатын, аларның вәли вәкил булган әтиләре яки туганнары, никахның шаһитләре турында мәгълүмат язылганлыктан, кеше исемнәре күп урын ала.

Метрикә кенәгәләрен мәхәлләләрнең указлы имамнары тутыра. Мәсәлән, 1908 елны Кундан мәхәлләсендә указлы имам булып Хәбибулла Габидулла углы Ибраһимов тора: *Кундан мәхәлләсенең указной имамы Хәбибулла Габидулла углы Ибраһимов* [Файзуллина, Кадирова, 2021, 96]. Кенәгәдә әлеге шәхескә түбәндәге таблица тутырылган:

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-412-720008 «Метрические записи XIX – начала XX вв. о тобольских и тюменских бухарцах как историко-лингвистический источник”.

Бу мәҗед салыргакайсы мәхәллә тарафыннан каю ел вә каю числоһәм каю номер илә рөхсәт бирелгән документлар кемкулындасакланадыр	Бу мәҗед улан авылда һәм анар караган авылларның һәр берендә улан жан хисабы ачрым язылынур		Бу мәҗедкә караган авылларның исемләре вә мәҗед улан авылга нә кадәр мосаффауллығы язылынур		Бу метрикә бирелгән авылның низам кашында улан исеме вә халык арасында мәшһүр улан исеме язылур	Тереклекитә торганавылларынынисемеязылур	Гыйлемтәхсил иткән мәдрәсәләре, якии мамлары, остазларыязылур	Указларының елвә число һәм номерлары, ушандак утвердитьителгәндәрәҗәләре язылур	Мәҗед хозурында улан имам вә мөәзиннәрнең исем вә фамилияләре һәм туган елларыя зылур
	Хатунлар	ирләр	Чакрым хисабы	Авыл исем-нәре					
Мең тукыз йөзенче елында 15-нче майда 73нче номерда әмер тобольский губернский	105	127	4 чакрым	Ләчек	Кундан авылы, русча һәм мөсел-манча	Кундан авылы	Гыйлем тәхсил кылдым карья Малҗанда, Хисам Борындыков мәдрәсәсендә	1903 нче елында 3 нче дикәберендә, 43689 нчы номерда	хатыйб
								Имам мөгаллим дәрәҗәдә	Мәсҗед хозурында улган имам Хәбибулла Габидулла Ибраһимов 1872 нче елында вөҗүдәкилмеш
					Мәсҗед хозурында улган указной имам Хәбибулла Габидулла углы Ибраһимов				Мөәзин мәсҗед хозурында улган мөәзин, 36 нче яшендә

Текстган күренгәнчә, Хәбибулла Габидулла углы Ибраһимов үз төбәгендә белем алган. Текстлардан күренгәнчә, имам гарәп телен яхшы белгән, чөнки алынмаларның язылышында чыганак телдәге язылыш саклана. Ул документларны татар әдәби телендә тутыра, сүзләрне, шул исәптән кеше исемнәрен бирүдә төбәк үзенчәлекләре очрамый диярлек. Мәсәлән, 1851-нче елда Әшле авылында туган балалар һәм аларның ата-аналарының исемлеге [Файзуллина, Кадирова, 2022, 113]:

Җөзәи әүвәл – вөҗүдә киләнләр хакында					
Тубыл губернасы шул УК өязе Әшле илендә тугъды	Атасы ясаклы Нияз, анасы Туйбикә	фифральнең 3 нче яүмендә	иругълан Кама-леддин	1	
Тубыл губернасы шул УК өязе Әшле илендә тугъды	Атасы ясаклы Габи-дулла, анасы Азинә	абрильнең 5 нче яүмендә	иругълан Рәхмәтулла	2	
Тубыл губернасы шул УК өязе Әшле илендә тугъды	Атасы ясаклы Гайнул-ла, анасы Кадыйрбикә	абрильнең 8 нче яүмендә	иругълан Хиса-меддин	3	
Тубыл губернасы шул УК өязе Әшле илендә тугъды	Атасы сартия Зыяддин, анасы Гөлҗәүһәр	июньнең 18 нче яүмендә	иругълан Рамазан	4	
Тубыл губернасы шул УК өязе Әшле илендә тугъды	Атасы ясаклы Хуҗаяр, анасы Гөлбикә	июльнең 6 нчы яүмендә	иругълан Мөхәммәдьяр	5	
Тубыл губернасы шул УК өязе Әшле илендә тугъды	Атасы казак Сәфәрба-кый, анасы Фазыйлә	июльнең 10 нчы яүмендә	иругълан Мөхәммәдгали	6	
Тубыл губернасы шул УК өязе Әшле илендә тугъды	Атасы сартия Сәй-феддин, анасы Рузый-бану	синтәбернең 18 нче яүмендә	иругълан Сабит	7	
Тубыл губернасы шул УК өязе Әшле илендә тугъды	Атасы ясаклы Сәфәрбакый, анасы Җәмиш	нуябернең 14 нче яүмендә	кызугълан Сәхи-бҗамал		1

Мисаллардан күренгәнчә, гарәп һәм фарсы исемнәре чыганак телдәгечә языла.

Мәкаләдә куелган бурычларның берсе – текстларда очраган кеше исемнәрендә региональ элементларны күзәтү. Гарәп шрифтында язылган метрикә китапларында кеше исемнәренең бирелешендә диалекталь үзенчәлекләр аз очрый.

Барлык көнчыгыш диалектлар традицион мишәр сөйләшләре, урта диалектның нократ, златоуст, тепекәй сөйләшләре кебек үк й-ләштерүче сөйләш. Алардасүз башындагы җ авазына даими рәвештә й сонаты тәңгәлләшә. Кеше исемнәрендә җ авазы, нигездә, җан, җамал, җәгъфәр компонентларында урын ала. Әмма Әшле документларында барлык очракларда диярлек җ авазы үзе килә. Җантимер исемендә өч мисалда й авазычагылыш таба:*атасы балыкчы Йантимер, анасы Гөлбикә, Йантимер Корбан углы, Гөлбәсәр Йантимер кызы*. Ревизия кенәгәләрендә гарәп-фарсы исемнәрендә сүз һәм иҗек башында җ авазы саңгыраулаша: *Речеп* ‘Рәҗәп’, *Айничамал* ‘Гайнижамал’, *Сачита* ‘Сажидә’, *Алимчан* ‘Галимҗан’ и др. Саңгыраулашкан җ (> ч) авазына ц тәңгәлләшү очраклары күзәтелә:*Кильцан* ‘Килҗан’, *Суюцбига* ‘Сөйүҗбикә’.

Метрикә китаплары һәм ревизия кенәгәләрендә урын алган кеше исемнәренең язылышына игътибар иттек. Бу очракта әлеге ике документтан бер үк затның исемнәрен эзләп табып, янәшә карадык һәм түбәндәге таблицада чагылдырдык.

№	Исемнәрнең метрикә кенәгәләрендәге бирелеше	Исемнәрнең ревизия китапларындагы бирелеше	№	Исемнәрнең метрикә кенәгәләрендәге бирелеше	Исемнәрнең ревизия китапларындагы бирелеше
1	Садыбай	Сатыбай	11	Сәлимҗәүһәр	Салимцагер
2	Гөлбану	Кульбани	12	Гөлбикә	Кулей
3	Гайнулла	Айнулла	13	Салыбай	Салибай
4	Кадыйрбикә	Катырбига	14	Туркин	Турен
5	Монасыйб	Мунасиб	15	Мирсәфәр	Мурсефар
6	Гөлбикә	Кулбига	16	Хисамеддин	Саметин
7	Рәфыйкъ	Рябик	17	Хәбибулла	Абибулла
8	Мәймүнә	Маимюня	18	Биктимер	Бехтимер
9	Сәйфулла	Сейбулла	19	Хәдичә	Катица
10	Насбикә	Насбига			

Барлык көнчыгыш диалектларда ғ / г авазларына саңгыраулаштыру нәтиҗәсендә қ / к тартыклары тәңгәл килә [Татар халык сөйләшләре, 2008, 280]. Метрикә китапларында әлеге диалекталь үзенчәлекне билгеләү мөмкинлеге юк, чөнки г һәм к хәрефләрен бер билге ⸗ белдерә. Ревизия кенәгәләрендә бу очракка мисаллар күп: *Кульбани* ‘Гөлбану’, *Кулбига* ‘Гөлбикә’, *Кульзиба* ‘Гөлзифа’ һ.б.

Көнчыгыш диалектларга караган с~з саңгыраулашу үзенчәлеге метрикә кенәгәләрендәге кеше исемнәрендә дә күзәтелә, әмма еш түгел: *Мәрсия* ‘Мәрзия’, *Насбикә* ‘Назбика’, *Сәйнәб* ‘Зәйнәп’. Шундый ук күренеш ревизия кенәгәләрендә чагылыш таба һәм анда мисаллар саны күбрәк: *Насьбига* ‘Назбика’, *Марсия* ‘Мәрзия’, *Субеина* ‘Зөбәйнә’.

Д.Г.Тумашева в, ф, ж, һ, х тартыкларының себер диалектларында кулланылышын түбәндәгечә билгели: “Ныне в, ф, ж, һ, х, в тоболо-иртышском диалекте субституируютя согласными, близкими им по артикуляции или месту образования, или совсем не произносятся. С другой стороны, в некоторых говорах, например, заболотном, отчасти тевризском появляются согласные х, ф как позиционно-комбинаторные варианты фонем қ (ғ) и (б)” [Тумашева, 1977, 53]. Бу үзенчәлеккә бәйле, метрикә китапларында *бикә* компонентлы кызларның исемнәрен язуда вариантлылык күзәтелә, анда б, ф һәм п белән мисаллар очрый: *Ниязфикә* ‘Ниязбикә’, *Ниязбикә* ‘Ниязбикә’; *Һарупикә* ‘Харубикә’. Шулай ук Гөлзифа исеменең Кульзиба язылышы урын ала.

Без караган төбәктә гарәп-фарсы алынмаларында х авазына увуляр қ тартыгы тәңгәлләшә. Бу үзенчәлек метрикә кенәгәләрендә берничә урында очрый: Кисмәтулла ‘Хисмәтулла’.Ревизия документларында бу тәңгәллектән тыш, әлеге авазның төшеп калу очраклары да бар: *Пяткулла* ‘Фәтхулла’, *Катица* ‘Хәдичә’, *Кутайберди* ‘Кутайберди’, *Исаметдин* ‘Хисамеддин. ’

Шул рәвешле, Тубыл губернасы кеше исемнәренең (XIX гасырның икенче яртысы) рус һәм татар телендәге рәсми документларда бирелешендә үзенчәлекләр күзәтелә. Тубыл губернасындагы Тубыл өязе Әшле авылының XIX гасырга караган кулъязма метрикә һәм ревизия кенәгәләрендә кеше исемнәренең язылышын чагыштырып тикшерү барышында метрикә китапларында исемнәрнең язылышында региональ элементларның бик аз, ә ревизия кенәгәләрендә башка үзгәрешләр белән бер рәттән, аларның да гаять күп булуы ачыклана.

Әдәбият

Татар халык сөйләшләре: Ике китапта: Икенче китап. / Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, Т. Х. Хәйретдинова һ.б. Казан: Мәгариф, 2008. 463 б.

Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар: Опыт сравнительного исследования. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. 294 с.

Файзуллина Г. Ч., Кадирова Э. Х. Чебургинские мечетные книги Тобольской губернии XIX – начала XX веков: Монография. 2-е изд., доп. Казань: Отечесто, 2021. 200 с.

Файзуллина Г. Ч., Кадирова Э. Х. Ашлыкские (Лайминские) мечетные книги Тобольской губернии XIX — начала XX веков. Казань: Отечесто, 2022. 213 с.

Фәйзуллина Г. Ч., Кадыйрова Э. Х. Тарихи-лингвистик чыганак буларак XIX гасыр һәм XX гасыр башы метрика язмалары // TATARICA. 2021. № 2 (16).С. 7–24.

© Файзуллина Г. Ч., Кадирова Э. Х., 2022

УДК *81’33, 81.512.1*

Хакимов Б.Э., Россия, г. Казань
Казанский федеральный университет, доцент,
Институт прикладной семиотики АН РТ, в.н.с.
Шаехов М.Р., Россия, г. Казань
Институт прикладной семиотики АН РТ, в.н.с.

ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТЕСТОВОМ КОРПУСЕ ДЛЯ РУССКО-ТАТАРСКОГО МАШИННОГО ПЕРЕВОДЧИКА

Сложившаяся современная практика подготовки обучающих и тестовых корпусов для систем машинного перевода предполагает поиск готовых параллельных текстов. При этом пары предложений из оригинальных текстов и их опубликованных официальных переводов считаются априори эквивалентными. Однако лингвистический анализ таких предложений показывает, что это не всегда отвечает задачам разработки систем машинного перевода. Наше исследование посвящено изучению типичных случаев, в которых проявляются различия в требованиях к эквивалентности перевода предложений в исходных текстах и в качестве единиц параллельного тестового корпуса. Результаты показывают, что зачастую аутентичные тексты и их переводы даже при их полной параллельности и контекстной эквивалентности требуют значительного количества лексических, грамматических и других трансформаций.

***Ключевые слова**: машинный перевод, качество перевода, параллельный корпус, эквивалентность перевода, татарский язык, русский язык.*

Khakimov B.E., Russia, Kazan
Kazan Federal University, associate professor
Institute of Applied Semiotics, TAS, leading researcher
Shaekhov M.R., Russia, Kazan
Institute of Applied Semiotics, TAS, leading researcher

THE PROBLEM OF THE EQUIVALENCE OF PARALLEL SENTENCES IN THE TEST CORPUS FOR RUSSIAN-TATAR MACHINE TRANSLATION

The current practice of preparing training and test corpora for machine translation systems usually involves searching for parallel texts in real use. Pairs of sentences from the original texts and their published translations are considered a priori equivalent. However, a detailed qualitative analysis of such sentences shows that this does not always meet the requirements of machine translation systems. This paper discusses typical differences between the equivalence of texts and the equivalence of parallel corpus units. The results show that the authentic texts and their translations, despite of their complete parallelism and contextual equivalence, may require a significant amount of lexical, grammatical and other transformations.

***Keywords:** machine translation, translation quality, parallel corpus, translation equivalence, Tatar language, Russian language.*

Сложившаяся современная практика подготовки обучающих и тестовых корпусов для систем машинного перевода обычно предполагает поиск готовых параллельных текстов на двух языках во всех возможных источниках. При этом пары предложений из оригинальных текстов и их опубликованных официальных переводов считаются априори эквивалентными, тождественными друг другу. Однако подробный качественный анализ таких предложений показывает, что это не всегда соответствует задачам разработки систем машинного перевода.

Эквивалентность является одной из центральных проблем перевода. В переводоведческой теории эквивалентность рассматривается как относительная характеристика, зависящая от различных факторов, среди которых выделяются как собственно лингвистические, так и экстралингвистические. В частности, В.Н.Комиссаров определяет эквивалентность как максимально возможную лингвистическую близость перевода и оригинала и различает несколько уровней эквивалентных отношений между текстами оригинала и перевода: уровень цели коммуникации, уровень описания ситуации, уровень способа описания ситуации, уровень структурной организации высказывания, уровень семантики словесных знаков [Комиссаров, 1990, 167]. По мнению Л.С. Бархударова, эквивалентность – это семантическая категория, реализующаяся в смысловом совпадении текстов на языке оригинала и текста на языке перевода [Бархударов, 1975, 150].

Таким образом, с целью достижения тождественного эффекта, производимого на реципиента, эквивалентность может быть обеспечена не только на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях, но и на уровне коммуникативной ситуации или цели. Считается, что для достижения эквивалентности на более сложных уровнях можно пренебречь простой языковой эквивалентностью.

Данная проблема своеобразно проявляется в процессе подготовки параллельных тестовых и обучающих корпусов для целей машинного перевода. Хотя к любому конкретному результату машинного перевода, в принципе, применимы все требования с точки зрения эквивалентности на разных уровнях, пары предложений в подобных прагматически ориентированных параллельных корпусах имеют свою специфику.

Основным отличием является отношение к контексту на уровне целого текста или его фрагмента. Как правило, параллельные тестовые и обучающие корпуса представляют собой выборку отдельных предложений без сохранения контекстных связей. Соответственно, с прагматической точки зрения параллельные предложения в исходных текстах на двух языках могут быть достаточно

эквивалентными на уровне коммуникативной ситуации и контекста (например, в художественных произведениях основное значение передается через образы, в текстах новостей – факты и т.д.). С другой стороны, в параллельном корпусе при максимальной независимости от контекста, те же предложения могут не соответствовать требованиям эквивалентности на уровнях структурной организации предложения или словесных знаков. Иными словами, многие факторы эквивалентности переведенного предложения перестают действовать после извлечения этого предложения из конкретного контекста.

В связи с этим возникает необходимость выработки определенных правил для экспертной оценки и корректировки параллельных предложений в таких корпусах. Так, если возможно достижение эквивалентности на более детальном уровне, целесообразно внести соответствующие изменения и получить вариант, подходящий к максимально возможному числу разных контекстов.

Лингвистическая корректировка может быть выполнена в любом из двух параллельных предложений. Для задачи оценки качества контекстуально независимая эквивалентность пар предложений важнее того, какое из них являлось оригинальным либо переведенным в текстах-источниках. По этой причине нами допускается изменение даже оригинальных предложений из художественных произведений, так как художественный перевод предполагает эквивалентность на более высоком уровне.

С одной стороны, предпочтительнее вносить изменения в перевод, чтобы сохранить в корпусе оригинальное предложение из реально существующего текста. С другой стороны, эффективность оценки качества машинного перевода повышается, если корпус будет более репрезентативным с точки зрения разнообразия лингвистических явлений (в т.ч. грамматических форм и лексических единиц). Таким образом, выбор варианта для корректировки осуществляется отдельно в каждом случае. Кроме того, могут приниматься во внимание и трудозатраты на редактирование каждого из вариантов.

Таким образом, при подготовке тестового параллельного корпуса на эксперта ложится задача «балансировать» между максимально возможной эквивалентностью параллельных пар предложений и естественностью перевода без ухода в буквализм и калькирование.

В ходе работы по составлению параллельного тестового корпуса для анализа качества русско-татарского машинного перевода были выявлены следующие типичные случаи, в которых проявляются различия в требованиях к эквивалентности предложений в исходных текстах и в качестве отдельных единиц параллельного корпуса. В данной статье приведены примеры корректировки татарских предложений из параллельного русско-татарского тестового корпуса [Хусаинов и др., 2022], материалом для которого стали параллельные предложения из опубликованных текстов на русском и татарском языках.

1. Исправление варианта перевода на контекстно-независимый.

Русский вариант (RU): *Бушуева сидела в кабине второй машины.*

Татарский вариант (TT): *Бушуева икенче машинаның кабинасында бара иде.*

Татарский вариант после корректировки(TTC): *Бушуева икенче машинаның кабинасында утыра иде.*

В приведенном примере наблюдается контекстная эквивалентность глаголов *сидеть* и *ехать* применительно к пассажиру транспортного средства. При корректировке осуществляется замена на прямое соответствие, а нарушения эквивалентности на более высоких уровнях не происходит, языковая естественность не теряется. Значит, корректировка оправданна. В другом примере устраняется неоднозначность *понимать – объяснять:*

RU: *Все знают – и никто не понимает.* **TT:** *Барысы да белә – һәм беркем аңлата алмый.* **TTC:** *Барысы да белә – һәм беркем дә аңламый.*

2. Удаление слова, не имеющего прямого соответствия в параллельном предложении.

RU: *Вспомнила Суок из сказки «Три толстяка».* **TT:** *«Три толстяка» әкиятендәге Суокны да искә төшерде.* **TTC:** *«Три толстяка» әкиятендәге Суокны искә төшерде.*

Как видно из примеров, параллельные предложения часто могут отличаться оттенками значений, которые привносят языковые средства с уточняющими или усилительными функциями:

RU: *По словам Тяминова Артура, картофель хорошо хранится.* **TT:** *Тяминов Артур әйтүенчә, бәрәңге бик әйбәт саклана.* **TTC:** *Тяминов Артур әйтүенчә, бәрәңге әйбәт саклана.*

3. Корректировка грамматической формы.

RU: *Минздрав ответил на предложение вернуть курилки в аэропорты.* **TT:** *Сәламәтлек саклау министрлыгы тәмәке тарту урыннарын аэропортка кайтару тәкъдименә җавап бирде.* **TTC:** *Сәламәтлек саклау министрлыгы тәмәке тарту урыннарын аэропортларга кайтару тәкъдименә җавап бирде.*

В приведенном примере для повышения эквивалентности предложений восстанавливается форма множественного числа.

4. Исправление стилистических ошибок и стилистическая корректировка перевода.

RU: *Убежище в январе в ЕС получили только 13 граждан Грузии, а 1288 гражданам дали отказ.* **TT:** *Гыйнварда ЕСта сыенуны Грузиянең 13 граждаы гына алган, ә 1288 гражданга кире кагылган.* **TTC:** *Гыйнварда ЕСта сыену мөмкинлеген Грузиянең 13 граждаы гына алган, ә 1288 гражданның утенече кире кагылган.*

Примеры из этой категории демонстрируют, что, несмотря на использование в качестве источников опубликованных текстов и их переводов, предложения могут содержать и ошибки, чаще сти-

листические. Исправление таких ошибок, с точки зрения уровней эквивалентности, обратно приведенным выше примерам, то есть уровень эквивалентности может не только понижаться, но и повышаться при корректировке, особенно, если это не связано с каким-то определенным контекстом.

В следующем примере можно наблюдать два разнонаправленных вида корректировки: с одной стороны, перевод слова *бумага* заменяется на контекстно независимый (*кәгазь* вместо *хәбәр* ‘сообщение’), и, таким образом, уровень эквивалентности понижается. С другой стороны, устраняется буквальность перевода словосочетания *со словами* с повышением уровня эквивалентности.

RU: *Они должны за подписью руководителя присылать в Роскомнадзор бумагу со словами:…* **TT:** *Алар җитәкче имзасы белән «Роскомнадзор»га мондый сүзләр белән хәбәр җибәрергә тиешләр:...* **TTC:** *Алар җитәкче имзасы белән Роскомнадзорга мондый эчтәлекле кәгазь җибәрергә тиешләр:...*

5. Добавление варианта при наличии в одном из языков синонима или синонимичной либо неоднозначной грамматической формы.

RU: *Приглашать в школы героев войны.* **TT:** *Мәктәпкә сугыш геройларын чакырырга.* **TTC:** *1) Мәктәпкә сугыш геройларын чакырырга. 2) Мәктәпкә сугыш каһарманнарын чакырырга.*

В данном примере слово *герой* в русском языке имеет два варианта перевода в татарском. Соответственно, если в тестовом корпусе будет зафиксирован только один из синонимов, полностью эквивалентный вариант перевода с другим при автоматической проверке будет оценен как неточный. По этой причине, в параллельный корпус добавляются две пары предложений, в которых варианты на одном языке совпадают, а на другом отличаются. Подобная ситуация может возникать как на уровне лексики, так и грамматики, как видно из следующего примера, который демонстрирует, что в татарском языке есть два эквивалента русской формы глагольного инфинитива.

RU: *В теории его сосчитать несложно.* **TT:** *Теориядә аны санарга авыр түгел.* **TTC:** *1) Теориядә аны санарга авыр түгел. 2) Теориядә аны санау авыр түгел.*

Добавлять варианты параллельных предложений необходимо и в тех случаях, когда какое-либо грамматическое значение в определенной форме не имеет в одном из языков отдельного формального показателя (как лицо в глаголах прошедшего времени в русском языке):

RU: *Так и скупила все в этом маленьком магазине.* **TT:** *Шулай итеп бу кечкенә кибеттәге бөтен әйберне сатып алып та бетердем.* **TTC:** *1) Шулай итеп бу кечкенә кибеттәге бөтен әйберне сатып алып та бетердем. 2) Шулай итеп бу кечкенә кибеттәге бөтен әйберне сатып алып та бетерде.*

В последнем примере, строго говоря, можно добавить еще один вариант: *сатып алып та бетердең,* чтобы были представлены формы всех трех лиц. А если принять во внимание, что в татарском языке две основные формы прошедшего времени, количество возможных вариантов дополнительно удваивается. В этом случае возможны две стратегии: включать все возможные варианты или выбирать наиболее вероятные.

Заключение. Результаты исследования показывают, что зачастую аутентичные тексты и их переводы даже при их полной параллельности/эквивалентности требуют значительного количества лексических, грамматических и других трансформаций. Большая «чистота» и точность наборов данных с точки зрения простой языковой эквивалентности позволяет повысить качество и точность машинного перевода.

Кроме того, большое значение при приведении к необходимой эквивалентности отдельных предложений имеет сохранение языковых норм и культурной идентичности. Стремление к максимальному параллелизму может привести редакторов параллельного корпуса к полному калькированию отдельных выражений и целых предложений, что будет способствовать заниженной оценке при тестировании переводов, эквивалентных на более высоких уровнях, и может негативно повлиять на качество последующих версий машинного переводчика.

При рассмотрении в рамках любых теоретических концепций эквивалентности следует стремиться к максимально возможной тождественности параллельных предложений, учитывая потенциально возможные контексты употребления отдельных единиц корпуса – конкретных предложений. С другой стороны, нужно обеспечивать наиболее адекватный перевод, который обеспечивает прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности.

Литература

Хусаинов А. Ф., Хакимов Б. Э., Шаехов М. Р. База данных тестового параллельного корпуса на русском и татарском языках. Свидетельство о регистрации базы данных 2022620573, 17.03.2022.

Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., 1975. 230 с.

Комиссаров В. Н. Общая теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: «Высшая школа», 1990. 253с.

Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М.: Высшаяшкола, 1983. 300с.

Koller W. Equivalence in Translation Theory // Ed. A. Chesterman, Readings in Translation Theory. Helsinki: Oy Finn Lectura Ab., 1989. Pp. 99–104.

© Хакимов Б. Э., Шаехов М. Р., 2022

УДК *398.8*

Хакимьянова А. М., Россия, г. Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, с.н.с.

О СОСТОЯНИИ БЫТОВАНИЯ БАШКИРСКИХ ТАКМАКОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматривается современное состояние башкирских народных такмаков. Выявляется специфика данного жанра как факта фольклорной динамики: такмаки не только занимают устойчивую позицию, но и успешно эволюционируют. Благодаря разнообразным конкурсам исполнителей такмаков, проводимым в республике, в дополнение к ранее бытующим сочиняются все новые и новые куплеты. Их отличают необыкновенная широта тематики, непосредственная ориентация на реальную жизненную ситуацию и принципиально оценочный характер содержания. В свете последних событий сочиняются новые такмаки на тему пандемии, ковид-19, самоизоляции, дистанционного обучения детей и т.д. Если раньше такмаки создавались и исполнялись преимущественно молодежью, то теперь носителями жанра являются люди пожилого и среднего возрастов. В постфольклорном пространстве такмаки бытуют и распространяются не только устно, но и письменно, при этом большую роль играют фольклорные ансамбли и самодеятельные коллективы. Размещение текстов традиционных такмаков в сети Интернет также представляет собой процесс не только архивирования, но и бытования и популяризации с помощью Интернет-технологий.

Ключевые слова: *башкирский фольклор, жанр, такмак, современность, экспедиция, распространение.*

Khakimyanova A.M., Russia, Ufa,
Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS, Senior Researcher

ABOUT THE STATE OF EXISTENCE OF BASHKIR DITTIES IN MODERN CONDITIONS

The article examines the current state of the Bashkir folk takmaks. The specificity of this genre as a fact of folklore dynamics is revealed: takmaks occupy a stable position and successfully evolve. Thanks to various competitions of takmak performers held in the republic, in addition to the previously existing ones, more and more new couplets are being composed. They are distinguished by an extraordinary breadth of topics, a direct orientation towards a real life situation and a fundamentally evaluative nature of the content. In the light of recent events, new takmaks are being written on the topic of a pandemic, covid 19, self-isolation, distance learning for children, etc. If earlier takmaks were created and performed mainly by young people, now the bearers of the genre are elderly and middle-aged people. In the post-folklore space, takmaks exist and are distributed not only orally, but also in writing, in the dissemination of which folklore ensembles and amateur groups play an important role. Placing the texts of traditional takmaks on the Internet is also a process not only of archiving, but also of being and popularization with the help of Internet technologies.

Keywords: *Bashkir folklore, genre, takmak, modernity, expedition, dissemination.*

Таҡмаҡ занимает особое место в системе жанров башкирского фольклора. Он представляет собой четырех (реже трех)-строчную ритмическую припевку, основанную на бодрой плясовой мелодии, часто остро нацеленного, шуточного характера. Такмак – это разновидность *ҡыҫҡа көй* (скорой песни), об особенностях которой А. И. Харисов пишет следующее: «*Таҡмаҡ* – прежде всего плясовая песня, вернее, припевка к пляскам, поэтому и родилась она не как песенный жанр, а как речитативно-припевный. Неслучайно в народе говорят не “петь такмак” (“таҡмаҡ йырлау”), а “припевать такмак”, дословно “сказать такмак” (“таҡмаҡ әйтеү”)» [Харисов, 1973, 138–139]. От других разновидностей скорых песен такмаки отличаются тем, что могут сопровождать различные игры, свадебные и другие обряды. Они исполняются по-разному: индивидуально или коллективно, без сопровождения музыкальных инструментов или с музыкальным сопровождением, в виде чередования коллективного и сольного пения и в виде диалогического двухголосия. Исполнение такмаков часто дополняется ритмическими ударами пальцев с наперстками по ведру или металлическому подносу [БНТ, 1983, 22]. Напевы такмаков однотипные, строятся на повторах простейших мелодических фраз и мотивов, политекстовые, то есть на один и тот же напев можно сказывать множество такмаков-текстов. Термин *такмак* с небольшими фонетическими вариациями встречается у ряда тюркских народов (шорцев, казахов, хакасов, кумыков, чувашей и татар) и служит для обозначения одного и того же жанра, традиционного для этих народов. По своей жанровой природе, манере исполнения и способам бытования такмаки близки к русской частушке.

Относительно происхождения жанра в фольклористике существуют две точки зрения: мнения о древнем (А. Н. Киреев и Б. С. Баимов) и более позднем, относящемся к XIX веку (А. И. Харисов, М. П. Фоменков), возникновении жанра. Древнее происхождение жанра Б. С. Баимов аргументирует непременной связью с пляской (а танец, как известно, – древний жанр народного искусства), 8-7-сложной структурой стиха и наличием синтаксического параллелизма (по мнению стиховедов, также древнейших особенностей поэтического творчества). По его мнению, предшественником такмаков в башкирском фольклоре был харнау – древнейший жанр, синкретически объединяющий три вида искусства: слово, музыку, танец (о чем писали И. В. Салтыков [Салтыков, 1974, 260] и А. Н. Киреев [Киреев, 1974, 254–255]) и исполнявшийся в сопровождении домбры или кубыза. «Сходство между ними не только в том, что оба жанра основаны на плясовой мелодии и сопровождаются танцевальными движениями, имеют одинаковый семисложный стих, но и в том, что и харнау, и такмак по своей композиционной форме являются своего рода обращением. Если ранний харнау – это обращение к духам, к мифическим существам, <…> в виде такмака он превращается в обращение к конкретным фактам действительности, к реальным лицам» [Баимов, 2001, 15]. О близости этих двух жанров говорит и то, что у некоторых тюркских народов, в частности у кумыков и шорцев, *сарын-сарнау* (фонетический вариант от слова «*һарнау*») означает то же, что и такмак, и

употребляется как его синоним [Аджиев, 1979, 26]. Возникнув как плясовые куплеты, способ ритмизации действий, такмак прошел длительный путь эволюции и к концу XIX в. стал одним из самых активных и популярных в народе жанров.

Впервые башкирский такмак вводится в научный оборот С. Г. Рыбаковым в 1894 г. В статье «О народных песнях татар, башкир и тептярей» он упоминает о наличии у башкир, наряду с протяжными песнями, коротких плясовых песен – такмаков [Рыбаков, 1894, 329]. Первые записи такмаков на фонограф осуществлены в 1929–1931 гг. И. В. Салтыковым. Образцы такмаков можно найти в сборнике И. И. Покровского, выпущенного несколько раньше [Покровский, 1870, 151–229]. Необходимо отметить, что до революции отношение к такмакам сводилось лишь к сбору, более серьезное внимание к ним начали уделять после Октярьской революции. Первым исследователем, обратившим внимание и научно охарактеризовавшим его, является А. Н. Киреев [Киреев, 1950, 49–62]. Он дает научное определение жанру, выявляет его идейно-эстетическое значение, показывает его место в системе жанров башкирского фольклора. В конце 70-х – начале 80-х годов XX в. исследованием такмаков занимаются С. А. Галин, М. М. Сагитов, М. А. Мамбетов, отметившие тематическое разнообразие жанра и указывающие на его художественные достоинства [БНТ, 1977; 1981]. Более полный и всесторонний анализ жанра был сделан Б. С. Баимовым, который рассматривает идейно-тематическое содержание такмаков на историческом фоне, выявляет его генетические основы, выделяет внутрижанровые группы такмака и раскрывает их особенности [Баимов, 1993; 2001].

Такмаки отличаются широтой тематики и разнообразием функций. Исходя из того, где и в каких условиях такмаки создаются и исполняются, А. Н. Киреев выделяет три основные группы: 1) такмаки, сложившиеся и исполняющиеся в процессе исполнения самих плясок, — плясовые такмаки; 2) такмаки, создающиеся и функционирующие во время массовых игр, — игровые такмаки; 3) разные такмаки [Киреев, 1950, 52]. Позже М. М. Сагитов выявляет еще одну группу — обрядовые (свадебные) такмаки [Сагитов, 1968, 176]. Музыковед Р. С. Сулейманов предлагает следующую классификацию такмаков: плясовые такмаки, предназначенные для сопровождения индивидуальных или коллективных плясок; игровые такмаки, сопровождающие массовые игры; такмаки-тиррэтляу — особая группа плясовых такмаков, исполняемая «под язык» — на мелодию такмака пропеваются несмысловые частицы (*та-та-та, лә-лә-лә*) или слова (*тиррә-тирә-тиррә-тәм, әннә гиҙер генәйем*[43] и др.); шуточные такмаки, иначе «такмаки-смешинки», исполняемые с целью развеселить, рассмешить слушателей; обрядовые такмаки, функционирующие прежде всего на традиционной башкирской свадьбе [Сулейманов, 2008, 223]. По признаку бытового назначения Б. С. Баимов подразделяет такмаки на следующие подвиды и поджанры: 1) плясовые такмаки, предназначенные для сопровождения индивидуальных или коллективных плясок; 2) игровые такмаки, сопровождающие массовые игры; 3) обрядовые такмаки, обслуживающие обрядовые ритуалы; 4) такмаки-айтыши – предназначенные для поэтического состязания (айтыш); 5) такмаки-ядкар, или такмаки-памятки; 6) сценические такмаки – предназначенные для сценического исполнения; 7) такмаки-смешинки или небылицы — для поднятия настроения, создания веселой обстановки [Баимов, 2001, 25].

Уникальна природа башкирских такмаков. С одной стороны, они, как никакой другой жанр, моментально откликаются на любое новое событие (случившиееся как в стране, так и в жизни отдельной деревни, села) и поэтому служат своеобразной «летописью» многих исторических событий. С другой стороны, как только текст утрачивает свою актуальность, злободневность, он тут же заменяется другим [Хакимьянова, 2019, 495].

Анализ экспедиционных материалов, собранных фольклористами Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН в последнее десятилетие, показывает, что, несмотря на значительное обеднение и сокращение жанрового состава фольклора и угасание некоторых жанров, такмаки занимают устойчивую позицию и по сей день активно бытуют. Если раньше исследователи отмечали, что такмаки создавались и исполнялись преимущественно молодежью, то в настоящее время носителями жанра являются люди пожилого и среднего возраста. В их популяризации большую роль играют фольклорные ансамбли и самодеятельные коллективы. Современные башкирские такмаки бытуют и передаются не только устно, но и письменно. Письменный характер распространения и бытования жанра информанты связывают с трудностями в запоминании текстов, объясняют потерей памяти, 54 % респондентов связывают это с какой-либо болезнью, 46 % – обилием информации. Очень часто информанты передают нам свои записи с текстами такмаков, которые, как правило, записываются из уст своих родителей, родственников или же односельчан. Так, например, в 2012 г. в дер. Асылгужино Кигинского района передали тетрадь с 80 текстами такмаков, записанных от Миндигалимовой Хамдуны Гарифьяновны (1930 г.р.); в 2018 г. в дер. Ахун Салаватского района мне в руки попала тетрадь с текстами 124 такмаков, записанных Яруллиной Н. К. (1951 г.р.) из уст своей матери Хановой Накии Халиловны (1924 г.р.); в 2017 г. – записи 83 такмаков, исполняемых Яндавлетовой Гайшой Абляисовной (1932 г.р.), уроженки дер. Буранбай Баймакского района РБ. В 2018 во время фольклорной экспедиции в Салаватский район фольклористам были переданы записи более 1000 такмаков, собранных в разные годы учителем башкирского языка и литературы, собирателем и хранителем народных знаний Зануфой Гайнетдиновной Гарифуллиной (1932 г.р.). Надо отметить, что обычно в репертуаре каждой такмачницы имеется два-три расхожих напева, на которые она по ситуации импровизирует тексты (но не напевы).

[43] Непереводимая игра слов, не имеющих семантического смысла.

Репертуар такмаков на рубеже XX–XXI вв. заметно изменился. Практически отсутствуют такмаки о гражданской войне, коллективизации, индустриализации страны, о комсомоле, мало такмаков о Великой Отечественной войне. Основная их масса связана с бытовой тематикой. На первом месте по популярности стоят такмаки о любви во всех ее проявлениях (встреча, свидание, ревность, разлука, измена и т.д.):

Әйләндереп һыу һибәләр — *Палубу на пароходе*
Пароход иҙәненә. — *Часто моют, воду льют.*
Ышанмағыҙ егеттәрҙең — *Ой, не верьте вы егетам,*
“Яратам” тигәненә. [А. К. М.] — *Что твердят: “Люблю, люблю”.*

Откликаясь на бытовые факты, современные такмаки отражают жизнь во всем ее многообразии. В них разоблачаются и критикуются негативные стороны жизни, несознательные члены общества – прогульщики, пьяницы, стяжатели и др.

Ҡулымдағы йөҙөгөмдөң — *На руке моей колечко*
Исемдәре Миңғата. — *Имя его Мингата.*
Авторитеты төшөп ҡалған — *Растерял авторитет,*
Беҙҙең урамда ята. [Х. М. З] — *На нашей улице валяется*

В такмаках называются конкретные имена, названия предприятий, в адрес которых направлена критика:

Ҡулымдағы балдағымдың — *На руке моей колечко*
Исемдәре – Люция. — *Под названием Люция.*
Эшләмәгән түтәйҙәр ҙә — *И не работающие тетки*
Умырып ала пенсия. [Ю. Б. М.] — *Отхватывают себе пенсию.*

Много такмаков на производственную тему, высмеивающих некачественную работу:

Өфөләрҙең ботинкаһы, — *Эх, уфимские ботинки,*
Ҡап-ҡаранан лакауай. — *Блестят лаком – как картинки.*
Ике кейеп, бер сисеүгә — *Но попробуй их надень -*
Өс-дүрт тишек гатауай. [Г. З. Г.] — *Три дыры готовы в день!*

Значительное число текстов посвящено раскрытию хозяйственных и социальных проблем современного общества:

Һеҙҙә к(ы)луб һалалармы, — *Клуб построен ли у вас?*
Беҙҙә к(ы)луб һалалар. — *А у нас, поверьте,*
Шуның һалынғанын көтөп, — *Затянулось так, что стали*
Ҡартайҙылар балалар. [В. Н. Р.] — *Стариками дети.*

Такмаки позволяют публично обсуждать наболевшее: утрату традиционных моральных устоев, определяющих сущность человеческих взаимоотношений, менталитет нации, социальные проблемы, поведение молодежи и следование ее общечеловеческим нормам, в них высказывается все то, о чем не принято говорить открыто:

Ҡыҙҙар хәҙер тиштерәләр — *Сейчас девушки дырявят*
Танауын һәм кендекте. — *И свой нос, и свой пупок.*
Ун һигеҙе тулған ҡыҙҙың — *У восемнадцатилетней девки*
Бөтөн ере тишекле. [А. С. Б.] — *Везде все продырявлено.*

Главным их назначением, как одного из жанров народной лирики является не рассказ о тех или иных событиях и фактах жизни, а передача определенной эмоциональной оценки, выражение мыслей и чувств по поводу того или иного события. Казалось бы, такая романтическая тема, как любовь, в такмаках переплетается, сливается с жизненными реалиями и ситуациями. В них даже затрагивается тема однополых отношений:

Ринат һөйә Әлфиәне, — *Ринат любит Альфию,*
Әлфиәһе – Шамилды. — *А Альфия –Шамиля.*
Шамил инде күптән һөйә — *Так Шамиль давно уж любит*
Илгиз менән Камилды. [Х. Н. Х.] — *Ильгиза и Камиля.*

Современная фольклорная действительность сохранила такмак как жанр, функционирующий в естественных условиях. Такмаки представляют собой самый мобильный, еще не потерявший активные импровизации жанр в башкирской свадьбе [Хакимьянова, Султангареева, 2018, 20]. Сопровождая эпизоды прихода свата (*яусы килеү*), жениха (*кейәү килеү*), обрядового угощения “*йыуаса*” (гостинцы), танцы сватов, испытания танца жениха и проводы сватов, такмаки комментируют, поясняют, поэтизируют обрядовые ритуалы, помогают раскрыть психологические переживания участников свадьбы, выражают чувства и настроения исполнителей. Широко распространенные такмаки охаивания, обругивания адресуются конкретным свадебным персонажам (свату, жениху и т.д.):

Быйылғы йыл ниндәй йыл, — *Что случилось в этом году*
Бурата ла бурата? — *Все метет да метет?*
Ҡоҙа, әйҙә, йәһәтерәк ҡайт, — *Сват, скорее уезжай ты,*
Күршең тунын һората. [М. Х. Г.] — *Шубу просит ведь сосед.*

Традиционный художественный прием в поэзии охаивания – описание внешнего облика и физических качеств в нарочито уродливых формах; считалось, что сквернословие отгоняет злых духов:

Быҙауҙарын ябырға — *Сват Кутуй своим телятам*
Ҡотой кәртә кәртәләй. — *Взялся мастерить загон.*
Яусы булған Ҡотойҙоң — *На него посмотришь – будто*
Йке бото тәртәләй. — *На оглоблях ходит он.*

[Хакимьянова, Султангареева, 2018, 31]

В полиэтнической среде Башкортостана зафиксировано распространение билингвистических такмаков-частушек, которые создаются путем внесения отдельных русских слов в башкирские такмаки. Приведем несколько примеров:

Ҡулымдағы йөҙөгөмдөң — *На руке моей колечко,*
Исемдәре Әүхәҙи. — *Его имя Аухади.*
Һөйөр булһаң, иди сюда, — *Если любишь, иди сюда,*
Һөймәҫ булһаң, уходи! [Х. М. З.; Т. М. С.] — *Коль не любишь, уходи.*

Особой «питательной средой» для функционирования такмаков являются Интернет (выкладываются как сочинителями, так и пользователями) и СМИ (присланные читателями), ориентирующие пользователей на свободу самовыражения и отсутствие всякой цензуры. Бытующие в СМИ и Интернете такмаки специально сочиняются по случаю (конкурсы, реклама) и представляют сферу письменного фольклора. Так, в материалах с личной страницы Кумушбаева Х. А. (сайт В Контакте) представлены такмаки, посвященные на тему тотальной компьютеризации и цифровизации:

Иртән тороп тышҡа сыҡһам, — *Вышел рано поутру –*
Һандуғастар уҫаҡта. — *Соловьи в осиннике.*
Бер минутҡа ингән инем, — *На минуточку зашел –*
Көнөм уҙҙы ватсапта. [Кумушбаев, 2020] — *День прошел в ватсапе.*

Также не остались вне поля зрения такмаков темы пандемии, ковид-19 и самоизоляции:

Коронаны башҡа кейеп, — *Надев на голову корону,*
Вирустар йөрөй бейеп. — *Везде танцуют вирусы.*
Тышҡа ла сыға алмағас, — *Народ сидит, горюет дома,*
Бар ил ултыра көйөп. [Такмак, 2020] — *Не может выйти на улицу.*

Особую встревоженность населения вызвало дистанционное обучение детей, что, естественно, отразилось в современных такмаках. В них отображаются переживания по поводу отмененных занятий и трудности дистанционного обучения:

Дистанцион дәрес тиеп — *От дистанционных уроков*
Ҡатырабыҙ башыбыҙ. — *Голова кругом идет.*
Ярым-ярты уҡыу менән — *С такой кое-как учебой*
Наҙан ҡала халҡыбыҙ. [Такмак, 2020] — *Станет неучем народ.*

Несмотря на всю сложность обучения online и трудную обстановку в связи с распространением коронавируса, такмаки сохраняют оптимистичный настрой:

Ҡош киҙеүе тинеләр, — *Нам сказали, птичий грипп,*
Тауыҡтарҙы үлтерҙек. — *Куриц нужно перебить.*
Коронавирус ауырыуын — *И болезнь короновируса*
Булыр әле бөтөрөп. [Кумушбаев 2020] — *Думаем остановить.*

В настоящее время проводятся онлайн-праздники и обряды, создаются разнообразные группы общения, реализуются виртуальные этнопроекты. Организуются различные флешмобы, конкурсы исполнителей такмаков, мунажатов, сенляу и т.д. Благодаря проводимым в республике разным конкурсам исполнителей такмаков, в дополнение к ранее бытующим куплетам, сочиняются новые. Так, в 2020 году при инициативе Республиканского центра народного творчества был проведен онлайн-конкурс исполнителей такмаков “Таҡмаҡ батл”. На страницах социальных сетей начали появляться тексты, аудио- и видеозаписи современных такмаков:

Таҡмаҡ батл, таҡмаҡ батл, — *Такмак батл, такмак батл,*
“Батл” нимә аңлата? — *Что означает “батл”?*
Ошо һүҙҙе әйтә алмай, — *Произнося это слово,*
Телем һындырҙым хатта. [Кумушбаев, 2020] — *Чуть язык свой не сломал.*

В связи с последними событиями в стране, связанными с повышением цен на продукты питания (в частности, на сахар), исчезновением некоторых из них с полок магазинов, в сети интернет появились соответствующие такмаки:

Алмалары үҫер әле, — *В саду яблоки растут,*
Бер тулып бешер әле. — *Налились и созревают.*

Күтәрелгән хаҡтары ла	*И поднявшиеся цены*
Бер ҡолап төшөр әле! [Валиева, 2022]	*Скоро-скоро упадут!*

Таким образом, такмаки являются одним из востребованных жанров устно-поэтического творчества башкир. Если раньше они создавались и исполнялись преимущественно молодежью, то в настоящее время носителями жанра являются люди пожилого и среднего возраста. Основная масса такмаков связана с бытовой тематикой. Современные такмаки бытуют и передаются не только устно, но и письменно. Они функционируют в естественных условиях – в основном в деревенской среде (танцевальные, игровые, обрядовые); в «концертных» условиях (сценические такмаки) и в условиях, провоцирующих воспроизводство и создание текстов такмаков в письменной форме: в Интернете и в СМИ.

Литература

Аджиев А. М. Жанр кумыкских четверостиший-частушек «сарын» и «такмак» // Жанры фольклора народов Дагестана. Махачкала: Изд-во Даг. филиала АН СССР, 1979. С. 26–48.

Баимов Б. С. Бери гармонь, пропой такмак. Уфа: Китап, 1993. 176 с. (на башк. яз.)

Баимов Б. С. Башкирские народные такмаки. Уфа: Аэрокосмос и ноосфера, 2001. 224 с.

БНТ, 1977 – Башкирское народное творчество. Песни. Книга вторая / составитель, автор вступительной статьи и комментариев Салават Галин; ответственный редактор Ким Ахмедьянов. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1977. 296 с. (на башк. яз.)

БНТ, 1981 – Башкирское народное творчество. Советский период. Книга первая: Баиты. Песни. Такмаки / составитель, авторы вступительной статьи и комментариев М. М. Сагитов, М. А. Мамбетов. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1981. 392 с. (на башк. яз.).

БНТ, 1983 – Башкирское народное творчество. Песни и наигрыши. / составитель, автор вступительной статьи и комментариев Р. С. Сулейманов; ответственные редакторы Р. В. Сальманов, М. М. Сагитов. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1983. 312 с. (на башк. яз.).

Киреев А. Н. Развитие жанра такмак // Литературный Башкортостан. 1950. № 4. С. 49–62.

Киреев А. Н. Фольклорные записи И.В. Салтыкова // Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала. Вып. 1. Уфа: РИЦ БГУ, 1974. С. 252–257.

Кумушбаев Х. А. Материалы с личной страницы. URL: https://vk.com/khajdar (дата обращения: 06.04.2020).

Покровский И. И. Сборник башкирских и татарских песен // Записки Оренбургского отдела императорского русского географического общества. 1870. Вып. 1. С. 151–229.

Рыбаков С. Г. О народных песнях татар, башкир и тептярей. // Живая старина. 1894. Вып. 3–4. С. 329–330.

Сагитов М. М. О современных такмаках // Башкирская советская литература и вопросы народного творчества. Уфа: Башкнигоиздат, 1968. С. 174–189.

Салтыков И. В. Башкирские народные песни // Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала: сб.ст. Вып. 1. Уфа РИЦ БГУ, 1974. С. 258–279.

Сулейманов Р. С. Проблемы классификации башкирской музыки: мелодический тип кыска-кюй и его жанры // Урал–Алтай: через века в будущее. Материалы III Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 110–летию со дня рождения Н.К. Дмитриева. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. С. 220–224.

Такмак, 2020 – Таҡмаҡ әйтешеү (встречное исполнение такмаков) URL: https://vk.com/takmakbatle (дата обращения: 10.07.2020).

Хакимьянова А.М., Султангареева Р.А. Башкирские свадебные песни (текст и практика). Уфа: Мир печати, 2018. 176 с., ил.

Хакимьянова А. М. Башкирские народные такмаки // Oriental Studies. 2019. № 3. С. 492–501.

Хакимьянова А.М. Лирические песни башкир: Поэтика. Концептосфера. Уфа: Китап, 2019. 160 с.

Харисов А. И. Литературное наследие башкиркого народа. Уфа: Башкнигоиздат, 1973. 177 с.

Валиева, 2022 – Валиева Т.: материалы с личной страницы. URL: https://vk.com/id248700560 (дата обращения 25.03.2022).

Список информантов

А. К. М. – Алгазина Киньябика Муллагалиевна, ж., 1935 г.р., род. в дер. Атик Бурзянского р-на РБ. Зап. Хакимьяновой А.М. в 2009.

А. С. Б. – Альмухаметова Салима Базгутдиновна, ж., 1927 г.р., род. в дер. Нижне-Тюкунево Кармаскалинского р-на РБ, пенсионерка. Зап. А. М. Хакимьяновой 11.07.2019.

В. Н. Р. – Вахитова Натижа Рафиковна, ж., 1939 г.р., род в дер. Юлбарыс Хайбуллинского р-на РБ. Зап. А.М.Хакимьяновой 06.2010.

Г. З. Г. – Гарифуллина Зануфа Гайнетдиновна, ж., 1932 г.р., род. в дер. Идельбаево Салаватского р-на РБ. Зап. Р. Р. Зинуровой 15.09.2018.

М. Х. Г. – Миндигалимова Хамдуна Гарифьяновна, ж., 1930 г.р., род. в дер. Асылгужино Кигинского р-на РБ. Зап. А. М. Хакимьяновой в 2010.

Т. М. С. – Тарханова Минлебану Сафиевна, ж., 1927 г.р., род. в дер. Чебаркуль Салаватского р-на РБ. Зап. А. М. Хакимьяновой 22.06.2018.

Х. М. З. – Хуснехужина Марьям Зиевна, ж., 1930 г.р., род. в дер. Калу-Айры Ишимбайского р-на РБ, пенсионерка. Зап. А. М. Хакимьяновой 15.06.2016.

Х. Н. Х. – Ханова Накия Халиловна, ж., 1924 г.р., род. в дер. Ахун Салаватского р-на РБ. Зап. А. М. Хакимьяновой 18.06.2018.

Ю. Б. М. – Юнусова Багиза Мухаметкиреевна, ж., 1925 г.р., род. в дер. Абиш Хайбуллинского р-на РБ, пенсионерка. Зап. в 2010 г. А. М. Хакимьяновой 06.2010.

© Хакимьянова А. М., 2022

УДК *37.013.43*

Хакназаров С. Х., Россия, г. Ханты-Мансийск
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
к. геол-мин. н., профессор РАЕ

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА: НА ПРИМЕРЕ КОНДИНСКОГО РАЙОНА ХМАО – ЮГРЫ

В работе обобщаются результаты социологического исследования, проведенного по рассматриваемой тематике на территории Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2019 году. Исследования проводились анкетным методом. Анкета содержала 28 вопросов с вариантами ответов. Респондентам нужно было выбрать только те из них, которые они считали приемлемыми. Результаты мониторинга обработаны в программе для обработки социологической информации «Vortex 10».

Ключевые слова: *родной язык, использование, общественная значимость, коренные народы Севера, респонденты, Кондинский район.*

Khaknazarov S. H., Russia, Khanty-Mansiysk
Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development,
Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Professor of RAE

ON THE FUNCTIONING OF THE NATIVE LANGUAGES OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH: ON THE EXAMPLE OF THE KONDINSKY DISTRICT OF KHMAO – YUGRA

The paper summarizes the results of a sociological study conducted on the subject under consideration in the Kondinsky district of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra in 2019. The research was carried out by the questionnaire method. The questionnaire contained 28 multiple choice questions. Respondents had to choose only those that they considered acceptable. The monitoring results were processed in the program for processing sociological information "Vortex 10".

Keywords: *native language, use, social significance, indigenous peoples of the North, respondents, Kondinsky district.*

В Федеральном законе "О языках народов Российской Федерации" [Закон РФ] отмечено, что Российская Федерация гарантирует всем ее народам независимо от их численности равные права на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения. Российская Федерация гарантирует каждому право на использование родного языка, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества независимо от его происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания. Равноправие языков народов Российской Федерации охраняется законом. Никто не вправе устанавливать ограничения или привилегии при использовании того или иного языка, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Нормы, устанавливаемые настоящим Законом, распространяются на граждан Российской Федерации, а также на иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации.

В.А. Кожемякина [Кожемякина, 2008] отмечает, что языковая политика, проводимая по отношению к этническим языкам, основывается на пяти основных принципах: 1) нормальное функционирование языка в сфере семейного общения; 2) употребление языка в общественной жизни данной общины; 3) обучение языку предков в школах; 4) расширение границ использования языка путем вовлечения новых сфер общения; 5) обеспечение существования этнических языков при помощи законов и конституции.

Статус языка – результат, сформировавшийся на основе функций языка, признания ценности его роли. Поэтому, как правило, говорят о высоком статусе языка (не принято говорить о низком статусе языка). Статус и престижность языка выражают отношение власти через восприятие говорящих людей, а также качество языковой идентичности группы. Поэтому статус обычно находится в зависимости от самооценки говорящих людей на данном языке. Важно отметить, что значимым институтом социализации является семья. Именно в семье закладываются первые языковые навыки.

В 2019 г. сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок методом анкетирования проводили мониторинг состояния родных языков на территориях рассматриваемого района с целью изучения современного состояния и функционирования родных языков коренных народов Севера,

Объем выборки составила 188 человек: 63% женщин и 33,5% мужчин. Среди респондентов 50,3% отнесли себя по национальности к ханты, 49,2% – к манси. По возрасту среди респондентов представлены все возрастные группы, наиболее многочисленные группы в возрастных группах 31–40 лет – 35,4% и 41–50 лет – 18,2%. Опрошены жители 4-х населенных пунктов с компактным проживанием коренных народов Севера (КНС): пп. Кондинский, Алтай, Болчары и Шугур.

Образовательный уровень респондентов достаточно высокий: 38,1% имеют среднее профессиональное, 36% – общее среднее, 24,3% – незаконченное высшее и высшее образование. Наиболее высокий уровень образования в возрастных группах 31–40 лет и 41–50 лет.

Среди респондентов по роду занятий преобладают служащие (21,0%) и работники сферы образования (18,8%).

Больше половины респондентов назвали родным языком русский язык (50,5%), другая половина примерно в равных количествах назвали родным хантыйский (20,2%) и мансийский (24,5%) языки.

Затрагивая вопрос о значимости родных языков, отметим, что чуть более половины респондентов (57,7%) отвечая на вопрос: *«Что означает для Вас родной язык?»* отметили, что это «язык моих предков». Для 9,4% респондентов языки КНС – это их родные языки. Язык близкий друзей и знакомых – 1,9%, чужой язык – 6,6%. 17,9% респондентов отметили, что языки КНС для них ничего не значат. Затруднились с ответом – 7,5%. Сопоставление данной информации с информацией об этнической принадлежности показывает несовпадение национальности респондентов с их родным языком. Как видим, большинство респондентов утратило связь с языком своего этноса. Для этой категории родным языком стал русский язык.

Результаты исследования показали, что подавляющее большинство респондентов (96,3%) предпочитает общаться в семье на русском языке. Респонденты в подавляющем большинстве (92,6%) отметили, что родители с ними общались на русском языке, всего по 3 человека (по 1,6%) указали, что в детстве с ними общались на родном языке или на двух языках в равной степени.

Далее, отвечая на вопрос*: «Есть ли желание выучить родной язык?»*, большая часть респондентов (62,8%) отметили, что не желают учить родной язык. Желают учить родной язык 31,9% респондентов. Наиболее активны в вопросе изучения родного языка респонденты среднего возраста 31–50 лет. Опрошенные респонденты старше 60 лет высказали о нежелании выучить родной язык. Мотивация у этих групп различная: одни не видят необходимости, у других – возраст не позволяет. Из респондентов, желающих выучить родной язык, в равной доле назвали хантыйский (51,7%) и мансийский (50,0%) языки.

Наиболее часто нежелание изучать родной язык аргументируют нецелесообразностью, отсутствием необходимости в нём (22,5%), желания (12,7%), среды общения и по причине большого возраста респондента (по 8,5%); но чаще всего встречается отсутствие объяснений – не дали ответ 41,5% респондентов КНС.

Касаясь вопроса общественной значимости своего родного языка, абсолютное большинство респондентов района (88,3%) общественную значимость родного языка оценило как недостаточно высокую и как низкую (табл. 4). Лишь 13,8% респондентов дали высокую оценку (табл. 4). Данная оценка не зависит от образования респондентов.

Оценивая жизнестойкость своего родного языка, более половины респондентов (55,9%) высказали опасения о жизнестойкости родного языка, при этом 37% затруднились дать оценку (табл. 5). Большая часть затруднившихся с выбором ответа указывает на то, что люди не задумываются о сохранении родного языка.

Желают выучить родной язык 32,0% респондентов, в то же время 63% опрошенных не желают учить родной язык. Наиболее активны в вопросе изучения родного языка респонденты среднего возраста 31–50 лет, опрошенные из числа молодых (до 30 лет) и пожилого возраста (старше 60 лет) высказали нежелание учить родной язык. Мотивация у этих групп различная: одни не видят необходимости, у других – возраст не позволяет.

Из респондентов, желающих выучить родной язык, в равной доле назвали хантыйский (50,0%), мансийский (48,4%) и другой (1,6%) языки.

Отвечая на вопрос: *«Вы желаете, чтобы Ваши дети или внуки владели родным языком?»,* 40,4% опрошенных отметили, что не видят необходимости в том, чтобы их дети или внуки знали родной язык, 26,6% выразили желание, чтобы они умели говорить, понимать, читать и писать на родном языке.

Только каждый пятый респондент (19,1%) считает, что в школах необходимо увеличить количество часов на изучение родного языка, больше половины (55,4%) затруднились дать ответ на вопрос.

Большинство респондентов (81,2%) отметили, что не читают газеты и журналы на родном языке. С незнанием родного языка связаны отрицательные ответы на вопрос о чтении газет и журналов на родном языке. Всего лишь 4,5% респондентов читают издания такого рода.

Результаты нашего опроса показали, что 22,6% респондентов иногда смотрят (слушают) теле-, радиопередачи, вместе с тем большая часть опрошенных (76,8%) ответили на данный вопрос отрицательно.

Всего 6,1% респондентов исполняют песни, стихи на родном языке, а 45% – только на русском языке.

Значительное большинство респондентов (75,7%) высказались за сохранение родного языка, против – каждый пятый.

При этом 61,1% респондентов не знают, что для этого необходимо сделать, а основная рекомендация «учить язык в школе и детском саду» (23,3%) видится слишком простой.

В целом результаты исследования показывают, что:

– больше половины респондентов назвали родным языком русский язык, что можно объяснить тем, что детство этих людей прошло в смешанных семьях, где русский язык выполнял коммуникативную функцию. Таким образом, родные языки уходят из среды коммуникации между родственниками, усугубляя ситуацию с сохранением родных языков КНС;

– касаясь вопроса значения родных языков для респондентов отметим, что большинство респондентов считает, что это языки их предков. Лишь незначительная доля респондентов ответили, что это их родной язык. Как видим, абсолютное большинство респондентов утратило связь с языком своего этноса. Для этой категории родным языком стал русский язык;

– больше половины респондентов общественную значимость родного языка оценили как низкую;

– более половины респондентов высказали опасения о жизнестойкости родного языка. Значительное большинство респондентов считает, что необходимо сохранить родной язык, но не знает, что для этого необходимо сделать;

– большая часть респондентов отметили, что не читают газеты и журналы на родном языке. С незнанием родного языка связаны отрицательные ответы на вопрос о чтении газет и журналов на родном языке.

Литература

Закон РФ от 25.10.1991 N 1807-1 (ред. от 12.03.2014) "О языках народов Российской Федерации". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/7d4f737e756645dc3056cac7b854229de806aa7e/ (дата обращения: 22.11.2016).

Кожемякина В.А. Ситуация языков коренных малочисленных народов Севера в условиях глобализации // Социология и общество: пути взаимодействия // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Инс-т социологии РАН, РОС, 2008. С.69.

© Хакназаров С. Х., 2022

УДК *821. 512.37*

Ханинова Р. М., Россия, г. Элиста
Калмыцкий научный центр РАН, зав. отделом фольклора и литературы

ЖАНР ЙОРЯЛ В ЛИРИКЕ САНДЖИ КАЛЯЕВА*

В статье рассмотрен авторский жанр благопожелания (йорял) в лирике калмыцкого поэта Санджи Каляева (1905–1985) на основе публикации таких произведений в его собрании сочинений. Выявлены тематика и адресация авторских благопожеланий, сочетающих традицию с современностью. Анализ репрезентативных образцов текстов поэта показал синтез фольклора и литературы, обращение к народным афоризмам, разный объем произведений, следование национальному стихосложению. Все тексты в названии отражают жанровую направленность и адресата, что свидетельствует о целенаправленном освоении автором фольклорного аналога. Созданные в разные годы благопожелания С. Каляева подтверждают расширение жанровой парадигмы калмыцкой поэзии XX века.

Ключевые слова: *жанр, благопожелание, фольклор, калмыцкая поэзия, традиция.*

Khaninova R. M., Russia, Elista
Kalmyk Scientific center of the RAS,
Head of the Folklore and Literature Department

THE GENRE OF YORAL IN THE LYRICS OF SANJI KALYAEV**

The article considers the author's genre of benevolence (yoryal) in the lyrics of the Kalmyk poet Sanji Kalyaev (1905–1985) based on the publication of such works in his collected works. The subject matter and addressing of the author's well-wishes combining tradition with modernity are revealed. The analysis of representative samples of the poet's texts showed a synthesis of folklore and literature, an appeal to folk aphorisms, a different volume of works, following the national versification. All the texts in the title reflect the genre orientation and the addressee, which indicates that the author purposefully mastered the folklore analogue. The benevolences of S. Kalyaev created in different years confirm the expansion of the genre paradigm of Kalmyk poetry of the twentieth century.

Keywords: *genre, benevolence, folklore, Kalmyk poetry, tradition.*

Жанр благопожелания (калм. йөрәл) – один из самых распространенных в калмыцком фольклоре, сохранившийся и обновляющийся и в наши дни. Как элемент обрядов, он претерпел определенные трансформации, приобрел и самостоятельное значение, в том числе и в калмыцкой литературе. Йорял сопровождал человека от рождения до смерти, отражая его личное и общественное существование. Если в калмыцкой фольклористике этот жанр активно изучается с 1960-х гг. [Калмыцкий фольклор, 1985; Хабунова, 1998; Борджанова, 1999; Борджанова, 2007; Сарангов, 2010 и др.], то в калмыцком литературоведении авторский йорял не стал еще объектом и предметом отдельного исследования.

Один из классиков калмыцкой литературы, народный поэт Калмыкии Санджи Каляевич Каляев (1905–1985), знаток устного народного творчества, создал авторские йорялы, опубликованные в разные годы. В первом томе собрания сочинений, куда вошли произведения писателя, созданные с 1924 г. по 1967 г., в 3 разделе отдельно представлены благопожелания («Йөрәлмүд»). Это 13 произведений разного объема, некоторые состоят из нескольких частей. Их названия передают назначение и адресацию: «Бәһчудин йөрәл» («Молодежное благопожелание»), «Шин бүүрин йөрәл» («Благопожелание новому месту кочевья»), «Цаһанла тәвдг йөрәл» («Благопожелание по случаю праздника Цаган»), «Өмскүлин йөрәл» («Благопожелание при подношении одежды»), «Бәһчудын нәр йөрәлһн» («Благопожелание молодежному гулянию»), «Унулсн мөрнә йөрәл» («Благопожелание, посвященное первой езде на коне»), «Шин бере йөрәлһн» («Благопожелание невестке»), «Хаалһин цацлын йөрәл» («Благопожелание окроплением в дорогу»), «Һурвн савла тәвдг йөрәл» («Благопожелания, произносимые на обрядах третьего этапа сватовства»), «Юм ишклһнә йөрәл» («Благопожелание при кройке и шитье»), «Көвүнә герин йөрәл» («Благопожелание дому молодожена»), «Дотр махна йөрәл» («Благопожелание дотуру»), «Цацлын тавн йөрәл» («Благопожелание, посвященное пяти окроплениям»). Все эти произведения не имеют датировки, без обозначения места создания. Они в основном носят традиционный характер, связанный как с обрядовыми действиями, так и с хозяйственно-бытовой деятельностью – взросление мальчика (первая поездка на коне), переезд, дорога, пища, кройка и шитье, обновка, гулянка, сватовство, свадьба, новоселье и др. В то же время здесь нет йорялов, посвященных жертвоприношениям земле, огню, воде и т. д., и носящих сакральный смысл и назначение: обращение к божествам, к их милости и поддержке, поскольку религия была в советский период под государственным запретом. Не вполне ясен порядок расположения благопожеланий в разделе книги, во всяком случае он, не тематический, хотя собрание сочинений издавалось при жизни автора.

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).

** The paper was prepared within the framework of the research work of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences “Oral and written heritage of the Mongolian peoples of Russia, Mongolia and China: transboundary traditions and interactions” (State registration number AAAA-A19-119011490036-1).

В названии произведений поэтом указан жанр (йөрәл, йөрәлһн), что свидетельствует об авторской направленности при их создании.

Исследователи подразделяют благопожелания на традиционные – «хуучн йөрәл» («старинные благопожелания») и «шин йөрәл» («новые благопожелания»). К новым относятся благопожелания, созданные в советскую эпоху. К ним примыкают теперь и современные благопожелания.

Реалии советского времени отразились в ряде авторских йорялов калмыцких поэтов, в том числе Санджи Каляева. Например, в «Бəһчудин йөрәл» («Молодежное благопожелание») – это упоминание В. И. Ленина, К. Маркса, Коммунистической партии, героев Гражданской и Великой Отечественной войн – Нармы Шапшуковой, Эрдни Деликова, Тамары Хахлыновой, строительства социализма, столицы Калмыкии – Элисты.

В некоторых йорялах Каляева включение калмыцких поговорок и пословиц представляет собой авторскую перекличку с народными афоризмами. Например, в трехчастном «Бəһчудин йөрәл» («Молодежное благопожелание»), адресованном от имени элистинской молодежи старшему поколению, матерям, поэт по-новому интерпретирует калмыцкую поговорку: «Экин санан үрнд, үрнә санан көдəд» («Мысли матери – о детях, мысли детей – о степи») [КРС, 1977, 693]. Он задается вопросом: «Экин санан үрнд, үрнә санан?..» [Каляев, 1980, 309] («Мысли матери – о детях, а мысли детей?..»). И тут же утверждает: «Үрнә санан оньдин ээждəн» [Каляев, 1980, 309], т. е. «мысли детей всегда о матери». И в следующей строке поэт повторяет эту мысль, усиливая сказанное восклицательным знаком: «Үрнә санан оньдин ээждəн!» [Каляев, 1980, 309]. В данном случае его утверждение не вступает в противоречие с народной мудростью, гласящей о том, что для детей характерно стремление освоить действительность за пределами семьи. Автор здесь актуализирует роль семьи в воспитании, обратную связь между взрослыми и детьми: «эк-эцкин үг соңс, теднə дурн тавларнь» [КРС, 1977, 693] («слушайся мать и отца, живи по их желанию»). Каляев благословляет: «Үрдүдтн ачитн медсəр / Үлгүриг иигж хүврəтхə. / Үргүлжин мөңк байр / Үүдн болһндтн цецглтхə!» [Каляев, 1980, 309]. («Ваши дети, познав ваши заслуги, поговорку так изменят. Пусть вечная радость расцветает у каждой двери!»). Как правило, йорял завершается глаголом повелительного наклонения, направленным на исполнение в будущем сказанного.

В другом благопожелании «Һурвн савла тəвдг йөрəл» («Благопожелания, произносимые на обрядах третьего этапа сватовства»), состоящем из двух частей, поэт сразу начинает йорял с калмыцкой пословицы: «хол һазриг өөртхдгнь мөрн эрднь, хойр күүг иньглүлдгнь күүкн эрднь», т. е. «драгоценность – лошадь, делающая далекие расстояния близкими, драгоценность – девушка, делающая двух людей друзьями» [КРС, 1977, 592–593]. У Каляева: «Хол һазриг өөр кегч – / мөрн-эрдни. / Хойр күмиг иньг кегч – / күүкн-эрдни» [Каляев, 1980, 316]. Во второй части йоряла автор, сравнивая молодых людей с золотом, обращается к калмыцкой поговорке о том, что золото в песке не затеряется: «Алтн шорад даргддго» [Каляев, 1980, 317]. «Мана му үрдүд – / Мел эн алтн мет, / Седклдəн кир уга, / Севркəдəн заг уга, / Хаһцг уга дурта, / Хар уга саната – / Мел мана йөрəлəр / Мөңк жирһл эдлтхə!» [Каляев, 1980, 317]. В благопожелании сватов словосочетание «му үрдүд» («плохие дети») передает суеверие предков, чтобы не сглазить ожидаемое счастье будущей семьи («Наши плохие дети подобны этому золоту, пусть будут чистыми душой, без установления пределов (букв. в межреберье без щелей), без расставаний, без плохих помыслов, с помощью нашего благопожелания пусть познают вечную жизнь!»).

Ср. с фольклорным образцом «Һурвн савла тəвдг йөрəл»: «Аав, ээж заясн / Хойр му үрəн кү кехəр / Худ-сад бəрлджəх, / Хəəртə элгн-садн болжах мадн / Татв гиж тасршго, / Матилһв гиж матишго, / Эрəн-томан уга / Элгн-садн болый. <…> Мы, желая сделать людьми / Своих неустроенных детей, / Рожденных отцом и матерью, / Становимся дорогими родственниками. / Будем дружными родичами, / Если будут тянуть – неразрывны будем, / Если будут гнуть – не согнемся!» [цит. по: Хабунова, 1998, 49]. На этих обрядах третьего этапа сватовства мотив породнения становится одним из главных, определяя метафорический смысл составных элементов сватовства (словно клей для прочности союза, словно золото для великой дружбы, словно серебряная монета для чистоты взаимоотношений, чтобы прекрасные дети, сойдясь по закону предков, были счастливы): «Зусар наасн мет / Алдршң уга бат, / Зөөр болдг алтн мет / Алдр ик нинүртə, / Цаһан мөңгн кевтə / Цевр цаһан седклтə, / Хойр сəəхн үрдмдн / Орчлңгин йосар ханьцж, / Өөрдин заңгар жирһтхə!» [цит. по: Хабунова, 1998, 148].

Таким образом, у Санджи Каляева в приведенных примерах наблюдаем синтез жанра авторского и фольклорного благопожелания с включением калмыцких пословиц и поговорок.

Среди благопожеланий, адресованных пище (чаю, кумысу, мясу и т. д.), интересен йорял, связанный с приготовлением дотура. «Дотр – внутренности, потроха» [КРС, 1977, 208]. «Когда свежевали барана, сначала варили внутренности (почки, печень, рубец и т. д.), затем все это крошили и протушивали, после чего накладывали в чаши (тевш). Один из членов семьи (мужчина), стоя, держал перед собой тевш, а самый почетный старик произносил благопожелание:

Цагин дунд бəəлһж, / Цасн цавд үвлзүлж, / Эцк нас өгч. / Йов гих зарһ уга. / Ях гих өвчн уга, / Көк девəн өвснд, / Киитн булгин уснд, / Зуд уга һолд, / Дəн уга давд, / Ижлнь олн болж, / Идсн махнь маднд / Аршан болтха («Во все времена охраняя, / Зимовку среди прогалин проведя, / Пусть предок дарует сча-

стье. / Без болезней (будьте). / Среди луговых трав, / У холодного родника / У речной (долины), где не бывает бескормицы, / У перевала, / Где не бывает войн, / Чтобы (овец) множество было. / Вкушаемое мясо нам / Да будет (полезным) целительным») [Сарангов, 2010, 38–39].

Благопожелание С. Каляева «Дотр махна йөрәл» состоит из 3 частей, обозначенных римскими цифрами. В первой части звучит обращение к предкам, которым воздается жертвенная пища (калм. дееж), чтобы они могли поесть, попить, даруя потомкам счастье. Во второй части – благословение скоту, основе пропитания кочевников, чтобы он множился на степном просторе. При этом в начале первой части повелительный глагол «Цааран хәлә!» («Посмотри туда!») [Каляев, 1980, 319] направляет внимание слушателей в прошлое, в начале второй части повелительный глагол «Нааран хәлә!» («Посмотри сюда!») [Каляев, 1980, 319] обращен в настоящее. Наконец, в начале третьей части междометие с императивом «Нә, тәв!» («Ладно, клади!») означает приглашение отведать дотур. «Мөңкин дөрвн цагт / Мана көгшдин зокалар: / Хө, хурһан хүрмнҗ – / Хотарн цуһарн цуглрж, // Дотр-дөрвән идшлҗ, / Делкә мини – гилдҗ, / Күүкн болһнд – зүркн, / Көвүн-бичкнд – бөөр. // Өвгдт нуһлур – кемҗән, / Эмгдт – элкн-семҗән… / Цуг хотарн, цуһарн / Цуста дотран хуваций» [Каляев, 1980, 320]. («Во все вечные четыре времени по нашим старинным правилам, на пиршестве баранины и ягнятины, собравшись все вместе, отведаем дотур, сказав «мой мир», девочкам дадим сердце, мальчикам – почки»). По словам современного исследователя, при разделке внутренних органов животных «почки отдавали мальчикам, чтобы они были храбрыми, девочкам сердце как угощение» [Борджанова, 2007, 352]. Отдельное угощение, как следует из каляевского текста, преподносилось старшим: старикам давали одну из разновидностей колбасы, старухам – печень-сальник. Всем предлагалось отведать дотур с кровью.

Обращение к предкам с просьбой благословить и сберечь характерно для йоряла, в том числе и авторского. Так, и в начале благопожелания С. Каляева «Цацлын тавн йөрәл»: «Аав-ээҗин сәкүсн / Маниг йевәҗ хәәрлтн» [Каляев, 1980, 320]. («Пусть нам покровительствуют духи отца и матери»). Сәкүсн *уст.* означает «амулет, талисман, ладанка» [КРС, 1977, 445]. В языке ойратов Синьцзяна: «сәкүүсен – ангел-хранитель, дух предков» [Тодаева, 2001, 291]. Ср. финальную формулу в фольклорном йоряле: «Деед олн бурхд, / Делкән Цаһан Өвгн, / Аав-ээҗин заян сәкүсн, / Ачта мана икчүдин заян ачур / Хәәрлҗ, өршәх болтха! «Всевышние бурханы, Белый Старец Вселенной, / Сякусены отца и матушки, / Почтенных наших старцев заяны / Пусть нам покровительствуют!» [Борджанова, 2007, 517].

Сам С. Каляев подчеркнул смысл и значение благопожелания в своем афоризме: «Йөрәл гисн – / сәәхн. / Йоста сәәни – үндсн» [Каляев, 1981, 20]. («Благопожелание – это краса. Поистине основа всего прекрасного»). Ср. с калмыцкой пословицей: «Йөрәлин экн – тосн, харалын экн – цусн» («Источник благопожелания – масло, / источник проклятия – кровь») [КРС, 1977, 281].

Несмотря на импровизационный характер благопожеланий, основные формулы использовались йорялчи (знатоками йоряла): обращение, описание, пожелание. Традиционное стихосложение отразилось как в фольклорном, так и в литературном благопожелании: разные виды анафоры (единоначатия), аллитерация, редиф и др. Риторические фигуры, метафоры, сравнения, эпитеты, гиперболы передают художественные особенности йоряла, исполнение которого отличается торжественной интонацией.

Стихотворная форма, традиционная для пространного йоряла, соседствуя с кратким йорялом, оказала влияние на авторский йорял калмыцких поэтов. У многих из них: Константина Эрендженова, Хасыра Сян-Белгина, Лиджи Инджиева, Давида Кугультинова, Михаила Хонинова и др. – благопожелания создавались в разные годы и неоднократно, в том числе и в прозе, драматургии, отразились в заглавии книг [Эрнҗәнә, 1969].

Литература

Борджанова Т. Г. Магическая поэзия калмыков: Исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 182 с.
Борджанова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
Калмыцкий фольклор (Проблемы издания) / отв. ред. Н. Ц. Биткеев. Элиста: КНИИИФЭ, 1985. 126 с.
Каляев С. К. Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 1. На калм. яз. Вступ. ст. Д. Кугультинова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 360 с.
Каляев С. К. Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 3. На калм. яз. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. 355 с.
КРС – Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
Сарангов В. Т. Фольклор калмыцкого народа: учеб. пособие. Элиста: Изд-во КГУ, 2010. 136 с.
Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна (По версиям песен «Джангара» и полевым записям автора) / РАН. КИГИ. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.
Хабунова Е. Э. Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия: Исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 224 с.
Эрнҗәнә К. Мини йөрәл: шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр һаһач, 1969. 67 х.

© Ханинова Р. М., 2022

УДК *811.512.141*

Хисамитдинова Ф. Г., Россия, г. Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, д.ф.н., в.н.с.

К ЭТИМОЛОГИИ БАШКИРСКИХ ЛЕКСЕМ *ҡУЛАСА* И *ҡУЛСА*

В статье дана этимология лексем ҡулса и ҡуласа. Рассмотрев материалы диалектов и говоров башкирского языка, а также материал из других тюркских языков и памятников, делается вывод о том, что в указанных лексемах башкирского языка представлены совершенно разные основы, которые со временем совпали и стали восприниматься как одна общая основа.

Ключевые слова: *башкирский язык, диалект, говор, этимология, лексема, основа.*

Hisamitdinova F. G., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS,
PhD, Leading Researcher

ON THE ETYMOLOGY OF THE BASHKIR LEXEMES *KULASA* AND *KULSA*

The article gives the etymology of the lexemes ҡuls and ҡulas.Having considered the materials of dialects and dialects of the Bashkir language, as well as material from other Turkic languages and monuments, it is concluded that these lexemes of the Bashkir language present completely different bases, which eventually coincided and began to be perceived as one common basis.

Keywords: *Bashkir language, dialect, dialect, etymology, lexeme, basis.*

В словарях башкирского языка зафиксированы лексемы *ҡуласа* и *ҡулса*, этимологизируемые как заимствования из русского языка и возводимые к слову колесо.

Башкирское слово *ҡуласа* зафиксировано в следующих значениях: 1) колесо (водяной или ветряной мельницы); 2) маховое колесо; 3) колёсико в механизмах: 4) жизнь (как круговорот событий, колесо) [АСБЯ, 2013, 561]. Указанная лексема нашла отражение и в диалектных словарях башкирского языка. Ср.: дём., сред. *ҡуласа*, лит. *сығыр* ‘блок, лебёдка, колесо’, приводимое в движение чем-то; сев.-зап. *ҡуласа* / *кулача*, лит. *ҡуласа* ‘колесо (водяной мельницы)’; гайн. куләсә, лит. ҡуласа ‘колёсико’; кар. *куләсә*, лит. *тәгәрмәс* ‘колесо’; тан., дём., сред. *ҡуласа*, лит. тәгәрмәс ‘колесо’ [БТДҺ, 2002, 163, 203].

Лексема *ҡуласа* в значении колесо мельницы было зафиксировано в «Башкирско-русском словаре» В.В. Катаринского [Катаринский, 1900, 155].

Лексема *ҡуласа* и её фонетические варианты имеет ряд производных. Ср.: *ҡуласалы* ‘колёсный, имеющий колесо’ (*ҡуласалы трактор* ‘колёсный трактор’); диал. *ҡуләсәкәй* ‘маленькое колесо, колёсико’ *сәғәт күләсәкәйе* ‘колёсико часов’; диал. *ҡуласник,* лит. *әҙ, һуҡмаҡ, тәгәрмәс юлы* ‘колея, образованная от колёс’.

Приведённый выше материал свидетельствует о том, что основой слова *ҡуласа* и её фонетических вариантов является лексема *ҡул / кул* (qul / kul), основным значением которой является нечто круглое, кольцеобразное.

Кроме башкирского языка и его диалектов, основа *ҡул / кул* (qul / kul) представлена в татарском языке и его диалектах. Ср.: *куласа*, синонимы *тәгәрмәч, көлчәк* ‘колесо’; диал. *кулас* / *куласа*, лит. *тәгәрмәч* ‘колесо мельницы’; диал. куләсә, лит. *тәгәрмәч* ‘колесо’ [ТТАС, 2005, 293, 330; ТТДЗС, 2009, 336, 349].

Башкирская лексема *ҡулса* в словарях зафиксирована в следующих значениях: 1) кольцо, кольцевой; 2) обод, ободок; обруч; 3) круг, кружок; ореол; 4) окружение; 5) рукоятка; 6) рычаг, рычажная система [АСБЯ, 2013, 571]. Лексема *ҡулса* и её фонетические варианты нашли отражение и в диалектных словарях башкирского языка. Ср.: сак. *ҡулса*, лит. ҡулса ‘колечко’; сев.-зап. *кулча*, лит. ҡулса ‘колечко’; гайн. *кулчә, куләчә*, лит. ҡулса ‘кольцо’; вост. – ҡулса, лит. сыңға ‘металлическое кольцо (в дуге, узде или в цепи’; кыз. *ҡулсаҡ*, лит. сыңға ‘металлическое кольцо’; миас. *ҡулса*, лит. керәндил ‘баранки’ [БТДҺ, 2002, 163,203].

Лексема *ҡулса* и её фонетические варианты образуют ряд производных слов. Ср.: *ҡулсалы* ‘с кольцом, ободком’; *ҡулсалау* ‘окольцевать’.

Приведённый выше материал свидетельствует о том, что основой слова *ҡулса* и её фонетических вариантов является лексема *ҡул / кул* (qul / kul), основная семантика которой сводится к значениям ‘кольцо, рукоятка, рычаг, рычажная система’.

Кроме башкирского языка и его диалектов, основа *ҡул / qul* (кул / kul), связанная с семантикой ‘кольца, рукоятки, рычага, рычажной системы’, представлена в татарском языке и его диалектах. Ср. *кулса* ‘рукоятка, рубильник’; диал. *кулца, кулча*, лит. *бөгәлжә* ‘деревянное кольцо; поперечная рукоятка косы’; ‘дужка замка, дужка у люльки; крендель’; диал. *кулцәр*, лит. *кайма* ‘обод, ободок ведра’ [ТТАС, 2005, 294; ТТЗДС, 2009; 337, 351; Әхмәтьянов, 2015, 492]. Следует отметить, что семантика лексемы *кулса, кулца, кулчә* и др. с основой *кул / кул* (qul / kul) в татарском языке также связана со значениями ‘кольцо, кольцеобразное, рукоятка, круглое, кольцеобразное приспособление для прикрепления чего-то, к чему-то’. С основой (*qal*), которая на первый взгляд близка к башкирской и татарской основам, лексемы со значениями ‘колеса, колёсика, юлы, волчок’ зафиксированы и в чувашском языке. Ср.: *калтармач* ‘юла, волчок; колесо, колёсико’; *калтармачла* ‘свёртываться, скатываться клубком, калачиком, т.е. в форме колеса’; *калтарттат* ‘вращаться со стуком (например в жернове)’ и др. [ЧРС, 1982, 158]. Следует отметить, что облик чувашских лексем, безусловно, далёк как от аналогичных основ башкирского, так и татарского языков. По-видимому, чувашские лексемы со значением ‘*колеса*’ и ‘вращения’ связаны с подражательной основой *калт*, имеющей общетюркское

происхождение. Об указанной основе и её образованиях есть материалы в словарях Н.И. Ашмарина, В.В. Радлова, М.Р. Федотова, поэтому останавливаться особо на этом вопросе нет нужды [Ашмарин, 1994, 44; Радлов, 1898, 260–262; Федотов, 1996, 219]. Изложенный материал по чувашскому языку свидетельствует о том, что чувашская основа *qalt* не связана с башкирской и татарской основой *qul / kul*. В других тюркских языках, судя по словарям, лексемы *ҡуласа, ҡулса* и их фонетические варианты не зафиксированы. Исходя из изложенного, можем говорить о том, что указанные лексемы представлены только в башкирском и татарском языках и их диалектах, поэтому происхождение лексем *ҡуласа* и *ҡулса*, по видимому, связано с историей вышеуказанных языков. Происхождение основы *ҡул* (qul) / *кул* (kul), башкирские и татарские исследователи связывают с русской лексемой кольцо, возникшей от древнерусского *коло* ‘круг, нечто вращающееся’ [СРРЗБЯ, 2021, 130; ТТЗДС, 2009, 351; АСБЯ, 2013, 561, 571; Фасмер, 1967, II, 299]. Несколько иной точки зрения придерживается татарский исследователь Р.Г. Ахметьянов. Он отмечает, что в ряде тюркских, а также в арабском, персидском языках встречаются близкие к татарской лексеме *кулчә* слова. В качестве примера он приводит древнетюркскую и древнеуйгурскую основу *кул* (kul) со значением ‘связать, связывать’, а также лексему *көлчә* ‘лепёшка (тонкая)’, описанное М. Рясяненом слово *kuluga* в значениях ‘ореол (обод, ободок) вокруг солнца, круглая сковорода, круглый хлеб, лепёшка’. В целом, Р.Г. Ахметьянов берёт под сомнение существующую этимологию основы *кул (qul) и кул (kul).* Действительно, материалы как древнетюркских, так и ряда современных тюркских языков позволяют сомневаться в предложенной этимологии лексем *ҡуласа, ҡулса* и их фонетических вариантов. Прежде чем приступить к рассмотрению этимологий лексем *ҡуласа* и *ҡулса,* в первую очередь необходимо развести этимологизацию указанных лексем башкирского языка. Как уже говорилось выше, основой башкирского слова *ҡулса* и её фонетических вариантов является лексема *qul / kul*, употребляющаяся в значениях ‘чего-то круглого, кольцеобразного, закруглённого, охвата, обхвата; связанного, скрученного’. Аналогичные значения зафиксированы в татарском языке и его диалектах. Кроме указанных языков, основа *qul* и её фонетические варианты встречаются в ряде современных тюркских языков и памятников. В частности, в туркменском языке представлена основа *гуйл*, алтайском и его диалектах – *кул* в значениях ‘связывать, спутывать; закруглить; диалектах турецкого – *гулу*; тувинском – *хулу*; сюгайском – кулы в значениях ‘связывать четыре конечности животного (для убоя, стрижки)’; ‘стреножить; завязывать ноги (овец, коз перед стрижкой)’; ‘привязывать, заковывать в цепь, т.е. закруглить, охватить, обхватить и др’. В указанных выше значениях основа *kul / qul* представлена и в памятниках древнетюркской и древнеуйгурской письменностей. Ср.: *kultur* (kul) ‘связывать, спутывать’; *kulun* (kul) ‘подворачиваться (о ногах; спотыкаться)’; *kul* ‘связать, завязать’ [ДТС, 1969, 326) и др. Основа *qul / kul* представлена и в ряде монгольских языков, что свидетельствует о тюрко-монгольском происхождении основы *qul / kul*. Как показывают примеры, в основе *qul / kul* лежат значения глаголов ‘связать, обхватить, скрутить, закруглить, окольцевать’. Сюда же, видимо, можно добавить и лексему *kulac*, одним из значений которой является ‘обхват, охват; объятие, т.е. некий круг, созданный руками человека’. Ср.: *bir qulac barcin* ‘один обхват шёлка’ [М.К. 2005, 448].

Подводя итоги, можно отметить, что основное значение лексемы *ҡулса* ‘кольцо, нечто округлённое, кольцеобразное, имеющее форму круга, образованного с помощью рук, механизмов, верёвки, металлических, деревянных и др. предметов’ имеет параллели в тюркских, монгольских языках и их памятниках. Исходя из изложенного, можем говорить о том, что первый тип значений башкирской основы *ҡул* (*ҡулса*) нечто круглое, кольцеобразное, созданное с помощью рук, механизмов, верёвок и других предметов, имеет собственно тюркское происхождение. Что же касается второго типа значений основы *ҡул* (*ҡуласа*) колесо, то оно, возможно, имеет более позднее происхождение и восходит к древнерусской лексеме колесо, которое, в свою очередь, восходит, по М. Фасмеру, к праславянскому *коло* круг, что-либо вращающееся. Со временем, очевидно, происходило сближение значений лексем *ҡулса* и *ҡуласа*. В результате в диалектах и говорах башкирского языка происходило смешение в употреблении лексем. В частности, в гайнинском говоре башкирского языка в значении кольца отмечено употребление как лексемы *ҡулчә* так и *куләсә / ҡуласа*.

Литература

АСБЯ – Академический словарь башкирского языка. В т. 10. Т. 5. Уфа, 2013.
БТДһ – Башҡорт теленең диалектологик һүҙлеге. Өфө, 2002.
Катаринский В.В. Башкирско-русский словарь. Оренбург, 1900.
ТТАС, 2005 – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан, 2005.
ТТЗДһ – Татар теленең зур диалектологик сузлеге. Казан, 2009.
Әхмәтьянов Р.Г. Татар теленең этимологик сузлеге. В 2 т. Т. 1. Казан, 2015.
ЧРС – Чувашско-русский словарь. Чебоксары, 1982.
Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка, вып. 1–17. Чебоксары 1994.
Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. В 4 т. Т. 2. СПб, 1898.
Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Т. 1. Чебоксары, 1996.
СРРЗБЯ – Словарь ранних русских заимствований башкирского языка. Уфа, 2021.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. т. 2. 1967.
ДТС – Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Список сокращений

дём. – дёмский говор башкирского языка
сред. – средний говор башкирского языка
сев. – зап. – северо-западный диалект башкирского языка
гайн. – гайнинский говор башкирского языка
кар. – караидельский говор башкирского языка
лит. – литературный язык
вост. восточный диалект башкирского языка диал. – диалект
кыз. – кызылский говор башкирского языка
миас. – миасский говор башкирского языка

© Хисамитдинова Ф. Г., 2022

УДК *811.512*

Хожабаева Д. Т., Узбекистан, г. Нукус
Нукусский государственный педагогический институт, магистр

КОНЦЕПТ “ЖЕНЩИНА” В КАРАКАЛПАКСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Данная статья посвящена проблеме исследования концепта “женщина” в каракалпакских пословицах. Подробно рассматриваются основные языковые средства объективизации исследуемого концепта в каракалпакском языке на уровне паремиологических единиц.

Ключевые слова: *каракалпакский язык, пословица, поговорка, концепт, понятие, женщина.*

Xojabaeva D. T., Uzbekistan, Nukus
Nukus State Pedagogical Institute, Master's degree

THE CONCEPT OF “WOMAN” IN KARAKALPAK PROVERBS

This article is devoted to the problem of studying the concept of “woman” in Karakalpak proverbs. The main linguistic means of objectification of the concept under study in the Karakalpak language at the level of paremiological units are considered in detail.

Keywords: *Karakalpak language, proverb, saying, concept, concept, woman.*

QARAQALPAQ XALÍQ NAQÍL – MAQALLARÍNDA “HAYAL – QÍZLAR” KONCEPTI

“Koncept” termini házirgi til bilimi izertlewlerinde jiyi ushırasadı. “Koncept” degenimiz ne? Házirshe bul sorawǵa tolıq juwap tabılmadı. Bunıń tiykarǵı sebebi bolsa “koncept” túsiniginiń júdá abstrakt ekenligi, onıń tiykarındaǵı “mental struktura” anıq materiallıq kóriniske iye bolmastan, al aqıl – oylaw procesinde payda bolatuǵın sanadaǵı dúzilme ekenligi menen baylanıslı. Onıń ústine “koncept” ataması túsinik, máni, mazmun sıyaqlı basqa mental qubılıslar menen qatar turadı. [Abdinazimov, 2020, 83].

“Koncept” ataması latın tilindegi conceptus (toplaw, oylanıp qalıw, baslap jiberiw) sózinen alınǵan. Bul sóz francuz tilinen inglis tiline “túsiniw” kórinisinde awdarmalanǵan. Koncept sózi german hám roman tillerinde “túsinik, ideya, ulıwmalastırılǵan pikir” degen mánilerdi ańlatadı. Sońǵı jıllarda koncet máselesi boyınsha da bir qansha miynetler islenip atır. Máselen, R. S. Ibragimovanıń kandidatlıq dissertaciyasında “hayal” konceptiniń ózbek hám francuz tillerindegi sáwleleniw usılları izertlengen. [Abdinazimov, 2020, 43]. Qaraqalpaq til biliminde bolsa, bul másele ele izertlewdi talap etedi.

Túsinik penen sóz arasında oǵada tıǵız birlik bar, olar ekewin bir – birinen ajıratıp taslawǵa bolmaytuǵını sıyaqlı, olardı birdey dep qarawǵa da bolmaydı. Sebebi, sóz tildiń birligi bolsa, túsinik oylawdıń birligin quraydı. Sóz predmettiń ózi emes, al sol predmet haqqındaǵı túsiniktiń tilimizde sóz formasında túsiniletuǵın, qabıl etiletuǵın real sáwlesi. Yaǵnıy, biz túsinikti sóz arqalı qabıl etemiz. Máselen, tilimizde “hayal – qızlar” túsinigin ańlatatuǵın sózler júdá kóp. Sonlıqtan da, biz tómende xalqımızdıń hasıl ǵáziynesi bolǵan naqıl – maqallarda “hayal – qızlar” konceptiniń bildiriliwin úyrenip shıǵıwǵa háreket ettik. Naqıl – maqallarda “hayal – qızlar ” konceptin (túsinigin) bildiriw ushın tómendegi sózler jumsalǵan:

Kempir. Bul sóz tilimizde bir emes, bir neshe mánide qollanıladı. Degen menen, barlıq mánisinde de hayal – qızlar konceptin ańlatadı. Birinshiden, qartayǵan qatın, jası úlken hayal mánisin ańlatsa, ekinshiden birewdiń tuwǵan anası, apası, úshinshiden ǵarrınıń hayalı. Naqıl – maqallar quramında tómendegi kórinislerde ushırasadı:

– Kempir úydiń tıǵını. Bul naqıl – maqal arqalı olardıń shańaraqta ornı qanshelli úlken ekenligi kórinip turadı. Yamasa, bul koncept kempir apa kórinisinde de ushırasadı:

– Anası ólgen jetimge, qaytıp ana tabılmas,
Kempir apası ólgen jetimge, anası bolar bawırlas.

Bul sózge baylanıslı tilimizde tómendegishe turaqlı sóz dizbekleri de qáliplesken: mástan kempir – jógi, juwha, sıyqırshı adamlarǵa qarata qollanılsa, kempir bet frazeologizmi – betine ǵarrılıq belgisi tiygen adam mánisin beredi.

Ene. Bul sóz ana, sheshe mánisi menen birge kóbinese hayaldıń kúyewiniń anası mánisinde qollanıladı. Naqıl – maqallardıń quramında júdá jiyi ushırasadı:

– Qardıń suwı qandırmas, ógey ene tındırmas. Bunda qollanılǵan ógey ene sózi balanıń tuwǵan anası emes, al keyingı anası mánisin ańlatıp keledi.

– Ene kórgen ton pisher.

– Azamat tuwılar alp eneden.

– Ene qádirin bilgen ene sókpeydi. Bulardıń barlıǵında da ene sózi ana mánisin ańlatıp kelgen, al qáyin ene mánisinde kúndelikli turmısımızda qollanıladı.

Hayal. Zayıp, er adamnıń jubayı mánisin ańlatıp, tómendegi naqıl – maqallardıń quramında ushırasadı:

– Hayalı joq kisige soqır kempir ayday kóriner.

Bunda bolsa hayal – qızlar konceptin ańlatıwshı hayal hám kempir sózleri birgelikte qatar kelip qollanılǵanın kóriwimizge boladı. Jáne de tilimizde sonday naqıl – maqallar bar, onıń quramında hám “er adam” konceptin bildiriwshi, hám “hayal – qızlar” konceptin ańlatıwshı sózler qatar keledi. Máselen:

– Bir úydi jeti erkek toltırmaydı, bir hayal toltıradı. Bul naqıl – maqallar arqalı hayal – qızlardıń húrmetin óz ornına qoyıw kerekligin, hayallardıń er adamlardıń ómirinde tutqan ornı salmaqlı ekenligin hám de hayal – qızlardıń shańaraqtıń uytqısı bolatuǵınlıǵın ańlaw qıyın emes.

Ana. Ana – bul balanıń tuwǵan sheshesi. Bul sóz kóbinese naqıl – maqallar quramında er adam konceptin ańlatıwshı sózler menen qatar kelip qollanılǵan:

– Ananıń kewli balada, balanıń kewli dalada.

– Altı ul tuwǵan ananı “altın” dese bolmay ma?

– Xannan bala ullı, baladan ana ullı hám taǵı basqa.

Apa. Bul sóz ana, mama mánisin ańlatıp keledi, sonıń menen birge ájapa, qız apa mánisin de bere aladı. Jası úlken analarǵa, ózinen jası úlken qız – kelinsheklerge apay dep aytıladı hám ulıwma sıylasıq mánisinde qollanıladı.

– Hayaldı jaman deseń, ishinde apań da ketedi. Bul naqıl – maqal quramında hayal – qızlar konceptin ańlatıwshı eki sóz birgelikte qatar kelip qollanılǵan. Bular hayal hám apa sózleri.

Qatın. Hayal, zayıp, jubay, joldas mánisin, jáne deulıwma turmısqa shıqqan hayal mánisin de ańlatadı. Tómendegi naqıl – maqallardıń quramında ushırasadı:

– Shapan alma astar al, qatın alma qostar al. Bul naqıl maqal – maqal er adamlardı ómirlik joldas tańlaǵanda sergek hám zeyinli bolıwǵa shaqırsa;

– Qapqa túsken qatındiki – hayal – qızlarımızdıń shańaraqtıń bekkem uytqısı bolıp, erlerdiń tawıp kelgenin únemlep, aqıllılıq penen jumsap otırıwın ańlatadı.

– Qaramaǵannıń qatını, baqpaǵannıń malı ketedi – naqil – maqalı hayal – qızlardıń bárhama dıqqat – itibarǵa, mehir – muhabbatqa mútáj ekenligin bildirse;

– Jaman attan jaydaǵım jaqsı, jaman qatınnan boydaǵım jaqsı – bul naqıl – maqal hayal – qızlardı jaqsı minez – qulıqtıń, aqıl – parasattıń iyesi bolıwǵa úgitleydi.

– Qatın jamanı kerbaz, aytqannıń tilin almas. Bundaǵı kerbaz sózi ózin hádden zıyat mápelep uslawshı hayal – qızlarǵa qarata qollanıladı. Biraq naqıl – maqal hayal – qızlardı kerbazlıqtan awlaq bolıwǵa, ózin sıpayı tutıwǵa shaqıradı.

Bul sózge baylanıslı tilimizde qatın – bala, qatın – qalash sózleri de ushırasadı. Olardıń birinshisi shańaraq aǵzaların, xojalıqtı bildirse, keyingisi barlıq hayal – qızlar mánisin bildirip, ulıwmalıq mániste qollanıladı.

Qız. Hayallar jınısınıń turmısqa shıqpaǵan túrin bildirip, naqıl – maqallardıń quramında jiyi – jiyi ushırasadı. Máselen:

– Qızım úyde qılıǵı dúzde – bul naqıl – maqal qızlardı ádep – ikramlı bolıwǵa shaqırsa;

– Qız ósse eldiń kórki – qızlardıń eli – xalqınıń abırayı hám dańqı ekenligin bildiredi.

– Qız jolı qılday boladı – qızlardı aqıllı, sergek hám ózin uslap – tutıp, tınıq minezli bolıwǵa úgitleydi.

– Shıqqan qız shıǵırıqtan tısqarı – naqıl – maqalı turmısqa shıqqan qızlardı barǵan jerinde tastay batıp, suwday sińip, ata – enesine, shańaraq aǵzalarına hadal xizmet etip ata – anasınıń bergen tárbiyasın aqlawǵa, olarǵa tek raxmet esittiriwge násiyatlaydı.

– Qızıń er jetse, qızı jaqsı menen qońsı bol. Bul naqıl – maqaldıń tórkininde de tereń mazmun – maǵana jasırıńganın ańlawǵa boladı. Sebebi, ata – babalarımızdıń “Bir balaǵa jeti máhálle ata – ana” degenindey qońsı – qobalardıń ul – qızları álbette bir – birinen órnek aladı, elikleydi.

Kelin. Bul sóz balasınıń yamasa inisiniń hayalı mánisin ańlatıw menen birge, aǵayin – tuwǵanlardıń ózinen kishilerdiń hayallarına qarata qollanıladı hám barlıq jas hayallarǵa qarata da aytıla beredi.Tómendegi naqıl – maqallardıń quramında ushırasadı:

– Balań ǵajarlı bolsa, keliniń ajarlı boladı.

– Ádepli kelin iykemli boladı.

– Qızım saǵan aytaman, kelinim sen tıńla.

Bul naqıl – maqallardıń barlıǵı da kelinlerdi ádep – ikramlı, sabırlı bolıwǵa shaqıradı. Úshinshi naqıl – maqal bolsa astarlı túrde aytılǵan bolıp, onıń mazmunı qáyineneler qızına aqıl – násiyat beriw arqalı kelinine de qarata aytadı. Bunı ilgirlik penen seziw ushın kelinlerden sergeklik hám zeyinlilik talap etiledi.

Tilimizde bul sózge baylanıslı kelin bala, kelin – pelin, kelin – kepshik sózleri de qáliplesken. Bulardan kelin bala –jas hayallardı erkeletip aytılatuǵın sóz bolsa, kelin – pelin – bul ele kelin bolıp túspegen, kelin etip almaǵan keleshektegi kelinge aytılatuǵın sóz hám kelin jáne de basqa birewlerdi de qosıp aytıla beretuǵın sóz. Kelin – kepshik jas hayallar, kelinler hám basqa da adamlarǵa aytıla beredi.

Jeńge. Tuwısqan, jaqın atalas yamasa urıwlas aǵanıń hayalı bizge jeńge boladı. Sonday – aq, xalqımızda qız benen jigittiń arasına túsip kelistirip júriwshi hayaldı da jeńge dep ataw úrdiske aylanǵan. Buǵan baylanıslı tilimizde jeńgejan, jeńgey sózleri de ushırasadı. Jeńgejan jeńge sóziniń sıpayı hám

húrmetlep aytılatuǵın túri bolsa, al jeńgey dep jası úlken hayallardıń barlıǵına qarata aytıla beredi. Naqıl – maqallardıń quramında tómendegishe ushırasadı:

– Jolı bolar jigittiń, jeńgesi shıǵar aldınan. Bul naqıl – maqal arqalı jaslardıń bekkem shańaraq qurıwında jeńgelerdiń tutqan ornı girewli ekenligin seziwge boladı.

Arıw. Bul sóz anıq bir tuwısqanshılıq atamanı bildirmese de "hayal – qızlar" konceptin ańlata aladı. Sebebi, arıw sózi sulıw, sımbatlı, ayırıqsha, kórkem, oǵada jaqsı, aq bilek, aq dene mánilerin bildiredi hám hayal – qızlarǵa qarata qollanıladı:

– Arıw qartaysa aqıl tabadı, daw qartaysa naqıl tabadı. Bul naqıl – maqaldıń ózinen – aq kórinip turǵanınday, hayal – qızlar jas mingen sayın aqıllı, dana bolıp baradı.

Káywana. Bul sóz orta jastaǵı aqıllı, parasatlı, hár nársege durıs keńes bere alatuǵın hayallarǵa qarata qollanıladı. Ayırım naqıl – maqallarda ushırasadı:

– Kaywana úyin dúzer, biygána boyın dúzer.

Qalıńlıq. Jigittiń ayttırǵan qızı yaǵnıy bolajaq zayıbı onıń qalıńlıǵı boladı.

– Qalıńlıǵıń bar bolsa basqanı nege gózleyseń. Bul naqıl – maqal jigitlerdi wádesine opalı hám turaqlı bolıwǵa shaqıradı.

Jawan. Hayal – qızlar konceptin ańlatıp, jas kelinsheklerge qarata aytıladı. Naqıl – maqallardıń quramında azlı – kem ushırasadı:

– Atqa bergisiz ǵunan bar, qızǵa bergisiz jawan bar.

Abısın. Eki aǵayinli jigittiń úlkeniniń kelinshegi kishkenesiniń kelinshegine abısın boladı. Tuwısqan aǵa – inili adamlardıń, urıwlas aǵayinlerdiń hayalları bir – birine abısın – ajın boladı.Naqıl – maqallardıń quramında júdá siyrek ushırasadı:

– Aǵayin tatıw bolsa at kóp, abısın tatıw bolsa as kóp. Bul naqıl – maqaldı qollanıw arqalı ata – babalarımız abısınlardı tatıw hám awızbirshilikli bolıwǵa shaqırǵan hám bunı házirgi kúnde óz qunın joytpaǵan dep ayta alamız.

Qarındas. Bir anadan tuwılǵan, ózinen kishkentay, tuwısqan qız er adamǵa qarındas boladı. Sonday – aq bul sóz jası úlken er adamlar tárepinen ulıwma hayal – qızlardıń barlıǵına qarata da aytıla beredi. Naqıl – maqallardıń quramında jiyi ushırasadı:

– Qarındası aqılsız bolsa, aǵasınıń basında áńgime ǵawlaydı.

– Qazılasqan soń qarındas bolmas.

– Qızıl júzli jigittiń qızdan qarındası bolmasın. Kórinip turǵanınday, hayal – qızlar konceptin ańlatıwshı bul sóz naqıl – maqallardıń barlıǵında da er adam konceptin bildiriwshi sóz benen qatar kelip qollanılǵan hám barlıǵınıń mazmunı tiykarınan qızlardı ádep – ikramlı bolıwǵa, shańaraǵınıń abırayın qorǵawǵa úgitleydi.

Báybishe. Kúndes eki hayaldıń úlkeni báybishe delinedi.

Toqal. Kúndes eki hayaldıń kishkenesi toqal boladı. Naqıl – maqaldıń quramında ekewi birgelikte qollanıladı:

– Báybisheniń asın toqal qızǵanadı.

Kúndes. Bir adamnıń kóp hayalları bir – birine kúndes boladı.

– Esikten kúndes kirse, tesikten urıs kirer.

Juwmaqlap aytqanda, naqıl – maqallardıń quramında "hayal - qızlar" konceptin bildiriwshi sózler júdá kóp. Bul bolsa ana tilimizdiń sózlik qorınıń baylıǵınan, sinonim sòzlerdiń kópliginen derek berip turadı. Biz "hayal-qızlar" konceptin naqıl – maqallardıń quramında kempir, kempir apa, hayal, ana, qız, ájapa, jeńge, qatın, kelin, arıw, qarındas, káywana, qalıńlıq, jawan, abısın, kúndes, báybishe, toqal hám taǵı basqa sózler arqalı bildirilgenin kórip shıqtıq. Bul aldaǵı waqıtları ele de izertlewdi talap etetuǵın máselelerdiń biri dep oylaymız.

Àdebiyat

Abdinazimov Sh. Lingvokulturologiya. Nòkis.: Qaraqalpaqstan, 2020. 142 b.

© Хожабаева Д. Т., 2022

УДК *811.512*

Хурибаева Э. Г., Кыргызстан, Джалал-Абад
Международный университет им.К. Ш. Токтомаматова, и.о.профессора

НАЗВАНИЯ ОРУДИЙ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ЛЕКСИКЕ КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКА

Несмотря на то, что земледелие освоено кыргызским народом и в этой профессии занято значительное количество населения, на сегодняшний день мало исследований по сельскохозяйственным терминам. Это свидетельствует об актуальности научных исследований по данной проблеме. В статье рассматриваются термины орудий ручного труда, сельскохозяйственных машин и отдельных их частей, применяемых в земледелии, дается этимология названий. Проблема терминологии земледелия в кыргызском языке требует дальнейшего исследования и принятия мер по унификации и стандартизации.

***Ключевые слова**: кыргызский язык, сельское хозяйство, земледелие, терминология, этимология.*

Khuribaeva E. G., Kyrgyzstan, Jalal-Abad
International University named after K. Sh. Toktomamatov, acting Professor

NAMES OF WORKING TOOLS USED IN AGRICULTURE IN THE VOCABULARY OF THE KYRGYZ LANGUAGE

Despite the fact that agriculture is mastered by the Kyrgyz people and a significant number of the population is employed in this profession, there is little research on agricultural terms to date. This indicates the relevance of scientific research on this problem. The article discusses the terms of tools of manual labor, agricultural machines and their individual parts, gives the etymology of the names. The problem of agricultural terminology of the Kyrgyz language requires further research and the adoption of measures for unification and standardization.

***Keywords:** Kyrgyz language, agriculture, agriculture, terminology, etymology.*

КЫРГЫЗ ТИЛИНИН ЛЕКСИКАСЫНДА ДЫЙКАНЧЫЛЫКТА КОЛДОНУЛУУЧУ ЭМГЕК КУРАЛДАРЫНЫН АТАЛЫШТАРЫ

Кыргыз эли көптөгөн жылдардан бери дыйканчылык менен алектенип келишет. Дыйканчылык өнөрү кыргыз элине өздөштүрүлгөн кесип түрлөрүнөн болсо да, акыркы жылдарда бул кесипти аркалаган калктын саны арбын. Бирок, ошол эл колдонгон дыйканчылык терминдерине бүгүнкү күнгө чейин изилдөөлөрдүн аздыгы бул иштин актуалдуулугун көрсөтүп турат. Эгиндерди өстүрүп иштетүүдө кадимки айыл-чарбанын кол буюмдары менен бирге ар түрдүү техникалар кеңири колдонулган. Бул ишибизде мына ошол эмгек куралдарынын, дыйканчылыкта колдонулган айыл-чарба машиналарынын, алардын айрым бөлүктөрүнүн аттары, аталыштары маанилик жана колдонулуш чөйрөсү жагынан, этимологиялык жактан салыштырылып изилденди. Бул тармак боюнча буга чейин тектеш түрк тилдериндеги изилдөөлөр жана Э.Г.Хурибаеванын изилдөөлөрү бар.

Кыргыздар илгери жерди кол менен иштетип, кош өгүз менен жер айдашкан. Кош өгүз менен жер айдагандагы эмгек куралдарынын бири – ***амач*** (Кадамжай тарапта *омоч*)**.** Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгүндө ***амач*** деп катталган: *зат*. буурсун [КТТС, 1969, 50]. К. К. Юдахиндин сөздүгүндө да катталып, эки мааниси менен берилген [Юдахин, 1965, 164]. Х. Карасаев бул сөздү иран тилдеринен келип кирген деп көрсөткөн [Карасаев, 1986, 34]. Жергиликтүү элдин кебинде амачтын эки түрү колдонуларын билдик. Биринчиси, *темир амач*, бул тракторго уланып бир нече метр жерди омкоруп айдап кетет. Экинчиси, *жыгач амач*, бул атка же өгүзгө кошулуп, жерди бир эле чыйыр омкоруп кетет. Бул трактор чыкканга чейин иштетилген, азыр калк өздөрүнүн кичинекей үлүш жерлерин, огроддорун айдоодо колдонушат. Кээ бир аймактарда ал *соко* деп да аталат. Иликтөөгө алынган жерлерде да эки атоо тең колдонулуп, ***амач*** (*омоч*) формасы көбүрөөк колдонулаарын байкадык.

Жерди *амач* менен терең айдаганда, жер эки тарапка тартылып, топурак экиге бөлүнүп калат. Эки тарапка тартылган топурактын ортосундагы бош чуңкурлар *бараза* деп аталат, бул сөз орус тилинен келген. Кээ бир аймактарда ал *загон* деп да аталып жүрөт. Бирок көбүнчө бараза деген формасы колдонулат.

Жерди даярдоодо топурактарды ундай кылып майдалап берүүчү курал ***барана***. Ал тракторго уланып, үстү жагы крест абалында бири-бирине чиркелишкен, астында 25–30 сантиметрдей узун тиштери бар темирден жасалган инструмент (*ор*. борона).

Дыйканчылык лексикасында беш салаасы бар курал, ***бешилик** (айры)* да колдонулат. Мындай курал менен эгинди кырманга жеткирүүдө, прицепке же башка унаага жүктөөдө жана түшүрүүдө колдонулат. Эки компоненттен турат (*беш-илик*).

Орус тилинин *бункер* деген сөзүнөн алынган ***бүнкүр*** деген аталыш айтылат. Пахтачылыкта трактордун артына чиркелип, дары салып, аны чачуу үчүн колдонулуучу сыйымдуулугу чоң буюм (идиш). Мындан сырткары пахта тергич машинанын пахта жыйналуучу бөлүгү да *бүнкүр* деп аталат.

Орус тилинин *ворохо очиститель* деген сөзүнөн пахтачылардын кебинде кыскартылган формасы кабыл алынып өздөштүрүлгөн ***варака*** деген термин колдонулат. Косек терим убагында адамдар пахтанын тулку боюндагы бардык косектерди терип чыгышып, терилген косектердин ичиндеги жибегин ажыратып алуу иши *варака* аркылуу жүргүзүлөт. Варака менен косектин жибегин

чанагынан ажыратып алат. *Вараканын* эки түрү бар, биринчиси *механикалык варака*, муну трактордун маторуна улап иштеткендиги үчүн механикалык варака деп аташат. Экинчиси болсо, электр тогу менен иштетилген *электр варака*.

Айыл-чарба машиналарынын бөлүгү ***градил.*** Орус тилинин *грядил* деген сөзүнөн кабыл алынган. Эгин эгүүдө жерди тегиздөө үчүн колдонулган бул механикалык куралдын ийилген учтарына жазылыгы 50 миллиметр, учу учтуу жасалган *наральщектер* орнотулган болот. Узундугу 2,5–3 метр болгон бул инструмент тракторго чиркелип, жердин уңкур-чуңкур жерлерин тегиздеп берүү милдетин аткарат. Дагы бир темир курал ***диске.*** Кыгыз тилинин түшүндүрмө сөздүгүндө бул сөздүн мындай мааанилери берилген: 1**. диск** (тегерек жалпак нерсе), *металлический диск* металл диск; 2**.** *спорт.* **диск** (жеңил атлеткада ыргытылуучу тегерек); 3. *астр.* **диск** (жерден караганда планетанын тегерек сыяктуу болуп көрүнүшү); *солнечный диск* күн дискиси [КТТС, 1969, 163]. Ал эми К. К. Юдахиндин кыргызча-орусча сөздүгүндө башка мааанилери менен кошо дыйканчылыкта айтылган мааниси да берилген: *дискалуу* дисковый, *дискалуу мала* дисковая борона [Юдахин, 1965, 195]. Түштүк говорлордо дыйканчылык менен алектенген калктын тилинде бул механикалык инвентарь эгинге культивация салганда культиватор менен чогуу колдонулуучу тегерек (*диск*) формадагы буюм. Айыл-чарба техника шаймандарын бири-бирине бекиткич шайман ***замок*** болуп саналат. Дыйканчылыктагы мааниси мындай: культиваторго ар бир курал замок менен бекитилет, кулпуланат. *Кикиви*, *наральшик*, *насок*, *лапкалардан* кийин сөзсүз *замок* катырылат. *Мурда ар бир трактордо кырк сегизден баштап алтымыш төрткө чейин* ***замоктор*** *болгон. Азыркы мезгилде жигирмә сәккиз, оттуз төрт, оттуз алты* ***замок*** *тагылып жатат* (к-с). Айыл-чарба терминдеринин бири, кыргыз элинин ашкана куралы менен аталып ***кәпкир*** (*кепкир*)**.** Бул сөз механикалык термин болуп, ал пахта эгүү мезгилиндеги сеялканын бир бөлүгү катары кызмат кылат. Сеялканын *кәпкири* ачып берген жерге *провот* (*ор*. провод) аркылуу чигит түшөт, чигит түшкөндөн кийин үстүн *каток* жаап кетет. Башкача айтканда, сеялканын жер чукуп бергичи. Тракторго *чызыл* жана *культиватор* менен чогуу чиркелишип, пахтанын астын жумшартуу ишин ***кикиви*** аткарат. Узун культиваторго аралыгы беш сантиметрден калтырылып катарлаштырылып адегенде *кикиви*, экинчи *насок*, үчүнчү *наральшик,* төртүнчү *лапка* орнотулат. Бардыгынын милдети *гозонун* астындагы ашыкча оттору өлтүрүп, түбүн жумшартуу болуп эсептелет.

Кыргыз тилинин түштүк говорлорунун дыйканчылык лексикасында *каток* деп сеялкалоо учурунда сеялканын *кәпкири* ачкан жерди жаап кетүүчү механикалык темир куралды айтышат.

Кадимки айыл-чарба куралы ***кетмен***. *Кетмен* эгиндин астын жумшартуу жана башка отоо чөптөрдү чаап жок кылуу үчүн колдонулат. *Пахта биринчи чавыкка жәрәп каптыр,* ***кетмендериңерди*** *алып хәммәңәр талаага чыккыла* (суз). ***Күрөк*** да дыйканчылыкта көп колдонулат. Мунун *темир күрөк*, *жыгач күрөк*, *кол күрөк* деп айтылган түрлөрү бар. Дыйканчылыкта булардын бардыгы активдүү колдонулат. К. К. Юдахиндин кыргызча-орусча сөздүгүндө катталган **көрө** 1. *ир. то же, что* кумган; *мойнуңуздун жоону чай кайнаткан көрөдөй* (*стих.*) толщина вашей шеи подобна кумгану, деген сөздөн келип чыккан элдик термин ***көрәчә***. Сеялкалоодо трактордун аркасына тагылган чигит салуучу чака сымал төрт идиш *көрө*, *көрәчә* деп аталат. ***Көрәчәләрдин*** *ар бириге жигирмә беш, оттуз килөдән чигит батат* (б-к).

Пахтачылыкта гозонун жандарын, астын культиватор менен жумшартуу жумуштары трактор менен аткарылат. Бул процесс ***култивация*** (элдин оозеки тилинде *күлтиватсийа*) деп аталат. Техника термини *лапка* пахтанын түбүн жумшартууда культиваторго чиркелип, жумшартуу ишин аткаруучу механикалык курал болуп саналат. Пахтачылык лексикасында пахтаны жогору карай ташуу милдетин атайын *лента* (орусча *лент* деген сөздөн) аткарат. Кырманга атайын орнотулган ***лента*** менен пахта жогору чыгарылып жыйылат.

Жерди тегиздеп жумшарта турган курал ***мала.*** Айдалган жердин топурагын майдалоо үчүн колдонулуп, унаага же тракторго чиркеп сүйрөтүүчү айыл чарба шайманы *мала* деп аталат. Пахта асырап өстүрүүнү абдан талап кылган техникалык өсүмдүк, ошондуктан пахта эгиле турган жерди айдап, анын топурагын сөзсүз майдалоо керек болуп, дайыма *темир мала* менен малалайт. Темир маланын узун-узун темир тиштери болот. Мына ошол тиштер *моюнтурук тиши* деп аталат.

Культивация салганда культиваторго катары менен бир канча шаймандар чиркелет. Ошол шаймандардын ичинен культиваторго үчүнчү болуп катырылуучу темир куралдын аты *наральщик* деп аталат. Ал *насок* менен *лапканын* ортосуна атайын *замоктун* жардамы менен катырылат. Культиваторго *кикивиден* кийин чиркелип орун алган бул шайман да пахтанын айланасын жумшартуу милдетин аткарат. Тизмеден экинчи орунда туруп, *кикиви* менен *наральщиктин* ортосуна *замок* менен катырылат.

Пахта терүүчү машина. Пахта жыйноочу СХМ-48 машинасы бир катарлуу болуп универсаль-1 тракторуна орноштурулат жана косектери ачылган пахтаны жыйноо үчүн колдонулат. Механизациялык аталышы *хвест*.

Кырманга орнотулуучу ***пер*** деген курал пахтаны жерден жогору чыгарып берүүдө иштетилет. *Пер* аркылуу чыгарылган пахталар *бонтко* түшүрүлөт. Пердин бир учу жерде болсо бир учу жерден

20–25 метр бийиктикте болуп, ага *лента* орнотулат. Пахта перге таштalат, пердин лентасы аны жогору алып чыгып *транспортерго* таштайт. Танспортердон *бонтко* түшүрүлүп, пахта тегиз оролуп байланат. Пахтаны эгүүдө жана дары салууда *бүнкүрдөн* же *көрөдөн* жерге чейинки аралыкка желимден же резинадан жасалган узун түтүк. Ошол түтүктөр – *провод* деп аталат. *Провод* аркылуу пахта эккенде уругу (*чигит*), дарылаганда дарылар культиваторлор казган жерге түшөт.

Орус тилинин *сеялка* (*кырг*. сепкич) сөзү дыйканчылык менен алектенишкен калктын кебине *селка* формасында кабыл алынган. Сеялка – эгин эгүүчү машина (аппарат). Сеялканын төрт *кепкири*, төрт *катогу*, төрт *көрөчөси* жана төтр *проводу* болот. Көбүнчө дыйканчылыктын бир түрү пахта эгүүдө колдонулат. Ар бир *көрөчөгө* 25–30 килодой чигит салынат. Чигиттер *провод* аркылуу *кепкир* чукуган чуңкурлуктарга түшөт. Чигиттин үстүн *каток* жаап кетет. *Сеялка* менен бир гектар жерге 90-100 килодой чигит эгилет.

Культивация менен чогуу эгинге дары салынат да, дары салуу иши *сустун* жардамы менен жүргүзүлөт. Башкача айтканда, ***сус*** дары салуучу аппарат. Сустун төрт *бүнкүрү* болот. Ар бир бүнкүрү 50 килограммдан дары алат. Бүнкүрдөгү дарылар *проводдор* (труба) аркылуу пахтанын түбүнө түшөт.

Тараза кыргыз тилинин түштүк говорлорунда *тараазы* деп айтылат. Х. Карасаев бул сөздүн иран тилдеринен келгендигин белгилеген [Карасаев, 1986, 256]. Салмак өлчөй турган прибор. таразага көбүнчө талаадан пахтачылар терген пахтанын салмагын тартып өлчөөдө колдонулат. ***Тараазы*** *бүгүн шыйпаңда, пахтаны ошойакка апчыккыла* (суз). Эгилген жердин пахтасы чыкпай калган жерлерине *теше* менен чигит таштап, кайрадан чигит эгүү үчүн (*ала эгүүгө*) колдонулат. Ал жерди казып берүүчү курал катары колдонулат. *Эже,* ***тешеңер*** *босо берип тургула, ала эгет экенбиз* (суз.).

Айыл чарба жумуштарында эң көп колдонулган унаа бул *трактор* болуп эсептелет. Дыйканчылыкта да *трактордун* ролу чоң. Тракторго көп эле аппараттар, айыл-чарба машиналары чиркелип иштетилет. Ошолордун бири *ОБХ* – тракторго чиркелишип пахта зыянкечтерине дары чачуучу аппарат. Тракторго анын эки бочкасы асылып, ал асылган бочкаларга 300 литрден 600 литрге чейинки суюктук түрүндөгү дарылар сыйдырылат. Бизге маалымат бергендер ушул кыскартылган сөздү айтып берип, бирок анын чечилишин айта алган жок. Кыргыз тилинин түштүк говорлорунда оозеки учурагандыктан бул сөздү каттап алып, ишибизге киргиздик.

Дыйканчылыктын бир түрү**,** Пахтачылыкта ***транспортер*** деген инвентарь пахта жыйналып бүткөндөн кийин кырманга пресстеп ташып жыйууда жана пахтаны ылдыйдан жогору ташып чыгуу үчүн атайын *транспортер* колдонулат. Пахтачы дыйкандардын оозеки кебинде *пахта терүүчү машина* маанисинде ***хвест*** деген сөз колдонулат. Механизаторлор жана техникалык билими бар кесип ээлеринин тилинде *хвест* – жаргон сөз.

Пахтачылыкта ала эгүүдө чигит салып ташуу үчүн кадимки эле ***челек*** колдонулат. Орус тилинин **чизель** деген сөзү пахтачылыктагы кесип ээлеринин кебине *чызыл* формасында кабыл алынган. Культиваторлору жумшартууну жана жердин кыртышын коңторбой туруп иштетилип жаткан талаанын топурагын кадыресе аралаштырууну жүргүзүүчү курал. ***Чызыл*** *салып пахта эксе жакшы болот эде* (суз). Кадимки эле кийимдин же башка нерсенин этеги деген сөздөн алынып, пахта терчү буюм ***этек*** болуп саналат. Бул сөздүн пахтачылыктагы мааниси кыргыз тилинин сөздүктөрүндө жок**.** Материалдан жасалып, бир тарабын моюнга асып, экинчи тарабын белге байлап, пахта терүү үчүн колдонулган буюм *этек* деп аталат. *Этегими бошотуш үчүн пахталарды жерге эле төгүп тәштәдим* (б-к). *...райондун колхоздорунда 380 кырман, 118 тараза, 62 машина, 123 араба, 10950* ***этек****, 8300 кап жана башка керектүү материалдар даярдалууга тийиш* (“Жеңиш жолунда”, 28.08 1958).

Жыйынтыктап айтканда дыйканчылык лексикасында эмгек шаймандарынын бир канча түрлөрү колдонуларын байкадык. Ошону менен катар, дыйканчылыктын ар бир түрүндө өзүнчө эмгек куралдары колдонулары да жогоруда айтылып өттү. Кыргыз эли жер иштетүү, дыйканчылык менен тыгыз байланышта жашагандыктан бул тема дагы да терең изилдөөлөрдү талап кылган актуалдуу темалардан деп эсептейбиз.

Адабият

Карасаев Х. К. Өздөштүрүлгөн сөздөр: сөздүк. Фрунзе: Кыргыз Совет Энциклопедиясынын Башкы редакциясы, 1986. 424 б.
КТТС – Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү. Фрунзе, 1969.
Юдахин К. К. Кыргызча-орусча сөздүк. М.: Советская Энциклопедия, 1965.

© Хурибаева Э. Г., 2022

УДК *81’373.4*

Хурибаева Э. Г., Кыргызстан, г. Жалал-Абад
Международный университет им. К.Ш.Токтомаматова, к.ф.н., профессор
Жалилова Н. К., Кыргызстан, г. Жалал-Абад
Жалал-Абадский государственный университет, преподаватель

НАЗВАНИЯ ЗЛАКОВ И ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ ИЗ НИХ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Термины, связанные с сельским хозяйством, ремеслами, зерновыми и изготовленными из них продуктами, в тюркских языках являются составной частью профессиональной лексики, имеют почти одинаковые названия. В кыргызском языке, одном из тюркских языков, данные термины чаще встречаются в языке населения, проживающего в южных районах Кыргызской Республики (южные диалекты). В этой статье мы сосредоточим внимание на названиях злаков в тюркских языках и названиях продуктов, приготовленных из них.

Ключевые слова: *ячмень, пшеница, продукты питания, рис, кукуруза.*

Khuribayeva E.G., Kyrgyzstan, Jalal-Abad
International University named after K. Sh. Toktomamatov, Ph.D., Professor
Zhalilova N.K., Kyrgyzstan, Jalal-Abad
Jalal-Abad State University named after B.Osmonov, lecturer

NAMES OF CEREALS AND FOOD PRODUCTS FROM THEM IN THE TURKIC LANGUAGES

The terms related to agriculture in the Turkic languages are a systematic part of the professional vocabulary. The terms associated with agriculture, crafts, grains and products made from them have almost the same names in the Turkic languages. And in the Kyrgyz language, which is part of the Turkic languages, the terms associated with agriculture are typical of the language of the population living in the southern regions of the Kyrgyz Republic (southern dialects). In this article, we will focus on the names of cereals in Turkic languages and the names of products made from them.

Keywords: *barley, wheat, food, rice, corn.*

ДАН ӨСҮМДҮКТӨРҮНҮН ЖАНА АЛАРДАН ЖАСАЛГАН ТАМАК-АШ АЗЫКТАРДЫН ТҮРК ТИЛДЕРИНДЕГИ АТАЛЫШТАРЫ

Дыйканчылык өнөрлөрүнүн негизги жыйынтыгы дан өсүмдүктөрүн өндүрүү. Дан өсүмдүктөрүн өстүрүп алып, аларды адам баласы эң негизги азык зат катары пайдаланып келген. Элде башка бардык азыктардан, эгер көп болсо, адам алардан танат, бирок буудайдан, нандан адам эч убакта танбайт, деген кеп бар. Ошентип бул макалабызда каралып жаткан дан өсүмдүктөрүнөн жасалган тамак-аш азыктарынын аттары тууралуу сөз болмокчу. Адамзат арпа, буудай, жүгөрү, шалы (күрүч) өсүмдүктөрүн тамак-аш азыктарын берүүчү өсүмдүктөр катары өстүрөт да, ошолордон жасалган азыктар менен жашоосун улантат.

Арпа, буудай, жүгөрү жана *шалыдан* акталып алынган *күрүч* мына ушулардын өздөрү адамга азык. Анткени бул дан өсүмдүктөрү бири-бирине жакын, теги да биологиялык, гендик жактан да бирдей категорияда. Элдин илгертен берки жашоо шартында *арпа* менен *буудай* азык зат катары бирдей мааниге ээ болуп келген. Бул эки дан өсүмдүгүнүн, жогоруда белгилеп айтканыбыздай, себилиши, өсүшү, өсүмдүгүнүн көрүнүшү да, даны да бири-бирине окшош.

Буудай – өтө кенен таралган дан өсүмдүгү. Элде буудайдын айдалган, өстүрүлгөн мезгили боюнча *жаздык буудай, күздүк буудай* деген түрлөрү бар. *Жаздык буудай* жаздын алды менен себилип, күзүндө түшүмү алынат. Ал эми *күздүк буудай* күзүндө (өрөөндүү жерлерде кеч күздө) себилип, өнүп чыкканы кышы менен кардын астында калып, эрте жазда кар кетери менен өсүп чыгып, жайында бышып, түшүмү жыйналып алынат.

Элде *кара буудай* деп өзүнчө бир башка дан өсүмдүгү колдонулат, муну орусча *рожь* деп которушкан. Ал эми *ак буудай* деген сөз да айтылат, бирок бул өзүнчө дан же сорт эмес. Бир аз эмоциялык маани менен *ак буудайдын наны, ак буудайдын уну* деп айтылып калат. Бул учурда кандайдыр *колунда бар адам, оокаттуу адам* тууралуу кеп болгону туюлат. Бул сөз, *буудай,* башка түрк тилдеринде созулма үндүү тыбыш менен айтылбайт. Алтайча *будай,* өзбекче *буғдой: бахори буғдой, кузги буғдой;* түркчө *bugday,* казакча *бидай,* хакасча *пудай*, тувача *ак тараа, кызыл-тас* деп айтылат. Түрк элдеринин чыгыш тараптагыларында да, батыш тарапта жашагандарында да аталышы бирдей. Бир гана тува тилинде башкача айтылганын көрдүк. Биздин оюбузча мына ушул тува тилиндеги аталыштар өтө байыркы сөздөр болуш керек. Анткени, жогоруда айтылгандай, жер иштетүү, дан сээп түшүм алуу илгери жерди таарыгандык менен ишке ашкан. Жерге себилген дан алгач *таруу (тарык)* деп аталган. Дал ошол аталыш тува тилинде сакталып турат: *ак тараа.* Ал эми *кызыл-тас* деп айтылганы бир топ өзгөчө сөз болуп эсептелет. Муну кыргыз тилиндеги *кырман көтөргөндө* алынган *кызыл* менен салыштырууга болот. Анын үстүнө тува тилинде *кызыл* деген сөз менен айтылган сөздөр көп. Карап көрөлү: *кызыл-адак* (балыктын бир түрү); *кызыл-булуң* (кызыл бурч); *кызыл-бут* (жылаңаяк); *кызыл-думчук* (кызыл тумшук чөкө таан); *кызыл-карак* (сөзмө-сөз кызыл көз: балдардын тилинде бөрү); *кызыл-кат* (карагат, кызылгат); *кызыл-өзөк* (табылгы); *кызыл-өөш* (кызыл өңөч); *кызыл-тараа* (тарууу); *кызыл-тас* (буудай); *кызыл-үгү* (чоң үкү); *кызыл-хаак* (кызыл тал); *кызыл-хорек* (чымчыктын бир түрү) деген сыяктуу сөздөр бар.

Жүгөрү – бул сөздү К.К. Юдахин иран тилдеринен өздөштүрүлгөн [Юдахин, 1965, 272] деп каттаган. Бул дан өсүмдүгү сабагы жоон болуп бийик өсүп, боорунда даны, *сотосу* чоң болуп өсүп бышат. Түштүк Кыргызстанда бул дан өсүмдүгүн *мәкә, мәкә жүгөрү* дейт. Диалектилик бул аталышы

К.К.Юдахиндин сөздүгүндө тыбыштык бир аз башка түр менен катталган: «меке II южн. [мәкә] кукуруза (см. жүгөрү 2)» [Юдахин, 1965, 522]. Бирок бул сөз *меке* деп айтылбайт, түштүк райондордо *мәкә* түрүндө эле айтылат да, *жүгөрү* деген башка бир дан өсүмдүгүнөн айырмаланат. Ошол башка *жүгөрү,* кээде *ак жүгөрү* деп аталып, бооруна *сото* байлап дан бербейт. Мунун өсүмдүгү да ***кукуруза-жүгөрүдөй*** эле болуп, бийик өсүп, сабагы жоон бийик өскөн менен, даны шалыныкындай болуп төбөсүндө бышат да майда-майда ак тоголок дан берет. Элде бул жүгөрүдөн *көжө (көчө)* кайнатылган азык аш бар. Мунун, мындай жүгөрүнүн *подагра* деген ооруга дары катары пайдаланылганы белгилүү.

Жүгөрүнүн сабагы, жерден өйдө бийик өскөн сабагы *пая* (бул сөз *иран* тилдеринен өздөштүрүлгөн; [Юдахин, 1965, 608], *жүгөрү пая,* түштүктө *мәкә пая* деп аталат. Жалбырагы жазы келип, ал да узун болуп өсөт. Жүгөрүнүн даны *(сотосу)* алынгандан кийин кыркылып тоют *(силос)* даярдалат.

Жүгөрүнү кууруп, азык катары пайдаланат. Куурулганда ар бир жүгөрү даны жарылып, ички жагы көрүнүп ак болуп, ал *бадырак* деп аталат. *Бадырак* арпадан да, буудайдан да куурулуп жасала берет. Ошентип, *буудай* менен *жүгөрү* ошол турушу, дан түрү менен эле куурулуп, азык болуп. колдонула берет. Ал эми *шалы,* тагыраагы шалыдан *акталып* алынган *күрүч* дан түрүндө эле азык болбойт.

Буудай, арпа, жүгөрү дан өсүмдүктөрүнөн *талкан* жасалат. Адегенде дан өсүмдүгү *күүшөлүп* тазаланып, *куурулуп,* жаргылчакка тартылып *талкан* жасалат. *Талканды* суу тегирменден өткөрүп да жасашкан. Куурулган дан майдаланганда жумшак келип, аны тегирменге салганда тегирменчи тегирмен ташты ошого ылайыкташтырат, башкача айтканда атайын механизминен бир аз көтөртүп коёт. Ошентип *талкан* тартылат.

Талканды азык катары колдонууда май же каймак менен *көөлөп* (кээ бир жерде *маштап* деп да айтылат) даярдайт. Көбүнчө буудай менен арпадан талкан жасалып, алар *буудай талкан, арпа талкан* деп аталат.

Токоч, көмөч, калама, каттама, патир деген азыктар көбүнчө буудайдан жасалат. *Токоч* – тоголок сыяктуу формада болот, *көмөч* – тоголок сыяктуу же тегерек болуп отко көмүлүп бышырылат, ошол үчүн *көмөч* – көм+өч, көм+аш. Ошентип, бул эки сөздүн тутумунда этиш уңгулардан зат атооч сөздөрдү жасоочу өнүмсүз куранды *-ач (-ыч)* мүчөсү бар. «**-ач** – непродуктивный аффикс, образующий имена существительные от глагольных основ: *көмөч* колобок, *калач* лепешка». *Токоч* деген сөздүн да составында *-ач* мүчөсү бар болуш керек. Ал эми *калач* азыркы кыргыз тилинде жок, ал алтай тилинде айтылып сакталган. Бул да *-ач* менен жасалган: *кала+ач. Боорсоктор* да, *жупка, чабаты, каттама, оромо, челпек* сыяктуу азык заттар да дан өсүмдүктөрүнөн жасалат.

Кыргыз тилинде иран тилдеринен өздөштүрүлгөн *нан* деген сөз кеңири колдонулуп, активдүү лексиканын составындагы сөз болуп эсептелет. Ошентип, нандын *күлчө нан, жапкан нан, бөлкө нан, май нан, кеште нан, шырман нан, патир нан, тандыр нан, той нан, калама нан (чокко каланып бышырылат), эт нан, пияз нан* деген сыяктуу түрлөрү бар. Азыр азык-түлүк дүкөндүрөндө *бөлкө, булочка, коржик, батон* ж.б. деген сыяктуу дан өсүмдүктөрүнүн унунан жасалган нан түркүмүндөгү азыктар көп. *Пряник, печение*, алардын түрлөрү да ундан жасалат. Ошентип, дан өсүмдүктөрүнөн жасалып, башка элдерден өздөштүрүлгөн азыктар, алар менен кошо ошол тилдердеги аталыштар колдонулуп, толуп жаткан сөздөр лексикабызга кошулуп жатат.

Буудайдын унунан *кесме* жасалып, андан *кесме, күлчөтай, камыр палоо, нан палоо* деген тамактар даярдалат. Камырдын өзүнөн *манты, оромо, жупка, чабаты, самса, пирожки, чебуреки* сыяктуу тамактар да жасалат. Кыргыз элинин улуттук тамагы *беш бармакта* да камыр колдонулат.

Унду май менен кууруп *умач (кызыл умач)* жасалып, андан *умач аш (умач – ун+аш)* жасалган. Талкандан *жарма, максым* деген суусундук тамактар болот. Бул жогорудагылардын ичинен *нан, манты, самса, чебуреки, пирожки, бөлкө* ж.б. дегендери башка тилдерден өздөштүрүлгөн сөздөр. Бул сөздөрдүн кайсы тилдерден өздөштүрүлүп келгени тиешелүү адабияттарда жана сөздүктөрдө айтылып келе жатат. Буудай өндүрүлүп, кургатылып, талкаланып, андан *бозо* жасалат.

Жүгөрүдөн да суусундук жана нан жасалып, жүгөрү наны *загара* деп аталат. Жүгөрү жаңы бышып, даны катый элек *дүмбүл* кезинде аны сото боюнча туздап кайнатып да жесе болот.

Ал эми *шалыдан,* тагыраагы шалыдан акталып алынган *күрүчтөн* нан жасалбайт да бир нече тамактар жасалат. Мына ошол күрүчтөн жасалган тамактардын эң эле абройлуусу *палоо,* айрым учурларда бул тамак *аш* деп эле аталат. Күрүчтөн жасалган тамактардан *ширгүрүч (ширин күрүч деп да айтылып жүрөт),* бул орус ашпоздорунан үйрөнгөн *кашанын* эле өзү, бирок *майлуу каша.* Ал тамак чынында *ширин күрүч* эмес, *ширгүрүч* болуш керек. Бул иран тилдериндеги *шир – сүт* деген сөзүнөн келип чыккан. Күрүчтөн *мүнөз тамак* (мүзөз тамак) катары кыргыздар *кордо* бышырышат. *Күрүч аш* да бар, муну ашканаларда *мастава* дейт. Андан тышкары күрүчтү *голубцы, тефтели* деген сыяктуу бир нече тамактарга кошушат.

Дан өсүмдүктөрүнөн жасалган азык-зат, тамак-аштардын биз каттаган түрлөрүнөн башка да аталыштары элдин лексикасында көп. Аларды изилдеп чыгуу чоң эмгекти талап кылат. Башкача айтканда көлөмдүү иштин бир формасын камтыйт.

Демек, буудай, арпа, жүгөрү, күрүч сыяктуу дан өсүмдүктөрүн түрк элдери, анын ичинде кыргыз эли да кенен пайдаланып келет. Бул маданий өсүмдүктөргө байланыштуу түрдүү атоолор да түрк тилдеринин ар бир диалектилеринде фонетикалык жактан өзгөчөлөнгөн формалары менен орун алган.

Адабият

Юдахин К. К. Кыргызча-орусча сөздүк. М.: Советская энциклопедия, 1965. 976 б.

© Хурибаева Э. Г., Жалилова Н. К., 2022

УДК *81’373.4*

Хурибаева Э. Г., Кыргызстан, Джалал-Абад
Международный университет им.К. Ш. Токтомаматова, и.о.профессора
Женалиева З. А., Кыргызстан, Джалал-Абад
Джалал-Абадский государственный университет, преподаватель

ИССЛЕДОВАНИЕ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА В ТРУДАХ ПЕРВОГО КЫРГЫЗСКОГО ПРОФЕССОРА КАСЫМА ТЫНЫСТАНОВА

В статье анализируются формы прошедшего времени глагола в кыргызском языке. В работах Касыма Тыныстанова, автора первой грамматики кыргызского языка, подробно изложены способы образования форм прошедшего времени, его основные отличия от других времен глагола. У глаголов прошедшего времени ученый выделяет следующие формы: 1) ближайшее прошедшее время; 2) древнее время; 3) сомнительное прошедшее время (конечное движение не очевидно, а расплывчато).

Ключевые слова: *настоящее время, будущее время, прошедшее время, сомнительное время, древнее время, внезапное прошедшее время и обычное прошедшее время, явное прошедшее время, чистое недавнее прошедшее время и чистое древнее прошедшее время, общее недавнее прошедшее время и общее древнее прошедшее время.*

Khuribaeva E. G., Kyrgyzstan, Jalal-Abad
International University named after K. Sh. Toktomamatov, acting Professor
Zhenalieva Z. A., Kyrgyzstan, Jalal-Abad
Jalal-Abad State University, teacher

RESEARCH OF THE PAST TENSE IN THE WORKS OF THE FIRST PROFESSOR KASYM TYNYSTANOV

The article analyzes the forms of the past tense of the verb in the Kyrgyz language. In the works of Kasym Tynystanov, the author of the first grammar of the Kyrgyz language, the methods of formation of past tense forms, its main differences from other tenses of the verb are described in detail. The scientist distinguishes the following forms from the verbs of the past tense: 1) the nearest past tense; 2) ancient time; 3) doubtful past tense (the final movement is not obvious, but vague).

Keywords: *present tense, future tense, past tense, doubtful tense, ancient tense, sudden past tense and ordinary past tense, manifest past tense, pure recent past tense and pure old past tense, common recent past tense and common old past tense.*

АЛГАЧКЫ ПРОФЕССОР КАСЫМ ТЫНЫСТАНОВДУН ЭМГЕКТЕРИНДЕ ӨТКӨН ЧАКТЫН ИЗИЛДЕНИШИ

Азыркы кыргыз тилинде этиштердин түшүндүрүлүп жазылышы атактуу тилчи, жазуучу жана мамлекеттик ишмер Касым Тыныстановдун эмгектеринен башталат. Кыргыз тили боюнча алгачкы окуу китептеринин автору болгон бул улуу инсандын китептеринде кыргыз тилинин лексикасы биринчи жолу грамматикалык жагынан талданып чыгып, сөздөрдүн түркүмдөрүнүн катарында этиш сөз түркүмүнө түшүндүрмөлөрдүн берилгенин билебиз. Ал кыргыз тилиндеги сөздөрдү морфологиялык жагынан топторго ажыратып чыгып, атоочтор жана этиштерге бөлүп, мектеп окуучулары үчүн окуу китеп жазган. Андан бери кыргыз тили боюнча мектеп окуучулары, атайын орто окуу жайларды жана жогорку окуу жайлардын студенттери үчүн окуу китептери жазылып, алардын бардыгында этиш сөз түркүмү көлөмдүү орунду ээлеп жазылып келе жатат. Өзүбүздүн тандап алган темабызга ылайык мына ошол окуу китептердин бир канчасында этиштин өткөн чагынын чагылдырылышы тууралуу кыскача обзор берип өтүүнү туура деп көрдүк.

Этиштин чактарынын ***учур чак, келер чак, өткөн чак*** [Тыныстанов, 1934] болуп үчкө бөлүнүшү жана терминдик жагынан да ушинтип айтылышы биринчи жолу Касым Тыныстанов тарабынан сунушталып, азыркы кезге чейин окуу китептерде, грамматикаларда жана ар кайсы илимий эмгектерде ушинтип айтылып, ушул терминдер менен жазылып келе жатат. Термин болуп аталышын айтуу менен бирге Касым Тыныстанов этишти бир топ кенен жазып, анын чактары тууралуу айтканда, өткөн чакты үчкө бөлүп ажыратып жазган. «Өткөн чак үчкө бөлүнөт. 1. **Берки чак**. Кыймыл жаңы гана аяктаса, же мурун аякталса да, оюбузда жаңы аяктагандай турса, ал чакты *берки чак* дейбиз. 2. **Байыркы чак.** Кыймылдын аяктаганына көп болсо, же аяктаган кыймыл оюбузда көп заманда аяктагандай болуп турса, ал чакты *байыркы чак* дейбиз. 3. **Күдүк чак.** Аякталган кыймыл өзүбүзгө айкын эмес, бүдөмүк болсо, ал кыймылды күдүктөнүп сүйлөйбүз. Мындай чакты *күдүк чак* дейбиз» [Тыныстанов, 1934, 58]. Ал берки чакка *-ды*, байыркы чакка *-ган* ал эми күдүк чакка болсо *-гандыр* грамматикалык көрсөткүчү менен уюшулган этиш формаларын киргизет. Көрүнүп тургандай, К. Тыныстановдун кыргыз тилиндеги өткөн чакты бөлүштүргөнү азыркы кездеги грамматикалардагы жана орто жана жогорку укуу жайлардын окуу китептеринде айырмаланып турат. Ошентсе да кыргыз тилинде өткөн чактын бир нече маанилерге бөлүнөрү алгачкы грамматикада эле алгачкы профессор Касым Тыныстановдун эмгектеринен эле башталгандыгын көрөбүз.

Кыргыз тилинин грамматикасында [Тыныстанов, 1964] этиштин өткөн чагы ***айкын*** өткөн чак, ***жалпы*** өткөн чак, ***капыскы*** өткөн чак жана ***адат*** өткөн чак деп бөлүштүрүп берилген. Ошону менен бирге айкын өткөн чак ***айкын жакынкы өткөн чак*** жана ***айкын байыркы өткөн чак*** (*көрдү эле, алды бекен?*) деп экиге бөлүнгөн [Тыныстанов, 1964, 247–248]. Жалпы өткөн чак да мына ошондой болуп, ***жалпы жакынкы өткөн чак*** жана ***жалпы байыркы өткөн чак*** деп экиге бөлүнгөн [Тыныстанов, 1964, 249–251]. Ушул грамматикада эскертүү катары «*калдык, ойдук, тердик, желдик* сыяктуу сөздөрдүн составындагы **-дык** мүчөсү азыркы кезде айкын өткөн чакты уюштуруучу **-ды** мүчөсүнүн байыркы кездеги толук түрү болуу керек деген божомол бар» [Тыныстанов, 1964, 248]. Бул көз караш терең изилдөөнү талап кылат, биз бул ойго кошулууга болбойт деп эсептейбиз. Анткени, эгерде эле ошол *калдык, ойдук, тердик, желдик* деген сөздөрдү этиш болуп туруп кийин атоочко айланган сөздөр деп эсептей турган болсок, анда **-дык** мүчөсүнүн составындагы **к** тыбышын (**-ды-к**) өткөн чактын көптүк сан маанисин билдирген мүчө экенин байкоо кыйын эмес. Жогорудагы көз карашта мына ушундай карама-каршылык бар.

С. Давлетов менен С. Кудайбергеновдордун жогорку окуу жайларынын филология факультеттеринин студенттери үчүн биргелешип жазылган окуу китебинде кыргыз тилинин этиштери алда канча ийгиликтери менен жазылган. Ошол китепте этиштин өткөн чагы да, өткөн чакты туюндурган маанилери да терең талданып жазылган. Окуу китепте этиштин чак категориясы «кыймыл-аракеттин сүйлөп жаткан учурда болуп жаткандыгын же сүйлөп жаткан учурдан мурун болуп өткөндүгү, же болбосо кийин болорун көрсөтөт» [Давлетов, Кудайбергенов, 1980, 168], деп аныкталып жазылган. Авторлор чак категориясына өзгөчө маани берип, бул этиштин «шарттуу, буйрук, ниет, тилек» ыңгайларына караганда баяндагыч ыңгайга тиешелүү экендигин белгилешкен. Булардын, шарттуу, буйрук, ниет, тилек ыңгайларынын, сөздөгү модалдуулук маанилерин көрсөтөрүн, чак категориясына толук ээ эмес экендигин жана чактык маанилерди ачык билдире алышпай тургандыктарын айтышкан. Ошентип этиштин үч чагын «баяндагыч ыңгай үч чак менен айтылат: келер чак, учур чак, өткөн чак» [Давлетов, Кудайбергенов, 1980, 169], деп жазышкан. Биз мына ушул окуу китептин жоболоруна таянып, ишибизде мисалдардын дээрлик көпчүлүгүн этиштин баяндагыч ыңгайда айтылыштарынан болгон үгүлөрүнөн келтирип изилдөөбүздү жана талдоолорубузду аткардык. Азыркы кыргыз тилиндеги өткөн чактын формаларын айкын өткөн чак (*-ды*), белгисиз өткөн чак (*-ган*), капыскы өткөн чак (*-ып, -ыптыр*), адат өткөн чак (*-чу*) деп бөлүштүрүшүп түшүндүрүшкөн [Давлетов, Кудайбергенов, 1980, 173–176]. Авторлор айкын өткөн чакты 1964-жылдагы грамматикада жазылгандай атайын терминдер менен атап экиге бөлүштүрбөгөнү менен, «1) кыймыл-аракеттин жакын арада болуп өткөндүгүн билдирет: *Бегматов Абдымомун өзүнүн бир короо коюн жайытка* ***жайып чыкты****. Күтүлбөгөн жерден балакет* ***башталды****. Тоо этегинде калган койлорго илбирс* ***тийди****.* 2) кыймыл-аракеттин сүйлөнгөн мезгилден алда канча мурун болгондугун билдирет» [Давлетов, Кудайбергенов, 1980, 173], деп жазышкан.

Биздин оюбузча, бул жердеги сүйлөмдөрдө өткөн чактын ар кандай маанилери жалаң эле айкын өткөн чактын мүчөсү (*-ды*) менен туюндурулуп жаткан жок. Сөйлөмдөрдөгү башка сөздөрдүн маанилеринин да окуянын болуп өткөндүгүнө мезгилдик жактан тийгизген таасирлеринин бар экендигин авторлор этибарга алышкан эмес деп эсептейбиз.

Кыймыл-аракеттерди билдирген сөздөрдүн ар кандай мезгилге байланыштуу түрдүүчө айтылгандыгы жалпы лингвистикада, жалпы эле түркологияда жана кыргыз тил илиминде тиешелүү деңгээде белгиленип келе жатат. Кыймыл-аракет «кайсыдыр мейкиндикте, кандайдыр убакыт бирдигинде жүзөгө ашып» [Абдувалиев, 2008, 130], анын ар бир мезгилге жараша айтылыштары ар түрдүү грамматикалык каражаттар менен жабдылып айтылат.

Этиштин өткөн чак маанилери грамматикаларда ***айкын*** өткөн чак, ***жалпы*** өткөн чак, ***капыскы*** өткөн чак жана ***адат*** өткөн чак деп ажыратылып белгиленип окутулуп келе жатат. Ал эми түркологдордун булардан башка да бир канча өткөн чактык маанилерди көрсөтүп белгилешкенин тиешелүү адабияттарга обзор жүргүзүп, мисалдарын келтирип өттүк. Бирок, кыргыз тил илиминде этиш сөз түркүмүнүн өткөн чак маанилеринин терең изилдене элек экендиги белгиленди. Ошентсе да белгилүү тилчи-окумуштуу С. А. Давлетов чекесин чыгарып, азыркы кыргыз тилинде өткөн чак этиштерде грамматикалык маанилердин бир топ арбын экендиги атайын изилдөөлөргө алынбай келе жатат. Азыркы кыргыз тилинин көркөм адабиятта, публицистикада жана элдик оозеки чыгармаларда айтылыш фактыларынан этиш сөздөрдүн кыймыл-аракеттин жана ал-абалдын өткөн чактагы маанилеринин өтө ар түрдүү экендиги байкалды.

Адабият

Абдувалиев И. Кыргыз тилинин морфологиясы. Бишкек, 2008. 178–186 б.
Абдувалиев И., Сыдыков Т. Азыркы кыргыз тили: Морфология. Бишкек, 1997.
Давлетов С., Кудайбергенов С. Азыркы кыргыз тили: морфология. Фрунзе, 1980.
Тыныстанов К. Кыргыз тилин морфологиясы. Фрунзе, 1934. Т. 2. 58 б.

© Хурибаева Э. Г., Женалиева З. А., 2022

УДК *398*

Хусаинова Г. Р., Россия, г. Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, зав. отделом

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ БАШКИР САЛАВАТСКОГО РАЙОНА

(по материалам экспедиции 2018 года)

Полевые исследования, регулярно проводимые башкирскими фольклористами на территории Республики Башкортостан и за ее пределами, позволяют иметь представление о степени бытования фольклора как локально, так и шире. Материалы автора этих строк, которые были записаны в 2018 г. во время экспедиции в Салаватский район, представляют духовное наследие современных башкир указанного региона. Из множества записанных образцов отобраны в основном те, которые, на взгляд автора, характерны именно этому региону или уже постепенно прекращают свое активное бытование (как, например, сказки). Интересные образцы обрядового, детского фольклора, сведения о мировоззрении древних башкир и др. могут послужить для исследователей дополнительным источником, а внимание лингвистов могут привлечь приведенные образцы из разговорной речи информантов, диалектные слова.

Ключевые слова: *полевые материалы, образцы фольклора, современное состояние, информанты.*

Khusainova G. R., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS,
Head department

THE SPIRITUAL HERITAGE OF THE BASHKIRS OF THE SALAVAT DISTRICT

(based on the materials of the 2018 expedition)

Field studies regularly conducted by Bashkir folklorists on the territory of the Republic of Bashkortostan and beyond, allow us to have an idea of the degree of existence of folklore both locally and more widely. Based on the material of the author of these lines, which were recorded in 2018 during an expedition to the Salavatsky district, the spiritual heritage of modern Bashkirs of this region is presented. From the many recorded samples, mainly those that, in the author's opinion, are characteristic of this particular region or are already gradually ceasing their active existence, such as fairy tales, are selected. Interesting examples of ritual, children's folklore, information about the worldview of the ancient Bashkirs, etc. they can serve as an additional source for researchers, and the attention of linguists can be attracted by the given samples from the colloquial speech of informants, dialect words.

Keywords*: field materials, folklore samples, current state, informants.*

САЛАУАТ РАЙОНЫ БАШҠОРТТАРЫНЫҢ РУХИ БАЙЛЫҒЫНАН

(2018 йылда автор яҙып алған материалдар буйынса)

Билдәле булыуынса, 2022 йыл Президент В. В. Путин Указы менән “Матди булмаған мәҙәни мираҫ йылы” тип иғлан ителде. Халҡыбыҙҙың быуаттан быуатҡа күсә, быуындан-быуынға тапшырыла килгән рухи ҡиммәттәре тураһында юғары кимәлдә ҡайғыртыу бик урынлы һәм кәрәкле сара. Йылдан йыл рухи хазиналарыбыҙҙы күңелендә һаҡлаған һәм ваҡыты-ваҡыты менән уларҙы башҡарған кешеләр һаны ла кәмей бара, шуға күрә, халыҡ ижады өлгөләрен хәҙер телдән һөйләү рәүешендә генә түгел, яҙма формала ла осратабыҙ һәм өйрәнәбеҙ.

XX быуаттың 60–70-се йылдарында билдәле ғалим һәм яҙыусы Кирәй Мәргән етәкселегендә ысын мәғәнәһендә академик статустағы оҙайлы ваҡыт дауам иткән экспедициялар мәлендә башҡорт халыҡ ижадының бай корпусы туплана һәм “Башҡорт халыҡ ижады” 18 томда донъя күреп, башҡорт мәҙәниәте һәм ғилеме тарихында әһәмиәтле ваҡиға тип таныла.

Бөгөнгө көндә лә Тарих, тел һәм әҙәбиәт институтында өлкән быуын фольклорсыларының эше дауам итә: экспедициялар ойошторола, фольклор әҫәрҙәре төрлө форматтағы китаптарҙа донъя күрә, башҡорт халыҡ ижадының күп жанрҙары буйынса хеҙмәттәр яҙыла.

Әлеге мәҡәләлә Салауат районында экспедиция ваҡытында ошо юлдар авторы тарафынан яҙып алынған ҡайһы бер материалдар менән таныштырыу маҡсат итеп ҡуйыла. 2018 йылда Рәсәй фәндәр академияһы Өфө федераль тикшеренеү үҙәге Почет билдәһе орденлы Тарих, тел һәм әҙәбиәте институты (ул ваҡыттағы директоры – Айбулат Вәли улы Псәнчин) “Янғантау” шифаханаһы етәкселегенең (директор – Әлфрид Рәшит улы Аҡбашев) инициативаһы буйынса һәм матди ярҙамында Башҡортостандың төньяҡ-көнсығыш өлөшөндә урынлашҡан Салауат районына ике тапҡыр (июнь-июль, сентябрь) фольклор экспедицияһы (етәксеһе – Р. Ә. Солтангәрәева) ойоштороҙо. Элегерәк был районда киң масштаблы махсус фольклор экспедициялары эшләгәне булмаған, әммә шәхси командировкалар мәлендә фольклорсылар Н. Шоңҡаровтың (1970–2000 йй.), Ф.Нәҙершинаның (1977), Р.Солтангәрәеваның (1994), сығыштары менән Салауат районынан булған коллегаларыбыҙ Р. С. Сөләймәновтың (1966–1980-се йй.), нуңғы осорҙа туған төбәгендә фольклор йыйыу буйынса әүҙем эшләгән Ф.Ф. Ғайсинаның ошо төбәктән бай материал яҙып алып ҡайтып, Өфө федераль тикшеренеү үҙәге архивына тапшырыуҙары билдәле. Улар яҙып алып архивҡа тапшырған материалдарҙың күпселеге ғилми мәҡәләләрҙә телгә алынған һәм “Башҡорт халыҡ ижады” томдарында, ғалимдарҙың китаптарында донъя күргән.

2018 йылда экспедиция ағзалары Салауат районының 21 башҡорт ауылында (Арҡауыл, Ахун, Башҡорт Илсекәйе (Башташ), Урыҫ Илсекәйе, Изрис, Йонос, Көҫәпәй, Күҫәләр, Ҡарағол, Лағыр, Мөрсәлим (Ҡалмаҡкол), Мәсетле, Мәхмүт, Соколовка, Сыбаркүл, Ташауыл, Урмансы, Урмантау, Шәрәк, Әбсәләм, Юлай (Шағанай) 100-гә яҡын информант менән эшләнеләр һәм төрлө жанрҙарға ҡараған материалдар яҙып алдылар.

Улар араһында бер нисә әкиәт, бихисап ауыл тарихтары, ер-һыу атамалары, шулай уҡ легендалар, башҡорт халҡының милли геройы Салауат Юлаевҡа бәйле материалдар, ҡыҫҡа йырҙар, таҡмаҡтар, мөнәжәттәр, бәйеттәр, афористик жанрҙар, йолалар һәм уларға бәйле поэзия өлгөләре, аслыҡ, һуғыш йылдарындағы тормош тураһында хәтирәләр, ырым-ышаныуҙар булыуы асыҡланды.

Халыҡ ижадының традицион жанр өлгөләре, мәҫәлән, әкиәттәр, хөрәфәттәр, йырҙар, бәйеттәр һ.б., нигеҙҙә билдәле һәм башҡа төбәк башҡорттарыныҡы менән уртаҡ булһа, ауыл тарихына, ер-һыу атамаларына, ғөрөф-ғәҙәттәргә бәйле мәғлүмәттәрҙә төбәк фольклоры үҙенсәлектәре сағылыш таба. Халыҡ хәтерендә әлегә тиклем халҡыбыҙҙың милли батыры Салауат Юлай улы исеме менән бәйле легендалар, риүәйәттәр һаҡлана, уларға фәндә билдәле, китаптарҙан уҡып белгән мәғлүмәттәр ҙә үрелеп китә. Йәғни урындағы халыҡ Салауат Юлаев исеменә оло хөрмәт менән ҡарай, легендар шәхескә бәйле мәғлүмәттәрҙе күңелендә һаҡлай, байыта. Төбәктә ауылдар тарихына, ер-һыу атамаларына бәйле мәғлүмәттәр ҙә байтаҡ яҙып алынды. Урындағы халыҡ уларҙы хәтерләй, яҡшы белә һәм ихлас һөйләй, йәнә информанттарҙан тормош-көнкүрештең төрлө өлкәләренә – үҙҙәрен, малды дауалау, аш-һыу, кейем-һалымға һ.б. нәмәләргә – ҡағылған һорауҙарға яуап алдыҡ. Һәр яҡтағы кеүек, улар ҙа үҙ диалекттарында (көнсығыш диалектының әй һөйләшендә) аралашалар, ҡайһы бер информанттар әңгәмә ваҡытында телебеҙҙең боронғолоғон күрһәткән “ж” хәрефле һүҙҙәрҙе ҡулланалар: жәй, жыйыштырам, жарам һ.б.

Мәҡәләлә ошо юлдар авторы яҙып алған ҡайһы бер халыҡ ижады әҫәрҙәре менән таныштырыу маҡсат итеп ҡуйылды.

Хәҙерге ваҡытта экспедициялар мәлендә һирәк осрай һәм яҙып алына торған әкиәт жанрына ҡараған ике текст теркәлде. Уларҙың тәүгеһе “Башҡорт халыҡ ижады” тупланмаһының китаптарында донъя күргән “Кәзә менән бәрәстәр” хайуандар тураһындағы классик әкиәттең бөгөнгө көндә халыҡ хәтерендә һаҡланған ҡыҫҡа варианты. Әкиәтте һөйләгән информант былай тине: “*Мин “Золушка” әкиәтен дә башҡортсаға әйләндереп балаларға һөйләй инем”* [Янмурзина]. Йәғни информант хәҙерге замандың әкиәт һөйләүсеһе булып күҙ алдына баҫа.

Икенсе информантыбыҙ шулай уҡ үҙенең әкиәтте әленән-әле һөйләүенә түбәндәге һүҙҙәре менән ишараланы: “*Был әкиәтте мин бәләкәй улым Ильястың малайҙарына һөйләй торғайным”* [Зайнуллина]. Тағы бер нәмә иғтибарға лайыҡ: элек балалар “әкиәт һөйлә”, – тип ҡаңғыртһалар, әкиәтсе “әкиәттәрҙең бик боронғо замандарҙа формалашҡан инеш тибын” [Минһажетдинов, 1995, 223] ҡулланған һәм әкиәт һөйләүҙән баш тартҡан. Әлеге осраҡта информант шундай инеш тибын иҫенә төшөрҙө: “*Әкиәт һөйҙә тип ҡаңғыртһалар,”Әбей менән буай булған. Таштан өй һалғандар. Һөйҙәйемме баштан”– тиһәм, теге малайҙар: “Кәтәй, һөйҙәмә баштан”, – ти торғайнылар”* [Зайнуллина] йәғни ул үҙенең балаларға даими әкиәт һөйләүен ошоноң менән дә раҫланы. Балалар был һүҙҙәрҙе ишеткәне бар һәм артабан әкиәтсенең әкиәт һөйләмәйәсәген аңлап торалар. Шулай итеп, ике информантыбыҙҙың да ғаиләләрендә балаларға әкиәт һөйләү традицияһы һаҡланған. Атап үтелгән әкиәттәрҙең башҡорт халыҡ ижадында популяр булыуы, быуындан быуынға тапшырыла килеүе тураһында мәғлүмәт әкиәт томдарының аңлатмаларында бирелгән. Әйтәйек, тәүге әкиәт беренсе мәртәбә 1940 йылда уҡ донъя күргән, артабан әкиәт йыйынтыҡтарында ҡабат-ҡабат баҫылып сыҡҡан [Ҡара: БХИ, 2009, 163]. Икенсе әкиәттең дә 2009 йылда сыҡҡан томға XX быуаттың 70–80-се йылдарында Йылайыр, Дәүләкән, Учалы райондарында яҙып алынған өс варинты ингән [Ҡара: БХИ, 2009, 164].

Башҡортостандың төрлө төбәктәрендә әле лә халыҡ хәтерендә тотороҡло һаҡланған, күп тапҡырҙар беҙҙең тарафтан яҙып алынған тылсымлы әкиәттәр жанрына ҡараған “Етем ҡыҙ” әкиәтен, ҡыҙғанысҡа ҡаршы, һөйләүсе табылманы, әммә бер информантыбыҙ “*Етем ҡыҙ” әкиәтен белә инем*” [Рамазанова], – тине, тик һөйләй алманы.

Беҙҙең тарафтан экспедицияла туй йолаһына ҡағылышлы мәғлүмәттәр байтаҡ теркәлде. Шулар араһынан ҡайһылары, беҙҙең ҡарашҡа, ошо төбәккә генә хас. Мәҫәлән, кейәүгә сыҡҡан ҡыҙҙар иренең ауылына күскәндә тыуған ауылдарынан бер ваҡытта сығып китергә тейеш түгелдәр икән, сөнки “*Бер үк сәғәттә күсһәләр, береһе бәхетһеҙ була”*[Зайнуллина]. Әгәр инде *“Ике күсеп килгән пар юлда осрашһалар, балта менән бер-береһенең дуғаһын сапҡандар, ҡамыт ҡолағын киҫкәндәр”* [Садыков].

Туй йолаһынан тағы бер эпизод шулай уҡ иғтибарҙы йәлеп итә: “*Егеттәр һыбай килеп туй йортонан көршәк менән май алып китеп ашайҙар ҙа, көршәген алып килеп, баҫанаға һуғып, ватып китәләр ине”* [Ханов].

Ерләү йолаһының да ошо төбәккә хас үҙенсәлектәре билдәле булды. Мәҫәлән, “*Лағырҙа ҡәберҙә мәйет аҫтына кипкән япраҡ, ә Урмансы ауылында тал ҡайрыһы – ҡабыҡ һалалар. Уны алдан әҙерләп ҡуялар. Минең ҡайным уны әҙерләй, кеше килеп ала торғайны”* [Янмурзина]; “*Әгәр мәйет ятҡан өйҙән сығырға кәрәк булһа, тупһаға тимер, асыҡ ҡайсы һалып сығалар. Төнөн – ҡунаҡтар, көндөҙ – тимер уҡтар”* [Мырҙакималова].

Бөгөнгө көнгә тиклем халыҡ хәтерендә һаҡланған сеңләү өлгөләренән дә үрнәктәр яҙып алынды:

Атамдың былбылы инем,
Әсәмдең һылыуы инем.
Ташлап китәм ауылымды,
Сабырлыҡ бир миңә, хоҙайым [Рамазанова].

Ҡара ла болот сыҡты инде,
Яумай ҙа китәр, тиһеңме?
Кейәү ҙә керәшен килде инде,
Алмай ҙа китәр, тиһеңме?

Атайым утын вата ла,
Арт итәктәрен һызғанып.
Атайым мине һатып бирҙе,
Асы икмәккәйен ҡызғанып.

Арҡа өҫтөндә һигеҙ юл,
Һигеҙ юлы ла тигеҙ юл.
Шунда ла торған кейәүегеҙҙе
Бизгәк тә тотһон һигеҙ йыл [Зайнуллина].

Кейәүҙе хурлаған юлдар әйтелә башлағас, әсәһе ҡайһы саҡта улын йәлләп, *“сәй, бүләктәр ырғытып, сеңләүҙе туҡтата”* [Зайнуллина] торған булған.

Балалар фольклорына ҡараған өлкәндәр тарафынан баланы һикерткәндә әйтелә торған матур һикерткес өлгөләре лә табылды:

Улым, улым, улдаман,
Улыма мин ҡыҙ алам.
Уның күңеле була,
Минең киленем була [Ғәниева].

Өлкәндәр йәш сабыйҙы аяғына ултыртып һикерткәндә:

Минең ҡыҙым ҙур үҫһен,
Айға, йондоҙға етһен”
Тәтүс!” [Шиһапова]

– тип, ә инде баланы аяғына баҫтырып һикерткәндә:

Сәүкә, һайыҫҡан, сыпсыҡ.
Ҡоштар кеүек осоп сыҡ [Мөхәмәтшина].

– тип һамаҡлайҙар икән.

Салауат районы башҡорттарының ғөрөф-ғәҙәттәре араһында ла үҙенсәлеклеләре бар. Әйтәйек, “*Өрҙөк һалғанда бала-сағаға, булған кешеләргә өрҙөк майы ашаталар: яңы бешкән икмәккә аҡ май яғып бирәләр, йорттағылар етеш, бай йәшәһен, тип”* [Янмурзина] *йәки “Атайымдар кис айырым йыйылғандар. Бер ҡазанға ете малай ете тауыҡ бешереп, һәр кем үҙенең тауығын бүлгән, бау бәйләп төшөрҙөндәр. Һәр кем үҙ тауығын ашаған”* [Зайнуллина].

Йәнә бер мөһим өлкә – халыҡтың атҡа бәйле боронғо ышаныҙары – тотороҡло һаҡланып килеүе билдәле булды: “*боронғо башҡорттоң, ихатаһында иң бейек урында аттың баш һөйәге әлегә тиклем бар”* [Садыков]; *“Сәмиғә апайҙың өйө тыныс. Аттар ятып тулаған (аунаған) урын тыныс була. Элек шул урында ат фермаһы булған. Сәмиғә апайҙың бабайы өйөн шул ферма урынына һалған”* [Сабирова]; *“Юлда төшөп ҡалған даға таныһаң, өйөңә алып ҡайтып, йә ишек башына, йә ишек яңағына дағаны өҫкә ҡаратып ҡағып ҡуялар, тулы бәхет өсөн”* [Садыков]; *“Кеше үҙенең йорт-ихатаһы эсенә аттың башын күмә, бәхет теләп ятһын, тип*” [Ханов].

Туғанлыҡ терминдарынан “кәтәй” өләсәй тигәнде аңлата, шулай уҡ үҙенсәлекле тойолдо.

Урындағы халыҡтың ерле һөйләш үҙенсәлектәрен сағылдырған үрнәктәрҙән түбәндәгеләрҙе тәҡдим итеп була: “Бер ваҡыт еләктән *лыҡыр* һыу булып ҡайттыҡ. Ныҡ ямғыр яуҙы” [Байдәүләтова]; “Беҙҙең кеүек *моҡа-таҡы* түгел телдәре. Сыбаркүлдәр телгә оҫта” [Садыков]; “*Төпәк* – тауыҡ ҡуна торған урын” [Мырҙакималова]; “*Эттекәй*, бар, йөрөмә!” – әрләү һүҙе” [Сабирова]; “*Эш-һәшкә* (төрлө эштәргә – авт.) атайым өйрәтте мине” [Шиһапова]; “Инәйемдең Яуышта йәшәгән апаһы мине, уларға барһам, *“әйлүгем”* тип ярата ине” [Шиһапова]; “Өлкән ҡыҙҙы тиргәп алдым, тиргәмәһәң, *үрҙәндәргә* генә тора” [Сабирова]. Был үрнәктәр информант менән әңгәмә ваҡытында теркәй барылды, сөнки экспедицияның бурыстарына халыҡ ижады үрнәктәрен башҡарыусының йәнле һөйләү теленә иғтибар итеү ҙә инә.

Ҡыҫҡаһы, Салауат районы башҡорттарынан 2018 йылда экспедиция мәлендә яҙып алынған материалдарҙың үҙенсәлеклеләрен, шул төбәккә хас булғандарын ғына бирергә тырыштыҡ, улар гуманитар фәндең төрлө йүнәлештәрендә эшләгән тикшеренеүселәр өсөн өҫтәмә сығанаҡ булыр һәм ғилми әйләнешкә инеп китер тип өмөтләнәбеҙ.

Әҙәбиәт

БХИ – Башҡорт халыҡ ижады. XIII том: Хайуандар тураһында әкиәттәр / Төҙ., баш һүҙ авторы – Г.Р. Хөсәйенова. Өфө: Китап, 2009.
Минһажетдинов М.Х. Ҡәләмендә көҙрәт бар.Өфө: Китап, 1995.

Информанттар

Байдәүләтова Гөлнур Таһирйән ҡыҙы (1960), Юныс ауылы.
Ғәниева Райхана Ишмөхәмәт ҡыҙы (1955), Юныс ауылы.
Зайнуллина Лена Ахунйән ҡыҙы (1936), Шәрәк ауылы.
Мөхәмәтшина Гөлнур Ислам ҡыҙ (1955), Арҡауыл ауылы,
Мырҙакималова Нәсимә Мазһар ҡыҙы (1936), Мәсетле ауылы.
Ниғмәтова (Хисамова) Фәриә Шәрифулла ҡыҙы (1950), Мөрсәлим ауылы.
Рамазанова Миндегөл Нурулла ҡыҙы (1954), Урмансы ауылы.
Сабирова Зилира Марат ҡыҙы (1976), Мәсетле ауылы.
Садыков Ильшат Ямалетдин улы (1974), Шәрәк ауылы.
Ханов Сабирйән Сәлим улы (1937), Мөрсәлим ауылы.
Шиһапова Айгөл Имамитдин ҡыҙы (1977), Мәсетле ауылы.
Янмурзина Хәмиҙә Шәрип ҡыҙы (1956), Урмансы ауылы.

© Хусаинова Г. Р., 2022

УДК *81'33*

Шаляпина А. А., Россия, г. Новосибирск
Новосибирский государственный университет, студент

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ФОРМАНТНОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье представлено исследование, посвященное проблеме определения наличия близкородственных отношений посредством проведения фоноскопической экспертизы. В качестве метода исследования был выбран метод формантного анализа. При подготовке статьи были рассмотрены исследования, проводимые в этом направлении ранее. В качестве объекта исследования выступает речь родных сестёр.

Ключевые слова: *фоноскопическая экспертиза, формантный анализ, идентификация личности, спонтанная речь, подготовленная речь.*

Shaliapina A. A. Russia, Novosibirsk
Novosibirsk State University, student

APPLICATION OF THE METHOD OF FORMANT ANALYSIS FOR DETERMINATION OF CLOSE-FAMILY RELATIONSHIPS

The article presents a research devoted to the problem of determining the presence of close family relationships through phonoscopic expertise. The formant analysis method was chosen as a research method. In preparing the article, the studies carried out earlier in this direction were considered. The object of the study is the speech of sisters.

Keywords*: phonoscopic expertise, formant analysis, identity identification, spontaneous speech, prepared speech.*

Одной из ключевых задач прикладной лингвистики и судебной экспертизы является идентификация личности по голосу и речи. Это объясняется тем, что совокупность характеристик голоса уникальна, и многие из них могут быть исследованы с помощью специализированного программного обеспечения (ПО). Также в настоящее время повсеместно распространены технические устройства фиксации голосовой информации, отличающиеся высокой точностью записи, что открывает широкие возможности для сбора материала. Идентификация по голосу и речи используется в сферах защиты информации, криминалистике [ЛЭЗР, 2017, 10–12].

Проблема идентификации диктора заключается в том, что получить идеальную запись голоса в обычных условиях не представляется возможным. Чаще всего на изучаемой записи присутствуют посторонние шумы, также некоторые рассматриваемые характеристики речи могут быть подвержены влиянию настроения, психического и физического состояния диктора. Наконец, чувствительность звукозаписывающего устройства, его технические характеристики, а также положение в пространстве относительно диктора часто затрудняют идентификацию личности по голосу.

В каждом конкретном случае идентификацию затрудняют также индивидуальные акустические характеристики голоса диктора, вариативность которых зависит от ряда факторов: пола диктора, его возраста, места проживания, формы и объема органов речевого тракта. Так, темп речи мужчин выше темпа речи женщин (независимо от длины фразы), дикторы до 40 лет обладают самым высоким темпом речи [Сорокин, 2012, 9].

В поле проблем идентификации личности по голосу и речи существуют также исследования, посвященные определению наличия родственных связей между дикторами. Но такие исследования, несмотря на широкие перспективы применения их результатов, единичны. А.М. Грачев в своем исследовании показал, что наиболее ярко выраженная зависимость наблюдается при сравнении голосов братьев, сравнение же голосов детей и родителей менее репрезентативно [Грачев, 2013, 20]. Поэтому в данном исследовании было принято решение анализировать семейный аспект акустических характеристик речи сестер.

Объектом исследования является речь родных сестёр. Предмет исследования – форманты звуков как конкретные характеристики спонтанной и подготовленной речи дикторов. Цель нашей работы – при помощи специализированного ПО выяснить, существует ли корреляция между формантными картинами спонтанной и подготовленной речи родных сестёр. Результаты данной работы могут быть использованы при разработке методики установления личности человека посредством проведения фоноскопической экспертизы. В задачи исследования входит подбор информантов, сбор аудиозаписей, на которых присутствует голос информанта во время воспроизведения спонтанной речи и чтения с листа предложенного текста, разметка аудиозаписей с помощью специального ПО, анализ полученных данных и оценка результатов исследования. При проведении экспертизы звучащей речи исследуются акустические характеристики речи, чаще всего для идентификации автора речевого произведения, используется инструментарий акустики, фонетики и фонологии [Сорокин, 2012, 5]. В данной работе мы придерживались методики выполнения идентификационного исследования, которое включает в себя аудитивный, лингвистический и инструментальный анализ [Коваль, 2007, 257–258].

В ходе аудитивного анализа перцептивно для сравниваемых дикторов исследуются и сопоставляются стабильные аудитивные свойства его речи на уровне речевого потока, устанавливаемые по своим проявлениям в речевом сигнале анатомо-физиологические особенности речеобразующего аппарата диктора, индивидуальные интегральные особенности артикуляции и речевых навыков, особенности эмоционально-психологического состояния, психологических и социокультурных характеристик дикторов.

Основным направлением лингвистического исследования является установление тождества-отличия речи сравниваемых дикторов на основе анализа их индивидуальных особенностей произнесения речевых единиц различного уровня – от речевого потока до отдельных дифференциальных признаков фонем. Исследуется вариативность в рамках нормы, а также индивидуальные ненормативные особенности речепроизводства.

В ходе инструментального анализа речевых сигналов проводится исследование статистических мелодических и спектральных речевых характеристик. На каждой фонограмме выделялись микрофрагменты с четко выраженной формантной структурой спектра. Далее для микрофрагментов каждого типа проводится поиск микрофрагментов с аналогичными по структуре спектрами. Интегральная средняя степень близости таких сопоставленных друг другу микрофрагментов являлась мерой близости сравниваемых дикторов. Если мера близости дикторов не превышает найденного на представительной речевой базе данных порога, то дикторы считаются с точки зрения данного метода тождественными.

На основании вышесказанного в качестве ведущего метода данного исследования был выбран метод формантного анализа (метод формантного выравнивания) – нахождения частот F1, F2, F3, F4 для гласных фонем А, О, И, У в сигнификативно-сильной позиции и сравнения полученных характеристик.

Значения формант гласных фонем напрямую связаны с традиционными классификационными характеристиками. Так, значение форманты F1 прямо пропорционально величине ротового отверстия и обратно пропорционально объему полости глотки. Другими словами, первая форманта гласного зависит от подъема языка при артикуляции. Значение форманты F2 обратно пропорционально длине ротового резонатора, то есть зависит от ряда гласного [Князев, 2011, 100].

В реальной речи изолированное произнесение гласных практически не встречается. Они претерпевают фонетическое влияние соседних согласных звуков. При этом влияние предшествующих согласных сильнее влияния последующих, поэтому при проведении фоноскопической экспертизы следует учитывать положение гласного звука в слове. Также следует учесть, что для гласных наиболее информативна (и наиболее вариативна) форманта F2, отражающая положение языка на горизонтальной оси [Князев, 2011, 101].

Выбор метода обусловлен его точностью: так как частоты формант, как уже говорилось выше, задаются конфигурацией речевого тракта (кроме частоты основного тона) [Князев, 2011, 93], это позволяет с высокой вероятностью определить, принадлежит ли аудиозапись конкретному диктору, а в нашем случае оценить меру смешения/схожести голосов родных сестер.

Выбор фонем был продиктован как их частотностью в спонтанной речи, так и их классификационными характеристиками (все рассмотренные фонемы отличаются по ряду и подъёму, [о] и [у] отличаются нехарактерным для данного ряда фонем свойством – лабиализованностью). Также учитывался тот факт, что формантная картина гласного [е] очень похожа на формантную картину [и] [Князев, 2011, 101], поэтому гласный [е] было решено не рассматривать.

Эксперимент по выявлению наличия корреляции качественных характеристик звуков речи (формант) голосов родных сестёр проводится следующим образом:

1) в качестве информантов для эксперимента выбраны пары сестёр, где все девушки старше 14 лет (так как вопрос влияния возрастных изменений на качественные характеристики речи пока не представляется возможным унифицировать из-за индивидуальных сценариев формирования голоса);

2) далее информантами предоставлены по две аудиозаписи, одна из которых зафиксировала спонтанный монолог диктора на предложенную тему, другая – чтение с листа предложенного художественного текста;

3) затем с помощью программы Praat в аудиозаписях выделяются слова, содержащие гласные фонемы А, О, И, У в сигнификативно-сильной позиции (размер выборки составляет 20 слов);

4) для каждой гласной определяются количественные значения формант F_1, F_2, F_3, F_4;

5) составляются таблицы формант для каждой пары информантов, где были сопоставлены значения ‘гласная в спонтанной речи информанта 1 и информанта 2’ и ‘гласная в подготовленной речи информанта 1 и информанта 2’;

6) для выявления наличия/отсутствия зависимости частот рассчитывается коэффициент корреляции Пирсона.

Корреляция формантных диапазонов информантов в контексте данного исследования была определена как *высокая* при коэффициенте корреляции >50%, *близкая к высокой* при коэффициенте корреляции 45–50% и *низкая* при коэффициенте корреляции <10%.

Сравнение выходных данных двух пар информантов дало следующие результаты.

1. В парах родных сестер корреляция более 50% встречается чаще, чем в парах, не имеющих родственных связей.

2. В парах девушек, не имеющих родственных связей, встречается значительно больше коэффициентов корреляции, значения которых не превышают 10%.

Для выяснения справедливости полученных выводов для дикторов мужского пола, а также дикторов женского пола, отличающихся по возрасту от информантов, принявших участие в данном исследовании, планируется продолжить эксперимент и расширить выборку. Кроме того, планируется введение других методов исследования, в которых будут изучены те же данные: так, предположительно, особенности формантных диапазонов обусловлены строением артикуляционного аппарата человека, характеристики которого, в свою очередь, могут быть частично унаследованы детьми (например, объем ротовой и носовой полостей напрямую зависят от строения черепа и челюсти, структура и жесткость голосовых связок, эластичность лицевых мышц, прикус также предположительно могут быть унаследованы). Поэтому предполагается изучение интонационных характеристик как спонтанной, так и подготовленной речи, так как интонации формируются у ребенка и взрослого посредством наблюдения за окружающим его социумом.

Литература

Грачев А.М. Распознавание звучащей русской речи в теоретическом и экспериментальном освещении: семейные, возрастные и гендерные аспекты лингвистической идентификации личности: Автореф. дисс. ... к.ф.н. 2013.

Князев С.В., Пожарицкая С.К. Современный русский литературный язык. Фонетика, графика, орфография, орфоэпия: Учебное пособие для вузов. Москва, 2011.

Коваль С.Л., Лабутин П.В., Пеховский Т.С., Прощина Е.А., Смирнова Н.А., Таланов А.О. Методика идентификации дикторов по голосу и речи на основе комплексного анализа фонограмм // Труды международной конференции «Диалог 2007». С. 256–262.

ЛЭЗР – Лингвистическая экспертиза звучащей речи: сборник учебно-методических материалов для направления подготовки 45.04.03. Благовещенск, Амурский гос. ун-т, 2017.

Сорокин В.Н., Вьюгин В.В., Тананыкин А. А. Распознавание личности по голосу: аналитический обзор // Информационные процессы, Том 12, №1. 2012. С. 1–30.

© Шаляпина А. А., 2022

УДК 512.141:004.655

Шамсутдинова Г. Г., Россия, г.Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, м.н.с.

О КВАНТИТАТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ГРУПП БАШКИРСКОГО НАРОДНОГО ЭПОСА «КУЗЫЙКУРПЯС И МАЯНХЫЛЫУ»

Статья посвящена квантитативно-стилистическому анализу лексики всех вариантов башкирского народного эпоса «Кузыйкурпяс и Маянхылыу», введенных в Корпус башкирского языка. Для анализа лексики были получены алфавитно-частотные словари, конкордансы словоформ, частотные словари лексем всех вариантов эпоса «Кузыйкурпяс и Маянхылыу». Вся работа реализации частотных словарей по вариантам эпоса состояла из нескольких этапов: 1) предварительная лексикографическая подготовка текста, 2) автоматическое получение алфавитно-частотного словаря-словоуказателя словоформ, 3) обработка словаря словоформ, 4) автоматическое получение частотного словаря лексем, 5) конечная коррекция алфавитно-частотного словаря словоуказателя словоформ и частотного словаря лексем.

Ключевые слова: *лексика, башкирское языкознание, частотный словарь, народный эпос, корпус башкирского языка, машинный фонд башкирского языка.*

Shamsutdinova G.G., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS,
Junior Researcher

ABOUT QUANTITATIVE AND STYLISTIC CHARACTERISTICS OF LEXICAL GROUPS OF THE BASHKIR FOLK EPIC «KUZYKURPAS AND MAYANKHYLYU»

The article is devoted to the quantitative and stylistic analysis of the lexis of all variants of the Bashkir folk epic "Kuzykurpes and Mayankhylyu", introduced into the Corpus of the Bashkir language. To analyze the vocabulary, alphabetic-frequency dictionaries, concordances of word forms, frequency lexeme dictionaries of all variants of the epic "Kuzykurpes and Mayankhylyu" were obtained. All the work of implementing frequency dictionaries according to the variants of the epic took place in several stages: 1) preliminary lexicographic preparation of the text, 2) automatic receipt of the alphabetical-frequency dictionary-word form indicator, 3) processing of the dictionary of word forms, 4) automatic receipt of the frequency dictionary of lexemes, 5) final correction of the alphabetical-frequency dictionary of the word form indicator and the frequency dictionary of lexemes.

Keywords: *lexis, Bashkir linguistics, frequency dictionary, folk epic, Bashkir language Corpus, Bashkir language machine fund.*

При изучении богатейшего состава любого языка немаловажный интерес представляет выяснение вопроса о степени употребительности слов в речи. Установление лексического минимума является актуальной задачей. Правильное решение этого вопроса имеет большое практическое значение, так как создает объективную основу для рационального отбора лексики, включаемой в школьные учебники и различные виды словарей. Какие же слова необходимо изучать и включать в словари в первую очередь? На этот вопрос могут ответить специальные частотные словари. С их составлением осуществлялись первые попытки применения статистических методов.

Частотный словарь – это словарь, в котором указаны частоты употребления слов в текстах. Квантитативно-стилистическому анализу нами подверглась лексика всех вариантов башкирского народного эпоса «Кузыйкурпяс и Маянхылыу», введенных в Корпус башкирского языка. Квантитативное моделирование лексики началось с построения частотных словарей. Были получены алфавитно-частотные словари-словоуказатели словоформ, частотные словари лексем.

С целью анализа нами получены разные частотные словари, так как «применение количественного метода к элементам языка обычно всегда начинается именно с составления частотных списков лингвистических единиц» [Джубанов, 1987, 9]. Составление частотных словарей зависит от целей исследования. По классификации П.М. Алексеева, частотные словари бывают разных типов по особенностям формального и содержательного характера: по распределению словарного материала, объемам словника и материала, по жанрово-тематической и авторской принадлежности материала, лексическим единицам словника, способу классификации единиц словника, способу анализа речевого материала [Алексеев, 1975, 45]. Для анализа лексики нами получены алфавитно-частотные словари конкордансы словоформ, частотные словари лексем всех вариантов эпоса «Кузыйкурпяс и Маянхылыу». Вся работа реализации частотных словарей по всем вариантам эпоса состоит из следующих этапов: предварительная лексикографическая подготовка текста, автоматическое получение алфавитно-частотного словаря-словоуказателя словоформ, обработка словаря словоформ, автоматическое получение частотного словаря лексем, конечная коррекция алфавитно-частотного словаря словоуказателя словоформ и частотного словаря лексем.

Предварительная лексикографическая подготовка текста. Первым этапом в автоматическом составлении частотных словарей является предмашинное редактирование текста, которое включает в себя определение лингвистической единицы для машинной обработки и индексацию этих единиц специальными формальными пометами. За единицу машинной обработки нами взято словоупотребление между двумя пробелами в тексте. При этом в тех случаях, когда в сложных словах один из

компонентов отдельно в башкирском языке не употребляется, все словосочетание представлялось как одно словоупотребление. Это позволяет в конечном словаре лексем сохранить такие сложные слова. Так, например, слова ғәфү ит – ‘прощать’, ҡот осҡос ‘ужасный’, таң ҡал – ‘изумиться’, йөрәк ярғыс ‘душераздирающий’ не разъединялись. Во всех остальных случаях сложные слова, структурно представленные в тексте разделенно, были инвентаризованы раздельно.

Индексация лексических единиц текста (словоупотреблений) осуществлялась по частям речи и по принадлежности слов к разрядам имен нарицательных и имен собственных. Индексация по частям речи, с одной стороны, позволяет снять проблему грамматической омонимии до этапа машинной обработки, с другой стороны, автоматизировать процесс квантитативного моделирования и анализа лексики на уровне грамматических классов. Определение грамматического класса слов осуществлялось на основе традиционных в языкознании трех главных признаков: лексического значения, морфологической структуры и синтаксической функции слова.

Для индексации по частям речи была разработана система индексов, состоящая из букв и цифр, учитывающая полнозначные и служебные части речи башкирского языка. Дополнительно был введен индекс для вспомогательных глаголов. Последние отграничивались от полнозначных глаголов и в словарях представлялись отдельными лексическими единицами. Разработанная система индексов состоит из 12 знаков: И – имена существительные, Ҡ – полнозначные глаголы, С – прилагательные, Р – наречия, А – местоимения, Я – вспомогательные глаголы, Б – послелоги, Т – союзы, М – модальные слова, Ы – междометия, Ө – звукоподражательные слова, К– частицы.

Индексация по принадлежности слов к разрядам имен нарицательных и имен собственных состояла в выделении последних отдельными пометами: I – имена и фамилии людей, 2 – географические названия. Выделение имен собственных позволяет автоматически отграничивать их от имен нарицательных.

Автоматическое получение алфавитно-частотного словаря указателя словоформ. Частотный словарь получается автоматически посредством Машинного фонда башкирского языка. Частотный словарь лексем представляет собой список лексем с указанием частот.

Башкирский народный эпос «Кузыйкурпяс и Маянхылыу» является одним из лучших образцов бытового эпоса на любовную тематику, получившим название по именам главных героев. Эпос существует в двух версиях: 1) беляевской; 2) салямовской (практически все остальные записи являются вариантами салямовской версии и, за некоторыми исключениями, отличаются между собой концовкой). В салямовской версии главные герои (Кузыкурпес и Маянхылу) погибают, в беляевской – нет. В эпосе рассказывается, что существовали два дружественных рода, главы которых договариваются о брачном союзе родившихся у них детей. Однако один из предводителей умирает, а другой род откочевывает в дальние края. Мальчик-сирота (Кузыкурпес) взрослеет и узнает, что у него есть нареченная невеста и отправляется на ее поиски. Преодолев все препятствия, Кузыкурпес находит кочевье Сарыбая, который отказывается отдать за него свою дочь Маянхылу. Однако Кузыкурпес побеждает врагов, напавших на ставку Сарыбая, и спасает их от гибели. После этого Сарыбай соглашается на бракосочетание Кузыкурпеса и Маянхылу. В салямовской версии Кузыкурпес погибает от руки убийцы, после чего кончает собой и Маянхылу. Их хоронят рядом. Над двумя могилами вырастают два дерева как символы любви погибших.

Как при описании окружающей героев обстановки, их действий во время охоты, войны, повседневной жизни, так и при создании образов самих героев добивается простота изложения мысли, доходчивость языка сказания для широкой читательской аудитории, используются слова, входящие в различные лексико-семантические группы. Невозможно переоценить социолингвистический аспект лексики, функционирующей в эпическом повествовании, что предполагает необходимость дифференциации исконно башкирских, общетюркских и иноязычных лексем, которые еще подразделяются на архаизмы, диалектизмы, регионализмы и т.д. Эпическая речь отмечена богатством и таких лексических средств, способствующих реализации явлений, как экспрессивность, эмоциональность, оценочность, образность, которые ярко проявляются и на грамматическом уровне языка. Прежде всего на себя обращает внимание тот факт, что эпос характеризуется богатством лексического состава и охватывает значительную часть лексико-семантической системы языка. Имеет место употребление превалирующих в башкирских народных сказаниях грамматических форм и синтаксических конструкций. Все они характеризуются значительными функционально-стилистическими возможностями в эпическом дискурсе. В данном случае справедливо и обращение к лексическим образным средствам, характерным для рассматриваемого жанра фольклора.

Особенность языка устного поэтического творчества заключается в том, что она эмоционально окрашена. Говорящий выражает свои чувства не только подбором слов, но и через интонацию, паузу, мимику и т.д. При этом в башкирском эпосе с точки зрения стилистики можно выделить слова и выражения, которые употреблены в эпическом тексте во всех стилях речи, т.е. стилистически нейтральные слова и выражения; слова и выражения, которые характеризуют тот или иной стиль речи, т.е.

стилистически дифференцированные слова и выражения. Такая дифференциация языковых средств обусловливается тем, что произведения устного народного творчества, наряду с экспрессивными средствами языка, вбирают в себя и стилистически нейтральные лексемы в своем прямом значении. Функционирование в башкирском эпосе значительного количества стилистически нейтральных выражений способствует тому, что язык эпоса стал подлинно народным и общепонятным. Стилистическое использование в эпосе устаревших слов (архаизмов и историзмов) является характерной особенностью его языка. Они не несут в себе каких-либо дополнительных стилистических оттенков, выполняя свои прямые функции, обозначая названия предметов и явлений соответствующей эпохи. Наряду с исконной башкирской лексикой в словарный состав текстов данного памятника входит и заимствованная лексика: из арабского, персидского, русского языков.

Синтаксис эпоса отличается строгой простотой, композиционным совершенством разнообразных конструкций, четким выделением смыслового ядра предложений и зависимых компонентов. Традиционность эпоса весьма ярко отражается в устойчивости многих традиционных формул – эпических клише. Традиционные формулы и эпитеты составляют существенную черту эпических традиций у различных народов, поэтому в проблеме, связанной с языком фольклора, по своей значимости и выделяется этот вопрос.

Основной типичной чертой башкирского народного эпоса является то, что традиционные формулы и эпитеты тесно взаимосвязаны. Они дают представление об эпическом идеале героя, его месте в эпическом мире, его отношении к той художественной действительности, которая изображена в данном эпическом произведении. В качестве основных понятий и категорий лингвостилистики в эпосе можно выделить стилистические функции таких художественных средств, как прямая речь, повторы, эпитеты, сравнения, метафора, гипербола и др.

Литература

Алексеев П. М. Квантитативные аспекты речевой деятельности // Языковая норма и статистика. М., 1975. С.43-58.
Джубанов А. Х. Квантитативная структура казахского текста. Алма-Ата: Наука, 1987. 147 с.

© Шамсутдинова Г. Г., 2022

УДК *73(574):929*

Шота К. Н., Казахстан, г. Алматы
Казахская национальная академия искусств им. Т.Жургенова, профессор

ДИАЛЕКТИЗМЫ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются вопросы истории изучения региональных различий казахского языка. Отмечается, что интерес среди ученых-лингвистов к местному различию разговорного языка казахов, проживавших в разных уголках страны, появился еще в 18 веке. В 19 веке вслед за В.Радловым П.Мелиоранский, Н.Ильминский, А.Позднеев отстаивали мнение о том, что казахский язык представляется монолитным и диалекты в нем отсутствуют. Впервые о существовании диалектных различий в казахском языке высказался Г.Н. Потанин. Значительный пласт диалектных слов был зафиксирован дореволюционными исследователями А. Васильевым, Ш. Уалихановым, А. Диваевым и др. В советский период в трудах академиков Н.Т.Сауранбаева и Ш.Ш.Сарыбаева региональные различия в разговорном языке были глубоко изучены, также была высказана мысль о необходимости «сохранения старого исторического наследия».

Ключевые слова: *казахский язык, диалект, диалектология, говоры, устная литература, легенды и рассказы.*

Shota K. N., Kazakhstan, Almaty
Kazakh National Academy of Arts, Professor

DIALECTISMS IN THE KAZAKH LANGUAGE

The article deals with the history of the study of regional differences of the Kazakh language. It is noted that the interest among linguists to the local difference in the spoken language of Kazakhs living in different parts of the country appeared in the 18th century. In the 19th century, following V. Radlov, P.Melioransky, N.Ilminsky, A.Pozdneev defended the opinion that the Kazakh language appears to be monolithic and dialects are absent in it. For the first time, G.N. Potanin spoke about the existence of dialect differences in the Kazakh language. A significant layer of dialect words was recorded by pre-revolutionary researchers A. Vasiliev, Sh. Ualikhanov, A. Divaev, etc. In the Soviet period, in the works of academicians Sauranbayev and Sarybayev, regional differences in the spoken language were deeply studied and the idea of the need to "preserve the old historical heritage" was expressed.

Keywords: *dialect, dialectology, old word, oral literature, legends and stories*

ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕГІ ДИАЛЕКТ СӨЗДЕР

Қазақ тілі басқа тілдер сияқты қанатты сөздер мен қатар, өзінің әуезділігімен де ерекше екендігі белгілі. Ғалымдар ең бай саналатын араб тілінде 12 миллион 300 мың сөз, ағылшын тілінде 750 мың сөз, ал қазақ тілінде 600 мың сөз бар екнндігіне көз жеткізді. Тіл байлығымыздың құнарлылығы әлемде үштікте тұруның өзі тілдік ерекшелігіміз бен оның тарихының текрңде жатқандығын көрсетеді.

Сол бай тіліміздің құнары жергілікті диалект сөздер екндігі талас тудырмайды. Ауыузекі тілде, әңгімеде бір-бірінен бөлектенетін, жергілікті жұрттың тұрмысында ғана қолданылатын бұл сөздер сол елдің, сол жердің әлеуетін, тұрмысын, шаруашылығын т.б. тұрмыс-тіршілігін анық байқатады.

«Ат кісінескенше, адам сөйлескенше», – демекші, оынау ұлан-байтақ жерде бейтаныс адамның сөз саптасынан, сөйлеу мәнерінен, әңгіме мақамынан-ақ кімнің қай жерден, қай өңірден екенін дөп басып айту түркі халықтары үшін онша қиын емес. Белгілі бір өңірлерде ғана қолданылатын ондай сөйлеу мәнері мен сөздер, сөз тіркестері кейде адамдардың түсінбеушілігін тудырса, кейде үлкен әзіл әңгімеге арқау да болады.

Бірде жолаушылап келе жатқан кісіге бір жас жігіт:

– Ассалаумаликум, ата! Жол болсын, – деп амандасады.

– Әлей болсын!

– Ата, ана ауылға бара жатыр едім, күкіртіңіз бар ма?

Қария аң-таң болып:

– Оу, қарағым күкірт ім жоқ, шаққым бар, –деп, қалтасынан сіріңкесін ұсыныпты.

– Бізде мұны «күкірт» дейді.

– Ия балам, біздің жақтада осындай сөздер көп-ақ. Мен мына Шымкент жақта Арыс маңында тұрамын. Мысалы, шайнекті – чәугім, жұмыртқаны –тұқым дейміз.

– Ата, мен Орал өңірінің тумасымын. Бізде таразыны – шеккі, бәкіні – шаппа, кауғаны – бөрлек деп атаймыз.

– Ал мына Маңғыстауда: көрт, кердері, жанпоз, жарбай сияқты түйе атауының неше түрі бар. Осындай жергілікті халық тілінде ғана колданылатын, белгілі аймақ көлемінде ғана айтылатын сөздер көп қой, – деді қария.

Шынында, мұндай диалект сөздер белгілі бір аумақта қолданылып, сол аумақтың тұрғындарынат ғана түсінікті болатыны рас. Көбінесе диалект сөздерді шағын ауылдардың немесе ауылдардың тұрғындары қолданады. Мұндай сөздерге қызығушылық 18 ғасырда лингвист ғалымдардың арасында пайда болды. Оқуға үлкен үлес лексикалық мағыналары Шахматов, Даль, Выготский орыс тіліндегі сөздерді қосқан, диалектизмнің мысалдары олардың сыртқы келбеті әр түрлі болуы мүмкін екенін көрсетеді [Сауранбаев, Болатов, 1957, 14]. Мысалы, «үлкен, дәу, зор» сөздері көбіне «нән» деп айтылады. Және етістік сөздерге көбіне «шиш» жұрнақ есебінде қосылады «болшиш, тұршиш, отыршиш» деген сияқты аксент бар. Сондай-ақ жетісулық қазақтар, «әдемі» сөзін «сән» деп қолданады.

Сыр өңірінде «болсайшы», «жүрсейші», «тұрсайшы» деген сөздер бар. Бірақ бізде осы сөздерді «болшиш», «жүршиш» деп айтпайдыды екен. Және «нән» деген сөз бар. Сосын «дәм босын» дегенді естідім. Дәм босын деген негізі ас-тағам жайында айтылуы керек. Және батыстағы адамдардан «сөйлесеңдерсиш» деген секілді сөздерді естіп қаламыз. Бұл сөз негізі «сөйлесеңдерші» болу керек. Қызылорда облысы аумағының өзі үш түрлі сөйлейтін сыңайлы. Арал өңірінің тұрғылықты халқы батыс диалектісін молырақ қолданса, Жаңақорған, Шиелі аудандары Шымкентке жақтың сөздерін жиі қолданатынын аңғарамыз. Ал, Жалағаш, Сырдария аудандарының сөздері тым ерекше. «Менің заттарым орнында жоқ , бағана осында **жатырған»** деп жатады. Мұндағы «жатырған» сөзі негізінде «жатқан» болуы керек. Жамбыл облысының адамбары «-тырық» жұрнағын көп қосып сөйлейді «Біз күтіп отырмыз» – Біз күтіп **отырық.** Біз айтып жатырмыз – біз айтып **жатырық** .Осындағы «жатырған», «отырық», «жатырық» сөздері ешқандай әдеби шығармаларда кездеспейді.

Г.Н. Потанин Орталық Азияға алғашқы саяхатын Н.М. Пржевальскийден бұрын 1863 жылы жасады. Орталық Азияға 8 рет саяхат жасап, 36 жыл бойы, 1899 жылға дейін, ауыр жағдайда жүріп қажымай-талмай зерттеді. Шоқанмен бірге кадет корпусында оқып жүргеннің өзінде қазақ халқының тарихына, әдет-ғұрпына қызығушылық танытып, халық аузындағы бай аңыз-әңгімелерді зерделеп зерттей жүрді. Алғашында ол: «қазақ арасында диалект сөздер мүлде жоқ, қазақтар бірін-бірі өте жақсы түсінеді»,– десе, кейін қазақ тілін жақсы меңгерген соң, «қазақ тілін диалект сөздерге өте бай екен» деген тұжырымға келді. Мысалы, сым, жейде, дарбаза, көпшік, тұқым, қоңсы, елгезер, бәдірең, кеуірт, таңлай, маңлай, тыңла, құдағай, кәсе, кигіз, жадағай, шекер, сүгірет, кеуілт.б. сөздер диалект сөздер болып табылатындығы жайлы жазды Оның «Қазақ-қырғыз және Алтай аңыздары мен ертегілері», «Соңғы қазақ ханзадасының киіз үйінде», «Шоқан Уәлиханов туралы биографиялық мәліметтер» атты еңбектерінде Қазақстан мен қазақ халқы туралы көптеген мәліметтер жазылған. Ол барлық жан-тәнімен даланы және оның халқын жақсы көрді, олардың өткені мен бүгінін белсенді түрде зерделеумен айналысты. Жергілікті халық пен тығыз байланыс жасап араласа отырып, орыс қоғамына қазақтар туралы жан-жақты таныстырды. Ол көшпенді халықтың әлемдік мәдениетке қосқан үлесін жоғары бағалады [РГЭС, 2002, 704].

Диалект – аумақтық немесе әлеуметтік жағынан біріктірілген, шоғырланып орналасқан ұжымның тілдік қарым-қатынас жасауының негізге құралы болып табылатын тіл. Аумақтық диалект – аумақтық жағынан шектелген және әдеби тілмен қатар қолданылатын тіл; ол тек ауызша нысанда ғана болады; қатаң нормалары жоқ; стильдік тармақтары да сараланбаған. Әлеуметтік диалект – әлеуметтік немесе кәсіби жағынан топтасқан ұжымның тілдік қарым-қатынас құралы болып табылатын тіл. Фонетикалық, грамматикалық құрылымы жағынан әдеби тілден соншалықты айырмашылықтары жоқ, әлеуметтік тіл негізінен лексика, семантика, фразеология болып бөлінеді. Мысалы, Катон -қарағай ауданында «бөстек»,(көпшік).»шоқпыт»(тряпка).»қамыс»(ет турайтын тақтайша).»биялай» (қолғап) «күлапара» (капешон), «шақал»м(кішкентай) «ееea» (иә) десе, Зайсан, Тарбағатай өңірінде «щемішке» (сеймички), сейңке (веранда), тәпішпақ – шарқай (тапочка) кәтөл (шелек) бақыр (ожау), алқа (сырға) делінеді.

Күршім Марқакөл өңірлерінде «діңке» (қауын) леген (тазик) әгуршік(огурцы) күпәна (шөптің отауы) делінеді. Ал Батыс пен шығыста, оңтүстік пен солтүстікте, орталықта қолданылатын осындай ерекше сөздердің мәнісіне үңіліп, санамалап көргенді де жөн санаған едік. Сонымен, әдеби тілдегі кейбір сөздердің жергілікті халықтың ауызекі тілінде бірнеше нұсқасы кездеседі. Мәселен, қиярды шығыс өңірдің тұрғындары «әгуршік» десе, оңтүстіктегілер «бәдірен» дейді. Семей мен Павлодар өңірлерінде «сарымсақ», ал Ақтөбе мен Қызылорданың бір бөлігінде «жуа» деп пиязды айтады. «Үлкен» сөзін де әр аймаққа барғанда әртүрлі естисіз, мәселен «дөкей», «әйдік», «дырау», «нән», «жоян», «дәу» десе, оның бәрі – үлкен дегенді білдіреді. Қарапайым ағаш орындықты батыста «отырғыш», ал солтүстікте «тақ» деп атылады екен. Бір қызығы, «тәте» деп Жамбылда, Павлодарда, Орал мен Шымкентте ер адамға қаратып айтатын болса, бұл сөз еліміздің өзге өңірлерінде жасы үлкен әйелдерге қатысты қолданылады.

Сіріңкенің де кейбір облыстарда атауы өзгеріп кетеді: «кеуірт», «шырпы», «оттық» делінеді. Алайда мұндай сөздер қазақ үшін түсінікті. Батыста пиманы «байпақ» дейтін болса, кейбір өңірлерді «байпағыңыз» шұлық дегенді білдіреді. Айтпақшы, шұлық кей жерлерде «ұйық» деп те аталады. «Ер адам киетін жейде» десеңіз барлық аймақта бірдей түсіне бермейді, кейбір өңірлерде бұл – «көйлек». Таң қалған сәтте «мәссағанмен» қатар, батыста «қасқа», оңтүстікте «өлә» деген диалект сөздер қолданылуы мүмкін. Қантты батыста «секер», оңтүстікте «құмшекер» деп атайды. Сондай-ақ түрлі өңірлерде «орамал», «сүлгі», «майлық» бір мағына береді. Жергілікті тілдің ерекшелігіне қарай шығыста «тегене», өзге өңірлерде «табақ», «шылапшын» сөздері қолданылуы мүмкін. Сонымен қатар, еліміздің батыс өңірлерінің тұрғындары не зат (не?), нән (үлкен), көпшік (жастық), құрттай (кішкентай), кіл (ылғи), зілдей (ауыр), мана (бағана) және т.б. диалект сөздерді жиі қолданылады. Сым (шалбар), бедіре (шелек), әңгелек (қауын), дарбыз (қарбыз), ашық-машық (топса), бопты (болды), тұқым (жұмыртқа) деген сөздерді оңтүстік өңірден естисіз. Ал Алматы жақтың тұрғындары ожауды **қолбақыр**, көрпенің тысы. **«сейсеп»**, тегенені **«тегеш»** деп те атайды.

Шығыс жақтың қазақтарынан **жоян** (жуан), **картопия** (картоп), **неме** (немене?), көп-**көрім** (тәп-тәуір) секілді т.б. сөздерді естісеңіз таң қалмаңыз. Ал тағыда сол аймақтан **әйдік** (үлкен), **дөкей** (мықты), **тақ** (орындық) секілді сөздерді жиі қолданатын адамды кездестірсеңіз, ол солтүстік өңірдің тұрғыны болуы ғажап емес. Әрине, мұндай мысалдарды тізбектесек әлі де біраз сөз қозғасақ болады. Айтпағымыз, қазақ тілі өте байырғы тіл болғандықтан, оның сыры тереңде жатқанын ұғынамыз. Осындай территориялық ерекшеліктерге қарамастан, еліміздің түкпір-түкпірінде тұрып жатқан

қазақстандықтар бір-бірімен еш қиындықсыз түсініседі. Әр өңірде қолданылатын ерекшеліктер қазақ тілінің қаншалықты бай тіл екенін көрсетеді.

Кез келген халықтың ғылымы мен білімінің дамуына айрықша еңбек сіңіріп, сүбелі үлес қосатын тұлғалары болады. Осы орайда қазақ тіл біліміндегі көптеген салаларды ғылыми-теориялық тұрғыдан байытып дамыта білген, тілші-ғалым, академик Нығмет Сауранбаевтың орны ерекше екені сөзсіз. Ғалымның қазақ тілінің қазіргі дамуы мен өзекті мәселелеріне арналған теориялық еңбектері өз маңызын жоймастан күні бүгінге дейін өзекті болып келеді. Солардың ішінде ғалымның диалектологияға қатысты жасаған зерттеулерінің мәні ерекше. Ол кезеңдегі қазақ диалектологиясының жағдайы, ғалымның өз сөзімен айтқанда «қазақ тіл білімінің ең жас және кенжелеп қалған салаларының бірі болды». Әрине ол кезде «Қазақ тілінде диалект бар ма, жоқ па, қазақ тілі монолитті тіл ме, тірек диалектіге негізделген тіл ме, қазақ тіліндегі диалектілер XV ғасырда халық тілі құрылған кезден бастап біржола жоғалып кетті ме?» деген мәселелердің басы ашылмаған уақыт еді. Сол кездегі «Қазақ тілі мамандарының көпшілігі В.Радлов, П.Мелиоранский, Н.Ильминский, А.Позднеев сияқты ғалымдардың пікіріне сүйеніп, тілімізде диалектілік ерекшеліктер жоқ деп келген болатын». Академик В.Радлов қазақ тілі монолитті болғандықтан, онда диалектілер мүлде кездеспейді деген пікірді алғаш айтқан ғалым. Ал С.Малов, Н.Ильминский тәрізді ғалымдар да «Қырғыз (қазақ) сахарасының ұлан-байтақ кеңістігінде қырғыз-қайсақтардың тілі диалектілерге бөлінбейді» деген тоқтамға келген [Кабылдинов, 2018, 548]. Сондықтан ғалымдар тарапынан қазақ диалектологиясы тек Қазан төңкерісінен кейін ғана қолға алынған тіл білімінің саласы ретінде танылады. Алайда төңкеріске дейін диалектология саласына арналған ғылыми теориялық еңбектер болмаса да, диалектологиялық мағлұматтар фольклорлық материалдарды жинаумен шұғылданған зерттеушілер мұраларында молынан кездесіп отырғанын, яғни революцияға дейін басылып шыққан ауыз әдебиеті нұсқаларында диалектілік сипаты бар сөздер мен дыбыстық, грамматикалық тұлғалар белгілі мөлшерде қамтылып келгенін айта кеткеніміз орынды. Мәселен, Г.Потанин, О.Әлжанов, Дүйсембаев, Д.Айманов, Ғазин және т.б. солтүстік-шығыс облыстарының, А.Диваев, Н.Пантусов, М.Миропиев және Шайхул-Ислам Юсупбеков оңтүстік облысының фольклорын, ал Н.Ильминский, А.Алекторов, А.Васильев, И.Аничков және В.Радловтар батыс өңірінің фольклорын жинастырып, зерттегені мәлім.

Қазақ тіліндегі жергілікті ерекшеліктерді зерттеуге аса қажетті тілдік материалдар революциядан бұрынғы зерттеушілер А.Васильев, Ш.Уәлиханов, А.Диваев және т.б. бастырып шығарған ауыз әдебиеті нұсқаларында молынан ұшырасады. Жалпы ғалымдардың тұжырымындауынша, қазақ диалектісі туралы тұңғыш пікір айтқан және «жергілікті ерекшеліктер» деген терминді алғаш ендірген Жүсіпбек Аймауытұлы болды [Нақысбеков, 2014].

Ж.Аймауытұлы 1926 жылы «Еңбекші қазақ» газетіне жариялаған «Тіл туралы» деген мақаласында: «Қазақтың әр елінде, әр-түрлі сөздері ғана қолданады, өзге елдер білмейтін тілдер бар». Мұны ғылым жергілікті тіл (провинциализм) деп атайды деп анықтама береді. Автордың бұл мақалада көтерген басты мәселесі – бөтен тілден еніп жатқан сөздердің орнына өзіміздің жергілікті ерекшеліктерді қолдану қажеттілігі. Ж.Аймауытұлы: «Бөкейліктер татардың, арабтың, парсының, орыстың әсері, Жетісу мен Сырдарияда өзбектің, Қостанайда орыс, ноғайдың, Семей, Ақмолада да араб, орыс тілдерінің, әсері бар».– дей отырып: «Жетек» тұрғанда, «аглоблені» алып келсе, «қора, көң, там үй» тұрғанда «земенкені» қыстырса, «мая, шөмеле» тұрғанда «купенені», «ыңыршық, ершік» тұрғанда «седелкені» қолданса, міне, бұзылып бара жатқан деп осындай тілдерді айтуға болады» дей отырып, бөтен тілден енген сөздердің орнына жергілікті ерекшеліктерді жатырқамай қабылдау керектігін ұсынған еді. Сонымен бірге төңкеріске дейін Қ.Жұбанов пен Қ.Кемеңгерұлы да алғашқылардың бірі болып, жергілікті тіл ерекшеліктерін сөз етіп, оларды жинастырып зерттеу әрі бастыру қажеттілігін атап көрсетті.

Осылайша жергілікті ерекшеліктер мәселесі 1926 жылдан бастап-ақ Алаш азаматтары тарапынан қолға алынғанымен, Кеңестік «аласапыран» уақыт оны дамытуға мүмкіндік бермеді. Қазақ ғалымдарының көпшілігі, жоғарыда айтып кеткеніміздей, орыс ғалымдарының пікірлеріне сүйеніп қазақ тілінде жергілікті ерекшеліктер жоқ деген байлам жасады. «Тіпті 1950 жылы «Правда» газеті ұйымдастырған тіл туралы айтыста да қазақ тілі басқа түркі тілдерінен диалектісіз тіл болуымен ерекшеленеді деген пікір айтады [Қалиев, 1960, 90].

Н.Сауранбаев «Көне қыпшақ тілінің кейбір сипаттамалары» (1948 ж.) деген мақаласында, қазіргі қазақ тілінде кейбір түркі тілдеріндегідей (өзбек, қырғыз, т.б.) жік-жік болып бөлініп тұрған диалектілер жоқ болғанымен де, Алтай тауларынан Каспий теңізіне дейінгі аумақта мекен еткен қазақтардың ауызекі сөйлеу тілінде бірлі-жарым айырмашылықтар кездесіп, ол айырмашылықтар, ғалымның тұжырымынша, тілдің фонетикалық жүйесі мен лексикалық қорында болады. Ал бұл айырмашылықтардың пайда болуын Н.Сауранбаев «ескіден қалған тарихи мұра» деп есептейді:

1) с дыбысы мен ш дыбыстарының өзара алмасып келуі: мысық – мышық, масқара – машқара, тұрмыс – тұрмыш.

2) т мен д дыбыстарының алмасып келуі: тиірмен – диірмен, әптән – әбден.

3) п мен б дыбыстарының алмасуы: перне – берне, пида – бұйда.

4) д мен й дыбыстарының алмасуы: адақ – айақ.

5) ш мен ч дыбыстарының алмасуы: шалғы – чалғы, шапан – чапан. Мұндай дыбыс алмасулар сонау көне түркі жазба ескерткіштерінің тілі мен Орхон-Енисей мен орта ғасырдағы қыпшақ тілінің жазба мұраларында кездеседі.

Н. Сауранбаев «қазақ тілінде қолданылатын жергілікті ерекшеліктер – ескінің көзі» дегенде басшылыққа алғаны да осы мәселе болғаны сөзсіз. Себебі мұндай ерекшеліктер жалпы түркі тілдерінде

сонау V ғасырдан бері үзілмей келе жатқан фонетикалық құбылыс болып саналды. Ғалым өзінің 1954 жылы жазылған «Қазақ тілінің жасалуы туралы мәселеге» атты зерттеуінде жергілікті ерекшеліктер құрамындағы өзара алмасып келетін дыбыстардың фонетикалық ауытқуларын талдайды:

1. с мен ш: тысқары – тышқары, ұқсас – ұқшаш.
2. т мен д: топ – доп, тым – дым, теңіз – деңіз, туадақ – дуадақ, тізгін – дізгін, тізе – дізе.
3. л мен д: тыңда – тыңла, таңла – таңда, маңлай – маңдай.
4. д мен й: адақта – айақта (аяқта).
5. м мен б: мекіре – бекіре, шымшық – шыбшық, шымыш – шыбыш, матыру – батыру.
6. п мен б: пәле – бәле, полат – болат, пайда – байда, пиялай – биялай, палуан – балуан. Ғалым бұл жердегі л мен д дыбыстарының алмасуын ертеден келе жатқан заңдылықтардың қатарына жатқызады да оған дәлел ретінде Күлтегін ескерткішіндегі – тыңла, «Кодекс куманикустегі» – «аңла» сөздерін мысалға келтіреді [Сарыбаев, 1991, 200].

Академик Н.Сауранбаев бұлай сөйлеуді халық «көне кітап тілінен үйренген» болу керек деген болжам жасайды. Осы болжамы арқылы ол көптен бері кітап басып шығару өнерін кәсіп еткен Қазан, Орынбор, Уфа, Троицк қалаларының ықпалына ертерек ұшырап, көне кітаптарды оқуды әдетке айналдырған Торғай даласының тұрғындары осындай формаларды қолданатын болғанын дәлелдейді. -шақ (-шек) жұрнағы да осы аймақты мекендеген қазақтардың тілінде жұмсалады, әдеби тілдегі -сы (-сі) тұлғасының мағынасын береді: алашақ (аласы), берешек (бересі). -жақ (-жек) тұлғасы көбінесе қарақалпақ туысқандармен іргелес отырған аймақтарда (Ақтөбе, Қызылорда облыстарында) жиі кездеседі: бережек (берешек), айтажақ (айтатын), алажақ (алашақ). -улы (-улі) формасы Қазақстанның батыс жақ өлкесінде айтылады: барулы (барыпты), көрулі (көріпті), келулі (келіпті). -лы (-лі) тұлғасы оңтүстік пен оңтүстік-шығыс алқапта бірінші жақтың қалау рай формасында айтылады: баралы (барайық), жүрелі (жүрейік). Кезінде пікірталас тудырған мәселе ол қазақ тіліндегі диалектілік ерекшеліктердің сипаты мен таралу шегі диалектілік көлемде ме, әлде сөйленістік көлемде ме деген сауал болатын. Бұл тұрғыдан келгенде академик Н.Сауранбаев «жергілікті ерекшеліктер сол халықтың тарихын зерттеп, басқа халықтармен қарым-қатынасын ашу үшін аса құнды материал болып табылатынына» ерекше назар аудара отырып диалект сөздерді танып-білудің, оны зерттеудің маңыздылығын былайша топтап көрсеткен:

1. Тіліміздің жергілікті ерекшеліктері – қазақтың халық, ұлт болып қалыптасуы туралы бағалы мәліметтер береді;
2. Диалектологиялық материалдар этнографтар мен археологтар үшін аса құнды мәліметтер береді;
3. Қазақ тілінің жергілікті ерекшеліктерін білу жазушылар үшін де аса қажет.
4. Диалектологиялық материалдармен таныс болу қазақ тілі мен әдебиетінің мұғалімдері үшін де өте-мөте қажет. Тіліміздің жергілікті ерекшеліктерін білмесе, олар оқушыларды әдеби тілге дұрыс төселдіре де алмаған болар еді;
5. Қазақ тілінің жергілікті ерекшеліктерін білу лекторлар үшін де, партия, совет қызметкерлері үшін де, журналистер мен радиокомитет қызметкерлері үшін де қажет [Мамырбекова, 2014.]

Башқұрт халықтарының этногенезінің қалыптасуы сонау VII–X ғ-лардан басталады. Олардың құрамында алуан түркі тайпалары: (үсерген, байлар, сұраш, маңғауыр, жағалбайлы, тама, бешуыл, кедей, табын, мың, керей, қаңлы, арғын, байұлы, т.б.) құралғандығы тарихтан белгілі [Кудашева, Кузеев, 1998, 516].

XI–XIII ғасырларда қазіргі башқұрт жерін мекендеген бесене Еділ бұлғары мен мадияр тайпаларына қыпшақтардың әсері күшейіп, көне башқұрт этносының қыпшақтану бағытында дамуы арта түсті. Бату шапқыншылығы, башқұрт жеріне Қыпшақ даласынан халықтың көптеп қоныс аударуы башқұрттардың қыпшақтану процесін одан әрі жеделдетті. Қазақ халқының этногенезінде шешуші орын алатын түркі тайпаларының басым көпшілігі башқұрт халқының құрамында да кездеседі [Башкирская энциклопедия, 2006, 474–475]. Сол себептен де болар, қазақ пен башқұрттардың уақыт өте келе малы төскейде, басы төсекте қосылып, ортақ жаумен айқасты. Тіпті бір-бірімен достаса да білді, құдалы-құдандалы болып жатуы әркімге-ақ аян. Сол себептен де болар, башқұрт тіліндегі диалект сөздер де өз-ара ортақ екенін де зерттеу барысында аңғардық. Алайда мұндай ортақтықтық пен ұқсастықты болашақта зерттей түсеміз деген ойдамыз. Ойымызды қорыта келе айтпағымыз, тіліміздегі диалект сөздер қай халықтың болмасын мәдени мұрасын, тілін, дәстүрін сақтаған байлығы. Ендеше сол тіліміздің байлығын көзіміздің қарашығындай сақтап, оның мән-мағынасын түсіндіру бүгінгі күнні негізгі мәселесі.

Әдебиет

Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т.2. В–Ж. Уфа, 2006.
Қалиев Ғ. Қазақ диалектологиясының мәселелері. Алматы, 1960. 90 б.
Кудашева С.С., Кузеев Р.Г. Жизнь длиною в один век. Воспоминания. Уфа: Вост. ун-т, 1998. 516 с.
Кабылдинов З. Қазаққа жақын орыс ғалымы Григорий япотани. Алматы, 2018. 548 б.
Мамырбекова Г. Академик Нығмет Сауранбаев және қазақ тілінің диалектологиясы // Ана тілі. 13 Ақпан, 2014.
Нақысбеков О. Ж. Аймауытұлының диалектология туралы негізгі ойлары // Ана тілі, 13.02. 2014.
РГЭС – Российский гуманитарный энциклопедический словарь. Санкт-Петербург: Владос, 2002 г. В 3 т. Том III. 704 ст.
Сауранбаев Н., Болатов Ж. Қазақ тілінің жергілікті ерекшеліктерін зерттеу. Социалистік Қазақстан, 1957, 14 науры.
Сарыбаев Ш. Ш. Казахская диалектология. Алматы: Атамұра, 1991. 200 с.

© Шота К. Н., 2022

УДК *391*

Шота К.Н., Казахстан, г. Алматы
Казахская национальная академия искусств им. Т.Жургенова, профессор
Амангелдиева Г.А., Казахстан, г. Алматы
Казахская национальная академия искусств им. Т.Жургенова, доцент

ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА

(этнолингвистический анализ)

В статье рассматривается теория прикладного искусства казахского народа. Богатое наследие через обучение прикладному искусству имеет научные и воспитательные основы. Традиционная культура и ее практическое применение включают в себя эстетику, творчество, дизайн и экспрессивность. К описанию каждого определенного изделия представлен фольклорный комментарий. Данный феномен доказывает, что устное народное творчество является неотъемлемой частью бытовой культуры.

Ключевые слова: *прикладное искусство, этнос, резка, резьба, треугольник, прямоугольник, круг, косая резка, ковер.*

Shota K. N., Kazakhstan, Almaty
Kazakh National Academy of Arts, Professor
Amangeldiyeva G. A., Kazakhstan, Almaty
Kazakh National Academy of Arts, Associate Professor

APPLIED ARTS AND NATIONAL PEDAGOGY

The article discusses the theory of applied art of the Kazakh people. The rich heritage through the teaching of applied arts has scientific and educational foundations. Traditional culture and its practical application includes aesthetics, creativity, design and expressiveness. Folklore is presented to the description of each specific product. This phenomenon proves that oral folk art is an integral part of everyday culture.

Keywords: *applied art, ethnos, cutting, carving, triangle, rectangle, circle, oblique cutting, carpet.*

ІСМЕРЛІК ӨНЕР ЖӘНЕ ҰЛТТЫҚ ПЕДАГОГИКА
(этнолингвистикалық талдау)

Кіріспе. Халықтың ұрпақ тәрбиелеу тәжірибесі өте бай. Адам баласының белгілі бір этносқа тән қасиеті сәби кезінен, тіпті ана құрсағында жатып-ақ қалыптасады. Ана мен бала арасындағы көзқарас, отбасы мүшелерінің ара-қатынасы, бір-бірімен сыйластығы, мінез-құлқы,т.б. құндылықтар өмірдің бөлінбес бөлшегі десе болады. Отбасының қалыптасуынаүйдегі тәлім-тәрбие (этнопедагогика) шешуші рөл атқаратыны сөзсіз. Сондықтан да болар дана халқымыз: «Балапан ұяда не көрсе, Ұшқанда соны алады», – деп, қашанда өз ұрпағына жақсы тәлім-тәрбие беруді мақсат етіп қойды.

Халық педагогикасының негізі ұлттық рухани, мәдени мұралар (ою-өрнек, қол өнері, ән-күй, өлең-жыр, т.б.), салт-дәстүрлер, әлеуметтік мінез-құлық нормаларында жатыр.Ұлттық педагогика түрлерінен халықтық идеялар көрініс табатын тұстары өз алдына бір төбе. Ал ауыз әдебиетінің үлгілері, оның ішінде мақал-мәтел, өлең-толғау, термелер, жұмбақтар – ақыл-ойды жетілдірудің, батырлар жыры, ән-күй, терме-тақпақ – эстетикалық және ерлік рухта тәрбиелеудің, ертегілер мен аңыздар – адамгершілік мінез-құлықтар мен қарым-қатынасты қалыптастырудың құралы ретінде пайдаланылады. Бұл мақаламызда біз қазақ қол өнерінің өзіндік ерекшеліктерімен қатар, тілдік нормаларда қалай қолданатынымыз жайлы сөз қозғаймыз. Әрі көптеген қолөнерге қатысты сөздерге этнолингвистика тұрғысынан талдау жасауды жөн санадық.

Қазақтың қол өнерінің тәрбе беруде мәні ерекше. Тек қана ою-өрнек, кесте тігіп, ши тоқу, зергерлік бұйымдарды жасау ғана емес, неше түрлі заттарды бір-бірімен үйлестіре отырып құрақ құрау, киім тігу, ісмерлікпен айналысу үлкен ізденісті керек етеді. Ісмерлік өнер қазақ халқының өмір тірішілігімен біте қайнасқан атадан балаға мұра болып келе жатқан ұлттық өнер.

Зерттеудің мақсаты мен міндеттері. «Өлеңді деп айтасың, жаныңды жеп айтасың» демекші, қай өнер болсын оның өзіндік ерекшелігі, өзіндік қиындықтарының бар екендігі белгілі. Ендеше халық: «Шебердің қолы ортақ, шешеннің тілі ортақ» деп, белгілі ойды бедерлеп, қас шебердің қолынан шыққан не бір әсем бұйымдар мен тоқсан ауыз сөзді тобықтай етіп түйіндейтін «орақ ауызды, от тілді» шешенді қатар қойып, бір мәтелге сыйдыруы да тегіннен-тегін болмаса керек. Өнер туралы ұлы Абай: «Әр елдің тілін, өнерін білген кісі онымен бірдейлік пікірлесе алады аса арсыздана жалынбайды», – дей келе, «…өнер де өзі, мал да өзі ғылымға көңіл бұрсаңыз» деп, байлық пен өнердің көзі ғылымда екендігін халқына өз кезінде түсіндіре білген [Өмірәлиев, 1993, 3].

Ісмерлік өнерде көбіне қолданылатын тәсілдер: қию, ою, кесу, тігу, т.б. екендігін білеміз. Кез-келген заттан қажетті бұйым жасау үшін қиып алудың да түрлі тәсілдері бар. Мысалы: күлтелеп қию, жалаң қию, білтелеп қию, үшбұрыштап, төртбұрыштап, дөңгелектеп, қиғаштап қиюдың т.б түрлерін ісмер адамдар кеңінен қолданады.Тек геометриялық фигураларды кесу үшін ғана емес, оларды бір-бірімен қиюластырудың да өзіндік жақтары бар екені баршаға белгілі.

Әдіснама. Ісмерлік өнерде іс машинасымен тігу бар да, қолмен тігу бар. Алайда қолмен тігудің жиырмадан аса тәсілдері бар екендігіне көз жеткізуге болады. Олар: **басып, бастырмалап, байлап, жапсырып, жамап, жөрмеп, жарыстыра, түртіп, түптеп, тартып, тізіп, торлап, сырып, шалып, шалмалап, шекіп, шандып, шимайлап, іліп, ілгілеп,** т.т. тігудің түрлерін тізе беруге болады.

Алайда бұл тігудің тәсілдері мен әдістерді кеңінен қолдана отырып, хас шеберлердің қолынан шыққан дүниелердің әсемдігіне еріксіз көз тоқтатасың. Мысалы, кесте тігу өнерінде де торлап тігу, маржандап тігу, айырғы сақ, ғұн, үйсін өнерінде кесте тігу осы тәсілдер кеңінен қолданғандығы белгілі.

Кесте тігу – тұтастай бастыра әшекейлеу үшін: **шалыс тігу, жатық тігу, термелеп тігу, бастыра тігу** т.б тәсілдері бар. Кесте Өзінің тігілуіне қарай біз кесте: баспа жылтыр, тамбурлы кесте, албыр кесте (екі ізді), кебене ине т.б. түрлерін атауға болады. [ҚҰЭ, 2002, 551]. Біз кестені шым кесте, немесе әрәдік кестедеп те атайды.

Сиса – мақта-матадан жасалған жұқа матаның түрі. Оның бояуы бір текті болып келеді. Матаның түсіне қарай ақ сиса, қызыл сиса, көк сиса деп те аталады.

Қыжым – кейде плющ мата деп аталатын қымбат матаның түрі. Қыжымнан әйелдерге де ерлерге де шапан, желет тігіледі.

Қатипа – қатты, төзімді матаданың түрі. Қатипадан қазақ шеберлері көбіне әйелдер киетін ішікің сыртын қаптаған. Одан күпі, шапан секілді киімдер де тігіледі. Бұл мата төзімді, әрі ұзақ киілетін болғандықтан қыз балаға да өмірдегі кездесетін қиындықтарға төтеп бере алатындай мықты болсын деген ниетпен «Қатипа» деп ат қоятыны да сондықтан болса керек.

Мұндай қатты матадан түрлі заттарға қап, қаттама т.т. заттар тігіледі. Мысалы, Махамбет:

Орай да борай қар жауса,
Қалыңға боран борар ма,
Қапталдай соққан боранда

Қаптама киген тоңар ма [Өтемісұлы, 1979, 57], – деген өлең жолдарында кездесетін **қаттама (қаптама)** – қатты матадан астарына жүн, қыл немесе мақта сырылып тігілетін жауынгерлер киген жеңіл киім. Жеңсіз, қысқа немесе ұзын жеңді, жағасыз етіп те тігетін сырт киім. Қаттаманы кезінде жеңіл қаруланған жауынгерлер киген [Худяков, 1986, 10-25].

Қатардағы қазақ жауынгерлері қаттаманы XIX ғасырда киген. Ол жылы, әрі жеңіл, жүріп-тұруға ыңғайлы. Көшпенділердің жауынгерлерін осы сауыт түрімен бейнелейтін өнер туындылары жиі кездеседі [Қасиманов, 1969, 210]. Қазір де жастар арасында сәнге айналған жеңіл матадан тігілген сырт киімді «жеңіл пальто», «жаздық пальто» дегеннен гөрі «қаптама» деп атауға әбден келеді.

Қаттама кежім – жауынгерлердің аттарына кигізетін жұмсақ сауыт. Матадан бірнеше қабаттalып, астарына жүн, қыл, мақта салынып,сырылып тігіледі. Көшпенділердің жауынгерлерін осы сауыт түрімен бейнеленген өнер туындыларын сурет өнерінде жиі кездестіреміз. Тасқа басылған ескерткіштерде, шығыс бейнелеу өнерінде де осындай ат сауыттарымен жарақтанған түркі-маңғол жауынгерлері жиі бейнеленгенін де айқын байқауға болады [Алланиязов, 1998, 110] Кейінгі кездері ат баптаушы бапкерлер де ат қатты терлеген кезде суықтап тер қатып қалмау үшін, немесе буын-буынына жем түспеу үшін **қаттама кежімді** қолданып жүр.

«Біз кестені» тігу үшін дөңгелек, төртбұрышты керме ағашқа түрлі ою-өрнекпен бедерленген матаны керіп алып, сол салынған өрнекті қармақты бізбен өткермелеп шалу арқылы тігіледі. Ал шым кесте (шымқай кесте) тігілетін матаның ашық жерін қалдырмай, не болмаса ашық орамды аз ғана қалдырып, тұтас әртүрлі жіппен тұтас кестелене тігіледі.

“Әрәдік кесте” – көбіне матаның бұрыш-бұрышына тігілетін түрі. “Әрәдік кесте” көбіне тақияға, шалбардың балағына, сырт киімнің өңірі мен жаға, жеңіне, кең қоныш етіктің бұрыштарына тігіледі. Қазіргі заманда ұлттық өрнекпен кестелеп киім-кешекке бедер түсіре тігу сирек те болса қолданылады. Көбіне біздің заманымызда техниканың жетілуіне орай, кестені тігін машинкасымен тігу дәстүрге айналып бара жатыр.Бұлш біздің қолөнеріміздің дамуына бірқатар кедергісін де тигізетінін де назардан тыс қалдырмауымыі керек. Қазір Республикамызда Алматыдағы «Тұс киіз», Тараздағы «Өнер тану», Өскемендегі «Өрнек» сынды қазақ халқының кесте өнерін кеңінен қолданатын фабрикалар жұмыс істеп, ұлттық дәстүрді қайта жаңғыртып, халқымыздың мақтанышына айналуда. Бұл күнде осы фабрика өнімдері дүниежүзілік көрмелерде жүлделі орындарға ие болып, халқымыздың өнерін паш етуде.

Нәтижелері. Қазақ халқы тіліміздегі бірде-бір сөзді орынсыз қолданбаған. Ісмерлік өнерде де киюге ыңғайлы, әрі көрікті заттарды тігу үшін түрлі маталар мен теріні, шашақ жіптер мен күміс түймелерді үйлестіріп, сән-салтанатын арттыра түсу үшін сол заттарды қолданған. Айталық, әйелдерге немесе ерлерге арналып тігілетін киімдер талғамға негізделініп, түрлі маталар таңдалынып алынады. Матаны таңдаудың өзі де үлкен шеберлікті қажет етеді. Біріншіден, матаның түсі, оған салынатын өрнек өте үйлесімді, әрі көңілге қонымды болуы қажет. Көпшілікке таныс барқыт, қыжым, масаты сияқты қымбат маталардың өздерін таңдап алу үшін үлкен шеберлік пен талғам керек. Сиса, қыжым, қатипа сынды халыққа кеңінен тпнысматаларды көпшілікке өте таныс. Халық шеберлері түрлі жіптерді байлаудың да көптеген тәсілдерін білген. Мысалы**: шалып байлау** – өте мықты бай-

ланатын, әрі оңай шешілетін байлаудың бірі. Сондай-ақ үшмамыштап байлау, ілмектеп (ілгектеп) байлауды да хас шеберлер белгілі бір заттың ұшын шешуге оңай болсын деп кең түрде қолданылады.

Томағалап, немесе ***шандып*** т.б. байлау тәсілдерін қазақтың ісмерлік өнерінен басқа да шаруашылықтың барлық түрлерінде: мал байлау үшін, құсбегҚолөнер адамның әсемдікке, нәзіктікке деген сезімін тербеп, сол салада табиғатты өзінше таңбалап, бедерлеп, сұлулықтың қабілетін арттырады. Ол арқылы біз зор эстетикалық рухани тәрбие алып, әлемдік өнер шыңына қанат қағамыз. «Өнер жемісі – өмірге азық» демекші, жас ұрпаққа қолөнер арқылы жан-жақты берілген тәлім-тәрбие олардың өмір азығы болатынына күмән жоқ. Өйткені, қолөнер қазақ халқының тұрмыс-тіршілігінің қайнар көзі болған, ғасырлар асылы өз қадір-қасиетін жоғалтпай жалғасын тауып келе жатқан асыл мұралар.

Ұлтымыздың бағалы тұрмыстық бұйымдардың бірі саналатын үй жасауларының бірі – кілем. Кілем – негізінен қазақ халқының сәнді, әрі қымбат бұйымы. Кезінде байлық кілеммен бағаланған. Кілем бетіндегі сан қилы сәнді өрнектерге қарсаңыз, тұнып тұрған халық шежіресімен сырласқандай боласыз. Бір кезде өмір сүрген халықтардың тұрмысы, көшпелі елдің ағаш үйі, дала төсі, ке жайлау, тіпті қора-қопсы, ескі қорғандар, т.б. заттар – осының бәрі кілем бетінде бедерленіп, көшпелі елдің мәдениетінен сыр шертеді. Сол бедерлерге қарап, өмір шындығын аңғару да онша қиынға соқпайды.

Осы өнер түрлерінің қай-қайсысында болмасын, яғни қазақ халықын айнала қоршаған бұйым, зат, құбылыстардың кез-келгенінің де жасалу болмысында ою-өрнек өнері қатысып, оларды әсем де сәнді көрсетіп, мазмұнды да әсерлі етіп отырған. Осылайша оюмен ғана ойы толық, мазмұны анық көрінетін қолөнері – қазақ халқының байырғы кәсіпшілігі болғаны белгілі. Олар осы кәсіптің арқасында өздерінің материалдық-рухани қажеттілігін өтеп қана қоймай, дер кезінде балаларынажастарға оның қыр-сырын түсіндіріп, жасалу жолдарын көрсетіп отырған. Осындай қиын да қызықты өнер сан мың жылдар бұрын, қарапайым өнерпаздарының ой қазынасынан шығып, шебер қолдарымен жасалған заттар біздің рухани байлығымыз. «Қалы кілем түрге керек, Алмас қылыш ерге керек», – деп білген аналарымыз кілемнің түрін келтіріп, ерінің беделін бәрінен биік қойып,асқақтата білген.

Көне заманнан келе жатқан кілем атаулары бүгінгі күнге дейін сол аттарымен аталады. Мысалы, **бұқар кілем, жол кілем, жолақ кілем, жібек кілем, масаты кілем, мақта кілем, қалы кілем, қара кілем,** құлпырма кілем, **тақыр кілем, қалы кілем, сиса кілем, түкті кілем, ақ сирақ кілем, алаша кілем, андіжан кілемі, түркімен кілемі, адай кілем, шаршы кілем, кілемше** т.б. сияқты көптеген атаулардың өзі-ақ қазақ халқының кілем тоқуы әр жерде өзіндік мәнерде жасалғандығын аңғартады. Тіліміздегі осындай атауларға этнолингвистикалық тұрғыдан анықтама беру болашақта қарастырамыз деген ойдамыз.

Қорытынды. Ойымызды қортындылай келе, тілдік қорымызда кеңінен қолданып жүрген көптеген сөздер қазақ халқының тұрмыс-тірішілігімен тығыз байланысты. Хас шеберлердің қолынан шыққан әсем бұйымдарға қызығып қана қарамай, тілдік қорымызда қолданып жүрген сөздерді жиып, бір жүйеге түсіру тілші қауым мен сөз өнерін білетін, тілді қадірлейтін көпшіліктің ісі деп білеміз. Киім тігу мен оны өрнектеуде тек аса ісмерлікті ғана пайдаланып қана қоймай, сол киім кімге арналып тігілді, лауазымы, руы, қызметі т.б. әлеуметтік жақтарын сипаттауда да шебер өз қолтаңбасы арқылы байқатып отырған. Ол өз алдына әңгіме. тілімізде бар киім атаулары мен шеберлердің қолынан шыққан небір бұйымдардың атауларын қолданысқа ендіру, оны барынша сөйлеу мәдениетіміздің ойып тұрып орын беру, қабылдау, және жастарымызға білгенімізді үйретуаға буынның қолында.Ұлтымыз өссін, өнсін десек, өзөнерімізді ұрпаққа үйретіп, оны көздің қарашығындай сақтай білуіміз керек.

Әдебиет

Алланиязов Т. Военного дело кочевников Казахстана. Алматы: Фонд «XXI век», 1998. 140 с.
Қасиманов С. Қазақ халқының қолөнері. Алматы, 1969. 245 б.
Қазақстан ұлттық энциклопедиясы. Алматы, 2002, 5 т. 717 б.
Өтемісұлы М. Жыр семсер. Алматы: Жазушы, 1979. 152б.
Өмірәлиев Қ. Абай афоризмдері. Алматы: Қазақстан, 1993. 125 б.
Худяков Ю. С. Вооружения средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.

© Шота К. Н., Амангелдиева Г. А., 2022

УДК *73(574):929*

Шота К. Н., Казахстан, Алматы
Казахская национальная академия искусств им. Т.Жургенова, профессор
Косназарова С. Д., Казахстан, Алматы
Казахская национальная академия искусств им.Т.Жургенова, магистр

ПЕСНЯ – ДУША НАРОДА

Потомки батыров и поэтов, ханов, султанов и биев воплощали в себе, наряду с широтой души, щедростью, гостеприимством казахского народа, его глубокий ум, сострадание, духовное богатство. Авторы не только популяризируют духовные ценности казахов как сакральные качества, передаваемые от поколения к поколению, но и подчеркивают первостепенную роль таких видов искусства, как пение и кюй, представляющих главное духовное богатство казахского народа. В статье также проводится этнолингвистический анализ обозначений видов прикладного искусства, вышивки, разновидностей тканей и декоративного ремесла.
Ключевые слова: *домбыра, кюй, мастерство, история, эпика.*

Shota K. N., Kazakhstan, Almaty
Kazakh National Academy of Arts, professor
Kosnazarova S. D., Kazakhstan, Almaty
Kazakh National Academy of Arts, Master of Pedagogy Sciences

THE SONG IS THE SOUL OF THE PEOPLE

The article tells that the descendants of batyrs and poets, khans and sultans, as well as biys embodied, along with the breadth of soul, generosity, hospitality of the Kazakh people, their deep mind, compassion, spiritual wealth. The authors not only popularize the spiritual values of the Kazakhs as sacred qualities passed down from generation to generation, but also emphasize the paramount role of such art forms as singing and kui, representing the main spiritual wealth of the Kazakh people. The article also provides an ethno-linguistic analysis of the designations of the types of applied art, embroidery, varieties of fabrics and decorative crafts.
Keywords: *dombyra, kui, mastery, history, epic.*

Қазақтың біртуар ақыны Жұбан Молдағалиев «қылышынан қан тамған» Кеңес үкіметі кезінде-ақ:

«...Күй емес пе, ботасыз нар идірген?
Ән емес пе, аққудай жар ілдірген?
Жыр емес пе жүрекке жел бітірген?
Олар барда қалайша тарылды іргем? –

деп, қазақ халқының ән мен күйінің құдіретін, оның өшпес жырларын ерекше бағалады. «Мен қазақпын!» деп халқымыздың өзіндік ерекшелігін, даралығын бар әлемге жар сала, ұран сала мақтан етті. Осындай өнерлі халықтың ұрпағының келешегі бар екендігін оларға мойындата білуі – ақынның асқан ерлігі деп білеміз.

Қай халықтың болмыс-бітімі, мәдени мұрасы ата заманнан бері қалыптасып, дамып келеді. Басқа халықтарда кездесе бермейтін ғажайып өнер түрлері біздің ұлтымыздың мақтанышы. Қарасөздің хас шеберлері небір хан-сұлтандардың алдында қымсынбай сөйлеп, сөзді тіл ұшынан төгілдіріп, жауына да дес бергізбеген ғой. Қалың жауға қарсы сермелген ақ семсердей алмас жырды ағыл-тегіл ағындататын суырыпсалма ақындығымен тамсандырған сөз шеберлері ердің құнын, жердің дауын екі-ақ ауыз сөзбен шешіп, әділдігімен қара қылды қақ жармады ма!?

«Малым жанымның садақасы, жаным арымның садағасы» деген сөзді жанына ту етіп байлап, елі үшін небір алпарысқа түсті, басын қатерге тігіп, «ақ білектің күшімен, ақ найзаның ұшымен» жерін жаудан қорғады. Ер намысы – ер намысы екендігін әркімнің жүрегіне жалау етіп қадады. Сол себепті де біз өзімізді батырлар мен ақындардың, хан-сұлтандар мен билердің ұрпақтарымыз деп әлемге мақтана айқайлап тұрып айта алатын дәрежедеміз. Қазақ халқының бойындағы кеңдік пен дархандық, жомарттық қасиеттер елден ерекше қонақжайлық дәстүрінен айқын көрінеді. Қонаққа лайықты құрмет көрсету, қабақ шытпай қарсы алып, үйіндегі барын дастарқанға қойып күту – ежелден қалыптасқан дәстүр. Бұл тұрғыда «Қонақты құдайыңдай күту» әр шаңырақтың парызы саналады. Алайда бұл мәселе өз алдына жеке дүние.

Қазақ – әлемдегі ең бір сезімі сергек, ойы ұшқыр, жан дүниесі өте бай халық. Сол себептен де болар, әншілікті де, күйшілікті де бойына дарыта отырып, рухани байлығын киелі қасиет деп ұғынып, атадан балаға мұра етіп қалдырып кетті. Қазірдің өзінде қазақтың қай ауылына барсаңыз, ән айтып, күй тартпайтын жандарды некен-саяқ болса да кездестірмеу мүмкін емес. Сол кезде «ән айтып, күй тарта білмейтін қазақ жоқ» деген мәтелдің мәнін сол кезде түсінгендей боласың.

Күй өнері – қазақ халқының ең басты рухани байлығының, жан дүние байлығының ең бір киелі, қасиетті түрі. Бұрынырақта Арал-Шалқар өңірінде ауылдағы ірілі-уақты той-томалақтарда, шалшауқанның басы қосылып бір үйде мәслихат, мәжіліс құрып отырғанда солар ортаға ауылдың бір күйшісін алдыртып, күй тыңдайтын [Кенжебай, 2011, 2].

Домбыра тарту – орындалатын әуеннің өзіндік ерекшеліктеріне қарай Домбыра тарту қағыстарының да өзіндік тәсілдері болады. Жоғары-төмен қарай қағып тартуды **«қара шертіс»** десе, ішекті іліп тартуды **«ілме»** немесе **«теріс қағыс»** деп атайды. Домбыра тартудың небір өзгешеліктері мен қағыс түрлері туралы Т.Әсемқұлов өз зерттеуінде:

«Тебеген қағыс» - деген бар. Бұл ішектің үстінен қағып ойнау тәсілі... «Жапта қымта» қағысы - саусақпен қаққаннан кейін ішекті алақанмен жабу тәсілі, домбыраның быдыңдаған еліктеу дыбысын шығару үшін қолданылады. Сондай-ақ «Түйдек қағыс» деген бар. Ол сілтеп қағу, айқай-ұйқыш, тәсілге бай, жылдам қағысты атайды».

Домбыра әнді сүйемелдейтін саз аспабы ғана емес, кәсіби музыкалық күрделі шығармалар тудыруға негіз болатын ішекті аспап. Домбыра тартуда кәсіби жоғары деңгейге жеткен күйшілер домбыра тартуды кемелдендіріп, жоғарыда атап айтқандай, қосымша дыбыс беретін пернелерді енгізген, домбыра құрылысын күрделендіріп дамытқан. Қазақ күйшілері Домбыра тартуда орындалатын шығармалардың тереңдігі мен иірімдерін арттыра түсетін тәсілдерін де жан-жақты дамытып, өз ұрпағына барынша үйретуді мақсат еткен.

Халық арасында кең тараған домбыра тартудың үш түрі жайында Т.Әсемқұлов былай дейді: «Домбыраны алғаш үйренушілер тартатын «дірдек тартыс» болса, шеберлікке жеткен кездегі тартыс «қиғаш көбе» немесе «кесе тербеу». Кәсіби деңгейге жеткен кездегі «тайғанақ көбе» немесе «сауып тарту». Сондай-ақ автор күй тарту өнеріндегі қағыстың «түре тартыс, сүре тартыспен» қатар «құлақ шығарып тартысу» мен «есер тартыс» деген түрлерін де атап өтіп, олардың ерекшеліктеріне мән беруді ұсынады.

Домбыра тарту кезіндегі сол қолдың қимыл әрекеттеріне карай перне басудың: қазтабан, бөрітабан, байтақ, қарғыту, аттау, жаба тастау деген, ал домбыра шертудің сермеп шерту, іліп қағу, шертіп ойнау, төгіп қағу, шегіп қағу, дірдек, тайғанақ көбе, сауып тарту, қиғаш көбе, кесе тербеу, төпеп қағу, теріс қағыс, тебеген қағыс (тепкілей қағыс), түйдек қағыс, таза қара шертіс, таза ілме, жап та қымта, бүлкілдетіп қағу, сұңқылдатып қағу, шарықтатып қағу деген түрлері бар. Сөйтіп, күй дегеніңіз қазақтың бүкіл тарихының шежіресі, жүрек лүпілінің жазбасы (кардиограммасы), жабырқаса мұңдасы, жадыраса сырласы.

Ш.Сариев: «Сай-сүйекті сырқыратқан төзімдей,
Қайта оралмас махаббаттың көзіндей,
Қайталанбас қимас асыл сезімдей,
Толқытады теңіз, мұхит тасқандай,
Алдымыздан арман – елік қашқандай,
Құпиясы шексіз-тылсым аспандай,
Қазағымның,
Қазағымның күйлері-ай!» – деп тектен-текке айпаса керек.

«Өлеңді деп айтасың, жаныңды жеп айтасың» демекші, қай өнер болсын оның өзіндік ерекшелігі, өзіндік қиындықтарының бар екендігі белгілі. Өзінің ұлттық болмысын, өнері мен дәстүрін аса бір ыждағаттылықпен дамыту – әрбір өнер сүйер адамзаттың парызы.

Жаңа дәуір, жаңа заман әкелген ән ырғақтарымен шатастырмай, халық жадында сақталып қалған әндерді саф алтындай етіп сақтаудың өзі асқан шеберлік емес пе!? Қазақ музыка творчествосының байырғы негізгі түрлері халық әндері, эпостық шығарма, аспаптық музыка екендігі белгілі.

Әнді құйқылжыта айту, төгілте айту, шымырлата айту, құбылта айту, тамылжыта айту сияқты небір ән ырғағының құдіретін сөзбен тізе берсек, тілімізде қолданып жүрген тіркестер қазақтың халық творчествосының шыңы деуге болады.

Әдемі ән – құлаққа жайлы тиетін әсерлі ән. Мәтел: «Ай жүзді әйелден, Әдемі ән әлдеқайда артық», – деп әдемі әнді сұлу сәнді әйелден де артық көрген.

Ән айту (ән салу) – қазақта екінің бірі әнші я болмаса күйші болған. Сондықтан «әу демейтін қазақ жоқ» деп келген қонағынан ән сұрау немесе «ауылдың алты ауыз» әнін салғызу дәстүрі бүгінге дейін бар.

«Ауылдың алты ауызы» – тойда, ойын-сауықта, қонаққәде сұрағанда, көбінесе алыстан келгендер: «Ауылдың алты ауызы» болмайтын ба еді? Әуелі өздеріңіз бастаңыздар», - деп қалатын әдеті бар. Демек, бұл – жол ауылдікі, өнер, өлең ауылдан басталсын деген сөз. Сөйтіп өлең ауыл өнерпаздарынан басталады. Ауылдың алты ауызы дегеніміз осы. Бұл өлең табан астында суырып салып айтылған өлең немесе бұрыннан таныс өлең, жырлар да болуы мүмкін. Мұның ән, әуені де әртүрлі болады. Ол елден-елге тарала береді. Ауылдың алты ауызы өнерді дамытуға, әнші, домбырашылардың талантын көрсетуге зор қызмет еткен. Дала өнерін дамытқан, өрістеткен. Жастарды өнерпаздыққа баулыған.

Әндету – Сіздікіне барғанда, Қымыз ішсін, ми жесін: Біздікіне келгенде – Әндетсін де билесін.

Қоңыр дауыс – естір құлаққа онша жағымсыз емес деген сөз. Ал ертеректе, дәлірек айтсақ, М.Қашқари заманында қоңыр – булыққан, қарлыққан, қырылдаған (дауыс жөнінде) мағынасында қолданылғандығын білеміз. Бұл жерде уақыт өткен сайын сөздің тұлғасы өзгермесе де мағынасы жаңарып отыратындығынан мәлімет алып отырмыз Әншінің қоңыр үні – құлаққа жағымды әуезді жағымды үні.

Мақпал – жұмсақ, түкті барқыттың бір түрі. Мақпалдың үш түрі бар: қара мақпал – қара барқыт; қой мақпал – түкті пүліш; қырмызы мақпал – қызыл күрең барқыт. Қазақ халқы мақпал деп көбіне бір тегіс, түгі тықыр әрі түсі қара барқытты атаған. Ауыспалы мағынада **мақпал дауыс –** үні

құлаққа жағымды, жұмсақ, құлақ құрышын қандыратын дауыс. Әсем ырғақпен нақышына келтіре шырқалатын әуезді де әдемі әншінің ерекше дауысы.

Зор дауыс – дауыс диапазоны зор, өлең сөздерін анық айтып, жұртты ерекше ықыласқа бөлейтін дауыс.

Қашанда өз өнерімен танымал болған бабаларымыз көңіл көтеріп, ән айтып күй тартумен бірге шаруасында еш ұмытқан емес. Өз ұрпағына «Жігітке жеті өнер де аз, жетпіс өнер артық етпейді», – деп барлық өнерге баулуды жөн деп білген. Отын шауып, шөп үйсе де аузынан әзіл-қалжыңмен бірге өлеңін айтып, қолы қалт ете қалса, қолына домбырасын ала салып, күйді де төккен.

Халқымыз: «Қол өнері – кілемде, Сөз өнері – өлеңде» немесе «Шебердің қолы ортақ, шешеннің тілі ортақ» деп, белгілі ойды бедерлеп, қас шебердің қолынан шыққан не бір әсем бұйымдар мен тоқсан ауыз сөзді тобықтай етіп түйіндейтін «орақ ауызды, от тілді» шешенді қатар қойып, бір мәтелге сыйдыруы да тегіннен-тегін болмаса керек. Өнер туралы ұлы Абай: «Әр елдің тілін, өнерін білген кісі онымен бірдейлік пікірлесе алады, аса арсыздана жалынбайды», - дей келе «…өнер де өзі, мал да өзі ғылымға көңіл бұрсаңыз» деп, байлық пен өнердің көзі ғылымда екендігін халқына өз кезінде түсіндіре білген [Дереккөз, 3].

Қазақтың қол өнерінің тәрбие беруде мәні ерекше. Тек қана ою-өрнек, кесте тігіп, ши тоқу, зергерлік бұйымдарды жасау ғана емес, неше түрлі заттарды бір-бірімен үйлестіре отырып құрақ құрау, киім тігу, ісмерлікпен айналысу үлкен ізденісті керек етеді. Ісмерлік өнер қазақ халқының өмір тірішілігімен біте қайнасқан атадан балаға мұра болып келе жатқан ұлттық өнер.

Ісмерлік өнерде көбіне қолданылатын тәсілдер: қию, ою, кесу, тігу, т.б. екендігін білеміз. Кез келген заттан қажетті бұйым жасау үшін қиып алудың да түрлі тәсілдері бар. Мысалы: күлтелеп қию, жалаң қию, білтелеп қию, үшбұрыштап, төртбұрыштап, дөңгелектеп, қиғаштап қиюдың т.б түрлерін ісмер адамдар кеңінен қолданады. Тек геометриялық фигураларды кесу үшін ғана емес, оларды бір-бірімен қиюластырудың да өзіндік жақтары бар екені баршаға белгілі.

Ісмерлік өнерде іс машинасымен тігу де, қолмен тігу де бар. Алайда қолмен тігудің жиырмадан аса тәсілдері бар екендігіне көз жеткізуге болады. Олар: **басып, бастырмалап, байлап, жапсырып, жамап, жөрмеп, жарыстыра, түртіп, түптеп, тартып, тізіп, торлап, сырып, шалып, шалмалап, шекіп, шандып, шимайлап, іліп, ілгілеп** т.б. тігудің түрлерін тізе беруге болады. Алайда бұл тігудің тәсілдері мен әдістерін кеңінен қолдана отырып, хас шеберлердің қолынан шыққан дүниелердің әсемдігіне еріксіз көз тоқтатасың. Мысалы, кесте тігу өнерінде де торлап тігу, маржандап тігу, айырғы сақ, ұршық, үйсін өнерінде кесте тігу осы тәсілдер кеңінен қолданғандығы белгілі.

Кесте тігу – тұтастай бастыра әшекейлеу үшін: **шалыс тігу, жатық тігу, термелеп тігу, бастыра тігу** т.б тәсілдері бар. Кесте өзінің тігілуіне қарай біз кесте, баспа жылтыр, тамбурлы кесте, албыр кесте (екі изді), кебене ине т.б. түрлерін атауға болады. Біз кестені шым кесте, немесе әрәдік кесте деп те атайды. [Кенжебай, 2011, 551].

Сиса – мақта-матадан жасалған жұқа матаның түрі. Оның бояуы бір текті болып келеді. Матаның түсіне қарай ақ сиса, қызыл сиса, көк сиса деп те аталады.

Қыжым – кейде плюш мата деп аталатын қымбат матаның түрі. Қыжымнан әйелдерге де, ерлерге де шапан, желет тігіледі.

Қатипа – қатты, төзімді матаданың түрі. Қатипадан қазақ шеберлері көбіне әйелдер киетін ішектің сыртын қаптаған. Одан күпі, шапан секілді киімдер де тігіледі. Бұл мата төзімді, әрі ұзақ киілетін болғандықтан қыз балаға да өмірдегі кездесетін қиындықтарға төтеп бере алатындай мықты болсын деген ниетпен «Қатипа» деп ат қоятыны да сондықтан болса керек. Мұндай қатты матадан түрлі заттарға қап, қаттама т.б. заттар тігіледі. Мысалы, Махамбет:

Орай да борай қар жауса,
Қалыңға боран борар ма,
Қапталдай соққан боранда
Қаптама киген тоңар ма,

– деген өлең жолдарында кездесетін **қаттама (қаптама)** – қатты матадан астарына жүн, қыл немесе мақта сырылып тігілетін жауынгерлер киген жеңіл киім. Жеңсіз, қысқа немесе ұзын жеңді, жағасыз етіп те тігетін сырт киім. Қаттаманы кезінде жеңіл қаруланған жауынгерлер киген [Қасиманов, 1969, 57].

Қатардағы қазақ жауынгерлері қаттаманы XIX ғасырда киген. Ол жылы әрі жеңіл, жүріп-тұруға ыңғайлы. Көшпенділердің жауынгерлерін осы сауыт түрімен бейнелейтін өнер туындылары жиі кездеседі. Қазір де жастар арасында сәнге айналған жеңіл матадан тігілген сырт киімді «жеңіл польто», «жаздық польто» дегеннен гөрі «қаптама» деп атауға әбден келеді.

Қаттама кежім – жауынгерлердің аттарына кигізетін жұмсақ сауыт. Матадан бірнеше қабатталып, астарына жүн, қыл, мақта салынып, сырылып тігіледі. Көшпенділердің жауынгерлерін осы сауыт түрімен бейнеленген өнер туындыларын сурет өнерінде жиі кездестіреміз. Тасқа басылған ескерткіштерде, шығыс бейнелеу өнерінде де осындай ат сауыттарымен жарақтанған түркі-маңғол жауынгерлері жиі бейнеленгенін де айқын байқауға болады Кейінгі кездері ат баптаушы бапкерлер де

ат қатты терлеген кезде суықтап тер қатып қалмау үшін немесе буын-буынына жем түспеу үшін **қаттама кежімді** қолданып жүр.

«Біз кестені» тігу үшін дөңгелек, төртбұрышты керме ағашқа түрлі ою-өрнекпен бедерленген матаны керіп алып, сол салынған өрнекті қармақты бізбен өткермелеп шалу арқылы тігіледі. Ал, шым кесте (шымқай кесте) тігілетін матаның ашық жерін қалдырмай, не болмаса, ашық орамды аз ғана қалдырып, тұтас әртүрлі жіппен тұтас кестелене тігіледі.

«Әрәдік кесте» – көбіне матаның бұрыш-бұрышына тігілетін түрі. “Әрәдік кесте” көбіне тақияға, шалбардың балағына, сырт киімнің өңірі мен жаға, жеңіне, кең қоныш етіктің бұрыштарына тігіледі. Қазіргі заманда ұлттық өрнекпен кестелеп киім-кешекке бедер түсіре тігу сирек те болса қолданылады. Көбіне біздің заманымызда техниканың жетілуіне орай, кестені тігін машинкасымен тігу дәстүрге айналып бара жатыр. Бұл біздің қолөнеріміздің дамуына бірқатар кедергісін де тигізетінін де назардан тыс қалдырмауымыз керек. Қазір Республикамызда Алматыдағы «Тұс киіз», Тараздағы «Өнертану», Өскемендегі «Өрнек» сынды қазақ халқының кесте өнерін кеңінен қолданатын фабрикалар жұмыс істеп, ұлттық дәстүрді қайта жаңғыртып, халқымыздың мақтанышына айналуда. Бұл күнде осы фабрика өнімдері дүниежүзілік көрмелерде жүлделі орындарға ие болып, халқымыздың өнерін паш етуде.

Қазақ халқы тіліміздегі бірде-бір сөзді орынсыз қолданбаған. Ұлы Абайдың «Қыс» атты өлеңінде кездесетін «ұшпа бөрік», «шидем» мен «тон» сияқты киім атаулары бұл күндері ұмыт бола бастады десек артық айтпаған болар едік [Кенжебай, 2011, 45].

«Өнерлінің қолы алтын, Өлеңшінің сөз алтын», – демекші ісмерлік өнерде де киюге ыңғайлы әрі көрікті заттарды тігу үшін түрлі маталар мен теріні, шашақ жіптер мен күміс түймелерді үйлестіріп, сән-салтанатын арттыра түсу үшін сол заттарды қолданған. Айталық, әйелдерге немесе ерлерге арналып тігілетін киімдер талғамға негізделініп, түрлі маталар таңдалынып алынады. Матаны таңдаудың өзі де үлкен шеберлікті қажет етеді. Біріншіден, матаның түсі, оған салынатын өрнек өте үйлесімді, әрі көңілге қонымды болуы қажет. Көпшілікке таныс барқыт, қыжым, масаты сияқты қымбат маталардың өздерін таңдап алу үшін үлкен шеберлік пен талғам керек. Сиса, қыжым, қатипа сынды халыққа кеңінен таныс маталар көпшілікке өте таныс. Халық шеберлері түрлі жіптерді байлаудың да көптеген тәсілдерін білген. Мысалы**, шалып байлау** - өте мықты байланатын әрі оңай шешілетін байлаудың бірі. Сондай-ақ үшмамыштап байлау, ілмектеп (ілгектеп*)* байлауды да хас шеберлер белгілі бір заттың ұшын шешуге оңай болсын деп кең түрде қолданылады. **Томағалап** немесе ***шандып*** т.б. байлау тәсілдерін қазақтың ісмерлік өнерінен басқа да шаруашылықтың барлық түрлерінде мал байлау үшін, құсбегілік өнерде де кеңінен қолданып жүр.

Ойымызды қортындылай келе, тілдік қорымызда кеңінен қолданып жүрген көптеген сөздер қазақ халқының тұрмыс-тірішілігімен тығыз байланысты. Хас шеберлердің қолынан шыққан әсем бұйымдарға қызығып қана қарамай, тілдік қорымызда қолданып жүрген сөздерді жиып, бір жүйеге түсіру тілші қауым мен сөз өнерін білетін, тілді қадірлейтін көпшіліктің ісі деп білеміз. Киім тігу мен оны өрнектеуде тек аса ісмерлікті ғана пайдаланып қана қоймай, сол киім кімге арналып тігілді, лауазымы, руы, қызметі т.б. әлеуметтік жақтарын сипаттауда да шебер өз қолтаңбасы арқылы байқатып отырған. Ұлтымыз өссін, өнсін десек, өз өнерімізді ұрпаққа үйретіп, оны көздің қарашығындай сақтай білуіміз керек.

Ұлттық құндылықтарымыз қазақ мәдениетінің негізгі қайнар көздері екені мәлім. Ендеше, ғасырлар бойы жалғасын тауып келе жатқан көшпенді қазақ халқының өркениеті мен мәдениетінен үйренеріміз ұшан теңіз. Бабалар қалдырған мұраларды Қазақтың әрбір айтқан сөзі мен өнегелі ісін даналық деп бағалау, әрине аздық етеді. Дәстүр мен дін біте қайнасқан тәрбие үйлесімділік тапқанда ғана, белгілі нәтижелерге қол жеткізе аламыз. Сондықтан да ұлтымыздың күйін ұғып, әнін тыңдасақ, шеберлігін шыңдасақ – ұлттық құндылығымызды жаңғырта түсеріміз анық. Осындай ұлттық байлығымыз жан-жақты жалғасын тауып, бірін-бірі толықтырған кезде ғана біз мәдениетіміз бен өнерімізді жаңғырта аламыз.

Әдебиет

Дереккөз: https://e-history.kz/kz/news/show/2186/e-history.kz

Кенжебай М. Ана тілі. 3 ақпан, 2011 ж.

Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. Алматы: ДПС, 2011.

Қасиманов С. Қазақ халқының қол өнері. Алматы,1969. 120 б.

Өтемісұлы М. Жыр семсер. Алматы, 1979. 150 б.

© Шота К. Н., Косназарова С. Д., 2022

УДК *811.161.1*

Штукарева Е.Б., Россия, г. Москва
НИТУ МИСиС, РГСУ, доцент
Чушникова Н.В., Россия, г. Саранск
ЦОК "Перспектива", методист

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ ГЛАГОЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ СУБЪЕКТА В ПРОСТРАНСТВЕ

(на материале русских говоров на территории Мордовии)

В статье представлена характеристика синонимических отношений в лексико-семантической группе глаголов, обозначающих перемещение субъекта в пространстве, бытующих в русских говорах на территории Мордовии. Группа представлена глаголами со значениями ‘идти’, ‘ехать’, ‘падать’, ‘нырнуть’, ‘сесть’, ‘лезть’ и отличается разнообразием и большим количеством дублетов и экспрессивных синонимов.

Ключевые слова: *русский язык, диалектная лексика, глагол, лексико-семантическая группа, перемещение в пространстве, глагоды движения.*

Shtukareva E. B., Russia, Moscow
National University of Science and Technology MISIS, Russian State Social University, Associate Professor
Chushnikova N. V., Russia, Saransk
State Budgetary Institution of the Republic of Mordovia Quality Assessment Center "Perspektiva", Methodist

SYNONYMIC RELATIONS IN THE LEXICAL-SEMANTIC GROUP OF VERBS WITH MEANING SUBJECT MOVEMENT IN SPACE (by the material of russian dialects on the territory of Mordovia)

The article presents the characteristics of synonymic relations in the lexical-semantic group of verbs denoting the movement of the subject in space, which exist in Russian dialects on the territory of Mordovia. The group is represented by verbs with the meanings 'go', 'fall', 'dive', 'sit down', ‘climb’ and is distinguished by its diversity and a large number of doublets and expressive synonyms.

Keywords: *Russian language, dialect vocabulary, verb, lexical-semantic group, movement in space, verbs of motion.*

Системным отношениям в лексике русских говоров Мордовии посвящены работы Л.Н. Денисовой, Н.И. Ершовой, Ф.В. Карауловой, Т.И. Мочаловой и других авторов. Объектами внимания становилась как лексика отдельных регионов, так и лексика определенных лексических групп: глаголы звучания [Денисова, 2011], императивных глаголов [Прокаева, 2014], лексика растительного мира [Сывороткин, 1996], наименования еды [Хозяйкина, 2020] и др. Изучение уходящих в прошлое диалектов продолжает быть актуальным, так как дает обширный материал о жизни народа, его быте, культуре, психологии, позволяет лингвистам «найти в них множество фактов и сведений, позволяющих полнее восстановить процесс исторического развития языка, точнее определить закономерности этого развития» [Блинова, 1973, 142].

Исследование системных отношений лексики строится на основе группировки лексического материала в различные объединения. В зависимости от задач, стоящих перед исследователями, и характера описания лексических единиц их объединяют в гиперо-гипонимические, тематические, лексико-семантические, ономасиологические, предметные, функциональные группы, лексико-семантические классы условной эквивалентности, лексико-семантические поля и др. [Штукарева, 2009, 90].

Группа глаголов, объединенных семой ‘перемещение субъекта в пространстве’, представляет собой лексико-семантическую группу, что соответствует определению данного термина, предложенному Л.А. Новиковым: лексико-семантическая группа – это «элементарное семантическое микрополе, представляющее собою относительно замкнутый ряд лексических единиц одной и той же части речи, объединенных общей семой [Новиков, 1987, 73]

Источником лингвистического материала послужил «Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия».

Данная группа включает в себя ряд слов со следующими обобщенными значениями: ‘идти’, ‘ехать’, ‘падать’, ‘нырнуть’, ‘сесть’, ‘лезть’. Самым многочисленным является ряд глаголов со значениями ‘идти’ (*вадить, галдырять, дерануть, додрыгать, догалдырять, доколюхать, доскрыпытать, слямать, схапливаться, схмыздать* и др.) и ‘ехать’ (*ввернуться, пришпорить, подобрать, прикатнуть, разбрасываться, сбиться, старнуть, мыкаться, понять* и др.). В их числе есть синонимы, распространенные практически на всей территории Мордовии (*потулить, идтить, полозить*), и единичные синонимы, встречающиеся лишь в отдаленных районах (*погалдырять* – в Темниковском районе, *подыльгать* – в Ардатовском районе.

В некоторых словах совмещены семы ‘ходить’ и ‘ездить’, например: *мыкаться, понять*.

Среди абсолютных синонимов, не имеющих ни семантических, ни стилистических различий, наибольшее количество глаголов-дублетов со значением ‘начать движение, отправиться’: *потулить/*

потылить, плынуть, полёмжить, полозить, полупить, постебать, постегать, постребать, построчить, потрухать, потыкаться, пощепать, приудариться, потяпать, пойтить, поколюхать, полёпать, политься, полобызать, полосманить, помыкаться, постелиться, потёкать, потрунить, потрястись, похтить, пошеболить, пошмонать.

В говорах бытуют и отдельные пары дублетов: *пришпорить* и *прикатнуть* ‘быстро приехать’, *сбиться* и *старнуть* ‘уехать’.

В анализируемой лексико-семантической группе слов также встречаются относительные, или семантические, синонимы, различающиеся оттенками значения. Например: *курнуть – прикукориться - присусендиваться - раскорениться - расчетвериться – седать* с общим значением ‘сесть’. Доминантой ряда является слово *седать*, оно лишено экспрессии и общеупотребительно в говорах на всей территории Мордовии. *Курнуть* обозначает неполноту действия – ‘присесть’; *прикукориться* - сидеть определенным образом, ‘поджав под себя ноги’: *Я малинькъ-тъ на лавъчьки прикукорюсь рядъм з бабушкъй дъ слушъю, а анна сё расказыват* (Чамзинский район); *присусендиваться* указывает на то, что рядом должен кто-то находиться, т.е. ‘сидеть рядом с кем-то или с чем-то’: *Пошто ешчо ко мне присусендивъсся, я сама чуть на краишки сижу* (Ардатовский район); *разрогатиться* употребляется для обозначения неудобного, неуклюжего положения: *Ну што ръзрагатились тут, прайти нильзя* (Инсарский район). Слова *раскорениться* и *расчетвериться* являются синонимами-дублетами, указывают на количество места, которое занимает сидящий, ‘усевшись, занять много места’: *Вот ты тут ръскъринишси, другим местъ ни хватит* (Инсарский район*); Ну што ты тут ръсчытвертилъсь, двиньси-къ* (Ичалковский район).

Семантические различия наблюдаем и в паре *лезовать* ‘взбираться, подниматься’ и *кляпиться* ‘совершать попытку взобраться’: *Сидел бы уш, нечъвъ кляпищъ-тъ, сё ровно ни залезиш* (Старошайговский район).

В говорах Мордовии широко представлены эмоционально-экспрессивные или экспрессивно-стилистические синонимы. Например, в подгруппе ‘падать’*: дербулызнуться/ербулызнуться – забунеть*. В группе ‘идти’: *подряпать – полёмжить – потрястись – пошмонять – пошеболить.* В группе ‘ехать’ единственное – *придуть.*

Лексико-семантическая группа глаголов, обозначающих перемещение субъекта в пространстве и функционирующих в русских говорах Мордовии, характеризуется большим разнообразием, особенно в качестве наименований глаголов движения ‘идти’ и ‘ездить’. Она представлена наибольшим количеством дублетов и экспрессивных синонимов, что связано с ее особым местом в смысловой стороне языка, языковой картине мира любого народа.

Литература

Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973. 257 с.

Денисова Л. Н. Взаимодействие диалектных глаголов звучания с другими семантическими классами (на материале русских говоров Мордовии) // Славянская диалектная лексикография. Материалы конференции. Институт лингвистических исследований РАН. 2011. С. 29–30.

Новиков Л. А. Современный русский язык. Лексикология. 1987. 160 с.

Прокаева Е. П. Классификация эрзянских говоров Дубёнского района республики Мордовия // Современные тенденции в образовании и науке. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. 2014. С. 108–109.

Сывороткин М. М. Лексика растительного мира в русских говорах Мордовии. Вестник Мордовского университета. 1996. № 3. С. 16–19.

Штукарева Е. Б. О соотношении терминов лексико-семантическое поле – лексико-семантическая группа – тематическая группа в лингвистической литературе // Вопросы филологических наук. 2009. № 4. С. 90–93.

© Штукарева Е. Б., Чушникова Н. В., 2022

УДК *811.512.122*

Шуленбаев Н. К., Казахстан, Алматы
Институт языкознания им. А. Байтурсынова, с.н.с.
Ескендир Ж. Е., Казахстан, Алматы
Институт языкознания им. А. Байтурсынова, старший лаборант

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ

Термины – это ветвь литературного языка. Только в хорошо развитом литературном языке создаются отраслевые термины, которые становятся одной из опор литературного языка. С первых дней обретения нашей независимости и становления государственности уделяется значительное внимание вопросам терминологии. Многие ключевые термины получили мелодические и понятийные варианты, соответствующие словообразовательным принципам языка, вошли в нашу языковую систему, стали употребляться в средствах массовой информации, в документах, в повседневной разговорной речи. Однако следует отметить, что в некоторых случаях предложенные термины были опущены, и в обиход вошли искусственные, суеверные слова. Сегодня важно изучать язык науки и техники не только как проявление общественного сознания, но и как его важнейший языковой инструмент. С этой точки зрения терминологическая работа требует особой напряженности и внимательности. Эта работа включает в себя унификацию, упорядочение и стандартизацию терминов казахского языка в периодических изданиях, рекламе, отраслевых словарях. Анализ качества вновь создаваемых отраслевых терминов в казахском языке, изучение особенностей и трудностей терминологии, совершенствование ее языковой базы способствуют развитию языка, повышению языковой культуры народа.

Ключевые слова: *термин, терминообразование, Терминком, принципы терминообразования, эквивалент термина, унификация.*

Shulenbaev N.K., Kazakhstan, Almaty
A. Baitursynov Institute of Linguistics, Senior Researcher
Yesskendir Zh. E., Kazakhstan, Almaty
A. Baitursynov Institute of Linguistics, Senior laboratory assistant

PROBLEMS OF TRANSLATION OF TERMS

Terms are a branch of the literary language. It is only in a well-developed literary language that industry terms are created, which become one of the pillars of this literary language. Since the first days of our independence and the formation of statehood, considerable attention has been paid to terminology issues. Many key terms received melodic and conceptual variants corresponding to the word-formation principles of the language, entered our language vocabulary, began to be used in the media, in documents, in everyday colloquial speech. However, it should be noted that in some cases such words were omitted, and even artificial, superstitious words came into use. Today it is important to study the language of science and technology not only as a manifestation of public consciousness, but also as its most important language tool. From this point of view, terminological work requires special tension and attentiveness. This work includes the unification, ordering and standardization of Kazakh language terms in periodicals, advertising, and industry dictionaries. Analyzing the quality of newly created, rapidly developing new, industry terms in the Kazakh language, studying the peculiarities and difficulties of terminology, improving its language base contributes to the development of the language, improving the language culture of the people.

Keywords: *term, term formation, Termcom, principles of term formation, term equivalent, unification.*

ТЕРМИНДЕРДІ АУДАРУ ПРОБЛЕМАЛАРЫ

Терминдер әдеби тілдің бір тармағы іспеттес. Әдеби тіл жақсы дамыған тілде ғана салалық терминдер жасалып, сол әдеби тілдің бір тірегіне айналады. Мемлекеттік тіл қоғам өмірінің барлық саласында жаппай қолданысқа ие болғанда, оны мемлекет азаматтарының барлығы дерлік тұтынғанда ғана дамитыны белгілі. Ол үшін мемлекеттік тілді қолдану жолында батыл шешімдер жасау қажет, керек болса заң шығаруға да болады.

Тіліміз ғылым тіліне айналу үшін ұлттық терминологиямыз қарыштап дамуы қажет. Әдетте тіл мен ғылым – егіз ұғым. Қазақстан ғылымын дамытамыз десек, алдымен мемлекеттік тілді – қазақ тілін дамыту керек. Тәуелсіздігімізді алып, ел бола бастаған тұста терминжасам мәселесі де заман көшіне қат-қабат ілесе жүрді. Ғылым мен техникаға байланысты сөздердің ыңғайға көнетіндеріне төл тіліміздің сөзнұсқалар тауып алу ісі жолға қойыла бастады. Ол үшін тіліміздің барлық мүмкіндіктерін сарқа пайдалану, ана тіліміздің сөзжасамдық, лексикалық қабаттарын ұтымды іске қосу тетіктері байқала бастады. Көптеген кірме терминдерге тілдің сөзжасамдық қағидаттарына сай келетін әуезді де ұғымды нұсқалар алынып, тілдік сөздік қорымыздан орын алды, бұқаралық ақпарат құралдарында, іс қағаздарында, күнделікті ауызекі тілде қолданыс тапты. Алайда, кейбір жағдайда мұндай сөздеріміз қалыс қалып, жасанды, атүсті жасалған сөздер де қолданысқа еніп кеткенін жасырмау керек.

Бүгінгі таңда ғылым мен техника тілін қоғамдық сананың көрінісі ғана емес, оның аса маңызды тіл құралы ретінде зерттеу өзекті болып отыр. Осы тұрғыдан алғанда, терминолгиялық жұмыстарды жүргізу ерекше қарқынды, ұқыптылықты қажет етеді. Ол жұмыстарға мерзімді баспасөз беттеріндегі, жарнамалардағы, салалық сөздіктердегі қазақ тіліндегі терминдерді біріздендіру, реттеу, стандарттау ісі де жатады. Қазақ тіліндегі жаңадан жасалып жатқан, қарқынды дамып отырған жаңа, салалық терминдердің сапасын талдау, терминжасам ерекшеліктері мен қиындықтарын зерттеу, оның

тілтанымдық негіздерін жетілдіру халқымыздың тілін дамытуға, оның тілтанымдық мәдениетін арттыруға ықпал етеді.

Терминжасамдағы басты принциптер мыналар болу керек:

1. Терминжасам барысында ұстанатын ең басты принцип – «тілдің ішкі мүмкіндігін сарқа пайдалану». Бұл принцип бойынша кірме сөздерге тіліміздің төл балама ұсынамыз, яғни сөзерді қазақшаға аударып береміз. Ол былай жүзеге асады:

а) Кірме сөзге тілден жаңа балама төлсөз жасаймыз (*айтылым, жасалым, көптесім, мәндесім, қарсыласым, аттасым, әдістеме, буынтаным*).

ә) Бұрынғы көнерген сөздерге жаңа мағына беру, яғни сөздерді терминдендіру (лексика-семантикалық тәсіл) арқылы жасалған терминдер. Мысалы: *құжат, құн, жасақ, берен, гүрзі, балтанайза, сауыт, айдауыл, жасауыл, кежеуіл, оқшантай, қамақ, торуыл, кіреуке, оқжатар, желкөз т.б.* Мұны сөзжасамда кейде «сөз мағынасын кеңейту» деп те атайды.

б) Морфологиялық (синтетикалық), яғни, сөздерге жұрнақ жалғау тәсілі арқылы жасалған термин сөздер: *айқындама, балама, жөнелтім, шегерім, болжам, шағым, белгіленім, жасанды, сығынды, бірлестік, кедейлік, қатыгездік, рақымшылық, даурықпаз, сәнқой, әуесқой, кәсіпқой, өткізгіш, талдағыш, азайғыш, азайтқыш, салымшы, көрермен, оқырман, оралман, тыңдарман*, *ажырату, жаңғырту, құлдырау, үйлестіру, ажырату, тұспалдау, талдау, сұрыптау, рұқсатнама*, *дәмхана*, *перзентхана, қабылхана,* т.б.

в) Аналитикалық (синтаксистік), яғни, сөздерді біріктіру, қосарлау, тіркестіру арқылы терминжасау. а) біріктіру арқылы: *автобекет, автоқалам, агрожәрдем, бағдаршам, балабақша, қаламақы, құқықтану, дыбыстаңба, мекенжай, жарқабақ, жарқағаз, жертөле, күнтізбе, оқжатар, демеуқаржы, есепшот, зейнетақы, қолдаухат, пікірсайыс, сусабын т.б.* ә) сөздерді қосарлау арқылы: *айла-шарғы, қуғын-сүргін.* б) сөздерді тіркестіру арқылы: *азаматтық тұлға, атаулы көмек, біржолғы жәрдем, еншілес кәсіпорын, жасанды тіл, жылжымайтын мүлік, зайырлы қоғам, қосалқы бөлшек, құжат айналымы, құрылымдық бөлімше, үстеме жұмыс, үлгі жоба т.б.*

г) калька жолымен, яғни сөзбе-сөз аудару арқылы сөз жасау*: жарылыс (взрыв), шөгінді (осадки), ілмек (крюк), талдау (анализ), түйісу (контакт), араластыру (смещение), қабат (слой), қатпар (складка), дабыл (сигнал),* т.б.

2. Өз тіліміздің сөз алуға мүмкіндік болмай жатқан сәтте туыстас, түбі бір түркі халықтары тілінен сөз алмасу *(учак – ұшақ, хавалан – әуежай).* Кезінде Мәдениет министрі М. Құлмұхаммед Түрік еліне барғанда сол елдің министріне қалжыңдап: «Біз сіздерден, түрік ағайындардан, *ұшақ* сөзін алдық, ал сіздер бізден *тікұшақ* сөзін алыңыздар» деген екен. Сол себепті туыс түркі елдерінен қазақ тілінің сөзжасам ерекшелігіне қайшы келмейтін, сәтті жасалған әуезді, үндесімді де үйлесімді сөздерін алудың ерсілігі жоқ.

3. Халықаралық, орыс және славян тілдерінен енген терминдерді мүмкіндігінше аудару, аударуға келмейтіндерін қазақ тілінің фономорфологиялық ерекшеліктеріне икемдеп, яғни дыбыс үндесімі мен үйлесіміне сәйкестендіру. Мысалы, *әртіс*, *зауыт*, *режім*, *тыйатыр, іспектәкіл, кәнсерт, мәгістір, медәл, реліс, семент, пойыз, сиез, ыспорт т.б.*

4. Салалық күрделі терминдер мен атауларды қазақ тілінің өз негізінде алғашқы әріптері мен буындары бойынша қысқартып пайдалануды заңдастыру. Мысалы, *ұжымшар, кеңшар, ЖШС, АҚ* т.б.

5. Аударуға келмейтін, ұлт тілінде баламасы жоқ, бүкіл әлемге жалпы дүниежүзінің бірнеше тіліне ортақ халықаралық терминдерді аудармай алу (*музей, архив, композитор, пианино*).

Ұсынылатын терминдер өміршеңдігіне ешкім жорамал жасай алмайды, күні ертең-ақ еніп, халыққа сіңісіп кетеді деуден аулақпыз. Мәселе – сапалы терминдерді терминаланға жинап, қалың бұқараға жариялай беру. Мысалы, *шаңғы* деген сөзді алайық. Оның этимологиясы қандай, оны кім ұсынды, негізінде «шаң» түбіріне «-ғы» қосымшасы жалғану арқылы жасалған ба, ол жағы – беймәлім, бірақ халық әлдеқашан қабылдап, сіңісіп кеткен сөз. Мысалы, осы сөздің *(шаңғы)* жасалу тәсілімен *сырғы (коньки)* сөзі ұсынылған еді. Бұл термин құралдың қызметіне қарай жасалған термин деуге келеді.

Тілдік қабілет пен тілдік тұлға психолингвистикада ең маңызды мәселе болып табылады. Айтар ойын әдеби тілде түсінікті, анық та айқын, дұрыс жеткізе білу әркімнің қолынан келе бермейтіні белгілі.

Сөздің түсінікті болуы, дұрыс қолданылуы, тыңдаушысына ұғынықты жетуі үшін ұлт ұстазы А.Байтұрсынов былай дейді: «Сөздің дұрыс айтылуы деп әр сөздің, әр сөйлемнің дұрыс күйінде жұмсалуы айтылады. Олай болуы үшін:

– сөздердің тұлғасын, мағынасын өзгертетін түрлі жұрнақ, жалғау, жалғаулық сияқты нәрселерді жақсы біліп, әрқайсысын өз орнына тұтыну;

– сөйлем ішіндегі сөзді дұрыс септеп, дұрыс көптеп, дұрыс ымыраластыру;

– сөздерді бір-біріне дұрыс орайластырып, дұрыс құрмаластырып, дұрыс орналастыру қажет» [Байтұрсынов, 1999, 350–353].

Түрлі ғылым салаларындағы терминжасам ісіндегі сабақтастықты көрсеткен белгілі заманауи терминолог-ғалым Ш.Құрманбайұлы бұны «үзіліп қалған ұлттық терминжасам дәстүрінің араға 60-70 жыл салып барып қайта жалғасын табуы деп бағалаған дұрыс болар» деген еді [Құрманбайұлы, 2006, 42].

Белгілі фонетист-ғалым Әлімхан Жүнісбек еңбектерінде терминжасам тәсілі жалғасын тапты. Ә.Жүнісбек үндесім теориясының ұғымдары және сол ұғым-түсінік атауларын қалыптастыру ісінде де ұлттық терминжасам дәстүріндегі пәнсөздер жүйесін қолданысқа енгізді. «*Үндесім дыбыс, үндесім буын, үндесім сөз* ұғымдары мен оларға тән жалпы фонетикада жоқ атаулар құрамы жинақталды» [Жүнісбек, 2009, 4].

Кейінгі жылдары аударылған немесе жасалынған терминдердің көпшілігі тілімізге сіңісіп кетті, ал кейбірі жалпы қолданысқа түсе алмады. Оның себебі – ондай терминдер термин жасау заңдылықтарына, табиғатына жауап бере алмайтын жасанды терминдер еді. Кейінгі кезде бұрынғы, кейбір терминдердің халықаралық атауын қайта қайтару жайы сөз болуда. Ол мәлімет бойынша, Терминком *фонтан, фортепиано, хирург, композитор, балкон* ретінде бекіткен терминдердің халық арасында, тиісінше, *субұрқақ (бұрқақ, шаптырма), күйсандық, оташы, сазгер, қылтима* болып қолданылып жүргені сөз болады. Бұл типтегі сөздер енді қайта қаралады делінген. Бұрын қазақ тіліне *мұрағат, мұражай, мәселе, үдеріс, апат* болып аударылған *архив, музей, проблема, процесс, авария* сөздеріне бұрынғы халықаралық атуы қайта қайтарылып бекітілді. Сонымен қатар, Терминком бекіткен, мысалы, *ұйық (носки), компас (құбылнама), көзек (глазок), салпыншақ (брелок), тәсім (схема)* сынды көптеген атаулар халық арасында қолданыс таппағаны, оларды қайта қарастыру қажеттігі айтылған. Сондай-ақ, *әнұран (гимн), пайыз (процент), иегер (лауреат)* сөздерінің де қайта талқыланатыны хабарланған. Сонымен, тәуелсіздік жылдары қазақ тіліне аударылған біршама сөздерге халықаралық атауы қайта берілетін болады. Бұдан терминжасамда кезінде науқаншылыққа, асығыстыққа жол берілгіндігі байқалады.

Тілдік қатынас жазбаша және ауызша жүзеге асатыны белгілі. Ұстаз-профессор С.Мырзабек 2001 жылғы «Қазақ тілінің айтылым сөздігінде» орфоэпия мен орфографияны: «Қазақтың өз сөзімен *орфоэпияны – айтылым, орфографияны – жазылым* түрде қалыптастырған жөн», – деген еді [Мырзабектен, 2004, 3].

Шығармада адамның көңіл-күй, сезім әсерлерін тілдік көркем құралдармен беруді тіл білімінде *экспрессия* және *экпрессоид* терминімен береді. Академик Р.Сыздықова *экспрессоид* терминін *әсерсөз* деген атаумен атайды [Сыздықова, Сарыбаев, 1995, 32].

Т.Сайранбаев «опрошение» терминін қазақ тілінде «ауысу» деп алу орынды боларын сөз етеді [Сайрамбаев, 1991, 151]. Ғалымның пікірінше, қазақ тіл білімінде ауысу процесі зерттеуді қажет етеді. Синтаксистік ауысудың сөз тіркесінде де, жай сөйлемде де бола беретінін ғалым алғаш көрсете білді.

Ғылыми атақтарды біріздендіру жайында ғалым М.Серғалиев: ... баспасөз беттерінде «педагогика ғылымдарының докторы», «психология ғылымдарының кандидаты» деу қазақ тілінің заңдылықтарын сақтамағандық болады. Бірде автордың дәрежесі «педагогикалық ғылымның докторы» деп те жазылды. Қазақ тілінде көптік мағынаны сөздің жекеше тұрған күйімен де беруге болады. Сондықтан педагогика ғылымы (ғылымдары емес) академиясы», «психология ғылымының (ғылымдары емес) докторы» түріндегі атауларды қалыптастырған мақұл», – дейді [Серғалиев, 1990, 56].

Әдетте жалпы ғылым тілінде Терминком бекіткен терминдер қолданысқа түсуі керек. Алайда үнемі солай бола бермейді. Түрлі сөздіктерде және мерзімді баспасөз (газет, журнал) беттерінде бекітілген терминнің орнына әркім ұсынған терминдер жарыспалы беріліп отырады.

Публицистика, публицист сөздерін Терминком *публицистика, публицист* деп бекітсе де тиісінше «публицистика» сөзін *публицистика*, *беренсөз*, *замансөз*, *қоғамсөз*, *көсемсөз, мәндісөз, «*публицист» сөзін *көсемсөзші*, *айтушы* ретінде аудару үрдісі бар. ӘТҚОҚС-та «публицистика», «публицист» сөздері *публицистика, публицист* түрінде, ҚООҚТС-та публицистика-*публицистика,* публицист-*публицист, көсемсөзші* ретінде берілген. Ал осы сөздер қатысқан сөз тіркестері әртүрлі аударылған, яғни сөздерді беруде бірізділік сақталмаған. Мысалы, *публицистика информационная-ақпараттық көсемсөз*, *публицистика художественная-көркем көсемсөз*, *публицистический рассказ-публицистикалық әңгіме*, *публицистическая повесть-публистикалық хикаят*, т.б. Газеттерде «публичная речь», «устная публицистика» сөздері тиісінше *шаршысөз, шешенсөз (ауызша публицистика)* түрінде берілген.

«Принцип» сөзі *қағидат* болып бекітілген еді. Алайда *қағидат*, *принцип, қағида, ұстаным*, сөздері де жарыса қолданылып жүр. «Методика» сөзі *әдістеме* түрінде бекітілсе де оны кейде әдіснама деп аударып жүрміз. «Альтернатива» сөзін *балама* және *баламасөз* түрінде қолдану бар. «Абстрактный» сөзін кейде *абстракты (абстракты лексика)*, бірде *бейдерек* тұлғасында қолданамыз. «Мемуар» сөзі *ғұмырнама* болып бекітілген. Бұл сөзді *естелікнама* деп қолдану да бар. «Эпопея» сөзі *эпопея* нұсқасында бекітілген. Оны *дәуірнама* баламасында қолдану кездеседі. «Источник» сөзін *көз, дереккөз, дерекнама, қайнаркөз* сөздерімен береміз. «Архетип» сөзін *архетип, түпкітек*, «прототип» сөзін *прототип, түптұлға*, *түптүр* нұсқада аударамыз. «Обращение» сөзін

үнқату, «диалог» сөзін *диалог, үнқатысу* ретінде аудару бар. ҚООҚТС-та «обращение» сөзіне *қаратпа сөз* нұсқасы беріліпті, ал диалог - *диалог*.

«Проза» сөзін бірде *қарасөз,* бірде *проза* түрінде береміз. «Коммуникация» – *коммуникация, қатысым*. Сөздіктерде «правила» сөзін *тәртіп, ереже, қағида* түрінде береміз. Солардың бірі – «правила» сөзінің «қағида», «положение» сөзінің «ереже» аталуы. Дұрысы – «правила» *ереже* болуы керек, ал «положениеге» *қағида* сөзі лайық. «ҚООҚТС-та «правила» сөзі негіз сөз ретінде берілмеген, тек ол қатысқан тіркестер *(*правила орфографии-*орфография ережелері,* правила общения-*тілдесім ережесі,* т.б.) берілген. Ал «положение» – *ереже*. Сонда екі сөздің де аудармасы *ереже* болып жазылған.

Қорыта айтқанда, гуманитарлық сала терминдері – қазақ әдеби тілінің бір тармағы ретінде оның ғылыми әлеуетін, барлық ерекшеліктерін жан-жақты ашып көрсететін тілдік бірліктер. Бұл сөздер арқылы басқа халықтар да біздің ұлттық дүниетанымымызбен, құндылықтарымызбен, тарихымызбен, ділімізбен, дінімізбен, етене танысады деуге болады. Сондықтан салалық терминдерді жинау, реттеу, біріздендіру мәселелері – бүгінгі күндегі ең өзекті мәселелердің бірі. Зерттеу барысында байырғы сөздердерге басымдық беріп, тілге жаңғырта енгізуіміз мүмкін болып отыр.

Өкінішке орай, пәрменді түрде жасалып жатқан жаңа терминдер мен атауларды реттеуге, біріздендіруге, оларды сөздіктерде беріп, көпшілікке жеткізуге келгенде шалағайлық танытып жатамыз. Ұқыптылық, біріздендіру, реттеу, жүйелендіру жағы кемшіл түсіп жатады.

Заманауи терминжасам үдерісінің өз ерекшеліктері, даму жолы, қағидаттары мен қиындықтары бар. Бір сөзді екінші тілге аудару барысында оның бірнеше нұсқасы пайда болады. Ол жарыспалыққа алып келеді. Оны болдырмау үшін талқыға түсер немесе жаңа қолданысқа түскен терминдерді күнделікті баспасөзден жариялап тұрған дұрыс. Олардың термин талабына нақ келетінін тауып, реттеп, біріздендіріп, жүйелеп, нормалап, тілге жолдама беру – сала мамандары мен тілшілердің бірлесе, ынтымақтаса отырып істейтін азаматтық та абыройлы борышы.

Салалық терминдер мен атауларды нақты түсініп, оларға талдау жасап отыру – бүгінгі күннің өзекті мәселесі. Терминдерді орнымен қолданып, олардың мәнін түсінгенде ғана кейбір қайшы пікірлерге, бұрмалаушылықтарға, жарыспалы терминдер жасауға ұрынбаймыз. Салалық терминдерді түсіндіру, оларды тұрақты жариялауда реттеу (упорядочение), біріздендіру (унификация) тәрізді терминологиялық жұмыстар қатар жүргізіліп отырғаны дұрыс. Мерзімді баспасөз беттерінде түрлі салаларға байланысты қазірде қолданылып жүрген терминдер мен атаулар жиі жарияланып отыруы тиіс. Халық арасында аталған сөздерді дұрыс түсіндіру жұмыстары жүргізілгені орынды. Жалпы халыққа, мамандарға ұнаған терминдер салалық мамандар мен тілші мамандардан құралған сарапшылар талқысынан өтуі тиіс. Бірнеше кезеңде талқыланған дайын терминді ғана Терминком бекітіп, оны кейіннен бұқаралық ақпарат құралдарында, мерзімді баспасөз бен әлеуметтік желілерде жариялағаны жөн.

Әдебиет

Байтұрсынов А. Тіл тағылымы. Алматы: Ана тілі, 1999. 448 б.
Жүнісбек Ә. Қазақ фонетикасы. Алматы: Арыс, 2009. 308 б.
Құрманбайұлы Ш. Терминтану». Алматы: Атлас, 2006. 116 б.
Мырзабектен С. Қазақ тілінің айтылым сөздігі. Алматы, 2001. 320 б.
Сайрамбаев Т. Сөз тіркесі мен жай сөйлем синтаксисі. Алматы: Рауан, 1991. 176 б.
Серғалиев М.С. Оқу-ағарту жұмысында қолданылатын терминдер мен мен ұғымдар жайында // Терминдер және олардың аудармалары. Алматы: Ғылым, 1990. 216 б.
Сыздықова Р.С., Сарыбаев Ш.Ш. Абайдың сөз өрнегі. Алматы: Санат, 1995. 207 б.

© Шуленбаев Н. К., Ескендир Ж. Е., 2022

УДК *811.512.141*

Экба З. Н., Россия, г. Москва
Институт языкознания РАН, н.с.
Каримова Р. Н., Россия, г. Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, н.с.

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В РАБОТАХ А.Г. БЕССОНОВА, ПОСВЯЩЕННЫХ БАШКИРСКОМУ ЯЗЫКУ

В статье проведен анализ лексических особенностей текстов памятников русского миссионера А. Г. Бессонова на башкирском языке «Букварь для башкир» (Казань, 1907) и «Первая после букваря книжка для чтения и первоначальные уроки русского языка для юго-восточных башкир» (Казань, 1907). Приводится краткий лексико-семантический анализ особенностей языка памятников, позволяющих соотнести их с современными диалектами. Подробно анализируется употребление в них лексических единиц, отличных от литературного языка, приводятся их соответствия в современных башкирских говорах и диалектах. Подчеркивается значение выявления диалектной лексики для идентификации диалектной принадлежности языка памятника.

Ключевые слова: *А. Г. Бессонов, Букварь для башкир, Книжка для чтения, памятники письменности, башкирский литературный язык, диалекты башкирского языка, диалектная лексика.*

Ekba Z. N., Russia, Moscow
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Researcher
Karimova R. N., Ufa, Russia
Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS

DIALECT VOCABULARY IN THE WORKS OF A.G. BESSONOV, DEDICATED TO THE BASHKIR LANGUAGE

Russian missionary A. G. Bessonov's texts in the Bashkir language "Primer for Bashkirs" (Kazan, 1907) and "The first book after the primer for reading and initial lessons of the Russian language for southeastern Bashkirs" (Kazan, 1907) are analyzed in the article. A brief analysis of the phonetic and morphological features of the language of monuments is given, allowing them to be attributed to modern dialects. The use of lexical units other than the literary language in them is analyzed in detail; their correspondences in modern Bashkir dialects are given. The importance of identifying dialect vocabulary for identifying the dialect belonging of the monument's language is emphasized.

Keywords: *A. G. Bessonov, a primer for Bashkirs, a book for reading, monuments of writing, Bashkir literary language, dialects of the Bashkir language, dialect vocabulary.*

В научной литературе неоднократно подчеркивалось значение первых кириллических памятников письменности для изучения истории башкирского и других тюркских языков. Доподлинно известно, что фактически, в рамках деятельности Переводческой комиссии, для многих национальных языков впервые была создана письменность на кириллице, разработаны первые буквари, словари и грамматики (см. подробнее об этом [Норманская, Каримова, Экба, 2017, 46–47]. В частности, для башкирского языка появились первые буквари и словари, а также переводы богослужебных, назидательных и учебных книг: 1893, 1894, 1896 годы — Краткий русско-башкирский словарь [ПК, 1901, 52, 54, 57], 1895 год — Башкирские пословицы [Куватов, 1895], 1897 год — Житіе св. Великомученика и целителя Пантелеимона, Литургія св. Іоанна Златоустаго — на башкирском и казахском языках [ПК, 1901, 60], 1892, 1898, 1907, 1908 годы — Букварь для башкиръ [Букварь, 1892, Букварь, 1898, Букварь, 1907, Букварь, 1908], 1899 год — Святое Евангелия от Матфея (опыт) [Святое Евангелие, 1899], О загробной жизни [ПК, 1901, 66], башкирско-русский словарь [БРС, 1899] 1902 год — Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна [Святое Евангелие, 1902], 1907 год — Первая послѣ букваря книжка для чтенія и практическіе первоначальные уроки русскаго языка для юго-восточныхъ башкировъ [Книжка, 1907].

Часть этих памятников письменности уже подробна проанализирована с точки зрения отражения в них диалектных особенностей башкирского языка: было установлено, что для большинства из них был привлечен материал нескольких диалектов. Например, в “Первой после букваря книжке для чтения для юго-восточных башкир” А. Г. Бессонов отмечает, что «башкирский язык разделился на несколько наречий (до 5-и)» и «первое изданіе сихъ книжекъ, какъ сдѣланное только на одномъ изъ сихъ наречій, именно – на нарѣчіи башкиръ юго-восточной части Орскаго уѣзда [Книжка, 1907, 55]». В.В. Катаринский в башкирско-русском словаре обращает внимание читателей на диалектные варианты некоторых лексем. Например: *аґай* «акай - агай въ Кат. волости» [БРС, 1899, 4].

Для изучения истории развития башкирского языка особый интерес представляют труды русского миссионера, языковеда и этнографа Александра Григорьевича Бессонова. Надо отметить, что А. Г. Бессонов был очень образованным для своего времени человеком, окончил в 1877 г. Казанскую духовную академию, много лет работал учителем в национальных школах Вятской губернии и в Казани, а позднее – инспектором школ и народных училищ Оренбургской губернии. Александр Григорьевич хорошо владел башкирским, казахским, татарским и удмуртским языками, бережно и уважительно относился к творческому наследию и фольклору этих народов, он много лет собирал сказки, песни, легенды, сопровождая их ценными научными комментариями. К сожалению, не все из его творческого наследия удалось сохранить.

Исследователь проявил себя как высокого уровня лингвист, методист и диалектолог, его работы стали одними из первых в плане изучения башкирского языка. В 1881 г. А. Г. Бессонов опубликовал статью «О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам», в которой достаточно подробно охарактеризовал звуковой состав, грамматический строй и лексику башкирского и татарского языков с их основными говорами. Эта работа стала своего рода первым научным анализом, в котором представлены с большой степенью точности диалектные особенности вышеуказанных языков, в особенности в области фонетики, и предпринята попытка классифицировать их диалекты и говоры. Значение данного труда для последующего развития науки в свое время было подчеркнуто классиком отечественной тюркологии А. Н. Кононовым [Кононов, 1982, 257].

Основными трудами А. Г. Бессонова, в текстах которых отражены особенности башкирского языка по состоянию на начало XX века, являются его «Букварь для башкир» (Казань, 1907), «Первая после Букваря книжка для чтения и первоначальных уроков русского языка для юго-восточных башкир» (Казань, 1907) и «Первая после Букваря книжка для чтения и первоначальных уроков русского языка для северо-восточных башкир» (Казань, 1908)[44]. Для определения диалектной принадлежности языка памятников в первую очередь были проанализированы графико-фонетические, морфологические и морфонологические специфические особенности обнаруженных из указанных работ.

Языковые данные [Букварь, 1907] подвергнуты подробному рассмотрению в работе [Три диалекта, 2019]. Основной текст Букваря написан на диалекте, который А. Г. Бессонов описывает в Послесловии как наречие «северной части зауральской Башкирии», а для некоторых форм в скобках приводит формы наречия «южной части зауральской Башкирии». На основании графико-фонетического анализа текста памятника было установлено, что основной «северный диалект» имеет определенное сходство с аргаяшским говором. «Южный диалект» по многим признакам соответствует кызыльскому говору и имеет отличия от других башкирских диалектов. С целью верификации этой гипотезы были также рассмотрены основные морфонологические и морфологические особенности Букваря, которые тоже показали наличие признаков говоров восточного диалекта башкирского языка в исследуемом памятнике: см. подробно [Три диалекта, 2019, 101–111]. В Букваре упомянут и третий, катайский диалект, который автор называет «восточным»: в заключительной части Букваря автором приводится идентичный текст сказки на трех диалектах: «северном», «южном» и «восточном» (катайском) – явно с целью показать различия трех этих наречий [Букварь, 1907, 33–35].

Продолжением Букваря стала «Первая после Азбуки книжка для чтения», объединенная в общее издание, куда включены также и «Первоначальные уроки русского языка для юго-восточных башкир» (изд. в 1907 г. в Казанской типографии). Эта работа послужила, по словам автора [Книжка, 1907, 55–56], естественным продолжением «Букваря для башкир». Подробный анализ фонетических, морфологических и морфонологических особенностей данного текста также указывает на отражение в памятнике признаков восточного диалекта: см. [Лингвистическое наследие, 2021, 1076–1088].

Не менее значимыми являются лексические особенности текстов. Отметим, что язык обоих памятников чрезвычайно богат, ему характерна образность, в тексте использованы многочисленные пословицы и поговорки. Текст Букваря достаточно разнообразен: в нем представлены упражнения для чтения по слогам, написания букв и слов, словосочетаний и предложений, а также небольшие тексты как познавательного, так и назидательного характера. Книжка для чтения состоит из довольно пространного текста назидательного характера, не имеющего названия, повествующего о необходимости почитания Бога, родителей и старших по возрасту людей [Книжка 1907, 3–12], а также шести небольших рассказов, имеющих в некотором роде философский и поучительный характер, жанр которых можно было бы обозначить как притчу: *«Ике баланын йүнәлеүе»* (Исправление двух детей), «*Аптыраган карт»* (Удивленный старик), «*Ходай йитемдәрдe таштамай»* (Бог не покидает сирот), «*Түҙемдек»* (Терпение), *«Йаман йулдаштар»* (Страшные попутчики), *«Ике йулдаш»* (Два попутчика) [Книжка, 1907, 12–18] (орфография первоисточника сохранена, перевод наш). Некоторые из текстов повторяют те, что были приведены в [Букварь, 1898, 28–34].

Несмотря на то, что лексика является наименее устойчивой частью языка, употребление специфической диалектной лексики также может свидетельствовать о принадлежности текстов определенному наречию в добавлении к графико-фонетическим и морфологическим особенностям данных памятников. Для обеих работ А.Г. Бессонова можно отметить употребление специфических диалектных лексем, характерных для восточных говоров и отличных от литературного языка. К собственно лексическим диалектизмам можно отнести следующие лексемы:

Букварь:

лапак – соотв. диал. *лапаҡ* (кыз., миас.) — лит. *яҫы таулыҡ* ‘плоскогорье’; *лапаҡ* (дем., кыз., ср., ик-сакм., ай.) — лит. *тәпәшәк, төкөр* ‘низкий, низкорослый’[ДСБЯ, 2002, 220];

улак – соотв. диал. *ураҡ* (арг.) — лит. *мөшкә* ‘насыпь’ (сооружение над жерновами мельницы, предназначенное для ссыпки зерна)’; *улаҡ* (кыз.) — соотв. лит. *тар ғына, тәрән, тоноҡ, әкрен аҡҡан һыу* ‘узкая, глубокая, бесшумно текущая речка’[ДСБЯ, 2002, 354];

[44] Текст памятника «Первая после Букваря книжка для чтения и первоначальных уроков русского языка для северо-восточных башкир» (Казань, 1908) на данный момент пока обнаружить не удалось.

уктау – соотв. диал. *уктау* (арг.) — лит. *һабан тоткаһының аҫкы өлөшө* ‘нижняя часть ручки плуга’; *уктау* (миас., ай.) – соотв. лит. *уклау* ‘скалка’ [ДСБЯ, 2002, 353];

урак – соотв. диал. *урак* (сальзигут.) — лит. *куяндың кышкы юлы* ‘зимняя тропа зайцев’; *урак (урак салғы)* (арг.) – лит. *бәкес салғы* – коса, гнутая вовнутрь [ДСБЯ, 2002, 355].

Как видно из примеров, все практически все диалектизмы, которые нам удалось обнаружить в Букваре, относятся к говорам восточного диалекта.

Книжка для чтения (т.к. в этом памятнике диалектизмы употреблены в контекстах, то приводим полные предложения с переводом для лучшего понимания значения диалектных слов):

бәйҙәм (вост. диал.) – соотв. *бәйләй торған нәмәләр* ‘вещи, преднзначенные для вязания’ [ДСБЯ, 2002, 69], здесь использовано в значении ‘вязанка дров’: “*...äгäр-ḍä рäхим итḡäҥ мин мына бер бäйḍäм утынды кӱтäрергä сакыргаиным” тип* [Книжка, 1906, 14] “...с твоего позволения, я позвал тебя помочь поднять вот эту вязанку дров”;

йаҙылыу (ср., ай.) – соотв. лит. *һауығыу* ‘выздоравливать’ [ДСБЯ, 2002, 106]. *Балам! аурган сағыҥда айылдама, Хоḍайḍан телä, ḡине йаḍалтыр* [Книжка, 1906, 6]. Дите мое! Во время болезни не жалуйся, попроси Бога, (он) тебя исцелит;

йома (кызыл., миас., ыргыз.) – соотв. лит. *аҙна* ‘неделя’ [ДСБЯ, 2002, 122]. В памятнике приводятся оба варианта этого слова: *“бер йомганан (аḍнанан) ḡуҥ килеп карарбеḍ”* [Книжка 1906, 16] “через неделю вернемся и посмотрим”;

тәкмәрләү (сев.-зап., ыргыз.) – соотв. лит. *тәкмәсләү* ‘перекуывыркаться’ [ДСБЯ, 2002, 348]. *Аныḡы ній эштäргä белмäй, ӱлгäн кеше булып тäкмäрäгäн дä йаткан* [Книжка, 1906: 17] “Тот, не зная, что делать, перекувыркнулся и лег, словно мертвый”;

улан (ток-соран, ср.) – соотв. лит. *ул* ‘сын’ [ДСБЯ, 2002, 354]; *өгөү* (ай.) – лит. *өмөтләнеү, өмөт итеү* ‘надеяться, питать надежду’ [ДСБЯ, 2002, 255]; *тәләке, тәләкә* (кызыл.) – лит. *мыҫкыл* ‘оскрбление’, *тәләкә итеү* (мыҫкыллау) ‘оскорблять’ [ДСБЯ, 2002, 348]. В памятнике все эти слова употреблены в составе одного предложения: *Ул кеше уландарын öгöттäп äйтккäн: “карт кешелäргä тäлäкä итмäгеḍ, гонаҫ була» тип* [Книжка 1906, 12]. Тот человек, питая надежду на своих сыновей, сказал: “не оскорбляйте старых людей, (это) является грехом”;

хәтәрле (сакм.) – соотв. лит. *хәтәр* ‘опасно’ [ДСБЯ, 2002, 368]. *“Насар кешелäр – шулар-улар: хäтäрḍе кöндä йулдаштарын таштап касалар тип”* [Книжка 1906, 18] “Таковы плохие люди: в опасный момент убегают, бросив своего попутчика (сказал)”;

һыктау (арг., миас., сал.) – соотв. лит. *илау* ‘плакать’ [ДСБЯ, 2002, 384]. *Йöрäкте кеше сыḍап ӱткäргäн эш йöрäкḡеḍ кешегä тöшḡä, ул кайгырып ḡыктай* [Книжка 1906, 11]. Если событие, которое может вытерпеть добрый человек, выпадет злому, тот, огорчившись, плачет;

әпсә (кызыл., миас, сакмар, ыргыз) – соотв. *әсә* ‘мать’ [ДСБЯ, 2002, 426]. *Äпсäḡе сäмгелдäк бäӱтä, ӱḍе йырḍап, балаḡын йоктата*» [Книжка, 1907, 18] – ‘Мать качает колыбель, сама песню напевая, убаюкивает ребенка’.

К фонетическим дилектизмам, употребленным в обоих памятниках, можно отнести следующие лексические единицы: *билмау* — диал. *билмау* (арг., миас.) — лит. башк. *билбау* ‘кушак, пояс’; *инä, инäкäйем* — диал. *инә, инәкәйем* (кыз., миас.) — лит. башк. *әсә, әсәкәйем* ‘мать’; *кымыртка* — диал. *кымыртка* (кыз., миас.) — лит. башк. *кырмыҫка* ‘муравей’; *ман* — диал. *ман* (арг.) — лит. башк. *менән* ‘с’ (послелог); *тахы, дахы* — диал. *тахе, тахи, тахы* (арг., миас., ай.) — лит. башк. *тағы* ‘еще’; *шал* — диал. *шал* (арг., миас.) — лит. башк. *шул* ‘тот’; *шан, шанан* — диал. *шан* (арг., кыз., ср., сакм.) — лит. башк. *шунан* ‘потом’; *шонда* — диал. *шонда* (арг.) — лит. башк. *шунда* ‘там’.

Как видно из примеров, в тексте памятников использованы преимущественно аргаяшские, кызыльские, айские и миасские формы диалектных слов, некоторые из них употребляются и в южных говорах. Как отмечено в научной литературе, в области лексики башкирские говоры и диалекты довольно сильно отличаются как друг от друга, так и от литературного языка: в каждом говоре бытует множество слов, отсутствующих в других говорах или в части говоров и в литературном языке [Юлдашев, 2010, 152]. Кроме того, диалектные различия в лексике наиболее значительны в восточном диалекте, где даже очень близкие друг к другу говоры заметно различаются по составу, значению и употребительности лексических диалектизмов. Большой разнобой имеют также некоторые южные говоры южного диалекта, которые в области фонетики и отчасти морфологии во многом смыкаются с соседними говорами восточного диалекта. Так, например, кизильский говор восточного диалекта по своим лексическим особенностям ближе стоит к отдельным говорам южного диалекта, чем к говорам восточного диалекта, а бурзянский говор южного диалекта, наоборот, как в этом отношении, так и в области фонетики и морфологии, во многом смыкается с соседними говорами восточного диалекта и стоит к ним гораздо ближе, чем к другим говорам южного диалекта [Юлдашев, 2010, 153].

Н. Х. Максютова в своей работе, посвященной восточному диалекту башкирского языка, отмечает, что по составу лексики наиболее приближены айский, аргаяшский, сальютский, частично миасский говоры восточного диалекта, а также караидельский и средний говоры южного диалекта, т.е. полный ареал лексических особенностей включает северо-восток Башкирии, северную часть Челябинской области до р. Уй и северо-восточную часть Курганской области, объединяя такие исторически родовые и племенные группы, как айли, дуван, сунарчи, сумляр, катай (оло катай, бала

катай, кара катай), кувакан, барын, сальют, табын, сарт, кыпчак, кошсо [Максютова, 1976, 63–64]. Согласно данным этой работы, которая и по сей день является наиболее полным и всесторонним исследованием восточного диалекта, лексические диалектизмы распространяются на все области человеческой жизни и природы: к ним относятся исконно башкирская лексика, а также заимствования, составляющие лексическую специфику говоров.

Таким образом, в сочетании с фонетическими, морфологическими и морфонологическими особенностями исследуемых памятников диалектная лексика является одним из показателей принадлежности языка работ А. Г. Бессонова к восточному диалекту башкирского языка.

Сокращения

диал. – диалектное
лит. – литературное
сев. – «северный» диалект по Бессонову
сев.-зап. – северо-западный диалект
соотв. – соответствие
юж. – «южный» диалект по Бессонову

Диалекты и говоры башкирского языка

Восточный диалект:
ай. — айский говор
арг. — аргаяшский говор
кызыл. — кызыльский говор
куб.- кубалякский подговор кызыльского говора
миас. — миасский говор
сал. — сальютский (сальзигутский) говор

Южный диалект:
дем. — демский говор
ик-сакм. — ик-сакмарский говор
ыргыз. — иргизский (ыргызский) говор
сакмар. — сакмарский говор
сред.— средний говор
ток-соран. — ток-соранский говор

Литература

БРС — Башкирско-русский словарь. Оренбург: Типо-литография Б. Бреслина, 1899. 240 с.
Бессонов А. Г. О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам // Журнал Министерства народного просвещения. Август. 1881. Часть CCXVI. С.-Петербург: Типография В. С. Балашева, 1881. С. 200-242.
Бессонов А. Г. Букварь для башкир. Казань: Центральная типография, 1907. 46 стр.
Букварь для башкир. Оренбург, 1892: типо-лит. Бреслина. 58 стр.
Букварь для башкир. Оренбург: Типо-литография Б. Бреслина, 1898. 58 стр.
Грамматика современного башкирского языка / Ред. Юлдашев А. А. М.: Наука, 1981. 495 с.
Диалектологический словарь башкирского языка (Башҡорт теленең диалекттары һүҙлеге). Уфа: Китап, 2002. 430 стр.
Киекбаев Ж. Башҡорт диалекттары һәм уларҙың тарихына ҡыҫҡаса инеш // Ученые записи БГУ. 1958. Вып. 3. Серия фил. № 2. С. 27—81.
Книжка — Бессонов А. Г. Первая после букваря книжка для чтения и первоначальные уроки русского языка для юго-восточных башкир. Казань: Центральная типография, 1907. 56 с.
Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. Изд. 2-е, дополн. и исправл. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. 272 стр.
Куватов М. Башкирские пословицы // Известия Оренбургского отдела императорского русского географического общества. Выпуск 6. Оренбург: Типография Духовной консистории, 1895. Стр. 31-48.
Лингвистическое наследие – Экба З.Н., Каримова Р.Н. Лингвистическое наследие А.Г. Бессонова как диалектный памятник башкирского языка начала XX века // Oriental Studies, Том 14, №5, 2021 г. С. 1076-1088.
Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. М.: Наука, 1976. 292 стр.
Норманская, Каримова, Экба — Норманская Ю. В., Каримова Р. Н., Экба З. Н. В. В. Катаринский — автор первой кириллической книги на башкирском языке? // Урало-алтайские исследования. М.: Институт языкознания РАН, 2017. № 2 (25). С. 46-52.
ПК 1901— Переводческая Комиссия православного миссионерского общества при Братстве Св. Гурия в Казани. Москва: печатня А. И. Снегиревой, 1901. 70 стр.
Православное церковное братство 1867 — Православное церковное братство во имя святителя Гурия при Казанском кафедральном соборе // Известия по Казанской Епархии. Казань: [б. и.], 1867. №6. С. 168.
Святое Евангелие от Матфея на башкирском языке (опыт). Казань:Типо-литография В. М. Ключникова в Казани, 1899. 84 стр.
Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на башкирском языке. Издание Британского Иностранного Библейского общества. Казань: Типография В. М. Ключникова, 1902. 314 стр.
Три диалекта — Экба З. Н., Норманская Ю. В., Каримова Р. Н. Три диалекта в Букваре для башкир А.Г. Бессонова // Урало-алтайские исследования. М.: Институт языкознания РАН, №2 (33), 2019 г. С. 101-111.
Юлдашев А. А. Диалекты башкирского языка // в кн. Диалекты тюркских языков. М., Изд. Фирма «Восточная литература» РАН, 2010. С. 121-157.

© Экба З. Н., Каримова Р. Н., 2022

УДК *82(470.57) –1*

Юнусова Ф. Б., Россия, г. Уфа
Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, с.н.с.

СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭЗИИ РАШИТА ШАКУРА

В данной статье рассматривается поэзия известного ученого, народного поэта Башкортостана и публициста Рашита Шакура. Как талантливый писатель, он стоял у истоков становления современной башкирской литературы. Именно его уникальные творения вывели во многом художественное слово башкирского народа на общероссийский и мировой уровень. Характерной особенностью поэзии Р. Шакура является становление человека нового типа, хозяина своей земли и своей судьбы.

Ключевые слова: *Рашит Шакур, народный поэт, башкирская литература, поэзия, лирический герой.*

Yunusova F.B., Russia, Ufa
Institute of History, Language and Literature of the UFRC RAS,
Senior Researcher

THE ORIGINALITY OF RASHIT SHAKUR'S POETRY

This article discusses the poetry of the famous scientist, people's poet of Bashkortostan and publicist Rashit Shakur. As a talented writer and poet, he stood at the origins of the formation of modern Bashkir literature. It was his unique creations that brought the artistic word of the Bashkir people to the all-Russian and world level. A characteristic feature of R. Shakur's poetry is the formation of a new type of man, the master of his land and his destiny.

Keywords: *Rashit Shakur, folk poet, Bashkir literature, poetry, lyrical hero.*

РӘШИТ ШӘКҮР ШИҒРИӘТЕНЕҢ ҮҘЕНСӘЛЕКТӘРЕ

Хәҙерге башҡорт әҙәбиәте һәм мәҙәниәте үҫешендә шағир һәм ғалим Рәшит Шәкүр ижадының үҙ лайыҡлы урыны һәм өлөшө бар. Ул әҙәбиәт ғилеме һәм әҙәби тәнҡит, фольклор, тел белеме һәм топонимика өлкәһендә берҙәй әүҙем һәм уңышлы эшләй.

Р. Шәкүр әҙәбиәт майҙанына шағир булараҡ килеп инде. 1970 йылда уның «Йөрәгемдә – ҡояш» исемле тәүге шиғырҙар йыйынтығы баҫылып сыға, һуңыраҡ «Тауҙарым – далаларым» (1982), «Заманалар юлында» (1988), «Малин – ҡала» (1997), «Сәңгелдәгем – сал дала» (2003), «Ылысындар оса бейектә» (2007), «Ғүмер көҙө» (2012) тигән шиғыр һәм поэмалар тупланған китаптары донъя күрә. Уларҙа тәбиғәткә, тыуған илгә, әсә теленә, халыҡтар дуҫлығына, әхлаҡ темаһына һәм, шулай уҡ, үткәндәр, бөгөнгө һәм киләсәккә арналған әҫәрҙәр үҙәк урынды биләй.

Миҫалға «Ылысындар оса бейектә» тигән йыйынтығын алайыҡ. Унда ил һәм халыҡ яҙмышының айырылғыһыҙ бәйләнеше, туған тәбиғәт һәм кеше рухының бөйөклөгө, илаһилығы хаҡындағы фәлсәфәүи уйланыуҙар, тыуған төйәккә, Башҡортостанға оло һөйөү тойғолары менән һуғарылған шиғырҙар, йырҙар, хикәйәттәр тупланған. Китап «Уйҙарҙан усаҡ яҡтым», «Күңелдәрҙә – донъя киңлеге», «Йәшә илем, – Башҡортостаным!», «Тыуған ергә мәҙхиәләр», «Гармония» тигән бүлексәләрҙән тора. Уларҙағы әҫәрҙәр фекер тәрәнлеге, сағыу образлылығы, халыҡсанлығы менән күңелде арбай.

Р. Шәкүрҙең шиғриәтенә ижади алымдар төрлөләгө хас. Әйтергә теләгән фекерен уҡыусы күңеленә нығыраҡ һеңдереү өсөн автор һәр саҡ тейешле шиғри үлсәмдәр, ритмик берәмектәр менән эш итә. Иленә, еренә, халҡына үҙ мөнәсәбәтен белдергәндә ул бик нескә тойғоларға ла бирелеп китә, тормошобоҙҙағы кире күренештәр хаҡында яҙғанда, асыу-ярһыу менән оран һала. Тыуған ерҙең хозурлығына, мәҫәлән, түбәндәгесә һоҡлана:

Бейектәрҙән бейектәргә
Осоп китерҙәй булам.
Ерем, һине һөйөп-наҙлап,
Ҡосоп китерҙәй булам.

Әммә тыуған илгә, халыҡҡа хыянат итеүселәр ҙә аҙым һайын осрап тора. Уларға ҡарата шағирҙың асыуы ҙур:

Илде ҡайҙа алып бараһығыҙ.
Әй, һеҙ, Әпкәләйҙән тыуғандар.
Уйын ҡорған булып, ил яҙмышын
Аяҡ аҫтарына һалғандар, –

тип набат һуға ул. Уның «Рәсәй, һиңә ни булды?» тигән әҫәре ҡобайыр алымында яҙылған һәм ялҡынлы сәсән һүҙе булып яңғырай:

Кемдәр һине кимерә?
Кемдәр һине емерә?
Кемдәр алды власты?
Кемдәр алды власты?
Кемдәр шуға юл асты?..

Был юлдарҙа ил яҙмышын уйлап тәрән әсенеү ҙә, дәүләтебеҙҙе уға янаған һәләкәттән, фәжиғәнән ҡурсаларға ынтылыу ҙа үҙенсәлекле сағылып ҡала.

2012 йылдың 14 августында «Башҡортостан» гәзитендә баҫылып сыҡҡан «Фекерҙәр шифриәте» тигән мәҡәләһендә билдәле публицист, шағирә Л.Абдуллина былай тип яҙа: «Рәшит Шәкүрҙең шифриәте – тотошлай халыҡ яҙмышы өсөн уйланыу, һыҙлыныу, алҡыш-теләк менән һуғырылған, хиссиәт донъяһы. Уның һәр һүҙенә ышанаһың, шифырҙарындағы һәр һүҙ күңел ауазынан, рухи ҡеүәтенән тоҡанған [Абдуллина, 2012]. Мәҫәлән:

Беҙ гимн яҙҙыҡ
Башҡорт иленә,
Гүзәллек телле –
Башҡорт телендә
(«Беҙ гимн яҙҙыҡ»)
Ояһында эт тә көслө, тиҙәр,
Икеләтә көслө бүреләр.
Башҡортостан тигән был изге ил
Хоҙайҙан бит беҙгә бирелгән.
(«Ҡамауҙағы бүре өйөрө»).
Башҡортостан – баһадирҙар иле,
Башын эймәҫ ҡара көстәргә.
Үҙ көнөбөҙ үҙебеҙҙең ҡулда,
Юл ҡуймабыҙ ҡара эштәргә!
(«Уяу булайыҡсы, кешеләр! »).

Башҡортостанға, туған халҡына, туған теленә тәрән һөйөү менән тулышҡан был йыйынтыҡ. Әгәр башҡорт ир-егете яугир, ғорур, әммә ҡамауҙа ҡалған уйлы рухлы бер зат образында күҙ алдына баҫһа, автор башҡорт ҡыҙҙарының сафлығын мәҙхиәләй. Шул уҡ ваҡытта уның милләттәштәренең тырым-тырағай булыуы, ғәмһеҙлеге, вайымһыҙлығы ла борсой. Тик шағир ватандашының йөҙөн йыртмай, тормошта юғары зыялы булған Р. Шәкүр шифриәтендә лә үҙенә тоғро ҡала. Шифырҙарҙағы лирик герой Алып батырҙай, милләт яҙмышын үҙ иңенә алып, халҡы һөрләгөүҙәрен үҙе күтәрергә әҙер. Ул, әйтерһең, «Мине язалағыҙ, тик башҡортома ғына теймәгеҙ» тип әйткәндәй.

«Мин белгәндә» шифырында ошоға ауаздаш юлдар ҙә бар: *«Мин ана шул үткән заманҙарҙан килер көнгә юлдар ярыусы, Тарих тәгәрмәсен бар көсөмә әйләндереп алға барыусы».* Ышандыра был юлдар, сөнки шағир үҙен белгәндән халҡының, заманының тоғро хеҙмәтсеһе икәнен эше, һүҙе менән иҫбатлап килә. Немец ҡартына, ҡырғыҙ, үзбәк, ҡаҙаҡ милләте вәкилдәренә бағышланған шифырҙар ҙа урын алған китапта. Үҙ халҡына булған һөйөү башҡаларға ҡарата ла ҡыҙыҡһыныу уята, уларҙың милли йөҙөндә асыла ла инде башҡа халыҡ вәкилдәре.

Р. Шәкүрҙең еребеҙ, телебеҙ яҙмышына ҡағылышлы шифырҙарының береһендә лә ялған кисереш, шаталаҡ шатлыҡ, елбәҙәк уй, көсәнеп ҡайғырыу юҡ, киреһенсә, ихлас көрәш, күңел ғазабы, үкенестәр, һыҙланыуҙар далалағы ҡыҙыу ҡояш кеүек өтөп ала.

Һәр кем, олоғайғас, үткән тормошо, фани донъя, йәшәлгән ғүмере, ҡылған эштәре тураһында уйлана, хәтеренә төшөрә, йомғаҡ яһай, һәм был тәбиғи лә. Әҙиптең 2007 йылда «Башҡортостан» гәзитендә баҫылған бер шәлкем шифырҙарында ла күҙәтелә был. Уларҙа автор күпте күргән, күпте кисергән философ, үҙ-үҙенә, ижадына тоғро ҡалған ил азаматы булып ҡала. Үткән ғүмерен ярһып сапҡан арғымаҡҡа сағыштырып ул былай ти:

Арып талған арыҡ һымаҡ.
Ғүмер миңә, бер ҡараһаң,
Ярһып сапҡан арғымаҡтай,
Бер ҡараһаң, алыштарҙа
Ә бит минең арғымаҡтар
Тотоп менгән саҡтарым бар,
Түбәләрем бейек-бейек
Күккә тейгән саҡтарым бар.
(«Ғүмерем юлдары»).

Алты юллыҡ шифырында иһә, кеше ғүмере, йәшәйеш тураһында уйлана:

Эй, ғүмерҙәр… аҡҡан һыу ғына.
Беҙ аңлайбыҙ быны һуң ғына.
Тек-тек ана, тек-тек тама секундтар.
Секундтарҙы йыя минуттар.
Аға һыуҙар. Аға туҡтамай,
Ваҡыт арғымағы йомғаҡлай.

Әҙиптең ижады тураһында уйланып, күренекле прозаик Н. Мусин түбәндәгеләрҙе яҙа: «Рәшит Шәкүрҙең тормош һәм ижад юлы ярайһы уҡ ҡатмарлы ла, фәһемле лә. Миңә уның ирҙәрсә ныҡышмалылыҡ һәм сабырлыҡ менән үҙ маҡсатына ынтылыуы, «Киләсәккә өндәшеү» тигән шиғырында әйткәнсә:

Бер кемгә лә иш тә, ҡуш та түгел,
Мин үҙемсә булып ҡаламын, –

тип ауыр саҡтарҙа ла тоҫмаллаған юлынан тайпылмауы, кәрәк урында, кәрәк мәлендә үҙ фекерен сатнатып әйтә алыуы оҡшай. Ул – күпте белгән төплө ғалим. Уның яҙған китап һәм мәҡәләләре, һәм фактик материалдарҙы ентекле өйрәнеп яҙылған ысын мәғәнәһендәге фәнни хеҙмәт булыуға ҡарамаҫтан, ғәжәп бер ҡыҙыҡһыныу менән уҡыла (шағир ҡулы!) үҙеңә күңел һәм аҡыл байлығы алаһың» [Мусин, 2012].

Шағирҙың әҫәрҙәренә һәүәҫкәр һәм профессиональ композиторҙар тарафынан бик күп көйҙәр ижад ителгән. Ошолар хаҡында уйланып, композитор Салауат Сәлмәнов түбәндәгеләрҙе яҙа: «Күренекле башҡорт шағиры, әҙәбиәт һәм тел белгесе, фольклорсы Рәшит Шәкүрҙең поэтик ижады күптән инде шиғриәт ҡәҙерен белеүселәрҙең генә түгел, ә бәлки музыка һөйөүселәрҙең һәм музыканттарҙың, йырсыларҙың, композиторҙарҙың оло мөхәббәтен яуланы. Уның шиғырҙарына төрлө жанрҙарҙа, йүнәлештәрҙә һәм стилдәрҙә илленән артыҡ көй яҙылған. Улар, нигеҙҙә, хор, вокаль-симфоник һәм камерный әҫәрҙәр» [Сәлмәнов, 2012, 104]. Был һүҙҙәргә өҫтәп, шағирҙың Р. Бикбаев менән берлектә Башҡортостан Республикаһының дәүләт гимны тексын яҙғанлығын да әйтеү кәрәк. Ул да Р. Шәкүр ижадына ҙур мәртәбә булып тора.

Әҙәбиәт

Абдуллина Л. Фекерҙәр шиғриәте // Башҡортостан, 2012 й, 14 август.
Мусин Н. Ҡанатлы ижад // Башҡортостан, 2012 й, 22 август.
Сәлмәнов С.Халыҡсан шиғриәт // Профессор Шәкүров Рәшит Закирович (Рашит Шакур). Биобиблиография. Уфа, 2012.

© Юнусова Ф. Б., 2022

УДК *81.06*

Юсупова А. Ш., Россия, г. Казань
Казанский федеральный университет, профессор

ЭТНОГРАФИЗМЫ В ТАТАРСКО-РУССКИХ СЛОВАРЯХ XIX ВЕКА

В данной статье дается подробное описание лексики, связанной с этнографией татарского народа, которая зафиксирована в татарско-русских словарях XIX века. Выявляются семантическое развитие, происхождение, ареалы употребления слов и терминов этнографии. Также прослеживается история развития этнографизмов татарского языка в синхронии и диахронии.

Ключевые слова: *словарь, этнография, термины, диалектные слова, устаревшая лексика.*

Yusupova A.Sh., Russia, Kazan
Kazan Federal University, Professor

ETHNOGRAPHISMS IN TATAR-RUSSIAN DICTIONARIES OF THE XIX CENTURY

This article gives a detailed description of the vocabulary associated with the ethnography of the Tatar people, which is recorded in the Tatar-Russian dictionaries of the XIX century. The semantic development, origin, areas of use of words and terms of ethnography are revealed. The history of the development of ethnographisms of the Tatar language in synchrony and diachrony is also traced.

Keywords: *dictionary, ethnography, terms, dialect words, outdated vocabulary.*

Этнография занимается изучением традиционной или народной культуры, то есть того слоя общенациональной культуры, который сформировался еще в период средневековья до возникновения буржуазной национальной культуры. Этнографические исследования, в свою очередь, опираются и на письменные источники, среди которых достойное место занимают разные словари, в том числе татарско-русские и русско-татарские.

В XIX веке с целью обучения татар русскому, а русских татарскому языку были составлены и изданы словари И. Гиганова «Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе, учителем татарского языка Софийского собора, священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованные» (СПб. 1801; 1804), А. Троянского «Словарь татарского языка и некоторыхъ употребительныхъ въ немъ реченій арабскихъ и персидскихъ, собранный трудами и тщаніемъ учителя татарского языка въ Казанской семинаріи священника Александра Троянского и напечатанный съ дозволенія комиссіи духовныхъ училищъ» (Казань 1833,1835), С. Кукляшева «Словарь к татарской хрестоматии» (1859), К. Насыри «Татарско-русский словарь» (Казань 1878; 1892), Н. Остроумова «Татарско-русский словарь» (Казань 1876; 1892), М. Юнусова «Татарско-русский словарь наиболее употребительных слов и выражений» (Казань 1900). В этих словарях зафиксирован богатейший лексический материал, в составе которого определенное место занимает этнографическая лексика.

Этнографическая лексика – это совокупность слов, предназначенная для описания специфики материальной и духовной культуры какой-либо народности. Этнографизмы не имеют и не могут иметь аналогов в литературном языке, так как обозначают реалии, имеющие локальное распространение. Это предметы одежды, быта, еда, животные или растения, особенности климатических условий. Помимо этого возможно разделение этнографической лексики на термины материальной и духовной культуры. Если к первым относятся названия одежды, национальных украшений, предметов домашнего быта, то ко вторым – названия национальных традиций и праздников. В исследуемых нами татарско-русских словарях также представлены этнографизмы, которые характерны татарскому языку, его диалектам.

К группе слов, обозначающих названия головных уборов относятся следующие этнографизмы: **такыя** и прилагающееся к нему объяснение: “шапочка, тюбетейка, въ Казани такыя бывает вышитая, позументомъ на бархате, а простая называется түбәтәй или кәләпүш [Будагов, 1871, 333]. Автор указывает на то, что название данного головного убора применяется в лексике казанского говора и в чагатайском языке. По мнению С. В. Сусловой, **такыя** – это женский головной убор с прикрытой верхней частью, и он встречается в северо-восточной части Поволжско-Уральской области [Этнография, 2004, 93]. Р. Г. Ахметьянов объясняет это слово как “такыя” – венок, заимствованное из персидского *такыя*, түбәтәй и широко распространенное слово, на чувашском языке тухья “кызлар бүреге” – “девичья шапка” [Әхмәтьянов, 2001, 188]. В диалектологическом словаре: “такийа – у нагорных кряшен “головной убор конусообразной формы, вышитый бисером и драгоценными камнями. Как правило, его надевали невесты” [ТТДС, 1969, 286]. Тюбетейку обычно одевали под шапку и чалму. Под чалмой также одевался головной убор под названием **скуфья.** По указанию Л. З. Будагова, она также встречалась у казанских татар [Будагов, 1871, 335].

В словаре Л. З. Будагова зафиксировано еще одно название головного убора, который использовался для прикрытия волос: **тастар, дастар** “покрывало, большая головная косынка, под

которую татарки прячут волосы, концы ея висятъ на спине” [Будагов, 1871, 333]. Тастар в основном использовался у женщин-мишар. Он похож на полотенце, обычно белый, края обрамлены лентой, а концы вышиты [Этнография, 2004, 95]. Тастар – слово персидского происхождения, дастар обозначает “чалму” [Әхмәтьянов, 2001, 193].

Особый интерес представляет слово **сюрякя** – название женского головного убора. *Сүрәкә* является одной из составных частей комплексного головного убора замужней женщины у кряшен. По мнению Д. Рамазановой, это слово представляет собой обратное заимствование из русского языка. В русском языкознании данное слово считается заимствованием (сарык – полотенечный тип головного убора) и возводится к древнетюркскому корню *сару* – ‘завертывать, наматывать, обматывать’. В.И.Даль отметил, что *сорока* была характерна для южно-русских областей. В. В. Радлов в своем словаре зафиксировал слово *сүрәкә* в значениях: 1) сачок для ловли рыбы, 2) наметка, женский головной убор, кокошник, надеваемый на *мәләчлик* [Рамазанова, 2002, 155].

В словарях встречаются лексические единицы древнетюркского происхождения. Например, слово **чачак** – ‘девичій головной убор, бахрома’ [Остроумов, 1876, 225; Насыри, 1878, 52] произошло от древнетюркского, древнемонгольского корня *сач*, *час* «чәч, чук, сибелдерү, чәчү, тарату» [Әхмәтьянов, 2001, 230]. Это слово в мензелинском говоре употребляется в форме чачак, а в стерли–тамакском говоре встречаются такие его формы, как *чуклы* или *чәчәкле калфак* [ТТДС, 1969, 347].

Известно, что украшения, как и другие элементы культуры, тесно связаны с историей народа и отражают исторические взаимосвязи с соседними народами. Поэтому эта часть лексики может служить материалом для историко-сравнительной характеристики не только отдельного языка, но и определённого ареала языков.

Интересную картину представляют названия украшений для рук. Слово **йөзек** – любимое украшения всех нардов, как полагает Р. Ахметьянов, возможно, связано с восточнотюркскими *дуз, чус* «сустав пальца» [Әхмәтьянов, 2001, 82]. **Көмеш балдак** – серебряное кольцо [Насыри, 1878, 183] **алтын йөзек** – золотой перстень [Насыри, 1878, 3] – эти предметы украшения сделаны из драгоценных металлов. Слово *алтын* «золото», «золотой» – древнетюркского происхождения, оно обозначает вид благородного металла желтого цвета, употребляется в различных фонетических вариантах во многих тюркских языках. Слово **көмеш** «серебро» – драгоценный металл белого или серовато-белого цвета. Слово употребляется во многих тюркских языках [Рамазанова, 2002, 234]. Лексическая единица **блязукъ** – браслет [Остроумов, 1876, 40; Насыри, 1878, 11; Шигабутдин, 1893, 13; Юнусов, 1900, 33] имеет интересную этимологию. Обязательным элементом в женском наряде у татар были медные, а у богатых – серебряные браслеты *беләзек.* Это украшение обычно дарили на свадьбе. Браслеты носили каждый день, не снимая (за исключением периодов грязной работы). *Беләзек* – слово тюркское. Этот термин зафиксирован в древнетюркских письменных памятниках: *bilezuk*, *bilezuklen* ‘браслет’. Слово функционирует так же в ряде современных тюркских языков: баш. *беләҙек*, тур. *bilezik*, к.калп. *билезик*, азерб. *билярзик*, *билязик*, кирг. *билерик*, узб. *билагузук*, уйг. *билейүзүк, билекүзүк* ‘браслет’. «Общепринятая в тюркологии этимология *билезик* принадлежит В.В.Радлову, по которому билезик – сращение определительного словосочетания *билек* и *үзүк* ‘кольцо для запястья’. В русском языке слово *bilazik* употребляется в форме *блязик* и *базилики.* Оно заимствовано из тюркских языков посредством татарского *bilazik* (беләзек = беләк+йөзек) [Фасмер, 2003, 252].

Слово **сяйлян** – бисер [Насыри, 1878, 8; Юнусов, 1900, 53] связано, вероятно, с островом Цейлон. У Афанасия Никитина слово **силян** выражает остров Цейлон. В двуязычных словарях татарского языка XIX века зафиксировано слово **сәйләп** в значении “искуственный жемчуг, бисер”. По-видимому, первоначально слово **сәйләп** означало “сорт мелкого жемчуга, который находился в Цейлонском море” (или привозили с острова Цейлон). Позже это слово могло употребляться и для искусственных мелких бусинок, имитирующих жемчуг [Рамазанова, 2002, 236].

В современном татарском языке слова **тамакса** – ожерелье, **мун җака** – ожерелье [Остроумов, 1876, 187] являются этнографизмами и употребляются только в некоторых говорах татарского языка. Они присущи говорам крещеных татар и говору татар, проживающих в Сафакульском районе Курганской области [Юсупов, 2006, 172].

Среди названий украшений в словаре Н. Остроумова в значении ‘серьга’ зафиксирован вариант **сырга**. А за ним следуют слова: “Сырга бавы – лента унизанная деньгами и надеваемая женщинами на грудь въ виде полукруга” [Остроумов, 1876, 182]. Слово *сырга* на сегодняшний день активно употребляется в касимовском и заказанском, лаишевском говорах в значении ‘серьга’. Форма **сырга бавы** в говоре заказанских кряшен употребляется в значении ленты, которая тянется от одной сережки к другой. В переводе Л. Р. Будагова слово **алка** употреблено не только в значении ‘серьга’, но фигурирует как ‘кольцо’ и ‘перстень’ [Будагов, 1871, 85].

В словаре, составленном Н. Остроумовым, зафиксировано слово **чулпы**, которое также

обозначает национальное украшение и является этнографизмом. В качестве объяснения к этому слову прилагается: “особаго рода бляки, большею частію серебряныя, редко золотыя, прикрепляемыя девушками (а у магометанъ и женщинами) къ косе” [Остроумов, 1876, 229]. Слово **чулпы** встречается и в словаре Л. Будагова, где автор обращает внимание на его специфику. Слово *чулпы* употреблено в двух значениях: 1) серебрян. украшенія, погремушки на конце косы; 2) ковшъ плетенный, ситечко [Будагов, 1871, 499]. По мнению Р. Г. Ахметьянова, *чулпы* ‘накосник’ – в туркменском языке *чолпы, чулпу* ‘дуршлаг’, сөзгеч, ‘чулпы’, в монгольском языке *чолубу, чулпы* ‘сито, сделанное с орнаментами из согнутых ветвей ивы’. Происхождение слова известно неточно, а переход его значения от ‘сита из ветвей’ к ‘украшению из монет’ обусловлено следующим образом: такое украшение, как *такталы чулпы,* изготавливалось с точно таким же орнаментом как у сита, сплетенного из ветвей [Әхмәтьянов, 2001, 193].

Названия украшений, встречающиеся в словаре Л. З. Будагова, достойны большого внимания, так как они не упоминаются в других словарях. **Якакабтырма –** женское украшеніе изъ позумента, нанизаннаго на картоне, носимое вокругъ шеи; яка чылбыры – украшеніе изъ серебр. цепочекъ, прикрепляемых къ яка-каптырма (казанскія женщины носятъ также украшеніе в виде воротника, называемое яка) [Будагов, 1871, 335]. Как видно из диалектологического словаря, слово *йака* в перьмском и ичкинском говорах обозначает украшение, изготовленное из металлических пластинок, нанизанных на тонкую материю. Оно, как правило, завязывается на шее [ТТДС, 1969, 161]. В мензелинском говоре *йакабаш* – урашение в виде цепи, закрепляющейся на вороте одежды [ТТДС, 1993, 107].

Таким образом, в татарско-русских словарях XIX века зафиксированы этнографизмы широкого распространения. Большинство из них и по сей день находятся в активном применении; в составе этнографизмов очень часто встречаются историзмы, архаизмы, диалектные слова. По своему происхождению большинство этнографизмов – древнетюркские слова, однако в словарях сравнительно большое место занимают арабско-персидские и русские заимствования. Можно сделать следующие выводы: этнографизмы находятся в тесной связи с философией, психологией, историей народа. Они отражают культурное развитие, общественную и духовную жизнь, а также культурные взаимоотношения татарского народа с другими народами и культурами Поволжско-Приуральского региона и всего Востока.

Литература

Баязитова Ф. Керәшеннәр. Тел үзенчәлекләре һәм йола иҗаты. Казан: Матбугат йорты нәшрияты, 1997. 248 б.
Әхмәтьянов Р. Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан: Тат. кит. нәшр., 2001. 272 б.
Рамазанова Д. Б. Названия одежды и украшений в татарском языке в ареальном аспекте. Казань: Изд-во Мастер-Лайн, 2002. 354 с.
Татар теленең диалектологик сүзлеге. Казан: Тат. кит. нәшр., 1993. 459 б.
Татар теленең диалектологик сүзлеге. Казан: Тат. кит. нәшр., 1969. 643 б.

Источники

Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык: В 2 т. СПб.: Тип. АН, 1869. Т. 1. 810 с.; СПб.: Тип. АН, 1871. Т. 2. 415 с.
Габделгазиз Шигабутдин. Перевод съ татарскаго на русский языкъ или словарь. Казань, 1893. 72 с.
Гиганов И. Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и юртовскими муллами свидетельствованная, 1801. 75 с.
Насыри К. Татарско-русский словарь. Казань, 1878. 120 с.
Остроумов Н. Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещенных татар Казанской губернии. Казань, 1876. 145 с.

© Юсупова А. Ш., 2022

УДК *82:801.6*

Юсупова Н. М., Россия, г. Казань
Казанский (Приволжский) федеральный университет, профессор
Юсупов А. Ф., Россия, г. Казань
Казанский (Приволжский) федеральный университет, профессор

ОБРАЗ-СИМВОЛ В СИСТЕМЕ НОМИНАЦИЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Образы-символы как номинации являются своеобразными «кодами», определяющими уникальные и универсальные характеристики татарской поэзии. Образно-символическое мышление порождает непрямую номинацию, формируя символическое значение, что позволяет констатировать номинативную функцию символов. Изучение символа в системе номинаций расширяет взгляды на процесс символизации. В роли символа могут выступать устойчивые, сквозные образы, в данном ключе процесс номинации в равной мере связывается с номинацией (денотат, название, имя) и с сигнификатом (в нашем случае – неявный смысл, скрытое значение символа). В процессе символизации номинативную функцию могут выполнять имена собственные и мифологические сюжеты.

***Ключевые слова**: символ, номинация, образ, функция, татарская поэзия.*

Yusupova N. M., Russia, Kazan
Kazan (Volga Region) Federal University, Professor
Yusupov A. F., Russia, Kazan
Kazan (Volga Region) Federal University, Professor

IMAGE-SYMBOL IN THE SYSTEM OF NOMINATIONS: STATEMENT OF THE PROBLEM

Images-symbols as nominations are a kind of "codes" that determine the unique and universal characteristics of Tatar poetry. Figurative-symbolic thinking generates an indirect nomination, forming a symbolic meaning, which allows us to state the nominative function of symbols. The study of the symbol in the system of nominations expands the views on the process of symbolization. The role of a symbol can be played by stable, end-to-end images, in this vein, the nomination process is equally associated with the nomination (denotation, name, name) and with the significat (in our case, the implicit meaning, the hidden meaning of the symbol). In the process of symbolization, the nominative function can be performed by proper names and mythological plots.

***Keywords:** symbol, nomination, image, function, Tatar poetry.*

Понятие «номинация» в лингвистических трудах интерпретируется как «именование, называние, обозначение, служение названием, выделение именуемого как отдельной сущности и величины», «отношение языковых знаков к объективной действительности, а также сама система таких знаков» [Языковая номинация: общие вопросы, 1977, 253], «обозначение и оценка свойств и действий, процессов и событий, явлений и положений дел путем подведения их под закрепленные в данном языковом коде понятия» [Арутюнова, 1999, 109]. В. Н. Телия указывает, что под номинативным составом языка понимается вся совокупность его единиц, которые обладают номинативной функцией, т.е. они служат для именования «вычлененных языковым сознанием из внеязыкового континуума отдельных его фрагментов» [Телия, 1996, 57]. Таким образом, можно констатировать, что номинация в языкознании воспринимается как связь между формой и содержанием слова, она представляется и как результат, и как процесс.

В рамках литературоведения представляют интерес несколько функций языка. В номинативной функции языка устанавливается связь между смыслом и лексической единицей, эта связь поддерживается другой языковой функцией – семасиологической, так как семасиология «изучает собственно значение той или иной языковой единицы» [Новиков, 1982, 31]. Именно в данном аспекте ее можно применять к литературным текстам в ходе исследования и выявления номинативных значений символов.

Как отмечал М. М. Бахтин, «основная особенность литературы – язык здесь не только средство коммуникации и выражения-изображения, но и объект изображения» [Бахтин, 1996, 287]. Язык дает наименования вещам, явлениям, способствует обобщению и дифференциации их свойств и отношений, сохраняя и передавая общественно-исторический опыт, отраженный в значениях и наименованиях языковых единиц. Данный подход приемлем и в отношении символа в художественных текстах: он становится наименованием – начиная от различных жизненных явлений, психологического состояния души человека до универсальных обобщений о бытии и небытии. Таким образом, изучение символов в аспекте номинаций открывает новые перспективы и в литературоведении.

В. Н. Телия вторичной номинацией считает использование имеющихся номинативных средств в новой для них функции наречения, преломления непрямого отображения действительности «под воздействием содержательной стороны опорного наименования, которое предстает как опорное и для отнесения нового смысла имени к действительности» [Телия, 1977, 131]. На наш взгляд, в ходе изучения символа как системы номинаций применяется вторичная номинация, поскольку в литературном анализе внимание акцентируется на использовании в процессе символизации существующего символа (существующей единицы) в качестве имени для новых смысловых вариаций. Однако не все средства вто-

ричной номинации являются символами, ими становятся образы, которые обладают в семиотическом плане скрытым или зашифрованным смыслом. На наш взгляд, такое понимание процесса номинации коррелирует с символизацией.

В процессе использования символа в новом для него значении закономерно возникает смысловая преемственность, что приводит к многозначности символов, преобразованию их в единую систему. При этом номинативная «производственность» выражается в мотивированности вторичных наименований, в наличии у них внутренней смысловой единицы, выступающей в качестве посредника между новым смыслом и его отнесенностью к действительности. Символ не только приспосабливается к выражению нового для него содержания, но и опосредует его в самом процессе символизации. Эту же мысль В. Н. Телия превращает в научную формулу: культурные коды в языке проявляются «через сакральные тексты, паремии, метафоры, фразеологизмы», поскольку названные единицы способны «становиться символами или использоваться во вторичной номинации» [Телия, 1996, 224]. Поэтому мы выдвигаем гипотезу о том, что теория номинации приемлема для изучения символизации в татарской поэзии и открывает новые перспективы в детализации самого процесса символизации и его национальных особенностей.

Проблема «номинативности» символа становится объектом исследования в трудах А. Ф. Лосева. По его мнению, под символом следует понимать «полную и абсолютную тождественность «сущности» и «явления», «идеального» и «реального», «бесконечного» и «конечного» (...) Если сущность – являемое и именуемое, а явление – существенно и онтологично, то символ есть ни то, ни другое, но сразу и сущность, и явление, т.е. вещь и имя» [Лосев, 1993, 876].

Номинативный характер символа констатировался отдельными литературоведами и во второй половине XX века. Так, по мнению И. П. Смирнова, высказывания, имеющие символическую окраску, переоформляют основу устойчивого смысла и переадресуют этот смысл тем объектам, которые не подпадали под его рубрику [Смирнов, 1977, 90]. Таким образом, И. П. Смирнов в символическом образе видит «имя» для жизненных ситуаций.

В процессе символизации номинативную функцию могут выполнять имена собственные. В татарской национальной культуре присутствует ряд имен и литературных персонажей, которые благодаря их значимости приобрели статус символа (Сююмбике, Идегей, Алып батыр, Тукай и др.). Чтобы стать символами, имена значимых личностей, помимо выполнения ими номинативной функции, должны приобрести популярность, определенное и социальное, общественное звучание [Татар лексикологиясе, 2017, 458].

Способность к генерализации, т.е. к расширению значений – одна из основных особенностей литературного символа. Литературные персонажи или национальные герои, благодаря своему ценностному бытованию в культуре, их роли в жизни определенной национальности, приобретают статус символа. Употребление в качестве символа имени собственного позволяет актуализировать значения, «отражающие региональную специфику бытия этноса: верования, представления о мире, традиции и т.д.» [Попов, 2006, 15]. В данном случае особое значение имеют высокая социальная детерминированность (на примере татарской поэзии – образы поэтов, политических деятелей) и общеизвестная индивидуальная значимость таких имен, их способность вызывать в сознании читателя устойчивые ассоциации (мифологические образы).

Номинативную функцию в статусе символа выполняют и мифологические сюжеты, ставшие своеобразным наименованием какого-то явления, мировоззрения автора и т.д. Такие символы приходят в поэзию из глубин веков со своим багажом накопленных смысловых значений, но воспроизводятся, наполняются новыми смыслами, раскрывая свою номинацию для новых поколений. Например, религиозные мифы о создании Адама и изгнании его из Рая на Землю, сюжет изгнания Иблиса с небес и др. В словесном искусстве наблюдается использование мифологических образов и сюжетов в статусе символа, миф выступает в качестве «универсальной модели для построения символов» [Шелогурова, 1986, 161]. Обращение к мифологическим сюжетам в структуре текста в статусе символа свидетельствует о «возврате» к первоистокам, восстановлении и углублении общекультурных основ литературы, стремлении поэтов связать современную творческую художественную мысль с древними началами национальной культуры.

В процессе символизации интерпретация одного и того же символа одной культуры в содержательно-мыслительном поле другой литературы неправомерна. В ходе анализа таких категорий, как сущность (асл), смысл, истина, знание и др. на материале арабской литературно-философской культуры, А. В. Смирнов пришёл к выводу, что наполнение одних и тех же терминов содержательным смыслом зависит «от процедуры смыслополагания» [Смирнов, 2001, 346–382], характерного арабской культуре. Подобное явление наблюдается при формировании и использовании категории символа. Семантическая структура символов определяется характерными для каждого народа, для каждой национальной культуры и словесного искусства закономерностями смыслопорождения. Символы обусловлива-

ются национальными традициями, этническим мышлением, внутренними закономерностями художественного выражения, определяются художественно-эстетической природой устойчивых структурно-семантических комплексов в системе семантических универсалий. Объясняя национальный характер символа, Ю. М. Лотман отметил тот факт, что символы редко возникают в синхронном срезе культуры, «они приходят из глубины веков и, видоизменяя свое значение (но не теряя при этом памяти и о своих предшествующих смыслах), передаются будущим состояниям культуры» [Лотман, 1994, 6–8].

Таким образом, можем заключить, что образы-символы, а также их диахронные связи сохраняют особенности национального характера, национального мировоззрения и сознания. Сквозные образы-символы вбирают в себя представления татарского народа о своих древних традициях, духовный и поэтический опыт предшествующих поколений и отражают эволюцию системы символов. Образы-символы появляются в художественных произведениях разных периодов, они обогащаются новыми смысловыми вариациями, внося в номинативное поле новые значения, которые транслитеруются от одного этапа в развитии словесного искусства к другому. Так они образуют систему номинаций, актуализировавшую в разные периоды разные семантические грани, в котором каждое звено связано с предыдущим, всякий раз повторяя и дополняя смысловое поле, смысловую логику, создавая подтекст произведения, своего рода переклички и ссылки между произведениями разных авторов, разных эпох и разных стилевых направлений.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
Бахтин М. М. Язык в художественной литературе // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М., 1996. Т. 5. С. 287–289.
Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М.Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 17–265.
Новиков Л. А. Семантика русского языка. М.: Высш. шк., 1982. 272 с.
Попов А. В. Символ как фактор текстопорождения: автореф. дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 18 с.
Смирнов И. П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М.: Наука, 1977. 204 с.
Смирнов А. В. Арабская традиция // Универсалии восточных культур. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2001. С. 346–383.
Татар лексикологиясе: 3 томда. Казан: TƏhCИ, 2017. Т. III. 1 кис. 536 б.
Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: виды наименований. М.: Наука, 1977. С. 129–221.
Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
Шелогурова Г. Об интерпретации мифа в литературе русского символизма // Из истории русского реализма конца XIX – начала XX веков. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1986. С. 159–171.
Языковая номинация: общие вопросы. М.: Наука, 1977. 358 с.

© Юсупова Н. М., Юсупов А. Ф., 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Рахматуллина З. Я. Язык и его диалекты как механизмы этнической самоидентификации: проблемное бытие в глобализирующемся мире……...…… 3

Садыков Т. С., Сопубекова К. Сложные формы прошедшего неопределенного времени в турецком языке.....……...…… 6

Ибрагимов Ю. М. Истоки территориального варьирования лексики узбекских говоров Южного Приаралья.....…… 8

Манджиева Б. Б. К вопросу изучения поздней традиции эпоса «Джангар» (на материале песен джангарчи Телтя Лиджиева).....……..... 12

Селютина И. Я. Языковые аспекты исторических контактов на территории Южной Сибири.....…….. 15

Новак И. П. Использование методов диалектометрии в процессе решения проблем карельской диалектологии..... 18

Абдрафикова Г. Х. К статье Габбаса Давлетшина о башкирских говорах..... 21

Абитиярова А. А., Жунисбекова Ж. А. Классификация ошибок, допускаемых в объявлениях (на примере интернет-источников)..... 27

Абубакирова З. Г. Арабские и персидские слова в арабографичной рукописи из личной коллекции академика Г.Б. Хусаинова…… 30

Абубакирова Л. Ф. О первоисточнике и переводчике церковного текста XIX в. на башкирский язык..... 32

Алиева С. А. Антонимы в антропоцентрических пословицах..... 35

Алишина Х.Ч. Серия топонимов класса “рыболовство” в тоболо-иртышском диалекте сибирских татар..... 38

Амрахова Ф. А. Коммуникативные особенности зложеланий..... 41

Арзамазова О. А. Наименования комолой (безрогой) коровы в удмуртских диалектах..... 43

Аплонова Е. Разработка мультимедийного корпуса традиционных башкирских нарративов..... 46

Атабаева Н. Е. Концепт «гостеприимство» в русской и казахской лингвокультурах..... 50

Ахмадиева Н. В. Проблемы функционирования башкирского языка во второй половине XX века (на примере Башкирии)..... 52

Ашимбаева Н. М., Лесхан А. А., Кордабай Б. К. Этнолингвистическое осмысление в творчестве Ахмета Байтурсынова..... 55

Бальжинимаева Б.Д., Ганчимэг Л. Названия узлов и плетений в современном монгольском и бурятском языках..... 60

Баянова А. Т., Манджикова Л. Б. О сочинении студента Казанской духовной академии иеромонаха Викентия (Буланова) «Опыт сравнительного терминологического монголо-калмыцкого словаря»..... 62

Бессонова Ю. А., Бессонов М. П. Информационные технологии в обучении языкам..... 65

Бисенгали А. З. Языковые соответствия новых словоупотреблений в казахском и турецком языках 67

Борисова Н. М. Этнокультурные символы народа Саха как культурная ценность (по материалам региональных интернет-изданий)..... 70

Боргояков С. А. Модернизация этноязыкового образования в условиях реализации образовательных стандартов нового поколения..... 73

Букринская И. А., Кармакова О.Е. Лексическое своеобразие среднерусских говоров..... 76

Булгаков Р. М. Диалектологическая систематика в башкирском языке 1920-х годов..... 79

Бускунбаева Л. А., Сулейманова Р. А. Вклад Зиннура Газизовича Ураксина в развитие лингвистической науки Республики Башкортостан 82

Валиева М. Р. Морфологические особенности караидельского говора 85

Васильева О. В. Этнолингвистические сведения в Псковском областном словаре с историческими данными..... 90

Велизаде Н. Анализ стихотворения Микаила Мушфига «Пой, тар»..... 93

Воропаев Н. Н. Диалекты Китая: аспекты культуры и общества..... 95

Гайсина Ф. Ф. Особенности и терминология свадебного обряда башкир мурзаларского и тырнаклинского рода (на примере Салаватского района) 98

Гайсина Ф. Ф. Творческий путь учёного-языковеда С.Г.Сабирьяновой (вклад ученого в изучение башкирского языка и диалектологии).. 101

Гайсина Ф. Ф., Сабирьянова С. Г. Вклад У. М. Яруллиной в изучение башкирского языка и диалектологии…… 104

Ганеева Г. Г. Говор башкир бассейна Сакмар в романе М. Абсалямова «Хальфа» …… 106

Гарифуллина Э. Ф., Юсупова Н. М. Критическое начало в современных татарских поэмах..... 109

Гасанова Н. Э. Общеупотребительная лексика и медицинская терминология 111

Гафарова В. Р., Хакимов Б. Э. Разметка именованных сущностей в текстах на татарском языке..... 113

Городилова М. Р. Названия подбрюшника в удмуртских диалектах..... 116

Горяева Б. Б. Мотив волшебного помощника в калмыцких сказках на сюжет AT 513 «Чудесные
искусники»..... 119

Гусейнова С. Р. Смыслообразование и семантические показатели в сложноподчиненных предложениях в азербайджанском языке..... 121

Дарвишов И. У. Лингвистические отношения между этносами (на примере говоров юго-западного Намангана)..... 124

Даутова Р. А. Жанр загадки в фольклоре пермских башкир (по материалам экспедиций 1963 и 2019 гг.) 128

Денмухаметова Э. Н. Проблемы синонимии в переводоведении..... 131

Джаманкулова К. Т. Социолингвистика: социальная дифференциация языков..... 134

Дьяконова А.А., Прокопьева А. К. Концепт *табыллыы* 'удача' в якутской лингвокультуре (по материалам диалектологических словарей) 138

Ершова Н. И. Семантическая классификация названий составных частей и деталей одежды в русских говорах Мордовии..... 141

Есебаев М. М. Каракалпакская лиро-эпическая поэма «Гарип-ашык»: её генезис, эволюция и исторические источники..... 144

Жампейис К. М. Речевая коммуникация: диалект и язык..... 146

Жамсаранова Р. Г. Антропонимический субстрат именника хори-бурят тюркоязычного происхождения..... 149

Жанабаев А. Т. О диалектных словах чимбайского говора..... 152

Зинурова Р. Р. Образ коня в башкирской богатырской сказке 154

Ибрагимова З. Ю. Диалектная лексика сельскохозяйственных терминов узбекских говоров Каракалпакстана..... 157

Ипакова М. Т. Новое в изучении марийских темпоральных наречий..... 159

Исаева Н. Ш. Теоретические предпосылки сопоставительного анализа русской и азербайджанской фразеологии..... 161

Исламова Ю. В. Очерк И. И. Неклепаева «Поверья и обычаи Сургутского края» как источник диалектной лексикографии..... 163

Ишкильдина Л. К. Вопросник по фонетике караидельского говора северо-западного диалекта башкирского языка..... 166

Ишмухаметова А. Ш. Вклад Минсылу Губайтовны Усмановой в развитие башкирского языка..... 170

Ишмухаметова А. Ш. Использование материалов диалектологической базы Машинного фонда башкирского языка в изучении народных названий лекарственных растений 172

Кадирова Э. Х., Валиева М. З. Синонимы как стилистическое средство в старотатарском литературном языке..... 177

Каримова Г. Р. Ученый-языковед и лексикограф З. Г. Уразбаева..... 180

Каскинова Г. Н. Роль фольклорно-диалектологических экспедиций в преподавании башкирского языка и литературы в условиях северо-западного диалекта..... 182

Кириллова З. Н. Кряшены как особая группа татар..... 184

Козиева И. К. Из истории изучения узбекской антропонимики..... 186

Копбаева М. Р. Использование коммуникативных типов предикативных фразеологизмов в казахском языке..... 188

Кошелюк Н. А. О диалектной принадлежности архивного мансийского словаря протоиерея Симеона Черкалова (1783)..... 191

Куканова В. В. Система гласных фонем в фонологической транскрипции сказок в записи Г. Й. Рамстедта (1903–1904 гг.)..... 195

Латыпов Ф. Р. Тюркские корневые основы некоторых глосс мессапского языка..... 199

Магомедов Д. М. Актуальные проблемы синтаксиса диалектов аварского языка..... 202

Максимова О. А. Категории буддийской лексики и терминологии в канонической литературе (на материале джатаки «Король нагов») 204

Манджиева З. И. К истории создания «Дунсянско-китайского словаря» 207

Махмудов А. Р. Гайнинские башкиры: прошлое и настоящее..... 209

Махмудов М. А. Корпусная лингвистика в контексте проблем искусственного интеллекта..... 211

Мигранова Э. В. О методах и подходах в исследовании традиций питания..... 214

Мирзаева С. В. К характеристике переводческой техники Зая-пандиты Намкай Джамцо (на материале “Сутры о восьми светоносных неба и земли”) 218

Москалевич Г. Н. Ономастика и антропонимы в лексико-семантической системе языка..... 220

Мугтасимова Г. Р. Диалектная лексика татарских паремий как источник этнокультурной информации..... 223

Музраева Д. Н. К изучению лексических особенностей монгольских переводов «Сутры о мудрости и глупости»..... 225

Муманжинова Н.С., Бадмаавачиг Монхоцэцэг Соотношение функций калмыцкого и русского языков в современном дискурсе……...…… 227

Мустафаев Ф. Н. О языке кино и актерской речи..... 229

Мухатаева А. Ж. Снаряжения и их реквизиты (по материалам казахского эпоса) 232

Мухтаров Т. Г. Русские заимствования в речи рабочих-башкир горной промышленности первой трети XX века (на материалах лингвистических экспедиций 1930-х гг.) 235

Мызникова Я. В. Лексика тюркского происхождения в русских говорах Симбирского Заволжья..... 238

Нагиева Т. А. Морфологические особенности глагольных словосочетаний в памятниках Тюркского каганата..... 241

Надршина Ф. А. Фольклорные и языковые материалы в полевых записях З. Биишевой (по материалам Научного архива УФИЦ РАН). 244

Никитевич А. В. Слова-отнумеративы в русских и белорусских говорах. Мотивация словом один (адзін) 249

Николаев Е. Р. Масти коровы (на материале диалектологических словарей якутского языка) 252

Новгородов И. Н. Устойчивый словарный фонд и некоторые особенности языка телеутов..... 255

Нурмухаметова Р. С. Названия пищи в современном татарском языке..... 258

Пилипак М. А. Интерьер жилища украинцев Республики Башкортостан: к проблеме исследования традиционной лексики..... 261

Пирниязова А. К., Жанабае А. Т. Сравнительный анализ лексемы жылқы ‘лошадь’ в каракалпакском языке..... 263

*Псянчина М. Т.*Формирование этнокультурной компетенции на уроках башкирского языка (на материале башкирских и английских пословиц)..... 265

Сабирьянова С. Г. Мелодия родного языка..... 267

Сабирьянова С. Г. Наука – дело всей жизни (посвящается светлой памяти языковедов У. Ф. Надыргулова и М. И. Дильмухаметова) 270

Садыков Т., Шерова А. К. Фоностатистика ауслаутных согласных в тексте эпоса «Манас»..... 273

Салихов А. Г. Востоковед Фаниль Нафикович Баишев..... 277

Салихов А. Г. Об истории башкирского языка на основе материалов газеты «Башкортостан хэбэрлэре» («Известия Башкирии»)... 279

Самситова Л. Х., Сагынбек И. Ж. Придаточные предложения образа действия в башкирском и казахском языках..... 282

Семенов В. Г. Названия охотника в диалектах удмуртского языка..... 284

Сибгаева Ф. Р. Фразеологизмы-эвфемизмы, обозначающие физические и психические характеристики человека в татарском языке..... 287

Сиражитдинова Н. М. О географических названиях в “Бурзянской энциклопедии..... 289

Сиразитдинов З. А. О базах данных по материалам башкирских диалектов 291

Сиразитдинова В. М. Опыт использования корпусов башкирского языка в изучении пословиц и поговорок в начальных классах..... 296

Соегов М. Вопрос об опорных диалектах средневековых тюркских письменных литературных языков 300

Сулайманова Х. Х. Система контроля – основное направление оценивания знаний учащихся..... 302

Сулейманова Д. Д. Фонетико-семантическая группа ‘небо’ в татарском и баскском языках..... 304

Суровцева Е. В. Жития священномученика Серафима (Звездинского) в контексте современных житий новомучеников и исповедников..... 307

Сэфэрли А. История изучения диалектов азербайджанского языка..... 310

Теуш О. А. Магическое пространство уральского дома в традиционной уральской языковой культуре..... 315

Турдалиева Э. Д. Морфологические особенности произведений Д. Исабекова..... 318

Усманова М. Г. Башкирский общенародный язык и его грамматика (на примере изъявительного наклонения глаголов)..... 321

Файзуллина Г. Ч., Кадирова Э.Х. Личные имена в русских и татарских деловых документах Тобольской губернии (вторая половина XIX века) 326

Хакимов Б. Э., Шаехов М. Р. Проблема эквивалентности параллельных предложений в тестовом корпусе для русско-татарского машинного переводчика..... 329

Хакимьянова А. М. О состоянии бытования башкирских такмаков в современных условиях..... 332

Хакназаров С.Х. О функционировании родных языков коренных народов севера: на примере Кондинского района ХМАО – Югры..... 337

Ханинова Р. М. Жанр йорял в лирике Санджи Каляева..... 340

Хисамитдинова Ф. Г. К этимологии башкирских лексем *ҡуласа* и *ҡулса*..... 342

Хожабаева Д. Т. Концепт “женщина” в каракалпакских пословицах..... 345

Хурибаева Э. Г. Названия орудий земледелия в лексике кыргызского языка..... 348

Хурибаева Э.Г., Жалилова Н.К. Названия злаков и продуктов питания из них в тюркских языках..... 351

Хурибаева Э. Г., Женалиева З. А. Исследование форм прошедшего времени глагола в трудах первого кыргызского профессора Касыма Тыныстанова 353

*Хусаинова Г. Р.*Духовное наследие башкир Салаватского района (по материалам экспедиции 2018 года)..... 355

Шаляпина А. А. Применение метода формантного анализа для определения родственных отношений..... 358

Шамсутдинова Г. Г. О квантитативно-стилистических характеристиках лексических групп башкирского народного эпоса «Кузыйкурпяс и Маянхылыу» 361

Шота К. Н. Диалектизмы в казахском языке..... 364

Шота К.Н., Амангелдиева Г.А. Прикладное искусство и национальная педагогика (этнолингвистический анализ)..... 368

Шота К. Н., Косназарова С. Д. Песня – душа народа..... 371

Штукарева Е. Б., Чушникова Н. В. Синонимические отношения в лексико-семантической группе глаголов, обозначающих перемещение субъекта в пространстве (на материале русских говоров на территории Мордовии)..... 375

Шуленбаев Н. К., Ескендир Ж. Е. Проблемы перевода терминов..... 377

Экба З. Н., Каримова Р. Н. Диалектная лексика в работах А. Г. Бессонова, посвященных башкирскому языку..... 381

Юнусова Ф. Б. Своеобразие поэзии Рашита Шакура..... 385

Юсупова А. Ш. Этнографизмы в татарско-русских словарях XIX века..... 388

Юсупова Н. М., Юсупов А. Ф. Образ-символ в системе номинаций: постановка проблемы..... 391

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РОССИИ

Сборник материалов
XIX Международной научной конференции
(г. Уфа, 2–3 июня 2022 г.)

Отв. ред.: **З. Я. Рахматуллина**
Составитель: **Л. А. Бускунбаева**
Сборник публикуется в авторской редакции
Компьютерная верстка: **Р. Н. Каримова**

Подписано в печать 04.07.2022 г. Формат 60x84/8.
Усл. печ.л.48,51. Уч.-изд.л. 44,44. Изд. № 2.
Тираж 300 экз. (1-й завод – 48 экз.). Заказ 5.

Отпечатано на множительном участке ИИЯЛ УФИЦ РАН
450054, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 71. Тел.: (347) 235-60-50